

С.А. Нефедов
ФАКТОРНЫЙ
АНАЛИЗ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ТРАДИЦИОННЫХ
ОБЩЕСТВ ВОСТОКА

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

С.А. Нефедов

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Исторический опыт
традиционных обществ
Востока

*Книга рекомендована к печати Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН*

«Академический проект»

Москва, 2019

УДК 94
ББК 63.3(0)
Н 58

Ответственный редактор
академик РАН В.В. Алексеев

Рецензенты:

А.В. Коротаев — доктор исторических наук, г. н. с., профессор;
Н.Н. Крадин — доктор исторических наук, г. н. с., профессор

Нефедов С.А.

Н 58 Факторный анализ исторического процесса. Исторический опыт традиционных обществ Востока. — М.: Академический проект, 2019. — 675 с. — (Технологии истории).

ISBN 978-5-8291-2290-4

Книга посвящена исследованию причинной обусловленности событий прошлого, факторному анализу исторического процесса. Реальный механизм действия таких факторов прослежен лишь в нескольких случаях. Это демографические колебания, технические новации, а также внешние влияния, включающие в себя войны. Особое место занимает географический фактор, который формируется в разных по природным условиям регионах общества, глубоко отличающихся в хозяйственном и культурном отношении. На основании комплексного анализа этих факторов возникает возможность проследить, как именно проявлялось их действие в конкретной истории, объяснить многие исторические процессы и события. В этой книге прослеживается исторический процесс традиционных обществ Востока и отслеживаются те явления, которые могут быть интерпретированы как результат воздействия перечисленных выше движущих сил истории.

Автор пытается понять, достаточно ли этих факторов для объяснения основных моментов развития стран Востока, и указать на те явления, которые, возможно, не находят объяснения при таком подходе

Издание адресовано специалистам-историкам, аспирантам и студентам вузов.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-8291-2290-4

© Нефедов С.А., 2018
© Оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2019

Глава 1. Факторы исторического процесса

1.1. Движущие силы истории

Идея факторного анализа исторического процесса подразумевает изучение влияния на этот процесс основных действующих факторов — движущих сил истории. Вопрос о движущих силах исторического процесса — одна из вечных тем, занимавшая умы многих исследователей. В своих трудах историки пытались показать механизм действия отдельных факторов, и многочисленные попытки такого рода привели к появлению обширной литературы, посвященной этому предмету. Роль некоторых факторов трудна для анализа, действие других оказалось слишком неопределенным, в конечном счете путем «естественного отбора» сложился комплекс факторов, систематический характер действия которых удалось проследить на массовом историческом материале. В современных учебниках социальной философии часто выделяют четыре фактора: географический, демографический, экономический и технологический, а концепции, описывающие их действие, носят название, соответственно, географического, демографического, экономического и технологического детерминизма¹. Каждая концепция включает в себя группу теорий, разработанных разными авторами и делающих подчас акцент на различных проявлениях одного и того же фактора, но в целом признающих его определяющую роль. Концепция географического детерминизма описывает воздействие природных условий на сложение земледельческих и кочевых обществ, а также те перемены, которые иногда влекло за собой изменение климата. Развитие этой концепции было связано с работами Э. Реклю, Ф. Ратцеля, К. Витфогеля и многих других исследователей. Концепция демографического детерминизма сфокусирована на тех изменениях, которые влекут за собой рост или уменьшение населения; ее родоначальником считается Т. Мальтус. Развитие экономического детерминизма было связано с распространением марксизма, основной тезис которого сводился к тому, что общественные отношения определяются уровнем развития производительных сил. Наконец, концепция технологического детерминизма подчеркивает важную роль техники и то влияние, которое технологические революции оказывают на жизнь людей.

Необходимо отметить, что этот комплекс факторов сложился исторически, по мере развития социологии, и перечисленные здесь факторы не являются независимыми. В действительности марксистское понимание производительных сил учитывает прежде всего уровень техники и техно-

логии, поэтому экономический фактор является производным от технического фактора. В этом контексте распространившиеся в XIX веке теории экономического детерминизма принадлежат к появившемуся позже более широкому классу теорий технологического детерминизма, и их выделение объясняется лишь историографической традицией.

Кроме того, указанный комплекс из четырех (а фактически из трех) факторов не является устоявшимся и дополняется в некоторых работах — в том числе в исследованиях известного философа А.Е. Гринина² — еще одним фактором — фактором внешних влияний. Этот фактор включает в себя влияние на конкретное общество войн, торговли и различных внешних заимствований. И.В. Побережников³ особо выделяет роль диффузии инноваций, а А.В. Коротаев⁴ — «изменение внешней социальной среды»; оба эти явления можно рассматривать как частные случаи внешних влияний. Иногда исследователи упоминают и другие факторы, однако фактически число рассматриваемых факторов ограничивается наличием эффективных теорий, которые описывали бы их действие в изучаемых нами обществах. Рассмотрению этих теорий и посвящена данная глава.

1.2. Роль демографического фактора. Демографически-структурная теория

Изучению роли демографического фактора в историческом процессе посвящена обширная литература, поэтому мы ограничимся здесь лишь краткими тезисами⁵. Начало исследования проблемы влияния роста населения на жизнь общества связано с именем основателя демографической науки Томаса Роберта Мальтуса. Как известно, главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено *средствами существования*»⁶. Поэтому рост населения приводит к нехватке продуктов питания, что отражается в развитых обществах в росте цен и ренты, в падении реальной заработной платы и в уменьшении потребления низших классов. Уменьшение потребления, в свою очередь, влечет замедление роста, а затем его приостановку и сокращение населения до уровня, определяемого средствами существования (или ниже его). Пищи теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, потребление увеличивается — но затем процесс повторяется: «возобновляются прежние колебания то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения»⁷.

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (А. Смит, Ж.Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикарди-

анской⁸. Важно отметить, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, то есть о *демографических циклах*. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом (рис. 1).

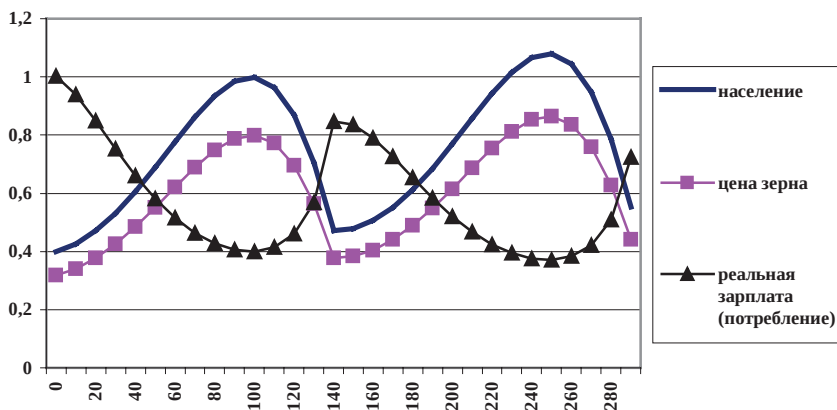

Рис. 1. Демографические циклы по теории Мальтуса-Рикардо: рост населения вызывает рост цен и рент и падение реальной заработной платы и потребления.

Когда потребление становится ниже прожиточного минимума, начинается кризис и численность населения снижается, цены падают, потребление возрастает. Затем цикл повторится

В 1934 году немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период роста цен в XIII — начале XIV века, сменившийся затем падением цен в XV веке и новым ростом в XVI — начале XVII века. При этом повышение цен сопровождалось падением заработной платы и относительным ростом населения; периоды падения цен и роста заработной платы, наоборот, соответствовали периодам уменьшения численности населения⁹. В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям теории Рикардо; таким образом, было доказано существование демографических циклов в истории Европы.

Работы В. Абеля нашли широкий отклик в среде историков разных стран. Тема мальтузианской цикличности демографических и экономических процессов в Европе нашла подробное отражение в трудах М. Постана, Б. Сливхера ван Бата, Р. Мунье, К. Чиппола, Д. Гласса, Д. Эверслея и других авторов¹⁰. Большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности, работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню¹¹.

В 1967 году вышел в свет первый том фундаментального труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках»¹².

«Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, — писал Фернан Бродель, — это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет — но не до конца! — вторые. *В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным...*»^{*} Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, которыми оно располагает, изменились... Возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается — а в прошлом неизменно заканчивалась тем, что возможности общества прокормить людей оказывались недостаточными. Эта истина, бывшая банальной вплоть до XVIII века, и сегодня еще действительна для некоторых отсталых стран... Демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают... число недоедающих нищих и бродяг. Эпидемии и голод — последний предшествует первым и сопутствует им — восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостающим питанием... Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 год, еще один с 1450 по 1650, и еще один, за которым уже не суждено было последовать спаду — с 1750 года. Таким образом, мы имеем три больших периода демографического роста, сравнимые друг с другом... Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы, и примерно в то же время Китай и Индия переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как если бы вся человеческая история подчинялась велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная история была истиной второстепенной»¹³.

Таким образом, Ф. Бродель утверждал, что Восток колебался в ритме демографических циклов синхронно Западу. Основанием для этого утверждения было обнаружение турецким историком О. Барканом демографического цикла в Османской империи, синхронного европейскому циклу конца XV — начала XVII века¹⁴. Однако Р. Кэмерон подвергал критике этот тезис Ф. Броделя, указывая на недостаток исследований по этой тематике¹⁵. До сравнительно недавнего времени изучение этого вопроса ограничивалось работами израильского ученого Елеаху Аштора, исследовавшего циклы цен и заработной платы на Ближнем Востоке в раннее Средневековье¹⁶, а также несколькими исследованиями, с разной степенью детализации, рассматривавшими демографические циклы в Китае¹⁷.

^{*} Здесь и далее, если это особо не оговаривается, выделение курсивом принадлежит автору книги.

В 70–80-е годы XX века учение о демографических циклах получило общее название «неомальтузианство», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы демографическими, логистическими, общими, аграрными, вековыми, экологическими, подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо. Мальтусовский термин «средства существования» в современной терминологии стал трактоваться как вмещающая емкость экологической ниши (*carring capacity*). Это понятие включает территорию и объем ресурсов, находящихся в распоряжении данного общества. Емкость экологической ниши, очевидно, зависит от технологии (в частности, от сельскохозяйственной технологии); технические открытия могут приводить к расширению экологической ниши, поэтому демографическая динамика определяется не только внутренними циклическими закономерностями, но и влиянием *технологического фактора*. Это влияние менее существенно для изучаемого нами традиционного общества, но сказывается в современных развивающихся странах, где черты прошлого переплетаются с процессами модернизации. Проблема аграрного перенаселения в развивающихся странах была одной из важных практических тем, рассматривавшихся теоретиками неомальтузианства. В частности, в капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и в XVII веках, исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах третьего мира¹⁸.

Новый этап в развитии концепции демографических циклов был связан с появлением демографически-структурной теории Джека Голдстоуна¹⁹, получившей дальнейшее развитие в монографии П. Турчина и С.А. Нефедова²⁰. В то время как мальтузианская теория рассматривала динамику населения в целом, демографически-структурная теория рассматривает структуру — народ, государство и элиту, анализируя взаимодействие элементов этой структуры в условиях роста населения. При этом динамика народа описывается так же, как динамика населения в неомальтузианской теории. Новым теоретическим элементом является анализ влияния демографического роста на элиту и государство. Демографический рост *элиты* в условиях ограниченности ресурсов влечет за собой дробление поместий и оскудение части элиты. Элита начинает проявлять недовольство и усиливает давление на народ и на государство с целью перераспределения ресурсов в свою пользу. Кроме того, в рядах элиты усиливается дифференциация и фрагментация, отдельные недовольные группировки элиты в борьбе с государством обращаются за помощью к народу и пытаются инициировать народные восстания²¹.

Для *государства* рост населения и цен оборачивается падением реальных доходов. Властям становится все труднее собирать налоги с беднеющего населения, это приводит к финансовому кризису государства, который развивается на фоне голода, народных восстаний и заговоров элиты. Все эти обстоятельства в конечном счете приводят к революциям и к краху (брейкдауну) государства²².

Демографически-структурная теория уделяет особое внимание так называемым *трансформациям структуры* «государство–элита–народ». Трансформация структуры — это качественное изменение элементов, составляющих структуру, а также изменение принципов их взаимодействия (например, установление крепостного права). Трансформации структуры приводят к особо масштабному перераспределению ресурсов, которое иногда порождает социальные кризисы (мы будем называть эти кризисы структурно-демографическими или просто *структурными*²³). В некоторых случаях трансформации структуры и структурные кризисы могут быть объяснены в рамках демографически-структурной теории — но не всегда. Поэтому в этом пункте (так же как в вопросе о расширении экологической ниши) возникает необходимость рассмотрения роли других, недемографических факторов в механизме демографического цикла. Это те «точки входа», через которые демографически-структурная теория сопрягается с теориями, описывающими влияние других рассматриваемых ниже факторов.

Мальтузианское описание демографического цикла подразумевает естественное деление демографического цикла на фазы, характеризующиеся различной динамикой населения, цен и реальной заработной платы. Опираясь на исследования Э. Ле Руа Ладюри, Д. Григга и Дж. Голдстоуна²⁴, можно привести следующее описание фаз демографического цикла²⁵:

Для *фазы роста* (или *фазы восстановления* после предшествующего кризиса) характерны следующие явления: наличие свободных земель, удобных для возделывания; быстрый рост населения; рост посевных площадей; в начале периода — низкие цены на хлеб; тенденция к постепенному росту цен; высокая реальная заработная плата и относительно высокий уровень потребления, но при этом тенденция к постепенному понижению реальной заработной платы и уровня потребления; низкий уровень земельной ренты; тенденция к постепенному повышению уровня ренты; относительно низкий уровень государственной ренты (налогов); строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений; относительно ограниченное развитие городов; относительно ограниченное развитие ремесел; незначительное развитие аренды, незначительное развитие ростовщичества.

Для *фазы сжатия* характерны: отсутствие доступных крестьянам свободных земель; крестьянское малоземелье; высокие цены на хлеб;

низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения; демографический рост, ограниченный ростом урожайности; высокий уровень земельной ренты; частые голодные годы; частые эпидемии; разорение крестьян-собственников; рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества; распространение аренды; высокие цены на землю; рост крупного землевладения; уход части разоренных крестьян в города; попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей; быстрый рост городов; развитие ремесел и торговли; рост числа безработных и нищих; активизация народных движений под лозунгами уменьшения земельной ренты, налогов, передела собственности и социальной справедливости; попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа; попытки увеличения продуктивности земель; переселенческое движение на окраины и развитие эмиграции; ввоз продовольствия из других стран (или районов); попытки расширить территорию путем завоеваний; непропорциональный (относительно численности населения) рост численности элиты; фрагментация элиты; борьба за статусные позиции в среде элиты; ослабление официальной идеологии и распространение диссидентских течений, обострение борьбы за ресурсы между элитой и государством; попытки оппозиционных государству фракций элиты поднять народ на восстание или их присоединение к народным восстаниям; финансовый кризис государства, связанный с ростом цен и неплатежеспособностью населения.

Экономическая ситуация в этот период неустойчива, у многих крестьян отсутствуют необходимые запасы зерна, и любой крупный неурожай или война могут привести к голоду и экосоциальному кризису. «Экономика предельно напряженная», — писал П. Шоню²⁶.

Для *фазы экосоциального кризиса* характерны: голод, принимающий широкие масштабы; широкомасштабные эпидемии; в конечном итоге — гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы; государственное банкротство; потеря административной управляемости; широкомасштабные восстания и гражданские войны; брейкдаун — разрушение государства; внешние войны; разрушение или запустение многих городов; упадок ремесел; упадок торговли; очень высокие цены на хлеб; низкие цены на землю; гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности; социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции, порождающей этатистскую монархию — автократию, практикующую государственное регулирование и не допускающую развития крупной частной собственности.

Перечисленные здесь явления характерны для соответствующей фазы демографического цикла в том смысле, что из теории вытекает, что они

с высокой степенью вероятности должны наблюдаться в этой фазе. Поэтому при анализе истории конкретной страны необходимо проверить, наблюдаются ли в соответствующий период указанные явления. Если они наблюдаются, то появляется возможность объяснить их, исходя из демографически-структурной теории. Если же они не наблюдаются, то причины этой аномалии должны быть проанализированы особо. Большое количество аномалий, естественно, ставит под сомнение вопрос о том, что данный период можно рассматривать как демографический цикл.

Необходимо отметить, что в своем «классическом» виде демографически-структурная теория не акцентирует внимания на различиях в протекании демографического цикла в государствах, имеющих различные формы правления и системы собственности. Между тем очевидно, что этот процесс должен иметь свои особенности в основанных на частном землевладении демократических или олигархических республиках и в этатистских монархиях с преобладанием государственной собственности. Очевидно, что в последнем случае такой типичный для фазы сжатия процесс, как распространение крупного землевладения, предполагает ослабление этатистской монархии и потерю ее регулирующих функций. И лишь затем, на последних этапах сжатия, под действием народных движений может проявиться новая этатистская тенденция, направленная на ограничение крупного землевладения. Таким образом, возникает необходимость в уточнении и в большей конкретизации признаков фаз демографического цикла для государств с разными формами собственности. Мы вернемся к этому вопросу при рассмотрении конкретных демографических циклов в последующих главах.

Продолжительность демографического цикла, естественно, зависит от масштабов предшествующей демографической катастрофы и от темпов роста населения. В распоряжении историка имеются лишь немногие данные для того, чтобы оценить темп роста населения в традиционном обществе. По материалам китайских переписей можно, в частности, установить, что в эпоху Тан (650–733) население росло со скоростью 0,89 % в год, а в начале эпохи Цин (1675–1753) со скоростью 0,91 %²⁷. Если в результате катастрофы население сократилось вдвое, то для его восстановления при таких темпах роста потребуется примерно 80 лет, а продолжительность демографического цикла (вместе с фазой сжатия) будет составлять 100–150 лет. Если же в результате предшествующего кризиса население сократилось на 10 %, то сжатие вернется уже через 12 лет. С другой стороны, увеличение потребления в результате сокращения населения на 10 % не может быть значительным, и будет воспринято народом лишь как небольшое и кратковременное облегчение тягот. Таким образом, было бы естественно рассматривать маломасштабный кризис (голод, эпидемию или войну, уносящую до 10 % населения) не как начало

нового цикла, а как *промежуточный кризис*, удлиняющий период сжатия в предшествующем цикле.

Экосоциальный кризис часто вызывает разрушение государства и может стать началом длительного периода социальной нестабильности, в течение которого периодически возобновляющиеся внутренние и внешние войны сопровождаются разрухой, голодом и эпидемиями. Такое состояние посткризисной депрессии препятствует возобновлению роста населения в следующем демографическом цикле, и этот период называют *интерциклом*. П. Турчин на материале Англии, Китая и Римской империи установил наличие тесной статистической связи между коэффициентом естественного прироста и индексом социальной нестабильности²⁸. Таким образом, можно утверждать, что задержка в возобновлении роста населения (несмотря на повышение потребления после кризиса) непосредственно связана с внутренними и внешними войнами, мятежами и восстаниями, которые являются более или менее отдаленными последствиями экосоциального кризиса, нарушившего стабильное состояние государства. В период интерцикла внутреннее развитие уже не определяется демографическим фактором и в значительной мере зависит от случайных обстоятельств протекания военных конфликтов.

В последние годы изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-математических моделей. Это новое направление исследования представлено, в том числе, в работах Дж. Комлоса, П. Турчина, А.В. Коротаева, Д.А. Халтуриной, С.Ю. и А.С. Малковых, С.В. Циреля, С.А. Нефедова²⁹. Математическое моделирование помогает, в частности, оценить влияние на ход демографического цикла *кратковременных климатических колебаний*, неурожаяев, стихийных бедствий. Оно показывает, что в фазе роста крестьяне имеют достаточные запасы зерна и колебания урожайности в этот период не могут привести к катастрофе. Однако в последующий период перенаселения такие запасы отсутствуют, что делает экономическую систему неустойчивой. В этих условиях большой неурожай, нарушающие хозяйственную жизнь эпидемии или вторжения врагов должны рано или поздно привести к драматическим последствиям³⁰. Д. Григг отмечает, что неурожайи и пандемии бывали во все времена, но они оказывались катастрофическими лишь в периоды перенаселения, когда население не имело запасов продовольствия и было ослаблено постоянным недоеданием, то есть случайные факторы лишь усиливали эффект перенаселения³¹.

Что касается роли долговременных климатических колебаний, то необходимо отметить, что одно время имели место попытки объяснить механизм демографического цикла чередованием периодов похолодания и потепления. Автором теории определяющей роли климатического фактора в экономических и демографических процессах является шведский

историк Густав Уттерстрем. В 1955 году Уттерстрем опубликовал обстоятельное исследование³², в котором пытался доказать, что существовали вековые колебания климата, которые привели к кризисам XIV и XVII века. Э. Ле Руа Ладюри посвятил опровержению этого тезиса специальную работу³³, в которой показал, что катастрофы, пережитые человечеством в Средние века, не связаны с относительным похолоданием. В последнее время появились также и статистические исследования, подкрепляющие аргументацию Э. Ле Руа Ладюри³⁴.

В контексте теории демографических циклов также исследуется роль эпидемий. Известно, что эпидемии поражают прежде всего перенаселенные регионы, где миллионы людей ослаблены недоеданием, а огромные массы бедняков скапливаются в городах (отличающихся своими антисанитарными условиями)³⁵. Глобальная эпидемия вызывает *структурный кризис*: массы людей спасаются бегством из пораженных районов, поля остаются необработанными, следствием чего является голод. С другой стороны, резко падает сбор налогов, казна испытывает финансовый кризис; чиновники, не получая жалования, перестают исполнять свои обязанности или просто оказываются не в состоянии их исполнять. Если эпидемия продолжается недолго, если у населения есть значительные запасы хлеба, а у казны — запасы монеты, то кризис преодолим. Но если общество находится в фазе сжатия, если нет никаких запасов, то большая эпидемия порождает экосоциальный кризис и заканчивается демографической катастрофой.

1.3. Роль технологического фактора. Теория военной революции

Идея о том, что техника и технология определяют социальную структуру и общественные отношения, высказывалась многими историками и экономистами. Прежде всего, речь идет о роли технологических революций и великих, *фундаментальных*, открытий. Фундаментальные открытия — это открытия, позволяющие овладеть новыми ресурсами и возможностями, в современной терминологии это открытия, *расширяющие экологическую нишу* народа или государства и способствующие увеличению численности населения. Это могут быть достижения в области производства пищи, например, domestикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть *новое оружие* или новая военная тактика, позволяющие раздвинуть границы обитания за счет соседей. Это могут быть транспортные средства, позволяющие открыть и освоить новые земли. В качестве фундаментальных открытий можно рассматривать также новые технологии, способствующие достижениям в упомянутых выше областях, например, освоение

металлургии железа, с одной стороны, позволило создать железные топоры и плуги, облегчившие освоение целины, с другой стороны, сделало возможным появление нового оружия — железных мечей.

Очевидно, что технологический фактор непосредственно влияет на демографическую динамику и социальное развитие общества. С одной стороны, фундаментальные открытия расширяют экологическую нишу, с другой — они могут вызывать трансформации структуры «государство–элита–народ» и вызывать масштабное перераспределение ресурсов между элементами этой структуры.

Обычно отмечают две глобальные общественные трансформации, вызванные аграрной (неолитической) революцией, породившей традиционное общество земледельцев, и промышленной революцией, обусловившей переход от традиционного к индустриальному обществу. Что касается менее значимых трансформаций внутри традиционного общества, то их связывают в основном с военно-техническими достижениями, то есть с фундаментальными открытиями в военной сфере. В свое время Макс Вебер обратил внимание на то, что появление в Греции вооруженной железными мечами фаланги гоплитов привело к переходу власти в руки состоятельных граждан-землевладельцев³⁶. Аналогичным образом Линн Уайт и Брайан Даунинг объясняют становление феодализма появлением стремени, которое сделало всадника устойчивым в седле и обусловило господство на поле боя тяжеловооруженных рыцарей³⁷.

Отталкиваясь от этих положений, известный востоковед И.М. Дьяконов создал теорию военно-технологического детерминизма, в которой каждая фаза исторического развития характеризуется изменениями в военной технологии³⁸. Согласно этой теории там, где нет металлического оружия, не может быть классового общества, и первые две фазы развития соответствуют бесклассовому первобытному строю. Появление бронзового оружия открывает путь к переходу в третью фазу («ранняя древность») и к созданию примитивного классового общества. Распространение железного оружия вызывает переход к четвертой фазе («имперская древность»). В этой фазе появляются большие империи с регулярным налогообложением и развитой бюрократией. Пятая фаза — это Средневековье, в котором «воин на защищенном панцирем коне, сам закованный в броню... может обеспечить эксплуатацию крестьянина, который в предшествующую эпоху и поставлял основную массу воинов»³⁹. Появление огнестрельного оружия открывает шестую фазу — фазу «стабильно-абсолютистского постсредневековья»⁴⁰.

Близкую схему связи между военной техникой и политическим режимом обосновывает известный французский социолог Доминик Кола. На материале Древней Греции и Центральной Африки XVII–XIX веков он доказывает, в частности, что боевые колесницы в собственности госу-

дарства порождают деспотию, кавалерия, принадлежащая знати, — аристократию или выборную монархию, а огнестрельное оружие — централизованную власть⁴¹.

Необходимо, однако, отметить, что рассматриваемые здесь соответствия между типом вооружением и политическими режимами не являются жесткими и имеют скорее характер статистической зависимости. Существуют примеры, показывающие, что в отдельных случаях постулируемые связи нарушались. Это в первую очередь касается тезиса А. Уайт о том, что распространение стремени порождает рыцарство и феодализм. Этот тезис был обоснован на материале Европы, где проблема обеспечения всадников рыцарским вооружением решалась путем предоставления им (на условиях службы) земельных владений-бенефициев. Как было показано исследователями-востоковедами, в Китае государство, располагавшее развитой налоговой системой, предпочитало непосредственно оплачивать наемных кавалеристов из казны, не наделяя их бенефициями. Таким образом, в Китае (за исключением, быть может, маньчжурского периода) не существовало класса рыцарей-землевладельцев, характерного для европейского феодализма⁴².

Очевидно, последствия распространения тех или иных военно-технических достижений должны рассматриваться для каждой страны конкретно — это и является одной из задач данного исследования.

Наиболее разработанной из теорий технологического детерминизма является созданная Майклом Робертсом⁴³ теория военной революции. Эта теория до сих пор мало известна российской исторической общественности, поэтому будет уместно кратко изложить ее основные положения и выводы⁴⁴.

Основная идея М. Робертса состоит в том, что на протяжении последних трех тысячелетий в мире произошло несколько военных революций, каждая из которых была началом нового этапа истории. «Это — историческая банальность, — писал М. Робертс, — что революции в военной технике обычно приводили к широко разветвленным последствиям. Появление конных воинов (точнее, колесничих. — С. Н.)... в середине II тыс. до н. э., триумф тяжелой кавалерии, связанный с появлением стремени в IV веке христианской эры, научная революция в вооружениях в наши дни — все эти события признаются большими поворотными пунктами в истории человечества»⁴⁵.

М. Робертс подробно проанализировал лишь одну из военных революций — революцию середины XVII века. Эта революция была связана прежде всего с появлением легкой артиллерии. В прежние времена качество литья было плохим, и это вынуждало делать стенки ствола пушек настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя. Шведский король Густав Адольф (1611–1632)

осознал, какие перспективы открывает улучшение качества литья, и приступил к целенаправленным работам по созданию легкой полевой артиллерии. Эти работы продолжались более десяти лет, и в конце концов в 1629 году была создана легкая «полковая пушка», *regementsstycke*⁴⁶. «Полковую пушку» могла везти одна лошадь; два-три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты, и таким образом пехота получала постоянную огневую поддержку. Стенки ствола «полковой пушки» были настолько тонкими, что она не могла стрелять ядрами (секрет *regementsstycke* состоял в том, что это была первая пушка, предназначенная для стрельбы картечью — гаубица). Благодаря применению специальных патронов «полковая пушка» обладала невиданной скорострельностью: она делала до шести выстрелов в минуту и буквально засыпала противника картечью⁴⁷. «Это была фундаментальная инновация», — писал М. Робертс⁴⁸.

«Полковая пушка» стала «оружием победы» шведской армии в Тридцатилетней войне; каждому полку было придано несколько таких пушек. Создание «полковой пушки» и одновременное появление облегченных мушкетов вызвало революцию в военной тактике и стратегии. Происходит постепенный отказ от плотных боевых построений, «баталий» или «терций», и замена тактики пехотных колонн линейной тактикой⁴⁹.

После изобретения *regementsstycke* в руках Густава Адольфа оказалось новое оружие, но нужно было создать армию, которая смогла бы использовать это оружие. Швеция была маленькой и бедной страной, в 1623 году доход королевства составлял 1,6 млн рейхсталеров; на эти деньги можно было содержать не более 15 тысяч наемников. Естественный выход из финансовых затруднений состоял в использовании уникального шведского института — всеобщей воинской повинности. Густав Адольф упорядочил несение этой повинности, в армию стали призывать одного из десяти военнообязанных мужчин, и срок службы был установлен в 20 лет⁵⁰. В 1626–1630 годах Густав Адольф призвал в войска 50 тысяч рекрутов, таким образом, была создана *первая в Европе регулярная армия*. Однако финансовая проблема была решена лишь отчасти. Содержание постоянной армии требовало огромных затрат, и решающим шагом на пути решения финансовой проблемы стало проведение первого в Западной Европе земельного кадастра и введение поземельного налога, то есть радикальная налоговая реформа. Кроме того, Густав Адольф монополизировал торговлю солью и экспорт хлеба, положил начало практике составления точных бюджетов и начал чеканку медных денег с номинальной стоимостью⁵¹. Все эти меры означали *резкое перераспределение ресурсов в пользу государства*.

Введение новых налогов вызвало сопротивление шведских сословий, но в 1624 году Густаву Адольфу удалось преодолеть это сопротивление

и добиться вотиrowания основного налога (*landtagsgard*) на неопределенное время, таким образом, этот налог стал практически постоянным, и его сбор не зависел от согласия риксдага⁵².

Решение финансовой проблемы позволило Густаву Адольфу дополнить призывные контингенты наемниками и создать невиданную по тем временам 80-тысячную армию, вооруженную «полковыми пушками» и облегченными мушкетами⁵³. Создание регулярной армии породило *волну шведских завоеваний*. В 1630 году шведские войска высадились в Германии, а год спустя в битве при Брейтенфельде шведские пушки расстреляли армию императора Фердинанда II. К середине XVII века шведы стали хозяевами Центральной Европы, в своих походах шведские армии достигали южных областей Германии и Польши, и даже Украины.

Громкие победы шведской армии вызвали заимствование шведских военных и социальных инноваций, прежде всего в государствах, терпевших поражения в борьбе со Швецией: в германских княжествах (прежде всего в Бранденбурге), в империи Габсбургов, в Дании, в России. Государства, не сумевшие перенять оружия противника, как показывает опыт Польши, в конечном счете ждала гибель. Как полагает М. Робертс, военная революция изменила весь ход истории Европы. Появление регулярных армий потребовало увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означало огромное усиление центральной власти и становление режима, который Брайан Даунинг называет *«военно-бюрократическим абсолютизмом»*⁵⁴. Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм перераспределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение. Могущество средневековой рыцарской аристократии было основано на средневековой военной технике, на господстве рыцарской кавалерии. Военная революция лишила аристократию ее оружия; новое оружие стало оружием массовых армий, состоявших преимущественно из простолюдинов и руководимых абсолютными монархами. После военной революции дворянству приходится искать свое место в новой армии и в новом обществе, и абсолютизм указывает дворянству его новое положение — положение офицерства регулярной армии. Однако вместе с тем абсолютизм открывает дворянское сословие для офицеров-простолюдинов и вводит табели о рангах, определяющие порядок выдвижения не по знатности, а по заслугам⁵⁵.

С другой стороны, увеличение налогов означало новые и часто нестерпимые тяготы для населения, вызывало голод, всеобщее недовольство и восстания. Тридцатилетняя война, в ходе которой на поле боя впервые появились массовые армии, потребовала от государств огромного

увеличения военных расходов. Монархи оказывались вынужденными увеличивать налоги и нарушать привилегии сословий, что стало причиной Фронды, восстаний в Испании и Италии и других социальных движений, ассоциируемых с так называемым «кризисом XVII века»⁵⁶.

Таким образом, в ходе военной революции, во-первых, происходила *трансформация структуры* — государство превращалось в абсолютную монархию, оно усиливалось включением нового компонента — регулярной армии, прежнее элитное рыцарское ополчение теряло свою роль, а элита становилась в подчиненное положение к государству. Во-вторых, происходило масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства и в ущерб элите и народу, что часто приводило к *структурным кризисам*. Мы говорили выше, что демографически-структурная теория часто не может объяснить причины трансформаций структуры и последующих структурных кризисов, теперь мы видим, что по крайней мере часть таких кризисов объясняется через посредство теории военной революции. Таким образом, *теория военной революции представляет собой необходимый дополнительный инструмент при изучении исторического процесса с использованием демографически-структурной теории*.

Во второй половине XX века теория военной революции стала общепринятым инструментом при анализе социально-экономического развития различных стран Европы в раннее Новое время. Однако, как отмечал М. Робертс, военная революция XVII века была лишь одной из многих военных революций, и в принципе созданная им теория может распространяться и на ранние периоды истории. В контексте этого расширенного применения для нас важно прежде всего то обстоятельство, что теория М. Робертса показывает, что *создание постоянной профессиональной армии, находящейся на государственном содержании, влечет за собой трансформацию структуры, масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства и установление самодержавия*. Постоянная армия не впервые появилась в XVII веке, она существовала в некоторых государствах и ранее, иногда в достаточно отдаленные исторические эпохи. Поэтому, изучая трансформации структуры тех времен, необходимо иметь в виду отмеченные выше тенденции.

1.4. Роль фактора внешних влияний. Диффузионизм

Как отмечалось выше, внешние влияния могут быть многообразными: это прежде всего войны, торговля и культурное влияние, связанное с диффузией инноваций. Войны могут быть обусловлены перенаселением и недостатком ресурсов, так что внешние влияния оказываются отчасти производными от демографического фактора. С другой стороны, распро-

странение культурных инноваций связано с влиянием технологического фактора.

Процесс заимствования и распространения инноваций традиционно изучается в рамках концепции, именуемой *диффузионизмом*. Изучение диффузии культурных инноваций на основе анализа археологических артефактов — это традиционный культурно-исторический подход, распространенный метод работы археологов. «Мы находим некоторые категории остатков, — пишет Гордон Чайлд, — керамику, орудия труда, украшения, виды погребального обряда, формы жилищ, — постоянно встречающиеся вместе. Такой комплекс связанных признаков мы назовем “культурной группой” или просто “культурой”. Мы убеждены, что этот комплекс является материальным выражением того, что мы сегодня называли бы “народом”»⁵⁷. «Далее, — говорит известный российский археолог Л.Н. Корякова, — как правило, следует анализ изменений в терминах миграции. Одним из вопросов является вопрос о происхождении нового типа и связанной с ним группы населения. Тщательное изучение керамики на прилегающих территориях может гипотетически определить место ее происхождения и даже направление миграции. В противном случае, если эти аргументы покажутся неподходящими, можно искать параллели специфическим чертам культурных сочетаний в других местах. Если культурный комплекс не привязывается к какому-либо внешнему источнику, могут быть найдены некоторые связи... с какой-либо другой культурой. Если такие параллели находятся, археолог приведет доводы в пользу диффузии»⁵⁸.

Наиболее четко идеи диффузионизма сформулированы в так называемой *теории культурных кругов* — историко-этнологической концепции, весьма популярной в 20-х и 30-х годах XX столетия. Как известно, создатель этой концепции Фриц Гребнер считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением этих явлений из одного центра⁵⁹. Последователи Гребнера полагают, что важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь однажды и лишь в одном месте в результате *фундаментальных открытий* в технике и технологии. Эффект фундаментальных открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами. Используя это преимущество, народ-первооткрыватель подчиняет окружающие народы и передает им свою культуру. Таким образом, образуется *культурный круг* — область распространения данного фундаментального открытия и сопутствующих ему культурных элементов. С другой стороны, покоренные народы передают победителям элементы своей культуры, происходит сложный процесс *культурного и социального синтеза*, иногда прерываемый периодами *традиционалистской реакции*.

Таким образом, фактор внешних влияний в диффузионистской теории является производным от технологического фактора, по существу, эта теория описывает механизм влияния фундаментальных открытий на жизнь человеческого общества.

Как отмечалось выше, фундаментальные открытия, как правило, совершаются один раз и в одном месте. Теоретически, конечно, возможно, что фундаментальное открытие, породившее данный культурный круг, будет конвергентно повторено в другом месте, но в реальности вероятность такого события близка к нулю: быстрота распространения информации об открытии не оставляет времени для его независимого повторения. В традиционном обществе чаще всего в роли фундаментального открытия выступает новое оружие, которое порождает волну завоеваний. Распространение волны завоеваний связано с демографическими катастрофами; нашествие обрывает демографические циклы в завоеванных государствах, и социальный синтез происходит в фазе роста нового цикла.

Классическим примером волны завоеваний являются завоевания Александра Македонского, приведшие к образованию того культурного круга, который называют эллинистической цивилизацией. Можно перечислить многие элементы определявшего эту цивилизацию культурного комплекса, в этот комплекс входят стандартные образцы греческой архитектуры, такие как храмы, палестры и гимнасии, греческая керамика, монеты с греческими надписями, греческая одежда, характерные черты социальной организации полисов и клерухий и т. д. Однако главный элемент этого культурного круга, фундаментальное открытие, обусловившее его быстрое расширение, — это македонская фаланга; именно фаланга одерживала победы, прославившие Александра⁶⁰. Именно создание македонской фаланги выдвинуло на арену истории до того мало кому известный горный народ — македонян. Овладев культурными областями Греции, македоняне затем распространили греческую культуру по всему Ближнему Востоку, но, с другой стороны, в процессе социального синтеза завоеватели перенимали традиции покоренных народов, и это проявилось прежде всего в подражании Александра персидским царям. Перенимание персидских порядков вызвало в окружении царя традиционалистскую реакцию, а после смерти Александра — политический кризис и долгие войны диадохов. В конечном счете войны привели к масштабной демографической катастрофе и гибели значительной части населения Передней Азии.

Главным признанием могущества македонской фаланги было перенимание этого открытия противниками македонян, в частности Спартой⁶¹. Фундаментальное открытие — в данном случае новое оружие — дает в руки своих обладателей решающее преимущество, и, чтобы устоять перед их натиском, окружающие народы вынуждены поспешно перенимать

это оружие. Именно это обстоятельство — перенимание оружия противника — является свидетельством фундаментального характера данной военной инновации. Вместе с тем это перенимание является главной составляющей механизма диффузии: вслед за перениманием нового оружия перенимается тактика его использования и военная организация, которая часто является частью социальной организации (например, система клерухий или поместная система). В большинстве случаев перенимаются и сопровождающие фундаментальное открытие культурные элементы, такие как политические институты, одежда, обычаи и т. д., но формально это перенимание уже не является необходимым, и глубина этих заимствований свидетельствует о силе того давления, которое оказывает на соседей народ-первооткрыватель. Перед волной завоеваний движется волна диффузии: заимствуя новые культурные элементы, окружающие народы присоединяются к новому культурному кругу.

На дальних рубежах культурного круга заимствование может ограничиваться перенесением одного, главного, культурного элемента. В случае когда через множество посредников заимствуется лишь идея фундаментального открытия, например идея земледелия, установить факт диффузии археологически невозможно. Это привело, в частности, к тому, что многие археологи и этнографы придерживаются теории о самопроизвольной, независимой доместикации растений в различных культурных центрах⁶². При этом не учитывается то обстоятельство, что, как отмечалось выше, процесс диффузии идеи был относительно быстротечным. Например, диффузия металлургии железа с Ближнего Востока в Китай заняла около 200–300 лет, притом что речь идет о переносе не просто идеи, но сложного технологического процесса, подразумевающего перенимание технических навыков. По аналогии можно утверждать, что даже отдаленные племена Евразии должны были узнать о возможности доместикации растений через какие-нибудь два-три-четыре столетия, и времени на «самостоятельное» фундаментальное открытие было отпущено очень мало.

Таким образом, культурно-историческая школа представляет историю как динамичную картину распространения культурных кругов, порождаемых происходящими в разных странах фундаментальными открытиями. История отдельной страны в рамках этой концепции может быть представлена как история адаптации к набегающим с разных сторон культурным кругам, как история трансформации общества под воздействием внешних факторов, таких как нашествие, военная угроза или культурное влияние могущественных соседей. В исторической науке такие трансформации применительно к конкретным случаям обозначаются как эллинизация, романизация, исламизация, вестернизация и т. д.

Для темы нашего исследования чрезвычайно важно то обстоятельство, что трансформация общества под воздействием диффузионной волны

представляет собой трансформацию структуры «государство–элита–народ» и сопровождается перераспределением ресурсов в рамках этой структуры. Таким образом, некоторые трансформации структуры, необъяснимые с позиций демографически-структурной теории, могут быть объяснены через внешние диффузионные влияния.

Созданная почти столетие назад, теория культурных кругов прошла длительный путь развития; одно время она подвергалась критике, но затем авторитет теории был в целом восстановлен, и она до сих пор эффективно применяется как в археологии и этнографии, так и в исторической науке. Огромный вклад в распространение теории диффузионизма в отечественной науке принадлежит фундаментальным работам А.С. Васильева, одного из ведущих российских востоковедов⁶³. В настоящее время регулярно проводятся конференции, посвященные анализу процесса диффузии (прежде всего в области вооружения) на обширных пространствах Евразии⁶⁴.

Классическим изложением истории человечества с позиций диффузионизма является известная монография Уильяма Мак-Нила «Восхождение Запада»⁶⁵. Важно отметить, что У. Мак-Нил говорит о тех же военно-технических открытиях, что и М. Робертс: о изобретении боевой колесницы в середине II тысячелетия до н. э., о появлении стремян в IV веке и т. д. — и описывает вызванные этими военными революциями последствия и распространение порожденных ими волн завоеваний. Однако в «Восхождении Запада» У. Мак-Нил уделяет основное внимание процессу распространения инноваций и не объясняет, почему те или иные открытия в военной или производственной сфере повлекли определенные изменения в сфере социальной и политической. В более поздней монографии, «Стремление к мощи»⁶⁶, У. Мак-Нил касается этого вопроса более подробно, описывая военную революцию XVI–XVII веков и ссылаясь на исследования М. Робертса, Г. Паркера и других теоретиков военной революции. Таким образом, мы видим, что диффузионизм в версии У. Мак-Нила включает в себя теорию «военной революции». Более того, при рассмотрении социально-экономических кризисов XVII и конца XVIII века У. Мак-Нил использует элементы неомальтузианского подхода и ссылается на Ф. Броделя⁶⁷. Хотя этому сюжету в книге У. Мак-Нила посвящено лишь несколько страниц, он имеет принципиальное значение, так как содержит идею анализа исторического процесса как результата взаимодействия демографического и технического факторов — и соответственно, идею *теоретического синтеза неомальтузианства и диффузионизма*. Идея совместного использования демографически-структурной теории и теории военной революции — в приложении к конкретному случаю, истории России XVI века — высказывалась также известным американским историком Ч. Даннингом⁶⁸.

Таким образом, мы можем говорить о становлении новой концепции развития человеческого общества. В этой концепции внутреннее развитие описывается с помощью демографически-структурной теории, однако на демографические циклы иногда накладываются волны завоеваний, порожденных совершенными в той или иной стране фундаментальными открытиями. За этими завоеваниями следуют демографические катастрофы, социальный синтез и трансформация структуры, в ходе которой рождается новое общество и новое государство. Характеристики новой структуры «государство–элита–народ» зависят от тех исходных компонентов, которые участвуют в социальном синтезе, от того, каким было общество завоеванных и общество завоевателей. В истории Востока в роли завоевателей обычно выступали кочевники, обитатели степей Евразии, а роль покоренных народов доставалась земледельцам. Земледельцы и кочевники представляли собой два разных хозяйственных типа, их обычаи и социальные отношения определялись прежде всего различными условиями природной среды, географическим фактором. Поэтому для того чтобы понять механизм социального синтеза, необходимо кратко проанализировать, каким образом географический фактор (вместе с другими факторами) формировал общество земледельцев и общество кочевников.

1.5. Формирование земледельческого общества

Доместикация растений явилась великим достижением человечества, намного расширившим его экологическую нишу, по определению Гордона Чайлда, это была «неолитическая революция»⁶⁹. Неолитическая революция началась в X тысячелетии до н. э. на Ближнем Востоке, в регионе, где распространены дикорастущие пшеница и ячмень и первобытные общины издавна занимались собирательством съедобных злаков. В контексте диффузионистской теории доместикация растений рассматривается как *фундаментальное открытие*, кардинальным образом изменившее жизнь людей. Прежде всего она имела огромные демографические последствия. По оценке Э. Диви, в эпоху мезолита средняя плотность населения равнялась 0,04 человека/км², а в эпоху раннего земледелия она увеличилась до 1 человека/км². Это означает, что лишь на первом этапе неолитической революции емкость экологической ниши увеличилась в десятки раз. В отдельных областях наблюдался еще более значительный рост плотности населения: в юго-западном Иране с 0,1 до 2 человек/км², в Восточном Средиземноморье с 0,1 до 1,5–10 человек/км²⁷⁰.

Оценки археологов подтверждаются данными этнографии: в то время как у охотников и собирателей плотность населения редко превышает 0,2 человека/км², плотность населения в областях распространения переложного земледелия в Африке, Азии и Америке составляет в среднем около 9 человек/км². На следующем этапе неолитической революции,

когда на смену подсечно-переложному земледелию приходят плужное земледелие и ирригация, плотность населения достигает 100 и более человек на квадратный километр⁷¹.

Рост численности населения наглядно проявился в увеличении размеров общин. Численность общин охотников и собирателей редко превышала 50 человек, наиболее типичной была община в два-три десятка членов. По имеющимся оценкам, средняя численность населения неолитического поселка составляла на Ближнем Востоке 100–300 человек; сходные цифры дают и этнографические источники⁷².

Образ жизни различных племен, занимавшихся подсечно-огневым земледелием, был весьма схожим. Так же как охотники, ранние земледельцы жили родовыми общинами, состоявшими из родственных семей. Мужчины все вместе расчищали участки земли, причем, поскольку земля быстро истощалась, процесс расчистки новых участков был практически постоянным; старые участки забрасывались, и община переходила на новые поля. Эта система раннего земледелия называется подсечно-огневой, или переложной. Расчищенные участки делили на семейные наделы, на которых хозяйствовали женщины; урожаем считался собственностью семьи, но определенная его часть поступала в распоряжение рода. Важнейшие дела общины решались на сходах мужчин; вожди, как правило, пользовались лишь слабой властью и не имели привилегий. Такого рода общественные отношения имели место у индейцев Амазонии, папуасов Новой Гвинеи, даяков Калимантана, таи и сенои Суматры, ирокезов Северной Америки и многих других архаических племен⁷³.

Как отмечают исследователи, ранние земледельцы сохранили свойственный охотникам общинный коллективизм и относительно равномерное распределение пищи⁷⁴. Это было связано прежде всего с необходимостью объединения усилий всей общины для расчистки новых участков земли: при отсутствии железных орудий труда одиночка был не в состоянии справиться с этой тяжелой работой⁷⁵.

Считается, что от начала неолитической революции до появления первых государств прошло около пяти тысяч лет. За этот период плотность населения на Ближнем Востоке возросла с 0,05–0,07 до 10 человек/км², то есть в 150–200 раз⁷⁶. Постепенно в некоторых общинах стала ощущаться нехватка земли, вызвавшая переход от раннего земледелия к развитому, при котором хозяйство велось на постоянных участках, а плодородие почв поддерживалось с помощью ирригации, паров и удобрений. Другим следствием нехватки земли стало расселение земледельцев на восток — в Иран и Среднюю Азию, и на запад — в Европу⁷⁷. Это была порожденная фундаментальным открытием *миграционная волна*. В VII тысячелетии земледельцы появились на Балканах, в VI тысячелетии в долинах Дуная, Инда и Ганга, а к концу V тысячелетия — в Испании и Китае. Охотничьи

племена, прежние обитатели этих территорий, либо истреблялись, либо вытеснялись пришельцами, либо в процессе социального синтеза перенимали их культуру.

Вслед за неолитической революцией последовало еще несколько фундаментальных культурных инноваций, к их числу относится появление керамики (и гончарного круга), колесной повозки, металлургии бронзы и письменности. В VI тысячелетии в Месопотамии впервые стали строить плотины и рыть небольшие оросительные каналы, что означало переход к ирригационному земледелию⁷⁸. В V тысячелетии археологи дважды отмечают резкую смену культурных традиций населения Двуречья, несомненно, в результате войн и массовых миграций⁷⁹. Наконец, в IV тысячелетии появляются богатые гробницы знати — свидетельство происходящей социальной стратификации, появления неравенства и зарождения государства⁸⁰.

Проблема появления государства и частной собственности является одним из наиболее важных вопросов истории человеческого общества, и дискуссия по этому вопросу продолжается уже много десятилетий⁸¹. Большинство исследователей объясняют возникновение частной собственности и государства совокупным действием нескольких факторов, рассматриваемых в постоянном взаимодействии⁸². Например, А.С. Васильев рассматривает систему взаимодействия трех факторов — экологического, производственного и демографического. Экологический фактор — это благоприятные условия природной среды, в частности, плодородие почв, климатический режим и возможность ирригации. Производственный фактор — это навыки и технологии, необходимые для освоения природных ресурсов, в частности, ирригационные технологии, а также наличие соответствующих орудий труда (плуг, железный топор и т. д.)⁸³. Таким образом, выделяемые А.С. Васильевым факторы в нашей терминологии обозначаются как географический, технологический и демографический. Некоторые другие авторы, в частности Л.Е. Гринин и Н.Н. Крадин, говорят о необходимости учета, помимо того, фактора внешних влияний⁸⁴.

Благодаря большой работе, проделанной группой американских исследователей во главе с Дж. Мердоком, в настоящее время существует база данных, позволяющая проверить наличие зависимости между некоторыми действующими факторами и уровнями государственности и социальной стратификации с помощью методов математической статистики⁸⁵. Такое исследование было проведено А.В. Коротаевым и Н.Н. Крадиным⁸⁶. Уровень государственности при этом определялся по двум показателям: уровню политической интеграции (самый высокий — централизованное государство, разделенное на области и районы) и развитию аппарата принуждения; уровень социальной стратификации оценивался по числу существующих страт или классов.

В ходе этого исследования было установлено, что главными предпосылками для появления классов и государства являются переход к развиту земледелию и достижение благодаря этому определенного порога плотности населения. Но при этом важную роль играют дополнительные условия: наличие технологии хранения зерна (например, керамических сосудов), металлургии бронзы, колесных транспортных средств и письменности⁸⁷. Таким образом, появление классов и государства является результатом совокупного действия технологического, географического и демографического фактора.

«В целом, механизм воздействия хозяйственного развития на социальную эволюцию... может быть описан приблизительно следующим образом, — указывает А.В. Коротаев. — Возрастание производительности земли ведет к увеличению плотности населения и возрастанию размеров общин, что в свою очередь приводит к возрастанию плотности социальных связей, усложнению общественных отношений и постепенно создает все большую необходимость появления все более сложных социальных институтов для их регулирования. Сокращается расстояние между общинами, усложняются межобщинные отношения, учащаются столкновения между ними, меняется характер подобных столкновений»⁸⁸. Этот вывод согласуется с завоевавшей большой авторитет теорией происхождения государства Р. Карнейро. Р. Карнейро показывает, что рост плотности населения в условиях ограниченности ресурсов (например, в земледельческих районах, ограниченных горами и пустынями) ведет к *повышению демографического давления* и к войнам между общинами. В результате завоевания одной общины другой, с одной стороны, росла социальная стратификация, а с другой стороны, появлялась необходимость в классе управляющих, собирающих дань (или налоги) с покоренного населения, — таким образом возникали первые государства⁸⁹.

Как известно, демографическое давление — это отношение реальной плотности населения к максимально возможной; таким образом, чем больше демографическое давление, тем больше плотность населения. Это обстоятельство позволяет переформулировать полученные результаты следующим образом: *повышение демографического давления в земледельческом обществе при необходимом развитии технологии и благоприятных природных условиях приводит к возникновению государственности и социальному расслоению*. С экологической точки зрения это явление, очевидно, следует рассматривать как результат адаптации человеческого общества к новой, земледельческой экосистеме. Поначалу, когда перешедшие к земледелию племена жили в условиях относительного благополучия и уровень давления был невысок, бывшие охотники и собиратели не считали нужным менять свои старые обычаи. Затем, когда новая экологическая ниша стала заполняться и уровень давления поднялся,

появилась нехватка земли и стали приходить годы голода. Как указывают специалисты-этнографы⁹⁰, именно нехватка земли побуждает общинников делить общинные земли на семейные наделы, постепенно переходящие в частную собственность. Специалисты-археологи подтверждают выводы этнографов. «Археологические данные подтверждают идею о том, что эгалитарное государство предшествовало неэгалитарному и последнее возникло как результат адаптации в условиях демографического давления на обрабатываемую землю», — заключают известные археологи Р. Шедел и Д. Робинсон⁹¹.

Необходимо отметить, что характеристики экологической ниши были различными не только для земледельцев и охотников, но и для различных групп земледельцев. Это обстоятельство связано в первую очередь с различием условий переложного и ирригационного земледелия. Экологические условия лесного переложного земледелия долгое время способствовали сохранению старинных традиций коллективизма, прежде всего потому, что расчистка нового участка была возможна только при объединении усилий всей общины. Положение изменилось лишь с новой технологической революцией, с появлением железных орудий, которые, с одной стороны, позволили делать индивидуальные заимки, а с другой — значительно увеличили масштабы расчисток⁹². Тем не менее процессы развития государственности в зоне переложного, а затем пашенного земледелия значительно отставали от аналогичных процессов в областях развития ирригации.

Долины «великих рек» значительно отличались своими экологическими характеристиками от покрытых лесом равнин Евразии. Здесь была возможна ирригация, и плодородные почвы давали очень высокие урожаи — иногда два урожая в год. Плотность населения в «гидравлических обществах» была на порядок выше, чем в сухоходольных регионах, и зачастую превосходила 100 человек/км²⁹³. Маленькие общины земледельцев разрастались здесь до размеров городков и городов, и возникала естественная потребность поддержания порядка среди многочисленного населения; в результате появлялись специальные органы общинного управления. Для строительства плотин и каналов было необходимо организовать коллективный труд сотен людей, и это также стимулировало развитие государственности⁹⁴. С другой стороны, ирригационное земледелие не требовало объединения усилий общины для расчистки земли, что открывало путь для развития частной собственности.

В конечном счете повышение демографического давления привело к формированию так называемого *раннего государства*. Создатели концепции раннего государства Х. Классен и П. Скальник описывают это государство как «централизованную социополитическую организацию для регулирования социальных отношений в сложном стратифицирован-

ном обществе, разделенном, по крайней мере, на два основных страта или социальных класса — на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освящена единой идеологией, основной принцип которой составляет взаимный обмен услугами»⁹⁵. По Классену и Скальнику, для типичного раннего государства характерно: 1) сохранение клановых связей при некотором развитии внеклановых отношений в управляющей подсистеме; 2) источником существования должностных лиц являются как кормления за счет вверенных подданных, так и жалование из центра; 3) наличие письменно зафиксированных законов; 4) специальный аппарат судей; 5) точно установленный характер изъятия прибавочного продукта управителями; 6) наличие специальных чиновников и аппарата принуждения⁹⁶.

На территории Старого Света первые ранние государства появились в районах ирригационного земледелия — в долинах «великих рек». Вторичные государства возникали по соседству под влиянием уже сформировавшихся первичных государств⁹⁷. Иногда это происходило в результате завоевания первичными государствами «варварской периферии» и непосредственного насаждения там государственных институтов. Впоследствии, с ослаблением государства-гегемона, эти периферийные области отделялись, и новые государства вступали на путь самостоятельного развития. Иногда государственность заимствовалась диффузионным путем как результат культурного влияния первых государств на периферию. Таким образом, идея государства распространялась так же, как фундаментальные открытия в технической сфере.

1.6. Формирование кочевого общества

В настоящее время большинство специалистов считает, что скотоводство появилось в одно время или немного позже, чем земледелие⁹⁸. Имея излишки пищи, земледельцы получили возможность вскармливать детенышей убитых на охоте животных — таким образом происходило постепенное одомашнивание. В IX–VIII тысячелетиях до н. э. на Ближнем Востоке были одомашнены козы и овцы, несколько позже — крупный рогатый скот⁹⁹. Расселяясь на новые территории, земледельческие племена приносили с собой навыки комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства; в IV–III веках до н. э. земледельческие поселения распространились на обширные пространства Северного Причерноморья и Прикаспия. На этих степных просторах обитали дикие лошади, тарпаны, которые вскоре были приручены населением этих мест¹⁰⁰. В Прикаспии и в теперешнем Казахстане лишь немногие земли были доступны для обработки мотыгой, и земледельцы селились на плодородных участках в поймах немногочисленных рек¹⁰¹. Однако окружающие степи представ-

ляли собой изобильные пастбища, на которых паслись большие стада скота, так что в хозяйстве местного населения явственно преобладало скотоводство. На одном квадратном километре ковыльно-разнотравной степи можно было прикормить 6–7 коней или быков¹⁰², а для прокормления одной семьи из 5 человек требовалось стадо примерно в 25 голов крупного скота¹⁰³, следовательно, плотность скотоводческого населения в степи могла достигать 1,3 человек/км². Эта цифра близка к оценке Ратцеля — 0,7–1,9 человека/км²; расчеты О.Г. Большакова для степей Аравии дают 1,6–1,9 человека/км²¹⁰⁴. Таким образом, плотность скотоводческого населения превосходит максимальную плотность для охотников и собирателей, но она в 5–10 раз меньше, чем у мотыжных земледельцев, и в сотни раз меньше, чем у земледельцев, использующих ирригацию. Экологическая ниша скотоводов очень узка и перенаселение наступает достаточно быстро. По данным археологов, во II тысячелетии до н. э. происходило быстрое расселение скотоводов на восток, вплоть до Маньчжурии; к XIII веку до н. э. степи были в основном заселены и возможности оседлого скотоводства оказались исчерпанными¹⁰⁵.

Решающим толчком, обусловившим переход от оседлого к кочевому скотоводству, было создание усовершенствованного уздечного набора (с мартингалом и оголовьем) в начале I тысячелетия до н. э. После освоения этой фундаментальной инновации наездничество перестало быть искусством немногих джигитов — оно стало доступно всем, и все мужчины сели на коней¹⁰⁶. Это открыло возможность освоения дальних пастбищ, и жители степей стали кочевать вместе со своими стадами. Кочевники Средней Азии обычно зимовали в районах южнее Сырдарьи, а летом перегоняли свои стада за полторы-две тысячи километров на богатые пастбища Северного Казахстана (из-за сурового климата эти пастбища не могли использоваться зимой)¹⁰⁷. Кочевание помогло освоить северные степи и горные луга, однако оно потребовало смены образа жизни: «С переходом к кочевому скотоводству резко изменился облик степей. Исчезли многочисленные поселки, наземные и углубленные в землю жилища бронзового века, жизнь теперь проходила в повозках, в постоянном движении людей вместе со стадами от одного пастбища к другому»¹⁰⁸. Женщины и дети ехали в поставленных на колеса кибитках — но были племена, где на коней сели и женщины; Геродот передает, что у савроматов женщины «вместе с мужьями и даже без них верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами»¹⁰⁹. Археологи свидетельствуют, что в могилы женщин, так же как в могилы мужчин, часто клали уздечку, символ всадника¹¹⁰.

Возникновение кочевничества сопровождалось появлением кавалерии и вспышкой войн¹¹¹. «В поисках новых пастбищ и добычи скотоводы захватывали в сферу своего влияния... все новые группы населения, — пишет

Г.Е. Марков. — Мог развернуться своего рода “цепной процесс” распространения кочевничества»¹¹². Действительно, после VIII века до н. э. на всем протяжении Великой степи — от Дуная до Хингана — утверждается единая культура, говорящая о господстве в степи группы родственных кочевых народов. Эти народы — скифы, сарматы, саки — были древние индоиранцы, арии¹¹³.

Кочевничество позволило освоить новые пастбища, но плотность населения в степи оставалась низкой — к примеру, даже в конце XIX века в Тургайской области Казахстана она не превышала 1,9 человека/км²¹¹⁴. При этом имеются сведения, что на протяжении последних двух тысячелетий численность кочевых народов не возрастала. Как отмечает А.М. Хазанов, численность хунну, живших на территории современной Монголии, и количество скота у них почти полностью совпадает с теми цифрами, которые имеются для монголов начала XX века¹¹⁵. Экологическая ниша скотоводов была очень узкой, и голод был постоянным явлением. Китайские хроники пестрят сообщениями о голоде среди кочевников: «В том же году в землях сюнну был голод, от него из каждого десятка населения умерло 6–7 человек, а из каждого десятка скота пало 6–7 голов... Сюнну несколько лет страдали от засухи и саранчи, земля на несколько тысяч ли лежала голая, люди и скот голодали и болели, большинство из них умерли или пали... Был голод, вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости, свирепствовали повальные болезни, от которых великое множество людей померло...»¹¹⁶. Арабские писатели сообщают о частом голоде среди татар; имеются сообщения о том, что в годы голода кочевники ели падаль, продавали в рабство своих детей¹¹⁷. Недостаток средств существования породил обычай жертвоприношения стариков у массагетов¹¹⁸; у некоторых племен было принято умерщвлять вдов, грудных детей убивали и погребали вместе с умершей матерью¹¹⁹. В условиях полуголодного существования бедуины Аравии зачастую убивали новорожденных девочек¹²⁰. Приводимые В.П. Алексеевым данные о степных могильниках II тысячелетия до н. э. (Тасты-Бутак, Хрящевка-Ягодное, Карасук III) говорят об очень высоком уровне детской смертности; средняя продолжительность жизни взрослых составляла 34 года¹²¹. В более позднюю эпоху у средневековых кочевников-авар средняя продолжительность жизни составляла 38 лет для мужчин и 36 лет для женщин¹²².

Образ жизни кочевников определялся не только ограниченностью ресурсов кочевого хозяйства, но и его неустойчивостью. Экологические условия степей были изменчивыми, благоприятные годы сменялись засухами и джутами. В среднеазиатских степях джут случался раз в 7–11 лет; снежный буран или гололед приводили к массовому падежу скота; в иной год гибло больше половины поголовья¹²³. Гибель скота означала страшный голод, климатический стресс; кочевникам не оставалось ничего иного,

как умирать или идти в набег, по замечанию Н.Н. Крадина, корреляция между климатическими стрессами и набегами «прослеживается чуть ли не с математической точностью»¹²⁴.

Регулярные климатические стрессы порождали в степи обстановку вечной и всеобщей войны; эта война называлась у казахов барымтой¹²⁵. «Благосостояние кочевников определялось исключительно силой того или иного казахского рода, — отмечает А.А. Кауфман, — оно поддерживалось хищничеством, барымтой и выпадало на долю родов, военно-разбойничья организация которых была наиболее развитой»¹²⁶. Кочевники закалялись в борьбе со стихией и в постоянных столкновениях друг с другом. В каждом роду имелся наездник, отличавшийся храбростью и физической силой; постоянно проявляя себя в схватках, он постепенно становился батыром, богатырем. Батыры возглавляли роды в сражениях, они были главными героями казахского эпоса¹²⁷. «Молодых и крепких уважают, — говорит китайский историк о гуннах, — старых и слабых почитают мало... Сильные едят жирное и лучшее, старики питаются после них... Кто в сражении отрубил голову неприятеля, тот получает в награду кубок вина и все захваченное в добычу»¹²⁸. «Счастливыми из них считаются те, кто умирает в бою, — говорит Аммиан Марцеллин об аланах, — а те, кто доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы»¹²⁹. Культ войны находил проявление в поклонении мечу, Геродот сообщает о поклонении мечу у скифов, Аммиан Марцеллин — у алан¹³⁰.

В бесконечных сражениях выживали лишь самые сильные и смелые, таким образом, кочевники подвергались естественному отбору, закреплявшему такие качества, как физическая сила, выносливость, агрессивность. Древние и средневековые авторы неоднократно отмечали физическое превосходство кочевников над жителями городов и сел. «Кипчаки — народ крепкий, сильный, здоровый», — пишет Ибн Батута¹³¹. «Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями трав и полусырым мясом всякого скота», — говорит Аммиан Марцеллин о гуннах¹³². Ал-Мукаддаси видит в тюрках «самых храбрых врагов, с крепкими телами, самых выносливых при бедствиях, у которых меньше всего жизненных благ и покоя»¹³³. Естественный отбор на силу, ловкость, выносливость дополнялся воспитанием воинских качеств, начиная с раннего детства. «Мальчик, как скоро сможет сидеть верхом на баране, стреляет из лука пташек и зверьков и употребляет их в пищу», — говорит Сымы Цянь о воспитании у гуннов¹³⁴. У монголов и казахов 12–13-летние юноши вместе со своими отцами ходили в набеги¹³⁵.

Суммируя данные исторических источников и археологических раскопок, можно прийти к выводу, что для общества кочевников были характерны: малая продолжительность жизни людей, высокая смертность,

периодический голод и связанные с ним колебания численности населения, постоянные войны между родами и племенами. Эти признаки в совокупности свидетельствуют о *высоком демографическом давлении* в кочевом обществе.

Кочевники жили сплоченными родами, насчитывавшими десятки и сотни членов¹³⁶. Из-за нехватки пастбищ большие группы людей не могли кочевать вместе, поэтому после перекочевки на летние или зимние пастбища род обычно разделялся на группы родственных семей (казахские аулы)¹³⁷. Аул состоял из 3–7 близкородственных семей, иногда это была семья отца и семьи женатых сыновей¹³⁸. В состав аула могли входить и рабы, но их было мало и они, как правило, не пасли скот, а использовались для домашних работ. Для пастбы скота не требовалось много людей, один конный пастух мог справиться со стадом в 500 овец, но требовалось знание дела и настоящая забота о скоте, чего трудно было ожидать от рабов. Кроме того, раб-пастух мог легко найти удобный случай для бегства, поэтому кочевники не держали большого числа рабов, захваченных в набегах пленников старались продать торговцам, прибывавшим из земледельческих стран¹³⁹.

Пастбища обычно принадлежали всему роду или племени, и на них мог пасти свой скот любой соплеменник, первым занявший это место после перекочевки. Скот находился в частной собственности семей, и были семьи, значительно различавшиеся богатством¹⁴⁰. Однако богатство среди кочевников было относительным: засуха, болезни скота, набеги врагов могли быстро разорить богача — и точно так же бедняк мог приобрести богатство в удачном набеге¹⁴¹. «Скот на самом деле принадлежит любому бурану и сильному врагу», — говорит казахская пословица¹⁴².

Смелый батыр, захвативший много добычи, становился обычно главой рода и богачом, в случае необходимости он мог приказывать своим сородичам, но на нем же лежала забота о благополучии всех членов рода. «Богатый киргиз считает своим долгом каждое лето снабдить не только неимущих родственников, но и многих знакомых, необходимым скотом... — отмечает А. Харузин. — За ссуду никакого вознаграждения не берется, а для взявшего существует только обязанность возвратить скот в целости»¹⁴³. Подобный обычай существовал у многих степных народов, у арабов он назывался ваджа, у казахов — саун¹⁴⁴. «Эксплуатация простых полноправных кочевников у номадов вряд ли достигала сколько-нибудь развитых форм», — отмечает Н.Н. Крадин¹⁴⁵.

В условиях постоянной войны в степях необходимыми условиями выживания были единство рода и родовая взаимопомощь, родовой коллективизм. «Удалой джигит рождается для себя, а умирает за род, — говорит казахская пословица. — Чем быть султаном в чужом роде, лучше быть рабом в своем»¹⁴⁶. Отношения взаимопомощи нашли отражение

и в законах кочевых государств. По законам ойратов неказание помощи нуждающемуся в ней приравнялось к убийству¹⁴⁷.

Родовыми вождями обычно становились воины, проявившие себя в сражениях. «Кто храбр, силен и способен разбирать сложные дела, тех поставляют старейшинами, — говорит Фань Е о племени ухуань. — Наследственной власти у них нет»¹⁴⁸. У большинства кочевых племен в мирное время власть старейшин была невелика, и важные вопросы решались собранием родовичей¹⁴⁹. Лишь 3 из 27 описанных в базе данных Дж. Мердока кочевых обществ имели устойчивое деление на страты¹⁵⁰. Родовой коллективизм находил свое проявление в обычаях военной демократии и в выдвижении по заслугам.

Таким образом, в конечном счете формирование общества кочевников определялось теми же тремя факторами, что и формирование общества земледельцев: географический фактор предопределял скотоводческие занятия обитателей степей, технологический фактор (создание усовершенствованного уздечного набора) обусловил развитие всадничества и кочевание, а демографический фактор в сочетании с высокой мобильностью способствовал появлению обычаев военной демократии.

Политическая карта Великой степи обычно являла собой пестрый конгломерат враждующих родов и племен. Как отмечалось выше, государство появляется в земледельческих обществах при достижении достаточно высокой плотности населения. Плотность населения у кочевников была в десятки раз ниже, чем у земледельцев. Н.Н. Крадин отмечает, что государственность для кочевников не была внутренне необходима, что большинство кочевых обществ никогда не достигали уровня государственности¹⁵¹. Но все же бывали случаи, когда победоносный хан объединял несколько племен и создавал кочевое государство. Как заключают многие историки, объединение кочевников обычно было ответом на создание по соседству мощного централизованного земледельческого государства¹⁵². С одной стороны, такое объединение становится необходимым для противостояния мощному противнику, с другой стороны, это была реакция подражания соседней державе. Последнее обстоятельство подчеркивается еще и тем, что управленческая структура кочевников обычно создавалась по образцу соседних земледельческих государств; так, создатель империи гуннов шаньюй Модэ заимствовал административные традиции империи Цинь¹⁵³, а Чингисхан перенял военную организацию у Цзинь и Ляо¹⁵⁴. Таким образом, мы можем говорить о диффузии государственных принципов земледельцев в кочевые общества.

Объединение кочевых племен в единое государство положило конец межплеменным войнам, но не снижало демографического давления в Степи. Если раньше в годы «климатического стресса» кочевники шли в набег

на соседнее племя и численность населения снижалась за счет военных потерь, то теперь единственным способом спасения от голода было объединение сил Степи и нашествия на сельскохозяйственные страны. Таким образом, объединение кочевников неизбежно порождало волну нашествий¹⁵⁵.

Исход нашествия на сельскохозяйственные страны зависел от нескольких факторов. На стороне кочевников были отвага, выносливость, искусство наездников и стрелков из лука, солидарность в бою и очень часто сознание того, что отступать некуда, что либо победа, либо голодная смерть. На стороне земледельцев было превосходство в численности и часто превосходство в организации. Эти факторы обычно компенсировали друг друга, и исход сражений зависел от главного фактора — вооружения и тактики. Если кочевники не имели превосходства в вооружении и не могли получать ресурсы грабежом сельскохозяйственных стран, то их государства не выдерживали «климатических стрессов» и быстро распадались. Однако сражаясь между собой, степняки постоянно совершенствовали вооружение и тактику кавалерии и иногда оказывались обладателями нового, обеспечивающего победу оружия. Появление нового оружия нарушало военное равновесие между кочевниками и земледельцами, и на сельскохозяйственные цивилизации обрушивалась волна нашествий непобедимых и жестоких завоевателей.

Завоевание приводило к созданию сословных обществ, в которых основная масса населения, потомки побежденных земледельцев, эксплуатировалась потомками завоевателей. Далее нам необходимо рассмотреть механизм создания и дальнейшей эволюции таких обществ.

1.7. Взаимодействие земледельцев и кочевников

В литературе нет общепринятого термина для обозначения сословных обществ, которые создают кочевники при завоевании сельскохозяйственных областей; их называют политарными, данническими, феодальными и т. д. Мы будем пользоваться терминологией Н.Н. Крадина, который называет такие государства «ксенократическими» или «завоевательными»¹⁵⁶. Поскольку в эпоху до создания артиллерии нашествия кочевников происходили регулярно с интервалами в одно-два-три столетия, то большинство обществ того времени были ксенократическими. Схему развития таких обществ нарисовал великий арабский философ Ибн Халдун, лично наблюдавший их жизнь и обобщивший в своих наблюдениях обширный материал со всего мусульманского мира¹⁵⁷.

Ибн Халдун начинает с описания *асабии* — родового или племенного объединения кочевников-бедуинов, основанного на началах солидарности, коллективизма и братства (слово «асабия» используют также в значении «родовая солидарность»). Асабия возглавляется шейхами, «выдающимися людьми», на основе «того почтения и уважения, которое все

испытывают к ним»¹⁵⁸. Скитаясь в степях и пустынях, бедуины привыкли довольствоваться самым необходимым, они постоянно подвергаются опасностям, «поэтому мужество стало для них свойством характера, а смелость — природным качеством»¹⁵⁹. «Так как кочевая жизнь является причиной смелости, то необходимым образом дикое племя боеспособнее, чем другое», — пишет Ибн Халдун¹⁶⁰. Обладая военным превосходством, кочевники захватывают обширные земельные области, подчиняют местное население и заставляют его платить дань. Асабия становится привилегированным военным сословием и достигает могущества, однако затем начинается ее медленное распадение. Шейх асабии становится государем и постепенно отдаляется от своих соратников; он приближает к себе низкопоклонствующих перед ним «чужаков» (то есть местных чиновников), перенимает местные обычаи и начинает править самовластно¹⁶¹. Отмеченный Ибн Халдуном конфликт между царями и знатью является типичным для новых обществ, которые создают завоеватели в покоренных ими странах Востока. Самодержавие является характерной чертой многих восточных обществ, и, вторгаясь в страны древней цивилизации, завоеватели-варвары, естественным образом, пытаются перенять их культуру и систему управления; этот процесс можно рассматривать как проявление следующего за завоеванием *социального синтеза*. В соответствии с традициями Востока права верховной собственности принадлежат царю, и стремление царей присвоить себе все плоды завоеваний вызывает протест родовой знати, которая требует выделения своей доли. Знать не желает признавать заимствованное у побежденных самодержавие, она устраивает заговоры и убивает или свергает царей, а цари «подавляют мятежные стремления своих сотоварищей и все богатства присваивают себе»¹⁶². Знать отстаивает старые традиции кочевников, поэтому мы будем называть ее мятежи и заговоры *традиционалистской реакцией*. С другой стороны, некогда мужественные бедуины привыкают к «обычаям роскошной, удобной жизни, уменьшается их смелость в той же степени, что и их дикость и бедуинский образ жизни»¹⁶³. Стремление к роскоши вызывает рост налогов, которые оказываются непосильными для крестьян, — начинаются восстания. К этому времени асабия уже разложилась и утратила свое единство: в погоне за богатством бедуины забыли о коллективизме и об обычаях взаимопомощи, они привыкли к безбедной жизни и превратились в изнеженных городских жителей. Государство разрушается, его обороноспособность падает, и его история заканчивается вторжением новой бедуинской асабии¹⁶⁴.

Необходимо обратить внимание на еще один аспект эволюции завоевательной империи. Дело в том, что, как отмечалось выше, сама по себе государственность не типична для кочевников, которые обычно живут по законам военной демократии. Поэтому традиционалистская реакция —

если она побеждает — приводит к распаду ксенократической империи на мелкие государства завоевателей, подобно тому, как в степи племенные союзы распадаются на враждующие племена. Кроме того, для кочевников характерно выделение многочисленным наследникам правителя фактически самостоятельных уделов (улусов), что также подрывает государственное единство. Таким образом, сохранение кочевых традиций является еще одним фактором, обуславливающим нестабильность созданных путем завоевания империй¹⁶⁵.

Характерно, что идеи Ибн Халдуна прямо используются в диффузионистской теории У. Мак-Нила. «Сам образ жизни пастухов вырабатывал военные (или, по крайней мере, полувойенные) навыки... — писал У. Мак-Нил. — Завоеватели, пришедшие... из областей на границе цивилизованного мира, действительно могли установить деспотическую центральную власть, однако через несколько поколений завоеватели вполне могли сменить свои военные обычаи на более свободный и изнеженный образ жизни, существовавший в городах. В свою очередь, ослабление воинской дисциплины и упадок боевого духа создавали предпосылки для восстаний в самой империи или прихода новых завоевателей из пограничных областей... В ранней фазе завоевательных походов, когда одерживались блестящие победы и завоевывались аграрные регионы, члены полуварварских отрядов беспрекословно подчинялись власти вождя. Но предводители победоносных варварских отрядов (или их наследники) пытались избежать ограничений собственной власти, выработанной на основе обычая, путем привлечения принципов абсолютизма и бюрократического управления, выработанных в цивилизованных обществах. Вследствие этого противоречия между монархами и аристократами было обычным делом. И когда по вышеупомянутой причине в варварских военных отрядах падала дисциплина, открывался путь для новых завоевателей»¹⁶⁶.

Таким образом, теория Ибн Халдуна фактически включается в современную теорию диффузионизма для объяснения тех волн завоеваний, которые сопровождаются покорением цивилизованных областей народами варварской периферии.

По Ибн Халдуну, развитие государства от его рождения до гибели охватывает время жизни трех поколений — приблизительно 120 лет. А.А. Игнатенко, проанализировав имеющиеся данные о продолжительности и о характере правления мусульманских династий, нашел, что обрисованная Ибн Халдуном картина близка к реальности. «Идеи Ибн Халдуна о циклическом характере развития государств и обществ в его эпоху — это социологическая, научная концепция, которая освещает некоторые действительные аспекты... средневекового восточного общества», — заключает А.А. Игнатенко¹⁶⁷. В.В. Бартольд и видный французский исследователь М. Бувье-Ажам считали Ибн Халдуна основателем социологии; такого

рода высказывания можно найти и у других специалистов¹⁶⁸. Концепция Ибн Халдуна оказала значительное влияние на Л. Гумпловича, автора известной «теории насилия», — именно отсюда ведет свое начало идея о появлении государства в результате завоевания¹⁶⁹. А. Тойнби включил концепцию Ибн Халдуна в свою теорию Вызова-и-Ответа¹⁷⁰.

В последнее время теория Ибн Халдуна активно используется в работах П. Турчина, который, в частности, установил ее сходство с некоторыми современными концепциями, с теорией социальной сплоченности Дюркгейма, с теорией «социального капитала», социально-психологическими теориями «индивидуализма-коллективизма». П. Турчин развивает теорию «матаэтнического фронта», показывая, что общества с высокой асабией формируются на границе земледельческих империй с варварской периферией в условиях жестоких войн и интенсивного естественного отбора. Затем, когда асабия империи ослабевает, они вторгаются через границу и создают свои «варварские королевства»¹⁷¹.

Возвращаясь к демографическому аспекту развития ксенократического общества, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что цикл, описываемый Ибн Халдуном, является *демографическим циклом*. Действительно, вторжение кочевников обычно несет с собой демографическую катастрофу, затем начинается период восстановления, а потом приходит сжатие с его необратимыми следствиями — разорением крестьян и ростом крупного землевладения. Как обычно, сжатие сопровождается ростом ренты и финансовым кризисом государства, фракционированием элиты и борьбой за ресурсы между элитой и монархией. Но *в отличие от общей демографически-структурной схемы теория Ибн Халдуна описывает новые конкретные процессы, характерные для сжатия в ксенократических обществах*. Это процессы разложения асабии и роста собственнических настроений в элите. Они приводят к «приватизации» тех «икта» и «феодов», которыми знать и воины владели на условиях службы, к разложению государственных структур, к узурпации государственными служащими своих властных полномочий, к превращению государственных постов в средство получения неконтролируемых доходов, к *феодализации* государства. Феодализация сопровождается ростом поборов с населения и перераспределением ресурсов в пользу элиты. В результате этого перераспределения ресурсов часто возникает *системный кризис*, который в условиях сжатия быстро перерастает в экосоциальный кризис. Начинаются восстания, которые вместе с ослаблением элиты быстро приводят к гибели государства.

Таким образом, теория Ибн Халдуна, так же как демографически-структурная теория, описывает демографический цикл, причем делает акцент на отношениях внутри структуры «государство–элита–народ». Это специфический цикл, протекающий в земледельческих государствах,

завоеванных кочевниками, то есть цикл ксенократического общества; П.В. Турчин и А.В. Коротаев называют такие циклы ибн-халдуновскими. А.В. Коротаев подробно рассмотрел специфику ибн-халдуновских циклов на примере истории Египта и показал, что эти циклы отличаются от обычных, в частности, меньшей продолжительностью¹⁷². А.В. Коротаев приводит чрезвычайно важный отрывок из труда Ибн Халдуна, в котором описывается экосоциальный кризис в ксенократическом обществе:

«На последних [фазах] династий часто случаются голодные годы и эпидемии. Что касается голодных лет, то причиной им служит то обстоятельство, что большинство людей [в это время] воздерживается от [необходимой] обработки земли из-за [характерного] для последних [лет династии] разграбления собственности [рядового населения] через разного рода налоги и незаконные поборы или из-за смут, вызванных недовольством податного населения, и мятежей, спровоцированных ослаблением династии. Поэтому запасается все меньше продовольствия. Состояние же сельского хозяйства и количество производимого им продукта в разные годы различается; естественным образом [в разные годы] выпадает разное количество осадков, оно то больше, то меньше, а поэтому и [в разные годы] зерна, плодов, молока тоже [производится] то больше, то меньше. Люди для обеспечения себя продовольствием [в неурожайные годы] создают запасы продовольствия. Если запасы продовольствия исчерпаны, людей ждут голодные годы, продовольствие дорожает, нуждающиеся не могут его приобрести и погибают; если же запасы продовольствия отсутствуют несколько лет подряд, то голод становится всеобщим. Большое же число эпидемий [наблюдаемое в этот период] вызвано вышеупомянутыми многочисленными голодными годами и смутами, спровоцированными ослаблением [династии], усобицами, вот и случаются эпидемии»¹⁷³.

В некоторых случаях восстания и гражданские войны порождают этатистскую монархию, в других случаях кризис провоцирует новое вторжение степняков. Демографическое давление в степи остается высоким всегда, и стоящие у границ кочевники только и ждут момента, когда государство ослабеет и внутренние смуты откроют его границы для вторжений. Это обстоятельство объясняет наличие в истории земледельческих стран большого количества *прерванных циклов*. Мы увидим в дальнейшем, что едва ли не половина всех демографических циклов была прервана нашествиями варваров.

Необходимо также сказать несколько слов об экологическом аспекте теории Ибн Халдуна. Постоянные войны в степи делали кочевников прирожденными воинами-кавалеристами, сильными, отважными, выносливыми и агрессивными: по своим физическим и психологическим характеристикам, по образу жизни кочевники были непохожи на крестьян-земледельцев. Эти отличия были следствием обитания в *другой экологи-*

ческой нише, следствием адаптации к другим экологическим условиям. По законам биологии обитание в другой экологической нише ведет к формированию *видовых различий*, таким образом, можно предположить, что процесс становления кочевничества являлся также началом выделения *нового подвида* людей (точно так же, как земледельцы были новым подвидом по отношению к охотникам).

Наличие «межвидовых» взаимодействий существенно усложняет динамику развития земледельческих обществ. Завоевания приводят к появлению сословных ксенократических обществ, в которых кочевники становятся военным сословием, а покоренные земледельцы — податным сословием. Начинается реадаптация кочевников к условиям новой экологической ниши, в процессе которой они перенимают многие традиции земледельцев. В первую очередь перенимается система государственного управления и самодержавие — шейхи кочевников становятся государями и начинают «править самовластно». С другой стороны, кочевники утрачивают свои родоплеменные традиции братства и взаимопомощи; они принимают принципы частной собственности и стремятся к обогащению; они стремятся превратить в собственность («приватизировать») доходные должности и служебные кормления. Происходит процесс феодализации и диссипации власти, что приводит к разложению государства, внутренним усобицам и отпадению ставших независимыми наместников.

Адаптация к новым условиям существования имеет и чисто физиологический аспект: оказавшись в непривычных условиях благополучного существования, кочевники уже не подвергаются тому естественному отбору, который сделал их воинами; кроме того, они вступают в брак с местными женщинами, и их потомки теряют боевые качества отцов. Поэтому через три-четыре поколения после завоевания военное сословие оказывается не в состоянии исполнять свои функции и страна становится добычей новых завоевателей.

Как отмечалось выше, теория Ибн Халдуна тесно связана с демографически-структурной теорией: она описывает эволюцию особой, ксенократической структуры «государство—элита—народ» в условиях роста населения. Она объясняет также и ксенократическую трансформацию структуры, которая происходит во время завоевания и которую невозможно объяснить из демографически-структурной теории.

1.8. Трехфакторная модель исторического процесса

Суммируя изложенное выше, мы можем констатировать, что современное состояние теории факторов исторического процесса позволяет

описать механизм совместного действия трех факторов — демографического, технологического и географического. При этом, как отмечает А.Е. Гринин, воздействие географического фактора отличается по своему характеру от воздействия других рассматриваемых факторов. Численность населения и технология являются переменными, динамическими величинами, в то время как природные условия остаются относительно постоянными на протяжении тысячелетий¹⁷⁴. Географический фактор *является формообразующим*, он участвует в формировании обществ земледельцев и кочевников, а в дальнейшем его влияние проявляется в процессах социального синтеза, которые начинаются после завоевания земледельческих обществ кочевниками.

Демографический фактор является динамическим, и, как было показано выше, его действие описывается демографически-структурной теорией. Этот фактор предопределяет развитие земледельческих обществ в ритме демографических циклов: рост населения приводит к сжатию и экосоциальному кризису, который заканчивается гибелью значительной части населения и (в большинстве случаев) установлением этатистской монархии. В новом цикле сжатие приводит к росту крупного землевладения и ослаблению монархии, но следующий кризис обновляет этатистскую монархию и снова ограничивает частное землевладение.

Мы будем использовать классификацию, в которой базисным элементом является *частнособственническое общество* (общество А). Этот термин был предложен А.С. Васильевым¹⁷⁵ для обществ с господствующей индивидуальной или семейной частной собственностью на землю и демократической или олигархической формой правления. В соответствии с теорией классический демографический цикл во многих случаях трансформирует частнособственническое общество в *этатистскую монархию* — общество, характеризующееся господством автократии, верховной государственной собственностью на землю и развитой системой государственного регулирования (общество В). Этатистская монархия может сосуществовать с мелкой крестьянской собственностью, но она препятствует развитию крупной земельной собственности. Хотя в этатистской монархии часто существуют сословия, в этом обществе нет значительных сословных привилегий и относительно велика социальная мобильность; сословия не имеют замкнутого характера. В литературе общества такого типа часто называют восточными деспотиями, однако многие востоковеды по понятным причинам возражают против использования этого термина¹⁷⁶. Кроме того, в результате ослабления государственного регулирования в этатистской монархии могут получить развитие частнособственнические отношения и может развиваться крупная земельная собственность. Общества такого типа мы называем *частнособственническими монархиями* (общество А_в).

На естественное течение демографического цикла накладываются процессы, порожденные вмешательством технологического фактора. Действие этого фактора также является динамическим и описывается тремя связанными друг с другом теориями: теорией диффузионизма, теорией военной революции и теорией Ибн Халдуна.

Традиционное общество существовало в период, ограниченный двумя технологическими революциями, и изменения технологии в этот период были не столь значительными, как в другие эпохи. Тем не менее фундаментальные открытия имели место как в производстве пищи, так и в военном деле. Важное значение имело освоение технологии выращивания заливного риса, а затем распространение картофеля и кукурузы. Эти сельскохозяйственные нововведения расширили экологическую нишу народов Азии, в некоторых случаях замедлили процесс перенаселения и привели к значительному удлинению отдельных демографических циклов. Большое значение имели фундаментальные открытия в военной сфере. Среди военно-технических инноваций степных племен необходимо отметить создание боевой колесницы, освоение всадничества и верховой стрельбы из лука; затем были созданы большой гуннский лук, седло, стремя, сабля, монгольский рефлексирующий лук. Эти открытия привели к распространению волн завоеваний кочевников, причем впереди этих волн (согласно теории) должна была идти волна диффузии, приводящая в земледельческих государствах к трансформациям структур по образцу тех обществ, которые создавали победоносные кочевники. Когда кочевники завоевывают этатистскую монархию, они часто сохраняют автократическое правление и сословную структуру. Завоеватели превращаются в привилегированное военное сословие, а покоренное население становится эксплуатируемым податным сословием; таким образом, появляются большие различия в положении сословий и сословия становятся более замкнутыми. Общества такого рода мы называем *ксенократическими сословными монархиями* (общество С). Дальнейшая эволюция сословных монархий описывается теорией Ибн Халдуна и демографически-структурной теорией: происходит распадение асабии завоевателей, военные держания приватизируются, автократия слабеет и превращается в *феодальную монархию* (общество А_с). В феодальных монархиях часто развиваются частнособственнические отношения, поэтому в некоторых случаях различие между обществами А_с и А_б оказывается незначительным, оно состоит главным образом в том, что в феодальном обществе в условиях большей децентрализации частная собственность менее обеспечена от произвола властей. В конечном счете сжатие в условиях феодального общества приводит к экосоциальному кризису и появлению новой этатистской монархии или к новому завоеванию. Таким образом, согласно теории должны происходить *трансформации структуры* СА_сВ или СА_сС_с

(верхний индекс «с» означает результат внешних влияний, завоевания или диффузии).

Земледельческие народы также совершали открытия в военной сфере, к их числу можно отнести семитский лук, македонскую фалангу, римский легион, огнестрельное оружие. Роль нового оружия в земледельческих государствах зависит от системы содержания армии. Если используется система служебных держаний (наподобие бенефициев), то появляется сословная монархия того же типа, какие создавали кочевники (и далее эволюция сословной монархии происходит в том же направлении). Но иногда новое оружие становится достоянием профессиональной армии, состоящей на жалованье. Теория военной революции показывает, к каким последствиям должно привести появление такой профессиональной армии, — оно должно вызвать трансформацию структуры «государство–элита–народ» и становление (или укрепление) этакратической монархии.

Таково краткое описание роли трех факторов в историческом процессе — прогноз, который может дать теория студенту или исследователю, приступающему к изучению истории Востока. Наша дальнейшая задача — проверить, насколько оправдывается этот прогноз в действительности.

Глава 2. Эпоха пеших лучников

2.1. Древний Шумер

В VII тысячелетии до н. э. междуречье Тигра и Евфрата к югу от 34-й параллели было почти необитаемой страной болот и пустынь. Освоение этих земель началось в середине VI тысячелетия до н. э. с создания первых оросительных систем в районе теперешней Самарры, а концу этого тысячелетия поселения земледельцев уже достигли берегов Персидского залива. В этот период искусственное орошение ограничивалось обваловыванием небольших затухающих протоков и созданием миниатюрных бассейновых систем, «искусственных лиманов», — такие сооружения могли быть созданы силами деревенской общины¹. Размеры деревень были небольшими, порядка 3 га; центром деревни было святилище общинного бога, где хранились запасы зерна². Первые поселенцы, по-видимому, испытывали трудности адаптации из-за зараженности болотистой местности малярией, однако все неудобства искупались удивительным плодородием почв: каждое посеянное зерно давало 60 зерен и урожайность составляла 12 ц/га; при этом собирали два урожая в год³. Тем не менее, темпы заселения Двуречья оставались невысокими до тех пор, пока во второй половине IV тысячелетия до н. э. шумеры не научились строить магистральные каналы длиной в десятки километров⁴. В это время появились медные топоры и лопаты, облегчившие создание ирригационных систем; гончарный круг обеспечил население дешевой керамикой для хранения зерна; плуг резко увеличил производительность труда при вспашке⁵. При плужном земледелии основные сельскохозяйственные работы выполняли мужчины, и это обстоятельство определило патриархальный характер шумерской большой семьи, так называемого «дома»⁶.

Ирригационная революция IV тысячелетия до н. э. привела к быстрому росту населения, проявившемся прежде всего в увеличении числа и размеров поселений.

В начале III тысячелетия до н. э. рост городков и городов намного обогнал рост деревень; это указывает на то, что в деревнях появилось излишнее население, которое в поисках работы мигрировало в города. Каждый шумерский город был центром «номового государства», разросшейся общины поселенцев. Общинные святилища превратились в большие храмы, остававшиеся центрами жизни города-государства, и государство сохраняло характер храмовой общины; жрецы храма были одновременно руководителями общины. Главы «домов» участвовали в народном собрании, которое выбирало жрецов-правителей (эн, энси, ишшиаккум) и других должностных лиц; самые богатые и знатные из общинников входили в совет старейшин⁷.

Таблица 1

Рост поселений в Древнем Двуречье⁸

Эра (г. до н. э.)	Деревни (0.1–6 га)	Селения (6–25 га)	Городки (25–50 га)	Города (более 50 га)
3500	17	3	1(?)	0
3200	112	10	1	0
2900	124	20	20	1

Храм владел значительной частью земель общины и в больших масштабах вел собственное хозяйство. Согласно источникам, относящимся к XXIV веку до н. э., земли храма обрабатывали «рабочие отряды», состоявшие в основном из разорившихся общинников; лишившись своей земли, эти крестьяне уже не допускались в народное собрание и считались «людьми храма». Рабочие отряды («эрен») получали от храма быков, плуги и посевное зерно; всю продукцию сдавали в храмовые амбары. В качестве оплаты за труд рабочие получали хлебные выдачи и иногда маленькие земельные наделы⁹. Храм содержал работавших на общину ремесленников, рыбаков и торговцев. Продукция, произведенная в храмовом хозяйстве, составляла продовольственный запас общины, расходовалась на жертвоприношения, пиршества, содержание жрецов и должностных лиц. Храм оказывал помощь обедневшим общинникам, в частности, предлагал им льготные условия аренды своих земель. Храмовое хозяйство составляло, таким образом, общинный или государственный сектор экономики. Остальная часть земли принадлежала большим семьям («домам») общинников; эти семейные участки могли продаваться, хотя для продажи требовалось согласие общины¹⁰.

Ирригационная революция, резкое увеличение плотности населения и усложнение хозяйственной жизни требовали создания новых способов коммуникации. В конце IV тысячелетия до н. э. для передачи слов и понятий стали использовать иероглифы, которые, постепенно упрощаясь, превратились к середине III тысячелетия до н. э. в клинописные знаки. Таким образом, появилась письменность. Это было *фундаментальное открытие*, сделавшее возможным создание сложного государственного аппарата, системы учета и контроля, давшее толчок развитию торговли и частнособственнических отношений. Письменность стала последним компонентом, завершившим формирование цивилизационного комплекса шумерских городов-государств; цивилизация Шумера теперь намного превосходила своим культурным и экономическим потенциалом окружающие ее общества примитивных земледельцев, поэтому она стала для них источником культурных заимствований. Из Шумера стала распространяться *диффузионная волна*, элементами которой были ирригационные системы, храмовое хозяйство, письменность и другие характерные

черты шумерской цивилизации. Уже в первой половине III тысячелетия до н. э. шумерское письмо стало использоваться восточными семитами, мигрировавшими из Аравийской степи на территорию центральной Месопотамии и жившими там (в частности, в Кише) вперемешку с шумерами. Эту письменность использовали в возникшем севернее семитском государстве Мари, социальное устройство которого было подобно шумерским храмовым общинам. В середине III тысячелетия до н. э. в Сирии возникает город-государство Эбла с типичным дворцово-храмовым хозяйством и шумерской письменностью, которой передавались слова местного западносемитского языка; правитель его обозначался шумерской идеограммой эн. Из Сирии шумерская культура распространялась далее — в Малую Азию и Палестину¹¹.

Тем временем в шумерском обществе продолжались процессы, вызванные нарастанием демографического давления. Начиная с XXVI века до н. э. появляются сведения о растущем расслоении общества, о появлении знати, владевшей поместьями в сотни гектаров и занимавшей высшие общинные должности¹². Крупные землевладельцы за бесценок скупали земли общинников, покупали детей у голодающих бедняков. Сила богатства была такова, что за убийство можно было откупиться подарком¹³. Появилось рабство, в хозяйствах храма и частных лиц было занято много рабынь-нгеме. Нет сомнения, что общество Двуречья середины III тысячелетия до н. э. было основано на появившейся внутри общины частной собственности, поэтому в соответствии с предлагаемой А.С. Васильевым терминологией мы будем называть его *частнособственническим обществом*¹⁴. Общинная знать, опиравшаяся на свои богатства, выступает в этом контексте как *олигархия крупных собственников*, хотя, конечно, необходимо учитывать своеобразие общинных традиций, при которых понятия «власть» и «собственность» были тесно связаны¹⁵.

Углубление социальной дифференциации свидетельствовало о повышении демографического давления. К середине III тысячелетия до н. э. основные массивы плодородных земель были уже освоены и дальнейший рост населения должен был привести к кризису¹⁶. Столкновения из-за земли привели к большим переменам в отношениях государств Двуречья: города окружаются стенами, начинается эпоха больших войн. Из письменных источников известно, что войны становятся ежегодными, появляется традиция воевать в определенное время года. Военные действия отличались большой жестокостью, пленных мужчин, как правило, убивали, этой же участи подвергались малолетние дети; женщин и подростков обращали в рабов¹⁷.

Военная техника того времени была уже достаточно сложной. К середине III тысячелетия до н. э. относится появление первых колесниц — тяжелых двусосных повозок, в которые запрягали ослов-эквидов. Колес-

ничные воины были вооружены дротиками и копьями, из защитного вооружения имелись медные шлемы и толстые войлочные плащи, обшитые медными бляхами. Колесничих поддерживали отряды одетых в войлочные плащи и шлемы копейщиков, которые, судя по одинаковому вооружению, были наемниками на службе у храмов. Толпа простых ополченцев-общинников шла в отдалении за тяжелой пехотой, они были вооружены только пращами и кинжалами, и некоторые из них не имели даже одежды¹⁸.

Войны увеличивали значение военных предводителей, на время войны жрец-правитель иногда получал чрезвычайные полномочия и титул лугаля. Войско первоначально имело характер ополчения; затем, с углублением социального расслоения, оно стало набираться преимущественно из «мужчин одной головы», это были дружинники, снаряжавшиеся за счет храма. В состав храмовой дружины входили многие бедняки; они шли воевать, надеясь на добычу. Военный предводитель в силу своего положения был вынужден поддерживать требования своих воинов, обеспечивать их хлебом и снаряжением; это можно было сделать лишь путем полного подчинения лугалю храмового хозяйства и обращения всех его ресурсов на нужды войны. Знать, занимавшая должности в храмах и владевшая значительной частью храмовых доходов, противилась действиям лугаля. Таким образом, в условиях высокого демографического давления начиналась борьба за ресурсы, назревал конфликт между знатью и пользующимися поддержкой народа военными вождями¹⁹. Как известно, конфликт такого рода был типичен для государств Древнего мира, в особенности для Ассирии, Греции и Рима. «Полководец, получающий единоличную власть по воле народных масс и через голову других традиционных общинных институтов (совета старейшин, сената, булэ, эфоров и т. д.), — фигура в истории древности отнюдь не случайная, — указывает В.А. Якобсон. — Именно так возникали греческие тирании, постоянные диктатуры, а затем и принципат в Риме. Можно также упомянуть попытки государственных переворотов в Спарте. Вполне допустимо предположить, что таков же был механизм возникновения царской власти в городах-государствах Месопотамии...»²⁰. «Царь старается — как греческий тиран — обеспечить себе симпатии крестьян и мелких горожан», — писал Макс Вебер²¹.

Изучение всех деталей борьбы затруднено фрагментарностью имеющихся источников. Известно, что в XXV веке до н. э. самыми сильными из правителей Двуречья были энси города Лагаша; они вели успешные войны и часто принимали титул лугаля. Энси Ур-Нанше прославился строительством каналов, плотин и храмов; он построил огромные хлебные склады для общинных запасов продовольствия — «дом провианта». Ур-Нанше изображали на рельефах как строителя, с корзиной кирпичей в руках²². Ирригационные работы и создание продовольственных запасов

были мерами, направленными на решение продовольственной проблемы; очевидно, в этот период уже существовала нехватка хлеба. Ур-Нанше был настолько популярен в народе, что после его правления должность энси, оставаясь формально выборной, фактически наследовалась в рамках одного рода. Энси Энметена, правивший в середине XXIV столетия до н. э., стал известен благодаря первому зафиксированному в источниках «освобождению» («ама-р-ги»). Эта реформа, иначе называвшаяся «справедливость», включала в себя отмену долгов, освобождение долговых рабов и возвращение прежним владельцам проданных за долги земель²³. Социальный смысл «освобождения» не вызывает сомнений — это было мероприятие, проведенное в интересах простых людей и в ущерб знати; его целью было повышение уровня жизни народа путем перераспределения собственности. Проведение «освобождения» в дальнейшем стало традицией, и оно проводилось относительно регулярно (при Хаммурапи — раз в семь лет).

Как отмечалось выше, демографическое давление можно оценить, зная потребление пищи на душу населения. Для конца XXIV столетия до н. э. (2318–2312) известны нормы выдачи натуральной оплаты храмовым рабочим; эти нормы составляли 36 сил (примерно 36 литров) ячменя в месяц для рабочих низкой квалификации — безразлично, мужчин или женщин; дети-подростки получали треть этой нормы²⁴. Если семья рабочего имела двоих детей (в том числе одно подростка), то на человека приходилось 156 кг зерна в год, если она имела одного ребенка — 179 кг. Минимальная норма потребления для стран Ближнего Востока составляет около 200 кг зерна в год²⁵, таким образом, потребление неквалифицированных работников находилось намного ниже минимальной потребительской нормы. Это обстоятельство говорит о том, что демографическое давление в рассматриваемый период было достаточно высоким.

Наследники Энметены, Энентарзи и Лугальанда полностью подчинили себе храмовое хозяйство Лагаша. Наступление военной монархии вызвало отпор знати; в 2318 году до н. э. Лугальанда был отстранен от власти, и новым энси стал Уруингимна. Уруингимна ослабил контроль за храмами, но не желая выступать против народа, еще раз объявил об «освобождении»²⁶. Затем начались длительные войны, в ходе которых Лагаш и многие другие города Двуречья были подчинены правителем Уммы Лугальзагеси. Новый правитель, провозгласивший себя «лугалем Страны», возглавил конфедерацию городов, в которых продолжали править местные вожди-энси. Среди других городов Лугальзагеси подчинил и Киш, однако затем в этом городе началась какая-то смута и власть захватил никому не известный простолюдин из местных семитов, настоящее имя которого не сохранилось, но который, став через несколько лет правителем Двуречья, присвоил себе имя Саргон — «истинный царь». И.М. Дья-

конов утверждает, что Саргон «пришел к власти, по-видимому, на волне какого-то движения масс»²⁷. Став правителем Киша, Саргон выступил против Лугальзагеси и — к удивлению историков — разгромил объединенное войско Шумера; в этой кровавой битве погибли или были захвачены в плен пятьдесят энси; взятый в плен Лугальзагеси был казнен. Последующие годы стали свидетелями новых ошеломляющих побед, когда войско Саргона, разгромив противника в «34 сражениях», достигло сначала «Верхнего» (Средиземного) моря, а затем «Нижнего моря» (Персидского залива)²⁸.

* * *

Анализируя события первого периода истории Двуречья, можно сделать вывод, что многие процессы этой эпохи могут быть объяснены как результат действия трех факторов — демографического, технологического и географического. Благоприятные условия природной среды и появление ирригационной технологии обусловили резкое расширение экологической ниши Двуречья и сделали возможным быстрый рост численности населения. Затем на сцену вышел демографический фактор, рост населения привел к его уплотнению, появлению больших селений и первых городов, усилению межличностных связей, социальной дифференциации. Нехватка земли, по-видимому, была ведущим обстоятельством, приведшим к утверждению частной собственности на землю. Появление письменности и колесного транспорта способствовало созданию сложного храмового хозяйства. В конечном счете, в соответствии с теорией Р. Карнейро, начались войны между общинами, которые потребовали создания эффективной системы управления во главе с лугалем. Эти явления отражают процесс становления раннего шумерского государства.

Анализ в рамках демографически-структурной теории показывает, что период с середины IV тысячелетия до XXVI века до н. э. можно квалифицировать как *фазу роста*. В этот период мы наблюдаем такие характерные черты этой фазы, как наличие свободных земель, удобных для возделывания, быстрый рост населения, рост посевных площадей, относительно высокий уровень потребления, строительство новых поселений, относительно ограниченное развитие городов, относительно ограниченное развитие ремесел, незначительное развитие аренды, незначительное развитие ростовщичества.

Большая продолжительность этого периода объясняется тем, что это был период *первоначальной колонизации*, когда заполнение экологической ниши началось практически с нуля. Для следующего периода, с начала XXVI до конца XXIV века до н. э., можно констатировать наличие признаков *фазы сжатия*: отсутствие доступных крестьянам свободных земель;

крестьянское малоземелье; разорение крестьян-собственников; рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества; распространение аренды; рост крупного землевладения; уход части разоренных крестьян в города; попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей; быстрый рост городов; развитие ремесел и торговли; рост числа безработных и нищих; попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа; тенденция к увеличению централизации и установлению этатистской монархии; попытки увеличения продуктивности земель; попытки расширить территорию путем завоеваний; обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом; вытупления оппозиционных государству фракций элиты.

Все эти явления находят свое объяснения в рамках демографически-структурной теории. Со своей стороны, диффузионистская теория позволяет объяснить процесс распространения культурных достижений шумеров и появление городов-государств на севере Двуречья и в Сирии.

Однако необходимо отметить и явления, не получающие прямого объяснения в рамках трехфакторной модели. К таким явлениям относится прежде всего храмовая форма городов-государств, наличие огромного храмового хозяйства. Для объяснения этого феномена необходимо обратиться к более частным теориям, прежде всего к теории «ирригационного государства» К. Витфогеля²⁹.

Храмовое хозяйство первоначально представляло собой общественный сектор экономики, но с наступлением сжатия храмовые должности в значительной степени приватизировались и появилась храмовая знать, распоряжавшаяся богатствами храмов в своекорыстных целях. Одновременно распространилась частная собственность, и частнособственнические отношения заняли доминирующее положение в жизни городов-государств. Дальнейшее нарастание сжатия привело к установлению в некоторых из этих государств (в частности, в Лагаше) этатистской монархии, пытавшейся регулировать общественные отношения и облегчить положение простого народа. Другим следствием сжатия стали ожесточенные войны, которые в конечном счете привели к созданию единого государства. Однако в ход событий неожиданно вмешался военно-технических фактор — первая военная революция.

2.2. Первая военная революция: создание семитского лука

Секрет побед воцарившегося в 2316 году до н. э. Саргона заключался в произошедшей в этот период *первой военной революции*. Войско Саргона было не похоже на храмовые дружины предыдущего периода: на

изображениях, оставшихся от того времени, нет ни колесниц, ни тяжелооруженных дружинников. Царские воины были одеты лишь в короткие юбочки, но при этом они были вооружены новым оружием — большим и мощным луком. Более того, новый лук становится непременным оружием царей — он входит в число царских инсигний, и потомки Саргона гордо изображают себя в виде победоносных лучников. Луки, которые они держат в руках, имеют длину примерно 120 см и выгнуты вперед на концах (по мнению некоторых исследователей, эта форма указывает на то, что луки были составными, склеенными из разных пород дерева³⁰). Однако остатки таких луков не сохранились и неизвестно, какие материалы использовались при их изготовлении. В любом случае быстрые и радикальные перемены в военном деле не оставляют сомнения в том, что новый лук и был тем *фундаментальным открытием*, которое вызвало волну завоеваний и создание первой мировой державы — царства Саргонидов³¹.

Судя по тому, что изображения наиболее совершенных луков нового типа дошли до нас из семитского города Мари, эти луки были изобретением семитов (которые жили также на родине Саргона, в Кише). Некоторые исследователи рассматривают завоевание Шумера Саргоном в контексте покорения шумеров семитами. Семиты Киша происходили от пастушеских племен, и, по-видимому, среди воинов Саргона было много степных семитов, превосходивших земледельцев-шумеров в отношении физических качеств и родовой солидарности (асабии). Саргон утвердил свою столицу в новопостроенном городе Аккаде и основал новую, семитскую, царскую династию. Восточносемитский (аккадский) язык стал широко использоваться при дворе и в официальной переписке. Однако в целом эти события нельзя рассматривать как варварское завоевание: прошло уже несколько веков, как восточные семиты восприняли достижения шумерской цивилизации, и социальный синтез происходил в достаточно мягких формах³².

Социальный строй нового царства был предопределен обстоятельствами его возникновения. С одной стороны, в Шумере уже складывалась этатистская военная монархия, и в процессе социального синтеза Саргон перенимал местные традиции, восходящие к Ур-Нанше и Энметене. С другой стороны, лук был массовым, демократическим оружием, которое позволяло одерживать победы над состоявшими из знати отрядами колесничих, — это обстоятельство способствовало упадку аристократии и возвышению простолюда. Известно, что Саргон иногда обсуждал важные вопросы со своими воинами как с народным собранием, — но со временем военные победы создали культ царской власти и способствовали становлению неограниченной монархии. Народное ополчение было частично заменено постоянным войском, находившимся на содержании

царя. В источниках сохранились сведения о создании Саргоном корпуса из 5400 воинов, которые «ежедневно ели перед ним свой хлеб»³³.

Создание постоянной армии — как во времена европейской военной революции XVII века — потребовало больших средств. В поисках средств Саргон стремился осуществить старые притязания военных вождей — завладеть храмами, в которых бесконтрольно распоряжалась знать. Царь назначал на должности энси «сынов Аккада», то есть своих сторонников-семитов, вероятно, незнатного происхождения. В результате шумерская общинная знать восстала: в конце правления Саргона «все старейшины Страны возмутились против него и осадили его в Аккаде. Но Саргон вышел из города, нанес им поражение, учинил им разгром»³⁴. К этому времени относятся сведения о голоде³⁵. При сыне Саргона, Римуше, произошло новое восстание (около 2260 года до н. э.); оно приняло характер большой гражданской войны; южные области Двуречья подверглись жестокому опустошению; были разрушены многие города, в том числе Ур и Умма. Большая часть знати была физически уничтожена, хроника говорит, что «5600 сильных мужей были выведены на истребление»³⁶. Однако знать продолжала составлять заговоры, которые стоили жизни и Римушу, и его приемнику Маништушу. После смерти Маништушу в 2236 году до н. э. произошло новое восстание, подавленное царем Нарам-Суэном (2236–2000)³⁷. Нарам-Суэн завоевал Сирию и Элам, разгромил восточных «варваров» и в завершение побед провозгласил себя «царем четырех стран света» и «богом Аккада». Писцы ставили над именем царя знак бога и заканчивали свои докладные стандартной формулой: «Бог Нарам-Суэн могучий — это я, такой-то писец, твой раб»³⁸.

Волна завоеваний Саргонидов привела к распространению на Ближнем Востоке аккадского культурного круга. Ведущим его элементом был аккадский лук, который был быстро взят на вооружение окружающими Шумер народами. Хорошо известен, например, рельеф XXIII века до н. э., на котором аккадский лук изображен в руках врага Нарам-Суэна, царя горцев Загроса Анубанини³⁹. Вслед за оружием распространялись и другие культурные элементы. Элам, некоторое время входивший в состав царства Саргонидов, принял в качестве государственного аккадский язык и стал поклоняться (наряду с местными) аккадским богам. В Эбле, разрушенной Нарам-Суэном и потом восстановленной, тоже утвердился аккадский язык. Аккадскую клинопись для своего языка приняли племена хурритов, обитавшие в это время в Северной Месопотамии и на Армянском нагорье⁴⁰.

* * *

Анализируя события, связанные с рождением империи Саргона Великого, необходимо отметить сложное, пересекающееся воздействие двух

ведущих факторов, демографического и технологического. В третьей четверти XXIV века до н. э. экономика Двуречья находилась в фазе сжатия, которое проявлялось, в частности, в войнах за плодородные земли, в социальных реформах Энметены, в становлении этатистской монархии в Лаггаше. В 2310-х годах до н. э. в ход событий неожиданно вмешался технологический фактор — появление мощного семитского лука. С помощью новых луков семиты из Киша во главе с Саргоном овладевают Шумером; в соответствии с диффузионистской теорией начинается процесс *социального синтеза*, во время которого Саргон перенимает этатистские традиции Лаггаша. Технологический фактор движет события в том же направлении. Саргон создает вооруженную луками постоянную армию, находящуюся на содержании государства; в соответствии с теорией военной революции это приводит к *трансформации структуры* и к становлению этатистской монархии (такую трансформацию мы обозначаем АВ). Знать оказывает сопротивление, которое принимает масштабы гражданской войны. Эта война провоцирует давно назревавший экосоциальный кризис и вызывает демографическую катастрофу (около 2260 года до н. э., в правление Римуша).

В соответствии с демографически-структурной теорией, экосоциальный кризис привел к уничтожению значительной части храмовой и землевладельческой элиты и к окончательному утверждению этатистской монархии Саргонидов. С другой стороны, в соответствии с диффузионистской теорией появление семитского лука и создание постоянной армии вызвало волну завоеваний, распространившуюся за пределы Двуречья и обусловившую формирование нового аккадского культурного круга.

2.3. Империя Саргонидов

В конечном счете, восстания, войны и революции ознаменовали рождение первой военной монархии Двуречья — империи Саргонидов. И.М. Дьяконов видел историческую задачу империи в том, чтобы, во-первых, обеспечить согласованное действие ирригационных систем и прекращение войн между общинами, и, во-вторых, обеспечить ликвидацию зависимости как храмовых хозяйств, так и рядовых общинников от аристократических родов⁴¹. Царям удалось подчинить храмы и создать из храмовых хозяйств обширный государственный сектор экономики. Храмам принадлежало около половины посевных площадей, и цари продолжали в массовых масштабах скупать земли⁴². «Покупки» производились после подавления восстаний, и цена была столь низкой, что историки предполагают их принудительный характер, по-видимому, это была массовая конфискация земель у разгромленной знати. Однако то обстоятельство, что цари не решались проводить открытую конфискацию, сви-

детельствует об их уважении к собственности и о том, что землевладельческая аристократия отчасти сохраняла свое влияние. Знать по традиции занимала часть общинных и храмовых должностей, и лишь на некоторые из них Саргонидам удалось внедрить своих ставленников⁴³. Постоянная борьба между царем и знатью проявилась в двойственности литературной традиции: в то время как одни источники воспевают Саргона и Нарам-Суэна, другие (несомненно, связанные со жречеством) обвиняют их в осквернении храмов⁴⁴.

Обожествление Нарам-Суэна (2236–2200) стало высшим проявлением могущества этатистской монархии, жрецы и чиновники называли себя «рабами» царя, контроль за храмами становился все более действенным⁴⁵. После катастрофы времен Римуша пришел период восстановления. Цари Маништушу и Нарам-Суэн оказывали большое внимание ирригации, восстанавливали и строили храмы⁴⁶. Однако после некоторого перерыва вновь появились сведения о разорении общинников, о продаже детей в рабство и о скупке земель знатью, по-видимому, Саргонидам не удалось остановить процессы социальной дифференциации⁴⁷. Источники сообщают о голоде в правление Нарам-Суэна⁴⁸. Сохранились сведения о нормах довольствия рабочих в царско-храмовых хозяйствах в период правления Саргонидов. Большинство рабочих-мужчин получали 60 сила (примерно 60 литров) ячменя в месяц; женщины получали 30 сила и подростки в среднем 15 сила⁴⁹. Можно подсчитать, что семья с одним ребенком-подростком и одним малышом при такой оплате имела бы 195 кг ячменя в год на душу. Таким образом, потребление основной массы рабочих было близко к минимальной норме (200 кг), что говорит о том, что уже в конце XXIII века до н. э. демографическое давление снова повысилось и достигло уровня сжатия.

Осложнилась и военная ситуация, с северо-востока начались вторжения пастушеских племен — кутиев. За столетия, прошедшие со времени появления аккадского лука, он получил широкое распространение на Ближнем Востоке, и империя уже не обладала военно-техническим превосходством над соседями. С другой стороны, за века, прошедшие со времен семитского завоевания, асабия империи должна была ослабеть, и во всяком случае, в физическом и психологическом отношении воины Саргонидов уступали пастушеским племенам, жившим в условиях жестокого естественного отбора. Преемник Нарам-Суэна, Шаркалишарри, двадцать лет сражался с кутиями и эламитами; ему случалось терпеть поражения, и он уже не называл себя богом. После смерти Шаркалишарри в стране снова начались междоусобицы, о причинах которых мы ничего не знаем — возможно, храмовая знать снова восстала против монархии. Как бы то ни было, смута привела к военной катастрофе; около 2176 года до н. э. вторгшиеся варвары окончательно овладели Двуречьем.

Вторжение кутиев принесло с собой демографическую катастрофу; обширные области были опустошены варварами; многие города (в том числе Ур и Урук) превратились в руины⁵⁰.

* * *

Анализируя данные о периоде правления Саргонидов с позиций трехфакторной модели, можно прийти к выводу, что гражданская война в правление Римуша (около 2260 года до н. э.) принесла с собой демографическую катастрофу, после которой начался новый демографический цикл. В отличие от первого цикла второй цикл проходил в условиях существования этатистской монархии. Период роста ознаменован обширными строительными работами при Маништушу и Нарам-Суэне, однако затем снова появляются признаки сжатия: упоминания о голоде, низкий уровень потребления, разорение крестьян-собственников, рост ростовщичества, распространение долгового рабства, рост городов, внешние войны с целью приобретения новых земель. Второй демографический цикл продолжался около столетия и завершился новыми смутами и нашествием кутиев в 2170-х годах до н. э. Остается неясным, за счет чего кутии одержали победу; возможно, что в ходе нового экосоциального кризиса они выступили в качестве союзников одной из борющихся сил.

2.4. Шумер при III династии Ура

Хроника говорит, что вожди кутиев «не знали, как управляться законами»⁵¹, поэтому они поручили управление местным чиновникам. Некоторые уцелевшие города, например Лагаш, стали фактически самоуправляемыми, и в них возродились порядки, существовавшие до Саргона. Как в старые времена, народное собрание Лагаша выбирало местного энси, который правил вместе с советом старейшин; энси уже не руководили хозяйством храма, в котором заправляла местная знать⁵². Правление энси Гудеа (вторая половина XXII века до н. э.) было отмечено восстановлением хозяйственной жизни и строительством новых храмов. По-видимому, численность населения постепенно росла; поднялись из развалин Ур и Урук, общины Двуречья накапливали силы для борьбы с кутиями. С другой стороны, в соответствии с теорией Ибн Халдуна, адаптация к благополучной жизни в завоеванном Двуречье должна была ослабить асабию кутиев и уменьшить их военный потенциал. Как бы то ни было, в 2109 году до н. э. в Уруке вспыхнуло восстание, во главе которого встал человек из народа, вялильщик рыбы Утухенгаль; войско восставших одержало легкую победу, кутии бежали в горы Загроса. Утухенгаль, ставший народным героем, вскоре погиб в результате несчастного случая, и царем стал его сподвижник Ур-Намму, восстановивший «царство Шумера и Аккада» и основавший III династию Ура⁵³.

Цари III династии Ура в политическом отношении считали себя прямыми преемниками Саргонидов. Им удалось довести до конца борьбу с общинной знатью, сломленной Саргонидами и не успевшей снова набрать силу при господстве варваров. Храмовые хозяйства прочно вошли в состав государственного сектора; энси окончательно превратились в назначаемых и сменяемых царем чиновников, получающих фиксированную плату⁵⁴. Огромные государственно-храмовые хозяйства владели почти всей землей; крестьяне большей частью влились в состав рабочих отрядов и получали за работу продуктовые пайки. Рабочие отряды строили дома и каналы, перевозили грузы, ловили рыбу, работали в мастерских⁵⁵. Наименьшей производственной единицей в полеводстве был отряд из четырех человек во главе с пахарем-энгаром; такой отряд обслуживал большой плуг, в который впрягали 6 волов. Плуг был совмещен с сеялкой и мог за сельскохозяйственный сезон обработать 40–50 га пашни, причем вспашка производилась три раза, естественно, что такие плуги могли применяться лишь в крупных хозяйствах⁵⁶. Отряды (эрен) были прикреплены к определенному хозяйству, но при необходимости могли перебрасываться в другие места⁵⁷.

И.М. Дьяконов считал, что храмовые рабочие (гуруши) не имели семей и их статус был близок к рабскому⁵⁸. Западные исследователи придерживаются иной точки зрения: И. Гельб называет гурушей работниками крепостного типа, А. Фалькенштейн причисляет их к категории полусвободного, зависимого населения⁵⁹. Дж.М. Шарашенидзе убедительно показал, что гуруши в основной массе были свободными людьми, имели дома и семьи⁶⁰.

Ремесло и торговля были монополией государственного хозяйства; существовали большие государственные мануфактуры, например, в мукомольне местечка Сагуб постоянно работали более 300 человек. Все произведенные работы, все выращенное и доставленное фиксировалось в учетных документах; архивы того времени представляют собой свидетельство того, какое огромное значение играет письменность в создании нового бюрократического государства. Все поля были обмерены, и результаты обмеров с указанием количества посевного зерна и урожайности сведены в кадастры⁶¹. Самый маленький расход, вплоть до выдачи двух голубей к столу царицы или туши сдохшего барана на корм собакам, фиксировался документом на глиняной плитке и закреплялся печатями ответственного чиновника и государственного контролера. Существовала сложная система перекрестного контроля деятельности каждого чиновника⁶². Чиновники получали натуральное довольствие: в некоторых случаях это был урожай с небольшого (до 4 га) участка земли, обрабатываемого храмовыми рабочими, однако чиновники не распоряжались на этих участках и не имели на них никаких прав. Жрецы находились на положении царских служащих⁶³.

Цари III династии Ура уделяли чрезвычайно большое внимание ирригации. Ур-Намму оставил длинное описание построенных им каналов — единственный документ такого рода в Шумере, плод долгой работы по устройению страны⁶⁴. Сильная власть обеспечила индивидуальную безопасность и позволила создавать неукрепленные поселения вдалеке от административных центров; благодаря этому были освоены новые земли⁶⁵. Символом достигнутых Ур-Намму успехов стал колоссальный зиккурат в Уре, законченный при его сыне Шульги. Следуя примеру Нарам-Суэна, Шульги провозгласил себя богом, мужем богини Иштар; по обычаю в праздник Нового года царь поднимался на вершину зиккурата, чтобы вступить с Иштар в «священный брак»⁶⁶. Преемники Шульги также объявляли себя богами. К периоду III династии Ура относится *оформление монархической традиции* — в это время было создано учение о божественной, единой и вечной царственности, «нам-лугала», возникшей в начале времен и передававшейся от одного царя к другому без перерыва, из века в век. Документальным подтверждением этой теории должен был стать «Царский список», составленный при царе Ур-Намму — первая «официальная история» Двуречья⁶⁷.

Государственный сектор полностью преобладал в жизни общества, но тем не менее сохранялся и частный сектор. Вне храма по-прежнему существовала община, однако о ее жизни сохранилось мало известий. Шульги, по-видимому, пытался вообще ликвидировать всякие следы общинного самоуправления; все сколько-нибудь существенные дела решали царские чиновники⁶⁸. Как и прежде, общинники не платили определенных налогов, но приносили «дары» храмам и отбывали месячную трудовую повинность, по большей части на ремонте оросительных систем⁶⁹. Чтобы остановить социальную дифференциацию в общине, цари запретили куплю-продажу земли и время от времени вновь объявляли о «справедливости» — об отмене долгов и освобождении долговых рабов⁷⁰. В целях государственно-правового регулирования был создан древнейший в мире юридический кодекс — законы Ур-Намму. «Ур-Намму, говорит этот кодекс, установил справедливость в Стране, воистину он изгнал зло, насилие и раздор... Бедняк не был отдаваем во власть богатого»⁷¹. Сохранились многочисленные известия о судебных процессах, на которых поработанные бедняки пытались отстоять свою свободу⁷².

Тем не менее разорение крестьян продолжалось, — об этом свидетельствует стремление многих крестьян получить работу в храме и многочисленные упоминания о продаже родителями своих детей в рабство. Цена на рабов была как никогда низкой: раб стоил 9 сиклей серебра; рабыня стоила вдвое меньше⁷³, как видно из рис. 2, такие цены характерны для периодов сжатия. Низкие нормы довольствия храмовых работников — те же, что и во времена Саргонидов, — так же говорят о дешевизне рабочей силы, что является одним

из основных признаков сжатия. Следует отметить, что при III династии в храмовых хозяйствах была сосредоточена основная масса трудового люда, и стало быть, все эти люди получали пропитание на уровне голодного минимума. Общинники, нанимавшиеся в храмовые хозяйства на сезонные работы, получали в 3 раза больше, чем гуруши, — 6 сила (3,7 кг) в день, однако при постоянном найме плата снижалась до обычной оплаты гурушей⁷⁴. Для сравнения можно отметить, что в Европе в период сжатия в начале XVII века до н. э. на дневную плату можно было купить 3,5–4 кг зерна⁷⁵.

Государство III династии Ура погибло в результате нашествия амореев и эламитов около 2003 года до н. э. Так же как и двести лет назад, привыкшие к мирной жизни земледельцы не смогли оказать сопротивление закаленным суровым естественным отбором пастухам из степей. Нашествие означало демографическую катастрофу: Двуречье подверглось жестокому опустошению, города обратились в развалины. «Людьми, а не черепками покрыта окрестность; стены зияют, ворота и дороги завалены телами», — повествует «Плачь о гибели Ура». Ирригационные каналы были разрушены, страна запустела: «Мои поля, с которых изгнана мотыга, выращивают нечистые сорные травы; моя равнина, где веселились и пировали, воистину высохла, как печь»⁷⁶.

* * *

Анализируя период с 2170-х годов до конца XXI века до н. э. с точки зрения трехфакторной теории, можно сделать вывод, что эта эпоха представляет собой *третий демографический цикл* истории Двуречья. После завоевания начался период *социального синтеза*, который происходил с преобладанием шумерских культурных традиций. Как видно из хроник, варвары ограничились получением дани, не вмешиваясь в управление городами Двуречья. Однако остается неясным, почему города Двуречья не сохранили монархической формы правления, а вернулись к древним порядкам — к самоуправляемым храмовым общинам. Эта реверсия означала *трансформацию структуры*, переход от этатистской монархии к частнособственническому обществу. Таким образом, в соответствии с нашей системой обозначений итогом предыдущего (саргонидского) цикла была нетипичная трансформация структуры типа ВА^c (верхний индекс «с» означает результат завоевания), а весь цикл имел вид АВА^c.

Как бы то ни было, во второй половине XXII столетия до н. э. начался *период роста*, он ознаменован строительной деятельностью Гудеа и восстановлением разрушенных кутиями городов. Уже к концу XXII века до н. э. демографическое давление повысилось, и начавшееся *сжатие* вызвало народное восстание. Асабия кутиев к этому времени, видимо, заметно ослабла, и они бежали почти без борьбы. Восстание привело не только к изгнанию кутиев, но и к *трансформации структуры*, к социаль-

ной революции, отнявшей власть у общинной знати и восстановившей этатистскую монархию XXIII века до н. э. (трансформация типа А^сВ).

Этот социальный переворот совершился без больших потрясений, что можно объяснить воздействием уже сформировавшейся монархической традиции — после изгнания кутиев возврат к традиционной монархии выглядел вполне естественным. Демографический цикл продолжался в условиях новых социально-экономических отношений. III династия Ура проводила широкомасштабные мероприятия, направленные на понижение давления, обеспечение народа землей и хлебом, — сюда относятся не только ирригационные работы, но и меры по социальной поддержке крестьянства: отмена долгов, запрет продажи земель и т. д. В целом государство III династии Ура демонстрирует невиданный прежде уровень государственного регулирования и политической централизации; государственный сектор полностью преобладал в жизни страны до такой степени, что А.С. Васильев называет это государство «коммунистической казармой»⁷⁷. До некоторой степени преобладание крупных хозяйств может объясняться технологическим фактором — использованием мощного плуга с запряжкой из шести быков (подобным образом использование трактора послужило стимулом для коллективизации).

Как бы то ни было, государственное регулирование в рамках этатистской монархии не смогло остановить *сжатия*, в конце XXI века до н. э. мы наблюдаем такие характерные признаки этой фазы цикла, как низкий уровень потребления, дешевизну рабочей силы, развитие ростовщичества и его следствие — распространение долгового рабства. Третий демографический цикл истории Двуречья был прерван нашествием амореев, принесшим с собой новую демографическую катастрофу и восстановление частнособственнического строя под покровом слабой монархии. В итоге общая схема урского цикла выразилась формулой А^сВА^с.

2.5. Старовавилонский период

Аморей заняли почти все Двуречье — за исключением юго-запада, где около столетия продолжало существовать небольшое царство Иссин — обломок погибшего государства III династии Ура. На остальной территории Двуречья падение демографического давления вернуло к жизни картины прошлого — в сочетании с новыми, привнесенными амореями социальными формами. Масштабы нашествия были таковы, что изменился язык основной массы населения; в простонародном общении шумерский язык был вытеснен семитическим аккадским языком: на севере Двуречья, в Аккаде, издавна проживали семиты, и вторжение семитов-амореев дало аккадскому языку решающее преимущество над шумерским. Шумерский язык сохранился в качестве ученого языка писцовых школ — своеобразной «латыни» наступившего «Средневековья»⁷⁸.

Аморей далеко не сразу овладели городами Двуречья; поначалу они продолжали жить в шатрах и кочевать по полям, быстро высыхающим из-за разрушения ирригационных систем. Многие из них нанимались воинами к мелким шумерским правителям и получали за это наделы, которые обрабатывали арендаторы из местного населения, так что, в конце концов, само слово «аморей» стало синонимом наемника⁷⁹. Затем вожди племен и наемники стали захватывать города и принимать титулы царей, однако в отличие от прежних царей вожди амореев лишь требовали подати и не вникали в дела. В силу такого положения храмы и общины стали более самостоятельными, снова оживились народное собрание и совет старейшин. Многие храмы лежали в развалинах, царские чиновники разбежались, часть царской и храмовой земли была захвачена в собственность, оставшиеся земли сдавались в аренду начальникам рабочих отрядов, энси⁸⁰. «Многочисленные государственные начальники... оказались в положении, когда им было не перед кем отчитываться, и, коль скоро они платили завоевателю известный побор, ничто не мешало им обращаться с доверенной их управлению частью государственного хозяйства, как со своей собственной», — пишет И.М. Дьяконов⁸¹. Храмовое хозяйство потеряло общественный характер; храмовые должности и должностные наделы продавались. «Доходные должности оказались в неподотчетном положении, ничем не отличающемся от собственности. Поэтому эти должности немедленно стали объектами купли-продажи»⁸². А.С. Васильев называет этот процесс «приватизацией»⁸³.

Войны между аморейскими племенами долгое время препятствовали восстановлению хозяйства. В начале XIX века до н. э. в различных царствах были начаты работы по восстановлению ирригационных систем, но не успели они завершиться, как катастрофический разлив Тигра и Евфрата (около 1860 года до н. э.) привел к изменению русел рек и гибели большей части населения. Значительное строительство возобновилось лишь во второй половине XIX века до н. э., когда на юге Двуречья усилилось царство Ларса. Царям Ларсы удалось стабилизировать обстановку в подвластных им областях, и с этого времени начался рост городов. Разрушенный в 2003 году до н. э. Ур к этому времени был восстановлен и в конце XIX века до н. э. достиг прежней численности населения — около 50 тысяч человек. Появились многочисленные новые поселения в окрестностях города, правда, из-за многочисленных разбойников эти поселения приходилось укреплять каменными башнями, димту⁸⁴.

Следует отметить, что в период восстановления экономики ощущалась нехватка рабочей силы и заработная плата была относительно высокой; относящиеся к этому времени законы Эшнунны устанавливают месячную плату в 1 сикль серебра и 1 пан (60 сила) ячменя⁸⁵. Учитывая, что 1 гур (300 сила) зерна стоил 1 сикль, получим размер дневной платы (при крат-

косрочном найме) в 12 сила (7,4 кг) — вдвое больше, чем при III династии Ура. В сезон сбора урожая жнец получал 12 шеумов серебра в день; поскольку 1 шеум равен 1/180 сикля, то дневная плата в пересчете на зерно была равна 20 сила (12,4 кг). Дороговизна рабочей силы сказалась на цене рабов: раб стоил 20–30 сиклей серебра, или 6–9 тысяч сила зерном, вдвое-втрое дороже, чем при III династии Ура. Зафиксированная в законах Эшнунны цена на зерно оставалась той же, что и при III династии Ура, однако известно, что отдельные годы она падала втрое⁸⁶, таким образом, уровень жизни в период восстановления экономики был относительно высоким.

Оживление хозяйственной деятельности в условиях отсутствия государственного регулирования привело к бурному развитию частного предпринимательства. Сохранившиеся документы тех времен говорят о ростовщиках и торговцах, оперирующих значительными капиталами, о землевладельцах, имеющих в собственности сотни гектаров земли и десятки рабов⁸⁷. Нормы процентной ставки составляли 20 % при займе серебром и 33 % при займе зерном; неоплатные должники отдавали в счет долга своих детей и поля. Рабство получило большое распространение, причем в отличие от предыдущего периода рабы уже не охранялись законом от хозяйского произвола, в ходу были кандалы и колодки⁸⁸.

Масштабы предпринимательской деятельности частных лиц, конечно, не могли идти в сравнение с масштабами деятельности храмов. Храмы, превратившиеся в огромные частные корпорации, владели обширными полями, содержали ремесленные мастерские, вели торговые операции, занимались ростовщичеством и, кроме того, получали десятину с местного населения. Особую роль играло храмовое ростовщичество, храмы выдавали займы под залог и в массовых масштабах обращали в рабов несостоятельных должников и их детей⁸⁹. Доходы от многообразной деятельности храма распределялись между владельцами храмовых должностей, пребэнд, в виде «платы» за исполнение своих обязанностей (в действительности эти обязанности исполняли нанятые заместители). Пребэнды служили в качестве акций, по которым распределялась прибыль «компании»; они дробились на доли, продавались и перепродавались, служили объектом спекуляций⁹⁰. Размах частного и корпоративного предпринимательства побуждает многих авторов говорить о «капиталистических предприятиях» и развитии капитализма» в Двуречье⁹¹; таким образом, в условиях падения демографического давления произошел возврат к традициям частнособственнического общества.

В конце XIX века до н. э. наблюдается быстрый рост количества частных правовых документов, свидетельствующий как об экономическом росте, так и о прогрессирующем разорении общинников. От этого времени дошло великое множество писем бедных крестьян, просящих помощи у богатей или у царя; сообщается о скитающихся по дорогам толпах безработных и нищих⁹².

В конце концов, развитие частного сектора столкнулось с унаследованными от прошлого монархическими традициями. Как отмечалось выше, процесс перенимания варварами-завоевателями социальных и культурных традиций завоеванных стран является частью *процесса социального синтеза*. В роли восстановителя этих традиций выступил царь Ларсы Рим-Син (1822–1763 до н. э.); подражая великим царям прошлого, он в 1801 году до н. э. объявил себя богом, а восемь лет спустя запретил продажу земель и ограничил ростовщические сделки⁹³. Социальные реформы Рим-Сина были поддержаны вавилонским царем Хаммурапи (1792–1750 до н. э.), который, взойдя на престол, объявил о «справедливости» — то есть об отмене долгов и освобождении должговых рабов. В 1762 году до н. э. Хаммурапи овладел Ларсой и объединил Двуречье. По-видимому, большая часть земель крупных собственников была взята в царский фонд, а их владельцы превратились в «царских людей», что было равносильно массовой конфискации частной собственности⁹⁴.

Восстановление единого «царства Шумера и Аккада» означало прежде всего восстановление ирригационной сети. Десятки тысяч крестьян были мобилизованы на ремонт и строительство каналов; эти работы продолжались непрерывно девять лет. Под руководством самого царя был проведен грандиозный канал, восхвалявшийся в надписях как «богатство народа», «река Хаммурапи, приносящая изобилие Шумеру». Все население обязано было нести двухмесячную трудовую повинность на ирригационных работах; уклонение от повинности строго каралось⁹⁵. На обводненных царских землях должны были селиться обнищавшие крестьяне. Таким образом (впервые за двести лет истории), царь обеспечил пристанище и дал возможность прокормиться тем, кто утратил статус крестьян и членов гражданской общины⁹⁶.

Так же как и Саргон, Хаммурапи подчинил храмовые хозяйства и изъяс большую часть их доходов. Царские и храмовые поля сдавались в аренду начальникам рабочих отрядов, которые получали посевное зерно, упряжки из шести быков с большими плугами, довольствие для своих людей и отдавали в оплату аренды 1/3–2/3 урожая⁹⁷. Людей, работающих на царя в этих хозяйствах (прежних гурушей), называли «людьми царя», мушкенум (буквально — «падающий ниц перед царем»). Остальное население (полноправные члены городских и сельских общин) именовалось просто «людьми», авилум; со временем авилум стало вежливым обращением к человеку, обладающему определенным достатком⁹⁸.

Воины (преимущественно амореи) за свою службу получали от царя земельные наделы, которые они могли передать по наследству, но не имели права продавать. Размеры воинских наделов составляли обычно около 12 га; это лишь вдвое больше того участка, который, по расчетам исследователей, необходим для прокорма крестьянской семьи. Воин иногда владел

одним или двумя рабами; если же рабов не было, то он договаривался с другим воином и они по очереди несли службу и обрабатывали землю⁹⁹. Чиновники и работавшие на казну ремесленники также получали служебные наделы. Надел ремесленника составлял 9–12 га, надел чиновника — 12–75 га; при Рим-Сине высшие чиновники получали до 300 га¹⁰⁰.

Подражая великим царям III династии Ура, Хаммурапи восстановил систему государственного регулирования: он запретил частную торговлю, продажу земли и восстановил регулярное проведение «справедливости»¹⁰¹. И.М. Дьяконов рассматривает эти ограничивающие частное предпринимательство реформы как возвращение к «восточной деспотии»¹⁰², однако в данном случае привычные дефиниции явно вступают в противоречие со здравым смыслом¹⁰³. Именно Хаммурапи был автором знаменитого кодекса законов и создателем того общественного порядка, который в наше время принято называть «правовым государством».

«Когда славнейший Анум, царь Аннуннаков, и Эллил, владыка небес и земли... возвысили Вавилон над четырьмя странами света, — гласит вступление к законам Хаммурапи, — тогда-то меня, Хаммурапи, правителя заботливого и богобоязненного, назвали по имени дабы справедливость в стране была установлена, дабы погубить незаконных и злых, дабы сильный не притеснял слабого»¹⁰⁴. Установление правового порядка, таким образом, преследовало четко выраженную социальную задачу — остановить произвол «богатых и сильных». Именно с этой целью Хаммурапи создал царские суды, которые судили по писаным законам и в которые мог обратиться любой общинник, недовольный решением общинного суда. И.М. Дьяконов особо отмечает, что царь поощрял подачу жалоб в эти суды, но не вмешивался в их деятельность и не диктовал свою волю¹⁰⁵.

Законы Хаммурапи практически уничтожили долговое рабство: отныне отработка долга несостоятельным должником ограничивалась работой одного из членов его семьи в течение трех лет, причем отработавший не считался рабом¹⁰⁶. Несколько статей законов Хаммурапи посвящены государственному регулированию оплаты за труд, и это позволяет оценить «официальный» уровень потребления в середине XVIII века до н. э. При краткосрочном найме оплата составляла 5–6 шевумов серебра — в пересчете на зерно 8–10 сила в день (5–6,2 кг), значительно меньше, чем в законах Эшнунны¹⁰⁷. При постоянном найме работник низкой квалификации (погонщик волов) получал 6 гур зерна в год, то есть 5 сила (3,2 кг) в день.

Как видно из приводимых ниже данных (рис. 3), реальная заработная плата при месячном найме составляла в правление Хаммурапи около 5 кг ячменя. Таким образом, уровень демографического давления был меньшим, чем в период сжатия при III династии Ура. Строительство новых ирригационных систем какое-то время позволяло компенсировать рост

демографического давления, но экологическая ситуация осложнялась прогрессирующим засолением земель; по сравнению с временами Саргонидов урожайность снизилась с 12 до 8 ц/га¹⁰⁸.

В правление сына Хаммурапи, Самсуилуны (1749–1712 до н. э.), на Двуречье обрушились орды варваров-касситов; это были пастушеские племена, освоившие новое оружие — боевую колесницу; их вторжение грозило цивилизации страшной опасностью. С большим трудом после нескольких поражений Самсуилуне удалось отбросить варваров; касситы отступили на Средний Евфрат и основали здесь царство Хана, откуда они продолжали совершать набеги на Вавилон. Неудачи Самсуилуны побудили к действию всех врагов монархии, прежде всего крупных собственников, потерявших свои земли и доходы¹⁰⁹: на юге Двуречья началось восстание, переросшее в большую гражданскую войну. Война продолжалась три года, царские войска жестоко опустошили половину страны: Урук, Ур, Ларса и многие другие города были разрушены, а их население вырезано¹¹⁰. Гражданская война означала демографическую катастрофу.

Американский исследователь Х. Фарбер посвятил обстоятельное исследование вопросу о динамике цен в XVIII–XVII веках до н. э.¹¹¹ Наиболее подробная информация имеется о ценах на рабов и участки земли. На рис. 2 мы совместили два графика, приводимых Х. Фарбером и отражающих динамику этих величин¹¹². Цены на рабов характеризуют стоимость рабочей силы и в экономической теории ведут себя так же, как реальная зарплата, то есть с ростом численности населения цены на рабов уменьшаются, а с сокращением населения — увеличиваются. Цена на землю жестко связана с земельной рентой, и при увеличении численности населения она, как и рента, возрастает, а при уменьшении убывает. Таким образом, на графике представлена динамика двух составляющих экономического процесса, которые по мальтузианской теории должны колебаться в противофазе. На графиках Х. Фарбера плоские участки обозначают среднюю цену за соответствующий период, а наклонные участки — переход от одной средней цене к другой, то есть динамика передана «в первом приближении». Тем не менее, мы можем наблюдать достаточно хорошее совпадение с теорией: цена на рабов и стоимость земли действительно колеблются в противофазе.

Данных о ценах и заработной плате значительно меньше; на рис. 3 мы представили имеющиеся данные о ценах на ячмень и заработной плате, выплачиваемой зерном. Как видно из рис. 3, эти данные содержат большую лагуну, приходящуюся как раз на время после катастрофы 1730-х годов; когда же в 1680-х годах до н. э. снова появляются сведения о заработной плате, то ее уровень (насколько можно судить по немногочисленным документам) оказывается в полтора-два раза выше, чем до катастрофы.

В целом заработная плата и цены на продовольствие ведут себя в соответствии с теорией демографических циклов (ср. рис. 1). Как видно из рис. 3, тренд реальной заработной платы, как и должно быть в теории, соответствует динамике цен на рабов, поэтому для анализа экономической динамики удобнее использовать более подкрепленные данными для цен на рабов и землю (рис. 2).

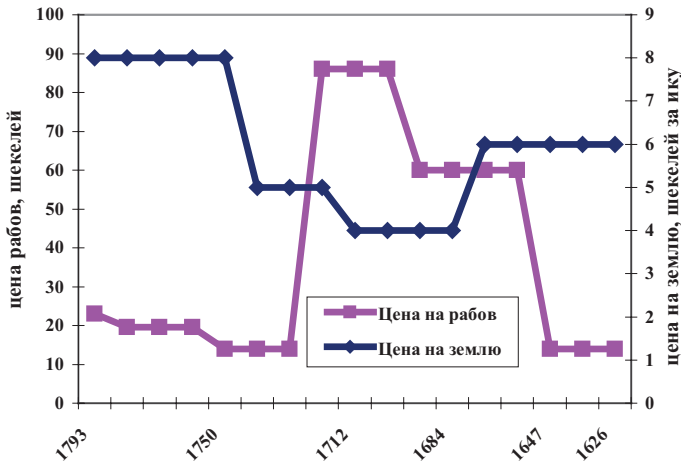

Рис. 2. Динамика цен на рабов и землю в Вавилонии

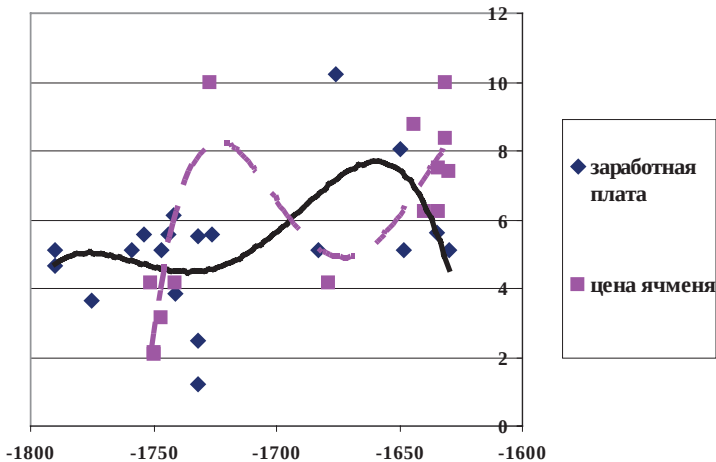

Рис. 3. Данные о заработной плате при месячном найме (в пересчете на кг в день) и цена ячменя (в сиклях за пан=1/5 кура). Сплошные линии — полиномиальные тренды для заработной платы, прерывистая линия — для цен¹¹³

Как видно из этих графиков, после катастрофы 1730-х годов до н. э. цена на рабов возросла, а цена на землю резко упала. Это, очевидно, свидетельствует о резком уменьшении численности населения, о чем говорят также сведения о разрушении многих городов и запустении южных областей. Х. Фарбер приводит сведения о резком росте цен не только на рабов, но и на скот, на шерсть, на аренду домов, и хотя эти данные фрагментарны, в совокупности они позволяют говорить о резком скачке цен после 1740 года до н. э., что вместе с падением цен на землю говорит о кризисе, разрухе и войнах. Как отмечалось выше, мы практически не имеем сведений об уровне потребления в этот период, но трудно ожидать, чтобы он был высоким (связь между ценой рабов и заработной платой устойчива только в нормальных условиях). Как показывают данные рис. 2, период разрухи продолжался около полувека, что объясняется, по-видимому, возобновлявшимися время от времени смутами и опустошительными вторжениями касситов. Восстановление началось в период правления Абиешу (1711–1684 до н. э.), от которого сохранились сведения об отчистке и обновлении каналов и сооружении на них новых городов¹¹⁴. В условиях стабилизации должен был возрасти и прийти в соответствие с ценой рабов также и уровень реальной заработной платы, в действительности мы имеем отдельные (хотя и фрагментарные) факты, подтверждающие эти соображения (см. рис. 3). В правление Амидитаны (1683–1647 до н. э.) процесс восстановления становится более интенсивным; уменьшение цены на рабочую силу и удорожание земли в этот период, очевидно, свидетельствует о быстром росте населения. В социально-политическом отношении цари XVII века до н. э. продолжали традиции предшествующей эпохи и время от времени провозглашали «справедливость». При Амиццадукке (1646–1626 до н. э.) цены на рабов и реальная заработная плата практически вернулись к уровню времен Хаммурапи, то есть к уровню, предшествовавшему кризису. Однако для правления Самсудианы (1625–1595 до н. э.) данные о цене рабов и земли отсутствуют. Отрывочные сведения о ценах на скот и ячмень говорят о резком скачке цен¹¹⁵ — таком, как в период кризиса после 1740 года до н. э., т. е. есть основания говорить о наступлении нового экосоциального кризиса. О том, что происходило в правление Самсудианы, практически ничего не известно. Достоверно лишь то, что касситы продолжали наступать на царство Шумера и Аккада, войны тянулись десятилетиями, в конце концов, в 1595 году до н. э. касситы и хетты овладели Вавилоном. Нашествие принесло с собой новую катастрофу: Вавилон был разрушен, население вырезано или угнано в плен. Масштабы катастрофы были таковы, что от двух последующих столетий не осталось практически никаких документов. Писцы Вавилона погибли, и некому было рассказать о том, что было после «конца света»¹¹⁶.

* * *

Возвращаясь к анализу исторического процесса с позиций трехфакторной модели, необходимо заметить, что нашествие амореев было намного более разрушительным, чем нашествие кутиев: междоусобные войны продолжались около двух столетий. Долгие войны не позволяли приступить к восстановлению хозяйства, военное давление оставалось высоким, а численность населения — низкой; как условлено ранее, мы называем такие периоды *интерциклами*.

Масштабы нашествия были таковы, что этнокультурная традиция шумеров оказалась надломленной — в процессе *социального синтеза* изменился даже язык, в культурном (и вероятно, антропологическом) отношении получили преобладание семитические элементы. Хотя амореи не обладали новым оружием, их физическое и психологическое превосходство было признано, и они стали военным сословием в тех государствах, на которые распалось единое царство после нашествия. Падение монархии под ударами варваров привело к разрушению государственных хозяйств, «приватизации» и возрождению частного сектора. Так же как нашествие кутиев, нашествие амореев вызвало *реверсивную трансформацию структуры* и возврат к ранним формам социальной организации (трансформация типа ВА^с). Повторяемость этого явления (оно еще раз повторится после нашествия касситов, а затем после нашествия халдеев) заставляет видеть в нем некую закономерность, не объяснимую в рамках трехфакторной модели. Очевидно лишь то обстоятельство, что частнособственническое общество, возникающее среди развалин, является социальной формой, соответствующей относительно низкому демографическому давлению и условиям децентрализации. Когда давление повышается, оно уступает место этатистской монархии, и как в «урском», так и в «старовавилонском» цикле это происходит без большой борьбы.

В XIX веке до н. э. намечалась относительная политическая стабилизация, которая означала начало нового демографического цикла. Междоусобные войны поутихли, и появились характерные признаки *периода роста*: рост населения, восстановление разрушенных поселений, относительно высокий уровень жизни крестьян, дороговизна рабочей силы, относительная политическая стабильность. К концу столетия появляются признаки *сжатия*: рост городов, развитие ремесел и торговли, разорение крестьян-собственников, рост помещичьего землевладения, рост ростовщичества, распространение долгового рабства, падение уровня оплаты труда, низкий уровень потребления, большое количество безработных и нищих, попытки проведения социальных реформ. Разорение крестьян-собственников создало благоприятные условия для развития частного предпринимательства, и период сжатия в XVIII веке до н. э. был

периодом расцвета частнособственнического общества. Дальнейшее усиление сжатия — как в предыдущем цикле — привело к возрождению монархической традиции. Около 1793 года до н. э. цари Рим-Син и Хаммурапи провели социальные реформы, ограничившие ростовщичество и продажу земель. Так же как в предыдущем случае, этатистская *трансформация структуры* (типа А^сВ) совершилась без больших потрясений, и так же, как в предыдущем цикле, за реформами последовали обширные ирригационные работы с целью наделения бедняков землей. Вероятно, народные массы понимали, что эти работы могла провести лишь возрожденная монархия, и именно это обеспечивало новым царям необходимую поддержку¹¹⁷.

С другой стороны, социальные реформы можно рассматривать как продолжение процесса социального синтеза, как усвоение аморейскими вождями местных традиций. В итоге, амореи не были изгнаны, подобно кутиям, а заняли место военного (и отчасти чиновничьего) сословия. Во времена Хаммурапи мы впервые можем наблюдать предназначенную для содержания воинов систему наделов — прообраз позднейших систем такого рода (икта, тимар и т. д.). В отличие от более поздних поместий наделы воинов при Хаммурапи были маленькими, едва достаточными для содержания пехотинца. Во времена господства «справедливости» военное сословие, очевидно, не обладало существенными привилегиями перед другими сословиями.

Объединив страну, Хаммурапи подчинил храмы, национализировал торговлю и произвел массовые конфискации земель у крупных собственников. Эти реформы означали восстановление *этатистской монархии* времен III династии Ура. С помощью широкомасштабного ирригационного строительства этатистская монархия сумела на время замедлить процесс сжатия, и в правление Хаммурапи потребление оставалось на удовлетворительном уровне. Кризис, наступивший в правление Самсулуины, был связан в значительной степени с нашествием пастушеских народов; знать воспользовалась тяжелой ситуацией, чтобы снова (как после смерти Саргона) поднять восстание. Восстание переросло в гражданскую войну, которая привела к демографической катастрофе, но не вызвала трансформации структуры. В итоге формула первого старовавилонского цикла сохранила вид А^сВ.

Период с 1740-х годов до начала XVI века до н. э. представляет собой второй старовавилонский демографический цикл. Недостаточная документированность этого периода не позволяет судить о динамике демографических и социальных процессов. Известно лишь, что победившая монархия пыталась регулировать эти процессы, время от времени объявляя о «справедливости». Второй старовавилонский демографический цикл завершился вторжением варваров-касситов и демографической катастро-

фой. После катастрофы установилась слабая касситская монархия при господстве частнособственнических отношений (трансформация ВА_c^c).

2.6. Египет в эпоху Раннего и Древнего царства

Как отмечают исследователи, недостаточность археологических и письменных материалов не позволяет проследить все этапы социально-экономической истории Древнего Египта, даже египетская хронология до сих пор остается предметом дискуссий, и датировки являются весьма условными. Считается, что становление земледельческих культур в долине Нила произошло позже, чем в Передней Азии, — на рубеже V и IV тысячелетий до н. э.; к этому времени относится и создание простейших ирригационных систем. Появление значительных поселений, храмов и письменности в настоящее время датируется концом IV тысячелетия до н. э., к этому же периоду относят многочисленные свидетельства о вооруженных столкновениях и о возникновении социального неравенства¹¹⁸. Среди историков до сих пор нет единого мнения по вопросу о причинах этих внезапных перемен, но существует достаточно авторитетная «миграционная» теория, доказывающая, что в середине IV тысячелетия до н. э. Египет был завоеван племенами семитов, пришедшими из Передней Азии и принесшими с собой некоторые элементы культуры Двуречья¹¹⁹.

Во второй половине IV тысячелетия до н. э. в Египете сложилась система номов. Это были небольшие государства с центром в городе, где находились резиденция вождя и святилище местного бога; в общих чертах эта картина напоминает города-государства Двуречья. Номы вели между собой ожесточенные войны; их правители изображали себя то на фоне побежденных врагов, то с мотыгой в руках на строительстве канала¹²⁰. Анализируя сведения, сохранившиеся от этой эпохи, Д.Б. Прусаков приходит к выводу о наличии экологического и социального кризиса, который породил первую египетскую монархию¹²¹.

Согласно «Царским спискам» Манефона, объединителем Египта был фараон Мина; по преданию, Мина провел обширные ирригационные работы в Дельте и построил на осушенных землях новую столицу — Мемфис¹²². Фараоны основанной Миною I династии называли себя богами; их хоронили вместе со множеством слуг. Цари строили храмы и создавали храмовые и царские хозяйства; этим хозяйствам передавались земли и работники, которые обрабатывали поля, — мерет («челядь»)¹²³. Согласно «миграционной» теории мерет — это потомки туземного населения Египта, покоренные пришельцами из Азии; согласно другой точке зрения в число «челяди» включались разорившиеся крестьяне-общинники¹²⁴.

Согласно позднейшим сведениям, «челядь» объединялась в рабочие отряды¹²⁵, которые получали посевное зерно, упряжки быков, плуги и сда-

вали весь урожай в хозяйские амбары («дома шнау»), где им выделяли довольствие — хлеб, пиво, одежду; в «домах шнау» были также ремесленные мастерские¹²⁶. Работники имели свои дома и семьи, они были прикреплены к хозяйству, но в случае необходимости могли быть переброшены в другие места. Работников из числа храмовой и царской «челяди» отличали от рабов, их нельзя было продавать¹²⁷. По-видимому, положение египетской «челяди» было близко к положению работников царско-храмовых хозяйств Двуречья — гурушей. Так же как в Двуречье, жрецы и чиновники получали надель, которые обрабатывала царско-храмовая «челядь», при этом храмы подчинялись царской администрации, а жрецы были, по существу, царскими чиновниками¹²⁸. Это удивительное сходство организации храмовых хозяйств в Египте и Двуречье, согласно «миграционной» теории, можно объяснить диффузией древнешумерских традиций.

Помимо «челяди», в Египте существовали и крестьяне — мелкие землевладельцы, «люди» или «царские люди». Сохранились позднейшие сведения о продаже земли группами «царских людей», вероятно, сельской общиной¹²⁹. Каждые два года в стране проводился учет полей и людей¹³⁰.

По мнению Ю.А. Перепелкина, в этот период уже существовало постоянное войско¹³¹. Так же как в империи Саргонидов, это было войско легковооруженных лучников, которые имели на вооружении как простые, так и двояковогнутые луки. Постоянное войско обеспечивалось оружием за счет государства, в случае необходимости ему на помощь приходило многочисленное ополчение, состоявшее в основном из крестьян¹³².

От времен I династии сохранились свидетельства о существовании могущественной знати, способной конкурировать с самим фараоном¹³³. Гробницы знати иной раз соперничали размерами с гробницами царей; власть царей постепенно ослабевала¹³⁴. Примерно через два столетия после Мины произошло большое восстание в Нижнем Египте, которое приняло масштабы гражданской войны. Разгромивший своих врагов фараон Хасехем оставил надпись, в которой говорится о 50 тысячах убитых¹³⁵.

Разгром Нижнего Египта означал демографическую катастрофу и окончание периода, который принято называть Ранним царством. Победа монархии в разрушительной гражданской войне ознаменовалась возведением фараоном Джосером первой пирамиды — величественного символа могущества царей. При III династии вельможи уже не соперничали с царем, правители областей не принадлежали к царскому роду и их часто переводили из одного нома в другой¹³⁶. Основатель IV династии фараон Снофру известен своими победами над ливийцами и расширением сети царских хозяйств¹³⁷. Его сын и преемник Хуфу (Хеопс) воздвиг пирамиду высотой 146 м, на строительстве которой, по сведениям Геродота, работали 100 тысяч человек, сменяясь каждые три месяца¹³⁸. Тру-

довой повинностью было охвачено все население страны — напомним, что и в Двуречье существовала одно-двухмесячная трудовая повинность, которую обычно отбывали на строительстве храмов и ремонте ирригационных сооружений. Египетские фараоны обратили ресурсы, которые ранее использовались для ирригационных работ, на престижные стройки; от IV династии не сохранилось известий о строительстве каналов или плотин¹³⁹. При этом они не рассчитали сил страны: внук Хуфу, Менкаура, был вынужден уменьшить высоту своей пирамиды до 66 м, а его преемник Шепсескаф вовсе отказался от пирамиды. Затем в стране началась какая-то смута и к власти пришла новая династия¹⁴⁰.

Время правления III и IV династий (в совокупности около двух столетий) характеризуется полным преобладанием государственного сектора экономики. А.С. Васильев называет этот строй «казарменно-коммунистическим»¹⁴¹, а М. Вебер — «государственным социализмом». Однако частный сектор продолжал существовать и в этот период; сохранились известия о том, что один из сановников скупал у крестьян землю и составил поместье в 70 га¹⁴².

При V династии пирамиды фараонов становятся все меньше, а гробницы знати — все богаче; явственно чувствуется ослабление царской власти¹⁴³. При VI династии должности номархов становятся наследственными; вельможи получают в дар от фараонов обширные поместья и становятся владельцами «личных домов», хозяйств, подобных тем, которыми раньше владели лишь царь и храмы, — А.С. Васильев называет этот процесс «приватизацией»¹⁴⁴. Вместе с поместьями передается «челядь» — зачастую целыми селениями; при этом положение «челяди» существенно меняется — теперь она принадлежит частным лицам, ее продают, покупают и даже захватывают¹⁴⁵. Картины на стенах вельможеских гробниц изображают «челядь», работающую под бдительным наблюдением надсмотрщиков с палками и кнутами; нередко встречаются сцены наказания работников¹⁴⁶. Многие исследователи считают работников вельможеских хозяйств рабами¹⁴⁷.

От периода V–VI династий сохранились сведения об ухудшении положения крестьян — мелких землевладельцев. Имеются сообщения о бедных крестьянах, у которых нет своей упряжки, о голоде, о долговой кабале, о продаже детей в рабство¹⁴⁸. В некоторых случаях власти оказывали помощь голодающим и беднякам; вероятно, с этой же целью были возобновлены ирригационные работы¹⁴⁹. Однако центральная власть быстро теряла свои позиции; храмовые хозяйства постепенно освобождались от царских повинностей и переходили под контроль номархов; жреческие должности также подверглись «приватизации» и стали собственностью единой светско-жреческой знати, захватившей значительную часть доходов царско-храмового хозяйства¹⁵⁰. В правление Пеопи II на-

следование чиновничьих должностей привело к дезорганизации административного аппарата, наместники стали фактически независимыми и именовали себя «великими областеначальниками». Таким образом, наблюдалось прогрессирующее разложение и феодализация государства; вскоре началась вооруженная борьба между отдельными номами¹⁵¹. В середине XXII века до н. э. разразилась катастрофа: восстания, войны, голод, мор слились в один катаклизм. «Мор по всей стране, — говорит «Речение Ипусера». — Кровь повсюду... Благородные в горе, простолюдины же в радости. Каждый город говорит: “Да будем бить мы сильных среди нас...” Номы разгромлены. Варвары извне пришли в Египет... Детей знатных разбивают о стены... Едят траву и запивают ее водой... Чиновники убиты... Царь захвачен бедными людьми...»¹⁵².

* * *

История Древнего Египта документирована значительно хуже, чем история Двуречья, поэтому ее анализ в рамках трехфакторной модели сталкивается с большими трудностями. Имеющийся материал позволяет лишь наметить общие контуры развития процессов, и складывающаяся из отдельных фрагментов картина остается достаточно гипотетической.

Как отмечалось выше, «миграционная» теория объясняет удивительное сходство организации храмовых хозяйств в Египте и Двуречье через посредство диффузии. После завоевания Египта племенами семитов начинается период первоначальной колонизации: в это время отмечается быстрый рост посевных площадей и строительство новых поселений. Появление городов, войны и рост социального неравенства в начале следующего тысячелетия свидетельствуют о сжатии, но, в отличие от Двуречья, мы не можем проследить хода экосоциального кризиса, который привел к *трансформации структуры* и породил первую египетскую монархию — Раннее царство.

Единое государство появилось в Египте в конце IV тысячелетия до н. э., значительно раньше, чем в Двуречье, что можно объяснить относительной замкнутостью Нильской долины: по теории Р. Карнейро важной посылкой к образованию государства является ограниченность ресурсов в изолированных долинах.

Важную роль сыграл также ирригационный характер египетской цивилизации: не случайно первый фараон Египта, Мина, так же как Ур-Намму и Хаммурапи, выступает, в первую очередь, в роли строителя каналов. Необходимо подчеркнуть, что строительство масштабных ирригационных систем в условиях Египта и Двуречья является главным признаком нехватки земли, перенаселения и сжатия. Однако ирригационное строительство может лишь отсрочить наступление кризиса. Два столетия

спустя произошел новый *экосоциальный кризис*, приведший к гражданской войне и демографической катастрофе.

Кризис, завершившийся победой фараона Хасехема, привел к новой *трансформации структуры* и породил этатистскую монархию Древнего царства, по определению Л.С. Васильева, «казарменно-коммунистический строй». Так же как в Шумере, военную опору монархии составляла постоянная армия легковооруженных лучников. Эпоха Древнего царства продолжалась полтысячелетия, и внешние общественные отношения оставались на протяжении долгого времени достаточно стабильными. Однако следует заметить, что недостаток источников не позволяет со всей определенностью судить о характере протекавших в этот период социально-экономических процессов. Возможно, что смута в конце правления III династии сопровождалась демографической катастрофой, и в действительности мы имеем в эпоху Древнего царства не один, а два (или даже три) демографических цикла.

В конечном счете в правление V–VI династий появились признаки сжатия, которое проявилось прежде всего в борьбе за ресурсы между элитой и монархией, в ослаблении государства, в раздачах государственных земель сановникам и вельможам («приватизации»). «Приватизация» привела к появлению крупной землевладельческой знати, которая вступила в борьбу за власть. Если в Двуречье сжатие заканчивалось вторжением варваров, то в Древнеегипетском царстве мы впервые наблюдаем постепенную *феодализацию*, которая проявилась в разложении этатистской монархии, в прекращении государственного регулирования, в «приватизации» должностей и служебных держаний. Феодализация ускорила процесс сжатия, появились и другие симптомы перенаселения: имеются упоминания о голоде, разорении крестьян, распространении долгового рабства. Сжатие закончилось катастрофическим экосоциальным кризисом, народными восстаниями, разрушительной гражданской войной и вторжениями варваров.

2.7. Среднее царство в Египте

Гибель Древнего царства сопровождалась демографической катастрофой. «Города разрушены... Людей стало мало», — свидетельствует жрец Ипусер¹⁵³. Дельта была занята варварами — вторгшимися из Азии пастушескими племенами¹⁵⁴. Многие ирригационные системы пришли в негодность, пашни превратились в болота, поля не обрабатывались¹⁵⁵. Источники говорят о голоде, о продаже бедняками своей земли и детей¹⁵⁶. Катастрофа принесла с собой частичную реставрацию домонархических порядков: страна распалась на отдельные номы, в которых господствовала местная знать. Номархи вели войны между собой и с варварами;

в этой борьбе выдвинулись номархи Гераклеополя, контролировавшие среднюю часть долины Нила и называвшие себя фараонами. Фараоны Гераклеополя опирались на знать: «Подавляй толпу... — говорит царь Ахтой III (~2115–2070 до н. э.) своему сыну. — Тот, кто беден, — враг... Он дает разъяриться толпе, помещенной в дома шнау... Возвышай своих вельмож... Могуч царь владыка, велик он богатством своих вельмож...»¹⁵⁷. Ахтой III изгнал варваров, завоевал Дельту и основал там военные поселения; при этом царю начался период восстановления¹⁵⁸. В этот период сохраняется могущество светско-жреческой знати, по-прежнему многочисленны крупные частные вельможеские хозяйства и становятся частыми упоминания о мелких и средних хозяйствах военных поселенцев и чиновников¹⁵⁹. Можно предположить, что наделы, которые выделялись чиновникам во времена Древнего царства, но оставались в составе царско-храмового хозяйства, теперь (вслед за землями знати) «приватизировались» и превратились в самостоятельные поместья. Как и прежде, земли фараонов, храмов и предоставленные в обеспечение службы наделы чиновников обрабатывали «царские слуги», хему, — потомки «челяди» времен Древнего царства. Так же как «челядь», «царские слуги» получали от хозяина довольствие, посевное зерно и быков, но в отличие от челяди они работали на индивидуальных наделах¹⁶⁰. Это были большие наделы, как доказывает О.Д. Берлев, они составляли порядка 20 арур (5,5 га), что примерно соответствовало максимальной площади, которую мог обработать в то время египетский земледелец¹⁶¹. Это говорит о том, что в начале Среднего царства было много свободной земли, а также о большой норме эксплуатации, ведь урожай, получаемый на этих больших наделах, шел не работнику, а храму, чиновнику или фараону. Работавшие на чиновника «царские слуги» считались его «должностным имуществом», но поскольку должности (как и в предыдущую эпоху) передавались по наследству, то чиновник рассматривал «царских слуг» как «мое богатство»¹⁶². Известны многочисленные случаи продажи «царских слуг»¹⁶³. Имеются данные, что хозяйства, основанные на труде «приватизированных» «царских слуг», поставляли часть своей продукции для рынка. А.С. Васильев отмечает, что «приватизация» привела к значительному оживлению частного сектора¹⁶⁴.

Гераклеопольским царям не удалось объединить Египет — они потерпели поражение в борьбе с Фиванским царством. Фиванский фараон Ментухотеп II (~2046–1995 до н. э.) объединил страну и положил начало новой эпохе египетской истории — эпохе Среднего царства. К этому времени период восстановления в основном завершился, большие города поднялись из руин, заметно оживилась торговая и строительная деятельность¹⁶⁵. Однако социальные отношения оставались прежними: власть фараонов была слабой, номархи оставались полуавтономными и сохра-

няли свои огромные владения, должности по-прежнему наследовались. После смерти Ментухотепа II страну постиг катастрофический голод. «Пророчество Неферти», которое, как считается, описывает события этого времени, говорит о восстаниях бедняков, вторжениях варваров, об опустошении страны. Составленное задним числом пророчество предсказывает приход к власти «избавителя, который спасет Египет от гибели» — основателя XII династии фараона Аменемхета I¹⁶⁶.

Аменемхет I (~1976–1947 до н. э.) пришел к власти в результате государственного переворота, и его правление ознаменовалось резким изменением социальной политики. Новый фараон отменил наследственность должностей, назначал на посты незнатных людей, благоволил простому народу и заботился о его пропитании. «Я давал нищему, я кормил сироту, я давал ход тому, кто был ничем... — говорит «Поучение Аменемхета». — Я был тем, кто создает зерно, кто возлюбил бога зерна. Нил приветствовал меня каждый год, никто не голодал в мои годы»¹⁶⁷. Политика царя вызвала недовольство отстраненной от власти знати, и на тридцатом году правления Аменемхет I был убит заговорщиками¹⁶⁸.

Аменемхет I считал, что восстанавливает традиции древних фараонов — традиции сильной и справедливой монархической власти; он возобновил строительство пирамид и возвел новую столицу Ит-тауи недалеко от древнего Мемфиса. Сенусерт I продолжил дело своего отца; один из номархов этого фараона в своей надписи утверждал, что все люди равны (буквально: «все люди — одна плоть»), и, помогая бедным, пытался добиться любви простого народа¹⁶⁹. Однако продовольственное положение оставалось напряженным, на 25-м году правления Сенусерта страну вновь постиг голод. Пытаясь спасти страну от голода, Сенусерт II приступил к грандиозным ирригационным работам в Фаюмском оазисе; эти работы продолжались непрерывно в течение трех царствований; все население Египта отбывало здесь трудовую повинность — два месяца в году¹⁷⁰. Сенусерт III завоевал Нубию и вывел на юг переселенческие колонии¹⁷¹. «Это я, царь... думающий о бедняках», — гласит надпись на царской стеле¹⁷². Идеологическая доктрина царей XII династии нашла выражение в сложившемся к этому времени культе бога Амона. Амон-Ра изображался покровителем, пекущимся обо всех несчастных, спасающим робкого от гордого, судьей между сильным и слабым¹⁷³.

До определенного момента деятельность царей XII династии не затрагивала вопроса о переделе собственности; подчинившаяся царям знать сохраняла свои поместья, и вельможи строили роскошные скальные гробницы¹⁷⁴. Решающий удар знати был нанесен фараоном Аменемхетом III (~1844–1797 до н. э.); источники не сохранили подробностей произошедшего, имеются лишь свидетельства археологов о прекращении строительства новых вельможеских гробниц и о разорении старых¹⁷⁵. После этих

событий номовая знать на некоторое время сходит со страниц египетской истории.

Аменемхет III остался в памяти поколений как самый могущественный правитель Среднего царства. Этот фараон был старшим современником великого царя Вавилона Хаммурапи, и его деятельность во многом напоминала деятельность Хаммурапи; оба великих царя строили ирригационные системы, боролись со знатью и заботились о простом народе. Правление великих царей продолжалось около полувека, а затем наступил неожиданный упадок. О характере смуты, наступившей после смерти Аменемхета III, практически ничего не известно, можно лишь предполагать, что (как и в Двуречье) враждебная царям знать снова поднялась на борьбу. Как бы то ни было, знати не удалось восстановить свое положение; смута закончилась воцарением XIII династии, которая правила около столетия. В середине XVII века до н. э. Среднее царство погибло под ударами варваров, пастушеских племен, пришедших из Азии и обладавших новым оружием — боевой колесницей.

* * *

Возвращаясь к анализу истории Египта в контексте трехфакторной модели, необходимо отметить, что кризис XXII века до н. э. означал демографическую катастрофу и начало нового демографического цикла. Так же, как это случалось в Двуречье, катастрофа принесла с собой частичное возвращение к порядкам далекой древности, когда страна была разделена на храмовые города-государства (номы). Постоянные войны между номами долгое время препятствовали восстановлению хозяйства, которое началось лишь в правление гераклеопольского фараона Ахтоя III. Этот период был временем значительного развития частного сектора, хотя в Египте этот сектор не достиг такого расцвета, как в Двуречье, о ростовщичестве и частной торговле сохранилось мало сведений. Правившие в это время в разных частях Египта фараоны были слабыми правителями, они служили знати и осуществляли политику подавления низших классов.

Источники не фиксируют отчетливых признаков нового сжатия, но уже в начале XX века до н. э. «Пророчество Неферти» описывает яркую картину нового экосоциального кризиса: катастрофический голод, вторжения варваров, народные восстания, установление сильной монархической власти и социальные реформы. Вероятно, можно говорить о *трансформации структуры* (типа A_cB), которая воссоздала египетскую монархию.

Кризис начала XX века до н. э. означал демографическую катастрофу и начало нового, второго цикла Среднего царства. Период восстановления завершился достаточно быстро (должно быть, масштабы катастрофы

были не столь велики), и уже через 60 лет появляются сообщения о новом голоде. В условиях сжатия монархия принимает энергичные меры для решения продовольственной проблемы, развертывает грандиозное ирригационное строительство и предпринимает колонизацию завоеванной Нубии. Фараон Аменемхет III идет по пути углубления социальных реформ и уничтожает крупные хозяйства знати. Однако после смерти Аменемхета III происходит новый кризис, о природе которого практически ничего неизвестно. Можно предположить, что фараонам Среднего царства все же не удалось сдержать сжатие — второй демографический цикл продолжался уже два столетия. Неясно, означал ли кризис середины XVIII века до н. э. новую демографическую катастрофу и начало следующего цикла, но как бы то ни было, в XVII веке до н. э. естественный ход развития был прерван катастрофическим вторжением варваров. В результате этой катастрофы север страны был захвачен варварами, а в сохранившемся на юге Фиванском царстве усилилась знать и получили развитие частнособственнические отношения. В итоге схему развития второго цикла Среднего царства можно описать формулой BA_c^c .

* * *

Подведем некоторые итоги. Как показано выше, имеющиеся сведения позволяют утверждать, что в истории Двуречья до середины II тысячелетия до н. э. можно выделить пять демографических циклов. Первый цикл завершился рождением монархии Саргонидов. Второй цикл проходил в условиях уже сложившейся монархии; он был прерван вторжением варваров, которое вернуло общество к частнособственническим порядкам, существовавшим в начале первого цикла. В третьем цикле инерция сложившейся на предыдущих циклах монархической традиции привела к тому, что монархия было восстановлена уже в начале периода сжатия. Третий цикл так же, как и второй, был прерван нашествием варваров. Падение монархии под ударами варваров привело к разрушению государственных хозяйств, «приватизации» и возрождению частного сектора: так же как нашествие кутиев, нашествие амореев вызвало реверсивную трансформацию структуры и возврат к ранним формам социальной организации (трансформация типа BA_c^c). Повторяемость этого явления (оно еще раз повторится после нашествия касситов, а затем после нашествия халдеев) заставляет видеть в нем некую закономерность, не объяснимую в рамках трехфакторной модели. Очевидно лишь то обстоятельство, что частнособственническое общество, возникающее среди развалин, является социальной формой, соответствующей относительно низкому демографическому давлению. Когда давление повышается, оно уступает место этатистской монархии — и как в урском, так и в старовавилонском цикле это происходит без большой борьбы.

В четвертом цикле, так же как и в третьем, монархия возродилась уже в начале сжатия и пыталась противостоять ему проведением социальных реформ. Эта попытка окончилась неудачей; тяжелая внешняя война инициировала новый экосоциальный кризис, который привел к демографической катастрофе. Пятый цикл так же, как и второй, проходил в условиях уже сложившейся монархии и был прерван новым вторжением варваров. Общую схему трансформаций структуры в пяти циклах можно описать в виде:

$$AB — BA^c — A^cBA^c — A^cB — BA^c.$$

В итоге, из пяти циклов лишь первый не был прерван варварским нашествием, но естественное развитие событий в нем было осложнено вмешательством технологического фактора, появлением семитского лука. Все же, как можно заключить из повторяющихся однотипных трансформаций структуры AB или A^cB , естественная тенденция заключалась в становлении этатистской монархии, которая раз за разом упорно возникала в фазе сжатия, а затем разрушалась нашествиями варваров. В теории эти нашествия могут быть объяснены тем, что в процессе сжатия монархия слабела и внутренняя борьба за ресурсы должна была расшатывать систему управления. Однако в данном случае не сохранилось никаких свидетельств, подтверждающих этот тезис. В конечном счете причины побед кутиев и амореев остаются для нас загадкой.

Варварское завоевание, разложение и распад единого государства приводили к реставрации частносообщественного общества; возрождение единого государства, в свою очередь, означало возрождение этатизма. Таким образом, возникает впечатление, что частносообщественные отношения в Двуречье были связаны с эпохой раздробленности и междоусобных войн, а единая империя неизбежно исповедовала этатистские принципы. Для нового оживления частносообщественных отношений требовалось, чтобы империя была разрушена варварами, то есть в принципе этатистская монархия была традиционным строем Двуречья, а частносообщественные отношения (после установления монархии при Саргонадах) могли преобладать лишь в эпохи разрухи после варварских нашествий.

История Древнего Египта документирована значительно хуже, чем история Двуречья, и выделение демографических циклов сопряжено здесь со значительными трудностями. Все же можно утверждать, что ранний период истории Египта завершился экосоциальным кризисом, породившим этатистскую монархию Древнего царства. Так же как в Шумере, военную опору монархии составляла постоянная армия легковооруженных лучников. Монархия Древнего царства существовала едва ли не полтысячелетия и неясно, сколько кризисов она перенесла, но в конечном счете

обнаружилась тенденция к ее постепенному разложению, к феодализации и к приватизации вельможеских хозяйств. Этот процесс сопровождал новому сжатию и завершился экосоциальным кризисом, который разрушил монархию и восстановил (по-видимому, когда-то существовавшее) частнособственническое общество. Следующее сжатие привело к рождению монархии Среднего царства, которая в новом демографическом цикле превратилась в этатистскую монархию.

Таким образом, тенденция к установлению этатистской монархии в процессе сжатия существовала и в Египте, но здесь мы можем наблюдать и пример разложения этой монархии, соответствующий теоретическим положениям. Если в Двуречье монархия погибла в результате вторжения варваров, то в Древнеегипетском царстве мы впервые наблюдаем *трансформацию структуры типа ВА_с*, которая проявилась в разложении этатистской монархии и в *феодализации*. Феодализация усиливала сжатие и быстро приводила государство к экосоциальному кризису.

Глава 3. Эпоха боевых колесниц

3.1. Создание боевой колесницы

В XVIII веке до н. э. на родину человеческой цивилизации, Ближний Восток, обрушилась волна нашествия из Великой степи. Первопричиной этого катаклизма было освоение обитателями Степи, индоевропейцами, *нового оружия* — запряженной конями легкой боевой колесницы¹.

Первые колесные повозки появились на Ближнем Востоке в конце IV тысячелетия до н. э. Это были тяжелые двусосные телеги на сплошных колесах, в которые с помощью дышла запрягали пару волов — тем же способом, что и в плуг. Управление осуществлялось поводьями, крепившимися к металлическому кольцу, продетому сквозь ноздри животного². В III тысячелетии до н. э. в повозки стали запрягать крупных ослов, экзотических (лошади на Ближнем Востоке не обитали), и такие повозки повсеместно использовались в военных целях, на них сражалась местная знать. В середине III тысячелетия до н. э. тяжелые четырехколесные повозки распространились с Ближнего Востока на обширные территории от Центральной Европы до Нижнего Поволжья³. В степях Северного Причерноморья и Прикаспия в это время обитали оседлые племена земледельцев и скотоводов, как полагает большинство исследователей, это были индоевропейцы⁴. Индоевропейские племена сумели одомашнить водившихся в степях диких лошадей, тарпанов, однако долгое время лошадей разводили лишь ради мяса. Приспособления, позволившие использовать лошадей в транспортных и военных целях, появились только в начале II тысячелетия до н. э.; создание этого комплекса приспособлений стало фундаментальным достижением индоевропейцев.

Прежде всего была изобретена конская упряжь — удила и уздечка, крепившиеся на костяных псалиях. Затем в результате облегчения повозки была создана легкая колесница с колесами на спицах. «Учитывая сложность конструкции первых повозок с лошадиной запряжкой... можно видеть в конной колеснице одно из первых изобретений, — отмечает П.М. Кожин, — то есть рассматривать ее как итог целенаправленной технической работы, задачей которой было создание мощного наступательного средства»⁵. Г. Чайльд отмечал, что удивительное сходство боевых колесниц, фиксируемое на пространстве от Западной Европы до Китая, служит несомненным доказательством общности и однократности происхождения этого изобретения⁶. Однако *фундаментальное открытие* древних индоиранцев не сводилось к боевой колеснице. Чтобы использовать лошадь в колеснице, пришлось преодолеть немало затруднений: коня было непросто научить ходить в упряжке и потребовалось создание си-

стемы тренинга. Более того, большинство степных лошадей были малорослыми, и нужно было провести селекцию, чтобы вывести породу выносливых и сильных коней, способных стремительно мчаться в колеснице⁷.

Кроме того, необходимо было научиться воевать на колеснице. Боевой опыт вскоре показал, что главным оружием колесничного воина должен быть лук, причем он должен быть небольшим, удобным для использования в колеснице. Для этой роли наиболее подходил сложный лук, склеенный из нескольких слоев дерева и обладавший при меньших размерах большей мощностью. Эффективность стрельбы из лука была значительно увеличена бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел⁸. Поскольку колесничные лучники не могли пользоваться щитом, то другим необходимым элементом вооружения стал панцирь. Затем была выработана тактика сражений, состоявшая в том, чтобы, используя скорость и маневренность колесницы, создавать численное превосходство в нужном месте, подвергать противника массированному обстрелу из луков и уклоняться от ближнего боя⁹.

Археологические открытия недавнего времени показали, что первые свидетельства появления удил и колесниц локализуются в области расселения индоиранских племен, простиравшейся от Среднего Дона до Юго-Восточного Приуралья; в древних поселениях этого района найдены костяные псаля и захоронения с колесницами, датируемые по радиоуглероду XXI–XVIII веками до н. э.¹⁰ В это время в Приуралье существовал ряд крупных укрепленных поселков (площадью до 20 га), где жили ремесленники-металлурги, использовавшие руду богатых медных месторождений. Необходимо отметить, что для постройки колесниц был необходим совершенный бронзовый инструментарий, и бронзовые стамески, вместе со слитками меди и кусками руды, часто находят в захоронениях рядом с колесницами¹¹.

Социальные последствия появления боевой колесницы достаточно хорошо изучены историками¹². Как отмечал М. Вебер, дороговизна и сложность изготовления колесниц делали ее аристократическим оружием, способствовали появлению военной аристократии и сословного общества с сильной центральной властью. «Поражающее величие сооружений, — писал М. Вебер, — которые возводились в бургах, может быть объяснено только страшно напряженной барщинной работой... подчиненного бургам сельского населения»¹³. Действительно, впечатляющие своими размерами «бурги» Приуралья — такие, как Аркаим и Синташта, — были построены по единому плану, что говорит о наличии сильной военной власти, способной мобилизовать сотни и тысячи подневольных работников на строительство системы крепостей¹⁴. Богатые погребения с остатками колесниц, бронзовыми боевыми топорами-клевцами, панцирями, сложными луками, втульчатыми наконечниками копий и стрел свидетельствуют о существо-

вании сословного строя, в котором первое место занимали воины-колесничие, — это сословное деление находит близкие аналогии в более поздних индоиранских литературных памятниках. Как известно, «Ригведа» делит людей на простонародье, вайшья, священнослужителей, брахманов, и воинов-колесничих, кшатриев; подобное деление существует и в «Авесте»¹⁵.

В конце III тысячелетия до н. э. причерноморская степь была уже довольно плотно заселена, и нехватка пастбищ привела к войнам среди местных племен — об этом свидетельствуют появившиеся в степи оборонительные сооружения¹⁶. Создание боевой колесницы сделало индоиранцев непобедимыми, и в условиях высокого демографического давления это вызвало волну завоеваний, охвативших обширные регионы Евразии¹⁷. В течение достаточно короткого исторического периода вся Великая степь — от Дуная до пустыни Гоби — была занята племенами индоиранцев. Этот процесс археологически фиксируется как беспрецедентно быстрое и масштабное распространение двух археологических культур, одна из которых, восточная, отождествляется с индоариями, а другая, западная, с иранскими племенами¹⁸. Уже в XX–XVIII веках до н. э. археологи фиксируют присутствие индоариев в Средней Азии¹⁹. В XVIII–XVI веках до н. э. отсюда началось мощное продвижение арийских племен в Индию, которое, по мнению многих историков, привело к гибели цивилизации Хараппы²⁰. Примерно в это же время какое-то арийское племя прорвалось в западный Иран и в Месопотамию, и, подчинив касситов и хурритов, основало царство Митанни²¹. Около 1800 года сражавшиеся на боевых колесницах индоевропейские племена хеттов овладели Хаттусой в Малой Азии и создали Древнехеттское царство. В то время как индоарии пришли на Ближний Восток из Средней Азии, хетты, представлявшие другую ветвь индоевропейских народов, двигались, по-видимому, через Кавказ; их продвижение происходило несколькими волнами и началось еще до появления боевой колесницы, но именно боевая колесница обеспечила хеттам решающую победу²². Хаттуса и Митанни стали центрами непрерывного наступления на окружающие земледельческие государства. Как сообщает еврейский историк Евподем, во «времена Авраама» (по мнению специалистов — около 1700 года до н. э.) «армяне» вторглись в Сирию²³. В середине XVII века до н. э. племена гиксосов на боевых колесницах завоевали Нижний Египет. В 1595 году до н. э. касситы и хетты разрушили Вавилон. В середине II тысячелетия до н. э. наступление «колесничных народов» охватило всю Евразию; существуют многочисленные свидетельства продвижения индоевропейских племен на восток и их вторжения в Китай, где пришельцы создали могущественное государство Инь (Шан)²⁴.

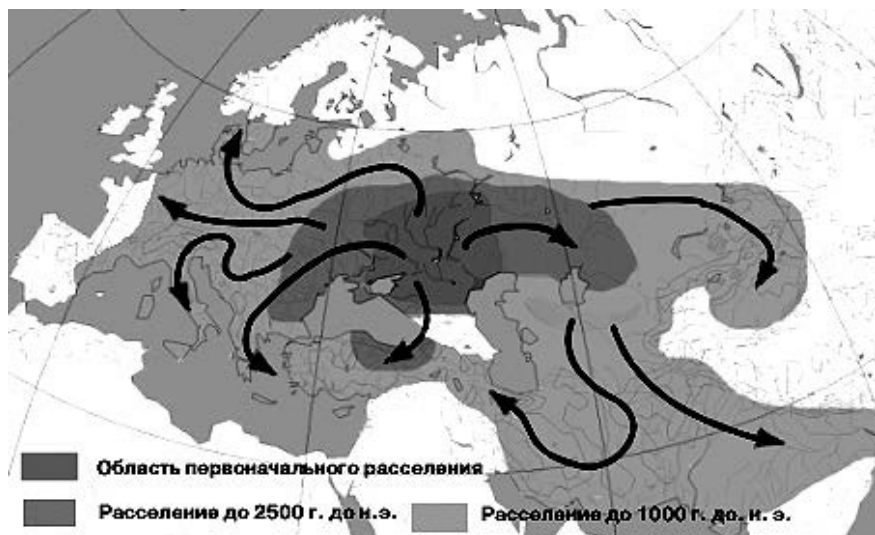

Рис. 4. Территориальная экспансия индоевропейских племен²⁵. Здесь показана лишь область плотного расселения племен, но не отмечены территории, на которых арии политически господствовали, находясь в меньшинстве

В соответствии с диффузионистской теорией во всех завоеванных областях пришельцы подчиняли местное население и становились привилегированным военным сословием в созданных ими государствах. Процесс диффузии распространился и на оставшиеся независимыми соседние государства, в частности, на египетское Фиванское царство. В первую очередь перенимались элементы военной техники: колесницы, сложный лук, втульчатые наконечники стрел, псалии, панцири-шлемы, закрывающие голову и верхнюю часть тела²⁶. Существенно, что некоторые необходимые компоненты импортировались, например, ступицы египетских колесниц делали из березы, которая не растет в Египте. Кроме того, заимствовались и «сопровождающие» культурные элементы, непосредственно не связанные с колесничной техникой, такие как специфические бронзовые топоры-клевцы и широкие пояса с бронзовыми застегивками, имевшие помимо защитной и сакральную функцию²⁷. Лошадей элитных пород, необходимых для колесниц, доставляли издалека, из северных областей (позднее их стали разводить в Митанни). Лошадь стоила очень дорого, в семь раз дороже быка. Искусство тренинга колесничных лошадей было принесено из Великой степи, и митаннийские и хеттские трактаты сохранили соответствующую индоарийскую терминологию²⁸. Названия лошади и боевой колесницы, как на Ближнем Востоке, так и в Китае, были индоевропейскими²⁹. Характерно также распространение по всему ареалу индоевропейских завоеваний культа коня и колесницы³⁰.

Таким образом, фундаментальное открытие индоариев, создание боевой колесницы вызвало волну завоеваний и привело к формированию нового культурного круга. Для этой обширной культурной общности помимо использования военно-колесничной технологии было характерно преобладание сословной структуры общества с выделением привилегированного военного сословия воинов-колесничих. С демографически-структурной точки зрения эти перемены означали трансформацию структуры и резкое перераспределение ресурсов в пользу новой военной элиты. Далее мы более подробно рассмотрим эволюцию этого сословного строя в отдельных странах.

3.2. Вавилония в XV–VIII веках до н. э.

На протяжении XVII века до н. э. колесничные армии варваров год за годом опустошали земледельческие области; варвары-скотоводы обращались с покоренным населением, как со скотом: тысячи пленных угонялись в царство хеттов или в Митанни, остальных убивали или ослепляли. В 1595 году до н. э. хетты и касситы, объединившись, обрушились на Вавилон: великий город был взят штурмом и разрушен. Хетты вернулись в свое царство, и опустошенная Вавилония стала добычей касситов³¹.

Масштабы катастрофы были таковы, что от столетия, прошедшего после разрушения Вавилона, не осталось никаких документов. Однако из позднейших источников известно, что это было время непрерывных войн: на юге Месопотамии, в Приморье, оставались очаги сопротивления, и лишь в середине XV века до н. э. касситам удалось полностью овладеть страной. По-видимому, наиболее сильное сопротивление захватчикам оказывали амореи, потомки прежних завоевателей Двуречья, составлявшие основу военного сословия монархии Хаммурапи. Амореи были полностью истреблены и исчезли со страниц истории³².

К концу XV столетия до н. э. положение до какой-то степени стабилизировалось и войны утихли. Царь Караиндаш восстановил храм в Уруке и, перенимая обычаи местного населения, стал называть себя «любимцем богини Иштар». Перенимание завоевателями-варварами культурных и социальных традиций покоренной страны говорит о начале *процесса социального синтеза*. Преемник Караиндаша Куригальзу построил новую столицу Дур-Куригальзу и, по примеру древних царей, требовал, чтобы перед его именем ставили знак бога. Во времена Бурна-Буриаша II (~1363–1335 до н. э.) вновь появились деловые документы, свидетельствующие об оживлении хозяйственной жизни, о восстановлении городов, о развитии ремесла и торговли. В то же время документы говорят о произошедших переменах. Оказалось, что нашествие варваров полностью разрушило государственный сектор экономики. «...У завоевателей не было ни кадров,

ни традиций для ведения сложного и большого бюрократического хозяйства, — пишет И.М. Дьяконов, — поборы взимались, вероятно, в порядке стихийных набегов на сельскохозяйственное население. Затем началась раздача царского земельного фонда частным лицам и храмам...»³³. Так же как во времена аморейского нашествия, произошла стихийная «приватизация» государственных хозяйств. Многие хозяйства лежали в развалинах, царские чиновники разбежались, часть царской земли была захвачена в собственность, часть роздана касситским вельможам или тем, кто брался обрабатывать поля, внося подати. Уцелевшие крестьяне жили в «башнях» (димту) и укреплениях (дуру); они объединялись в общины, но фактически владели землей на правах частной собственности и могли ее продавать³⁴.

Военным сословием нового общества стали завоеватели-касситы, составлявшие колесничное войско. Как отмечалось выше, военно-колесничная технология предполагает наличие сильной военной элиты. В ранние времена Касситского царства преобладание этой элиты выражалось в постоянных разбойничьих войнах; военные походы начинались ежегодно по окончании сельскохозяйственных работ в июне; знать жила главным образом военной добычей³⁵. Неизвестно, какими были взаимоотношения царя и военной знати в начале касситского периода, возможно, как у хеттов, знать выбирала царей на престол. Однако для Вавилонии были характерны сильные монархические традиции, и в процессе социального синтеза, когда цари объявили себя богами, положение должно было измениться. В XIV веке до н. э. колесничные воины находились на полном содержании у царя, получали у него коней, колесницы и вооружение. Таким образом, военное сословие было в конечном счете включено в состав государства и жило за счет налогов с крестьян и с городов. Касситов в то время было сравнительно немного и если судить по частоте упоминания в документах, то они составляли примерно $1/20$ часть населения³⁶.

В то время как государственные земли были поделены и «приватизированы», храмы остались владельцами своих земель. В храмовых хозяйствах трудились закрепленные за ними работники, которые, как в прежние времена, получали задание, «урок», и которых можно было переводить с места на место³⁷. Храмы вновь стали независимыми от царей и, по-видимому, снова превратились в корпоративную собственность жрецов. Поскольку варвары лишь требовали подати и не вникали в дела управления, то они не препятствовали самоуправлению постепенно восстанавливавшихся городов; некоторым из храмовых городов в знак уважения к их богам давались налоговые льготы. В правление Бурна-Буриаша II раб стоил 20 курру (гур) зерна, примерно столько же, сколько в XIX веке до н. э.; рабы были дороги, и дороговизна рабочей силы указывает на период восстановления. Несколько позже появляются признаки сжатия, сведения о продаже земли, о ростовщичестве и о распространившемся

долговом рабстве, причем рабство не ограничивалось, как прежде, определенным сроком. Разорвавшиеся крестьяне бежали из своих мест в предгорья Загроса, где присоединялись к разбойничьим шайкам хапиру³⁸.

Характерно также и то обстоятельство, что во второй половине XIV—XIII века до н. э. каситы (в отличие от хеттов и ассирийцев) не пригоняли из походов пленных для поселения на землях Вавилонии, очевидно, в этот период в стране уже не было свободных земель³⁹. В то же время развитие городской жизни в этот период так и не достигло прежнего уровня; самый большой город того времени, Дур-Куригалзу, намного уступал по своим размерам Вавилону времен Хаммурапи⁴⁰.

Исследователи отмечают недостаточную изученность касситского периода, поэтому мы попытаемся восполнить недостаток информации за счет привлечения материалов о соседней области, Аррапхе. Расположенная в предгорьях Загроса, хурритская Аррапха была близка Вавилонии по культуре, но отставала от нее по уровню развития социальных отношений. Так же как в Вавилонии касситского времени, аррапхские общины жили в укрепленных поселениях димту. Земля находилась в собственности общин, и семейные наделы время от времени переделались; формально их продажа была запрещена, однако фактически она была довольно частым явлением; чтобы обойти запреты, продавец надела фиктивно усыновлял покупателя. В конце XV — начале XIV века до н. э. в Аррапхе отмечается процесс разорения общинников, рост числа продаж наделов, расцвет ростовщичества и долгового рабства. Социальные конфликты привели к усилению власти местных царей, в середине XIV века до н. э. царь Итхи-Тешшуба воскрешает старые вавилонские обычаи и проводит «освобождение», то есть отмену долгов. В конце XIV века до н. э. Аррапха была завоевана Ассирией, новым государством, заявившим претензии на власть над всей Месопотамией⁴¹.

Сила касситской династии заключалась в колесничем войске, державшем в страхе соседние страны. Между тем время принесло перемены в военном деле; с одной стороны, распространение колесничной тактики привело к тому, что ею овладели все ближневосточные страны — в том числе и соперники касситской Вавилонии, такие как Ассирия и Элам. С другой стороны, пехота постепенно находила способы борьбы с колесницами, противопоставляя им многочисленных лучников или пращников. Это привело к тому, что колесничных коней приходилось защищать налобниками и наспинной броней; колесницы стали тяжелее, в них теперь располагались три воина⁴². Тем не менее роль колесниц падала, а на первое место вновь выходили пешие ополчения; каситы постепенно утрачивали роль военного сословия; воинская повинность была распространена на все население⁴³.

Утрата военного превосходства над соседями и разорение крестьянства, на которое теперь возлагались и военные обязанности, привело

к ухудшению внешнеполитического положения. Вавилония все чаще становилась объектом нападений со стороны агрессивных соседей. В 1215 году до н. э. ассирийский царь Тукульти-Нинурта взял штурмом и разграбил Вавилон; страна подверглась жестокому опустошению; множество вавилонян было убито или угнано в рабство. Затем началось время эламских набегов; эламиты несколько раз свергали вавилонских царей. В конце концов, в 1158 году до н. э. на Вавилонию обрушилось нашествие эламского царя Шутрук-Наххунте. «Он смел жителей Аккада как потоком, превратил Вавилон и его славные жилища в развалины», — говорит хроника⁴⁴. Погром продолжался три года, эламиты вырезали население и увозили на свою родину не только материальные ценности, но и огромные каменные стелы с текстами указов древних царей⁴⁵. Это нашествие, несомненно, означало демографическую катастрофу и гибель большей части населения.

После катастрофы в истории Вавилона снова наступили темные века. Отрывочные сведения источников говорят о варварских нашествиях и о голоде. В XI веке до н. э. начинается новое наступление пастушеских племен на Двуречье: из Аравии продвигаются халдеи и арамеи. Незадолго до этого времени кочевники научились использовать верблюдов для верховой езды; это было *фундаментальное открытие*, позволившее кочевникам освоить новые пастбища и увеличить продуктивность скотоводства. Это открытие имело и военные последствия: создав «верблюжью кавалерию», халдеи и арамеи стали неуловимы для своих противников. Постепенно кочевники заняли все сельские местности Вавилонии, часть местного населения была истреблена, часть — ассимилирована завоевателями. Кочевники создали в Месопотамии множество племенных княжеств и постоянно нападали на немногие сохранившие независимость города.

Возрождение Вавилонии началось лишь в IX веке до н. э., к этому времени относится восстановление разрушенных храмов и работы по расчистке каналов⁴⁶. Катастрофа нанесла жестокий удар царской власти и снова вернула к жизни старинные храмовые общины. Города Вавилонии в этот период управлялись храмовой знатью, и цари правили лишь с согласия олигархических советов; существовало и народное собрание. «Вавилон не только не был восточной деспотией, но даже не был в полном смысле слова и монархией, — отмечает В.А. Белявский. — Скорее он был аристократической республикой с ежегодно переизбираемым царем-магистратом»⁴⁷. Процедура перевыборов заключалась в том, что каждый Новый год в вавилонском храме Эсагила царь слагал с себя царские инсигнии и подвергался ритуальным побоям жрецов; лишь оправдавшись во всех своих делах, он мог снова «взять за руку бога Бэла», то есть получить мандат на следующий год⁴⁸. Жители городов всячески подчеркивали свою «свободу»: «Даже собака свободна, когда она входит в Вави-

лон», — писали вавилоняне ассирийскому царю Ашшурбанапалу⁴⁹. Исследователи считают, что самоуправляющиеся города Двуречья были близки по типу греческим полисам⁵⁰.

В VIII веке до н. э. заметно оживилась деловая жизнь Вавилонии, снова появляются сведения о расцвете ростовщичества и торговли, о долговом рабстве и разорении крестьян; снова растут поместья ростовщиков. Храмы остаются крупнейшими землевладельцами и ведут разнообразную хозяйственную деятельность, доходы от которой распределяются соответственно пребендам — правам на занятие храмовых должностей. Крупные должности обычно принадлежали знатным олигархическим семействам; пребенды могли дробиться на части, продаваться и перепродаваться; должностные обязанности обычно исполняли не владельцы пребенд, а нанятые заместители⁵¹.

С течением времени халдеи постепенно воспринимали культуру Вавилона, они оседали на земле и становились крестьянами, многие из них служили наемниками в городах, постепенно происходила арамеизация Двуречья. Халдейские князья, предводители наемников, не раз завладевали Вавилоном и присваивали себе титул вавилонских царей. Вавилонская олигархия в таких случаях обычно обращалась за помощью к Ассирии, например, в 729 году до н. э. вавилоняне пригласили на трон ассирийского царя Тиглатпаласара III. Однако ассирийские цари были самодержавными монархами и не желали считаться с интересами вавилонской олигархии. Синаххериб (705–681 до н. э.) лишил вавилонские города и храмы податных привилегий, в ответ вавилоняне восстали и провозгласили своим царем халдейского князя Мардук-апла-иддина⁵². В 702 году до н. э. Синаххериб разгромил вавилонян и халдеев и переселил в Ассирию 200 тысяч жителей Вавилонии, но десять лет спустя вторжение эламитов привело к новому отпадению Вавилона. В своей борьбе с олигархией ассирийские цари опирались на простолюдинов, и их обличения знати имели социальный подтекст. «В стране Шумер и Аккад господствовали злые силы, — писал царь Ассархаддон. — Люди, жившие в ней постоянно произносили устами “да”, а сердцем “нет”, говорили ложь... Слабого притесняли и дарили сильному. В Вавилоне царили гнет и подкуп, изо дня в день, без конца похищали имущество друг у друга...»⁵³.

В 689 году до н. э. армия царя Синаххериба двинулась на Вавилон. Великий город был взят штурмом, разграблен и разрушен; уцелевшие жители города и округа были переселены в Ассирию⁵⁴. Этот разгром означал для Вавилонии *демографическую катастрофу*.

* * *

Возвращаясь к анализу исторического процесса в рамках трехфакторной модели, необходимо отметить слабую изученность касситского

периода истории Вавилонии; для более полного анализа приходится привлекать материалы из соседних областей, Ассирии и Аррапхи.

Масштабы катастрофы, вызванной нашествием касситов и хеттов, были таковы, что от двух последующих столетий почти не осталось деловых документов, — эти столетия представляют собой *интерцикл*, период, когда страна лежала в развалинах, а восстановление было невозможно из-за бесконечных войн. Как и в предыдущем цикле, падение монархии под ударами варваров привело к разрушению государственных хозяйств, «приватизации» и возрождению частного сектора — произошел возврат к ранним формам социальной организации, причем на этот раз этот возврат был значительно более глубоким. Вновь, как в древнем Шумере, появляются самоуправяемые города, в которых правит олигархия крупных собственников, храмы становятся независимыми от царей.

С другой стороны, завоевание и появление боевых колесниц поначалу обусловили преобладание касситской военной знати; затем в процессе *социального синтеза* происходит перенимание касситами монархических порядков Вавилонии. Возвышение царей в конечном счете приводит к подчинению знати, и в XIV веке до н. э. мы видим колесничное войско находящимся на содержании царя.

Период восстановления в Вавилонии начался в конце XV века до н. э.: отмечается восстановление городов и храмов, оживление деловой жизни, дороговизна рабочей силы. К середине XIV столетия до н. э. появляются признаки *сжатия*: рост городов, развитие ремесел и торговли, разорение крестьян-собственников, рост помещичьего землевладения, рост ростовщичества, распространение долгового рабства, большое количество безработных и нищих. В Аррапхе имели место социальные реформы, восстановившие этатистскую монархию докасситского периода, и (хотя информация весьма фрагментарна) имеются признаки восстановления традиционной монархии также и в Вавилонии (трансформация A_c^cB).

Однако в XII веке до н. э. демографический цикл был прерван сначала эламским вторжением, а затем нашествием арамейев и халдеев (так что итоговая формула цикла имеет вид $A_c^cBA_c^c$). Нашествие кочевников представляло собой новую волну завоеваний, связанных с началом использования верблюда в качестве верхового животного. Эта волна нашествий из Аравийской степи охватила весь Ближний Восток и привела к демографической катастрофе в Вавилонии.

X–IX века до н. э. стали периодом нового *социального синтеза*. Как и в предыдущих случаях, разрушение монархии варварами после продолжительного периода анархии в конечном счете привело к восстановлению частнособственнического общества и системы храмовых городов-государств (трансформация A_cA_b). Междоусобные войны и вторжения извне долгое

время препятствовали восстановлению экономики, и первые два столетия после нашествия, с точки зрения демографически-структурной теории, представляли собой длительный *интерцикл*. В VIII веке до н. э. положение, наконец, до некоторой степени стабилизировалось, и начался период восстановления — однако в начале VII века до н. э. он был прерван ассирийским погромом.

В целом девятивековой период истории Двуречья (1595–689 годы до н. э.) выглядит как попытка наладить жизнь среди развалин. Две фундаментальные военные инновации варваров, создание боевой колесницы и верблюжьей кавалерии, вызвали катастрофические волны нашествий и длительные войны, которые не позволяли цивилизации подняться из руин. На девять «темных» веков приходится лишь два периода успокоения, в XIV–XIII и VIII веках до н. э., прерванных очередными нашествиями. Примерно пять столетий приходится на долю следовавших за нашествиями интерциклов, периодов бесконечных внутренних войн и социальной нестабильности. Эти периоды в целом можно характеризовать как время *социального синтеза*, когда в обстановке постоянных столкновений между варварами и остатками местного населения происходило медленное примирение сторон и становление новой цивилизации, новой культуры и новых этносов.

3.3. Ассирия в XV–XI веках до н. э.

Ассирия, область на Верхнем Тигре, была населена семитами и хурритами, еще в III тысячелетии до н. э. воспринявшими шумерскую культуру. Ашшур, главный город Ассирии, прежде входил в состав «Царства Шумера и Аккада». В эпоху волны варварских нашествий город был разграблен и подчинен митаннийцами, но к концу XV века до н. э. сумел освободиться от их власти. Богатство и сила Ашшура зиждились на его торговле; через Ашшур пролегал путь из Вавилонии в Сирию и Малую Азию; по этому пути в Вавилонию везли медь, серебро, кожи, а из Вавилонии — ткани и другие ремесленные изделия. Богатейшие граждане города (то есть купцы) составляли городской совет, которым обычно руководил ишшакум, жрец местного храма и военный вождь, «наместник бога Энлиля»⁵⁵. Ишшакум по-шумерски означает «энси», так что государственное устройство Ашшура, по-видимому, существенно не отличалось от устройства городов-государств Шумера, правда, за недостатком сведений ничего не известно о местном народном собрании.

После митаннийских нашествий крестьянские общины Ассирии, так же как в Аррапхе и Вавилонии, обитали в укрепленных поселениях (дунну); семейные наделы подлежали периодическим переделам, но могли продаваться; проданный надел исключался из земель общины. Все общин-

ники несли военную повинность, ильку, и во время войны снаряжали определенное число крестьян в ополчение⁵⁶.

Ассирийцы заимствовали у Митанни боевые колесницы и сумели создать колесничное войско. Для содержания колесничих воинов использовалась система воинских наделов: в каждой общине имелась «доля дворца» — надел, который общинники обрабатывали в пользу государства; урожай с этого надела передавался воину⁵⁷. Находясь в полной зависимости от государства, эти воины не могли превратиться в колесничную аристократию, напоподобие митаннийской «марианны».

Ассирийцы заимствовали у завоевателей также и сложные луки характерного углового типа (плечи в таких луках сходятся в середине, образуя тупой угол). Судя по сохранившимся изображениям, такие луки поначалу использовались хеттами, митаннийцами и их сирийскими союзниками, а позднее стали главным оружием ассирийской армии⁵⁸.

С конца XV века до н. э. в Ассирии, как и в Вавилонии, начинается период восстановления; восстанавливаются храмы и разрушенные митаннийцами стены Ашшура. В правление ишшакума Эриба-Арада I (1392–1366 до н. э.) оживляется деловая жизнь, появляются многочисленные деловые документы. XIV век до н. э. становится временем расцвета ростовщичества, ростовщики скупают земли общинников и создают обширные поместья, которые обрабатывают рабы или арендаторы. «Многочисленность заемных сделок и разработанность их формуляра указывают на их массовый характер, а тяжесть условий — на сильное обеднение крестьянских масс, — отмечает И.М. Дьяконов. — Результатом должно было быть обезземеливание и массовое закабаление крестьян»⁵⁹. Займы нередко давались под залог детей или личности должника — в случае неуплаты они становились рабами. Стало распространенным так называемое «оживление в беде» — продажа голодающими бедняками своих умирающих от голода детей. Датируемые XV–XIV веками до н. э. «Среднеассирийские законы», в отличие от законов Хаммурапи, очень жестоки по отношению к должникам и рабам⁶⁰.

Эволюция общественных отношений в Ашшуре в целом шла по пути, указанному городами-государствами Шумера. В обстановке бесконечных войн с митаннийцами и касситами в Ашшуре начинает усиливаться власть военного вождя, ишшакума. Уже Эриба-Адад I в частных документах титуловался царем; одержавший победу над Митанни Ашшурбалит I (1365–1330 до н. э.) стал официально именоваться «царем страны Ассирии». Ассирийские цари значительно упрочили свою власть при Ададнерари I (1307–1295 до н. э.), который добился права распоряжаться казной Ашшура; это позволило ему усилить свое войско и одержать новые победы. Ададнерари I разгромил Митанни и завоевал всю Северную Месопотамию вплоть до Евфрата. Салманасар I (1274–1245 до н. э.) оконча-

тельно уничтожил Митанни; надпись победоносного царя говорит об ослеплении «4 саросов» (14 400) митаннийских воинов — ассирийцы заимствовали свои военные обычаи у варваров⁶¹.

На завоеванных царями обширных землях были основаны многочисленные переселенческие колонии, по-видимому, это позволило наделить крестьян землей и ликвидировать аграрный кризис. Преемник Салманасара, Тукульти-Нинурта I (1244–1208 до н. э.), уже не ослеплял пленных, их угоняли в Ассирию и расселяли на свободных землях или продавали в рабство. Так же как хетты, ассирийцы совершали походы каждый год — не столько с целью завоеваний, сколько с целью грабежа; военный грабеж позволял поддерживать престиж царя и обеспечивал средствами его воинов — по большей части тех самых ассирийских крестьян, которым еще недавно угрожало долговое рабство. В 1215 году до н. э. Тукульти-Нинурта взял штурмом и разграбил Вавилон⁶².

Цари Ассирии стали властителями обширной страны, но им так и не удалось стать господами своего города, Ашшура. В Ашшуре цари оставались лишь ишшакумами, и они не могли принимать решения без согласия городского совета, в котором заседала ашшурская олигархия — купцы и ростовщики. Претендовавшие на самодержавную власть цари враждовали с ашшурской олигархией; дело дошло до того, что Тукульти-Нинурта отказался от титула ишшакума и перенес свою столицу в построенный им город Кар-Тукульти-Нинурта. В ответ знать организовала государственный переворот, царь был объявлен сумасшедшим, отстранен от власти и убит⁶³. По-видимому, дело не обошлось без влияния вавилонской знати, так как ашшурская знать была издавна связана с вавилонской знатью как родственными чувствами, так и торговыми отношениями⁶⁴.

Убийство Тукульти-Нинурты, так же как убийство Римуша и Маниш-тушу, было характерным эпизодом борьбы между элитой и монархами — история Ассирии повторяла историю Шумера и Аккада. Смерть Тукульти-Нинурты остановила наступление монархии; его преемники возводились на престол опиравшейся на Вавилон ашшурской знатью и не ходили в военные походы. Город Ашшур получил освобождение от всех повинностей и упрочил свое самоуправление⁶⁵.

В отличие от вавилонян ассирийским царям удалось остановить нашествие эламитов, и вскоре они перешли в наступление. Царь Тиглатпаласар I (1115–1077 до н. э.) прославился своими походами в Армению и Сирию; он угонял многие тысячи пленных, расселял их на землях Ассирии и причислял к податному населению. Пленных селили на царских землях и снабжали орудиями труда, по-видимому, это была попытка создания государственного сектора экономики; царь уделял большое внимание ирригации и созданию запасов зерна⁶⁶. Однако преемникам Тиглатпаласара не удалось закрепить его успехи: после смерти царя-полководца на Ассирию и Вави-

лонию обрушилось нашествие кочевников Аравийской степи, арамейев. Как отмечалось выше, это нашествие было вызвано началом использования верблюдов для верховой езды. Прорываясь то здесь, то там, кочевники обходили укрепленные города и опустошали деревни; вскоре они заняли все сельские местности Двуречья, Сирии и Палестины⁶⁷. «Это переселение было, может быть, самым грандиозным из всех, которые до тех пор знала Месопотамия, — пишет И.М. Дьяконов. — Многочисленные данные ассирийских текстов, а так же языковые данные, говорят о полной и почти внезапной перемене в составе населения по языку»⁶⁸.

* * *

Переходя к анализу истории Ассирии с позиций трехфакторной модели, необходимо отметить, что Ашшур заимствовал свою культуру у Шумера и его общество было во многом подобно обществам шумерских городов-государств доимперского периода. В отличие от других стран, подвергшихся удару «колесничной волны», Ассирия сумела быстро освободиться от владычества завоевателей; их влияние на ассирийское общество имело в основном диффузионный характер. Ассирийцы быстро переняли военную технику Митанни и создали свои колесничные подразделения, воины которых обеспечивались небольшими поместьями. Появление этих элитных воинских частей, однако, не привело к господству военной аристократии; Ашшур оставался городом купцов, в котором правила частнособственническая олигархия.

В XIV веке до н. э. процесс восстановления экономики завершился, и появились явные признаки сжатия: разорение крестьян-собственников, распространение аренды, рост крупного землевладения, рост задолженности крестьян, распространение ростовщичества и долгового рабства. Увеличившееся демографическое давление нашло выход во внешних войнах с целью основания колоний на завоеванных землях. Как прежде в древнем Шумере, войны сопровождались усилением власти царей и обострением борьбы за ресурсы между царями и элитой. В конечном счете эта борьба привела к утверждению (пока не этатистской) монархии, к *трансформации структуры* типа АА_б. Однако дальнейшее наступление монархии было остановлено олигархическим переворотом и убийством царя Тукульти-Нинурты I. Затем, в XI столетии до н. э., демографический цикл был прерван нашествиями эламитов и амореев.

3.4. Ассирия в X — середине VIII века до н. э.

Нашествие арамейев принесло с собой демографическую катастрофу, масштабы которой были таковы, что от последующего столетия не осталось практически никаких документов. Судить о происходившем в эти годы

можно лишь на основании позднейших надписей, которые говорят о голоде, о наступлении арамеев и о бегстве сельских жителей в города. Ассирия сохранила власть лишь над своими коренными землями вокруг Ашшура; сообщение с колониями, основанными в XIII веке до н. э., было прервано⁶⁹.

Темный период смуты и разрухи в Ассирии закончился около середины X века до н. э.; в правление царя Ашшурдана II (934–912 до н. э.) снова появились царские надписи, которые рассказывали, в частности, о масштабных строительных работах, о восстановлении городов. Ададнерари I (911–891 до н. э.) сумел отвоевать часть Северной Месопотамии и восстановить сообщение с колониями. При Тикульт-Нинурте II (890–884 до н. э.) надписи снова сообщают о большом строительстве, в частности, об обновлении стен Ашшура⁷⁰.

Ашшурнасирапал II (883–859 до н. э.) прославился как победоносный полководец и восстановитель могущества Ассирийской державы. Победа была достигнута в кровавых войнах, когда ассирийцы сражались с варварами методами варваров, полностью вырезая население непокорных областей. В итоге были завоеваны вся Северная Месопотамия и часть Сирии; на завоеванных землях были основаны новые переселенческие колонии⁷¹.

Победы Ашшурнасирапала II привели к новому усилению власти царей; так же как Тукульти-Нинурта I, Ашшурнасирапал оставил олигархический Ашшур и основал новую столицу Каллах — библейский Каллах. Уже в момент своего основания Каллах был огромным для тех времен городом: его опоясывала стена длиной пять миль, а площадь города равнялась 800 акрам — Каллах был в пять раз больше, чем Ашшур, и в полтора раза больше, чем Афины в период расцвета⁷². С другой стороны, известно, что при всеобщей мобилизации в правление Салманасара III (в 845 году до н. э.) в ополчение собралось 120 тысяч воинов; это дало основание И.М. Дьконову оценить численность населения Ассирии в 1 млн человек⁷³. Эта оценка представляется нам заниженной, и возможно, ее следует увеличить до полутора миллионов. Между тем известно, что в середине XX века до н. э. на той же территории проживало как раз полтора миллиона человек⁷⁴, стало быть, во времена Салманасара III экологическая ниша Ассирии была занята почти полностью и возможности для роста населения были невелики. (Напомним, что в благоприятных условиях население за полвека может увеличиться вдвое.) В этой связи В.А. Якобсон обращает внимание на то обстоятельство, что ассирийские цари IX века до н. э., вопреки распространенной на Ближнем Востоке практике, не приводили из походов пленников-крестьян, чтобы поселить их на землях Ассирии⁷⁵. Отсюда, очевидно, следует, что в коренных областях Ассирии в то время уже не было свободных земель.

Салманасар III был царем-завоевателем, который опирался на крестьянскую армию; по-видимому, он находился во враждебных отноше-

ниях со старой знатью, во всяком случае, в конце правления этого царя вспыхнул мятеж, поддержанный ашшурской элитой. Мятеж вылился в гражданскую войну, которая продолжалась пять лет, и окончилась только при преемнике Салманасара Шамшиададе V (829–811 до н. э.). Новый мятеж произошел в конце правления Ададнерари III (810–783 до н. э.)⁷⁶. Недостаток источников не позволяет сколько-нибудь подробно обрисовать развитие кризиса VIII века до н. э., хотя сам факт кризиса признается всеми исследователями. В начале столетия появляются сообщения о голоде и эпидемиях, специалисты говорят о разорении крестьян и обогащении знати. В 764 году до н. э. в Ассирии вновь свирепствовала эпидемия, в следующем году в Ашшуре вспыхнул мятеж, продолжавшийся два года; затем вспыхнули восстания в Аррапхе, в провинции Гузан, в 50-х годах до н. э. возобновились эпидемии, а в 740-х годах до н. э. вспыхнула новая гражданская война⁷⁷.

Кризис середины VIII века до н. э. привел к *демографической катастрофе*. Этот вывод можно сделать из того факта, что Тиглатпаласар III возобновил характерную для XI века до н. э. практику массового переселения покоренных народов во внутренние районы Ассирии, стало быть, в Ассирии появились свободные земли, которых не было в предыдущий период.

* * *

Возвращаясь к анализу исторического процесса в контексте трехфакторной модели, необходимо отметить, что нашествие амореев не было единовременным событием — вторжения и войны продолжались полтора столетия. Масштабы катастрофы были таковы, что от этого периода почти не осталось деловых документов, — он представляет собой *интерфазу*, период, когда страна лежала в развалинах, а восстановление было невозможно из-за бесконечных войн. *Социальный синтез* привел к существенным этническим и культурным изменениям, но в политическом отношении Ашшур смог подчинить вторгшихся варваров и навязать им свои порядки.

Период восстановления начался в начале IX века до н. э., в это время восстанавливаются храмы в Вавилонии и строится новая ассирийская столица Каллах. Судя по оценкам численности населения, в Ассирии уже к 845 году до н. э. степень заполнения экологической ниши (то есть демографическое давление) была достаточно высокой. В начале VIII века до н. э. в Ассирии наблюдаются признаки *сжатия*: разорение крестьян, сообщения о голоде и эпидемиях, внешние войны. В середине VIII века до н. э. отмечаются признаки *экосоциального кризиса*: восстания и гражданские войны, эпидемии, гибель больших масс людей, социальные реформы, завершившиеся установлением этатистской монархии (трансформация А_вВ).

3.5. Египет в эпоху Нового царства

Обратимся теперь к рассмотрению истории Египта — к тем переменам, которые принесла с собой волна нашествий середины II тысячелетия до н. э. Нашествие варваров-гиксосов означало демографическую катастрофу. По свидетельству Манефона, гиксосы «сожгли города и разрушили до основания храмы богов, а с населением обращались самым враждебным образом, одних убивая, у других уводя в рабство жен и детей»⁷⁸. Гиксосы укрепились в Дельте, откуда они совершали походы на юг, на сохранившее независимость Фиванское царство.

Нашествие гиксосов было частью «большой волны», вызванной изобретением боевой колесницы. Племенной состав завоевателей был достаточно пестрым, в него входили хурриты, семиты и, вероятно, какие-то арийские роды; колесница была принесена на Ближний Востока арийскими племенами и довольно быстро перенята хурритами⁷⁹. Владычество гиксосов над Северным Египтом продолжалось не менее 108 лет, и со временем начался процесс социального синтеза, гиксосские цари стали подражать фараонам, приняли царские титулы и стали поклоняться египетским богам⁸⁰. Помимо колесницы (и естественно, лошадей, которых в Египте прежде не разводили) варвары принесли с собой мощные составные луки, стрелы с медными наконечниками, бронзовые мечи, а также «мирные» телеги, в которых запрягали, впрочем, не лошадей, а волов (лошади использовались только в военном деле). По-видимому, в гиксосское время в Египте появились новые породы овец, куры, а также ножные мехи, позволившие наладить производство бронзы, так что эпоха Нового царства стала египетским бронзовым веком⁸¹.

Варвары не смогли завоевать весь Египет, и на юге, в Фиваиде, уцелело египетское царство, сохранившее местные социальные традиции. Влияние гиксосов, возможно, сказалось на том, после падения Среднего царства в Фиваиде вновь усилилась знать, которая наследовала чиновничьи должности, диктовала свою волю фараонам и поднимала мятежи⁸². Большое значение имело перенимание египтянами в процессе диффузии боевой колесницы. Колесница, как у гиксосов, так и в Митанни, была аристократическим оружием, и ее господство на полях сражений означало военное преобладание аристократии. Известно, что египетские колесничие были преимущественно сыновьями знатных отцов, и они снаряжались в походы за свой счет⁸³.

Через сто лет после нашествия, переняв оружие противников, египтяне сумели изгнать варваров. Освобождение страны сопровождалось страшными опустошениями и было достигнуто ценой новой демографической катастрофы⁸⁴. Последствия гиксосского нашествия были таковы, что и спустя сто лет после изгнания варваров многие храмы еще не поднялись из развалин. Восстановление хозяйства протекало медленно, от

первого фараона Нового царства, Яхмоса, почти не осталось следов строительной деятельности⁸⁵. На протяжении XV века до н. э. сохранялось преобладающее влияние светско-храмовой знати, вельможи наследовали свои посты и строили роскошные гробницы⁸⁶. Однако источники не сохранили сведений о частных хозяйствах вельмож, сравнимых по размерам с хозяйствами времен Древнего царства; оплотом знати были храмы, знать наследовала жреческие должности и присваивала значительную часть храмовых богатств⁸⁷. Со своей стороны, фараоны претендовали на полный контроль над ресурсами царско-храмового хозяйства. Тутмос III (1479–1425 до н. э.) пытался опереться на военных и назначал выслужившихся офицеров на высокие посты; этот воинственный фараон прославился завоеванием Сирии, он обогащал своих солдат, но не забывал щедро одаривать жрецов⁸⁸. Сын Тутмоса, Аменхотеп II (1428–1397 до н. э.), привел только из одного похода в Сирию и Палестину более 100 тысяч пленных; это, несомненно, говорит о том, что в то время в Египте было много свободных земель, хотя со времен изгнания гиксосов прошло больше ста лет⁸⁹.

Правление Тутмоса IV (1397–1388 до н. э.) и Аменхотепа III (1388–1351 до н. э.) ознаменовалось новыми победами и активной строительной деятельностью; это было время, когда возводились монументальные храмы и Новое царство достигло вершины могущества. Однако подспудный конфликт между царями и знатью постепенно обострялся. Фараон Аменхотеп IV (1351–1334 до н. э.) предпринял попытку сокрушить могущество знати; он передал многие чиновничьи посты выходцам из простонародья (их звали немху — буквально «бедняки»). «Трудно уклониться от заключения, что, совершая переворот, Аменхотеп IV опирался на какую-то часть простых египтян», — отмечает Ю.Я. Перепелкин⁹⁰. Чтобы подорвать авторитет храмов, Аменхотеп IV ввел культ нового бога, Атона; фараон приказал называть себя «полезным Атону», Эхнатомом; жрецы Атона назначались царем из числа «бедняков», и храмам Атона передавались земли других храмов⁹¹. Эхнатон не пожелал оставаться в старом гнезде жреческой знати, Фивах, и подобно Аменемхету I основал новую столицу Ахетатон, где жил в окружении своих новых слуг немху⁹².

Преемники Эхнатона восстановили почитание старых богов, но не стали возвращать знати прежние должности и богатства. Фараон Хoremхем (1319–1292 до н. э.) реорганизовал храмовое хозяйство и поручил руководство новым жрецам, назначавшимся фараоном. Указы Хoremхеба требовали прекратить грабежи и вымогательства, которым подвергались простые египтяне со стороны знати, жрецов и судей. Столица так и не вернулась в Фивы, царя по-прежнему окружали военные из числа немху⁹³.

Как отмечалось выше, аристократия, как в Египте, так и в других странах, опиралась на колесничное войско. Но после реформ Эхнатона и Хoremхеба мы видим это войско подчиненным строгой дисциплине.

По-видимому, по старой традиции колесничие набирались из детей знати и сами покупали колесницу, но коней им предоставлял фараон, и они демонстрировали полную покорность своим начальникам, простираясь перед ними на животах⁹⁴.

Армия, служившая опорой власти, в своей массе представляла собой крестьянское ополчение; крестьян на определенное время рекрутировали в солдаты, а затем возвращали к их полям⁹⁵. Фараоны-воины XIX династии были тесно связаны с этой крестьянской армией и всячески угождали своим воинам: солдатам раздавали рабов и земли, золотые знаки отличия, щедрое угощение⁹⁶. Вероятно, эта связь царей с войском и объясняет то обстоятельство, что, подобно тому, как это было в греческих тираниях, в Вавилонии, и в Риме, египетское самодержавие времен Нового царства имело военный и крестьянский оттенок. В конечном счете борьба между знатью и фараонами была борьбой за перераспределение ресурсов между крестьянской армией и храмами.

Новое царство достигло наивысшего могущества во времена фараона Рамзеса II (1279–1213 до н. э.), который прославился своими победами и упрочил египетское господство в Сирии и Нубии. Рамзес II опирался на крестьянскую армию; на похоронной плите одного из воинов фараон представлен бросающим в толпу солдат знаки отличия и снедь. «Вы были бедняками (немху), — говорил своим воинам Рамзес II. — Я сделал вас сановниками своим питанием»⁹⁷. С этого времени слово «немху» постепенно меняет свой смысл и теперь означает возвышенных из простонародья служилых людей. Многих немху фараоны наделяли землей, которая практически освобождалась от налогов и передавалась по наследству⁹⁸. От правления Рамзеса II осталось множество жизнеописаний чиновников — выходцев из простого люда; придворные называли фараона «творящим сановников, зиждущим бедняков». Точно так же, «зиждущим бедняков», называли и бога Амона, который со времен Среднего царства считался заступником обиженных и угнетенных⁹⁹.

Организация царско-храмового хозяйства и положение трудового люда в Новом царстве не претерпели существенных перемен по сравнению со временами Среднего царства. Основную массу населения по-прежнему составляли «царские слуги» (или «царские земледельцы»), работавшие на выделенных им наделах, получавших от чиновников посевное зерно и быков и сдававших им весь урожай; после обмера зерна 30 % урожая изымалось в пользу государства и храма, а остальное составляло долю крестьянина. В некоторых случаях работы проводились коллективно группами земледельцев¹⁰⁰. Как и прежде, время от времени проводились смотры и переписи всех категорий населения — жрецов, воинов, «царских слуг», мастеров-ремесленников¹⁰¹. Государственный сектор полностью преобладал в жизни общества.

Постепенно нараставшая нехватка земли побудила Рамзеса II начать крупные ирригационные работы в восточной части Дельты; здесь была построена новая столица, Пер-Рамзес. По описанию современника, новоосвоенные области превратились в благодатный и цветущий край; заполненные зерном житницы там высились «до небес». Рамзесу II удалось на время решить продовольственную проблему: цены на зерно в Дельте уменьшились до 1 дебена меди (91 г) за 1 хар; Дельта стала житницей страны, снабжавшей зерном южные области¹⁰². Хотя фараоны Нового царства не возводили пирамид, Рамзес II оставил после себя много монументальных храмов, и его называли не просто богом, а «великим богом». Придворные встречали царя, простершись ниц и касаясь ногами пола¹⁰³.

Эпоха Нового царства была отмечена еще одним достижением в области ирригации: был изобретен шадуф — устройство для подъема воды; с этого времени началось быстрое освоение «высоких полей». По оценке К. Батцера, по сравнению с временами Среднего царства, площадь обрабатываемых земель увеличилась с 350 до 450 тысяч кв. км, а емкость экологической ниши (население, которое может прокормиться на этой площади) — с 2 до 2,9 млн¹⁰⁴. Увеличение емкости экологической ниши должно было привести к удлинению демографического цикла. Действительно, демографический цикл Нового царства продолжался три столетия — намного дольше других циклов. Однако резервы расширения пахотных земель постепенно иссякли. Очевидным следствием крестьянского малоземелья стало развитие ремесла и быстрый рост городов. Фивы стали крупнейшим городом того времени, намного превосходившим в размерах города Двуречья; к числу больших городов относились также Мемфис, Амарна, Гераклеополь¹⁰⁵.

В конце XIII века до н. э. источники сообщают о многочисленных жалобах земледельцев на их тяжелое положение и на непосильные поборы властей. Тексты говорят об экзекуциях, которым подвергались крестьяне, оказавшиеся не в состоянии уплатить налоги; из страха перед расправой земледельцы бросали свои участки и спасались бегством¹⁰⁶. «Большой папирус Харрис» говорит о голоде, восстаниях и междоусобных войнах, знаменовавших конец правления XIX династии (около 1200 года до н. э.)¹⁰⁷.

Это время совпало с волной нашествий так называемых «морских народов», которая затопила Восточное Средиземноморье в конце XIII века до н. э. Воины «морских народов» сражались бронзовыми мечами, которые были более эффективным видом рубяще-колющего оружия, чем использовавшиеся египтянами секиры¹⁰⁸. Пришедшие с севера варвары соединились с ливийцами и обрушились на Египет. Первый удар волны был отражен фараоном Меренптахом (1213–1203 до н. э.), но после смерти Меренптаха варвары ворвались в Египет и захватили города на запад-

ном берегу Нила от Мемфиса до Кербена. В течение многих лет завоеватели грабили и разоряли Нижний Египет, страна была охвачена смутой. «Не было у них главы долгие годы. Была страна египетская во власти вельмож в виде уделов. Один убивал другого, как великого, так и малого. Другая пора настала после этого — голодные годы, причем был Ирсу, некий сириец, главный у них. Заставил он всю страну подчиниться себе. Каждый убивал другого, грабилось имущество их. Боги были приравнены к людям, и не совершались жертвоприношения в храмах»¹⁰⁹.

Варвары сокрушили этатистскую монархию XIX династии, и первому фараону новой XX династии Сетнахту (1186–1183 до н. э.) пришлось в длительных войнах восстанавливать единство страны. Лишь его преемнику Рамзесу III (1183–1152 до н. э.) удалось разгромить варваров и заставить их вождей подчиниться воле фараонов. Десятки (если не сотни) тысяч варваров были расселены в крепостях и обязаны охранять границу; им выдавалось ежегодное содержание, зерно и одежда¹¹⁰.

Некоторые исследователи полагают, что смута, ознаменовавшая конец XIX династии, имела социальные корни, что она была продолжением борьбы между «крестьянскими» фараонами и храмовой знатью Фив. С другой стороны, новую «приватизацию» в храмах можно рассматривать как результат кратковременного владычества варваров. Как бы то ни было, в конечном счете, знать одержала победу. Рамзес III отказался от политики государственного регулирования и в огромных масштабах одаривал храмы землей и «царскими слугами». С этого времени источники перестают упоминать о «бедняках»-немху, и все больше говорят о «больших людях». Отказ от политики поддержания крестьянства был, очевидно, связан с отказом от воинской повинности и заменой крестьянской армии наемниками-ливийцами — это был результат *социального синтеза*, началом которого было поселение покоренных варваров в Дельте¹¹¹. При XX династии жречество превратилось в независимое сословие, чиновникам был запрещен доступ в храмы, могущественные жреческие роды контролировали административные и военные должности¹¹². В храмах расцветают воровство и коррупция, делаются первые попытки «приватизации» храмового имущества¹¹³.

Кризис начала XII века до н. э. означал демографическую катастрофу и привел к существенному уменьшению численности населения. Недостаток продовольствия на время отступил в прошлое. Рамзес III в своем завещании говорит о том, что он «удвоил снабжение страны, тогда как прежде она была нищей. Страна была сытой весьма в мое правление»¹¹⁴. Действительно, цена пшеницы была низкой — 1 дебен за хар¹¹⁵. Формально эта цена была такой же, что и в благополучные годы при Рамзесе II, но фактически она была ниже, так как величина хара за это время, по видимому, увеличилась с 48 до 77 литров¹¹⁶. В благоприятных условиях

население быстро росло. «Сделал я, чтобы вырастил Египет молодое поколение многочисленное...», — свидетельствует Рамзес III¹¹⁷. Демографические потери во время смуты были, очевидно, не столь велики, и период восстановления в новом цикле был относительно коротким. Уже к концу правления Рамзеса III цена пшеницы возросла до $1\frac{1}{3}$ дебена за хар, а в 1145–1142 годах до н. э. (в правление Рамзеса V) достигла 2 дебенов за хар¹¹⁸.

К этому времени (около 1142 года до н. э.) относится сохранившийся фрагмент земельной переписи, так называемый папирус Вильбура. Помимо больших массивов храмовых и государственных земель папирус перечисляет также участки земель, принадлежавших служилым людям немху (как отмечалось выше, фараоны нередко вознаграждали землей за службу). Как можно сделать вывод из данных А. Гардинера, это были преимущественно воины, а также жрецы, писцы и т. д.; среди этих земель были и крупные поместья видных сановников¹¹⁹. Налоги с земель немху были незначительны — порядка 2–6 % урожая¹²⁰. Эти участки, в отличие от крестьянских наделов, передавались по наследству и дробились между наследниками; по-видимому, в результате этого дробления большинство наследственных наделов так измельчали, что среди них преобладали участки в 3–5 арур (0,8–1,4 га)¹²¹. Такие мизерные наделы, конечно, не отражают уровня потребления солдат или писцов, поскольку многие служилые люди помимо наделов получали натуральное содержание, но в целом создается впечатление, что в соответствии с демографической структурной теорией рост численности служилой элиты приводил к ее обеднению.

Констатируя малые размеры служилых наделов, И. А. Стучевский делает вывод, что и крестьянские участки не могли быть больше 3–5 арур, то есть к середине XII века до н. э. египетские крестьяне снова страдали от малоземелья¹²².

Другим признаком сжатия был финансовый кризис государства. Малоземелье привело к тому, что многие крестьяне не могли платить налоги; государство испытывало недостаток средств и было вынуждено сокращать численность работающих на казну ремесленников. После смерти Рамзеса III практически прекратилось строительство храмов. От середины XII века до н. э. сохранились сведения о том, что ввиду отсутствия зерна в государственных хранилищах оставшимся ремесленникам часто не выдавали пайки; ремесленники голодали и поднимали голодные бунты¹²³.

Между тем рост цен на зерно — при стабильности цен на другие товары — продолжался. При Рамзесе VII (1134–1126 до н. э.) средняя цена пшеницы достигла 4 дебенов за хар и держалась на этом уровне почти тридцать лет — до начала царствования Рамзеса XI (1103–1070 до н. э.)¹²⁴.

Эпизодически цены поднимались до 8 и даже до 12 дебенов за хар¹²⁵, что, очевидно, свидетельствует о голоде — точнее о длительном периоде голода и экосоциального кризиса. От этого периода почти не сохранилось письменных источников, и едва ли не единственным свидетельством о катастрофе остается график цен на зерно, построенный чешским исследователем Ярославом Черны: он показывает резкий рост цен на зерно во второй половине XII века до н. э. (рис. 5).

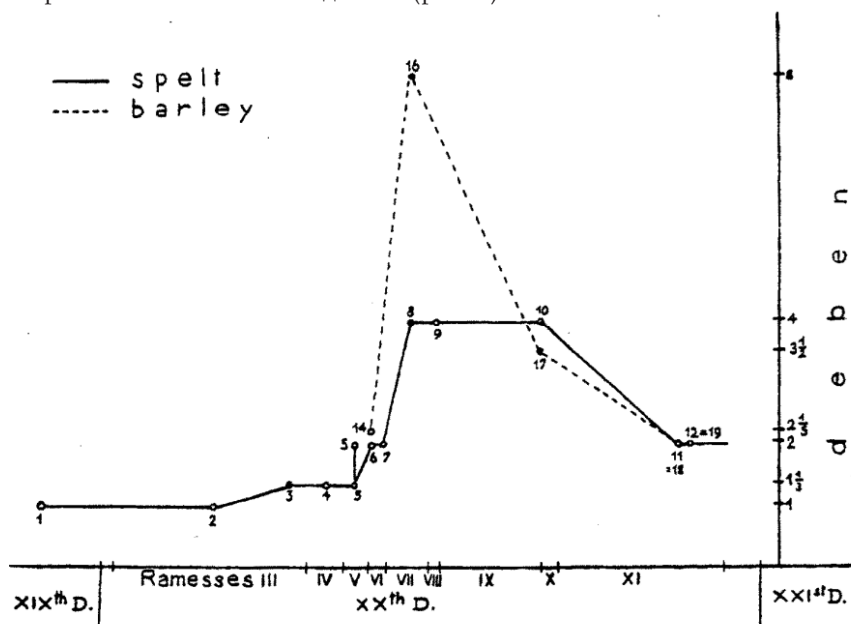

Рис. 5. Динамика хлебных цен в эпоху Рамессидов (XX династия); spelt — пшеница, barley — ячмень, цены даны в дебенах меди за хар¹²⁶

«Без сомнения, это отражение того упадка, который имел место в Египте в конце царствования Рамзеса III и его преемников», — пишет Я. Черны, связывая этот упадок с вторжениями ливийцев¹²⁷. Но источники не сообщают о крупных вторжениях варваров, они говорят лишь о каких-то мелких нападениях ливийцев, причем не исключено, что речь идет о взбунтовавшихся воинах фараонов. В предыдущий период армия была переполнена ливийскими наемниками, и, по-видимому, правительство не могло их оплачивать ввиду финансового кризиса¹²⁸. Сохранившиеся отрывочные сообщения открывают картину царившей повсюду анархии и полного бессилия властей. Гробницы великих царей были разграблены разбойниками, и жрецы прятали уцелевшие мумии в укромных убежищах среди скал¹²⁹. Деловых документов становится все меньше, от фараонов,

быстро сменяющих друг друга, не остается ничего, кроме имен и смутных воспоминаний о «годе гиены, когда люди голодали»¹³⁰. Высокий уровень цен, сохранявшийся несколько десятилетий, означал эпоху голода и войн и, по-видимому, означал гибель значительной части населения. Уменьшение численности населения должно было привести к уменьшению спроса и падению цен. И действительно, при Рамзесе XI цены уменьшились вдвое, хотя и не вернулись к докризисному уровню. Характерно, что одновременно почти вдвое упали цены на серебро. Я. Черны объясняет это появлением на рынке большого количества серебра из разграбленных гробниц¹³¹, но на наш взгляд, это является еще одним свидетельством уменьшения численности населения. Таким образом, динамика цен в конце правления XX династии свидетельствует о произошедшей в это время демографической катастрофе.

Заключительным аккордом этого кризиса стала междоусобная война между фараоном Рамзесом XI и верховным жрецом Амона Аменхотепом; призванные фараоном войска наместника Нубии разграбили Фивы¹³². После смерти Рамзеса XI верховный жрец Амона Фиванского Херихор захватил власть в Фивах, а верховный жрец Амона в Тинисе Смендис провозгласил себя фараоном в Дельте — Египет распался на враждующие княжества, эпоха Нового царства подошла к концу¹³³.

* * *

Возвращаясь к анализу истории Египта с позиций трехфакторной теории, необходимо подчеркнуть масштабы катастрофы, вызванной нашествием гиксосов. Период восстановления после гиксосских войн длился более двух столетий — намного дольше обычного. Хотя Египет был не полностью завоеван варварами, их господство на севере в сочетании с сильным диффузионным влиянием привело к *социальному синтезу*: египтяне заимствовали у варваров колесничное войско и аристократию колесничих. Оплотом египетской аристократии были храмы: жреческая знать передавала по наследству храмовые должности и владела большой частью храмовых доходов (а сыновья жрецов и сановников покупали себе колесницы и приходили в войско в окружении рабов). Таким образом, нашествие вызвало *трансформацию структуры*, которая передается формулой BA_b^c .

С другой стороны, фараоны, так же как греческие тираны и римские цезари, опирались на крестьянские контингенты армии (на пехотинцев), и политика завоевания обостряла борьбу за перераспределение ресурсов в системе «государство–элита–народ». В конечном счете борьба за перераспределение ресурсов привела к реставрации этатистской монархии при фараоне Эхнатоне, к *трансформации структуры* типа A_b^cB . Реформы, проведенные Эхнатоном, привели к тому, что жречество потеряло

часть своих доходов, а храмы были подчинены строгому государственному контролю. Социальный характер реформ проявился в выдвижении на первый план сословия «бедняков»-немху — воинов и чиновников, выходцев из простого народа. Политика поддержания «бедняков» сказалась в создании новых ирригационных систем и в наделении служилых небольшими земельными наделами. Государственный сектор полностью преобладал в жизни общества.

Установление этатистской монархии при Эхнатоне документировано достаточно хорошо (в отличие от предыдущих трансформаций такого рода), и мы можем наблюдать, каким образом происходит автократический переворот. Так же как в Двуречье, фараон опирается на низшие, народные слои армии, ему противостоит храмовая знать, и конечной целью переворота является подчинение храмовой администрации и перераспределение ресурсов в пользу государства.

Эпоха Нового царства была ознаменована важным техническим нововведением в ирригации — изобретением эффективного водоподъемного устройства, шадуфа. Изобретение шадуфа позволило оросить огромные массивы «высоких полей» — посевные площади намного увеличились, это расширило экологическую нишу Египта и отсрочило наступление сжатия. Расширение экологической ниши и низкий уровень населенности после колоссальной гиксосской катастрофы привели к тому, что период восстановления и роста в новом демографическом цикле был очень длительным — более двух столетий.

Главным признаком наступившего сжатия было начало широкомаштабного ирригационного строительства при Рамзесе II. Освоение Дельты, создание системы государственных амбаров и массовых перевозок зерна на юг страны до некоторой степени замедлили сжатие. Тем не менее к концу XIII века до н. э. перенаселение стало проявляться более явно: хроники говорят о разорении и бегстве крестьян, о скоплении населения в городах. Хотя сведения об экономическом положении в этот период весьма скудные, их можно дополнить привлечением данных папируса Вильбура: поскольку численность населения в середине XII века до н. э. вряд ли была существенно больше, чем в конце XIII века до н. э., то та картина малоземелья, которую дает папирус Вильбура, может быть отнесена и к концу XIII столетия до н. э.

В начале XII века до н. э. сжатие привело к *экосоциальному кризису*: источники сообщают о длительном голоде, гибели больших масс населения, потере управляемости, восстаниях и междоусобных войнах, разрушении государства, внешних войнах. Главную роль в крушении этатистской монархии сыграли варвары, на короткое время овладевшие значительной частью страны (если не всем Египтом). Возможно, победы отчасти объяснялись применением нового оружия — бронзовых мечей, но неясно, на-

сколько этот фактор был решающим: варвары не всегда одерживали победы, они не раз терпели поражения как от египтян, так и от ассирийцев.

Хотя фараонам новой, XX династии после долгой борьбы удалось подчинить варварские племена, они остались в Египте и в результате *социального синтеза* со временем стали основой египетского войска. В конечном счете крушение этатистской монархии привело к новому оживлению частнособственнических отношений и возвышению храмовой знати. Таким образом, общая схема социальных трансформаций в первом цикле Нового царства передается формулой $A_b^cBA_b^c$.

В правление Рамзеса III (1183–1152 до н. э.) начался *период восстановления* в новом демографическом цикле. Имеющиеся данные говорят об относительно высоком уровне потребления, низких ценах на хлеб и быстром росте населения. В социальной сфере это время характеризуется слабостью монархии, которая возвращает храмовой знати ее привилегии; храмы вновь становятся в значительной степени независимыми от государства. Это перераспределение ресурсов в пользу элиты, вероятно, способствовало быстрому наступлению нового сжатия. С середины XII века до н. э. мы наблюдаем такие признаки сжатия, как крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень потребления основной массы населения. Слабость государства способствовала быстрому ухудшению экономической ситуации, и в 1120-х годах до н. э. появляются признаки *экосоциального кризиса*: цены на хлеб становятся чрезвычайно высокими, появляются сведения о голоде, потере административной управляемости, междоусобных войнах. Вдобавок присутствие в стране больших масс ливийского населения и преобладание ливийских наемников в армии было чревато тем, что в случае ослабления государства ливийцы выйдут из подчинения, объединятся с племенами пустыни и попытаются снова завоевать Египет. Так, по-видимому, и случилось.

Последовавшее с установлением относительной стабильности в 1170-х годах до н. э. резкое падение цен, очевидно, свидетельствует о гибели значительной части населения. В конечном счете, египетское государство распалось, и его место заступили слабые княжества ливийских вождей (трансформация $A_b^cA_c^c$).

3.6. Ливийский период в Египте

После падения Нового царства страна разделилась на два княжества; на юге, в Фивах, правили верховные жрецы, потомки Херихора, на севере же власть постепенно оказалась в руках ливийцев. Воинственные обитатели пустыни, ливийцы, издавна служили наемниками в армии фараона, и в то время как одни ливийские племена участвовали в набегах, другие защищали Египет в качестве «федератов» — ситуация была похожа на

последние века Римской империи. Отсутствие сильной власти привело к новой «приватизации»; И.В. Виноградов отмечает, что «в период ослабления государственной централизации многочисленные мелкие наделы воинов и чиновников нередко рассматривались владельцами как полная собственность»¹³⁴. Земли немху стали свободно продаваться, причем, характеризуя масштабы разрухи в X веке до н. э., Дж. Брестед указывает на низкую цену земли — 1 дебен за 10 арур¹³⁵; отметим для сравнения, что в VI веке до н. э. цена была в 10 раз выше¹³⁶. Храмовая собственность превратилась из государственной в корпоративную; жреческие должности и связанные с ними доходы передавались по наследству¹³⁷.

Постоянные войны, набеги, переселения ливийских племен надолго задержали процесс восстановления экономики страны. В X веке до н. э. размеры Тиниса были в два раза меньше, чем во времена Нового царства, несмотря на то что этот город стал столицей Северного Египта¹³⁸. Масштабы кризиса были таковы, что он привел к коренным переменам в этнокультурной сфере: египтяне новой эпохи плохо понимали язык своих предков, они говорили на новом «народном» языке и пользовались новой «демотической» письменностью¹³⁹. Ливийские поселенцы, в свою очередь, постепенно ассимилировались среди местного населения и искали свое место в рамках египетской социальной системы. В конечном счете в процессе *социального синтеза* ливийцы превратились в военное сословие нового египетского общества; они получали (или захватывали) земельные наделы, которые затем обрабатывали с помощью арендаторов или рабов.

Около 945 года до н. э. командир ливийских наемников Шешонк захватил власть в Дельте и через некоторое время объединил весь Египет. При Шешонке появились признаки возрождения страны; после двухсотлетнего перерыва началось строительство (или восстановление) храмов; царь совершал походы в Сирию. Потомки Шешонка носили ливийские имена, но поклонялись египетским богам и перенимали египетские монархические традиции. Чтобы как-то контролировать храмы, фараоны назначали своих сыновей на должность верховного жреца Амона; в пользу верховного жреца отчислялась пятая часть храмовых доходов¹⁴⁰.

Государство, основанное Шешонком, оставалось непрочным соединением княжеств, в которых правили ливийские вожди; Фивы оставались полунезависимыми. В IX веке до н. э. возобновились усобицы и внутренние войны, и в конечном счете страна распалась на два десятка враждующих княжеств¹⁴¹. В середине VIII века до н. э. положение было настолько тяжелым, что за 1 дебен серебра можно было купить 25 арур (7 га) хорошей земли; при этом документы фиксируют множество заброшенных земель. Показательна также низкая цена рабов — $\frac{1}{2}$ дебена серебра за человека, в восемь раз меньше, чем в период Нового царства¹⁴².

Около 720 года до н. э. Египет подвергся нашествию эфиопов-нубийцев. Нубия, не так давно бывшая египетской провинцией, к этому времени превратилась в сильное государство; эфиопское войско прошло через весь Египет и штурмом овладело Мемфисом. Когда эфиопы возвратились на родину, Нижний Египет отказался признавать их верховенство — здесь был провозглашен фараоном саисский князь Бекхоренеф, которого греки называли Бокхорисом. Бокхорис стал известен благодаря своим реформам, которые послужили примером для афинского реформатора Солона. К этому времени развитие частного сектора, продажа земли собственниками-немху и порабощение за долги приняли большие масштабы¹⁴³. «Обеспокоенный далеко зашедшим процессом разорения земледельцев и обогащения собственников... Бокхорис провел в стране ряд важных реформ, суть которых сводилась к ограничению произвола собственников и, в частности, к запрету порабощения за долги», — указывает А.С. Васильев¹⁴⁴. А.В. Эдаков считает, что Бокхорис ограничил отработку долга одним годом работы должника на займодавца¹⁴⁵.

Около 710 года до н. э. Египет был окончательно завоеван эфиопами, которые правили страной 40 лет. В 670 году до н. э. на смену эфиопам пришли новые завоеватели, ассирийцы. Вторжение ассирийской армии и войны между ассирийцами и эфиопами сопровождались жестокими опустошениями; в 661 году до н. э. ассирийцы разграбили и разрушили Фивы¹⁴⁶. Эти события означали демографическую катастрофу и начало нового демографического цикла.

* * *

Возвращаясь к анализу истории Египта в рамках трехфакторной теории, необходимо подчеркнуть те существенные перемены, которые произошли с падением XIX династии. Приток больших масс ливийского населения привел к изменениям как в социальной, так и в этнокультурной сфере, к длительному процессу *социального синтеза* египетских и ливийских традиций. Экспансия ливийцев нанесла тяжелый удар египетской государственности, и понадобилось значительное время, чтобы ливийцы усвоили египетские государственные традиции и оформили свое господство в рамках привычных для египтян политических институтов.

Четыре столетия с середины XI до середины VII века до н. э. прошли в междоусобных войнах, чередовавшихся с вторжениями внешних врагов. В этот период не существовало единого египетского государства и бесконечные войны препятствовали восстановлению страны в новом демографическом цикле; это был *интерцикл*, который некоторые историки называют «египетским Средневековьем». Так же как в интерциклах Двуречья, переселение варваров привело к надлому этнокультурной традиции, изменениям в языке и письменности.

Изменились и социальные традиции, падение монархии Нового царства поначалу привело к феодализации и господству ливийских племенных князьков; затем, с прекращением анархии, постепенно укрепились отношения частной собственности, появился частный сектор и распространилось долговое рабство (трансформация $A_c A_b$). Реформы Бокхориса стали отражением порожденных развитием частного сектора социальных конфликтов, однако эти процессы не получили дальнейшего развития, они были прерваны новым нашествием и новой демографической катастрофой.

3.7. Китай в эпохи Шан и Чжоу

В настоящее время считается, что появление земледелия в Китае относится к V тысячелетию до н. э., и некоторые специалисты полагают, что оно появилось в результате постепенного расселения земледельцев с Ближнего Востока¹⁴⁷. Обширная долина Хуанхэ включает в себе огромные пространства плодородных земель, и для ее освоения потребовались усилия многих и многих поколений. В IV и III тысячелетиях до н. э. земледельцы жили в маленьких деревнях, обрабатывали землю деревянными мотыгами и с трудом отвоевывали у леса участки пашни. Во II тысячелетии до н. э. в долину Желтой реки вторгся пастушеский народ, который называл себя шан, — это вторжение было частью волны нашествий из Великой степи, которая была вызвана изобретением боевой колесницы¹⁴⁸. Воины на колесницах покорили многие земледельческие племена и построили городки-крепости, откуда каждый год совершали походы на племена, остававшиеся непокорными. Часть побежденных была обращена в рабов, эти рабы обрабатывали земли храмовых хозяйств; другие общины продолжали жить в своих деревнях и обрабатывали в пользу завоевателей так называемые «общие поля», гун-тянь. Так же как у хеттов, касситов, митанийцев, структуру общества Шан определяла военная роль аристократии колесничных воинов; знать наследовала важнейшие должности и заседала в совете старейшин. Вожди-ваны были одновременно и верховными жрецами, но они не обладали абсолютной властью, им приходилось считаться с аристократией и с народным собранием. «Благородные» потомки завоевателей называли себя «сто родов» — бай-син, а покоренных — «народ-скотина», чуминь; в могилу «благородного» воина клали несколько рабов, а в могилы ванов — сотни и тысячи рабов со связанными за спиной руками¹⁴⁹.

С началом эпохи Шан в Китай пришли некоторые элементы ближневосточного культурного круга: бронзовое литье, в том числе проушные топоры-кельты, гончарный круг, культивирование пшеницы¹⁵⁰. Установлено, что слова, обозначающие пшеницу, ячмень, коня, колесо, повозку,

колесницу в древнекитайском языке заимствованы из индоевропейских языков¹⁵¹. И. Нидэм писал об установившемся в бронзовом веке культурном континуитете между Ближним и Дальним Востоком, которые перестали быть изолированными мирами, о диффузии культурных элементов через посредство пастушеских племен Великой степи¹⁵².

Характерно, что, будучи колесничными воинами, байсины тем не менее не сумели адаптировать лошадей к климату Великой равнины; они получали своих коней из степей — откуда некогда пришли сами. В районе излучины Хуанхэ во множестве обитали разводившие лошадей и постоянно совершавшие набеги на Шан племена «лошадиных цян»¹⁵³. В XI веке до н. э. одно из цянских племен, чжоу, разгромило шанов и заменило их в роли властителей Китая. Вскоре после завоевания чжоуские ваны выделили своим родичам и главам знатных родов около сотни уделов. Удельные владетели считались вассалами вана: они давали ему клятвы верности, регулярно являлись ко двору с данью и в случае войны приводили свои дружины. Характерные черты вассальных отношений и зависимое положение крестьян побуждают многих исследователей называть общество Чжоу феодальным¹⁵⁴. Если в Египте и в Вавилонии традиционная монархия в конце концов сумела подчинить аристократию колесничих воинов, то в Китае, в отсутствие давней монархической традиции, сформировалось феодальное сословное общество.

В X–VIII веках до н. э. большую часть долины Желтой реки еще занимали леса и городки — центры княжеств были столь малы, что их площадь редко превышала 10 акров, а население — тысячу человек¹⁵⁵. Земли князей и храмов по-прежнему обрабатывали тысячи рабов, ваны и князья вознаграждали воинов и сановников рабами — числом от 5 до 200 семей. Крестьяне — их теперь называли «простонародье», шуминь, — жили общинами, в которых земля регулярно переделалась по числу едоков; по традиции считалось, что средняя семья из пяти человек должна иметь надел в 100 му; эта система называлась цзинь-тянь. Помимо своих полей крестьяне по-прежнему обрабатывали «общие поля», урожай с которых шел князю¹⁵⁶.

В VIII веке до н. э. чжоусцы потерпели поражение от степняков-жунюв, и их вождь Пин-ван был вынужден перевести свою столицу на восток, в город Лои. К этому времени удельные князья фактически не подчинялись вану, и государство Чжоу распалось — началась «Эпоха множества царств», Лего. Считается, что в период Лего (722–481 до н. э.) существовало около полутора десятка княжеств, возглавляемых правителями, носившими титулы гун, хоу, бо — иногда их называли чжу-хоу, «все князья». Княжеские роды к этому времени разрослись и разделились на кланы; возглавляемые сановниками (цинами) знатные кланы имели обширные земли, дружины колесничих воинов и множество рабов, которые

обрабатывали их поля. Поселения, принадлежавшие кланам, насчитывали порядка тысячи семей, а центры княжеств — порядка 3 тысяч семей, или 15–20 тысяч человек; очевидно, что по сравнению с предыдущим периодом численность населения значительно возросла¹⁵⁷.

О росте численности военной элиты можно судить по увеличению колесничего войска. В начале периода Лего среднее княжество имело 200–300 колесниц, а в конце периода княжество Лу могло выставить на поле боя тысячу колесниц, а княжество Цзинь — даже четыре тысячи. Нужно учесть при этом, что колесницы увеличились в размерах, теперь в них запрягали не две, а четыре лошади и экипаж увеличился до трех человек. Число сопровождавших колесницу пехотинцев, наоборот, уменьшилось примерно с 70–80 до десяти человек, и сражения превратились в столкновения огромных масс колесниц, в которых почти не участвовала пехота¹⁵⁸. А.С. Васильев проводит аналогию между этими войнами и сражениями рыцарской эпохи, в которых знать следовала правилам «галантности»¹⁵⁹. Китайский рыцарь был хозяином колесницы и в составе экипажа выступал в качестве стрелка из лука, в то время как два других воина — копейщик и возничий — были его дружинниками. Лук издавна считался оружием знати, которая обучалась искусству лучников в специальных школах и устраивала соревнования в стрельбе, напоминающие спортивные праздники¹⁶⁰. Луки того периода по форме напоминали скифские, но были значительно больше по размеру — их длина достигала 140 см. Судя по остаткам, найденным в Чанша, луки были сложными и склеивались из нескольких слоев бамбука, а затем обматывались шелком¹⁶¹. Деревянные луки скифского типа длиной около 1 м найдены недавно в Синьцзяне¹⁶².

С ростом численности кланов многие представители боковых ветвей теряли привилегированное положение и оттеснялись в среду простолюдинства; обедневшие потомки завоевателей занимались ремеслом, торговлей, земледелием в окрестностях городов. Горожан, в значительной части потомков завоевателей, называли «свободными», гожень; они сохранили право носить оружие и участвовали в народном собрании. Князьям и постоянно враждующим между собой аристократам приходилось считаться с многочисленным населением городов, бывали случаи, когда горожане возводили на престол князей и заключали с ними договоры о самоуправлении¹⁶³. В отличие от горожан крестьяне, потомки покоренных туземцев, представляли собой зависимое население; князья жаловали своим сановникам поля вместе с поселениями, и некоторые исследователи называют крестьян «крепостными»¹⁶⁴. В середине VII века до н. э. министр княжества Ци Гуань Чжун заменил систему отработок на «общих полях» уплатой поземельного налога; позднее этот порядок распространился и на некоторые другие княжества. После этой реформы переделы земель

в общинах постепенно прекратились; крестьянские наделы стали передаваться по наследству, но продажи были еще редкими. Бедняки брали зерно в долг под залог своих сыновей; при неуплате долга эти заложники-чужойцы становились рабами¹⁶⁵.

Период Лего был временем ожесточенных войн между княжествами и внутренних смут внутри княжеств — эти смуты были следствием междоусобной борьбы знатных кланов. Относящиеся к этому времени песни сборника «Шицзин» говорят о голоде, о бегстве крестьян, о ненависти, которую они питали к господам¹⁶⁶. Поборы с крестьян достигали $\frac{2}{3}$ урожая. «Ныне наступили последние годы... — говорил в 539 году до н. э. сановник Ян Ин из Ци. — Народ делит свою силу на три части: две отдает князю, а на питание остается лишь одна часть. Накопленное князем гниет и гложется червями, а крестьяне живут в голоде и холоде...». «Наступили последние годы... — вторит Шу Сян из княжества Цзинь. — Простолюдины живут в нужде, а число дворов, в которых царят роскошь и излишество, растет; в то время как умирающие с голода валяются по дорогам, богатства фаворитов князя превышают всякую меру»¹⁶⁷. Частые упоминания голода и войн говорят в том, что VI век до н. э. был *периодом* сжатия. Из приведенных высказываний видно, что голод был следствием чрезмерной эксплуатации крестьян, следствием глубокого социального неравенства — того разделения на «благородных» и «подлых», которое было результатом завоевания страны степняками. Источники говорят, что в этот период еще были свободные земли, но крестьяне не могли их обрабатывать из-за постоянных войн и чрезмерной эксплуатации¹⁶⁸. Таким образом, в данном случае перенаселение было относительным; это было перенаселение в рамках существовавшего социального строя.

Сжатие VI века до н. э. породило экосоциальный кризис, восстания и революции. Сражавшиеся между собой знатные кланы вовлекали в свою борьбу горожан и крестьян; в середине VI века до н. э., почувствовав свою силу, горожане и крестьяне обратились против знати. Лучше всего сохранились сведения о событиях, происходивших в это время в княжестве Чжэн. Чжэн располагалось на северо-востоке Хэнани, в древнем районе расселения племен шан; карты, составленные по материалам более поздней эпохи, показывают, что в этом районе была самая высокая плотность населения¹⁶⁹. Известно также, что Чжэн было главным торговым центром Китая и богатые купцы пользовались в княжестве большим влиянием, а горожане (гожень) часто выступали против знати¹⁷⁰. Вражда между кланами побудила один из них, возглавлявшийся аристократом Цзы Сы, перейти на сторону простого народа. В 562 году до н. э. занимавший должность министра Цзы Сы попытался отнять у аристократов их земли. Знать подняла мятеж, и Цзы Сы был убит, но его сын Цзы Чань возглавил ополчение гожень и разгромил мятежные кланы¹⁷¹. Конфискованные

земли аристократов были розданы крестьянам. В 543 году до н. э. в Чжэн был голод и люди из клана Цзы раздавали народу зерно; в этом году Цзы Чань стал первым министром и объявил о новом переделе земель¹⁷². Чтобы противостоять враждебной аристократии, Цзы Чань объединил крестьянские семьи в «пятерки», обязанные выставлять воинов в ополчение и связанные круговой порукой. Если один из «пятерки» совершал преступление, то наказанию подвергалась вся «пятерка». В 536 году до н. э. Цзы Чань приказал отлить бронзовый треножник «Синшу» с текстом кодекса законов; это были первые писанные законы в Китае — до тех пор знать решала судебные дела по своему произволу. Появление одинаковых для всех законов вызвало негодование знати. «Когда законы станут известны всем, люди... перестанут бояться старших, — писал сановник Шу Сян. — Если правда и неправда будут определяться только по кодексу законов, то как же старшие и высшие будут осуществлять правление?»¹⁷³ Аристократы ненавидели Цзы Чаня: «Отняли наши поля и отдали их “пятеркам”, — говорит песня “Юйженьсун”. — Мы поможем тому, кто убьет Цзы Чаня!»¹⁷⁴. Другая, крестьянская, песня говорит о любви простого народа к Цзы Чаню:

Мы имеем детей и младших братьев,
Цзы Чань заботится о них.
Мы имеем поля,
Цзы Чань преумножает их.
Если Цзы Чань умрет,
Кто будет руководить нами?¹⁷⁵

Разгром аристократических кланов и конфискация их земель означали социальную революцию; эта революция привела к власти этатистскую монархию. Цзы Чань был одним из основателей учения легистов, которое освящало власть монарха, опирающегося на закон. Основными принципами легистов были равенство всех перед законом и выдвижение не по происхождению, а по заслугам. В течение последующих десятилетий начавшаяся в Чжэн революция охватила другие княжества. В 513 году до н. э. первый министр Фань Сюань-цзы установил треножник «Синшу» в Цзинь; в 481 году до н. э. произошли аналогичные события в Ци¹⁷⁶. На месте слабых, управляемых знатью княжеств появились сильные этатистские монархии, использовавшие свою мощь для подчинения соседних государств. Философ Мо-цзы, живший в V веке до н. э., оставил яркое описание жестоких войн того времени, сопровождавшихся разрушением городов и массовым истреблением мирного населения¹⁷⁷. К концу V века до н. э. Великая Китайская равнина оказалась поделенной между пятью могущественными царствами: Ци, Хань, Вэй, Чжао и Янь. Началась новая эпоха — эпоха «сражающихся царств», Чжанго.

* * *

Переходя к анализу истории Древнего Китая с позиций трехфакторной модели, необходимо отметить, что в Китае, так же как на Ближнем Востоке, земледельческая цивилизация развивалась в плодородных речных долинах, прежде всего в долине Хуанхэ. Долина Хуанхэ в несколько раз больше долин Тигра, Евфрата и Нила, поэтому процесс первоначальной колонизации был более длительным, он продолжался более трех тысячелетий. В середине II тысячелетия до н. э. на Северный Китай распространилась волна завоеваний, вызванная созданием боевой колесницы. В результате процесса *социального синтеза* здесь сформировалось ксенократическое общество, в котором потомки завоевателей господствовали над покоренными туземцами. Благодаря относительно раннему появлению письменных источников мы можем наблюдать дальнейшую эволюцию этого общества, в том числе процесс появления частной собственности: сначала появляется община с регулярными переделами земли, затем переделы прекращаются, и через несколько веков земля становится объектом продажи.

В X–VII веках до н. э. отмечается интенсивный процесс *внутренней колонизации*: рост посевных площадей, рост населения, возникновение новых поселений. В VII–VI веках до н. э. появляются признаки сжатия: частые голодные годы, разорение крестьян-собственников, рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества, распространение аренды, уход части разоренных крестьян в города, попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей, быстрый рост городов, развитие ремесел и торговли, рост числа безработных и нищих, активизация народных движений под лозунгами уменьшения земельной ренты, налогов, передела собственности и социальной справедливости, попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, непропорциональный (относительно численности населения) рост численности элиты, фрагментация элиты, борьба за статусные позиции в среде элиты, обострение борьбы за ресурсы между элитой и государством, попытки оппозиционных государству фракций элиты поднять народ на восстание.

В условиях ксенократического общества — в соответствии с теорией Ибн Халдуна — сжатие проявлялось также в ослаблении племенного единства завоевателей, в «приватизации» должностей и служебных поместий, в сепаратизме удельных правителей, в феодализации, в междоусобных войнах, приведших к распаду государства Чжоу. Л.С. Васильев описывает китайское общество этого периода как классическое феодальное общество¹⁷⁸.

В середине VI до н. э. сжатие привело к *экосоциальному кризису*, к голоду, восстаниям и гражданским войнам, социальным реформам,

а в некоторых княжествах — к социальным революциям, к гибели значительного числа крупных собственников, к переделу собственности и к установлению этатистской монархии (трансформация А^сВ). На примере княжества Чжэн мы можем наблюдать, как оппозиционные кланы элиты объединяются с народом и как восстание перерастает в социальную революцию под лозунгом передела земли. Механизм этого кризиса существенно отличается от переворотов, порождавших древние этатистские монархии на Ближнем Востоке, где самодержавие возникало как военная диктатура, опирающаяся на крестьянскую армию.

Можно предполагать, что революции и разразившиеся затем жестокие войны сопровождались демографической катастрофой, однако недостаток сведений не позволяет судить о масштабах уменьшения численности населения.

* * *

Подведем некоторые итоги. Боевая колесница была первой фундаментальной военной инновацией степных племен, вызвавшей волну завоеваний, распространившуюся на пространства от Средиземного моря до Тихого океана. Эта волна нанесла страшный удар цивилизациям Древнего мира, вызвав повсюду разрушительные катастрофы и прерывание демографических циклов. Среди развалин, в обстановке бесконечных войн происходили процессы *социального синтеза*: побежденные заимствовали военную технику победителей и передавали им элементы своей древней культуры.

Масштабы катастрофы, постигшей цивилизацию Двуречья, были столь велики, что она два столетия не могли подняться из руин. Лишь в XIV–XIII веках до н. э. здесь отмечается новое оживление городской жизни; причем культурный центр смещается на север — в Ашшур. Более удаленный от Великой степи Египет в меньшей степени пострадал от нашествия варваров; египтяне в конечном счете сумели заимствовать боевые колесницы гиксосов и изгнали завоевателей из своей страны. В Египте начался процесс восстановления, а затем сжатие вновь породило этатистскую монархию. Империя Нового царства стала символом расцвета древнеегипетской цивилизации и ее культурного первенства.

Однако на рубеже XIII–XII веков до н. э. начался новый период нашествий. Сначала морские народы нанесли тяжелый удар по Египту, причем этот удар, как бывало и раньше, привел к крушению этатистской монархии и возрождению частнособственнических отношений. Затем начавшие применять верблюжью кавалерию арамеи заняли обширные территории в Двуречье и в Сирии; одновременно ливийцы захватили власть в Египте. В XI веке до н. э. вновь начался долгий интерцикл — период нового социального синтеза и внутренних войн. От потрясений быстрее

всего оправилась Ассирия, цари которой сумели подчинить поселившихся на их землях варваров. В конце X века до н. э. в Ассирии начался период восстановления, затем пришло время сжатия, и цари снова вступили в борьбу за власть с олигархией.

В Египте период внутренних войн продолжался около четырех столетий — с середины XI до середины VII века до н. э.. Сама по себе продолжительность этого интерцикла говорит о том, что в истории встречаются чрезвычайно длительные периоды хаоса, войн и разрухи, когда трудно говорить о каких-либо закономерностях развития. Но одна закономерность все же имеется: как и во многих аналогичных случаях, разрушение государства повлекло за собой оживление отношений частной собственности и «приватизацию» храмовых должностей и служебных держаний.

Между тем постепенное распространение земледелия и увеличение плотности населения в других регионах привело к возникновению там новых культур и новых цивилизаций. На Дальнем Востоке покорение обладателями боевых колесниц местных земледельческих племен привело к созданию государства Шан в долине Хуанхэ. В XI веке до н. э. господство шанов сменилось господством нового степного племени, чжоу. В дальнейшем эволюция ксенократического общества Чжоу проходила по закону, описанному Ибн Халдуном: племя завоевателей утратило единство и распалось на кланы и княжества, вступившие в междоусобную борьбу. В конце концов наступившее сжатие привело к власти этатистскую монархию.

В плане сравнительного анализа нужно отметить, что организация земледельческого хозяйства на Дальнем Востоке существенно отличалась от тех форм, которые она приняла в Передней Азии: основной чертой этого отличия было отсутствие огромных храмовых хозяйств. По-видимому, причиной этого различия был ирригационный характер земледелия в долинах Двуречья и Нила, необходимость объединения усилий для поддержания ирригационных систем. В долине Хуанхэ в то время крупных ирригационных систем еще не существовало, земледелие было в основном суходольным. Соответственно, этатистская монархия на Ближнем Востоке базировалась на подчинении храмовых хозяйств, и это было основным предметом борьбы между монархией и элитой, которая состояла в значительной степени из жрецов. В этой борьбе цари опирались на сформированное из простых крестьян войско, то есть монархия имела военный характер. В Китае ситуация была другой: монархия возникла здесь из борьбы кланов, когда один из них обратился за поддержкой к народу, — и в дальнейшем она опиралась не на храмовые хозяйства, а на налоговую систему. Соответственно, главным результатом рождения этатистской монархии было не перераспределение в ее пользу ресурсов храмов, а передел земли и сокращение (или уничтожение) крупного землевладения.

Глава 4. Начало железного века

4.1. Появление железного оружия

Кризис, разразившийся в Ассирии в середине VIII века до н. э., был связан не только с внутренними проблемами, но и с наступлением внешних врагов. Главным врагом Ассирии было государство Урарту, расположенное на Армянском нагорье. Население нагорья составляли в основном хурриты и родственные им урарты, с давних пор подвергавшиеся культурному влиянию Двуречья, а затем — влиянию Ассирии. В горных долинах располагалось множество маленьких городов-государств, напоминавших храмовые общины древней Месопотамии. В середине IX века до н. э. эти общины были объединены царем Сардури I, который оставил надписи на ассирийском диалекте аккадского языка и провозгласил себя «царем великим, царем сильным, царем воинств, царем Наири». Характерно, что этот титул копирует титул ассирийского царя с заменой «Ассирия» на «Наири»¹.

К востоку от Урарту располагалась область Хатти, известная своим кузнечным ремеслом. Считается, что именно здесь кузнецы впервые научились получать кричное железо: название железа на всех языках Малой Азии и прилегающих областей происходит от хаттского *hapalki-hawaki*. Однако долгое время железо оставалось дорогим металлом; массовое производство железа было освоено, по-видимому, только в 1050–900 годах до н. э. Одно из первых свидетельств этой «железной революции» мы находим в документах ассирийского царя Ашшурнасирапала II (883–859), которые говорят о получении очень большого количества железных слитков из Хатти и Наири. Эти документы свидетельствуют также о том, что урарты быстро заимствовали кричную металлургию у хаттских кузнецов, опередив в этом отношении ассирийцев и другие народы².

При царе Минуа началось наступление урартов: на юго-западе были захвачены ассирийские владения на Евфрате, а на северо-западе урарты вторглись в царство Хатти. В итоге урартам удалось завладеть «дорогой железа» из Хатти в Ассирию и поставить под свой контроль всю торговлю железом на Ближнем Востоке. При царе Аргишти I (около 780 года до н. э.) была проведена военная реформа: урартское войско было вооружено железными мечами, железными шлемами и панцирями из железных пластин или нашивавшихся на одежду железных чешуек. Нужно отметить, что мечи в то время были новым оружием, пришедшим на смену боевым топорам и секачам. Еще одним новшеством были стрелы с железными наконечниками; они намного увеличили эффективность распротраненного на Ближнем Востоке сложного лука³.

Введение железного оружия было *фундаментальной инновацией*, которая породила волну урартских завоеваний: в результате многочисленных победоносных походов границы Урарту достигли на севере реки Куры, на востоке — озера Урмия. На юге войска Аргишти теснили Ассирию и доходили даже до вавилонских пределов. Урарты пригоняли из походов сотни тысяч пленных и размещали их на «царских землях». Доходы, получаемые с нового населения, и добыча, приносимая из походов, позволили царю Сардури II около 760 года до н. э. провести новую реформу и создать постоянное войско численностью в 20–25 тысяч солдат. Это было чрезвычайно важное следствие военной революции: прежде в ополчение могли быть мобилизованы 350 тысяч человек, теперь, с появлением железного оружия (которым на первых порах можно было вооружить лишь небольшую армию), боевая ценность ополчения резко упала, и оно было распущено⁴.

В результате наступления «железной армии» урартов Ассирия стояла на краю гибели и единственное, что ей оставалось, — это спешно перенимать оружие противника. Пришедший к власти в 745 году до н. э. Тиглатпаласар III создал постоянное войско, «царский полк», и вооружил его железными мечами и пластинчатыми панцирями. (Однако недостаток железа сказался в том, что ассирийские мечи и панцири были короче урартских.) «Царский полк» формировался на основе рекрутских наборов; солдаты получали оружие и содержание из казны, они проходили военное обучение и соблюдали строгую дисциплину. В 743–735 годах до н. э. ассирийцам удалось отбросить противника от своих границ, а затем в ход событий вмешалась новая сила: Урарту подверглось нападению киммерийцев. Киммерийцы были всадниками и их вторжение было частью новой волны завоеваний, порожденной новой *военной революцией* — освоением всадничества. Однако на этот раз волна, разорив Урарту, не перешла через Армянское нагорье, и на Ближнем Востоке настало время господства «железных» ассирийских армий⁵.

Тактика новой армии включала построение в три шеренги: сзади стояли пехотинцы в панцирях с копьями и мечами, впереди выстраивались лучники под прикрытием щитоносцев. Луки тех времен были очень мощными; отдельные «царские» экземпляры делались из нескольких слоев дерева и кости, причем усилие создавалось сгибом костяной пластины. Известно, что царь Аргишти однажды выстрелил из такого лука на 476 м. Однако луки такого типа были дороги: поскольку каждый слой приклеивался отдельно, то процесс изготовления мог занимать около года. Обычные луки были, конечно, менее мощными, чем «царские», но тем не менее обстрел лучников наносил противнику большой урон и для защиты от него требовались большие щиты. Под прикрытием этих щитов пехота приближалась к противнику, а затем в бой шли тяжеловооруженные воины с железными мечами⁶.

В 732 году до н. э. Тиглатпаласар III взял Дамаск и завоевал Сирию; затем он вторгся в Вавилонию и разгромил племена халдеев; 154 тысячи халдеев были переселены в Ассирию. В 729 году до н. э. Тиглатпаласар III вступил в Вавилон и, совершив ритуальные обряды в храме Мардука, был провозглашен «царем Вавилона, Шумера и Аккада»⁷. Таким образом, в короткое время была создана новая мировая держава, простиравшаяся от Средиземного моря до Персидского залива. В конце VIII века до н. э. царь Саргон II подчинил часть мидийских племен и создал на их территории несколько ассирийских провинций. Некоторые мидийские вожди были включены в состав администрации; таким образом, мидяне познакомились с ассирийской системой управления, которую в дальнейшем заимствовали. Позже, в VII веке до н. э. ассирийцы овладели Египетом, Эламом и частично Малой Азией — таковы были пределы распространения волны завоеваний, порожденной освоением железного оружия.

Диффузионная волна заимствования железоделательного производства распространилась гораздо дальше и в конечном счете охватила весь мир. В Греции, Индии и Китае железо стало известно уже на рубеже II—I тыс. до н. э., но его широкое производство началось несколько позже, в Китае — в VII веке до н. э. Характерно, что название железа (*khelek) в древнекитайском и в тибетских языках указывает на западноазиатское влияние⁸. Конечно, были области, где изобилие медной руды или культовая функция бронзы задерживали распространение железа. Так, в Египте конкуренция железа и бронзы продолжалась до VI века до н. э. Кочевники Казахстана и Средней Азии, использовавшие богатые месторождения меди, стали употреблять железо лишь в середине I тыс. до н. э.⁹

Многие историки, в том числе У. Макнилл, полагают, что в то время, как колесница была аристократическим оружием, железные мечи принесли с собой демократическую тенденцию. Железный меч был более доступным оружием, чем колесница, и в теории распространение железного оружия должно было привести к закату колесничной аристократии и переходу военного преобладания к более широким слоям населения¹⁰. Однако в Урарту и Ассирии мы наблюдаем другую картину: железные мечи и доспехи становятся оружием постоянных профессиональных армий, находящихся на содержании государства. Так же как в период европейской военной революции XVII века до н. э., это приводит к *трансформации структуры* «государство–элита–народ», резкому усилению царской власти и ослаблению аристократии.

4.2. Новоассирийская держава

Возвращаясь к обстоятельствам воцарения Тиглатпаласара III, необходимо напомнить, что он пришел к власти в результате социального

переворота. Мы не знаем обстоятельств этой революции, но, по мнению ряда историков, царь опирался на демократические слои ассирийского общества и стремился ослабить знать¹¹. В армии был введен принцип повышения по заслугам, а не по знатности¹². Мероприятия Тиглатпаласара III привели к ограничению долгового рабства, к облегчению положения (или даже к освобождению) долговых рабов. И.М. Дьяконов обращает внимание на отсутствие в VII веке до н. э. крупных поместий, обрабатываемых рабами или арендаторами, а также на то обстоятельство, что подавляющее большинство займов заключалось в этот период без залога¹³.

С другой стороны, кризис привел к утверждению самодержавной монархии: знать лишилась высоких постов, на которые отныне назначались преданные царю рабы-евнухи. Регулярная армия, вооруженная железным оружием, стала опорой царской власти. Новая армия требовала огромных средств, и вслед за ее созданием последовало масштабное перераспределение ресурсов. На завоеванных землях был создан обширный *государственный сектор экономики*: сотни тысяч пригнанных из походов пленных устраивались на новых местах жительства, они должны были нести воинскую повинность и платить царю налоги; по некоторым данным, налог («зерно отчуждения») составлял десятую часть урожая. Новопоселенцев причисляли к «людям Ассирии», их распределяли по хуторам группами в 5–10 человек и на первое время обеспечивали посевным зерном и рабочим скотом. Переселенцы были прикреплены к месту жительства, они работали на государственной земле и использовали орудия труда, принадлежавшие государству. Уцелевшая знать завоеванных стран лишалась своих богатств и обрабатывала землю наравне со своими бывшими рабами¹⁴.

Необходимость управления обширной государственной экономикой заставила ассирийцев возродить традиции бюрократического управления, восходящие к временам Шумера и Аккада. Правители районов имели канцелярии, в которых велись записи об участках земли, находившихся во владении крестьян; эти участки обмеривались, причем учитывалось качество земли, на основе чего (с учетом количества осадков) делался прогноз урожая и определялась величина налога. Зерно, уплачиваемое в счет налога, свозилось в огромные государственные амбары, откуда в случае необходимости могло выдаваться вспомоществование крестьянам. Чиновники организовывали на основе повинности оросительные работы, а в случае войны осуществляли рекрутские наборы¹⁵. Существенно, что принцип возвышения по заслугам, принятый в армии, по-видимому, распространялся и на гражданскую бюрократию. У. Макнилл полагает, что именно ассирийцы первыми создали ту бюрократическую администрацию, которая была образцом для большинства цивилизаций вплоть до XIX века до н. э.¹⁶

Однако при всем том бюрократическая организация не распространилась на собственно Ашшур. Самоуправляемый город Ашшур оставался государством в государстве, он был свободен от повинностей, здесь правила олигархия купцов и землевладельцев, владевших поместьями в городской округе. Эти поместья обрабатывали рабы — те же пленные, полученные в дар от царя или купленные у его воинов; у одного владельца могли быть десятки, если не сотни рабов, но о характере их эксплуатации не сохранилось определенных данных. Царские чиновники тоже получали в кормление хутора с переселенцами, которых называли рабами, но определенно известно, что это не были рабы в буквальном смысле слова, специалисты отождествляют их положение с положением римских колон¹⁷. По ассирийской традиции рабами (точнее, «рабами царя») называли все население завоеванных стран, и лишь жители освобожденных от царских податей городов именовались «свободными»¹⁸.

После завоевания Вавилонии в состав Ассирии вошла новая обширная область с древними культурными традициями. В городах Вавилонии правила храмовая олигархия, имевшая деловые и родственные связи с олигархией Ашшура. Однако ассирийские цари попытались отнять часть ресурсов у вавилонских храмов. Сын и наследник Тиглатпаласара, Салманасар V (727–722 до н. э.), отменил налоговые привилегии Вавилона, Сиппара и Ашшура — в ответ знать организовала заговор, и Салманасар V был убит¹⁹.

Олигархия передала царский венец Саргону II (722–705 до н. э.), который восстановил привилегии самоуправляющихся городов. Однако сын и наследник Саргона, Синаххериб (705–681 до н. э.), вновь лишил города и храмы податных привилегий — в ответ последовало еще несколько восстаний, закончившихся разгромом и опустошением Вавилона²⁰.

Последние годы своей жизни Синаххериб посвятил строительству и украшению своей новой столицы Ниневии, этот небольшой городок вскоре превратился в крупнейший город Востока; он занимал территорию в 1850 акров и более чем втрое превосходил Афины²¹. В 681 году до н. э. Синаххериб был убит, по библейскому преданию, своими старшими сыновьями, но не исключено, что истинным вдохновителем убийства был третий сын, Асархаддон, любимец ашшурской олигархии²².

Взойдя на трон, Асархаддон (681–669 до н. э.) вновь восстановил привилегии самоуправляющихся городов и храмов. Незадолго до смерти Асархаддон передал власть над Вавилонией своему старшему сыну Шамаш-шум-укину, а власть над Ассирией — младшему сыну Ашшурбанашу (669–627 до н. э.). В 652 году до н. э. между братьями вспыхнула война; после трехлетней осады Ашшурбанаш овладел Вавилоном; город был разграблен, и знать подверглась беспощадному истреблению²³.

Однако время, когда ассирийцы обладали подавляющим превосходством над врагами, уходило в прошлое; железные мечи перестали быть

новым оружием, а на горизонте показался новый противник — скифская конница. Скифы первыми научились стрелять на скаку из лука, и их открытие вызвало новую волну нашествий, как когда-то изобретение колесницы. Вторгнувшись через Кавказ в земли Ирана, скифы подчинили своей власти местные мидийские племена, которые вскоре научились у скифов искусству конных лучников²⁴. В 623 году до н. э. начались скифские набеги на территорию Ассирии, причем конница варваров достигала границ Египта. После смерти Ашшурбанапала снова восстал Вавилон, пригласивший царем халдейского князя Набопаласара. В 614 году до н. э. полчища мидийцев разграбили и разрушили Ашшур; в 612 году до н. э. варвары в союзе с вавилонянами овладели Ниневией; великолепная столица Ассирии погибла в огне пожаров; опустошенные земли Ассирии были поделены между Мидией и Вавилонией²⁵.

* * *

Возвращаясь к анализу исторического процесса в контексте трехфакторной теории, необходимо отметить, что экосоциальный кризис середины VIII столетия до н. э. привел к *трансформации структуры* и к утверждению этатистской монархии Тиглатпаласара III (трансформация А₆В). Характерной чертой этой монархии было создание мощного государственного сектора, организованного на базе мелких крестьянских хозяйств. Так же как во времена Саргона Великого, самодержавным монархом стал полководец, опиравшийся на профессиональную армию; так же как тогда, олигархия устраивала заговоры и убивала царей, а цари осаждали непокорные города и обрушивали на знать массовые репрессии. В конечном счете этатистская монархия одержала победу, и Ассирия утвердилась в веках как символ могущественной восточной деспотии. Ассирийский образец бюрократической монархии позже лег в основу Персидской империи, а затем был унаследован государством Сасанидов и Арабским халифатом.

Благодаря обширным завоеваниям и политике массовых переселений Ассирия не испытывала нехватки земель, и вплоть до ее заката мы не наблюдаем каких-либо признаков сжатия. Империя погибла в результате действия технологического фактора: в конце VII века до н. э. демографический цикл был прерван нашествием варваров, вооруженных новым оружием.

4.3. Нововавилонский период

После погрома 689 года до н. э. Вавилон был заново отстроен и уцелевшим крупным землевладельцам вернули их поместья, правда, уцелели немногие, и большая часть земель была заново поделена между бедняка-

ми²⁶. Источники отмечают чрезвычайно низкую цену земли в Вавилонии этого времени — явление, характерное для периода восстановления²⁷. Войны с Ассирией привели к новому разорению страны в 648 году до н. э., а затем в 626–612 годах до н. э. Процесс восстановления возобновился в правление царей Набопаласара (626–605 до н. э.) и Навуходоносора II (605–562 до н. э.). В это время ремонтировались старые и строились новые каналы; в числе построенных был магистральный канал Паллукат, ставший основой обновленной ирригационной системы Двуречья. Строились новые крепости и укрепленные линии, защищавшие границу от мидян и персов. «В стране я навел порядок, я дал процветать народу», — говорит Навуходоносор в одной из своих надписей²⁸.

В 597 и в 587 году до н. э. Навуходоносор переселил в Вавилонию 12 тысяч пленных иудеев с семьями и поселил их на запустевших землях вокруг Ниппура; таким образом, в это время в стране было много свободных земель²⁹. Затем переселения прекратились, население постепенно увеличивалось, о чем говорит быстрый рост Вавилона, который еще недавно лежал в развалинах, а к концу столетия стал крупнейшим городом мира: Вавилон имел площадь 2500 акров и более полумиллиона жителей. Это был не единственный крупный город Двуречья: площадь Урука достигала 1100 акров, а население этого города составляло, вероятно, около четверти миллиона³⁰. Города Вавилонии были крупнейшими ремесленными центрами, вавилонские ткани и одежду вывозили за пределы Двуречья³¹. VI век до н. э. был отмечен невиданным до тех пор расцветом деловой активности, от этого времени остались тысячи документов, количество которых само по себе свидетельствует о размахе и динамике частного предпринимательства. Документы посвящены купле-продаже, займам, найму рабочей силы; по большей части они имеют стандартные формы и принадлежат крупным торгово-ростовщическим домам, к примеру, дом Эгиби имел 48 поместий, многие сотни арендаторов и рабов, но при этом основной капитал заключался в деньгах, используемых в банковских операциях. По-видимому, в этот период можно говорить о появлении банков, выполняющих прием и выдачу вкладов, безналичный расчет, оплату чеков и другие финансовые операции³². Однако масштабы деятельности частных банков намного уступали масштабам деятельности храмов, представлявших собой огромные корпорации, распределение доходов которых производилось согласно пребендам, превратившимся к этому времени в своеобразные «акции» частной фирмы³³. Храмы владели едва ли не большей частью земель и большим количеством храмовых работников икарру, но не занимались непосредственной организацией хозяйства. Земля и рабы сдавались крупным арендаторам, которые обрабатывали землю, создавая из икарру рабочие отряды; отряд состоял обычно из 3–4 человек, которые обслуживали большой плуг с упряжкой из шести быков; такой плуг мог вспахать поле

в 40 га. Подобно гурушам древних времен икарру были прикреплены к храму, по воле храмового начальства они могли быть переведены в другую местность и на другую работу; так же как гуруши, храмовые работники обеспечивались продуктовым содержанием; в 540-х годах оно составляло 4 кура ячменя в год (2 л, или 1,24 кг в день). При всем этом икарру не считались рабами; они платили налоги и имели семьи³⁴.

Помимо крупного землевладения храмов, существовало и мелкое землевладение простых граждан. Крестьяне владели участками в несколько гектаров, иногда в полгектара; эти участки свободно продавались; подати составляли десятину для царя и десятину для храма; кроме того, граждане несли военную и строительную повинность³⁵. В городах продолжали существовать местное самоуправление и народные собрания; главную роль в городском самоуправлении играли держатели важных храмовых должностей-пребэнд, их называли «великими» и «благородными». Как и в предыдущий период, вавилонские цари не обладали большой властью, они выступали главным образом в качестве военачальников. Царская власть не наследовалась; когда армия возвела на престол сына Навуходоносора, Амель-мардука, он был свергнут и убит олигархами; аналогичная ситуация повторилась в 556 году до н. э.³⁶

Необходимо отметить, что в VI веке до н. э. еще существовали этнические отличия между коренными вавилонянами и халдеями. Халдеи составляли значительную часть крестьян-собственников и преобладали в армии, так что борьба между олигархией и опирающимися на армию царями имела определенный этнический оттенок³⁷.

Вавилонская армия была непохожа на регулярную армию Ассирии — это было ополчение крестьян и ремесленников. На войну должны были идти те, кто обладал определенным имущественным цензом и мог приобрести снаряжение за свой счет. Но многие из крестьян неохотно оставляли ради войны свои хозяйства, тем более что мирная сельскохозяйственная жизнь не способствовала воспитанию военных качеств. В силу этих обстоятельств вавилонская армия не отличалась высокой боеспособностью, она иногда терпела поражения от египтян и не могла противостоять мидянам или персам, обладавшим новым оружием — конницей. Вавилоняне понимали это и возлагали надежды на крепостные стены; чтобы остановить постоянно ожидаемое вторжение, они построили Мидийскую стену между Тигром и Евфратом, но в конечном счете завоевание страны могущественными варварами было лишь вопросом времени³⁸.

Между тем в середине VI века до н. э. осложняется экономическое положение: появляются первые признаки начинающегося сжатия. Имеются сведения о продаже земель разорившимися крестьянами, о распространении аренды (арендная плата составляла $\frac{1}{3}$ урожая), о сотнях (если не тысячах) наемных рабочих в храмах и о рабочих забастовках³⁹.

«Аграрная история Нового Вавилона — это история разорения мелких землевладельцев и роста крупной собственности на землю, — констатирует В.А. Белявский. — В условиях господства частной собственности на землю главным бичом мелкого землевладения было измельчение парцелл. В результате раздела между сыновьями-наследниками они дробились на части. Через три-четыре поколения даже относительно крупные имения мельчали настолько, что дальнейший раздел становился невозможным и наследники были вынуждены продавать землю»⁴⁰.

В 546–544 годах до н. э. в Вавилонии был большой голод; родители, которые не могли прокормить детей, отдавали их в храмы. Появляются свидетельства о бегстве иккару, которые объединялись в банды и нападали на богатых граждан⁴¹. Одна из надписей царя Набонида (556–539 до н. э.) говорит, что люди «пожирали друг друга, как собаки», другая добавляет, что «сильный грабил слабого»⁴².

Ухудшается военная обстановка: персы, овладев Мидией и Лидией, угрожают Вавилону. В этой ситуации цари-соправители, Набонид и Валтасар, начинают наступление на храмовую олигархию; их целью является овладение богатствами храмов, очевидно, с целью увеличения военных расходов и поддержки крестьян, составлявших основу армии. История как будто повторяется: Набонид и Валтасар идут по пути Саргона Великого и ассирийских царей. Подражая Тикульте-Нинурте I, Набонид покинул Вавилон и основал новую столицу, Тейму. В крупнейшие храмы были назначены «царские кураторы», контролировавшие храмовое хозяйство и забиравшие часть доходов в царскую казну⁴³. Передел храмовых доходов в пользу царей был равносителен частичной конфискации богатств олигархии и установлению этатистской монархии.

В 540 году до н. э. в Вавилонию вторглась огромная персидская армия во главе с царем Киром. Ненавидевшие Набонида олигархи изменили царю, некоторые наместники перешли на сторону персов. Вавилоняне были разбиты в сражении при Описе; в октябре 539 года до н. э. Кир вступил в Вавилон. «Улицы перед ним были устланы ветвями», — говорит хроника. Сын Кира, Камбиз, с соблюдением всех ритуалов был избран царем Вавилона; большая часть должностных лиц осталась на своих местах; официальная хроника изобразила дело так, будто не было никакого завоевания⁴⁴.

Деловая жизнь Вавилона не испытала никаких потрясений от персидского завоевания. Однако надежды олигархии на то, что Кир вернет ей утраченную власть над храмами, не сбылись: Кир не отменил нововведений Набонида⁴⁵. Между тем, сжатие нарастало, и экономическое положение продолжало ухудшаться. Приводимые в табл. 2 сведения позволяют проследить процесс изменения цен и заработной платы в Вавилонии VI века до н. э.

Таблица 2

Цены на ячмень и заработная плата в Вавилонии в VI веке до н. э.

Годы	Цены на ячмень в сиклях за кур	Средняя цена за ячмень	Цены на землю в сиклях за ка	Средняя цена на землю	Зарботная плата в си- клях		Натуральная плата в ка ячменя		Натуральная пла- та за день в кг	Расчетная плата за день в кг
					В год	В месяц	В месяц	За день		
605–562	0,51; 0,86; 0,88	0,75	0,25; 0,52; 0,55	0,44		1		12	8,1	6,6
556–539	0,91; 1,2; 1,3; 1,53; 1,6; 2,3	1,47	0,46; 1,0; 1,6	1,02	8; 9	1; 1	98		3,1	3,7
530–485	2,3; 2,5; 2,5; 4,2; 5	3,3	0,84; 1,83	1,34	5	1; 1; 1	60; 90		2,5	2,0

Данные о ценах и заработной плате, имеющиеся в документах того времени, приведены в работах В.А. Дабберстайна и М.А. Дандамаева⁴⁶ (нами исключены по два крайних случая для 556–539 и 530–485 гг. до н. э.⁴⁷). Цены на ячмень даны в сиклях серебра за 1 кур (180 л); цены на землю — в сиклях за 1 ка (73,5 кв. м). Зарботная плата приводится для неквалифицированных рабочих и исчисляется (в зависимости от формы оплаты) в сиклях либо в ка (примерно 1 л) ячменя. В предпоследней графе натуральная плата пересчитана в поденную из расчета 25 рабочих дней в месяц, и дана в кг ячменя, причем учтены также хозяйские харчи — 1 л (0,62 кг) зерна в день. Последняя колонка — дневная зарплата в кг ячменя, рассчитанная исходя из средней цены на зерно и месячной оплаты в 1 сикль с учетом хозяйских харчей⁴⁸.

Конечно, сравнительно небольшой объем анализируемой выборки может поставить под сомнение величину средних цен⁴⁹, однако общая тенденция, на наш взгляд, вполне очевидна. В то время как наемная плата оставалась на протяжении VI века до н. э. практически постоянной и составляла 1 сикль в месяц, цены на зерно росли, в результате реальная (выраженная в кг зерна) зарплата уменьшилась приблизительно в три раза. Соответственно вздорожанию зерна росли и цены на землю — примерно в том же темпе. В конечном счете оплата наемного труда приблизилась к уровню голодного минимума.

Наследовавший своему отцу Камбиз правил как самодержец, поэтому, когда после его смерти в Персии началась смута, вавилоняне попы-

тались вернуть независимость. Некоторые исследователи считают, что восстание подняла знать, а простой народ был лоялен царю⁵⁰. Геродот свидетельствует, что осада города персами продолжалась 20 месяцев и страшный голод заставил вавилонян умертвить большую часть своих женщин — осажденные пытались избавиться от лишних ртов. Когда Вавилон пал, царь персов Дарий (522–486 до н. э.) приказал распять на крестах 3 тысячи самых богатых и знатных граждан; бедняки были помилованы и даже облагодетельствованы — царь приказал прислать им вместо убитых жен 50 тысяч женщин⁵¹. Очевидно, что конфликт имел социальный подтекст и репрессии были направлены против богатых. Дарий в своих надписях говорит о том, в государстве царил беспорядок, люди убивали друг друга, а он умиротворил всех, поставив на место как богатых, так и бедных⁵².

Судя по числу деловых документов, ко времени правления Дария относится начало упадка хозяйственной жизни. Как вытекает из соотношения цен и заработной платы, к этому времени Вавилония находилась на грани голода. После смерти Дария, в 482 году до н. э., в Вавилоне вспыхнуло новое восстание, осада города длилась семь месяцев и завершилась жестокой расправой. Городские стены были срыты, многие дома разрушены; Диодор пишет, что после восстания лишь незначительная часть Вавилона была обитаема, а основную часть города отвели под посевы⁵³. Были разрушены также Сиппар и некоторые другие города, значительная часть населения погибла. Масштабы разгрома были таковы, что хозяйственная деятельность почти прекратилась. Если от правления Дария осталось 1248 хозяйственных документов, то от правления Ксеркса — только 56⁵⁴.

* * *

Возвращаясь к анализу истории Месопотамии в контексте трехфакторной теории, нужно отметить, что сравнительно с более ранними эпохами нововавилонский период более полно отражен в источниках. Освещаемая источниками картина бурного развития частнособственнических отношений позволила классикам исторической науки М. Веберу⁵⁵, Б. Мейснеру⁵⁶, Б.А. Тураеву⁵⁷ квалифицировать вавилонское общество как капиталистическое и рассматривать происходившие в нем процессы в контексте борьбы городской буржуазии и опирающейся на народ и войско монархии. М. Вебер прямо проводит аналогию между восточными царями и греческими тиранами⁵⁸. Напрашивается также аналогия с временами Саргона Великого, с эпохой становления первой военной монархии Двуречья: как и в те далекие времена, мы видим самоуправляющиеся храмовые города, частнособственническую олигархию и стремящихся к власти военных вождей.

Нововавилонский цикл истории Двуречья начинается с *периода восстановления* при Набопаласаре и Навуходоносоре: мы наблюдаем относительно высокий уровень потребления, рост населения, восстановление разрушенных и строительство новых поселений, каналов, храмов, низкие цены на хлеб и землю, дороговизну рабочей силы, внутривавилонскую стабильность. Нужно заметить, что в этот период частнособственническое общество вполне справлялось со строительством больших ирригационных систем, с той функцией, которую, согласно теории К. Витфогеля, должно брать на себя государство. Применение большого плуга также оказалось вполне совместимым с частнособственническими порядками, правда, эта мощная техника по-прежнему использовалась лишь в крупных хозяйствах.

В середине VI века до н. э. появились признаки начинающегося сжатия: отсутствие доступных крестьянам свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения, частые голодные годы, разорение крестьян-собственников, рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества, распространение аренды, высокие цены на землю, рост крупного землевладения, уход части разоренных крестьян в города, попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей, быстрый рост городов, развитие ремесел и торговли, рост числа безработных и нищих, активизация народных движений, обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом.

Попытка Набонида отнять у олигархии часть храмовых доходов оказалась успешной и привела к трансформации структуры и установлению этатистской монархии. Однако наступление автократии вызвало ожесточенное сопротивление богатых и знатных; олигархия воспользовалась войной с персами и перешла на сторону царя персов Кира. Вавилония была завоевана персами, но Кир и Камбиз оказались еще менее уступчивыми, чем Набонид. Персидские цари отнюдь не были варварами, ничего не понимающими в управлении, они восприняли монархическую традицию у Ассирии и Мидии, и в их лице олигархия столкнулась с продолжателями дела ассирийских царей. Осознав свою ошибку, олигархия восстала против персов, но восстания были жестоко подавлены. В правление Дария начался *экосоциальный кризис*: голод, восстания, гибель больших масс населения, гибель значительного числа крупных собственников, перераспределение собственности. В правление Ксеркса кризис завершился новым большим восстанием, демографической катастрофой и победой монархии, но в данном случае это была ксенократическая монархия, опиравшаяся на мощь армии завоевателей. Таким образом, итоговую социальную трансформацию в нововавилонский период можно выразить формулой $A_c^c BC^c$.

4.4. Саисский период в Египте

Ассирийское нашествие было частью большой волны ассирийских завоеваний, вызванных освоением металлургии железа и созданием вооруженной железными мечами регулярной армии. До ассирийского завоевания Египет жил в бронзовом веке; после завоевания в ходе *социального синтеза* было налажено производство железных орудий, прежде всего железных мечей. Одновременно ливийские князья обращаются к иностранным наемникам, владеющим железными мечами и новой тактикой тяжеловооруженной пехоты, прежде всего к грекам. Из этих наемных частей по ассирийскому образцу создаются первые регулярные войсковые контингенты⁵⁹.

Сражаясь с многочисленными противниками, ассирийцы не смогли удержать за собой Египет; в 655 году до н. э. здесь пришел к власти фараон Псамметих I, происходивший из ливийских князей Саиса. Новый фараон создал сильную наемную армию из ливийцев и греков; воины получали наделы порядка 12 арур (3,3 га) хорошей земли, которые обрабатывали арендаторы из местного населения. Хотя такие наделы кажутся маленькими, необходимо учесть, что урожайность в Египте была высокой: по сведениям папируса Вильбура, с аруры хорошей земли собирали 20 артаб зерна, и участок в 12 арур давал около 6 т зерна в год. По свидетельству Геродота, в середине VI века до н. э. число греческих наемников достигало 30 тысяч, а количество воинов-египтян (египтизированных ливийцев) вместе с семьями составляло около 400 тысяч⁶⁰.

Подражая своим предшественникам, Псамметих I наделил свою дочь титулом «божьей супруги Амона», но в целом в храмах продолжали распоряжаться жрецы; все доходы были поделены на жреческие доли, которые наследовались, продавались и перепродавались по частям; при этом жреческие обязанности выполняли наемные заместители. Так же как в Вавилоне, процесс «приватизации» привел к превращению храмов в корпоративную частную собственность; жрецы превратились в замкнутое сословие, куда был закрыт доступ простолюдинам⁶¹. Частный сектор достиг значительного развития; термин «земля немху» стал синонимом частной собственности; вельможи владели обширными поместьями. Распространилось ростовщичество и долговое рабство, правда, отработка долга носила временный характер, и каждый год подписывался новый контракт. Развивалась и частная торговля, особенно большую деловую активность проявляли обосновавшиеся в Нижнем Египте греческие купцы⁶².

Основную часть населения Египта по-прежнему составляли свободные земледельцы-мерет, работавшие на царских полях и, по некоторым данным, отдававшие пятую часть урожая фараону и десятую часть — храму⁶³. Как и раньше, время от времени производились смотры и кадастры; все

данные о наделах мерет, частных землях немху, землях воинов, вельмож и храмов хранились в специальных «домах записей»⁶⁴.

Полувековое правление Псамметиха I стало временем возрождения Египта, временем восстановления городов и ирригационных систем⁶⁵. За сто лет правления саисских фараонов Египет залечил раны, нанесенные ассирийским нашествием, и достиг нового расцвета; по словам Геродота, в середине VI века до н. э. в Египте было «двадцать тысяч» городов⁶⁶. По некоторым оценкам, население страны достигло 7–7,5 млн человек⁶⁷. Имеющиеся (правда, единичные) сведения, говорят о высокой цене на землю — она достигла 1 дебена серебра за аруру, и о высокой арендной плате — до $\frac{3}{4}$ урожая⁶⁸. Отмечая рост ростовщичества и резкое увеличение самопродаж свободных в рабство, Ю.А. Перепелкин делает вывод об обнищании широких слоев населения⁶⁹.

Сжатие было усилено тем обстоятельством, что Саисское царство имело сословный характер; воины занимали привилегированное положение, и огромные ресурсы (как земельные, так и финансовые) отнимались у народа для содержания военного сословия. При этом очень большие средства уходили на содержание греческих наемников, что вызывало естественное недовольство не только простонародья, но и воинов-египтян⁷⁰.

Накопившаяся в стране социальная напряженность вылилась около 569 года до н. э. в восстание воинов-египтян, отправленных воевать в греческую Кирену. Восставшие провозгласили своим фараоном Амасиса, сановника, принадлежавшего к незнатному роду. Правительственные войска были разбиты, и Амасис овладел властью; новый фараон улучшил положение египетских воинов и запретил грекам торговать по всей стране. Греческая торговля была сосредоточена в городе Навкратисе, и, как можно полагать, были введены таможенные пошлины⁷¹.

Амасис был вынужден искать новые средства для содержания армии; на повестку дня — так же как во времена Нового царства — встал вопрос о перераспределении ресурсов в структуре «государство–элита–народ» в пользу государства. Около 555 года до н. э. Амасис провел важные социальные реформы: он отнял у храмов часть их земель, заставил всех египтян представлять сведения о доходах и, по-видимому, допустил незнатных к занятию жреческих должностей. Эти реформы означали восстановление этактистской монархии; они доставили Амасису популярность среди простого народа, но вызвали недовольство знати⁷².

После смерти Амасиса, в 525 году до н. э., в Египет вторглись персидские войска — это было продолжение волны завоеваний, вызванных появлением кавалерии. Так же как в Вавилоне, ненавидевшая царя знать приветствовала приход завоевателей, и сначала персы пошли ей навстречу: незнатные больше не допускались в среду жрецов⁷³. Персидский царь

Камбис был провозглашен фараоном и выразил намерение соблюдать египетские традиции; храмы были защищены от разграбления солдатами, и царь приносил им богатые дары⁷⁴. Управление страной было построено на принципе двуначалия, к египетским чиновникам были приставлены персидские контролеры⁷⁵. Вскоре, однако, завоеватели начали диктовать свою волю; следуя по стопам Амасиса, они заставили храмы отдавать царям большую часть их доходов; персидские сатрапы стали главными жрецами крупнейших храмов, храмы были поставлены под строгий государственный контроль⁷⁶. В 486 году до н. э. усиление налогового давления вызвало восстание подстрекаемого жрецами народа; восстание продолжалось два года и было жестоко подавлено персидским царем Ксерксом. «Египет подвергся безжалостной расправе, — пишет М.А. Дандамаев. — Имущество многих храмов было конфисковано». Новое восстание в 460–454 годах до н. э. приняло характер народной войны и привело к еще большим опустошениям⁷⁷. Эти события означали демографическую катастрофу и начало нового демографического цикла.

* * *

Возвращаясь к анализу исторического процесса в контексте трехфакторной модели, необходимо отметить, что ассирийское нашествие и последовавшее за ним объединение Египта под властью саисских фараонов знаменовали начало нового демографического цикла. Появившийся в интерцикле частный сектор продолжал существовать в виде частного землевладения и корпоративного храмового хозяйства. Однако значительную роль играл государственный сектор, организация которого не изменилась со времен Нового царства. *Период восстановления* продолжался около столетия, с середины VII до середины VI века до н. э., когда отмечаются некоторые признаки сжатия: высокий уровень земельной ренты, распространение аренды, высокие цены на землю, рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества, быстрый рост городов, развитие ремесел и торговли, обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом. Восстание 569 года до н. э. и приход к власти фараона Амасиса имели характер *трансформации структуры*, сопровождавшейся частичной национализацией храмового хозяйства (трансформация А_сВ). Эти события можно рассматривать как типичный случай установления военной монархии, подобной монархии Саргона Великого или Тиглатпаласара III. Частнособственническая олигархия ответила на эти реформы переходом на сторону персов, однако занявшие место фараонов персидские цари продолжали политику национализации, и это привело к тому, что жреческая знать возглавила антиперсидское восстание. Жестокое подавление восстаний означало разгром частнособственнической оппозиции и установление самодержавной монархии.

Вместе с тем оно означало демографическую катастрофу и начало нового демографического цикла. В целом последовательность социальных трансформаций на протяжении саисского цикла может быть отражена формулой $A_b^cBC^c$.

Обращает на себя внимание параллелизм Саисского цикла истории Египта и Нововавилонского цикла истории Двуречья. Оба цикла начинаются в одно время — их начало связано с демографическими катастрофами, вызванными ассирийскими нашествиями. Период восстановления в обеих странах связан с приватизацией храмовых хозяйств и развитием частнособственнических отношений. В середине VI века до н. э. началось сжатие, которое в обоих случаях привело к установлению военной монархии; затем последовало персидское завоевание — и в обоих случаях знать приветствовала приход персов. Персы выступили в качестве продолжателей монархических традиций Ассирии, поэтому египетская и вавилонская знать перешла на позиции национального сопротивления и возглавила всеобщее восстание, которое привело к новой демографической катастрофе.

4.5. Китай в эпоху «сражающихся царств»

Две военные революции, освоение железного оружия и появление кавалерии, разделялись на Ближнем Востоке лишь относительно небольшим промежутком времени, примерно в полтора столетия. Диффузионные волны, порожденные этими революциями, пришли в Китай практически одновременно, в VII веке до н. э., причем потребовалось некоторое время, прежде чем китайцы освоили возможности нового оружия.

Как отмечалось выше, кризис VI века до н. э. превратил китайские княжества в самодержавные монархии, проводившие жесткую этатистскую политику; новые монархи отнимали земли у знати и наделяли ими крестьян. Правители новых царств управляли с помощью сановников, по большей части принадлежавших к школе легистов. Основателем этой школы был Цзы Чань, первый министр царства Чжэн и один из главных деятелей революционной эпохи. Цзы Чань уничтожил старую административную систему, при которой княжество состояло из владений кланов, и разделил страну на уезды, в которые назначались сменяемые чиновники. Главным принципом легизма было назначение чиновников *по заслугам*, а не по происхождению, как раньше, и среди новых сановников было много людей из простонародья. Цзы Чань ввел чиновничьи ранги, соответственно которым назначались оклады и привилегии, чиновники носили соответствующую рангу форменную одежду⁷⁸. Позднее эта система распространилась и на другие царства; территория каждого царства была поделена на уезды, в которые назначались сменяемые чиновники, получавшие

фиксированные оклады⁷⁹. К началу IV века до н. э. подавляющее большинство сильных родов было уничтожено и большинство наследственных пожалований было упразднено. Новые сановники иногда получали право на сбор налогов с определенных районов, но эти земельные пожалования отменялись, когда сановника отстраняли от должности⁸⁰.

Создание нового легистского чиновничества было своего рода *административной революцией*, namного увеличившей эффективность управления. Назначение чиновников по заслугам, строгое соподчинение, перекрестные проверки, переписи и кадастры, а позднее и экзаменационная система — все это сделало китайскую административную систему образцом для государственных деятелей других стран. О. ван дер Шпренкель писал: «Почти до конца XIX века китайцы шли впереди остального мира в искусстве административной организации... Европейцу, несомненно, очень трудно представить, насколько давно существуют в Китае те институты и методы управления, которые на Западе по преимуществу связывают уже с современной эпохой»⁸¹. Для европейцев XVIII века до н. э. принцип выдвижения по заслугам был революционным открытием, и даже к концу XIX века до н. э. он был осуществлен лишь в немногих государствах.

Х.Г. Крил полагает, что административная революция namного увеличивала политическую и военную мощь государства и принципы этой революции распространялись диффузионным путем, в частности, перенимание этих принципов сыграло большую роль в возвышении сицилийского королевства норманнов, а позднее — прусской монархии⁸². Если принять эту точку зрения, то административную революцию следует рассматривать как *фундаментальное открытие, порождающее диффузионную волну заимствований*. Административная система китайского образца позднее распространилась на окружающие страны — на Вьетнам, Корею и Японию, а заимствование ее кочевниками Великой степи (гунами и позже монголами) приводило к созданию могущественных степных империй и взрывам военной экспансии.

Одним из главных преимуществ легистской административной системы было то, что она позволяла более эффективно применять *методы государственного регулирования*. Многие тысячи крестьян мобилизовывались на широкомасштабное ирригационное строительство; первые большие ирригационные системы были созданы в конце V века до н. э. на северо-востоке теперешней провинции Хэнань⁸³. Эти работы проводились с целью наделения землей неимущих крестьян. В начале периода Чжанго министр царства Вэй Ли Куи предложил систему, по которой зерно закупалось у крестьян в урожайные годы и продавалось им по низким ценам в годы неурожая. По словам Ли Куя, в те времена крестьянин обычно имел надел в 100 му, налоги составляли $1/10$ урожая, а душевое потребление — 1,5 даня

зерна в месяц⁸⁴. Хотя Ли Куй говорит о тяготах крестьянской жизни, 1,5 даня в месяц составляют 540 кг зерна в год — уровень потребления, намного превосходящий минимальную норму, равную для Китая примерно 215 кг⁸⁵. Очевидно, все познается в сравнении: живший столетием позже великий философ Мэн-цзы считал 100 му идеальным размером крестьянского надела, и в последующие эпохи этот идеал, как правило, оказывался недостижимой мечтой⁸⁶.

Помимо организации ирригационных работ, важным достижением ученых-чиновников было налаживание массового производства железа. Китайские мастера не только освоили производство железа, но и добились новых успехов в металлургии. Создание высокотемпературных плавильных горнов позволило им в V веке до н. э. получать чугун и отливать из него разнообразные изделия, прежде всего сошники для плугов. Были созданы государственные мастерские и налажено производство дешевого сельскохозяйственного инвентаря для крестьян и оружия для огромных армий новых царств. Например, в городе Чжэн, столице княжества Хань, имелось не менее четырех больших казенных плавильных⁸⁷.

Распространение железа сказалось прежде всего на военной организации новых царств. Прежде основную силу китайских государств составляли отряды колесниц с экипажами из аристократов-«рыцарей». В V–IV веках до н. э. картина коренным образом изменилась. Воины-колесничие теперь не выделяются своим происхождением, это дисциплинированные солдаты, которых обеспечивают конями, колесницами и оружием государство⁸⁸. Но главное заключается в резко возросшей роли пехоты. Прежде пехота была чисто вспомогательным родом войск, теперь же мы видим огромные состоящие из пехотинцев армии, которые играют в сражениях основную роль. Созданию этих армий благоприятствовали три фактора: во-первых, новые монархи проявляли заботу о крестьянах, и в отличие от аристократов эпохи Чжоу не опасались вручать им оружие. Во-вторых, распространение железа позволило снабдить огромные массы ополченцев оружием. В-третьих, эффективная административная система позволила наладить учет и проводить поголовную мобилизацию всех способных к военной службе мужчин.

Легистская доктрина предполагала чрезвычайно суровую воинскую дисциплину. Трактат «Вэй Ляо-цзы» говорит: «Пять человек составляют “пятерку”. Они все вместе получают бирку от командования. Если они потеряют своих и не убьют равное количество врагов, они будут истреблены. Если они потеряют своего командира, и не захватят командира врага, то они будут убиты, а их семьи — истреблены. Закон казней на поле боя гласит: “Командир десятка может казнить девять остальных”»⁸⁹.

Боевая мощь пехоты обуславливалась не только жестокой дисциплиной и большой численностью, но и появлением в середине I тысяче-

летия до н. э. нового пехотного оружия — арбалета. Главной деталью арбалета было бронзовое спусковое устройство, которое позволяло добиться натяжения тетивы в пять раз более сильного, чем у лука; тетиву приходилось натягивать обеими руками, лежа на земле и упираясь ногами в луковище. Арбалеты имели прицел, и стрельба из арбалета не требовала столь длительного обучения, как стрельба из лука. Однако, обладая огромной мощностью, арбалет в несколько раз уступал луку в скорости стрельбы⁹⁰.

Как отмечалось выше, новое оружие и новая организация позволили создать огромные армии-ополчения, в которые в случае войны мобилизовывалась значительная часть мужского населения. По данным китайских источников (несомненно, преувеличенным), армия царства Вэй достигала 700 тысяч воинов, а армия Чу — даже одного миллиона. Битвы «сражающихся царств» продолжались иногда неделями и месяцами, и число погибших хроники исчисляют в сотни тысяч. Хотя многие воины имели латы, главную роль играла стрелковая тактика. Например, в битве при Малине в 341 году до н. э. победу обеспечили 10 тыс. арбалетчиков армии Ци, а потери армии Вэй якобы составляли 100 тыс. воинов⁹¹.

Распространение железа проявило себя не только на войне, но и в мирной жизни. Период Чжанго ознаменовался большими переменами в агротехнике — настоящей *агротехнической революцией*. До этого времени основным орудием крестьянского труда была деревянная мотыга; удобрения и ирригация еще не применялись. Новая технология резко удешевила орудия из металла и сделала их доступными широким массам. С появлением плуга с железным лемехом получила распространение пахота на волах. В период Чжанго была вырублена большая часть лесов и осушены многочисленные болота; было распаханно Лессовое плато, расположенное на территории царств Вэй, Чжао и Цинь⁹². Э.С. Кульпин придает особое значение этому расширению экологической ниши, которое позволило на время решить земельную проблему и обеспечить крестьян землей. Эпоха сжатия на время ушла в прошлое⁹³.

Расширение пашен привело к быстрому росту населения. Если прежде, говорил сановник Мафу-цзюнь, в больших городах население не превышало трех тысяч семейств, то теперь города с десятью тысячами семейств «смотрят друг на друга»⁹⁴. В царстве Ци было 70 городов; средний по размерам город Цзинмо имел 40–50 тысяч жителей, а столица Линьцзы — 70 тысяч семей, то есть примерно 350 тысяч жителей. В III веке до н. э. появились признаки нового сжатия. Трактат «Шан цзюнь шу» говорит о царствах Хань и Вэй, что «их земли малы, а жители многочисленны», что из-за нехватки земли жители занимаются ремеслом и торговлей, но, несмотря на это, половина населения находится в бедственном положении⁹⁵. О расцвете ремесел и торговли говорят многие источники того

времени, но ремесла не могли дать работу огромной массе безземельных крестьян. Историограф Сыма Цянь упоминает о большом голоде в 240 и 235 годах до н. э.⁹⁶

Политические деятели «срединных царств» сознавали остроту аграрной проблемы. Мэн-цзы предлагал переделить землю, восстановить систему цзинь-тянь и выделить каждому крестьянину участок в 100 му⁹⁷. «Нынешние ученые мужи говорят об управлении чаще всего так: “Дайте бедным и неимущим землю, чтобы обеспечить тех, у кого ничего нет”», — писал ученый легист Хань Фэй-цзы⁹⁸. Хань Фэй подчеркивает, что причиной всех бед является перенаселение: «В древности... усилий не прилагали, а для жизни хватало, — писал великий предшественник Мальтуса, — народ был малочисленным, а запасов было в избытке... Ныне же иметь пять детей не считается слишком много, поэтому-то народ такой многочисленный и испытывает недостаток в припасах, трудится изо всех сил, а пропитания на всех не хватает. Поэтому в народе идет борьба...»⁹⁹.

Хотя в этот период уже проводились переписи, их результаты не сохранились и данные о численности населения в III веке до н. э. отсутствуют. Фань Вэнь-лань, подсчитав численность армий и полагая, что соотношение воинов и населения составляло 1 : 5, оценил общую численность населения в 20 млн человек¹⁰⁰. По нашему мнению, более реалистичной является точка зрения Т.В. Степугиной, которая полагает, что соотношение воинов и населения составляло 1 : 10¹⁰¹; в этом случае оценка численности населения составит порядка 40 миллионов.

В 220-х годах до н. э. развитие Китая неожиданно было прервано новой волной нашествий. На этот раз завоеватели пришли с запада, это были воины окраинного царства Цинь, которых китайцы считали варварами-жунами, но которые к тому времени ассимилировались и говорили по-китайски. Жуны были пастушеским племенем, завоевавшим некогда долину Вэйхэ, впоследствии они испытали сильное влияние скифов-ди и переняли от них искусство наездников. Главной силой Цинь была конница — новое оружие, породившее новую волну завоеваний.

* * *

Возвращаясь к анализу исторического процесса с позиций трехфакторной модели, необходимо отметить, что экосоциальный кризис VI века до н. э. привел к появлению легистской доктрины и к *административной революции*. Административная революция включала прежде всего новые эффективные методы государственного регулирования в рамках этистической монархии. Эти коренные изменения в организационной сфере, по-видимому, следует рассматривать как фундаментальное открытие, увеличивающее мощь государства и вызывающее диффузионную волну. Остается, однако, открытым вопрос о связи этих инноваций с теми, иног-

да близкими по форме административными методами, которые применялись в Новоассирийском царстве и в Древнем Египте. VI столетие до н. э. было временем распространения на Китай диффузионной волны, порожденной появлением металлургии железа, и, возможно, вместе с железом на Дальний Восток пришли какие-то элементы западной социальной традиции.

С другой стороны, появление железных орудий привело к быстрой вырубке лесов, осушению болот и резкому расширению экологической ниши китайского этноса. V век до н. э. был временем *фазы роста* в новом демографическом цикле, для этого периода отмечается быстрый рост населения, рост посевных площадей, относительно высокий уровень потребления. Однако в III веке до н. э. отмечаются признаки начавшегося сжатия: крестьянское малоземелье в Хань и Вэй, упоминания о голоде, уход части разоренных крестьян в города, попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей, быстрый рост городов; развитие ремесел и торговли, рост числа безработных и нищих, попытки проведения реформ, направленных на облегчение положения народа. Сжатие было прервано волной завоеваний, связанных с появлением кавалерии. Однако, как мы увидим далее, катастрофы не произошло: процессы сжатия продолжались и далее, в эпоху Цинь, и привели к экосоциальному кризису в конце III века до н. э.

* * *

Подводя итоги периода между двумя фундаментальными открытиями, освоением металлургии железа и появлением кавалерии, нужно отметить, что первое из этих открытий было сделано земледельцами и на некоторое время оно дало военное преимущество земледельческим цивилизациям. Волна ассирийских завоеваний вела не к становлению ксенократических обществ, а к созданию мировой этатистской монархии. Когда первый удар варварской кавалерии разрушил Ассирийскую империю, Египет и Вавилония получили возможность развиваться самостоятельно, и путь их развития оказался удивительно похожим: он проходил от господства храмовой олигархии к становлению новых этатистских монархий. Главным двигателем такого развития, как и раньше, было демографическое сжатие. В обеих странах олигархия в борьбе с наступающей монархией призвала на помощь внешних врагов, персов. Однако персы и мидяне в процессе диффузии перенимали не только скифскую кавалерию, но и административные традиции Ассирии. Поэтому установление персидского господства привело к гибели олигархии и созданию мощной сословной монархии Ахеменидов.

Глава 5. Кавалерийская революция

5.1. Освоение всадничества

Падение Ассирии и Вавилона было вызвано новой военной революцией — освоением всадничества. Как отмечалось выше, крупнейшим военным достижением II тысячелетия до н. э. было создание боевой колесницы. Это открытие сопровождалось распространением в евразийских степях двух близкородственных культур, одна из которых принадлежала иранцам, а другая индоариям. Появление боевой колесницы вызвало волну завоеваний, и индоарии вторглись в Северную Индию, а иранцы — в страну, которой они дали свое имя «Ариана» — Иран.

Между тем обитавшие в степях иранские племена продолжали совершенствовать навыки коневодства. Новым этапом в создании союза человека и лошади стало освоение всадничества. Это был довольно длительный процесс, растянувшийся примерно на два-три столетия; он включал в себя ряд усовершенствований в уздечке, удилах и псалиях, в посадке всадника и других деталях наезднического искусства. В результате диффузии эти усовершенствования распространялись в окружающие страны, в том числе и в цивилизованные области Передней Азии. Чуткие к военным новациям ассирийцы часто приглашали к себе наемников из степи и пытались заимствовать их всадническую технику. В результате мы можем проследить процесс становления всадничества на ассирийских рельефах, хотя, разумеется, они отражают этот процесс с некоторым запозданием. На рельефах первой половины IX века до н. э. изображены ассирийские лучники, сидящие в неудобной позе на крупной лошади, которую под узды ведет другой всадник-поводырь. В то время ассирийцы еще не могли самостоятельно управлять лошадью и тем более стрелять на скаку. Но их противники (тоже изображенные на рельефах) уже овладели этим искусством, и самые искусные наездники могли обходиться без «поводырей». На более поздних изображениях середины VIII века до н. э. ассирийские всадники сидят ближе к холке лошади, и некоторые из них управляют конем самостоятельно. В конце VIII века до н. э. всадники уже свободно скачут на коне и стреляют при этом из лука. В это время появляется мартингал — ремень, ведущий от подпруги, разветвляющийся на груди лошади, и выходящий на холку двумя кольцами, через которые проходил повод. Мартингал позволял фиксировать повод и на некоторое время отпускать его на скаку, чтобы выстрелить из лука. Одновременно меняется оголовье, появляются налобные ремни, для более устойчивого крепления ремней псалии становятся трехдырчатыми, а удила приобретают характерную стремечковидную форму¹.

Освоение всадничества было *фундаментальной инновацией*, которая привела к огромным переменам в хозяйственной сфере — к освоению кочевого скотоводства. В то же время появление всадничества означало революцию в военном деле, по терминологии У. Макнилла, «кавалерийскую революцию»². Правда, сначала было необходимо научиться использовать новые возможности. Всадничество потребовало прежде всего уменьшения размеров лука. Новый, так называемый скифский лук, как и луки предыдущего периода, был сложным и склеивался из нескольких пород дерева; его размер составлял 60–80 см. В силу небольших размеров лука стрела была короткой (до 60 см) и тонкой (4–5 мм); наконечники были маленькими — 2,5–3 см, максимально 4–5,5 см длины. Характерной чертой скифских наконечников было крепление с помощью втулки, унаследованное от арийских племен эпохи боевых колесниц. Втульчатые наконечники стрел были позднее позаимствованы ближневосточными армиями, но собственно скифский лук не смог вытеснить ассирийские луки, очевидно, маленький лук не обладал большой мощностью и использовался только всадниками³.

Новая тактика подразумевала длительный обстрел противника и уклонение от ближнего боя. Приблизившись к противнику на расстояние выстрела (примерно 50–70 м), скифы поворачивали и мчались вдоль фронта, стреляя из луков. Если враги пытались атаковать, то конные стрелки делали вид, что обращаются в бегство, и вынуждали противников преследовать их. В ходе этого преследования враги нарушали свой боевой порядок, а конные лучники, уходя от атаки, стреляли по врагу, оборачиваясь назад, и наносили ему большой урон. Этот тактический прием, изображенный на рельефе во дворце Ашшурнасирапала II (883–859 до н. э.), впоследствии стал известен как «парфянский выстрел». В конечном счете «спасающиеся бегством» всадники приводили преследователей к засаде; выйдя из засады, свежие отряды конницы окружали и уничтожали противника⁴.

Тактика «парфянского выстрела» стала главным «оружием победы» для легкой конницы кочевников, и впоследствии она была доведена до совершенства гуннами и монголами. Однако первое время эта тактика не была столь эффективной, поскольку луки были не такими мощными, как позже, и кроме того, еще не все степняки сели на коней; в войске скифов сохранялись подразделения пехоты, которую поставляли в основном зависимые племена. Недостатком скифской конницы было отсутствие оружия ближнего боя, скифские колющие мечи — акинаки — были короткими (40–60 см) и могли использоваться только пехотинцами. В заключительной фазе боя, когда противники были изранены в результате длительного обстрела, всадники спешили и добивали врагов вместе с пехотой в рукопашном бою⁵. Кроме того, скифы не умели брать города,

их тактика войны сводилась к набегам, поэтому они не смогли закрепить-ся на территории земледельческих империй.

Согласно распространенной точке зрения кочевание и всадничество были впервые освоены народами, обитавшими в степном поясе между Волгой и верховьями Енисея⁶. Греческие источники говорят, что здесь обитали родственные ираноязычные племена скифов, массагетов, саков, дахов, позже на северо-западе этой территории упоминаются также савроматы. Ввиду близости обычаев греки иногда называли все эти племена скифами, а персы именовали их саками⁷. Археологически эти всаднические и кочевые народы отличал единый культурный комплекс, который называют скифским, и в который входят, в частности, отмеченные выше характерные формы удил, псалий, наконечников стрел, акинаки, скифские бронзовые котлы и изображения в «зверином» стиле⁸. Наиболее ранним и ярким свидетельством появления этого комплекса являются царские захоронения кургана Аржан в Туве: местного царя сопровождали в загробный мир не только царица, но и множество слуг, и несколько десятков верховых коней. Эти могилы датируются исследователями VIII веком до н. э., а по радиоуглероду — даже IX веком до н. э.⁹ А.Р. Кызласов полагает, что курган Аржан принадлежал вождю сакского происхождения, который во главе своих соплеменников покорил местные племена¹⁰. Дело в том, что, еще не полностью овладев новым оружием, первые кочевники начали наступление на окружающие народы. Отдельные отряды наездников подчиняли соседние этносы и становились «царским племенем» в новых племенных образованиях¹¹. На Дону в среде племен, которых греки называли киммерийцами, также обнаруживается присутствие всаднической аристократии, принесшей с востока характерные черты кочевой скифской культуры¹². Среди скифов тоже имелось «царское племя», члены которого считали всех прочих скифов рабами, и похороны царя сопровождалась такими же гекатомбами, как в Аржане¹³.

Вслед за рейдами отдельных отрядов в конце VIII века до н. э. пришло время большой волны завоеваний. Геродот пишет, что сначала массагеты обрушились на скифов, которые, уходя от врагов, двинулись из Азии в Северное Причерноморье и атаковали киммерийцев. Киммерийцы, в свою очередь, бежали в Закавказье¹⁴. Разгромив в 722–715 годах до н. э. Урарту, киммерийцы двинулись в Малую Азию и обосновались на ее северном побережье близ Синопа. Скифы же в погоне за киммерийцами сбились с пути и вторглись в Мидию¹⁵. На территории позднейшего Азербайджана было основано скифское царство, и скифы совершали отсюда набеги на Ассирию. Мидия, которая прежде была ассирийской провинцией, теперь попала в зависимость от скифов. Через некоторое время ассирийскому царю Ассархаддону удалось заключить союз со скифами и направить их против киммерийцев. В 650-х годах до н. э. киммерийцы были

разгромлены объединенным войском ассирийцев и скифов и отступили на запад Малой Азии. В 623–622 годах до н. э. скифы еще раз продемонстрировали свою верность союзу и нанесли поражение выступившим против Ассирии мидянам.

Таким образом, Ассирия на время избежала опасности, и ассирийцы, как отмечалось выше, пытались использовать эту отсрочку, чтобы организовать свою кавалерию по скифскому образцу. Известно, что они нанимали в свою армию киммерийцев, однако эта немногочисленная наемная кавалерия не могла сравниться с конницей скифов¹⁶. С другой стороны, скифы также перенимали оружие противника — железные мечи и чешуйчатую броню, но в основной массе степняки остались легкими стрелками из лука¹⁷. Другие страны тоже участвовали в этих диффузионных процессах. Вавилоняне, сражавшиеся за свою независимость против Ассирии, перенимали железное оружие ассирийцев, а Мидия заимствовала не только мечи и доспехи Ассирии, но и конницу скифов. Геродот сообщает, что мидийский царь Киаксар отдал молодых мидян в обучение к скифам, а потом провел военную реформу, разделив войско на самостоятельно действующие отряды всадников, пеших лучников и копейщиков¹⁸. Киаксар создал новую армию, дополнив организованную по ассирийскому образцу пехоту заимствованной у скифов конницей и обеспечив взаимодействие различных родов войск. По-видимому, именно в это время появилась новая тактика, при которой пехота располагалась в центре, а конница действовала на флангах и имела задачу обойти противника и нанести удар с фланга и тыла.

Между тем отсрочка не спасла Ассирию от скифского нашествия. После победы над мидянами скифы убедились в своем военном превосходстве; они стали совершать набеги и подвергли страшному разграблению ассирийские земли. «Вот идет народ от земли северной, и народ великий поднимается от краев земли, — говорил пророк Иеремия. — Держат в руках лук и копье. Они жестоки и беспощадны. Их голос шумит, как море. Они мчатся на конях, выстроившись, как один человек, чтобы сразиться с тобой, дочь Сиона»¹⁹. Когда в 612 году до н. э. Киаксар снова выступил против Ассирии, ему удалось привлечь на свою сторону скифов, и соединенное войско мидян, вавилонян и скифов разгромило ассирийскую армию, а затем штурмом овладело Ниневией.

Скифы около тридцати лет господствовали над Ближним Востоком; они угрожали Вавилону и доходили до границ Египта. Мидяне между тем перенимали оружие скифов и готовили свою армию. В 594 году до н. э. Киаксар пригласил на пир скифских вождей (которым он платил дань) и изменнически умертвил их; после этого ему удалось одержать победу над лишившимся руководства скифским войском. Потерпев поражение, скифы ушли через Кавказ в Северное Причерноморье.

Однако волна завоеваний, обусловленная появлением кавалерии, продолжала распространяться по Евразии. На Ближнем Востоке ее продолжением стали мидийские и персидские завоевания: мидяне и персы переняли оружие скифов и ассирийцев, их армия могла не только совершать набеги (как скифы), но и штурмовать укрепленные города. Итогом мидийских и персидских завоеваний стало создание огромной империи, простиравшейся от долины Нила до долины Инда. На Дальнем Востоке племена скифской культуры в первой половине VII века до н. э. появились у границ Китая. В 660 году до н. э. эти племена — китайцы называли их ди — разгромили княжество Вэй и захватили значительную территорию в средней части долины Хуанхэ. Отсюда они совершали набеги на соседние области. Китайцы были вынуждены спешно перенимать оружие противника. В 620-х годах до н. э. знаменитый полководец Сюнь Линь-фу провел военную реформу в княжестве Цзинь, и в 593 году до н. э. цзиньцам удалось вытеснить ди из долины Средней Хуанхэ. Варвары отступили в степи Ордоса, где смешались с местными пастушескими племенами. Они передали жунам свое искусство конных лучников, и через некоторое время жунское царство Цинь завоевало весь Китай²⁰.

Таким образом, хотя скифам не удалось завоевать большие цивилизованные государства, их преемники на Ближнем и Дальнем Востоке в конечном счете создали огромные мировые империи.

5.2. Персидская держава

Наследниками скифов на Ближнем Востоке стали мидяне и персы. Эти народы принадлежали к древним ариям — тем племенам, которые в бронзовом веке населяли степи Средней Азии и Восточной Европы. Во II тысячелетии до н. э., во время волны нашествий, порожденных созданием боевой колесницы, часть арийских племен осела на Иранском нагорье²¹. Иранские арии со временем образовали несколько племенных союзов, «стран», в числе которых упоминаются Мидия и Персия; впрочем, арийские племена были очень близки друг другу, поэтому египетские и греческие историки часто называют всех иранцев мидянами или персами²². По сведениям, сохранившимся в Авесте, арии жили родами и среди них выделялась родовая знать — жрецы, атраван, и воины-колесничие, ратайштар. Простых родовичей называли крестьяне-скотоводы, вастриошан; в состав рода входили и рабы-хуту²³.

В конце VIII века до н. э. ассирийский царь Саргон II подчинил часть мидийских племен и создал на их территории несколько ассирийских провинций. Таким образом, мидяне познакомились с ассирийской системой управления, которую в дальнейшем заимствовали²⁴. Когда в 670-х годах до н. э. в Иран вторглись скифы, мидяне подняли восстание и Мидия

стала самостоятельным государством, правда, одно время она платила дань скифам. Мидяне научились у скифов конно-стрелковой тактике боя, в том числе и знаменитому приему стрельбы назад, и создали сильную армию, в ее основе лежало всеобщее ополчение «народа-войска»²⁵. В 594 году до н. э. мидяне нанесли поражение скифам и вынудили их уйти в Причерноморье²⁶.

При царе Астиаге (585–550 до н. э.) Мидия стала могущественной державой, наследницей Ассирии. Астиаг подражал ассирийским царям и правил как самодержавный монарх; система управления была построена по ассирийскому образцу, а в канцеляриях использовалась аккадская письменность²⁷. Однако проводимая царями политика *социального синтеза* натолкнулась на *традиционалистскую реакцию*. Астиаг пытался ограничить влияние родовой знати — в ответ знать организовала заговор, к которому примкнул вассал Астиага, царь персов Кир; когда в 553 году до н. э. Кир поднял мятеж против Астиага, знать перешла на его сторону и Астиаг потерпел поражение.

Кир стал царем Персии, Мидии и «других стран», но у греков и египтян его, так же как Астиага, называли «царем мидян»²⁸. В 530-х годах до н. э. Кир завоевал Вавилонию, Сирию и Лидийское царство в Малой Азии; в 525 году сын Кира Камбиз овладел Египтом. Персы стали хозяевами огромной мировой державы, охватившей весь Ближний Восток. Однако власть завоевателей — по крайней мере вначале — была непрочной: после смерти Камбиза, а затем после смерти Дария (522–486 до н. э.) покоренные народы поднимали восстания, и персам приходилось снова и снова утверждать свою власть над Востоком. Подавление восстаний в 480-х годах до н. э. сопровождалось массовым истреблением непокорного населения и привело к демографической катастрофе. После восстания были проведены широкомасштабные конфискации земли; это привело к значительной перестройке социальных отношений. Конфискованные земли были поделены между персидской знатью и воинами; знатные персы — сатрапы и областеначальники — получили в наследственное владение обширные поместья; они построили укрепленные усадьбы-замки и устроились в них вместе со своими родовичами²⁹. Персы не платили налогов, но были обязаны военной службой — они составляли военное сословие нового государства. «Детей с пяти- и до двадцатилетнего возраста они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости», — писал Геродот о персах³⁰. Знать, получившая поместья, была обязана содержать отряды из родовичей и наемников; ежегодно устраивались военные смотры, на которых проверялся списочный состав и снаряжение отрядов; знатные являлись на смотры на конях и в панцирях; простые воины выступали в качестве конных и пеших лучников³¹.

Помимо обширных поместий знати существовали и мелкие поместья-наделы незнатных воинов: надел лучника-пехотинца назывался «наделом лука» и в среднем составлял около 25 га (вдвое больше, чем в Вавилонии при Хаммурапи), надел всадника назывался «наделом лошади» и был примерно втрое больше, чем надел пехотинца. Получивший поместье воин должен был являться в войско с предписанным ему вооружением; находясь в армии, он получал жалованье серебром и натурой. При выходе в отставку поместья, по-видимому, урезались в размерах; в некоторых случаях они могли наследоваться — если сын брался служить вместо отца; продажи были запрещены³².

Земли поместий обрабатывали рабы-гарда; они происходили из числа пригнанных из походов пленных или из поработанного местного населения; их метили клеймом хозяина³³. В Вавилонии, где было конфисковано много храмовых земель, эти земли передавались персам, по-видимому, вместе с храмовыми работниками, иккару, — во всяком случае, часть иккару оказалась в руках частных лиц. Обычно персы не желали сами заниматься организацией хозяйства и, так же как храмы в прежние времена, сдавали свои земли вместе с икарру в аренду местным финансовым компаниям, в частности банкирскому дому Мурашу³⁴. Агенты дома Мурашу должны были организовать обработку земли работниками-иккару, причем иккару, как и прежде, работали в составе отрядов и использовали большие плуги³⁵.

Поместья воинов, государственные и частные хозяйства представляли собой три формы социальной организации, которые в различных пропорциях встречаются во всех традиционных обществах. Система служебных держаний (или поместий) была известна в Вавилонии и Ассирии; она была государственным институтом и, будучи жестко контролируемой могущественными царями, не оказывала существенного влияния на развитие общества. Характер социальных процессов определялся развитием частного сектора и механизмом демографического цикла. В V–IV веках до н. э. положение изменилось, в ход развития вмешались могущественные внешние силы: пришедшие из Великой степи завоеватели создали новое общество, разделенное на сословия победителей и побежденных. Победители превратились в военное сословие нового общества и использовали старинную систему служебных держаний *не только для организации военной службы, но и для эксплуатации покоренного населения*. Фактически в Персии мы впервые можем наблюдать классическую поместную систему: наделение воинов-кавалеристов небольшими поместьями на условиях службы. Эта система Ахеменидов позже, при Сасанидах и арабах, превратилась в систему икта, а в Европе была известна как бенефиций и фьеф.

С другой стороны, Персия унаследовала от Ассирии элементы правильной бюрократической организации. Военные власти были отделены

от гражданских, существовала достаточно четкая иерархия чиновников, строгая письменная отчетность, ревизорская служба и тайная политическая полиция («глаза» и «уши» царя). На главных дорогах имелись почтовые станции и склады продовольствия для войск. Писцовые школы продолжали готовить чиновников, которые в качестве платы за службу получали продуктовые пайки или небольшие поместья³⁶. Чиновники проводили земельные кадастры; пахотная земля была измерена и классифицирована по качеству, и на основе среднего урожая за несколько лет был установлен постоянный налог в серебре и натурой (преимущественно зерном); в некоторых источниках этот налог называют десятиной. Накопление ценностей позволило персидским царям начать выпуск, по-видимому, первой в истории золотой монеты, дарика. Характерно, что царь Дарий изображен на этой монете стреляющим из лука — лук входил в число царских инсигний³⁷.

Как и в Ассирии, в Персии существовал обширный государственный сектор экономики. Государство проводило значительные ирригационные работы, и в частности, была построена разветвленная система кяризов. Царю принадлежали огромные площади пахотных земель, их обрабатывали пригнанные из завоеванных стран пленные, курташ или гарда; так же как икарру, они жили семьями, работали в составе рабочих отрядов и получали пайки. В 509–495 годах до н. э. эти пайки были вдвое меньше, чем пайки икарру в 540-х годах до н. э.: мужчины получали 1 л ячменя в день, женщины — немного меньше³⁸. Бюрократия и госсектор придавали силу царской власти, которая долгое время успешно противостояла произволу знати и сепаратизму сатрапов.

Военная организация и тактика мидян и персов сочетала традиции скифов и ассирийцев. Конница была вооружена по скифскому образцу; это были преимущественно легковооруженные конные лучники, использовавшие скифскую тактику обстрела на расстоянии и уклонения от ближнего боя. Существенно, что значительную часть конницы составляли наемные саки — кочевники, не уступавшие скифам в искусстве наездников. Помимо конницы имелась многочисленная пехота, вооруженная и организованная по-ассирийски, она состояла в основном из лучников, не имевших защитного вооружения. Луки мидийских и персидских пехотинцев были больше скифских, они имели примерно метр в длину; дальность эффективного выстрела составляла около 110 м³⁹. Как у ассирийцев, лучники располагались в первой линии за большими щитами (но специальных щитоносцев теперь не было); за лучниками стояли воины с короткими мечами, однако панцири имели лишь немногие из них. Тяжелую пехоту в основном представлял «царский полк» «бессмертных», являвшийся особой, регулярной, частью персидской армии. В случае необходимости помимо профессиональных воинов, имевших поместья, к военным

действиям могли привлекаться ополченцы из числа покоренных персами народов. Это свидетельствует о сохранении существовавшей в ассирийские времена всеобщей воинской повинности, однако крестьянские ополчения не могли сравниться с профессиональными воинами, и их собирали редко⁴⁰.

По теории Ибн Халдуна, эволюция сословной монархии обычно связана с разложением военного сословия, распадом изначальных родоплеменных связей и утратой кочевниками присущих им воинских качеств. Цари, в процессе *социального синтеза* перенимавшие традиции древних монархов, старались удержать систему служебных наделов в рамках государственного института. При первых персидских царях эта система жестко контролировалась; все наделы, земли крестьян и причитавшиеся повинности были расписаны в кадастрах⁴¹. Военная дисциплина поддерживалась на высоком уровне, и попытки уклонения от службы пресекались подчас жестокими методами⁴². Дарий I и Ксеркс требовали беспрекословного повиновения даже от знатных персов и подобно ассирийским царям назначали на высокие посты рабов-евнухов. В 460-х годах до н. э. Ксеркс удалил из дворца несколько десятков знатных вельмож — в ответ знать организовала заговор, и Ксеркс был убит. Убийство Ксеркса — так же как убийство Астиага — было проявлением *традиционалистской реакции*, знать продолжала бороться за свои старинные права. Персы еще не имели устоявшихся традиций престолонаследия, после убийства царя началась война между его сыновьями, завершившаяся победой Артаксеркса I (464–423 до н. э.) и истреблением всех братьев победителя. После смерти Артаксеркса I последовала новая междоусобица, царь Ксеркс II был убит знатью, которая посадила на престол Дария II (423–405 до н. э.). Усобицы подорвали престиж царской власти, при Дарии II начались мятежи сатрапов, восстал и завоевал независимость Египет⁴³.

Экономическое развитие Персидской империи проходило под знаком нового демографического цикла, начавшегося после катастрофы 480-х годов до н. э. С 470-х годов до н. э. началось восстановление экономики и освоение ранее заброшенных земель. Земли было много и она стоила дешево⁴⁴. Постепенно оживали города Вавилонии, некоторые из них сохранили свое самоуправление и храмовое хозяйство⁴⁵. К 440-м годам до н. э. относится строительство крепостных стен и восстановление Иерусалима⁴⁶. В правление Ксеркса начались обширные строительные работы в Персеполе, новой столице Персидской империи⁴⁷. Для оценки уровня жизни в этот период имеются лишь немногие данные. Известно, что при Ксерксе было значительно увеличено довольствие курташ, в документах, относящихся к 467–466 годам до н. э., работникам выдавали серебро и продукты на 7–9 сиклей в месяц⁴⁸. Возросла и оплата вольнонаемных работников, в 544 году до н. э. землекоп получал 2,5 сикля в месяц,

а в 480 году до н. э. — 9 сиклей⁴⁹. В одном документе 447 года до н. э. упоминается наемная плата работника в 7 сиклей в месяц⁵⁰. В 466 году до н. э. 1 кур ячменя стоил 9 сиклей⁵¹, следовательно, оплата в 7–9 сиклей в месяц при 25 рабочих днях даже без учета хозяйских харчей эквивалентна 4,5–5,7 кг зерна в день — достаточно высокий уровень платы, характерный для периода восстановления. О восстановлении экономики говорит также увеличение числа деловых документов: от правления Ксеркса их дошло лишь 56, а от правления Дария II — около 400⁵². Ксенофонт, побывавший в Вавилонии в 401 году до н. э., описывает ее как богатую и процветающую страну⁵³. В Вавилоне велось значительное строительство, был построен царский дворец, «Ападана». Вместе с тем к правлению Дария II относятся сведения о развитии ростовщичества и обнищании трудового населения; известен случай, когда персидский налоговый инспектор обвинил банкирский дом Мурашу в разорении нескольких деревень⁵⁴.

Относительно уровня хлебных цен во второй половине V века до н. э. в источниках имеются лишь редкие и противоречивые упоминания. Однако достаточно многочисленные сведения для 385–367 годов до н. э. дают среднюю цену в 6,6 сикля за кур, а для 347–323 годов до н. э. — 4,4 сикля за кур⁵⁵. В целом складывается впечатление, что в 470–330-х годах до н. э. цены не только не росли, но, наоборот, снижались; такая же тенденция прослеживается в ценах на другие товары. Однако для оценки уровня жизни необходимы также данные о заработной плате — а таких данных не имеется. Некоторое представление о цене труда дают цены на рабов; по сведениям И. Олснера, в указанный период цены на рабов упали в несколько раз — с 1–2 мин до $1/6$ – $1/4$ мины серебра⁵⁶. Падение цен было вызвано, по-видимому, повышением стоимости серебра, которое изымалось в виде налогов и накапливалось в царской сокровищнице; о нехватке монеты говорят многие источники того времени⁵⁷. Однако в то время как цена на труд в 464–370-х годах до н. э. упала примерно в четыре раза, цена на зерно уменьшилась в 1,3–1,4 раза — это значит, что реальная оплата стала намного меньше, чем столетие назад.

Социально-экономическое развитие обширной персидской державы зависело не только от положения в Вавилонии, но и от обстановки в других провинциях. С этой точки зрения представляют интерес сведения о ситуации в Иудее. Как известно, Иудея была разорена войсками Навуходоносора, который вывел часть уцелевшего населения в Вавилонию. Кир позволил пленникам вернуться на родину; после их возвращения была проведена перепись, согласно которой число членов иудейской общины составило 42 тысячи человек⁵⁸. К 430-м годам до н. э. община увеличилась до 150 тысяч человек и появились признаки перенаселения. «Поля свои, и виноградники свои, и дома свои мы закладываем, чтобы достать хлеба от голода», — говорили иудеи областеначальнику Неемии⁵⁹.

Чтобы погасить волнения, Неемия провел социальную реформу, напоминавшую «освобождение» времен Хаммурапи: он отменил долги и вернул беднякам их земли и имущество⁶⁰. Возможно, что такого рода реформы проводились и в других областях Персидской империи: в конце V века до н. э. резко уменьшается количество деловых документов в Вавилонии, что может свидетельствовать о прекращении деятельности местных ростовщиков⁶¹.

Начавшееся сжатие сказалось на положении персидского военного сословия. Наделы воинов дробились между наследниками и уменьшались в размерах, ко времени Дария II некоторые из держателей жили на $\frac{1}{15}$ доле первоначального поместья; часто в одном поместье сидело несколько воинов, не имевших даже меча. Многие воины были обременены долгами, и все их доходы поступали ростовщикам; в других случаях воинские наделы продавались под видом усыновления⁶². Таким образом, служебные наделы «приватизировались» и постепенно становились частной собственностью; *сословная монархия разлагалась и превращалась в слабую феодальную монархию со значительным развитием частнособственнических отношений*.

В то время как наделы простых воинов становились добычей ростовщиков, обширные поместья знати превращались в частные рабовладельческие хозяйства. Владельцы поместий, обязанные приводить отряды солдат, старались избавиться от этой повинности; они нанимали кого подешевле или выставляли в качестве воинов своих домашних слуг. Привыкнув к мирной жизни, персы — в соответствии с теорией Ибн Халдуна — постепенно утрачивали боевые качества своих предков. «Персы теперь стали гораздо изнеженнее, чем при Кире, — писал Ксенофонт. — Ведь тогда они еще придерживались персидской системы воспитания и умеренности, хотя и восприняли одежду и роскошь у мидян. Ныне же они с равнодушием смотрят на исчезновение прежней выносливости, зато воспринятую у мидян изнеженность сохраняют всеми силами»⁶³. Символом изнеженности и богатства персидской знати стали знаменитые парадизы — загородные дворцы, окруженные садами и парками⁶⁴.

Ксенофонт рассказывает, как однажды было устроено состязание между всадниками и лучшие персидские наездники были на глазах царя посрамлены молодым саком, который достиг финиша, когда соперники были еще на середине дистанции⁶⁵. К концу V века до н. э. падение воинских качеств персов сказалось в ухудшении подготовки не только всадников, но и стрелков из лука. Ослабевшие персы не могли пользоваться сильными луками, и Ктесий отмечал, что персидские луки значительно слабее скифских⁶⁶.

Падение боевых качеств персидской пехоты заставило царей прибегать к услугам греческих наемников, число которых постепенно возрастало.

В 401 году до н. э. 13 тысяч греческих наемников приняли участие в мятеже царевича Кира Младшего⁶⁷. Правление Артаксеркса II (404–359 до н. э.) прошло в обстановке почти не прекращавшихся мятежей сатрапов. Разложение охватило верхи общества, наследование должностей привело к феодализации, и западные историки почти единодушно называют персидское общество феодальной монархией⁶⁸. Должностные доходы «приватизировались», на население налагались произвольные поборы; сатрапы и областеначальники имели свои войска и стремились стать независимыми от центральной власти.

Артаксеркс III (358–338 до н. э.) пытался противостоять надвигающейся анархии, он на время привел сатрапов к покорности и снова завоевал Египет, однако возбудил недовольство знати и был отравлен своими придворными. К этому времени персидское военное сословие ослабело до такой степени, что войны велись в основном силами греческих наемников⁶⁹. В 330-х годах до н. э. персы не смогли противостоять вторжению армии Александра Македонского. Македоняне владели новым оружием и новой военной тактикой — тактикой македонской фаланги; персы были разбиты, и Александр завоевал весь Ближний Восток. Сразу после смерти великого завоевателя разразился кризис; в 322 году до н. э. цена ячменя достигала 23,5 сикля за кур. В 321 году до н. э. неквалифицированным рабочим в Вавилоне платили 4 сикля в месяц; при ценах 322 года до н. э. на дневную зарплату можно было купить только 0,75 кг ячменя⁷⁰. Затем начались долгие войны между полководцами Александра; в ходе этих войн, в 315–310 годах до н. э., Вавилония подверглась жестокому опустошению⁷¹. В 309–308 годах до н. э. цены на ячмень стояли на уровне голода — 25 сиклей за кур. В 295–284 годах до н. э., когда кризис был уже в прошлом, цены упали до 2,1 сикля за кур⁷², то есть до уровня вдвое более низкого, чем до начала кризиса. Такое падение цен на фоне инфляции, вызванной поступлением в оборот накопленных персами сокровищ, может быть объяснено лишь гибелью большей части населения.

* * *

Возвращаясь к анализу исторического процесса в контексте трехфакторной модели, нужно подчеркнуть, что становление Мидии было *результатом социального синтеза* с участием ассирийских, скифских и собственно мидийских традиций. Перенимание ассирийских этатистских порядков сопровождалось *традиционалистской реакцией*, мятежом мидийской знати, передавшей власть персидским царям. В конечном счете результатом синтеза стало сочетание военной мощи, основанной на взаимодействии пехоты и кавалерии, с крепкой административной организацией. Благодаря этому предварительному синтезу персы и мидяне выглядели для других народов как «благородные варвары», и в усло-

виях сжатия они смогли воспользоваться социальным расколом в старых цивилизованных государствах, чтобы подчинить их без разрушительных войн. («Киропедия» Ксенофонта донесла до нас эту литературную традицию.) В итоге этого почти безболезненного завоевания демографические циклы не были прерваны ни в Вавилонии, ни в Египте, и сжатие продолжалось. Однако вслед за завоеванием начался новый этап социального синтеза, в ходе которого прежде поддерживавшие завоевателей элиты столкнулись с усвоенными персами ассирийскими этатистскими традициями. В результате произошел разрыв, и, воспользовавшись условиями сжатия, элиты подняли против персов свои народы под знаменем традиционалистской реакции. Жестокое подавление этих восстаний привело к демографическим катастрофам, после которых и в Вавилонии, и в Египте начались новые демографические циклы.

После подавления восстаний процесс социального синтеза продолжился, причем он снова сопровождался традиционалистской реакцией — теперь со стороны персидской знати. В итоге на свет родилась *персидская сословная монархия*, которая впоследствии стала образцом для других обществ этого типа и которая характеризуется прежде всего наличием двух основных сословий — военного и земледельческого. Воины в этом обществе — это потомки завоевателей, а крестьяне — потомки покоренного населения, и отношения между сословиями неравноправные: воины эксплуатируют крестьян, которые находятся в зависимости от своих хозяев или от государства. Эта система эксплуатации основана на служебных держаниях, поместьях, которые воины получают за свою службу.

Процесс эволюции персидской сословной монархии следовал теории Ибн Халдуна; это был процесс разложения асабии, «приватизации» служебных держаний, феодализации и вместе с тем процесс падения боеспособности воинского сословия: к этому результату приводило появление «изнеженности» — следствие относительно благополучной жизни, столь непохожей на жизнь в степях. Кроме того, сжатие вызвало разорение мелких помещиков, воины теряли свои надель, которые переходили в руки ростовщиков.

В персидский период документы не упоминают о свободных крестьянах-собственниках в Вавилонии, и Б. Мейснер считал, что в персидское время там были только «патриции», «несвободные» и рабы⁷³. Таким образом, сжатие приводило не к разорению крестьян-собственников, а к падению цен на рабов — такое падение действительно фиксируется источниками. Естественно, процессы, происходившие в Вавилонии, могли отличаться от процессов в других провинциях огромной персидской монархии. В Иудее, к примеру, еще существовало значительное число крестьян-собственников, и социальная эволюция здесь протекала по классической модели.

В целом можно выделить следующие признаки начавшегося в 470-х годах до н. э. *периода восстановления*: относительно высокий уровень потребления, дороговизна рабочей силы, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, быстрый и устойчивый рост населения (как это видно на примере Иудеи). В конце V века до н. э. появляются признаки наступающего сжатия: дешевизна рабочей силы, рост ростовщичества, распространение долгового рабства, рост городов, разорение крестьянства (в Иудее), активизация народных движений и попытки проведения социальных реформ. Как уже отмечалось, специфической чертой сжатия в условиях ксенократического общества было разорение служилых землевладельцев, «приватизация» служебных поместий и разложение военного сословия (трансформация C^cA^c). «Приватизации» служебных поместий сопутствовала феодализация; наместники провинций пытались утвердить свою самостоятельность и поднимали мятежи, угрожавшие целостности государства.

В конечном счете, в соответствии с теорией Ибн Халдуна, разложение военного сословия привело к военной катастрофе и к завоеванию Ближнего Востока македонянами (трансформация $C^cA^cC^c$).

5.3. Персидский период в Египте

После подавления антиперсидских восстаний в 450-х годах до н. э. разоренный и опустошенный Египет успокоился почти на полвека. Персы перестали считаться с египетской знатью и управляли Египтом как завоеванной провинцией, подвергая страну беспощадной налоговой эксплуатации. Подати были настолько тяжелыми, что земледельцы, не будучи в состоянии платить их, бежали в города, но стражники хватали беглецов и насильно возвращали обратно. Персидские вельможи владели обширными поместьями, в которых, как в старые времена, трудились рабочие отряды. Войска персидских царей комплектовались из военных поселенцев: персов, мидийцев, иудеев, греков, арамейев, которые получали маленькие поместья. Эти наделы были неотчуждаемы, их обрабатывали рабы или арендаторы из местного населения⁷⁴. Несмотря на высокие налоги, персидская казна ежегодно получала из Египта лишь 700 вавилонских талантов серебра и 120 тысяч медимнов (180 тыс. артаб) зерна⁷⁵. Это сравнительно немного, для примера: маленькая Киликия давала 500 талантов; отсюда можно сделать вывод, что после персидских погромов население Египта резко уменьшилось.

К концу V столетия до н. э. раны были отчасти залечены, началось новое восстание, и персы были изгнаны из Египта. В период независимости в первой половине IV века до н. э. страна достигла значительного экономического прогресса; от этого времени сохранилось много памят-

ников, свидетельствующих о строительных работах и активной хозяйственной деятельности. Однако исследователи отмечают, что Египет уже не смог достичь того уровня развития, который существовал до персидского завоевания. Персы продолжали вторгаться в страну, и под угрозой нового нашествия фараон Тахос (362–360 до н. э.) предпринял попытку введения тотальной системы государственного регулирования — наподобие той, которая существовала в древности. Тахос конфисковал большую часть храмового имущества и заставил богатых сдать в казну все имевшееся у них золото и серебро — эти деньги предназначались для платы греческим наемникам. Население было обложено новыми налогами. Столь решительные меры вызвали восстание; жрецы и знать подстрекали недовольное налогами простонародье; Тахос был свергнут. Новый фараон Нектанеб II отменил все нововведения своего предшественника и, вероятно в качестве компенсации, принес большие дары храмам. Неизвестно, вернули ли жрецы то влияние, которым они обладали в доперсидские времена, по-видимому, нет, так как написанная ими «демотическая хроника» негативно относится к Нектанебу II и другим фараонам этого времени. В 342 году до н. э. на Египет обрушилось новое персидское нашествие: города и храмы были разграблены, страна подверглась жестокому опустошению. «Наши каналы полны слез, и в Египте нет людей, чтобы жить в домах», — свидетельствует хроника⁷⁶. Вслед за этим погромом в страну вторглись войска Александра Македонского. Новым оружием македонян был сплоченный строй тяжелых пехотинцев, фаланга, против которой не могла устоять конница персов. Эпоха господства в Египте персидских конных лучников подошла к концу.

* * *

Возвращаясь к анализу истории Египта в рамках трехфакторной модели, необходимо отметить, что после подавления возглавляемых знатью больших восстаний новый демографический цикл начался в условиях господства сословной монархии. Полувековой мирный период во второй половине V столетия до н. э. был *периодом восстановления экономики*. Однако чужеземные цари проводили политику жестокой налоговой эксплуатации, которая сужала экологическую нишу египетского этноса и служила препятствием к восстановлению его численности. В результате около 400 года до н. э. началось новое восстание, и на этот раз персы были изгнаны из страны. Но угроза нового нашествия сохранялась и в обстановке *военного сжатия*; фараон Тахос предпринял попытку отнять у храмов все, что осталось у них после персидского господства (трансформация C^cB). Попытка окончилась неудачей, и, в конце концов, страна снова стала добычей персов. Новое персидское нашествие означало демографическую катастрофу и начало следующего демографического

цикла. В итоге последовательность трансформаций структуры в египетско-персидском цикле описывается формулой C^cBC^c .

5.4. Империя Цинь в Китае

Посмотрим теперь, каковы были последствия появления кавалерии на Дальнем Востоке. Как отмечалось выше, после отражения первой атаки на китайские княжества всадники из племен ди обосновались в степях Ордоса, в излучине Хуанхэ. По соседству с ними обитали племена жунов, степных варваров, которые еще в VIII веке до н. э. нанесли поражение Чжоу, оттеснили чжоусцев на восток и заняли долину реки Вэй. Жуны вскоре переняли у ди искусство наездников и создали свои конные отряды. Во всех источниках того времени жуны и ди выступают вместе, они так мало отличались друг от друга, что китайцы называли некоторые племена западных ди жунами⁷⁷. Впоследствии жуны и ди основали на северо-западных землях царство Цинь, которое настоящие китайцы считали «варварским». Цинь располагалось на малонаселенной окраине; здесь еще не было городов, и циньцы не знали, что такое деньги. Но зато степи жунов представляли собой прекрасные пастбища и издавна славились своими конями, в то время как во внутренних районах Китая лошади акклиматизировались с трудом.

Циньские воины воспринимались китайцами в первую очередь как смелые всадники: «Циньские воины храбры, как тигры, — говорил чжао-ский дипломат Су Цинь, — они несутся вскачь с непокрытыми головами и врываются в расположение противника с пиками наперевес; таких храбрецов у Цинь не счесть. Кони циньцев прекрасны, вооруженных всадников множество; они врываются в ряды противника на стремительно летящих конях...»⁷⁸. Хотя Су Цинь говорит о пиках в руках всадников, основным оружием китайской конницы был лук; всадники использовали в основном стрелковую тактику, взаимодействуя с многочисленной пехотой. Знаменитый стратег IV века до н. э. Сунь Бинь описывает тактику, очень похожую на скифскую: «Для нападения на неприятеля... раздели свои силы на четыре-пять отрядов. Один из них ввязывается в бой, после чего имитирует поражение и бегство, изображая панику. Как только неприятель увидит, что в твоём стане царит паника, он обязательно разделит свои силы, чтобы преследовать отступающих... Тогда собери своих всадников... и нападай всеми пятью отрядами сразу»⁷⁹.

Так же как мидяне и персы, армия Цинь совместила военные приемы скифов с пехотной тактикой эпохи железа. Пехотинцы выстраивались несколькими шеренгами, в первой шеренге стояли лучники и арбалетчики, в задних — латники с мечами и копьями. Конница располагалась на флангах, ее задачей было атаковать фланги противника и зайти ему в тыл (или, как отмечалось выше, ложным отступлением навести противника на засаду)⁸⁰.

В 359 году до н. э. в Цинь приехал ученик Ли Куя Шан Ян, предложивший циньскому князю Сяо-гуну преобразовать свое государство по образцу «срединных царств». В 359–350 годах Шан Ян провел реформы, копировавшие преобразования Цзы Чаня в Чжэн: установил одинаковые для всех законы, лишил аристократов власти и отнял их земли, разделил государство на уезды, управляемые сменяемыми чиновниками, ввел систему рангов, объединил крестьян на связанные круговой порукой «пятерки» и «десятки»⁸¹. После реформ Шан Яна многие (если не все) циньские крестьяне работали на выделенных им одинаковых наделах, они получали от государства рабочий скот и орудия труда. Все работы контролировались чиновниками, которые предписывали, что и когда сеять, награждали отличившихся и наказывали нерадивых⁸². Как в Цинь, так и в «срединных царствах» крестьяне жили общинами и выбирали своих старейшин, фулао, однако в «срединных царствах» жизнь общин не регламентировалась так, как в Цинь, там были богатые и бедные крестьяне и земля могла продаваться⁸³.

Так же как другие легисты, Шан Ян считал, что основу силы и благополучия государства, его «ствол», составляет земледелие; что же касается торговли и ремесел — то это второстепенные занятия, «ветви». В соответствии с этой доктриной в Цинь пресекали ростовщическую деятельность купцов и проводили «политику поощрения земледелия». Огромное внимание уделялось ирригации: были построены крупнейшие оросительные системы, в том числе знаменитая система «Вэйбэй». На вновь освоенные земли привлекались переселенцы из других царств; население быстро росло, и в III веке до н. э. Цинь стало самым богатым и могущественным царством Китая⁸⁴.

В 220-х годах до н. э. армия Цинь начала наступление и сумела одну за другой разгромить армии остальных царств; в 221 году до н. э. циньский князь Ин Чжэн был провозглашен Ши-хуанди — Первым императором. В глазах китайцев, не знавших о существовании западного мира, это событие выглядело как объединение Поднебесной, окончание «эпохи сражающихся царств» и установление всеобщего мира.

Цинь Ши-хуанди был хорошо знаком с трудами легистов и с их главой Хань Фэй-цзы; его ближайшим помощником был другой выдающийся представитель школы легистов — Ли Сы. Управление империей осуществлялось по легистским канонам: Ши-хуан отменил все аристократические титулы и уравнил всех перед законом; даже братья и сыновья императора не имели никаких титулов и в правовом отношении ничем не отличались от простолюдинов⁸⁵. Между тем в «срединных царствах», и в особенности в Чу, еще существовала аристократия, владевшая наследственными земельными пожалованиями. Теперь все наследственные пожалования были упразднены; вся знать покоренных царств — 120 тысяч семей — была

переселена в столицу Сяньян⁸⁶. Покоренные царства были поделены на уезды, куда назначались сменяемые чиновники, получавшие небольшие оклады. Деятельность чиновников строго контролировалась ревизорами-юйши, император часто совершал инспекционные поездки по стране⁸⁷. Порядки, введенные в Цинь Шан Яном, после завоевания были распространены на всю империю; все члены семей были связаны круговой порукой; если один из них совершал преступление, то всю семью обращали в рабство⁸⁸.

Завоевание не изменило аграрных отношений в «срединных царствах»; в 216 году до н. э. был проведен учет земель, землевладельцы сами доложили о размерах своих полей, и эти поля были записаны как их собственность⁸⁹. Крестьяне по-прежнему страдали от перенаселения и малоземелья, и власти не препятствовали продаже земель разорившимися земледельцами. Многие безземельные крестьяне были вынуждены идти в батраки, другие отдавали в залог своих детей. Бедняки уходили в города, нанимались на соляные и железоделательные промыслы; богатые купцы владели промыслами с тысячами рабочих и рабов⁹⁰.

Ши-хуан признавал остроту земельной проблемы и пытался решить ее с помощью «политики поощрения земледелия», в частности, с помощью массовых переселений бедняков на целинные земли окраин. В 219 году до н. э. 30 тысяч семей были переселены на юго-восток Шаньдун, еще 30 тысяч — в Хэбэй⁹¹. В 215 году до н. э. Ши-хуан распорядился построить стену, чтобы защитить северные области страны от набегов гуннов. На строительстве Великой стены было занято 300 тысяч солдат и несколько сот тысяч крестьян, мобилизованных по трудовой повинности. После окончания строительства, в 212 году до н. э., на земли, прилегающие к стене, были переселены 80 тысяч семей⁹². В 214 году до н. э. были мобилизованы в армию и направлены на завоевание южных земель несколько сот тысяч «заложенных сыновей» — тех безземельных бедняков, которые работали на богачей в залог долга. На завоеванных землях юга также переселялись колонисты из центральных районов⁹³.

Меры, принятые Цинь Ши-хуанди, оказались недостаточными; разорение крестьян продолжалось. Вдобавок войны и грандиозные стройки Ши-хуана принесли с собой чрезмерное увеличение повинностей и налогов. По законам Шан Яна, укрывавшихся от налогов и мобилизаций вместе с родней обращали в рабов. Яркую характеристику сложившегося положения дал впоследствии ханьский министр Дун Чжуншу: «Поля богачей тянулись межа за межей, а у бедного люда не осталось земли, куда можно было бы воткнуть шило, — писал Дун Чжуншу. — К тому же в одних руках сосредоточились богатства рек и озер, гор и лесов. В своем разврате люди перешли все границы, соперничали в расточительстве. В городах встречались люди, которые пользовались таким же почетом,

что и правители; в общинах встречались люди, обладавшие богатством гунов и хоу. Как мог малый люд не страдать! Он отбывает месячную воинскую повинность в уезде, затем службу в регулярных войсках. Военные и трудовые повинности в тридцать раз больше, чем в древности. Земельный и подушный налоги, сборы на соль и железо в двадцать раз больше, чем в древности⁹⁴. Некоторые обрабатывают поля богачей, платя за это половину урожая. Поэтому бедный люд постоянно одевается в такие же одежды, которыми покрывают волов и лошадей, ест пищу собак и свиней. Все это усиливается еще и тем, что алчные и жестокие чиновники своевольно наказывают и убивают. Люди страдают и не имеют опоры, поэтому они скрываются в горах и лесах и становятся разбойниками. Осужденных толпы; за год число их достигает тысяч и десятков тысяч»⁹⁵.

Цинь Ши-хуану не удалось остановить сжатие: после его смерти в 210 году до н. э. на территории бывшего царства Чу началось большое восстание. Инициатива выступления принадлежала простому народу, но вскоре к руководству движением пришла знать, стремившаяся вернуть свои наследственные владения. Восставшие воевали под знаменами старинных царств и нередко вступали в междоусобную борьбу. В 207 году до н. э. повстанцы овладели столицей империи, Сяньяном, огромный город был разрушен, а население вырезано до последнего человека. Источники сообщают о голоде, доводившем людей до людоедства, о гибели половины населения Китая⁹⁶. По другим сведениям, население сократилось на $\frac{2}{5}$, в городах из каждых десяти жителей осталось два-три⁹⁷. В 202 году до н. э. вождь повстанцев Лю Бан провозгласил себя первым императором новой династии Хань. Начался новый период истории Китая.

* * *

Возвращаясь к анализу исторического процесса в рамках трехфакторной модели, необходимо отметить, что жуны, перенявшие всадническое искусство у пришедших с запада племен, оказались восприимчивы и к китайским влияниям. Цинь стала областью социального синтеза, где военные традиции степи совместились с этатистскими традициями «срединных царств». Результатом этого синтеза стало рождение мощной военной державы, которая впоследствии объединила под своей властью весь Китай, причем завоевания были столь стремительными, что они не вызвали прерывания демографических циклов в покоренных царствах.

Завоевание привело к *трансформации структуры*, к распространению этатистских порядков Цинь на всю территорию Китая. Если в долине Хуанхэ такие порядки — в менее строгом варианте — существовали и прежде, то в южных царствах они были новшеством, вызвавшим сопротивление местной элиты. Другой проблемой было усиливавшееся сжатие. Император пытался использовать для понижения демографического

давления методы государственного регулирования: он переселил на целинные земли окраин сотни тысяч бедняков из густонаселенных районов. Однако Ши-хуан не решился на передел земли и не смог остановить сжатия. Более того, войны и грандиозные стройки, резкое увеличение налогов и повинностей вызвали *структурный кризис*. На примере эпохи Цинь мы впервые можем проследить механизм структурного кризиса, причиной которого является масштабное перераспределение ресурсов в структуре «государство–элита–народ». В условиях сжатия этот кризис быстро перешел в общий *экосоциальный кризис*. После смерти императора начались восстания, и уцелевшая знать выступила вместе с народом. Гражданские войны, голод, разрушение ирригационных систем привели к демографической катастрофе: погибло около половины населения Поднебесной.

* * *

Анализируя события, последовавшие за появлением кавалерии, необходимо прежде всего отметить определенный параллелизм в процессах социального синтеза в Китае и на Ближнем Востоке. В обоих регионах конные варвары не смогли завоевать земледельческие империи, очевидно, вследствие отсутствия у них необходимой политической организации. Однако искусство конных лучников было перенято у степняков другими варварами, жившими на окраинах империй и сумевшими совместить новую кавалерию, старую пехоту и заимствованную у империй этатистскую традицию. Эти «цивилизованные варвары» затем приступили к завоеваниям и завладели огромными территориями, создав две мировые империи — Персидскую империю и империю Цинь.

В обоих случаях военное преимущество конных лучников было таково, что завоевания совершились без больших потрясений и не прервали демографические циклы на завоеванных территориях. Однако продолжающееся сжатие вскоре вызвало борьбу за ресурсы между завоевателями, элитами и народами покоренных стран. Результатом стали повсеместные восстания, вызвавшие гибель империи Цинь. Персам удалось подавить восстания и создать сословную монархию, которая эволюционировала в течение следующего демографического цикла по законам, описанным Ибн Халдуном. В конце IV века до н. э. на смену персам пришли новые завоеватели — македоняне.

Глава 6. Эпоха тяжелой пехоты

6.1. Рождение фаланги

Походы Александра Македонского представляли собой новую волну завоеваний, связанную с появлением македонской фаланги. Фаланга имела в Греции длительную историю, она появилась в VII веке до н. э. и была ответом греков на экспансию кочевников: в это время племена киммерийцев захватили Македонию и иногда прорывались в Среднюю Грецию¹. В результате диффузионных процессов в Аттике и Беотии сложились государства, в которых господствовала всадническая аристократия. «В Греции, — писал Аристотель, — полноправными гражданами были в первое время воины, а именно вначале — всадники; объясняется это тем, что тогда на войне силу и перевес давала конница, а тяжеловооруженная пехота, за отсутствием в ней правильного устройства, была бесполезна»². Однако пехота не оставила попыток противостоять конным и пешим лучникам; сначала появилось более эффективное защитное вооружение: бронзовая кираса, поножи, большой щит — вес этого снаряжения достигал 30 кг. Затем пехотинцы научились сражаться в сомкнутом строю, в фаланге, причем каждый воин должен был прикрывать щитом не только себя, но отчасти и соседа слева. Сначала воины имели по два дротика, но к концу VI века до н. э., когда фаланга приняла заверченный вид, главным оружием стало двухметровое копье³.

Хотя греческая фаланга была менее уязвима для стрел конных лучников, она не могла атаковать маневренную и быструю конницу. Атака фаланги направлялась на лучников-пехотинцев, которые в то время еще составляли основу боевого порядка как в персидской армии, так и в армиях других государств. При такой атаке требовалось быстрым шагом или даже бегом преодолеть около 100 м простреливаемого пространства; на это уходило меньше минуты. После этого, как пишет Г. Дельбрюк, не имевшие тяжелого вооружения лучники могли считать себя погибшими⁴.

В 480 году до н. э. волна персидских завоеваний достигла Греции, и в следующем году греческая фаланга встретилась с персидской армией в битве при Платеях. Поначалу персы избегали сражения и ограничивались атаками конницы, которая почти безнаказанно обстреливала греков, вынудила их укрыться на холмах и лишила подвоза воды. В конце концов, греки решили отступить; персидский полководец Мардоний принял это отступление за бегство и опрометчиво бросил в атаку свою пехоту. В ответ греки быстро построились в фалангу и коротком бою разгромили пехоту персов. «Персы не уступали эллинам в отваге и телесной силе, — свидетельствует Геродот, — у них не было только тяжелого вооруже-

ния...»⁵. Конница персов, не принимавшая участия в этом решительном столкновении, была вынуждена вернуться в Персию.

Таким образом, новое оружие греков смогло остановить волну завоеваний, порожденную появлением конницы. Следующие полтора века прошли в борьбе двух военных систем — персидской и греческой, причем обе стороны в ходе диффузионного процесса стремились заимствовать оружие противника. Греки наняли некоторое количество скифских лучников и стали шире использовать фессалийскую конницу. Персы, пользуясь враждой между греческими государствами, стали нанимать эллинских гоплитов; к моменту вторжения Александра Македонского их число достигло 30 тысяч⁶. Одновременно персы развивали свою кавалерийскую тактику и в дополнение к легким конным лучникам создали отряды всадников, одетых в панцири; эти всадники атаковали противника в сомкнутом строю и вступали в ближний бой, сражаясь дротиками и мечами. Впрочем, в отсутствие стремян кавалеристы были еще недостаточно устойчивы в седле, и тяжелая конница пока не получила широкого распространения⁷.

Обе системы вооружения распространялись путем диффузии и в соседние страны. Расположенная к северу от Греции Македония с давнего времени славилась своей конницей гетайров, которая состояла из местной знати — по-видимому, потомков некогда завоевавших эту страну киммерийцев. Гетайры, или «друзья царя» (так же как всадники из соседней Фессалии), были защищены короткими панцирями; что же касается македонской пехоты, то она представляла собой плохо вооруженное крестьянское ополчение. Македонский царь Филипп II, хорошо знакомый с военными достижениями греков, в 350-х годах до н. э. предпринял военную реформу и полностью реорганизовал как пехоту, так и конницу. Взяв за образец греческую фалангу, Филипп II вооружил пехотинцев более длинными копьями, сариссами, так что перед фронтом фаланги выступали копья пяти первых рядов. Длина сарисс достигала 14 локтей (6,3 м) и македонские воины (в отличие от греков) держали свои копья обеими руками; соответственно, их щиты были меньших размеров и закреплялись на плече с помощью ремней. При этом плотность построения была увеличена примерно вдвое за счет того, что фалангисты стояли боком, выдвигая левое плечо со щитом вперед; в результате на каждого противника было нацелено десять копий. Глубина фаланги достигала 16 шеренг, и задние ряды практически не участвовали в столкновении. Их задача состояла в том, чтобы толкать вперед передние ряды, воины которых не только не могли бежать, но и с трудом шевелились в давке, зато напор фаланги был страшным⁸. «Пока фаланга сохраняет присущие ей особенности и свойства, — говорит Полибий, — нет силы, которая могла бы сопротивляться ей с фронта или устоять против ее натиска»⁹.

Филипп II реформировал также и македонскую конницу. Всадники тоже были вооружены сариссами, но меньшей длины (около 3 м); они были обучены сражаться в сплоченном строю и атаковать клином. Вероятно, в данном случае примером послужила тяжелая конница персов, однако, как и в пехоте, длинное копье было македонской инновацией. Существенно, что всадники (как и в Персии) стали получать от царя поместья, и прежняя всадническая аристократия была разбавлена «новыми людьми», среди которых было много фессалийцев и греков. Пехота в отличие от конницы рекрутировалась по территориальным округам, при этом воины получали хорошую плату. Новая военная тактика Филиппа II требовала длительного обучения, и воины царя были профессиональными солдатами, таким образом, македонский царь создал регулярную армию, оснащенную новым оружием и обученную новой тактике¹⁰.

Тактика новой армии была построена на сочетании кинжальных прорывов копьеносной кавалерии и фронтального удара фаланги, но основную роль играла фаланга. «Это фаланга выигрывала сражения», — пишет Р. Конолли¹¹. Результатом нового фундаментального открытия — создания фаланги — стала волна македонских завоеваний. После нескольких победоносных походов Филипп II покорил многие фракийские и иллирийские племена, а затем заставил признать зависимость от Македонии многочисленные греческие полисы. В 334 году до н. э. сын Филиппа II, Александр, выступил в поход против огромной Персидской империи; разгромив в нескольких сражениях армии персов, он создал огромное государство, простиравшееся от Греции до берегов Инда.

6.2. Селевкидский период на Ближнем Востоке

Фаланга с легкостью опрокинула обессилевшие войска персов и покорила весь Ближний Восток. Однако в то время, когда войска Александра завоевывали персидскую монархию, монархия завоевывала его самого: в процессе *социального синтеза* царь быстро перенимал традиции самодержавия. Александр принял титул «царя четырех стран света», одел персидские одежды и стал требовать, чтобы гетайры склонялись перед ним до земли — как это делали персидские сатрапы, оставленные царем на своих постах. Это вызвало негодование «друзей царя» и ропот простых воинов. После смерти Александра началась бурная *традиционалистская реакция* македонян на излишне поспешное перенимание восточных традиций. Власть оказалась в руках македонского народа-войска, который на шумных сходках избирал своих вождей; при этом конница гетайров вступала в схватки с крестьянами-фалангистами¹².

Междоусобные войны македонян продолжались более двадцати лет и привели к демографической катастрофе; обширные области Ближнего

Востока подверглись жестокому разорению¹³. К началу III века до н. э. на территории бывшей Персидской империи образовались новые государства, самым крупным из которых была держава Селевкидов, основанная полководцем Селевком Никатором. Государство Селевкидов во многом напоминало государство персов, по словам Т. Моммзена, оно было «не чем иным, как поверхностно преобразованной и эллинизированной Персией»¹⁴. В ходе социального синтеза селевкидские цари заимствовали персидское самодержавие и титулатуру: «Я, Антиох, царь великий, царь могучий, царь Вселенной, царь Вавилона, царь стран» — так именовал себя Антиох I¹⁵. Система налогов тоже была заимствована у персов; основным налогом оставалась десятина с урожая; все земли были переписаны в кадастрах¹⁶.

Македоняне и греки заменили персов в качестве военного сословия; воины, клерухи и катойки, получали небольшие поместья-клеры; «друзья царя» обладали огромными владениями и множеством рабов. Македонская знать служила в тяжелой коннице катафрактов; простые клерухи воевали в составе фаланги, кроме того, в случае войны армия пополнялась греческими наемниками. В процессе социального синтеза македонские и греческие контингенты были дополнены восточными войсками. В составе селевкидской пехоты имелись персидские лучники, в коннице служили наемники из среднеазиатских кочевых племен. Для туземцев продолжала существовать унаследованная от ассирийцев и персов воинская повинность, но реально она использовалась редко, так как плохо вооруженные крестьянские ополчения не представляли серьезной военной силы¹⁷.

Хотя основа государства осталась персидской, завоевание привело к частичной трансформации общества по греко-македонскому образцу. Стараясь закрепить за собой обширные завоеванные страны, Селевкиды во множестве привлекали переселенцев, македонян и греков. Переселенцев наделяли землей и основывали для них новые города-полисы; как и в Греции, эти полисы имели самоуправление, народное собрание и своих магистратов. Селевк основал 33 полиса, впрочем, бывало и так, что военных колонистов размещали в старых восточных городах, присваивая этим городам новые имена и статус полиса. Прежние жители этих городов тоже получали гражданские права и привилегии; со временем они воспринимали греческую культуру, давали своим детям греческие имена и превращались в полуэллинов. Старые храмовые города, которые и раньше имели самоуправление, сохранили его и при Селевкидах. Вавилон, жители которого были переселены в Селевкию, так и не вернул прежнего значения, но Ниппур и Урук снова превратились в оживленные города. Вся жизнь здесь была сосредоточена вокруг храмов; храмы владели обширными землями и огромными доходами, которые, как и раньше, распределялись посредством пребэнд, своеобразных акций храмовой корпорации¹⁸.

Об аграрных отношениях в Вавилонии и о том, кто работал на землях храмов, практически ничего не известно¹⁹. Относительно других провинций империи Селевкидов, Сирии и Малой Азии, есть сведения, что почти все земли (за исключением приписанных к полисам) принадлежали царю, и на этих землях работали «царские люди», лаой басилевса, или просто лаой. «Царские люди» были лично свободны, но как налогоплательщики прикреплялись к своей общине — если они уходили, то община платила их налоги. Лаой имели свое хозяйство, семьи и сами выбирали своих старост. Иногда царь жаловал какому-нибудь вельможе земли с «людьми», и в этом случае вельможа получал с лаой те доходы, которые раньше предназначались царю²⁰.

Государство Селевкидов унаследовало традиции Персидской империи, и, в соответствии с теорией Ибн Халдуна, его история, так же как история персов, была историей разложения и распада. Поначалу государство держалось самодержавной властью царей и дисциплиной воинов-клерухов; в этот период владение клером было строго обусловлено службой. При первых преемниках Селевка, Антиохе I (281–261 до н. э.) и Антиохе II (261–247 до н. э.), политическое положение оставалось относительно стабильным. Антиох II был отравлен своей бывшей женой Лаодикой, и это событие стало началом династического кризиса, приведшего к отпадению восточных сатрапий, Бактрии и Парфии. Селевку II (247–226 до н. э.) пришлось бороться с мятежом своего младшего брата, Антиоха Гиеракса, и с масштабным вторжением египетских войск.

В первой половине III века до н. э. отмечается быстрый рост новых полисов; население Антиохии и Селевкии достигло нескольких сот тысяч жителей. Об экономическом оживлении в Вавилонии говорит рост числа сохранившихся деловых документов — их количество приближается к двумстам. Известно, что в Вавилонии этого времени выращивали рис, из Сирии вывозили пшеницу в Галилею и Египет²¹. Сохранившиеся данные о ценах в Вавилоне дают представление об общей ценовой динамике в селевкидский период (рис. 6).

При рассмотрении этого ценового ряда необходимо прежде всего обратить внимание на неустойчивость цен, на значительные их колебания год от года и даже в течение одного года²². Однако большое число данных позволяет определить общую динамику цен для достаточно больших временных промежутков. Для первой половины III века до н. э. была характерна тенденция к росту цен, хотя рост был неравномерным. К этому времени относятся многочисленные свидетельства о росте населения, процветании городов, основании многочисленных новых деревень и распашке земель²³. В целом мы наблюдаем картину, характерную для периода восстановления, когда рост цен сопровождается ростом населения.

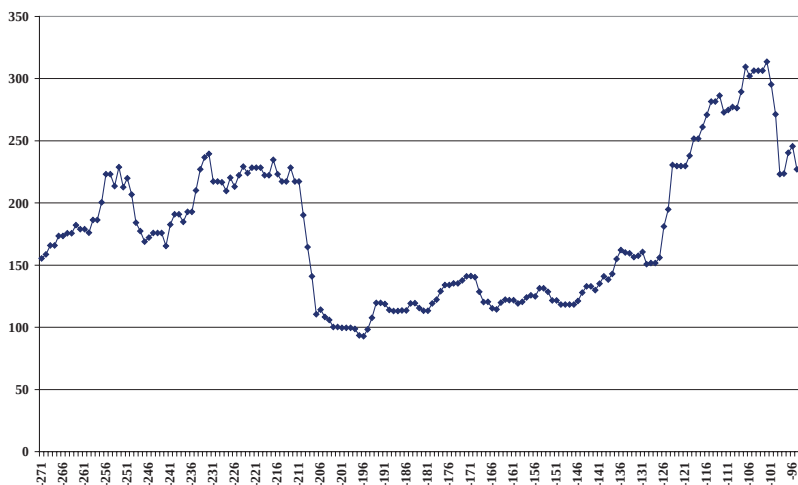

Рис. 6. Цены на ячмень в 300–95 годах до н. э. (в г серебра за 1000 кг²⁴). График показывает среднюю цену за 25-летний период, предшествующий указанному году (25-летнее скользящее среднее)

Однако во второй половине III века до н. э. цены снижаются, и, анализируя этот феномен, Дж. Грайндер приходит к выводу, что «производство товаров обгоняло рост населения»²⁵. Английский исследователь и сам называет этот вывод «поразительным»²⁶, и если мы посмотрим на график, то увидим, что такое объяснение просто невозможно: резкое падение цен происходит на протяжении очень короткого периода, каких-нибудь 5–10 лет, и такой эффект не может дать даже сельскохозяйственная революция. Такое поведение цен можно объяснить только демографической катастрофой, произошедшей в 241–232 годах до н. э., и есть все основания объяснять эту катастрофу вторжением в Вавилонию египетских войск во время «войны Лаодики», а также последующей междоусобной войной между Селевком II и Антиохом Гиераксом²⁷.

Таким образом, политический кризис 240–230-х годов до н. э. привел к экономической катастрофе. При Антиохе III (223–187 до н. э.) политическое положение стабилизировалось, этот энергичный государь подавил мятежи наместников провинций и совершил поход на восток, добившись формального подчинения парфян и бактрийцев²⁸. Однако система служебных поместий постепенно разлагалась, и во II веке до н. э. клеры стали свободно продаваться; бывало, что они оказывались в руках женщин. Боеспособность греко-македонского военного сословия падала, цари были вынуждены привлекать в армию наемников-галатов, азиатские воины были допущены даже в состав фаланги²⁹. В 190 году до н. э. армия Антиоха III была разгромлена римлянами в битве при Магнесии; в ре-

зультате этого поражения Селевкиды лишились Малой Азии. В Малой Азии находилась большая часть военных поселений, и их утрата обострила проблему комплектования армии. Нехватка воинов грозила государству смертельной опасностью³⁰.

Для того чтобы заплатить контрибуцию Риму и набрать новых наемников, были необходимы значительные средства. Антиох III вернулся к традиционной политике восточных монархов и попытался отнять часть средств у храмов, в частности у храма в Сузах, что привело к восстанию в Эламе и гибели царя. Жесткая налоговая политика препятствовала экономическому восстановлению, в 175 году до н. э. в Вавилонии был большой голод: «Люди продавали своих детей за серебро», — говорит хроника³¹.

Уровень хлебных цен в 210–150 годах до н. э. медленно повышался, и, по-видимому, это свидетельствует о росте населения и восстановлении экономики. Правление Антиоха IV (175–164 до н. э.) было отмечено экономическим оживлением в Вавилонии, проявившемся в основании многочисленных эллинизированных колоний на месте пришедших в упадок храмовых городов³². Однако Антиох IV продолжал политику налогового давления и в 170 году до н. э. конфисковал сокровища Иерусалимского храма, что вызвало восстание в Иудее, в конечном счете приведшее к отпадению этой провинции. После смерти Антиоха IV политическое положение было нестабильным. При малолетнем Антиохе V (164–162 до н. э.) начался династический кризис; авторитет царской власти настолько упал, что жители Антиохии стали свергать одних царей и возводить на престол других. Гражданские войны и смуты в Сирии продолжались более двадцати лет; в эти годы отпали Армения и Элам. Ослаблением государства Селевкидов воспользовались кочевники-парфяне, обитавшие в Восточном Прикаспии: пользуясь поддержкой мидян и персов, они стали вторгаться в земледельческие области. В 140-х годах до н. э. парфяне заняли Мидию и часть Вавилонии. В 130 году до н. э. царь Антиох VII попытался отвоевать Вавилонию: он мобилизовал ополчения греческих городов и с огромной армией выступил навстречу парфянам, но потерпел поражение и погиб. Парфяне жестоко расправились со многими поддерживавшими царя вавилонскими городами; уцелевшее население было уведено в рабство в Мидию³³. Эти войны и вызванная ими разруха соответствующим образом отразились на ценах: в 126–117 годах до н. э. уровень цен на ячмень был почти вдвое выше, чем в предшествующий 30-летний период. Затем в 116–109 годах до н. э. цены упали до уровня в полтора раза более низкого, чем докризисный. Такие колебания цен можно объяснить только гибелью значительной части населения. Таким образом, парфянский погром означал новую демографическую катастрофу.

* * *

Возвращаясь к анализу истории Месопотамии, нужно обратить внимание на преемственность социально-политических традиций в течение селевкидско-персидского периода. Селевкиды сохранили ксенократическую сословную структуру персидского государства, и изменения свелись в основном к замене персидского военного сословия греческим. В результате *социального синтеза* и влияния греческих традиций существенно возросла роль городов, которые представляли частнособственнический уклад внутри сословной монархии, однако надо иметь в виду, что самоуправляемые города были на Востоке и раньше, и речь равным образом может идти о возрождении еще не забытых традиций великого Вавилона. В этой связи М.М. Дьяконов отмечал «принципиальное сходство социального строя и политических норм, созданных эллинским миром и народами Передней Азии ко времени прихода греко-македонцев на Восток»³⁴.

После окончания войн диадохов около 300 года до н. э. начался *период восстановления*. Для этого времени характерен низкий уровень цен, строительство новых городов и быстрый рост их населения. Однако около 240 года до н. э. демографический цикл был прерван политическим кризисом и войнами, которые привели к демографической катастрофе. Внезапный кризис не привел к политическим переменам, и в 220-х годах до н. э. начался период восстановления в новом демографическом цикле. От следующего столетия сохранились сведения о восстановлении городов и постепенном росте цен; в середине II века до н. э. обостряется борьба за ресурсы, наблюдаются процессы феодализации и разложения ксенократического общества: приватизация служебных поместий и должностей, мятежи наместников, ослабление военного сословия. Так же как в предыдущем цикле, результатом разложения военного сословия было завоевание страны внешними врагами. В конечном счете трансформация структуры на протяжении второго селевкидского цикла может быть выражена формулой $C^c A_c C^c$.

6.3. Египет при Птолемах

Войска Александра Македонского вступили в Египет через десять лет после персидского погрома. Ненавидевшие персов египтяне встретили Александра как освободителя; жрецы короновали его как египетского фараона. После смерти Александра и распада его империи царем Египта стал македонский полководец Птолемей Лаг — основатель династии Птолемеев.

Процесс *социального синтеза* привел к созданию нового государства, которое в основном сохранило традиционные формы, но в военной сфере было трансформировано по македонскому образцу. Административная

система Птолемеев была заимствована у предыдущих династий, правда, все высшие должности занимали теперь македоняне и греки. Египтяне, как правило, занимали лишь мелкие должности деревенских писцов и старост³⁵. Жречество, когда-то имевшее большую власть, со времен персидских погромов потеряло свое влияние. «Власть жреческой касты — последних остатков древней местной аристократии — была сломлена уже давно, — отмечал В. Тарн. — Царь захватил храмовые земли, крестьян которых нельзя уже было отличить от царских, заставлял всех жрецов являться в Александрию для празднования дня его рождения и лишил их доходных монополий на масло и лен»³⁶. Жрецы получали свои должности из рук царя, причем платили за это деньги, а после смерти обладателя должности она возвращалась в казну и снова продавалась. Храмовыми землями управляли царские чиновники; подати в пользу храмов также собирались чиновниками и лишь затем распределялись между храмами³⁷.

В военной сфере македонское завоевание повлекло замену персидского военного сословия военными поселенцами, клерухами, из числа греков и македонян. Клерухи получали маленькие поместья, порядка 30 аур (8,2 га), и обладали правом постоя; для размещения воина у туземца могли отнять половину дома. Поместья клерухов давались на условии службы и не наследовались; обычно их сдавали в аренду крестьянам. Клерухи выполняли полицейские функции и помогали местным чиновникам; между туземным населением и клерухами происходили частые столкновения³⁸.

Тактика и организация армии Птолемеев продолжали традицию македонской фаланги; фаланга была основной частью армии. Однако Птолемеи оценили и достоинства персидской конницы, их конные подразделения были сформированы частью из персов, которые сохранили свои прежние поместья-наделы³⁹.

Греческое население было сосредоточено в основном в трех городах-полисах — Александрии, Птолемаиде и Навкратисе. Это были чисто греческие города, в которых потомки завоевателей и греческие иммигранты жили по своим греческим законам. Преуспевание греков создавалось за счет налогов на египтян; у «царских земледельцев» отнимали порядка половины урожая — значительно больше, чем в предшествующие периоды. Несмотря на желание Птолемеев предстать в роли освободителей Египта от варваров-персов, отношения между завоевателями и местным населением оставались довольно напряженными⁴⁰.

Птолемеи унаследовали хозяйственную систему, истоки которой восходят к порядкам Нового царства или к еще более древним эпохам⁴¹. Данные о всех наделах с учетом количества и качества земли были отражены в кадастрах, и для каждого надела утверждалось «посевное расписание»: размеры высева различных культур и нормы арендной платы.

«Расписание» было составлено с учетом чередования культур с целью повышения урожайности — к примеру, после зерновых культур сеялись бобовые. Крестьяне, «царские земледельцы», заключали с чиновником-«экономом» годовые договоры на аренду, получали посевное зерно и за особую плату — быков (если у них не было своих). «Эконом» ездил по полям и наблюдал за работой крестьян. Собранный урожай крестьянин привозил на гумно, где его молотили в присутствии контролера; затем зерно проверялось по качеству, взвешивалось и производился раздел. Из всей массы зерна вычиталась арендная плата, плата за посевное зерно, за быков, подушный налог и всевозможные мелкие подати; в итоге крестьянину оставалось меньше половины урожая. Этот остаток крестьянину позволяли отвезти домой⁴². Крестьяне были свободными людьми и по окончании договора могли сменить место жительства, их права охранялись законом. Основная часть земли принадлежала государству, но от предыдущих эпох сохранилось какое-то количество частных земель; эти земли, однако, подвергались такой же налоговой эксплуатации, как и государственные⁴³. Вельможи имели большие поместья, расположенные на «дарственных» землях, но эти поместья были должностными владениями и могли быть отняты⁴⁴.

Основные отрасли ремесленного производства — выделка растительного масла, папируса, соли, рудники и каменоломни — были монополизированы государством и сдавались на откуп частным предпринимателям. Откупа были введены Птолемеями по афинскому образцу, и богатые откупщики представляли собой класс греко-египетских «капиталистов». Деятельность откупщиков строго контролировалась; ремесленники получали из казны сырье и сдавали в казну готовую продукцию; цены на продукцию ремесел назначались чиновниками. Торговцы были по большей части государственными агентами, и их доходы фиксировались; с продажи любого товара взимался 10-процентный налог. Все жители страны были обязаны предъявлять декларации о доходах, за всем наблюдали вездесущие чиновники, государственный сектор полностью преобладал в жизни общества⁴⁵.

После демографической катастрофы 342 года до н. э. начался период восстановления. Диодор описывает Египет конца IV века до н. э. как цветущую, изобильную страну, где каждый бедняк мог найти приют⁴⁶. Первые Птолемеи проводили обширные строительные работы — прежде всего в Александрии, которая росла на глазах и вскоре превратилась в крупнейший город Средиземноморья⁴⁷. К этому периоду относятся новые успехи в ирригации, связанные с применением «архимедова винта» — устройства для подъема воды. Появились более дешевые, чем прежде, железные орудия — плуги, мотыги, косы; ячмень и эммер постепенно вытеснялись более урожайной пшеницей⁴⁸. Население страны

быстро росло, по словам Диодора, при Птолемеях Лаге (305–282 до н. э.) в Египте было 3 тыс. городов⁴⁹. Ежегодные доходы Птолемея II (282–246 до н. э.) составляли 14,8 тыс. египетских талантов серебра и 1,5 млн артаб зерна — в 14 раз больше, чем дань, которую прежде платили персам⁵⁰. Принимая во внимание, что 1 талант равен 6 тыс. драхм, получим, что доходы Птолемеев составляли около 90 млн драхм, что в пересчете на серебро равно 70 млн франков — сумма, соответствующая доходам Франции в начале правления Людовика XIV.

Во второй половине III века до н. э. появились признаки нехватки посевных площадей. Источники сообщают об очень тяжелых условиях аренды (крестьянину оставалась только треть урожая), о безземельных крестьянах, которые идут в батраки⁵¹. Правительство предпринимало некоторые меры, чтобы смягчить появившуюся нехватку земли: в Фаюме проводились большие ирригационные работы. Эти меры оказались недостаточными, в правление Птолемея III (246–222 до н. э.) разразился голод, который сопровождался восстаниями; властям пришлось в больших количествах закупать хлеб за границей⁵². Однако положение оставалось напряженным; обнищавшие крестьяне не могли платить налоги, и документы сообщают о массовых арестах неплательщиков⁵³. По законам тех времен неплательщиков налогов обращали в рабство⁵⁴. К концу III века до н. э. господство завоевателей над египетским населением держалось только на голой силе, столкновения египтян с греческими клерухами были обычным явлением⁵⁵.

Египет Птолемеев вел постоянные войны с Сирийским царством Селевкидов. Успех в этих войнах зависел от численности военного сословия, клерухов; у Птолемеев не хватало войск, и Птолемей IV (222–205 до н. э.) принял решение пополнить ряды клерухов египтянами (до тех пор египтяне не допускались в армию). Клерухи-египтяне (махимой) получали наделы в 5–7 арур (в пять раз меньше, чем поместья греков) и обрабатывали их сами, не сдавая в аренду⁵⁶. В 218 году до н. э. махимой одержали победу над сирийцами в битве при Рафии, и египтяне поверили в свои силы. «Египтяне возгордились победой при Рафии и вовсе не желали повиноваться властям», — пишет Полибий⁵⁷. Заговор среди махимой стал искрой, разжегшей пламя большого восстания⁵⁸.

Восстание началось на севере Египта, затем перебросилось на юг и переросло в долгую гражданскую войну. На юге, в Фивах, вождь восставших Анхимахи объявил себя фараоном и основал независимое царство, которое существовало до 186 года до н. э. Розеттская надпись царя Птолемея V (204–180 до н. э.) говорит о большом размахе и жесточенности военных действий, о разрушении городов и храмов, о массовых казнях⁵⁹.

Имеющиеся данные о ценах и заработной плате в III веке до н. э. отражают картину нарастающего кризиса.

Таблица 3

Цены и заработная плата в Египте в III веке до н. э.

Годы	Цена пшеницы	Средняя цена	Поденная плата	Средняя плата	Зерновой эквивалент
273–258	12; 12; 15; 13; 12; 12;	11,8	2; 1; 2,5;	1,75	3,7
	10; 10; 10; 12; 12°		1,5		
257–240	7; 8,5; 10; 10; 10; 8,5; 10;	7,6	1; 0,75	0,87	3,3
	10; 10; 20; 18; 7; 9; 12; 12;		0,87		
	5; 8; 4; 2,6; 6; 3,6; 4,2; 2;				
	7,5; 6; 7,5; 6; 6; 6; 6; 7,2°				
240–220	10,5; 10; 18; 12; 15	13,9	Нет данных	1	1,8
	16; 15; 15				
219–200	30; 30; 15; 15; 30; 30;	23,9	1; 1,25	1,12	1,2
	45; 13; 17; 14°				

Точные значения цен и заработной платы имеются лишь в немногих документах этого времени, и практически все известные цифры приведены в работе Ф. Хайхельхайма⁶⁰, которая и послужила основой для составления данной таблицы. Цена пшеницы дана в оболках за артабу (36 л); поденная плата в оболках дана для неквалифицированных сельскохозяйственных рабочих. Последняя колонка дает выражение поденной платы в килограммах зерна с учетом средней цены⁶¹. Средняя заработная плата за 240–220 годы до н. э. (для которой нет данных в источниках) получена путем интерполяции соответствующих чисел для соседних периодов.

Некоторые приведенные в таблице средние величины ввиду малых объемов выборки могут быть поставлены под сомнение, однако общая картина, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствует о неуклонном падении уровня жизни. Следует отметить, что у нас нет цифр, которые характеризовали бы потребление в период восстановления при Птолеме I (305–282 до н. э.); данные для 273–258 годов до н. э. характеризуют уже начало Сжатия, а данные для 219–210 годов до н. э. — время кризиса. Поскольку батраки (заработная плата которых приведена в табл.) чаще всего не имели постоянной работы, их нанимали только на сезон сельскохозяйственных работ, то оплата в 1,2 кг зерна в день означала, что по окончании сезона работ их ждет голод.

Как обычно бывает во время смут и разрухи, в первой половине II века до н. э. резко уменьшается количество хозяйственных документов, и в этот период встречаются лишь единичные упоминания о ценах, в частности, известно, что в 173 году до н. э. цена пшеницы составляла 24 оболы за

артабу. Кризис продолжался и достиг наивысшей остроты в 170–168 годах до н. э., когда сирийская армия Антиоха IV жестоко опустошила Нижний Египет⁶². Не имея средств, правительство чеканило неполноценную медную монету, в результате чего ее курс упал в 10 раз⁶³. Смута затронула и греко-македонскую часть общества. Греки не имели устойчивой монархической традиции, поэтому ослабление монархии привело к династическим распрям и анархии. В 164 году до н. э. вспыхнуло восстание в Александрии, за которым последовала междоусобная война. Войны и убоицы привели к массовой гибели населения и запустению земель. Описывая состояние страны в этот период, дийокет Герод говорит о «произошедшей катастрофе»⁶⁴. Пытаясь заставить оставшихся крестьян обрабатывать земли бежавших и погибших, власти ввели принудительную аренду. Это не помогло, документы II века до н. э. полны сообщений о бегстве крестьян — анахоресисе, о запустении пашен и деревень.

Экосоциальный кризис привел к существенным изменениям в социальной системе Египта. Уже в конце III века до н. э. «Инструкция эконому» предписывает чиновникам «обходить крестьян всех по отдельности, подбадривать и поднимать настроение», «не оставлять без внимания, если кто слишком обременен арендной платой», «особое внимание обратить на то, чтобы не было злоупотреблений». «Каждый, проживающий в стране, должен знать, что подобным явлениям положен предел, что население избавилось от прошлых бедствий», — говорит «Инструкция»⁶⁵. Декрет 196 года объявляет об амнистии участникам восстания, об отмене долгов казне, об освобождении храмов от некоторых налогов и от обязанности жрецов ежегодно приезжать в Александрию⁶⁶.

Катастрофа привела к гибели значительной части населения, и в середине II века до н. э. чиновники постоянно говорят о запустении земель, об опустевших деревнях⁶⁷. Сокращение населения привело к падению хлебных цен — они уменьшились в три раза. Период 150–130 годов до н. э. был временем относительной стабилизации; соотношение цен и заработной платы позволяет характеризовать это время как период восстановления. Власти были вынуждены пойти на значительное (порядка 25–30 %) снижение арендной платы; заброшенные земли сдавались в аренду по ставкам, уменьшенным в несколько раз. Несмотря на эти меры, в районе Фаюма около 120 года до н. э. обрабатывалось не больше половины земель⁶⁸.

Экосоциальный кризис породил новую «греко-египетскую» самодержавную монархию. Птолемей VIII Эвергет (170–116 до н. э.) прославился среди греков как жестокий тиран: он безжалостно расправлялся с восстаниями александрийцев и покровительствовал египтянам. Следствием кризиса были исчезновение крупных вельможеских хозяйств и снижение уровня эксплуатации непосредственных производителей⁶⁹. Египтяне стали допускаться на высокие должности, царя окружали египетские

жрецы⁷⁰. Во II веке до н. э. жречество постепенно усиливается и возвращает былые позиции; цари передают храмам обширные пустующие земли, которые осваиваются с помощью крестьян, получивших в храмах убежище. Жрецы вновь становятся собственниками храмовых должностей; вновь начинается торговля жреческими доходами и наделами⁷¹. Предпринимались попытки облегчить положение крестьян. Декрет 118 года до н. э. говорит об амнистии и отмене долгов, а также об отмене права постоя клерухов, о запрете продавать дома крестьян за долги по налогам, о том, что купленные у казны должности остаются за храмами и не возвращаются в казну по смерти владельца. Признается право храмов принимать и укрывать беглых крестьян⁷². Клерухи так же добиваются новых прав на свои наделы, их земли становятся наследственными, а в некоторых случаях и продаются⁷³. В этнической сфере произошло некоторое сближение греков и египтян. В II веке до н. э. всех лиц, сопричастных власти, независимо от их национальности называли «эллинами»⁷⁴.

После смерти Птолемея VIII, в 116 году до н. э., началась гражданская война, продолжавшаяся много лет и ускорившая наступление нового Сжатия. Динамика цен и заработной платы показывает резкое падение уровня жизни и рост демографического давления в конце II века до н. э.

Таблица 4

Цены и заработная плата в Египте в II — I веках до н. э.

Годы	Цена пшеницы	Средняя цена	Поденная плата	Средняя плата	Зерновой эквивалент
150–130	6; 5; 7,5; 5	5,9	1; 1,25	1,12	5,0
120–100	12,5 (5); 15(2); 18,75 (15);	16	1,25	1,25	2,0
	10, 9, 9,5; 13,5; 16,6				
64–58	18; 22,5; 24; 16,25; 18,75;	17,3	?	1,25 (?)	1,8
	10,5; 18, 75; 10				

Данные о ценах и заработной плате имеются лишь для отдельных периодов и взяты из работ Ф. Хайхельхайма⁷⁵ и А. Джонстона⁷⁶ (цифры в скобках показывают, сколько раз упоминается данная цена). Данные о зарплате в 64–58 годах до н. э. противоречивы: с одной стороны, упоминается оплата сельскохозяйственного рабочего в 3 обола, с другой стороны, оплата квалифицированного рабочего (каменщика) составляет лишь 1,5 обола. Данные об оплате вспомогательных рабочих говорят, что она, в общем, не возросла по сравнению с концом II века до н. э., поэтому мы условно оставили ту же цифру, что и в 120–100 годах до н. э. Последняя колонка дает выражение поденной платы в килограммах зерна с учетом средней цены и средней платы.

В начале I века до н. э. экономическое положение продолжало ухудшаться⁷⁷. В 88 году до н. э. вновь восстал Верхний Египет; восстание продолжалось три года и закончилось полным разрушением Фив⁷⁸. В 55 году до н. э. очередная династическая распря привела к вмешательству Рима, проконсул Габиний овладел Александрией и восстановил на престоле изгнанного Птолемея XII. В благодарность за помощь Птолемей XII обязался уплатить Габинию 10 тысяч талантов серебра; чтобы расплатиться с римлянами, царь отдал финансовое управление в руки римского откупщика Рабирия Постума, который около года выжимал из Египта последние соки. В 49 году до н. э. начался большой голод; государственные резервные амбары оказались пустыми; в Тинисском номе вспыхнуло восстание. Документы того времени говорят о массовом бегстве крестьян, о незасеянных землях и пустых деревнях. В 44–42 годах до н. э. голод и эпидемии продолжались три года, царица Клеопатра (51–30 до н. э.) бесплатно раздавала хлеб населению Александрии — но только грекам⁷⁹. По-видимому, можно говорить о произошедшей в 40-х годах до н. э. демографической катастрофе: данные о ценах и заработной плате указывают на падение демографического давления в конце I в. до н. э. По словам Диодора, побывавшего в Египте во времена Клеопатры, население страны, составлявшее когда-то семь миллионов, к этому времени сократилось до трех миллионов жителей; доходы упали до 6 тыс. талантов⁸⁰.

* * *

Переходя к анализу истории Египта в контексте трехфакторной модели, нужно отметить, что сравнительно с другими периодами египетской истории эпоха Птолемеев более полно освещена в источниках. Это обстоятельство с давних времен привлекало внимание историков, которые сделали этот период своеобразным полигоном для изучения социально-экономических отношений эпохи эллинизма. Крупнейшие исследователи этой эпохи, М.А. Ростовцев и Ф. Хайхельхайм, рассматривали историю Древнего мира в контексте борьбы частнособственнического, «капиталистического», и этатистского, «социалистического», начал. В этом аспекте особое внимание обращалось на государственное регулирование экономики Египта, на отсутствие частной собственности на землю, на государственные монополии в ремесле, на планирование сельскохозяйственного производства с помощью «посевного расписания». Все это позволяло специалистам противопоставлять эллинистический Египет «буржуазной» Греции и рассматривать египетское общество как образец плановой экономики и «государственного социализма». При этом особо отмечалась традиционная преемственность управления и планирования в Египте еще от эпохи Рамессидов⁸¹.

Птолемеи унаследовали «социалистическую» плановую экономику от персидских царей, которые после подавления восстаний полностью подчинили храмы и уничтожили частное землевладение. Персидское нашествие и демографическая катастрофа 342 года до н. э. означали начало нового демографического цикла. Этот цикл проходил в условиях полного господства самодержавной монархии, и македонское завоевание не привело к существенным изменениям в социально-экономических отношениях. В контексте нового *социального синтеза* завоевание означало замену персидских чиновников и военных греческими «экономами» и клерухами, появление достаточно многочисленного греко-македонского военного сословия и становление новой сословной монархии. В социальной сфере господство завоевателей проявлялось в высокой норме эксплуатации крестьян, поэтому сословный конфликт был основным конфликтом египетского общества тех времен.

В начале III века до н. э. источники отмечают характерные признаки *периода восстановления*: относительно высокий уровень потребления, рост населения, строительство новых поселений, внутривосточную стабильность. В середине III века до н. э. появляются признаки сжатия: сообщения о голоде, голодные бунты, разорение крестьян, падение уровня реальной заработной платы. Сжатие обострило сословно-этнические конфликты египетского общества и привело к восстанию египтян против греков. В конце III — начале II века до н. э. наблюдаются явные признаки *экосоциального кризиса*: восстания и гражданские войны, гибель больших масс населения, разрушение многих городов, высокие цены на хлеб, внешние войны, попытки проведения социальных реформ. Военное превосходство завоевателей не позволило египтянам одержать победу, однако греки были вынуждены пойти на уступки, уменьшить эксплуатацию крестьян и допустить туземцев в правящее сословие. На смену сословной монархии пришла этатистская монархия (трансформация С^сВ).

После катастрофы 160-х годов до н. э. начался новый демографический цикл. Кризис породил новую «греко-египетскую» монархию Птолемея VII, который пытался установить более справедливые отношения между сословиями. Эволюция социальных отношений шла по линии приватизации поместий клеруков и превращении их в частную собственность; храмовые хозяйства также постепенно приватизировались, но эти процессы не зашли так далеко, как в Сирийском царстве. Период 160–120 годов до н. э. был *периодом восстановления*, для этого времени характерны низкие цены на хлеб и относительно высокий уровень реальной заработной платы. После 120 года появляются признаки сжатия: падение уровня потребления, внутренние войны и народные восстания. В середине I века до н. э. мы вновь наблюдаем признаки *экосоциального кризиса*: трехлетний голод,

сопровожаемый эпидемией чумы и восстаниями. После кризиса Египет был завоеван римлянами, которые увеличили налоги и восстановили сословную монархию (трансформация ВС^с).

6.4. Египет в составе Римской империи

В 30 году до н. э. Египет был завоеван римскими легионами и стал провинцией Римской империи. Эти события были частью большой волны завоеваний, вызванной созданием легионарной тактики. Господствовавшая до тех пор на поле боя македонская фаланга имела недостаточную маневренность: в случае нарушения строя (например, при движении по неровной местности) противник мог ворваться внутрь боевого построения, и тогда длинные копья фалангистов становились бесполезными. Кроме того, задние ряды фаланги не могли оказать поддержку передним и во многих случаях вообще не участвовали в сражении. Римляне создали новую маневренную тактику сражений, которая позволяла менять части на поле боя, заманивая при этом врага ложным отступлением, ставящим его под удар свежих частей⁸². Легионарная тактика была *фундаментальным открытием*, породившим волну римских завоеваний; в I в. до н. э. римляне овладели Малой Азией, Сирией и Египтом.

Как обычно, после завоевания начался процесс *социального синтеза*. В этом синтезе участвовали этатистские традиции Египта и традиции Рима, который в то время представлял собой частнособственническое общество, находящееся в фазе экосоциального кризиса, ведущего к становлению этатистской монархии. Эта римская монархическая тенденция сомкнулась с египетской традицией и привела к тому, что Египет стал особой «императорской» провинцией, в которой императоры выступали в качестве фараонов. В отличие от других римских провинций Египет управлялся непосредственно императорами через посредство префектов, таким образом в Египте сохранилась традиционная самодержавная монархия. Эта монархия снова стала сословной, но характер эксплуатации изменился: римляне не переселялись в Египет, как греки, а вывозили богатства Египта в Рим. Египет снабжал Рим зерном, поставляя во времена Августа ежегодно 20 млн модиев (6 млн артаб) пшеницы; позже эти поставки увеличились⁸³. Поскольку римлян в Египте было мало, то они опирались в своем господстве на греков. Греческое население пользовалось привилегиями; египтяне в отличие от греков платили подушную подать, не могли занимать чиновничьих должностей и не допускались в армию; им запрещалось носить оружие⁸⁴. Традиционная хозяйственная система в целом сохранилась: крестьяне по-прежнему арендовали у государства свои наделы, получали посевное зерно и отдавали в качестве арендной платы от 2 до 5½ артаб с аруры (при 10–12 артабах среднего урожая). Однако римляне принимали меры, чтобы извлекать из Египта больше

зерна и увеличили арендную плату с государственных земель. С этой же целью были конфискованы земли храмов, жрецы стали получать жалование от казны, иногда им давались в аренду участки бывшей храмовой земли. Жреческое сословие потеряло прежнее значение — до такой степени, что жрецов заставляли отбывать трудовую повинность. Так как римляне не практиковали военные поселения, то земли клерухов стали частными землями, с них брался налог в 1 артабу с аруры и они могли продаваться — таким образом, в Египте появился значительный частный сектор. Влияние характерных для Рима частнособственнических отношений сказалось также в том, что крестьянская аренда царских земель постепенно становится наследственной. Как и в других провинциях, налоги сдавались на откуп, и к недоимщикам применялись жестокие меры — вплоть до пыток и казней⁸⁵.

Период правления императора Августа (30 г. до н. э. — 14 г.) был временем восстановления экономики. После долгого перерыва Египет вновь пользовался благами мира. При Августе были проведены обширные ирригационные работы, которые позволили получать хороший урожай при уровне разлива, считавшемся ранее недостаточным. На рубеже нашей эры ткач получал $3\frac{1}{2}$ обола в день, а слуга — $2\frac{1}{2}$ обола; стоимость 1 артабы (36 литров) пшеницы составляла около 3 драхм (18 оболов)⁸⁶. На поденную плату в 3 обола, таким образом, можно было купить 6 л, или 4,2 кг пшеницы — по египетским меркам, вполне достаточно для пропитания. Однако население быстро росло; в то время как в 14 году оно составляло, по оценке Белоха, примерно 5 млн, в 66 году, по словам Иосифа Флавия, численность египтян, за исключением жителей Александрии, достигла 7,5 млн⁸⁷. Население Александрии составляло около полумиллиона⁸⁸; таким образом, население Египта равнялось приблизительно 8 млн. Таким образом, численность населения превзошла ту максимальную величину, которую Диодор указывает для эллинистического времени.

Вопрос о динамике населения Египта обсуждается в ценной монографии А.В. Коротаева⁸⁹, который вслед за Р. Багналлом и Б. Фраером⁹⁰ полагает, что численность населения в римские времена не превышала 4,75 млн. Однако мы считаем, что необходимо доверять древним авторам, которые, очевидно, опирались на не дошедшие до нас данные о регулярном учете налогоплательщиков.

В середине I века появляются признаки наступающего сжатия. В 46 году разразился первый после римского завоевания большой голод; цена пшеницы возросла до 7 драхм за артабу. Около этого времени впервые упоминается о крестьянах, которые, оказавшись не в силах заплатить налоги, уходили в города⁹¹. Распространяется подкидывание детей — вероятно, скрытая форма продажи детей в рабство; богачи воспитывали подкидышей в качестве рабов⁹². Разорившиеся крестьяне еще не могли продать наслед-

ственно арендуемую ими «царскую землю» (она стала продаваться позднее), поэтому крестьяне сдавали наделы в «аренду» своим кредиторам, богатым землевладельцам, и становились батраками у собственных арендаторов. В деревне развивалось ростовщичество, и появились крупные поместья, обрабатываемые батраками⁹³. Плата за аренду частных земель была очень высокой — $7\frac{1}{2}$ артабы с аруры, примерно $\frac{2}{3}$ урожая⁹⁴. В 79 году снова отмечается голод, когда цена 1 артабы пшеницы достигала 10 драхм.

В 60-х годах I века бегство крестьян (анохоресис) стало заметным явлением, вызвавшим обеспокоенность властей. Крестьяне обычно бежали перед сбором налогов, когда оказывалось, что собранная жатва недостаточна для их уплаты⁹⁵. Префект Тиберий Юлий Александр приказал проверять правильность взимания арендной платы с тем, чтобы она соответствовала реальной ценности участков. Вероятно, эти меры дали определенный эффект — во всяком случае, новые упоминания об анохоресисе относятся уже к началу II века; в это время была введена раскладка налогов, причитавшихся с беглецов, на их односельчан⁹⁶.

Данные о ценах и заработной плате в I веке единичны и относятся в основном к голодным годам, поэтому попытка оценить уровень жизни населения неизбежно сталкивается с большими трудностями. Тем не менее очевидно, что цена на зерно постепенно росла; в начале II века она достигли 7 драхм за артабу, и в одном частном письме говорится, что раньше не было таких высоких цен. По данным А. Джонстона, подневная плата сельскохозяйственных рабочих составляла в этот период около 5 оболов, что в пересчете на зерно эквивалентно 2,6 кг пшеницы⁹⁷.

В 116 году на Египет распространилось большое восстание иудеев (их численность в Египте достигала миллиона). Военные действия сопровождались большим ожесточением и опустошением страны⁹⁸. Император Адриан был вынужден издать декрет о значительном снижении арендной платы с «царских земель», а также о рассрочке платежей по недоимкам. Адриана считали в Египте благодетелем. Понижилась и арендная плата на частных землях; она составляла в этот период $6\frac{3}{4}$ артабы с аруры⁹⁹.

По-видимому, восстание 116 года привело к гибели некоторой части населения и временному понижению демографического давления; об этом, в частности, говорит понижение цен на зерно. Однако к середине II века цена снова повысилась и достигла 8 драхм за артабу. Как можно судить на основании источников¹⁰⁰, заработная плата в денежном исчислении осталась на уровне начала века, в зерновом исчислении она упала до 2,3 кг. С середины II века снова появляются сведения о повальном бегстве крестьян, об опустевших деревнях. В 153 году произошло восстание, после подавления которого власти были вынуждены отменить недоимки по налогам. Тем не менее арендная плата с царских земель оставалась высокой; в кадастре одной деревни от 167 года указано, что крестьяне

платят в среднем 4,7 артабы с аруры¹⁰¹. В деревне растут частные поместья — в значительной степени за счет скупки или присвоения «царских земель»; многие из частных поместий специализируются на овцеводстве; при этом часть пашни превращается в пастбища, что сужает экологическую нишу этноса¹⁰².

В 168–169 годах в Египте началась большая эпидемия чумы, которая пришла из Месопотамии. Как обычно, распространению чумы способствовало ослабление сопротивляемости организма в условиях постоянного недоедания. Жители бежали из пораженных чумой деревень, и некоторые местности запустели; в Фаюме число плательщиков налогов уменьшилось на треть¹⁰³. Власти поначалу заставляли оставшихся платить за умерших, и это вызывало новое бегство; поля оставались незасеянными, и это должно было привести к голоду. Беглецы из деревень уходили в Александрию или находили убежища среди болот Дельты; в Дельте скопились массы беглецов, живших пастушеством, — буколов. Буколы часто были вынуждены добывать пропитание разбоем, нападениями на богатых землевладельцев и чиновников. В 174 году буколы восстали, к ним присоединились массы простого народа, восставшие овладели всей страной и осадили римского наместника в Александрии. Военные действия продолжались больше года и совпали с новой эпидемией чумы. От этого времени не сохранилось сведений об общей численности населения, однако имеющиеся сведения об отдельных населенных пунктах (о коме Каранис в Фаюме) показывают уменьшение населения в два раза¹⁰⁴.

Получив подкрепления, римляне сумели разбить восставших, однако волнения не прекращались. «В конце II века Египет вступил в полосу аграрного кризиса... — пишет А.Д. Дмитриев. — Сельское хозяйство упало вследствие обезлюдения деревни, покинутая земля оставалась необработанной... Частные письма от начала III века жалуются на тяжелые времена, на высокие цены на хлеб...»¹⁰⁵. В 191 году цена артабы пшеницы достигла 18–20 драхм, а оплата оставалась на уровне 24–28 драхм в месяц, то есть 6–7 оболов в день¹⁰⁶. На 6 оболов можно было купить лишь 1,2 кг зерна, в 2 раза меньше, чем в предшествующий далеко не благополучный период, — эти цифры были свидетельством голода и разразившейся катастрофы.

Тяжелый кризис затронул и зажиточные слои населения. Сбор налогов, прежде приносивший выгоду откупщикам, превратился в тяжелую повинность, распределявшуюся по жребию; сборщики были вынуждены покрывать недоимки своим имуществом и часто разорялись. Доклады сборщиков полны жалобами на разорение сел и бегство плательщиков¹⁰⁷. В 202 году император Север отменил недоимки и призвал бежавших крестьян вернуться в свои деревни; в 215 году было приказано выслать из Александрии всех скопившихся там беглецов¹⁰⁸. В 223–225 годах на Египет

обрушилась еще одна эпидемия чумы¹⁰⁹. Свидетельством обезлюдения деревни и нехватки рабочей силы стало снижение арендной платы во второй половине II века: плата за аренду на частных землях уменьшилась в полтора раза — с $6\frac{3}{4}$ до $4\frac{1}{2}$ артабы с 1 аруры. В следующем столетии арендная плата немного повысилась, но оставалась сравнительно низкой — $5\frac{1}{4}$ артабы с аруры¹¹⁰. Одновременно с понижением арендной платы значительно выросла поденная плата сельскохозяйственных рабочих. По данным папирусов, в 255 году неквалифицированные рабочие получали 3 драхмы в день, в то время как 1 артаба пшеницы стоила 16 драхм¹¹¹. Таким образом, на дневную зарплату можно было купить $\frac{3}{16}$ артабы — 4,7 кг пшеницы, намного больше, чем в предшествующий период.

Множество свидетельств о запустении земель и нехватке рабочей силы приводят к выводу о значительном сокращении численности населения, произошедшем между 174 и 250 годами. Однако стабилизация, наступившая в середине III века, была прервана новым кризисом: в 268 году Египет был вовлечен в гражданскую войну, происходившую в Римской империи. «Улицы Александрии были залиты кровью и завалены непогребенными трупами, — пишет Моммзен. — Вызванные этим моровые поветрия свирепствовали страшнее, чем меч; в довершение всех напастей Нил разлился слабо, и к прочим бедствиям присоединился еще и голод. Население так сильно уменьшилось, что, по словам современников, в Александрии раньше было больше стариков, чем впоследствии всех граждан вообще»¹¹². Данные о регулярных раздачах хлеба населению Александрии говорят о том, что прежнее число просителей в возрасте от 40 до 70 лет равнялось числу всех просителей от 14 до 80 лет, оставшихся в живых после упомянутых событий. На основании вычислений по таблицам смертности можно прийти к выводу, что в Александрии вымерло более половины населения¹¹³.

Гражданская война на севере страны сопровождалась вторжением варваров на юге. 80-е годы III века прошли относительно мирно, но в середине 90-х годов страна была охвачена большим восстанием против Рима. Восстание продолжалось четыре года, были разрушены многие города, в том числе Копт и Бусирис, в конце концов, в 297 году император Диоклетиан после 8-месячной осады овладел Александрией¹¹⁴. Порча монеты достигла таких масштабов, что в 276 году 1 артаба пшеницы стоила 200 драхм, а в 293 году — около 300 драхм¹¹⁵. В 297 году месячная оплата на ирригационных работах составляла 200 драхм¹¹⁶, с учетом опсониона это составляет 1,4 кг зерна в день — показатель, близкий к кризисным временам конца II века.

Войны и вторжения варваров принесли с собой новую демографическую катастрофу. В тех районах, о которых имеются данные, наблюдается резкое уменьшение площади пашни. В вышеупомянутой коме Кара-

нис в начале III века было 2,5 тыс. арур только «царской земли», столетие спустя площадь всех пригодных для обработки земель составляла 1,2 тыс. арур, из них реально обрабатывалось лишь 780 арур. Население комы сократилось с 4, 2 тыс. в 150-х годах до 2,6 тыс. в 180-х и до 1 тысячи в начале IV века. Данные по Мендесскому округу говорят о том, что из сохранившейся пашни засеивалось только 60%¹¹⁷.

Таким образом, кризис, начавшийся в конце II века, перерос в интерцикл и затянулся на столетие. Он совпал с общеимперским кризисом и привел к значительным изменениям в политической и социальной сфере. Египтяне — так же как жители других провинций — получили римское гражданство и формально были уравнены в правах с римлянами и греками, жителями Александрии. Египетские города, так же как италийские, стали самоуправляемыми муниципиями¹¹⁸. В экономике частный сектор полностью восторжествовал над государственным. В результате запустения и продаж площадь государственных («царских») земель сократилась и, по оценкам исследователей, составляла теперь лишь третью часть земельного фонда¹¹⁹. Обозначение этих земель как государственных стало формальностью, на деле они стали полной собственностью своих владельцев, свободно наследовались и продавались. Отличие «царских» земель от частных состояло лишь в том, что с них брался больший налог: по закону 298 года налог с царских земель составлял $1\frac{1}{2}$ артабы с аруры, на частных землях с аруры брали лишь $\frac{1}{2}$ артабы¹²⁰. Таким образом, налоги стали намного меньше, и частное предпринимательство получило простор для развития, однако это развитие сдерживалось господством крупного землевладения. В начале IV века в деревне преобладали крупные помещичьи хозяйства, по данным из Гермопольского нома, 8 % землевладельцев принадлежало $\frac{3}{4}$ всей земли, а $\frac{2}{3}$ всех собственников владели лишь 8 % земель. Площадь крупных поместий достигала 1 тыс. арур¹²¹.

Существенные перемены произошли и в этнокультурной сфере: исчезла из обращения старая иероглифическая письменность, почти исчез и ее упрощенный вариант — демотическое письмо, вытесненное новой коптской письменностью на базе греческого алфавита¹²². На смену старым богам постепенно приходило христианство.

* * *

Возвращаясь к анализу истории Египта в контексте трехфакторной модели, нужно отметить, что римляне восстановили сословную монархию, подразумевавшую привилегированное положение римлян и греков и угнетенное положение египтян. Влияние местной храмовой знати было окончательно уничтожено, а храмовые земли были конфискованы государством. Египтяне были вынуждены не только обеспечивать существо-

вание александрийских греков, но и снабжать хлебом Рим — именно в этом состояла основная цель императорского правительства.

Ради достижения этой цели императоры стремились поддерживать старую хозяйственную систему — традиционную аренду государственных земель. Октавиан Август уделял большое внимание ирригации, восстановил зерновое производство и превратил Египет в источник хлебного снабжения Рима. В правление Августа и Тиберия в Египте отмечаются характерные признаки *периода восстановления*: рост населения и посевных площадей, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы, относительно высокий уровень потребления, пока еще относительно небольшое развитие помещичьего землевладения, внутривластная стабильность. Голод 46 года был первым признаком начавшегося сжатия, в последующий период появились и другие признаки: высокие цены на хлеб, падение уровня реальной заработной платы, разорение крестьян и уход разорившихся в города, рост ростовщичества и помещичьего землевладения, большое количество безработных и нищих, бунты и восстания. Восстание 116 года приняло такие масштабы, что его, вероятно, следует рассматривать как *промежуточный кризис*, следствием которого было некоторое уменьшение численности населения и удлинение периода сжатия. Этот кризис вынудил императорское правительство принять некоторые меры по облегчению налоговых тягот, но при этом власти не препятствовали развитию помещичьего землевладения: римское общество было построено на частной собственности, и имперская бюрократия не имела традиций борьбы с частным сектором и не могла поддерживать сложное государственное хозяйство. В результате (как показывают данные начала IV века) основная масса земель оказалась в руках крупных собственников, а «царские земли» были фактически приватизированы и стали свободно продаваться. Следует отметить, что Египет в «римском» цикле повторял развитие императорского Рима, двигавшегося по пути разложения этатистской монархии Юлиев–Клавдиев к частнособственнической монархии Антонинов. Поскольку Египет не был самостоятельным государством, то трансформация его структуры в значительной степени определялась внешними силами и имела вид $C \rightarrow A_b^c$. В итоге мы впервые в истории Египта видим классическую картину демографического цикла в обществе, основанном на частной собственности: разорение крестьян — мелких собственников, рост помещичьего землевладения и крестьянские восстания.

Развитие крупного землевладения — притом что многие помещики занимали пашенные земли под пастбища — сужало экологическую нишу Египта. В 170-х годах разразился разрушительный *экосоциальный кризис*: грандиозное восстание сопровождалось голодом, смертоносными эпидемиями и гибелью, может быть, трети или половины населения. Кризис оказался продолжительным. В 191 году наблюдается соотношение цен

и заработной платы, характерное для времен голода, в 223–225 годах в страну опять приходит чума. Резкий рост реальной заработной платы к середине III века свидетельствует о гибели большей части населения и о некоторой стабилизации, однако в 268–297 годах происходит новый кризис, источники снова говорят о массовой гибели населения, о разрушении городов, а уровень хлебных цен вновь свидетельствует о голоде. Перманентный кризис III столетия позволяет определить этот период как *интерцикл* — такой же, как во X–VIII веках до н. э. В конечном счете кризис означал демографическую катастрофу невиданных прежде масштабов, в районе Фаюмского оазиса, например, население уменьшилось более чем в четыре раза; в Александрии только в 260-х годах оно уменьшилось вдвое. Для Египта в целом с определенной долей осторожности можно предполагать уменьшение населения в два-три раза.

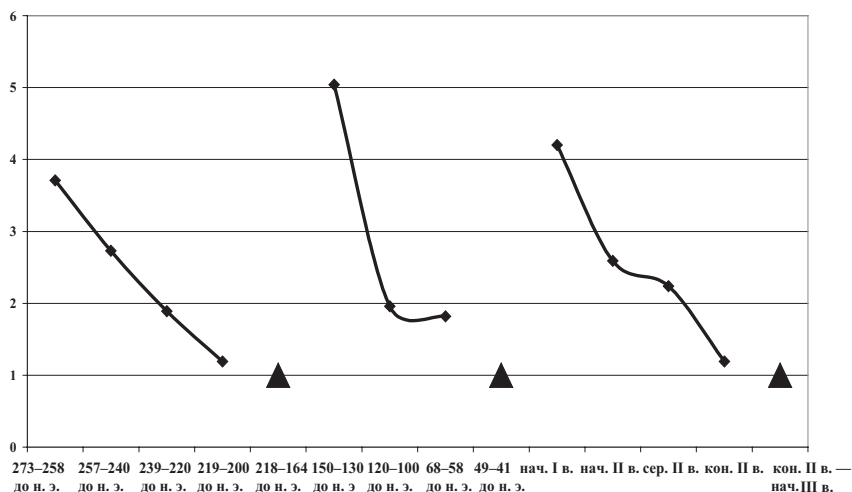

Рис. 7. Демографические циклы в Египте эллинистического времени

Кризис принес с собой падение сословного строя и формальное уравнение в правах египтян, греков и римлян. Другим последствием кризиса была масштабная «приватизация» государственных земель и легализация крупной земельной собственности. Однако это торжество частной собственности было кратковременным; оно было связано в значительной степени с условиями длительного кризиса, разрушившего древний египетский этатизм и старинную систему государственной аренды. В масштабах огромной империи кризис завершился победой новой римской этатистской монархии, которая приступила к созданию собственной системы государственного регулирования. Новая монархия быстро до-

билась кардинального перераспределения ресурсов в свою пользу: к середине IV века налоги были увеличены более чем вдвое, и частные собственники потеряли большую часть своих доходов.

Таким образом, можно говорить о трансформации структуры, в результате которой сословная монархия превратилась сначала в частнособственническую монархию, а затем в новую этактистскую монархию (трансформация $C^c A_b^c B^c$). Однако все эти трансформации происходили под воздействием внешнего влияния и были лишь отчасти обусловлены внутренним развитием Египта.

Три кривые, изображенные на графике, характеризуют динамику душевого потребления (душевое потребление измеряется количеством килограммов пшеницы, которое может купить сельскохозяйственный рабочий на дневную зарплату) (см. табл. 6, 7). Постепенное сокращение потребления свидетельствует о росте населения. Черные треугольники означают демографические катастрофы; скачкообразный рост потребления говорит о резком сокращении населения.

6.5. Византийский Египет

Масштабы катастрофы III века были таковы, что торговля почти прекратилась, в IV столетии все налоги собирались натурой, и государственные чиновники вместо денег получали продуктовые пайки. О ценах в этот период трудно судить из-за огромной инфляции: в 293 году артаба пшеницы стоила 300 драхм, а в 314 году — 10 тысяч драхм¹²³. Император Диоклетиан, пытаясь остановить инфляцию, в 302 году ввел постоянные цены на товары и зафиксировал зарплату. По указу Диоклетиана модий пшеницы стоил 100 денариев, а деревенский батрак (на хозяйских харчах) получал 25 денариев в день¹²⁴. Величина модия по-разному оценивается специалистами — от 9 до 18 л; если исходить из наиболее общепринятой величины в 9 л, то зерновой эквивалент оплаты батрака составит $2\frac{1}{4}$ л, а с учетом хозяйских харчей — $3\frac{1}{4}$ л (2,3 кг) пшеницы. Низкий уровень оплаты, по-видимому, говорит о том, что экономика страны еще не вступила в период восстановления, который начался несколько позже. Свидетельством начала восстановления стало уменьшение арендной платы в первой половине IV века: она уменьшилась по сравнению с предыдущим столетием в полтора раза, арендная плата в Фаюме составляла лишь 2,3 артабы с аруры¹²⁵.

В IV веке инфляция продолжалась, и указные цены Диоклетиана на практике продержались очень недолго. В дальнейшем местные власти продолжали устанавливать цены на рынке, но эти цены менялись каждый год и не были обязательны для торговцев — по ним продавалось лишь государственное зерно, полученное в счет натуральных налогов¹²⁶. Срав-

нительно невысокий уровень налогов, установленный Диоклетианом, также продержался недолго: в течение 40 лет до правления Валента (364–378) налоги увеличились вдвое. Император Валент зафиксировал налоговые ставки, и эти ставки с небольшими изменениями использовались и позже; известно, что в VI веке налоги (в переводе на зерно) составляли примерно 3 артабы с аруры — около трети урожая с земли среднего качества¹²⁷. Для сравнения отметим, что при Птолемах налоги составляли около половины урожая, но при этом, в отличие от византийских времен, учитывалось качество земли. Кроме того, в IV веке существовала практика эпинемесиса, когда землевладельцам «прирезались» заброшенные поля, за которые их вынуждали платить налоги. Неравномерность налогообложения приводила к разорению крестьян, обрабатывавших земли низкого качества, и тех, кому делались «прирезки»; источники упоминают о бегстве крестьян; чтобы предотвратить это бегство, было введено прикрепление крестьян по месту жительства¹²⁸.

В целом увеличение налогов означало, что новая римская этатистская монархия одержала окончательную победу и осуществила масштабное перераспределение ресурсов в свою пользу. Но способ извлечения ресурсов стал другим: если раньше земли находились в собственности государства и оно требовало высокую арендную плату (а иногда и предписывало, что сеять), то теперь государство собирало высокие налоги с земель, которые формально считались частными. Право частной собственности при этом иногда теряло свой смысл, и крестьяне бросали свои переобложенные налогами наделы.

Однако к концу IV столетия положение стало меняться. Вторжение варваров и разгром под Адрианополем нанесли тяжелый удар как по авторитету, так и по финансам монархии. Нуждаясь в деньгах, императоры распродали почти все государственные земли, и не только земли, но даже дома и другую недвижимость¹²⁹. Скупавшие государственные земли магнаты становились владельцами крупных поместий; они брали под свой патронат беглых крестьян и селили их в своих поместьях в качестве арендаторов-колонов. Занимавшие высокие посты крупные землевладельцы обладали налоговыми привилегиями и возможностью укрывать свои земли от обложения; крестьяне формально продавали свою землю патрону и, становясь арендаторами на своей бывшей земле, получали налоговые льготы¹³⁰. Императоры систематически выпускали указы против патроната и, в конце концов, запретили само слово «патрон», но это не помогло делу: патронат продолжал развиваться¹³¹. В конце V века владения египетских магнатов Апионов достигали 110 тысяч арур; магнаты имели собственные военные отряды и тюрьмы¹³².

Таким образом, после примерно семидесятилетнего периода господства этатистской монархии государственное регулирование ослабло,

и снова стали распространяться частнособственнические отношения. Господство крупных землевладельцев отрицательно сказалось на состоянии ирригационных систем, забота о которых в прежние времена была прерогативой государства или храмов. Строительство новых ирригационных систем прекратилось, в лучшем случае власти проводили текущий ремонт плотин. В конце IV века в распределении воды царил анархия; магнаты перекрывали проходившие через их поместья каналы, лишая воды других землевладельцев. Результатом такого положения было значительное сокращение площади орошаемых земель и запустение жемчужины Египта — Фаюмского оазиса¹³³.

Жители Фаюма уходили в другие районы Египта, где еще оставались свободные земли. По мере восстановления страны от разрухи власти усиливали эксплуатацию египетского крестьянства, на Египет была вновь возложена задача снабжения хлебом населения столицы — только теперь не Рима, а Константинополя; к VI веку эти поставки достигли 8 млн артаб в год¹³⁴. В IV–V веках наблюдался рост сельскохозяйственного производства, однако в V веке стала ощущаться нехватка земли; соседние селения нередко враждовали друг с другом из-за земли и воды¹³⁵. Излишнее население уходило из деревень в города, постепенно оживали торговля и ремесла; численность населения Александрии в этот период оценивается исследователями в 200 тыс. человек (характерно, что эта цифра в два с лишним раза уступает соответствующей оценке для рубежа нашей эры). Другие города были значительно меньше; Антинополь и Оксирих имели по 30–35 тыс. жителей¹³⁶. Натуральные налоги постепенно заменялись денежными; в V веке была переведена на деньги трудовая повинность, и все работы стали выполняться наемными рабочими, что говорит о том, что появилось много бедняков, зарабатывавших на хлеб работой по найму¹³⁷.

Для V века практически отсутствуют данные о ценах и заработной плате, однако имеются косвенные свидетельства об ухудшении положения народных масс. Признаком наступающего сжатия были частые народные волнения, иногда перераставшие в восстания. С принятием христианства социальная и политическая борьба приобрела характер столкновений сторонников различных вероисповеданий — монофиситов и халкидонян. Сторонники халкидонского (православного) исповедания отождествлялись в Египте с греками, с магнатами-землевладельцами и с ненавистной властью Константинополя. Монофиситы — это простонародье, крестьяне, ремесленники и монахи. Египет был родиной монашеского движения; народный протест против роскоши магнатов находил свое выражение в монашеском идеале бедности, в демонстративном отречении от всех благ, в трудовой жизни монастырей-коммун. Монахов было так много, что египтяне утверждали, что число монахов в «пустынях» равно числу

жителей городов. В Оксиринхе из 35 тыс. жителей больше половины составляли монахи¹³⁸.

Монахи принимали самое активное участие в народных волнениях и восстаниях. Когда на Халкидонском соборе 451 года победили сторонники православия, Египет и Палестина были охвачены восстанием. Жители Александрии уничтожили императорский гарнизон и овладели городом; монах Феодосий во главе 10 тысяч вооруженных монахов захватил Иерусалим и предал казни множество «почтенных людей». Восстание прекратилось лишь после того, как власти пошли на уступки и фактически дозволили монофиситское исповедание. В 510 году в Александрии произошло новое восстание; толпы бедняков громили богатые дома. Император Анастасий принял сторону монофиситов и подверг репрессиям александрийскую аристократию; крупнейший землевладелец Египта, вышеупомянутый Апион, был сослан, а его имения конфискованы¹³⁹.

Императоры, традиционно выступавшие в роли защитников народа, предпринимали определенные меры для облегчения участи беднейших слоев населения. Император Валент установил должность «защитника плебса»; при Константине (306–337) арендная плата была ограничена половиной урожая; это ограничение впоследствии было подтверждено законами Юстиниана. В 418 году был запрещен патронат, правда, при этом все ранее переданные патрону земли были признаны его собственностью. В 498 году по закону императора Анастасия аренда, длившаяся свыше 30 лет, стала обязательной для обеих сторон, при этом землевладелец не имел права сгонять арендатора и повышать арендную плату¹⁴⁰.

Анализ процессов, происходивших в это время в Римской империи, выходит за пределы данного исследования. Однако необходимо отметить, что власть императоров постепенно слабела; нередко они были вынуждены подчиняться влиянию сенаторской знати и военных кругов; различные придворные группировки часто использовали в своих целях волнения среди населения Константинополя. В конце концов, с нарастанием сжатия разразился экосоциальный кризис. В начале правления Юстиниана (527–565) в Константинополе произошло спровоцированное знатью восстание «Ника»; после подавления восстания Юстиниан произвел массовые конфискации земель аристократии, по словам историка Прокопия, он «разом конфисковал имущество чуть ли не у всех членов сената»¹⁴¹. «Великий царский террор» Юстиниана завершился уничтожением крупного магнатского землевладения¹⁴².

Конфискованные земли Юстиниан обычно передавал церкви. Церковь и раньше имела значительные владения, а при Юстиниане она стала собственником едва ли не половины земель Византийской империи¹⁴³. В Египте церковь была более могущественной, чем в других провинциях; благодаря своим колоссальным богатствам она контролировала торговлю

и ремесло¹⁴⁴. Юстиниан проводил целенаправленную политику создания церковного государства — он стремился построить «царство Божие на земле»; император подчинил губернаторов контролю епископов и основал тысячи монастырей¹⁴⁵. «Он утверждает, — отмечал К.Н. Успенский, — что развитие монашества является и прекрасным примером и отличной политикой: он сознательно, не только из набожности, но и для укрепления государства, берет на себя поддержку этих “чистых рук и святых душ”»¹⁴⁶. Монастырь-киновий во времена Юстиниана представлял собой коммуну, в которой все делилось поровну и исповедовался принцип апостола Павла: «Кто не работает — тот да не ест». При каждом монастыре была больница, богадельня для стариков и странноприимный дом для странников и бедных; монахи считали своим долгом кормить всех, кто приходил к ним. В начале VII века только александрийская церковь кормила 7 тысяч «лишенных всех средств существования»¹⁴⁷.

Юстиниан провел большую работу по созданию знаменитого кодекса законов, который, по мысли создателя, должен был утвердить правосудие и справедливость. Был проведен новый кадастр, и налоги были приведены в соответствие имуществу плательщика. Мы не ставим перед собой цель подробного анализа реформ Юстиниана, но очевидно, что целью императора было установление социальной справедливости и построение государства, опирающегося на христианскую идеологию. Хорошо известно, что со времен К. Каутского европейские социал-демократы считали (и считают) Иисуса Христа своим великим предшественником.

Восстания и «христианская революция» Юстиниана были проявлением сжатия; отнимая земли у знати, император стремился восстановить справедливость и накормить голодных. Но по-видимому, Юстиниану не удалось облегчить положение бедняков, иначе трудно объяснить катастрофические масштабы разразившейся в 542 году эпидемии чумы. Известно, что губительные эпидемии обычно поражают те области, где люди ослаблены постоянным недоеданием, то есть области сжатия. В 542 году в Египте началась страшная эпидемия, перекинувшаяся в другие области и опустошившая все Средиземноморье. В Константинополе чума сопровождалась голодом и продолжалась четыре месяца; по свидетельству Прокопия, ежедневно умирало 5 тыс., а потом 10 тыс. человек. Свидетели событий пишут о множестве заброшенных деревень в Сирии и в Малой Азии; с особой силой чума свирепствовала в Александрии и в дельте Нила, где она держалась дольше, чем в других местах. Прокопий пишет, что чума погубила «добрую половину» населения Византии¹⁴⁸.

Гибель значительной части населения привела к недостатку рабочей силы, заработная плата рабочих увеличилась в 2–3 раза¹⁴⁹. Обширные

земельные угодья остались необработанными, и власти возродили практику эпинемесиса: землевладельцам насильственно прирезали участки пустующей земли, заставляя платить за них налоги¹⁵⁰. Сбор налогов упал до такой степени, что императору приходилось экономить на самых необходимых расходах. Была сокращена армия, военные поселенцы на восточной границе были переведены в разряд простых крестьян. Хронист Агафий указывает, что армия, которая, по старым меркам, должна была насчитывать 645 тыс. солдат, насчитывала лишь 150 тыс.¹⁵¹ Чума неоднократно возвращалась — в 570, 573, 599 годах; сирийская хроника сообщает, что в 599 году от «великой чумы» погибли 3 млн человек¹⁵². Немногочисленные данные о заработной плате, имеющиеся для этого периода, противоречивы. Сегре, основываясь на данных папирусов, считал, что простой рабочий получал от четверти до трети номисмы в месяц, но Г. Острогорский, приводя агиографические данные, полагал, что месячная зарплата составляла порядка одной номисмы¹⁵³. А Х.М. Джойс считает, что самые низкооплачиваемые рабочие получали от половины кератиона до одного кератиона в день (24 кератиона = 1 номисма)¹⁵⁴. Средняя цена пшеницы, судя по данным А. Джонсона и Л. Веста, составляла в это время около 12 артаб за номисму¹⁵⁵. Если даже исходить из минимальной поденной оплаты в половину кератиона, то рабочий мог купить на эти деньги 6,3 кг зерна — это был достаточно высокий уровень оплаты, соответствующий периоду восстановления.

Ослабленное эпидемиями государство не могло содержать большую армию, а между тем стране угрожали нашествия варваров. Император Маврикий (582–602) не платил жалованье своим солдатам — в результате начался большой мятеж, Маврикий был свергнут и убит; страна погрузилась в пучину гражданской войны. Персидский царь Хосров II воспользовался моментом для вторжения в пределы империи; в 611 году персы овладели Антиохией, а 615 году — Египтом. Около десяти лет Египет находился под властью персов; это владычество сопровождалось жестокими опустошениями и насилиями¹⁵⁶. Страна не успела оправиться от разорения, как в 640 году пришли арабы; завоевание Египта продолжалось четыре года и принесло с собой новое разорение страны. Состояние Египта после арабского завоевания можно оценить по тому факту, что сумма налоговых поступлений составляла около 2 млн динаров (номисм); в пересчете на серебро по курсу 1 динар = 12 драхмам (дирхемам) эта сумма составит 24 млн драхм. Для сравнения напомним, что в годы наивысшего расцвета птолемеевского Египта царские доходы составляли 14,8 тыс. талантов, то есть 89 млн драхм — в 3,5 раза больше. Население в благополучные времена Птолемеев составляло около 7 млн, в I веке — 8 млн человек; в середине VII века, по оценке Э. Аштора, оно составляло лишь 4–4,5 млн¹⁵⁷.

* * *

Возвращаясь к анализу истории Египта в контексте трехфакторной модели, нужно отметить, что в византийский период, так же как и предыдущий период, социально-экономическое развитие Египта во многом определялось внешним влиянием. В первую очередь, это касается установления новой римской этатистской монархии (доминанта), а затем процесса разложения этой монархии. Развитие такого явления, как патронат, было следствием прогрессирующей слабости римской власти, мирившейся с налоговыми привилегиями знати и допускавшей уход крестьян в магнатские поместья. Характерно, что в условиях ирригационного земледелия распространение крупной частной собственности привело к деградации поддерживавшейся ранее государством ирригационной системы и сокращению площади пахотных земель, то есть к сокращению экологической ниши.

Период восстановления в новом византийском демографическом цикле начался в первой половине IV века: для этого времени характерна низкая арендная плата, то есть дороговизна рабочей силы. Усиление налогового давления со стороны властей ускорило наступившее в V веке сжатие: мы видим разорение крестьян-собственников, быстрый рост помещичьего землевладения, рост городов, развитие ремесел и торговли, активизацию народных движений, волнения и восстания. В 530–540 годах разразился *экосоциальный кризис*: восстания, страшная эпидемия и голод, социальные реформы Юстиниана, конфискации земель знати. Кризис привел к установлению сильной монархической власти, опиравшейся на церковь и христианские идеалы социальной справедливости. Но нужно отметить, что эпицентр кризиса находился вне Египта, что его политический исход определялся в Константинополе и новый этатизм Юстиниана, так же как этатизм Константина Великого, был для Египта в значительной мере внешним явлением. В итоге трансформацию структуры, происходившую на протяжении цикла, мы можем обозначить как $V^c A_b^c V^c$.

Эпидемия чумы, постоянно возобновляясь, свирепствовала на протяжении всей второй половины VI века, затем начались внутренние войны и война с Персией, таким образом, экосоциальный кризис растянулся на долгое время и перерос в *интерцикл*. Восстановление хозяйства в новом демографическом цикле относится уже ко временам после арабского завоевания, ко второй половине VII века.

* * *

Подводя итоги «эпохе тяжелой пехоты», необходимо акцентировать то обстоятельство, что она была для Востока внешним, западным явлением, эпохой эллинизма. При этом в социальном отношении греки и македоняне принесли на Восток немного: они заменили персов в роли пра-

вящего сословия, в основном сохранив традиционные этатистские порядки завоеванных стран. В дальнейшем, с нарастанием сжатия им пришлось столкнуться с традиционалистской реакцией со стороны покоренных народов. Кризис в Египте смягчил сословное и этническое неравенство и породил новую этатистскую «греко-египетскую» монархию. Кризис в Месопотамии развивался по сценарию Ибн Халдуна и привел к тому, что страна была занята новыми завоевателями — парфянами. Затем новые завоеватели — на этот раз римляне — пришли и в Египет, и эта страна потеряла самостоятельность, став провинцией огромной Римской империи. Социальные процессы здесь развивались теперь под сильным внешним воздействием и в основном повторяли то, что происходило в центральных областях римского государства.

Глава 7. Эпоха конных лучников

7.1. Появление гуннского лука

В начале III века до н. э. в жизнь Китая снова вмешались степные племена — на этот раз хунну. Как полагают некоторые историки, хунну произошли от смешения пришедших с запада иранцев, жунов и ди, и монголоидных туземцев, обитавших в степях Гоби и лесах Маньчжурии¹. Это были кочевники, освоившие всадническое искусство северных ди, и их культура относилась к скифскому культурному кругу: они стреляли из скифских луков и украшали свое оружие рельефами в скифском «зверином» стиле².

Хунну время от времени совершали набеги на Китай, и в 214 году до н. э. Цинь Ши-хуан отправил на север огромную армию, разгромил кочевников, а затем воздвиг поперек континента Великую стену. Могущество империи Цинь побудило кочевников сплотиться и попытаться перенять имперские порядки. Шаньюй Модэ с помощью китайских чиновников наладил систему учета населения и скота; он разделил население и войско на десятки, сотни и тысячи и по примеру легистов установил жестокую дисциплину, при которой малейшее неповиновение каралось смертью. В условиях постоянных усобиц между кочевыми родами и племенами перенятая у китайцев дисциплина была едва ли не важнейшим фактором побед. По китайским данным, созданная Модэ кочевая империя хунну могла выставить на поле боя до 300 тысяч всадников; это были прирожденные наездники, закаленные суровой степной жизнью и готовые идти на смерть по приказу своих командиров³.

Существовал еще один фактор, обеспечивший победы Модэ. В III веке до н. э. хунну создали лук нового типа, значительно более мощный, чем прежние скифские луки. Новый лук был, как и прежде, сложным и склеивался из нескольких слоев дерева, но при этом он был больше по размерам: если длина скифского лука составляла 60–80 см, то длина нового лука — 140–160 см. Новым элементом конструкции были боковые костяные накладки: обычно их было три пары — в середине и на концах лука, и одна фронтальная накладка размещалась посередине. Концевые накладки создавали рычаги, которые позволяли согнуть более упругую, чем у прежних луков, кибить; одновременно они увеличивали длину натяжения тетивы, то есть тетива воздействовала на стрелу большее время и придавала ей большую энергию. Поскольку всаднику было неудобно управлять с таким большим луком, то позднее его стали делать асимметричным — нижняя часть кибити до рукояти была меньше верхней⁴.

По сравнению с прежними стрелами стрелы хуннского лука были длиннее и тяжелее. Длина увеличилась с 50–60 до 80 см, толщина — с 4–5 до 5–6 мм, обычная длина наконечника — с 2,5–3 до 5–7 см⁵. Мощные луки потребовали изменить технику захвата тетивы: если скифы (и народы Ближнего Востока) натягивали луки концом большого пальца и первым и вторым суставами согнутого указательного, то гунны (вслед за населением Минусинской котловины) стали натягивать тетиву согнутым большим пальцем. Указательный палец при таком способе помогает большому, нажимая на него сверху, а для защиты большого пальца надевают перстень или кольцо⁶.

Освоение нового оружия потребовало значительных усилий: для того чтобы стрелять из больших луков со скачущей лошади, необходима была немалая ловкость и длительная тренировка. «Чем мощнее лук, тем более искусным должен быть всадник», — отмечает А. Бивар⁷. Мало того, лошадь тоже должна была пройти соответствующее обучение и самостоятельно выполнять некоторые маневры в моменты, когда всадник опускал поводья для стрельбы⁸. В силу этой особенности искусство стрельбы из лука с коня во все времена было привилегией прирожденных всадников из степей; оно с большим трудом давалось оседлым народам⁹.

Первая большая победа хуннского лука была одержана в 200 году до н. э. в битве при Байдыне. Хуннские всадники окружили авангард огромной китайской армии и семь дней непрерывно обстреливали его из луков. Китайская пехота, по-видимому, придерживались своей обычной тактики: огородив себя рогатками, она отвечала стрельбой из луков и арбалетов, но в конце концов у окруженных должны были закончиться стрелы и продовольствие. Находившийся с авангардом император Гао-цзу, чтобы спастись от гибели, согласился платить дань хунну¹⁰. Удовлетворенные таким исходом, хунну обратились на запад, где жили кочевники-юэджи. Юэджи (их называли также тохарами или кушанами) были потомками индоевропейских завоевателей, некогда пришедших с запада на боевых колесницах; это был многочисленный и могущественный народ. Силу юэджи составляли всадники, закованные в броню и сражавшиеся копьями; для того чтобы увеличить устойчивость в седле, юэджи использовали седла с высокими луками¹¹.

Тем не менее юэджи не смогли сопротивляться новому оружию хуннов; в 174 году до н. э. они потерпели решающее поражение и были вынуждены, оставив свои земли, откочевать в Среднюю Азию, а затем в долину Инда. Хунну заимствовали у юэджи железные латы и седла с высокими луками — во всяком случае, известно, что в более позднее время гунны использовали такие седла. Однако в своей массе гунны остались конными лучниками; они неохотно надевали стеснявшие движение латы, редко использовали копья и совсем не применяли конский доспех¹². После по-

беды над юэджи гунны готовились к следующему удару — вооруженная мощными луками конница хунну стала страшной угрозой для ослабленного внутренними смутами Китая.

7.2. Китай при династии Старшая Хань

Хунну начали наступление на Китай в тяжелый момент его истории. Катастрофа, произошедшая в конце II века до н. э., погубила около половины населения страны. Империя Цинь погибла; сменившая ее империя Хань была слабым децентрализованным государством, больше похожим на древнее Чжоу. Подобно чжоуским вана императоры Хань наделяли своих родственников уделами; новое государство включало в себя семь вассальных царств и более сотни княжеств. Вассальные цари чеканили свою монету, содержали собственные армии и нередко вели междоусобные войны¹³. Завоеванные Ши-хуаном южные земли были потеряны; на севере хунну преодолели Великую стену и совершали набеги на долину Хуанхэ.

В отличие от Цинь Ши-хуан-ди, императоры династии Хань не вмешивались в экономическую жизнь страны; они придерживались даосского принципа «недеяния», увэй¹⁴. Лю Бан разрешил частным лицам чеканить монету, дозволил скупку земель и легализовал самопродажу свободных в рабство. Налоги были уменьшены с $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{15}$ урожая, правда, при этом был введен подушный налог — по 120 монет со взрослого населения¹⁵. При императоре Вэнь-ди в 179 году до н. э. была отменена круговая порука членов семьи за совершение преступлений¹⁶.

Экономическая обстановка начала II века до н. э. не требовала вмешательства государства. После гибели половины населения земли хватало для всех, повсюду лежали заброшенные поля. «Народ усердно занимался хлебопашеством, одежды и пищи было вдоволь», — свидетельствует Сыма Цянь¹⁷. При императоре Вэнь-ди (179–164 до н. э.) «в землях среди четырех морей царили изобилие и богатство»¹⁸. Однако население быстро росло; в отдельных областях оно увеличилось к 140 году до н. э. в 3–4 раза¹⁹; между тем Вэнь-ди говорит о том, что за последние 10 лет его правления размеры пашни не увеличились²⁰. В 159 году до н. э. историограф Сыма Цянь впервые за долгие годы отмечает голод; император «открыл казенные хранилища зерна, чтобы помочь бедствующему населению»²¹. Цензор Чао Цо писал, что бедствующие крестьяне «вынуждены брать в долг с обязательством возместить его в двойном размере. И вот есть такие, кто продает свои поля и жилища, своих сыновей и внуков, чтобы рассчитаться с долгами»²². В роли ростовщиков и скупщиков земли выступали торговцы хлебом. «Купцы поглощают крестьянские земли, а крестьяне вынуждены бродяжничать», — писал

Чао Цо²³. «Некоторые из крупных торговцев, накопив богатства, закупают бедных, — свидетельствует Сыма Цянь. — По сотне с лишним повозок развозят их товары, которые они накапливают в городах, чтобы продать их по высоким ценам. Все титулованные владельцы склоняют перед ними головы, зависят от них. Они занимаются выплавкой металла и выпариванием соли. Богатства у некоторых из них по несколько десятков тысяч золотых монет, но они не помогают государству в его трудностях»²⁴.

Разорившиеся крестьяне уходили в города и нанимались на работу к купцам, владельцам ремесленных предприятий. Города быстро росли; число жителей Чаньани и Линьцзы превысило полмиллиона²⁵.

Рост городов, разорение крестьян, обогащение помещиков и купцов — все это были признаки начинающегося сжатия. Начавшийся кризис выявил не только экономические, но и политические проблемы. Империя Хань сохраняла феодальную структуру, и обстановка кризиса благоприятствовала сепаратистским попыткам удельных князей. Князья поднимали мятежи и заключали союзы с врагами Хань, с гуннами и южными варварами юэ. Хунну постоянно вторгались в центральные области, иной раз достигая окрестностей столицы²⁶. В 154 году до н. э. семь вассальных царей объявили войну императору Цзин-ди, но потерпели поражение и покончили с собой. Цзин-ди передал владения их наследникам, однако лишил их права содержать войска и назначать чиновников²⁷.

Цзин-ди в своих указах не раз говорил о нехватке пашен и продовольствия²⁸. В 142 году до н. э. Поднебесную снова постиг большой голод, сопровождавшийся эпидемиями; хунну опустошали северные области²⁹. В 140 году до н. э. на трон взошел 16-летний император У-ди, советником которого был известный философ Дун Чжун-шу. Дун Чжун-шу подал императору цитированный выше доклад, в котором, описывая положение в эпоху Цинь, сравнивал его с состоянием дел при Цзин-ди: «...Поля богачей тянулись межа за межей, а у бедного люда не осталось земли, куда можно было бы воткнуть шило... Когда воцарилась династия Хань, она следовала этому и ничего не изменила. Следует ограничить частное владение землей, дабы уравнивать с теми, у кого земли не хватает. Следует закрывать дорогу тем, кто занимается поглощением земель... Следует отменить рабство, отменить право на убийство рабов...»³⁰. Повзрослев, У-ди приступил к широкой программе реформ с целью вывода страны из кризиса. Был нанесен решающий удар по феодальной аристократии, у 106 князей были отняты их титулы и владения, уцелевшие уделы в принудительном порядке дробились между наследниками. Были конфискованы и розданы крестьянам обширные земли купцов; были освобождены десятки тысяч принадлежавших им рабов³¹. Чтобы отнять у крупных торговцев их спекулятивные доходы, были введены государственные

монополии на производство железа, соли и спиртных напитков, на чеканку монеты; вводился также налог на капитал³². Была восстановлена круговая порука членов семьи за совершение преступлений.

Проведение реформ и укрепление экономики были невозможны без борьбы с хунну, которые систематически разоряли северные области Китая. Тяжелая война с кочевниками заняла почти все царствование У-ди, она потребовала проведения военной реформы и мобилизации всех сил страны. Копируя хуннские образцы, империя Хань приступила к созданию армий конных лучников. Лучшие воины обучались всадническому искусству и стрельбе из гуннского лука. Первые сражения были неудачными: хунну использовали «скифскую» тактику и уклонялись от боя, изматывая противника. Тогда китайские командующие Хо Цюй-бин и Вэй Цзин стали применять хуннские приемы внезапных набегов: легкие кавалерийские корпуса уходили в степь на две тысячи ли (800 км) и внезапно нападали на кочевья хунну. Сквозь земли кочевников была пробита дорога в Среднюю Азию — Великий Шелковый путь; по этому пути доставляли с Запада необходимых для кавалерии «небесных» коней. В конце концов, хунну были отброшены за Великую стену, и стало возможно возрождение земледелия в северных областях³³.

У-ди использовал для решения аграрной проблемы применявшийся Ши-хуаном метод массового переселения безземельных крестьян на окраины. На отвоеванных у хунну землях были основаны военные поселения («тун тянь»), куда переселялись бедняки из центральных районов: в 119 году до н. э. было переселено 725 тыс. человек, в 112 году до н. э. — 600 тыс. человек, а общее число переселенных составляло, по-видимому, несколько миллионов. Были снова покорены южные племена юэ, и на юг, так же, как и на север страны, выводились земледельческие колонии. Власти обеспечивали поселенцев семенами, инвентарем и рабочим скотом; поселенцы несли службу по охране границ³⁴. На границы переселялись также и знатные роды из центральных районов; у них отнимали прежние владения и выделяли им территории на окраинах, принуждая осваивать целинные земли³⁵.

Долгая война и огромные расходы на обустройство переселенцев привели к увеличению повинностей и налогов. Подушный налог увеличился в полтора раза, и его стали собирать даже с детей начиная с трехлетнего возраста. В 115 году до н. э. наводнение и неурожай привели к большому голоду³⁶. В 99–98 годах до н. э. в ряде районов вспыхнули крестьянские восстания³⁷. Исследователи предполагают, что в эти годы имело место некоторое сокращение численности населения³⁸. Тем не менее У-ди сумел стабилизировать ситуацию с помощью провозглашенной им «политики поощрения земледелия». «Многие земли, считавшиеся непригодными для обработки, так как были высоко расположены,

при Хань превратились в отличные поля, — отмечает В.М. Штейн. — Проведение каналов позволило значительно увеличить посевные площади, причем урожайность при поливе возрастала, как явствует из приводимых в источниках цифр, в несколько раз. Когда читаешь главу о каналах в известном труде Сыма Цяня, не можешь отделаться от впечатления, что буквально каждая крупная река сделалась объектом гидротехнических работ...»³⁹. Специальное ведомство, возглавляемое «князем, обогащающим людей», занималось работами по увеличению продуктивности земледелия⁴⁰. «Уполномоченный по изысканию зерна» Чжао Го внедрил трехпольную систему и изобрел большой плуг, в который впрягали двух быков⁴¹. По методу, предложенному в свое время Ли Куем, была создано «управление по выравниванию цен»; это управление закупало хлеб у крестьян в урожайные годы и выдавало им ссуды в годы неурожая⁴².

В конечном счете У-ди удалось снять остроту аграрного кризиса и остановить сжатие. Указ императора Чжао-ди (86–74 до н. э.) говорит о том, что распаханых земель стало больше и безземельные бродяги стали возвращаться в общины. Император Сюань-ди (73–47 до н. э.) в своем указе обещал предоставить надел и ссуду всем, кто пожелает заняться земледелием⁴³.

Ко времени правления У-ди и его преемников относится оформление традиционной китайской социально-политической доктрины, обычно отождествляемой с конфуцианством. Конфуцианство времен У-ди отличалось от традиционного учения Конфуция, оно вобрало в себя элементы легизма и наряду с древним патернализмом признавало необходимость «политики поощрения земледелия», выдвижения по заслугам и поддержания социальной справедливости. Основоположник этого нового учения Дун Чжун-шу почитался в Китае как «ханьский Конфуций»⁴⁴. Новое конфуцианство стало идеологией нового чиновничьего сословия, которое отныне формировалось с помощью открытой для всех экзаменационной системы. Экзамены предполагали написание сочинений на темы конфуцианских канонов, поэтому каждый чиновник был носителем созданной Дун Чжун-шу официальной доктрины.

Сюань-ди и Чжао-ди продолжали «политику поощрения земледелия», однако при Юань-ди (48–33 до н. э.) эта политика была оставлена, и государство прекратило вмешательство в экономическую жизнь. «Управление по выравниванию цен» перестало функционировать, купцам было разрешено скупать земли, были отменены государственные монополии⁴⁵. Характерной чертой этого времени было усиление политической роли землевладельческой знати; знать создавала дворцовые клики, которые оказывали влияние на императора через его жен и евнухов; власть императора слабела, делами руководили министры и фавориты⁴⁶.

Между тем население росло и ко 2 году н. э. достигло 60 млн человек. 60 миллионов — это был рубеж, который остался непревзойденным и в следующем тысячелетии, поэтому специалисты считают, что эта величина соответствует вместимости экологической ниши Китая в то время⁴⁷. М. Ли указывает на перенаселение как на причину произошедшей впоследствии катастрофы⁴⁸. В конце I века до н. э. снова появились признаки сжатия: разорение крестьян, распространение ростовщичества и долгового рабства. Часто упоминаются голод и наводнения, вызванные тем, что власти не заботились о ремонте дамб⁴⁹. В 22 году до н. э. в провинции Хэнань вспыхнуло восстание, охватившее девять уездов; в 18–17 годах до н. э. восставшие овладели четырьмя уездными городами в провинции Сычуань⁵⁰. Указ императора Ай-ди (6–1 гг. до н. э.) говорит, что «богатые и сильные имели земли и рабов без предела, а бедняки теряли свои наделы и страдали от нужды». Следуя советам сановников Кун Гуана и Хэ У, Ай-ди пытался ограничить поместья 30 цинами земли, но указ не был проведен в жизнь⁵¹.

В 8 году н. э. группа сановников совершила дворцовый переворот, отстранила от власти малолетнего императора Пин-ди и возвела на престол первого министра Ван Мана. Ван Ман издал указ о переделе земли и введении системы равных наделов (цзинь-тянь). Текст этого указа дает яркое представление о политических идеалах конфуцианского служилого сословия.

«— При прежних династиях воля неба нарушалась, — гласил императорский указ, — отношения между людьми повергались в хаос, и нарушался принцип — человек превыше всего.

— Сильные и могущественные дома захватывали и делили поля, выжимая посредством принуждения оброки. Номинально оброк составлял $\frac{1}{30}$ урожая, а фактически — $\frac{5}{10}$. Отцы, дети и жены обрабатывали землю круглый год, а получаемого не хватало на содержание.

— ...У богатых собаки и лошади имели пищу с избытком, богатые вели себя высокомерно и творили непристойное. Бедным же не хватало для пропитания отрубей и отбросов, они доходили до крайности и совершали преступления.

— ...Еще до вступления на трон я издал указ о том, чтобы национализировать землю и по количеству душ распределить колодезные поля (цзинь-тянь)... Все те, кто не имел земли, ныне должны получить ее в соответствии с установленным законом. Те, кто осмелится оказать сопротивление системе цзинь-тянь, будут сосланы в места отдаленные — на границу»⁵².

Ван Ман также запретил продажу земель и рабов, запретил ростовщичество и ввел регулирование рыночных цен. Отмечая социальный характер этих реформ, некоторые исследователи называют Ван Мана «первым социалистом на троне Китая»⁵³. Отдельные постановления нового

императора копировали мероприятия У-ди: Ван Ман восстановил государственные монополии, «управление по выравниванию цен», налог на капитал, систему круговой поруки⁵⁴. Несмотря на решительные действия Ван Мана, реформы закончилась неудачей из-за сопротивления знати; спустя три года император был вынужден отменить свой указ и земельная проблема осталась неразрешенной. В 11 году до н. э. Хуанхэ прорвала дамбы и, прокатившись потоком через Шаньдун, нашла себе новую дорогу к морю. Вслед за этой катастрофой последовали несколько лет голода, доводившего людей до каннибализма. «Ныне засуха продолжается несколько лет, — свидетельствовал трактат «Ханьшу». — Всюду возникает война. Это — конец света»⁵⁵. Голодающие объединились в армию «краснобровых», началась гражданская война, продолжавшаяся более десяти лет. Великая равнина была выжжена и опустошена, города разрушены. В конце концов, пришедший к власти новый император Гуан У-ди восстановил абсолютную монархию, конфисковал у помещиков часть земель и наделил крестьян пашнями. Это было нетрудно сделать среди развалин, когда повсюду лежали заброшенные поля. Гражданская война принесла с собой демографическую катастрофу. Во 2 году н. э. численность населения Китая составляла 60 млн человек; результаты первой переписи, проведенной после войны (в 57 году до н. э.), показали, что население сократилось до 21 млн⁵⁶.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Китая в эпоху династии Старшая Хань, необходимо отметить, что крушение империи Цинь привело к частичной реставрации доимперских порядков: мы вновь видим господство феодальной аристократии и вассально-ленные отношения, характерные для эпохи Чжоу. Новая династия отказалась от попыток государственного регулирования экономики и от принципов централизации; результатом была слабость империи Хань, империя была не в состоянии удержать завоевания Ши-хуана и бороться с вторжениями гуннов.

Первая половина II века до н. э. была *периодом восстановления*: для этого времени характерны относительно высокий уровень потребления, быстрый рост населения и посевных площадей. В середине II века до н. э. отмечаются признаки сжатия: сообщения о голоде, крестьянское малоземелье, разорение крестьян-собственников, рост помещичьего землевладения, рост ростовщичества, распространение долгового рабства, уход разоренных крестьян в города и рост городов, бурное развитие ремесел и торговли. Присутствуют также признаки, характерные для феодального уклада: сепаратизм удельных правителей, ослабление центральной власти, междоусобные войны.

Сохранение монархической традиции, выработанной на предыдущем цикле, обусловило то обстоятельство, что сжатие быстро привело к восстановлению этатистской монархии (трансформация $A_c B$). Император У-ди провел комплекс социальных реформ: осуществил передел собственности и доходов, переселил безземельных бедняков на окраины и наделил их землей.

Реформы У-ди стимулировались военным давлением, которое оказывали на Китай племена хунну, причем это давление было особенно ощутимым ввиду того, что хунну обладали новым оружием — мощным составным луком. Процесс диффузии привел к тому, что империя Хань заимствовала оружие гуннов и по образцу своих противников создала многочисленные конные армии. Это позволило отразить наступление кочевников, но длительные войны вызвали увеличение налогов и *структурный кризис*, сопровождавшийся голодом и, возможно, некоторым уменьшением населения. Энергичные меры У-ди по освоению целинных земель на окраинах и ирригационному строительству позволили преодолеть этот кризис и, более того, привели к новому значительному расширению экологической ниши. У-ди удалось приостановить сжатие и отсрочить демографическую катастрофу примерно на столетие.

К концу I века до н. э. население возросло до 60 млн человек, и сжатие началось вновь. Снова появляются сообщения о голоде, крестьянском малоземелье, разорении крестьян-собственников, отмечается рост помещичьего землевладения, рост ростовщичества, распространение долгового рабства, усиление политической роли крупных собственников и ослабление центральной власти (трансформация BA_b). Император Ван Ман, так же как и У-ди, пытался восстановить этатистскую монархию и остановить сжатие, используя методы государственного регулирования, но было уже слишком поздно. В 11 году до н. э. произошла экологическая катастрофа — прорыв дамб на Хуанхэ, когда после «великого потопа» русло реки сместилось на сотни километров. Вслед за потопом начался *экосоциальный кризис*: голод, восстания, гражданская война. В конечном счете кризис закончился переделом земель и восстановлением этатистской монархии. Таким образом, на протяжении цикла имела место социальная трансформация типа $A_c BA_b B$.

7.3. Китай в I–III веках

Катастрофа привела к распаду государства и появлению шести полунезависимых вассальных царств, однако империя была быстро восстановлена. В 40 году император Гуан У-ди устранил вассальных правителей и воссоздал систему государственного регулирования. Были проведены массовые конфискации земли у помещиков и освобождены долговые рабы; после этих

преобразований в деревне преобладало мелкое крестьянское землепользование на государственной земле; крестьяне жили соседскими общинами и именовались «поравненным народом»⁵⁷. «В начале царствования Хань могущественные кланы шести царств были ослаблены. — Свидетельствует чиновник Ду Линь. — В городах и общинах не было семей, получавших большие доходы. В сельской местности не было людей, прибиравших к рукам землю»⁵⁸. Были восстановлены монополии на соль и железо, проведен кадастр, регулярно проводились переписи населения. Налоги были небольшими, поземельный налог не превышал $\frac{1}{30}$ урожая⁵⁹. Чиновники правительственных учреждений отбирались посредством открытой для всех экзаменационной системы и строго контролировались; традиционный образ беспристрастного и справедливого конфуцианского «чистого чиновника» занимает почетное место на страницах хроник. «Неустанно стремиться к гуманности и справедливости, страшиться лишь того, что не сможешь управлять народом — таковы думы сановных мужей», — писал сановник Ян Юнь⁶⁰.

Первые полстолетия эпохи Хань остались в памяти народа как время спокойной и сытой жизни. «Когда на престол вззошел Сянь-цзун, в Поднебесной воцарились мир и покой, — говорит “История Цзинь”. — Народ не был отягощен трудовыми повинностями, из года в год выращивался хороший урожай. В 5 году правления Юнпин (62 год) были учреждены “постоянно полные амбары”. К востоку от столицы учредили зерновые рынки. Один ху зерна стоил 20 монет»⁶¹. Система «постоянно полных амбаров» соответствовала прежнему «управлению по выравниванию цен» и предназначалась для помощи крестьянам во время голода; как показывают документы, зерно выдавалось беднякам весной по норме, необходимой для посева⁶².

Показателем благополучия был быстрый рост населения: с 21 млн в 57 году до 34 млн в 75 году и до 43 млн в 88 году. К 105 году численность населения достигла 53 млн, приблизившись к тому рубежу, на котором сто лет назад произошла демографическая катастрофа⁶³. В источниках появляются сведения о засухах и голоде, охвативших прежде всего самые густонаселенные районы — восточную часть долины Хуанхэ (Гуаньдун). «Суждения поздниханьских авторов свидетельствуют об остром аграрном кризисе в Гуаньдуне, — отмечает В.В. Малявин. — В 108 году сановник Фань Чжун, констатируя, что восточные районы полностью истощены, предлагал оставить “богатых людей” на старом месте, а разорившихся переселить в южные области. Спустя полвека Цуй Ши указывал, что в Цинчжоу, Сюйчжоу, Яньчжоу, Цзичжоу “земли мало, а людей много” и тоже советовал переселить “неспособных прокормить себя”, на сей раз на запад. О бедственном положении крестьян в этих плодородных районах свидетельствуют частые упоминания о массовом бродяжничестве и широком распространении инфантицида»⁶⁴.

Бедняки, которые не могли дотянуть до следующего урожая, брали зерно в долг у зажиточных соседей — в деревне появились ростовщики и помещики, скупавшие земли разорившихся крестьян. «Несомненно, крупные землевладельцы пользовались неустойчивостью экономического положения простых крестьян, — указывает В.В. Малявин, — значительная часть которых, если не большинство, не могла свести концы с концами. Доказательств тому немало, но мы ограничимся лишь несколькими. Интересные данные об экономической жизни раннеханьской деревни содержатся в документах, найденных близ Цзянлина (провинция Хубэй) в могиле некоего Чжан Яна, выполнявшего обязанности сельского старосты. Среди них имеются записи о выдаче ссуд семенного зерна 25 крестьянским дворам. Указанных в списках земельных участков крестьян — в среднем по 25 му на семью из 4–5 человек — не хватало даже для прокорма, так как с одного му хорошей земли в ханьский период получали около 3 даней зерна, а взрослому человеку для пропитания требовалось в месяц 1,5–2 даня. О том, что множество крестьян постоянно не могли дотянуть до нового урожая, свидетельствует Цуй Ши, который в своих “Помесячных указаниях для четырех групп народа” советует поздней весной “усилить охрану усадьбы, чтобы защититься от набегов разбойников, которые, словно трава, появляются в весеннюю пору, когда голодно”»⁶⁵.

Чиновники поначалу довольно пренебрежительно относились к помещикам и ростовщикам, этим «ничтожным торговцам овощами», и негодовали на то, что они «разъезжают на холеных лошадях, бахвалятся богатством», «не имея печати даже низшего служащего, носят одежду со звездами»⁶⁶. Однако постепенно помещичьи кланы превратились в «могущественные семьи» и «сильные дома». «Высшие семьи, — писал Цуй Ши, — накапливают миллионные богатства, приобретают земельные владения, не уступающие пожалованиям удельной знати. Они дают взятки, чтобы заставить власти поступить несправедливо, держат у себя телохранителей, чтобы запугивать простой народ. Они убивают невинных и хвастаются, что никто из их людей не был казнен, как преступник, на рыночной площади. Так живут, а после смерти пользуются почестями, как государи. Посему люди низших дворов в страхе топчутся, не зная, куда ступить. Отцы и дети, склонив головы, рабски прислуживают богатым и приводят к ним в услужение жен и детей. Оттого богатеи, всего имея в избытке, день ото дня становятся еще богаче. Бедняки, не имея необходимого, с каждым годом беднеют. Из поколения в поколение они живут, словно пленники, и все же не имеют достаточно пищи и одежды. При жизни они изнемогают от непосильного труда, после смерти их постигает несчастье остаться непогребенными. Если случится небольшой недород, им приходится идти по миру, хоронясь в придорожных канавах,

продавать жен и детей. Никакими словами не высказать, что значит не иметь никакой радости в жизни!»⁶⁷

По мнению большинства исследователей, основную массу держателей земли «сильных домов» составляли арендаторы-издольщики, связанные с землевладельцем отношениями кабального должничества и выплачивавшие ему от половины до двух третей урожая⁶⁸.

Разоренные и лишившиеся земли крестьяне пытались прокормиться ремеслами, уходили в города, нанимались рабочими в мастерские или на промыслы. Это привело к расцвету ремесел, бурному росту городов, обогащению купцов и предпринимателей. «Ныне, — писал Ван Фу, — люди бросают хлебопашество и шелководство, устремляются в праздные занятия, отовсюду извлекают доходы, и богатства скапливаются в одном доме. Хотя отдельные семьи богатеют, общее благосостояние падает... Ныне купцы наперебой продают бесполезные товары, погрязают в чрезмерной роскоши, соблазняя людей, отнимают их имущество. Хотя для порочной торговли это приобретение, для государственного бюджета — потеря»⁶⁹.

Бедствующие крестьяне не могли платить налоги, и это привело к финансовому кризису государства. С конца I века слышатся постоянные жалобы на истощение казны, в 107 году были приняты экстренные меры: была приостановлена выплата жалования служащим и введены дополнительные поборы. «У чиновников нет денег, и они берут у народа», — отмечал сановник Чжу Му⁷⁰. Подобная практика вскоре привела к разложению бюрократии; взяточничество укоренилось настолько, что местные власти открыто требовали мзду с каждого, кто решался затеять судебную тяжбу; произвольные поборы с населения считались в порядке вещей. Чиновничьи должности стали рассматриваться как источник наживы — и естественно, вскоре началась сначала тайная, а потом открытая торговля должностями. Испытывая нехватку средств, правительство стало продавать сначала низшие, а затем и высшие должности; при императоре Лин-ди (162–189) должность правителя области стоила 20–30 млн монет. Должности в системе местного управления были захвачены помещиками, которые использовали их для уклонения от налогов — это, в свою очередь, усугубило финансовый кризис. В обстановке всеобщей продажности «чистые чиновники» I века были оттеснены от власти коррумпированными кликами. Формирование этих клик началось в конце I века, когда после смерти императора Чжан-ди (79 г.) землевладельческая аристократия начала скрытое наступление на верховную власть. Князья — родственники вдовствующей императрицы (вайци) использовали малолетство императора Хэ-ди, сплотившись в придворную клику. Предводитель этой клики вайци Доу Сян со своими братьями монополизировал власть, «все чиновники, находившиеся при императоре, были в зависимости от Доу Сяна. Запертый во дворце император не был в состоянии поддерживать

связи с чиновниками как внутри дворца, так и вне его»⁷¹. Единственной опорой повзрослевшего Хэ-ди стали дворцовые евнухи, с их помощью он устроил в 92 году государственный переворот и вернул себе власть. Однако борьба императоров с феодальными кликами на этом не закончилась, на смену роду Доу пришли новые вайци: Дэнь, Янь и, наконец, Лян. В 140–159 годах вайци Лян Цзи, опираясь на свой род, полновластно распоряжался империей, смещал и возводил на престол императоров. Тысячи родственников Лян Цзи систематически использовали свое положение в самых низменных целях. Они хватали богатых и бедных, обвиняли их в преступлениях и сажали в тюрьмы, чтобы вымогать деньги. Члены рода Лян Цзи скупали земли, порабощали крестьян и превращали свои поместья в маленькие государства. Род Лян Цзи был разгромлен в 159 году дворцовыми евреухами, создавшими к этому времени свою могущественную клику⁷².

Оттесненные от власти «чистые чиновники» с негодованием смотрели на охватившее верхи разложение. В борьбе за власть «чистые» опирались на общественное мнение, они ввели практику неофициальной критики, «чистых суждений». «В царствование Хуань-ди и Лин-ди правители были никчемными людьми, — говорит трактат «Хоу Хань шу», — правление расстроилось, судьба государства решалась в гаремных покоях. Ученые мужи стыдились иметь к этому отношение. Посему простые люди открыто выражали свой гнев, а мужи, не состоявшие на службе, начали высказывать свои суждения. Так они снискали славу, стали восхвалять друг друга, давать оценки гунам и цинам. Обычай судить об истинном и ложном в управлении начался с этого»⁷³.

Столкновение «чистого чиновничества» с придворными кликами было неизбежно. В 153 году несколько тысяч студентов высшей школы «Тайсюэ» выступили с петицией, в которой осуждалось засилье евнухов-царедворцев, а сами они сравнивались с тиграми и волками, пожирающими народ. В 163 году «чистые чиновники» Ян Бин и Чжоу Цзин добились от императора разжалования свыше 50 сторонников клики евнухов. Многие из них были преданы суду и приговорены к казни. В движение вскоре включились чиновники на местах; в областях и уездах смещали сторонников клики евнухов, конфисковывали их имущество, многих казнили или заключали в тюрьмы⁷⁴.

Кризис наступил в 168 году. Вскоре после смерти императора Хуань-ди сторонник «чистых» главнокомандующий Доу У предпринял решительную попытку уничтожить клику евнухов. Но евреухам удалось раскрыть его план, они захватили малолетнего императора и заставили его объявить Доу У мятежником. Войска Доу У рассеялись, и окруженный врагами главнокомандующий покончил с собой. «Чистые» потерпели поражение, и, подчиняясь священному для чиновников императорскому указу, их

лидеры Ли Ин и Фань Пан сами пришли в тюрьму навстречу смерти. Свыше ста руководителей движения были казнены; внухи окончательно подчинили себе императора⁷⁵. «В те дни злые люди одержали верх, а все чиновники пали духом», — говорит трактат «Хоу Хань шу»⁷⁶.

«Чистые чиновники» боролись с коррумпированными кликами, исходя из традиционных принципов гуманности и справедливости, в конечном счете они преследовали те же цели, что и Ван Ман, и так же, как два столетия назад, их попытка закончилась неудачей. Между тем положение в деревне становилось все более напряженным. Еще в начале II века, как только популяция Хань приблизилась к границам экологической ниши, голод породил первую волну крестьянских восстаний; в 109–112 годах восстания охватили девять приморских областей. В 130-х годах происходили восстания в Чжецзяне и Хубэе; в 140-х годах поднялись Шаньдун и Цзянсу, армия восставших насчитывала десятки тысяч солдат, повстанческие вожди объявляли себя императорами. Восстания подавлялись, но вскоре вспыхивали вновь — в других провинциях. Все это происходило в обстановке перманентного голода; в 147 году от голода погибла «масса населения» в Цзинчжоу, в 153 году «несколько сот тысяч семей голодающих бродило по дорогам»⁷⁷. После 105 года население больше не росло, сдерживаемая голодом логистическая кривая повернула к асимптоте на уровне в 55–60 млн — том самом уровне, на котором произошла катастрофа начала I века. Посевные площади не только не росли, но даже несколько уменьшились, по-видимому, в результате набегов степных племен⁷⁸.

Таблица 5

Численность населения и посевные площади в Китае I–III веков⁷⁹

Год	2	57	75	88	105	122	144	146	157	263
Население (млн)	59,6	21,0	34,0	43,4	53,3	48,7	49,2	47,5	50,1	7,7
Пашня (млн му)	827	357		732	746	694	690	693		
Пашня на душу нас	13,9	17,0		16,9	14,0	14,3	14,0	14,6		

После 156 года отсутствие средств у государства привело к прекращению выдачи пособий голодающим⁸¹. В 160-х и 170-х годах восстания в разных провинциях происходили практически непрерывно; повсюду ходили агитаторы и проповедники, призывавшие низвергнуть «Синее Небо» династии Хань. По деревням передавали из рук в руки таинственную рукопись «Тайпинзин», написанную магом Юи Цзи. Название этого трактата переводится как «Книга о Великом Равенстве и Благоденствии». «Все блага, имеющиеся в пространстве между небом и землей, — писал Юи Цзи, — созданы для пропитания человека. Если же какая-нибудь семья захватит для себя все эти блага, то это может сравниться лишь с тем, как если бы одни крысы могли насыщаться хлебом, собранным в амбаре»⁸². Юи Цзи призывал крестьян к восстанию против Синего Неба Хань и был казнен за

эти призывы. Но его книга породила грозные всходы: обездоленные Поднебесной сплотились в могущественную секту «Тайпиндао», «Путь Великого Равенства». Создателем «Тайпиндао» был Великий Маг Чжан Цзюэ. В те времена, когда от голода и чумы вымирали целые деревни, он бродил по Поднебесной и лечил людей заговорами. Чума выступала в этой трагедии в роли Судии Последнего Дня: грешники погибали, а праведники выздоравливали и вступали на «Путь Великого Равенства». Чжан Цзюэ объединял их в боевые отряды, возглавляемые малыми и великими магами. Он создал армию из 36 отрядов и сотен тысяч обездоленных, готовых на все⁸³.

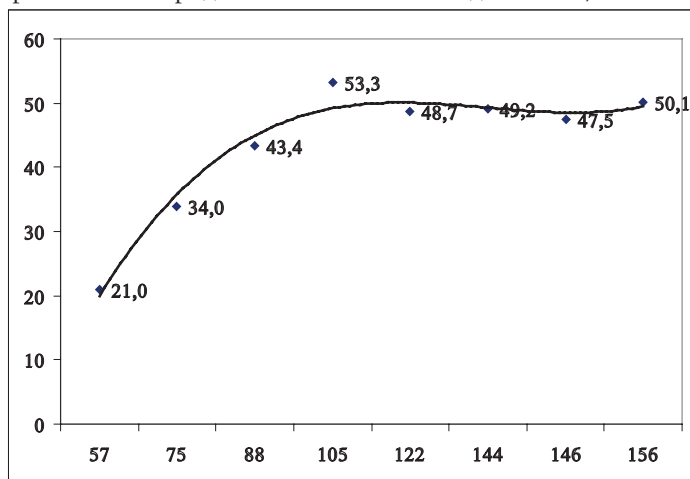

Рис. 8. Численность населения в Китае I–II веков⁸⁰

В марте 184 года последователи «Тайпиндао» повязали свои головы желтыми повязками и поднялись на борьбу. Некоторые историки считают, что повстанцы действовали в союзе с враждебными двору «чистыми чиновниками», — во всяком случае, император Лин-ди опасался этого союза и распорядился прекратить преследования «чистых»⁸⁴. Правительство обратилось за помощью к провинциальным «сильным домам»; помещики вооружили свои дружины, и после десяти месяцев ожесточенных боев главные силы восставших были разбиты и рассеяны. Однако восстание не было подавлено — разрозненные отряды «желтых повязок» продолжали борьбу еще десять лет; в ходе этой борьбы правительство потеряло контроль за провинциями; провинциальные наместники завели свои армии и стали почти независимыми. В 189 году умер император Лин-ди, и «чистые чиновники» во главе с Юань Шао воспользовались случаем, чтобы устроить государственный переворот и уничтожить клику евнухов. Однако Юань Шао не удалось подчинить наместников и военных вождей, которые развязали долгие междоусобные войны. Восстания и войны

сопровождались массовым истреблением населения, голодом и эпидемиями. Полководец Дун Чжо сжег Лоян и все города в радиусе 200 ли вокруг столицы; население Чанъани было вырезано, в обширной окружающей области «два-три года не курился дымок от человеческого жилья»⁸⁵.

В ходе этих войн выдвинулся талантливый генерал Цао Цао, который правил за спиной марионеточного императора Сянь-ди; к 205 году Цао Цао овладел Северным Китаем; в 220 году его сын Цао Пи был провозглашен первым императором династии Вэй⁸⁶.

Восстания и междоусобные войны привели к демографической катастрофе: в середине III века население Китая насчитывало не более 8 млн человек⁸⁷. Вместе с тем разразившийся катаклизм принес с собой социальную революцию: Цао Цао был сторонником «чистых чиновников», и, придя к власти, он реформировал китайскую социальную систему по конфуцианско-легистскому образцу. Ближайшим советником Цао Цао был ученый Чжунчжан Тун, известный своей яростной критикой ханьских порядков. Чжунчжан Тун призывал Цао Цао железной рукой навести порядок в государстве, ужесточить законы, связать население круговой порукой, раздавить магнатов, притесняющих простой люд, и распределить землю между крестьянами⁸⁸. Следуя этим рекомендациям, Цао Цао ввел систему военных поселений (тун-тянь), где разделенные на «пятерки» и «десятки» поселенцы обрабатывали землю под присмотром своих командиров. Крестьяне-солдаты получали от государства землю, посевное зерно и быков и сдавали в казенные закрома половину урожая. Постепенно расширяясь, система военных поселений охватила $\frac{4}{5}$ населения страны; это был яркий пример тотального государственного регулирования, осуществляемого военной монархией⁸⁹.

Таким образом, демографический цикл империи Хань завершился социальной революцией, породившей этатистскую монархию.

Экосоциальный кризис, погубивший империю Хань, продолжался около полувека. Единое государство распалось на три части, основные области страны вошли в состав царства Вэй, окраинные территории на юго-востоке — в состав царства Шу; на юго-западе сформировалось царство У. Период «троецарствия» длился до 280 года; это было время ожесточенных войн, когда огромные армии устилали телами воинов поля многодневных сражений. Система военных поселений позволяла царствам мобилизовывать в войска едва ли не все мужское население; поселения строились по единому плану на расстоянии 5 ли друг от друга, в каждом поселении проживали 60 воинов с семьями⁹⁰. В 265 году полководец Сыма Янь низложил государя Вэй и основал новое царство Цзинь; к 280 году ему удалось покорить южные царства и объединить Китай. После окончания войн военные поселения были расформированы, и крестьяне перестали быть воинами. Каждой семье было выделен земельный надел: на

семейную пару полагалось 170 му земли, из которых 100 му крестьянин обрабатывал для себя и 70 му — для государства; это было восстановление древней надельной системы цзинь-тянь⁹¹. Надел получали в 16 лет и сдавали государству в 65 лет, на детей-подростков полагались дополнительные наделы. Были упорядочены также и земельные оклады чиновников; низшие чиновники получали на свое содержание 1 тыс. му земли, а чиновники высшего ранга — 5 тыс. му и 50 дворов зависимых крестьян-арендаторов (дянькэ)⁹².

Источники свидетельствуют, что правление Сыма Яня было временем относительного изобилия. «Императорский двор воодушевленно поощрял земледелие... В те времена Поднебесная не знала никаких военных забот, налоги распределялись равномерно, люди спокойно вели свое хозяйство», — говорит «История Цзинь»⁹³. Восстанавливались ирригационные системы, были снова созданы «амбары постоянного равновесия»⁹⁴. Население росло; в 280 году оно составляло 16 млн человек, но до полного восстановления экономики было еще далеко, повсюду лежали заброшенные поля⁹⁵.

Подражая древним правителям, Сыма Янь возвел в звание ванов, гунов и хоу более 20 своих родственников и наделил новых князей уделами; большие уделы имели 30 тыс. крестьянских дворов и 15-тысячные армии, малые уделы — 5 тыс. дворов и полторы тысячи солдат. Это возрождение феодальных традиций грозило слабому государству серьезной опасностью. После смерти Сыма Яня в 290 году начался «мятеж восьми ванов»; междоусобная война продолжалась 15 лет; центральные области страны подверглись новому разорению⁹⁶.

Между тем на северной границе Китая происходили важные перемены. Кочевники, долгое время не беспокоившие Поднебесную империю, в конце III века получили в свои руки новое оружие — стрема. Стремя сделало всадника устойчивым в седле и породило тяжелую кавалерию нового типа — это были первые рыцари, свободно сидящие в седле и с одинаковой ловкостью владеющие копьем и мечом. Началась новая эпоха — эпоха господства рыцарской кавалерии.

Появившиеся в степи первые рыцари не замедлили использовать свое военное превосходство. В 310 году на страну обрушилось нашествие кочевников, хунны взяли Лоян и опустошили Северный Китай. «Один доу риса стоил два золотых слитка, — говорит «История Цзинь». — От года умерло $\frac{2}{3}$ населения страны»⁹⁷.

* * *

Имеющиеся данные о численности населения и посевных площадях позволяют утверждать, что вторая половина I века (до 90 года) была *периодом восстановления*; для этого периода характерны наличие свобод-

ных земель, удобных для возделывания, быстрый рост населения, рост посевных площадей, низкие цены на хлеб, относительно высокий уровень потребления, низкий уровень земельной ренты, относительно низкий уровень налогов, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, относительно ограниченное развитие городов, относительно ограниченное развитие ремесел, незначительное развитие аренды, незначительное развитие ростовщичества.

Если пренебречь случайными отклонениями, то можно видеть, что рост населения проходил по классической логистической кривой. В начале II века логистическая кривая повернула к асимптоте, и действительно, к этому времени относятся первые сообщения о голоде и восстаниях. Период сжатия продолжался около столетия, и весь этот период был временем почти непрерывного голода и восстаний. Мы наблюдаем практически все описанные в теории признаки сжатия: крестьянское малоземелье; высокие цены на хлеб; низкий уровень потребления основной массы населения; приостановку роста населения; высокий уровень земельной ренты; частые голодные годы; частые эпидемии; разорение крестьян-собственников; рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества; распространение аренды; высокие цены на землю; рост крупного землевладения; уход части разоренных крестьян в города; попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей; быстрый рост городов; развитие ремесел и торговли; рост числа безработных и нищих; народные восстания; попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа; попытки увеличения продуктивности земель; переселенческое движение на окраины и развитие эмиграции; непропорциональный (относительно численности населения) рост численности элиты; рост конкуренции за статусные позиции в среде элиты; фрагментация элиты; ослабление официальной идеологии, обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом; попытки приватизации доходов, связанных со служебным положением; финансовый кризис государства, связанный с ростом цен и неплатежеспособностью населения; попытки государства противостоять назревающему экосоциальному кризису путем усиления централизации и установления этатистской монархии.

Наиболее характерный момент процесса сжатия в Китае заключается в том, что рост богатства земельных магнатов и купцов вызывает усиление политической роли крупных собственников, которые начинают претендовать на власть. Одновременно финансовый кризис государства приводит к росту коррупции и разложению бюрократического аппарата, к феодализации, к борьбе между коррупционерами и «чистыми чиновниками». Мы редко можем наблюдать этот процесс эрозии этатистской

монархии на Ближнем Востоке, потому что там господствовали сословные монархии, которые тоже разлагались, но несколько иначе, путем приватизации служебных держаний и распада асабии. Все же, как можно заметить, в этих эрозивных процессах было много общего: они проходили под воздействием сжатия, сопровождались ростом крупной собственности, расцветом коррупции, а затем и попытками приватизации должностей, финансовым кризисом государства, ослаблением монархии, прекращением государственного регулирования и в конечном счете — феодализацией (трансформация ВА_с).

В конечном счете сжатие привело к экосоциальному кризису, мощному крестьянскому восстанию и гражданской войне, сопровождаемой голодом, эпидемиями, массовыми убийствами, — произошла демографическая катастрофа, погубившая $\frac{7}{8}$ населения Китая. Закономерным финалом этого кризиса было утверждение *новой этатистской монархии*. Таким образом, в ходе цикла Младшей Хань сначала имело место разложение этатистской монархии, а затем кризис обновил монархию и вернул ее к власти (трансформация ВА_вВ). В III веке начался новый цикл, но он был прерван нашествием кочевников (трансформация ВС_с).

7.4. Появление катафрактов

В то время как на Дальнем Востоке хунну совершенствовали скифский лук, а на Ближнем Востоке господствовала тяжелая пехота, в Средней Азии развитие военного дела шло в другом направлении. Столкновения с панцирными воинами империй железного века побуждало кочевников следовать их примеру и облачаться в панцири — греки называли таких всадников катафрактами. Арриан свидетельствует, что участвовавшие в битве при Гавгамелах саки были закрыты броней вместе с лошадьми⁹⁸. Для повышения устойчивости при столкновениях всадники стали использовать жесткое деревянное седло с высокой передней и задней лукой; иногда к луке крепились рога, охватывающие всадника в поясице. Первые свидетельства о появлении жестких седел в Великой степи относятся ко времени зарождения тяжелой кавалерии, к IV–III векам до н. э., а более сложные конструкции с рогами датируются временем не позднее I в. до н. э. Областью, где первоначально появилась тяжелая кавалерия, были Средняя Азия и Туркестан, населенные племенами саков, массагетов, сарматов и юэджи (которых греческие историки называли тохарами). Персы тоже завели тяжелую кавалерию, но их всадники, естественно, уступали в искусстве наездников прирожденным воинам степей⁹⁹.

В начале II века до н. э. в степях Восточного Туркестана разразилась «великая война» между хунну и юэджи-тохарами. Тяжелая конница среднеазиатских кочевников еще не была достаточно эффективной и не смогла

противостоять новому оружию хуннов, «большому луку». Потерпев поражение, тохары были вынуждены отступить на запад, в Среднюю Азию, однако в ходе войны они сумели перенять оружие противника, хуннский лук. Это придало тохарам новые силы, подчинив часть обитавших в Средней Азии саков, они в 130-х годах до н. э. заняли Бактрию и Согдиану; другая часть саков, уходя от завоевателей, вторглась в Парфию.

Парфия была в то время сильной державой, которая владела землями Ирана и незадолго до описываемых событий одержала победу над Селевкидами, отняв у них Вавилонию. Парфянское войско состояло преимущественно из легкой конницы, но в дополнение к кавалерии парфяне пытались использовать и тяжелую пехоту из пленных и наемных греков. Когда в 129 году до н. э. саки встретились с армией парфянского царя Фраата II, греки изменили, и сражение окончилось разгромом парфян и гибелью царя. Вслед за саками пришли тохары, которые в 124 году до н. э. нанесли еще одно поражение преемнику Фраата, Артабану II, который был смертельно ранен и вскоре скончался. Подвергнувшись удару завоевательной волны, парфяне были вынуждены спешно перенимать оружие противников. Известно, что новый парфянский царь Митридат II (124–88 до н. э.) реформировал войско, распустил тяжелую пехоту, а в дополнение к легкой коннице создал корпус всадников-«неранимых», которые были облачены в доспехи вместе с конями. Главное, однако, заключалось в том, что парфяне заимствовали у тохаров хуннский лук — характерные асимметричные контуры и большие размеры этого лука хорошо видны на монетах парфянских царей¹⁰⁰.

Реорганизованная армия Митридата II сумела остановить продвижение саков, и в конечном счете с ними был заключен мирный договор, по которому сакам выделялись земли для поселения, и, сохраняя внутреннее самоуправление, они входили в парфянскую федерацию. Сакские вожди из рода Суренов заняли почетное место при парфянском дворе и возглавили усиленную сакскими катафрактами парфянскую армию. В итоге парфяне и саки сумели остановить наступление тохаров, которые повернули на юг и в I в. до н. э. завоевали долину Инда¹⁰¹.

Войско парфян было практически полностью конным, и пехотинцы (которые изредка упоминаются в текстах) играли преимущественно роль обозных слуг. Основную массу конницы составляли легкие всадники, которые начинали бой, засыпая противника стрелами. Некоторые исследователи утверждают, что парфяне и тохары несколько модернизировали хуннский лук; этот усовершенствованный вариант потом использовался в сасанидской Персии и его называют сасанидским¹⁰². Тактика парфянских лучников была такой же, как у скифов: уклонение от ближнего боя, наскоки, обстрелы и ложное бегство, во время которого всадники стреляли, обернувшись назад, — античные писатели называли этот выстрел

парфянским. Когда противник был достаточно ослаблен или, преследуя, расстраивал свои ряды, в бой вступала тяжелая кавалерия катафрактов; она атаковала сомкнутым строем, поражая врагов длинными пиками¹⁰³.

Главным противником парфян были римские легионы, завоевавшие в 64 году до н. э. Сирию и пытавшиеся продвинуться в Месопотамию. Важным преимуществом парфян в войнах с римлянами было то обстоятельство, что их конная армия (в отличие от частично пешей армии персов) могла уклоняться от ближнего боя с тяжелой пехотой противника, доводя ее до изнеможения постоянным обстрелом конных лучников. Именно стрелковая тактика (а не действия катафрактов) принесла парфянам успех в битве при Каррах в 53 году до н. э. и во время похода Антония в 36 году до н. э. Но если римляне укреплялись на холмах (как в битве при Гиндаре в 38 году до н. э.), атаки парфянской конницы, как правило, были неудачными, очевидно, в отсутствие стремян кавалерия не могла эффективно действовать на пересеченной местности. В итоге на евфратском фронте долгое время поддерживалось равновесие между двумя видами оружия — парфянской конницей и римской пехотой¹⁰⁴.

7.5. Парфянский период в Иране

Парфянское завоевание Ирана сопровождалось новым процессом *социального синтеза*, соединившим местные государственные порядки с кочевой традицией парфян. В отличие от персов парфяне были настоящими кочевниками Великой степи, и в их обществе ярко проявляются степные кочевые традиции. «Во всякое время они ездят верхом, — пишет о парфянах Юстин, — на войне, в гостях на конях вершат государственные и частные дела, на них путешествуют, встречаются, торгуют, совещаются. Именно это есть различие между рабами и свободными, что рабы пешие, а свободные выезжают только верхом»¹⁰⁵. Так же как у всех арийских племен, у парфян была сильная родовая аристократия, «семь знатных родов»; главы знатных родов входили в состав парфянского «сената» и вместе со жрецами-магами выбирали царей из царского рода Аршакидов. «Знатные» и «высшие» имели свои дружины и обширные родовые владения, они часто воевали между собой и нередко не признавали власть царей. Огромные поместья знати, дастакарты, обрабатывали сотни и тысячи рабов, приведенных из походов, — когда парфяне заняли Месопотамию, они угнали толпы пленников в свои мидийские дастакарты¹⁰⁶.

Основы парфянского государства были заложены в правление Митридата II, который первым из парфян принял титул «царя царей». Парфянское царство представляло собой федерацию полусамостоятельных владений; одни из этих владений принадлежали знатным родам, другие — местным династам, именовавшим себя «царями»; некоторыми областями

правили назначаемые царем сатрапы. Местные владельцы имели собственные военные отряды, которые они приводили в армию «царя царей». По-видимому, воины этих отрядов содержались так же, как в предыдущий и в последующий периоды: одни из них получали маленькие поместья, а другие жили при дворе своих «сеньоров»¹⁰⁷.

Парфянские цари унаследовали от прежних династий значительный фонд «царских земель»; эти земли обрабатывались общинниками, прикрепленными к месту жительства, — античные историки называли крестьян «зависимыми», а парфян — «свободными». Существовал строгий учет причитающихся с крестьян налогов, причем в западной части страны документация велась по-прежнему на греческом языке. На востоке использовался и парфянский язык, и многие канцелярские термины были заимствованы из арамейского языка Вавилонии и вставлялись в парфянские тексты в арамейском написании, без перевода¹⁰⁸.

«Царские земли» олицетворяли государственный сектор экономики; существовал и частный сектор — многочисленные самоуправляющиеся города, сохранившиеся от прежних эпох. Крупнейшим из эллинизированных полисов Месопотамии была Селевкия на Тигре; Селевкия пользовалась полной автономией, она была свободна от постоя парфянских войск и чеканила собственную монету с надписями на греческом языке. Большинство граждан Селевкии считали себя «эллинами», и они до последней возможности сопротивлялись наступлению «варваров», призывая на помощь сирийцев, а потом — римлян. «Эллинам» помогали постоянные междоусобицы парфян, некоторые претенденты на престол искали у городов помощи и обещали им льготы, другие, наоборот, опирались на кочевников и обещали своим воинам отдать города на разграбление. В 55 году до н. э. во время очередной междоусобной войны Селевкия была взята штурмом и подверглась разгрому; в 35 году н. э. она снова восстала и семь лет отстаивала свою независимость, но в конце концов «эллины» потерпели поражение. Селевкия и другие города Месопотамии лишились своего самоуправления, что означало прерывание древней традиции самоуправляемых городов, ведущей свое начало от Урука и Вавилона. Одновременно это означало победу восточных культурных традиций: население Селевкии было пополнено «варварами», и город приобрел восточный облик¹⁰⁹.

Об экономическом развитии Двуречья в парфянское время имеются лишь скудные сведения. Для периода 120–60 годов до н. э. имеются данные о ценах, которые говорят, что после катастрофы 120-х годов до н. э. цены в Вавилоне поначалу снизились, но затем начались резкие скачки, очевидно, свидетельствующие о сохранявшейся политической нестабильности. В среднем уровень цен был намного более высоким, чем до парфянского завоевания¹¹⁰. Во второй половине I века до н. э. политическое по-

ложение стабилизируется, отмечается экономическое оживление, строятся новые ирригационные каналы и города, — в том числе новая парфянская столица, Ктесифон¹¹¹. Археологические материалы показывают резкое возрастание числа поселений, их размеров, величины орошенной территории¹¹². К этому времени относится расцвет Селевкии — по некоторым сведениям, население города достигало 600 тысяч человек¹¹³. Продукция парфянских ремесел — льняные ткани, ковры, оружие — получает международное признание и вывозится в другие страны¹¹⁴. Однако во II веке н. э. наступил упадок — он был вызван усобицами среди парфян и их неспособностью защитить страну от вторжений римских легионов. В 116 году, воспользовавшись очередной усобицей, император Траян вторгся в Двуречье, разграбил и сжег Селевкию и Ктесифон. В 165 году последовало новое нашествие римлян, полководец Авидий Кассий вновь разгромил месопотамские города. Погром вызвал страшную чуму — эпидемия породила панику среди римлян, они отступили, бросив свою добычу, но эпидемия шла за отступающей армией, перебросилась в Сирию, Египет и опустошила все Средиземноморье¹¹⁵. Это была демографическая катастрофа; в Египте, в тех населенных пунктах, о которых есть сведения, численность населения сократилась в 1,5–2 раза¹¹⁶. В Месопотамии, главном очаге эпидемии, масштабы катастрофы были, конечно, не меньшими, чем в Египте.

Селевкия уже не смогла оправиться от этой катастрофы, в конце II века от огромного города остался один квартал, который считался пригородом Ктесифона. В 198 году римляне вновь опустошили Двуречье, сожгли Ктесифон и вырезали его население; 100 тысяч пленных было угнано в Сирию. В 216 году последовало вторжение во внутренние области Ирана, римляне разграбили древнюю парфянскую столицу, Арбелы, и осквернили гробницы парфянских царей. Династия Аршакидов утратила всякий авторитет; о глубине кризиса говорит то обстоятельство, что парфянские цари чеканили фальшивую монету. В вассальных царствах начались восстания против парфян; в 224 году царь персов Арташир разгромил последнего парфянского «царя царей» Артабана V и воссел на трон в Ктесифоне¹¹⁷.

* * *

Возвращаясь к анализу истории Месопотамии в контексте трехфакторной теории, нужно отметить, что парфянский период очень скудно отражен в источниках. По сравнению с персами эпохи Кира парфяне были варварами-кочевниками, и вторжение привело к упадку письменности, что и нашло свое отражение в малочисленности документов того времени. Процессы *социального синтеза* происходили с заметным креном в сторону кочевых традиций; это проявилось, в частности, в том, что

парфянские цари не смогли заимствовать персидское и селевкидское самодержавие. В парфянский период — как в давние времена Шумера — мы вновь видим рядом с правителем собрание знати, которое снова выбирает царя и может по своему желанию отнять у него власть. С другой стороны, результатом завоевания была ярко выраженная сословность — парфяне сменили македонян в роли военного сословия и стали новыми господами для коренного населения Месопотамии. Не унаследовав от предшественников сильной царской власти, государство парфян находилось в состоянии перманентного разложения, близкого к средневековой феодальной раздробленности. Как в Средние века, мы видим вассальных князей и практически независимые самоуправляющиеся города, которые воюют с царями и выдвигают своих претендентов на престол. Эти войны, однако, закончились подчинением городов и прерыванием той древней традиции, которая вела свое начало от самоуправляющихся храмовых общин Шумера. Вместе с храмовыми общинами погибла и храмовая буржуазия, так долго сопротивлявшаяся царям Ассирии и Вавилона.

Долгие междоусобные войны препятствовали восстановлению страны, которое началось лишь в I веке до н. э.: в это время начался новый, парфянский, демографический цикл. Как обычно, в *период восстановления* наблюдается значительный рост посевных площадей, строительство новых поселений и ирригационных систем. В I веке н. э., по-видимому, началось сжатие — об этом говорит бурный рост городов прежде всего Селевкии, развитие ремесел и торговли. II век — это было время длительного *экономического кризиса*, связанного главным образом с разрушительными нашествиями римских армий. Пиком кризиса был 165 год до н. э., когда нашествие привело к страшной эпидемии чумы, опустошившей не только Месопотамию, но и обширные области Средиземноморья. Эти события означали демографическую катастрофу, а затем — падение династии Аршакидов. Сасанидам удалось прекратить феодальную анархию и подчинить местных владетелей, но существенных перемен в структуре иранского общества не произошло.

7.6. Иран при Сасанидах

Одержав победу над парфянами, Арташир I основал новую династию Сасанидов. Война, сопутствовавшая смене династии, привела к отстранению от власти многих местных «царей». «Когда воцарились персы на востоке... они победили всех царей областей востока и поставили на их места правителей, которые были им подчинены», — говорит сирийская хроника¹¹⁸. Кризис Римской империи помог персам остановить постоянные нашествия с запада; Шапур I (242–272) нанес римлянам несколько поражений. Ударной силой сасанидской армии в этих войнах была тяже-

лая кавалерия катафрактов, унаследованная персами от парфян. Значение тяжелой кавалерии в это время увеличилось в связи с техническими инновациями: копьё стали крепить ремнями к крупе коня, так что всадник лишь направлял его во время атаки. Роль легкой кавалерии несколько уменьшилась, и ее набирали теперь не из персов, а преимущественно из саков, аланов и других кочевых народов¹¹⁹.

При Арташире началось восстановление хозяйства Месопотамии, персидские цари строили на опустевших землях новые города, пригоняли из походов многие десятки тысячи пленных и расселяли их в осваиваемых районах. Р.М. Адамс особо отмечает огромные масштабы ирригационных работ в Юго-Западном Иране, строительство больших плотин на реках Керхе, Карун, Диз; по сведениям арабских источников, в этих работах принимали участие 70 тысяч пленных римлян. Массовые угоны пленных продолжались при Шапуре II (309–379), что свидетельствует о том, что в это время в Иране имелись свободные земли. Но затем эта практика была прекращена, прекратилось и строительство новых городов¹²⁰. Некоторые специалисты прямо связывают эти перемены с появившимся аграрным перенаселением¹²¹.

Смена династии не изменила традиционных структур феодальной монархии: «семь знатных родов» сохранили свою силу, и совет знати по-прежнему выбирал (и иногда свергал) царей. «Знатные» и «великие» по-прежнему владели огромными дастакартами с тысячами рабов; высшие государственные должности, как и раньше, наследовались в знатных родах. «Великие» (вазурги) имели собственные дружины из вассалов-рыцарей, которые владели поместьями с крестьянами; этих рыцарей называли также дехканами, «деревенскими господами», или азатами, «свободными». Азаты были потомками завоевателей, парфян и персов, они не платили налогов и выступали в качестве военного сословия артештаран. Крестьяне (ваштриошан) платили поземельную и подушную подати; поземельная подать (хараг) составляла от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ урожая¹²².

Власть персидских царей была немногим сильнее власти Аршакидов: после смерти Шапура I снова начались смуты и римляне вторглись в Месопотамию, достигнув Ктесифона. После смерти Шапура II междоусобицы вспыхнули вновь; в течение 20 лет три царя погибли в результате заговоров «великих»¹²³. Йездигирд I (399–421) вступил в борьбу со знатью и был убит вместе со своим старшим сыном. При Бахrame V (421–438) и Йездигирде II (438–457) в действительности правили «великие» во главе с вазургом-фраматаром («великим правителем») Михр-Нарсе. В это время практиковались щедрые раздачи царских земель вазургам и азатам, причем отданные во владение земли освобождались от налогов. Могущество знати росло, а фонд «царских земель» постепенно сокращался¹²⁴. Об экономическом положении в этот период имеются лишь скудные

данные, но немногие имеющиеся свидетельства говорят о том, что оно было очень тяжелым. В правление Бахрама V недоимки по налогам составляли 70 млн драхм — огромную по тому времени сумму; сохранившиеся предания говорят о разорении и бегстве крестьян, о заброшенных деревнях. Крестьянские общины распадались, крестьянские земли продавались как частная собственность и обезземеливание приняло большие масштабы¹²⁵.

В это время Иран подвергся новому тяжелому испытанию, нашествию гуннов-эфталитов. Эфталиты (которые были конными лучниками) нанесли персидской армии ряд тяжелых поражений, вынудив царя Пероза согласиться на уплату регулярной дани. В конце царствования Пероза (459–484) начался страшный голод, продолжавшийся семь лет. Пероз и его преемник Валарш (484–488) открыли правительственные амбары и заставляли «великих» делиться с голодающими своими запасами. Это вызвало недовольство знати — Валарш был свергнут и ослеплен¹²⁶. Страна была охвачена голодными бунтами; народные массы возглавлял жрец Маздак, говоривший, что «бог дал людям их имущество, чтобы они разделяли его поровну». Шахиншах Кавад (488–531) прислушался к проповеди Маздака и сделал его своим советником. Толпы народа громили дастакарты знати и «отнимали жилища, женщин, имущество»¹²⁷. Знать ожесточенно сопротивлялась, в 496 году Кавад был свергнут с престола, но вскоре ему удалось вернуться к власти с помощью кочевников-эфталитов. После этого, по словам хроники, «Кавад исполнил свое желание и казнил знатных»¹²⁸. Многие знатные роды были истреблены почти целиком, могуществу знати был нанесен решительный удар¹²⁹.

Борьба маздакитов со знатью происходила в обстановке нового страшного голода, охватившего Двуречье и Западный Иран¹³⁰. О голоде в Северной Месопотамии подробно рассказывает сирийская хроника Иешу Стилита¹³¹. Бедствия начались в 499 году и продолжались шесть лет; цена зерна была в шесть раз выше обычной, вскоре началась чума, опустошившая города и деревни. «Опустели селения многие и деревушки остались без людей», — пишет хронист, сравнивая происходящее с концом света¹³².

«Конец света», о котором писал Иешу Стилит, означал демографическую катастрофу. О масштабах катастрофы говорит то обстоятельство, что к 510 году заработная плата поденщиков возросла в четыре раза, по-видимому, численность населения резко уменьшилась и наниматели не могли найти рабочих¹³³.

В политическом плане экосоциальный кризис завершился установлением этатистской монархии. Шахиншах Кавад расправился со знатью с помощью маздакитов, а затем подавил народное движение и казнил Маздака. Сын Кавада, Хосров I Ануширван (531–579), провел реформы, завершившие создание могущественной империи Сасанидов. Это было

сословное государство, где каждому сословию было отведено свое место. Военное сословие артештаран было сковано железной дисциплиной, рыцари-азаты регулярно вызывались на смотр, и, подавая пример, царь становился в первую шеренгу воинов, показывал свое снаряжение проводившему проверку полководцу. Специальные чиновники проверяли воинов по списку и выдавали жалованье; помимо жалованья воины получали право на сбор налогов с выделенных им селений (позднее такие пожалования назывались икта). Знать больше не наследовала высшие должности; всех чиновников назначал царь; писцы-дипиран составляли особое сословие, новую бюрократию, приводившую в исполнение волю монарха. Вместе с тем «благородные» воины занимали почетное положение в государстве. Хосров I собрал уцелевших членов знатных родов — это были в основном дети — и оказывал им поддержку; женил юношей, выдавал замуж девушек. Благородные артештаран не платили налогов, носили особую одежду, им было запрещено жениться на девушках из простолюдов, а простым людям запрещалось покупать земли «благородных». Простолюды не допускались к важным чиновничьим должностям, и крестьянин мог стать азатом только по особому повелению царя¹³⁴.

Простолюды, крестьяне, ремесленники, купцы, составляли податное сословие — ваштришан. Хосров I осуществил податную реформу по византийскому образцу, провел земельный кадастр и установил налоги в соответствии с количеством и качеством земли. Поземельный налог назывался хараг и составлял 1 дирхем в год с 1 гариба (0,16 га) хорошей пашни; подушный налог (гезит) для большинства населения составлял 4 дирхема в год. В целом это были низкие налоговые ставки: при арабах крестьяне платили в два или даже в четыре раза больше¹³⁵.

Простым людям была гарантирована защита от произвола воинов и знати. Хосров I Ануширван вошел в историческую традицию как идеальный правитель, лозунгом которого была справедливость. Автор знаменитой «Книги правления» великий визирь Низам ал-мульк приводит Хосрова I в пример всем государям мусульманского мира: «Я буду охранять от волков овец и ягнят, — сказал Ануширван. — Я укорочу загребистые руки и сотру с лица земли зачинщиков разрухи, я благоустрою мир правдой, справедливостью и спокойствием, ибо призван для этой задачи»¹³⁶. Сын Хосрова I, Хормизд IV (579–590), назначил специальных писцов, которые принимали жалобы крестьян. «Не было у царя Хормизда... других забот и желаний, кроме улучшения положения слабых и справедливого отношения к ним со стороны сильных, — писал хронист Динавари. — И уравнились в его царстве сильный и слабый»¹³⁷. Тем не менее налоги собирались с трудом, и это вынудило шаха уменьшить выдачи воинам на $\frac{1}{10}$. Уменьшение содержания и «уравнительная политика» вызвали недовольство знати и воинов: неповиновение шаху и заговоры были обычным

делом. Шах отвечал массовыми репрессиями, по данным источников, — очевидно, преувеличенным, — в правление Хормизда было казнено 13 тысяч человек¹³⁸. В конце концов, знаменитый полководец Бахрам Чубин возглавил военный мятеж; Хормизд был свергнут и убит. Сын Хормизда, Хосров II (590–628), разгромил мятежников и восстановил дисциплину в рядах военного сословия; чтобы обеспечить «благородных» воинов добычей, он начал войну с Византией; иранские войска завоевали Сирию и Египет и не раз доходили до Константинополя¹³⁹.

Победы персов были отчасти связаны с военными реформами, проведенными в VI веке. После поражений, понесенных от лучников-эфталитов, персы вернулись к стрелковой тактике. Персидские катафракты стали панцирными лучниками, такими же, как гунны, но с более совершенными и тяжелыми защитными доспехами. Непривычка к ближнему бою и общее ослабление воинских качеств в ходе халдуновского цикла в конечном счете привели к недостаточной стойкости персов в рукопашных схватках¹⁴⁰. Об отсутствии мужества и выносливости говорит то обстоятельство, что, когда Хосров II был свергнут, ему было предъявлено обвинение, что он слишком долго держал своих воинов вдали от их семей¹⁴¹.

Об экономическом развитии Ирана в VI веке имеются лишь немногочисленные сведения. Известно, что Хосров I основал пять городов и в 540 году вывел из Сирии 300 тысяч пленных, чтобы расселить их на землях Ирана, должно быть, в это время в стране еще были свободные земли¹⁴². В конце VI века положение, по-видимому, меняется; о росте населения говорит рост городов: Ктесифон имел площадь около 1000 акров и насчитывал, вероятно, до 200 тысяч жителей, Мерв был немногим меньше¹⁴³. Тустер, Ахваз, Рей, Нишапур превратились в значительные центры ремесла и торговли; иранские ремесленники славились своими тканями и изделиями из металлов. При Хосрове II велись масштабные ирригационные работы в низовьях Тигра¹⁴⁴.

Арабский хронист Табари приводит данные о подсчете доходов царской казны при Хосрове II в 608 году: только в деньгах казна получила в этот год налогов на 600 млн дирхемов¹⁴⁵. По массе серебра это составляет 432 млн франков, что соответствует доходам Франции в середине XVIII века. По имеющимся оценкам, население Ирана тех времен (25–30 млн) также соответствовало населению Франции¹⁴⁶. На всеобщем смотре, проведенном при Хормизде IV, присутствовали 70 тыс. рыцарей-азатов¹⁴⁷. Эти цифры говорят о мощи империи Сасанидов и высоком — для тех времен — уровне экономического развития.

Мощь империи проявилась в победах Хосрова II, когда иранские рыцари завоевали большую часть Византии и поставили державу цезарей перед угрозой гибели. Однако силы Ирана были перенапряжены, сбор-

щики налогов требовали у крестьян недоимки 20-летней давности и забирали их имущество. Крестьяне бежали из деревень; дамбы никто не ремонтировал. В 627 году произошла катастрофа: паводок прорвал плотины на Тигре и Евфрате, потоки воды затопили все Южное Двуречье. Погибли тысячи, а может быть, миллионы людей; под водой скрылись древние города и храмы. Шахиншах Хосров лично наблюдал за работами по восстановлению плотин, но воду остановить не удалось, тогда шах приказал казнить главных строителей. Это была одна из самых страшных экологических катастроф в истории человечества: родина цивилизации, Древний Шумер, была стерта с лица земли и с тех пор Южная Месопотамия превратилась в необитаемую страну болот. Как это обычно бывает после катастрофы, среди миллионов голодающих беженцев началась страшная чума, которая распространилась на окружающие области; во многих районах погибла половина населения¹⁴⁸. В этой обстановке в Месопотамию из Закавказья внезапно вторглась византийская армия императора Ираклия; основные силы царских войск были на западе, и византийцы овладели резиденцией шаха в Дастакарте. Хосров бежал в Ктесифон, и, как бывало и раньше, обвинил в поражении своих полководцев. Старая вражда между шахом и знатью привела к новому военному мятежу, Хосров был свергнут и убит, началась кровавая смута — за восемь лет в Иране сменилось восемь царей и цариц. В этот самый момент, в 633 году, в Иран вторглись арабы. После нескольких сражений персы встретились с мусульманами в решающей битве при Кадисии, 2 декабря 636 года. Четырехдневное сражение закончилось разгромом персидской армии, царство Сасанидов пало, Иран был завоеван арабами.

Арабское завоевание принесло с собой новые разрушения: Ктесифон был сожжен, многие города и села обратились в развалины. О масштабах катастрофы говорит сокращение сбора подати: Йакуби свидетельствует, что после завоевания сбор налогов с Месопотамии упал со 120 до 80 млн дирхемов; по другим данным, он уменьшился с 214 до 120 млн¹⁴⁹. Как отмечалось выше, тяжесть поземельного налога при арабах значительно возросла, поэтому полуторное падение общих сборов говорит о сокращении численности населения по крайней мере в два раза.

* * *

Возвращаясь к анализу исторического процесса в контексте трехфакторной теории, необходимо отметить, что воцарение новой династии и прекращение римских нашествий положило начало новому демографическому циклу — первому циклу эпохи Сасанидов. В *период восстановления* в III веке основываются новые города, строятся каналы, персидские цари пригоняют из походов сотни тысяч пленных и расселяют их на опустошенных землях Двуречья. Однако недостаток сведений не позво-

ляет судить о социально-экономической обстановке IV века; в частности, не ясно, почему период восстановления продолжался так долго. Возможно, новое сжатие было отсрочено интенсивным ирригационным строительством и распространением культуры заливного риса. В конце IV века, по-видимому, началось сжатие: появляются сообщения о разорении и бегстве крестьян. В 480-х годах разразился *экосоциальный кризис*: 7-летний голод, народные восстания, эпидемия чумы, гибель больших масс населения, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, социальные реформы, если не сказать революция.

Кризис привел к *установлению этатистской монархии*: вновь, после столетий господства феодальной знати, мы видим могущественную самодержавную монархию, стремящуюся установить справедливые отношения между сословиями (трансформация А_сВ).

В начале VI века начинается новый демографический цикл — второй цикл эпохи Сасанидов. Для *периода восстановления* характерны дороговизна рабочей силы, строительство городов и массовые переселения пленных из Сирии и Малой Азии. В конце VI века началось сжатие: быстрый рост городов, ремесел, торговли, обострение борьбы за ресурсы между государством и элитой, попытки расширить территорию путем завоеваний — и в то же время трудности со сбором налогов как результат обеднения крестьянства. В начале VII века сжатие было усилено долгой войной с Византией; перераспределение ресурсов на военные цели привело к *структурному кризису*, к резкому росту налогов, к бегству крестьян, и, в конце концов, к разрушению дамб, к голоду и эпидемиям. В условиях сжатия структурный кризис быстро перерос в *экосоциальный кризис*, мятежи военной элиты резко подорвали обороноспособность государства и сделали его добычей новых завоевателей (трансформация ВС^с).

* * *

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить, что в эпоху между походами Александра Македонского и мусульманскими завоеваниями Восток был разделен на два историко-культурных региона, граница между которыми проходила сначала по Сырдарье, а потом по Евфрату. Западнее границы располагались эллинизированные области, где господствовали опиравшиеся на тяжелую пехоту греки и римляне. Восточнее границы располагался обширный регион, в котором главным оружием был большой лук, созданный гуннами. С помощью этого лука кочевникам-парфянам удалось отнять у греков и македонян земли Ирана, и они создали на этих территориях новую ксенократическую монархию. Это было первое государство, созданное завоевавшими земледельческие области кочевниками, поэтому оно находилось под значительным влиянием ко-

чевых традиций; высшее сословие у парфян составляли воины-всадники. Вместе с тем отмечается упадок городских традиций; храмовые общины, так долго составлявшие один из основных элементов общественной структуры Месопотамии, теперь прекратили существование. Резко выраженный сословный строй сохранялся в Иране шесть столетий, и только в конце V века произошла социальная революция, уравновесившая положение сословий под властью эатистской монархии.

В отличие от Ирана Китай оставался чисто земледельческой цивилизацией, которая тем не менее смогла перенять оружие кочевников и отбросить их от своих границ. Это удалось сделать благодаря мобилизации сил под руководством эатистской монархии, которая, таким образом, стала альтернативой сословному феодальному обществу наподобие парфянского. Но китайская эатистская монархия была неустойчивой по отношению к процессам сжатия: она разлагалась и превращалась в частнособственническую монархию. Экосоциальный кризис обновлял монархию, но затем сжатие снова порождало процесс эрозии.

Необходимо отметить то важное обстоятельство, что началом кризиса II века н. э. послужила эпидемия чумы, одновременная большой пандемии, охватившей в это время Ближний Восток и Средиземноморье. Известно, что эпидемии поражают прежде всего перенаселенные регионы, где миллионы людей ослаблены недоеданием, а огромные массы бедняков скапливаются в городах (отличающихся своими антисанитарными условиями)¹⁵⁰. Как отмечалось выше, глобальная эпидемия вызывает *структурный кризис*, но если у населения есть значительные запасы хлеба, то кризис преодолим. Однако если общество находится в фазе сжатия, если нет никаких запасов, то большая эпидемия порождает экосоциальный кризис и заканчивается демографической катастрофой. Во II веке н. э. весь регион древних цивилизаций находился в состоянии сжатия, и пандемия чумы повсюду вызвала экосоциальные кризисы — за исключением Месопотамии, откуда она пришла и где кризис начался раньше. Демографические циклы, оборванные эпидемией, начались в разное время, и сжатие имело в разных странах разную интенсивность, тем не менее кризис разразился повсюду практически одновременно, грандиозная эпидемия синхронизировала кризисы на обширной территории от Атлантического до Тихого океана.

Глава 8. Эпоха Халифата

8.1. Ислам как новое оружие

Теория Ибн Халдуна утверждает, что государства, основанные завоевателями, развиваются по одному и тому же циклу: через несколько поколений после завоевания привыкшие к роскоши победители теряют свои воинские качества, свою сплоченность (асабию) и на смену им приходят новые завоеватели. Демографически-структурная теория добавляет, что халдуновский цикл обычно совпадает с демографическим циклом: перенаселение порождает социальный кризис, и кочевники, постоянно готовые к нападению, пользуются случаем для вторжения в охваченную смуту страну.

Как отмечалось в первой главе нашей работы, общество кочевников формируется в результате адаптации человека к природно-климатическим условиям степей и пустынь. В социальной сфере следствиями этой адаптации являются родовой коллективизм, относительное равенство, выдвижение по заслугам и обычаи военной демократии. В результате сурового естественного отбора общество кочевников формируется как военное общество, оно постоянно нацелено на войну и завоевания.

Подобно другим кочевым племенам, бедуинские племена Аравии находились в состоянии постоянной междоусобной войн (газв)¹. «Бедуины — это те, кто ограничен в своих жизненных условиях только необходимым... — писал Ибн Халдун. — Мужество стало для них свойством характера, а смелость — природным качеством»². Ибн Халдун говорит, что братство, родовая взаимопомощь и солидарность (асабия) являются теми главными принципами, которые скрепляют кочевое общество, обеспечивают его выживание в вечной борьбе³. Естественно, что эти главные принципы легли в основу религии кочевников, ислама; Мухаммед постоянно повторял, что «все верующие — братья», и призывал мусульман следовать обычаям взаимопомощи⁴. Накопление богатств и ростовщичество осуждались пророком как несовместимые с коллективизмом:

Горе всякому хулителю, поносителю,
Который собрал богатство и приготовил его!
Полагает он, что богатство его увековечит.
Так нет же! Будет ввергнут он в «сокрушилище»!⁵

Главная идея Мухаммеда заключалась в том, что он заменил родовое братство духовным; он провозгласил братство всех мусульман в рамках духовной общины, уммы⁶. Достаточно было произнести: «Нет бога, кро-

ме Аллаха, а Мухаммед — пророк его!» — и любой, араб или иноплеменник, даже бывший враг, становился братом, а раб получал свободу⁷. «А если они обратились и выполнили молитву и дали очищение, то они — братья ваши...» — говорил пророк⁸. Принцип взаимопомощи мусульман нашел свое выражение во введении налога-«милостыни», садаки. Это был единственный налог, который платили мусульмане, он составлял «десятину» дохода и предназначался для поддержания бедняков, больных, вдов, сирот. Принципы социальной справедливости, коллективизма и ограничения частной собственности роднили ислам с социалистическими учениями, и, в частности, Г.А. Насер неоднократно говорил о социалистическом характере ислама⁹.

Другим основным принципом ислама, вытекавшим из традиций кочевого общества, была «священная война», джихад. Как признают многие исследователи ислама, мусульманские завоевания были обусловлены перенаселением Аравийской степи, высоким демографическим давлением¹⁰. В начальный период войн мусульмане уступали в численности своим противникам, поэтому, чтобы поддержать дух своих сподвижников, пророк обещал рай тем, кто погибнет в войне за веру¹¹. Самопожертвование ради победы мусульманской общины (которая заступила место рода) было высшим проявлением асабии. «Жертвующие собой», фидаи, шли в первых рядах мусульман; идея самопожертвования стала *новым оружием*, обеспечившим победу во многих сражениях. «Я иду к тебе с людьми, которые так же любят смерть, как вы любите жизнь», — писал персидскому наместнику знаменитый полководец Халид ибн Валид¹².

Конечно, нужно учесть, что противники арабов, Иран и Византия, находились в состоянии жестокого экосоциального кризиса, что социальная сплоченность (асабия) римлян и персов уже давно находилась на низком уровне, но даже при учете этих факторов силы арабов были несопоставимы с силами двух великих держав. В великих битвах при Кадисии и Ярмуке арабы намного уступали персам и византийцам как в численности, так и в вооружении. В обоих случаях победа была одержана после нескольких суток боев, которые продолжались днем и ночью; военная история еще не знала таких сражений. Главную боевую силу византийцев и персов составляли одетые в доспехи конные лучники, а пехота была настолько ненадежна, что шеренги пехотинцев во избежание бегства связывали цепями. Ночные бои и песчаные бури (которые арабы расценивали как помощь Аллаха) затрудняли применение луков, а к рукопашному бою конные лучники не были готовы. Характерно, что одушевленные верой мусульмане выигрывали все поединки перед началом сражений. В конечном счете противник был вынужден признать превосходство арабов в мужестве и выносливости; он не выдержал отчаянных атак «жертвующих собой» и обратился в бегство¹³.

Таким образом, мы должны признать, что социальная идея в некоторых случаях может иметь эффект *фундаментального открытия*, она может дать ее носителям решающее преимущество в военных столкновениях, и — так же как новое оружие — породить волну завоеваний. «Мусульманские победы основывались только на новой социальной дисциплине и религии, но не на оружии, — писал У. Макнилл. — Более явно, чем любое другое событие в мировой истории, *возвышение ислама показало, что идеи тоже имеют значение в человеческих делах* и могут иногда выступать решительным образом в балансе сил»¹⁴.

Впрочем, после первых побед положение существенно изменилось: военные трофеи позволили арабам перевооружить свое войско по византийско-персидскому образцу, у бедуинов появились хорошие кони и доспехи, они стали использовать сасанидские луки¹⁵. Арабское войско утратило характер племенного ополчения и было разделено на тактические единицы; в военно-техническом отношении оно уже не уступало своим противникам.

Таким образом, объединение кочевников под знаменем ислама вызвало волну арабского нашествия, охватившего весь Ближний Восток. В 636–650 годах арабы овладели Палестиной, Сирией, Египтом, Ираком и Ираном — началась эпоха Арабского халифата.

8.2. Период халифата Омейядов

Арабское нашествие началось в момент охватившего Византию и Иран экосоциального кризиса: к этому времени 26-летняя война между великими державами опустошила весь Ближний Восток. Нашествие завершило это опустошение. Ктесифон был разрушен; военное разорение привело к страшному голоду и чуме 639 года. Арабская армия, стоявшая в Палестине, потеряла от чумы 25 тысяч человек¹⁶, по-видимому, около половины своего состава. Хронист Абу Юсуф писал, что после арабского завоевания стало так много заброшенных земель, что их вряд ли удастся обработать в будущем¹⁷.

О масштабах произошедшей катастрофы свидетельствуют данные о поступлении налогов с Месопотамии: несмотря на то что при арабах ставки налогов возросли, по крайней мере, вдвое, сбор налогов уменьшился в полтора раза — с 120 до 80 млн дирхемов¹⁸. Такое падение объема собираемых налогов свидетельствует об уменьшении численности населения в 2–3 раза. Имеются также данные о кадастре, проведенном арабами в 642 году. Согласно этому кадастру в Центральном Ираке имелось 3,2–3,8 млн га пашни и 0,5–0,6 млн крестьян, платящих подушную подать (взрослых мужчин)¹⁹. При средней численности семьи в 5 человек общую численность населения можно оценить в 2,5–3 млн; при этом де-

мографическая нагрузка на гектар пашни составит максимально 0,94 человек/га. Средняя урожайность в Ираке при использовании традиционных методов хозяйства составляет 13 ц/га пшеницы или 20 ц/га ячменя²⁰. Таким образом, при двупольной системе²¹ на человека приходилось около 600 кг пшеницы или 1200 кг ячменя в год — весьма высокая норма потребления. Для сравнения: в 1949 году посевные площади составляли 2,6 млн га, а население — 5 млн человек²²; таким образом, демографическая нагрузка составляла 1,92 человек/га, то есть была вдвое больше. При этом нужно отметить, что в середине XX века Ирак полностью обеспечивал себя продовольствием, а урожайность по сравнению с VII веком значительно уменьшилась²³.

Одним из препятствий к возрождению земледелия было то обстоятельство, что переселившиеся из Аравии племена бедуинов на новых местах продолжали вести кочевое хозяйство. Это приводило к стравливанию посевов и конфликтам с местными жителями²⁴.

О ценах на зерно в этот период известно, что расчет налоговых ставок производился из цены 1 кафиза (13 кг) в 1 дирхем²⁵, что соответствует 0,75 динара за 1 ц. Как мы увидим далее, по сравнению с последующим периодом это была низкая цена.

Завоевание привело к значительным социальным переменам, прежде всего в отношениях собственности. Крупные византийские землевладельцы и иранские дехканы (за исключением немногих) лишились своих прав на землю. Согласно мусульманскому праву все завоеванные земли становились коллективной собственностью мусульман, то есть *государственной собственностью*; эти земли давались крестьянам в пользование под условием уплаты поземельного налога, хараджа²⁶. Харадж с земли высшего качества составлял 2 кафиза зерна и 2 дирхема с 1 джероба (0,16 га) земли. По расчетам специалистов, харадж составлял примерно $\frac{2}{5}$ урожая²⁷. Кроме того, существовал подушный налог, джизья — с простолюдинов брали 1 динар в год, с зажиточных людей — до 4 динаров. В целом налоги были примерно вдвое выше, чем до завоевания; они отнимали практически весь прибавочный продукт крестьян. Политика угнетения неверных нашла свое выражение в словах халифа Омара: «Мусульмане едят их, пока они живы; когда мы и они умрем, наши дети будут есть их детей, пока они живы»²⁸. Следует особо отметить, что при столь высоком уровне налогообложения частная собственность теряет смысл и сдача земли в аренду не дает прибыли. Действительно, при наделении знати поместьями власти уменьшали налоги с пожалованных земель²⁹.

Арабы были несведущи в бухгалтерии, поэтому в течение полувека после завоевания налоговые ведомости велись на местных языках и сбор налогов осуществлялся местными чиновниками. В Персии налоги собирали местные дехканы, и хотя они в большинстве случаев утратили права

на землю, это позволяло им получать доходы за счет завышения налоговых ставок. Таким образом, персидская знать до какой-то степени сохранила свое положение, хотя, ввиду тяжести арабских податей, дехкане не могли брать с крестьян, как в прежние времена. В некоторых случаях, по преимуществу на окраинах Халифата, дехкане сохранили свои владения в качестве «мульков», они владели этими землями как собственностью, уплачивая за них определенные договором налоги³⁰.

В отличие от парфян или персов арабы отказались от раздела завоеванных земель на владения знати или поместья воинов; исключения делались лишь для немногочисленных знатных лиц. Все завоеванные земли считались общим владением мусульман, которые жили в основанных ими огромных военных лагерях. Эти палаточные лагеря — Фустат, Куфа, Басра и другие — были окружены земляным валом и делились на кварталы, принадлежавшие родам и племенам; в центре располагалась большая площадь для собраний и общих молений; позже она была обведена галереей и превратилась в мечеть. Лагерь в Куфе населяли 40 тысяч воинов с семьями и рабами; четверть из них ежегодно отправлялась на войну с неверными³¹. Все воины были переписаны в реестрах-диванах и получали жалованье из казны; жалованье рядового воина составляло 4–8 динаров в год и было в 3–6 раз больше оплаты византийского воина. Кроме того, воины получали $\frac{4}{5}$ военной добычи. Е. Аштор отмечает, что «мусульманское правление с самого начала было правлением военной аристократии»³².

Как это обычно бывает, завоевание страны кочевниками привело к созданию сословного общества, в котором завоеватели составили сословие воинов, а побежденные — податное сословие. Правда, в отличие от других завоевателей, мусульмане принимали побежденных в свою среду — в том случае, если побежденные принимали ислам. Однако обращение в ислам означало, что новообращенный должен вступить в одно из арабских племен, жить вместе со своими новыми соплеменниками и вместе с ними участвовать в «священной войне». Новообращенные считались «клиентами» (мавали) принявшего их племени, они занимали приниженное положение, им не платили жалованье, как арабам, они не могли жениться на арабских женщинах и стояли в мечетях позади арабов. Поэтому лишь немногие из побежденных приняли ислам в первые десятилетия после завоевания, большинство предпочло сохранить привычный образ жизни и платить подати в качестве «покровительствуемых» (зиммиев)³³.

Социальная история раннего Халифата была историей *социального синтеза*, историей борьбы арабских, персидских и византийских традиций. Е. Аштор называет этот процесс *симбиозом* и отмечает, что симбиоз особенно ярко проявился в развитии мусульманского законодательства,

которое адаптировало как византийскую, так и персидскую судебную практику³⁴. Как обычно, в процессе синтеза завоеватели перенимали навыки бюрократического управления и элементы автократии, для управления покоренным населением использовались местные чиновники и по возможности соблюдались местные традиции. Высшие должности аппарата управления замещались, естественно, арабами; перенимая местные обычаи, арабские наместники вместе с тем перенимали привычку к роскоши и стремление к обогащению³⁵. Уже вскоре после завоевания это привело к дифференциации внутри мусульманской общины, к появлению неравноправия и неравенства. Если второй халиф правоверных, Омар (634–644), еще придерживался традиционного аскетизма и иногда спал прямо на ступенях мечети, то третий халиф, Осман, раздавал своей родне земли и драгоценности; его наместники присваивали налоговые поступления. Это вызывало возмущение в общине. «Мы участвуем в одних и тех же походах, почему же те живут в изобилии, а мы остаемся в нищете?» — говорил один арабский поэт³⁶. Перенимание чуждых арабам традиций в процессе социального синтеза привело к *традиционалистской реакции*. В 656 году Осман был убит возмущенными паломниками; халифом был избран зять пророка, Али (656–661). Али попытался отстранить коррумпированных наместников; один из них, Муавия, поднял мятеж в Сирии. Началась гражданская война, которая закончилась поражением сторонников уравнительного ислама. Потерпев поражение, они откололись от основной массы мусульман (суннитов) и образовали две партии: радикальную партию хариджитов и более умеренную и многочисленную партию шиитов. Звание главы шиитов, имама, было наследственным в роду Али и дочери пророка Фатимы. После неудачных восстаний имамы были вынуждены скрываться от врагов, их имена хранились в тайне и их называли «скрытыми имамами»³⁷.

Одержав победу над традиционалистами, Муавия стал халифом и основал династию Омейядов. Омейяды продолжали политику перенимания византийских и персидских традиций; это сказалось прежде всего в становлении автократических порядков и утверждении наследственной власти халифов. «Был Му’авийа первым в исламе, кто завел стражу и полицию... — свидетельствует хронист Йакуби, — и стал использовать в качестве секретарей христиан, и перед ним шли с копьями. Он стал... сидеть на троне, а люди — ниже него... И говорил Му’авийа: “Я — первый из царей”»³⁸.

Было налажено централизованное и единообразное управление, в канцеляриях стал употребляться арабский язык, была введена единая монета (золотой динар весом 4,25 г и серебряный дирхем в 2,97 г). С другой стороны, продолжало сказываться влияние кочевых традиций; оно проявлялось не только в пропаганде шиитов, но и в сохранении племенной

структуры арабских ополчений, в частых столкновениях между племенами³⁹. Хотя Муавия добился значительных успехов в утверждении своей автократии, он не смог ввести определенный порядок престолонаследия; отсутствие этого порядка оставалось слабым местом Омейядов вплоть до их падения. После смерти Муавии, в 680 году, шииты и хариджиты подняли новое большое восстание, к ним присоединились мавали, требовавшие уравнивания своего положения с положением арабов. Ситуация осложнялась враждой северных и южных арабских племен (кайситов и кельбитов), которую лишь на время удалось погасить при утверждении ислама. Восстания и межплеменные распри переросли в гражданскую войну, которая продолжалась десять лет. В конечном счете Омейяды одержали победу и с помощью репрессий упрочили свою власть, но эти распри нанесли серьезный удар по социальной сплоченности (асабии) арабов, и со временем привели к утрате тех качеств, благодаря которым они завоевали Ближний Восток⁴⁰.

С воцарением Муавии и наступлением мира началось восстановление экономики. «Когда воцарился халиф Муавия, во всем мире настало процветание, какого никогда не было...» — свидетельствует сириец Бар Пенкайа⁴¹. Специалисты пишут о восстановлении разрушенного войнами хозяйства, о расширении посевных площадей⁴². Халиф Язид I (680–683) уделял так много внимания восстановлению ирригационных систем, что его прозвали «водным инженером»⁴³. Отражением роста населения служит рост сбора налогов с Ирака: при Омаре (634–644) сбор составлял 80 млн дирхемов, при Муавии (661–680) — 100 млн, при наместнике Хаджаджде (694–714) — 135 млн⁴⁴. Однако в конце VII века появляются признаки аграрного кризиса: в 688 и 695 годах сирийские хроники упоминают неурожай и голод⁴⁵. Размер установленных завоевателями налогов был таков, что дробление надела между наследниками делало почти невозможной их выплату. В Ираке разорявшиеся крестьяне не могли платить налоги; несмотря на законодательные запреты, они продавали свою землю и бежали в города. Так же, как Осман, Муавия жаловал арабской знати поместья, таким образом, помимо государственных земель (фай), в Халифате существовали и частные земли (мульк). Мусульмане, покупавшие землю разоренных крестьян, платили с нее лишь десятину урожая, поэтому частная собственность для них имела смысл. Чтобы пресечь бегство крестьян, иракский наместник Хаджадж ставил на дорогах сторожевые отряды; крестьян возвращали в их деревни. В города не пускали и тех, кто принял ислам и хотел бы (как полагалось ранее) присоединиться к арабам; новообращенные-крестьяне отныне должны были оставаться крестьянами⁴⁶. Чтобы предотвратить разорение сельских жителей, им запрещали продавать своих буйволов. Халиф Омар II в 719 году подтвердил запрет продажи крестьянских земель, но ввиду отсутствия

контроля через несколько лет они вновь стали продаваться — земли ску- пала знать, обладавшая налоговыми привилегиями⁴⁷. Хадждадж принимал энергичные меры, чтобы обеспечить крестьян землей; он мобилизовал население на строительство дамб и каналов. Наместник купил у купцов из Басры тысячи черных рабов-зинджей и направил их на расчистку солончаков. Халиф Хишам (724–743) также уделял очень большое внимание ирригации⁴⁸.

Тем не менее уход крестьян в города продолжался; Куфа, Басра, Васит быстро увеличивались в размерах. Городские ремесла давали ра- боту части беглецов из деревень, и, кроме того, арабские воины содержа- ли множество слуг. Города арабов к этому времени уже перестали быть военными лагерями; палатки заменили добротные дома⁴⁹. Численность арабского военного сословия быстро росла; в правление Муавии только в Басре число воинов, получавших регулярное жалование, возросло с 40 до 80 тыс., а число их сыновей — с 80 до 120 тыс. На содержание арабского воинства уходили практически все налоги, и его быстрый рост был при- чиной нарастающего финансового кризиса⁵⁰.

В конце VII — начале VIII века были приняты меры, чтобы увеличить сбор налогов, был проведен новый кадастр, налоговые ведомости были переведены на арабский язык, и их составление строго контролировалось. Отныне крестьяне платили налоги без посредников: после уплаты им вешали на шею в качестве квитанции бирку-«печать». Земля, покупаемая мусульманами, больше не освобождалась от основного налога, хараджа; не освобождало от хараджа и обращение в ислам. Была резко увеличена джизья, платимая христианами; позже, при Иазиде II (720–724), стали взимать налог с монастырей и церквей⁵¹.

В правление Хишама положение продолжало ухудшаться, тюрьмы были переполнены неплательщиками налогов⁵². Немногие данные, имею- щиеся от конца правления халифа Хишама, говорят о резком росте цен на зерно, в 738 году цена достигала 3,42 динара за центнер, в пять раз больше, чем в начале правления Омейядов. В год смерти Хишама разра- зился страшный голод, сопровождаемый чумой⁵³. В казне не было денег, и правительство сократило жалование войскам. В условиях финансового кризиса и оскудения военной элиты началась ее быстрая фрагментация, арабские племена (кайситы и кельбиты) возобновили свои распри и выд- винули трех претендентов на трон халифа. Эти распри продолжались и после утверждения на престоле ставленника кайситов Мервана II (744– 750), причем одна из оппозиционных группировок, шииты, обратилась за поддержкой к народу — к персидскому населению Ирана. Шиитские аги- таторы призывали крестьян к восстанию, обещая им снижение податей; заодно с ними действовали сторонники Аббасидов — потомков дяди Мухаммеда, Аббаса. В 747 году аббасидский эмиссар Абу Муслим поднял

на восстание крестьян Хорасана. Среди повстанцев было много маздакитов — старинные коммунистические идеи Маздака оставались знаменем угнетенных крестьян⁵⁴. В восстании участвовали и персидские дехкане, потерявшие при арабах свои земли. Враждовавшие между собой арабы не смогли подавить восстание; более того, часть из них (шииты и кельбиты) примкнула к восставшим. Власти напрасно призывали к национальному чувству арабов, указывая, что за спиной Аббасидов стоят персы. Кровопролитная борьба продолжалась три года; войска халифа были разбиты в нескольких сражениях; в 750 году Мерван II бежал в Египет и был там убит⁵⁵. Ожесточение восставших было таково, что, по сведениям арабских источников, они уничтожили 500 тысяч клиентов и сторонников Омейядов. Земли омейядской знати были конфискованы⁵⁶.

О масштабах разразившейся катастрофы говорят цифры: уровень цен на зерно 743–751 годах составлял около 6 динаров за центнер. После окончания кризиса цены упали до 0,1–0,2 динара за центнер⁵⁷. Сбор налогов с Ирака в 40-х годах упал до 60 млн дирхемов, то есть был вдвое ниже, чем в начале VII века⁵⁸. Эти данные позволяют сделать вывод о гибели значительной части населения.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Халифата в эпоху Омейядов, необходимо отметить, что арабское завоевание привело к созданию сословного государства, в котором мусульмане были военным сословием, а покоренное население — податным сословием. Уровень эксплуатации при этом был значительно выше, чем в предшествующую эпоху. Специфика арабского завоевания заключалась в том, что мусульмане отказались от раздела завоеванных земель на феодалы; основная часть земли стала государственной собственностью, и воины получали жалованье за счет собираемых государством налогов. Таким образом, необходимо констатировать, что, вопреки теории Л. Уайт, арабские всадники-рыцари (в отличие от персов) не имели поместий, а получали жалованье из казны. При этом нельзя сказать, что причиной отсутствия системы поместий была централизация управления и новые финансовые возможности бюрократии, как это было в Китае. В данном случае причина была идеологической и заключалась в коллективистском характере мусульманской религии.

Уровень установленных завоевателями налогов был таков, что у крестьян отнимался весь прибавочный продукт; частная собственность на землях, обложенных такими налогами, практически теряла смысл. Таким образом, завоевание привело к установлению системы государственной экономики. После завоевания начался обычный процесс *социального синтеза*, когда кочевники перенимали порядки завоеванных культурных

государств — систему управления и в том числе авторитарную власть монархов. Это перенимание вызвало *традиционалистскую реакцию* среди сторонников исламских (кочевых в своей основе) традиций. Столкновение привело к двум гражданским войнам и к поражению традиционалистов; в конечном счете результатом социального синтеза явилось формирование мощной сословной монархии с государственной экономикой.

После установления мира и воцарения Муавии начался *период восстаний*. Для этого периода характерны относительно высокий уровень потребления основной массы населения, низкий уровень демографического давления на землю, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб. С конца VII века появляются признаки наступающего сжатия: отсутствие доступных крестьянам свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, высокий уровень земельной ренты, частые голодные годы, частые эпидемии, разорение крестьян-собственников, рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества, распространение аренды, рост крупного землевладения, уход части разоренных крестьян в города, попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей, быстрый рост городов, развитие ремесел и торговли, попытки увеличения продуктивности земель путем ирригации, попытки расширить территорию путем завоеваний, непропорциональный (относительно численности населения) рост численности элиты, рост конкуренции за статусные позиции в среде элиты, фрагментация элиты, ослабление официальной идеологии и распространение диссидентских течений, обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом, попытки оппозиционных государствам фракций элиты поднять народ на восстание или их присоединение к народным восстаниям, финансовый кризис государства.

Быстрое наступление сжатия объясняется тем обстоятельством, что высокие налоги сокращали экологическую нишу этноса (чрезмерные подати можно рассматривать как искусственное сокращение урожайности). Налоги отнимали у крестьян почти весь прибавочный продукт, в этих условиях дробление хозяйства между наследниками сразу же приводило к невозможности уплаты налогов. С другой стороны, на примере халифата Омейядов можно наблюдать структурный характер кризиса: непропорциональный рост элиты (арабского военного сословия), ее фрагментацию, попытки оппозиционных фракций поднять на борьбу простой народ. Существенную роль сыграла также *традиционалистская реакция* со стороны персов, которая маскировалась внешними формами шиизма.

В конечном счете, сжатие окончилось *экосоциальным кризисом* 740-х годов. Мы наблюдаем голод, эпидемии, восстания и гражданские

войны, гибель больших масс населения, высокие цены на хлеб, гибель значительного числа крупных собственников.

Е. Аштор, исследовавший динамику цен в VII–XII веках, полагал, что со времен арабского завоевания вплоть до середины X века имела место повышательная «вековая тенденция»; в это время численность населения росла и это влекло за собой рост цен. Е. Аштор считал, что рост был медленным, и рассматривал средние цены за целые столетия, хотя и оговаривался, что нахождение средних цен для таких больших промежутков «может показаться странным»⁵⁹. Действительно, при столь больших промежутках выборка цен, очевидно, уже не является *нормальной совокупностью* и, с точки зрения математической статистики, понятие среднего, дисперсии и доверительного интервала просто теряет смысл. Однако в исторических источниках часто содержатся указания на «нормальную», то есть среднюю, цену для более коротких периодов, и мы видим, что эта «нормальная» цена иногда резко менялась. Почти все известные цены для VIII–XIII веков собраны в таблице О.Г. Большакова и представлены на сопровождающем таблицу графике⁶⁰, однако большинство этих цен относится к годам неурожая и голода и не отражает реальной ценовой ситуации. Мы выбрали из этой таблицы цены, которые источники характеризуют как «нормальные», а также вывели средние цены для некоторых периодов. Цены приводятся в динарах за 100 кг пшеницы. В комментарии указаны номера цен в таблице О.Г. Большакова. Если цена превышает 5 динаров, то в таблице указано просто «голод».

Таблица 6

Цены в Ираке VIII–X веков

	Период	Цена	Комментарий
1	743–751	голод	№ 3, 4
2	768	0,2	среднее № 6–8
3	790–813	0,93	среднее № 10–12
4	820	1,33	№ 14 официальная расценка
5	822–823	голод	№ 15, 16
6	866	0,58	№ 17 «нормальная» цена
7	ок. 900	1,25	среднее № 21, 22
8	920	1,6	среднее № 23–25
9	941–46	голод	№ 28–35

Таблица 6 и график на рис. 9 показывают, что было бы неверно рассматривать период VII–X веков как период медленного повышения цен, эпоху «повышательной» вековой тенденции. В действительности этот период распадается на три демографических цикла. О циклах 760–830-х и 840–940-х годов речь пойдет в следующих параграфах. В цикле 650–750-х годов мы сталкиваемся с проблемой недостаточности

данных о ценах, однако этот пробел восполняется данными о наличии других характерных признаков демографического цикла.

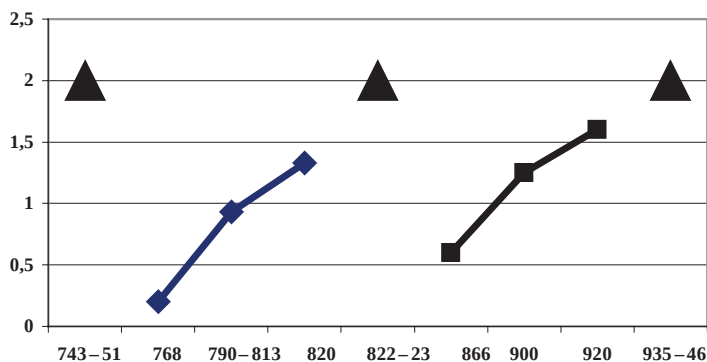

Рис. 9. Цены в Ираке VIII–X веков. Черные треугольники отмечают периоды голода и экосоциальных кризисов

8.3. Первый цикл эпохи Аббасидов

После свержения Омейядов в 750 году власть перешла к новой династии Аббасидов. Аббасиды не сдержали своих обещаний и не снизили налогов; защищавший интересы простого народа Абу Муслим был предательски убит во дворце халифа Мансура (754–775). Крестьяне Хорасана поднялись на восстание под лозунгом мести за Абу Муслима, но были разбиты. Новые восстания в 767 и 776–783 годах тоже были подавлены. Шииты, прежде действовавшие вместе с Аббасидами, перешли в оппозицию династии, но их выступление в 754 году также окончилось неудачей⁶¹.

Аббасиды все же сочли необходимым пойти на уступки и допустили к управлению представителей старой персидской знати. Иранские дехкане сравнивались своим положением с арабами и заняли важные должности при дворе. Соратник Абу Муслима, Халид ибн Бармак, стал первым советником халифа Мансура и фактическим руководителем правительства; его сын Яхья ибн Халид позднее стал визирем Харуна ар-Рашида; другие представители рода Бармекидов также занимали важные посты. Правление Бармекидов привело к дальнейшему перениманию сасанидских традиций в процессе *социального синтеза*: были созданы центральные ведомства — диваны, восстановлена должность визиря (вазурга), воссоздано почтовое управление, которое помимо своих основных функций служило «глазами и ушами» халифов. Войско было пополнено персидскими наемниками, хорасанцами. В то же время положение арабов стало менее привилегированным: оплата воинов сократилась с 10 до 6,5 динаров в месяц (впрочем, цены в этот период тоже уменьшились)⁶².

Ко времени прихода Аббасидов к власти в Ираке царила послевоенная разруха. Оросительные системы находились в состоянии упадка, многие дамбы на Тигре и Евфрате были разрушены, и попытки их восстановить имели лишь частичный успех⁶³. Новые халифы обращали больше внимания на строительство новой столицы Багдада: 100 тысяч мобилизованных крестьян возводили здесь великолепные дворцы и мечети⁶⁴. Экономическое положение в целом было благоприятным: годы после окончания гражданской войны отличались низкими ценами на хлеб, центнер пшеницы стоил около 0,2 динара⁶⁵. К началу IX века налоги, собираемые с Ирака, увеличились вдвое и достигли 133 млн дирхемов — того максимального уровня, который был достигнут до катастрофы. Общая сумма доходов превышала 400 млн дирхемов против 300 млн при Омейядах; это свидетельствует о значительном росте населения и посевных площадей. Время правления Харуна ар-Рашида (786–809) осталось в памяти потомков как «золотой век» Арабского халифата; поступления налогов в то время превышали расходы, и в казне скопилось 900 млн дирхемов звонкой монеты⁶⁶.

В то же время с начала IX века начинают проявляться черты назревающего аграрного кризиса. Цены на зерно возрастают до 1,1 динара за центнер; в деревне наблюдается излишек рабочих рук⁶⁷. Крестьяне страдают от малоземелья и вынуждены арендовать землю у крупных собственников за $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ урожая. В конце VIII века появляются сведения о разорении крестьянства и о распространении ростовщичества⁶⁸. Безземельные крестьяне уходят в города, где образуется слой люмпен-пролетариата, кормящегося случайными заработками, нищенством и грабежами — так называемые айяры. В 810-х годах в 800-тысячном Багдаде было уже 50 тысяч айяров, и они представляли собой силу, с которой приходилось считаться властям⁶⁹.

Ухудшение экономического положения сказалось на политической обстановке. Как отмечалось выше, Аббасиды обманули ожидания персидских крестьян, но пошли на уступки утратившей при Омейядах власть персидской элите. Однако в 803 году халиф Харун ар-Рашид отстранил от власти Бармекидов, что стало началом нового конфликта между арабами и персами. В 806 году вспыхнуло большое восстание на востоке Ирана. Харун ар-Рашид собрал войска и двинулся в Хорасан, но в дороге умер. Сыновья халифа, ал-Мамун и ал-Амин, вступили в борьбу за власть, причем Амин опирался на арабов, а Мамун — на персов и на шиитов. Войска Мамуна в 813 году после годичной осады овладели Багдадом, город был наполовину разрушен. Главным советником Мамуна был перс Фадл ибн Сахль; чтобы упрочить союз с шиитами, он уговорил халифа провозгласить своим наследником шиитского имама Али ар-Ризу. Это вызывало новую войну; арабская знать подняла мятеж в Багдаде. В ко-

нечном счете ал-Мамун отказался от союза с шиитами, приказал тайно отравить Али ар-Ризу и достиг примирения с иракскими арабами⁷⁰.

Междоусобная война выявила раскол в среде элиты и показала слабость власти; все недовольные поднялись на борьбу. В Азербайджане в 817 году началась грандиозная крестьянская война под предводительством Бабека. Шииты подняли восстание, охватившее Ирак, Хузистан, Аравию, Хорасан. Власти были вынуждены пойти на уступки, налоги в восточных областях Халифата были снижены на четверть, а в 819 году было объявлено о снижении на 20 % налогов в Ираке. Чтобы предотвратить распространение восстаний, управление Хорасаном было передано знаменитому полководцу персу Тахиру ибн Хусейну. Тахир с самого начала проводил самостоятельную политику, и его правление стало началом восстановления персидской монархии под формальным сюзеренитетом халифов⁷¹.

Войны и восстания приблизили надвигавшуюся экономическую катастрофу. В стране царили чума и голод; в 816–817 годах голод свирепствовал в Хорасане, в 823 году разразился большой голод в Ираке; цена пшеницы достигала 8 динаров за центнер⁷². В 829 году восстал Египет. На севере, в Азербайджане, продолжалось восстание Бабека. Крестьяне сражались под знаменем секты хуррамитов, которых прежде называли маздакитами; это были сторонники «всеобщего равенства» и обобществления имущества. Хуррамнты отождествляли халифат с непомерными налогами, которые мусульмане взвалили на плечи покоренных народов; они убивали всех мусульман. В 833 году восстание хуррамитов распространилось на области Исфакхана, Фарса, Кухистана; византийцы, поддерживая восставших, вторглись в Сирию. Кровавая война привела к опустошению многих областей; лишь среди мусульман число погибших оценивалось в полмиллиона⁷³. Восставшие одержали несколько побед над арабскими ополчениями и овладели Западным Ираном. Халиф Мамун был вынужден пойти на уступки низшим сословиям: в 830-х годах при Мамуне и его преемнике Мутасиме была проведена военная реформа⁷⁴.

До этой реформы войска халифата состояли из отрядов наемников и из ополчений военнообязанных мусульман (по большей части арабов), которые жили в городах-лагерях и получали регулярное жалованье. Арабы сохраняли привилегированное положение военного сословия, господствующего над покоренными зиммиями. Численность арабов быстро росла, и уплачиваемое им жалованье поглощало большую часть государственного дохода — именно это обстоятельство обуславливало высокие налоги и жестокую эксплуатацию крестьянских масс. С другой стороны, к IX веку палаточные лагеря арабов превратились в благоустроенные города; их жители привыкли к удобствам и роскоши. Оторванные от своих степей и пустынь, арабы больше не подвергались тому естест-

венному отбору, который когда-то превратил их в народ воинов, они утратили свои воинские качества и неохотно шли на войну. Арабы в значительной мере утратили и чувство родовой солидарности, асабии, которое прежде заставляло воинов жертвовать жизнью ради своих соплеменников. В книге ал-Джахиза, где собеседники обсуждают воинские качества различных народов, арабы могут похвалиться только своей знатностью, которую они отстаивают, сочиняя стихи⁷⁵. Как отмечал Ибн Хальдун, такая судьба была типичной для всех завоевателей-кочевников; примерно через три поколения они превращались в изнеженных и зараженных корыстью городских жителей, которые уже не могли противостоять новым захватчикам⁷⁶. Падение боеспособности арабского ополчения побудило халифа Мамуна провести военную реформу: халиф прекратил платить жалованье военнообязанным мусульманам и приступил к формированию наемной армии⁷⁷.

Военная реформа означала трансформацию структуры «государство–элита–народ»; арабы перестали быть привилегированным военным сословием, жившим за счет податей с покоренных зиммиев. Это в значительной степени смягчало существовавшие в обществе социальные конфликты, тем более что налоги стали существенно меньше, практика «печатания» прекратилась и крестьяне могли вздохнуть свободнее⁷⁸. Уравнение в положении сословий проявилось, в частности, в том, что оплата воинов-кавалеристов снизилась с 6,5 до 2 динаров в месяц⁷⁹. Новые правители, такие как наместник Хорасана Тахир ибн Хусейн, стремились поддерживать крестьянство и заботились о бедноте. Со своей стороны, крестьяне Хорасана демонстрировали свою лояльность к Тахиридам и не откликались на призывы Бабека⁸⁰. Таким образом, несмотря на конечное поражение, восстания низших сословий обусловили перелом в социальной политике Халифата; на короткое время власть перешла в руки «справедливых государей», опиравшихся на регулярную гвардию гулямов (трансформация СВ).

Но с другой стороны, восстания, гражданские войны, голод, эпидемии означали тяжелый кризис, который привел к разорению цветущих областей и к гибели больших масс населения. О сокращении населения свидетельствует уменьшение сбора налогов; за первую половину IX века общий сбор уменьшился с 404 до 293 млн дирхемов, а налоги с Ирака — с 133 до 78 млн дирхемов. Другим свидетельством катастрофы является падение цен на зерно: в 860-х годах цена центнера пшеницы составляла 0,6 динара — вдвое меньше, чем до кризиса.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Халифата в эпоху Аббасидов, необходимо отметить, что кризис середины VIII века

не привел к снижению уровня эксплуатации крестьянства. Старые порядки сохранили свою силу, Халифат по-прежнему оставался ярко выраженным сословным государством, в котором сословие воинов-мусульман эксплуатировало покоренных зиммиев через посредство жесткой системы государственных налогов. До конца VIII века продолжался *период восстановления*; для этого времени характерны рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб. Так же как в предыдущем цикле, высокий уровень налогообложения обусловил быстрое наступление жатия. В начале IX века отмечаются такие характерные признаки этой фазы, как сообщения о голоде, крестьянское малоземелье, разорение крестьян-собственников, рост помещичьего землевладения, уход разоренных крестьян в города, рост городов, развитие ремесел и торговли, высокие цены на хлеб, большое количество безработных и нищих. Так же как в предыдущем цикле, отмечается фрагментация элиты, и убоицы в среде элиты «открывают двери» для крестьянских восстаний. С другой стороны, обращают на себя внимание характерные черты халдуновского цикла: разрушение асабии и ослабление боевых качеств арабского военного сословия.

Первый аббасидский цикл оказался необычно коротким: раскол элиты и междоусобная война приблизили экосоциальный кризис. В 810–830-х годах мы видим голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, гибель больших масс населения, разрушение или запустение многих городов, высокие цены на хлеб, социальные реформы. В конечном счете народные восстания нанесли решающий удар сословной монархии, социальные реформы привели к облегчению положения народных масс; арабы утратили положение привилегированного сословия и положение различных слоев общества стало более равноправным (трансформация СВ). Вместе с тем кризис привел к распаду Халифата, в Иране и Египте утвердились практически самостоятельные династии наместников.

8.4. Египет в период Халифата

Перенесемся теперь на запад исламского мира — в Египет. Войны с персами и арабское завоевание означали для Египта демографическую катастрофу. В I веке н. э. население Египта составляло около 8 млн⁸¹, в середине VII века, по оценке Э. Аштора — 4–4,5 млн⁸², а по оценке А.В. Коротаева — только 2,5 млн⁸³. Наибольший ущерб понесли города; археологи свидетельствуют, что площадь Александрии уменьшилась в четыре раза, с 920 до 250 га; население, по оценке О.Г. Большакова, уменьшилось с 250 до 75 тыс. жителей⁸⁴. Уменьшение населения привело к падению цен на хлеб⁸⁵. Упадок экономики сказался на уменьшении на-

логовых сборов: поземельный налог (харадж), установленный наместником Египта Амром, составлял лишь 2 млн динаров; по сведениям арабских источников (возможно, преувеличенным), до завоевания византийцы собирали в десять раз больше⁸⁶.

Завоевание привело к значительным социальным переменам, прежде всего в отношениях собственности. Греческие земельные магнаты, владевшие огромными поместьями, были вынуждены бежать из страны; известно, что из Александрии уехало 30 тысяч богатейших аристократов⁸⁷. Крупное землевладение практически прекратило существование; земля стала собственностью мусульманской общины, то есть государства. Размер налогов остался прежним, и их собирали местные чиновники — кочевники-арабы не разбирались в канцелярском деле⁸⁸. В то же время завоеватели считали своим долгом поддерживать порядок и не допускать насилия над покоренным населением. Как свидетельствует Иоанн Никиусский, не скупившийся на описание бедствий завоевания, после окончания военных действий Амр установил образцовый порядок: «Он взимал налог, который был обусловлен, не брал ничего из имущества церквей, не чинил ни поборов, ни грабежей»⁸⁹. В правление Амра существенно расширились посевные площади; по заведенной традиции каждая провинция отвечала за состояние каналов и дамб на своей территории. Для восстановления оросительных систем в широких масштабах использовались принудительно мобилизованные крестьяне⁹⁰. В начале VIII века посевная площадь составляла около 3 млн федданов (как мы увидим в дальнейшем, это было значительно больше, чем в последующие эпохи⁹¹). В конце VII века оживляется хозяйственная жизнь Александрии, был восстановлен канал, соединявший город с Нилом, строились морские верфи⁹². Сохранившиеся от начала VIII века сведения о ценах и заработной плате свидетельствуют о том, что положение трудящихся масс было весьма благоприятным: цена 1 ц пшеницы составляла примерно 0,3 динара, а месячная оплата чернорабочего — 0,6 динара⁹³, на дневной заработок можно было купить 7,7 кг пшеницы.

Как отмечают специалисты, налоги, установленные Амром в Египте, были значительно более легкими, чем налоги в Ираке⁹⁴. Общая сумма налогов в течение 80 лет после завоевания оставалась практически неизменной; в условиях роста населения это означало снижение налоговой нагрузки. Между тем, в процессе *социального синтеза* арабы постепенно осваивали бюрократические методы управления. В 696–697 годах началась чеканка мусульманской монеты, затем последовал перевод налоговых списков на арабский язык. Рост арабского военного сословия требовал увеличения налогов. В начале VIII века стали брать налоги с монахов и церковных земель. В 726 году в Египте был проведен первый при арабах кадастр, после которого общая сумма хараджа увеличилась вдвое — с 2 до 4 млн динаров⁹⁵.

Двойное увеличение налогов привело к резкому изменению социально-политической ситуации в стране. Малообеспеченные слои населения оказались на грани голода. В Дельте вспыхнуло большое восстание, которое с трудом удалось подавить. Появляются сведения о бегстве крестьян, которые не могли заплатить подати, об опустевших деревнях, о селянах, которые доходили до такой крайности, что продавали балки своих домов⁹⁶. Крестьяне бежали из своих деревень, и чтобы остановить это бегство, была введена система паспортов; всех беглых крестьян под конвоем возвращали в их деревни⁹⁷. Отсутствие запасов зерна у крестьян привело к тому, что в 737–739 годах Египет постиг первый за описываемое время большой голод. По отдельным сведениям, цена на хлеб возросла в 10 раз⁹⁸. Голод сопровождался эпидемиями, от которых, по расчетам О.Г. Большакова, вымерло до половины населения крупнейших городов⁹⁹. После большого голода 737–739 годов пшеница сильно подешевела¹⁰⁰, что свидетельствует о гибели значительной части населения. Об этом свидетельствует также резкое сокращение посевных площадей и уменьшение налоговых поступлений, отправлявшихся из Египта в Багдад¹⁰¹.

Кризис 730-х годов привел к уменьшению налоговых отчислений, направляемых из Египта в Багдад, в полтора раза — с 2,7 млн динаров в 720-х годах до 1,8 млн в 779 году. В 786–796 годы эти отчисления выросли до 2,2 млн динаров, по-видимому, это свидетельствовало о восстановлении экономики страны и росте населения. Общий доход Египта от сбора хараджа около 800 года составлял 3–4 млн, а в 813–833 годах — 4,25 млн динаров, таким образом, был превзойден уровень в 4 млн динаров — рубеж, на котором начался предыдущий кризис. Однако посевная площадь оставалась значительно меньшей, чем в предшествовавший период, по расчетам О.Г. Большакова, она составляла около 2 млн федданов¹⁰².

Об экономическом развитии в это время свидетельствует рост Фуста-та, который превзошел по размерам Александрию и стал крупнейшим городом страны. В социально-культурном отношении этот период был временем быстрой мусульманизации Египта. В отдельные годы ислам принимали до 100 тыс. человек¹⁰³. Цена на пшеницу в середине VIII века была столь же низкой, как в начале столетия: на дневную зарплату можно было купить около 10 кг зерна. Однако в конце столетия появляются упоминания о неурожаях и антиналоговых восстаниях¹⁰⁴. Данные начала IX века свидетельствуют о резком росте цен и об очень тяжелом экономическом положении: цена пшеницы в этот период была необычайно высокой и достигала 1 динара за центнер¹⁰⁵. Источники сохранили жалобы наемных рабочих на крайнюю нищету¹⁰⁶. Действительно, при месячной оплате в 0,75 динара¹⁰⁷ на дневной заработок можно было купить лишь 3 кг пшеницы; в Средние века столь низкий уровень потребления встре-

чался лишь накануне экосоциальных кризисов и демографических катастроф.

Катастрофа была ускорена усобицами среди арабов, которые начались в Ираке и Иране и распространились на Египет. Войны между сторонниками Амина и Мамуна, суннитами и шиитами, ослабили власть и дестабилизировали обстановку в Египте. В 829 году началось грандиозное восстание христиан-коптов. Халиф Мамун отправил на подавление восстания армию под командой своего наследника Мутасима. Восстание было подавлено со страшной жестокостью, участники восстания были перебиты, их жены и дети — проданы в рабство. После этого Дельта, самая плодородная часть Египта, запустела; сбор налогов упал в несколько раз — до 0,8 млн динаров¹⁰⁸. По свидетельству арабских источников, в середине IX века площадь обрабатываемых земель составила лишь 1 млн федданов — намного меньше того, что могло обрабатываться¹⁰⁹. Источники сообщают, что при византийском правлении в Египте насчитывалось 10 тыс. деревень; после трех демографических катастроф число деревень сократилось в четыре раза¹¹⁰.

О катастрофе и гибели большей части населения свидетельствует также невиданное падение цен на зерно: в правление Ибн Тулуна (868–884), цена 1 ц составляла 0,15 динара¹¹¹, на дневную зарплату можно было купить около 28 кг пшеницы.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Египта в VII–IX веках, необходимо отметить, что в целом оно протекало в том же направлении, что и развитие других областей Халифата. Однако имелась существенная особенность, заключавшаяся в том, что уровень налогообложения в Египте был меньше, чем в Ираке. Это привело к тому, что период восстановления оказался более продолжительным, при низких налогах крестьяне могли осваивать и сравнительно малопродуктивные земли.

Период восстановления продолжался до начала VIII века. Для этого периода характерны относительно высокий уровень потребления основной массы населения, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы.

Однако рост арабского военного сословия вне пределов Египта обусловил резкое увеличение давления военной элиты на народ, которое привело к двойному росту налогов в 720-х годах. Столь масштабное перераспределение ресурсов внутри структуры «государство–элита–народ» вызвало структурный кризис, который затем перерос в глобальный экосоциальный кризис. В 737–739 годах мы наблюдаем голод, эпидемии,

восстания и гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы.

Необходимо, однако, отметить вторичность этого кризиса по отношению к социальным процессам, происходившим в Арабском халифате. Он был индуцирован процессами, происходившими вне Египта, но несколько опередил аналогичный кризис в Ираке и Иране. С теоретической точки зрения рассматриваемый цикл представляет собой интересный пример того, как резкое перераспределение ресурсов в фазе роста приводит к кризису, фактически минуя фазу сжатия.

Так же как в Ираке, вторая половина VIII века в Египте была *периодом восстановления* для этого времени характерны относительно высокий уровень потребления основной массы населения, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы. В начале IX века появляются признаки сжатия: низкий уровень потребления основной массы населения, частые сообщения о стихийных бедствиях, падение уровня реальной заработной платы, дешевизна рабочей силы, высокие цены на хлеб, большое количество безработных и нищих, восстания, фрагментация элиты, обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом.

Кризис был ускорен новой междоусобной войной в Халифате, резко ослабившей центральную власть и дестабилизировавшей обстановку в Египте. В 830-х годах сжатие завершилось *экосоциальным кризисом*, появляются сообщения о голоде, эпидемиями, о грандиозном восстании, приведшем к гибели больших масс населения и демографической катастрофе. Так же как восстания в Ираке и Иране, восстания в Египте привели к понижению налогов, к установлению более справедливых отношений между условиями и созданию этатистской монархии ибн Талуна (трансформация СВ). Ибн Талун основал династию практически независимых от Багдада наместников, и с этого времени Египет вновь обрел самостоятельность.

А.В. Коротаев отмечает существенную специфику египетских кризисов периода Халифата, а именно то обстоятельство, что они ускорялись чрезмерным давлением элиты на народ, и поэтому были в среднем короче, чем циклы в других странах¹¹². Эта специфика особенно ярко проявляется в первом цикле, когда кризис был вызван резким повышением налогового бремени (напомним, что налоги использовались, главным образом, для содержания арабского военного сословия). Используя модель П.В. Турчина, А.В. Коротаев объясняет египетскую ситуацию чрезмерно быстрым размножением арабской военной элиты, в результате чего элита сталкивалась с недостатком ресурсов¹¹³. В этих условиях элита либо пыталась увеличить налоги, либо фракционировалась и отдельные фракции вступали в борьбу за перераспределение ресурсов — этот второй случай имел место во время кризиса 830-х годов.

По нашему мнению, эффективный анализ египетских циклов, выполненный А.В. Коротаевым, может быть полезен и при рассмотрении соответствующих циклов в основных областях Халифата. Очевидно, экосоциальные кризисы в Ираке и Иране также ускорялись чрезмерным давлением элиты на народ.

* * *

Подводя итоги эпохе Халифата, необходимо отметить, что в основе побед арабов лежало новое идеологическое оружие — принцип мученичества за веру. Этот принцип был неотделим от идеи братства верующих, ибо жертвовать жизнью можно только ради братьев, готовых в свою очередь пожертвовать собой. Идея братства лежит в основании асабии, поэтому теоретически можно рассматривать первых мусульман как общество с чрезвычайно высокой асабией, а принцип мученичества — высшим воплощением асабии. По теории Ибн Халдуна, после завоевания обширных земледельческих областей начинается разложение асабии; это явление соответствует процессу социального синтеза в диффузионизме, и в данном случае оно привело к расколу мусульман на суннитов и шиитов. Шииты (и хариджиты) были партией, отстаивавшей изначальный ислам с его братством верующих и принципом самопожертвования, в то время как сунниты шли на уступки индивидуалистическим и частнособственническим идеалам. Эта эрозия ислама привела к тому, что арабы отчасти утратили свое идеологическое превосходство, и, во всяком случае, оно перестало быть решающим фактором в сражениях с технически более оснащенным противником. В конце концов, арабы не смогли далее сохранять свое положение военного сословия, им на смену пришли тюркские гулямы, рыцари эпохи тяжелой кавалерии. Хотя эта перемена совершилась без нашествия, она вскоре привела к распаду Халифата и созданию новых государств, в которых тюрки начали постепенное наступление на монархию.

Глава 9. Рождение тяжелой кавалерии

9.1. Появление стремян

Всадники Древнего мира были искусными наездниками, умевшими обходиться без стремян. Отсутствие опоры для ног, конечно, делало их положение неустойчивым, и их балансирование на коне порой вызывало улыбку крепко стоявших на земле пехотинцев. «Разве наше положение не более устойчиво, чем положение всадников? — говорил Ксенофонт греческим гоплитам. — Они ведь висят на конях, боясь не только нас, но и собственного падения»¹. Поначалу всадники могли лишь, на минуту отпуская поводья, стрелять из лука, но через некоторое время кавалеристы научились сражаться мечами. Затем появились деревянные седла с высокими выступами (луками), зажимавшими сидящего между ними всадника. Теперь всадник мог наносить удар копьём, не рискуя вылететь из седла, но повернуться в таком седле было непросто. Копейщики эпохи Сасанидов были внешне похожи на рыцарей Средневековья, но им было трудно вести рукопашный бой. Это были люди-тараны, которые с подвешенными к лошадам копьями обрушивались на противника и своей массой прорывали его строй; они не вели рыцарских поединков, как в Средневековье².

В высокое седло нелегко было даже сесть без посторонней помощи, для этого требовалась подножка — веревочная петля. Как полагают специалисты, использование таких подножек в конечном счете привело к появлению парных стремян, на которые всадник опирался во время скачки. Первые изображения стремян относятся к началу IV века н. э. и дошли до нас из Китая и из государства Когуре в теперешней Маньчжурии. Известно, что когуресцы были соседями кочевников-сяньби, которые в это время завоевали Китай. В могилах этих завоевателей, относящихся к V веку, найдены настоящие стремяна — новое оружие, позволившее сяньби разгромить бесчисленные китайские армии и овладеть огромной страной³.

Как известно, один из создателей теории технологического детерминизма, Л. Уайт, считает появление стремени началом новой эпохи — эпохи рыцарской кавалерии и феодализма. Стремя придало всадникам устойчивость и позволило более эффективно использовать копьё и меч; всадник стал господином на поле боя.

Сяньби еще в III веке были известны как тяжеловооруженные всадники, добивавшиеся побед за счет тактики таранных ударов⁴. Конечно, не

все завоевавшие Китай кочевники были рыцарями, — тяжелое вооружение было доступно не каждому. Однако с появлением стремени произошло резкое увеличение числа всадников, закованных в латы вместе со своими лошадьми. Если в эпоху Хань конская броня практически не использовалась, то в IV веке мы видим целые рыцарские армии, причем в отдельных сражениях победители захватывают тысячи лошадей в доспехах. Совершенствуются и доспехи кавалеристов, их тела теперь полностью закрываются броней, так что выражения «железные всадники» и «железные лошади» становятся общеупотребительными. Немного позже, в конце VI века, появляются изображения одетых в великолепные латы рыцарей-сяньби⁵.

Завоевания степных рыцарей не ограничились вторжением в Китай. После ухода сяньби в долину Хуанхэ в степях Гоби господствовали их сородичи — жужани. Экспансия жужаней была направлена на запад, в конце IV века они разгромили живших на территории между Каспием и Алтаем гуннов и эфталитов, и вынудили их покинуть свои кочевья. Гунны двинулись в Причерноморье, а эфталиты завоевали Согдиану, вторглись в Иран, а позже — в долину Инда⁶.

Гунны и эфталиты были всадниками, главным оружием которых был гуннский лук. Таким образом, перед волной наступления степных рыцарей двигалась волна конных лучников, которые на какое-то время установили свое господство в среднеазиатских и европейских степях. Некоторые историки полагают, что во время своего бегства на запад и на юг конные лучники заимствовали у своих преследователей стремени, но вещественных подтверждений этому в настоящее время не имеется. Под натиском эфталитов персы вернулись к стрелковой тактике, но они не применяли стремени до конца существования Сасанидской державы⁷.

Однако победители гуннов, жужани, недолго господствовали в Великой степи: в середине VI века они уступили первенство тюркам — народу, входившему ранее в жужаньский племенной союз. Потерпев поражение от своих сородичей, одно из жужаньских племен, авары, было вынуждено бежать на западную окраину Великой степи — в Европу. В 560-х годах авары ворвались на Венгерскую равнину, и, подчинив племена славян, создали могущественное государство — Аварский каганат. В течение двух столетий авары господствовали над Восточной Европой, они не раз наносили поражения византийцам и осаждали Константинополь. Византия была вынуждена спешно перенимать оружие аваров — в том числе стремени. Таким образом, диффузионная волна, вызванная изобретением стремени на Дальнем Востоке, в VI веке достигла Европы⁸.

Что касается арабов, то в начале своих завоеваний они не имели стремени — так же, как и их противники персы. Победы арабов объяснялись их готовностью к самопожертвованию во имя веры и благодаря своему героизму им удалось одолеть не только персов, но и имевших стремени

византийцев. Уже после битвы при Ярмуке арабские всадники заимствовали стремени у своих противников и смогли некоторое время противостоять тюркам в Средней Азии⁹.

Тюрки были народом, вписавшим новую страницу в историю тяжелой кавалерии. Хотя с появлением стремян ноги всадника получили необходимую опору, сяньби продолжали пользоваться высоким седлом, зажимавшим рыцаря и лишавшим его подвижности. Следующий шаг в использовании преимуществ стремени был сделан в VI веке, когда у тюрков появились седла с низкими наклонными луками, позволявшие всаднику, опиравшемуся на стремяна, поворачиваться и наклоняться в разные стороны¹⁰. Новое седло обеспечило военное превосходство тюрков и породило волну тюркских завоеваний. В 554 году тюрки двинулись в большой поход на запад и подчинили степные народы вплоть до берегов Дона. В 565 году они разгромили эфталитов и заняли Согдиану. Таким образом, была создана огромная степная империя, простиравшаяся от Боспора до Маньчжурии. В 578 году тюркский Тобо-хан вторгся в Китай и разгромил армию северокитайского царства Чжоу. Китайцы обязались платить тюркам дань; вскоре после этого династия Чжоу была свергнута, и к власти в Китае пришел полководец Ян Цзянь, основавший династию Суй. Пограничные войска стали срочно переучивать по тюркскому образцу, причем копировался весь образ жизни степняков: солдаты должны были жить в юртах, питаться мясом и молоком, ездить верхом и участвовать в облавных охотах¹¹. Конечно, были заимствованы и тюркские седла; изображения новых седел можно найти на рельефах танского императора Тайцзуна (637 год), а немного позже в Китае появляются фрески, изображающие игроков в конное поло. Эти игроки принимают в седлах самые сложные, немислимые прежде позы, нисколько не уступая искусству сегодняшних джигитов¹².

Империи Суй удалось остановить тюрков, и немалую роль в этом сыграли междоусобицы среди кочевников. Тюрки обитали вдалеке от китайских границ, поэтому, в отличие от гуннов и сяньби, они не знали, что такое государственный порядок. Ян Цзянь писал, что для тюрков было свойственно безначалие и пренебрежение дисциплиной: «Тюркские ратники пренебрегают наградами и наказаниями, мало уважают начальников и по большей части не соблюдают порядка»¹³. В 581 году в каганате началась жестокая династическая распря, которая продолжалась двадцать лет и привела к распаду огромной кочевой империи. Постоянные внутренние войны ослабили давление тюрков на соседей — не только на Китай, но и на Сасанидский Иран; в 589 году полководцу Бахраму Чубину удалось отразить вторжение тюрков в битве при Герате, а в 599 году тюрки были разбиты китайцами (причем в обстановке междоусобицы отдельные тюркские отряды сражались на стороне своих врагов)¹⁴.

Тюрки VI–VIII веков были в основном конными лучниками, и они использовали свою подвижность в седле для совершенствования мастерства лучников. «Искусно стреляют из лука с лошади, по природе люты, безжалостны», — говорит о тюрках «История Тан»¹⁵. Луки тюрков были гуннского типа, максимальная их мощность составляла около 100 ратлей (32 кг), и при натягивании использовались специальные кольца¹⁶.

Хотя тюрки из-за своих внутренних распрей не сумели завоевать большие земледельческие государства, их искусство наездников и стрелков было признано повсюду. Храбрость и мужество тюрков особенно рельефно выступали в сравнении с растерявшими свои боевые качества арабами и персами. «Мусульманские литераторы... восхваляют тюрков как воинов за их смелость, преданность, выносливость, воспитанные жизнью в суровых степях», — отмечает К.Э. Ботсворт¹⁷. В халифате Аббасидов тюрки составляли основу гвардии гулямов, и в отдельные периоды гвардия свергала и возводила на престол халифов, по сути, тюрки пытались завоевать Халифат, действуя изнутри, — как ливийцы когда-то завоевали Египет. В Китае тюрки (вместе с другими степняками) составляли отборные пограничные войска; в 755 году они подняли мятеж и попытались завоевать Поднебесную и хотя попытка закончилась неудачей, Китай на полвека оказался во власти военных группировок.

9.2. Китай в IV–V веках

Вернемся теперь немного назад, к IV столетию, когда различные кочевые племена одно за другим вторгались в Северный Китай и там существовали «шестнадцать государств пяти северных племен». Китайская империя Цзинь сохранила власть лишь над югом — но в то время юг был малоосвоенной окраиной страны; по словам одного из сановников, население всех южных областей не превышало населения одной из ханьских провинций¹⁸. Кочевники постоянно воевали между собой и с южнокитайскими царствами, уничтожая все, что осталось. Большая часть уцелевшего китайского населения была обращена в рабов. Около 390 года благодаря своим латникам вождь сяньби Тоба Гуй завоевал Северо-Восточный Китай и основал империю Северная Вэй. Тоба Гуй присваивал кочевой знати титулы и ранги — более ста вождей сяньби стали новыми ванами, гунами, хоу и получили в наследственное владение округа и уезды; таким образом, появилась феодальная знать, владевшая обширными землями, множеством рабов и зависимых крестьян. Рядовые воины-латники были организованы в военные поселения (фубин); они получали маленькие поместья, которые обрабатывали с помощью своих рабов¹⁹.

В правление Тоба Гуя (Тай-цзу) положение на севере несколько стабилизировалось. «До того как Тай-цзу покорил Центральную равнину,

здесь беспрестанно случались такие беды, как массовые истребления и смуты, — говорит «История Вэй». — Войны и перевороты сопровождались народными восстаниями. Сельское хозяйство было в запустении»²⁰. Население Северного Китая составляло в то время не более 10 млн человек — примерно в три раза меньше, чем во времена Хань²¹. Города лежали в развалинах; торговля почти прекратилась, деньги исчезли из обращения — вместо них использовали куски шелка. При Тоба Гэе начали расселять беженцев, всем переселенцам казна выдавала тягловых волов²². «История Вэй» отмечает, что в те времена собирали высокие урожаи и цены на зерно были низкими, «один кусок ткани соответствовал 80 ху зерна»²³. К 440 году империя Вэй овладела всем Северным Китаем; с этого времени войны стали редкими и восстановление хозяйства пошло более быстрыми темпами. Правители-«варвары» привлекали на службу конфуцианских сановников, которые проводили традиционную «политику поощрения земледелия». Распахивались заброшенные поля, восстанавливались ирригационные сооружения, вводились новые сельскохозяйственные культуры, такие как чай и сахарный тростник²⁴. Однако восстановление экономики тормозилось чрезмерными и неконтролируемыми поборами, которые возлагались на население феодальной знати. «Влиятельные и сильные дома собирали налог, вдвое превышающий установленный казной», — говорит «История Вэй»²⁵. Хотя земли было еще достаточно, в 467–471 годах источники отмечают засуху и голод²⁶.

После смерти императора Тоба Хуна I (465–476) регентшей при малолетнем наследнике стала его мать, императрица Фэн. Фэн была китайкой и во время регентства, в 476–490 годах, власть находилась в руках китайских сановников²⁷. В этот период была восстановлена цзиньская наделная система: на семейную пару полагался полевой надел в 120 му, на волов давались дополнительные наделы, принадлежавшие знати рабы получали такие же наделы, как свободные. Подать с каждого двора составляла несколько кусков шелка и два даня зерна — по свидетельству «Истории Вэй», поборы уменьшились в 10 раз. Была восстановлена система «постоянно полных амбаров», зерно из которых выдавалось крестьянам при неурожае²⁸.

Очевидно, что прекращение произвольных поборов, проведение кадастров и упорядочение землевладения означало серьезный удар по сяньбийской феодальной знати. Наследник престола, Тоба Хун II (476–499), был воспитан в китайских традициях и, став императором, пытался проводить политику насильственной ассимиляции кочевников-сяньби. Тоба Хун II приказал сяньбийской знати принять китайские фамилии и носить китайскую одежду, при дворе было запрещено разговаривать по-сяньбийски. Китайские сановники, так же как сяньбийские, стали получать титулы и уделы, китайская знать стала соперничать с сяньбийской²⁹.

К началу VI века население страны значительно возросло, по замечанию одного из сановников, оно более чем вдвое превосходило население империи Цзинь в 280 году. Принимая во внимание, что число дворов во времена Цзинь составляло 2,5 млн, современные исследователи оценивают численность населения Вэй по меньшей мере в 25 млн человек³⁰. По подсчетам В. Эберхарда, до гибели империи Хань на этой территории проживало 29 млн человек³¹, таким образом, обеспеченность пахотными полями в конце V века была не намного лучше, чем в тяжелые времена II столетия; источники говорят, что по причине нехватки земли крестьянам выделяли наделы меньше положенных по норме³². В 487 году источники отмечают большой голод, «очень многие умерли с голоду», говорит «История Вэй»³³. При императоре Юань Ко (500–515) в исторических хрониках зарегистрировано десять восстаний³⁴. В 523 году восстали военные поселенцы шести округов на северной границе — это было проявление традиционалистской реакции: воины-сяньби были недовольны проводимой властями политикой китаизации³⁵. Не успели правительственные войска усмирить поселенцев, как вспыхнуло крестьянское восстание в Хэбэе, где повстанцы собрали 100-тысячную армию. Восстание было подавлено одним из сяньбийских князей, полководцем Эрчжу Жуном, который, в свою очередь, поднял мятеж, овладел столицей и перебил две тысячи чиновников — по большей части китайцев³⁶. В 534 году борьба между князьями привела к распаду империи Вэй на два царства, между которыми сразу же началась война. Лоян был взят штурмом и разрушен; в 536 году разразился страшный голод, когда в некоторых районах люди ели друг друга. Это была демографическая катастрофа, по свидетельству источников, голод унес $\frac{4}{5}$ населения страны³⁷.

* * *

Переходя к анализу социально-экономической истории Китая в III–V веках, необходимо отметить продолжительность экосоциального кризиса, который завершил демографический цикл эпохи Младшая Хань. Междоусобные войны не закончились с образованием царств Цзинь, У и Шу; они продолжались всю эпоху «Троецарствия» вплоть до 280 года. Период стабилизации в 280-х годах оказался очень коротким, затем вновь вспыхнули усобицы, и произошла новая демографическая катастрофа, вызванная нашествием гуннов. IV столетие прошло в обстановке войн и новых вторжений, положение стабилизировалось лишь в начале V века, когда Северный Китай был объединен под властью империи Вэй. В целом двухвековой период от гибели империи Хань до создания империи Вэй можно считать *интерциклом*; в этот период социально-экономическое развитие определялось не демографическими, а военными факторами. Завоевание Северного Китая кочевниками привело к созданию ксенокра-

тического феодального государства, кочевая знать получила наследственные уделы, часть покоренных китайцев была обращена в рабов.

С объединением Северного Китая под властью империи Вэй начался новый демографический цикл. *Период восстановления* продолжался до 470-х годов и характеризовался ростом населения и посевных площадей, низкими ценами на зерно. В конце V века появляются признаки сжатия: сообщения о голоде, крестьянское малоземелье, восстания, попытки проведения социальных реформ. Параллельно демографическим процессам шли *процессы социального синтеза*, императорский двор перенимал китайские традиции и проводил политику насильственной ассимиляции кочевников. Реформы, проведенные в это время, были направлены на восстановление китайских государственных порядков, ограничение власти сяньбийских феодалов и установление этатистской монархии (трансформация С^сВ). Эти реформы вызвали *традиционалистскую реакцию* со стороны кочевников и ускорили кризис, который разразился в 520–530-х годах. Кризис сопровождался катастрофическим голодом, восстаниями и внутренними войнами, разрушением городов, и, в конце концов, привел к демографической катастрофе. В конечном счете кочевники одержали верх и восстановили сословную монархию; таким образом, общую последовательность трансформаций в цикле можно выразить формулой С^сВС.

9.3. Китай в эпоху династии Суй

Экосоциальный кризис, погубивший империю Вэй, продолжался более 30 лет. Около 560 года источники снова отмечают большой голод на северо-востоке страны; голод сопровождался эпидемией, как говорит «История Суй», «умирали четыре-пять человек из десяти»³⁸. По данным, относящимся к середине VI века, численность населения Северного Китая составляла лишь 7 млн человек, однако специалисты считают эти данные неполными ввиду большого недоучета. Сяньбийская знать, одержавшая победу во внутренних войнах, не давала переписывать подвластное ей население; во владениях «сильных домов» проживали многие тысячи не учтенных переписями зависимых крестьян и рабов. Сяньбийская аристократия была особенно могущественна на северо-востоке, в царстве Северное Ци, в то время как на северо-западе, в Северном Чжоу, значительное влияние сохраняли китайские «сильные дома». Основу военного сословия по-прежнему составляли латники-сянби, проживавшие в военных поселениях фубин. За полтора века, прошедших со времен Тоба Гуя, кочевники были отчасти ассимилированы и перемешались с китайцами в новом этносе, который называли табгачами. В 564 году в дополнение к прежним были созданы новые военные поселения из китайцев; табгачи

служили в кавалерии, а китайцы — преимущественно в пехоте; срок службы был установлен шесть месяцев в году³⁹.

В 577 году Северное Чжоу завоевало земли Северного Ци. В 581 году глава китайской группировки при чжоуском дворе, полководец Ян Цзянь, захватил престол и провозгласил себя императором Вэнь-ди новой династии Суй. Вэнь-ди (581–604) удалось подавить вспыхнувшие мятежи сяньбийских князей; некоторые знатные роды были уничтожены, однако за теми, кто подчинился, были сохранены титулы и владения. Сяньбийская и китайская знать была переписана в родословных списках; за ней закрепились высшие государственные посты; знать по-прежнему владела множеством рабов⁴⁰.

Вэнь-ди был талантливым военачальником; как отмечалось выше, он сумел перенять военные новшества тюрков, причем суйские кавалеристы-табгачи копировали образ жизни тюрков, и, таким образом, произошел частичный возврат военного сословия к кочевым традициям. Благодаря этой военной модернизации суйским полководцам удалось остановить наступление кочевников. В 589 году Вэнь-ди покорил Южный Китай, и после четырех веков раздробленности страна снова стала единой. Был проведен кадастр и выявлены лица, укрываемые от налогов. Надельная система, существовавшая со времен Северной Вэй, была приведена в порядок и распространена на Южный Китай. Была восстановлена система «амбаров постоянного равновесия» и круговая порука «пятидворок». Реформы Вэнь-ди имели характер восстановления традиций китайской государственности, и политические институты новой империи во многом копировали учреждения древней империи Хань⁴¹.

По некоторым сведениям, население объединенного Китая в это время составляло около 30 млн⁴². За время правления Вэнь-ди посевные площади намного увеличились, а население значительно возросло⁴³. «В то время число дворов и людей в Поднебесной с каждым годом возрастало, — говорит «История Суй». — В окрестностях столицы, а также в районе Саньхэ⁴⁴ земли было мало, а людей много, и они испытывали недостаток в пище и одежде...»⁴⁵. В перенаселенных районах из-за нехватки полей размеры крестьянских наделов сокращали наполовину. Росли города, развивались ремесла и торговля, снова получила распространение монета, хотя иногда в качестве денег по-прежнему использовался шелк⁴⁶. К 606 году численность населения возросла до 46 млн человек, в 594 году «История Суй» впервые говорит о большом голоде⁴⁷.

Ян-ди, взойшедший на престол в 605 году, не соразмерял расходов с возможностями страны. Вскоре после его воцарения начались грандиозные работы по отстройке Восточной столицы, Лояна, на эти работы по трудовой повинности ежемесячно привлекались два миллиона человек. Массы мобилизованных крестьян работали на постройке Великого кана-

ла, на восстановлении Великой стены; миллион солдат был отправлен в Ляодун, на войну с Кореей⁴⁸. Между тем ирригационные сооружения не ремонтировались; в 611 году Хуанхэ прорвала дамбы и затопила Шаньдун и Хэнань. «Земли более сорока областей то затапливались, то вновь освобождались от воды, — говорит «История Суй». — К этому добавилось новое поражение в Ляодуне. Погибло несколько сотен тысяч человек. Особенно много погибло в Шаньдуне из-за вспыхнувшей там эпидемии... Те, кто имел силу, становились разбойниками, а те, кто был слаб, продавали себя в рабство»⁴⁹. В обстановке голода и эпидемий началось всеобщее крестьянское восстание, повстанческие армии достигали сотен тысяч воинов; некоторые отряды состояли из восставших рабов. В военных действиях участвовали сяньбийские князья и наместники, выступавшие во главе собственных войск. Гражданская война продолжалась 15 лет; военные действия сопровождались массовыми убийствами; известен случай, когда после разгрома одной из повстанческих армий суйский полководец приказал заживо похоронить 300 тысяч восставших. В конечном счете Ян-ди был убит, династия Суй пала; в ходе войны погибла большая часть феодальных домов, а большинство рабов получили свободу. Война породила новую монархию — еще более могущественную, чем империя Суй. Однако вместе с тем гражданская война принесла с собой демографическую катастрофу; погибло $\frac{3}{4}$ населения; по данным переписей 634–643 годов, в живых осталось только 12 млн человек⁵⁰.

* * *

Переходя к анализу социально-экономической истории Китая в эпоху Суй, необходимо отметить, что катастрофа, погубившая империю Вэй, привела к восстановлению сословной монархии. Сяньбийская знать расширила свои владения и стала играть главную роль в политической системе новых царств — Ци и Чжоу. Однако в 581 году китайским сановникам удалось взять реванш и захватить власть в Чжоу; Вэнь-ди подавил сопротивление сяньбийских феодалов, основал династию Суй и объединил Китай. Эти события можно рассматривать в русле *процесса социального синтеза*, процесса перенимания китайских традиций, который привел к восстановлению самодержавной монархии. Сяньбийская знать отчасти сохранила свое влияние и вместе с китайской знатью вошла в структуру новой монархии в качестве феодального уклада. Военное сословие формировалось смешанным образом, из потомков сяньби и китайцев.

В 560-х годах, еще до объединения страны, началось восстановление экономики в новом демографическом цикле. *Период восстановления* длился до конца VI столетия, для этого времени характерны рост численности населения и увеличение посевных площадей. В конце VI столетия появляются признаки сжатия: сообщения о голоде, крестьянское мало-

земелье, рост городов, развитие ремесел и торговли. Так же, как во времена Ши-хуанди, сжатие было ускорено отвлечением сил народа на престижные стройки и чрезмерным ростом повинностей, то есть перераспределением ресурсов в пользу государства и в ущерб народу. Перераспределение ресурсов привело к *структурному кризису*, который вскоре перешел в общий экосоциальный кризис. Так же как в I веке, *экосоциальный кризис* начался с экологической катастрофы — прорыва дамб на Хуанхэ и наводнения, вызвавшего голод и эпидемии. Затем начались восстания и гражданские войны, в ходе которых погибла большая часть феодальных домов, а большинство рабов получили свободу. В конечном счете феодальный уклад — наследие времен варварского завоевания — был уничтожен и к власти пришла этатистская монархия (трансформация СВ). Однако этот результат был достигнут ценой демографической катастрофы, погубившей большую часть населения страны.

9.4. Первый демографический цикл эпохи Тан

В 617 году, когда империя Суй была охвачена огнем мятежей и восстаний, наместник провинции Тайюань Ли Юань отказался повиноваться императору, выступил со своими войсками в поход на Чанъань и овладел столицей. В следующем году Лю Юань провозгласил себя императором Гаоцзу (618–626) и основал новую династию Тан. Гаоцзу на время отменил налоги и повинности, благодаря этому ему удалось усмирить крестьянские восстания. Количество рабов резко уменьшилось, часть из них получила свободу во время восстания, некоторые категории рабов были освобождены указами новой власти⁵¹. В 624 году была восстановлена наделная система; как и раньше, на семейную пару полагался надел в 120 му; трудовая повинность была ограничена 20 днями в году, налог составлял два даня зерна и два куска шелка — это был очень легкий налог, потому что с надела в 120 му можно было собрать больше 200 даней зерна⁵². При этом, однако, в целях борьбы с «разбойниками» крестьяне были прикреплены к месту жительства и связаны круговой порукой «пятерок» и «десяток»⁵³.

Характерной чертой нового порядка было то, что, в отличие от эпохи Суй, наделы на рабов не выдавались — «сильные дома» были разгромлены в ходе гражданской войны; крупное помещичье землевладение было уничтожено⁵⁴. Сын Гаоцзу, Тайцзун (626–649), пересмотрел родословные списки и лишил титулов и привилегий многие знатные роды; была восстановлена экзаменационная система, и на должности министров отныне назначались лишь ученые-конфуцианцы⁵⁵. В качестве жалованья новым чиновникам давались небольшие земельные наделы. Низшие чиновники (8 разряд) получали наделы в 200 му, высшие чиновники (1 разряд) — наделы в 1200 му⁵⁶. Конфуцианские чиновники считали хорошим тоном высказывать пренебрежение к богатству и к «житейской суете»⁵⁷. Кредо

нового правительства составляла традиционная конфуцианская доктрина «управления государством и вспомоществования народу» — цзин цзи. В соответствии с этой доктриной облегчались налоги и повинности, беднякам и нуждающимся оказывалась необходимая помощь, проводилась «политика поощрения земледелия»⁵⁸.

Армия Тайцзуна по-прежнему комплектовалась на основе военных поселений фубин. Военное сословие в значительной части состояло из ассимилированных сяньби, табгачей, которые поставляли кадры тяжелой кавалерии, но в его число входили также китайцы, которые служили в пехоте. Кроме того, в пограничных войсках служило много наемников из числа кочевников — тюрок, уйгуров, киданей⁵⁹.

Начало правления Тайцзуна было временем послевоенной разрухи, повсюду лежали заброшенные поля. «К востоку от области Ло... в Шаньдуне лишь изредка встречаются следы человека, — говорил сановник Вэй Чжэн, — повсюду, куда хватает глаз, густые кустарники и травы»⁶⁰. Население составляло меньше 3 млн дворов⁶¹ — если считать в среднем по 5 человек на двор, но получится 15 млн человек. Были приняты меры по восстановлению ирригационных систем и обустройству беженцев; власти выкупали у владельцев крестьян, продавших себя в рабство во времена бедствий⁶². Экономика быстро налаживалась: «В четвертый год Чжэнгуань один дань риса стоил 4–5 монет, — говорит «История Тан». — Человек, уходя из дома на несколько месяцев, мог оставить дверь незапертой... То время называют “Великим спокойствием”»⁶³. В период Тан для изготовления лезвий плугов, мотыг, серпов и других инструментов стали использовать сталь, это существенно облегчило труд крестьян. Однако урожайность основной сельскохозяйственной культуры, проса, оставалась практически такой же, что и во времена Хань, около 10 центнеров с гектара⁶⁴.

За время правления императора Гаоцзуна (650–683) численность населения возросла с 3,8 млн до 6,2 млн дворов. Появляются сообщения о крестьянском малоземелье, в отдельных районах на двор приходилось лишь 10–15 му пашни. В 684 году впервые за долгое время источники отмечают большой голод и эпидемии; по дорогам бродили беженцы⁶⁵. Крестьянам, переселявшимся из перенаселенных областей центра на окраины, разрешалось продавать свои наделы; в начале VIII века скупка земель разорившихся крестьян богачами приобрела большие размеры; снова появились помещики, сдававшие свои земли в аренду за половину урожая⁶⁶. В те времена говорили, что богачи «поедали» бедняков, затягивая их в сети ростовщической кабалы, отнимали их наделы и укрывали присвоенные земли и арендаторов от налогообложения. «Много людей оставили свои родные места и блуждали по деревням в поисках продовольствия... — говорит «История Тан». — Сильные люди “поедали” сла-

бых, и чиновники не могли это предотвратить»⁶⁷. Поскольку власти не могли обеспечить крестьян землей, то прежнее прикрепление к месту жительства потеряло смысл и уже не соблюдалось⁶⁸. Правительство принимало некоторые меры против «зла скопления земель»: в 710 году были конфискованы земли буддийских монастырей⁶⁹. Император Сюаньцзун (713–755) поручил министру Ю Вэнь провести новый кадастр и «поощрять земледелие». «29 чиновников должны были обеспечить выправление размеров наделов, побуждать крестьян не укрываться от налогов и давать им работу, — говорит «История Тан». — В результате было обнаружено 800 тысяч дворов и соответствующее количество земель»⁷⁰. Однако разорение крестьян продолжалось — оно было неизбежным следствием малоземелья. К концу периода Кайюань (740 год) численность населения достигла 8,3 млн дворов и 45,3 млн человек⁷¹. «Хотя мы имеем наделную систему, однако она разрушилась с конца периода Кайюань, — писал сановник Ду Ю. — Зло “еды” сегодня иногда хуже, чем во времена Чень-ди и Ай-ди династии Хань»⁷². В 752 году Сюаньцзун издал указ, предписывающий помещикам вернуть крестьянам захваченные земли. «Я слышал, что некоторые князья, вельможи, влиятельные и богатые люди часто овладевали множеством полей, — гласил указ. — Они “ели” бедных по своему желанию, не опасаясь закона... Результат — то, что бедные не имеют места, где жить, принуждены блуждать вокруг и батрачить на чужих полях... Это происходит на всем протяжении империи в течение долгого времени... С этого времени все земли, независимо от того, когда и где они были переданы, должны быть возвращены первоначальным владельцам... В будущем никому не позволено покупать земли вопреки правительственным запретам»⁷³.

В целом политика Сюаньцзуна имела определенный эффект: упоминания о голоде в его правление сравнительно редки. Цена риса была довольно высокой: один дань риса в 746 году стоил 13 монет — однако дальнейшему повышению цен препятствовала активно действовавшая «система постоянных амбаров»; зерно закупалось правительством в урожайные годы и распределялось среди нуждающихся в годы неурожая⁷⁴.

Разорившиеся крестьяне шли в города и пытались заработать на жизнь ремеслом. Во времена разрухи в начале эпохи Тан торговля была неразвита, в качестве денег использовались куски шелка. До конца VII века в ремесле преобладали казенные предприятия; государство владело монополией на чеканку монеты, изготовление оружия и сельскохозяйственного инвентаря, на выплавку железа и меди. В 713 году была введена монополия на выпаривание соли. Несмотря на обилие монополий, в VIII веке достигло расцвета частное ремесло; в столице Чанъани имелось 220 торговых рядов с лавками, которые одновременно были мастерскими ремесленников; ремесленники были объединены в цехи. Чанъань была

огромным по тем временам городом — численность населения столицы достигала одного миллиона человек. Развивалась международная торговля, в порт Гуаньчжоу прибывало множество арабских купцов⁷⁵.

Таблица 7

Численность населения и количество дворов в империи Тан⁷⁶

Год	627	650	684	733	740	754	763
Число дворов (млн)	3	3,8	6,2	7,9	8,3	8,9	1,9
Численность населения (млн)				45,4	45,3	52,9	19,9

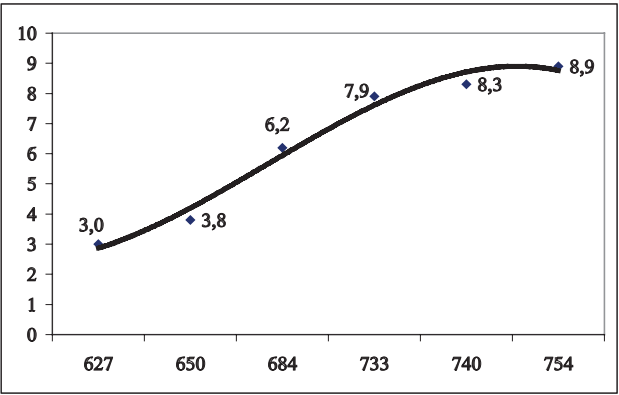

Рис. 10. Количество дворов в империи Тан⁷⁷

Аграрный кризис ощущался и в рамках военного сословия. Войска империи Тан формировались из военных поселенцев фубин; по мере ассимиляции табгачей военные поселенцы утрачивали присущие кочевникам боевые качества и становились все более похожими на простых крестьян, которые вместо уплаты налогов по очереди несли службу на границе. Военные поселенцы разорялись так же, как все крестьяне; в конце концов, войска фубин потеряли боеспособность и в 735 году были распущены; вместо них стали нанимать «вербованных богатырей», по большей части воинственных кочевников из пограничных степных племен⁷⁸.

Кризис империи Тан был усугублен начавшимися в VIII веке процессами децентрализации. В 710-х годах были созданы пограничные округа, возглавляемые генерал-губернаторами (цзедуши). Со временем цзедуши превратились в местных князей, имевших неограниченную власть над населением и командовавших пограничными армиями. Ситуация осложнялась тем, что генерал-губернаторами зачастую назначались выходцы

из степных племен и они возглавляли наемные войска, на вербованные среди кочевников⁷⁹.

В 754 году наводнения вызвали большой голод; голодающие крестьяне не могли платить налоги, и это, в свою очередь, привело к невыплате жалованья солдатам. В 755 году цзедуши Ань Лу-шань, воспользовавшись недовольством наемников, поднял мятеж и во главе 160-тысячной армии обрушился на центральные области империи. Началась война, охватившая всю страну и продолжавшаяся шесть лет. Столицы Лоан и Чанъань были взяты мятежниками и подверглись жестокому разграблению⁸⁰. «На территории в несколько сот ли вокруг Лояня люди поедали друг друга, округа и уезды были опустошены»⁸¹. Войска, расположенные во внутренних провинциях и состоявшие преимущественно из китайцев, ко времени мятежа находились в состоянии разложения и не могли противостоять варварам. Для борьбы с мятежниками пришлось (впервые в истории Китая) привлечь кочевые племена уйгуров, которые грабили страну не меньше, чем воины Ань Лу-шаня⁸². Император Суцзун (756–763) в конце концов сумел одолеть мятежников, но страна лежала в развалинах. Погибло $\frac{2}{3}$ населения: в 754 году население составляло 53 млн человек, к концу войны в живых осталось лишь 17 млн⁸³.

* * *

Переходя к анализу социально-экономической истории Китая в эпоху Тан, необходимо отметить, что катастрофа, погубившая империю Суй, нанесла решительный удар феодальному укладу и привела к установлению этактистской монархии. Новая монархия в значительной степени копировала порядки древней империи Хань; к власти снова пришла бюрократия, формируемая с помощью экзаменационной системы и приверженная конфуцианским идеалам. В целом можно говорить о реставрации социальной системы, существовавшей полтысячелетия назад и разрушенной вторжениями варваров. При этом, однако, следует обратить внимание на присутствие такого нового элемента, как надельная система; эта система существовала в древности по большей части в виде доктрины, теперь же эта доктрина была реально осуществлена в масштабах всей страны. Уравнительное землепользование, «политика вспомоществования народу», принцип «выдвижения по заслугам» явственно свидетельствуют о социальном характере монархии эпохи Тан. Другим новым элементом было военное сословие, состоявшее в значительной степени из потомков бывших завоевателей, табгачей, которые давали кадры для тяжелой кавалерии.

Период восстановления в первом цикле эпохи Тан длился с 630-х годов до 680-х годов. Это время характеризуется быстрым ростом численности населения, ростом посевных площадей, восстановлением ирригационных систем, относительно высоким уровнем потребления, низкими

ценами на хлеб, незначительном развитии помещичьего землевладения, аренды, ростовщичества. Голод 680-х годов был первым признаком начинающегося сжатия, с 720-х годов мы наблюдаем замедление роста численности населения, сообщения о голоде и стихийных бедствиях, крестьянское малоземелье, разорение крестьян, рост помещичьего землевладения, рост ростовщичества, повышение цен на хлеб, большое количество безработных и нищих, бурное развитие ремесел и торговли, финансовый кризис государства, обострение борьбы за ресурсы между государством и элитой. Так же, как во времена У-ди, этатистская монархия пыталась остановить сжатие методами государственного регулирования и добилась определенных результатов. Однако кризис проявлялся не только в экономической, но и в военно-политической сфере; он привел к разложению системы военных поселений, «варваризации» армии и появлению новых могущественных феодалов в лице цзедуши. Привлечение кочевников в ряды армии было связано с ассимиляцией табгачей и с утратой ими боевых качеств — это был процесс, описываемый в теории Ибн Халдуна.

В конечном счете новое военное сословие, наемная варварская армия, руководимая цзедуши, предъявила свои права в борьбе за распределение ресурсов; мятеж военной элиты слился с варварским нашествием, и многолетняя война привела к демографической катастрофе. Необходимо отметить уникальное для Китая обстоятельство: крестьянство почти не участвовало в этой войне; кризис имел в основном «элитный» характер. Это можно объяснить тем, что крестьянство в целом поддерживало этатистскую монархию Суаньцзуна. С другой стороны, после появления тяжелой кавалерии роль вооруженного народа резко снизилась, так что для подавления мятежа военной элиты пришлось привлекать кочевников-уйгуров. И хотя мятеж был подавлен, военная элита отчасти добилась своей цели: кризис привел к падению этатистской монархии (трансформация ВА_с).

9.5. Второй демографический цикл эпохи Тан

Долгая междоусобная война привела к ослаблению монархии. Несмотря на поражение мятежников, цзедуши сохранили свои силы; они самовластно правили в своих владениях, взимали налоги и назначали чиновников. Крупные владения цзедуши состояли из нескольких десятков округов, мелкие — из 3–4 округов; власть «генерал-губернаторов» была наследственной; они имели армии из десятков тысяч солдат и постоянно поднимали мятежи. Один из таких мятежей, в 782 году, вылился в новую междоусобную войну, и императору Дэцзуну (780–805) пришлось на время бежать из столицы⁸⁴.

Страна долго не могла оправиться от последствий усобиц, по дорогам бродили тысячи беженцев, а помещики, пользуясь слабостью властей,

захватывали земли, оставленные беглецами. «Недавно много полей простого народа были захвачены богатыми и влиятельными семьями и чиновниками, — свидетельствует указ императора Суцзуна. — Именно это было причиной того, что люди бежали и рассеялись»⁸⁵. Лишившиеся земли беженцы становились «пришлыми людьми», кэху; они арендовали поля у богатых, уплачивая половину урожая. Кэху составляли больше трети населения в деревнях. В 780 году правительство признало сложившиеся поместья и ввело новое поземельное налогообложение; система цзиньтянь окончательно прекратила существование⁸⁶.

Господство помещичьего землевладения и продолжающиеся смуты замедляли процесс восстановления экономики. При императоре Дайцзуне (763–780) источники упоминают работы по восстановлению каналов, и одно время цены на зерно были низкими. Число зарегистрированных дворов увеличилось с 2 млн при Суцзуне (756–763) до 2,9 млн при Дайцзуне (763–780) и до 3,8 млн при Дэцзуне (780–805). В правление Дэцзуна источники неоднократно говорят о высоких ценах на зерно и о голоде; правительство восстановило «систему постоянных амбаров» и оказывало помощь голодающим⁸⁷. Страна находилась в состоянии, близком к феодальной анархии, число цзедуши достигло 48, они постоянно вели частные войны; границы были открыты, и страну разоряли набеги кочевников. Феодализация распространялась вглубь военного сословия, войска выбирали своих предводителей, командиры захватывали земли и поместья. С другой стороны, крупные помещики обзаводились собственными дружинами и превращались в мелких феодальных владетелей. «Сильные дома» захватывали ирригационные каналы и лишали воды крестьянские поля⁸⁸.

В начале IX века центральное правительство реально контролировало лишь третью часть провинций; остальные находились во власти цзедуши. Численность государственных налогоплательщиков была вчетверо меньше, чем в эпоху Тан, а численность войск — на треть больше, так что на каждые два двора приходился один солдат. Крестьяне изнывали под бременем налогов: когда армия снаряжалась в поход, подати поднимались сверх всякой меры⁸⁹.

Правительство все же сумело остановить феодализацию. Император Сяньцзун (806–820), создав сильную дворцовую гвардию, силой и хитростью сменил 36 цзедуши. Конфуцианские сановники выдвигали проекты восстановления надельной системы, в провинции Шанси были вновь организованы военные поселения. Самыми верными военачальниками Сяньцзун считал евнухов, которые в отличие от цзедуши не могли передавать свои должности по наследству. После смерти Сяньцзуна правительственный кризис возобновился — на смену войнам цзедуши пришла придворная борьба евнухов и бюрократии. Перманентный кризис системы управ-

ления продолжался в течение всего IX века; экзаменационная система утратила свое предназначение; экзамены принимались лишь по протекции влиятельных лиц⁹⁰.

Между тем численность населения росла: при Цицзуне (825–826) она составила 4 млн дворов, при Вэнь-цзуне (827–840) — 4,4 млн, при У-цзуне (841–846) — 5 млн дворов⁹¹. Эти цифры намного меньше цифр, которые характеризовали сжатие в предшествующую эпоху — столетие назад численность населения достигала 8–9 млн дворов. Источники говорят, что помещики скрывали от обложения земли и людей⁹²; учет отличался неполнотой, поэтому данные иногда противоречат друг другу; к примеру, для правления У-цзуна есть данные другой переписи, которая насчитала всего 2,1 млн дворов⁹³. Несмотря на неполноту учета, по данным переписей можно судить о темпах роста населения: во второй половине VIII века этот рост был довольно быстрым, затем он замедлился, очевидно, началось новое сжатие.

Время правления императора Вэйцзуна наполнено сообщениями о голодных годах, наводнениях и засухах⁹⁴. Хроника свидетельствует, что «сильные захватывали у народа имущество, а налоги взимались лишь с бедного люда»⁹⁵. Жизнь бедняков была такова: «Жалкие два му земли, десять высохших тутовых деревьев, под деревьями выращиваются хлеба, на это нужно круглый год содержать семью; нечего и думать о будущем, лишь бы не умереть с голоду»⁹⁶. Власти иногда оказывали голодающим помощь; были конфискованы и розданы беднякам земли буддийских монастырей, но малоземелье было таким, что норма наделения составляла только 10 му⁹⁷.

Безземельные были вынуждены арендовать землю у помещиков, уходить на заработки в города. Ремесла снова испытывали период расцвета, они были освобождены от государственных монополий, и частные предприниматели получали высокие прибыли. Некоторые предприятия были организованы по типу рассеянной мануфактуры, торговый дом Ху в городе Динчжоу имел 500 шелкоткацких станков. Широкой известностью пользовались шелка и парча из Янчжоу — они в больших масштабах вывозились за границу. Главным торговым центром был Гуанчжоу, здесь постоянно проживали свыше 100 тысяч купцов, главным образом из мусульманских стран⁹⁸.

В середине IX века хроники наполнились сообщениями о голоде: «бедствия от саранчи и засухи довели народ до крайности», «повсюду царил неурожай и голод, народу не на что было надеяться»¹⁰⁰. Восстания в разных областях вспыхивали почти непрерывно; крестьянские вожди объявляли себя «правителями Поднебесной». Армия Тан была небоеспособна, и, чтобы подавить восстания, власти призывали на помощь кочевников, тангутов и уйгуров. В 874 году в низовьях Хуанхэ, традиционном

центре сжатия, началась большая крестьянская война. Полумиллионная крестьянская армия во главе с Хуан Чао прошла страну сначала с севера на юг, а потом с юга на север. В 880 году повстанцы взяли Чанъань и провозгласили Хуан Чао императором. Бежавшее из столицы правительство снова обратилось за помощью к кочевникам — на этот раз к тюркам-ша-то. Военное превосходство тяжелой конницы кочевников было таково, что сравнительно небольшое, 17-тысячное, войско тюрков разгромило огромную армию повстанцев. Империя Тан распалась; южные цзедуши создали независимые царства. На севере тюрки основали свое государство «Поздняя Тан»; начался период «пяти династий и десяти царств»¹⁰¹.

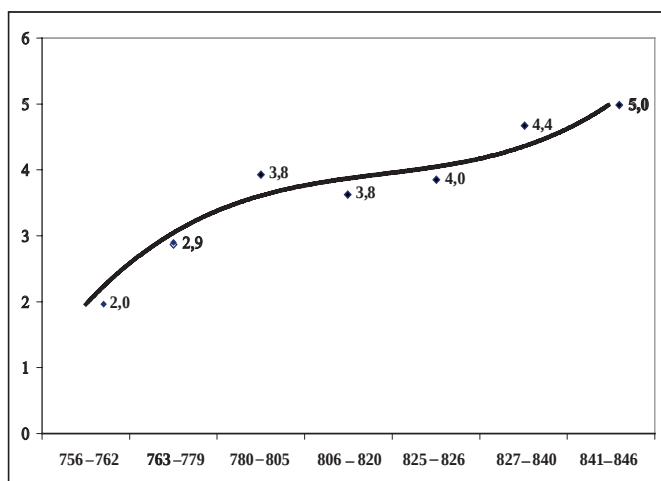

Рис. 11. Динамика численности населения империи Тан (число дворов в млн)⁹⁹

Восстания и войны привели к демографической катастрофе — в 960 году, десять лет спустя после окончания войн, численность населения не превышала 3 млн дворов¹⁰².

* * *

Переходя к анализу социально-экономической истории Китая в эпоху Тан, необходимо отметить, что катастрофа VII века нанесла тяжелый удар этатистской монархии. Согласно теории Л. Уайт, появление рыцарской кавалерии должно было привести к становлению феодализма, и действительно, во время мятежа Ань Лушаня мы видим, как рыцари пытаются завоевать свое государство, — ситуация, схожая с мятежами тюркских гулямов в халифате Аббасидов. Мятеж привел к перераспределению ресурсов в пользу военной элиты, уделы новых феодалов, цзедуши, охватили большую часть территории Китая — ситуация была похожей на

положение после падения империи Цинь. Вместе с тем катастрофа означала разрушение системы государственного регулирования, победу частной собственности и крупного землевладения. Феодалная трансформация структуры означала масштабное перераспределение ресурсов в пользу военной и собственнической элиты, отягчение налогов и повинностей.

Период восстановления в новом цикле продолжался до конца VIII века, для этого времени характерны быстрый рост численности населения, низкие цены на зерно, восстановление ирригационных систем. Перераспределение ресурсов в пользу элиты сокращало экологическую нишу народа и вызывало преждевременное сжатие. Уже в начале IX века появились частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, о крестьянском малоземелье, о разорении крестьян, о росте помещичьего землевладения, росте ростовщичества, о высоких ценах на хлеб. Росли города, ремесла, торговля. Сжатие привело к попыткам социальных реформ; император Сяньцзун сумел подчинить цзедуши и остановить частные войны. Однако Сяньцзуну не удалось остановить сжатие, разорение крестьян продолжалось, помещичье землевладение увеличивалось в размерах. После смерти Сяньцзуна монархия ослабела, и у власти оказалась группировка евнухов, представлявшая интересы крупных землевладельцев. В 860-х годах начался *экосоциальный кризис*: голод, эпидемии, восстания, гражданские войны привели к демографической катастрофе.

Необходимо отметить, что вопреки теории кризис не привел к существенным социальным трансформациям. Крестьянские восстания были в конечном счете подавлены, но не обессилевшими правительственными войсками, а призванной на помощь конницей кочевников. Очевидно, при этом сказалась роль военно-технического фактора, так как крестьянские ополчения не могли сопротивляться тяжелой коннице. На этот раз — в отличие от кризиса середины VIII века — кочевники воспользовались своей победой и основали свое государство в Северном Китае. На юге, в долине Янцзы, образовалось несколько китайских царств.

9.6. Китай в эпоху Сун

Крестьянская война конца IX века привела к распаду страны; на юге образовалось десять китайских царств; на севере тюрки-шато сначала создали царство в Шаньси, а затем, к 923 году, захватили всю долину Хуанхэ и основали империю «Поздняя Тан». Однако государство тюрков оказалось непрочным. Сохранив танскую систему, император Лю Цзуньсюй назначил тюркских вождей на должности цзедуши, что открыло дорогу к внутренним распрям. Солдаты «словно из баловства, то убивали одного военачальника, то выдвигали другого»¹⁰³. В 936 году цзедуши Хэдуна Ши Цзин-тан вошел в сговор с киданями, поднял мятеж и захва-

тил трон. В благодарность за поддержку он признал себя вассалом киданьского вождя Елюй Дэгуаня и уступил ему 16 округов к северу от теперешнего Пекина. Таким образом, Елюй Дэгуань стал основателем могущественно царства Ляо, включавшего территории со значительным китайским населением. В 946 году Елюй Дэгуань во главе огромной армии вторгся в Китай, занял Кайфын и провозгласил себя императором. В ответ началось всеобщее восстание, и после жестокой борьбы кидани были вытеснены за Великую стену. В результате долгих войн обе столицы, Чанъань и Кайфын, были разрушены, и северо-западные области подверглись столь жестокому опустошению, что уже никогда не смогли вернуть себе прежнее значение. Ирригационная система пришла в негодность; Хуанхэ девять раз прорывала дамбы, затопляя «половину страны»¹⁰⁴.

Отразив нашествие киданей, китайцы нашли в себе силы изгнать тюрков. Служивший тюркам китайский полководец Го Вэй в 951 году произвел государственный переворот и основал новую чисто китайскую империю Позднюю Чжоу. Тюрки отступили в Шаньси, где держались до 979 года¹⁰⁵. В 970-х годах Китай был объединен полководцем Чжао Куань-инем, первым императором династии Сун. Подобно Сяньцзуну, Чжао Куань-инь опирался на сильную дворцовую гвардию — «войска запретного города»; с помощью гвардии и новой системы бюрократической централизации ему удалось сломить могущество «генерал-губернаторов» и окончательно подчинить военное сословие. Политика «укрепления ствола и ослабления ветвей» подразумевала лишение местной администрации всякой самостоятельности, постоянный перекрестный контроль, надзор со стороны цензоров — «глаз и ушей» императора. Военачальников постоянно меняли; войска перебрасывали с места на место; «солдаты не знали своих командиров»¹⁰⁶. Все это ослабляло сунскую армию, и она часто терпела поражения в войнах с киданьской империей Ляо. Китайская конница не могла сравниться с конницей киданей, и главная тяжесть войн выпадала на долю пехоты. В сражениях с кочевниками китайская пехота защищала себя переносными заграждениями-рогатками, а затем (не позднее XII века) стала использовать укрепления из повозок. Перестрелка между пехотой и окружившей ее конницей могла продолжаться много дней — однако инициатива в ведении боя всегда принадлежала кочевникам. Правда, киданям редко удавалось овладеть городами, и, опустошив занятые территории, они обычно возвращались на север. Тем не менее империя Сун была вынуждена платить Ляо дань, которая увеличивалась с каждым новым вторжением¹⁰⁷.

Императоры династии Сун опирались на армию конфуцианских чиновников, шеньши. Экзаменационная система была восстановлена, и все должности заполнялись посредством открытых конкурсов; на столичных экзаменах на одно место претендовали около ста кандидатов на высшие

чины. Конечно, многие из них были детьми потомственных чиновников — им было легче усвоить премудрости конфуцианского учения. Однако, как свидетельствуют специалисты, никаких сословных ограничений не существовало, и около половины чиновников были детьми простолюдинов. Положение чиновника было почетным, чиновникам были гарантированы большие оклады, служебные виллы, содержание слуг и телохранителей. Высшие чиновники были освобождены от уплаты налогов¹⁰⁸.

В начале эпохи Сун власти поощряли работы по восстановлению хозяйства, предпринимали ирригационные работы, помогали крестьянам семенами и рабочим скотом¹⁰⁹. Историки говорят о том, что в этот период было достигнуто известное благосостояние народа¹¹⁰. Однако хозяйственное развитие в эпоху Сун было изначально связано с господством частного землевладения. Часть крупных поместий погибла во время восстаний и войн, но многие из них сохранились. Поначалу власти пытались ограничить права помещиков, в частности, было запрещено повышать арендную плату¹¹¹. В правление императора Тайцзуна (976–997) посевные площади значительно возросли, население увеличилось до 4,1 млн дворов¹¹². В 1003 году численность населения достигла 6,9 млн дворов, приблизившись к тому рубежу, на котором в эпоху Тан началось сжатие. Во многих районах ощущалась острая нехватка земли; начался интенсивный процесс разорения крестьянства, обремененные долгами крестьяне продавали свои наделы «могущественным семьям» и становились арендаторами; многие не могли найти работу и скитались по дорогам. «Население бродяжничает и переходит с места на место в первую очередь из-за лишений и нужды или для того, чтобы избежать уплаты частных долгов...» — свидетельствует сановник Чэнь Цинь¹¹³. Злоупотребляя служебным положением и используя ростовщичество, чиновники создавали обширные поместья. «Поглощения земель и различные махинации стали обычным явлением, — свидетельствует императорский указ, — и строгие законы не могли пресечь их»¹¹⁴. К 1022 году поместья поглотили половину всей посевной площади; многие «сановные семьи» имели сотни арендаторов — и при этом в силу своих привилегий не платили налогов¹¹⁵. Уже в начале правления Сунов существовало «неравномерное распределение налогов и податей, снизу доверху царил обман»¹¹⁶. Теснясь на оставшихся у них землях, крестьяне были вынуждены нести всю тяжесть государственных расходов; поземельный налог составлял около $\frac{1}{5}$ урожая; он дополнялся обременительными косвенными налогами. При императоре Чженьцзуне (998–1022) треть крестьянства составляли безземельные арендаторы, кэху; они отдавали хозяевам половину урожая и при этом никогда не могли рассчитаться с долгами¹¹⁷.

Государство пыталось хотя бы отчасти решить проблему безземельных крестьян, мобилизовывая их в войска. Это привело к огромному росту

армии, при императоре Женьцзуне (1023–1063) ее численность достигла 1260 тыс. солдат. Большинство мобилизованных были солдатами лишь по названию, никакого военного обучения не проводилось, воины строили мосты, дороги, а позднее ирригационные каналы в южных областях. На содержание армии уходило $\frac{5}{6}$ государственного бюджета, и, хотя доходы в 997–1065 годах увеличились в пять раз, средств все равно не хватало¹¹⁸.

Увеличение армии, естественно, не могло спасти крестьян от малоземелья. Особенно тяжелое положение сложилось на юго-западе страны, в Сычуани — «стране Шу». «В стране Шу с землей стесненно, население скученно — писал хронист Ян Чжун-лян, — хлебопашеством прокормиться невозможно. Вследствие этого малые люди испытывают ужасную нужду»¹¹⁹. Уже 990-х годах голод, малоземелье и «зло скопления земель» привели к большому крестьянскому восстанию; число повстанцев достигало 100 тысяч человек¹²⁰. В 1040-х годах голод привел к восстаниям в центральных районах. «Несколько лет имел место большой недород, и разбойники стаями собирались по первому зову», — сообщал очевидец¹²¹. Цены на рис за 20 лет возросли в 10 раз¹²². «Толпы беженцев среди голодающего люда Шэньси... особенно многочисленны... Беднота поднимается на разбой», — сообщал сановник Оуян Сю¹²³.

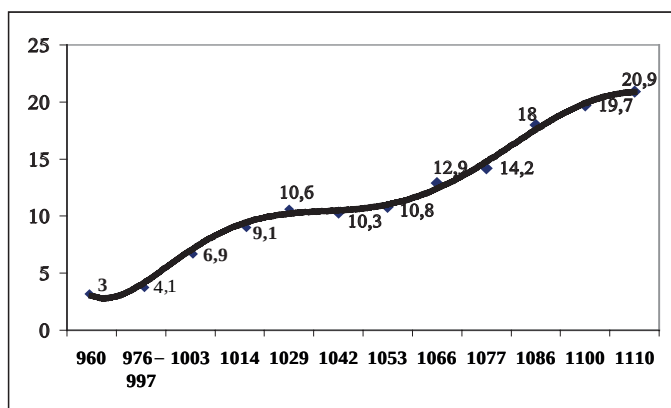

Рис. 12. Динамика численности населения империи Сун (число дворов в млн)¹²⁴

Восстания были подавлены, но конфуцианские сановники осознали всю опасность нарастающего кризиса. Оуян Сю и Ван Ань-ши в своих докладах напоминали императору о восстаниях, погубивших империю Тан, и настаивали на скорейшем проведении реформ¹²⁵. Выдвигались предложения об ограничении частного землевладения, о восстановлении надельной системы¹²⁶. Проекты реформ встречали ожесточенное сопротивление со стороны коррумпированных чиновничьих клик; так же, как во времена Хань, развернулась борьба между «чистыми чиновниками»

и кликами. Между тем сжатие нарастало: к концу правления Женьцзуна (1023–1063) поместья поглотили $\frac{2}{3}$ всей пашни, половина крестьян не имели своей земли и кормились арендой. Поскольку «сановные семьи» и их арендаторы не платили налоги, то казна испытывала жестокий финансовый кризис¹²⁷. Хроники говорят о голодных годах, об отдаче в залог жен и детей, о случаях каннибализма и детоубийства¹²⁸.

В 1069 году император Шеньцун (1068–1085) возвел Ван Ань-ши в ранг первого министра и поручил ему проведение реформ. Ван Ань-ши не решился восстановить надельную систему, но он обложил налогами земли сановных помещиков, создал систему государственного кредита для крестьян и наладил работу системы регулирования цен: зерно закупалось у крестьян в урожайные годы и раздавалось крестьянам в голодные годы. Главной идеей «новых законов» Ван Ань-ши было сосредоточение усилий на ирригации и подъеме целины в южных провинциях. Массы крестьян и солдат были мобилизованы на постройку каналов, плотин, дамб; только за шесть лет было построено 11 тысяч ирригационных сооружений, были расчищены русла многих рек¹²⁹. Освоение целинных земель происходило одновременно с распространением новых сортов вьетнамского риса. Урожайность этих сортов составляла 30 центнеров с гектара — втрое выше, чем урожайность проса на севере. Кроме того, на юге в некоторых областях собирали два урожая в год: после сбора риса сеяли пшеницу. Специальный правительственный указ запрещал землевладельцам брать арендную плату со второго урожая. К XII веку средняя кратность посевов увеличилась по сравнению с VI веком вдвое и достигла единицы (то есть каждое поле в среднем давало в год один урожай). Напомним, что в Европе в это время господствовала паровая система земледелия, и кратность посевов не превосходила 0,6¹³⁰.

С помощью селекции создавались новые сорта, приспособленные к местным климатическим условиям; в XII веке в провинции Чжэцзян культивировалось более 40 различных сортов риса. Практиковались специальная обработка семян, выращивание рассады в специальных парниках с хорошо удобренной и многократно взрыхленной почвой¹³¹.

По оценкам исследователей, освоение целинных земель и распространение заливного риса означали *аграрную революцию*¹³². Увеличение площади пахотных земель и резкое увеличение урожайности привели к расширению экологической ниши Китая. В предшествующие эпохи емкость экологической ниши составляла 50–60 млн человек, и когда численность населения приближалась к этому рубежу, начиналось сжатие — голод, восстания и внутренние войны. В 1029 году в империи Сун было 10,5 млн дворов, то есть (исходя из среднего состава семьи в пять человек¹³³) примерно 53 млн человек. Соответственно, мы вновь видим картину сжатия, голода и восстаний. Согласно данным переписей, рост населения оста-

навливается — логистическая кривая поворачивает к асимптоте на уровне 54 млн. Так продолжается до 1060-х годов, когда внезапно начинается новый, все ускоряющийся рост населения (см. рис. 21). В результате распространения заливного риса и освоения целины произошло расширение экологической ниши до уровня примерно 110 млн человек — и логистическая кривая поднимается к новой асимптоте.

Ван Ань-ши и его преемники продолжали «политику поощрения земледелия» до конца XI столетия. Однако «чистым чиновникам» не удалось ограничить могущество крупных землевладельцев. Попытка проведения кадастра с целью выявления необлагаемых земель закончилась неудачей¹³⁴. Процесс освоения новых земель сопровождался захватом этих земель «могущественными семьями». К примеру, сановник Чжу Мянью владел в приморских провинциях 300 тыс. му полей, и о его семье говорили, как о «маленькой династии на юго-востоке»¹³⁵.

Захват земли помещиками привел к тому, что в начале XII века появились признаки нового сжатия. Тысячи безземельных крестьян уходили в города — к этому времени относится невиданное до тех пор оживление городской жизни. По подсчетам М. Элвина, горожане составляли более десятой части населения страны; в Кайфыне проживало более 1 млн жителей, многие города имели население 100–300 тыс. человек¹³⁶. В 11 казенных оружейных мастерских сунской столицы работало 11 тыс. ремесленников, а в некоторых шелкоткацких мастерских насчитывалось более 400 станков. За период Сун выплавка железа увеличилась более чем в 12 раз, и к концу XI достигла 40 тыс. тонн (по другим данным — даже 150 тыс. тонн). Среди частных мастерских в торгово-ремесленных рядах часто встречались мастерские с 10–20, иногда даже с 40 работниками¹³⁷.

С ростом ремесла значительно возросли и торговые обороты. В сунское время существовали государственные торговые монополии на железо, соль, вино, чай и некоторые другие товары, но для деятельности частных торговцев сохранялся достаточный простор. Купцы получали большие прибыли от торговли шелком, фарфором, рисом; состояние богатейших купцов оценивалось в несколько миллионов связок монет¹³⁸.

Наиболее отчетливо черты нового кризиса проявлялись на юго-востоке, где перенаселение и малоземелье обусловили бурное развитие ремесла и чрезвычайно высокую долю городского населения — до одной четверти¹³⁹. Тяжелые условия жизни народа привели здесь к распространению уравнительного учения манихейской секты «Минцзяо». «Равноправие, отсутствие верхов и низов — таков справедливый принцип», — гласил девиз «Минцзяо»¹⁴⁰. В 1120 году сторонники секты подняли большое крестьянское восстание, охватившее четыре провинции юго-востока. «Мы, простой народ, с усердием трудимся каждый год, — писал в своем воззвании вождь восставших Фан Ла, — однако наши жены и дети стра-

дают от голода и холода, умоляют хотя бы один день накормить их досыта, а мы не можем удовлетворить их мольбы»¹⁴¹. Число повстанцев достигало миллиона; восстание продолжалось больше года; при его подавлении погибло около трех миллионов человек¹⁴².

Не успела страна оправиться от разрушительной крестьянской войны, как на северные области обрушилось нашествие кочевников-чжурчженей. Пренебрежение военной подготовкой солдат дорого обошлось династии Сун. В январе 1127 года пала столица Кайфын; император Циньцзун попал в плен. Война между чжурчженями и империей Сун продолжалась двенадцать лет; центральные области страны были охвачены крестьянскими восстаниями; повстанческие армии сражались одновременно против завоевателей и против правительственных войск. К 1139 году восстания были подавлены, но Северный Китай был завоеван чжурчженями. Войны и восстания привели к демографической катастрофе: были разрушены сотни городов, погибли многие миллионы людей.

* * *

Переходя к анализу социально-экономической истории Китая в эпоху Сун, необходимо еще раз отметить, что крестьянская война была подавлена лишь благодаря вмешательству кочевников, которые затем отказались уйти из Китая и создали на севере свое государство Поздняя Тан. Эта ситуация была аналогична вторжению маньчжуров в XVII веке, но в отличие от маньчжуров турки-шато оказались неспособны поддерживать политическую стабильность; они растратили силы во внутренних смутах и в войнах с киданями, так что в конечном счете китайцам удалось изгнать кочевников в степи.

Более полувека войны и нашествия кочевников не давали возможности приступить к восстановлению экономики — это был *интерцикл*, продолжавшийся до середины X столетия. Важно отметить, что в отличие от предыдущих кризисов кризис конца танской эпохи не привел к уничтожению крупной частной собственности и установлению этатистской монархии. Так же, как в XVII веке, вторжение кочевников сломило силы народа, и уцелевшие помещики смогли сохранить свои земли. Хотя монархия в начале эпохи Сун усилилась, она была не настолько сильна, чтобы регулировать социальные отношения.

Период восстановления начался в середине X века и продолжался до конца столетия, для этого времени характерны рост населения и посевных площадей, относительно высокий уровень потребления, восстановление ирригационных сооружений. В начале XI века появились признаки сжатия: приостановка роста населения, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, крестьянское малоземелье, разорение крестьян-собственников, рост помещичьего землевладения и ростовщичества, финансовый

кризис и фракционирование элиты, крестьянские восстания. Восстания привели к реформам Ван Ань-ши, однако реформаторы не решились затронуть крупное землевладение и решали проблему малоземелья путем освоения целинных земель юга. Освоение новых земель сопровождалось широким внедрением культуры заливного риса и привело к *аграрной революции*. Так же как во времена У-ди, сжатие отступило, и начался новый *период роста*¹⁴³. В 1160–1210 годах мы вновь видим рост населения и посевных площадей, строительство новых земледельческих поселков. Когда численность населения достигла примерно 110 млн человек, снова появились признаки сжатия: сообщения о голоде, разорение крестьян, рост городов, бурное развитие ремесел и торговли. В 1220-х годах начинается *экосоциальный кризис*: крестьянские восстания, нашествие внешних врагов, разрушение многих городов — и, в конечном счете, последовала демографическая катастрофа на севере Китая. Исторические пути севера и юга на время разделились, в то время как на юге продолжался сунский цикл, на севере установление власти чжурчженей привело к созданию сословной монархии (трансформация А_вС_с).

9.7. Империя Цзинь

В эпоху Сун в северных степях господствовали племена киданей, которые основали кочевую империю Ляо. Кидани позаимствовали китайский опыт и создали четкую гражданскую и военную администрацию; население и армия были разделены на «десятки», связанные круговой порукой в несении повинностей. Все воины были переписаны в особые книги, при объявлении мобилизации они являлись на сборные пункты в полной боевой экипировке, причем каждый должен был иметь панцирь и четыре лука. Войско киданей состояло из панцирных лучников, и их тактика предусматривала многодневный обстрел противника из луков¹⁴⁴.

В число подвластных киданям народов входили обитавшие в горах и степях Маньчжурии чжурчжени. Чжурчжени возделывали земли в горных долинах и занимались скотоводством, как все горцы, они были воинственными, и их обычаи были похожи на обычаи кочевников: они жили родами и племенами, решали свои дела на сходках; вождя союза племен выбирали из членов «царского» рода. От киданей чжурчжени заимствовали их военную организацию, строгую дисциплину, деление на десятки и сотни¹⁴⁵. В начале XII века чжурчжени освоили новую тактику таранных атак. «В авангарде выставляют копьеносцев, которых называют «ин», «стойкими», — писал о цзиньцах сунский историк Сюй Мэн-синь. — Солдаты и их лошади одеты в латы». За копьеносцами, которые составляли около половины армии, следовали лучники, одетые в легкие панцири. Копьеносцы таранили строй противника, а лучники производили залп,

ворвавшись в него на глубину ста шагов. Это была тактика, напоминающая тактику европейских рыцарей; благодаря этому военному новшеству чжурчжени взяли верх над киданями, объединили под своей властью степные племена и после кровопролитной войны в 20–30-х годах XII века завоёвали Северный Китай¹⁴⁶.

Долгие войны принесли с собой демографическую катастрофу. Погибло $\frac{2}{3}$ населения Северного Китая; если до завоевания население этих областей составляло более 50 млн человек, то после окончания войн — лишь 18 млн¹⁴⁷. В 1126 году сунский посол, проезжая через северные области, не встретил на своем пути обработанных полей. «Население рассеялось, там, где жило семь поколений, не осталось ничего»¹⁴⁸. Лучшие земли Великой равнины были заняты переселившимися в Китай родами завоевателей; чжурчжени жили родовыми общинами-моукэ; каждой общине выделялся тягловый скот и рабы, которые должны были пахать землю. Многие уцелевшие крестьяне были обращены завоевателями в рабов-цзюдинов; племенные и родовые вожди, боцзини, владели сотнями и тысячами порабощенных китайцев¹⁴⁹.

Завоеватели основали новую династию Цзинь. Первые императоры Цзинь, Тай-цзу (1115–1123) и Тай-цзун (1123–1135), еще придерживались старых обычаев и не допускали, чтобы чжурчжени по-китайски склонялись перед ними ниц. Племенная знать играла главную роль в управлении государством; все важнейшие решения принимались на заседаниях состоявшего из знати Государственного совета. Преемник Тай-цзуна, Си-цзун (1135–1149), был воспитан в китайских традициях и преклонялся перед китайской культурой. В 1141 году Си-цзун заключил мирный договор с империей Сун; период завоеваний закончился, и границы нового государства окончательно определились. Затем император приступил к созданию системы государственного управления; он восстановил китайскую административную систему и разделил страну на губернии, лу, во главе с губернаторами-даругачи (да-лу-хуа-чи). Были восстановлены министерства и ведомства; изъявившие покорность китайские чиновники назначались на высокие должности. В соответствии с китайской системой чиновничьих рангов их обладатели получали соответствующие оклады деньгами, зерном, шелком, а также земельные пожалования. Чжурчженьские вожди получили чиновничьи ранги, но в отличие от китайцев передавали свои должности по наследству; племенная знать сохраняла свою силу¹⁵⁰.

Перенимание китайских традиций было проявлением процесса *социального синтеза*; этот процесс вызвал сопротивление чжурчженьской знати и привел к столкновению между знатью и императором Хай-лин-ваном (1148–1161). Были казнены сотни чжурчженьских аристократов; императорский двор покинул Маньчжурию, переехал в Китай и объявил новой столицей Яньцзин, тепершний Пекин. Император приблизил к себе

китайских сановников; назначение на должности отныне производилось только через систему экзаменов (раньше этот порядок распространялся лишь на китайцев). В 1161 году знать подняла военный мятеж, и Хай-лин-ван был убит, однако могущество аристократии уже не возродилось. Новый император Ши-цзун (1161–1189) правил как самодержавный монарх, следуя вековым китайским традициям. Когда во время переписи 1181 года было обнаружено, что поместья знати намного превосходят установленные нормы, император приказал конфисковать излишки в казну. Таким образом, чжурчженская знать лишилась значительной части своих владений¹⁵¹.

К 80-м годам XII века завершилось формирование социальной системы империи Цзинь. В целом эта система была результатом синтеза кочевых традиций чжурчженей и конфуцианских государственных традиций Китая, причем в качестве образца бралась не враждебная Цинь империя Сун, а более близкие конфуцианскому идеалу порядки эпохи Тан. Завоевание привело к гибели характерного для эпохи Сун помещичьего строя; большая часть помещичьих земель была конфискована; завоеватели признавали частными лишь те земли, которыми их хозяева владели по праву первой распашки; все остальные угодья переводились в казенный фонд. Фонд казенных земель значительно увеличился и составлял примерно половину всей пашни¹⁵². На казенных землях была возрождена надельная система эпохи Тан: по достижении совершеннолетия крестьяне получали казенные наделы в 50–60 му, они объединялись в связанные круговой порукой «пятерки» и были прикреплены к земле. Однако размеры податей, по сравнению с эпохой Тан, намного возросли; налог на казенных землях составлял 5 доу с 1 му — около половины урожая¹⁵³. Половина урожая — это была норма арендной платы, которую брали сунские помещики; таким образом, завоеватели заменили помещиков и присваивали весь производимый крестьянами прибавочный продукт. На частных землях налог был намного ниже — 0,53 доу с 1 му¹⁵⁴.

По оценкам специалистов, хозяйственное положение крестьян в середине XII века было в целом благоприятным¹⁵⁵. Об этом, в частности, говорит быстрый рост населения; по переписи 1187 года, население империи Цзинь насчитывало 45 млн человек — немногим меньше, чем было до завоевания¹⁵⁶. «Сумма взимаемых налогов и податей теперь втрое больше, чем в старину», — говорит «История Цзинь»¹⁵⁷. Восстанавливались города, была отстроена великолепная новая столица — на строительстве дворцов Яньзцина было занято 800 тыс. человек. К 80-м годам XII века процесс восстановления экономики был близок к завершению, и появились признаки перенаселения. В 1190 году цена одного даня зерна составляла серебряного лян — это была высокая цена, лишь немного уступавшая цене зерна во времена кризиса в эпоху Мин¹⁵⁸. Посетив провинцию Шань-

си, император Ши-цзун заметил, что все земли заняты под поля и не осталось места для пастбищ¹⁵⁹. Император сетовал, что всего один урожай приводит к голоду, чего не было в древности. «В древности, — отвечал сановник Хэшиле Ляньби, — земли было много, а народа мало. Цена больше всего умеренность, народ заботился о земледелии, поэтому, собирая в избытке хлеб, не страдал от голода. В настоящее время земли мало, а народа — много...»¹⁶⁰. По совету своих сановников Ши-цзун приказал своим подданным соблюдать умеренность в потреблении, сократить число праздников, не устраивать празднеств в период полевых работ, обязал простолюдинов носить простую одежду и не строить больших домов¹⁶¹. Была восстановлена система государственных закупок зерна; зерно закупалось по дешевым ценам в урожайные годы и продавалось (или раздавалось) населению в голодные годы. Масштабы операций по закупке и транспортировке зерна были огромными; в 1190 году из общего дохода казны в 78 млн связок монет, на закупки тратилось 10 млн связок. В 1193 году в 519 «амбарах регулярного выравнивания цен» хранилось 46 млн даней зерна — немногим меньше годового сбора поземельного налога. Это зерно было роздано населению, когда в 1194 году Хуанхэ прорвала дамбы и, затопив несколько провинций, нашла себе новую дорогу к морю. На постройку новых дамб было мобилизовано 9 млн крестьян; благодаря этим мерам удалось избежать катастрофы, подобной той, которая погубила династии Старшая Хань и Суй¹⁶².

Бедствие 1194 года заставило власти обратить большее внимание на строительство дамб и ирригационных сооружений. Губернаторам было приказано выяснить, какие реки можно использовать для орошения полей, и наметить планы работ. Были назначены особые вознаграждения за проведение ирригационных работ на землях моукэ. «Теперь в уездах и префектурах Хэнани много мест, где существуют поливные поля», — докладывали императору¹⁶³. С повышения урожайность вводились новые методы высадки рисовой рассады; крестьянам предписывалось производить квадратно-гнездовой посев, который, как утверждали агрономы, обеспечивает чрезвычайно высокую урожайность. Был создан специальный институт аграрных инспекторов; инспекторы проверяли качество работ и соблюдение агротехники, поощряли старательных крестьян и наказывали нерадивых. Регулярно проводились переписи и кадастры, направленные на выявление пустующих земель или земельных излишков¹⁶⁴.

Несмотря на все усилия властей, они не могли решить проблему малоземелья. Численность населения продолжала расти; к 1207 году она достигла 54 млн. Увеличивается число сообщений о засухах, наводнениях, голоде¹⁶⁵. В 1192 году сановники говорили о неурожае, о непомерно высоких ценах на хлеб, о том, что крестьяне совершенно истощены и, будучи не в силах уплатить налоги, оставляют свои наделы¹⁶⁶. В разных местах

вспыхивали крестьянские восстания¹⁶⁷. Распространилось ростовщичество, ростовщики скупали земли разорвавшихся крестьян-собственников; снова возникали помещичьи хозяйства. Случалось, что в годы голода доведенные до отчаяния крестьяне продавали в рабство своих детей; власти запретили такие продажи и приняли меры к выкупу рабов. Была ограничена норма ростовщического процента; помещичьи владения были ограничены площадью в 1000 му¹⁶⁸.

Разорившиеся крестьяне уходили в города и пытались заработать на жизнь ремеслом. Сановник Хэшиле Ляньби отмечал, что народ, оставив «главное», земледелие, устремился к «второстепенному», ремеслу и торговле¹⁶⁹. Особенно большого развития достигло шелкоткачество; шелковые ткани в больших количествах вывозились в Южный Китай. Развивалось гончарное производство; в главном фарфоровом центре, Ханьпо, гончарные печи занимали пространство протяженностью в 5 километров. Горное дело, выплавка металлов, продажа вина, соли, железа, чая, как в эпохи Тан и Сун, находились в монополии государства. Для торговли этими товарами требовалась лицензия, за которую взимали $\frac{1}{10}$ часть товара; при продаже других товаров взимался 1-процентный рыночный сбор¹⁷⁰. Для того чтобы учесть доходы торговцев и сделать налогообложение более равномерным, был введен налог на имущество; проводилась перепись и оценка полей, домов, огородов, учитывались запасы денег и взимался пропорциональный налог¹⁷¹. По-видимому, это была первая в истории Китая попытка введения поимущественного налога. Необходимо отметить, что подобный налог требует совершенного учета и слаженной работы бюрократического аппарата, и во многих странах его сбор до сих пор сталкивается со значительными трудностями. Попытка введения имущественного налога в Цзинь оказалась успешной и через посредство монголов оказала существенное влияние на системы налогообложения в других странах (в том числе и в России). Другим достижением в финансовой области был выпуск ассигнаций. Сначала были выпущены кредитные обязательства по образцу существовавших в эпоху Тан; в 1189 году они были заменены бессрочными ассигнациями — это были первые в мире бумажные деньги. Первое время ассигнации выпускались в ограниченном объеме и имели устойчивое обращение, но позже, во время войны с монголами, финансовые трудности привели к неумеренной эмиссии, и ассигнации быстро обесценились¹⁷². Еще одним новшеством циньской администрации было введение почтовой (ямской) службы и устройство почтовых станций. Почтовые станции располагались через каждые 50 ли (29 км); население было обязано обеспечивать их лошадьми и повозками. Сменяя на станциях лошадей, курьеры покрывали за сутки расстояние до 300 ли (172 км)¹⁷³. Система ямской службы была впоследствии позаимствована многими странами.

Аграрный кризис и развитие ремесел были проявлением нарастающего перенаселения и сжатия. Другой стороной этого процесса было разложение чжурчженьских общин. Завоеватели-чжурчжени были военным сословием нового общества; они жили родовыми общинами-моукэ и были обязаны выставлять солдат для службы в гарнизонах и на границе; в военное время все мужчины с 17 до 59 лет подлежали поголовной мобилизации¹⁷⁴. Первое время после завоевания моукэ представляли собой сплоченные родовые коллективы, члены которых совместно владели землей и рабами. Однако быстрый рост общин привел к нехватке земли и разделам имущества между семьями. В 1180 году один из министров указывал, что выделение семей из-за недостатка земли влечет разорение и необходимо пахать землю на началах взаимопомощи, по 40–50 дворов вместе¹⁷⁵. Но разделы продолжались; в начале 80-х годов в моукэ насчитывалось 615 тыс. дворов; в среднем на двор приходилось 275 му земли, 10 свободных, 2 раба и 2 вола, но были дворы с 200 рабами, и были дворы, имеющие одного раба¹⁷⁶. Разумеется, воины-кочевники не пахали землю сами, они заставляли пахать своих рабов. Однако психология «благородных завоевателей» была такова, что они не считали нужным следить за хозяйством и не разбирались в земледелии; они привыкли жить в роскоши и проводить время в пирах. «Слышал, что люди моукэ только пьянствуют, да стараются получать подать на 2–3 года вперед», — доносил императорский ревизор¹⁷⁷. Растратив деньги, продав волов и рабов, воины сдавали землю крестьянам в аренду и требовали плату за 2–3 года вперед. Чжурчжени уже не подвергались тому жестокому естественному отбору, который сделал их превосходными воинами, военных тренировок не проводилось, дисциплина ослабла, во время походов воины самовольно оставляли свои части и возвращались в общины. В конечном счете, в соответствии с теорией Ибн Халдуна, завоеватели потеряли свои боевые качества; во время одного из смотров выяснилось, что даже гвардейцы не могут попасть из лука в цель¹⁷⁸. Сановник Вэй Цзы-пин констатировал, что молодежь из богатых семей не годится для военной службы из-за своей трусости, а бедняки разорились и не имеют возможности служить. Вэй Цзы-пин предлагал освободить моукэ от обязанности выставлять воинов и перейти к вербовке наемников и его предложение было принято¹⁷⁹. Таким образом, система моукэ повторила историю танской системы фубин.

После военной реформы войско Цзинь превратилось в обычную наемную армию, комплектуемую из разных народностей — не только чжурчженей, но и киданей, тангутов, китайцев. Месячное содержание тяжеловооруженного всадника составляло 2 тысячи монет, 154 литры риса, 4 куса шелка и фураж на двух лошадей. Каждый всадник имел оруженосца, по-существу, это была рыцарская армия, и даже оруженос-

цы были одеты в латы¹⁸⁰. По расчетам М.В. Воробьева, на содержание 275-тысячной армии в 1190 году уходило $\frac{2}{3}$ бюджета, 55 млн связок монет¹⁸¹. Необходимо отметить, что цзиньская армия была хорошо оснащена в техническом отношении. В эпоху Цзинь получило распространение огнестрельное оружие: выбрасывавшие огонь «огненные трубы», «огненные стрелы» с пороховыми зарядами и разрывные бомбы — «огненные кувшины»¹⁸².

Таким образом, империя Цзинь была мощной военной державой. Столкновение империи Чингисхана и империи Цзинь было битвой гигантов. В 1211 году, в первом грандиозном сражении на реке Хуйхэнху, цзиньская армия, по некоторым сведениям, насчитывала 400 тыс. конников¹⁸³. Тем не менее цзиньцы потерпели страшное поражение. «Пошло такое истребление, что кости трещали, словно сухие сучья», — говорит «Сокровенное сказание»¹⁸⁴. Цзиньская армия не могла сравниться своими боевыми качествами с ополчениями монголов; монголы были выросшими в битвах воинами степей; они имели лучших коней и луки, не уступавшие по мощности мушкетам. Сила натяжения монгольского лука, по крайней мере, в полтора раза превышала мощность цзиньских луков¹⁸⁵.

Завоевание монголами Северного Китая продолжалось более 20 лет. После первых же поражений против чжурчженей восстали покоренные кидани; китайцы подняли большое восстание в Шаньдуне. Тем не менее империя Цзинь отчаянно сопротивлялась, выставляя новые и новые армии. Монголы вели планомерную войну на уничтожение; население взятых городов вырезалось до последнего человека. «Везде были видны следы страшного опустошения, — свидетельствует хорезмийский посол. — Кости убитых составляли целые горы, почва была рыхлой от человеческого жира, гниение трупов вызывало болезни»¹⁸⁶. Перепись, проведенная монголами после окончания войны, показала, что из 54-миллионного населения Северного Китая уцелело лишь 4,8 млн человек¹⁸⁷.

* * *

Переходя к анализу истории Китая в эпоху Цзинь, необходимо отметить, что завоевание севера страны чжурчженями было следствием нового этапа в развитии тяжелой кавалерии. Ударной силой чжурчженей были тяжеловооруженные всадники, сражавшиеся копьями, так же как и европейские рыцари. Такие рыцари, конечно, были и у других степных народов в более ранние времена, но их было сравнительно немного. Как тюрки, так и кидани использовали прежде всего стрелковую тактику, и копейщики шли в атаку лишь в заключительной фазе сражения — у чжурчженей они атаковали первыми, как в Европе.

Система содержания воинов у чжурчженей также напоминала европейскую: воины получали земли и рабов, правда, первоначально они жили

общинами, но затем земля была поделена, и каждый воин стал владеть маленьким поместьем. В совокупности, однако, земли поместий составляли лишь небольшую часть всех пашенных земель, и государственный сектор в экономике империи Цзинь полностью преобладал над феодальным.

В контексте внутреннего развития история империи Цзинь дает образец классического цикла Ибн Халдуна. Цикл начинается с завоевания Северного Китая чжурчженями, затем следует *социальный синтез*, в процессе которого завоеватели перенимают государственные традиции коренного населения, и прежде всего самодержавие. Кочевая знать пытается отстаивать свои традиции, но в конечном счете терпит поражение. Чжурчжени подчиняются самодержавной монархии и становятся военным сословием новой империи. Затем, в соответствии с теорией Ибн Халдуна, начинается процесс разложения военного сословия, и в данном случае мы можем наблюдать его достаточно детально. Ведущим фактором этого процесса является рост численности родовых общин и нехватка земли, которая побуждает родовичей к разделу имущества между семьями. Выделение семей, по существу, означает распад рода и конец традиций взаимопомощи, которые в значительной степени определяли силу родового ополчения. Затем начинается процесс дифференциации, большинство воинов не могут (и не желают) приспособиться к условиям земледельческой экономики, беднеют и оказываются не в состоянии снаряжаться в походы. С другой стороны, отсутствие естественного отбора и необходимости сражаться за жизнь приводит к потере боевых качеств; появляются изнеженность и трусость. Весь этот процесс, в соответствии с теорией Ибн Халдуна, укладывается в жизнь трех-четырех поколений; разложение военного сословия подрывает обороноспособность страны, и вскоре приходят новые завоеватели — в данном случае монголы.

Характерно, что цикл Ибн Халдуна является вместе с тем *демографическим циклом* — его ведущим фактором является рост численности населения. Цикл начинается с *периода восстановления*, в случае империи Цзинь этот период длился с 1230-х до 1280-х годов. В это время мы наблюдаем рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, незначительное развитие помещичьего землевладения, аренды и ростовщичества, ограниченное развитие городов и ремесел. Затем появляются признаки наступающего сжатия: частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, крестьянское малоземелье, разорение крестьян-собственников, рост помещичьего землевладения, рост ростовщичества, распространение долгового рабства, уход разоренных крестьян в города, рост городов, бурное развитие ремесел и торговли, высокие цены на хлеб, голодные бунты и восстания, строительство ирригационных систем с целью освоения новых земель.

Сжатие привело к восстановлению этатистской монархии, к вмешательству государства в экономику с целью поддержки крестьянских хозяйств и недопущения развития крупного землевладения (трансформация С^сВ).

Экосоциальный кризис совпал с монгольским нашествием; он проявился не только в наступившем голоде и свирепствовавших эпидемиях, но и в массовом восстании китайских крестьян. В конечном счете разрушительная война привела к демографической катастрофе. Завоевавшие Северный Китай монголы восстановили сословную монархию, так что итоговая последовательность трансформаций на протяжении цикла описывается формулой С^сВС^с.

9.8. Индия в I тысячелетии н. э.

Перейдем теперь к рассмотрению истории другой великой цивилизации — индийской. Современные исследователи нередко отмечают, что в Древней Индии отсутствовали исторические хроники, и если даже они существовали, то ни одна из них не дошла до наших дней¹⁸⁸. Поэтому сведения, имеющиеся в распоряжении историков, носят фрагментарный характер и не позволяют восстановить целостную картину развития Индии до конца I тыс. н. э. Известны лишь общие контуры этого развития, позволяющие утверждать, что оно значительно отличалось от развития Китая и Передней Азии. Необходимо, впрочем, оговориться, что мы будем рассматривать в основном историю Северной Индии, Хиндустана, поскольку история Хиндустана известна намного лучше, чем история индийского юга.

Главным фактором, обусловившим своеобразие индийской истории, было изобилие, дарованное Индии природой. Это была страна обширных плодородных равнин, орошенных многоводными реками. Здесь можно было возделывать заливной рис; эта культура была намного продуктивнее пшеницы и могла прокормить намного более многочисленное население. Экологическая ниша Индии была огромна, и вся история этой страны была историей освоения необъятных равнин. В то время как на Ближнем Востоке история пульсировала в ритме демографических циклов, в Индии продолжалось постепенное заполнение экологической ниши; численность населения росла, и поступательное развитие прерывалось, по-видимому, лишь вторжениями внешних врагов.

Как и в истории других стран, в истории Индии важную, формообразующую роль играл географический фактор. В середине I тыс. н. э. большую часть Индии еще занимали девственные леса; иной раз они тянулись на десятки и сотни километров. Редкие деревни были окружены участками отвоеванной у джунглей пашни; поля приходилось оберегать от наступления дикой растительности и защищать от набегов лесных зверей.

Расчистка участка в лесу была под силу лишь сплоченному коллективу; обычно это была группа родственных семей. Крестьяне рыли водоем для дождевой воды или перекрывали плотиной маленькую речку; от водоема на рисовые поля отводили оросительные каналы — так создавалась небольшая ирригационная система, вокруг которой сосредотачивалась вся жизнь общины. Необходимость коллективного труда по расчистке леса и орошению полей объясняет прочность индийской общины — во многих районах община сохранилась до нашего времени. Первое время после основания деревни все общинники трудились вместе; позже, когда община разрасталась, производили раздел полей; в некоторых общинах поля поначалу периодически переделались, но со временем наделы прочно закреплялись за семьями. В случае необходимости семья могла продать свой надел, однако община старалась не допускать в свою среду чужаков, и обычно надел покупали родственники или соседи¹⁸⁹.

Со временем община разрасталась и производила выселки, таким образом появлялись группы родственных деревень, крестьяне которых принадлежали к одной этноконфессиональной общности — касте. Слово «каста», «джати», буквально означает «происхождение» и указывает на изначально родственные связи членов касты; их объединяли также общие обычаи, социальное положение, правило, по которому браки заключались только внутри касты¹⁹⁰. Кроме земледельческих каст существовали касты священнослужителей (брахманов), воинов и ремесленников. Профессиональные касты ремесленников напоминали европейские цехи — они передавали секреты своего мастерства по наследству и старались не допустить в свою среду посторонних.

В конце V века на Индию обрушилось нашествие кочевников из Великой степи; вторгшиеся племена назывались «белыми хуна», и историки отождествляют их с белыми гуннами или эфталитами. В V веке эфталиты обитали в Средней Азии по соседству с гуннами; это были восточноиранские по языку племена, родственные юэджи и испытавшие сильное влияние гуннов¹⁹¹. В военном отношении эфталиты были подобны гуннам и юэджи: это были тяжеловооруженные всадники, стрелявшие из гуннских луков. Вторжение тюрков в Среднюю Азию вынудило эфталитов к переселению в Индию, таким образом, это превратившееся в нашествие переселение было продолжением завоевательной волны, вызванной появлением стреляющих и новых седел. Это была одна из волн нашествий, время от времени прерывавших процесс колонизации индийских равнин.

Вождя эфталитов Тораману отождествляли с богом разрушения: «Этот страшный враг человечества избивал всех и не знал ни жалости к детям, ни уважения к старикам», — говорит предание¹⁹². Нашествие сопровождалось массовым истреблением населения, по словам китайского путешественника Сюань Цзяна, при завоевании долины Инда царь

эфталитов захватил 900 тыс. пленных, 300 тыс. из них он приказал перебить, 300 тыс. утопить в Инде и остальных раздал своим воинам¹⁹³. Многие города были разрушены. Характерно, что слово «нигама», означавшее прежде «город», в эту эпоху приобрело значение «деревня»¹⁹⁴. Сюань Цзян, посетивший Индию через сто лет после нашествия, описывал многочисленные развалины городов и храмов. От Паталипутры, некогда «величайшего города» Индии, «остались только основания древних стен»¹⁹⁵. Вместе с тем Сюань Цзян писал о богатстве страны: «В укрепленных городах живут лишь немногие жители, но селения густо населены. Почва богатая и плодородная, урожаи зерна обильны»¹⁹⁶.

Эфталиты и пришедшие с ними племена гурджаров закрепились в степях Раджастхана; здесь образовался внутренний кочевой очаг, островок Великой степи, откуда кочевники совершали набеги на окружающие области. В IX веке великому вождю Михиру Бходже удалось объединить степные племена и обратить их от внутренних войн к внешним завоеваниям. Кочевники овладели всей Северной Индией и создали здесь мощное государство, существовавшее около столетия. В середине X века, как это обычно бывает с государствами степняков, оно распалось на племенные княжества¹⁹⁷.

Племенные или клановые княжества Хиндустана были обычно небольшими, в позднейшем территориальном делении они известны как парганы, «округа», или чаураси — буквально «84 деревни». Князь, раджа выделял своим сыновьям, раджпутам, грасы («доли») в 10, 12, 18 деревень; впоследствии эти доли дробились между наследниками и иногда составляли $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{9}$ деревни¹⁹⁸. Права раджпутов над подчиненными общинами заключались в получении части налога и во владении участками земли, которые обрабатывали арендаторы или рабы. Раджпуты обитали в небольших замках и проводили жизнь в ожесточенных межклановых войнах. Войны препятствовали восстановлению экономики страны, города по-прежнему лежали в развалинах, торговля почти прекратилась. Если прежде в Индии в изобилии чеканились золотые и серебряные монеты, то в этот период серебряные монеты стали редкостью, а золотые вообще исчезли из обращения¹⁹⁹. Бируни, который посетил Индию в XI веке, свидетельствует, что страна была покрыта лесами; в Доабе (двуречье Ганга и Джамны) деревня от деревни находилась на расстоянии в пять фарсахов, то есть в 30–35 километрах²⁰⁰.

* * *

Переходя к анализу экономического состояния Индии в VII–XII веках, необходимо отметить, что главным фактором, определявшим развитие страны, была большая вместимость экологической ниши. Обширные

пространства плодородных земель в сочетании с исключительно продуктивной культурой заливного риса обеспечивали возможность для прокормления огромных масс населения. В то время как на Ближнем Востоке история уже давно пульсировала в ритме демографических циклов, в Индии еще продолжался процесс первоначальной колонизации. В то же время трудность освоения тропических лесов до некоторой степени замедляла этот процесс и оказывала существенное влияние на формирование сплоченной крестьянской общины.

Другим важным фактором индийской истории были вторжения кочевников из Великой степи. В результате подчинения крестьянских общин раджпутами в Северной Индии сформировалось сословное феодальное общество с характерными для него чертами раздробленности и феодальной анархии.

9.9. Распад Арабского халифата

Вернемся теперь к истории Ближнего Востока. Как отмечалось выше, в 810–830-х годах Арабский халифат был охвачен тяжелым кризисом, который проявлялся в династических распрях, в восстаниях простого народа и в гражданских войнах. В ходе этих войн выяснилось падение боеспособности арабского военного сословия, и халиф ал-Мамун решил на радикальную реформу, в том числе на прекращение традиционных выплат арабским воинам. Реформы, проведенные ал-Мамуном и его преемником ал-Мутевакилом, имели далеко идущие социальные последствия. Уничтожение сословной грани между мусульманами и зиммиями способствовало ускоренному обращению покоренного населения в ислам. К IX–X векам относится становление единого мусульманского общества, вобравшего в себя большую часть населения Халифата. У мусульман не было официального духовенства; главы их общин, судьи-кади, выдвигались из числа уважаемых «ученых людей», улемов, хорошо знавших Коран. Поскольку Коран регулирует всю жизнь людей, то мусульманское право, шариат, исходит не из законов, а прямо из Корана; отсюда вытекает важная особенность мусульманского общества — разделение судебной и административной власти. Кади формально были независимы от властей и судили, опираясь на шариат²⁰¹.

Реформа ал-Мамуна имела и другие важные последствия. Ядро новой армии халифов составила гвардия гулямов, воинов-рабов. Гулям по-арабски означает «юноша, раб»; гулямов обычно покупали в юношеском возрасте и воспитывали в казармах; они принадлежали к самым воинственным народам, проживавшим в зонах высокого демографического давления. Среди гулямов было много дейлемских горцев и берберов, но большинство их были обитателями Великой степи, тюрками. Мы говори-

ли выше о тех физических и психологических преимуществах, которым жители степей обязаны суровому естественному отбору кочевой жизни. Арабский ученый ал-Джахиз писал, что тюрки намного превосходят лучших воинов арабского Востока, хариджитов: «Если тысяча тюркских всадников натянут тетиву и выстрелят одним разом — тысяча всадников будут сражены, и после такого натиска от войска ничего не останется. Ни хариджиты, ни бедуины не могут так стрелять на скаку, тюрк же одинаково метко стреляет и зверя, и птицу, и мишени во время соревнований, и людей, и неподвижные чучела... Стреляя, он заставляет лошадь скакать вперед и назад, вправо и влево, вверх, и вниз. Он успевает пустить десять стрел прежде, чем хариджит успеет пустить одну. Его конь взлетает на склоны гор и опускается на дно ущелий с легкостью, недоступной хариджиту даже на ровной местности»²⁰².

Однако дело было не только в природных качествах тюрков: кочевники были носителями нового оружия, стремян и тюркских седел. Именно благодаря стремянам и новым седлам тюрки могли демонстрировать свою удивительную ловкость в обращении с конем и оружием. Нужно заметить, что эта ловкость вырабатывалась многолетним опытом, и арабам, которые еще не вполне освоились со стремянами и новыми седлами, было, конечно, трудно соревноваться с прирожденными наездниками из степей. Таким образом, мирное проникновение тюрков на Ближний Восток было результатом диффузии военно-технологических инноваций, это была диффузионная волна — продолжение распространявшейся ранее по Великой степи волны тюркских завоеваний. С этой диффузионной волной на Ближний Восток пришла эпоха тяжелой кавалерии, и хотя тюркский всадник появился здесь в качестве гуляма, вскоре наступило время, когда тяжелая кавалерия стала диктовать направление общественного развития.

Реформы Мамуна и Мутасима продемонстрировали регулирующую роль государства, которое, таким образом, приобрело черты этатистской монархии. С другой стороны, создание профессиональной наемной армии резко усилило мощь автократии, и позволило ей справиться со своими врагами. Восстание Бабека было подавлено; такая же участь постигла мятежи недовольной арабской элиты. Чтобы уйти из-под ее влияния, халиф Мутасим построил новую столицу, Самарру, где он жил в окружении своей тюркской гвардии. Преданных гулямов часто назначали и на административные должности²⁰³. Усовершенствованная почтовая связь позволяла халифу контролировать положение даже в отдаленных провинциях — за исключением Ирана, который стал почти независимым под властью наследственных эмиров из рода Тахира²⁰⁴.

Основатель династии Тахиридов, знатный перс Тахир ибн Хусейн, был представителем сасанидской политической традиции²⁰⁵, ставившей

во главу угла принцип социальной справедливости. Для писателей последующей эпохи Тахир ибн Хусейн (наряду с Хосровом Ануширваном) стал символом идеального государя. «Смотри, вот, на поземельный налог: подданные неуклонно его уплачивают... — писал Тахир своему сыну Абдаллаху, — так ты распределяй его по праву и справедливости, на равных и общих началах, между всеми, кто подлежит обложению им: ни в какой мере не освобождай от него ни благородного, ради его благородства, ни богатого ради его богатства... Не взимай этого налога свыше платежеспособности, не налагай чрезмерных повинностей... Помни, что благодаря своему назначению правителем, ты стал казначеем, защитником и пастырем... В каждый округ подведомственной тебе области назначь по надежному человеку, который сообщал бы тебе сведения о всех поставленных тобою должностных лицах и писал бы тебе о их поведении и поступках... Заботься о тех представителях высшей знати, которые впадут в нужду, бери на себя их содержание... Исключительное внимание уделяй делам бедняков и неимущих, — тех, кто не имеет возможности довести до тебя о взимаемых с них незаконных поборах, о забытых, не понимающих, как добиться своего права... *Государь богат тогда, когда у него райаты живут зажиточно и в достатке*... Устрой для больных мусульман особые дома, где они могли бы найти приют; назначь людей, которые ходили бы за ними, и врачей, которые лечили бы их болезни...»²⁰⁶.

Это послание еще при жизни Тахира стало «царским зеркалом», кодексом мусульманской этатистской монархии: халиф Мамун, ознакомившись с его содержанием, велел изготовить копии и разослать их всем наместникам в виде инструкции²⁰⁷. Правление Тахиридов демонстрирует те этатистские тенденции, которые были свойственны новым персидским государствам в восточной части мусульманского мира. Однако развитие арабской государственности в Ираке приняло иное направление: этатистская монархия Мамуна и Мутасима вскоре пала под натиском новой военной элиты, гвардии гулямов. Заменявшая арабское ополчение гвардия стала мощной военной силой — в 860 году она насчитывала 70 тысяч воинов. Таким образом, на сцену вышло новое военное сословие, турки и дейлемиты; заменив арабов, новая армия сразу же предъявила свои права. В отличие от арабов турки не испытывали религиозного благоговения перед заместителями пророка, и халифы не смогли справиться со своим новым войском. В 861 году турецкие гулямы убили халифа ал-Мутевакилла и в последующее десятилетие заменили на престоле еще четырех халифов. Военное сословие требовало перераспределения ресурсов в свою пользу и вскоре добилось своей цели. Первоначально гулямы получали содержание в 4–7 динаров в месяц (примерно в 2–3 раза больше, чем получал квалифицированный ремесленник); к началу X века оплата воинов-кавалеристов возросла до 10–13 динаров в месяц²⁰⁸.

Однако постоянные мятежи в столице привели к ослаблению центральной власти, наместники (эмиры) стали почти независимыми и передавали свои должности по наследству. Не только Тахириды в Хорасане, но и Саманиды в Мавераннахре и Тулуниды в Египте содержали собственные армии и проводили самостоятельную социально-экономическую политику.

Уравнение сословий и снижение налогов при Мамуне и Мутасиме предопределили относительно быстрое восстановление хозяйства после кризиса. Как отмечалось выше, в 860-х годах цена пшеницы была низкой и составляла 0,6 динара за центнер — экономическое положение было весьма благоприятным. Хотя данные о заработной плате практически отсутствуют, хронисты свидетельствуют, что в те времена даже бедняк мог легко заработать на пропитание²⁰⁹. Из описаний арабских географов IX–X веков можно заключить, что в этот период Иран пережил такой экономический рост, какого никогда не было ни раньше, ни позже, вплоть до XX века. Важным фактором, определившим социально-экономический прогресс этого времени, было распространение культуры риса. При Аббасидах рис широко распространился в Ираке, Хузистане, Хорасане и в других областях Халифата; эта урожайная культура не требовала паров и была намного более продуктивной, чем пшеница. Поскольку возделывание риса требует ирригации, то IX–X века стали временем широкого строительства ирригационных сооружений. Повсюду производились интенсивные ирригационные работы, намного расширившие обрабатываемую площадь. В это время стали строить подземные водоводы, кяризы, достигавшие длины в сотню километров и проходившие на глубине до 100 метров. Проводились новые каналы, строились дамбы, плотины, шлюзы для спуска воды в половодье. В Хузистане на реке Карун стояли огромные водоподъемные колеса, поднимавшие на высокие берега воду, которая потом отводилась на поля. Широкое применение получили водяные и ветряные мельницы, для борьбы с движущимися песками стали применяться лесозащитные полосы²¹⁰.

Положение в Ираке было не столь благоприятным, как в Иране. В 869 году на юге Ирака началось восстание рабов-зинджей, которое продолжалось 15 лет. Многие области Ирака были разорены; в условиях ослабления центральной власти крестьяне терпели притеснения со стороны кочевников — арабских бедуинов и курдов. Налоги оставались тяжелыми; к официальным налогам добавлялись вымогательства откупщиков, поэтому крестьяне были не в состоянии расширять посевы; многие пашни превратились в пастбища²¹¹.

К концу IX столетия цена зерна повысилась до 1,2 динара за центнер; это свидетельствовало о том, что возможности аграрного роста подходят к концу. Вновь появились свидетельства о крестьянском малоземелье и разорении крестьян. Недостаток земли и рост населения привели к мас-

совому отрыву крестьян от села, притоку их в города²¹². «Образовалось множество крупных поместий, латифундий, и число мелких собственников сокращалось все более и более, — пишет В. Розен. — Они превращаются в исполщиков, или в простых рабочих, батраков, или уходят в большие города, усиливая городской пролетариат. Бесправие и необеспеченность мелких владельцев доходят до того, что иногда они свои земли как бы переписывают на имя какого-нибудь вельможи, чем достигается значительное снижение податей и повинностей...»²¹³. В условиях ослабления центральной власти знать получила возможность брать крестьян «под покровительство» и присваивать их земли. Практика отдачи под покровительство знатных и сильных была подобна практике патроната в Византии и практике коммендации в средневековой Европе; во всех случаях она приводила к чрезвычайно быстрому развитию крупного землевладения²¹⁴.

Распространение крупного землевладения вызвало падение налоговых поступлений: помещики, как правило, обладали налоговыми льготами, они платили со своих земель не харадж, а садаку (ущр) в $\frac{1}{10}$ урожая²¹⁵. Правительство само продавало земли, например, в 929–932 годах было продано земель на 13 млн дирхемов. Таким образом, государственные земли превращались в частную собственность; по существу, происходила «приватизация» государственного земельного фонда; в результате этой «приватизации» государство потеряло значительную часть своих доходов. Если в середине IX века доходы казны составляли около 300 млн дирхемов, то к 910-м годам они упали до 200 млн; доходы с Ирака уменьшились с 78 до 26 млн дирхемов. Находясь в состоянии перманентного финансового кризиса, правительство стало сдавать налоги на откупы: откупщики уплачивали налог авансом и таким образом как бы кредитовали казну. Капиталы откупщиков были столь велики, что они могли предложить за откуп налогов с провинции до 10 млн дирхемов, но затем они собирали гораздо больше и буквально грабили налогоплательщиков. Разложение государства проявлялось также в продаже должностей и в узаконенном взяточничестве; визири начала X века получали взятки на 10–15 млн дирхемов в год. В результате денег хронически не хватало, войскам задерживали жалованье, и они постоянно устраивали мятежи²¹⁶.

Разорившиеся и потерявшие свою землю крестьяне уходили в города, где пытались прокормиться ремеслом и работой по найму. Крупные землевладельцы вели товарное производство и продавали свой хлеб в городах, это открывало возможности для роста городов; по словам фон Грюнебаума, «начался процесс индустриализации»²¹⁷. Города быстро росли; Багдад был восстановлен после разгрома 813 года, и его население достигло 500 тысяч жителей; по площади (7 тыс. га) Багдад превосходил Константинополь в 5 раз²¹⁸. Однако, по свидетельству Мукаддаси, столица Хора-

сана, Нишапур, по размерам была больше Багдада²¹⁹. Свыше 100 тыс. жителей имели Исфахан, Хамадан, Шираз, Сираф, Басра, Мерв, Самарканд. По оценкам исследователей, за время правления Аббасидов население многих городов выросло в несколько раз²²⁰. Арабские источники описывают этот период как время торгово-промышленного бума²²¹. В городах росло производство ремесленных товаров, шелковых, хлопчатых, льняных тканей, ковров, металлических изделий. Существовали большие государственные мануфактуры (амма или тираз), на них изготавливались по большей части одежда и оружие. Появляются новые ремесла: производство бумаги, сахара, фаянса. Сирийские и иранские шелка вытесняли с рынков шелка из Китая, они в больших количествах вывозились в Европу.

Организация ремесла на Ближнем Востоке во многом напоминала средневековую Европу. Ремесленники были организованы в цехи (синф) с мастерами, подмастерьями и учениками. Цехи имели самоуправление и выборных старшин; отдельные кварталы города так же имели своих старшин, но градоначальник (раис) назначался центральными властями — на Востоке не было городского самоуправления. В то же время исследователи говорят о богатых горожанах, «бюргерах» или «буржуа», — преимущественно купцах, осуществлявших крупные торговые операции²²². Состояние богатейших купцов Сирафа достигало 40 млн дирхемов; купцы владели кораблями, вмещавшими несколько сот человек; эти корабли плавали в Индию и Китай. Географ Истахри рассказывает, что один персидский купец в 936 году привез на 400 судах 12 тыс. рабов-негров²²³. Торговля рабами была одним из самых прибыльных видов торговли; тысячи славянских рабынь доставлялись из Булгара в Багдад через Самарканд²²⁴.

Новая мусульманская буржуазия занимала видное место в государстве, случалось, что выходцы из ее среды занимали посты визирей, а откупщики налогов становились губернаторами провинций. В этой связи М. Вебер считал возможным говорить об арабском «капитализме», а Е. Аштор называет эту эпоху «предкапиталистической»²²⁵. Нет сомнения, что в этот период частнособственнические отношения достигли высокой степени развития, может быть, наиболее высокой со времен Нововавилонского царства. Однако, несмотря на богатства мусульманских купцов, их собственность была далеко не обеспеченной. По мусульманскому праву, владение всякой собственностью исходит от изволения верховной власти, и власть вольна в любой момент прекратить свое изволение²²⁶. В случае нехватки денег халифы, визири и эмиры без лишних слов отнимали у купцов и откупщиков их богатства, а если те не желали отдавать, то прибегали к пыткам. Обычной практикой была конфискация имущества умерших визирей и высших чиновников, причем отбирали имущество и у их родственников и слуг. В начале X века конфискации у богатей обесценивали едва ли не половину доходов казны²²⁷.

Распространение частнособственнических отношений, рост городов, ремесел и торговли — все это было следствием аграрного кризиса: безземельные крестьяне уходили в города, многие становились ремесленниками, но многих ожидала судьба бродяг и нищих. Между тем положение в деревне продолжало ухудшаться, снова начались крестьянские восстания. На смену потерпевшим поражение маздакитам пришли исмаилиты, провозглашавшие те же лозунги всеобщего равенства и общности имущества — но теперь в рамках ислама. Исмаилиты были одной из шиитских сект; в 880-х годах они создали в Ираке несколько крупных общин, которые возглавлял крестьянин Хамдан Кармат. Эти общины были коммунами с общим имуществом и с «братскими трапезами». В 890 году исмаилиты-карматы подняли восстание в Южном Ираке, затем последовали восстания в Сирии (900 г.) и в Хорасане (907 г.). В 899 году карматы овладели Бахрейном и создали там государство, которое Е. Аштор называет «коммунистическим»²²⁸; до середины X века бахрейнские карматы вели долгую войну с багдадским правительством и не раз овладевали Южным Ираком. Иракские крестьяне поддерживали карматов, в области Васита вспыхнуло большое восстание; на знаменах восставших было начертана цитата из Корана: «Мы боремся за угнетенных, чтобы сделать их хозяевами»²²⁹.

Крестьянские восстания были следствием роста цен и обнищания населения; в 920 году цены на зерно составляли 1,7 динара за центнер — втрое больше, чем в середине IX века²³⁰. В обстановке напряженной продовольственной ситуации любой крупный неурожай мог привести к голоду. В 935 году начался губительный кризис, засухи и наводнения продолжались шесть лет. В первый же год цена зерна достигла 4 динаров за центнер, к 941 году она превысила 10 динаров. Начался страшный голод, люди ели траву и падаль. Было много случаев людоедства, к голоду присоединилась эпидемия; перепуганная знать уезжала из Багдада²³¹. Правительство утратило власть над подданными, аййары вышли из своих убежищ и среди бела дня отнимали имущество у богатых. Государство рушилось на глазах; восставшие горцы-дейлемиты захватили Западный Иран. В 945 году один из предводителей дейлемитов, Ахмед из рода Буйидов, без сопротивления вступил в Багдад. Халиф был лишен светской власти, у него отняли все владения и оставили лишь годовой пенсион в 730 тысяч дирхемов²³². Ирак и Иран оказались под властью варваров-дейлемитов, эпоха Арабского халифата подошла к концу.

По свидетельству современника, население Багдада после голода и чумы 930–940-х годов было в десять раз меньше, чем в начале X века. Запустили многие города, в том числе Басра, Куфа, Киркук, Мосул. Сбор налогов с Верхней Месопотамии снизился более чем в десять раз. По сравнению с началом столетия цена на зерно упала более чем вдвое —

до 0,7 динара за центнер, и Е. Аштор указывает на это обстоятельство, как на свидетельство гибели значительной части населения²³³

* * *

Возвращаясь к анализу истории Халифата в рамках трехфакторной модели, необходимо отметить, что кризис 813–838 годов нанес решающий удар сословной монархии Аббасидов. Восточный Иран фактически отделился от Халифата, и здесь была восстановлена этатистская монархия сасанидского образца. Реформы, проведенные Мамуном и Мутасимом на основной территории Халифата, также привели к созданию этатистской монархии и выравниванию положения сословий. Место арабского ополчения в качестве военного сословия заняла наемная гвардия гулямов из тюрок и дайлемитов.

Формирование гвардии гулямов было связано с распространением на Ближний Восток диффузионной волны, связанной с появлением стремян и тюркских седел. Создав гвардию из тюрок, халифы заимствовали новую тяжелую кавалерию вместе с кавалеристами. С другой стороны, создание гвардии гулямов было важной социально-организационной инновацией, оказавшей значительное влияние на развитие исламских стран. О военной эффективности гулямов говорит то обстоятельство, что этот институт быстро распространился по всему мусульманскому миру: в X веке мы находим его в Египте, в арабской Испании, в Хорасане и Мавераннахре. Созданная Махмудом Газневи гвардия завоевала впоследствии Индию, а египетские мамлюки сумели остановить нашествие монголов. Наконец, XV веке турецкие янычары еще раз продемонстрировали могущество созданного из рабов профессионального войска и внесли свой вклад в основание огромной Османской империи.

Практически во всех странах, где существовала гвардия из рабов, она (в соответствии с теорией военной революции) в первое время усиливала мощь автократии и способствовала созданию сильной этатистской монархии. Однако затем (иногда спустя достаточно продолжительное время) гвардия приобретала некоторую самостоятельность от государства и превращалась в военную элиту. Далее развитие шло по пути, описанному в демографически-структурной теории и в теории Ибн Халдуна. Военная элита начинала борьбу за перераспределение ресурсов, которая принимала форму военных мятежей, ослаблявших центральную власть. С другой стороны, гвардейские командиры стремились завладеть служебными держаниями (икта) и превратить их в частную собственность — развивался процесс приватизации. Таким образом, происходила трансформация структуры типа ВА_с или ВА_б.

После того как с помощью гвардии гулямов удалось подавить мятежи и восстания, в Халифате начался *период восстановления*; как обычно, он

характеризовался относительно высоким уровнем потребления, ростом населения, ростом посевных площадей, строительством новых поселений, низкими ценами на хлеб. Появление профессиональной армии поначалу значительно усилило монархию, но в отличие от персидской арабская автократия не опиралась на древнюю традицию, и вскоре начались процессы разложения. Новое военное сословие быстро вышло из подчинения и потребовало перераспределения ресурсов в свою пользу; мятежи гулямов привели к резкому ослаблению власти халифов, к падению этатистской монархии Мамуна, и более того — к распаду Халифата.

В начале X века началось сжатие; для этого времени были характерны крестьянское малоземелье, разорение крестьян-собственников, рост помещичьего землевладения, рост ростовщичества, уход разоренных крестьян в города, рост городов, бурное развитие ремесел и торговли, высокие цены на хлеб, большое количество безработных и нищих, голодные бунты и восстания, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости, строительство ирригационных систем с целью освоения новых земель, финансовый кризис государства, обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом.

В ходе сжатия ослабленная мятежами военного сословия государственная власть подверглась эрозии в результате развития частнособственнических отношений. Разложение государства привело к распространению патроната и формированию за счет поглощения государственной собственности крупного привилегированного землевладения. Произошла масштабная *«приватизация»* государственного земельного фонда; таким образом, после двух циклов с преобладанием государственной экономики последовало ее разложение и воскрешение частнособственнических отношений (трансформация BA_b).

В начале X века мы впервые в истории мусульманского Востока наблюдаем *сжатие в частнособственническом обществе* с такими характерными его признаками, как рост помещичьего землевладения и ростовщичества. В конце концов, в 930-х годах сжатие в Ираке перерастает в *экосоциальный кризис*: мы наблюдаем высокие цены на хлеб, голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, гибель больших масс населения, принимающую характер демографической катастрофы, запустение городов, упадок ремесла и торговли. В конечном счете новое завоевание утвердило у власти феодальную монархию Буидов (трансформация A_bA_c).

Как отмечалось выше, развитие событий в Халифате в IX веке допускает определенную аналогию с событиями предыдущего столетия в Китае. Мятежи гулямов, так же как мятеж Ань Лу-шаня, были результатом появления на сцене нового рыцарского военного сословия. Мятежи кавалеристов-рыцарей разрушили этатистскую монархию в обоих регионах

и открыли дорогу сначала к феодальным смутам, а затем — к развитию частнособственнического общества. Однако на Ближнем Востоке это развитие было прервано в результате вторжения новых завоевателей.

9.10. Ирак в период правления Буидов

Победа дейлемитов означала завоевание Ирака и Западного Ирана новыми варварами — воинственными горцами, спустившимися с Эльбруса. Дайлемиты отличались смелостью, мужеством и сплоченностью; их асабия была намного выше, чем у земледельцев Ирана и Ирака, и их вторжение на равнину естественно рассматривать в духе теории Ибн Халдуна. Характерно при этом, что дайлемиты были пешими воинами, их оружием была фаланга копейщиков, наступавшая под прикрытием больших щитов. Тактика дейлемитов напоминала тактику швейцарцев — она была эффективной в горах, но на равнине дайлемиты не могли обойтись без поддержки конницы, и их правители, так же как Аббасиды, были вынуждены содержать тюркских наемников²³⁴.

Дейлемиты были мусульманами-шиитами, но их вожди не знали арабского языка и не разбирались в сложном механизме государственного управления. Овладев Ираком, Ахмед Буид начал с того, что поделил завоеванные земли на поместья (икта) и раздал их своим воинам. «Таким образом, большая часть Ирака стала обеленной и недоступной сборщикам налогов... — свидетельствует Ибн Мискавайх. — Большинство диванов стали бесполезными... Поэтому все ведомства были объединены в один диван»²³⁵. Воины, получившие икта, думали только о том, чтобы извлечь возможно большую прибыль, не заботясь о том, что будет позже. «Войска разоряли свои икта, потом возвращали их и получали взамен другие... Оросительные каналы приходили в упадок, шлюзы выходили из строя, бедствия обрушивались на земледельцев, и положение их становилось ужасным, часть из них бежала и выселялась...»²³⁶.

Власть новых правителей была слабой; в Багдаде постоянно происходили столкновения между шиитами и суннитами, в конце концов вылившиеся в войну кварталов. Самый большой квартал, Карх, был сожжен; аййары среди бела дня грабили богатые дома. Движение аййаров постепенно приобретало более организованный характер и принимало формы массовых выступлений бедноты с целью передела собственности. По существу, в Багдаде шла гражданская война, город был наполовину разрушен; отдельные кварталы огородили себя стенами; между кварталами простирались пустоши и развалины в несколько миль²³⁷.

Власть дейлемитов обернулась для населения неконтролируемыми поборами и грабежами. Хотя формально иктадары не имели судебных прав над крестьянами, фактически земледельцы были не в состоянии

вынести бремя поборов; им оставалось два пути: либо бежать, либо отдаться вместе со своим имуществом под «покровительство» хозяев. Жители больших городов пытались оказать сопротивление грабегам; в городах вспыхивали восстания, но социальная рознь препятствовала совместным действиям буржуазии и городского пролетариата; во многих случаях буржуа предпочитали власть дейлемитов угрозе социального бунта. В конечном счете многочисленные городские восстания были подавлены и богатства буржуазии стали добычей солдат²³⁸.

В период анархии и междоусобиц цены на хлеб определяли не численность населения и площадь пашни, а военная обстановка. После катастрофы 930–940-х годов цены упали до 0,7 динара за центнер — таких цен не было уже почти столетие, и это свидетельствовало о гибели значительной части населения. Во время смуты 968–969 годов цена поднялась до 3 динаров за центнер (что означало голод), потом она снова упала. Новый голод совпал со смутой 973–975 годов²³⁹. Положение в экономике в это время характеризуется фактом официальной порчи монеты: один из Буидов, Хасан, дошел до того, что печатал медные динары и заставлял принимать их вместо золотых²⁴⁰.

Дейлемиты придерживались старинных родовых традиций: братья Буиды, Али, Хасан и Ахмед, правили отдельными областями, признавая верховную власть старшего в роде, Али. После смерти последнего из братьев между Буидами второго поколения начались междоусобные войны, в которых одержал победу сын Хасана, Фенна Хосров. Хосров вошел в историю под титулом Адуд ад-доулэ, «рука государства»; с 949 года он управлял Западным Ираном. В отличие от других Буидов Адуд ад-доулэ был образованным человеком, он наладил работу диванов и лично вникал во все дела. Адуд старался подражать древним правителям Ирана, он принял титул шахиншаха, упорядочил сбор налогов и остался в памяти поколений как один из идеальных правителей Средневековья. Новый шахиншах уделял огромное внимание ирригации; при нем было построено множество оросительных каналов и знаменитая «Адудова плотина» на реке Кур. В то время как Ирак переживал катастрофический кризис, экономика Ирана продолжала развиваться; сбор налогов при Адуде увеличился на $\frac{1}{6}$ и достиг 3,25 млн динаров²⁴¹. В 977 году Адуд ад-доулэ овладел Багдадом и приступил к восстановлению наполовину разрушенного города, однако ему не пришлось долго править Ираком — в 983 году шахиншах скончался²⁴².

В правление Адуда цены в Багдаде стабилизировались и составляли около 1 динара за центнер — уровень, соответствовавший благополучному IX веку. Однако Ирак не успел оправиться от катастрофы. Адуд получал от Ирака лишь 30 млн дирхемов — это была незначительная сумма по сравнению с теми 130 млн, которые получал Гарун ар-Рашид. «Разница по отношению к древним временам была столь велика, — пишет А. Мец, — что

раньше “земельный налог с Вавилонии” обозначал самую большую сумму в мире, теперь же Адуд ад-доулэ заявил, что он желает от Вавилонии иметь титул, а доходы — с Арраджана (прибрежная область в Фарсе)»²⁴³.

Таблица 8

Цены на пшеницу в Ираке в IX–XII веках. Таблица составлена аналогично табл. 1. Цены указаны в динарах за 100 кг

Годы	Цена	Комментарий
969	1,5	№ 40, «официальная цена»
980	1	№ 42, «средняя цена»
984–1002	голод	№ 43–54
1003–20	0,7	№ 56, «средняя цена»
1021–25	голод	№ 57–59
1050	0,7	№ 60, «нормальная цена»
1056–59	голод	№ 61–64
1060–83	0,33	№ 65, 67, 68
1102–1105	0,9	среднее № 71, 72, «нормальные цены»
1109–10	голод	№ 73, 74
1118–26	голод	№ 75–77
1132	0,8	№ 78, «повышенная цена»

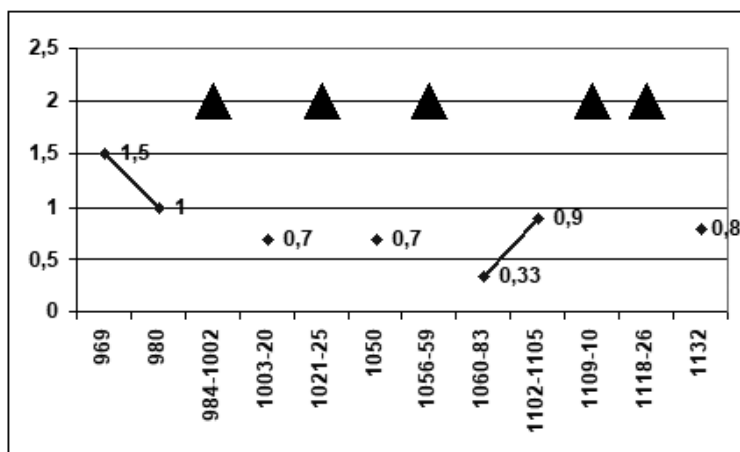

Рис. 13. Цены на пшеницу в Ираке в IX–XII веках

Деятельность Адуда была проявлением *социального синтеза*, процесса перенимания завоевателями-варварами традиций покоренных ими цивилизованных государств. Как это обычно бывает, вслед за социальным синтезом началась *традиционалистская реакция*, сыновья шахиншаха отказались признавать монархический принцип наследования и развязали долгие меж-

доусобные войны. Это привело к тому, что охвативший Ирак кризис распространился и на Западный Иран. На востоке Ирана тоже свирепствовали войны, голод и мор. В 1011 году голод опустошил некогда богатый Нишапур; по свидетельству современника, погибло 100 тысяч человек. «Земельные участки большей частью были запущены, искусственное орошение в некоторых местах пришло в упадок, в других — прекратилось совсем», — свидетельствует хронист²⁴⁴. Историки пишут о запустении деревень и целых районов, об обесценении земли, о массовой гибели людей от голода²⁴⁵. Последнюю черту под эпохой подвело нашествие тюрков-сельджуков. В 1040 году турки вторглись в Восточный Иран, в 1055 году они овладели Багдадом; характерно, что в то время, как сельджуки занимали столицу, в городе шли бои между враждебными кварталами²⁴⁶. Нашествие тюрков означало новую катастрофу. Население городов и деревень подвергалось насилиям, убийствам и грабежам. Жестокому опустошению подвергся, в частности, Исфаханский оазис; был разрушен крупнейший город Южного Ирана, Шираз²⁴⁷. Завоеватели-кочевники отнимали у крестьян рабочий скот, вследствие чего поля не возделывались и не засеивались. Во многих местах вспыхнул голод. В 1056 году эпидемия чумы распространилась от Ирака до Средней Азии²⁴⁸. По сообщениям одного из историков, в Средней Азии от эпидемии погибло более полутора миллионов человек²⁴⁹. В Багдаде голод доводил население до людоедства; в 1057 году цены на пшеницу достигали 9 динаров за центнер. «Двери домов, обитатели которых умерли, были заперты, и путник, шедший по дороге, никого не встречал на своем пути», — писал свидетель событий²⁵⁰. В 1059 году Багдад стал ареной ожесточенных боев. «Грабежи, пожары и убийства длились до тех пор, пока Багдад не был разрушен и обе его части не были стерты с лица земли... — свидетельствует хронист. — Жители города умирали от голода и холода на дорогах и собаки пожирали их трупы»²⁵¹. О масштабах катастрофы говорит резкое падение цены на пшеницу: после окончания войны цена упала до $\frac{1}{3}$ динара за центнер, она была в два раза меньше, чем до кризиса²⁵². Это обстоятельство свидетельствует о гибели большей части населения.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Ирака в период правления Буидов, необходимо отметить, что это было время войн и смут, которые препятствовали росту населения. Мы называем такие периоды *интерциклами*; в данном случае интерцикл охватил период продолжительностью более ста лет. Наличие данных о ценах позволяет представить более полную картину интерцикла: низкая численность населения определяла низкие цены на хлеб в спокойные годы, но постоянные междоусобицы приводили к скачкам цен и частым голодовкам (рис. 13). В социальной сфере содержание периода характеризует процесс *социального*

синтеза. Завоевание привело к гибели сформировавшейся в предыдущий период крупной земельной собственности и созданию нового социального строя. Это был строй, оформивший наступление эпохи тяжелой кавалерии; его основой была предназначенная для содержания всадников система икта, в целом подобная европейской системе феодалов, поэтому многие исследователи считают, что дейлемитское завоевание означало *утверждение феодальных порядков*²⁵³ (трансформация $A_b A_c$).

Однако, в противовес феодальной тенденции, в правление Адуд ад-доула отчетливо намечается тенденция к перениманию иранских традиций — в первую очередь бюрократического управления и самодержавия. После смерти Адуд ад-доула начинается *традиционалистская реакция*, которая приводит к долгим междоусобицам и в конечном счете — к падению Буидов. Положение в Иране существенно отличалось от ситуации в Ираке. Судя по имеющимся сведениям, Иран не был затронут катастрофой 930-х годов, и, таким образом, здесь продолжался демографический цикл эпохи Аббасидов.

9.11. Иран при Саманидах и Газневидах

В то время как Буиды завладели Ираком, Восточный Иран и Средняя Азия остались во владении местных эмиров. Как отмечалось выше, Тахириды, правившие в IX веке Хорасаном и Мавераннахром, выступали в качестве наследников персидских государственных традиций. В.В. Бартольд писал, что Абдаллах ибн Тахир (828–844) установил в Хорасане твердую власть и спокойствие, защищал трудящиеся классы от притеснений, заботился о расширении ирригации и о распространении просвещения²⁵⁴. Исследователи отмечают, что уровень ренты и налогов в это время снизился, практика ношения бирок-печатей отошла в прошлое. Крестьяне жили преимущественно соседскими общинами, но встречались и выделившиеся из общин крестьяне-собственники. Простолюдины могли носить оружие и нередко участвовали в качестве «борцов за веру», газиев, в войнах с «неверными»²⁵⁵.

В период успокоения, наступивший после восстаний, войн и голода 820–830-х годов, уровень жизни в восточных областях был относительно высоким: подмастерье получал в день 1 дирхем, на эти деньги можно было купить 5–8 килограммов мяса²⁵⁶. Сумма налогов с Хорасана и Мавераннахра составляла 40 (по другим данным — 45) млн дирхемов в год; кроме того, Тахириды получали субсидии из Багдада, по-видимому, с целью организации обороны приграничных территорий²⁵⁷. На юго-восточной границе Хорасана шла постоянная война с овладевшими Систаном сектантами-хариджитами, приверженцами уравнительного ислама. Для этой войны нанимали множество газиев из числа бедноты, бродяг и нищих, айяров; это были ненадежные войска: в 861 году армия газиев подняла

мятеж, соединилась с хариджитами и обратилась против Тахиридов. К 873 году предводитель газиев Я'куб ибн Ляйс овладел Хорасаном, а затем Керманом и Фарсом; он установил военную диктатуру и систематически отнимал имущество у богатых, чтобы платить огромному наемному войску. В 900 году наследовавший Я'кубу его брат Амр потерпел поражение от владетеля Мавераннахра Исмаила Саманида, и на востоке мусульманского мира на столетие утвердилось владычество династии Саманидов²⁵⁸.

Саманиды были персидской династией, бравшей за образец древние обычаи Ирана. Как отмечалось выше, традиции сасанидской этатистской монархии были отчасти заимствованы Аббасидами благодаря деятельности визирей из рода Бармекидов, но при владычестве варваров-дайлемитов система ведомств-диванов в Багдаде была разрушена. На востоке Халифата администрация сасанидского типа, должно быть, использовалась Тахиридами, но об этом не сохранилось конкретных известий. Поэтому неясно, заимствовали ли Саманиды свою административную систему от предшествующих правителей, или она была создана по аббасидским образцам визирем Абу Абдаллахом Джейхани, главой правительства при эмире Насре II (914–943). Но как бы то ни было, саманидская административная система стала той моделью, которая, будучи унаследованной Газневидами и описанной в знаменитом трактате Низам ал-мулька, стала классическим образцом организации мусульманского государства²⁵⁹.

В государстве Саманидов мы впервые наблюдаем характерное для империй более поздних времен деление на дергах и дивани. Дергах — это дворцовое ведомство, включающее собственную казну, собирающую доходы с земель, находящихся в личной собственности эмира (хассе), и содержащее дворцовую гвардию гулямов. Дивани — это остальные государственные учреждения, управляемые везиром; в их число входили диван мустоуфи — государственное казначейство, диван амид ал-мульк, ведавший документацией и внешними делами, диван сахиб аш-шурат — военное ведомство, диван сахиб ал-барид, ведавший почтой и наблюдавший за исполнением местными чиновниками их обязанностей, диван мухтасиба, наблюдавший за работой рынков и контролировавший уровень цен, диван мушрифов — ревизионная служба²⁶⁰.

По свидетельству Ибн Хаукаля, налоги в государстве Саманидов были ниже, чем в других областях распавшегося Халифата, а жалованье войску щедрее, чем где-либо. Сумма налоговых сборов (хараджа) составляла 40 млн дирхемов, при этом половина доходов уходила на содержание войск²⁶¹. Эмир Наср II благоволил простому народу, благосклонно относился к распространявшейся тогда повсюду агитации карматов и даже сам тайно вступил в эту секту (как известно, проповедовавшую уравниательные начала). Ортодоксальное духовенство и тюркская гвардия составили заговор против Насра, и ему пришлось отречься от престола в поль-

зу своего сына Нуха (943–954). С этого времени ход событий напоминает историю Аббасидов после убийства Мутевакилла: тюркские гулямы стали постоянно бунтовать, требуя у правительства деньги. Эмир Нух был вынужден временами собирать харадж за год вперед, обещая вернуть деньги в будущем, но никогда их не возвращал²⁶². В конце концов, это вошло в обычай, и ал-Мукаддаси в 980-х годах писал, что харадж собирают дважды в год, отчего жители деревень бедствуют²⁶³.

Рост налоговых сумм вдвое, как это обычно бывает, отражал не только рост ренты, но и рост населения после периода междоусобных войн конца IX века: правители могут увеличивать налоги лишь в том случае, когда видят, что увеличившееся население может вынести дополнительные тяготы. Ал-Истахри описывал процветание Хорасана во времена Насра II, он говорил о богатстве Нишапура, о его хлопчатых и шелковых тканях, которые вывозились в другие страны ислама, о льняных тканях Мерва, о плодородии земель, орошенных с помощью кяризов, о том, что жители Хорасана не испытывают недостатка в пище²⁶⁴. Нишапур был крупнейшим центром международной торговли, Великий Шелковый путь встречался здесь с дорогой, ведущей через Хайберский проход в Индию. Еще один большой караванный путь шел на север — через Хорезм в Булгар и далее на Русь и в Скандинавию; по этому пути в огромных количествах доставлялись рабы и меха, и обороты торговли были таковы, что Скандинавия и Русь были заполнены саманидской монетой (только на Руси от этого времени осталось более полутора тысяч кладов²⁶⁵).

Расположенные на Шелковом пути города Хорасана и Мавераннахра первыми перенимали достижения китайского ремесла: в Фергане добывали каменный уголь и освоили китайскую металлургическую технологию, Мерв славился своим шелком, а Самарканд — бумагой (самаркандская бумага в X веке вытеснила папирус и пергамент на всем исламском Востоке²⁶⁶). В конце IX века в Мерве и Герате было налажено производство булата, тигельной стали, из которой изготавливались отличные клинки. Острые хорасанские сабли стали новым оружием, долгое время сдерживавшим напор кочевых тюрок²⁶⁷.

По оценкам исследователей, города Хорасана и Мавераннахра выросли в IX–X веках в 3–5 раз. В Мерве и Самарканде насчитывалось примерно 100 тыс. жителей, а в Нишапуре, возможно, значительно больше²⁶⁸. Ал-Мукаддаси писал, что в Нишапуре 44 квартала, и среди них есть равные половине Шираза, что этот город обширнее Фустата и населеннее Багдада. Но в отличие от ал-Истахри, писавшего на полвека раньше, ал-Мукаддаси говорил об отсутствии благоустройства, о бедности, о дороговизне и о тяжелых заработках. Так же как в Багдаде, отдельные кварталы враждовали друг с другом, и город сотрясали постоянные смуты²⁶⁹. О дороговизне, тяжелых и скудных заработках ал-Мукаддаси упоминал

и при описании Мерва²⁷⁰. Города были переполнены бродягами и нищими из числа разорившихся крестьян, которые перебивались случайной работой. Существовали корпорации нищих (сасийан), которые боролись между собой за право собирать подаяние²⁷¹.

Положение в деревне также ухудшалось. Как отмечалось выше, ал-Мукаддаси писал, что жители селений Хорасана бедствуют. Исследователи отмечают, что крестьянам не хватало земли, что общинники разорялись и превращались в арендаторов-берзигаров. Не будучи в состоянии платить налоги, крестьяне переходили под покровительство знатных особ, передавая им свои земли; эта практика, аналогичная византийскому патронату, называлась илджаа. Знатные лица, таким образом, становились владельцами десятков и сотен деревень, с которых они платили налоги по льготным ставкам²⁷². Развитие поместий негативно отражалось на состоянии ирригационной системы; крупные землевладельцы захватывали арыки, лишая крестьян воды, — это привело к упадку некогда богатого Мерва и окружающего его оазиса²⁷³.

С другой стороны, усиление элиты приводило к тому, что наместники становились все более самостоятельными. Назначение на пост наместника с самого начала предполагало пожалование доли хараджа с подведомственных городов и деревень. Наместники, естественно, стремились закрепить должности за своим родом. Когда эмир Нух попытался отстранить от должности наместника Хорасана Абу Али Чагани, тот поднял мятеж и после долгой борьбы добился сохранения должности за собой²⁷⁴. Некоторые (более мелкие) наместничества становятся наследственными и превращаются в икта; эта тенденция была, вероятно, связана с распространением икта в соседнем государстве Буидов, однако при Саманидах икта были крупными и их предоставляли только знати, но не рядовым воинам. Войско по-прежнему содержалось на жалованье²⁷⁵. Однако вслед за наместниками командиры тюркской гвардии также стремились участвовать в борьбе за перераспределение ресурсов. Финансовый кризис привел к тому, что не получавшая жалованья гвардия стала бунтовать и уже во время войны с Абу Али Чагани войска переходили на сторону мятежника. В конце 950-х годов фактическая власть находилась в руках командующего гвардией тюрка Алптегина, но затем он вступил в конфликт с эмиром Мансуром ибн Нухом (961–973), ушел с частью тюрков в Газну и основал здесь собственное государство²⁷⁶. До 980-х годов правительству еще удавалось контролировать основные области государства, но затем началась анархия. «Области большей частью находились во власти мятежников, — писал историк Утби, — доходы правительства сократились, воины осмеливались притеснять население, господство перешло в руки тюрков и решения везиров потеряли силу»²⁷⁷. Этой ситуацией воспользовались степные тюрки-караханиды, создавшие в это время большой пле-

менной союз в Семиречье и Кашгаре. В 992 году караханиды заняли Фергану и начали вторгаться в долину Зеравшана. Последний саманид, Мансур ибн-Нух, через проповедников обратился с призывом к священной войне с кочевниками, но натолкнулся на полное равнодушие горожан Бухары. В 999 году караханиды, почти не встречая сопротивления, овладели Мавераннахром²⁷⁸.

Южнее Амударьи между тем усилилось основанное Алптегином государство Газневидов. Воспользовавшись нашествием караханидов, газнийский эмир Махмуд (998–1030) овладел Хорасаном и создал большое государство, выступавшее в качестве наследника саманидских традиций. Как отмечалось выше, Низам ал-мульк считал государство Махмуда образцом для подражания; это была мощная этатистская монархия с четким сословным делением: простой народ должен был платить налоги, а воины были обязаны соблюдать строгую дисциплину и ежегодно отправляться в походы. В отличие от Саманидов и Буидов Махмуд не раздавал икта, более того, при завоевании Гура он уничтожил существовавшие там наследственные владения; воины и чиновники получали лишь денежное содержание. Государственная дисциплина поддерживалась тайной полицией и разветвленной системой политического сыска²⁷⁹.

Долгая война с караханидами заставила Махмуда создать огромную, более чем 100-тысячную армию, которая в конце концов в 1008 году остановила нашествие кочевников у моста Шахриян на берегу Амударьи. В армии Махмуда было 500 приведенных из Индии слонов, и после битвы тюркские полководцы заявили, что «нет возможности бороться с этими слонами, этим вооружением и этими людьми»²⁸⁰. Под «этим вооружением», должно быть, имелись в виду булатные сабли газнийских гулямов, которые обеспечили не только победу над тюрками, но и завоевание долины Инда.

Основой армии Махмуда была гвардия гулямов, но кроме них эмир пополнял свое войско газиями; исследователи полагают, что Махмуд пытался таким образом дать средства к существованию разоренным крестьянам и безработному городскому населению²⁸¹. Чтобы прокормить эту огромную армию, Махмуд едва ли не ежегодно совершал грабительские походы в Индию, однако средств все равно не хватало, и с крестьян требовали чрезвычайные военные налоги. Придворный историк Утби рассказывает, как перед одним из походов Махмуд приказал в два дня собрать необходимую сумму, и в результате жители «были ободраны как бараны»²⁸².

Увеличение налогов в то время, когда крестьяне Хорасана страдали от перенаселения и малоземелья, должно было вызвать кризис. В 1010/1011 году разразился страшный голод, доводивший народ до людоедства; только в Нишапуре, по сообщению Утби, погибло до 100 тыс. человек²⁸³. Это была катастрофа, после которой запустели многие деревни и целые районы, оросительная система пришла в упадок. Резко упали

цены на землю, что, очевидно, свидетельствует, об уменьшении населения и появившейся нехватке рабочих рук²⁸⁴. Сбор налогов резко сократился, и, доложив об этом эмиру, вазир Абу-л-Аббас Исфериани в знак своего бессилия добровольно отправился в тюрьму²⁸⁵.

Государство Махмуда Газневи сумело пережить катастрофу 1010-х годов, однако ему не удалось избежать другой надвигавшейся опасности. Тюркская гвардия гулямов не могла долго оставаться надежной защитой государства в сражениях со своими собратьями — наступавшими из степей тюрками-кочевниками. В битве при Данденакане в 1040 году часть гвардии изменила Газневидам, и эмир Масуд едва спасся бегством²⁸⁶. Тюрки-сельджуки заняли Хорасан и, продолжая свои завоевания, в 1055 году овладели Багдадом.

* * *

Возвращаясь к анализу исторического процесса, необходимо отметить, что история персидских монархий Восточного Ирана продолжает сасанидскую социальную традицию, которая воскресла во времена Бармекидов и проявлялась позднее в политике Мамуна и Тахиридов. В государстве Саманидов эта традиция нашла достаточно полное оформление, выразившись в создании бюрократического аппарата диванов, четком разделении сословий, выделении института хассе и в проведении взвешенной социальной политики. По сравнению с сасанидским образцом эта государственная структура включала новый элемент — оплачиваемую из казны гвардию гулямов. Появление этого элемента было вызвано диффузионной волной, связанной с распространением стремени и тюркского седла, — с началом эпохи тяжелой кавалерии.

В отношении экономического развития можно утверждать, что середина IX века была временем восстановления экономики, но этот процесс был на некоторое время прерван междоусобными войнами и возобновился в конце столетия. В *период восстановления* мы наблюдаем относительно высокий уровень потребления, низкий уровень земельной ренты, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений. Мы не имеем данных об общей численности населения, но свидетельства археологов об огромном росте городов, естественно, подразумевают и соответствующий рост деревень.

С 940-х годов явственно наблюдаются признаки наступившего сжатия: высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления, разорение крестьян-собственников, распространение аренды, рост крупного землевладения, уход части разоренных крестьян в города, попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей, быстрый рост городов, развитие ремесел и торговли, рост числа безработных и нищих, рост конкуренции за

статусные позиции в среде элиты, фрагментация элиты, обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом, попытки приватизации доходов, связанных со служебным положением, финансовый кризис государства, связанный с ростом цен и неплатежеспособностью населения.

Борьба за ресурсы между монархией и элитой привела к ослаблению монархии, наместники становятся в значительной степени независимыми и стремятся превратить свои владения в наследственные икта (трансформация BA_c). С другой стороны, командиры гвардии гулямов пытаются возводить на престол эмиров, а в случае неудачи создают собственные княжества. Это направление развития в значительной степени воспроизводило события, происходившие ранее в Ираке. В 990-х годах потеря административной управляемости привела к завоеванию Мавераннахра тюрками, а Хорасана — Газневидами. В обстановке начавшегося экосоциального кризиса Махмуд Газневи восстановил этатистскую монархию и уничтожил икта (трансформация A_cB), однако перераспределение ресурсов в пользу государства только усугубило кризис. В 1010-х годах мы наблюдаем голод, принимающий широкие масштабы, гибель больших масс населения, падение цен на землю. Этатистская монархия не допустила разрушения государства, но его ослабление привело в конечном счете к завоеванию Хорасана тюрками-сельджуками, таким образом, общая последовательность социальных трансформаций на протяжении цикла описывается формулой BA_cBC_c .

9.12. Египет при Тулунидах

В то время как на востоке исламского мира утвердилась персидская династия Тахиридов, в Египте пришла к власти самостоятельная династия Тулунидов. Ахмад ибн Тулун был назначен наместником Египта в 868 году, в то время, когда гулямы по своей прихоти меняли багдадских халифов. Ослабление центральной власти позволило ибн Тулуну основать династию наместников, которые были почти независимы от Багдада. Ибн Тулун заботился о развитии экономики, о восстановлении ирригационных систем; опустевшие деревни Дельты были заселены принявшими ислам мавалами; стали распространяться посевы риса и сахарного тростника. По сообщениям арабских историков, в Египте преобладала государственная собственность на землю. Чиновники регулярно переделывали землю между крестьянами в соответствии с возможностями их хозяйств и решали возникающие споры. «Феллах пользуется землей, которую он держит от султана, и обрабатывает ее, — свидетельствует Мукаддаси. — А когда соберет он жатву и обмолотит ее, то весь ворох непровеянного зерна опечатывается и остается в таком положении, пока не приходят чиновники султана и не забирают зерно как плату за землю, а остаток достается феллаху...»²⁸⁷. Сбор налогов отдавался на откуп; договоры с откуп-

щиками заключались на 4 года; откупщик отвечал за обработку земли, ремонт каналов и в определенные сроки платил причитающиеся налоги. В 830–840-х годах, в период восстаний и смут, откупщики злоупотребляли своим положением и присваивали собранные ими деньги, однако Ибн Тулуну удалось навести порядок в сборе налогов²⁸⁸.

При Ибн Тулуне заметно оживилось градостроительство: была построена новая столица ал-Катаи с огромной мечетью, и сейчас являющейся достопримечательностью Каира. Фустат превратился в один из крупнейших городов Востока; к началу IX века население города увеличилось примерно вдвое и достигло 200 тыс. человек²⁸⁹.

По некоторым сведениям, Ибн Тулун понизил налоги; народная память закрепила за ним эпитеты «мудрый», «великодушный», «готовый прийти на помощь тому, кто нуждается». Предание гласит, что он ежедневно раздавал нуждающимся милостыню и содержал дом, в котором любой пришедший мог получить пищу²⁹⁰. Эти демократические тенденции, несомненно, следует сопоставить с распространением в мусульманском мире этатистской традиции, нашедшей свое выражение в деятельности Мамуна и Тахира ибн Хусейна. Таким образом, деятельность Ибн Тулуна можно рассматривать как становление новой египетской этатистской монархии.

Несмотря на понижение налогов, Ибн Тулуну удалось восстановить доходы Египта — к концу его правления сбор хараджа достиг 4,3 млн динаров²⁹¹. В дальнейшем эта цифра не увеличивалась, и в начале X века харадж составлял около 4 млн, по-видимому, возможности роста были исчерпаны. Уже в 886 году источники отмечают голод, в 900–916 годах значительно возросла цена пшеницы, она составляла в среднем 0,8 динара за центнер²⁹². Политическое положение в этот период отличалось нестабильностью; в 905 году халиф решил отстранить Тулунидов от власти и послал войска, которые разграбили и сожгли ал-Катаи. Последующие десятилетия были свидетелями многочисленных мятежей тюркских наемников, которым, так же как в Багдаде, не платили жалованья. Наместник Мухаммад ибн Тугдж (935–944) сумел навести относительный порядок, но после его смерти опять начались смуты²⁹³. Экономическое положение продолжало ухудшаться, нубийцы и берберы совершали набеги на Египет, по свидетельству ал-Макризи, цены на зерно были «совершенно чрезмерными»²⁹⁴. От середины X века имеются данные о ценах в 1,5 динара за центнер, что соответствует дневной оплате в 2,8 кг зерна, тому самому голодному уровню, который отмечался накануне катастроф. В 949, 952, 955 годах хроники зафиксировали голод; в Фустате постоянно отмечалась нехватка продовольствия и специалисты считают, что причиной этой нехватки было перенаселение²⁹⁵. В 968–969 годах действительно разразилась катастрофа: неурожай привел к страшному голоду, когда цена пшеницы достигала 15 динаров за центнер²⁹⁶.

В 969 году в обстановке голода, эпидемий и смут в Египет вторглась армия Фатимидов из Туниса. Завоеватели-исмаилиты привели с собой корабли с хлебом, который раздавали голодающим, — население Египта с восторгом приветствовало их появление. После окончания голода, в 970-х годах, цены на пшеницу упали почти в три раза — до 0,5 динара за центнер, а заработная плата возросла до 1,2 динара в месяц²⁹⁷. Таким образом, реальная заработная плата возросла в несколько раз, что свидетельствует о гибели значительной части населения.

Таблица 9

Цены на пшеницу в Египте в VIII–XI веках (в динарах за 100 кг)
 Большинство известных цен приведены в книгах В.О. Большакова и Е. Аштора²⁹⁸, однако среди них преобладают цены неурожайных и голодных лет. Мы выбрали из этих цен те, которые характеризуются в источниках как «нормальные», а также подсчитали средние цены по некоторым временным промежуткам.

№ п/п	Период	Цена	Комментарий
1	700–715	0,3	Большаков, среднее № 2–10
2	737–739	голод	
3	743	0,3	Аштор, с. 78.
4	нач. IX в.	1	Большаков, № 17
5	830-е гг.	голод	
6	864–84	0,15	Большаков, № 25, «обычная цена»
7	884–96	0,3	Аштор, с. 78.
8	901–916	0,8	Большаков, среднее № 28, 30
9	954–62	1, 25	Большаков, среднее № 32, 33 (см. комментарий к № 33)
10	963–69	голод	
11	970-е гг.	0,5	Большаков, № 37
12	992–1008	1,1	Большаков, среднее № 38, 40, 41
13	1023	1,1	Большаков, № 45, «принудительный тариф»
14	1053	1,5	Большаков, № 58, «нормальная цена»
15	1055–72	голод	

Переходя к анализу экономического развития Египта в IX–X веках, необходимо отметить, что оно протекало в том же ритме, что и развитие Ирака. Как и в Ираке, экосоциальный кризис 830-х годов завершился установлением этатистской монархии, опиравшейся на профессиональное войско — гвардию гулямов. Египетский наместник Ахмад ибн Тулун, так же как Тахир ибн Хусейн в Иране, становится независимым правителем и проводит этатистскую политику, благоприятствующую крестьянству.

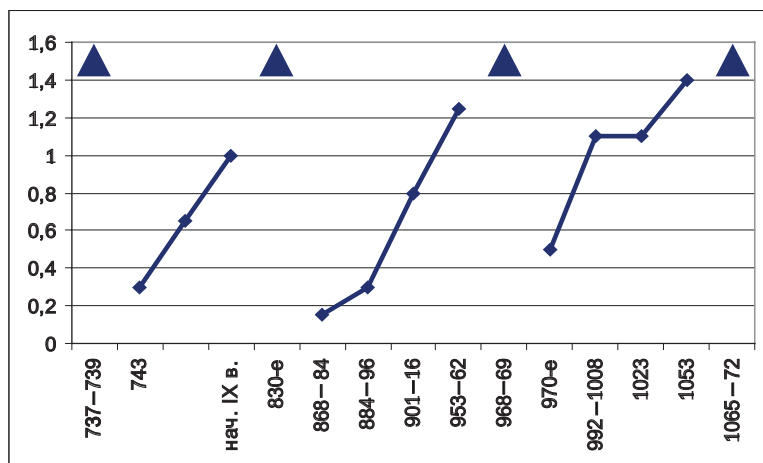

Рис. 14. Цены на пшеницу в Египте в VIII–XI веках (в динарах за 100 кг). Годы голода обозначены черными треугольниками. Видна цикличность изменения цен. Рост цен на протяжении цикла прерывается демографическими катастрофами

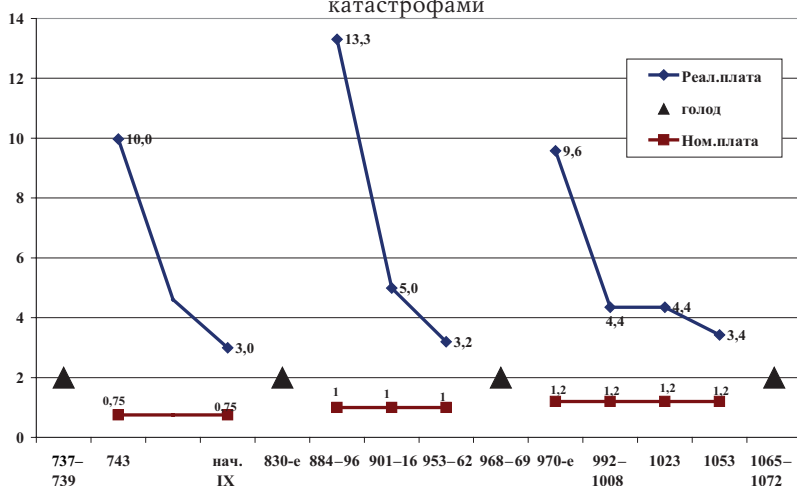

Рис. 15. Заработная плата неквалифицированных рабочих в Египте VIII–XI веков («кривые потребления»). Данные о номинальной заработной плате (динары в месяц) взяты из книги Е. Аштора²⁹⁹. Реальная заработная плата исчисляется в количестве пшеницы (в кг), которое мог купить рабочий на дневную зарплату. Очевидна цикличность изменения реальной заработной платы. В ходе демографического цикла реальная плата падает до «критического уровня» около 3 кг, по достижении которого происходит демографическая катастрофа

После катастрофы 830-х годов начался новый демографический цикл, и до конца IX века продолжался *период восстановления*, для которого

были характерны: высокий уровень потребления, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы. В начале X века снова начинается сжатие: мы наблюдаем низкий уровень потребления, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, рост городов, бурное развитие ремесел и торговли, падение уровня реальной заработной платы, дешевизну рабочей силы, высокие цены на хлеб, фрагментацию элиты и обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом.

* * *

В конечном счете наступление военной элиты, так же как в Ираке, имело своим результатом разложение этатистской монархии (трансформация ВА_с).

В 960-х годах сжатие привело к *экосоциальному кризису*, страшному голоду и демографической катастрофе; эта катастрофа была почти синхронна катастрофе в Ираке.

Социальная система Египта изначально отличалась от социальной системы Ирака большей ролью государственной собственности и государственного регулирования. По-видимому, эти различия объяснялись традицией, ведущей начало от времен фараонов. В Египте крестьянин был лишь арендатором государственной земли, и наделы не могли продаваться. Крупной земельной собственности практически не существовало; частное предпринимательство было представлено по большей части в сфере откупа налогов. Так же как в Ираке, сжатие X века привело к ослаблению государства и к мятежам гулямов, но в отличие от Ирака в Египте не было бурного расцвета частных поместий: разложение государственного аппарата привело лишь к злоупотреблениям откупщиков.

Е. Аштор, исследовавший динамику цен в VII–XII веках, полагал, что со времен арабского завоевания вплоть до середины XI века имела место повышательная «вековая тенденция»; в это время численность населения росла, и это влекло за собой рост цен. Е. Аштор считал, что рост был медленным, и рассматривал средние цены за целые столетия, хотя и оговаривался, что нахождение средних для таких больших промежутков «может показаться странным»³⁰⁰. Нам это тоже кажется странным: в благоприятных условиях население за столетие может увеличиться в 3–4 раза³⁰¹, что резко меняет как демографическую, так и ценовую ситуацию, так что о средней цене за столетие не может быть и речи. Непрерывный рост населения на протяжении четырех столетий также невозможен, за это время экологическая ниша должна переполниться, и кризис перенаселения должен привести к голоду и демографической катастрофе. В действительности мы видим на протяжении этих четырех столетий

(670–1070 гг.) четыре демографические катастрофы, которые разделяют этот период на четыре демографических цикла. Впрочем, Е. Аштор не отрицает, что в отдельные годы численность населения могла уменьшаться из-за голода и эпидемий, хотя в целом преобладала тенденция к росту. О.Г. Большаков уточняет, что в годы кризисов численность населения могла уменьшаться на 20 %³⁰². Таким образом, вопрос сводится к двум пунктам:

- 1) имела ли место четырехвековая тенденция к увеличению населения;
- 2) ограничивалось ли в годы кризиса падение численности населения 20 %.

По первому пункту можно заметить, что, как отмечалось выше, общая сумма сборов в начале VIII века и в начале XI века была примерно одинакова — 4 млн динаров, и на протяжении всего четырехвекового периода эта цифра была тем максимумом, которого удавалось достичь перед очередной катастрофой. Таким образом, численность населения неоднократно достигала некоторой *постоянной для всего периода* величины (емкости экологической ниши), а затем уменьшалась. Насколько она уменьшалась? После катастрофы 830-х годов сборы упали не на 20 %, а *в пять раз*; посевные площади уменьшились вдвое, цены на пшеницу упали в семь раз. Все эти факты свидетельствуют о том, что падение численности населения имело гораздо большие масштабы, может быть, оно достигало половины населения. При уменьшении численности населения на 20% для его восстановления достаточно 20–30 лет, после этого цены должны вернуться к прежнему уровню и должен возобновиться кризис перенаселения. В реальности после кризиса 830-х годов цены возвратились к прежнему уровню через 50–70 лет. Таким образом, кризис 830-х годов был не кратковременным демографическим спадом, а настоящей демографической катастрофой, которая отразилась на всем развитии Египта.

9.13. Египет при Фатимидах

Социальный кризис, знаменовавший окончание аббасидского периода, был сопряжен с новой активизацией социальных движений, выступавших под лозунгами социальной справедливости. Шииты, изначально отстаивавшие исламские идеалы справедливости, после поражения восстаний VIII века разделились на две части; одна из них — имамиты — стали искать соглашения с властями; но другая часть — исмаилиты — продолжали активную борьбу. Исмаилиты унаследовали от шиитов древнюю бедуинскую традицию равенства и крепкую политическую организацию; их «скрытые имамы» рассылали по всему Востоку своих агитаторов — даи. Как отмечалось выше, в 890-х годах Сирию и Ирак охватили восстания исмаилитов-карматов и к восставшим присоединились

бедуины аравийских степей — новое учение было близко идеалам их родового строя³⁰³. Пропаганда исмаилитов имела успех и в Северной Африке. В 893 году даи Абу Абдаллах обратил в исмаилизм племя берберов-кутамитов в Тунисе; сахарские кочевники, вслед за аравийскими бедуинами, перешли на сторону веры, утверждавшей столь близкое им родовое равенство и братство — асабию. В начале X века ополчения кутамитов овладели всем Тунисом; когда Абу Абдаллах вступал в какой-нибудь город, он возвращал жителям налоги, собранные бежавшими правителями. В 910 году «скрытый имам», потомок Али и дочери пророка Фатимы, Убейдаллах прибыл в Тунис и был провозглашен халифом Махди. Согласно исмаилитскому учению это означало конец мира, основанного на несправедливости и наступление «золотого века». Однако будучи реалистичным политиком, Махди не собирался следовать примеру карматов и вводить уравнивание имуществ; его реформы свелись к уменьшению налогов и расширению мусульманской благотворительности³⁰⁴.

В 969 году исмаилиты завоевали Египет; характерно, что их армию сопровождали корабли с хлебом для голодающего населения Дельты. В манифесте к египтянам фатимидский главнокомандующий Джаухар писал об отмене несправедливых налогов, об установлении справедливости и о помощи угнетенным. Для борьбы с голодом было введено регулирование хлебных цен; купцов, спекулировавших хлебом, публично поролы плетьюми³⁰⁵.

Фатимиды облегчили налоговое бремя населения, ликвидировав злоупотребления при сборе налогов; в результате реформы, проведенной визирем Ибн Киллисом, «были схвачены за руки все чиновники и откупщики»³⁰⁶. Ибн Киллис ввел сложную систему многостороннего финансового контроля; по мнению некоторых специалистов, откупщики потеряли возможности для наживы и стали просто промежуточным звеном между налогоплательщиками и чиновниками. В итоге налоги, уплачиваемые населением, уменьшились, а доля откупщиков резко сократилась³⁰⁷. Как отмечалось ранее, подавляющая часть земель Египта принадлежала государству, и с приходом к власти исмаилитов государственная экономика приобрела социалистический оттенок. Современный египетский историк Мушараффа называет землю Египта «всенародной государственной собственностью». «Исмаилиты и их братья карматы были социалистами ислама, которые стремились к уничтожению частной земельной собственности и бесплатному распределению ее среди нуждающихся», — пишет Мушараффа³⁰⁸. Сельскохозяйственные работы выполнялись под строгим контролем чиновников и откупщиков; крестьяне заключали с ними арендные договора с указанием выращиваемых культур и площадей под ними³⁰⁹. Эта практика, по-видимому, восходит к порядкам Древнего Египта и к «посевному расписанию» времен Птолемеев; ее сохранение на

протяжении тысячелетий говорит о живучести старинных традиций государственного регулирования.

Государственному контролю была подчинена и ремесленная промышленность; любой товар отмечался государственным клеймом и продавался через посредство государственного маклера по установленной цене. В ткацком ремесле преобладали крупные государственные мастерские-мануфактуры — тираз³¹⁰.

Хозяйственной жизнью страны руководила многочисленная бюрократия, состоявшая из «господ пера», писцов. Это были преимущественно туземцы-копты, наследники древнего писцового сословия; они получали сравнительно небольшие оклады и строго контролировались государством. После исмаилитского завоевания к каждому из крупных чиновников был приставлен комиссар-даи из числа берберов, следивший за соблюдением «справедливости». Даи из числа сподвижников Абу Абдаллаха составляли наследственную касту, хранившую принципы исмаилистской веры. Они находились на содержании государства и вели активную пропагандистскую деятельность внутри страны и за границей. Государство Фатимидов имело идеологизированный духовный характер; помимо агитаторов-даи оно содержало мечети и медресе, осуществлявшие функции идеологического воспитания и социальной поддержки. Крупнейшим пропагандистским центром была огромная мечеть-медресе ал-Азхар в Каире; в разных уголках ее одновременно читали лекции десятки улемов; отсюда уходили даи, поднимавшие восстания по всему мусульманскому миру³¹¹.

Оценивая экономическое положение при первых фатимидских халифах, специалисты пишут о резком подъеме благосостояния и о «невиданном процветании»³¹². Как отмечалось выше, после катастрофы 960-х годов цены на пшеницу упали до 0,5 динара за центнер, а заработная плата возросла до 1,2 динара в месяц — это соответствует дневной плате в 9,6 кг зерна. Велись большие строительные работы — в этот период по соседству с Фустатом была построена новая столица, ал-Кахира, современный Каир. Сбор хараджа возрос с 3270 тыс. динаров в 966–968 годах до 4 млн динаров к концу X века³¹³, что свидетельствует о значительном росте населения и посевных площадей. В то же время цены возросли до 1,1 динара за центнер, а реальная заработная плата упала до 4,4 кг зерна. В 997 и 1006 годах отмечались первые в правление Фатимидов голодные годы. В начале XI века возобновились злоупотребления откупщиков при взимании податей; многие крестьяне оказываются не в состоянии платить налоги³¹⁴. В 1023–1024 годах пришел большой голод, власти ввели регулирование хлебных цен, но торговцы сопротивлялись и прятали зерно; процветала торговля «из-под полы», и в конце концов дело дошло до голодных бунтов в городах и до мятежей в гвардии³¹⁵. К этому периоду

относятся сведения о большом ирригационном строительстве, при халифе Хакиме (996–1021) был расчищен от наносов Александрийский канал, при Захире (1021–1036) был проведен новый ирригационный канал в Дельте³¹⁶. Эти усилия властей позволили на время остановить дальнейшее падение реальной заработной платы (см. рис. 15).

XI век был отмечен в истории Египта невиданным до тех пор расцветом городов и городского ремесла. Население Каира и Фустата достигло 230 тыс. жителей; столица Египта в это время стала больше и многолюднее Багдада³¹⁷. Город Тиннис превратился в крупнейший центр ткачества с населением в 75 тысяч человек; своими тканями были известны Дамietta, Шата и Дабик³¹⁸. При халифе ал-Азизе (975–996) в Фустате была сооружена большая верфь, на которой было построено 600 кораблей. Расцветает торговля: в это время происходит перемещение морских путей из Индии и Китая, которые раньше шли в Персидский залив, а теперь прошли через Красное море. Египетские красноморские порты Айдаб и Кузлум становятся соперниками Сирафа и Басры; Александрия превращается в центр торговли пряностями, шелком, фарфором. Характерно, что, несмотря на государственный контроль, внешняя торговля находилась в руках частных лиц. Крупнейшими торговцами этого времени были не египтяне, а переселившиеся в Египет арабы, персы и иудеи (которые и раньше контролировали торговлю в Индийском океане). Поскольку пророк запретил мусульманам заниматься ростовщичеством, то эта сфера деятельности почти безраздельно принадлежала еврейским банкирам; они кредитовали даже халифов и визирей, причем ставка кредита достигала 30% годовых³¹⁹.

Арабский путешественник Насир Хусрау, посетивший Египет в 1046–1049 годах, описывал благоустроенный быт Фустата, изобилие товаров на рынке, благополучие жителей столицы. Тем не менее продовольственное положение было напряженным, халиф Мустансир приказал создать хлебные склады на случай голода³²⁰. В 1056 году разразился страшный голод, когда в отдельные дни умирало до тысячи человек в день. На следующий год голод прошел, но цены оставались непомерно высокими — до 3 динаров за центнер. В 1059 году снова пришел голод, сопровождаемый массовой смертностью³²¹.

Положение осложнялось ослаблением дисциплины в рядах халифской гвардии; эта гвардия состояла из корпусов тюрок, берберов и негров, между которыми постоянно возникали столкновения. В 1062 году началась эпидемия чумы и повысились цены на продовольствие. Тюркская гвардия халифа подняла мятеж; началась война между тюрками, неграми и берберами. Эти бедствия были лишь прелюдией катастрофы, разразившейся в 1065 году. Семь лет подряд уровень Нила не достигал необходимой отметки; высохшие поля не давали урожая. Люди умирали от голода

и чумы, повсюду свирепствовали банды людоедов. Все это время продолжалась междоусобная война, солдаты грабили монастыри и принудили халифа Мустансира передать им все свои сокровища. В конце концов, турки разграбили казну и увеличили себе жалование в 15 раз — с 28 до 400 тысяч динаров³²².

Семилетний голод вошел в историю Египта под названием «Великого бедствия». По словам хрониста Суйути, во время «Великого бедствия» погибло $\frac{3}{4}$ населения Египта³²³. Эта цифра, по-видимому, преувеличена; данные о налогах показывают падение сбора хараджа с 4 млн около 1000 года до 2,8 млн (или, по другим сведениям, до 2 млн) после катастрофы³²⁴; это соответствует уменьшению численности населения примерно вдвое. Сильнее всего пострадало население больших городов, к примеру, число ткацких станков в Фустате уменьшилось с 900 до 15. О масштабах катастрофы свидетельствует также резкое падение цен: к 1097 году цены упали втрое — до 0,4 динара за центнер пшеницы³²⁵, а заработная плата у некоторых профессий (например, у водоносов) возросла в два раза³²⁶. Таким образом, реальная заработная плата возросла в 5–6 раз.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Египта в эпоху Фатимидов, необходимо отметить специфическую идеологическую атмосферу этого периода. Государство Фатимидов представляло собой мощную этатистскую монархию, опиравшуюся на «социалистическую» идеологию исмаилитов. Хотя государственная собственность преобладала в Египте почти всегда, в период Фатимидов это преобладание становится абсолютным, а система государственного регулирования достигает наибольшей эффективности.

Период с 970-х годов до начала XI века был *периодом восстановления*, для этого времени характерны относительно высокий уровень потребления, рост населения и рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы, внутривосточная стабильность. Период с начала XI до 1056 года был периодом сжатия, для этого времени характерны низкий уровень потребления, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, разорение крестьян, рост городов, бурное развитие ремесел и торговли, падение уровня реальной заработной платы, дешевизна рабочей силы, высокие цены на хлеб, голодные бунты и восстания, фракционирование элиты и борьба различных военных группировок за ресурсы. Мы видим, что государство сознает остроту продовольственной проблемы и пытается найти выход с помощью строительства ирригационных систем, освоения новых земель и создания зерновых резервов. Эти усилия позволяют на время стабилизировать

ситуацию. Характерно, что в условиях господства государственной собственности мы не встречаем сообщений о продаже крестьянских участков, хотя, с другой стороны, быстрый рост городов говорит об уходе крестьян из деревни. Период с 1056 по 1073 год — это время *эко-социального кризиса*; для этого периода характерны высокие цены на хлеб, голод, эпидемии, внутренние войны, брейкдаун — разрушение государства запустение многих городов, упадок ремесла и торговли. Экосоциальный кризис завершается *демографической катастрофой* — «Великим бедствием» 1065–1072 годов.

Следует отметить, что кризис не сопровождался крестьянскими восстаниями; так же как мятеж Ань Лу-шаня в Китае, он имел элитный характер: используя свою силу, тюркская гвардия вступила в борьбу за перераспределение ресурсов, и в условиях Сжатия эта смута спровоцировала экономическую катастрофу. Так же как империя Тан, этатистская монархия Фатимидов в конечном счете выдержала этот удар судьбы и продолжала существовать в следующем цикле.

9.14. Первый византийский цикл

Мы начинаем рассмотрение истории Малой Азии со сравнительно поздней начальной даты — с VII века нашей эры. Выбор этой исходной точки объясняется тем обстоятельством, что демографически-структурная теория рассматривает историческую эволюцию больших государств. Что же касается Малой Азии, то в древний период своей истории она по большей части была провинцией империй, центр которых находился за ее пределами, поэтому социально-политическое развитие этого региона определялось в значительной степени процессами, происходившими вне его. Лишь в VII веке появилось большое государство, центр которого находился в пределах Малой Азии — Византийская империя.

Войны и нашествия VI–VII веков сопровождалась гибелью населения и опустошением Малой Азии и Балкан. По свидетельству римского историка Прокопия, «в каждом из этих нашествий было убито или уведено в рабство свыше двухсот тысяч римлян, так что провинции стали похожи на скифские пустыни»³²⁷. Население полуразрушенного Константинополя сократилось с полумиллиона до 40–50 тыс. жителей³²⁸. Вокруг столицы простиралась страна, занятая враждебными племенами — славянами, готами, армянами, селившимися вперемешку с остатками греческого населения. По мнению французского исследователя П. Лемерля, «Македония в VII–VIII вв. была более славянской, чем греческой. Греция же была населена наполовину славянами»³²⁹. Племена не желали платить подати и воевали между собой и с центральной властью. Каждую весну

на страну обрушивалось арабское нашествие, арабы почти беспрепятственно достигали Босфора, опустошали все, что еще осталось, и уводили население в рабство. В 672 году они укрепились в непосредственной близости от Константинополя, в Кизике, и семь лет осаждали столицу с суши и моря. Город спасло лишь изобретение «греческого огня» сирийцем Киллиником; в 678 году арабский флот был сожжен, и греки получили временную передышку.

Воспользовавшись этой передышкой, император Юстиниан II (685–695, 705–711) попытался подчинить славян и восстановить контроль хотя бы над частью территории государства. Юстиниан II покорил славян Фракии и переселил до 30 тысяч славянских воинов с семьями в Малую Азию; эту политику переселений продолжали и преемники Юстиниана; в VIII веке десятки тысяч армян и сирийцев были переселены из Малой Азии на Балканы³³⁰. Мусульманским пленникам, которые соглашались креститься, давали землю и волов, а крестьяне, которые давали им в жены своих дочерей, на три года освобождались от налогов³³¹. Племена и народы дробились и перемешивались между собой с целью быстрой ассимиляции и создания новой этнической и социальной среды, на которую могло бы опираться правительство. Такой средой по замыслу императоров должны были стать воины-поселенцы, акриты или федераты, еще с IV века несшие охрану имперских границ. Граница теперь проходила повсюду, поэтому все население было организовано по образцу пограничных войск. Страна была разделена на несколько военных округов, фем, их командиры-стратиги осуществляли одновременно военную и гражданскую власть, ведали судом и сбором налогов. На смену прежним наемным войскам пришли ополчения фем, состоявшие из свободных крестьян-общинников и военных поселенцев. Ослабевшая власть не могла заставить крестьян служить силой — они шли в ополчение добровольно, защищая от набегов свои дома. Этих крестьян нельзя было сравнить с хорошо вооруженными арабскими всадниками или европейскими рыцарями. Немногие из них имели коней (их звали стратиотами), в основном же ополчения состояли из бедняков-пехотинцев, вооруженных чем попало — иногда только дубинами и пращами. Те, кто оставался дома, помогали снарядиться выступавшим в поход, но каких-либо определенных норм в этом отношении не существовало³³².

Вплоть до середины IX века территория империи постоянно подвергалась набегам и вторжениям арабов и болгар. Страна была разорена, население резко уменьшилось, повсюду простирались зараставшие лесами поля. Набеги и войны сопровождались губительными эпидемиями чумы, после чумы 747 года, по словам современника, города так запустели, что крестьянам некому было продавать хлеб³³³. Император Констан-

тин V был вынужден заселять опустевший Константинополь выходцами из Греции³³⁴. Большинство городов лежало в развалинах, и, по данным археологов, на многих прежде крупных поселениях попросту отсутствует культурный слой VIII века³³⁵. Количество монет, относящихся к этому периоду и находимых при раскопках, в десятки раз уступает цифрам для предыдущего периода (рис. 16). Арабскому географу Ибн Хордабеху были известны только пять городов в Малой Азии: Эфес, Никея, Аморий, Анкира и Самала; кроме того, он упоминает о лежавшей в развалинах Никомедии³³⁶. Другой, оставшийся неизвестным арабский автор писал: «В прежние времена города были многочисленны в Руме, теперь их мало. Большинство округов... имеет чрезвычайно сильные крепости из-за частых набегов... В каждой деревне имеется укрепление, в котором крестьяне находят защиту во время набега»³³⁷.

Крестьяне были свободными землевладельцами-общинниками, собственниками своих пашен. Закон допускал переделы земель первое время после поселения, но через 30 лет крестьяне приобретали прочное право владения на свои наделы. Византийская система налогообложения восходила к позднеримской системе *iugum-caput*³³⁸, но в VIII–IX веках эта система находилась в упадке, и подробная информация о ней имеется лишь в источниках более позднего времени. Известно, что для каждой деревни существовали налоговые росписи, в которых каждому двору соответствовала строка (стих) с перечислением числа людей, размера надела, количества скота и величины налога; в отличие от других стран Востока (например, Османской империи) двор обладал собственностью на землю и платил налог отдельно. В разное время было предпринято несколько попыток введения круговой поруки (аллиленгия) при уплате налогов, но в конечном счете они закончились неудачей. Налоговое ведомство рассматривало как податную единицу крестьянское хозяйство, имеющее упряжку из двух быков, зевгарь, хозяина такой упряжки называли зевгаратом, крестьянина, имеющего только одного быка, — воидатом, а крестьянина, не имеющего рабочего скота, — актимомом. Формально считалось, что надел зевгарата (зевгарион) составлял 24 модия хорошей земли или 48 модиев земли худшего качества, но в действительности зевгарион был примерно втрое больше³³⁹ (1 модий пашни равен примерно 0,084 га; это площадь, для засева которой требуется один модий зерна). Среди крестьян были распространены большие семьи-патронимии, иногда в 20 человек, и в VIII–IX веках само собой подразумевалось, что обычная семья, как правило, обладала бычьей упряжкой или даже двумя упряжками. Лошадей в крестьянских хозяйствах, напротив, было мало; лошадь стоила 12 номисм, в три-четыре раза дороже, чем бык, и использовалась главным образом для военной службы³⁴⁰.

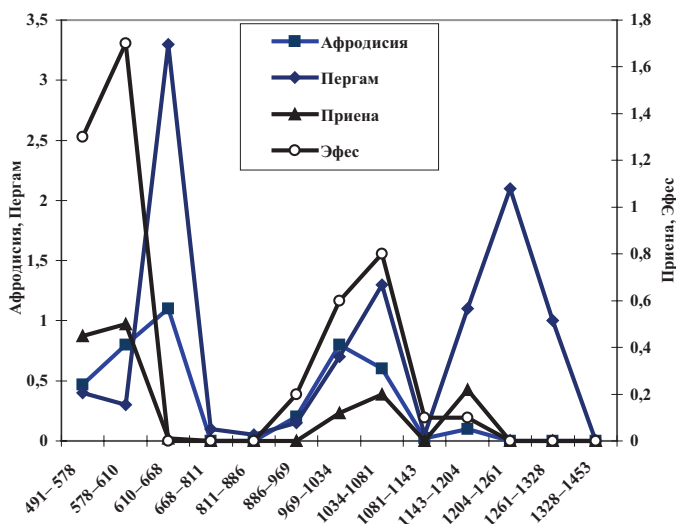

Рис. 16. Интенсивность монетного обращения в городах Малой Азии. На графике указано отношение количества монет, отчеканенных в указанный период и найденных при раскопках, к длине этого периода³⁴¹

Бесконечные войны привели к гибели крупного землевладения в Малой Азии, и вплоть до конца IX века источники практически не упоминают о крупных поместьях. В тех немногих случаях, когда речь заходит о крупной земельной собственности, ее хозяевами оказываются разбогатевшие крестьяне. Так как земли было достаточно и вокруг лежали запустевшие поля, то аренда в VIII–IX веках была мало распространена. Зафиксированная в Земледельческом законе (начало VIII века) арендная ставка составляла $\frac{1}{10}$ урожая, то есть была очень низкой³⁴². Найм батраков также упоминается редко, но в зажиточных хозяйствах нередко имелись рабы, которых крестьяне-воины захватывали в походах. О заработной плате и ценах в Византии мы имеем лишь очень скудные сведения. По данным, собранным Г. Острогорским, городской рабочий-подмастерье в VIII веке получал обычно около 1 каратиона ($\frac{1}{24}$ номисмы) в день³⁴³. О цене на хлеб имеется лишь одно свидетельство, говорящее о том, что она была очень низкой: в правление Константина V (743–775), то есть в период после чумы 747 года, за 1 номисму можно было купить 60 модиев пшеницы: патриарх Никифор писал, что люди объясняли эту дешевизну «изобилием плодов земли»³⁴⁴. Принимая во внимание, что модий равнялся примерно 8 кг, мы получим, что на дневную зарплату можно было купить 20 кг зерна. Если даже допустить, что вызывавшие удивление современников падение цен было временным явлением, что обычная цена

была, скажем, вдвое выше, то и в этом случае нужно признать, что уровень заработной платы был высоким, таким, каким он и должен быть в период восстановления.

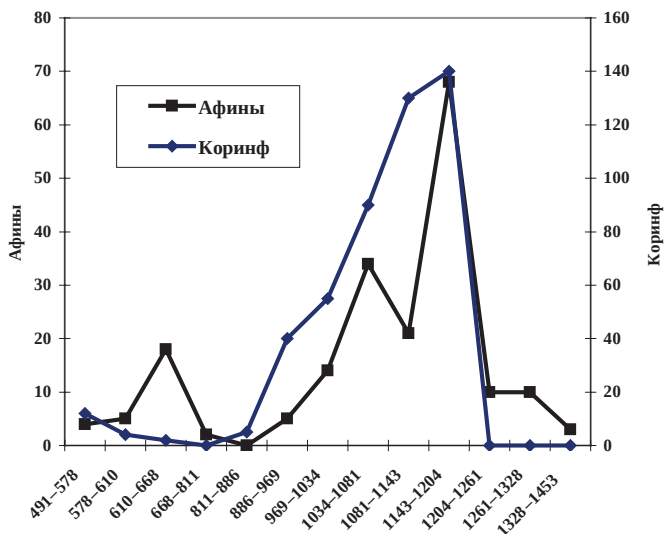

Рис. 17. Интенсивность монетного обращения в городах Греции³⁴⁵

Что касается уровня налогов, то нужно прежде всего отметить, что позднеримская налоговая система развалилась и прекратила существование еще в конце VII века. Центральные налоги намного уменьшились, и, по-видимому, потеряли регулярный характер: в VIII веке крестьяне платили лишь так называемые «экстраордина», бывшие прежде небольшим дополнением к основным налогам³⁴⁶. Однако важно подчеркнуть, что, несмотря на все потрясения, в Константинополе сохранялась старая имперская бюрократия, — множество образованных сановников, судей, налоговых практоров, которые прежде получали жалование за счет налогов и мечтали о восстановлении прежних порядков. Эта бюрократия выступала в роли хранителя и передатчика имперских этатистских традиций; при поддержке церкви она прилагала все усилия, чтобы подчинить ставшие слишком самостоятельными фемы, восстановить налоговую систему и заставить крестьян платить налоги. Фемы отвечали восстаниями против Константинополя; в 715 году столица была разгромлена крестьянским ополчением из фемы Опсикий, и власть на длительный период перешла к императорам-вождям фемных ополчений. Эти крестьянские императоры были грубыми воинами, почти варварами; нуждаясь в деньгах, они под предлогом иконоборчества грабили монастыри и снимали золотые оклады с икон. «Они были исполнены невежества и полной безгра-

мощности, отчего и происходят все беды, — писал хронист Феофан. — Книги сжигали, священные сосуды и святые храмы оскверняли...».

Победы ислама вызывали в Византии реакцию подражания, которая распространялась и на религию. В иконоборческом движении просматривалось идейное влияние Востока, отвергавшего поклонение иконам. Это же влияние сказывалось в попытках императоров-иконоборцев присвоить prerogatives патриархов и выступать в роли халифов. Инициатор иконоборчества Лев III говорил, что он «царь и вместе с тем иерей», а его противники называли императора «саракинофилом», то есть «мусульманствующим»³⁴⁷. С другой стороны, прилив армянских и сирийских переселенцев в Малую Азию принес с собой также и неискламские восточные ереси — манихейство и маздакизм. Наибольшей остроты еретическое движение достигло в Армении, где были изначально сильны традиции Мани и Маздака. Армения стала также оплотом движения павликиан, тесно связанного с манихейством³⁴⁸.

В начале IX века имперская бюрократия смогла вернуться к власти и возвести на престол Никифора I (802–811). Новый император заявил, что никто из его предшественников не умел по-настоящему управлять государственным кораблем и не заботился о благе государства. Никифор I предпринял попытку восстановления этатистской монархии позднеримского образца. Были обновлены налоговые списки и введен подворный налог, каптикон (во всяком случае, этот налог впервые упоминается при Никифоре I). В первой половине IX века каптикон составлял 2 милиарисия ($\frac{1}{6}$ номисмы) с каждого крестьянского очага. В источниках упоминаются также подать продуктами, синона, и трудовые повинности, в частности, ангария — содержание почтовых станций, располагавшихся на главных дорогах³⁴⁹.

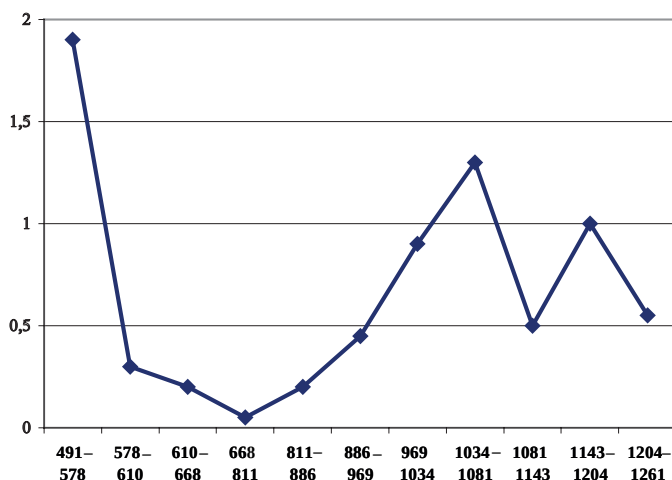

Рис. 18. Интенсивность монетного обращения на территории Албании³⁵⁰

В правление Никифора I была проведена также военная реформа: состоятельные крестьяне были внесены в особые каталоги кавалерийских фем, а для остальных крестьян вводилась система складничества: они должны были вносить по 18,5 номисм на каждого выставляемого общиной воина³⁵¹.

Никифор I мечтал о восстановлении границ империи, но политика завоеваний привела его к гибели в битве с болгарами. Вслед за этим поражением последовал новый период вражеских нашествий и внутренних смут. Фракия была опустошена болгарами; в Малой Азии вспыхнуло восстание против введенных Никифором налогов, принявшее масштабы разрушительной гражданской войны. В 830-х годах Малая Азия подверглась новому нападению арабов, а затем вспыхнуло восстание павликиан. Это восстание было тесно связано с мощным восстанием Бабека, незадолго перед этим охватившем Халифат: пламя крестьянской войны под знаменами маздакитства и манихейства перебросилось на Армению и Малую Азию.

Окончание павликианской войны совпало по времени с распадом Халифата и прекращением вторжений с Востока. Во второй половине IX века внутренняя и внешняя обстановка стабилизируется и отмечают-ся все более явные признаки восстановления экономики. Для некоторых районов, в частности Западной Македонии и Фессалии, имеются палеологические данные, которые говорят о вырубке лесов и расширении пашен³⁵². Данные о монетном обращении указывают на постепенное восстановление городов и торговли (рис. 16–18). Возобновилось каменное строительство; хроника, описывающая правление Василия I (867–886), перечисляет десятки построенных или восстановленных церквей, дворцов и крупных сооружений. Признаком значительного роста населения Константинополя было восстановление системы цистерн, сберегавших воду для жителей столицы³⁵³. Из сохранившихся поныне константинопольских церквей к VIII — первой половине IX века принадлежит только одна церковь, а ко второй половине IX века — четыре церкви. Отмечается также восстановление столичного ремесла, но в провинциях этот процесс начался позже, в X столетии³⁵⁴. Рост населения привел к росту цен на хлеб, цена на пшеницу в Константинополе при Василии I возросла до 1/12 номисмы за модий³⁵⁵.

Вместе с восстановлением экономики с середины IX века появляется и растет крупное землевладение³⁵⁶. Фемные командиры захватывали в походах рабов и добычу; обогатившись, они создавали поместья на свободной земле, которая имелась в промежутках между землями общин. С другой стороны, некоторые богатые крестьяне, имевшие боевого коня и доспехи, также становились командирами подразделений; таким образом, крупное землевладение было в существенной степени связано с военным

командованием, и новая фемная элита была военно-землевладельческой; ее обобщенный образ отразился в слове «динаты» — «сильные». Поместья новой знати быстро росли, и в начале X века появились знатные роды, такие как роды Фок и Малеинов, владевшие обширными землями, населенными тысячами зависимых людей, рабов, арендаторов и батраков³⁵⁷.

Вместе с тем конец IX и начало X века стали временем восстановления этикетских традиций, прежде всего это сказалось в возрождении римско-греческой бюрократической школы; была воскрешена табель о рангах и до мельчайших деталей разработана бюрократическая иерархия. Обязанности чиновников были детально расписаны; существовала служба специальных ревизоров, и, например, за злоупотребления в сборе налогов сборщику грозила смертная казнь. Повышения производились только по строгим правилам; вновь возродился синклит — наследник римского сената, превратившийся в собрание высших чиновников и церковных иерархов³⁵⁸. Таким образом, произошла консолидация бюрократии, хранившей этикетские традиции Римской империи. В отличие от династов, бюрократия генетически не была связана с крупным землевладением (кланы землевладельцев-чиновников появились лишь в XII веке); поскольку чиновники часто сменялись, бюрократия обладала относительно большой вертикальной мобильностью³⁵⁹. В формировании административной системы превалировал принцип выдвижения по заслугам; трактат «Тактика Льва» (начало X века) утверждал, что благородство человека определяется не его происхождением, а его собственными заслугами и добродетелью³⁶⁰. В X веке этикетская бюрократия и фемная знать стали двумя конкурирующими группами элиты, боровшимися за власть и распределение доходов.

Возрождение этикетской монархии означало возрождение православного самодержавия. Церковь и государство снова слились в одно целое; общество мыслилось как православная община, объединенная принципами христианской справедливости и отеческой властью императора. Подданные империи официально были равны перед законом, а императоры считали своим долгом чтить и исполнять законы³⁶¹. «Император представляет собой воплощение законности и общее благо для всех подданных», — говорит законодательный сборник «Эпанагога»³⁶². Власть императора считалась божественной; ритуал помазания делал его уполномоченным Господа; между тронами императора и императрицы стоял трон Христа, на котором лежала Библия. Вся жизнь императора была насыщена многочисленными религиозными обрядами, «отражавшими гармонию и порядок, созданные творцом»³⁶³.

Теоретически византийская этикетская монархия обладала верховной собственностью на землю; государство имело право конфисковать — без суда и следствия — любой земельный надел³⁶⁴. После подавления

мятежей и заговоров производились массовые конфискации земельных владений. Смена царствования сплошь и рядом влекла за собой конфискацию имущества дворцовых чиновников и царских слуг; такие конфискации иногда распространялись на широкий круг чиновничества. Церковное имущество также не было неприкосновенным, и в случае нужды императоры отчуждали церковные ценности³⁶⁵. Но в то же время существовали различные категории земель: коронные земли, собственником которых была императорская семья, государственные земли, бывшие собственностью казны, церковные и частные земли — и в отношении разных категорий земель государство и крестьяне обладали различными правами. Если в отношении своей земли крестьяне были частными собственниками, то на государственных землях, землях церкви и крупных собственников они выступали в качестве арендаторов. Это проявлялось прежде всего в уровне налогообложения: на своих частных землях крестьяне платили поземельный налог, а на государственных землях — вдвое превосходящую этот налог арендную плату³⁶⁶.

Византийский этатизм особенно ярко проявлялся в государственном регулировании ремесла и торговли. Городские ремесленники и торговцы объединялись в корпорации, которые строго контролировались государством, устанавливавшим цены на основные товары и норму прибыли (которая обычно составляла 8,33%). Особенно строго регулировалась хлебная торговля; городской епарх должен был чуть ли не ежедневно встречаться с торговцами и устанавливать цену хлеба; государство имело большие резервные склады и регулировало цены, закупая или выбрасывая хлеб на рынок. Существовали также большие государственные мастерские в производстве оружия, шелковых и шерстяных тканей, предметов роскоши³⁶⁷.

Восстановление имперских традиций подразумевало создание мощной армии, однако в этом отношении достижения императоров были скромными. Византийская армия оставалась крестьянским ополчением. В стратиоты кавалерийских фем записывались крестьяне, обладавшие имуществом в 4 литры (288 номисм), что составляло стоимость 6 обычных зевгаратских участков. По подсчетам исследователей, такое земельное владение приносило 15 номисм чистого годового дохода; на эту сумму нельзя было приобрести кольчугу, поэтому стратиоты были легковооруженными всадниками³⁶⁸. Наделы стратиотов были объявлены неотчуждаемыми, они освобождались от некоторых налогов и повинностей. Чтобы облегчить снаряжение стратиотов, им стали выдавать небольшое денежное и натуральное довольствие (опсоний и ситересий). Однако это не решало проблемы содержания воинов: для сравнения можно отметить, что воины-гулямы в Халифате до начала X века получали содержание 48–84 динаров (то есть номисм) в год³⁶⁹. К тому же стратиотское войско

было немногочисленным: «Тактика Льва» свидетельствует, что все фемы Малой Азии могли выставить лишь 30 тыс. воинов, причем обычно войско составляло не больше 5 тыс.³⁷⁰

Внешнеполитическое положение Византии во многом определялось действием военно-технического фактора, влиянием фундаментальных инноваций в военном деле, произошедших в начале Средних веков. Появление стремени придало всадникам большую устойчивость и позволило использовать тяжелое вооружение; тяжелая кавалерия составляла ядро мусульманских и западноевропейских армий. Воздействие военно-технического фактора носило диффузионный характер и проявлялось в том постоянном военном давлении, которое оказывали на Византию мусульмане; это давление заставляло византийское государство перенимать восточную систему вооружения и содержания войск. Содержание мусульманских всадников (тюркских гулямов) обеспечивалось высоким жалованьем, которое подразумевало высокие налоги с крестьян. В первой половине X века императорская гвардия также стала формироваться из наемников, среди которых было много варягов-русов; появились также подразделения гулямов из числа плененных мусульман³⁷¹. О том, насколько высоко ценили мусульманских воинов в Византии, говорит то, что при Никифоре II Фоке согласившимся служить пленным мусульманам давали стратиотский надел и 16 номисм на обзаведение³⁷². Будучи опытным полководцем, Никифор II понимал, какое психологическое преимущество дает мусульманам обещание пророка, что каждый погибший в бою за веру попадет в рай; он пытался добиться, чтобы погибшим христианам также оказывались мученические почести — но неудачно³⁷³.

Проблема содержания армии упиралась в проблему финансов и налогов. Несмотря на введение каптикаона в $\frac{1}{6}$ номисмы, уровень налогов в середине IX века оставался низким. Пустая казна не позволяла содержать большую армию, поэтому основной социальной тенденцией 850–950-х годов был рост налогов. В ходе этого процесса трудовые и натуральные повинности были коммутированы в денежные налоги, и к середине X века крестьянин-зевгарат платил основной налог, димосий или канон, в 2 номисмы (сюда входил поземельный налог в 1 номисму, а также каптикон и налог на волов); кроме того, существовали и другие, сравнительно мелкие дополнительные налоги³⁷⁴. Таким образом, за столетие денежные налоги увеличились во много раз и, по-видимому, достигли предела возможностей крестьянского хозяйства. По расчетам Г.Г. Литаврина, после уплаты налогов у крестьян оставалось зерна только-только, чтобы прокормиться до следующего урожая³⁷⁵.

«Податной устав» свидетельствует, что уже в начале X века рост налогов привел к многочисленным случаям бегства крестьян и забрасывания ими своих земель. Устав рекомендует снимать с общины налоги

бежавших крестьян, «чтобы не покинули земель и оставшиеся сельские жители»³⁷⁶. Изъятие у крестьян ресурсов привело к тому, что многие из них не могли сохранять запасы зерна на случай большого неурожая. В 928 году необычайно суровая зима погубила урожай. «И оттого начался страшный голод, — говорит хроника, — которого раньше никогда не бывало, а отсюда и неисчислимые смерти, так что живые не успевали хоронить мертвых»³⁷⁷. Голодающие за бесценок отдавали свои наделы и уходили в города, фемные стратиги и динаты скупали земли и создавали поместья. В 932 году обездоленные крестьяне подняли восстание в феме Опсикий, и восстание побудило императора Романа I выступить в поддержку крестьянских требований. Фразеология императорского указа 934 года показывает, что византийская этатистская традиция, по-прежнему, как и во времена Юстиниана Великого, несла в себе элементы христианского социализма. «Есть люди, — говорилось в указе, — которые заботятся только о земных благах и временном благополучии, отказываясь таким образом от прав на небесные награды и забывая о дне судном. Такие люди... причина всех бедствий; отсюда происходят всякие замешательства, отсюда великие стоны и страдания и многие стоны бедных. Но за бедных вступает Сам Господь. Если же Сам Бог, возведший нас на царство, восстает на отмщение убогих, то как можем мы пренебречь своим долгом...»³⁷⁸. В то же время, ссылаясь на Господа, император исходит из прагматических соображений, указывая на необходимость заботы о крестьянстве, потому что «именно крестьянское землевладение удовлетворяет двум существенным государственным потребностям, ибо с него вносятся казенные подати и исполняется воинская повинность»³⁷⁹. В итоге указ предоставлял крестьянам, продавшим свои земли во время и после голода 928 года, право выкупа этих земель, если же они были проданы менее чем за половину стоимости, то крестьянин мог получить свою землю безвозмездно. Указ запрещал также скупку земель в будущем³⁸⁰.

Однако после голода положение в деревне оставалось тяжелым, крестьянство разорялось, и динаты, несмотря на запреты, скупали крестьянские земли³⁸¹. Положение осложнялось предпринятой в это время попыткой введения круговой поруки при уплате налогов (аллиленгия), однако неясно, стала ли круговая порука реальностью: закон предусматривал исключение запустевших наделов из налоговых описей³⁸². Константин VII (945–959) существенно уменьшил налоги, чтобы «облегчить несчастным беднякам тяжкий гнет неуместных взиманий»³⁸³. Император издал указ, гласящий, что, поскольку земельные сделки совершались в обход закона, то бедняки, продавшие землю динатам, могут вернуть свои наделы, не возмещая покупателям уплаченную цену. Однако возмущение знати было таково, что Константин VII был вынужден вскоре отменить свой указ — знать впервые указала на пределы императорской власти³⁸⁴.

Усиление военной знати привело к тому, что в 963 году знаменитый полководец Никифор Фока поднял мятеж и провозгласил себя императором. Фока отменил право крестьян на выкуп земель, проданных более чем 40 лет назад, урезал содержание чиновников, увеличил налоги и мобилизовал все средства страны для военной экспансии. Византийцы впервые за два столетия перешли от обороны границ к наступлению; смуты на арабском Востоке помогли императору-полководцу отвоевать Северную Сирию. Никифор Фока провел военную реформу и, переписав стратиготов с цензом более 12 литр золота (владельцев 15–20 обычных зевгариотских наделов), сформировал из них подразделения тяжеловооруженных всадников-катафрактов. Таким образом, в Византии появилась рыцарская конница, но она была очень малочисленна — богатых стратиготов нашлось немного; их число оценивается в несколько сотен³⁸⁵.

Господствующей экономической тенденцией того времени было разорение крестьян вследствие нарастающего аграрного перенаселения. Малоземелье прогрессировало независимо от того, скупали или нет динаты крестьянские участки; рост населения и разделы наделов между сыновьями в любом случае приводили к недостатку земли и хлеба. Главным признаком перенаселения был рост хлебных цен; обычная цена модия пшеницы увеличилась в Константинополе с $1/_{12}$ номисмы в 870-х годах до $1/_{8}$ номисмы в 960-х годах³⁸⁶. В 960 году из-за неурожая зерно вздорожало до $1/_{4}$ номисмы, но энергичные меры властей позволили сбить цену. В 968 году новый неурожай вызвал ужасный голод; цена достигла 1 номисмы за модий, но Никифор Фока не думал о том, как помочь беднякам, и приказал продавать хлеб из казенных складов по спекулятивной цене³⁸⁷. В дальнейшем большой голод упоминается в 986 году и несколько раз в первой половине XI века. Нарастающее малоземелье заставляло крестьян продавать свои наделы и становиться арендаторами-париками на государственных и частных землях. Арендная плата зевгарата на государственных землях составляла $1/_{12}$ – $1/_{10}$ номисмы за модий пашни, и вдвое превосходила поземельный налог, который платили крестьяне-собственники. На землях динатов в различных случаях арендная плата могла составлять $1/_{4}$, $1/_{3}$, $1/_{2}$ урожая³⁸⁸, и, поскольку данных немного, то вывести среднюю величину не представляется возможным, но, во всяком случае, она была много больше, чем та десятина, которую платили арендаторы в VIII веке. Нужно учесть, что помимо аренды парики (как и другие крестьяне) платили подворный налог в размере $1/_{2}$ номисмы и некоторые другие подати. Даже по оптимистическим расчетам Ж. Лефорта (который полагает, что парики имели большие наделы — 80 модиев), их суммарные подати и ренты достигали примерно половины чистого сбора³⁸⁹.

Попытки императоров приостановить разорение крестьянства, по видимому, замедлили этот процесс, но не остановили его. Отсутствие

источников не позволяет проследить динамику этого процесса, но его конечный результат виден из двух сохранившихся поземельных описей. Следует оговориться, что крестьяне, фигурирующие в этих описях, — это парики, то есть крестьяне-арендаторы, уже потерявшие свою землю. Одна из описей относится к 1073 году и касается нескольких деревень в районе Милета, в этих деревнях было в общей сложности 49 крестьян-дворохо-зьев, из них 37 % были зевгаратами, 12 % воидатами и 51 % составляли актемоны — разорившиеся крестьяне, не имевшие рабочего скота³⁹⁰. Другая опись датируется 1103 годом и относится к селу Радолюбо в прибрежной части Западной Македонии; в этом селе было 123 двора, из них 26 % — зевгараты, 29 % — воидаты и 45 % — актемоны³⁹¹. Таким образом, в обоих случаях около половины населения деревень составляли бедняки, не имевшие волов. Нужно учесть при этом, что условия ведения хозяйства в Византии были таковы, что владельцы одного вола также считались бедняками, которым приходилось бороться с голодом³⁹².

Разорившиеся крестьяне пытались заработать на жизнь ремеслом; имеются некоторые, правда немногочисленные, данные о росте деревенского ремесла³⁹³. Многие бедняки продавали свои наделы и уходили в города, становились подмастерьями и наемными работниками, мистиями. Стремительный рост монетного обращения в 950–1060-х годах говорит о быстром росте городов (рис. 16–18), по-видимому, более быстром, чем рост населения в сельской местности. X век был временем расцвета константинопольского ремесла, в особенности керамического производства и металлообработки³⁹⁴. Население столицы, по некоторым оценкам, достигло полумиллиона жителей; город был перенаселен, жилье стоило очень дорого, и властям, в порядке вспомоществования бедным, иногда приходилось оплачивать долги квартирсыемщиков. Хотя достоверных данных о заработной плате не имеется, исследователи полагают, что подмастерья и наемные работники получали примерно 1 номисму в месяц³⁹⁵. При цене в $\frac{1}{8}$ номисмы за модий пшеницы³⁹⁶ на дневную зарплату можно было купить только 4 кг зерна — такой низкий уровень заработной платы характерен для периодов сжатия³⁹⁷. Безработица была огромной, Константинополь был переполнен нищими, которые спали прямо на улицах и площадях³⁹⁸. Рабочая сила была столь дешевой, что рабство стало невыгодным: рабов стали отпускать на свободу, и в XI веке их число резко сократилось³⁹⁹.

После смерти преемника Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия, эта-тистская бюрократия сумела вновь овладеть властью. Император Василий II (976–1025) подавил мятежи военной знати и, как сообщает Матфей Эдесский, подверг многих знатных жестоким казням⁴⁰⁰. Хронист Михаил Пселл писал, что Василий II сокрушил силу выдающихся родов и окружил себя незнатными и необразованными людьми⁴⁰¹. Император провел поземель-

но-имущественную перепись, которая сопровождалась конфискацией части динатских земель. Динаты были включены в налоговые ведомости деревень и в соответствии с вновь восстановленным принципом круговой поруки (аллиленгием) обязывались платить недоимки деревенских бедняков; 40-летний срок давности, ограничивавший право выкупа крестьянских земель, был отменен⁴⁰². Эти меры этатистской монархии нанесли тяжелый удар крупному землевладению, и динаты на некоторое время сошли с политической сцены⁴⁰³.

Конфискации, введение аллиленгия и обременение платежами крупных землевладельцев позволили Василию II стабилизировать государственные финансы, так что к концу его правления в казне имелся запас в 200 тыс. литр⁴⁰⁴. Пополнение казны, в свою очередь, позволило увеличить армию. Стратiotы стали получать ежегодные выдачи из казны, однако главную роль в армии теперь играли наемники; о их роли говорит, например, то обстоятельство, что при завоевании Болгарии русско-варяжская дружина получила треть добычи. Состоявшая из наемников-«варваров» императорская гвардия насчитывала 24 тыс. солдат; гвардия стала ударной силой византийской армии⁴⁰⁵.

Главным событием правления Василия II стало завоевание Болгарии. Со времени своего основания Болгарское царство вело наступление на земли Византии, и в царствование Симеона (863–927) болгары отеснили византийцев к побережью Эгейского моря. Бесконечные войны сопровождались опустошением обширных районов и делали невозможным восстановление экономики на остававшихся под контролем византийцев балканских территориях. Очевидно, что завоевание Болгарии должно было дать толчок к освоению запустевших земель и в какой-то степени разрядить напряженную демографическую и продовольственную ситуацию в Византии. Уже в 970-х годах, после завоевания долины Марицы, сюда были переселены десятки тысяч крестьян из Малой Азии и созданы многочисленные военно-земледельческие колонии⁴⁰⁶. Завоевание Болгарии сопровождалось опустошением страны; многие районы обезлюдели. Данные о монетном обращении в бывшей болгарской столице, Преславе, указывают на наступивший после завоевания упадок города (рис. 19). Члены царской семьи и многие представители знати были переселены в Малую Азию, где им на условиях службы были предоставлены поместья. Оставшееся сельское население первоначально платило налоги по традиционной (болгарской) норме: по 1 модию пшеницы, 1 модию проса и мере вина с зевгарата (в Болгарии еще при царе Петре стали проводиться переписи по греческому образцу, и зевгарий стал единицей налогообложения). В 1040 году налоги были переведены на деньги и повышены до 1 номисмы с зевгария. Это вызвало восстание болгар, подавление которого сопровождалось новыми большими опустошениями⁴⁰⁷. После

подавления восстания население Болгарии было вынуждено для уплаты налогов продавать на рынке большое количество хлеба; это вызвало падение хлебных цен, которые в начале 1070-х годов составляли от $\frac{1}{18}$ до $\frac{1}{8}$ номисмы за модий⁴⁰⁸. Фракия и Македония, освободившись от постоянной угрозы болгарских набегов, также стали зернопроизводящими областями; хлеб из этих районов вывозился к морскому порту Редесто, который стал главной хлебной гаванью Византии⁴⁰⁹.

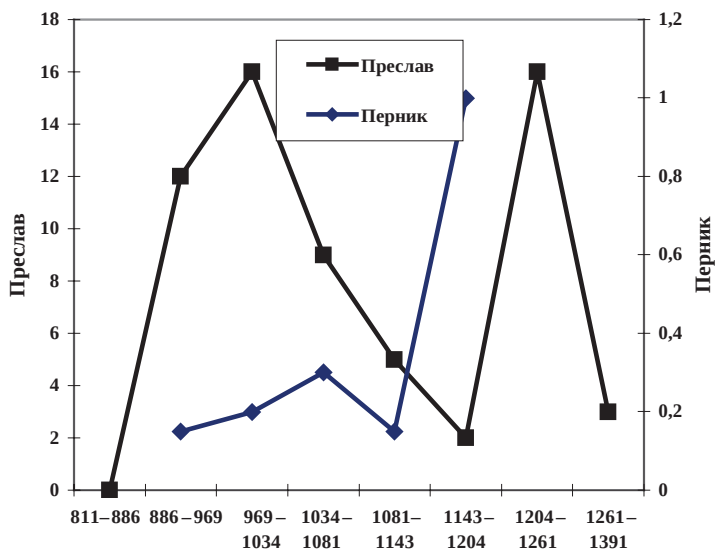

Рис. 19. Интенсивность монетного обращения в Болгарии⁴¹⁰

Завоевание Болгарии способствовало улучшению продовольственной ситуации и ослаблению сжатия. Однако прежде чем стали сказываться результаты этого завоевания, Византии пришлось пережить несколько трудных десятилетий, завершившихся тяжелым кризисом. 1023–1026 годы были отмечены засухой и голодом. Император Василий II снял недоимки за два голодных года, но его преемник Константин VIII (1025–1028) возобновил взыскание недоимок. Разорявшиеся стратиоты не могли служить в войске, а замена их наемниками, в свою очередь, требовала увеличения налогов, которые не могли платить разорявшиеся крестьяне. Империя находилась в состоянии постоянного финансового кризиса, с которым не могли справиться слабые преемники Василия Великого. Под давлением знати Роман III (1028–1034) окончательно отменил аллиенгий, который платили в том числе и динаты; это еще более ухудшило финансовое положение государства. По словам Пселла, Роман III «походил больше на сборщика налогов, чем на императора», а временщик Иоанн Орфанотроф

«особую изобретательность и ум высказывал при обложении налогами»⁴¹¹. Были введены новые налоги, один из которых предназначался специально на экипировку разорившихся стратиотов; большинство стратиотов к этому времени превратились в простых наемников или заменялись наемниками⁴¹². Рост налогов происходил в условиях сжатия, и так как крестьяне не имели запасов зерна, то каждый неурожай приводил к голоду, каждая, даже небольшая засуха приводила к тяжелым последствиям, поэтому 1020–1050-е годы описываются в хрониках как сплошная цепь стихийных бедствий⁴¹³. В 1032–1034 годах голод в малоазиатских провинциях заставил крестьян толпами переселяться на колонизируемые земли Фракии. Положение крестьян Малой Азии было столь тяжелым, что позже, в 1070-х годах, они приветствовали приход завоевателей-тюрков. Массы разоряющихся крестьян искали работу в городах, что привело к быстрому росту городского населения (рис. 16, 17) и ухудшению продовольственного положения в городах. В 1037 году страшная засуха и голод вызвали волнения в столице. В провинциях вспыхивали антиналоговые восстания: в Навпакте (1026 г.), в Антиохии (1034 г.); в 1042 году произошло восстание в Константинополе, в ходе которого народ уничтожил налоговые списки⁴¹⁴. Правительству пришлось сокращать военные расходы; Константин IX (1042–1055) перевел 50-тысяч грузинских стратиотов на положение простых крестьян-налогоплательщиков⁴¹⁵. Как писал Иоанн Скилица, «военное дело пришло в упадок и вконец расстроилось вследствие отсутствия денег в казне»⁴¹⁶. Ввиду нехватки средств правительство прибегло (поначалу к небольшому) снижению содержания золота в номисме⁴¹⁷.

В Византии сложилась характерная для фазы сжатия ситуация, когда разорение крестьян подрывало финансовые возможности и обороноспособность государства, в то время как давление внешних врагов угрожало его существованию. С 1046 года Балканы стали подвергаться набегам печенегов, которые иногда прорывались почти до столицы. Ослабление государства и династический кризис, вызванный пресечением Македонской династии, позволили военной знати снова захватить власть: в 1057 году военный мятеж привел к власти полководца Исаака Комнина. Исаак Комнин (1057–1059) во время своего короткого правления пытался выйти из финансового кризиса с помощью жесткого сбора недоимок, конфискации земель у своих врагов и у некоторых монастырей⁴¹⁸. После смерти Исаака Комнина власть вернулась к этиатистской бюрократии, которая проводила политику ограничения военных расходов. По словам Пселла, желанием Константина X (1059–1067) было улаживать дела с народами не войнами, а дарами, чтобы не тратить много денег на войско⁴¹⁹. Финансовый кризис побудил правительство ввести систему налоговых откупов; это позволяло получать деньги авансом, но отдавало население на произвол откупщиков⁴²⁰.

Между тем с востока надвигалась Тюркская Волна; в 1055 году тюрки взяли Багдад, и вскоре их отряды появились на границе Византии. В страхе перед угрозой нашествия вдова Константина X, Евдокия, регентша при малолетних сыновьях императора, вручила власть полководцу Роману Диогену. Готовясь к войне с тюрками, Роман IV Диоген созвал стратиотское ополчение, но, как пишет Скилица, налицо оказалось лишь скромное число людей, одетых в рубища и удрученных скудостью, лишенных вооружения и коней. Императоры давно не выступали в поход, поэтому у стратиотов, не несших военной службы, было отнято содержание и они уже не могли должным образом снарядиться на войну. «Они имели робкий вид... и казались неспособны ни на какое большое предприятие»⁴²¹. Роман Диоген попытался восстановить боеспособность армии, но основную силу его войска составляли наемные отряды франков, варягов и тюрков, гузов и печенегов⁴²². 19 августа 1071 года близ Манцикерта огромная армия Романа Диогена встретилась с численно намного уступавшим ей войском тюрков-сельджуков, но ход битвы показал, насколько опрометчивой была ставка на иноземных наемников. Тюрки из войска Романа Диогена изменили и перешли на сторону своих степных сородичей, византийская армия была разгромлена, и Роман Диоген попал в плен⁴²³.

Власть в Константинополе снова оказалась в руках этатистской бюрократии, которая возвела на престол Михаила VII (1071–1078). Византийская армия продолжала разваливаться, вслед за изменой гузов восстали франкские наемники, и, чтобы усмирить их, Михаил VII был вынужден обратиться к сельджукам. Тюркские орды растеклись по Малой Азии, грабя и истребляя население; греки в страхе бежали на Балканы. «Покинули греки станы свои и города, коими владели на Востоке, и ушли, — говорит грузинский автор. — Их захватили турки и поселились в них»⁴²⁴. В стране свирепствовали голод и чума; цена пшеницы в Константинополе достигла 3 номисм за модий; на улицах лежали трупы, и на одни носилки приходилось класть по 5–6 мертвецов. Болгары воспользовались ослаблением Византии и снова восстали. Военная знать также использовала ослабление государства, и мятежи следовали один за другим. В обстановки голода и смуты правительство пошло на крайние этатистские меры: была монополизирована торговля хлебом и конфискована священная утварь в церквях. Содержание золота в номисме было понижено до 60 %⁴²⁵. Но правительству не удалось стабилизировать положение: военная знать снова подняла мятеж, ее вождь, полководец Никифор Вониат, в борьбе с Михаилом VII призвал на помощь тюрков и отдал им земли вплоть до Босфора. Захватив власть, Никифор III (1078–1081) стал широкой рукой раздавать динатам поместья и податные привилегии; это вызвало крестьянские восстания; кое-где в Малой Азии крестьяне переходили на

сторону турок⁴²⁶. Страна погрузилась в хаос, различные военные группировки сражались друг с другом и с центральным правительством. Наконец, в апреле 1081 года войска фракийских динатов штурмом овладели Константинополем и подвергли город жестокому разграблению. Императором был провозглашен Алексей I Комнин — основатель новой династии и нового государства⁴²⁷.

Но успокоение наступило не сразу; в 1081 году при Диррахии Византия потерпела новое сокрушительное поражение — на этот раз от рыцарской конницы сицилийских норманнов. Норманны опустошили Северную Грецию и достигли берегов Эгейского моря; печенеги год за годом прорывались через Балканы и опустошали Болгарию. В конечном счете голод, эпидемии, внутренние войны и вторжения врагов обернулись для Византии тяжелой демографической катастрофой. Наибольшие масштабы эта катастрофа имела в разоренной тюрками Малой Азии; как показывают данные о монетном обращении, многие города опустели, и торговля практически прекратилась — как в VII–VIII веках (рис. 16). Толпы беженцев искали спасения от тюрков на Балканах. Однако и на Балканах некоторые области жестоко пострадали от вражеских вторжений; как показывают графики на рис. 17–19, имело место падение монетного обращения в Болгарии, в Албании, а также в Средней Греции, в частности в Афинах. Аналогичные данные имеются относительно Константинополя⁴²⁸.

* * *

Подводя итоги социально-экономического развития Византии в VIII–XI веках, необходимо отметить прежде всего масштабы демографической катастрофы, вызванной варварскими нашествиями в VII веке. Археологические данные, так же как и данные письменных источников, говорят о гибели большинства городов и запустении обширных сельских территорий. Наиболее важным социальным следствием этой катастрофы была гибель крупного землевладения; в новых условиях главную роль играла община свободных крестьян, крестьянские ополчения защищали страну от вторжений и возводили на императорский трон своих вождей. Таким образом, социальная структура общества значительно упростилась, приблизившись к структуре «варварских королевств». Однако при этом сохранялась и сильная этатистская традиция, носителями которой были остатки имперской бюрократии и церковь. Эти круги призывали к восстановлению сильного государства, необходимого в первую очередь для обороны от внешних врагов.

Период разрухи и нашествий продолжался до VIII столетия, когда началось медленное восстановление экономики. Как и в классическом случае, для *фазы роста* характерны наличие свободных земель, рост населения, рост посевных площадей, низкие, но постепенно растущие

цены на хлеб, высокая реальная заработная плата, относительно высокий (но постепенно понижающийся) уровень потребления, низкий уровень земельной ренты, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, ограниченное развитие городов и ремесел, незначительное развитие аренды и ростовщичества.

Социально-экономическое развитие Византии в значительной мере определялось двумя факторами, демографическим и военно-техническим. Военно-технический фактор проявлялся в господстве на поле боя тяжелооруженных всадников — тюрок, арабов, франков, норманнов. Военное давление этих противников заставляло византийское правительство создавать подразделения тяжелой кавалерии из стратиотов или из наемников, оплачиваемых за счет казны. Это было продолжение диффузионной волны, связанной с распространением стремени и тюркского седла. Победы мусульман и могущество Халифата вызывало подражание также и в религиозной сфере (иконоборчество), и в общей тенденции к централизации и этатизму.

В начале VIII века, в правление Никифора I, отмечается первая, неудачная, попытка восстановления этатистской монархии; вторая попытка была предпринята в правление Василия Македонянина, и на этот раз завершилась относительным успехом. Этатистская бюрократия консолидировалась и установила реальный контроль над управлением страной; была восстановлена налоговая система; в войске, прежде носившем характер крестьянского ополчения, был выделен слой наследственных воинов-стратиотов, которые регулярно получали пособия из казны, то есть войско стало отчасти финансироваться за счет налогов.

Период восстановления закончился «великим голодом» 928 года, обозначившим начало сжатия. Для периода сжатия, как и в теории, характерно отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления, неустойчивый демографический рост, его замедление или приостановка, высокий уровень земельной ренты, частые сообщения о голоде, эпидемиях и стихийных бедствиях, разорение крестьян-собственников, распространение ростовщичества и аренды, рост крупного землевладения, уход разоренных крестьян в города, где они пытались заработать на жизнь ремеслом или мелкой торговлей, рост городов, развитие ремесел и торговли, большое количество безработных и нищих, голодные бунты и восстания, попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, фрагментация элиты, борьба за статусные позиции в среде элиты, обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом, тенденция к увеличению централизации и установлению этатистской монархии, внешние войны с целью приобретения новых земель и понижения демографического давления.

Нужно оговориться, что в Византии тенденция к установлению этакратической монархии проявила себя еще до начала сжатия, как наследие римских времен. Сжатие дало этой тенденции новый мощный импульс, и она ярко проявилась в законах Романа I. Однако этакратическая тенденция столкнулась с военно-аристократической тенденцией, индуцированной господством тяжелой кавалерии. Так же как в других странах, рыцарская элита вступила в схватку за перераспределение ресурсов, и это привело к мятежу Никифора Фоки, а затем к долгой борьбе, закончившейся победой этакратической монархии в правление Василия II.

Для того чтобы остановить разорение крестьян и развитие крупного землевладения, этакратическая монархия использовала методы государственного регулирования — и монархия отчасти достигла своей цели, замедлив естественные социально-экономические процессы. Этим, по-видимому, и объясняется необычная длительность периода сжатия — почти полтора столетия. Важную роль в некотором ослаблении сжатия сыграло расширение территории империи на Балканах, достигнутое в результате завоевания Болгарии. Это завоевание открыло для сельскохозяйственной колонизации земли Болгарии, Фракии и Македонии, что привело к понижению хлебных цен в 1060-х годах. Однако эта благоприятная тенденция не спасла Византию от роковых последствий сжатия. В предыдущие десятилетия перенаселение привело к финансовому кризису и военному ослаблению Византии, результатам чего стала военная катастрофа при Манцикерте. Разгром привел к опустошению провинций тюрками, к резкому ослаблению государства, к новым мятежам военной элиты и к восстанию в Болгарии. В годе междоусобной войны между этакратическим правительством и военной элитой обе стороны призывали на помощь тюрков, и в результате кочевники почти беспрепятственно заняли Малую Азию.

В итоге, как и предсказывает теория, мы видим *экосоциальный кризис*: голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла и торговли, высокие цены на хлеб, низкие цены на землю, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности.

Так же как многие кризисы эпохи тяжелой кавалерии, византийский кризис имел «элитный» характер; он был спровоцирован военной элитой, но в условиях сжатия междоусобицы и вторжения извне сразу же привели к экономической катастрофе.

* * *

Подводя итоги исторического процесса в эпоху после появления стремени, можно констатировать, что первая атака тяжелой кавалерии кочевников на Китай вызвала глобальную катастрофу, за которой после-

довал почти двухвековой период хаоса, войн и разрухи. В конце концов, на севере страны сформировалась сословная монархия с сильной военной элитой из потомков завоевателей-сяньби. Когда в обстановке сжатия монархия стала перенимать старые китайские (и этатистские) методы управления, военная элита восстала и ценой демографической катастрофы вернула сословную монархию. Потребовалось еще сто лет и новое сжатие, чтобы новый кризис возродил китайский этатизм, на этот раз сумевший подчинить военную элиту. Однако в эпоху Тан процессы ассимиляции лишили потомков сяньби былой силы, и монархии пришлось пополнять кадры тяжелой кавалерии степными наемниками.

Появление нового типа седла в VI веке дало новые преимущества кавалерии кочевников и обусловило волну тюркских завоеваний. Однако тюрки, в отличие от хунну и сяньби, обитали вдали от китайских границ и не имели стимулов к созданию мощного государства. Их племенное объединение быстро распалось, и — так же как скифы — они не сумели подчинить значительные земледельческие области. Волна завоеваний остановилась у границ цивилизованных империй, и распространение тяжелой кавалерии происходило далее путем диффузии. Мусульманские государства стали создавать армии из тюркских рабов, в Китае тюрков использовали как наемников, а Византия попыталась создать свою кавалерию стратиотов, но затем также перешла к использованию наемников (в том числе тюрков). Таким образом, повсюду появилась новая военная элита латных всадников, которая вскоре потребовала перераспределения ресурсов в свою пользу. Мятеж Ань Лу-шаня в Китае, а затем мятежи гулямов в мусульманских странах и переворот Никифора Фоки в Византии знаменуют собой эпоху феодальных революций, приведших на время к власти военную элиту.

В Китае феодальная революция привела к падению этатистской монархии династии Тан и полувековому господству военных предводителей (цзедуши). Императору Сяньцзуну удалось было подчинить военную элиту, но затем началось сжатие и для того, чтобы разгромить крестьянскую армию Хуан Чао, властям пришлось призвать тюркскую кавалерию из степей. Тюрки попытались создать на севере Китая сословную монархию, но снова проявили себя неспособными к построению прочного государства и в конце концов были вытеснены назад в степи восставшими китайцами. Так же как мятеж Ань Лу-шаня, кризис времен Хуан Чао нанес новый удар китайскому этатизму, в результате чего период Сун стал временем господства частной собственности. Однако в конечном счете военное превосходство тяжелой кавалерии кочевников сохранялось, и в начале XII века чжурчжени завоевали Северный Китай, создав там классическую сословную монархию, развивавшуюся по циклу Ибн Халдуна.

В центральных областях Халифата феодальная революция проявилась в мятежах тюркских гулямов, которые также привели к падению этатистской монархии и к возрождению частнособственнического общества. Однако это «мусульманское возрождение» оказалось недолгим, и после нового сжатия и экосоциального кризиса Ирак был завоеван варварами-дайлемитами, которые разорили буржуазные города. На востоке Ирана этатистская монархия подпитывалась персидскими традициями и длительное время сопротивлялась наступлению гвардии гулямов. Военная элита одержала здесь лишь кратковременную победу в середине X века — она разрушила монархию Саманидов, но на смену Саманидам пришел Махмуд Газневи, который сумел подчинить гулямов. В Египте мятеж тюркской гвардии, произошедший в фазе сжатия, спровоцировал жестокий экосоциальный кризис, но в конечном счете этатистская монархия Фатимидов выдержала это испытание. В Византии также после 15-летнего правления императоров-полководцев этатистской монархии удалось вернуться к власти.

Таким образом, на Ближнем Востоке первая феодальная революция в целом не достигла успеха. Однако военная элита продолжала борьбу за власть, и обстановка была особенно напряженной в странах, использовавших тюркскую кавалерию, гулямов или наемных солдат. В X веке сила тюркских всадников еще более возросла в результате появления сабли — нового эффективного оружия конного боя. В середине XI века степные турки начали наступления на Иран, и их собратья-гулямы из мусульманских армий сразу же перешли на сторону кочевников. Эта новая волна завоеваний стала началом второй эпохи тяжелой кавалерии — эпохи сабли.

Глава 10. Эпоха сабли

10.1. Появление сабли

Появление стремени открыло эпоху тяжелой кавалерии, новый этап которой начался с созданием тюркского седла. Новое седло и стремя придали всаднику устойчивость и сделали возможными таранные атаки с копьем наперевес. С другой стороны, преимущества стремян и седел были использованы конными лучниками, которые стали быстрее стрелять и тщательнее целиться. Но процесс освоения новых возможностей продолжался и далее. Новое седло давало возможность всаднику вставать в стременах и вкладывать в удар всю массу тела, однако старое оружие, меч, было малоэффективно в таком бою. Кинематические исследования нашего времени показали, что эффективность (или коэффициент полезного действия) меча составляет лишь 45 %, а остальная энергия удара теряется в силу различных причин. В ходе своих бесконечных войн кочевники вели поиск нового, более эффективного оружия. Это был длительный процесс: его начало отмечается у паннонских авар, которые в VII веке стали применять сначала однолезвийные мечи-палаши, а затем и кривые легкие сабли. Но в следующем столетии авары почему-то вернулись к прямым саблям — и эти прямые (или почти прямые) сабли распространились на восток в причерноморские степи, принадлежавшие тогда хазарам. Хазары сделали еще один шаг назад: они укоротили сабли и фактически вернулись к однолезвийным палашам, правда, при этом они стали наклонять ручку палаша по отношению к клинку¹.

Вероятно, эти конструктивные вариации были связаны с недостатком прочности у тонких и длинных аварских сабель. Для настоящей сабли требовался хороший металл — булат. Булат (вуц) производился в Индии еще до нашей эры — о нем упоминают Аристотель и Плиний. Во времена Диоклетиана в Дамаске были построены оружейные мастерские, в которых делали мечи из индийского металла, но, очевидно, в небольшом количестве, потому что индийский булат был очень дорог. Известный ученый-энциклопедист Бируни писал, что стоимость клинка была равна стоимости слона или табуна лошадей².

К X веку, однако, производство булата, правда, не столь знаменитого, как индийский, было налажено в Иране, в провинции Хорасан. Относительно недавно на раскопках в Мерве были обнаружены мастерские конца IX — начала X века, в которых производилась тигельная сталь, известная у Бируни как «хорасан». Это открытие, несомненно, следует сопоставить с тем фактом, что с X века булатные сабли получили довольно широкое распространение: их находят в Иране, на Северном Кавказе,

в Средней Азии и даже в Туве. Экспертиза нескольких таких сабель показала, что, по всей видимости, они сделаны из хорасанской стали³.

С распространением такого великолепного материала, как булатная сталь, сабля стала меняться, приобретая оптимальные формы. Как прослежено археологами на материалах захоронений причерноморских тюрок, прежние короткие палаши постепенно удлиняются и появляется все большая кривизна — сабля принимает характерный для нее облик, становится совершенным оружием ближнего боя⁴. Эффективность сабли стала намного большей, чем у меча, она составляла более 80 %; это объяснялось тем, что кривая сабля наносила не просто рубящий, а рубяще-режущий удар. Кроме того, сабля была намного более маневренной, чем меч: при той же длине она была в два-три раза легче⁵.

С появлением сабли наступила эпоха настоящих кавалерийских схваток, когда всадники рубились друг с другом, демонстрируя свою технику фехтования. Новая тактика сражений потребовала нового защитного вооружения — у всадников появляются бронированные наплечники и остроконечные шлемы (лучники и копейщики не очень нуждались в шлеме)⁶. Искусство сабельного боя в первую очередь было освоено тюркскими гулямами, служившими в армии Саманидов и Газневидов; это новое оружие позволило Махмуду Газневи завоевать Иран, долину Инда и создать обширную военную державу. Однако служившие Махмуду турки быстро передали новое оружие своим степным собратьям, прежде всего огузам и кипчакам, кочевавшим в Казахстане и Средней Азии, по соседству с Хорасаном. Арабские историки, писавшие после тюркского завоевания, отмечали прежде всего умение тюрок рубиться саблями. Мирхонд писал, что в некоторых сражениях турки сразу же бросались врукопашную, не используя лучников⁷. Раванди отмечал, что страх перед саблями тюрок прочно живет в сердцах арабов, персов, византийцев и русов. Историк XIII века Ибн ал-Ибри описывает тюрок так: «Что касается тюрок, это многочисленный народ; главное их преимущество заключается в военном искусстве и изготовлении орудий войны. Они искусней всех в верховой езде и самые ловкие в нанесении колющих и рубящих ударов и в стрельбе из лука»⁸.

Наступление степных тюрок на государства исламского мира началось в конце X века и облегчалось тем обстоятельством, что армии этих государств частью состояли из тюркских гулямов, не желавших сражаться против своих кочевых родичей. С другой стороны, в X веке турки приняли ислам, поэтому борьба с ними воспринималась мусульманами не как война с «неверными», а как обычная междоусобица мусульманских эмиров. В 999 году турки-караханиды почти без сопротивления овладели Мавераннахром⁹. В 1040 году турки-сельджуки разгромили в сражении при Данденакане армию газнийского султана Масуда и затем, не встречая

значительного сопротивления, овладели Ираном и Ираком. В 1071 году сельджуки в битве при Манцикерте нанесли поражение византийской армии и овладели почти всей Малой Азией. Характерно, что в этих знаменитых битвах сельджуки уступали своему противнику в численности в несколько раз; в обоих случаях исход сражений был определен изменой тюркских гулямов и наемников, сражавшихся в рядах противника, а также тем обстоятельством, что в руках тюрков было новое оружие — сабля¹⁰.

Таким образом, появление сабли вызвало *завоевательную волну*, которая привела к образованию огромной, охватившей весь Ближний Восток, державы Сельджуков. Однако процесс диффузии на этот раз был более сложным, чем обычно. Поскольку булатная сабля была изделием искусных персидских ремесленников, то она в первую очередь стала оружием армий иранских монархий. Тюрки получили доступ к новому оружию как солдаты этих армий и лишь затем передали его своим степным собратьям и присоединились к ним в походе на Багдад.

10.2. Держава Сельджуков

Завоевавшие Ближний Восток тюрки были мусульманами-суннитами и как правоверные мусульмане испытывали почтение к багдадским халифам. Вождь тюрков, Тогрул-бек из рода Сельджука, женился на внучке халифа и принял из его рук титул султана. Сельджуки заступили место Буидов в роли носителей светской власти; за халифами по-прежнему оставалось призрачное духовное верховенство¹¹.

Союз тюркских вождей с багдадскими халифами ускорил процесс *социального синтеза*. В соответствии с кочевой традицией племенные вожди были лишь военными предводителями тюрков; церемония в Багдаде должна была сделать их самодержавными государями. Преемник Тогрул-бека, Алп-Арслан (1063–1072), назначил своим визирем персидского сановника Абу Али Хасана Туси, получившего впоследствии титул Низам ал-мульк, «порядок государства». Низам ал-мульк стал известен потомкам как автор «Книги о правлении», Сийасет-наме; в этом знаменитом трактате излагалась мусульманская доктрина управления государством, основанная на исламской справедливости и персидской бюрократической централизации. «Государям надлежит блюсти божье благоволение, — писал Низам ал-мульк, — а благоволение Господа, да возвеличится имя его, заключается в милостях, оказываемых людям, и в достаточной *справедливости*, распространяемой среди них». «Книга о правлении» говорит о том, как достичь этой справедливости: «Чиновникам-амилям, которым дают должности, следует внушить, чтобы они хорошо обращались с людьми, не брали бы ничего сверх законного налога, предъявляли свои требования учтиво, в хорошем виде... Если кто из

народа окажется в затруднении, будет нуждаться в воде или семенах, надо дать ему в долг, облегчить его бремя, чтобы он остался на месте, не ушел из своего дома в скитания... Нужно постоянно разузнавать о делах амилей. Если у них все идет так, как мы упоминали, пусть должность будет сохранена за ними, если нет — следует замещать их достойными лицами... Следует каждые два-три года сменять амилей и мукта, чтобы они не могли укрепиться, создать себе прочность и доставить беспокойство, чтобы они хорошо обращались с народом...»¹².

Политическая доктрина Низам ал-мульк восходила к персидской традиции, проявлявшейся ранее в политике Тахиридов, Саманидов и Газневидов, но она впитала также некоторые принципы Корана. Справедливость была основным принципом раннего ислама, но при Омейядах этот принцип был предан забвению и стал лозунгом оппозиционных сект — хариджитов, шиитов, исмаилитов, карматов. В X веке исмаилиты одержали победу в Египте, они постоянно поднимали восстания в других мусульманских странах, и Низам ал-мульк был вынужден прислушаться к требованиям народа. С этого времени социальная справедливость становится основным положением мусульманской государственной доктрины.

Низам ал-мульк находился у власти более 30 лет, он восстановил центральную администрацию и наладил сбор налогов, но так и не смог возродить некоторые важные учреждения, например, почтовую службу¹³. Икта, розданные Буидами, были ликвидированы, новые икта пока не раздавались, таким образом, большая часть земли принадлежала государству. Низам ал-мульк несколько уменьшил размеры налогов. «Он довольствовался от подданных основным хараджем, который взимался облегченно для них, два раза в год», — свидетельствует историк Ибн ал-Асир¹⁴. Правда, под давлением кочевников великому визирю пришлось ввести некоторые новые повинности, в том числе право постоя воинов в крестьянских домах с предоставлением им пищи и фуража (улуфэ и на-фак)¹⁵.

До 1085 года цены на зерно оставались низкими, порядка $\frac{1}{3}$ динара за центнер, заработная плата рабочего составляла примерно 1,5 динара в месяц¹⁶. В пересчете на натуральную поденную плату это составляет 18 кг пшеницы в день — очень высокая плата, говорящая о нехватке рабочей силы и сокращении численности населения в предшествующий период. Экономика постепенно восстанавливалась, Багдад поднимался из развалин; особенно большое строительство велось в Исфахане — этот город стал новой столицей тюркских султанов¹⁷.

Однако тюркские воины были недовольны правлением Низам ал-мульк, они требовали раздачи им икта и угрожали мятежом. Мятежи тюрков были проявлением *традиционалистской реакции* на перенимание их вождями персидских управленческих традиций. После большого

мятежа в начале правления Мелик-шаха (1072–1092) власти были вынуждены раздать икта всем воинам, включенным в реестры военного дивана. Было роздано 46 тыс. икта, большинство из них были мелкими; они представляли собой одну-две деревни, с которых воин получал свою, строго фиксированную долю налогов. Однако доход владельца икта был, конечно, намного больше, чем оплата воинов во времена Халифата; он составлял несколько десятков динаров в год — в этом резком увеличении доходов воинов и состояла сущность феодального порядка. Икта командиров давали доход в тысячу динаров и более, правда, они не представляли собой единого массива земель и были разбросаны по разным областям¹⁸.

«Мукта, владеющим икта, — писал Низам ал-мульк, — надлежит знать, что по отношению к райатам у них нет иного приказа, кроме как собирать законную подать добрым способом... Когда же они это собрали, то и личности, и имущества, и жены и дети райатов должны быть в безопасности, так же как их орудия труда и земельные участки, и у мукта не должно быть к ним доступа. А если райаты захотят отправиться ко двору, чтобы изложить свои дела, то пусть им в этом не препятствуют. Каждому мукта, который поступит иначе, пусть укоротят руки, и икта его отберут и накажут, чтобы дать пример другим. Им надлежит знать, что земля и райаты принадлежат султану, а мукта и правители поставлены над ними как бы наместниками, дабы они с райатами вели себя подобно тому, как государь с другими, чтобы райаты были довольны, а они сами были бы избавлены от наказаний и пыток в загробной жизни»¹⁹.

Первое время Низам ал-мульку удавалось поддерживать порядок в армии. В особой канцелярии хранились списки воинов, их регулярно вызывали на смотры, проверяли оружие и после этого выплачивали дополнительное жалованье. Помимо 46 тыс. мукта, составлявших войско султана, в состав армии входили племенные ополчения; имелся также наемный корпус из семи тысяч армянских воинов. Существовала система военного обучения, частью которой были султанские охоты и военно-спортивные игры, в том числе конное поло, которое помогало воспитывать искусных наездников²⁰.

Однако уже при жизни Низам ал-мулька заведенные им порядки стали систематически нарушаться. Воины-мукта передавали свои икта по наследству, притесняли крестьян и вводили незаконные поборы²¹. Положение в деревне быстро ухудшалось, конец 1080-х годов был отмечен резким ростом цен и чумой, в Багдаде вновь вспыхнули волнения. Простые люди, страдавшие от тюркских насилий, стали прислушиваться к исмаилитской пропаганде, которая велась египетскими Фатимидами. Эмиссар Фатимидов в Иране, Хасан ас-Сабах, мог рассчитывать на тысячи сторонников; в 1090 году исмаилиты захватили крепость Аламут, расположенную

в прикаспийских горах. Будучи не в силах сопротивляться тюркской коннице в открытом поле, исмаилиты прибегли к тактике политических убийств; они специально обучали «жертвующих собой» фидаев и справляли семидневные праздники после их возвращения. Марко Поло оставил подробный рассказ о чудесных садах исмаилитов, созданных для того, чтобы показать фидаям, какая жизнь ожидает их в раю²².

В 1080-х годах Низам ал-мульк был постепенно оттеснен от власти тюркскими полководцами и вождями; начиналась традиционалистская реакция тюрок на перенимание персидских порядков. В 1092 году фидаи убили великого визиря Низам ал-мулька; в этом же году умер, вероятно от яда, султан Мелик-шах. Политике социального синтеза был нанесен смертельный удар и — вопреки желаниям исмаилитов — вверх взяли кочевые традиции тюрок. Сыновья Мелик-шаха, опираясь на племенные ополчения, в течение 13 лет сражались между собой и грабили страну. Война принесла разрушение многих городов и гибель населения²³. В 1097–1099 годах в Ираке свирепствовали чума и голод; в 1105 году снова пришла чума, а в 1109 году наступил такой страшный голод, что центнер зерна стоил 8 динаров²⁴. Увеличение числа безработных и нищих привело к активизации аййаров в Багдаде. В 1101–1107 годах исмаилиты постоянно поднимали восстания в Исфахане, пытаясь овладеть городом²⁵. В конечном счете смута привела к распаду Сельджукского султаната; Ирак оказался раздроблен на несколько владений, правители которых враждовали между собой. В 1118, 1123, 1126 годах снова свирепствовал страшный голод; халиф ал-Мустаршид говорил, что страна разорена набегами враждебных эмиров, дороговизна задавила людей и крестьяне покинули свои земли²⁶. В 1131–1135 годах Багдад стал центром междоусобных войн, в город то и дело вступали войска противников, сбор налогов не контролировался, повсюду хозяйничали аййары. В начале 1140-х годов аййары фактически властвовали над Багдадом, у богатых отнимали их имущество, в городе царила анархия, свирепствовали голод и эпидемии. В конце 1140-х годов Багдад не раз становился ареной боев между войсками халифа и сельджукских эмиров: пользуясь слабостью Сельджуков, халиф ал-Муктафи пытался вернуть Аббасидам давно утраченную политическую власть. К 1153 году ал-Муктафи удалось овладеть почти всем Ираком и достигнуть стабилизации положения²⁷. Войны на время прекратились, но страна лежала в развалинах; Ибн Джубайр свидетельствует о запустении Куфы, Самарры и многих городов Северной Месопотамии²⁸. Вышли из строя некоторые крупные ирригационные системы, в том числе знаменитый Нахраван-канал²⁹. Археологическое обследование области Дайяла (к северо-востоку от Багдада) показывает, что по сравнению с началом IX века численность населения сократилась более чем вдвое³⁰. О масштабах катастрофы свидетельствует падение цен на пшеницу — в 1160-х годах цена

зерна составляла 0,6 динара за центнер³¹; по-видимому, это свидетельствует о гибели значительной части населения.

В то время как в Ираке долгое время продолжались междоусобицы, положение в Иране было относительно более устойчивым. В 1118–1153 годах Восточный Иран находился под властью султана Санджара, который пытался сдерживать своеволие тюркских эмиров. Об экономическом развитии Восточного Ирана в этот период имеются лишь скудные и противоречивые сведения. Отмечается уменьшение населения в Нишапуре и расцвет новой столицы Санджара — Мерва³². Однако Санджару приходилось вести долгие войны с вторгавшимися в Иран кочевыми племенами Средней Азии. В 1153 году войска Санждара потерпели поражение в сражении с кочевниками-огузами, и сам султан попал в плен. Восточный Иран подвергся страшному нашествию кочевников; Хорасан был полностью razoren; крупнейшие города, Нишапур и Мерв, были разрушены, их население подверглось беспощадному истреблению. Характерно, что нашествие кочевников сопровождалось крестьянскими восстаниями, и восставшие в ряде случаев действовали вместе с огузами³³. Катастрофа в Восточном Иране положила конец владычеству Сельджуков, наступил новый период истории Ближнего Востока.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Ирака в период правления Сельджуков, необходимо отметить, что оно определялось взаимодействием демографических процессов с процессами *социального синтеза*. Социальный синтез, успешно развивавшийся в период правления Низам ал-мулька, привел к восстановлению самодержавной монархии и государственной экономики. Однако, хотя идеалом Низам ал-мулька была этакратическая монархия, в реальности завоеватели-тюрки использовали монархию для эксплуатации покоренного населения. Попытки Низам ал-мулька умерить аппетиты завоевателей закончились неудачей; социальный синтез сменился *традиционалистской реакцией*; это привело к установлению системы икта, к реставрации феодализма и к ослаблению монархии (трансформация С^сА_с). Хотя икта, как система содержания тяжеловооруженных всадников, существовала и при Буидах, она становится основой социального строя только при тюрках: это был инструмент, с помощью которого завоеватели-тюрки господствовали над покоренным местным населением. Поэтому мы считаем икта специфически *тюркским* институтом, рассматривая его распространение на Ближнем Востоке, как следствие диффузионной волны, порожденной тюркскими завоеваниями.

Обращаясь к анализу экономического развития, можно отметить, что период 1060–1090 годов был *периодом восстановления*, для этого време-

ни характерны строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб и относительно высокий уровень потребления. В конце 1080-х годов появились признаки сжатия: сообщения о голоде и эпидемиях, высокие цены на хлеб, голодные бунты и восстания, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости. Характерно, однако, что в числе этих признаков нет отчетливых свидетельств о крестьянском малоземелье, разорении крестьянства, продаже крестьянских земель, росте помещичьего землевладения и ростовщичества — тех признаков, которые мы наблюдаем в IX веке. Период восстановления был очень коротким и, по-видимому, сжатие наступило преждевременно, его причиной было не перенаселение, а рост эксплуатации крестьян через посредство системы икта (такой рост эксплуатации можно рассматривать как искусственное сужение экологической ниши). Традиционалистская реакция тюрок на перенимание этатистских порядков привела к междоусобным войнам, и сжатие быстро переросло в *экосоциальный кризис*. Мы наблюдаем голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, гибель больших масс населения, принимающую характер демографической катастрофы, разрушение или запустение многих городов. Характерно, что на протяжении долгого кризиса первой половины XII века цены то взлетали к голодному уровню, то падали вниз, до 0,6–0,8 динаров за центнер (рис. 13).

В конечном счете *экосоциальный кризис* закончился возвращением к власти багдадских халифов и восстановлением этатистской монархии (итоговая трансформация C^cA_cB).

10.3. Ирак в середине XII — середине XIII века

После восстановления власти халифов над Ираком войны, наконец, прекратились, и это сразу же сказалось на экономическом положении. В начале 1160-х годов отмечается значительное снижение цен на все продовольственные товары. Как отмечалось выше, цены на пшеницу снизились до 0,7 динара за центнер, причем они оставались низкими даже в годы стихийных бедствий, видимо, у крестьян имелись значительные запасы зерна³⁴. Неквалифицированный рабочий получал в это период 1,5 динара в месяц³⁵; это эквивалентно поденной плате в 8,5 кг зерна. Столь высокий уровень оплаты обычно характерен для периода восстановления экономики, когда имеются ресурсы свободных пахотных земель. Благоприятное продовольственное положение сохранялось более полувека, в правление халифов ал-Мустанджида (1160–1170), ал-Мустади (1170–1180) и ан-Насира (1180–1225). «Внутренняя обстановка в Багдаде при ан-Насире в целом была благоприятна и стабильна, — отмечает И.Б. Михайлова. — Багдадцы привыкли к сытой и спокойной жизни. Халиф проявил себя как

рачительный хозяин, упорядочил налоговую систему, пресек спекуляцию в торговле продовольствием»³⁶. Об экономическом и демографическом росте свидетельствует увеличение сбора налогов; совокупный сбор налогов с Ирака составлял около 100 млн дирхемов — примерно столько же, сколько собирали при Гарун ар-Рашиде³⁷. Восстанавливались ирригационные системы, на запустевших землях строились новые деревни³⁸. В Багдаде велось значительное строительство; была возведена новая общегородская стена; прежде, в эпоху войны кварталов, город не представлял единого целого и каждый квартал имел свою оборонительную стену. Для социальной политики халифа характерно стремление поддерживать справедливость: халиф заботился о бедных, во всех кварталах были построены дома-приюты, специальные уполномоченные составляли списки для получения пособий. С исмаилитами Аламута были установлены дружественные отношения; халиф стремился содействовать прекращению междоусобных войн в мусульманском мире³⁹.

Таблица 10

Цены в Ираке в середине XII — середине XIII веков. Таблица составлена аналогично таблицам 1 и 2. Цены даны в динарах за 100 кг пшеницы

Период	Цена	Комментарий
1132–1166	0,7	Среднее № 78, 80
1174–1208	0,9	Среднее № 81–84
1228	1,1	№ 94, «нормальная цена»
1243	1,5	№ 95, принудительный тариф

После смерти ан-Насира экономическое положение стало ухудшаться, в 1225–1227 годах отмечается первый за полвека большой голод. Специалисты отмечают процесс разорения крестьян и обогащение крупных землевладельцев⁴⁰. Цены постепенно росли, в то время как номинальная заработная плата оставалась неизменной и составляла по-прежнему 1,5 динара в месяц. Реальная заработная плата с середины XII до середины XIII века упала более чем вдвое. Особенно тяжелым стало положение при халифе ал-Мустасиме: в 1244 году ураганы и наводнения вызвали голод, продолжавшийся до 1249 года. Город был переполнен нищими и бездомными, которые селились даже в медресе и оказывали сопротивление, когда их пытались изгнать оттуда. Снова появились айяры, которые грабили богатых; начались столкновения между кварталами. В 1255–1256 годах снова пришел голод, Багдад был охвачен войной кварталов. Эти события происходили в обстановке монгольских набегов; в 1253 году войска внука Чингис-хана, Хулагу, вторглись в Иран и, подчиняя одну область за другой, постепенно приближались к Багдаду. В январе 1258 года монголы подошли к Багдаду и после двухнедельной осады штурмом овладели столицей ислама. Резня продолжалась 40 дней, халиф был убит

вместе со всеми родственниками, все мусульмане подверглись беспощадному истреблению. По свидетельству Хамдаллаха Казвини, в Багдаде было убито свыше 800 тыс. человек — почти все население города и укрывшееся в столице население соседних областей⁴¹. «Горы трупов дыбились на улицах и базарах, дожди мочили их, и кони топтали копытами»⁴².

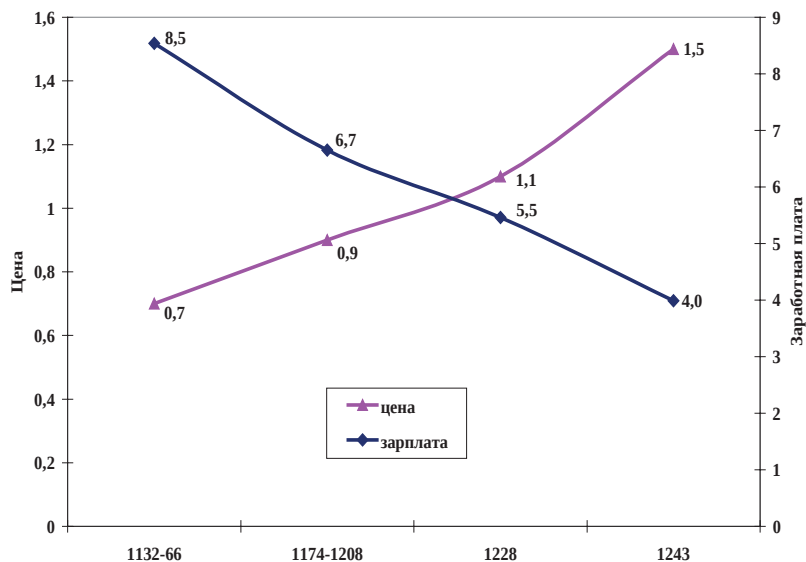

Рис. 20. Цены и реальная заработная плата в Ираке в середине XII — середине XIII века. Цены даны в динарах за 100 кг пшеницы, зарплата — это количество килограммов пшеницы, которое мог приобрести рабочий на поденную плату

Катастрофа, обрушившаяся на Переднюю Азию, унесла жизнь большей части населения этого региона. Рашид ад-дин сообщает, что даже 40 лет спустя многие города оставались разрушенными и обрабатывалась лишь $\frac{1}{10}$ часть земель, пригодных для пашни. Даже в лучшие времена своего правления монгольские ханы не могли собрать и пятой части налогов, которые собирали до них⁴³.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Ирака в период второго Аббасидского халифата, необходимо отметить, что о социальных отношениях в этот период известно сравнительно немного. Меры по поддержке низших слоев населения позволяют характеризовать общество позднего Халифата как этакетистскую монархию, однако остается неясным, насколько развитым было частное землевладение.

Имеющиеся данные о ценах свидетельствуют о том, что период 1160–1210-х годов был *периодом восстановления*: для этого времени характерны относительно высокий уровень потребления, рост населения, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, внутривосточная стабильность. В 1220-х годах появляются признаки сжатия: частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, высокие цены на хлеб, высокие цены на землю, большое количество безработных и нищих, голодные бунты и восстания, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости. В 1258 году сжатие было прервано нашествием монголов и демографической катастрофой.

Оценивая этот период в целом, нужно отметить, что история последних багдадских халифов представляет собой редкий пример мирного развития в обстановке усобиц, вызванных победой тюркского феодализма. Отразив тюрков, халифы вернулись к традиционному мусульманоперсидскому этатизму, и эта политика подкреплялась необходимостью социальных реформ в фазе сжатия. Однако период успокоения, отпущенный Ираку историей, оказался слишком коротким, и новое нашествие закончилось созданием монгольской сословной монархии (трансформация ВС^с).

10.4. Тюрки в Малой Азии

Тюркское завоевание Малой Азии было непосредственным продолжением завоеваний в Иране и Сирии. Так же как в Иране, оно сопровождалось массовым переселением кочевых племен. После битвы при Манцикерте султан Мелик-шах отправил в Анатолию 100 тысяч тюркских воинов, которые вместе со своими семьями обосновались в завоеванной стране. Султаны выделили тюркским племенам для поселения пограничные области — удж (буквально — «граница»), где тюрки устроили свои кочевья, и откуда они совершали постоянные набеги на византийские и армянские территории. В уджах господствовали традиционные родоплеменные отношения; вождей племен, удж-беев, выбирали на курултаях; как в Великой степи, племена часто враждовали между собой и не желали подчиняться султанам⁴⁴.

Завоевание Малой Азии было частью Тюркской Волны, затопившей в середине XI века весь Ближний Восток и приведшей к созданию обширного государства Великих Сельджуков. После завоевания, в соответствии с теорией, начался процесс *социального синтеза*, процесс восприятия кочевниками местных управленческих традиций и их адаптации в роли военного сословия нового государства. Центр государства Великих Сельджуков располагался в Ираке и Иране, поэтому процесс

социального синтеза подразумевал главным образом синтез персидских бюрократических традиций с кочевыми традициями тюрок. В этих условиях завоевание Малой Азии сельджуками означало распространение на этот регион того неустойчивого персидско-тюркского социально-политического единства, которое было результатом социального синтеза в Иране и Ираке. Визирь, чиновники и кади были присланы в новую провинцию из Исфахана, и местное управление было сформировано по персидскому образцу, описанному в известном трактате Низам ал-мулька⁴⁵.

В начале XII века ослабление центральной власти позволило малоазиатским сельджукам основать независимый Румский султанат со столицей в Конье. Название нового государства говорило о том, что оно располагалось на землях, завоеванных у Римской (то есть Византийской) империи. Румские султаны продолжали следовать персидской государственной традиции и, подражая древним владыкам, принимали персидские имена. Документация в «министерствах»-диванах велась на персидском языке, и чиновниками были в значительной степени персы. Султанский двор был устроен по иранскому образцу, и в частности, существовала отдельная дворцовая казна, получавшая доходы с личных султанских земель (хассов). За счет этих доходов содержалась гвардия султана, состоявшая, так же как и в Халифате, из рабов-гулямов. В соответствии с рекомендациями Низам ал-мулька верные султану гулямы часто назначались на должности эмиров и вали (правителей областей). Имелись также наемные отряды франков и варягов — очевидно, здесь проявилось византийское влияние: подобные отряды были у императора в Константинополе⁴⁶.

В то время как гулямы и наемники обычно получали денежное содержание, тюркские воины, как и в государстве Великих Сельджуков, давали икта. Икта — это было право на получение фиксированной денежной суммы из налогов выделенных воину деревень; в теории их владелец (мукта) не имел никаких прав над крестьянами, кроме как права «сбирать добрым образом законную подать, что им препоручена»⁴⁷. Поначалу икта давались только на время службы, но к началу XII века они фактически превратились в наследственные владения, султан лишь ставил условие, чтобы наследники были хорошими воинами⁴⁸.

Хотя румские султаны перенимали порядки Багдада и Исфахана, их власть была изначально более слабой, чем власть Великих Сельджуков. Им приходилось считаться с почти независимыми главами тюркских племен, беями, которые занимали при дворе наследственные должности. На пирах, в соответствии с обычаем местничества, беям полагались первые места, а после смерти султана они выдвигали его преемника, причем новый султан формально гарантировал привилегии беев⁴⁹.

Нашествие тюрков сопровождалось бегством местного населения и разрушением городов; многие земельные районы были заняты кочевниками, и плодородные земли превратились в пастбища⁵⁰. В племенных уздах уцелевшие крестьяне находились во власти кочевников и подвергались с их стороны постоянным насилиям. В областях, подчиненных центральной администрации, власти стремились восстановить земледелие и переселяли на запустевшие земли пленников, приводимых из походов на Византию, им предоставляли быков, семенное зерно и на несколько лет освобождали от налогов. Имеющиеся (впрочем, немногочисленные) свидетельства говорят о том, что султаны Рума старались не менять сложившиеся при византийцах порядки, во всяком случае, в некоторых областях налоги были те же, что и при византийских императорах. Изменились, по-видимому, только названия: поземельный налог стал называться, как в Иране, хараджем, а подушный — джизья (его платили только немусульмане)⁵¹. Таким образом, кроме персидской традиции, на новое государство оказала существенное влияние и византийская традиция. Некоторые исследователи полагают, что положение земледельцев в центральных областях султаната было лучше, чем при власти Константинополя, и это способствовало быстрому восстановлению земледелия⁵². Во всяком случае, после гибели значительной части населения крестьяне не страдали от малоземелья, и, по сообщениям источников, в начале XIII века сельскохозяйственные продукты были очень дешевы⁵³.

Стремление избежать уплаты налога на «неверных», джизьи, и насилия кочевников-тюрков постепенно привели к переходу значительной части местного населения в ислам. Вслед за исламизацией следовало перенимание турецкого языка и постепенная ассимиляция местного населения. О том, как происходила такая ассимиляция, говорят примеры из истории армян в XIX веке. Известно, в частности, что в округе Хемшина в Северо-Восточной Анатолии в 1870 году имелось 13 тыс. жителей, которые еще называли себя армянами, но сто лет назад эти «армяне» приняли ислам и за это время забыли армянский язык — они говорили по-турецки⁵⁴. Таким образом, местное население постепенно превращалось в турок-земледельцев и турок-ремесленников, в то время как «настоящие» турки были кочевниками, которые продолжали испытывать презрение к земледельцам и временами совершали разбойничьи набеги на города и деревни⁵⁵.

Турки-кочевники не платили налогов, но в случае войны каждое из 24 племен выставляло тумен, 10 тыс. всадников, а султанское племя, кынык, — четыре тумена⁵⁶. Несмотря на существование отрядов рыцарей-мукта и гвардии гулямов, племенные ополчения составляли главную силу Румского султаната. Податное население, крестьяне-земледельцы и го-

рожане, именовались райя, буквально «скот», «пасомые», что, с одной стороны, передавало отношение кочевников к земледельцам, но, с другой стороны, в понимании властей, отражало статус земледельцев как «паствы», требующей охраны и попечительства. Воспринявшие утонченную персидскую культуру султаны и их придворные считали кочевников-тюрок грубыми мужиками, мужланами, и стремились защитить свою «паству» от насилий степной вольницы⁵⁷. Но все же султаны Рума не могли полностью отречься от кочевых традиций; по степному обычаю они раздавали своим сыновьям уделы, а после смерти султана его преемника выбирали на курултае. Султан Кылыч-Арслан II (1156–1188) на смертном одре разделил свое государство между двенадцатью сыновьями, что стало причиной долгой междоусобной войны⁵⁸.

По некоторым оценкам, общая численность кочевников Малой Азии в конце XI века составляла примерно 0,5 млн, а к концу XII века она увеличилась до 1 млн⁵⁹. Когда в 20-х годах XIII века на Среднюю Азию обрушилось монгольское нашествие, местные тюркские племена, уходя от монголов, устремились на запад. Это привело к новому приливу кочевников в Малую Азию; число переселившихся составило по меньшей мере 70 тыс. шатров, то есть примерно 400 тыс. человек⁶⁰. Рост численности кочевников привел к нехватке пастбищ и к столкновениям с оседлым населением. Кочевники уже давно были недовольны нарушением тюркских традиций и засильем персидской бюрократии при дворе. В 1239 году вспыхнуло восстание, которое возглавил шиитский дервиш Баба Исхак; это было проявление *традиционалистской реакции* кочевников на процесс социального синтеза и на перенимание султанами порядков завоеванных народов. Лишь с огромным напряжением сил, с помощью отрядов мукта и франкских наемников власти сумели подавить это восстание⁶¹.

Между тем период независимого Румского султаната подходил к концу: к границам Малой Азии приближалось монгольское нашествие. В 1243 году монголы разгромили у Кесе-Дага войско румского султана Кей-Хюсрева II; новое завоевание стало началом нового, монгольского периода в истории Малой Азии.

* * *

Переходя к анализу социально-экономической истории Малой Азии в период между тюркским и монгольским нашествиями, можно отметить, что это был период социального синтеза, когда на базе тюркских, персидских и византийских традиций складывалось новое государство — Румский султанат. Это была слабая феодальная монархия: хотя в столице правила персидская бюрократия, в провинциях господствовали тюркские племена, подчинявшиеся лишь своим беям.

Так же, как в Иране, период преобладания бюрократии сменился периодом традиционалистской реакции, и в момент, когда государство ослабело от внутренних смут, с востока пришла волна новых завоевателей-монголов.

Экономическое развитие страны определялось тем обстоятельством, что после завоевания население резко сократилось и в стране было очень много свободных земель. XII век стал *периодом восстановления*, в это время в стране отмечается значительный рост населения, рост посевных площадей и сохраняются низкие цены на хлеб. Однако монгольское нашествие прервало демографический цикл, и он не успел перейти в фазу сжатия.

10.5. Мусульманское завоевание Индии

Мусульманское завоевание Индии было продолжением той волны завоеваний, которая была порождена появлением сабли. После распада Арабского халифата на северо-западных рубежах Индии возникла мощная держава Газневидов, унаследовавшая мусульманские государственные традиции. Основной силой Газневидов была гвардия тюркских гулямов, прекрасных наездников, главным оружием которых была сабля. Султан Махмуд Газневи (998–1030) сделал своей целью завоевание Индии: он совершил 17 походов на юг и овладел долиной Инда. Вторжение кочевых тюрков в Иран нанесло тяжелый удар Газневидам, и наступление мусульман на время остановилось. В 1173 году к власти в Газни пришел султан Мухаммед Гури, который отправил на завоевание Индии своего полководца-гуляма Кутб уд-дина Айбека. Разделенная на множество враждующих между собой княжеств, Индия не могла противостоять вторжениям извне. К концу XII столетия Кутб уд-дин овладел долиной Ганга вплоть до Бенгалии; после смерти Мухаммеда Гури он объявил себя султаном и сделал своей столицей Дели — так появилось первое мусульманское государство в Индии — Делийский султанат.

Долгие завоевательные войны сопровождались захватом большого числа пленных, которые обращались в рабов. В набеге 1195 года Кутб уд-дин захватил 20 тысяч пленных, из похода 1202 года было приведено 50 тысяч пленных, большие полоны приводились и из последующих походов. Пленных рабов продавали на рынках Средней Азии и Ирана: Индия на длительное время превратилась в поставщика рабов для мусульманского мира. Обилие товара обусловило дешевизну индийских рабов; в начале XIV века необученный раб стоил 7–8 танка, молодая красивая рабыня — 20–40 танка; это была стоимость двух-трех коров. Эмиры и мусульманские воины имели множество рабов, но рабовладение не стало основой нового индийского общества. Рабы постепенно при-

нимали ислам, и, согласно мусульманской традиции, со временем они или их дети получали свободу, поэтому численность рабов постепенно уменьшалась⁶².

Общественное устройство Делийского султаната было результатом *социального синтеза*, результатом взаимодействия индийских и мусульманских традиций. Основание социальной пирамиды — индийская община — осталось неизменным, крестьяне сохранили свой образ жизни и свою религию, индуизм. Государственно-правовая надстройка султаната соответствовала мусульманским государственным традициям. Вся земля считалась принадлежащей государству, и крестьяне-индусы были обязаны платить поземельно-подушный налог (харадж-джизью), составлявший до четверти урожая. Впрочем, сбор налогов в те времена еще не был четко отрегулирован, кадастры не проводились и нормы сбора были весьма условными. Большая часть земель (халиса) находилась в непосредственном ведении правительства, и налоги с этих земель шли в казну султана. Другая часть земель — в соответствии с тюркской традицией — выделялась эмирам и воинам с правом сбора налогов; эти пожалования, «икта», давались на условиях службы и формально не наследовались, но фактически часто передавались по наследству. Так же как во всех мусульманских странах, небольшая часть земель находилась во владении религиозных учреждений (вакф) или частных лиц (мульк). Многие раджпуты были согнаны со своих земель; уцелевшие грасы превратились в держания, обусловленные службой. Помимо воинов, получивших икта, армия султана включала гвардию, состоявшую из рабов-гулямов, а также ополчения перекочевавших в Индию тюркских и афганских племен. Так же как египетские мамлюки, делийские гулямы неоднократно возводили на престол своих командиров, эмиров и маликов, — почти все султаны Дели происходили из предводителей гулямов⁶³.

После короткого правления Кутб-уд-дина гвардия возвела на престол гуляма Шамс-уд-дина Илтутмышы (1211–1236). В правление Илтутмышы завоевавшие Среднюю Азию монголы стали совершать опустошительные набеги на долину Инда. Страх, порожденный кровопролитиями Чингисхана, заставил эмиров, знатных маликов и мудрых везиров сплотиться вокруг трона султана Дели, писал хронист Барани⁶⁴. Однако после смерти Илтутмышы начались смуты, «сорок маликов» в течение десяти лет свергали и ставили на престол султанов. «Страх перед правящей властью, который есть основа всякого хорошего управления... покинул сердца людей, — свидетельствует Барани. — Страна оказалась в ужасающем состоянии»⁶⁵. В 1246 году власть оказалась в руках эмира-гуляма Гийас-уд-дина Балбана, который правил в Дели более сорока лет. Гийас-уд-дину удалось восстановить дисциплину среди маликов и навести порядок в распределении икта. При дворе был введен возвеличивавший монарха

персидский церемониал, султан стремился предстать в роли охранителя справедливости и устраивал показательные казни вельмож, допуская бесчинства по отношению к простолюдиям⁶⁶.

О развитии экономики в этот период имеются лишь немногочисленные сведения. Известно, что Гийас уд-дин приказал вырубить все леса в Доабе и в районе Дели; эти земли были возделаны и превратились в один из основных сельскохозяйственных районов Индии⁶⁷. Цены на продовольствие в правление Гийас уд-дин были низкими⁶⁸, в стране продолжался процесс внутренней колонизации, до завершения которого было еще далеко. Однако в начале XIV века этот процесс был прерван новой волной нашествий.

* * *

Подводя итоги краткого описания развития Индии в XII–XIII веках, необходимо отметить, что ввиду большой емкости экологической ниши динамика исторического процесса была здесь иной, нежели в странах Ближнего Востока. История Индии до XVI века сводилась в основном к медленной внутренней колонизации, прерываемой завоевательными волнами. Эти волны были порождены военными инновациями, происходящими за пределами Индии, в Великой степи. Главной силой мусульманского завоевания Индии были турки, владевшие новым оружием — саблей, однако в данном случае турки выступали не как кочевые племена, а как гвардия мусульманских султанов. Завоевание принесло в Индию мусульманскую (то есть в значительной степени персидскую) государственность с ее бюрократическими традициями этатистского регулирования. Однако один из важнейших элементов новой индийской государственности — система икта — был тюркским: он пришел из тюркского государства Сельджуков, где был введен великим визирем Низам ал-мульком. Система икта была в своей основе феодальной и ее распространение от Индии до Византии и Египта отмечает рубежи распространения тюркского диффузионного влияния, связанного с появлением сабли и волной тюркских завоеваний.

10.6. Египет в XII веке

Как отмечалось выше, в 1065–1072 годах Египет пережил тяжелый экосоциальный кризис, едва не приведший к распадению государства. В 1073 году, в обстановке голода и смут, фатимидский халиф ал-Мустансир передал власть визиря наместнику Акры, армянину ал-Джамали. С помощью армянских отрядов Ал-Джамали сумел подавить военные мятежи и стабилизировать ситуацию; он основал династию визирей, которая правила Египтом при номинальном верховенстве халифов. «И не

было у Мустансира и следовавших за ним халифов ничего, кроме имени...» — пишет хронист⁶⁹.

Ал-Джамали управлял Египтом более 20 лет; он восстановил функционирование государственного аппарата и наладил сбор налогов. Это было время, когда на Ближний Восток обрушилось нашествие тюрок-сельджуков, поэтому ал-Джамали заботился об укреплении обороноспособности страны: он обнес Каир мощными стенами и провел военную реформу⁷⁰. Если раньше армия находилась на содержании государства, то теперь воинам и эмирам стали выдаваться кормления, икта. В прежние времена икта назывались налоговые откупа, предоставляемые на 4-летний срок; они строго контролировались и не давали откупщикам значительного дохода. Теперь контроль ослаб, доля откупщиков была увеличена, и икта стали предоставляться воинам и их командирам. Исследователи считают, что распространение икта было связано с тюркским влиянием: эта система содержания войск была характерна для Сельджукского султаната⁷¹. Таким образом, диффузионная волна, вызванная тюркскими завоеваниями, достигла Египта и привела к частичной трансформации египетского общества по тюркскому образцу.

При Ал-Джамали ежегодная сумма хараджа увеличилась с 2 млн до 3 млн динаров⁷², очевидно, это свидетельствует о росте населения и расширении посевных площадей. Однако в дальнейшем сумма сборов не увеличивалась: значительная часть налогов оставалась в руках откупщиков; по этой причине сборы не достигли уровня прошлой эпохи (4 млн динаров). До конца XI века экономическое положение оставалось относительно благоприятным; как отмечалось выше, нормальная цена центнера пшеницы в этот период составляла 0,4 динара; при заработной плате 1,5 динара в месяц на дневной заработок можно было купить 15 кг пшеницы — это был весьма высокий уровень оплаты, соответствующий периоду восстановления. Однако к 1107 году цена достигла 1 динара за центнер, экономическая ситуация ухудшилась; воины, владельцы икта, жаловались на падение доходов. Государственные сборщики не могли собрать свою часть налогов и зачастую применяли насилие; военные командиры захватывали доходы рядовых воинов. Чтобы нормализовать положение, визирь ал-Афдаль провел реформу, переделал икта и продлил срок откупов до 30 лет⁷³.

Ал-Афдаль уделял значительное внимание ирригации: в 1112 году был проведен канал в области Шарки, позволивший оросить значительные территории. Доходы казны увеличились, и было объявлено о снижении налоговых недоимок⁷⁴. Города, восстановившиеся после «Великого бедствия», испытывали новый ремесленный и торговый подъем.

В 1121 году ал-Афдаль был убит иранскими исмаилитами, недовольными тем, что визирь полновластно распоряжался во дворце халифов.

Смерть великого визиря означала конец периода политической стабилизации, снова начались военные мятежи и борьба за власть. Положение осложнялось войной с крестоносцами, которые овладели Палестиной и постоянно нападали на Египет. В 1143 году в страну пришел большой голод — центнер пшеницы стоил 9 динаров. Сбор хараджа снижался, в 1144–1146 годах он составлял 2,7 млн динаров⁷⁵. 1153 году крестоносцы опустошили Тиннис, год спустя нападению подверглись Александрия и Дамietta. Не будучи в силах сопротивляться крестоносцам, халиф ал-Адид (1160–1171) призвал на помощь сельджукского султана Сирии Нур ад-дина; после нескольких лет войны состоявшая из тюрок и курдов армия Нур ад-дина отбросила крестоносцев, а затем завоевала Египет. Это событие можно рассматривать как продолжение волны тюркских завоеваний; в 1171 году полководец Салах ад-дин ибн Аййуб низложил халифа Адида и провозгласил себя султаном Египта⁷⁶.

После окончания кризиса, прекращения голода и эпидемий цены на зерно (по сравнению с докризисными временами) упали в 2 раза, по-видимому, это говорит о гибели значительной части населения.

Таблица 11

Цены на пшеницу в Египте в XI–XIV веках (в динарах за 100 кг). Большинство известных цен приведены в книгах В.О. Большакова и Е. Аштора⁷⁷, однако среди них преобладают цены неурожайных и голодных лет. Мы выбрали из этих цен те, которые характеризуются в источниках как «нормальные», а также подсчитали средние цены по некоторым временным промежуткам

Годы	Цена	Комментарий
1065–1172	голод	
1097	0,4	Большаков, № 68, «нормальная цена»
пер. пол. XII в.	1	Аштор, с. 126, «средняя цена»
1154–1160	голод	
1172	0,5	Большаков, № 79.
1180-е гг.	0,7	Большаков, № 82, «нормальная цена».
1200–1201	голод	
1203–1218	0,4	Большаков, № 94; Аштор, с. 127.
1232	0,7	Большаков № 100, Аштор, с. 127.
1243–1244	голод	
1277–1279	0,4	Аштор, с. 293
1293–1296	1	Там же, среднее
1324–1326	0,6	Аштор, с. 294.
1337	0,7	
1341–1343	1,2	Там же, среднее
1346–1348	голод	
1358	0,9	Там же
1373–1375	голод	

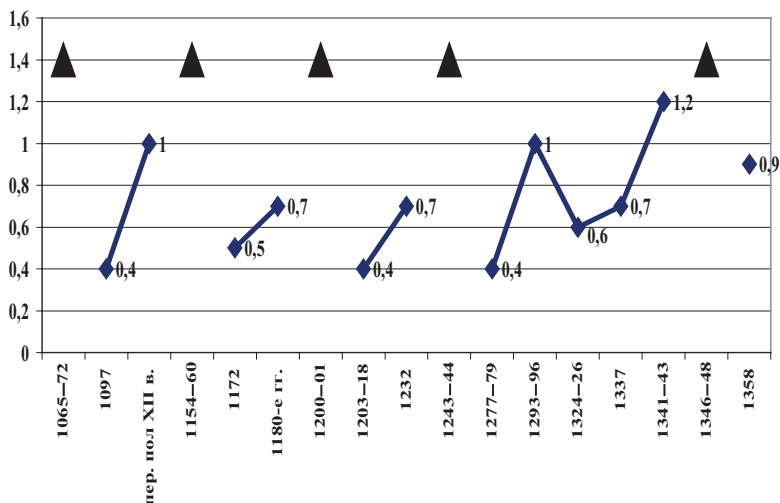

Рис. 21. Цены на пшеницу в Египте в XI–XIV веках (в динарах за 100 кг).
Тенденция к росту цен постоянно прерывается демографическими катастрофами (обозначены черными треугольниками)

Салах ад-дин (которого называли в Европе Саладином) был по национальности курдом, он стал основателем новой династии Аййубидов. Низложение фатимидских халифов, естественно, означало отказ от идеологии исмаилизма; Салах ад-дин восстановил ортодоксальный суннитский ислам и духовное руководство багдадских халифов. Армия Фатимидов была распущена; ее воины лишились своих икта, которые были переданы туркам и курдам. Салах ад-дин раздал в икта все земли Египта, не оставив ничего государству; в отличие от прежних времен, владельцы новых икта отчисляли в казну лишь малую часть своих доходов — это было продолжение трансформации египетского общества по тюркскому образцу. Годовой доход султана составлял лишь 350 тыс. динаров, поэтому казна была постоянно пуста, и Саладину приходилось чеканить неполновесную монету⁷⁸. Однако победы Саладина над крестоносцами и его непререкаемый авторитет позволяли поддерживать дисциплину в войсках. Икта сохраняли ненаследственный и подконтрольный характер, известны случаи, когда Саладин отнимал икта у целых подразделений, плохо проявивших себя в бою⁷⁹. Икта рядовых воинов давали порядка 40 динаров в месяц, намного больше, чем получали воины прежних времен⁸⁰. Сплошная инфеодация и резкое увеличение доходов воинов были рубежом, отметившим *победу феодализма*. Феодальные отношения окончательно утвердились на египетской почве. Эмиры получали в икта целые районы и города, но они были обязаны приводить в войско соответствующее количество всадников⁸¹.

В теории мукта, поставленные Саладином, имели только финансовые права. Однако на практике — так же как и в Иране — они вводили незаконные налоги и обременяли крестьян трудовыми повинностями. Положение крестьян резко ухудшилось, и во избежание бегства из деревни многие категории крестьян были прикреплены к земле⁸².

Войны с крестоносцами и тюркское завоевание принесли с собой хозяйственный упадок. Многие города подверглись разграблению, был сожжен Фустат — крупнейший город Египта⁸³. Чтобы способствовать восстановлению хозяйства, Саладин снизил налоги; харадж Верхнего Египта был уменьшен на одну шестую⁸⁴. После окончания войн цены заметно понизились, нормальная цена на пшеницу составляла 0,5 динара за центнер⁸⁵. Саладин оставил по себе след и своими строительными работами: в это время были возведены грандиозные крепостные сооружения в Каире, множество мечетей и медресе, 40 плотин. Специалисты пишут о быстром восстановлении хозяйства и увеличении продуктивности земледелия⁸⁶. Значительных успехов достигло и ремесло; по-прежнему славились газовые ткани Тинниса, цветные материи Дабика; в Фаюме в больших количествах выделяли бумагу. Население Каира-Фустата достигло 230 тыс. жителей — примерно столько же жителей было в столице перед катастрофой XI века⁸⁷. Ограничения на торговлю, характерные для предыдущего периода, отошли в прошлое, и отдельные купцы владели огромными состояниями. Обосновавшийся в Египте владелец торгового флота араб Абу-л-Аббас до этого 40 лет жил в Китае, семеро его сыновей вели дела отца в Индии, в Китае, в Эфиопии, в Индонезии и на Цейлоне. К XII веку относится образование крупной купеческой корпорации «каремитов»⁸⁸.

О восстановлении экономики страны говорит и увеличение суммы собираемых налогов; за время правления Саладина доходы Фаюма увеличились со 133 до 152 тыс. динаров, то есть на 15 %. Судя по сообщению ал-Фадля, общая сумма хараджа достигла невиданного прежде уровня в 4,7 млн динаров⁸⁹. Следует, однако, уточнить, что здесь имеются в виду не доходы казны, а приблизительная оценка совокупных сборов, большая часть которых оставалась у владельцев икта. Кроме того, неясно, о каких динарах идет речь в источнике: при Саладине доходы с икта часто указывались в военных динарах, составлявших $\frac{2}{3}$ обычного золотого динара. При пересчете в обычные динары доход в 4,7 млн понизится до 3,1 млн — это как раз тот уровень сборов, который имел место в начале XII века⁹⁰.

Смерть Саладина вызвала войну между его наследниками, продолжавшуюся пять лет. Неустойчивость экономики привела к тому, что политическая смута сразу же трансформировалась в экономический кризис. Уже в 1193 году цена на пшеницу возросла вдвое и составила 1,1 динара

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Египта в описываемый период, необходимо отметить, что ведущей тенденцией этого времени было разложение исмаилитского «социалистического» государства и постепенное распространение системы икта, то есть трансформация по тюркскому образцу. Великим визирям ал-Джамалю и ал-Афдалю еще удавалось сдерживать эти процессы и контролировать икта, но сжатие и утрата политической устойчивости после смерти ал-Афдала привели к долгим смутам и к падению Фатимидов.

Период 1070–1110-х годов можно рассматривать как *период восстания*: для этого времени характерны относительно высокий уровень потребления основной массы населения, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, внутривластическая стабильность. Затем появились признаки сжатия: частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, рост городов, развитие ремесел и торговли, падение уровня реальной заработной платы, высокие цены на хлеб, высокие цены на землю, большое количество безработных и нищих, строительство ирригационных систем с целью освоения новых земель. В 1140–1160-х годах появляются признаки *экоциального кризиса*: голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла и торговли, высокие цены на хлеб.

Кризис начался, когда падающее потребление еще не достигло критического уровня, и, по-видимому, был ускорен войной; эта война привела к завоеванию Египта тюрками и курдами. Завоевание вызвало трансформацию социального строя и *установление феодализма* в его тюркском варианте. Последовавший за кризисом период (правление Саладина) характеризуется некоторыми признаками *периода восстановления*: мы вновь наблюдаем строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, внутривластическую стабильность. Однако период восстановления оказывается непродолжительным. После смерти Саладина появляются признаки сжатия, и почти сразу же начинается сильнейший *экоциальный кризис*: голод, эпидемии, гражданские войны, гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы.

Кризис 1200–1201 выглядит внезапным бедствием, постигшим страну в период относительного благополучия, во всяком случае в период низких цен на зерно. Можно ли списывать причину этого бедствия на природные катаклизмы, на низкий разлив Нила, то есть на случайность? Известно, что в благоприятные годы крестьяне хранят в своих амбарах большие запасы зерна, позволяющие безболезненно пережить неурожай. В 1200–1201 году, у них, очевидно, не было таких запасов. Почему?

При ответе на этот вопрос полезно вспомнить ситуацию 720–730-х годов, когда катастрофа также произошла в период низких цен; тогда власти резко увеличили обложение крестьян, в то же время не допуская их бегства из деревень. Низкие цены в городе не имели отношения к тому бедственному положению, которое сложилось в деревне, и это положение в конце концов привело к катастрофе. В период 1180–1190 годов, по-видимому, имела место подобная ситуация: деревня была отдана во власть иктадаров, которые вводили произвольные поборы и отбирали у крестьян все излишки хлеба. Крестьяне, как и в 720-х годах, были прикреплены к земле, и в этой ситуации низкие цены в городах не отражали тяжелого положения в деревне. Таким образом, катастрофу 1200–1201 годов, по-видимому, можно объяснить резким ростом эксплуатации крестьянства в результате введения феодального режима.

10.7. Период Комнинов в Византии

Тюркское нашествие поставило под вопрос само существование Византийской империи и побудило императора Алексея Комнина обратиться с призывом о помощи к латинскому Западу. «Святейшая империя христиан греческих сильно утесняется печенегами и турками; они грабят ее ежедневно и отнимают ее области... — писал император Алексей. — Почти вся земля от Иерусалима до Греции и вся Греция... не исключая Фракии, подверглись их нашествию... Именем Бога умоляем вас, воины Христа, спешите на помощь...»⁹⁵. В ответ на это послание был провозглашен первый крестовый поход; в 1096 году европейские рыцари разгромили тюрок при Дорилее.

С помощью крестоносцев Византии удалось вернуть разоренное малоазиатское побережье, однако внутренние области остались во власти тюрок-сельджуков, основавших султанат со столицей в Конье. Но наибольшая угроза Византии исходила не от сельджукских султанов, а от неподчинявшихся султанам кочевых племен, утвердившихся в пограничной полосе между султанатом и византийскими городами на побережье. В каких-нибудь 150 километрах от моря, в районе разрушенного Дорилея, земледельческие области превратились в пустыню, где кочевали орды туркмен, живших войной и беспрестанно совершавших набеги на византийские области⁹⁶. Поэтому, хотя Алексей Комнин восстановил некоторые малоазиатские города, судя по нумизматическим материалам (рис. 16), в большинстве их них жизнь едва теплилась. Никита Хониат свидетельствует, что даже прибрежные города, в том числе Пергам, постоянно подвергались набегам и пограничные области были слабо заселены. Лишь император Мануил (1141–1180) восстановил стены Пергама, после чего окрестные земли снова стали возделываться⁹⁷. Этим, вероятно,

объясняется эфемерный расцвет Пергама среди всеобщего упадка, но при всем этом население города в середине XII века не превосходило 2,5 тыс. человек⁹⁸.

Таким образом, Малая Азия, которая прежде была экономическим центром Византии и очагом сжатия, по большей части уже не принадлежала империи. Граница Византии сдвинулась таким образом, что в составе империи остались в основном сравнительно малонаселенные области: еще не оправившаяся от последствий завоевания Болгария, колонизируемые Фракия и Македония. На этом фоне лишь Греция выделялась высокой плотностью населения; как показывают нумизматические данные (рис. 17) здесь продолжался демографический цикл, начавшийся в IX веке.

Сдвиг границ имел важные социальные последствия. В Малой Азии прежде располагались многочисленные поместья династов; эта область была оплотом военной знати. С утратой основной территории Малой Азии знать утратила свои поместья и потеряла свою экономическую опору. Еще один удар знати нанесли масштабные конфискации Алексея Комнина; в итоге некогда могущественные династы сошли с политической сцены⁹⁹. Понесли потери и крестьяне-собственники. На Балканах, которые стали новой опорой империи, преобладали государственные земли, и крестьяне здесь были по большей части государственными арендаторами-париками. Таким образом, в новом демографическом цикле крестьяне-собственники уступили первое место крестьянам-арендаторам государственных или частных земель. Арендаторы, как отмечалось выше, платили не только подати, но и ренту, поэтому их совокупные платежи были гораздо большими, чем у крестьян-собственников. С другой стороны, стратиготская повинность была окончательно переведена на деньги; крестьянство потеряло военное значение, и его роль сводилась к поставке ресурсов для содержания воинов-наемников. При этом наемниками были в основном чужеземцы; это объяснялось тем, что к XII веку Византию поразила болезнь всех имперских обществ — ее население утратило свою сплоченность (асабию) и свои воинские качества. Алексей Комнин, правда, еще пытался создать профессиональное войско из наемников-ромеев и сформировал особый отряд, тагму, из архантопулов, сыновей павших в боях стратиготов, однако тагма архантопулов была разгромлена в одном из сражений¹⁰⁰. Вениамин Тудельский был поражен отсутствием воинского мужества у византийцев, которые для войны с тюрками были вынуждены нанимать чужеземцев¹⁰¹.

В начале правления Алексея Комнина в стране царил разруха, казна была пуста, и правительство оплачивало свои расходы номисмами, на 90 % состоявшими из меди, — но требовало в уплату налогов полноценную монету. Однако разоренное население не могло платить налоги, и власти были вынуждены разрешить оплату мелкой медной монетой; в итоге ин-

фляция привела к обесценению налоговых сумм, а в сборе налогов воцарился полный хаос. С 1090-х годов правительство распространило откупную систему сбора налогов и на те провинции, где ее прежде не было, причем откупщики зачастую обещали внести в казну суммы, вдвое превосходившие размер налога; сопровождаемые стражей, они ходили по деревням и грабили крестьян как могли, в одном селе пытались взять в четыре раза больше положенного, в другом — в шесть раз¹⁰². Для того чтобы восстановить финансовую систему, необходимо было в первую очередь остановить инфляцию и ввести в обращение полновесную монету — такая золотая монета, перпер, равный $\frac{4}{5}$ номисмы, стала чеканиться с 1092 года.

К сожалению, для XII века практически отсутствуют данные о ценах и заработной плате, которые позволили бы судить об экономической динамике в этот период. Однако известно, что Византия, прежде испытывавшая недостаток хлеба, теперь в больших количествах вывозила зерно, мясо и другие продукты в Италию¹⁰³. В Болгарии на императорских землях создаются многочисленные скотоводческие хозяйства, и исследователи отмечают увеличение производства и потребления мяса¹⁰⁴. В глазах византийских писателей XII века Болгария — это область, богатая сыром, свининой, шерстью, птицей, крупным рогатым скотом. Западные хронисты отмечали изобилие в Византии сельскохозяйственной продукции: хлеба, вина, оливкового масла, сыра, которые продавались по сравнительно невысокой цене¹⁰⁵. Вениамин Тудельский, посетивший Византию в 1171 году, писал, что «эта страна обширна и изобилует всеми плодами, а также хлебом, мясом и вином»¹⁰⁶. После катастрофы 1070-х годов уже не упоминаются случаи голода¹⁰⁷, не отмечается и восстаний, столь частых в предыдущий период¹⁰⁸. В то же время имеются, хотя и отрывочные, свидетельства о крестьянской колонизации на Балканах. Сопоставимые документы о нескольких деревнях в Македонии говорят, что в 1100–1300 годах их население возросло почти вдвое. Палеологические данные свидетельствуют о сокращении леса и распашках земель в области Амфиополя в XII–XIII веках и в районе озера Лангадас в XII веке¹⁰⁹. Есть сведения об усилении монетного обращения в Южной и Западной Болгарии, а также в Албании (рис. 18, 19). Некоторые источники говорят о процветании болгарских городов, таких как Пловдив и Дристра. На юго-западе Болгарии в XII веке велось интенсивное каменное строительство, возникали новые храмы и монастыри. Рост населения в Южной Болгарии, Фракии и Македонии был связан также и с тем, что население бежало из Малой Азии в европейские провинции Византии. К югу от Балканских гор в 1070-х годах существовало много «ромейских», то есть греческих городов и деревень¹¹⁰. О том, что беженцы иногда хорошо устраивались, говорит пример париков монастыря Богородицы близ Струмицы (в Юж-

ной Болгарии), которые, придя в монастырь с пустыми руками, вскоре стали зевгаратами и обрабатывали наделы в 80 модиев¹¹¹. Характерно, что в XII веке — в отличие от предыдущего и последующего столетий — наличие у парика земли и упряжки волов рассматривалось как нормальное и естественное явление¹¹².

В то же время к северу от Балканских гор, на территориях, подвергавших постоянным набегам кочевников, продолжалась разруха. Старые столицы Болгарии, Преслав и Плиска, находились в глубоком упадке¹¹³.

В Греции плотность населения была более высокой, чем во Фракии, Македонии и Болгарии. В XII веке здесь отмечается процесс дробления крестьянских наделов, который исследователи связывают с ростом демографического давления¹¹⁴. Отмечается также развитие крупного землевладения, которое решительно преобладало над землевладением крестьян, во всяком случае в окрестностях городов¹¹⁵. Нумизматические данные (рис. 17), так же как и данные источников, свидетельствуют о росте городов и развитии ремесленного производства. В XII веке Греция стала крупнейшим ремесленным центром Византии; Фивы были знамениты своими шелкоткацкими мастерскими, Коринф — производством керамики. В городах строится множество каменных зданий, преимущественно церквей¹¹⁶.

На фоне роста греческих городов парадоксальным кажется упадок Константинополя: в столице резко сокращается ремесленное производство, ухудшается качество продукции. Общественные сооружения Константинополя приходят в упадок, из-за неисправности водопровода в городе не хватало воды, крепостные стены давно не ремонтировались и ветшали¹¹⁷. Внутри городских стен располагались многочисленные пустыри и сады¹¹⁸. По-видимому, причиной упадка столицы были голод, эпидемии и внутренние войны 1070–1080-х годов, а медленное восстановление можно объяснить тем, что прекратился приток в город разоренных крестьян из Малой Азии. При этом, несмотря на некоторое уменьшение численности населения, уровень жизни в городе был относительно высоким: имеются, например, данные об увеличении потребления мяса¹¹⁹.

Другим важным фактором, определившим новое направление развития Византии, был военно-технический фактор, действовавший вместе с процессами диффузии. Военная катастрофа заставила Комнинов преобразовать вооруженные силы страны по образцу победоносных противников. При Алексее Комнине были созданы отряды туркопулов («детей турок»), по-видимому, они комплектовались из юношей по образцу тюркских гулямов¹²⁰. Однако основным направлением военных реформ стало копирование вооружения и тактики европейских крестоносцев, которые продемонстрировали свою способность сражаться с тюрками. Византийские катафракты получили рыцарское вооружение, в том числе длинные

кавалерийские копы и поножи¹²¹. В правление Мануила Комнина (1143–1180) осуществляется массовая раздача воинам (часто — приглашенным на службу западным рыцарям) пожалований типа европейского бенефиция — так называемых проний.

Здесь необходимо отметить, что наделение воинов поместьями означало присоединение Византии к тому масштабному процессу, который охватил в раннее Средневековье Ближний Восток и Европу и который можно назвать *феодальной революцией*. Введение тяжелой рыцарской кавалерии требовало обеспечения службы воинов соответствующими ресурсами. В государствах с сильной центральной властью и мощной налоговой системой, например в Арабском халифате, воины-катафракты получали высокое жалование. Однако крушение Халифата в X веке привело к тому, что в условиях развала налоговой системы возобладала другая система обеспечения воинов, им стали выдавать так называемые икта — это было право на сбор налогов (или части налогов) с определенного числа крестьянских дворов. В Европе аналогичный икта бенефиций существовал еще с VIII века, со времен военной реформы Карла Мартелла. Как в Европе, так и на Ближнем Востоке развитие системы икта-бенефиций происходило в одном направлении: воины, используя неприкрытое насилие, по своему произволу увеличивали поборы с крестьян, а во избежание бегства крестьян их прикрепляли к земле — происходил процесс закрепощения. В процессе дальнейшей феодализации икта-бенефиций постепенно становился наследственным условным владением, феодом, владелец которого присваивал административные и судебные права. Этот процесс приводил к децентрализации и к резкому ослаблению государства; с другой стороны, феодализировался и административный аппарат; чиновники уже не получали жалование, а кормились от своей должности путем вымогательства подношений; должности продавались и передавались по наследству.

Процесс феодализации в Византии протекал в том же направлении, что и в других странах, однако он был ускорен внешним диффузионным влиянием. Мануил Комнин с детства был воспитан в обстановке преклонения перед западным рыцарством; уже в юношеском возрасте он заслужил славу отчаянного смельчака, и, в двадцать лет став императором, продолжал сражаться как простой воин, свято исполняя рыцарские заповеди. Он любил проводить время среди латинских рыцарей, широкой рукой раздавал им пронии и должности¹²². Гийом Тирский заявлял, что Мануил был настолько благосклонен к латинскому народу, что пренебрегал «гречишками», изнеженными и женственными, и опирался в важных делах на одних латинян¹²³.

Распространившееся в это время условное пожалование, прония, лексически означало то же, что европейский бенефиций — «милость,

льгота, пожалование за службу», и само слово, по-видимому, было греческой калькой с латыни. Однако на практике византийские юристы отличали пронию от бенефиция¹²⁴, который давал его владельцу намного большие права. В действительности прония имела много общего с арабским (и тюркским) условным пожалованием икта. Так же как икта, прония была пожалованием права на сбор определенной суммы налогов с определенного числа государственных крестьян; в Византии эти крестьяне-парики обычно продолжали платить государству основной налог, канон, в то время как другие налоги и арендная плата шли прониару¹²⁵. Относительно более поздних времен известно, что доля прониаров фиксировалась в описях поместий, практиках, подобно тому, как фиксировалась в особых описях доля иктадаров¹²⁶.

Таким образом, мы можем рассматривать распространение пронии как результат распространения франкско-тюркской диффузионной волны; в социальном контексте этот процесс означал превращение этатистской монархии в феодальную монархию. Эволюция пронии протекала в том же направлении, что и эволюция икта в государстве Сельджуков. В XII веке объем сборов прониара фактически не контролировался, и в результате начался процесс произвольного увеличения повинностей. Как свидетельствует Никита Хониат, «жители провинций... терпели величайшие притеснения от ненасытной жадности воинов, которые не только отнимали у них серебро и оболы, но и снимали с них последнюю рубашку...»¹²⁷. В некоторых провинциях крестьян заставляли не только платить произвольные оброки, но и исполнять на прониара барщину, которая достигала двух дней в неделю¹²⁸. Одновременно происходила феодализация административного аппарата; должности продавались и сдавались на откуп, зачастую тем же «полуварварам-латинянам», которые действовали по своим феодальным понятиям. Сборщики налогов беззастенчиво грабили горожан и крестьян, присваивая себе большую часть собранного; местные начальники и прониары своими вымогательствами вызывали массовое бегство населения¹²⁹. «Наша Афинская область, — писал митрополит Афин, — с давнего времени уменьшающаяся в числе своих жителей вследствие непрерывных тяжелых поборов, в настоящее время подвергается опасности превратиться в то, что называется скифской пустыней... Мы не будем жаловаться на взимание поземельной подати, на разбои морских разбойников. Но как могли бы мы рассказать без слез о преторских вымогательствах и насилиях... Он является во всеоружии с целым сонмом своих слуг... как будто собравшись вторгнуться в землю неприятелей и варваров, он добывает ежедневно свое пропитание грабежом и хищением»¹³⁰. Никита Хотиа́т писал, что в то время как одни провинции грабили враги, другие были опустошаемы своими¹³¹.

Заимствуя западные порядки, Комнины стали выделять уделы своим братьям, сыновьям и другим родственникам. Эти новые владельцы имели свою администрацию, своих налоговых сборщиков и своих рыцарей-вассалов¹³². В конечном счете, когда в 1204 году крестоносцы овладели Константинополем, они обнаружили, что общественные отношения в завоеванной стране аналогичны отношениям на Западе¹³³.

Трансформация государства по западному образцу означала падение этикратической монархии. Самодержавие сохранилось, но монархия не регулировала, как прежде, всю жизнь государства. Административный аппарат на много сократился, почти все ведомства (секреты) были объединены в одно под началом «логофета секретов». Жалование центральных чиновников уменьшилось, и они не пользовались прежним почетом; в новой табели о рангах на первых местах стояли члены клана Комнинов, затем шли придворные; рядовые же чиновники вовсе не имели рангов¹³⁴.

Процесс феодализации затронул и церковь. Комнины не только время от времени производили конфискации церковных богатств, но и в массовых масштабах раздавали частным лицам право на управление монастырями, харистикий. Это право позволяло харистикарию отнимать у монастыря часть доходов, и по существу харистикий был разновидностью пронии. Другим обстоятельством, вызвавшим резкое недовольство церковников, было стремление Манула подчинить православную церковь римскому папе. Царь оправдывал этот проект необходимостью союза с Западом, чтобы противостоять турецкой опасности¹³⁵.

Военно-политическими соображениями оправдывался и союз с Венецией, предоставивший большие привилегии итальянским купцам. Рядом с Константинополем выросло итальянское торговое предместье, Галата; в нем насчитывалось 60 тысяч жителей, и оно перехватило большую часть международной торговли Константинополя. Эта итальянская колония поставляла Мануилу кадры откупщиков; итальянцы кичились своими богатствами и не скрывали пренебрежения к ромеям¹³⁶.

Мануил Комнин заимствовал у западного рыцарства не только его обычаи, но и крестоносный экспансионизм. Все средства страны были мобилизованы для завоевательной политики на далеких окраинах империи, для походов в Сирию и Италию. «Римляне осыпали его насмешками, — писал Никита Хониат, — за то, что он по своему самолюбию имеет несбыточные желания... и без всякой пользы тратит деньги, которые он собирает, изнурая и истощая своих подданных необыкновенными податями и поборами»¹³⁷. В конечном счете политика завоеваний в сочетании с безрассудной рыцарской смелостью Мануила привела к гибели византийской армии в ущелье Мириокефал (1176 г.). Во время бегства с поля боя один из воинов в лицо сказал Мануилу, что он пьет кровь своего на-

рода, «обирая и ощипывая своих подданных, как обируют и ощипывают виноградную лозу»¹³⁸.

После смерти Мануила началась традиционалистская и антифеодальная реакция; в Константинополе вспыхнуло восстание против латинян и «олатинившихся» правителей, против произвола феодализировавшихся чиновников и прониаров. Патриарх и священники поддержали восставших; узурпатор Андроник Комнин вступил в столицу во главе «скопища негодных земледельцев». Население Галаты пало жертвой кровавого погрома; укрывшихся на кораблях латинян жгли «греческим огнем». Андроник Комнин обрушил жестокий террор на пытавшуюся вернуться к власти и строившую заговоры феодальную знать. «Он до такой степени обуздал хищничество вельмож и так стеснил руки, жадные до чужого, что в его царствование население во многих местах увеличилось... — писал Никита Хониат. — Кто отдал кесарево кесареви, с того никто больше не спрашивал, у того не отнимали, как бывало прежде, последней рубашки и насилием не доводили до смерти»¹³⁹.

Политика Андроника была попыткой возвращения к этатизму и к той христианской справедливости, которая лежала в основе православной государственной традиции. Продажа должностей была запрещена, этатистская бюрократия снова вернулась к власти, чиновники «пробудились от долгого и тяжелого сна и воскресли»¹⁴⁰. Однако этатистская политика не учитывала новой расстановки сил: военная сила находилась в руках рыцарей-прониаров, которые не могли сочувствовать Андронику; в Малой Азии вспыхнуло несколько мятежей. Феодальная знать и изгнанные латиняне обратились за поддержкой к старым врагам Византии, сицилийским норманнам. Пользуясь дезорганизацией обороны империи, норманны в 1185 году высадились на Балканах, разгромили Фессалонику и приблизились к Константинополю. Напуганные жители столицы обвиняли в поражении Андроника; знать воспользовалась этим и подняла новый мятеж; Андроник был свергнут и убит¹⁴¹.

Норманны были в конечном счете отражены, но политический кризис 1180-х годов положил начало распаду и гибели Византии. Болгары, не утратившие стремления к независимости, воспользовались смутой, чтобы снова поднять восстание. Призвав на помощь половцев, они опустошили Македонию; за Балканскими горами образовалось новое Болгарское царство; Македония и Фракия вновь превратились в пограничные провинции, постоянно разоряемые врагами¹⁴².

Свергнувший Андроника Исаак Ангел (1185–1195) был ставленником феодальной знати, которая снова утвердилась у власти. Исаак продавал должности «как овощи на рынке»; в столице и в провинциях были восстановлены феодальные порядки¹⁴³. Новому императору приходилось бороться с мятежами знати; в конце концов он был свергнут собственным

братом. Казна была пуста, платить войскам было нечем, и свергнувший Исаака Алексей III (1195–1204) был вынужден взять золото из гробниц византийских императоров. Феодализация и рост налогов привели к тому, что редкий год не отмечался народным восстанием, чаще всего в столице и ее окрестностях¹⁴⁴. Борющиеся феодальные кланы постоянно призывали на помощь латинян, которые стремились воспользоваться резким ослаблением Византии и свести счеты за резню в Галате. В XII веке положение Византии определялось союзом с Западом, успех борьбы с тюрками в конечном счете определялся мощностью крестоносного рыцарства, и Византия не раз ощущала себя игрушкой в борьбе могущественных внешних сил. Каждый крестовый поход сопровождался скрытыми или явными попытками захвата Константинополя, поэтому любая внутренняя смута могла стать для империи последней. В 1204 году — неожиданно для всего христианского мира — настал последний день; приведенное претендентом на престол крестоносное ополчение обрушилось на столицу империи. «Царица городов» была разграблена и сожжена, двухтысячелетняя «Империя ромеев» прекратила существование под ударами новых варваров.

Латинское нашествие и последовавшие затем бесконечные войны привели к разорению основных областей погибшей империи. Арендная плата упала до крайне низкого уровня в $\frac{1}{10}$ или даже в $\frac{1}{20}$ урожая; как писал Г. Острогорский, «объяснение этого может быть, несомненно, найдено в запустении больших поместий из-за иностранных вторжений и вообще, в хаотических условиях поздней Империи»¹⁴⁵. Цены на зерно упали в середине XIII века до $\frac{1}{36}$ – $\frac{1}{18}$ перпера, и в дальнейшем оставались низкими (при этом надо учитывать также снижение золотого содержания в перпере)¹⁴⁶. Эти данные, несомненно, указывают, на огромные масштабы произошедшей демографической катастрофы.

* * *

Подводя итоги социально-экономическому развитию Византии в конце XI–XII веке, нужно отметить, что кризис 1070–1080-х годов привел не только к падению демографического давления, но и к утрате Византией территорий Малой Азии, где прежде располагался очаг сжатия. Оставшиеся в составе империи Болгария, Македония и Фракия в предшествующий период были колонизируемыми областями со сравнительно редким населением. В первой половине XII века в этих областях продолжался процесс колонизации, ускоренный наплывом беженцев из Малой Азии, но к 1180-м годам, здесь, по-видимому, было еще достаточно свободных земель.

Напротив, в Греции, несмотря на кризис, плотность населения оставалась достаточно высокой, и здесь вскоре возобновилось сжатие,

к середине XII века мы наблюдаем здесь крестьянское малоземелье, разорение крестьян-собственников, рост крупного землевладения, уход разоренных крестьян в города, где они пытаются заработать на жизнь ремеслом или мелкой торговлей, рост городов, развитие ремесел и торговли.

Однако социально-экономическое развитие Византии в период Комнинов определялось не столько демографическим, сколько военно-техническим фактором. При этом в Византии столкнулись две диффузионные волны: в то время как византийская тяжелая кавалерия копировала франкское вооружение, система воинских поместий, «прония», копировала тюркские «икта». Эволюция пронии протекала в том же направлении, что и эволюция икта в государстве Сельджуков — в сторону быстрой феодализации проний и отягчения повинностей крестьян; одновременно происходила и феодализация административной системы. В рамках демографически-структурной теории этот процесс трактуется как *трансформация структуры*, которая привела к падению этактистской монархии, масштабному перераспределению ресурсов в пользу феодальной элиты и сокращению экологической ниши народа.

После смерти Мануила Комнина настало время *традиционалистской реакции*, сопровождавшейся репрессиями против «латинян» и феодальной знати. Однако восстановление этактистской монархии оказалось невозможным из-за сопротивления феодальных кланов и вмешательства Запада. В конечном счете социальный кризис привел к завоеванию Константинополя крестоносцами и к демографической катастрофе.

Таким образом, «комниновский» цикл был прерван внешним завоеванием, которое было облегчено внутренним кризисом, вызванным процессами феодализации.

* * *

Подводя итоги эпохи сабли, необходимо отметить, что этот период был продолжением эпохи тяжелой кавалерии, когда после нашествия тюрок рыцарская элита завладела политической властью. Однако в Китае элита не смогла добиться решительного успеха, и область ее господства распространялась, в основном на Ближний и Средний Восток (и на Европу). Своеобразным символом новой феодальной эпохи стала система икта, и границы распространения системы икта были также границами региона, в котором политически преобладала рыцарская элита. В государстве Великих Сельджуков массовая раздача икта произошла в 1070-х годах, затем этот институт диффузионным путем распространился в Византию и в Египет (где сплошная инфеодация была осуществлена после тюркского завоевания в 1160-х годах). В Индию система икта пришла вместе с мусульманскими завоевателями в 1170-х годах.

Эволюция института икта, как не раз отмечалось, была направлена в сторону приобретения этими первоначально служебными держаниями все большей самостоятельности. Икта постепенно становились наследственными, их владельцы начинали облагать крестьян дополнительными повинностями, которые все увеличивались. Крестьяне прикреплялись к владельцу, становились лично зависимыми, и в некоторых случаях их положение приближалось к положению рабов. Во всех странах произошла феодальная *трансформация структуры*, означавшая, с одной стороны, закрепощение крестьян, а с другой стороны — фактическое ограничение власти монархов и политическое господство военной элиты. Уже через 30–40 лет после введения системы икта перераспределение ресурсов и обнищание населения привело к экосоциальному кризису в Иране и в Египте, и такая же катастрофа произошла после введения пронии в Византии. Таким образом, демографические циклы, начавшиеся после тюркского нашествия, были короткими: резкое перераспределение ресурсов в результате распространения системы икта быстро вызвало преждевременное сжатие. С другой стороны, разложение феодальных государств привело к междоусобицам, и в итоге феодальная эпоха завершилась экосоциальными кризисами. Для Византии и государства Сельджуков эти кризисы означали распад государства, а для Египта — приход к власти тюркских мамлюков.

Глава 11. Эпоха монгольского лука

11.1. Появление монгольского лука

Переходя к рассмотрению волны монгольских завоеваний, необходимо прежде всего установить ее причины, указать на то фундаментальное открытие, которое играло в этом определяющую роль. Нет сомнения, что монголы обладали военным превосходством над своими противниками, но каковы были масштабы этого превосходства? Приведем один пример. В сентябре 1211 года монголы встретились в битве у крепости Хуйхэпху с армией могущественной империи Цзинь. Как отмечалось выше, это была регулярная армия, состоявшая из профессиональных воинов-латников, которые использовали тактику таранных атак. По китайским источникам, численность цзиньской армии составляла около 400 тысяч солдат — это были лучшие войска, собранные со всей огромной империи¹. Монголов было не более 100 тысяч — тем не менее цзиньская армия была наголову разбита и практически уничтожена. «Пошло такое истребление, что кости трещали, словно сухие сучья», — говорит «Сокровенное сказание». Убитых было столько, что «степи стали издавать зловоние»².

Военное превосходство монголов было колоссальным — но чем оно объяснялось? Историки по-разному объясняют причины монгольских побед: одни говорят о талантах монгольских полководцев, о маневренной тактике, другие — о жесткой дисциплине, о четкой военной организации. Однако известно, что монголы заимствовали свою тактику и организацию у Цзинь и побежденной ею империи Ляо³, что в сотнях битв на протяжении XIII века монголами командовали разные (и не всегда талантливые) полководцы, тем не менее они почти всегда побеждали. Так в чем же заключалась причина этих побед? Ответ на этот вопрос был одной из задач посольства, направленного папой римским ко двору монгольского хана. Возглавлявший это посольство ученый монах Плано Карпини оставил подробное описание оружия и тактики монголов.

«Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое, — писал Плано Карпини, — два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые... Некоторые имеют латы... Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча... Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять

к своим; и они это делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду...». Плано Карпини акцентирует внимание на стрелковом вооружении и стрелковой тактике монголов: «...Надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят или убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой». В заключение посол дает рекомендации о том, как противостоять татарам: нужно иметь хорошие луки и закалывать стрелы, как это делают монголы, а чтобы убежаться от монгольских стрел, нужно иметь двойные латы⁴.

С выводами Плано Карпини перекликается свидетельство армянского царевича Гайтона. «С ними очень опасно начинать бой, — рассказывал Гайтон в 1307 году, — так как даже в небольших стычках с ними так много убитых и раненых, как у других в больших сражениях. Это является следствием их ловкости в стрельбе из лука, так как их стрелы пробивают все виды защитных средств и панцирей... В сражениях в случае неудачи отступают они в организованном порядке, преследовать их, однако, очень опасно, так как они поворачиваются назад и умело стреляют во время бегства и ранят бойцов и лошадей. Как только видят они, что противник при преследовании рассеян и его ряды пришли в беспорядок, поворачивают они опять против него и таким образом достигают победы»⁵.

«В битвах с врагом берут они верх вот как, — свидетельствует Марко Поло, — убежать от врагов не стыдятся; убегая, поворачиваются и стреляют из лука. Коней своих приучили, как собак, ворочаться во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражеских коней и людей, а враг думает, что они расстроены и побеждены, а сам проигрывает, оттого что и кони у него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары, как увидят, что перебили и вражьих коней, и людей много, поворачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага. Вот так-то они побеждали во многих битвах и покоряли многие народы»⁶.

В «Великой хронике» Матфея Парижского многократно повторяются свидетельства разных авторов о том, что монголы «несравненные лучники», «удивительные лучники», «отличные лучники». Один из венгерских епископов подчеркивает, что монголы более искусные лучники, чем венгры и половцы, и что «луки у них более мощные»⁷. Фома Сплитский, описывая осаду Пешта, свидетельствует, что «смертоносные татарские стрелы разили наверняка. И не было такого панциря, щита или шлема, который не был бы пробит...»⁸. «Говорят, что стреляют они дальше, чем другие народы, — писал венгерский монах Юлиан. — При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а ливнем льются. Мечами и копьями, они, по слухам, бьются менее искусно»⁹.

Таким образом, свидетельства источников сходятся на том, что монголы уклонялись от ближнего боя, что они были сильны главным образом в стрелковом бою. Монголы были прекрасными лучниками, они выпускали тучи стрел, которые летели дальше, чем у других народов, и ударяли с такой силой, что убивали лошадей и пробивали доспехи всадников. Монголы обладали необычно мощными луками, которые к тому же позволяли поддерживать высокий темп стрельбы — такой вывод следует из свидетельств современников.

Обратимся теперь к свидетельствам археологии. Вторая половина XX века ознаменовалась рядом выдающихся открытий российских археологов; благодаря исследованиям А.П. Окладникова, Г.В. Киселева, В.Е. Медведева, Н.Я. Мерперта, Д.Г. Савинова, Л.Р. Кызласова, Е.М. Хамзиной, Ю.С. Худякова и ряда других специалистов была воссоздана картина развития средневековых культур кочевников Центральной Азии и Дальнего Востока. Одним из результатов этих исследований было получение данных о появлении в период, непосредственно предшествующий началу монгольских завоеваний, нового типа лука. В основе луков, распространенных в Великой степи ранее, в I тыс. до. н. э., лежал лук, некогда созданный племенами хунну. Это был лук с боковыми костяными накладками, которые фиксировали жесткие зоны деревянной основы лука (кибити). Поскольку эти зоны не участвовали в создании рефлекторного усилия, то лук хуннского типа имел большие размеры — порядка 160 см. В I–V веках однотипные гуннские луки господствовали на широких просторах степей от Амура до Дуная, но затем на основе этой конструкции появилось множество новых вариантов. В степи начался процесс поиска новых технических решений, и к началу II тысячелетия многие народы имели несколько разных типов лука — так что луки разных типов иногда можно было встретить в одном захоронении¹⁰. Среди этого многообразия встречались и отдельные прототипы позднейшего монгольского лука, однако, как доказывает Д.Г. Савинов, «лука универсального типа, обычно называемого монгольским, в то время еще не было»¹¹. Отбор новых конструкций продолжался вплоть до XII века, когда вместе с монголами на арену истории вышел монгольский лук. Этот лук отличался от хуннского лука тем, что имел не боковые, а одну фронтальную костяную накладку, игравшую принципиально иную роль: она не лишала участок кибити упругости, а наоборот, увеличивала упругость, добавляя к рефлекторному усилию деревянной основы усилие расположенной по центру лука костяной пластины. Костяная пластина имеет максимальный предел прочности примерно вдвое больше, чем древесина (около 13 кг/мм²), и, соответственно, распрямляясь, создает вдвое большее усилие. При небольших размерах (около 120 см) монгольский лук обладал большой

мощью, и эту мощь можно было при желании увеличить, добавляя костяные накладки на плечи лука. Кроме того, по сравнению с другими луками монгольский лук был более гибким, и тетива оттягивалась на большее расстояние, поэтому она оказывала на стрелу более длительное воздействие и сообщала ей больший импульс¹².

По данным китайских источников, сила натяжения монгольского лука составляла не менее 10 доу (66 кг), что по крайней мере в полтора раза превышало мощность цзиньских луков (7 доу или 46 кг)¹³. Х. Мартин определяет силу монгольских луков в 166 фунтов (75 кг) и отмечает, что они не уступали знаменитым английским лукам, погубившим французское рыцарство в битвах при Креси и Пуатье¹⁴. Н.Н. Крадин также отмечает превосходство монгольских луков над европейскими¹⁵. Ю. Чамберс оценивает силу монгольских луков в 46–73 кг, а английских — в 34 кг¹⁶. После английских луков самыми мощными луками в Европе были венгерские; это были луки гуннского типа, и их натяжение оценивается специалистами в 32 кг; напомним, что эти луки противостояли монгольским в битве при Шайо, которая закончилась страшным разгромом венгров¹⁷. Луки среднеазиатских тюрок X века также были гуннского типа с максимальным натяжением в 100 ратлей (32 кг)¹⁸.

Небольшие размеры монгольского лука делали его удобным для конного лучника; это позволяло точнее прицеливаться и вести стрельбу в высоком темпе — до 10–12 выстрелов в минуту. Ю.С. Худяков сравнивает военный эффект появления монгольского лука с эффектом другого фундаментального открытия — появления автоматического оружия в XX веке. Скорострельность монгольского лука имела не меньшее значение, чем его мощность, она позволяла монгольским воинам сокращать дистанцию боя, давала им уверенность в том, что противник не устоит перед «ливнем стрел»¹⁹.

Новому луку соответствовал новый господствующий тип стрел. В монгольское время получили преобладание стрелы с плоскими наконечниками в форме лопатки или трилистника — так называемые срезни. Плоские наконечники летели с большей скоростью, чем трехлопастные, и в колчан входило большее количество плоских стрел, нежели трехлопастных. Большинство плоских стрел имело ширину пера до 25 мм и вес до 15 граммов, они не очень отличались по весу от наконечников, применявшихся прежде. Однако наряду с обычными срезнями довольно часто встречались огромные наконечники длиной до 15 см, шириной пера в 5 см и весом до 40 граммов. При обычном соотношении веса наконечника и стрелы (1:5, 1:7), стрела с таким наконечником должна была весить 200–280 граммов. Тяжелые стрелы были еще одним свидетельством мощи монгольского лука; они обладали огромной убойной силой и предназначались для поражения лошадей²⁰.

Согласно Ю. Чамберсу, дальность стрельбы из монгольского лука достигала 320 м, а дальность английского лука — 230 м²¹. В Эрмитаже хранится каменная стела, найденная в 1818 году близ Нерчинска; надпись на этой стеле говорит о том, что когда в 1226 году Чингисхан устроил праздник по поводу одной из своих побед, победитель в соревновании стрелков, Есугей Мерген, пустил стрелу на 335 алда (538 м)²². Однако на таком расстоянии было практически невозможно попасть в цель, и прицельная дальность стрельбы из лука монгольского типа была гораздо меньше; она составляла 160–190 м. Впрочем, В. Патерсон подчеркивал, что реальное преимущество более мощного лука состоит не в его дальноточности, а в том, что он позволяет использовать более мощную стрелу, позволяющую пробивать доспехи²³. Стрела татарского лука XVI века на расстоянии 200 м убивала лошадь или пробивала кольчугу навылет²⁴. По мощи лук не уступал аркебузам, а по скорострельности намного превосходил их; однако научиться стрелять из лука было намного сложнее, чем научиться стрелять из аркебузы. Современные спортивные луки имеют силу натяжения «всего лишь» 23 кг, но стрельба из них требует хорошей физической подготовки, и даже спортсмену непросто выпустить за день соревнований около сотни стрел²⁵. Луки монгольского типа требовали необычайно сильных рук: император Фридрих II особо отмечал, что у монголов «руки сильнее, чем у других людей», потому что они постоянно пользуются луком²⁶. Плано Карпини свидетельствует, что монголы с трехлетнего возраста учили своих детей стрелять из лука, постепенно увеличивая его размеры²⁷. Таким образом они наращивали мускулатуру рук и отбатывали механизм стрельбы на уровне условных рефлексов. В принципе, обучение стрельбе из лука с раннего детства было характерно для кочевых народов со времен гуннов, но дело в том, что более мощный лук требовал от стрелка особых физических и психологических качеств и должно было пройти немало времени, прежде чем монголы освоили новое оружие. Воинам других народов было чрезвычайно трудно, а иногда и невозможно научиться хорошо стрелять из монгольского лука — даже если бы он достался им в качестве трофея. Писавший в XV веке арабский автор наставления по стрельбе из лука отмечал, что в его время (спустя столетие после падения монгольского владычества в Персии) многие секреты стрельбы были уже утеряны²⁸.

Еще сложнее было наладить производство луков монгольского типа. Изготовление сложносоставных луков требовало большого мастерства. Слои дерева, костяные накладки и сухожилия склеивали под сильным прессом, после чего лук подвергался длительной просушке, иногда в течение нескольких лет. Окончание изготовления лука сопровождалось специальными церемониями. Мастера по изготовлению луков пользовались большим уважением, и даже великий хан оказывал им почести.

Высоко ценя (и даже почитая) свои луки, монголы, естественно, стремились уберечь их от непогоды; для этого использовалось налучье, которое вместе с колчаном называлось сагайдак²⁹.

Монгольский лук перенимался другими народами в составе комплекса культурных элементов, определявших культурный круг. Остановимся прежде всего на тех элементах, которые были связаны с вооружением. Новое оружие требовало применения тактики, которая обеспечила бы использование всех его преимуществ. Как отмечалось выше, это была тактика уклонения от ближнего боя, обстрел противника из луков, который мог продолжаться несколько дней. Монгольская легкая кавалерия мчалась вдоль фронта противника, поливая его дождем стрел; если же противник переходил в атаку, то она обращалась в мнимое бегство, но во время этого «бегства» лучники, обернувшись назад, расстреливали своих преследователей и их лошадей. Мощный лук и массивные стрелы позволяли убивать лошадей — и, действительно, цитированные выше источники свидетельствуют, что поражение лошадей было едва ли не главным элементом этой тактики. Если же противник упорно держался на своей укрепленной позиции, то в атаку шел полк мэнгэдэй — это название означает принадлежащие богу, то есть смертники. Задача мэнгэдэй состояла в том, чтобы (возможно, ценой больших потерь) завязать ближний бой, а затем симулировать бегство и все-таки вынудить противника преследовать лучников. Когда в ходе длительного преследования противник оказывался ослаблен потерями и расстраивал свои ряды, он подвергался внезапному фланговому удару засадного полка³⁰. Как свидетельствует Сокровенное сказание, именно таким образом была одержана решающая победа в битве при Хуйхэпху³¹. Нужно отметить, однако, что сама по себе тактика мэнгэдэй была не новой, ее использовали гунны, скифы и многие другие степные народы — классическим примером применения этой тактики является победа тюрок над византийцами при Манцикерте (1071 г.). Преимущество монголов заключалось лишь в том, что новые луки позволили им применять эту старую тактику с большим успехом³².

Полное преобладание у монголов стрелковой тактики еще более оттеняется тем обстоятельством, что, по свидетельству Плано Карпини, лишь богатые воины имели мечи или сабли. Сабля была оружием противников монголов, тюрок, и со временем она распространилась среди монголов, но это распространение было довольно медленным. Археологи отмечают, что сабли были обнаружены лишь в двух (самых богатых) среднеазиатских захоронениях XIII–XIV веков, а на Саяно-Алтае их вовсе не найдено³³. Монгольский лук, в конечном счете, оказался эффективнее тюркской сабли. Хотя сабельная тактика египетских мамлюков дала им победу в битве при Айн-Джалуте, в других сражениях мамлюки терпели поражения. Так, по свидетельству армянского историка Нерсе-

са Палиенца, в большой битве при Джебель-ас-Салихийе в Сирии сражалось 50-тысячное монгольское войско под предводительством самого владыки Ирана Газан-хана, и при этом у монголов *«кроме стрел, не было ничего другого»*. Египетский султан Насер рассчитывал без труда одолеть монголов в ближнем бою, когда они израсходуют свои стрелы. Однако *«затемнилось солнце от них, а люди остались в тени от густоты стрел. Этими стрелами войско султана было разбито и обращено в бегство»*³⁴. Отсутствие сабель и тяжелого вооружения тем более показательно, что битва происходила в 1300 году, в период, когда господствовавшие над Ираном монголы получали более чем достаточное количество оружия от иранских ремесленников.

У подавляющего большинства монгольских воинов не было железных доспехов. Приводя ряд свидетельств такого рода, А.Н. Кирпичников отмечает, что монголы испытывали хронический недостаток защитных доспехов, которые обычно добывались в качестве трофеев или изготавливались пленными мастерами³⁵. Археологические данные подтверждают этот вывод: при раскопках в Монголии было обнаружено очень малое число бронебойных стрел, и это дает специалистам основание утверждать, что монгольское войско составляли в подавляющем большинстве легковооруженные лучники. Это особенно контрастирует с тяжелым вооружением главных противников монголов — воинов Цзинь (чжурчженей), и прежних, домонгольских, властителей степей — киданей³⁶. По-видимому, в данном случае имел место сознательный отказ части воинов от тяжелого вооружения, который объясняется тем, что тогдашние доспехи все равно не могли защитить от стрел, выпущенных из монгольского лука. Эффект появления нового лука был таким же, как эффект появления огнестрельного оружия: он заставил большинство воинов снять доспехи. Тяжелое вооружение стесняло движения лучников и уменьшало скорострельность стрельбы. Кроме того, для удобства стрельбы монгольские лучники использовали короткие стремена: привстав в стременах, лучник мог отчасти стабилизировать качку и точнее целиться. Однако короткие стремена делали всадника неустойчивым в седле и затрудняли ведение ближнего боя. Монголы вступали в ближний бой лишь тогда, когда противники были изранены стрелами и исход сражения был практически решен; эту последнюю атаку проводили сравнительно немногочисленные отряды тяжелой конницы³⁷.

Характерно так же и то, что действия монгольской тяжелой конницы не обратили на себя внимания современников, и источники не сохранили их описания. До сих пор отсутствуют находки монгольских ударных копий, шпор, специальных седел с упором и других специфических приспособлений для таранных ударов³⁸. Защитное вооружение монгольских воинов было подробно изучено М.В. Гореликом³⁹. Лучники носили легкий

стеганный панцирь из кожи, войлока или толстой ткани — такой панцирь по-монгольски назывался хатангу дегель — «твердый халат». Тяжеловооруженные всадники были облачены в пластинчатые панцири; металлические пластины крепились на ремешках, поэтому панцири назывались худесуту хуяг — «пронизанный, прошитый (ремнями) панцирь». Другой вид панцирей (бехтер) представлял из себя кольчугу, усиленную на груди и на спине металлическими пластинами, иногда вместо нескольких пластин для усиления кольчуги использовалось круглое железное зеркало (такой доспех на Руси называли зеркалом)⁴⁰. А. Бобров доказывает, что защитное вооружение было большей частью заимствовано монголами у их главных противников, чжурчженей, в ходе ожесточенных войн начала XIII века; что же касается собственно чжурчженских доспехов, то они лишь незначительно отличались от доспехов киданей и китайцев⁴¹. Таким образом, в области тяжелого вооружения монголы не создали ничего принципиально нового. Победы монголов приписывались мастерству конных лучников, а в ближнем бою, как свидетельствует Юлиан, монголы были «менее искусны»⁴².

«Монгольские полководцы стремились к решительному столкновению с противником, — пишет Ю.С. Худяков. — Вера в свою непобедимость была столь велика, что они вступали в бой с превосходящими силами противника, стараясь подавить его сопротивление массированной стрельбой. Однако в ближнем бою, если противник проявлял стойкость, их возможности были ограничены. Поэтому монголы старались разъединить силы врага, применяя различные уловки»⁴³. Таким образом, тактика монголов была в основном стрелковой, но эффективность стрельбы была столь велика, что Р.П. Храпачевский сравнивает ее с огневой мощностью регулярных армий нового времени. Р.П. Храпачевский и Ю.С. Худяков полагают, что лишь развитие огнестрельного оружия положило предел господству конных лучников⁴⁴.

Как отмечалось выше, главным доказательством фундаментального характера военной инновации является ее перенимание другими народами. «Повсеместное распространение и заимствование монгольского оружия в кочевом мире в XIII–XIV веках наглядно свидетельствует о его большой эффективности», — отмечает Ю.С. Худяков⁴⁵. Процесс перенимания монгольского оружия на Ближнем Востоке достаточно подробно освещен источниками. Рашид-ад-дин свидетельствует, что в Персии оружие для армии ильханов изготовлялось в организованных монголами больших государственных мастерских кархана. В этих мастерских работали преимущественно местные ремесленники, обращенные во время завоевания в рабов; оружие делалось «по монгольскому обычаю» и при участии монгольских мастеров, причем, перечисляя специальности ремесленников, персидский историк упоминает в порядке очередности луч-

ников, изготовителей стрел, колчанов, сабель, а остальных зачислял в разряд «прочих». К началу XIV века производство монгольского оружия было освоено свободными ремесленниками, работавшими вне кархана. «Прежде не было ремесленников, которые умели бы изготавливать оружие по монгольскому обычаю, а теперь большинство ремесленников на базарах научилось», — писал Рашид-ад-дин⁴⁶. Таким образом, в Персии образовался центр производства монгольского оружия, которое стало достоянием всего Ближнего Востока. Распространение монгольского оружия облегчалось тем, что большинство воинов армии ильханов составляли турки, и, вооружив эту армию, монголы сами снабдили тюрок (и арабов) новым оружием и научили обращению с ним. Турки были военным сословием во всех государствах Ближнего Востока, а также в Египте, в Средней Азии и в Индии; таким образом, принесенные монголами образцы оружия могли свободно распространяться в тюркской военной среде по всему обширному региону. Естественно, что, попав к туркам и арабам, монгольский лук описывался исследователями как «турецкий» или «арабский», но все это был один и тот же рефлексирующий лук, господствовавший как на Ближнем Востоке, так и на Руси. «Сравнение составных частей сложных русских луков с составными частями, подробно перечисленными в арабском трактате XV века, — отмечал А.Ф. Медведев, — как и памятники изобразительного искусства, свидетельствует, что и арабские, и русские, и турецкие луки средневековья изготовлялись по совершенно аналогичному принципу, имели в своем составе сходные детали из сходных материалов и даже по внешнему виду и размерам были похожи друг на друга»⁴⁷.

О заимствовании монгольского оружия говорит и перенимание соответствующей терминологии. В этом смысле весьма характерно наличие монгольских слов в русском языке: монгольские термины приходили в русский язык из тюркских языков, поэтому принятие русскими того или иного монгольского термина означало, что он принят на всем пространстве от Монголии до Руси, а также и там, где обитали турки, то есть на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Прежде всего перенималась терминология, связанная с луком. Славянское слово «тул» было вытеснено монгольским словом «колчан». Лук в комплекте с колчаном и налучьем стал называться «сагайдаком» или «саадаком», чехол для колчана — «тохтуем». Большие стрелы (характерные для монголов) назывались на Руси «джид», другая разновидность стрел — «томары». Перенималось и оборонительное оружие. Легкий стеганный доспех лучников на Руси назывался «тигилай» (от монгольского «дегель»), тяжелый пластинчатый доспех — «куяк» («хуяг»), усиленная кольчуга — «бехтерец» («бехтер») ⁴⁸.

Монгольские доспехи перенимались народами как оружие победителей, но в то же время необходимо отметить, что оборонительное оружие

перенималось медленнее, чем лук и стрелы. Основная масса кочевников Восточной Европы осталась верна своему старому доспеху — кольчуге; в погребениях кипчаков кольчуга встречается в десять раз чаще, чем пластинчатые доспехи монгольского типа⁴⁹.

Говоря о распространении монгольского оружия, необходимо упомянуть также и о порохе. Порох был китайским изобретением (хо яо), и ко времени монгольского завоевания метаемые баллистами пороховые гранаты хо пао широко использовались в армии Цзинь. Но баллисты были слишком тяжелы для применения в полевых сражениях, и хо пао применялись почти исключительно при осаде городов — на этой стадии своего развития пороховое оружие еще не обеспечивало победу в войнах. Тем не менее монголы быстро заимствовали эти гранаты и применяли их при осаде городов в Китае и на Ближнем Востоке. С этого времени порох становится широко известен; рецепт его изготовления приводится в книгах арабского писателя XIII века Гассана Аль-фамаха и византийца Максима Грека. Пороховые гранаты использовались воинами Золотой Орды: их находки известны во многих городах Поволжья. Порох был известен и на Руси, где его называли «огненным зельем» — это название представляет собой буквальный перевод китайских иероглифов хо яо⁵⁰.

Вслед за вооружением заимствовалась военная организация и тактика. Десятичная организация, жесткая военная иерархия и суровая дисциплина не были изобретением монголов. «Многое из того, что нередко приписывается исключительно гениальности Чингисхана, — отмечает Н.Н. Крадин, — на самом деле было лишь повторением... того, что уже случилось в истории Халха-Монголии на 1400 лет раньше»⁵¹. Деление войска на десятки, сотни, тысячи было заимствовано монголами у киданей и Цзинь, а затем было введено ими по всех завоеванных странах. В.В. Бартольд писал, что военное устройство тюрок XV века было «наследием империи Чинхисхана»⁵².

11.2. Создание Монгольской империи

Монгольские завоевания охватили большую часть Евразии, и их хронология хорошо известна. В 1206 году после долгих войн хан монголов Тэмуджин объединил племена восточной части Великой степи, и был провозглашен Чингисханом. Новому хану потребовалось несколько лет на создание эффективной военно-административной системы; по образцу империи Цзинь войско и народ были разделены на десятки, связанные круговой порукой; был оглашен кодекс законов («Яса»), направленных на поддержание суровой военной дисциплины. Суровая государственная дисциплина, восходящая к древней легистской традиции, уничтожение влияния племенной знати и возвышение по заслугам — это была та важ-

нейшая черта, которая отличала монголов Чингисхана от тюрок феодальной эпохи.

Поход против Цзинь начался в 1211 году, и за десять лет жестокой войны монголы завоевали большую часть Северного Китая. В 1219–1224 годах была завоевана Средняя Азия; затем возобновились военные действия против Цзинь, закончившиеся в 1234 году гибелью северокайской империи. В 1229–1237 годах были подчинены тюркские племена западной части Великой степи, кипчаки и булгары, а 1237–1241 годах — русские княжества. В 1241 году монголы вторглись в Польшу и Венгрию, однако поход был прерван вследствие смерти великого хана Угэдэя. В 1243 году монголы подчинили малоазиатских тюрок, а в 1258 году взяли Багдад. Смерть великого хана Монкэ в 1259 году вызвала династическую усобицу и распад Монгольской империи на фактически независимые улусы. Эти события на время остановили наступление монголов, и в дальнейшем завоевательные походы перемежались с междоусобными войнами, которые не позволяли монголам, как прежде, мобилизовать все силы для внешней агрессии.

В момент начала завоеваний монголы не имели готовых административных институтов для управления земледельческими государствами; они не имели даже письменности, и как показали Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова, при Чингисхане монгольское государство по многим параметрам оставалось на уровне простого вожества⁵³. За отсутствием собственных бюрократических кадров монголы были вынуждены доверить создание новой администрации перешедшим на их сторону чиновникам покоренных государств. Первым из таких чиновников был уйгур Тата тун-а, который учил детей Чингисхана и первых монгольских чиновников уйгурскому письму. Сунский посол Чжао Хун писал, что после овладения северной столицей Цзинь, Яньцином, монголы создали там администрацию по цзиньскому образцу, причем документация велась на уйгурском языке⁵⁴. Писцов в новых учреждениях называли по-монгольски «бичэчи», что соответствует уйгурскому бахши и китайскому би-чже — «секретарь». Естественно, что многие термины, используемые этой администрацией, имели уйгурское происхождение, в их числе «ярлык» (ханский указ), «тамга» (печать, а также торговый налог), «ал тамга» (алая печать хана), «тамгачи» («обладатель печати», чиновник), «купчур», «калан», «ясак» (различные налоги), «сагчий» (сановник)⁵⁵.

При великом хане Угэдэе главой новой администрации стал бывший цзиньский чиновник Елюй Чуцай, которому было поручено наладить сбор налогов на завоеванных территориях. Елюй Чуцай восстановил административное деление на области — лу и провел перепись населения, при которой, как обычно в Китае, переписывались не люди, а дворы и население объединялось в «десятидворки» и «стодворки», связанные круговой порукой в уплате налогов, выполнении повинностей и поставке ре-

крутов. После проведения переписи были введены два основных налога — подушный и поземельный. Традиционный для Китая подушный налог (дин-шуй) собирался с совершеннолетних мужчин; первоначально его собирали в зерне по единой для всех ставке, но позже (с 1253 года) стала учитываться имущественная состоятельность и налог стали собирать в деньгах. Поземельный налог (как и при Цзинь) исчислялся в зависимости либо от количества волов и плугов, либо от количества и качества земли. Однако реально каждая семья платила один налог — тот, который был больше; крестьяне обычно платили поземельный, а горожане и кочевники — подушный налог; священнослужители от налогов освобождались. С кочевников брали налог, который назывался купчур (собственно «пастбище», или «налог на пастбище») и составлял 1 голову скота с каждых 100 голов⁵⁶.

Кроме этих основных налогов Чуцай восстановил торговый налог, который взимался при продаже и составлял $\frac{1}{30}$ стоимости товара. Была снова введена воинская повинность и государственная торговая монополия на ряд важных товаров, в том числе на соль и вино. В отношении других товаров правительство обладало правом проводить принудительные закупки по установленным им ценам. Был возобновлен выпуск бумажных денег с номинальной стоимостью. Под руководством Чуцай была восстановлена система почтовых станций, которые назывались по-китайски чжань или чжам, откуда происходит монгольское слово «джам», тюркское — «йам» и русское — «ям»⁵⁷. Нужно отметить, что функции ямской службы были много шире, чем функции почты (существовавшей прежде и в мусульманских государствах); это была государственная транспортная служба, предназначенная для перевозки людей и грузов — и не только государственных грузов: за определенную плату ямами могли пользоваться и купцы. Это была наиболее мощная транспортная система, существовавшая в мире до появления железных дорог.

В целом реформа Чуцай подразумевала восстановление китайской административной и налоговой системы и распространение ее на все завоеванные монголами государства. Необходимо подчеркнуть, что это была *совершенная и уникальная по тем временам государственная система* — продукт двухтысячелетнего развития китайской цивилизации. Нигде в мире в те времена не было столь четкой бюрократической организации, организации, способной производить переписи и кадастры и собирать налоги в соответствии с доходами плательщика. Европа в этом отношении не могла сравниться со странами Востока — хорошо известно, что первый кадастр во Франции провел император Наполеон, а до этого налоги собирались «абы как», «навскидку».

Однако Чуцаю не удалось восстановить китайскую администрацию в чистом виде. В 1236 году Угэдэй принял решение по монгольскому обы-

чаю пожаловать князьям и знати улусы, которые по-китайски назывались «тан му-и» («уделы на кормление»). Таким образом, страна оказалась поделенной на две части: одни области непосредственно управлялись центральной администрацией, другие отдавались в уделы⁵⁸. Елюй Чуцай протестовал против этого решения и в конце концов настоял, чтобы в каждый удел были назначены государственные чиновники даругачи, ограничивавшие права князя. Согласно «Юань ши», даругачи проводили переписи, собирали налоги, доставляли их в столицу, проводили рекрутский набор, отвечали за работу почтовых станций⁵⁹. Часть налогов, собираемых даругачи, шла владельцу удела, а другая часть — великому хану. Д. Островский обращает внимание на то обстоятельство, что в Китае издавна существовала дуальная система управления: провинцией управляли два губернатора, гражданский и военный. В этой системе, полагает Д. Островский, должность даругачи соответствовали должности гражданского губернатора⁶⁰. Хотя в двоевластии князей и даругачи просматривается желание Елюй Чуцай приблизить новую администрацию к традиционным китайским формам, князья, владельцы уделов, играли, конечно, более важную роль, чем прежние военные губернаторы. Монгольский термин даругачи происходит от корня «давить», и, как доказывает И. Вазари, он является калькой тюркского термина «баскак». Система баскаков ранее существовала в киданьском государстве Западное Ляо (напомним, что Елюй Чуцай был киданем царского рода) и функционально даругачи и баскаки ничем не отличались друг от друга. В государстве киданей существовали две системы управления: в одном случае гурхан управлял через наместников, в другом случае он приставлял к местным князьям своих баскаков. Именно такой порядок и был установлен в Китае; позднее он был распространен на всю империю⁶¹.

Елюй Чуцай потерпел еще одну неудачу в попытке сохранения китайской традиции, когда Угэдэй приказал ввести налоговые откупа. Откупа были распространены в мусульманском мире, и они были введены по настоянию монгольской знати, сотрудничавшей с мусульманскими купцами. Пользуясь покровительством знати, откупщики злоупотребляли своими полномочиями: завышали ставки налогов, предоставляли неплательщикам деньги в долг под кабальные проценты, а потом обращали должников в рабов⁶².

Следует обратить внимание, что новое общество, возникшее в результате монгольского завоевания Китая, имело особую социальную структуру. Это общество состояло из двух основных сословий; завоеватели составляли господствующее военное сословие; они жили в монгольской степи или в размещенных в Китае военных поселениях. Воины-монголы получали долю добычи, рабов из числа пленных, и (по-видимому, нерегулярные) денежные и продуктовые выдачи; казна снабжала их оружием,

а в случае необходимости — лошадьми. Характерно, что поместий с крестьянами ни рядовые воины, ни младшие офицеры не имели; уделы имелись только у высшей знати. Более того, воины-завоеватели платили налоги и подчинялись жесткой военной дисциплине, столь несвойственной тюркам, владевшим икта⁶³.

Китайцы составляли приниженное сословие, им запрещалось держать лошадей и иметь оружие — конфискации подлежали даже плети и батоги с железными наконечниками. Любой монгол мог безнаказанно избить китайца; китайцу, поднявшему руку на монгола, грозила смерть. Любой военный или чиновник, едущий по делам службы, мог требовать у местных жителей предоставления помещения для своей свиты, а также пищу и корм для лошадей. Такие требования со стороны воинов-монголов обычно сопровождались вымогательствами, грабежами и насилиями. Постоянная повинность была одним из наиболее ярких воплощений права воинов-завоевателей творить произвол над побежденными народами⁶⁴.

На особом положении находились ремесленники. Монголы высоко ценили ремесло и зачастую, истребляя население завоеванных городов, щадили только ремесленников. Пленных ремесленников отправляли в большие государственные мастерские, где они содержались на положении рабов⁶⁵.

Специфическим институтом нового общества была орду в узком смысле этого слова: двор хана, его приближенные и всегда находящаяся при хане 10-тысячная гвардия кешектенов. Отборная тысяча кешектенов называлась «баатуры». Гвардейцы набирались преимущественно из детей знати, они находились на полном обеспечении казны и из их числа набирали чиновников в аппарат управления⁶⁶. Другим специфически монгольским элементом новых общественных отношений были так называемые дарханы (*тюркс.* «тарханы») — освобождения от податей, жалуемые ханом тому или иному лицу (а так же и сами эти лица). Освобождения такого рода и соответствующие грамоты давали, в частности, духовным лицам и церковным организациям. Как отмечал Х. Шурманн, тарханные грамоты во всех улусах империи писались по одному формуляру, копирующему исходную монгольскую форму. Поэтому грамоты такого типа служат своеобразным маркером, указывающим на границы распространения тарханной практики. Тарханные грамоты перечисляют налоги, от которых освобождалось жалуемое лицо, и являются ценными источниками при идентификации одинаковых налогов, для обозначения которых применялись различные термины⁶⁷.

Таким образом, социально-политическое устройство новой Монгольской империи было результатом достаточно сложного *социального синтеза*; в этом синтезе преобладали китайские компоненты, но существенную роль играли также традиции монголов, киданей и мусульман.

11.3. Иран под властью монголов

Катастрофа, вызванная монгольским нашествием, своими масштабами превзошла все катаклизмы, которые было суждено пережить человечеству до тех пор. «Сомнения нет, — писал Хамдаллах Казвини, — что разруха и всеобщая резня, бывшие при появлении монгольской державы, таковы, что если бы и за тысячу лет [после этого] никакого другого бедствия не случилось, их все равно не исправить, и мир не вернется к тому первоначальному состоянию, какое было прежде этого события»⁶⁸. Действительно, по оценкам специалистов, экономика Ирана смогла достичь домонгольского уровня лишь в XX веке⁶⁹.

В отличие от других кочевников монголы практиковали целенаправленное и планомерное истребление мирного населения. После овладения городами осуществлялась всеобщая резня: горожан выгоняли в поле, небольшую часть, ремесленников и красивых женщин, отводили в сторону, остальных вязали веревками и делили между воинами; затем воины заставляли пленников встать на колени и рубили им головы. Специальная стража следила, чтобы никто не избежал расправы. Писцы проводили подсчет срубленных голов, к примеру, после взятия Мерва такой подсчет продолжался 13 дней и дал цифру в 1300 тыс. убитых. Во время нашествия за стенами больших городов укрывалось население целых областей, поэтому количество жертв часто бывало огромным. В Герате было вырезано 1600 тыс. человек, в Балхе — 200 тыс., в Багдаде — 800 тыс., в Нишапуре погибло 1747 тыс. одних мужчин, без учета женщин и детей⁷⁰. Визирь Хулагу-хана Джувейни свидетельствовал, что «где было народу сто тысяч, не осталось, без преувеличения, и сотни душ, и подтверждением сего утверждения может служить судьба многих городов, о каждом из которых сказано в должном месте»⁷¹. По словам Рашид ад-дина, после нашествия обрабатывалась лишь десятая часть всей пашни⁷². Археологическое обследование области Дайялы свидетельствует, что население по сравнению с периодом до нашествия сократилось в 6–7 раз, а по сравнению с началом IX века — в 15 раз⁷³.

Социально-экономическое развитие после завоевания определялось процессом *социального синтеза*. И.П. Петрушевский в работе, посвященной монгольскому периоду истории Ирана⁷⁴, описывает этот процесс в духе теории Ибн Халдуна: социальный синтез проходит в борьбе двух политических группировок; одна из них — это кочевая знать, отстаивающая степные традиции. Кочевая знать стремиться к неограниченной хищнической эксплуатации покоренного населения; она выступает как носитель тенденций феодальной раздробленности и анархии. Другая политическая группировка — это местная бюрократия, которая побуждает ханов к перениманию местных государственных традиций. Хань и бюрократия стремятся к утверждению централизованной авторитарной

монархии, к введению упорядоченной системы налогов и к восстановлению экономики⁷⁵.

Завоеватель Ирана Хулагу-хан и его сын Абака-хан (1265–1282) придерживались кочевых традиций; в их правление кочевники полновластно господствовали над покоренным населением. Монгольские царевицы, нойоны и эмиры получали от хана в уделы (улусы) обширные территории; ханские уполномоченные, баскаки, собирали налоги с этих уделов и передавали их владельцам. Однако характерно, что основная часть земель оставалась в собственности государства, и налоги с этих земель собирались непосредственно в государственную казну. Монгольские ханы долгое время воздерживались от выделения воинам владений-икта; рядовые монголы вели привычную им жизнь кочевников, лишь иногда они получали небольшие выдачи из казны⁷⁶.

После завоевания в Иран и Ирак переселились многочисленные монгольские и тюркские племена, которые занимали плодородные земли под свои кочевья. Кочевники признавали лишь право сильного, они не делали разницы между покоренными и непокорными народами и грабили всех подряд. При перекочевках огромные отары двигались прямо по крестьянским полям, затаптывая посевы; монголы и турки грабили деревни и чинили насилия над крестьянами⁷⁷. Тяжким испытанием для крестьян была постоянная повинность; любой монгольский эмир, останавливаясь на постой в каком-нибудь селении, занимал для себя и своей свиты до сотни домов. Нукеры этого эмира требовали у хозяев вино и пищу, избивали хозяев, насиловали женщин. Ко всем бедам прибавлялись постоянные войны между кочевниками, во время которых Иран подвергался новым опустошениям. В 1295 году владетель Средней Азии, Дува-хан чагатайский, разрушил почти все города Хорасана и угнал 200 тысяч пленных⁷⁸.

Поскольку налоговая система Монгольской империи была устроена по китайскому образцу, то завоеватели принесли в Иран китайские порядки. Прежде всего, они провели перепись и разделили население на «десятки», связанные круговой порукой. Особые писцы-битикчи вели составленные в каждом районе податные росписи, дафтары⁷⁹. «Так как все страны и народы стали им подвластными, — писал персидский историк Джувейни, — то они провели перепись, после которой в соответствии со своими традициями разделили всех на “десятки”, “сотни” и “тысячи” и потребовали нести военную службу, обслуживать ямы, нести вызванные этим расходы, обслуживать их кормами — это в добавление [к прежним налогам]; сверх всего они установили также купчур»⁸⁰. И.П. Петрушевский писал, что налог купчур был заимствован из Китая, причем имелись две разновидности купчура, собиравшиеся, соответственно, с кочевников и оседлых жителей. Купчур с кочевников собирали из расчета по 1 голове со ста голов скота; купчур с оседлых жителей выступал в качестве

подушного налога, его собирали по 70 дирхемов с «десятка», связанного круговой порукой. Купчур платили только трудоспособные мужчины, от его уплаты освобождались служители религии, которым предоставлялось тарханство. Известно, что подушную подать собирали с горожан; поначалу в некоторых районах купчур собирался и с крестьян, но затем он был отменен. Сохранившаяся податная роспись Хузистана времен Газан-хана (1295–1304) уже не упоминает о купчуре с земледельцев, с них собирали старую, домонгольскую поземельную подать — харадж. В документах часто упоминаются термины «калан» и «маль»; как показал Дж. Смит, калан — это был монгольский эквивалент местного термина «маль», означающего «обычные», то есть домонгольские налоги. Главным из «обычных» налогов был харадж, поэтому калан в общем соответствует хараджу; И.П. Петрушевский указывает, что в податной росписи Хузистана маль — просто синоним хараджа⁸¹.

В итоге, можно прийти к выводу, что часто упоминающаяся в значении основного налога пара купчур-калан равнозначна купчур-харадж и соответствует китайскому подушно-поземельному налогу, который собирался в городах с душ или со дворов, а в деревнях — с земли. Помимо этого, основного налога существовали торговый сбор «тамга» и принудительные закупки товаров казной (тарх). Далее в источниках упоминаются воинская повинность по поставке рекрутов (1 человек с 9 дворов), улаг (буквально — «вьючное животное») или «подвода» — повинность по поставке лошадей и подвод для созданных монголами почтовых станций (йамов). Все эти заимствованные из Китая налоги и повинности противоречили мусульманскому праву (шариату) и воспринимались населением как «безбожные». Кроме того, продолжала существовать введенная при сельджуках постоянная повинность (нузл) с поставкой проезжающим чиновникам, воинам и гонцам (ильчи) пищи, кормов и содержания (алафэ и улафа)⁸².

Монголы немало увеличили размеры налогов, однако тяжесть обложения определялась не столько официальными размерами налогов, сколько методами их сбора. Завоеватели-варвары не могли наладить сбор налогов и сдавали их на откуп местным купцам. Предприимчивые дельцы брали деньги в долг под огромный процент, раздавали взятки влиятельным эмирам и получали на откуп области. После этого они бесконтрольно обирали крестьян, выжимая из них все соки — ведь им нужно было не только обогатиться самим, но и заплатить проценты⁸³. Указ Газан-хана говорит, что на практике откупщики взымали вдвое больше, чем полагалось, и при этом ничего не отправляли в казну⁸⁴. Если требовалось заплатить воинам или чиновникам, то власти переадресовывали платежи откупщикам, а те давали вместо денег бераты — предписания на получение нужной суммы в счет налогов с такой-то деревни. Обладатели бератов

со своими людьми приезжали в деревню, но там уже побывали сборщики налогов и разоренные крестьяне не могли платить, они разбегались и прятались; воины ловили тех, кто не успел спрятаться, и пытали их, требуя выдать, где укрываются остальные. «Если не могли заполучить мужчин, то схватывали их жен, — свидетельствует Рашид ад-дин, — и, словно стадо овец, гоня перед собой из околотка в околоток, уводили их к сборщикам»⁸⁵. Крестьяне были до такой степени замучены постоянными насилиями, что, по словам Газан-хана, «если бы муха утащила у них что-нибудь, они не смогли бы того у нее отнять»⁸⁶. Во избежание бегства райаты были прикреплены к земле, и, по законам чингисхановой «Ясы», пойманным беглецам грозила смертная казнь. Те, кто еще мог сопротивляться, уходили в партизаны или в разбойники; редкий караван мог пройти по дорогам, не подвергшись нападению. Кочевники также нападали на караваны — ведь рядовые монголы мало что выиграли от завоевания Ирана; развал налоговой системы привел к тому, что они не получали положенного содержания из казны; им приходилось брать свое посредством грабежей и насилий⁸⁷.

Процесс *социального синтеза* проявлялся, прежде всего, в мусульманизации монгольской знати. Первым из монгольских правителей Ирана принял ислам правивший в 1282–1284 году Токудар-хан. Последствием этого шага было обращение Токудара к жителям Багдада с обещанием покровительства мусульманам. Однако покровительство побежденным и попытки остановить грабежи кочевников сразу же вызвали *традиционалистскую реакцию* и мятеж кочевой знати; Токудар был свергнут и убит. Визирь Аргун-хана (1284–1291) Са'д-ад-доулэ запретил монголам бесконтрольно требовать от населения продовольствие и фураж — он также был убит знатью. Другой визирь, Садр-ад-дин, в правление Кейхату-хана (1291–1295) пытался выйти из финансового кризиса с помощью заимствованных из Китая бумажных денег — эта реформа не могла решить социальных проблем и, естественно, закончилась неудачей⁸⁸.

Тем не менее процесс социального синтеза набирал силу; кочевники постепенно перенимали местные культурные традиции; к концу XIII века ислам был принят многими монгольскими эмирами. В 1295 году мусульманская группировка посадила на трон 24-летнего сына Аргуна, Газан-хана; визирем Газан-хана стал известный врач и финансист Рашид ад-дин. Рашид ад-дин впоследствии стал знаменит как один из крупнейших историков и теоретиков исламского государства; подобно Низам ал-мульку он видел основу государственности в справедливых отношениях между сословиями. «Основа управления есть справедливость, — подчеркивал Рашид ад-дин, — ибо, как говорят, доход государства бывает от войска — *нет дохода султана, кроме как от войска*, а войско можно собрать благодаря налогу — *нет войска без налога*, а налог получают от райата — *нет*

налога, кроме как от райата, а райата можно сохранить благодаря справедливости — нет райата, если нет справедливости»⁸⁹.

Следуя советам Рашид ад-дина, Газан-хан провел серию реформ, направленных на прекращение произвола кочевников, уничтожение злоупотреблений откупщиков налогов, на восстановление хозяйства и облегчение положения крестьян. Был проведен земельный кадастр и установлены точные размеры податей для каждого крестьянского хозяйства; податные росписи деревень были вырезаны на медных досках и укреплялись на стенах мечетей; сборщикам категорически запрещалось брать с крестьян больше, чем указано в ведомостях. Практика выдачи бератов была отменена и отныне все собранные налоги отправлялись в казну; был налажен строгий учет и контроль — так что средств стало поступать вдвое больше, чем прежде числилось в ведомостях, но не поступало. Была отменена повинность по содержанию ямских станций, снижены размеры тамги⁹⁰. Принимались меры по прекращению грабежей кочевниками мирного населения, после отмены постоянной повинности «дом, который раньше стоил сто динаров, не отдавали и за тысячу динаров»⁹¹. Было запрещено противное мусульманскому праву ростовщичество; нуждающимся крестьянам выдавали семенное зерно, предоставляли рабочий скот и домашнюю птицу⁹². «Снова образовался семенной запас, райатам достается в два раза больше дохода, и они окрепли, — свидетельствует Рашид ад-дин. — Распространилось благосостояние, и объявилась дешевизна»⁹³.

Газан-хан и Рашид ад-дин организовали обширные работы по восстановлению ирригационной системы. Было проведено несколько крупных каналов; «Верхний Газанов канал» позволил оросить земли, которые давали 100 тыс. тагаров (ок. 30 тыс. т) зерна. Канал, проложенный в окрестностях Диабекира, имел длину 160 км, на его строительстве было занято 20 тыс. человек; после прокладки канала на его берегах было основано 14 селений⁹⁴. В городах также велось значительное строительство, новые столицы ханов, Тебриз и Султанийэ, украсились многочисленными дворцами и мечетями. Рашид ад-дин построил в Тебризе большой квартал, где было 30 тыс. домов, 24 караван-сарая, множество ремесленных мастерских. Стена, возведенная вокруг города, имела длину 24 км — судя по занимаемой площади, Тебриз был одним из крупнейших городов средневековья⁹⁵. «В настоящее время во всех владениях люди заняты приведением земель в цветущее состояние», — писал Рашид ад-дин⁹⁶.

Великий историк не удержался от преувеличений при описании результатов своих реформ. Конечно, положение крестьян стало намного лучше, но налоги оставались тяжелыми. Основной налог, харадж, составлял до 60 % урожая — больше, чем в период после арабского завоевания. Сохранялось введенное ранее прикрепление крестьян к земле. Крестьянский надел назывался джуфтом, «плужным участком»

и составлял в среднем 6–7 га. Для вспашки использовались большие плуги, в которые зачастую запрягали две-три пары быков; как в древнем Двуречье такие плуги обслуживались артелью из трех-четырех человек. Одной семье было не под силу содержать такую запряжку, поэтому крестьяне объединялись в маленькие кооперативы из 6–7 семей и вели хозяйство совместно⁹⁷.

Масштабы разрушений во время монгольского нашествия были столь велики, что для восстановления экономики требовались столетия. Рашид ад-дин добился значительных успехов, но ему и его преемникам удалось только отчасти восстановить разрушенное. Хамдаллах Казвини, путешествовавший по Ирану около 1340 года, писал, что в окрестностях Рея имеется 360 селений, изобилие дешевой пшеницы, но сам город еще лежит в развалинах, такая же ситуация в окрестностях Туршиза — и так далее. Особенно тяжелым оставалось положение в Ираке: по словам Казвини, эта некогда цветущая область представляла собой по большей части пустыню; сбор налогов был в десять раз меньше, чем до катастрофы⁹⁸. Несмотря на старания Рашид ад-дина, общие доходы огромного государства Хулагуидов составляли лишь 21 млн «ильханских» динаров — в полтора раза меньше, чем прежде собирали с одного Ирака. Денежное обращение так и не было восстановлено, жалование служилым людям выплачивалось, по большей части, продуктами. Ремесло находилось в упадке; во времена завоевания ремесленники были обращены монголами в рабов; они работали в больших государственных мастерских карханэ и производили товары для двора и армии⁹⁹.

Среди реформ, проведенных Рашид ад-дином и Газан-ханом, особое место занимает решение о раздаче икта всем воинам, числившимся в «диване войска». До этого монгольские и тюркские воины получали лишь нерегулярные выдачи и при перекочевках систематически грабили крестьян. Газан-хан считал, что «лучше нам те области из наших владений, по которым расположены пути следования войск и их летние и зимние пастбища и где они постоянно бесчинствуют... целиком отдать в икта войскам»¹⁰⁰. Эмирам тысяч были выделены земли, которые они по жеребьевке должны были распределить между своими сотниками, а те — между рядовыми воинами. «У военных над райатами нет власти выше, как только заставлять их возделывать землю их деревень, и получать с них исправно установленные диваном налог и подати, — гласил указ Газан-хана. — Пусть воины не занимают райатов иной работой, кроме того, что каждый возделывает землю на своем месте... Если военные люди будут требовать налог, купчур и прочее сверх подробно перечисленного в податных росписях, то пусть ариз* этого не допускает»¹⁰¹. Икта могли быть отняты

* Чиновник.

в случае, если воин совершил какой-нибудь проступок; после смерти воина его преемником становился один из его сыновей¹⁰².

Таким образом, в ходе социального синтеза произошло восстановление традиционной для тюрок феодальной системы икта. Устойчивость системы икта зависела от способности центрального правительства контролировать соблюдение законов и защищать крестьян от произвола воинов. Рашид ад-дин оставался у власти свыше двадцати лет — это были годы правления Газан-хана (1295–1304) и его брата Ольджайту-хана (1304–1316). Наследником Ольджайту-хана стал его сын Абу Са'ид Бахадур-хан (1316–1335); Абу Са'иду было лишь двенадцать лет, и власть оказалась в руках эмира Чобана, яркого приверженца кочевых традиций. Чобан ненавидел Рашид ад-дина; в 1318 году великий министр и историк был казнен. Пришло время традиционалистской, кочевой реакции; кочевые эмиры устраивали заговоры и поднимали мятежи; эмир Ясавур опустошил Хорасан и увел в Среднюю Азию 100 тысяч пленных. Смута, совпавшая со стихийными бедствиями, привела к голоду; люди покидали свои жилища и разбегались. В 1327 году повзрослевшему Абу Са'иду удалось избавиться от опеки эмира Чобана; визирем был назначен сын Рашид ад-дина, Гийас ад-дин Мухаммед. Гийас ад-дин пытался продолжать политику отца, но смерть не оставившего наследника Абу Са'ида вызвала новую междоусобную войну. Кочевая реакция окончательно одержала верх: монгольские племена воевали в Иране, как раньше в монгольской степи. После десятилетней войны эмир племени джелаир Хасан Большой овладел Ираком, эмир племени сулдуз Хасан Малый захватил Азербайджан, а эмир ойратов Аргуншах утвердился в Хорасане¹⁰³. Долгая война сопровождалась голодом и эпидемиями. В 1347 году в Ирак пришла «черная смерть»; свидетельства об этой эпидемии немногочисленны, но Е. Аштор предполагает, что смертность была достаточно большой¹⁰⁴.

Распад государства Хулагуидов позволил иранцам вернуться к власти в некоторых районах; в Южном Иране установилась власть персидской династии Музафарридов. Центром персидской национальной традиции в предшествующую эпоху был Хорасан; в начале XIV века в Хорасане возобновилась пропаганда национального и социального освобождения; как и раньше, она велась под оболочкой шиитского вероучения. В роли наследников исмаилитов выступали дервиши, которых возглавлял шейх Хасан Джури; босиком и в лохмотьях они ходили по деревням, призывая к восстанию против завоевателей. Последователи шейха называли себя его мюридами («учениками»), они приносили присягу, обязываясь держать наготове оружие и выступить по первому призыву шейха. В 1338 году Хорасан поднялся против монголов, восставшие называли себя «обреченными на виселицу», сербедарами. Готовность идти на смерть принесла сербедарам победу, к удивлению военных историков, восставшие крестьяне

разгромили войска Аргуншаха. Вождь восставших Верджих-ад-дин Масуд был провозглашен султаном; сербедары создали небольшое государство с центром в Себзеваре. Подати, не основанные на шариате, были отменены, харадж был ограничен $\frac{3}{10}$ урожая; по свидетельству современника, «райаты жили в полном довольстве и спокойствии»¹⁰⁵. Сербедарские султаны стремились завоевать популярность у народа, избегали роскоши и носили простые одежды из грубой ткани. В доме султана ежедневно устраивалась общая трапеза, на которую мог явиться всякий — богатый и бедняк¹⁰⁶.

В то время как на востоке Ирана победили восставшие крестьяне, на западе и на севере страны утвердилось господство кочевников. Правившие в Азербайджане потомки эмира Чобана были известны своим жестоким отношением к крестьянам-земледельцам. Иракские Джелаириды проводили более умеренную политику и временами старались поощрять земледелие, однако слабость ханской власти не позволяла сдерживать произвол кочевников. Победа кочевых традиций привела к тому, что государство потеряло контроль над икта. С середины XIV века икта, выделяемые эмирам-тысячникам, превратились в полусамостоятельные владения, куда был запрещен доступ правительственным чиновникам, — позже такие владения стали называть *союрگалами*. Эмиры сами выделяли землю своим воинам, и сами творили суд над крестьянами; крестьяне лишились защиты государства и, будучи прикрепленными к земле, оказались во власти воинов и эмиров¹⁰⁷. Хозяева икта считали своих крестьян рабами, хотя официально, с точки зрения мусульманского права, ни один мусульманин не мог быть обращен в раба¹⁰⁸. Прикрепление к земле, закрепощение и отягчение крестьянских повинностей было основной чертой этого периода, характерной не только для Ирана, но и для всего Ближневосточного региона. Анализируя причины закрепощения, И.П. Петрушевский подчеркивает определяющую роль демографического фактора. Ранее, до монгольского нашествия, при относительном малоземелье и густоте населения в деревне не было недостатка в рабочих руках и издольщиках, пишет И.П. Петрушевский. «Монгольское нашествие вызвало огромное сокращение численности населения... Если раньше орошаемой земли не хватало для густого сельского населения, то теперь, напротив, необработанных и пустующих земель было слишком много, а рабочих рук мало. Между тем, налоговая политика завоевателей... жестокий произвол и насилия феодалов... вызывали массовые побеги крестьян. Теперь феодальное государство и класс феодалов... были заинтересованы в запрещении права перехода и в принудительном возвращении беглых крестьян»¹⁰⁹. Такой же точки зрения придерживается Е. Аштор: «Порабощение крестьянства было следствием нехватки трудовых ресурсов, которая последовала за сокращением численности населения»¹¹⁰.

О нехватке рабочей силы свидетельствуют сохранившиеся данные о ценах и заработной плате. В одном из поместий Рашид ад-дина крестьяне, работавшие на финиковой плантации, получали по 100 динаров в год и по 1 ману (3 кг) хлеба ежедневно¹¹¹. 100 «ильханских» динаров в год эквивалентно месячной зарплате в 1,8 обычного динара¹¹². О цене зерна имеется единственное известие от 1320–1340 годов: 100 кг пшеницы в это время стоили 0,58 классического динара¹¹³. В пересчете на зерно дневная оплата батраков Рашид-ад-дина составляла около 14 кг — это была высокая плата, свидетельствующая о том, что батраков не хватало. Чтобы не платить такую высокую плату, хозяева икта превращали крестьян в рабов.

Распавшийся на враждующие государства Иран не мог противостоять новому вражескому нашествию. В 1383 году на страну обрушились полчища правителя Средней Азии Тимура. Тимур разгромил государство сербедаров и подверг жестокому опустошению Восточный Иран. Одновременно хан Золотой Орды Тохтамыш разорил Тебриз и вывел на север 90 тыс. пленных. В 1387 году Тимур овладел Исфаханом и после «всеобщей резни» приказал своим воинам воздвигнуть башни из 70 тыс. отрубленных голов. Война за Иран и Ирак длилась около двадцати лет; в 1401 году Тимур окончательно овладел Багдадом и вырезал все население города — 90 тыс. человек. Нашествие Тимура означало новую катастрофу — едва возродившиеся города Передней Азии снова обратились в развалины¹¹⁴.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Ирана в период правления Хулагуидов, необходимо подчеркнуть грандиозные масштабы катастрофы, вызванной монгольским нашествием. Судя по сокращению посевных площадей, численность земледельческого населения уменьшилась примерно в десять раз; на территорию Ирана переселились многочисленные орды кочевников из Великой степи. Это были в основном турки, которые расселялись в степях Азербайджана и во внутренних районах Малой Азии; здесь образовался новый кочевой очаг — островок Великой степи посреди области древних цивилизаций. Резкое увеличение доли кочевого населения предопределило существенные изменения социально-экономической структуры общества. С другой стороны, завоевательная волна принесла с собой некоторые элементы китайской государственной традиции — переписи населения, круговую поруку «десяток», китайскую систему налогообложения.

После завоевания преобладающими процессами стали процессы нового *социального синтеза*, причем на этот раз синтез протекал с преобладанием кочевых традиций. Первые сорок лет после завоевания характеризуются состоянием анархии, когда постоянные грабежи, насилия и убоицы кочевников не давали возможности для восстановления эко-

номики. Сторонники перенимания местных традиций возобладали лишь при Газан-хане, которому удалось навести порядок и обеспечить крестьянам сносные условия существования. Начался *период восстановления*, который (с перерывами из-за смут) продолжался около сорока лет, для этого времени характерны относительно высокий уровень потребления, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы.

Идеалом Рашид ад-дина — так же как и Низам ал-мулька — была основанная на справедливости этактистская монархия. Однако господство завоевателей неизбежно придавало монархии сословный характер, что проявлялось прежде всего в тяжести налогов и повинностей. Характерно, что дороговизна рабочей силы в условиях господства завоевателей привела к прикреплению крестьян к земле. С другой стороны, процесс социального синтеза нашел свое выражение в восстановлении системы икта. Хотя Газан-хан и Рашид ад-дин (так же как Низам ал-мулька) пытались защитить крестьян от произвола владельцев икта, они не смогли этого сделать. Начавшаяся *традиционалистская реакция* вновь отдала власть в руки кочевников; крестьяне стали крепостными своих хозяев, а икта превратились в полунезависимые владения (союргалы). Власть ханов ослабела, снова начались междоусобные войны между кочевыми племенами — в конечном счете восторжествовали феодализм и феодальная анархия.

Традиционалистская реакция кочевников прервала процесс восстановления, когда он был еще далек от своего завершения; сжатие еще не наступило и социальное развитие определялось не демографическими факторами, а этнической и сословной борьбой в процессе социального синтеза. В конечном счете эта борьба привела к распаду государства Хулагуидов, причем в соответствии с расстановкой борющихся сил в Хорасане победили восставшие крестьяне, в Азербайджане одержали верх кочевники, а в Ираке утвердились сторонники продолжения синтеза земледельческих и кочевых традиций. В условиях постоянной угрозы со стороны кочевников Великой степи распад Ирана открывал дорогу новым нашествиям. Нашествие Тимура в 1380-х годах принесло с собой новую демографическую катастрофу и подвело черту под эпохой Хулагуидов.

Незавершенность периода восстановления и отсутствие признаков сжатия не позволяет говорить об эпохе Хулагуидов как об обычном демографическом цикле; по-видимому, этот период надо рассматривать как *прерванный цикл*. Периоды 1260–1290-х годов и 1340–1380-х годов можно рассматривать как интерциклы, обрамляющие прерванный цикл. При более общем подходе можно интерпретировать всю эпоху Хулагуидов в качестве интерцикла.

11.4. Иран в XV веке

После смерти Тимура в 1405 году началась война между его наследниками; эта война продолжалась пять лет и привела к распаду созданной завоевателем империи. Сын Тимура Шахрук удержал за собой Восточный Иран и Среднюю Азию; Западный Иран и Ирак были захвачены тюркскими кочевыми племенами, которые основали государство Кара-Коюнлу.

Средневековые хронисты изображают Шахрука как мудрого и справедливого государя, правившего по законам ислама. Правление Шахрука было новой попыткой *социального синтеза*, попыткой перенимания традиций исламской государственности. Следуя примеру Газан-хана, Шахрук установил точные размеры податей и пресек произвол сборщиков налогов; по некоторым сведениям, размер хараджа был снижен до $\frac{1}{3}$ урожая. Проводились работы по восстановлению ирригационных систем, был восстановлен разрушенный Тимуром Исфахан¹¹⁵. Историк Доулетшах свидетельствует, что время правления Шахрука было для крестьян временем «успокоения и освобождения от забот»¹¹⁶. Однако масштабы разрушений, принесенных войнами предыдущей эпохи были таковы, что, несмотря на старания Шахрука, экономика страны была не в состоянии достичь домонгольского уровня. Если в X веке в округе Герат насчитывалось 400 селений, то в 1420 году их было лишь 167¹¹⁷.

Смерть султана Шахрука (1447 г.) привела к новой междоусобной войне, сопровождавшейся жестокими опустошениями. По словам Доулетшаха, следы этих опустошений были видны еще и в его время, в конце XV века¹¹⁸. Произвол кочевников не раз вызывал народные восстания, которые, как и раньше, проходили под лозунгами различных исламских сект и дервишеских орденов. В это время в Средней Азии и Хорасане приобрел большое влияние орден накшбандия; его члены считали за образец жизнь дервишей — молитву, бедность, усердный труд. При благочестивом султани Абу Са'иде (1451–1469) шейх накшбандия Ходжа Ахрар стал первым советником государя; он добился отмены тамги и некоторых других податей, запрещенных исламом. Ростовщиков и лихоимствующих сборщиков налогов в правление Ходжи ожидали жестокие казни — их варили в котлах или сдирали с них кожу¹¹⁹.

К ордену накшбандиев принадлежали два великих поэта тех времен, Абдуррахман Джами и Алишер Навои. Навои одно время был визирем султана Хусейна (1469–1506)¹²⁰. Когда в 1470 году вспыхнуло восстание в Герате, Навои сумел договориться с восставшими, пообещав им снижение налогов. В своей политике Навои следовал заветам Рашид ад-дина, он точно установил налоги, не допускал незаконных поборов, строил оросительные каналы, караван-сарай, медресе, больницы, бани. Характерно, что В.В. Бартольд сравнивал накшбандиев с европейскими коммунистами; многие стихи Навои посвящены обличению насилия и угнетения народа,

алчности, погони за наживой. Преемник Навои на посту визиря, Медж ад-дин, по-видимому, также был связан с накшбандиями (за него просил глава гератских накшбандиев Абдурахман Джамии)¹²¹. В правление Медж ад-дина Хорасан достиг цветущего состояния; по свидетельству одного из современников, города, подобного столице Тимуридов, Герату, не было во всем мире¹²². Последняя четверть XV века была временем развития ремесел; Восточный Иран и Средняя Азия были известны своими тканями, бумагой, изделиями из стекла. В отличие от предыдущего периода в ремесле преобладали свободные работники; ремесленники были объединены в цехи, старшины которых назначались властями. Больших масштабов достигла торговля; XV век был отмечен оживлением торговли по Великому Шелковому пути и по его южному, индийскому, ответвлению. Через Кабул и Кандагар на запад ежегодно направлялись 10–20 тыс. индийских купцов с караванами, везшими хлопчатые ткани, кашмирские шали, сахар¹²³.

Несмотря на относительные успехи, достигнутые во второй половине XV века, внутреннее положение государства Тимуридов оставалось неустойчивым. Кочевая знать сохраняла свою силу, эмиры и мурзы владели большими союргалами и содержали собственные вооруженные отряды. Крупнейший вассал султана Хусейна, эмир Хосров, мог выставить целую армию в 30 тысяч всадников. Некоторые эмиры обладали личными привилегиями, так называемыми тарханами, которые давали право в некоторых случаях не подчиняться султану. Смена султанов сопровождалась разорявшими страну междоусобицами. В 1497 году кочевая знать подняла мятеж, который вверг страну в состояние анархии; пришедшие с севера узбеки овладели Средней Азией, затем началось вторжение кызылбашей, завоевавших Иран. Ожесточенные войны продолжались больше двадцати лет; они сопровождалась массовым истреблением населения, многие города были разрушены, в стране царил голод¹²⁴. В конечном счете правление Тимуридов завершилось новым нашествием кочевников и новой демографической катастрофой.

История Ирака и Ирана после монгольского завоевания определялась длительным процессом *социального синтеза* — это была история борьбы кочевых обычаев и традиций земледельческого населения. В западной части региона эта борьба протекала в тех же формах, что и на востоке — хотя конкретные обстоятельства были, конечно, иными.

После распада государства Тимура Ирак был захвачен тюркскими племенами из кочевого объединения Кара-Коюнлу. Вождь Кара-Коюнлу, Кара Юсуф, был истинным кочевником, он был неграмотным, грубым и жестоким, но в то же время отважным в битвах воином. Кара Юсуф щедро раздавал своим соплеменникам добычу и наделял эмиров большими союргалами. После смерти Кара Юсуфа в 1420 году начались войны и усобицы; орды кочевников грабили и разоряли страну. Войны проис-

ходили в обстановке «второго пришествия» чумы, которая опустошала Ближний Восток в 1425, 1431, 1438 годах¹²⁵. Политическое положение стабилизировалось только в правление Джеханшаха (1435–1467), которому удалось подчинить кочевых эмиров и прекратить грабежи мирного населения. В 1453–1457 годах Джеханшах завоевал Западный Иран; эта война сопровождалась новыми опустошениями; особенно пострадали города Султанйэ и Исфахан. В Султанйэ, некогда бывшем столицей Хулагуидов, осталось только семь тысяч жителей, и этот город никогда больше не возродился¹²⁶. Багдад дважды подвергался штурмам, которые сопровождались резней и разрушением многих кварталов. Венецианский посол Барбаро писал, что Багдад, когда-то бывший знаменитым городом, теперь по большей части представляет собой развалины¹²⁷. Свидетельством глубокого экономического упадка Ирака и Ирана в XV веке является малое количество монет, сохранившихся от этого периода¹²⁸.

В 1467 году Джеханшах погиб в сражении с кочевниками из тюркского племенного союза Ак-Коюнлу. Тюрки Кара-Коюнлу влились в состав Ак-Коюнлу; правителем нового государства стал вождь Ак-Коюнлу, Узун Хасан. Узун Хасан (1467–1478) старался продолжать политику Джеханшаха; он установил точные размеры податей, пытался пресечь произвол сборщиков налогов и прекратить грабежи кочевников. Вероятно, на политику Узун Хасана оказывало влияние соседство могущественной Османской империи — об этом говорит издание свода законов «Канун-наме» (по образцу «Канун-наме» Мехмеда II) и попытки вооружить армию огнестрельным оружием. Сын Узун Хасана Якуб (1478–1490) намеревался отнять у кочевых эмиров их союргалы, но неожиданно скончался от яда¹²⁹. После его смерти начались нескончаемые междоусобицы кочевников; за десять лет на престоле сменилось восемь падишахов. Один из этих падишахов, Ахмед, был ставленником османов и, по свидетельству современников, «поступал согласно законам Османской империи»¹³⁰. Ахмед «укоротил руки» кочевой знати, и «был заботлив о райатах». Знать поднимала мятежи, и Ахмед казнил многих знатных эмиров, но в конце концов погиб в сражении с мятежниками¹³¹.

Политика Узун Хасана, Якуба и Ахмеда сводилась к перениманию исламских государственных традиций в русле процесса *социального синтеза*. Так же как во времена Низам ал-мулька и Рашид ад-дина, эта политика столкнулась с сопротивлением приверженцев кочевых традиций, с *традиционалистской реакцией*. Правителям Ак-Коюнлу так и не удалось восстановить экономику страны. Обширные, некогда цветущие области продолжали лежать в запустении; венецианский посол Контарини свидетельствовал, что его путь от Тебриза до Исфахана пролегал «все время по бесплодной равнине». В Тебризе, да и повсюду во владениях Ак-Коюнлу, «жизненные припасы были очень дороги»¹³². В Исфахане и в Багдаде насчитывалось не

более 50 тысяч жителей — в несколько раз меньше, чем в прошлом. Единственным городом, сохранившим прежнее значение, была столица Ак-Коюнлу, Тебриз. Тимур Тамерлан приложил большие усилия, чтобы перекрыть торговые дороги, идущие через Астрахань и Багдад, в результате главным перевалочным пунктом на Великом Шелковом пути стал Тебриз. Немецкий путешественник Шильтбергер отмечал, что доход шаха с Тебриза «превышает доходы могущественнейшего христианского монарха», «потому что этот город — центр огромных торговых оборотов»¹³³. По свидетельству современника, в Тебризе насчитывалось больше 200 тысяч жителей¹³⁴.

Преупевание Тебриза определялось условиями транзитной торговли и резко контрастировало с царившей окрест бедностью и разрухой. В конечном счете разруха была порождена господством кочевников, их постоянными войнами и усобицами. После смерти падишаха Ахмеда государство Кара-Коюнлу распалось на два враждебных султаната, которые, в свою очередь, включали владения почти независимых вассальных эмиров. Раздробленный Иран не мог сопротивляться вторжениям извне и вскоре стал добычей новых завоевателей, кызылбашей.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Ирана в XV веке, необходимо подчеркнуть, что в этот период продолжали сказываться последствия той грандиозной катастрофы, которая была вызвана монгольским нашествием. Главным из этих последствий было образование областей кочевой культуры посреди региона древних земледельческих цивилизаций. Азербайджан, Курдистан, внутренние районы Малой Азии стали очагами, откуда кочевники господствовали над земледельческим населением Ближнего Востока. Многочисленность кочевников обусловила замедленный характер *социального синтеза* и преобладание кочевых традиций. На протяжении двух столетий периоды перенимания исламских государственных традиций перемежались с периодами кочевой реакции и междоусобных войн. Попытки восстановления этатистской монархии сталкивались с попытками порабощения крестьян и установления феодального строя. Войны препятствовали восстановлению экономики и увеличению численности населения, поэтому, на наш взгляд, будет справедливым рассматривать все XV столетие в качестве *интерцикла*.

11.5. Малая Азия между двумя монгольскими нашествиями

Монгольское нашествие, обрушившееся на Ближний Восток, не миновало и Малой Азии. В 1243 году двигавшиеся на запад монгольские

войска достигли границ Румского султаната. Султан Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев II мобилизовал все свои силы и вышел навстречу противнику с огромной тюркской армией — по разным сведениям, от 70 до 200 тысяч воинов. Монголов было лишь 30 тысяч, но тем не менее битва у Кесе-дага завершилась сокрушительным разгромом султанского войска¹³⁵. Как отмечалось выше, причиной впечатляющих побед монголов был созданный ими рефлексирующий лук — этот лук намного превосходил по мощности луки тюрков и других народов.

Как и в других случаях, монгольское нашествие сопровождалось массовым истреблением мирного населения. «...В те дни совершались деяния, достойные слез и плача не только для разумных существ, но и для бессловесных, даже для гор и полей», — писал армянский хронист Вардан¹³⁶. Спасаясь от монголов, тюркские племена бежали на запад, к византийской границе. Восточные области Малой Азии были обращены в пустыню, жители большей частью перебиты, ремесленники уведены в плен. В разоренной стране царил страшный голод¹³⁷.

Кей-Хюсрев II выразил покорность монголам и принял к себе монгольского наместника, шихне, который сосредоточил в своих руках фактическую власть. Начался новый процесс *социального синтеза*, в котором прежние порядки султаната трансформировались под влиянием порядков, принесенных завоевателями. Завоеватели распространили на Румский султанат монголо-китайскую этатистскую систему управления, принятую во всей огромной Монгольской империи. Эта система подразумевала регулярное проведение переписей, круговую поруку деревень в уплате налогов, введение налога на кочевников (купчур), рыночной пошлины (тамга) и поземельного налога (калан), который, по-видимому, на практике совпадал с прежним хараджем. Источники говорят о создании почтовых ямов и введении связанных с ними повинностей, а также о том, что налоги, как и во всей империи, сдавались на откупа. Мукта (как и в Иране) по большей части потеряли свои владения, и крестьяне платили налоги непосредственно в казну, то есть откупщикам, в роли которых выступали сельджукские вельможи¹³⁸. В целом эти изменения можно трактовать как диффузию китайского этатизма. В военной сфере наибольшее значение имело распространение монгольского лука, который впоследствии стал мощным оружием турок в балканских войнах¹³⁹.

Оттесненные на запад Малой Азии тюркские племена формально признали власть монголов и обязались платить дань. Однако падение авторитета султанов после разгрома при Кесе-даге сделало племена еще более непокорными; восстания кочевников следовали одно за другим. В 1277 году 30-тысячное ополчение трех уджей во главе с беем Карамана захватило Конью и потребовало от султанского двора вернуться к тюркским обычаям и тюркскому языку. Монголам приходилось защищать

своих ставленников-султанов от враждебных племен; эти внутренние войны перемежались с вторжениями египетских мамлюков, и страна снова и снова подвергалась опустошению. О масштабах разрухи говорит то, что в начале XIV века доходы султанской казны были в пять раз меньше, чем до монгольского нашествия¹⁴⁰.

К началу XIV века более десятка уджей западной Анатолии превратились в фактически независимые племенные княжества, бейлики. Наиболее сильным из этих княжеств был бейлик Караман, который после двух неудачных попыток (в 1315 и 1320 годах) в конце концов завладел Коньей. Монгольская империя Хулагуидов в Иране в это время стала жертвой кочевой реакции и находилась на грани распада, поэтому анатолийские турки были предоставлены самим себе. Румский султанат прекратил существование, в Малой Азии установилось господство кочевников; племена сражались между собой за пастбища и разоряли поселения земледельцев, города находились в глубоком упадке¹⁴¹. Об упадке городов в Западной части Малой Азии говорят данные о монетном обращении, полученные в результате археологических раскопок (рис. 16). Данные нарративных источников, однако, достаточно противоречивы: ал-Омари писал, что в бейлике Айдын имеется около 60 городов, но Ибн Батута свидетельствует, что большая часть Измира (крупнейшего города этого бейлика) лежала в развалинах¹⁴².

Ибн-Батута, посетивший Малую Азию в 1331 году, отмечал также дешевизну сельскохозяйственных продуктов¹⁴³. Цены в особенности резко падали после набегов, когда кочевники распродавали добычу; в таких случаях за мелкую монетку, акче, на которую обычно давали лишь лепешку, можно было приобрести пять баранов¹⁴⁴. Итальянские купцы в больших масштабах вывозили из анатолийских портов зерно и другие продукты¹⁴⁵. К сожалению, имеющаяся информация о ценах на зерно отрывочна и ограничена прибрежными регионами; насколько можно судить, в конце XIII и в конце XIV века цена на пшеницу на черноморском побережье Малой Азии оставалась практически одинаковой, и притом была в три раза меньше, чем в середине XV века¹⁴⁶. Это, несомненно, говорит об изобилии земельных ресурсов и относительно малой плотности населения в Малой Азии в XII–XIII веках по сравнению с XV столетием. Об этом же свидетельствуют и данные об уровне арендной платы в Византии: как отмечалось выше, в XIII столетии рента резко упала, и в XIV столетии она оставалась низкой¹⁴⁷. Помимо постоянных междоусобных войн, значительную роль, по-видимому, сыграли и эпидемии чумы, начавшиеся в 1348 году и продолжавшиеся до 1430-х годов. Некоторое представление об экономическом положении в XII–XV веках дает динамика цен на пшеницу на острове Крит — это единственный случай, когда мы имеем продолжительную серию сопоставимых данных (рис. 23).

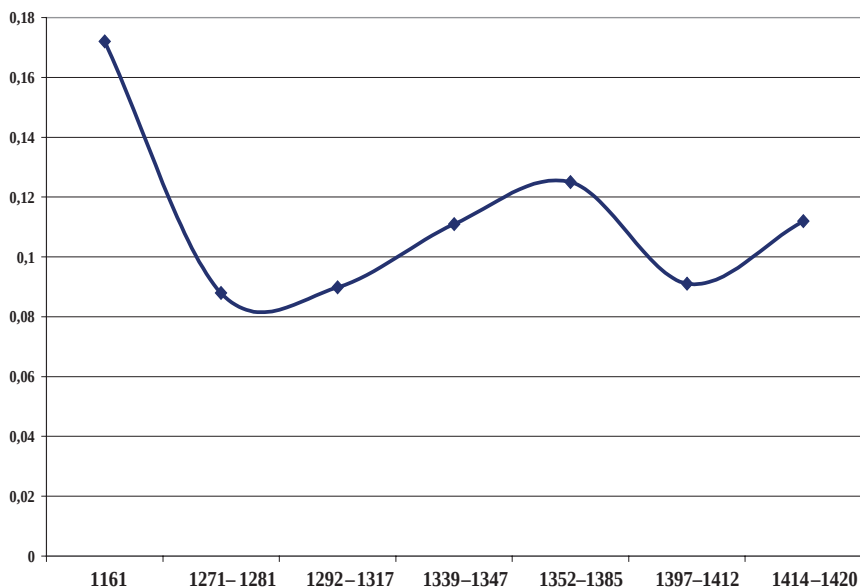

Рис. 23. Динамика цен на пшеницу на острове Крит
(в номисмах X века за морской модий)¹⁴⁸

Цены на Крите, несомненно, были тесно связанными с ценами на Эгейском побережье ввиду малого расстояния и благоприятных условий морской торговли. Критские данные показывают, что, так же как на Черноморском побережье, цены в конце XIII и в конце XIV веков были примерно одинаковы, но в середине XIV столетия имело место повышение цен, после которого они упали примерно на четверть. В рамках теории демографических циклов падение цен к концу XIV века обычно связывают с уменьшением численности населения в результате чумных эпидемий. Однако если сравнивать с Западной Европой (где цены упали примерно вдвое¹⁴⁹), то падение цен на Крите было небольшим, откуда можно сделать вывод, что последствия чумы в Эгейском регионе не имели такого катастрофического характера, как в Западной Европе. Это было связано, по-видимому, с тем, что в отличие от Западной Европы Эгейский регион в это время не испытывал перенаселения и чума, как и в других странах со сравнительно редким населением, сопровождалась относительно меньшими потерями.

В XIV веке в Малой Азии существовало около двух десятков независимых племенных княжеств, бейликов. «Период бейликов» был временем кочевой реакции и возврата к племенным традициям; главы племен, беи, как правило, избирались на племенных курултаях¹⁵⁰. Осман, бей племени кайа, по имени которого затем стал называться крупнейший

бейлик на северо-западе Анатолии, также был избран на племенном совете; по преданию, он жил в палатке и оставил после себя только «несколько славных табунов и овечьих стад». Однако со временем на смену кочевой реакции снова пришли процессы *социального синтеза*. Сын Османа, Орхан (1324–1360), приблизил к себе советников из числа богословов-улемов, выступавших в роли хранителей мусульманской государственной традиции. Наиболее известным из этих ученых советников был Чандарлы Халиль Хайр уд-дин, впоследствии, при Мураде I (1360–1389), ставший первым визирем османского государства. При Орхане и Мураде был осуществлен ряд реформ, направленных на создание административных структур нового государства, появляются министерства-диваны. При участии Хайр уд-дина была налажена работа финансового ведомства и сбор налогов, причем в традициях мусульманского этатизма все завоеванные земли (а таких земель было подавляющее большинство) были объявлены государственными землями (мири)¹⁵¹. Характерно, что в новых канцеляриях (и при дворе) использовался не турецкий язык, а смешанная персидская и арабская лексика, оформившаяся позднее в так называемый османский язык (осман лыджа). Со времен Сельджуков языком литературы был персидский, а языком религии — арабский, на арабском велась служба в мечетях, прения в шариатском суде и обучение в медресе¹⁵².

Перенимание мусульманской монархической традиции выразилось в уменьшении роли племенной знати. Если Орхан был избран беем на курултае, то его сын Мурад наследовал престол от отца. После побед на Балканах в 1383 году Мурад провозгласил себя султаном и принял титулатуру, ставшую в дальнейшем традиционной для османских правителей¹⁵³.

Военные силы нового государства (помимо ополчения кочевников) были основаны на системе пожалований — тимаров, распространение которой также связывают с именем Хайр уд-дина¹⁵⁴. Пожалование тимара заключало в себе право на сбор фиксированной суммы налогов с пожалованных деревень; тимары давались на условии несения военной службы и не передавались по наследству¹⁵⁵. Из более поздних источников известно, что начальный тимар, предоставляемый молодому воину, назывался кылыдж тимаром («сабельным тимаром») и обычно давал доход в 1–2 тысячи акче. Владельцы тимаров, сипахи, регулярно вызывались на смотры и должны были являться на коне, в латах и с необходимым снаряжением. Если воин вызывал недовольство командиров, то тимар могли отнять; если сипахи проявил себя в бою, то тимар увеличивали за счет добавочных «долей», хиссе. Сипахи, получавший отставку по старости или из-за ран, имел право на «пенсионную» часть поместья, текайюд. Если сын поступал в службу вместо отца, то он наследовал не все отцовское

поместье, а лишь кылыдж тимар. Офицеры получали большие тимары, зиаметы, с доходом до 20 тыс. акче, но при этом обязывались выставлять дополнительных воинов, легких всадников-гулямов или латников-джебелю, из расчета один гулям на полторы-две тысячи акче дохода или один латник на три тысячи акче дохода. Тимар считался государственной собственностью, и воин имел право лишь на получение денежных сумм, указанных в поземельном реестре, дефтере¹⁵⁶.

Тимарная система была, безусловно, образцовой системой, предназначенной для содержания тяжеловооруженных всадников; после османских побед XV столетия она была перенята в соседних странах, в том числе в Персии и в России. Однако происхождение этой системы остается дискуссионным вопросом, так как не вполне ясно, как она выглядела в начальной стадии своего существования, и возможно, что тимары в различных бейликах отличались друг от друга¹⁵⁷. Во всяком случае, известно, что в бейлике Караман тимар был очень схож с классической икта, а в эгейских бейликах этот институт испытал некоторое влияние византийской прони¹⁵⁸. Однако, каково бы ни было это влияние, основной принцип тимариотского держания — предоставление сипахи фиксированной суммы налогов без каких-либо прав на землю — вел свое происхождение от икта, и следовательно, мы можем рассматривать тимарную систему как восстановление (возможно, с некоторыми вариациями) сельджукской системы военных пожалований. Известно, что в XV веке при переводе на турецкий язык сельджукских текстов слово «икта» заменялось словом «тимар»¹⁵⁹.

С именем Хайр уд-дина связано также и восстановление гвардии гулямов, которых теперь стали называть янычарами (ени чери — «новые солдаты»). Так же как сельджукских гулямов, янычар набирали из числа плененных юношей; эти юноши считались «рабами дворца», капыкулу, они воспитывались в турецких семьях, а затем проходили военную подготовку в казармах¹⁶⁰. Однако в отличие от гулямов янычары были пешими (а не конными) лучниками; в этом изменении военной специализации, по-видимому, отразились военно-тактические изменения, произошедшие в XIV веке. В этот период выяснилось, что перенятый турками мощный монгольский лук может эффективно применяться не только всадниками, но и пехотинцами — и в особенности, пехотинцами, находящимися на позиции, укрепленной рвом, частоколом и большими щитами-сипарами. Эта новая тактика была подобна той, которую применяли англичане в битвах при Кресси и Пуатье. На Востоке она широко использовалась Тимуром, который перед боем спешивал часть своих всадников и превращал их в лучников-пехотинцев¹⁶¹. Пехота занимала укрепленную центральную позицию, а конница маневрировала впереди и на флангах, стараясь заманить противника на укрепления. Характерным примером такой

тактики была битва при Никополе, когда атаки рыцарей разбивались об укрепления янычар, а затем ошеломленных врагов добивала кавалерия сипахи.

Турки усовершенствовали монгольские луки, немного уменьшив их размер и увеличив их мощность (пехотинцы могли использовать более мощные луки, чем всадники)¹⁶². Выучка турецких лучников, по-видимому, не уступала искусству монгольских стрелков, и, так же как у монголов, постоянная тренировка способствовала развитию мышц рук. «С восьми, или даже с семи лет они начинают стрелять по мишеням, — писал имперский посол Эселин де Бусбек, — и практикуются в стрельбе из лука десять или двенадцать лет. Это постоянное упражнение усиливает мускулы их рук, и дает им такой навык, что они могут поражать своими стрелами самые маленькие цели»¹⁶³.

При Мураде I янычар было сравнительно немного — несколько тысяч воинов. Позже янычар стали принудительно набирать по системе девширме из среды христианского населения, что позволило увеличить численность корпуса. Система девширме, в принципе, мало отличалась от позднейших рекрутских наборов в европейских странах (например, в России); разница состояла разве лишь в том, что набирали более молодой контингент — юношей в возрасте от 14 лет. Это позволяло воспитывать в солдатах отвагу и приучать их к дисциплине, но в целом корпус янычар был во многом подобен более поздним европейским регулярным армиям. Характерно, что, подобно солдатам позднейших армий, янычары носили форменную одежду со знаками различия, указывающими на воинское звание¹⁶⁴.

Однако контингенты пехотинцев-лучников, помимо янычар, включали части яя и азебов. Яя были военными поселенцами, набранными из молодых турок; им давали надельные земли, и они были организованы в общины-очаги по 30 семей, которые ежегодно выставляли 5 воинов. Азебы были воинами, которых выставляло население на время военной кампании. Именно яя и азебы составляли наиболее многочисленные пехотные части османской армии; по данным хроники (возможно, преувеличенным) в сражении на Косовом поле в 1389 году участвовало 60 тысяч воинов-яя, и 40 тысяч азебов, в то время как янычар было только 2 тысячи¹⁶⁵.

Появление яя и азебов в известной степени было отражением процесса оседания кочевников-турок на землю; эти контингенты формировались из оседлых земледельцев. Из военных поселенцев, подобных яя, но еще сохранявших навыки степных наездников, формировались конные части мюселем. Исследователи сравнивают мюселемов с византийскими стратиготами¹⁶⁶. Что касается кочевого населения, то оно по-прежнему поставляло племенные ополчения, состоявшие из легких всадников и делившиеся на десятки, сотни и тысячи. Кроме того, война привлекала множест-

во вольных кочевников, акынджи (буквально «участник набега»), собиравшихся в дружины вокруг пограничных беев и живших набегами на христианские области¹⁶⁷.

В целом османская военная система XIV века базировалась на освоении турками мощного монгольского лука. Эта система давала османам существенные преимущества при столкновениях с противниками, не имевшими этого оружия, то есть с христианскими государствами Балканского полуострова. В известном смысле турецкое наступление на запад было продолжением монгольских завоеваний. В 1354 году турки переправились на Балканы и укрепились в Галиполи, в 1361 году они овладели Адрианополем, в 1371 году разбили сербов на реке Марица, а в 1389 году — в большой битве на Косовом поле. После этого сражения болгарские земли были заняты османами, а Сербия стала их вассалом. Завоевание Балкан осуществлялись в значительной степени силами кочевых ополчений, и осколки разных племен вместе с акынджи создавали на новых территориях маленькие бейлики, которые неохотно подчинялись османским властям. Земли бейликов считались собственностью их беев (мульк)¹⁶⁸. Как и все войны кочевников, война на Балканах сопровождалось опустошением земель, истреблением населения и массовым угоном пленных. Вслед за разрухой приходили эпидемии и голод. «...Наступил голод такой по всем странам, какого не было от сотворения мира», — писал греческий монах Исайя¹⁶⁹.

В правление Баязида I (1389–1402) сложилась практика, когда после завоевания той или иной области проводилась высылка (сургун) части населения (прежде всего местной знати) в Анатолию. После этого производилась перепись оставшегося населения и составлялся дефтер, в котором указывались налоги, возлагаемые на крестьян¹⁷⁰. Затем часть деревень отдавалась в тимары турецким воинам, а другая часть становилась султанской (хассе) или государственной собственностью (мири). На опустевшие земли переселялись кочевники и крестьяне из Малой Азии. Таким образом, Фракия, Македония и Восточная Болгария стали областями со значительной долей мусульманского населения¹⁷¹.

К правлению Баязида I относится также и появление системы капыкулу — использование «рабов дворца» не только на военной, но и на государственной службе¹⁷². Как известно, эта система восходит к Аббасидам, и она была описана в трактате Низам ал-мулька; она применялась и Сельджукидами — хотя и не так последовательно, как османами.

Подчинив значительную часть Балканского полуострова, Баязид I попытался присоединить к своим владениям турецкие бейлики в западной части Малой Азии. Однако в войне на востоке османы не обладали военным превосходством, и вскоре им пришлось столкнуться

с могущественным эмиром Тимуром, владыкой Средней Азии и «восстановителем» Монгольской империи. В 1402 году армия Баязида была разгромлена в битве при Анкаре, и Малая Азия подверглась жестокому опустошению войсками Тимура. Османское государство было поделено завоевателем между четырьмя сыновьями Баязида. В политическом и экономическом отношении развитие было отброшено на полвека назад: снова наступило время разрухи, междоусобных войн и кочевой реакции.

Двадцатилетняя междоусобная война в конечном счете стала столкновением между силами кочевой реакции и силами, поддерживавшими этатистскую монархию, созданную Мурадом I. Кочевников и акынджи возглавляли племенные и пограничные беи, а на стороне центральной власти выступали янычары и сипахи¹⁷³. Янычары продемонстрировали свое военное превосходство над акынджи; наиболее показательной в этом отношении была битва у горы Улубад, когда 500 янычар султана Мурада II разгромили 5-тысячный отряд претендента Мустафы¹⁷⁴. В конце концов, Мураду II удалось объединить государство и подчинить беев, но они сохранили свои владения и свои дружины и оставались могущественной силой.

* * *

Переходя к анализу истории Малой Азии в XIII–XIV веках, необходимо отметить, что монгольское завоевание привело к новому процессу *социального синтеза* и усвоению тюрками некоторых монголо-китайских институтов, но наиболее важным было взятие на вооружение монгольского лука. Вскоре, однако, синтез сменился новым периодом тюркской кочевой реакции, и Румский султанат распался на племенные бейлики. Лишь через полвека междоусобных войн наметился процесс объединения Анатолии под властью сильнейшего из бейликов — бейлика Османов. Османы использовали монгольский лук для завоеваний на Балканах и таким образом увеличили свои силы в борьбе с другими бейликами. В процессе завоевания происходила реставрация этатистских и бюрократических традиций Румского султаната, и государство Баязида I в целом напоминало монархию сельджукских султанов.

Что касается демографического фактора, то в описываемый период он не играл большой роли. Долгий период междоусобных и внешних войн сопровождался чумными эпидемиями, и наконец, последовало губительное нашествие Тимура. В силу этих обстоятельств плотность населения в Анатолии оставалась на сравнительно низком уровне, и демографический фактор не оказывал на исторический процесс заметного влияния. В целом весь длительный период истории тюркских областей Малой Азии в XII–XIV веках можно считать *интерциклом*.

11.6. Египет при тюркских мамлюках

Возвращаясь к истории Египта, нужно напомнить, что завоевание страны тюрками и курдами и последовавшее затем развитие системы икта вызвало экосоциальный кризис и демографическую катастрофу 1200–1202 годов. Однако, в отличие от султаната Великих Сельджуков, кризис не повлек за собой распада государства и перехода власти в руки тюркского военного сословия. Это отчасти объяснялось тем, что тюрок в Египте было сравнительно немного, что они были перемешаны с курдами и другими кочевниками, а также и тем, что обстановка крестовых походов побуждала военное сословие к сплочению. Кроме того, в Египте существовала сильная этатистская традиция, и сутаны из династии Айюбидов нашли противовес тюркским мукта в виде восстановленной гвардии гулямов. Новых гулямов называли мамлюками, корпус мамлюков пополнялся за счет половецких юношей-рабов, привозимых итальянскими купцами из Крыма. Этих юношей обращали в ислам, учили воинскому мастерству и воспитывали в духе преданности командирам. Командиры мамлюков (эмиры) получали икта, $\frac{2}{3}$ доходов с которых должны были тратить на содержание своих воинов, однако никакой наследственности должностей и икта среди мамлюков не существовало, эмиры выдвигались за их воинские заслуги. Кроме мамлюков, в состав военного сословия входили воины халка; это были свободные воины, получавшие на время службы небольшие икта с доходом в 10–20 тысяч дирхемов¹⁷⁵.

Обстановка после катастрофы 1200–1202 годов характеризуется резким падением цен, однако стабилизация наступила не сразу. В 1218 году в Египет вторглись крестоносцы, которые в ходе пятого крестового похода взяли Дамьетту и в течение трех лет разоряли Дельту. Результатом этого вторжения был большой голод 1220–1221 годов, когда цена превышала 10 динаров за центнер¹⁷⁶. Восстановление экономики началось при султани Камиле (1218–1238); историк Макризи сообщает, что в этот период Египет снова достиг процветания¹⁷⁷. В конце правления Камиля нормальная цена пшеницы составляла около 0,7 динаров за центнер¹⁷⁸, при уровне месячной зарплаты неквалифицированного рабочего в 2 динара на дневной заработок можно было купить 11,4 кг зерна.

Однако в конце правления султана ас-Салиха (1240–1249) в Египет снова вторглись крестоносцы во главе с королем Франции Людовиком IX (седьмой крестовый поход). Завоеватели овладели Дамьеттой и Мансурой и снова разорили Дельту. Это было время военных бедствий и голода, приведшего к гибели значительной части населения. После этой катастрофы цены на зерно упали почти вдвое, до 0,4 динара за центнер пшеницы.

Обстановка тяжелой войны привела к усилению влияния мамлюкской гвардии. Так же как в халифате Аббасидов, гвардия стала претендовать на власть. В 1250 году мамлюки убили Туран-шаха, последнего султана династии Айюбидов. Начался мамлюкский период истории Египта¹⁷⁹. Захватив власть, мамлюки установили военную диктатуру, просуществовавшую два с половиной столетия. В период правления мамлюков султаны возводились на престол по соглашению мамлюкских эмиров или путем военных переворотов. Между военным сословием и крестьянством существовала резкая грань; отличительной чертой мамлюков и халка было право носить оружие и выезжать верхом на коне. Крестьяне были прикреплены к земле и подвергались жестокой эксплуатации¹⁸⁰.

Однако захват власти военным сословием поначалу не привел к внутренним смутам и ослаблению монархии. Наоборот, начавшееся в это время наступление монголов — так же как в Индии — вызвало консолидацию военного сословия вокруг мамлюкских полководцев-султанов. В 1258 году монголы овладели Багдадом, и волна монгольских завоеваний приблизилась к границам Египта. В 1260 году мамлюки встретились с монголами в битве при Айн-Джалуте; следуя старой тюркской тактике, мамлюки ложным бегством навели монголов на засаду, которая внезапным ударом навязала монгольским лучникам сабельный бой. Сабельная тактика тюрок на этот раз одержала верх, но поражение монголов не было решающим. Хулагу-хан собирался обрушиться на Египет со всем своим огромным войском, и мамлюков в действительности спасли не их сабли, а смерть великого хана Монкэ и начавшиеся затем междоусобицы среди монгольских правителей¹⁸¹.

Достигнутая на время политическая стабильность способствовала экономическому восстановлению Египта. При Бейбарсе (1260–1277) велось интенсивное строительство в Каире и Александрии, султан заботился о поддержании в порядке ирригационных сооружений и строил новые каналы. Правление Калауна (1280–1290) вошло в историю как золотой век мамлюкской эпохи. Цены на зерно оставались низкими, а заработная плата была высокой. В это время продолжалось интенсивное строительство в Каире, был проведен большой ирригационный канал в Бухайре. В конце XIII века общая сумма хараджа составляла 10,8 млн «военных динаров», или около 3 млн обычных динаров — сумма, соответствующая уровню сборов до катастрофы 1200 года¹⁸².

После смерти Калауна снова началась борьба различных военных группировок, за десять лет сменилось четыре султана. Пользуясь ослаблением власти, эмиры мамлюков захватывали икта воинов и препятствовали сбору казенных налогов. Пытавшийся навести порядок султан Ладжин был убит. Обстановка стабилизировалась только при властном

султане ан-Насире (1299–1340), который сумел восстановить дисциплину в армии; ан-Насир без разговоров отнимал икта у провинившихся воинов и казнил тех, кто осмеливался ему перечить. В 1314 году султан провел земельную реформу, увеличившую долю государственных (султанских) земель и значительно сократившую икта. После реформы ан-Насира государству принадлежали доходы с 10 из 24 областей Египта, таким образом, в стране снова появился значительный государственный сектор землевладения¹⁸³.

Необходимо отметить, что реформы Насира проводились примерно в одно время с реформами Ала уд-дина в Делийском султанате и, так же как индийские реформы, характеризовались усилением этатизма, восстановлением государственной дисциплины и государственного регулирования, созданием обширного государственного сектора экономики. Нет сомнения в том, что суть этих преобразований состояла в частичной трансформации по образцу монголо-иранской державы Хулагуидов: победы монголов заставляли их противников заимствовать монгольские порядки.

Положение в экономике в правление ан-Насира было достаточно напряженным, частые голодные годы заставляли султана принимать меры против спекуляции, фиксировать цены на зерно и ввозить пшеницу из Сирии. Эти мероприятия позволяли долгое время поддерживать реальную заработную плату на уровне около 7 кг зерна в день. Огромные усилия прилагались для орошения новых земель; на постройке Александрийского канала было занято 100 тысяч мобилизованных крестьян; было орошено 100 тысяч федданов земель, на берегах канала возникло множество селений и даже несколько городов. На строительстве плотины близ Гизы было занято 12 тысяч человек, после проведения канала у Сириакуса было построено 40 новых деревень — число примеров такого рода достаточно велико. Ан-Насир пытался поддержать земледельцев, отменял незаконные поборы и снимал с должностей вводивших их наместников; тем не менее положение крестьян оставалось тяжелым¹⁸⁴. Известный географ и путешественник Ибн Батута был удивлен высоким уровнем налогообложения в Египте¹⁸⁵.

К эпохе ан-Насира относится новый расцвет египетских городов. Ибн Батута называет Каир «матерью всех городов», городом, бесподобным по красоте и величию. Одних водовозов в Каире, по Ибн Батуте, было 12 тысяч¹⁸⁶. По некоторым, по-видимому, сильно преувеличенным, известиям, население Каира в это время составляло около миллиона жителей; в городе скопилось множество беженцев, уходивших из областей, завоеванных монголами¹⁸⁷. Каир, Тиннис, Дамietta были известными ремесленными центрами, египетские шелковые и льняные ткани в больших количествах вывозились в Европу. Распад державы Ильханов привел

к перемещению торговых путей, и Египет стал воротами между Европой и Азией¹⁸⁸. В Каире и Александрии были особые кварталы, населенные итальянскими купцами из Венеции, Генуи, Пизы. Пряности из Индии и Индонезии, шелк, фарфор, мускус из Китая доставлялись мусульманскими купцами в порты Красного моря, откуда перевозились в Каир и Александрию, где их продавали итальянцам. Монополия торговли пряностями на территории Египта принадлежала наследственной корпорации купцов-каремитов, каремиты владели большим флотом и занимались банковскими операциями, это были богатейшие люди Востока. Государство получало с купцов пошлину в десятую часть их товара; торговые пошлины постепенно становились все более весомой частью государственного дохода¹⁸⁹.

Экономическое и политическое положение Египта оставалось стабильным вплоть до смерти султана ан-Насира в 1341 году. Затем начались смуты и междоусобицы, за семь лет сменилось шесть султанов. Цены быстро росли, реальная заработная плата упала и приблизилась к критическому уровню (рис. 22). В 1347 году в Египет пришла «черная смерть»; страшная эпидемия чумы за два года погубила треть населения Египта. Чума неоднократно возвращалась; к концу XIV века из-за отсутствия рабочих рук площадь обрабатываемых земель сократилась в пять раз, государственные доходы сократились в десять раз. Начался новый период истории Египта.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Египта в описываемый период, необходимо отметить, что вызванный распространением икта кризис начала XIII века, в отличие от аналогичного кризиса в державе Великих Сельджуков, не привел к распаду египетского государства. Монархия противопоставила тюркским и курдским иктадарам гвардию мамлюков, а затем в Египте стали сказываться последствия монгольского наступления в Евразии. Победы монголов породили диффузионную волну заимствований, компонентами которой были самодержавие, легистская государственная дисциплина и государственное регулирование.

Результатом реформ ан-Насира стало усиление этатизма и государственной дисциплины, восстановление государственного сектора в экономике, перераспределение икта (трансформация СВ^с). Икта сохраняли характер служебных пожалований, они не передавались по наследству и могли быть отняты.

В первой половине XIII века Египет дважды подвергся опустошительному вторжению крестоносцев, экономическая ситуация определялась в этот период не демографическими, а военными факторами. В мирные

годы низкая численность населения обуславливала низкие цены и высокую заработную плату, но жестокие войны приводили к голоду и демографическим катастрофам. В целом время с 1200 до 1260-х годов мы можем характеризовать как *интерцикл* — период, когда войны препятствуют восстановлению хозяйства, возрастанию численности населения и началу нового демографического цикла. *Период восстановления* начался только в 70-х годах XIII века; для этого времени характерны относительно высокий уровень потребления, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб. В начале XIV века появляются признаки сжатия: сообщения о голоде, рост городов, бурное развитие ремесел и торговли, попытки проведения этатистских реформ, строительство ирригационных систем с целью освоения новых земель, фрагментация элиты, борьба за статусные позиции в среде элиты, обострение борьбы за ресурсы между государством и элитой. После смерти ан-Насира различные фракции элиты вступили в борьбу за распределение ресурсов, что привело к нарушению экономической жизни. В середине XIV века сжатие завершилось *демографической катастрофой* — эпидемией «черной смерти».

В конечном счете кризис привел к падению этатистской монархии ан-Насира, на ее место пришла слабая феодальная монархия (трансформация СВ^сА_с)

11.7. Египет при черкесских мамлюках

Катастрофа середины XIV века привела к разрушению основных структур мамлюкского государства. В стране царил хаос, перевороты и мятежи следовали один за другим, редко кому правителю удавалось удержаться на троне больше двух лет. О дисциплине не могло быть и речи; воины отказывались исполнять службу. Крестьяне погибали от чумы или бежали куда глаза глядят, поля не обрабатывались, и разорившиеся владельцы икта продавали их тому, кто мог заплатить. Были случаи, когда икта воинов покупали портные или сапожники, в списках военного дивана числилось множество лиц, не способных исполнять службу¹⁹⁰.

В конечном счете анархия привела к смене правящей военной группировки, на смену турецким мамлюкам пришли черкесы, казармы которых располагались в каирской цитадели. В отличие от своих предшественников черкесские султаны не были самодержавными монархами, они выбирались советом высших эмиров и решали все дела с согласия совета¹⁹¹. Это было олигархическое правление военной знати, но знать не желала жить в согласии, эмиры постоянно затевали распри и устраивали резню на улицах столицы.

При черкесских мамлюках восторжествовало право сильного, икта стали полной собственностью воинов, которые делали с крестьянами все, что хотели. «Земледелец, живущий в деревне... является рабом владельца икта, которому принадлежит эта область, — свидетельствует историк Макризи. — И он не может надеяться, что когда-нибудь будет продан или освобожден: напротив, он навсегда осужден оставаться рабом, так же как и его дети»¹⁹². Нужно отметить, что, несмотря на фактическое порабощение крестьян, хозяева не могли их продавать — но за бегство от хозяина по закону полагалась смертная казнь. Крестьяне ненавидели своих господ, но вспыхивавшие иногда восстания не принимали больших масштабов: феллахи были запуганы террором, безоружны и беззащитны перед мамлюкской конницей¹⁹³.

Крупные эмиры, как правило, ничего не платили в казну; они чувствовали себя самостоятельными владельцами и захватывали земли рядовых воинов. Владельцам мелких икта приходилось платить эмирам особые взносы за «покровительство»¹⁹⁴. Положение рядовых воинов было незавидным, их поля некому было обрабатывать, и их реальный доход был много меньше дохода (ибра), указанного в реестрах военного дивана (этот доход определялся, исходя из площади, пригодной для посева). На смотре 1393 года один из опрашиваемых воинов ответил, что его икта имеет ибра в 600 динаров, но реальный доход составляет лишь 3 тысячи дирхемов (150 динаров. — *С. Н.*), из которых 2 тысячи забирает казна в качестве налога. Примерно такой же ответ дал другой воин, после чего смотр был прекращен. Отсюда становится ясным, что официальные цифры доходов, указанные, например, в кадастре Ибн Джиана (1376 год) далеко не соответствовали реальности (согласно этому кадастру харадж составлял 2,6 млн динаров, а посевные площади — 3,2 млн федданов¹⁹⁵).

В 1410-х годах султан Муаййад Шайх, во внимание к бедности воинов, разрешил им объединяться в группы по три-четыре человека и нести службу по очереди. Многие из воинов продавали свои икта и пытались прокормиться ремеслом или мелкой торговлей. «И сейчас воины халка почти все стали ремесленниками», — пишет Макризи¹⁹⁶. «Число халка стало уменьшаться, — продолжает историк, — теперь оно мало, примерно тысяча воинов; мамлюки султана теперь тоже в небольшом числе...»¹⁹⁷. Проданные икта воинов становились частными землями (мульк или ризк); на протяжении XV века площадь земель икта сократилась примерно вдвое, а количество частных земель намного возросло¹⁹⁸. В прежние времена в Египте практически не было частных земель; к началу XVI века в землевладении появился значительный частный сектор.

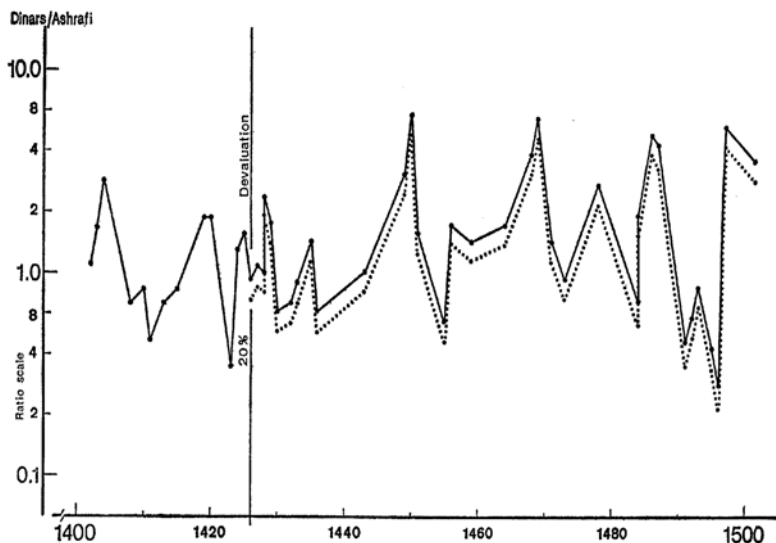

Рис. 24. Цены в Египте в XV веке¹⁹⁹. Пики цен соответствуют годам эпидемий, голода и внутренних смут — кризисы подобного рода происходили на протяжении столетия постоянно, с интервалом примерно в 20 лет. Таким образом, мы наблюдаем картину, характерную для интерцикла

Полтора столетия, с середины XIV до начала XVI века, прошли под знаком «черной смерти». Чума постоянно возвращалась: за этот период произошло 18 вспышек эпидемии; некоторые из них были сравнимы с катастрофой 1348 года. Города пустели, количество ткачей в Каире за 1394–1434 годы уменьшилось с 14 тысяч до 800 человек. Эпидемия 1403 года унесла в Кусе жизни 17 тысяч горожан²⁰⁰. Крестьяне, несмотря на запреты, бежали из пораженных чумой деревень, становились нищими, умирали на дорогах. Ал-Макризи утверждает, что высокая эпидемическая смертность была следствием нищеты египетских крестьян, следствием хронического недоедания, которое было результатом безжалостной эксплуатации²⁰¹. «И была близка к разорению египетская земля... — свидетельствует хронист. — Опустели многие селения»²⁰². Как отмечалось выше, в конце XIV века площадь обрабатываемых земель была в пять раз меньше, чем в начале столетия; источники отмечают упадок ирригации, ветхое состояние плотин²⁰³.

Помимо чумы, важной причиной экономического упадка было наступление кочевников. Кочевники захватывали земли, обезлюдевшие из-за чумы, и, пользуясь слабостью властей, совершали набеги на сельскохозяйственные деревни. Разоренные крестьяне, в свою очередь, собирались в разбойничьи отряды и присоединялись к кочевникам в их набегах. Выступления кочевников и крестьян все более принимали характер восстаний,

во второй половине XV века бедуинские и крестьянские восстания имели место в 1461–1462, 1467–1469, 1471–1472, 1475, 1485, 1487, 1498 годах. Разорение деревень в ходе подавления восстаний, в свою очередь, вызывало голод и новые вспышки эпидемии²⁰⁴.

С ослаблением власти пришел в упадок механизм сбора налогов; налоги повсеместно отдавались на откуп (ильтизам) и откупщики грабили крестьян, как могли, присваивая собранные суммы²⁰⁵. Государственные доходы резко сократились, и, испытывая нужду в деньгах, черкесские султаны прибегали к порче монеты; с начала XV века египетские динары не имели твердого курса, и население предпочитало европейские дукаты. Обороты европейской торговли пряностями к этому времени достигали 1 млн дукатов, и сотрудничавшие с европейцами купцы-каремиты получали огромные прибыли²⁰⁶. Чтобы пополнить свою казну, султан Барсбей в 1428 году монополизировал торговлю пряностями и вдвое повысил цены. Купцы-каремиты были разорены; Венеция и Арагон угрожали султану войной, но в конце концов, европейским купцам пришлось смириться. Египетские султаны стали получать огромные прибыли от посреднической торговли; доходы Барсбея достигали 4,2 млн динаров²⁰⁷. Султан Каитбей (1468–1496) использовал богатства своей казны для организации обширных строительных работ, по его приказу строили укрепления, дороги, мечети, был проложен большой оросительный канал. Средняя цена пшеницы в это время составляла 0,5 динаров за центнер, а заработная плата — около 3,3 динаров в месяц²⁰⁸. На дневную зарплату можно было купить 26 кг пшеницы; после многочисленных эпидемий в городах не хватало рабочей силы, и заработная плата была очень высокой. Однако это благополучие не касалось большинства населения — крестьян-феллахов, которые жили в деревнях на положении рабов.

Подъем экономики в правление Каитбея оказался кратковременным: вскоре начались войны с турками. Богатства казны истощились, порча монеты и конфискации у купцов стали обычным делом; в 1486 году Каитбей приказал привести к себе богатых купцов Каира и принудил их уплатить 12 тысяч динаров на содержание войска²⁰⁹.

В 1492 году вспыхнула эпидемия, продолжавшаяся около 20 лет; по словам современников, были дни, когда от чумы умирало более 10 тысяч человек²¹⁰. Снова начались кровавые междоусобицы между различными группировками мамлюков. В 1498 году Васко да Гама открыл морской путь в Индию, и вслед за этим португальский флот прервал морскую «дорогу пряностей» из Индии в Египет. Египетские порты опустели, европейские купцы отныне покупали пряности в Лиссабоне. Султан Кансух Гури (1501–1516) с помощью венецианцев построил большой флот и попытался восстановить «дорогу пряностей», однако египтяне потерпели поражение в морских сражениях с португальцами. Египет лишился по-

ложения монопольного торгового посредника, а султанская казна лишилась своих прибылей. Мамлюкское государство ослабело, в начале XVI века мамлюки могли выставить лишь 3 тыс. воинов, а вместе с воинами халка — 15–20 тыс.; в случае войны приходилось нанимать кочевников, которые не отличались надежностью²¹¹.

Ослаблением Египта воспользовались турки-османы, в 1516 году турецкая армия разгромила мамлюкскую конницу в битве на Дабикском поле. Это было одно из крупнейших сражений Средневековья; мамлюки сражались с отчаянной смелостью, и турки одержали победу лишь благодаря использованию нового оружия — пищалей и пушек.

В 1517 году османская армия после ожесточенных боев вступила в Каир. Порабощенные мамлюками египетские крестьяне ненавидели своих господ и принимали турок, как освободителей. После уличных боев в Каире «чернь» выловила около 800 мамлюкских рыцарей, которые были публично казнены²¹². Султан Селим I официально называл себя «служителем бедняков», при въезде в Каир он был встречен восторженной толпой горожан, турецкие солдаты раздавали беднякам мясо. Икта и ризки мамлюков были конфискованы, все земли Египта снова стали государственной собственностью. Османы освободили крестьян от мамлюкского рабства, снизили налоги и добились улучшения положения народных масс. Однако мамлюкское правление оставило по себе тяжелое наследство: страна была разорена, и в первые годы после освобождения харадж Египта не превышал 1,8 млн динаров²¹³. Сбор налогов был почти вдвое меньше, чем в предшествующую эпоху, при султанах ан-Насире; это свидетельствует об уменьшении численности населения в 1,5–2 раза.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Египта в описываемую эпоху, необходимо отметить, что переход власти к черкесским мамлюкам знаменовал падение самодержавной монархии и установление олигархического правления военной знати. В отдельные периоды черкесского правления Египет пребывал в состоянии феодальной анархии — так же как Европа и Передняя Азия тех времен. Катастрофа середины XIV века привела к кризису многих централизованных государств этого региона, к смутам и войнам, которые продолжались примерно столетие. Этот период повсеместно характеризовался распадом авторитарной государственности, господством военной знати и попытками порабощения низших сословий. При этом процесс распада государственности в одной из могущественных стран региона (в данном случае в державе Хулагуидов), в силу свойственной человеческому обществу реакции подражания, способствовал распространению подобных процессов на соседние страны. В предыдущий период авторитарная власть Бейбарса

или ан-Насира во многом объяснялась опасностью, исходившей от монголов — теперь эта опасность исчезла, и черкесские мамлюки получили возможность заняться внутренними усобицами. Эти усобицы продолжались до тех пор, пока в регионе не появилась новая могущественная держава, Османская империя; ее появление вызвало консолидацию мамлюков в правление Каитбея, однако консолидация оказалась недостаточной, и в конечном счете Египет был завоеван османами. Включение Египта в состав новой могущественной монархии вместе с тем означало конец господства военной знати и облегчение положения низших сословий. По существу, османское завоевание принесло с собой социальную революцию, восстановившую этатистскую монархию IX–XII веков.

Феодалная анархия, господствовавшая до середины XV века, препятствовала восстановлению экономики в новом цикле. Признаки начала восстановительного периода отмечаются лишь в правление Каитбея, однако этот период оказался очень непродолжительным; новая эпидемия чумы и новые смуты вновь ввергли страну в состояние кризиса. Таким образом, период с середины XIV до начала XVI столетия следует характеризовать как *интерцикл*.

11.8. Делийский султанат в эпоху монгольских нашествий

Первое вторжение монголов в Индию относится к 1221 году, когда кочевники, преследуя войска хорезмшаха, дошли до берегов Инда. Затем последовал длительный перерыв, во время которого монголы завоевали Иран и весь Ближний Восток. Правители Делийского султаната имели время, чтобы осознать опасность, подготовиться к неминуемому нашествию и освоить новое оружие победоносных завоевателей. К концу XIII века производство монгольского оружия было освоено мусульманскими ремесленниками Ирана и, поскольку мусульманский мир был един, эти навыки должны были распространиться и в Индии. Из более поздних источников известно, что, во всяком случае в XV веке, в Индии производили монгольские саадаки и юшманы, и даже применявшиеся монголами китайские пороховые гранаты. Известно также, что при султанах Ала-уд-дине (1296–1316) в Дели по иранскому образцу были созданы большие оружейные мастерские кархана — должно быть, в этих мастерских производили в том числе и монгольские луки²¹⁴.

В конце XIII века (с 1292 года) началось большое наступление иранских монголов на Индию. Вторжения следовали одно за другим, и армии завоевателей доходили до окрестностей Дели. Перед лицом мощного монгольского наступления Ала-уд-дин был вынужден предпринять ряд реформ, направленных на усиление армии. Эти реформы в значительной степени

копировали порядки монголо-иранской державы Хулагуидов. Были конфискованы в казну все частные владения; у простых воинов были отняты их икта: как и в Иране, им стали выдавать денежное жалование. По имперскому образцу был проведен кадастр, оценена урожайность земель, и крестьяне должны были платить поземельный налог (харадж) в половину урожая — такой же высокий, как в Иране. Кроме того, был введен налог на скот и дома; составлявшие подавляющее большинство населения индусы-немусульмане платили также подушный налог, джизью. Джизья и харадж, таким образом, составляли подушно-поземельный налог, аналогичный ильханскому купчур-калан. Была создана почтовая служба, причем повинность по обеспечению почтовых станций называлась, как и в Иране — улаг. Монголо-иранский институт принудительных закупок (тарх) стал базой для создания государственной системы торговли, с помощью которой обеспечивалось снабжение столицы и армии²¹⁵.

Войско султана, по монгольскому образцу, делилось на десятки, сотни и тысячи; воины постоянно находились в своих частях, и проводили время в военных тренировках; Дели превратился в огромный военный лагерь. Каждый воин имел лук, две сабли и кольчугу, лошади были защищены попонами с металлическими пластинами. Монголов, взятых в плен, обращали в ислам и включали в состав султанской армии, их называли «новыми мусульманами», а их командиры получили титулы эмиров и были приближены ко двору. Некоторые обычаи делийского двора — например, запрет эмирам пить вино и совещаться между собой — могут быть объяснены влиянием монгольских порядков²¹⁶.

Переняв государственные и военные традиции завоевателей, Ала-уд-дин смог создать «великую армию» из 475 тысяч всадников, которая остановила монгольское нашествие в серии грандиозных сражений на берегах Джамны²¹⁷.

В соответствии с таксацией Ала уд-дина рядовой воин получал 234 танка в год; как в Иране, ему давали ассигновку, по которой он получал деньги в местном казначействе. Воин должен был сам покупать оружие и содержать боевого коня, за второго коня полагалось дополнительно 78 танка (лошади в Индии были очень дороги). Для сравнения, пенсия ветерана составляла 40–50 танка; оплата ремесленника — 10–12 танка (2–3 джитала в день)²¹⁸. Один ман пшеницы стоил 7,5 джиталов, однако величина мана тех времен неизвестна; Барани свидетельствует, что на 6 джиталов можно было накормить 6–7 человек хлебом и мясом²¹⁹; так что уровень жизни в городах был достаточно высоким. Следует, однако, отметить, что регламентация Ала уд-дина искусственно занижала уровень цен на продовольствие; в годы неурожая продажа зерна в Дели нормировалась властями, на семью отпускалось не более половины мана пшеницы в день²²⁰. Положение сельского населения было значительно более

тяжелым, нежели положение горожан — как вследствие непосильных налогов, так и в результате опустошений, вызванных монгольскими вторжениями. Тюрьмы были переполнены неплательщиками налогов²²¹.

Отразив нападения с севера, Ала уд-дин использовал созданную им огромную армию для новых завоеваний; были подчинены раджпуты Раджастан; в 1308–1315 годах полководцы султана овладели Деканом и продвинулись до южной оконечности полуострова Индостан. Делийский султанат превратился в огромное государство, охватившее весь индийский субконтинент — кроме сохранившей независимость Бенгалии. Однако реальная власть султана не распространялась южнее центрального Декана; далее на юг располагались владения вассальных индусских князей, которые не контролировались из Дели²²².

Режим, основанный на системе принудительных государственных закупок (тарх), не мог существовать вечно — необходимость в нем отпала вскоре после отражения монгольских нашествий. Мусульманская знать и горожане выражали недовольство нововведениями Ала уд-дина, регламентацией цен, отнятием мульков и суровой военной дисциплиной. После смерти великого завоевателя его сын Кутб уд-дин Мубарак поспешил отменить регламентацию цен. «Люди радовались смерти султана, так как были избавлены от тирании и суровости прежнего правителя, — свидетельствует Барани. — Никто больше не боялся услышать: “Делайте это, и не делайте того, говорите так, а не эдак, это прячьте, а это нет, ешьте то, и не ешьте это, продавайте это, а это не продавайте”»²²³. После разрешения свободной торговли цены значительно возросли, увеличилась и заработная плата²²⁴.

Ослабление центральной власти после смерти Ала уд-дина вызвало смуты, которые привели к смене династии; в 1320 году к власти пришел один из полководцев Ала уд-дина, Гийас уд-дин Туглак. Гийас уд-дин (1320–1325) вернул владельцам конфискованные мульки и вакфы и расширил раздачу икта эмирам; военачальники получали во владение целые области и округа, однако эмирам предназначалась лишь малая часть (до 10 %) доходов от икта, их отряды регулярно вызывались на смотры, а сами эмиры должны были ежегодно являться ко двору для предоставления финансового отчета и «целования ног» султана. Как и прежде, воины не имели икта, они получали плату из казны за счет доходов, шедших с икта их командиров. Налоги на крестьян были значительно снижены и, по расчетам К.З. Ашрафян, составляли примерно $\frac{1}{5}$ урожая; прекратились насилия при сборе податей; принимались меры против злоупотреблений откупщиков. Старосты деревень (хуту) были освобождены от части налогов и были уполномочены собирать налоги со своих деревень²²⁵.

Первая треть XIV века была отмечена ростом городов и ремесел. Ибн Батута, посетивший Индию в 1330-х годах, описывал Дели как самый

большой город мусульманского мира. В то время Дели состоял из четырех поселений, между которыми располагались сады и пашни; вместе с предместьями город простирался на 4–5 курухов, то есть на 8–10 км. В Дели было множество рынков и ремесленных мастерских; только в государственных мастерских-кархана было занято больше 10 тыс. ремесленников-рабов²²⁶. Из других городов был известен своими размерами Даулатабад; этот город отличался выгодным расположением, и Мухаммад-шах намеревался сделать его новой столицей; сюда была переселена часть жителей Дели. В приморской провинции Гуджарат было много больших портовых городов, таких как Камбей, Броч, Сурат. XIV век был отмечен оживлением торговли по морскому пути вдоль берегов Южной Азии. Случалось, что из портов одновременно выходили десятки кораблей; они везли в Египет индийский перец и хлопчатые ткани, пряности из Индонезии, шелк и фарфор из Китая; из Египта эти товары отправлялись в Европу. Главным товаром индийского импорта были лошади для султанской кавалерии; лошади плохо размножались в индийском климате, и их приходилось ввозить из других стран. Индийские купцы принимали активное участие в морской торговле, и, в частности, в Адене была большая колония индийских купцов, однако основными морскими перевозчиками в этот период были арабы и китайцы. Индийские корабли уступали китайским по размерам и мореходным качествам²²⁷.

Сын Гийас уд-дина, Мухаммад-шах Туглак (1325–1351), пытался породить завоевательную политику Ала уд-дина. Для похода в Иран была собрана огромная армия; чтобы обеспечить снабжение войск, были значительно увеличены налоги. С целью восполнить нехватку средств были выпущены медные монеты с высоким принудительным курсом; эта идея, по-видимому, была позаимствована из Китая и Ирана, где одно время были в употреблении бумажные деньги; так же как в Иране, она закончилась неудачей²²⁸.

Во период правления Мухаммад-шаха появились сведения об ухудшении экономического положения. Цены на пшеницу возросли до 12 джиталов за 1 ман²²⁹. Повышение налогов совпало с засухой; в 1330-х годах разразился страшный голод, продолжавшийся семь лет. «Из-за недостатка дождей голод усилился и продолжался в течение нескольких лет, — свидетельствует Барани. — От голода погибли тысячи тысяч людей, общины рассеялись, многие лишились семейств»²³⁰. Крестьяне бежали из голодающих областей, деревни стояли пустые, земли не обрабатывались. Голод сопровождался эпидемиями, повсюду вспыхивали восстания и голодные бунты; власти отвечали жестокими репрессиями. Одновременно Мухаммад-шах снизил налоги и принимал меры, направленные на восстановление земледелия; был усилен контроль за эмирами, по-видимому, с тем, чтобы не допустить чрезмерных поборов с населения. Это вызвало

недовольство знати; в 1340-х годах в различных частях страны стали вспыхивать мятежи эмиров, владельцев крупных икта. Последнее десятилетие правления Мухаммад-шаха прошло в борьбе с эмирами, причем, не доверяя знати, султан назначал на видные посты людей из простонародья²³¹.

Голод, эпидемии, разруха царили и в первые годы правления Фируз-шаха (1351–1388), цена зерна достигала 80 джиталов за ман. Положение стабилизировалось лишь в конце 1350-х годов: цена пшеницы упала до уровня времен Ала уд-дина — 8 джиталов за 1 ман. В то же время, по свидетельству современников, заработки ремесленников в 12–15 раз превосходили уровень начала столетия. Крупнейший специалист по экономической истории Индии, Ирфан Хабиб, выражал удивление по поводу этих восходящих и нисходящих движений цен и заработной платы²³². Однако, на наш взгляд, в этом нет ничего удивительного: то же самое явление отмечалось в это время и в других странах Европы и Азии. Это было свидетельство демографической катастрофы, олицетворяемой «черной смертью» 1348 года. Также и в Индии резкое падение цен и рост реальной заработной платы были свидетельством гибели большей части населения, «тысячи тысяч» людей, унесенных голодом и эпидемиями середины XIV века.

* * *

Переходя к анализу истории Делийского султаната, необходимо отметить ее вторичность по отношению к истории Ирана. Мусульманское завоевание Северной Индии привело к созданию государства, основанного на мусульманских традициях (правда, это государство опиралось на базу из индийских общин). При этом мусульмане Индии всегда смотрели на Иран и Ирак как на центр мусульманского мира и образец для подражания. В силу этой реакции подражания Делийский султанат копировал многие черты социально-политической системы Ирана.

Экономическое развитие Индии в период султаната в значительной мере продолжало тенденции предшествовавшей эпохи. В XIII веке на севере страны продолжался *период первоначальной колонизации*, для этого времени характерны относительно высокий уровень потребления, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы, незначительное развитие помещичьего землевладения, аренды и ростовщичества, ограниченное развитие городов и ремесел. Наиболее характерным проявлением колонизации была расчистка от лесов обширной области в районе Дели и в Доабе. В конце XIII века период колонизации был прерван разрушительными монгольскими вторжениями; монгольское наступление побудило султана Ала уд-дина к перениманию военной и социальной организации

своего могущественного противника. При этом была скопирована социальная система державы Хулагуидов — та, которая существовала до реформ Газан-хана. Таким образом, рождение первой индийской этатистской монархии было результатом трансформации по монголо-иранскому образцу (трансформация $A_c B^c$). В то же время нельзя не отметить эффективности этатистской монархии Ала уд-дина: завоеватели полумира, монголы, были разгромлены и отброшены от границ Индии. К.С. Лал указывает на реформы Ала уд-дина как на важный пример, демонстрирующий возможности государственного регулирования²³³.

После победы над монголами преемники Ала уд-дина несколько смягчили систему государственного регулирования, однако ее основной принцип — получение воинами платы из казны — остался неизменным. В 1320-х годах появились некоторые признаки сжатия, такие как высокие цены на хлеб, рост городов, развитие ремесел и торговли. Военная монархия требовала от населения высокие налоги, но при этом не заботилась ни о расширении посевных площадей, ни о поддержке крестьянства в случае неурожая. Высокие налоги сужали экологическую нишу этноса, поэтому повторение неурожая сразу же приводило к голоду. В 1330–1340-х годах разразился *экосоциальный кризис*: голод, эпидемии, восстания, гибель больших масс населения. О произошедшей в это время *демографической катастрофе* свидетельствуют, в частности, падение цен и высокий уровень заработной платы во второй половине XIV века. Характерно, что кризис сопровождался *попытками социальных реформ*, военная монархия пыталась умерить эксплуатацию крестьянства и проводила политику поощрения земледелия. Таким образом, катастрофа середины XIV века завершила первый демографический цикл истории Индии.

В конечном счете кризис привел к крушению этатистской монархии Ала уд-дина, к ослаблению центральной власти и распространению системы икта (трансформация $A_c B^c A_c$).

11.9. Хиндустан в конце XIV — первой половине XVI века

Кризис середины XIV века привел к падению этатистской монархии. Преемник Мухаммад-шаха, Фируз-шах (1351–1388), был вынужден пойти на уступки военному сословию. Началась массовая раздача икта рядовым воинам, им были розданы почти все земли Хиндустана, при этом икта были признаны наследственными владениями²³⁴. Контроль над икта ослаб, войсковые смотры стали нерегулярными, некоторые иктадары перестали перечислять налоги в казну. В то же время ослабевшая монархия повернулась лицом к народу; Фируз-шах уделял большое внимание хозяйственным вопросам и энергично поощрял земледелие. Были отме-

нены все налоги, недозволенные шариатом, а дозволенные налоги были уменьшены. Ирригационные работы при Фируз-шахе приобрели такие масштабы, каких не было ни раньше, ни позже, вплоть до XIX века. Было построено четыре канала протяженностью 150–200 км, на строительство одного из них по трудовой повинности было мобилизовано 50 тыс. крестьян²³⁵. «Страна достигла такой степени процветания, что во всем Доабе... — не было ни одного необработанного клочка земли, — свидетельствует хронист Афиф. — Здесь насчитывалось 52 цветущих округа. Так же обстояло дело во всех областях и округах; в округе Самана, например, на один курух приходилось четыре деревни и жители их пребывали в спокойствии»²³⁶. По словам Афифа, деревни обычно располагались на расстоянии 2–3 курухов друг от друга, то есть в 4–6 км²³⁷; для сравнения напомним, что в XI веке расстояние между деревнями обычно составляло 30–35 км. Афиф говорит о том, что в правление Фируз-шаха цены оставались низкими: «В течение сорока лет правления все было дешево. Если, не дай бог, из-за недостатка дождей цены поднимались, то ман пшеницы стоил одну танка. Обычно же... в Дели за ман пшеницы платили 8 джиталов»²³⁸.

От времени Фируз-шаха сохранились данные о государственных доходах, которые составляли 68 млн танка²³⁹. Если мы сравним приведенную выше цифру с доходами государства Хулагуидов — 21 млн динаров и учтем, что вес динара и танка почти одинаков²⁴⁰, то окажется, что в экономическом отношении Делийский султанат намного превосходил своего соседа и соперника. Можно упомянуть и о том, что по окончании наступившего после смерти Фируз-шаха двухвекового периода войн доходы возрожденного индийского государства (империи Великих Моголов) составляли 91 млн рупий²⁴¹. Рупия по весу равна танка, однако цены на хлеб за это время выросли в 2,5–3 раза²⁴², поэтому с учетом инфляции доходы новой империи составляли всего 30–40 млн танка — много меньше, чем доходы Делийского султаната. Эти цифры говорят как о высоком уровне экономического развития султаната, так и о масштабах последовавшего затем упадка.

Распространение системы икта, как в Иране, так и в Индии, привело к ослаблению центральной власти и прогрессирующей феодальной дезинтеграции. В конце правления Фируз-шаха начались мятежи эмиров и династические смуты. После смерти Фируз-шаха от Дели отпали почти все провинции; по свидетельству хрониста Сирхинди, «эмиры и малики стали падишахами каждый на свой собственный страх и риск»²⁴³. Распад некогда могущественного султаната сразу же привел к военной катастрофе: в 1398 году в Индию вторглись полчища повелителя Средней Азии, Тимура Тамерлана. 27 декабря 1398 года войска Тимура ворвались в Дели, грабежи и резня продолжались несколько дней и ночей. «Сделанные из

голов индийцев башни достигали огромной высоты, а их тела стали пищей для диких зверей и птиц», — свидетельствует современник. Все уцелевшие были угнаны в Среднюю Азию; «даже самый последний солдат имел 20 пленников»²⁴⁴. После этого разгрома в течение двух месяцев в Дели «даже птица не пошевелила крылом»²⁴⁵.

Нашествие Тимура привело к окончательному распаду Делийского султаната и торжеству феодальной анархии. Район Дели и Доаба подвергся жестокому разорению, ирригационные каналы были разрушены, города стояли в развалинах, в деревнях свирепствовала чума. На территории, подвластной когда-то султанам Дели, образовалось множество княжеств и уделов; раджпуты Раджастана освободились от власти мусульман и создали свои независимые государства, начался период нескончаемых междоусобных войн. В этих войнах принимали участие афганские кочевые племена, пришедшие в Индию во времена мусульманского завоевания и позже, вместе с Тимуром и его наместниками. Оплотом афганцев в Индии стал Рокилкханд — область к северо-востоку от Дели. В 1451 году хан Бахлул из афганского племени лоди овладел Дели и провозгласил себя султаном²⁴⁶.

Бахлул был типичным вождем кочевников; он соблюдал кочевые обычаи и все захваченные богатства раздавал воинам, не оставляя себе ничего. Принимая своих эмиров, султан никогда не садился на трон, а, как равный, усаживался на ковре рядом с ними. Все земли были розданы в икта, причем иктадары ничего не платили в казну и полновластно распоряжались в своих владениях²⁴⁷. Попав в руки кочевников, государство больше не сдерживало произвол феодалов по отношению к крестьянам и положение крестьянства значительно ухудшилось. Немецкий путешественник того времени свидетельствовал, что индийские крестьяне «не отличаются от сервов в Польше».

Поначалу Бахлул управлял лишь небольшой областью вокруг Дели, но за сорок лет войн ему удалось подчинить правителей Доаба. Сын и преемник Бахлула, Сикандар-шах (1489–1517), присоединил Бихар и стремился добиться большей централизации управления; ему неоднократно приходилось подавлять мятежи своих эмиров. В правление Сикандара отмечаются признаки восстановления экономики; историограф Абдаллах свидетельствуют, что земледелие процветало, все люди божии пребывали в крайнем благоденствии и спокойствии, а зерно и ткани были дешевы²⁴⁸.

Сын Сикандара, Ибрахим-шах, пытался выступать в роли неограниченного монарха; это вызвало недовольство и мятежные выступления знати, которые жестоко подавлялись султаном. В конечном счете мятежная знать призвала на помощь владетеля Кабула, тимурида Захир ад-дина Бабура. В 1526 году Бабур вторгся в Индию с армией из 12 тысяч тюрок, монголов

и афганцев — это разноплеменное войско индийцы называли моголами, то есть монголами. Войска Ибрахим-шаха были намного более многочисленными, но у Бабура было новое оружие, артиллерия; Ибрахим-шах погиб в сражении, а его армия рассеялась. Бабур овладел Дели, но война за покорение Северной Индии продолжалась еще тридцать лет.

В правление сына Бабура, Хумаюна (1530–1556), его главным противником выступил правитель Бихара и Бенгалии Шер-шах Сур (1539–1545). Шер-шах провел реформы и восстановил порядок, по которому каждый иктадар был обязан содержать положенный ему отряд воинов и являться с ним на смотр. По единодушному мнению историков, Шер-шах заботился о благосостоянии крестьян и стремился оградить их от произвола иктадаров. Был проведен земельный кадастр и установлен единый налог — $\frac{1}{4}$ (по другим данным, $\frac{1}{3}$) урожая; владельцам икта запрещалось превышать установленную налоговую норму²⁴⁹. Сын Шер-шаха, Ислам-шах (1545–1554), пытался отнять у эмиров их икта и заменить их денежным жалованьем — подобно тому, как это сделал в свое время Ала уд-дин. Однако неясно, в какой степени была реализована реформа Ислам-шаха, некоторые авторы полагают, что она привела лишь к переходу икта в руки новых, возвышенных шахом, военачальников²⁵⁰.

Реформы Шер-шаха и Ислам-шаха проводились в обстановке длительных кровопролитных войн. Войны привели к разорению Северной Индии, ухудшению положения народных масс и к активизации народных движений. При Ислам-шахе большое распространение получило движение махдистов, подобно шиитам, веривших в скорое пришествие Махди, восстановителя справедливости. Махдисты жили общинами, в которых все делилось поровну; они носили оружие и, по словам современника, «если видели какое-либо беззаконие в городе или на базаре, то сначала уговаривали... а затем устраняли это беззаконие силой»²⁵¹.

Ислам-шах подавил движение махдистов, но не смог утвердить свою власть над Северной Индией; к 1556 году долина Ганга оказалась в руках сына и наследника Хумаюна, Акбара. Долгая война сопровождалась разорением страны и, в конечном счете, привела к катастрофе: в 1554–1556 годах на области от Дели до Бенгалии обрушился страшный голод. Люди ели траву и падаль, мертвые лежали на дорогах, было много случаев людоедства. Хронист Бадауни пишет, что страна стала пустынной, крестьяне-земледельцы исчезли, мятежники грабили города²⁵². По-видимому, голод 1550-х годов означал демографическую катастрофу и гибель значительной части населения.

* * *

Переходя к анализу истории Индии в XV — начале XVI века, необходимо отметить, что кризис середины XIV века привел к падению этатистской

монархии. Для правления Фируз-шаха характерен отказ от системы государственного регулирования, упадок центральной власти и распространение системы икта. В экономике при Фируз-шахе начался *период восстановления*: мы наблюдаем относительно высокий уровень потребления основной массы населения, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых поселений, низкие цены на хлеб, дороговизну рабочей силы.

В этот период сохранялся отмеченный выше параллелизм развития Индии и Ирана. Массовая раздача икта при Фируз-шахе соответствовала политике, принятой в Иране со времен Газан-хана, — Индия снова брала пример с Ирана. Так же как в Иране, распространение системы икта привело к ослаблению центральной власти и в конечном счете к феодальной анархии и к распаду государства. Анархия открыла дорогу новому нашествию кочевников, Тимур овладел Дели; это нашествие прервало период восстановления и принесло с собой новую демографическую катастрофу. Вторжение привело к новому переселению в Индию кочевых племен; в результате здесь, как и в Иране, власть оказалась в руках кочевников. При господстве афганцев икта стали полунезависимыми владениями, а их владельцы по произволу устанавливали налоги и отягчали крестьянские повинности.

Со временем начался процесс *социального синтеза*; афганская и тюркская знать постепенно усваивала мусульманские государственные традиции. К концу XV века султанам Дели удалось остановить анархию и объединить под своей властью большую часть долины Ганга. В правление султана Сикандара снова начался *период восстановления*, для этого времени характерны относительно высокий уровень потребления, рост населения, рост посевных площадей, низкие цены на хлеб. Однако попытки перенимания автократических традиций вызвали *традиционалистскую реакцию*, мятежная знать призвала в Индию нового завоевателя, Бабура. Началась долгая война, в ходе которой Шер-шах Сур предпринял новую попытку восстановления автократической этатистской монархии; здесь возможна аналогия с реформами Ала уд-дина, который подобными (но более решительными) методами пытался остановить монгольское нашествие. Попытка Шер-шаха завершилась неудачей, и Индия была завоевана Великими Моголами, но завоеватели воспользовались тем, что сделал Шер-шах, для создания новой монархии (трансформация $A_5 B^6$). В конечном счете война привела к *демографической катастрофе*, которая погубила значительную часть населения.

11.10. История Гуджарата

Индия представляет собой обширный субконтинент, заключающий в себе различные области с различными историческими судьбами. Выше

мы говорили об истории Дели и Доаба; необходимо также кратко остановиться на истории другого важного региона — Гуджарата.

Гуджарат представлял собой относительно замкнутый регион Северо-Западной Индии, отделенный от остальной части полуострова горами и пустыней. Здесь не было столь обильных ресурсов плодородных земель, как в долине Ганга, но, с другой стороны, соседство с морем предоставляло возможности для развития торговли. Гуджарат практически не пострадал от нашествия Тимура, и здесь продолжались процессы естественного развития, обусловленного реалиями предыдущей эпохи. Вскоре после разорения Дели многие наместники провинций стали независимыми правителями; наместник Гуджарата Зафар-хан провозгласил себя султаном и основал новое государство — Гуджаратский султанат.

Первые полвека существования нового султаната прошли в войнах с раджпутскими княжествами Раджастхана; так же как в долине Ганга, это было время феодальной анархии. Власть султанов была слабой; все земли султаната были розданы в икта, причем иктадары ничего не платили в казну и полновластно распоряжались в своих владениях. На территории султаната располагалось много раджпутских грасов, сохранившихся с домусульманских времен; их наследственных владельцев называли заминдарами. Заминдары не желали подчиняться гуджаратским султанам, и султану Ахмеду (1411–1442) пришлось приложить большие усилия, чтобы привести их к покорности. В конечном счете заминдары обязались приводить свои дружины в армию султана и перечислять в казну часть налогов²⁵³.

Правление султана Махмуда Бегара (1458–1511) было временем относительной стабилизации. Историки тех времен писали о «беспримерном процветании» страны: доходы большинства деревень увеличились в два-три раза, а в некоторых деревнях — в десять раз; цены на зерно были низкими, как никогда²⁵⁴. Махмуд уделял много внимания ирригации и поощрял разведение садов. Распашка пустошей производилась столь интенсивно, что ко времени султана Музафарра (1511–1526) стал ощущаться недостаток пастбищ для скота²⁵⁵.

К концу XV века относятся сведения об оживлении городской жизни. Столица Гуджарата, Ахмадбад, приобрела известность как один из крупнейших городов Индии, центр ткацкого ремесла. Триста предместий Ахмадабада равнялись по величине небольшим городам; лишь в одном из этих предместий находилось 12 тысяч лавок, принадлежавших купцам и ремесленникам. На побережье процветали знаменитые торговые города Камбей, Броч, Сурат; через эти порты гуджаратские ткани вывозились во многие страны Южной Азии²⁵⁶. Португалец Д. Барбоша писал, что в индийские ткани были одеты все мужчины и женщины от берегов Красного моря до Индонезии²⁵⁷. В начале XVI века камбейский порт ежегодно

посещало до 300 судов и налоги с Камбея давали $1/_{10}$ часть всех доходов султаната²⁵⁸.

Характерно, что рост городов Гуджарата сопровождался активизацией социальных движений; здесь нашла благоприятную почву проповедь махдистов, призывавшая к возврату к принципам исламской справедливости. Именно в Гуджарате появились первые махдистские общины, практиковавшие совместное владение имуществом и уравнильное распределение²⁵⁹.

Открытие португальцами морского пути в Индию привело к кризису гуджаратской торговли; португальцы захватили господство в океане и беспощадно топили и грабили индийские корабли. В 1530-х годах ухудшилась и политическая обстановка: гуджаратским султанам пришлось отражать вторжение моголов Хумаюна. Желая усилить обороноспособность государства, султан Мухаммад III (1538–1554), по примеру Исламшаха, попытался отнять у заминдаров их владения. Эта попытка стоила султану жизни; после его гибели началась смута и в конечном счете Гуджарат был завоеван моголами²⁶⁰.

Войны и сокращение торговли сказалось на жизни городов; европейские путешественники описывали бедность жителей Камбея, руины на улицах города²⁶¹. Недостаток продовольствия ощущался в Гуджарате уже давно; как отмечалось выше, были распаханы все пастбища, продовольствие завозилось из соседней Малвы. В 1563 году в Камбее был сильный голод, и голодающие жители города продавали своих детей. После разрушительного вторжения моголов в 1573 году также начался голод, которому сопутствовала эпидемия; массы людей бежали из Гуджарата в соседние области²⁶².

Несмотря на все потери, могольское завоевание Гуджарата не сопровождалось такими катастрофическими потрясениями, как в долине Ганга; страшный голод 1554–1556 года не затронул Гуджарат. Если даже население несколько уменьшилось, то земли по-прежнему не хватало: об этом говорит сохранение высоких цен на зерно²⁶³. С другой стороны, образование Могольской империи положило конец смутам и создало благоприятные условия для развития торговли. При падишахе Акбаре (1556–1605) были построены дороги, связавшие Гуджарат с долиной Ганга, Гуджарат превратился в «порт Индии». Нехватка земли побуждала крестьян заниматься ремеслом; появилось множество поселков, жители которых зарабатывали на жизнь производством тканей на рынок. Многие крестьяне переселялись из деревень в города; снова начался рост городов; разросшийся Ахмадабад поглотил многие окрестные села²⁶⁴. Географ Амад-и Рази говорил об Ахмадабаде как о самом великолепном городе, подобного которому нет более нигде в мире. Золотая и серебряная парча, бархат, газ и многие другие ткани, производившиеся в Ахма-

дабаде, не имели равных в Индии; их продавали в Иране, Турции, Сирии²⁶⁵. Интересно, что помимо множества мелких мастерских в Ахмадабаде существовали и крупные государственные мануфактуры («карханэ»), в которых применялся наемный труд²⁶⁶.

В условиях кастового строя развитие ремесла в Индии оформлялось в традиционную оболочку цехов-каст; существовало много каст ткачей, прядильщиков, отбеливателей, красильщиков, набойщиков и т. д.²⁶⁷ Характерно, что многие ахмадабадские ткачи принадлежали к земледельческим кастам, то есть были выходцами из деревни. Члены каст бережно хранили секреты своего мастерства и старались не допустить в свою среду посторонних. Помимо ремесленных каст, существовали касты ростовщиков и торговцев; о богатстве гуджаратских купцов ходили легенды, купец Вирджи Вора из Сурата, например, считался богатейшим человеком на свете. Однако каковы бы ни были богатства купцов, они не могли (как в Англии) претендовать на политическую власть: власть находилась в руках могущественных монархов Дели²⁶⁸.

В начале XVII века в Индийском океане появились голландские и английские корабли, и португальцы утратили господство на морях. Гуджаратские мореплавание и торговля испытывали новый подъем; ткани Ахмадабада продавались во всех странах Востока. Англичане начали массовые закупки тканей для продажи в Европе: кусок хлопчатой ткани стоил в Индии 7 шиллингов, а в Англии — 20 шиллингов²⁶⁹. Развивалась и внутренняя торговля: города Гуджарата требовали все больше хлеба, и его привозили караванами из Малвы и Агры, а также на судах из Гоа. Однако перевозка зерна обходилась дорого и не удовлетворяла растущих потребностей; цена на зерно в Гуджарате была выше, чем в других областях Индии. В 1620-х годах стоимость одного мана пшеницы составляла около 0,8 рупии²⁷⁰, в то время как неквалифицированные рабочие получали примерно 2,4 рупии в месяц²⁷¹. В пересчете на зерно это составляет 2,8 кг в день — это был уровень потребления, характерный для кризисных времен²⁷². Постепенно ухудшалось и положение в деревне; источники говорят о разорении крестьян, которые не могут платить налоги и уходят из деревни; в 1620-х годах это явление принимает массовый характер²⁷³.

Нараставшая нехватка зерна в конечном счете привела к страшному голоду 1630–1632 годов. Засуха совпала с нарушением поставок хлеба из соседних областей. Голод заставлял родителей продавать своих детей, кости мертвых толкли и подмешивали в муку; людоедство стало обычным явлением. Вслед за голодом пришли эпидемии; по некоторым сведениям, в течение десяти месяцев 1631 года погибло три миллиона жителей Гуджарата; население городов сократилось в десять раз²⁷⁴.

Таким образом, двухвековой период развития Гуджарата завершился демографической катастрофой.

* * *

Переходя к анализу истории Гуджарата в XV — начале XVII века, необходимо отметить, что Гуджарат был особым регионом Индии, отличавшимся от других областей меньшими ресурсами плодородных земель. Это предопределило сравнительно раннее появление признаков перенаселения и сжатия. Но с другой стороны, Гуджарат имел возможности для развития морской торговли и обмена ремесленных товаров на продовольствие. Имелись благоприятные условия и для посреднической торговли по морскому пути вдоль берегов Азии.

Остается неясным, насколько большой ущерб принесли экономике Гуджарата междоусобные войны первой половины XV века и следует ли говорить о продолжении колонизации или о восстановлении после этих войн. Тем не менее очевидно, что во второй половине XV столетия мы наблюдаем признаки первой фазы демографического цикла: относительно высокий уровень потребления, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых поселений, низкие цены на хлеб, ограниченное развитие городов и ремесел, внутривнутриполитическая стабильность. С начала XVI века постепенно появляются признаки сжатия: сообщения о голоде, крестьянское малоземелье, уход крестьян в города, рост городов, бурное развитие ремесел и торговли, большое количество безработных и нищих, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости, строительство ирригационных систем с целью освоения новых земель. В 1550–1570 годах сжатие обостряется и наблюдаются некоторые черты *экосоциального кризиса*: голод, этатистские реформы, эпидемии, войны.

Возможно, экосоциальный кризис привел к гибели некоторой части населения, но его масштабы не позволяют говорить о демографической катастрофе, речь идет о *промежуточном кризисе*, подобном египетскому кризису 1140–1160 годов. Следствием промежуточного кризиса было некоторое уменьшение демографического давления, ослабление сжатия и удлинение демографического цикла. Кроме того, имелись и социальные последствия: могольское завоевание привело к установлению этатистской монархии (трансформация A_cB^c).

После кризиса демографическое давление демографическое вновь стало расти, и в конце XVI века вновь проявились признаки сжатия: низкий уровень потребления основной массы населения, крестьянское малоземелье, разорение крестьян-собственников, уход разоренных крестьян в города, рост городов, бурное развитие ремесел и торговли, падение уровня реальной заработной платы, дешевизна рабочей силы, высокие цены на хлеб. В конечном счете сжатие привело к новому *экосоциальному кризису и демографической катастрофе*.

Гуджаратский цикл гораздо лучше документирован, чем цикл времен Делийского султаната; здесь впервые достаточно ясно фиксируется процесс сжатия, который в конечном счете приводит к экосоциальному кризису и демографической катастрофе. Это говорит о том, что первоначальная колонизация в этом регионе Индии подошла к концу, и развитие входит в ритм демографических циклов. При этом существенно, что речь идет об относительно изолированном регионе субконтинента, к тому же обладающем такой особенностью, как близость к морю. Морская торговля обеспечивала возможность экспорта гуджаратских тканей и давала приток денег, на которые закупался хлеб в Малве и Агре. Наладив обмен тканей на хлеб, Гуджарат получил новые возможности для развития, для увеличения численности населения и удлинения демографического цикла. В XVI веке Гуджарат превратился в крупнейший промышленный центр Востока; ткачи Ахмадабада снабжали своей продукцией рынки всех стран Азии, а впоследствии и рынки Европы. Однако потребности растущих городов Гуджарата в конечном счете превзошли возможности доставки продовольствия; экономическая система стала неустойчивой, длительная засуха и сбои в поставках хлеба привели к катастрофе. Таким образом, гуджаратский цикл дает нам пример развития аграрно-промышленного общества.

Поскольку ко времени кризиса Гуджарат был лишь одной из провинций огромной Империи, то гуджаратский кризис не привел к существенным политическим переменам или к трансформации структуры. Но вместе с тем он показывает необходимость учета региональных различий: в больших государствах различные регионы могут развиваться асинхронно, переживая свои демографические циклы и катастрофы.

11.11. Китай под властью монголов

Вернемся теперь к анализу истории Китая, страны, которая первой подверглась нашествию монголов. Монгольское завоевание Северного Китая сопровождалось страшными опустошениями и массовым истреблением мирного населения. «В провинциях Хубэй, Хэнань, Хунань, Шаньдун на несколько тысяч ли пространства почти все жители были перебиты, — говорит китайская хроника. — Золото и шелковые ткани, сыновья и дочери, волы и кони — все подобно циновке свернуто и увезено. Дома и хижины преданы огню, городские стены превращены в развалины»²⁷⁵. Монгольская знать намеревалась уничтожить всех китайцев, а земли Китая превратить в пастбища. «От ханьцев нет никакой пользы государству, — говорил великому хану Угэдэю сановник Бе-де. — Можно уничтожить всех людей и превратить земли в пастбища»²⁷⁶. Однако китайскому чиновнику Елюй Чуцаю удалось убедить хана пощадить поко-

ренную страну. «Если ... справедливо установить земельный налог... то ежегодно можно получать 500 тысяч лян серебра, 80 тысяч кусков шелка и свыше 400 тысяч ши зерна... — говорил Чуцай. — Как же можно говорить, что от китайцев нет никакой пользы!»²⁷⁷ Угэдэй назначил Чуцай первым министром²⁷⁸ и приказал восстановить налоговые управления и наладить администрацию на завоеванных территориях. В 10 губерний, лу, образованных по цзиньскому образцу, были назначены губернаторы да-лу-хуа-чи, в монгольском произношении — «даругачи»²⁷⁹. Была восстановлена система налогов: подушный налог, поземельный и подворный (поимущественный) налоги, а также государственные монополии на соль, железо, вино, чай и некоторые другие товары²⁸⁰. После окончательного завоевания Северного Китая в 1235 году была проведена перепись населения; было зарегистрировано 1,8 млн дворов и 4,8 млн человек — население сократилось более чем в 10 раз. О том, насколько была разорена страна, говорят уже размеры сборов, обещанные Чуцаем хану, — в пересчете на деньги они эквивалентны 1,7 млн связок монет — при Цзинь собирали в 40 раз больше!²⁸¹

Восстановление китайской системы налогообложения было проявлением *социального синтеза*, процесса перенимания завоевателями порядков побежденной империи. Однако в отличие от предыдущего периода синтез проходил с заметным преобладанием кочевых традиций. За немногими исключениями, китайцы не допускались на высшие посты; не доверяя побежденным врагам, монголы назначали на должности уйгуров, киданей, выходцев из Средней Азии. Монгольская знать сохраняла решающее влияние на принятие решений; ханов по-прежнему выбирали на курултаях. Монгольские князья и военачальники получали в уделы (улу-сы) обширные владения с тысячами крестьян. Елюй Чуцай настоял на том, чтобы в каждый удел назначался даругачи²⁸², который собирал налоги от лица государства и передавал их владельцу удела, но на деле князья сами назначали сборщиков и чиновников. Владельцы уделов считали своих крестьян, цюйдинов, рабами и брали с них, сколько хотели; половина уцелевшего населения Цзинь была обращена в рабов. Рабская доля была уготована всем взятым в плен ремесленникам; они работали в больших мастерских, принадлежащих государству и знати²⁸³.

Жизнь свободных была немногим лучше жизни рабов. Налоги, собираемые с крестьян, сдавались на откупа мусульманским купцам, которые произвольно завышали их ставки. Тем, кто не мог уплатить налоги, давали в долг под огромный процент, а тех, кто не мог уплатить долг, продавали в рабство. Помимо налогов, существовали многочисленные повинности, в том числе постоянная и ямская; проезжавшие по делам службы монголы могли требовать от крестьян лошадей, провиант и все, что им вздумается. Крестьяне находились в полной власти завоевателей; поло-

жение было примерно таким же, как в Иране и в других завоеванных монголами странах. Единственным спасением для крестьян было бегство, по свидетельству одного из чиновников, в 1239 году из каждых 10 дворов 4–5 было в бегах; крестьяне толпами уходили на юг, в еще сохранявший независимость Южный Китай. В конечном счете Елюй Чуцай убедил Угэдэя навести порядок в откупах и ограничить ямскую повинность, но полностью прекратить произвол было невозможно²⁸⁴.

При великом хане Монкэ (1251–1259) наместником Северного Китая был назначен его брат Хубилай. Хубилай долго жил в Китае, знал китайский язык и восхищался китайской культурой; его ближайшим советником был известный ученый конфуцианец Хао Цзин²⁸⁵. В 1259 году Монкэ и Хубилай возглавили большой поход в Южный Китай; в августе этого года великий хан умер, и Хубилай принял командование; он сразу же запретил войскам убивать и грабить мирных жителей²⁸⁶. Вскоре после этого было заключено перемирие, и Хубилай с армией отправился в Монголию, сражаться с другим претендентом на ханский престол, Арик-букой. Вокруг Арик-буки сплотились сторонники кочевых традиций, недовольные политикой перенимания китайской культуры; война продолжалась четыре года и завершилась победой Хубилая. В 1264 году Хубилай перенес столицу на территорию Китая, в Пекин, а в 1271 году объявил себя первым императором новой династии Юань²⁸⁷. Эти действия вызвали новую войну с кочевниками. Западная Монголия отказалась признать своим властелином китайского императора, и вслед за этим распалась вся огромная империя монголов. Западные улусы — Средняя Азия, Иран, Золотая Орда — стали независимыми государствами.

Политика Хубилая была проявлением *социального синтеза*, а восстания кочевников — проявлением *традиционалистской реакции*. Великий хан благоволил к китайским чиновникам и назначал их на посты; было отменено наследование должностей, и китайцы составляли большую часть провинциального чиновничества, хотя высшие должности по-прежнему занимали монголы. Чиновничество было разделено на ранги и, соответственно рангу, получило земельные пожалования — от 200 до 1600 му пашни²⁸⁸. В экономической области Хубилай проводил традиционную конфуцианскую политику «поощрения земледелия». В 1260-х годах Север еще лежал в развалинах, очень многие земли были заняты кочевниками под пастбища. Марко Поло писал, что и в его время на много дней пути от Пекина простирались лишь пастбища и леса²⁸⁹. Хубилай регулярно издавал указы о передаче пастбищ крестьянам для распашки, обязывал местные власти предоставлять нуждающимся семена и волов. Восстанавливались ирригационные системы, лишь на строительстве канала Тунхуйэ в 1293–1294 годах было занято 2,8 млн крестьян. Однако положение крестьян на Севере оставалось тяжелым; здесь располагались уделы

знати и крестьяне находились на положении рабов. Крестьяне-рабы использовали любую возможность, чтобы бежать от своих хозяев на Юг; в 1283 году бежало 150 тыс. семейств, в 1285 году — еще больше. В 1290 году на Севере было зарегистрировано лишь 1,4 млн дворов налогоплательщиков и около одного миллиона проживало в уделах — однако эти цифры не дают представления о действительном положении дел; знать и помещики скрывали от переписей своих крестьян²⁹⁰.

Осенью 1274 года Хубилай начал «великий поход» на юг; как и в предыдущем походе, солдатам запрещалось грабить и убивать мирных жителей. «Ныне хочу сохранить вновь присоединенные города и селения Южных Сунов, чтобы народ спокойно занимался своими делами и земледелием», — говорил Хубилай²⁹¹. Многие города сдавались без боя, наместники провинций переходили на сторону Юань, через полтора года империя Сун прекратила существование²⁹².

Завоевание Южного Китая не сопровождалось такими страшными разрушениями, как завоевание Севера. По переписи 1223 года, на Юге насчитывалось 12,7 млн дворов, около 1280 года — 9,3 млн, а по переписи 1290 года — 11,8 млн²⁹³.

В источниках упоминается еще одна цифра численности населения — 5,7 млн дворов около 1264 года²⁹⁴. Если принять ее на веру, то придется сделать вывод о том, что монгольские вторжения в середине XIII века привели к демографической катастрофе. Однако невозможно предположить, что в 1265–1280 годах, в период интенсивных военных действий, численность населения возросла в 1,6 раза. Цифра 9,3 млн также вызывает сомнение, так как в этом случае пришлось бы допустить неслыханно быстрый рост населения (8 % в год) в 1280–1290 годах. По-видимому, обе эти цифры являются результатом недоучета населения в смутный период истории Юга.

Марко Поло, путешествовавший по Южному Китаю через 10 лет после его завоевания, восхищался богатством и многолюдностью «страны Манги». Ханчжоу — самый большой город на свете, рассказывал Марко Поло, там 12 ремесел и для каждого ремесла 12 тыс. мастерских, в каждой мастерской по меньшей мере 10 человек, а в иных 30 или 40. «Подивитесь, если я вам скажу вот что: в области Манги более 1200 городов... Кто не видел, а только слышал о делах и богатстве области Манги, тот и не поверит всему... Величие этой области еле-еле опишешь...»²⁹⁵. Поскольку южные помещики перешли на сторону монголов, то Хубилай сохранил в неприкосновенности их земли и богатства; налоги были даже уменьшены, поземельный налог составлял 1 доу с 1 му. Юг был страной помещичьего землевладения; до завоевания более трети крестьян Юга не имели земли и арендовали ее у помещиков. После завоевания положение не изменилось: чиновники отмечали в докладах, что в то время как на

Севере крестьяне имеют свою землю, на Юге они работают на помещиков²⁹⁶. Арендная плата составляла половину урожая и на заливных землях достигала 30 доу с 1 му²⁹⁷.

После завоевания Южного Китая монгольские войска были размещены гарнизонами в городах. Был установлен режим жестокого полицейского контроля; китайское население было объединено в 20- и 50-дворки, связанные круговой порукой; главами таких общин назначали монгольских воинов. Китайцам запрещалось держать лошадей, ходить ночью по улицам, категорически запрещалось хранить оружие — конфискации подлежали даже плети и батоги с железными наконечниками. Любой монгол мог безнаказанно избить китайца; китайцу, поднявшему руку на монгола, грозила смерть²⁹⁸.

Несмотря на кажущуюся мощь полицейского режима, империя Юань не смогла создать эффективного аппарата управления — подобного тому, которым обладали Цзинь и Сун. По-видимому, это связано с тем обстоятельством, что монгольская знать сохраняла свою силу и все высшие должности занимали не сведущие в делах управления монголы. Под эффективным контролем правительства, по существу, находились лишь области вокруг столицы; в провинциях местные власти зачастую позволяли себе игнорировать указания центра²⁹⁹. Чиновники на местах брали взятки и укрывали налогоплательщиков; в отдельных случаях от обложения скрывали сотни тысяч крестьян и миллионы му земли — в целом это приводило к непоступлению доходов³⁰⁰. По официальным данным, в 1290 году числилось 13,4 млн податных дворов с населением 59,8 млн³⁰¹. При этом на Севере учет населения фактически не существовал. Огромная империя Юань получала в качестве поземельного налога лишь 12 млн даней зерна — в четыре раза меньше, чем империя Цзинь³⁰². Правительство находилось в постоянном финансовом кризисе и восполняло дефицит печатанием бумажных денег; за 1260–1296 годы количество денег в обращении возросло в 12 раз. Положение осложняли постоянные дворцовые смуты; после смерти Чэн-цзуна (1294–1307) императоры возводились на престол соперничающими группировками знати, и, чтобы отблагодарить своих сторонников, раздавали им все, что имели. Вступив на престол, император У-цзун (1307–1311) раздарил 3,5 млн динов — сумму, примерно равную годовому доходу казны. К концу правления этого императора расходы в семь раз превышали доходы, и бумажные деньги, которыми восполняли нехватку, полностью обесценились³⁰³. Император Жень-цзун (1312–1320) попытался навести порядок и предпринял серию реформ. Было начато составление земельного кадастра, у владельцев уделов отняли право самостоятельного сбора налогов — налоги стали собирать государственные чиновники. Реформы вызвали недовольство монгольской знати и китайских помещиков, помещики подбивали крестьян на высту-

пления против обмера земель; в нескольких районах вспыхнули восстания, и императору пришлось прекратить проведение реформ. Единственным результатом деятельности Жень-цзуна было введение экзаменационной системы для отбора низших чиновников, причем монголы экзаменовались по более легкой программе, чем китайцы³⁰⁴.

В докладах министров начала XIV века постоянно звучит обеспокоенность положением на Юге. «Богатые дома утаили и владеют имперскими крестьянами и рабами. Многие из них имеют сотни и тысячи дворов зависимых крестьян, а некоторые — до 10 тысяч. Их могущество можно понять», — говорится в докладе 1309 года³⁰⁵. В докладе 1320 года указывалось, что население Юга не платит никаких налогов, кроме поземельного и торгового, что помещики Юга очень богаты³⁰⁶. Богатство помещиков было следствием разорения крестьянства, а разорение крестьянства — следствием нарастающего малоземелья. В 1330-х годах арендная плата достигала 60 % урожая, и зачастую даже на этих условиях крестьянин не мог арендовать клочок земли³⁰⁷. Бедствующим крестьянам приходилось брать в долг под заклад детей и жен; в некоторых местностях они продавали помещикам сыновей в услужение, а дочерей — в наложницы, составляя купчие, как при торговле скотом³⁰⁸.

Разорение крестьянства вызывало обеспокоенность властей. «Я слышал, что богатые дома... захватывают земли, а бедняки разбредаются по свету и бродяжничают толпами», — говорил император Чэн-цзун³⁰⁹. Хубилай и Чэн-цзун неоднократно требовали у помещиков понизить арендную плату на 20–30 %, однако на местах игнорировали эти требования. Между тем аграрный кризис нарастал, в правление Тай-цзуна (1324–1327) цена одного даня риса достигала 20 связок монет — 10–20 серебряных лянов. 1329 году неурожай привел к большому голоду, по официальным данным, голодало 7 млн человек, были многочисленные случаи людоедства³¹⁰. «В провинции Шэнси голод был непрерывным и умершие голодной смертью в беспорядке лежали на дорогах», — говорит «История Юань»³¹¹.

Возможно, как утверждают А.В. Коротаев, Н.А. Комарова и Д.А. Халтурина, существенным обстоятельством, приблизившим кризис, было похолодание первой половины XIV века, которое могло привести к сокращению урожайности³¹². Неурожаи были зафиксированы почти для каждого года правления Тогон-Тэмура (1333–1368)³¹³. Правительство принимало определенные меры, крестьяне голодающих областей освобождались от половины налогов, была налажена работа «амбаров регулярного выравнивания цен». Однако эти меры были недостаточны, то здесь, то там происходили крестьянские восстания, голод 1337 года вызвал восстания в четырех провинциях³¹⁴. Нарастающий кризис привел к активизации религиозных сект, призывавших народ к борьбе против

угнетателей; секта Минцзяо проповедовала скорое пришествие восставителя справедливости, Князя Света, «Мин-вана»³¹⁵.

В ходе подавления восстаний выявилась низкая боеспособность правительственных войск. После завоевания Китая для обеспечения монгольских отрядов было выделено примерно 20 млн му земли и 450 тыс. крестьянских семей. Эти крестьяне были поделены между воинами и жили в военных поселениях на положении рабов³¹⁶. Поскольку численность монголов росла, то это обеспечение вскоре оказалось недостаточным; воины обеднели и зачастую не могли снарядиться в поход. «Они сами добывают средства на снаряжение... и при каждом отправлении непременно распродают земли, имущество, и даже продают жен и детей», — докладывал чиновник о положении гарнизонов в Шаньдуне³¹⁷. Сохранилось множество сообщений об отправке властями зерна для голодающих гарнизонов³¹⁸. С другой стороны, в условиях мира, не подвергаясь естественному отбору в жестоких войнах, когда-то непобедимые монголы растеряли свои боевые качества. В особенности это касалось командиров, проводивших время в пирах. «О военном деле и не вспоминали, — свидетельствует современник. — Летящие кубки пришли на смену ядрам, хозяйничанье на пирах — на смену командования войсками, ряды мясных блюд сменили войсковые построения, застольные песни звучали вместо военных гимнов... Могла ли такая армия быть когтями и зубами государства, когда Поднебесная взбунтовалась?»³¹⁹

1344 год стал роковым для империи Юань. Хуанхэ прорвала давно не ремонтировавшиеся дамбы, затопила три округа и, повернув на север, нашла себе новую дорогу к морю. Бедствие охватило всю северо-восточную часть страны, голодало 10 млн человек. «Амбары регулярного выравнивания цен» быстро опустели, вслед за голодом пришел мор, на севере Хэнани погибла половина населения. Правительство не смогло мобилизовать народ для восстановления дамб, и неуправляемая река год за годом затапливала обширные области от Кайфына до моря. Шаньдун и Хэнань были охвачены восстаниями; повсюду царил анархия³²⁰. С большим опозданием, в 1351 году, власти решили начать восстановительные работы и мобилизовали полтора миллиона крестьян³²¹. Однако продовольствие было расхищено чиновниками, работники голодали; в мае 1351 года глава секты «Минцзяо» Хань Шаньтун поднял народ на восстание; началась крестьянская война³²².

Восстание быстро перебросилось на юг, в долину Янцзы. Сотни тысяч повстанцев с красными повязками на головах громили сельские управы и усадьбы помещиков, захватывали амбары и делили зерно. Восстание с самого начала было направлено не столько против монголов, сколько против китайских помещиков. «Население деревень объединилось для мятежа, — свидетельствует современник, — убивали и грабили “большие дома” с жестокостью неслыханной»³²³. Помещики, в свою очередь, нани-

мали солдат и создавали отряды самообороны. Началась кровопролитная война, которая продолжалась 18 лет; в разных районах страны повстанческие вожди провозглашали себя гунами и ванами и пытались наладить управление. Командующий повстанцами в низовьях Янцзы Чжу Юаньчжан приблизил к себе ученых конфуцианцев и, следуя советам шэньши Лю Цзи, ввел систему военных поселений: поселенцы пахали землю и по очереди несли службу³²⁴.

В этой долгой войне проявились некоторые военные инновации, способствовавшие в конечном счете поражению монголов. Тактика повстанческих армий была основана на заимствовании мощного монгольского лука, но лучники были пешими, а не конными, как у кочевников. От атак конницы пехотинцы защищались, используя подвижные укрепления из повозок наподобие позднейших европейских вагенбургов³²⁵. Кроме того, стало широко использоваться примитивное огнестрельное оружие: стволы с порохом, «огненные копья» и ручницы. К этому времени китайские мастера научились отливать и настоящие пушки: первое известное китайское бронзовое орудие датируется 1351 годом³²⁶. Однако более существенным для победы повстанцев были не эти новшества, а отсутствие единства среди их противников-монголов; в 1360-х годах империя Юань раскололась на части, и монгольские армии сражались не столько с повстанцами, сколько между собой. В конце концов, Чжу Юаньчжану удалось объединить силы «красных войск» и двинуть их в поход на Пекин. 14 сентября 1368 года «Армия Северного похода» вступила в столицу; эпоха монгольского владычества в Китае подошла к концу.

18-летняя война, голод и эпидемии принесли с собой демографическую катастрофу. Шаньдун, Хэбэй и Хэнань были похожи на необитаемые земли, где «поросли быльем дороги, не встретишь и следа человека»³²⁷. По оценке В. Эберхарда, площадь пахотных земель в эпоху Юань составляла 6 млн цинов³²⁸; к 1368 году она сократилась до 1,8 млн цинов³²⁹; это заставляет предположить, что население сократилось в два-три раза.

* * *

Переходя к анализу истории Китая в эпоху Юань, необходимо отметить, что этот период дает еще один образец цикла Ибн Халдуна, совпадающего с демографическим циклом. Цикл начинается с завоевания Северного Китая монголами, затем следует *социальный синтез*, в процессе которого завоеватели перенимают государственные традиции покоренного населения — и прежде всего, самодержавие. Однако кочевая знать пытается отстаивать свои традиции, *традиционалистская реакция* приводит к войне — и даже к отпадению Западной Монголии. Прокитайская партия Хубилая одерживает победу, но не решается открыто следовать традициям китайского самодержавия и привлекать китайских чиновников

на высшие должности. В результате монгольская знать сохраняет свою силу и после смерти Хубилая снова вступает в борьбу за власть; эта внутренняя борьба обуславливает слабость империи Юань.

Завоевание Южного Китая приводит к тому, что в состав империи включается огромный регион, уже давно находящийся в состоянии сжатия. Мы наблюдаем на юге такие признаки сжатия как крестьянское малоземелье, разорение крестьян, рост помещичьего землевладения, рост ростовщичества, распространение долгового рабства, уход разоренных крестьян в города, рост городов, бурное развитие ремесел и торговли. Монгольское завоевание Южного Китая не привело к существенным переменам в социальных отношениях, хотя власти пытались провести некоторые реформы для облегчения положения народа (понизить арендную плату). Монгольская власть оказалась слишком слабой, она не смогла даже провести земельный кадастр; по существу, империя Юань стала заложницей китайских помещиков. С другой стороны, в согласии с теорией Ибн Халдуна, завоеватели-монголы постепенно теряли свои боевые качества, империя слабела, феодальные клики соперничали за власть (трансформация C^cA_c). Сжатие постепенно нарастало, с 1320-х годов появляются частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, о голодных бунтах и восстаниях, о расколе в среде монгольской элиты, о распространении диссидентских течений. В 1344 году произошла экологическая катастрофа на Хуанхэ; слабость империи привела к тому, что она не смогла создать значительные хлебные резервы и не сумела мобилизовать крестьян на восстановление дамб — в итоге империя Юань разделила судьбу империй Суй и Старшая Хань. Начался жестокий *экосоциальный кризис*: голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, демографическая катастрофа, разрушение или запустение многих городов, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, и в конечном счете — социальная революция. В итоге для Северного Китая мы имеем трансформацию C^cA_cB , а для Южного Китая, где продолжался сунский цикл — трансформацию $A_bA_c^cB$.

* * *

Подводя итоги эпохи монгольского лука, необходимо отметить, что монгольские завоевания имели чрезвычайно важное значение в плане взаимовлияния различных культур и обществ. Власть монголов распространилась на огромные пространства Евразии, сломав границы и перемешав традиции многих государств и народов. После реформ Елюй Чуцая государственное устройство Монгольской империи приобрело многие китайские черты — и завоевывая очередную страну, монголы вводили там не только монгольские, но и китайские порядки. Речь идет прежде всего, о *китайской этатистской монархии* о ее бюрократической организации, о принципе разделения военной и финансовой власти (наместники и да-

ругачи-баскаки), о переписях и кадастрах, о системе налогов и пошлин (в частности, о тамге), о коллективной ответственности «десятков» и «со-тен», о ямской службе, о деньгах с принудительным курсом, о государственных закупках, о торговых и ремесленных государственных монополиях, о больших государственных мастерских-карханэ. Опосредованное монголами, китайское этатистское влияние имело большое значение для формирования государственного устройства Ирана, Индии, Османской империи, России и некоторых других стран Евразии.

После монгольских завоеваний «центром силы» на Ближнем Востоке стало государство Хулагуидов в Иране, и могущество этой империи заставило соседние страны, Делийский султанат и мамлюкский Египет, отчасти трансформироваться по ирано-монгольскому образцу. Необходимо отметить, что индуцированный этатизм имел военный характер, он подразумевал очень высокие (такие же, как в Иране) налоги, но вместе с тем суровую военную дисциплину и скромное обеспечение воинов, которые лишились привилегированного положения и не могли эксплуатировать крестьян.

В соответствии с диффузионистской теорией, в государстве Хулагуидов происходили процессы *социального синтеза*, завоеватели перенимали мусульманские государственные традиции, а также и тюркскую систему икта. В итоге после реформ Рашид ад-дина сформировался своеобразный комплекс из мусульманских и китайских этатистских элементов в сочетании с контролируемыми икта. Эта модель государственного устройства позднее легла в основу Османской империи, но в Иране она оказалась нестабильной: распространение икта и традиционалистская реакция кочевников привели к распаду державы Хулагуидов. Вслед за этим последовало разложение монархии в тех государствах, которые копировали ирано-монгольскую империю, в Делийском султанате и в Египте. В обеих странах против монархии сначала выступила военная элита, вновь, как во времена сельджукского феодализма, потребовавшая перераспределения ресурсов в свою пользу. Но затем в ход событий вмешался демографический фактор — середина XIV века стала временем демографической катастрофы во всех странах Евразии. Эту катастрофу обычно связывают с эпидемией «черной смерти», но надо учитывать, что эпидемии поражают в первую очередь страны, находящиеся в фазе сжатия. Таким образом, мы можем констатировать, что катастрофа имела наибольшие масштабы в Египте, в Северной Индии и в Китае, но намного меньшие — в Иране и в Малой Азии. В Китае эпидемия была частью грандиозного кризиса, главную роль в котором играла освободительная война, закончившаяся изгнанием монголов и созданием новой империи Мин. В Египте и в Делийском султанате кризис имел элитный характер, и он привел к восстановлению основанного на системе икта феодализма.

Таким образом, после падения индуцированных монгольским нашествием этатистских монархий на Ближнем Востоке начался второй период феодализма. Для этого периода были характерны господство системы икта, бедственное положение закрепощенных крестьян, политическая нестабильность, междоусобные войны военных группировок, и в отдельные периоды — феодальная раздробленность. С точки зрения демографически-структурной теории это был интерцикл, продолжавшийся необычайно долго — с середины XIV до начала XVI века. Все это время продолжались чумные эпидемии, и некоторые исследователи полагают, что именно они были причиной нестабильности и разрухи. Мы считаем, однако, что причинно-следственная связь была обратной, что именно нестабильность порождала разруху и эпидемии: в это самое время в Китае в условиях стабильности не было значительных эпидемий и отмечался рост населения в соответствии с обычными закономерностями демографического цикла. В условиях стабильности росло население и в Южной Индии, а после 1420 года — также и в Османской империи.

Зона стагнации, таким образом, совпадала с зоной политической нестабильности, вызванной междоусобицами военной элиты. Если же мы попытаемся проанализировать причины этой нестабильности, то увидим, что военную элиту в Иране и Северной Индии это время составляли кочевые племена, которые принесли в новые области расселения обычаи Великой степи — в том числе и постоянные межплеменные войны. Тюркские кочевые племена обосновались в Азербайджане и в Восточной Анатолии, создав здесь внутренний кочевой очаг, островок Великой степи посреди области древних земледельческих цивилизаций; отсюда они господствовали над Ираком, Ираном и Сирией. Кочевники составляли не менее третьей части населения Ирана³³⁰, поэтому понятно, что Ближний Восток в этот период развивался по законам кочевых обществ, принципиально отличным от законов демографических циклов.

Таким образом, второй период феодализма в Иране и Северной Индии были временем господства кочевников. В Египте роль кочевых племен играли мамлюкские кланы, которые состояли из тюрок и черкесов и подражали поведению настоящих кочевников — кочевые обычаи распространялись путем диффузии так же, как обычаи земледельцев. Но политические традиции земледельцев все же выжили и время от времени проявлялись в новых процессах *социального синтеза* в правление Шахрука и Джеханшаха. Наиболее ярко этот процесс был представлен в деятельности создателя Османской империи, визиря Чандарлы Хайр уд-дина, который сумел обуздать кочевую вольницу и организовать новое государство в соответствии с заветами Рашид ад-дина. Эта организация позволила османам первым взять на вооружение огнестрельное оружие и, в конце концов, обеспечила их победу над тюрками Ирана и мамлюками Египта.

Глава 12. Эпоха «пороховых империй»

12.1. «Пороховая революция»

В XV веке в истории Азии — так же, как в истории всего мира — начинает сказываться мощное влияние нового фундаментального открытия — «пороховой революции». Как известно, первое упоминание о быстро горящей смеси из селитры, серы и древесного угля содержится в рукописи китайского алхимика Су Сымяо (682 г.). Однако это еще не был настоящий порох: в составе смеси было относительно мало селитры, поэтому смесь не взрывалась, а быстро сгорала. Но эта порохообразная зажигательная смесь быстро нашла свое применение в широко использовавшихся «огненных стрелах» и «огненных копьях», а также в зажигательных снарядах хо пао, которые метали с помощью баллист¹.

К XII веку доля селитры в порохообразных смесях увеличилась, и появился настоящий порох, который использовался в чугунных разрывных бомбах те хо пао. Во второй половине XIII века в Китае появились бронзовые пищали, стрелявшие каменными и чугунными ядрышками. К этому времени секрет пороха распространился в другие страны Востока, где также пытались использовать его в военных целях. В конце XII столетия арабский ученый Шемс ад-Дин Мухаммад описал оружие под названием «модфа», которое стреляло с помощью порохового заряда маленькими «орехами». В 1273 году арабский полководец Абу-Юсуф использовал пушки при осаде города Сиджильмасы в Магрибе².

От китайцев и арабов огнестрельное оружие попало в Западную Европу. Рисунок, из английской рукописи, датируемый 1326 годом, изображает пушку в виде кувшина, из горлышка которого высовывается снаряд со стрелой на конце. Эта конструкция совершенно идентична китайским пушкам начала XIV века³, и поскольку порох и огнестрельное оружие имели к тому времени в Китае долгую историю, то очевидно, что европейские пушки были заимствованы из Китая. Путь этого заимствования, очевидно, проходил через арабский Восток, однако в силу каких-то неясных пока обстоятельств, пушки получили наибольшее применение на крайнем западе арабского мира. Из мусульманской Испании огнестрельное оружие попало в христианскую Европу, где было значительно усовершенствовано. Во-первых, в 1372 году в Германии ручная пищаля была снабжена фитильным замком и таким образом появились первые аркебузы. Во-вторых, в начале XIV века во Франции научились выделять

порох в зернах, что делало его более безопасным при перевозке и увеличило силу взрыва примерно на треть⁴.

В Османскую империю усовершенствованное огнестрельное оружие пришло из Европы, и первые известия о его применении турками относятся к 1380-м годам. Однако, так же как и в Европе, первые аркебузы и пушки не были достаточно эффективными, чтобы определять ход сражений. В 1420-х годах известия об использовании пушек становятся более частыми, но в то время они применялись не на поле боя, а в основном, при осадах⁵. В 1430-х годах возобновились войны на Балканах, в которых после разгрома сербов главным противником османов выступала Венгрия. В венгерском войске, как и в других европейских армиях, на первом месте стояла рыцарская кавалерия, но в его составе имелась и наемная пехота, которая в данном случае играла особую роль. Среди наемников было много чехов, которые передали венграм новую в те времена тактику; эта тактика использовалась в Гуситских войнах и была основана на применении огнестрельного оружия и боевых повозок, из которых создавали полевое укрепление — «табор». Используя эту новую тактику и усилив «табор» итальянскими пушками, венгерский полководец Янош Хуньяди в 1442 году одержал победы над турками при Херманштадте и Вазаке; в 1443 году соединенная армия венгерских, польских и немецких крестоносцев взяла Софию и разбила османов при Златнице⁶. Однако турки быстро переняли новую тактику и тоже стали применять полевую артиллерию и аркебузирова, укрывая их (вместе с лучниками) за полевыми укреплениями⁷.

Важным обстоятельством, позволившим османам опередить европейцев в создании армии аркебузирова, было то, что в европейских странах власть принадлежала рыцарской аристократии, которая боялась доверить новое оружие простолюдинам — в особенности после Гуситских войн⁸. Эти опасения проявились, в частности, в крестовом походе 1444 года, когда венгерские, немецкие и польские рыцари взяли с собой лишь триста чешских пехотинцев и в итоге потерпели жестокое поражение под Варной. В 1448 году в битве на Косовом поле турки уже использовали полевые пушки и одержали победу в значительной мере благодаря перениманию европейской техники и тактики. В последующий период турки научились использовать также и «табор» (название, сохранившее свое звучание и в турецком языке)⁹. Однако численность аркебузирова в османской армии (как и в европейских армиях) долгое время оставалась небольшой; решающий шаг в увеличении их числа был сделан позже, в 1490-х годах. В результате османы получили в свое распоряжение массовую армию, вооруженную огнестрельным оружием, которая вскоре одержала решающие победы в сражениях с кызылбашами и мамлюками¹⁰.

Египетские мамлюки, подобно европейским рыцарям, сопротивлялись созданию крупных отрядов аркебузирова, прежде всего из социально-

политических соображений. «То обстоятельство, что османы применяли огнестрельное оружие в огромном масштабе, — писал В. Перри, — в то время как мамлюки и другие мусульманские правители пренебрегали им, имело решающее влияние на судьбы Западной Азии и Египта»¹¹.

Войны с венграми дали толчок развитию османской артиллерии. В 1452 году султан Мехмед II нанял венгерского литейщика Урбана, для которого были созданы большие литейные мастерские; в этих мастерских были отлиты сотни пушек, в том числе огромная «пушка Урбана», год спустя разрушившая стены Константинополя. «Нет другого народа, более способного, чем турки, извлекать пользу из иностранных изобретений, — писал имперский посол Эселин де Бусбек, — и это доказывается применением ими пушек и мортир, и многих других вещей, изобретенных христианами»¹². Действительно, как показывают турецкие названия некоторых орудий («колонборна» — кулеврина, «бал-емез» — искаженное *ballo mezzo*), артиллерия была заимствована османами у европейцев, в частности у итальянцев, которые были тогда лидерами в использовании пушек. Известно, что позже, в XVII (но может быть, и в XVI) веке, турки пользовались для отливки пушек руководством итальянского мастера Сарди, и в турецком артиллерийском корпусе «топчу оджагы» было много иностранных наемников, итальянцев, немцев, французов¹³. Существенным было, однако, то обстоятельство, что если на Западе производство пушек было делом частной инициативы, то в Османской империи это было делом государства, которое имело достаточные финансовые средства, чтобы строить большие литейни и арсеналы. Поэтому турецкие осадные орудия были намного мощнее европейских и их производилось намного больше — огромные бомбарды можно по праву назвать турецким оружием. Отливалось также большое количество медных полевых пушек, которые устанавливались на повозки, влекаемые двумя волами, и входили в состав «табора»¹⁴. Вооруженный пушками «табор» на Востоке называли «оружием румов», то есть наследников Румского султаната, турок¹⁵. Однако, как отмечал Монтекуколи, в отличие от более поздних европейских «полковых пушек» турецкие полевые пушки были все же слишком тяжелыми и не могли менять позицию в ходе боя. Поэтому обычная тактика турок состояла в том, чтобы ложным отступлением заставить противника атаковать «табор»¹⁶. Заносчивые европейские рыцари — так же как и мамлюки — без труда поддавались на эту уловку.

Естественно, что новое оружие требовало и новой военной организации, при которой главная роль отводилась уже не кавалерии, а пехоте. Корпус янычар был увеличен до 12 тыс. солдат и стал регулярным ядром новой армии, прообразом позднейших регулярных армий Европы. Основная часть пехоты, азебы, рекрутировалась из населения с началом войны; во время похода эти воины получали жалование, а после окончания военной

кампании отправлялись по домам. Согласно кодексу Баязида II (1481–1515) каждые 20 дворов должны были выставить одного азеба, для которого крестьяне должны были собрать 300 акче. Численность азебов, естественно, менялась от похода к походу, в одних случаях набирали больше солдат, в других — меньше; в 1473 году в армии было 20 тыс. азебов¹⁷. Таким образом, основная масса пехотинцев представляла собой народное ополчение, созывавшееся на основе всеобщей воинской повинности — способ, принципиально недопустимый для европейских феодальных государств. Нужно отметить также, что в походе новая армия находилась на централизованном снабжении; грабежи населения на завоеванных территориях запрещались — в отличие от прежних времен, когда набеги акынджи сопровождалась страшным разорением Балкан¹⁸.

У. Макнилл называет преобразования, совершенные османами в военной сфере, — создание регулярного корпуса, вооруженного огнестрельным оружием, — «пороховой революцией». Вместе с тем эти преобразования подходят под определение того явления, которое в приложении к европейской истории называют «военной революцией»¹⁹. Согласно разработанной М. Робертсом теории военной революции, эти нововведения требуют увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означало огромное усиление центральной власти и становление режима, который Б. Даунинг называет «военно-бюрократическим абсолютизмом»²⁰. Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм перераспределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение. Все эти следствия военной революции, как мы увидим далее, действительно имели место в Османской империи второй половины XV века. Нужно, однако, учитывать, что, будучи первой «военно-пороховой революцией», османские преобразования были более постепенными и половинчатыми, нежели в Европе; это проявилось прежде всего в том, что регулярный корпус янычар долгое время сосуществовал с иррегулярным корпусом сипахи.

В соответствии с теорией создание оснащенной новым оружием новой армии вызвало волну османских завоеваний. В течение двадцати лет после взятия Константинополя турки овладели Сербией, Грецией, Албанией, Боснией, подчинили Валахию и Молдавию. Затем они обернулись на Восток, окончательно покорили Малую Азию, и в 1514 году в грандиозной битве на Чалдыранской равнине разгромили объединенные силы господствовавших над Ираном кочевников. Походы султана Селима Грозного (1512–1520) в Сирию и Египет превратились в триумфальное шествие османских армий. «Можно с уверенностью сказать, — писал в 1743 году

М. де Жонкьер, — что со времен римлян вселенная не знала державы, которая была бы равна Османской империи»²¹.

Могущество Османской империи вызывало попытки подражания в соседних странах. В Иране получил распространение аналогичный тимару институт тиуля; сражаясь с турками, шах Аббас I (1587–1629) завел собственных янычар (туфенгчиев) и артиллерийский корпус (топханэ). После окончания войны в 1590 году Аббас провел реформы по турецкому образцу, разгромил непокорную знать, конфисковал ее земли и ввел «справедливые» налоги²². В 1526 году правитель Кабула Бабур, наняв турецких артиллеристов, одержал победу при Панипате и овладел Северной Индией; основанная его потомками империя Великих Моголов имела многие характерные османские черты²³. В России османское влияние сказалось в перенимании тимарной системы, в создании по образцу янычар стрелецкого войска и в дальнейших реформах Ивана Грозного²⁴. Таким образом, диффузионная волна, вызванная фундаментальным открытием, «пороховой революцией», распространилась в значительной части Евразии. Нужно отметить, что османы не были создателями этого нового оружия, но они первыми научились его использовать в больших масштабах — и создали первую массовую армию, владеющую этим оружием.

Оказало ли появление массовой армии, вооруженной аркебузами и состоящей из простолюдинов, влияние на социальные отношения в Османской империи? Были ли оправданы опасения европейских рыцарей и мамлюков? Н.А. Иванов показывает, что османское войско, действительно, имело «мужицкий», крестьянский характер, причем «все эти мужики в равной степени ненавидели мамлюков... праздных бездельников, которые... предавались роскошной жизни»²⁵. Со своей стороны, «представители имущих классов ненавидели смрадное османское мужичье. Для высших слоев мамлюкского общества... Селим I был варваром»²⁶. Походы султана Селима I в Сирию и Египет проходили под лозунгом освобождения угнетенного народа²⁷ и имели характер социальной революции. Простой народ повсюду приветствовал новые власти, которые отнимали богатства у знати, наделяли землей крестьян и снижали налоги, — Селим называл себя «служителем бедняков». Горожане Каира подняли восстание и с оружием в руках сражались на стороне турок против своих правителей, мамлюков. Перед отъездом из Каира Селим опубликовал воззвание, в котором заявил, что отныне никому не дозволено притеснять феллаха или человека из простого народа²⁸. Такой же характер имели походы Мехмеда II на Балканах. Когда в 1463 году турки вступили в Боснию, крепостные крестьяне поднялись против своих господ. «Турки... льстят крестьянам и обещают свободу всякому из них, кто перейдет на их сторону», — писал боснийский король Стефан Томашевич²⁹. Фернан

Бродель пишет о том, что турки принесли освобождение угнетенным³⁰. Омер Баркан и лорд Кинросс называют реформы, проводившиеся османами на завоеванных землях, не иначе как «социальной революцией»³¹. «Балканские крестьяне вскоре пришли к пониманию того, что мусульманское завоевание привело к его освобождению от феодальной власти христиан, — пишет Кинросс. — Османизация давала крестьянам невиданные ранее выгоды»³².

Необходимо отметить, что существование исламской справедливости признавали даже ярые враги ислама: «И все же великое правосудие существует среди поганых, — писал серб, вернувшийся из турецкого плена. — Они соблюдают правосудие между собой, а так же ко всем своим подданным... ибо султан хочет, чтоб бедные жили спокойно... над ними владychествуют по справедливости, не причиняя им вреда»³³. «Не наживе, но справедливости служит занятие правосудием у этих безбожных язычников... — свидетельствует Михалон Литвин. — И знать, и вожди с народом равно и без различия предстают пред судом кадия...»³⁴. О справедливости турок говорили на Востоке и на Западе; эта молва распространялась вместе с диффузионной волной, вызванной победами османов. Угнетаемые православные в Литве и Польше представляли жизнь в Турции как райское блаженство³⁵. Крестьяне ждали прихода турок и в других странах Европы. «Слышал я, что есть в немецких землях люди, желающие прихода и владычества турок, — говорил Лютер, — люди, которые хотят лучше быть под турками, чем под императором и князьями»³⁶. Разыгрываемые на немецких ярмарках «масленичные пьесы» обещали народу, что турки накажут аристократов, введут правый суд и облегчат подати. Итальянские философы-социалисты призывали к переустройству общества по османскому образцу; автор «Города Солнца» Таммазо Кампанелла пытался договориться с турками о помощи и поднять восстание³⁷.

12.2. Формирование Османской империи

В соответствии с теорией военной революции, освоение нового оружия сыграло большую роль в формировании новой имперской иерархии, носившей открытый и эгалитарный характер. Отсутствие потомственной знати и сословных привилегий вызывало удивление всех посещавших Турцию европейцев. «Во всем этом многочисленном обществе, — писал де Бусбек, — нет ни одного человека, обязанного своим саном чему-либо, кроме своих личных заслуг...»³⁸. «Среди них нет ни герцогов, ни маркизов, — писал об османских сановниках венецианский посол Л. Бернардо, — все они по своему происхождению пастухи, низкие и подлые люди»³⁹. «Там нет никакого боярства, — писал Юрий Крижанич, — но смотрят только на искусность, на разум и на храбрость»⁴⁰. Все были равны перед

законом и всем открывались одинаковые возможности для продвижения по службе; многие крупные вельможи были принявшими ислам славянами, албанцами, греками. Большая часть армии говорила по-славянски; воины, янычары и сипахи, сами выбирали своих командиров из числа самых отчаянных храбрецов⁴¹. Эти эгалитарные порядки, безусловно, противоречили тюркским традициям местничества, но в то же время соответствовали системе «капыкулу», восстановленной Баязидом I и Мурадом II.

Старая знать, естественно, сопротивлялась утверждению новых порядков, и борьба была достаточно длительной. Мурад II первым стал выдвигать своих неродовитых ставленников на должности визирей и беглербегов. Решающий удар старой знати нанес Мехмед II (1451–1481). Вскоре после взятия Константинополя находившийся в ореоле славы султан приказал казнить обвиненного в государственной измене великого визиря Халил-пашу. Вслед за этим были казнены многие беи, их владения (мульки) были конфискованы, а на высшие посты стали назначаться преимущественно «капыкулу» и новообращенные мусульмане⁴². Однако беи не смирились с наступлением на свои права; в 1481 году Мехмед II был отравлен своим сыном Баязидом, вступившим в союз со знатью. Баязид II вернул беям часть отнятых владений, но его сын Селим I вновь конфисковал мульки знати. Селима называли Грозным — он выступал в традиционном образе восточного монарха, охраняющего справедливость с помощью жестоких казней. Возвеличение самодержавия достигло такой степени, что все приближенные называли себя «рабами» султана и он одним мановением руки приказывал казнить вельмож, обвиненных в казнокрадстве или измене⁴³.

Таким образом, тенденция к эгалитаризму, инициированная действием технического фактора, сомкнулись со старой этатистской традицией. В этом направлении действовали и процессы *социального синтеза*. Взятие Константинополя и завоевание обширных христианских территорий привело к тому, что процесс социального синтеза вступил в новую фазу, характеризовавшуюся существенным присутствием византийских культурных элементов. Уже в первой половине XV века по крайней мере шесть великих визирей были византийцами, перешедшими на службу султанам и принявшими ислам⁴⁴. Почувствовавшие изменение этнополитической ситуации византийские историки описывали Мурада II как справедливого и гуманного правителя⁴⁵. Георгий Трапезундский называл завоевателя Константинополя Мехмеда II «справедливейшим из всех самодержцев», «самым благородным из ныне живущих»⁴⁶. Сто лет спустя Иван Пересветов, продолжая эту византийскую традицию, писал: «Царь турецкий Магмет-салтан по своим книгам стал великим философом, а как греческие книги прочел... то великой мудрости прибавилось

у царя Магмета... Много же мудрости почерпнул Магмет, если великую правду в царстве своем ввел... ту мудрость царь Магмет взял из греческих книг, где сказано, каким грекам следовало бы быть»⁴⁷. (Заметим, что Мехмед II действительно знал греческий язык и читал греческие книги.) Пересветов утверждал, что императоры поздней Византии — а точнее их «бояре» — искажили истинные традиции православной империи, а «Магмет-салтан» явился восстановителем этих традиций. Суть этих традиций, как говорит «Эпанагога», заключалась в том, что «император представляет собой воплощение законности и общее благо для всех подданных»⁴⁸.

Перенимание византийской традиции с внешней стороны выразилось в принятии Мехмедом II титула «римского императора», «кейсар и-Рум»; эмблема Константинополя, полумесяц, стала изображаться на османских знаменах⁴⁹. Византийское влияние можно усмотреть и в издании кодекса законов, точнее трех кодексов, известных в совокупности как «Канун-наме Мехмеда Фатиха». В мусульманском мире прежде не было законодательных кодексов, поскольку считалось, что законы предписываются Кораном и правилами шариата. В Византии же было принято составлять законодательные кодексы, и самыми известными из них были кодекс Юстиниана и «Эпанагога». Полагают, что само слово «канун» происходит от греческого «канон», а слово «фирман» является калькой с греческого «хрисовул». Халил Инальчик, правда, предполагает, что при создании «Канун-наме» Мехмед II следовал тюркско-монгольской традиции, по-видимому, имея в виду «Ясу» Чингисхана⁵⁰. Возможно, что в принципиальном решении создания кодекса законов сказалось и монгольское (а точнее китайское) влияние, но нельзя отрицать, что в данном случае Мехмед II выступал в соответствии с «Эпанагогой» как «воплощение законности и общее благо всех подданных».

Характерно, что в соответствии с концепцией «общего блага» Мехмед II объявлял себя защитником бедняков от «сильных»⁵¹, и именно эта защита была целью провозглашения «Канун-наме», в которых устанавливались, в частности, точные размеры податей и повинностей и меры против их превышения. Как отмечалось выше, репрессии против беев при Мехмеде II сопровождалась конфискацией их владений (мульков); были конфискованы и многие вакфы, созданные беями и приносившие им доход. В 1470-х годах Мехмед приказал провести по всей стране проверку всех дефтеров и прав владения землями; многие проверяемые документы признавались недействительными и мульки и вакфы отписывались в казну. После этих массовых конфискаций 90 % пахотных земель относилось к категории государственных земель, мири⁵².

Факт проведения земельной переписи с целью конфискации «незаконно» приобретенных владений не имеет аналогов в мусульманской

истории. Но такой прецедент имел место в истории Византии: так поступил император Василий II, объявивший себя, так же как и Мехмед II, защитником бедняков от «сильных».

Среди позаимствованных османами византийских порядков наибольшее значение имело перенимание налоговой системы⁵³. Так же как в Византии, за нормальное хозяйство считался крестьянский двор, владевший упряжкой из пары быков — эта упряжка (и все хозяйство) в Византии называлось зевгарем, а у турок — чифтом. Такое хозяйство должно было обрабатывать участок земли, который тоже назывался чифтом и составлял (с возможными вариациями по провинциям) 70–80 денюмов хорошей земли, или 100 денюмов средней земли или 130–150 денюмов земли худшего качества (1 денюм равен 0,092 га)⁵⁴. По расчетам А.С. Тверитиновой, чифт соответствовал по размерам византийскому зевгариону⁵⁵. Второй разряд крестьян в налоговой классификации составляли семьи, владевшие одним быком, и, соответственно, половиной чифта (или зевгара). В третий разряд записывались крестьяне, не имевшие тяглогового скота, — их называли в Византии актемонами, а у турок — беннаками. Крестьяне платили переведенную на деньги десятину урожая (ушр), а также поземельный и подушный налоги. Подушный налог в Османской империи, как и везде в мусульманском мире, платили только «неверные»; так же как и в Византии, он составлял одну золотую монету (номисму, динар, перпер или миткаль, которые были примерно равны по весу). Что касается поземельного налога, то при завоевании новых территорий османы проводили перепись населения и устанавливали налог на чифт, чифт-ресми, исходя из прежних размеров обложения (позже чифт-ресми был унифицирован⁵⁶). В этот налог входили и трудовые повинности, переведенные на деньги, причем по низким ставкам, что было весьма выгодно для крестьян⁵⁷. После унификации налоги стали значительно меньшими, чем до завоевания; например, по расчетам югославских историков, в Боснии уровень совокупной ренты уменьшился с $\frac{3}{5}$ до $\frac{1}{5}$ – $\frac{1}{4}$ дохода крестьянского хозяйства⁵⁸. Мусульмане не платили джизью, поэтому их рента была меньше, чем у христиан: ушр составлял по крайней мере половину их налогов, и в целом налоги равнялись $\frac{1}{6}$ – $\frac{1}{5}$ урожая⁵⁹. В денежном выражении характерны цифры налогов в вилайете Гелиболу (середина XVI века): для мусульман ушр составлял 50 акче со двора, чифт-ресми — 22 акче, всего 72 акче, христиане же платили 87 акче и еще джизью (примерно 30 акче)⁶⁰.

Первые сведения о проведении переписей податного населения и составлении писцовых книг-дефтеров с перечислением налогов относятся к правлению Баязида I. Вероятно, османские дефтеры продолжали традицию византийских «практик», однако нужно отметить, что система переписей существовала в Анатолии и раньше, при монгольском влады-

честве, и возможно, в окончательном виде османские дефтеры восприняли также и монголо-китайские элементы. По-видимому, одним из таких элементов была коллективная податная ответственность: в то время как в византийских писцовых книгах расписаны налоги для каждого крестьянского хозяйства, в османских дефтерах они указаны лишь суммарно для деревни. Кроме того, в османских переписях размеры наделов оценивались лишь приблизительно, через количество посеянного зерна, в Византии же производился обмер полей⁶¹.

Необходимо также отметить, что османская система землевладения принципиально отличалась от византийской в отношении прав собственности. Византийские крестьяне (речь не идет об арендаторах) имели право собственности на свои земли, могли продавать их и дробить между наследниками. В османское время крестьяне были в основном наследственными держателями государственной земли, они не могли продать свой чифт и не могли разделить его между сыновьями. В случае когда имелось несколько женатых сыновей, чифт после смерти отца записывался за двумя из них и они становились полноправными крестьянами, райя, остальные же числились «беннаками»⁶². Когда несколько братьев вместе хозяйствовали на одном чифте, душевой доход снижался и крестьяне уже не могли заплатить калым и налог на невесту (около 60 акче) для своих сыновей, поэтому в семьях было много взрослых холостяков (кара). Кроме того, в некоторых санджаках, а также на землях, отданных в тимары, крестьянам-райя запрещалось оставлять свой надел — его обработка была их обязанностью. В отличие от райя беннаки и кара были свободны в выборе места жительства⁶³. Но даже для райя, живших в тимарах, это прикрепление было по большей мере формальностью, так как допускались исключения из этого правила, а реальный механизм сыска и возвращения ушедших отсутствовал⁶⁴.

Византийское культурное влияние имело широкий характер и распространялось на все стороны жизни — особенно это влияние проявлялось в организации ремесла и торговли. Уцелевшее городское население было по преимуществу греческим или армянским и, как можно заключить из документов более позднего времени, в городах сохранялись цехи, имевшие византийское устройство, а торговля регламентировалась в соответствии со старыми византийскими установлениями. В частности, должность мухтесиба, обязанного контролировать качество продукции и цены на рынке, очевидно, соответствовала должности византийского эпарха. Османская практика регулирования цен на товары в целях поддержания «справедливости» восходит к аналогичной византийской практике. При установлении цен учитывались затраты, и прибыль, которая не должна была превосходить 10 %, и лишь в сложных ремеслах — 20 % (в византийских регламентах прибыль обычно составляла 8,33 %) ⁶⁵.

Византийское, греческое и славянское, влияние проявлялось и в других областях. В турецкий язык вошло много славянских слов, относящихся главным образом к сфере земледелия и материальной культуры: избе (изба), хамут (хомут), пулук (плуг), колеска (коляска) и др. Византийский храм Святой Софии стал образцом для строительства турецких мечетей. Тип турецкой бани сложился под непосредственным влиянием византийских терм, восходящих к эпохе Древнего Рима⁶⁶.

Процессы социального синтеза проходили и в идеологической сфере. XIV и XV столетия были временем распространения суфийских братств (тирикатов), среди которых видное место занимал основанный Хаджи Бекташем тирикат бекташие. Бекташи проявляли терпимость ко всем религиям и не настаивали на строгом соблюдении мусульманских обрядов; они допускали употребление вина, но вместе с тем — как христианские монахи — требовали соблюдения безбрачия. Члены братства, подобно христианам, должны были исповедоваться в своих грехах перед шейхом⁶⁷. Это последнее обстоятельство делало возможным духовный контроль над последователями-мюридами со стороны шейха, и оно было использовано при организации корпуса янычар. Янычары считались мюридами братства бекташие, и, таким образом, организация корпуса имела черты, сближавшие его с христианскими духовно-рыцарскими орденами.

Так же как в сельджукские времена, население османского государства было разделено на два главных сословия. Одно из сословий составляли свободные от налогов аскери, «воины»; это сословие включало в себя всех обязанных постоянной военной службой (в том числе поначалу и кочевников), сюда входили и чиновники, так как гражданская служба не отделялась от военной. Другим сословием были райа, крестьяне, ремесленники и торговцы, которые должны были работать и платить налоги⁶⁸. Султан Сулейман Законодатель (1520–1566) требовал от своих пашей «обращаться с нашими подданными так, чтобы крестьяне соседних княжений завидовали их судьбе»⁶⁹. Почти все фирманы султанов на имя местных властей, пишет Х. Инальчик, заканчивались такой сентенцией: «Если райя подадут вам жалобу на беев или других военных, или откупщиков, то вы обязаны заставить их прекратить несправедливые деяния; если вы не в состоянии пресечь их злоупотреблений, то должны немедленно уведомить об этом Порту. Если вы и этого не сделаете, то будете сами наказаны»⁷⁰. Сипахи и санджакбеи должны были следить за состоянием крестьянских хозяйств и, по возможности, обеспечивать их стандартными наделами земли, чифтами. Отношение к торговцам было иным: османские власти часто третировали их как спекулянтов, устанавливали цены и жестко регламентировали торговлю. «А с торговцами-шакалами, — писал в 1629 году один из идеологов османизма Кочубей Гёмюджинский, — никакого дела не сделаешь»⁷¹.

* * *

Подводя итоги нашему обзору истории Османской империи в XV веке, можно отметить, что исторический процесс в этот период определялся, главным образом, действием военно-технического фактора в комбинации с процессами социального синтеза. «Пороховая революция» привела к созданию новой армии и в соответствии с теорией военной революции обусловила победу этатистской монархии. В этом же направлении действовали и процессы социального синтеза, результатом которых было частичное перенимание османами византийского этатизма.

Таким образом, на свет родилась мощная этатистская монархия, владевшая армией, оснащенной новым оружием. Это вызвало волну османских завоеваний, захватившую все восточное Средиземноморье. Под впечатлением от османских побед многие страны Евразии заимствовали порядки османов, и османская модель этатистской монархии распространилась на Иран, Индию, Россию и некоторые другие государства.

12.3. Первый османский демографический цикл

Идея о возможности неомальтузианского объяснения социально-экономического развития Османской империи в XVI веке, впервые высказанная Фернаном Бродемом, была обоснована в работах О. Баркана, М. Кука, Х. Инальчика, М.С. Мейера и ряда других исследователей.

В соответствии с этой теорией на коренной территории османов, то есть в Западной Анатолии, период восстановления начался после окончания войн и смут в 1420-х годах. По данным М. Кука, здесь уже к 1470-м годам средний крестьянский участок уменьшился до половины нормального надела, чифта⁷². Земля в Западной Анатолии была очень дорогой; перепись 1520-х годов показывает в этом регионе плотность населения, значительно более высокую, чем в других областях⁷³. Что касается Восточной Анатолии и Балкан, то на протяжении большей части столетия здесь продолжались войны, которые закончились только к 1470-м годам. После войн производились массовые переселения, в частности, большое количество сербов, турок и армян было переселено во Фракию⁷⁴. В целом можно считать, что в новых провинциях империи период восстановления начался после 1470-х годов.

Мы имеем сравнительно мало данных о демографической и продовольственной динамике в XV веке. Известно, что на северном побережье Малой Азии цена на зерно, бывшая в 1380-х годах очень низкой, увеличилась к 1450-м годам примерно в три раза, но далее повышение приостановилось⁷⁵. В Стамбуле во вторую половину столетия цены также оставались постоянными и даже несколько уменьшились⁷⁶.

Считается, что в XV веке крестьяне, как правило (за исключением густонаселенной Западной Анатолии), владели парой быков и соответст-

вующим наделом земли, чифтом⁷⁷. По некоторым оценкам, чифт при указанном в канун-наме посеве в 2 мюда (1 мюд = 513 кг) зерна и урожая сам-3 давал примерно 2000 кг чистого сбора пшеницы⁷⁸. Налоги отнимали не более $\frac{1}{5}$ дохода; в итоге в семье из шести человек оставалось 270 кг зерна на человека, а в семье из пяти человек — 320 кг, что намного превосходит минимальную норму потребления (около 200 кг⁷⁹).

Для сравнения можно отметить, что по закону о хассах Стамбула (1498 г.) обрабатывавшие эти земли рабы-издольщики при посеве в 2 мюда должны были отдавать властям половину урожая (за вычетом посевного зерна)⁸⁰. Можно подсчитать, что при семье из пяти человек норма потребления рабов составляла около 200 кг на душу, то есть была минимальной. В принципе, рабу с семьей хватало половины урожая с чифта; отсюда следует, что свободный крестьян, отдававший лишь малую часть дохода, мог бы прожить и на половине чифта (как было в Западной Анатолии).

Таким образом, в конце XV века, за исключением Западной Анатолии, земельная обеспеченность крестьян оставалась на удовлетворительном уровне. Благоприятным было и положение в городах. Имеющиеся данные о реальной заработной плате строительных рабочих Стамбула говорят о том, что в конце XV века она была относительно высокой (рис. 25).

Относительно благоприятное продовольственное положение вызвало быстрый рост населения. Для 1491 года имеются данные переписи о численности христианского населения империи: на Балканах, где христиане составляли большинство, их насчитывалось 674 тыс. дворов, в Анатолии, которая была почти полностью исламизирована, имелось только 33 тыс. дворов. Ко времени следующей переписи, проведенной в 1520-х годах, численность дворов христиан на Балканах увеличилась, по расчетам О. Баркана, на 25 %, а в Анатолии — на 90 %⁸². Для более поздней переписи 1570-х годов на Балканах имеются данные лишь по нескольким округам (нахие), в четырех округах (Куманово, Штип, Монастир и Охрид) количество дворов увеличилось на 17 %, то есть рост замедлился (ввиду того что разделы двора-чифта запрещались). При этом резко возросло число холостяков, которые из-за недостатка земли и невозможности получить надел не могли жениться. В 1520-е годы число холостяков составляло не более 10 % от общего количества дворов, в 1570-е годы оно достигло 50 %⁸³.

Для Анатолии имеются более полные данные. Перепись 1520-х годов зафиксировала здесь 832 тыс. дворов, а перепись 1570-х годов — 1360 тыс., то есть на 63 % больше. При этом в густонаселенной Западной Анатолии прирост населения был меньше, чем в центральных и восточных областях и составлял 41 %. В некоторых санджаках Западной Анатолии (в том числе в Айдыне) численность населения практически не возросла, а в двух санджаках даже уменьшилась⁸⁴. М. Кук более подробно изучил проблему перенаселения в трех санджаках Западной и Центральной Анатолии

(Айдын, Хамид, Токкат), где насчитывалось около 700 деревень. Материалы, собранные им, показывают, что во второй половине XVI века распашка достигла своих физических пределов, и крестьяне были вынуждены использовать под посевы даже горные склоны. За столетие с 1475 по 1575 год численность населения возросла на 70 %, а площадь пашни — только на 20 %. В результате средняя величина крестьянского надела (несмотря на запрет разделов) уменьшилась с $\frac{1}{2}$ чифтлика до $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{3}$ чифта⁸⁵. Так же как на Балканах, нехватка земель в Анатолии привела к увеличению числа холостяков; в санджаке Карахисар их число увеличилось с 15 % в 1549 году до 20 % в 1569 году⁸⁶.

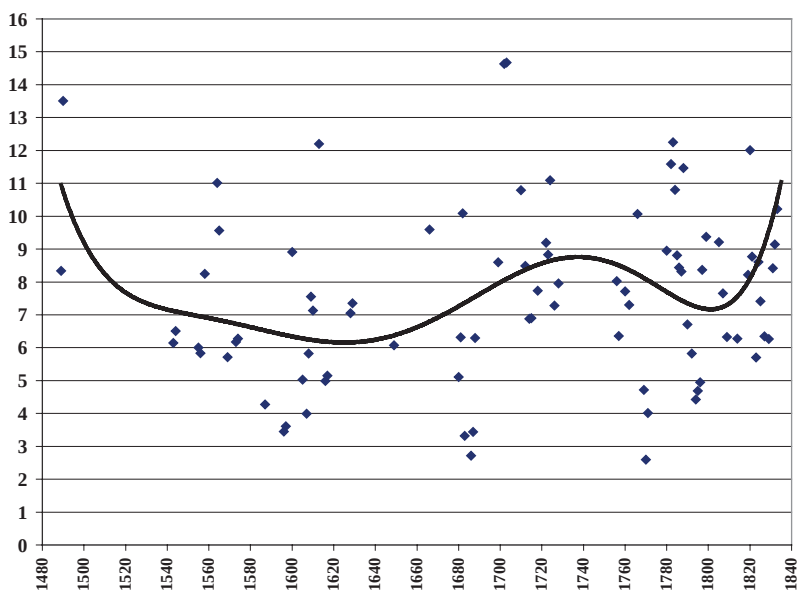

Рис. 25. Реальная поденная плата неквалифицированных строительных рабочих Стамбула в пересчете на зерно (кг пшеницы)

График построен по данным С. Памука⁸¹. Необходимо учитывать, что правительство регулировало цены в Стамбуле, поэтому реальная заработная плата в столице была выше, чем в других районах империи, а ее колебания были менее резкими. Изображенный на графике полиномиальный тренд шестой степени консервативен и показывает лишь общую тенденцию развития; тем не менее очевидно наличие двух промежутков убывания тренда (1480–1610 и 1730–1810 гг.), соответствующих двум демографическим циклам. Эти циклы разделены периодом депрессии, во время которого тренд медленно возрастал, но имели место сильные кратковременные колебания потребления.

Как могли крестьяне существовать на наделах в одну четвертую от нормального размера при том, что семьи увеличились из-за большого числа холостяков? Некоторое повышение урожайности было достигнуто за счет более тщательной обработки земли и замены пшеницы на более урожайные культуры — просо и ячмень; эти культуры чередовали с бобовыми, которые сеяли на парах⁸⁷. Но так или иначе, многие крестьяне обращались к ростовщикам: они брали деньги в долг под огромные проценты, достигавшие 50 % годовых, не могли отдать долг и превращались в кабальных должников. Продажа земли была запрещена, но в конце XVI века государственная власть была поражена коррупцией и зачастую уже не могла сопротивляться расхищению государственного земельного фонда. Кроме того, в законе имелись лазейки, которые использовались ростовщиками (и тимариотами), чтобы отнять наделы крестьян. Даже если крестьянин сохранял свою землю, он становился издольщиком, обязанным отдавать кредитору большую часть урожая. Ростовщики, некоторые тимариоты, и вельможи, получившие землю в собственность, создавали частные владения (чифтлики), где руками батраков и издольщиков производилось зерно на продажу. Таким образом, перенаселение привело к разложению государственной системы землепользования (мири)⁸⁸.

Особенно тяжелая для крестьян ситуация складывалась, когда крупные землевладельцы использовали свои чифтлики для создания скотоводческих ферм (фифтлик). Огромные стада частных владельцев затопывали крестьянские поля и лишали крестьянский скот пастбищ. Крестьяне были вынуждены бросать свои поля, и имеются сведения, что, например, в санджаке Коджаели к 1593 году было оставлено 13 из 159 деревень, а население многих других деревень значительно сократилось. Таким образом, сокращение населения в отдельных санджаках началось еще до вспышки восстаний в 1595 году и, как полагают Л. Эрдер и С. Фарохи, это было общее явление, не только для Анатолии, но и для Балкан⁸⁹.

Поиски средств существования заставили многих безземельных крестьян перейти к занятию ремеслом; они продавали свои товары на местных рынках, количество которых существенно увеличилось. Многие уходили в города, где пытались заработать на жизнь ремеслом или работой по найму. Известно, что на стройках Стамбула работали крестьяне, пришедшие из отдаленных районов Румелии и Анатолии⁹⁰. В результате массовой миграции из деревень численность населения годов росла намного быстрее, чем численность сельского населения. По подсчетам О. Баркана, население 12 крупнейших городов Балкан и Малой Азии (без Стамбула) возросло в 1520–1570-х годах почти на 90 %⁹¹. Ремесленное производство быстро росло, город Бурса в Западной Анатолии стал крупнейшим в Средиземноморье центром шелковой промышленности; в 1550–1580 годах

объем производства в Бурсе увеличился вдвое⁹². Городское ремесло не могло дать работу всем выходцам из деревни, с ростом конкуренции заработки ремесленников падали. Члены городских цехов, эснафов, жаловались на вторжение «чужаков», на нарушение цеховых привилегий и правил работы⁹³. В городах появился избыток рабочих рук и в результате этого реальная заработная плата в 1530—1590-х годах упала почти вдвое (рис. 25).

Ф. Бродель в свое время выдвинул тезис о том, что в XVI веке рост населения, сопровождавшийся ростом цен и падением потребления, происходил синхронно во всем обширном регионе Средиземноморья — в том числе и в Османской империи. Эта идея была поддержана большинством специалистов по османской истории⁹⁴. Сравнительно недавно С. Осмукур и С. Памук показали, что падение реальной заработной платы в турецких городах происходило одновременно с падением заработной платы в городах Европы, причем реальная заработная плата в Стамбуле была ниже, чем в Париже, Вене, и Валенсии⁹⁵. Между тем, по расчетам В. Абея, уровень заработной платы в Валенсии во второй половине XVI века составлял в пересчете на хлеб около 4 кг и был одним из самых низких в Западной Европе⁹⁶. Следовательно, если исходить из уровня реальной заработной платы, то кризис потребления в Османской империи был более острым, чем в других областях Средиземноморья.

Нехватка продовольствия уже в 1555 году вызвала запрещение на вывоз хлеба из Турции. Правительство предпринимало энергичные усилия, чтобы наладить хлебное снабжение Стамбула и других городов. Воеводы Валахии и Молдавии были обязаны обеспечивать закупки зерна; купцы получали патенты, в которых указывались закупочные цены и цена в стамбульском порту. Степи между Варной и Днестром превратились в обширный район экспортного зернового производства; в степях Добруджи были вырыты сотни колодцев, позволившие оросить пашни. В южных областях правительство поощряло распространение риса, однако в целом надо признать, что власти уделяли мало внимания ирригации, перекладывая оросительные работы на плечи крестьян⁹⁷.

Огромное значение в поддержании существования бедняков имела традиционная мусульманская благотворительность. Верующие жертвовали свои деньги и имущество в благотворительные учреждения (вакфы), которые владели обширными землями и многочисленными домами в городах. При вакфах имелись большие кухни (имарет), где ежедневно получали пищу тысячи бедняков. Своеобразным проявлением благотворительности было «трудоустройство» многих тысяч юношей, пришедших из деревень, в качестве учеников-послушников (софт) мусульманских медресе. Софты жили очень бедно, и чутко реагировали на каждое повышение цен; в городах часто происходили бунты полунинщих послушников⁹⁸.

Но ни власти, ни благотворительные учреждения не могли сдерживать быстрый рост городов, которые впитывали в себя огромные массы излишнего сельского населения. В 1475 году в Стамбуле насчитывалось примерно 65 тыс. жителей, в 1550 году — более 500 тыс. В 1574–1575 годах, а затем в 1588, 1590, 1595 годах столицу поразил голод⁹⁹. «На огромный Стамбул обрушились несчастья: нищета, дороговизна, катастрофический голод и, наконец, чума, — писал Ф. Бродель. — С 1561 по 1598 год по переписке венецианского баила можно насчитать 94 месяца чумы (в целом, почти восемь лет), и это еще заниженная цифра»¹⁰⁰. Чума 1591 года унесла в Стамбуле и окрестностях 80 тыс. жизней; примерно такое же число жертв было в эпидемию 1594 года¹⁰¹. Во время голода 1574–1575 годов вспыхнула волна бунтов софт, прокатившаяся по всей Анатолии. В некоторых местах софты не просто бесчинствовали и грабили, но принуждали сипахи выплачивать им значительные денежные суммы. Новые бунты произошли в 1579–1583 годах; султанское правительство обещало софтам прощение в случае прекращения мятежей, но бунты вспыхивали еще не раз в последние годы XVI века¹⁰².

Рост населения вызвал кризис не только в городах и деревнях, но и в кочевых юртах. В Западной Анатолии кочевники составляли 15 % населения; их численность возросла в 1520–1570-х годах на 52 %¹⁰³. Между тем по мере увеличения посевов площадь пастбищ сокращалась; это вызывало острые конфликты между кочевниками и земледельцами. Османское правительство стояло в этих конфликтах на стороне земледельцев; оно предписывало племенам места стоянок и маршруты передвижения, проводило переписи и облагало кочевников налогами. Привыкшие к вольной жизни степняки с трудом мирились с этой регламентацией. Вдобавок после реорганизации армии племенные ополчения перестали участвовать в военных действиях, и кочевники уже не могли рассчитывать на военную добычу. Молодые джигиты уже не могли попытаться счастья на границе в рядах акынджи и обогатиться набегами. Подразделения яя и мюселемов также потеряли свое военное значение и их стали использовать, в основном, в обозе. В силу этих военно-технических причин кочевники потеряли положение военного сословия, аскери; их все чаще приписывали к райе. Такая ситуация резко контрастировала с тем положением, которое кочевники занимали в соседнем Иране. В итоге кочевники ненавидели бюрократическое правительство; племена часто поднимали восстания и уходили через границу в Иран и Азербайджан¹⁰⁴.

Таким образом, и в деревнях, и в кочевых юртах росло число молодых холостяков, «лишних людей», которые не имели занятия и которых в османских документах называли левендами. В годы голода многие из них становились разбойниками, и слово «левенд» вскоре стало обозначать также и разбойника¹⁰⁵. Другие шли в солдаты-наемники; воспользовавшись

стремлением левендов прокормиться военной службой, османское правительство во второй половине XVI века перешло от рекрутирования азебов к их найму. Этих солдат-наемников называли секбанам или тюфенгчиями, так как они были вооружены мушкетами-тюфенгами. До середины XVI века мушкеты были, в первую очередь, оружием регулярного корпуса янычар, который обеспечивал стабильность монархии. Теперь же, благодаря наемничеству, новое оружие получило относительно широкое распространение. После окончания компании наемное войско распускалось, но левенды отказывались сдавать оружие и расходились по стране, пытаясь наняться в военные отряды провинциальных губернаторов-пашей или стать охранниками. Однако устроиться таким образом удавалось немногим, а остальные присоединялись к разбойникам¹⁰⁶.

Некоторые историки акцентируют внимание на роли левендов-тюфенгчиев в кризисе конца XVI века, указывая на то обстоятельство, что появление мушкета дало крестьянам оружие, которое позволило им претендовать на место в военном сословии — и именно эти претензии крестьян подвигли их на восстание. По мнению Х. Инальчика, распространение мушкета было следствием продолжавшейся военной революции, важным моментом которой было вытеснение рыцарской кавалерии пехотой, что влекло за собой падение роли сипахийского сословия и, соответственно, повышение социального статуса пехотинцев-тюфенгчиев, завербованных из крестьянской среды¹⁰⁷. Несомненно, военно-технический фактор способствовал нарушению социального равновесия, действуя в унисон с демографическим фактором, но, по нашему мнению, вряд ли было бы справедливо выдвигать его на первое место. Известно, что аркебуза стала массовым оружием еще в конце XV века, но она превратилась в оружие мятежников лишь через сто лет, когда перенаселение и падение потребления (попросту голод) породили многочисленные отряды разбойников-левендов. После кризиса, когда население уменьшилось, а потребление возросло, уменьшилось и количество разбойников и они уже не представляли опасности для государства, хотя по-прежнему претендовали на место в военном сословии. Таким образом, претензии простолюдинов на более высокий статус проявлялись в широком масштабе лишь в период перенаселения и падения потребления и, очевидно, имели своей целью повысить уровень потребления.

Сжатие поставило тяжелые проблемы и перед военным сословием. Численность сипахийского ополчения (вместе с приводимыми сипахи всадниками) в течение XVI столетия увеличилась вдвое, с 60 до 130 тыс. воинов¹⁰⁸. Число претендентов на звание сипахи росло вместе с численностью армии, любой храбрый воин мог быть рекомендован командирами, которые часто использовали это средство для возбуждения отваги

своих подчиненных. Однако, поскольку конкуренция за места возрастала, получение султанского ордера на владение тимаром еще не означало получения тимара, так как свободных тимаров не хватало¹⁰⁹. Пытаясь решить эту проблему, правительство уменьшало размеры тимаров, отдавало в тимар лишь часть деревни, или предоставляло один тимар нескольким воинам. Особенно тяжелое положение сложилось после девальвации акче в 1584 году, когда в результате роста цен реальные доходы сипахи (получаемые в деньгах) уменьшились в 2–3 раза, упав до уровня доходов крестьянских хозяйств¹¹⁰. В то время как падение государственных налогов в результате инфляции компенсировалось их повышением, рента, получаемая сипахи, оставалась фиксированной; в результате доля сипахи в общем объеме крестьянской ренты резко сократилась. В начале XVI века сипахи Румелии получали примерно 50–70 % сборов с сельского населения, а в конце этого века — лишь 20–25 %¹¹¹. Падение доходов побудило многих сипахи под разными предлогами требовать от крестьян увеличенную ренту, и отчеты кади свидетельствуют о нарастающей напряженности в деревне¹¹². Изученные В. Мутафчиевой материалы проверок, проведенных в 1605–1606 годах, показывают, что подавляющее большинство сипахи владели минимальными кылыдж-тимарами в 2–3 тыс. акче. В то же время резко возросли доходы высших прослоек элиты: в ряде случаев за санджакеем числился доход почти равный общему доходу всех сипахи санджака¹¹³. Таким образом, происходил процесс фрагментации элиты и поляризации ее различных прослоек в отношении доходов.

Х. Инальчик указывает, что войны с Ираном и Австрией в конце XVI века были в некотором смысле следствием роста населения: османское правительство пыталось дать работу и добычу безработным секбанам и обедневшим сипахи¹¹⁴. Десятки тысяч левендов стали солдатами, несколько тысяч из них получили тимары в завоеванном Азербайджане и превратились в сипахи. Однако бесконечные войны ставили перед властями тяжелые финансовые проблемы. Для содержания армии пришлось увеличить подушный налог, джизью, с 30 акче в 1566 году до 40 акче в 1574 году. Все чаще практиковался сбор чрезвычайного налога, «авари-за»; в 1564 году, например, собирали по 80 акче со двора — такой дополнительный налог в год сбора практически удваивал налогообложение. Благодаря этим (и другим) мерам удалось увеличить общие доходы бюджета с 241 млн акче в 1546–1547 годах до 313 млн в 1582–1583 годах. Однако денег все равно не хватало; солдатам и военачальникам порой по несколько месяцев задерживали выплату денежного довольствия. Не получая жалованья, расквартированные в провинции войска стали грабить население, что в свою очередь вызывало беспорядки и бунты¹¹⁵. В этих условиях в 1584 году правительство прибегло к рискованной мере: содер-

жание серебра в акче было уменьшено почти наполовину (с 0,61 до 0,34 г). Цены сразу же поднялись почти вдвое, а реальные доходы бюджета резко уменьшились. Власти были вынуждены увеличить джизью до 85 акче в 1593 году и до 140 акче в 1595 году; авариз достиг 160 акче в 1592 году и 250 акче в 1593 году¹¹⁶. «В провинциях государства чрезвычайные налоги довели... народ до того, что ему опротивел этот мир и все, что находится в нем...» — писал сановник Мустафа Селяники¹¹⁷.

В 1562–1582 годах численность наемного войска увеличилась с 40 до 64 тыс., а расходы на него возросли с 122 до 178 млн акче¹¹⁸. К 1595 году количество наемников достигло 82 тыс., а расходы составили 251 млн акче¹¹⁹. Обнищавшее население не могло платить налоги, поэтому, несмотря на их повышение, доходы бюджета оставались на уровне 300 млн акче; дефицит бюджета был огромным. В 1596 году нехватка денег заставила правительство еще раз девальвировать акче, уменьшив его серебряное содержание с 0,34 до 0,23 г. Ситуация усугублялась начавшимся разложением государственного аппарата. Финансовый кризис во второй половине XVI века привел к тому, что чиновники, не получавшие вовремя жалованья, стали брать взятки; с другой стороны, появились богатые собственники (в частности, ростовщики), предлагавшие взятки, чтобы обойти закон. Коррупция быстро распространилась снизу вверх; по свидетельству венецианского баила Малипьеро (1596 г.) для получения должности визиря нужно было раздать взяток на 80 тыс. дукатов, для получения должности начальника финансового ведомства — 40 тыс. дукатов. Получившие таким образом должность высшие чиновники для возмещения своих расходов и получения прибыли собирали приношения (бакшиш) с нижестоящих, а те вымогали деньги у простого народа¹²⁰. Большая часть налогов и раньше отдавалась на откупа, но откупщики строго контролировались и не смели взять лишнее. Теперь же этот контроль ослабел. Мустафа Селяники писал в 1597 году, что сборщики налогов «ходят из дома в дом и берут с бедняков и неимущих по 300 акче, и опять эти доходы не поступают целиком в государственную казну, а часть их застревает между судьями, наибам и чаушами»¹²¹. Султан Мехмед III в указе по поводу своего восшествия на престол (в 1595 г.) отмечал, что при Сулеймане I (1520–1566) «никто не страдал от какой-либо несправедливости или вымогательства, и все дела империи шли идеально». Сейчас же «кодекс законов, гарантирующих справедливое правление, пренебрегаем и забыт, а всевозможные несправедливые новшества введены в административную практику»¹²².

Ситуация осложнялась еще и тем, что паши и бейлербеи в провинциях в целях борьбы с усилившимися разбоями получили позволение иметь свои вооруженные отряды. Чтобы прокормить своих солдат, они облагали крестьян незаконными дополнительными поборами, что еще более

ухудшало положение райи. Селяники свидетельствует, что «бейлербеи и беи, являющиеся управителями провинций, по три раза в месяц совершают нашествия на подданных государства», собирая не только большие суммы сверх установленных налогов и сборов, но и буквально разоряя крестьян расходами на свое пребывание в деревнях¹²³. С другой стороны, обладая своими военными силами, паши становились более независимыми от центрального правительства и нередко проявляли сепаратистские устремления.

В начале 90-х годов обстановка во многих районах Анатолии была чревата социальным взрывом. Стычки населения со сборщиками налогов произошли в Диарбекире, Эрзруме, в области Караман и во многих других районах¹²⁴. В 1595 году вспыхнуло большое восстание: «...В Анатолии презренные райя, найдя страну без присмотра, встали на путь грабежа и разбоя... — свидетельствует хронист Киятб Челеби. — Вооружившись клинками и иным оружием, они грабили и разрушали, нанося оскорбления уважаемым людям»¹²⁵. Гражданская война началась как восстание плохо вооруженной райи, к которому затем примкнула часть расколовшегося военного сословия. Этот раскол спровоцировал сам султан: осенью 1596 года после битвы с австрийцами при Кересташе он приказал провести смотр и уволил в отставку всех, кто дезертировал с поля боя или вообще не явился в войско, — 30 тысяч воинов; многие из беглецов были казнены. Отставленные сипахи примкнули к восставшим райатам; к ним присоединились многочисленные разбойники-левенды. С самого начала активное участие в восстании принимали туркменские и курдские кочевые племена, давно ненавидевшие османов. Кочевники не только сражались с правительственными отрядами, но и, пользуясь случаем, грабили крестьян-земледельцев, и это придавало восстанию оттенок кочевой, традиционалистской реакции¹²⁶.

Восстание охватило сначала Восточную Анатолию — область с преобладающим кочевым населением. Под знаменами повстанцев собралось 70 тыс. воинов, и их вождь Кара Языджи провозгласил себя Халим-шахом Победоносным. Целью Кара Языджи было создание в Восточной Анатолии независимого государства. Некоторые традиционалистски настроенные беи принесли присягу новому шаху, но осенью 1601 года Халим-шах был разбит и погиб¹²⁷. На смену ему пришли другие вожди; в 1603 году восстание распространилось на густонаселенные земледельческие области Западной Анатолии, общая численность мятежников (джеяли) достигла 200 тыс., и они захватили старую столицу Османов, Бурсу. На Балканах также вспыхивали восстания; здесь вели борьбу отряды христианских повстанцев-гайдуков. Султан был вынужден заключить мир с Австрией и бросить на подавление восстаний всю свою армию. В конце концов, в 1609 году восставшие были разбиты¹²⁸.

Однако подавление восстаний не разрешило социальных противоречий, которые были их причиной. В рядах янычар и наемников находились по большей части те самые левенды, другая часть которых сражалась в рядах повстанцев. Численность наемных войск во время гражданской войны достигла 90 тыс., тогда как реальные доходы казны упали более чем вдвое¹²⁹. Так же как повстанцы, правительственные солдаты требовали «трудоустройства» в наемной армии и восставали против попыток ее сокращения. В 1622 году янычары свергли и убили султана Османа II, в 1631 году они снова ворвались во дворец, убили 15 высших сановников и заставили Мурада IV (1623–1639) назначить угодного им великого визиря. Лишь через полтора года Мурад IV сумел овладеть ситуацией и расправиться с мятежниками. В Стамбуле было казнено свыше 500 янычар, а в провинции число жертв достигло 20 тыс. Таким образом, левенды были в конечном счете приведены к покорности.

Длительный период смут привел к разорению страны; сотни тысяч крестьян стали жертвой голода и эпидемий; многие бежали из охваченных войной областей. Поскольку после 1570-х годов не проводилось общих переписей, то масштабы катастрофы можно представить только по данным для отдельных округов. Население округа Чебинкарахисар в 1613 году по сравнению с 1569 годом сократилось на 44 %, но было больше, чем в 1547 году; население округа Коджаели в 1613 году было меньше, чем в 1547 году на 13 %, из чего можно заключить, что масштабы катастрофы здесь были не меньшими, чем в Чебинкарахисаре¹³⁰. Население Бурсы в 1631 году было в три с лишним раза меньше, чем в 1573 году¹³¹. Судя по данным о налогах, численность жителей в городах Кайсери и Амасья в 1640-х годах составляло примерно половину от уровня 1570-х годов. О большом сокращении населения говорит также уменьшение примерно наполовину доходов крупнейших вакфов, имевших земли в разных санджаках Анатолии¹³². Доходы центральной казны в 1568 году составляли 350 млн акче, а в 1648 году — 360 млн, но серебряное содержание акче упало за это время с 0,61 до 0,28 г, то есть доходы в серебре упали в 2,1 раза (примерно таким же было падение в пересчете на зерно)¹³³. Учитывая эти данные, можно предполагать, что население Анатолии уменьшилось на $1/3$ – $1/2$; на Балканах сокращение населения было менее значительным.

Важным результатом кризиса было уничтожение возникшего в период сжатия крупного землевладения. В 1609 году султан Ахмед I издал «Фирман справедливости», по которому крестьяне могли получить назад земли, проданные ими во время предвоенных голодных лет или оставленные в период войны¹³⁴. Таким образом, этатистская монархия вернулась к политике регулирования социальных отношений.

Еще один результат кризиса заключался в изменении характера военного сословия. Во время кризиса власти стали комплектовать корпус

янычар из наемников, и, резко увеличившись в размерах, он превратился в наемную армию. Позднее янычарам было позволено жить семьями и заниматься ремеслом; таким образом, в составе военного сословия появилась новая — и очень значительная по численности — прослойка, связанная системой комплектования и образом жизни с простым народом, точнее с торгово-ремесленными слоями города. В определенном смысле левенды-тюфенгчи добились своего, и часть их вошла в состав военного сословия; при этом корпус янычар утратил свой регулярный характер и превратился в подобие городского ополчения.

* * *

Подводя итоги нашему обзору истории Османской империи в XVI веке, можно отметить, что в этот период ясно проявилось определяющее значение демографического фактора. В конце XV столетия на большей части территории османского государства крестьяне еще не испытывали недостатка в земле, лишь в Западной Анатолии проявлялась земельная теснота. Период с 1470-х до 1540-х годов в целом был *периодом восстановления и роста*; для этого времени характерны: наличие свободных земель, быстрый рост населения, рост посевных площадей, низкие, но постепенно растущие цены на хлеб, высокая реальная заработная плата, относительно высокий (но постепенно понижающийся) уровень потребления, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, ограниченное развитие городов и ремесел, незначительное развитие аренды и ростовщичества. С середины XVI века начинается период, который Х. Инальчик обозначает как эпоху роста «демографического давления, интерпретируемого как экономическое сжатие»¹³⁵. Мы наблюдаем такие характерные признаки *периода* сжатия, как отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления, неустойчивый демографический рост, его замедление или приостановка, высокий уровень земельной ренты, частые сообщения о голоде, эпидемиях и стихийных бедствиях, стихийное ограничение рождаемости, разорение крестьян, распространение ростовщичества и аренды, высокие цены на землю, рост крупного землевладения, уход разоренных крестьян в города, где они пытаются заработать на жизнь ремеслом или мелкой торговлей, рост городов, развитие ремесел и торговли, большое количество безработных и нищих, голодные бунты и восстания, попытки увеличения продуктивности земель, внешние войны с целью приобретения новых земель и понижения демографического давления, обеднение элиты, рост конкуренции за статусные позиции и фрагментация элиты, хронический финансовый кризис государства и обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом.

Необходимо отметить, что сжатие вызвало появление и рост крупной земельной собственности, разложение системы бюрократического управления, рост коррупции и ослабление государственного регулирования.

В 1595–1609 годах разворачивается полномасштабный *экосоциальный кризис*. Для этого периода характерны голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла и торговли, высокие цены на хлеб, низкие цены на землю, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, социальные реформы.

Таким образом, мы можем констатировать наличие практически всех признаков классического демографического цикла. Однако необходимо отметить, что демографический фактор действовал одновременно с военно-техническим фактором. Появление мушкета дало крестьянам оружие, с помощью которого они могли противостоять рыцарям-сипахи, и это придавало силы повстанцам. Более того, в новой обстановке тюфенгчи-левенды могли претендовать на место в военном сословии, и эти стремления стимулировались желанием уйти от вызванной перенаселением нищеты. В конечном счете одним из результатов кризиса стало переформирование военного сословия, и простонародье было допущено в состав преобразованного корпуса янычар. В целом, однако, этатистской монархии удалось выдержать тяжелое испытание, и османское самодержавие сохраняло свою силу до начала XVIII века.

12.4. Османская империя в XVII веке

Мятежи янычар показали, что на сцену выходит новое военное сословие, осознавшее свои интересы и требующее перераспределения ресурсов в свою пользу. Оказалось, что воины с ружьями могут точно также отстаивать свои сословные интересы, как всадники с саблями. Султану Мураду IV (1623–1640) все же удалось подавить мятежи янычар и секбанов, сократить численность наемных войск и янычар до 59 тыс. и восстановить дисциплину. Молодой султан опирался на выступавшую в качестве хранителя этатистских традиций чиновную бюрократию, на придворных, сановников и улемов. Лидером бюрократической партии в этот период выступал 90-летний великий визирь Гурджи Мехмед. Суровый визирь не только сократил численность наемных секбанов, но и провел проверку списков тимариотов; у сипахи, не являвшихся в войско, были отняты их поместья. При Мураде IV было нормализовано денежное обращение, которое было нарушено в период кризиса в результате порчи монеты; была введена новая монета, серебряный куруш, равный по весу испанскому пиастру и состоявший из 80 акче. Крестьян, бежавших от

грабежей и войн, возвращали на родные места, обещая им налоговые льготы. Строгие меры по наведению порядка позволили увеличить доходы казны до 550 млн в 1643 году (до кризиса, в 1597 году, доходы составляли 300 млн акче)¹³⁶.

Принимая во внимание, что цены на хлеб в 1590-х и 1630-х годах были примерно равными, а население империи уменьшилось, рост доходов казны означал увеличение налоговой нагрузки. Чрезвычайный налог, авариз, стал фактически постоянным и взимался в XVII веке по таксе в 300 акче с чифта, что (с учетом роста цен) в 1,6 раза превосходило все налоги на чифт в середине XVI века. Был введен ряд новых чрезвычайных налогов: на организацию ополчения, на содержание почтовых станций и т. д. При этом налоги стали сдаваться на откупа — это позволяло получить деньги авансом, но при отсутствии должного контроля над откупщиками было чревато превышением и без того высоких налоговых ставок¹³⁷.

Примерно 70 % доходов центральной казны уходило на содержание янычар и других контингентов наемных войск¹³⁸. Таким образом, причиной роста налогов было увеличение наемной армии. Экоосоциальный кризис привел к существенному перераспределению доходов в пользу новой прослойки военного сословия и в ущерб народу. Доходы старой военной элиты при этом не росли, так как получаемая тимариотами фиксированная рента уменьшалась в результате инфляции¹³⁹.

В целях экономии финансов янычарам разрешили заниматься ремеслом и торговлей, принудительные наборы мальчиков были прекращены, в корпус набирались сыновья янычар и добровольцы из городских жителей. Эти новые янычары имели семьи, жили в своих домах (а не как прежде — в казармах), и почти не занимались военной подготовкой. Это привело к падению боеспособности и дисциплины; к тому, что янычары перестали быть опорой монархии и превратились в беспокойное военно-ремесленное сословие¹⁴⁰.

В 1640 году Мураду IV наследовал султан Ибрахим I, которого прозвали Безумным: он страдал неврастенией и не занимался делами правления. Отсутствие контроля сразу же привело к разложению управленческого аппарата, в провинциях бесконтрольно хозяйничали местные паши и откупщики, которые присваивали собираемые налоги. В 1648 году доходы казны упали до 362 млн акче. Чтобы пополнить недостачу, власти продавали должности и чеканили неполноценную монету. В конце концов, янычары (которым не платили жалованья) восстали и при поддержке великого муфтия свергли Ибрагима с престола. На трон был возведен 7-летний Мехмед IV (1648–1687), и правительство стало игрушкой в руках придворных кланов и янычар. В провинциях (в районе Измира, Вана, Нигде и в других местах) вспыхивали мятежи пашей, опиравшихся на секбанов и обедневших тимариотов. В 1651 году порча монеты вызвала большое

восстание ремесленников и торговцев Стамбула; по требованию восставших были отстранены от власти 16 высших сановников, в том числе великий визирь¹⁴¹.

Разложение армии привело к поражениям в войнах. В 1649 году при осаде Кандии янычары впервые самовольно покинули поле боя. В 1656 году турецкий флот был разгромлен венецианцами в битве у Дарданелл, после чего победители блокировали подвоз хлеба в Стамбул. Опасаясь нового восстания, придворные клики передали власть представителю старой османской бюрократии, 75-летнему великому визирю Мехмед-паше Кёпрюлю. Мехмед-паша, прозванный Жестокий, правил железной рукой; в течение нескольких лет ему удалось восстановить административный аппарат и подавить мятежи недовольных пашей. Было казнено свыше 30 тыс. мятежников и заговорщиков, восстановлена дисциплина среди янычар, а не явившиеся на смотр сипахи лишились своих тимаров. Сбор налогов был упорядочен, причем в казну были мобилизованы некоторые доходы вакфов и земель хассе. Благодаря наведению порядка и мобилизации ресурсов Мехмед-паше удалось восстановить военные силы империи и разгромить венецианцев¹⁴².

Мехмед-паша Кёпрюлю основал династию великих визирей, которые около 30 лет поддерживали устои османской этатистской монархии. Однако проблема равновесия между военной элитой и крестьянством так и не была решена: слишком большое воинство требовало от страны слишком многого. Визирь Кёпрюлю пытались дать заработок солдатам в войнах, и войны следовали одна за другой: война с Венецией (1645–1669), Австрией (1663–1664), Польшей (1666–1672), Россией (1676–1681), «Священной лигой» (1684–1698). Крестьяне лишь с огромным трудом выносили гнет обычных и военных налогов. Налоги (кроме джизии) сдавались на откуп; под натиском финансового кризиса правительство возвышало стоимость откупов и практически перестало контролировать откупщиков — лишь бы они платили деньги авансом и побыстрее. Поскольку вносимые авансом деньги откупщики, как правило, брали в долг, а откупа давались с торгов только на год-другой, то откупщики, чтобы вернуть долги с процентами и успеть нажиться, брали с крестьян намного больше положенного по закону¹⁴³. «Торги, ограничивающие владение годом-другим, заставляют брать все, что можно, — признавал баш дефтердар (начальник налогового ведомства) Кёсе Халил-паша. — А в результате — крестьяне ограблены и несчастны, да и казна не богатеет»¹⁴⁴.

Как отмечалось выше, при Мураде IV была предпринята попытка вернуть разбежавшихся крестьян на места их прежнего проживания, причем переселенцам обещали налоговые льготы. Однако как только поселенцы более-менее обустроивались, сбор налогов передавался откупщикам и они требовали так много, что крестьяне снова разбегались¹⁴⁵.

Таким образом, система откупов, намного увеличивавшая ренту с крестьян, была одним из главных препятствий к восстановлению земледелия после кризиса.

Другим препятствием для восстановления были незаконные поборы местных властей (текеляф и-шакка). Эти поборы и повинности появились в конце XVI века; затем они были признаны правительством и оформлены в особые сборы: девир, кафтан беха, селямийе, пишкеш и т. д. Величина этих сборов определялась местными властями и могла быть весьма значительной. Известен случай, когда чрезмерные поборы такого рода вызвали голод в округе Сараето (1690 г.)¹⁴⁶.

Наконец, еще одним препятствием для восстановления земледелия в Анатолии была кочевая реакция — возобновившееся наступление кочевников на сельскохозяйственные области. Как отмечалось выше, в XVI веке османские власти обеспечивали защиту земледельцев в их конфликтах с кочевниками, и это позволяло крестьянам увеличивать пашни за счет пастбищ. С другой стороны, такая политика вызывала восстания кочевников, и борьба иногда принимала ожесточенный характер; некоторые кочевые племена уходили на восток, в область Диарбекир и дальше, в Азербайджан. После демографической катастрофы начала XVII века кочевники взяли реванш над земледельцами: кочевые племена стали возвращаться с востока, занимая опустошенные равнины и прогоняя уцелевших земледельцев¹⁴⁷. Победа кочевников была столь решительной, что, например, в области Коньи многие заброшенные деревни так и не были никогда восстановлены; сохранились преимущественно поселения в горных местностях, вдалеке от больших дорог¹⁴⁸. Продвижение кочевников в западном направлении продолжалось на протяжении всего XVII столетия; в 1680-х годах туркменские племена Боз-Улус заняли район Эскишехира, и некоторые кочевые кланы даже переправились через пролив на остров Хиос. Эти передвижения сопровождались новыми опустошениями и бегством сельскохозяйственного населения; по-видимому, именно эти события привели к уменьшению на треть облагаемых аваризом налоговых единиц в Западной Анатолии¹⁴⁹.

Не сохранилась никаких данных, которые можно было бы истолковать как бесспорное свидетельство демографического восстановления в Анатолии после катастрофы начала XVII века¹⁵⁰. По мнению Б. Макговена, население этого региона не увеличилось со времен катастрофы вплоть до XIX столетия. В XVIII веке здесь преобладало кочевое хозяйство, численность налогоплательщиков постоянно уменьшалась, собираемые налоги были незначительны и не превосходили 4 % доходов от Йемена¹⁵¹. Французский путешественник Поль Лука в начале XVIII века описывал состояние Анатолии в следующих словах: «Поля, наполовину заброшенные, потеряли лучшую часть своих жителей, и ныне можно найти в этой об-

ширной стране лишь несколько незащищенных городов и большое количество полуразрушенных деревень. Крестьяне... обрабатывают так мало земли... что огромная часть страны остается невозделанной...»¹⁵². Крестьяне не испытывали недостатка в земле: на протяжении XVII века средний размер крестьянского надела в районе Бурсы составлял около одного чифта — в то время как в 1575 году крестьянские наделы в Западной Анатолии имели размеры в $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{3}$ чифта¹⁵³. Однако неконтролируемые поборы откупщиков и грабежи кочевников отнимали у крестьян основную часть прибавочного продукта. В целом ситуация, по-видимому, была сходной с ситуацией XIII–XIV веков, когда господство кочевников препятствовало земледельческой колонизации и росту населения Анатолии.

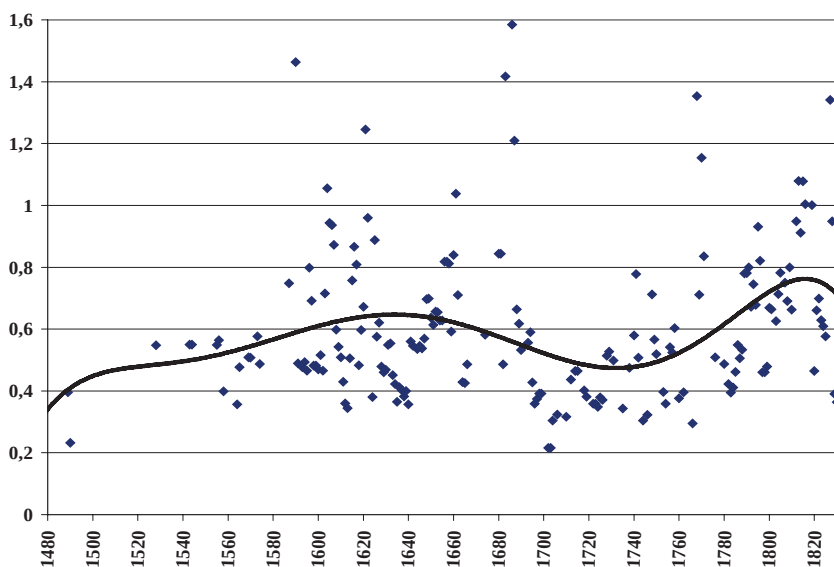

Рис. 26. Цена пшеницы в Стамбуле (в граммах серебра за 1 кг). График построен по данным С. Памука¹⁵⁴

В Румелии (поскольку там не было кочевников) положение было более благоприятным. Для XVII века, правда, статистические данные отсутствуют, но, по оценкам историков, население Балкан в этот период росло¹⁵⁵. Главными проблемами для балканских крестьян были высокие налоги, произвол откупщиков и местных властей. Б. Макговен полагает, что совокупная рента крестьян, составлявшая в XVI веке $\frac{1}{5}$ – $\frac{1}{4}$ их дохода, к XVIII столетию поднялась до половины дохода и достигла крайних пределов возможной эксплуатации¹⁵⁶ (напомним, что XVI веке половину доходов отдавали только рабы).

Часть крестьян, бросая свою землю, уходила в города. Поскольку крестьяне, чтобы оплатить возросшую ренту, вывозили на рынок едва ли

не половину своего зерна, то цены на зерно упали — даже несмотря на серебряную инфляцию, вызванную наплывом серебра из Америки. В 1701–1710 годах цена на пшеницу (в серебре) была в два раза меньше, чем в 1550-х годах; соответственно, реальная заработная плата была довольно высокой: в Стамбуле даже неквалифицированный рабочий мог купить на дневную зарплату около 13 кг зерна¹⁵⁷. В соответствии с теорией это был высокий уровень заработной платы, характерный для начала нового демографического цикла, однако в данном случае нужно учитывать, что уровень жизни в деревне был гораздо ниже. Как бы то ни было, сложившееся положение создавало благоприятные возможности для миграции в города и развития городского ремесла. В течение XVII века ремесло успешно развивалось; уровень производства шелка в Бурсе, сократившийся после катастрофы в пять раз, был восстановлен к 1680 году¹⁵⁸. По некоторым оценкам, численность населения в городах Анатолии во второй половине XVII века была не меньше, чем в конце XVI века, то есть до катастрофы¹⁵⁹.

Одной из основных проблем, стоявших перед османским правительством в XVII веке, была проблема организации военных сил. Как отмечалось выше, войско янычар было многочисленным, но его боеспособность была низкой. Сипахийское ополчение находилось в стадии разложения: доходы сипахи оставались фиксированными и продолжали обесцениваться в результате порчи монеты. В результате сипахи не могли снаряжаться на войну, если она затягивалась на несколько лет. В 1687 году, спустя три года после начала войны с Австрией, из 63 тыс. сипахи на войну явилось лишь 22 тыс.¹⁶⁰. Наиболее существенным, однако, было отставание в военной технике: в конце XVII века европейские армии приняли на вооружение легкую полковую артиллерию и облегченные мушкеты со штыком. Линейная тактика ведения боя намного увеличила эффективность огня пехоты и изменила характер сражений. В результате в 1683 году османское войско потерпело сокрушительное поражение под Веной. В 1687 году последовал еще один разгром — в битве при Мохаче. Янычары, которым не платили жалование, оставили фронт, двинулись на Стамбул, и свергли с престола султана Мехмеда IV¹⁶¹. Лишь вмешательство Людовика XIV, объявившего войну Австрии, спасло Османскую империю от тяжелых последствий новой смуты.

Поражения побудили правительство к проведению реформ. В 1689 году великий визирь Кепрюлюзаде Фызыл Мустафа-паша попытался ликвидировать поборы местных властей («текеляф и-шакка») ¹⁶². Затем в 1691 году была предпринята попытка принудительно урегулировать расселение кочевников в Анатолии и прекратить грабежи земледельческого населения. Эти попытки, в целом, закончились неудачей¹⁶³. Иной была судьба произведенной в 1695 году реформы откупов. Прежние откупа, предо-

ставлявшиеся на 1–3 года, были заменены пожизненными откупами, маликяне; при системе маликяне откупщики предоставляли казне большой аванс (до 8-летней стоимости откупа), а в дальнейшем платили относительно скромные ежегодные взносы¹⁶⁴. Введение новой системы было продиктовано необходимостью срочно получить средства на ведение войны — и маликяне позволило на время наполнить казну, но одновременно существенно сократило будущие доходы и отдало крестьян во власть откупщиков. Как утверждал баш дефтердар Баккалзаде эль хадж Мехмед эфенди, уже через двадцать лет после введения откупов судьи-кади перестали рассматривать жалобы на злоупотребления откупщиков. «Это — маликяне, — отвечали они крестьянам, — им пользуются как хотят»¹⁶⁵.

Наиболее выгодные откупа распределялись на аукционах в Стамбуле, и их владельцами становились придворные вельможи, крупные военные и гражданские чины, улемы¹⁶⁶. Но существовали также провинциальные аукционы, на которых продавались сравнительно мелкие откупа на сбор налогов с деревень. В этих провинциальных аукционах принимали участие, в том числе и местные городские старейшины, аяны; в каждом городе было несколько избираемых населением аянов, а в сельской местности один аян возглавлял несколько деревень. Аяны избирались населением из числа местных «уважаемых людей», улемов, отставных чиновников и военных, богачей, торговцев, ростовщиков; в их обязанности входил надзор за общественным порядком, за действиями пашей и распределением налогов. Должность аяна почти не контролировалась правительством, аянов не сменяли, как пашей и их помощников, каждые два-три года, и служебное положение позволяло аянам с наибольшей выгодой брать откупа на местных аукционах¹⁶⁷. Крупные откупа, приобретенные вельможами, в конечном счете также оказывались в руках аянов: вельможи не имели аппарата сборщиков налогов, поэтому они продавали или сдавали в аренду свои маликяне по частям, и в конце концов, после ряда субконтрактов раздробленные на мелкие части откупа переходили «аянам»¹⁶⁸. Уже в начале XVIII века, во всяком случае в Анатолии, аяны составляли основную массу владельцев маликяне¹⁶⁹.

Выступая в роли сборщиков налогов, аяны давали тем крестьянам, которые не могли заплатить, деньги под ростовщический процент и затягивали их в долговую кабалу. В конце концов, они овладевали крестьянские наделами и, как в конце XVI века, создавали поместья-чифтлики, обрабатываемые трудом арендаторов и батраков. Этот процесс начался еще до появления системы маликяне; в конце XVII века чифтлики в районе Салоник и болгарского побережья занимали примерно 20 % территории¹⁷⁰, а в Македонии, по некоторым оценкам, более половины пахотной земли¹⁷¹. Расчеты М. Акдага показывают, что хозяин чифтлика отнимал

у крестьян до двух третей урожая, остающегося после уплаты налогов¹⁷². Появление маликяне ускорило процесс обезземеливания крестьянства и образования чифтликеров; откупщики получили формальные права увеличивать налоги по своему произволу.

Аяны составляли новый слой элиты, потеснивший старую бюрократию и сипахи; эта новая элита со временем становилась все более независимой. Важно отметить, что маликяне при уплате особого сбора могло передаваться по наследству. В общих чертах маликяне было подобно феодальному владению: оно подразумевало делегирование государственных полномочий в обмен на выполнение определенных обязательств. То, что эти обязательства были финансовыми, а не военными, как в классическом случае, не меняет сути дела. Тимар и маликяне были родственными явлениями, и это демонстрируют действия османских властей, которые часто заменяли военную службу сипахи выплатой денег, переоформляя при этом тимар в маликяне¹⁷³.

* * *

Экосоциальный кризис, связанный с восстанием джеляли не закончился с разгромом мятежников в 1609 году, он перерос в интерцикл и время от времени снова обострялся. Основной социальной проблемой, питавшей кризис, было несоответствие увеличившейся численности военного сословия (сипахи, янычар и наемников-секбанов) и сократившейся численности крестьянства. Содержание огромного воинства потребовало резко увеличить налоги на крестьян, и непомерная тяжесть налогов, усугубленная методами их сбора через посредство откупщиков, препятствовала восстановлению экономики в новом цикле. Хотя при Мураде IV правительству удалось сократить численность наемной армии и восстановить султанское самодержавие, при Ибрахиме I произошел новый кризис, и этатистская стабилизация произошла лишь в правление Мустафы-паши Кёпрюлю.

Перестройка элиты, связанная с появлением ее новых слоев, перераспределение ресурсов, резкое увеличение налоговой нагрузки на народ и отток ресурсов к новой финансовой элите, аянам — все это свидетельствует о произошедшей в XVII веке *трансформации* структуры «государство–народ–элита». Эта трансформация была вызвана в значительной мере военной революцией, связанной с распространением огнестрельного оружия: именно этим обстоятельством объясняется падение роли и веса сипахийского сословия и возвышение янычар. Коллизии военной революции были таковы, что первоначально регулярный корпус янычар, вооруженный огнестрельным оружием, в значительной степени способствовал установлению этатистского самодержавия султанов. Однако монархия не смогла удержать в подчинении янычар, и в результате

регулярный корпус превратился в иррегулярное воинство, в своекорыстное военное сословие, зачастую диктующее свои интересы правительству.

Резкое увеличение численности янычар (а также других наемных частей) привело к увеличению налогов и к перераспределению ресурсов. С другой стороны, несовершенство финансовой системы в сочетании с резко возросшей финансовой нагрузкой было причиной распространения откупов и появления аянов — напомним, что распространение откупов было общей чертой многих европейских и азиатских государств того времени.

В экономической сфере XVII век, ознаменовался прежде всего сокращением вместимости экологической ниши в результате резкого увеличения ренты и обусловленного ослаблением власти наступления кочевников в Анатолии. Эти два фактора препятствовали восстановлению земледелия, и мы не имеем никаких данных, которые определенно свидетельствовали бы о росте численности населения. В то же время увеличение ренты способствовало развитию городов, где уровень жизни на протяжении XVII века существенно вырос. Однако, как показывают резкие колебания цен на зерно, это развитие было неустойчивым, и годы благополучия чередовались с голодными годами.

12.5. Второй османский цикл

Для XVIII столетия имеется больше данных, которые позволяют судить о развитии экономики Османской империи, хотя в целом информация остается довольно скудной. Сведения о росте сбора джизьи позволяют сделать заключение об увеличении численности населения на Балканах (за исключением Сербии и Морей) в 1700–1740 годах примерно на 48 % и к 1788 году — еще на 17 %¹⁷⁴. Как отмечалось выше, в начале XVIII века уровень потребления в городах был относительно высоким, а уровень цен — низким. На улучшение экономической обстановки несомненно повлияло прекращение войн. Разгром под Веной положил конец политике визирей из рода Кёпрюлю, которые пытались занять войной разбухшее наемное войско. После заключения мира в 1698 году империя стала избегать военных конфликтов с европейскими государствами, и груз военных налогов снизился. Введение системы маликяне первое время, по-видимому, также оказывало — в соответствии с ожиданиями Порты — позитивное влияние на стабилизацию ситуации в деревне (к середине XVIII века это влияние стало негативным).

Демографический рост, однако, не касался Анатолии, где продолжалась стагнация — поэтому демографический цикл XVIII века был, в основном, «балканским». Специалисты говорят о расширении посевных пло-

щадей на Балканах¹⁷⁵, однако это расширение не компенсировало роста населения. Н. Тодоров утверждает, что к концу столетия болгарские крестьяне страдали от малоземелья, и это было связано, в частности, с тем обстоятельством, что большие массивы плодородных земель были захвачены мусульманским населением¹⁷⁶. Кроме того, высокая рента сужала экологическую нишу народа: крестьяне могли платить ренту, превышающую половину урожая, лишь обрабатывая плодородные земли. Менее плодородные участки при таких условиях не могли прокормить крестьянина и поэтому не использовались, тем более что для подъема целины у крестьян не было средств.

Следствием крестьянского малоземелья была массовая пауперизация и уход крестьян на заработки¹⁷⁷, действительно, для XVIII века имеются многочисленные свидетельства об отходничестве и о массовом бегстве крестьян в города. Об этом говорят мемуары европейских дипломатов и коммерсантов, а также и донесения русских посланников. В реляциях разных лет повторяются сообщения о том, что Стамбул переполнен «гуляющими людьми» из разных областей государства. В 1730, 1740, 1741, 1748, 1759, 1782 годах упоминаются «наижесточайшие» личные султанские указы о том, чтобы «наброд из Константинополя восвосяси отослать»¹⁷⁸. Крестьяне были формально прикреплены к месту жительства, и власти должны были возвращать их назад (если с момента ухода не прошло 10 лет), однако ввиду отсутствия сыска беглых реально возвращали немногих. Кроме того, большая часть крестьян занималась отходничеством с позволения своих аянов. Так, например, в 1730 году в Стамбуле находилось 12 тысяч албанских отходников. Отходники и многие беглецы жили в городах без семей, и во всех городах существовали кварталы холостяков, которые блокировались на ночь полицией¹⁷⁹.

В результате притока мигрантов из деревни в города на протяжении XVIII века население городов значительно возросло. Население Стамбула превысило уровень времен сжатия XVI века и достигло 600 тыс. жителей; в Эдирне проживало около 100 тыс., в Салониках — 60–70 тыс., в Измире — 65–100 тыс., Бурсе — 60 тыс.; Шкодер в Албании вырос с 30 тыс. в 1739 году до 60 тыс. в 1793 году. Сравнительно большие размеры имели болгарские города: в Софии проживало около 70 тыс., в Пловдиве — 50 тыс. человек¹⁸⁰.

Переселенцы из деревни пытались заработать на жизнь ремеслом. Подсчеты М. Генча позволяют утверждать, что в важнейших промышленных центрах Балкан и Малой Азии объем ремесленного производства в 1720–1775 годах вырос примерно вдвое. Особенно быстро росло производство тканей в болгарских городах: с 1730-х по 1780-е годы оно увеличилось в три раза¹⁸¹. Поскольку перераспределение ресурсов привело к обогащению новой элиты, то элита диктовала спрос, и среди ремесел

особое развитие получило производство предметов роскоши; в Стамбуле, например, насчитывалось 28 цехов ювелиров¹⁸². Значительная часть ресурсов элиты расходовалась на импорт предметов роскоши, прежде всего, из Индии и Персии; этот импорт приводил к сокращению доходов турецких ремесленников¹⁸³.

Рост населения привел к росту хлебных цен и падению реальной заработной платы. По сравнению с уровнем начала столетия в Стамбуле цена на пшеницу в 1750-х годах увеличилась примерно вдвое, а дневная плата в зерновом эквиваленте упала почти вдвое¹⁸⁴. Наплыв крестьян в города и падение уровня жизни вызвали реакцию ремесленников-цеховиков. Цехи-эснафы затрудняли доступ новичков в свою среду, ограничивали число мастеров, увеличивали сроки стажировки и повышали размеры вступительных взносов¹⁸⁵.

Рост населения (и налогов) способствовал увеличению доходов правительства. В 1750-х годах доходы казны составляли около 10 млн дукатов (в 1560-х годах, по оценке, они составляли 8 млн дукатов, а в 1650-х годах — только 3 млн)¹⁸⁶. Система маликяне позволяла увеличивать доходы казны; при этом в обмен на увеличение авансов правительство закрывало глаза на произвольные поборы владельцев маликяне; по оценке Й. Чезара, правительство получало около половины того, что собирали откупщики¹⁸⁷. В целом введение системы маликяне означало резкое *перераспределение ресурсов* за счет народа в пользу государства и нового слоя элиты, состоявшего из откупщиков. Перераспределение ресурсов привело к быстрому обогащению откупщиков-аянов; некоторые из них резко увеличили размеры своих откупов и претендовали на должности в руководстве провинций. В 1726 году нотабли провинциальных городов стали выбирать «главного аяна» (баш аян), который получил важные полномочия, в том числе, в сфере сбора налогов¹⁸⁸.

В деревне рост населения повсеместно сопровождался разорением крестьян и ростом чифтликов. В Албании рента возросла с $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{3}$ урожая¹⁸⁹. В горных районах здесь продовольствия не хватало и на полгода. Во многих местностях крестьяне пытались заработать на жизнь ремеслом; многие уезжали, и в Салониках в 1770-х годах проживали 4 тыс. албанских ремесленников. Важным «промыслом» было военное наемничество; наемники-албанцы служили в Египте, Алжире, Сирии; албанские полки были в армиях Венеции и Неаполя¹⁹⁰. В Боснии крестьяне-арендаторы получали не больше половины урожая и даже дома, в которых они жили, принадлежали аянам. Многие крестьяне бежали из Боснии в Далмацию и Сербию. Наиболее тяжелое положение сложилось в Греции: здесь рента достигала $\frac{2}{3}$ урожая, крестьяне находились в долговой кабале у сипахи и аянов, ростовщики требовали 2 % в месяц. Греческие крестьяне искали выход в контрабанде или пиратстве; в деревнях развивалось ре-

месо: в некоторых местах ремеслом занимались $\frac{2}{3}$ жителей. Нищета доходила до того, что крестьянские женщины весной отправлялась на поиски съедобных диких трав. 50-е годы XVIII века были отмечены крестьянскими восстаниями в Греции и Боснии. В 70-е годы восстание в Греции вспыхнуло вновь; ожесточенная партизанская война привела к гибели значительной части населения Мореи¹⁹¹.

Хроническое недоедание способствовало распространению эпидемий. Специалисты насчитали в XVIII веке в Стамбуле 68 лет чумы, в Западной Анатолии — 57, в Албании — 42, в Боснии — 41, в Болгарии — 18 лет. Большие эпидемии отмечались в Стамбуле в 1705, 1726, 1751, 1770 годах, в Салониках — в 1713, 1741, 1762, 1781 годах¹⁹².

Нищета и разорение крестьянства, как и в XVI веке, породили массовое движение разбойников-левендов. Под предлогом защиты от разбойников паши и бейлербеи стали увеличивать численность своих военных отрядов; наемную охрану — с разрешения правительства — завели и крупные аяны. Чтобы содержать наемников, требовались деньги; вооруженные отряды аянов разъезжали по деревням и под разными предлогами заставляли крестьян отдавать деньги и продовольствие¹⁹³. В середине XVIII века из всех провинций империи поступало множество жалоб на злоупотребления провинциальных аянов, нередко выступавших в роли ага и мютесселимов (помощников пашей); в некоторых нахиях (уездах) против них поднимались восстания. В 50-х годах жители Белградского пашалыка жаловались султану, что местные аяны обложили незаконными налогами все население пашалыка, что вызвало массовое бегство крестьян в Австрию¹⁹⁴. Русский резидент А.М. Обресков писал в 1758 году, что «провинции разорились, за умалением земледельцев, которые от несносных налогов пашинских и прочих начальников разбежались по городам»¹⁹⁵. Французский ученый Гийом-Франсуа Оливье оставил описание Османской империи, относящееся, правда, к несколько более позднему времени, к 1790-м годам, и повествующее о достаточно давно сложившейся практике. Оливье писал: «Очень часто аги злоупотребляют своим влиянием и богатством, а главное, своей полицейской властью... С палкой в руках они принуждают земледельцев работать даром в их поместьях... берут на откуп налог харадж с большой выгодой для себя. Жители сел... бросают свои земли, которые их не могут прокормить. Они уходят в большие города...»¹⁹⁶.

С 60-х годов XVIII века на крестьянскую ренту стали претендовать и янычары. К этому времени янычары превратились в своевольное военное сословие, добившееся права передавать свои привилегии по наследству: в XVIII столетии янычарами (на законном основании) могли становиться только дети янычар¹⁹⁷. Большинство янычарских командиров и некоторые рядовые стали принимать участие в откупах и конкурировать с аянами.

В некоторых случаях они силой захватывали должности «главных аянов» и откупа. Особое положение сложилось в пограничной Сербии, где стоял мощный янычарский гарнизон и янычары установили свою, почти независимую от центра, власть. Янычарские командиры прогнали многих сипахи (или стали их «совладельцами»), поделили между собой деревни и создали чифтлики¹⁹⁸.

С 1760-х годов начинается открытая борьба между аянами, янычарами и центральными властями за распределение ресурсов. Должности «главных аянов», а затем и пашей узурпируются разбогатевшими на откупках местными кланами. В провинциях появились династии владетелей, которых называли аянами или деребеями и которые содержали собственные войска; измирский аян Хаджи Мустафа Караосманоглу имел 8 тыс. наемных солдат. Эти правители постепенно выходят из подчинения центральной власти, задерживают отправку в казну причитающейся ей доли налогов и проявляют сепаратистские устремления¹⁹⁹. Процесс государственного распада начался раньше всего в Албании, где уже в середине XVIII века разгорелась междоусобная война местных кланов, стремившихся захватить должности пашей и присвоить государственные земли и доходы. В результате этой войны на месте прежних санджаков образовались наследственные владения пашей — пашалыки, границы которых не совпадали с прежним административным делением и постоянно менялись²⁰⁰.

Как отмечалось выше, развитие системы маликияне в значительной степени было обусловлено финансовым кризисом, вызванным поражениями в войнах с европейскими державами, то есть в конечном счете действием *военно-технического фактора*. Воздействие этого фактора постепенно усиливалось и побуждало правительство к реформам. Однако монархия была слаба и не обладала должной энергией для реформ; султаны проводили большую часть времени в серале; делами дворца руководили евнухи. Кызылар-агасы («начальник девушек») Бешир был в течение тридцати лет самым влиятельным лицом при дворе; говорили, что он смещает и назначает визирей²⁰¹. В этих условиях предпринятые визирем Ибрагимом-пашой (1718–1730) попытки модернизации имели в основном внешний, косметический характер. После возвращения отпавленного им во Францию «Великого посольства» в империи начался «период тюльпанов», сановники строили дворцы во французском стиле и устраивали ассамблеи в тюльпановых садах. Ибрагим-паша содействовал основанию первой турецкой типографии, но проекты военной реформы не пошли дальше обсуждения. Артиллерийская школа, созданная в 1735 году французом графом Бонневалем, через двенадцать лет была закрыта по настоянию янычар и улемов. Янычары понимали, что появление регулярной армии означает для них утрату элитарных привилегий,

и выступали против новшеств, заимствуемых у «неверных». Против новшеств, в защиту традиций, выступало и мусульманское духовенство, приобретавшее все большее влияние по мере ослабления султанской власти. При этом блокировались не только организационные реформы, но техническое перевооружение армии. Ружья турецкой пехоты оставались такими же, как в XVII веке; они отличались тяжелым весом, медленным заряданием, отсутствием штыков и необходимостью применения подсошек. Пушки были очень тяжелыми, часто не имели колесных лафетов и не могли маневрировать на поле боя²⁰².

Война с Россией (1768–1774) показала, что старая военная организация находится в состоянии полного распада. Тимарная система окончательно разложилась; в то время как по спискам числилось 135 тыс. всадников, на деле в войско прибыло лишь 20 тыс. сипахи. Аналогично обстояло дело и с янычарами: их числилось 75 тыс., но в военных действиях участвовало только 18 тыс.²⁰³ Правительству оставалось комплектовать войска за счет найма, но для этого требовались большие деньги. Отсутствие денег заставило центральную власть признать свою неспособность защищать страну и обратиться за помощью к аянам. В 1772–1774 годах по специальной разверстке примерно 300 аянов Румелии и Анатолии послали на дунайский фронт 90 тыс. нанятых ими солдат²⁰⁴.

Поражение в войне нанесло новый удар авторитету монархии и вызвало новый финансовый кризис. Ввиду недостатка средств правительство было вынуждено уменьшать серебряное содержание монеты; османский пиастр (куруш) в 1768 году стоил 5 франков, в 1775 году — 3 франка, в 1789 году — 2,5 франка²⁰⁵. В 1776 году доходы центральной казны составляли 44,3 млн курушей, или 12,5 млн дукатов²⁰⁶, однако ввиду роста цен реальные доходы были меньше, чем середине столетия. Пытаясь хотя бы отчасти решить финансовую проблему и ослабить свою зависимость от владельцев маликяне, правительство в 1775 году ввело в дополнение и отчасти взамен маликяне систему эсхам. Некоторые вакантные откупа стали делить на множество частей, чтобы привлечь владельцев средних капиталов; при этом, в отличие от маликяне, управление откупом оставалось в руках государства, и оно само собирало налоги, выплачивая заплатившим аванс откупщикам установленную долю. Фактически это была форма (запрещенного исламом) кредита. За 1775–1793 годы государство получило по эсхам 22 млн курушей, уплатив откупщикам 29 млн, то есть убытки (плата за кредит) составили 7 млн²⁰⁷. Такого рода меры, конечно, не могли спасти государство от финансового кризиса.

Наиболее важным было то обстоятельство, что после войны 1768–1774 годов финансовый кризис стал перерастать в кризис управляемости. Во время войны аяны, владельцы маликяне, были обязаны выставлять войска и фактически превратились в военных вассалов султана, отличающихся, однако,

от сипахи тем, что они имели по отношению к населению своих владений гораздо большие права. Соответственно, аяны обладали гораздо большей силой и были более независимы по отношению к правительству. Эта относительная независимость очень быстро привела к тому, что между аянами начались частные войны, подобные войнам феодальной эпохи. Ф. Мутачиева датирует этот переломный момент 1779 годом, когда в Анатолии (вслед за Албанией) началась война между крупнейшими аянами²⁰⁸.

Феодализация сопровождалась дальнейшим ослаблением султанской власти. Французский посол Шуазель-Гуфье писал в 1786 году: «Здесь не так как во Франции, где король является единоличным господином, необходимо уговорить улемов, духовных лиц, министров...»²⁰⁹. В 1786 году султан Абд ал-Хамид I попытался усмирить аянов и издал указ о ликвидации должности «баш-аяна». Указ гласил: «Во всех городах и казах появилось по 2–3 аяна, которые нарушают законы, самовольно вносят в изменения в тевзи дефтерли (налоговые ведомости. — С. Н.), облагают население незаконными налогами, грабят и притесняют бедную райю и ради своих корыстных интересов опустошают страну... Люди случайные, занявшие должность аяна при помощи взяток и подарков, начали захватывать административное управление в провинции. Исходя из этого мы решили упразднить впредь должность аяна повсюду в империи, а функции аяна передать городским старейшинам-кетхуда... Отныне запрещено произносить даже слово “аян”...»²¹⁰. Указ был проигнорирован провинциальными властями и лишь показал бессилие султанской власти.

Начавшаяся в 1787 году война с Россией и Австрией нанесла новый удар по авторитету монархии. Так же как и во время предыдущей войны, правительство было вынуждено обратиться за помощью к аянам, и они послали на фронт свои отряды. Как и в предыдущем случае, это необученное и недисциплинированное воинство было без труда разгромлено противниками. Но на этот раз войско не пожелало разойтись по окончании войны; отряды наемников, которым не уплатили деньги, превратились в разбойников-кирждалиев и стали грабить балканские провинции. Таким образом, отчасти повторялся сценарий джелалийского бунта 1596 года: кирждалии, так же как и джелали, в значительной степени происходили из Восточной Анатолии, и среди них было много кочевников, которые всегда были не прочь пограбить земледельческое и тем более христианское население. Но истинные мотивы выступления кирждалиев прояснились позже: когда в 1802–1803 годах правительство вступило в переговоры с кирждалиями, они потребовали землю для поселения — и получили ее²¹¹. Таким образом, это был бунт анатолийских безземельных крестьян, волею случая оказавшихся на Балканах и получивших оружие; все, что им было нужно, — это земля.

Войны 1768–1774 и 1787–1791 годов вызвали еще одно — и более крупное — массовое движение. Во время войн многие доведенные до отчаяния жестокой эксплуатацией балканские крестьяне пытались бежать за Дунай, причем не только из пограничных областей, но и из Македонии, где было распространено закабаление крестьян на чифтליках²¹². Эти миграции приобрели массовый характер — особенно в Сербии, где, как отмечалось выше, почти бесконтрольно правили янычары. В 1787–1791 годах Сербия лишилась, по некоторым подсчетам, двух пятых своего населения, причем эти охваченные ненавистью к угнетателям беглецы вступали в австрийскую армию и воевали против турок²¹³. Правительство сразу же оценило опасность положения, при котором собственное население переходит к врагу. «Народ изнемогает под бременем налогов... — писал Селиму III кадиаскер Татарджик Абдулла. — Народу приходится волей-неволей бросать дома и родные земли; множество местечек и сел совсем разрушены и остались без жителей. Многие бежали за границу. Если так будет продолжаться — империя погибнет»²¹⁴. После окончания войны Порты предприняла попытку восстановить контроль над Сербией, она обещала удалить янычар и освободить население от налогов на три года; в дальнейшем правительство предполагало ликвидировать откупную систему и ограничиться небольшим налогом. Однако белградские янычары отказались повиноваться правительству и примкнули к мятежным аямам, которые к тому времени уже развязали внутреннюю войну²¹⁵.

Сигналом к внутренней войне стало начало радикальных реформ Селима III. Поражения османской армии, в конце концов, вынудили монархию взяться за трансформацию структуры по западному образцу. Это был неизбежный результат действия *военно-технического фактора*, который, таким образом, вновь вмешался в процессы демографического цикла. Реформы, начатые в 1793 году, получили общее название «низам-и-джедид», «новая система», их главной задачей было создание по-европейски обученной регулярной армии. Эта главная задача (в соответствии с теорией военной революции) подразумевала масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства. Для новой армии требовались большие средства, и султан распорядился о введении ряда новых (в основном косвенных) налогов. Однако этих налогов было недостаточно, требовалась радикальная финансовая реформа, подразумевавшая уничтожение системы маликяне и мобилизация в казну тех средств, которые доставались откупщикам. Эту задачу предлагалось решать постепенно: было указано, что по смерти их владельца маликяне (за исключением мелких) будут упраздняться, и государство само будет собирать налоги. Старое османское войско тоже подлежало постепенному упразднению: часть тимаров была конфискована под предлогом невыполнения сипахи

своих обязанностей, другая часть постепенно переводилась в маликяне. Намечалось также сократить численность корпуса янычар; их жалование уменьшалось²¹⁶.

Реакция янычар не заставила себя ждать: в 1793 году вспыхнуло восстание в Видине, янычары во главе с Пазванд-оглу захватили Видинский пашалык и соединились с белградскими мятежниками. Албания и Эпир не подчинялись Порте уже давно; здесь правили Мехмед Бушатли и Али-паша Янинский. В Рущукском пашалыке в 1795 году захватил власть один из вождей кирджалиев Терсиникли-оглу. На остальной территории Балкан царил анархия, вызванная отчасти набегами кирджалиев, отчасти сепаратизмом аянов, которые выступали против невыгодных им реформ. Все это происходило в обстановке большого голода, поразившего Морею и западные пашалыки; этот голод вызвал массовый исход беженцев в Болгарию. В 1800 году объединенные силы Пазванд-оглу, кирджалиев и румелийских аянов предприняли поход на Стамбул, но безуспешно. Союз врагов султана быстро распался, аяны выступили против янычар и кирджалиев, и в Румелии началась опустошительная междоусобная война; спасаясь от военных бедствий, население массами бежало за Дунай. Во многих деревнях, чтобы обороняться от набегов кирджалиев и «чужих» аянов, крестьяне создавали отряды самообороны и строили укрепленные башни. В 1804 году вспыхнуло восстание сербов — народ выступил против владевших Сербией янычар, и султан дал согласие на это выступление, в этактистском духе пообещав сербам снижение налогов. Восстание перебросилось на некоторые болгарские районы и сразу же сказалось на действиях мятежных аянов, которые были вынуждены уменьшать свои поборы с крестьян. В Анатолии в 1803 году началась новая война между мятежным правителем северо-востока Таярдом Махмудом и верными (на словах) султану западно-анатолийскими деребеями²¹⁷.

Несмотря на царившую в империи анархию, реформы продолжались. Существенные успехи были достигнуты в строительстве флота, верфей, литейных заводов, в создании артиллерии. Однако решение главной задачи, организации регулярной армии, осуществлялось очень медленно. В 1798 году в регулярных войсках насчитывалось всего лишь 4 тыс. солдат, а в 1804 году — 12 тыс. в окрестностях Стамбула и 12 тыс. — в Анатолии. Главным препятствием для создания армии было отсутствие рекрутской повинности и пропаганда настроенных против иноземных заимствований улемов, поэтому мусульмане не шли в новую армию, несмотря даже на хорошую плату²¹⁸. В 1805 году Селим III решил на введение рекрутской повинности и издал указ о призыве в регулярные войска молодых мужчин, не исключая и тех, кто числился в янычарах. Янычары, стоявшие гарнизонами в некоторых балканских городах (в том числе в Адрианополе), сразу же восстали и увлекли за собой городское население. Восстания

были настолько сильными, что Селим III был вынужден отправить в отставку великого визиря и объявить о прекращении реформ. Но это не спасло султана: в мае 1807 года мятеж янычар в Стамбуле привел к свержению Селима III²¹⁹.

Янычары возвели на трон Мустафу IV, но сторонники Селима продолжали сопротивление. Руцукский паша Мустафа Байрактар с 20-тысячным войском вошел в Стамбул; не сумев спасти Селима (который был убит), он посадил на престол Махмуда II. В сентябре 1808 года занявший пост великого визиря Байрактар созвал съезд аянов, которые явились вместе со своими войсками, так что в лагере под Стамбулом собралось 70 тысяч солдат. Аяны подписали «союзный пакт», заявив о своем формальном намерении повиноваться правительству и платить причитающиеся с них налоги; в то же время пакт устанавливал право аянов смещать великого визиря, если он будет совершать поступки «наносящие вред государству». По инициативе Байрактара было принято решение продолжить реформы низам-и-джедид, однако согласие на съезде было недолгим. Вскоре между аянами возникли конфликты, они вернулись в свои владения и многие из них перестали повиноваться Байрактару. Янычары сразу же воспользовались ситуацией и подняли новый мятеж; Байрактар был убит, и султан Махмуд II был вынужден отказаться от продолжения реформ²²⁰.

В 1807–1808 годах брейкдаун — разрушение Османского государства — стал свершившимся фактом. Султаны свергались с престола один за другим и почти что ничем не правили. Государство было поделено между феодальными владельцами, в европейской части страны крупнейшими из них были Али-паша Янинский, Ибрахим-паша Скутарийский и Исмаил-бей Сересский, в Анатолии правили кланы Чапан-оглу, Караосман-оглу и Зинан-паша Эрзерумский. Кроме того, существовало много владельцев более мелкого ранга. Отдаленные провинции — Египет, Сирия, Ирак — стали фактически независимыми государствами. Сербь, изгнав янычар, также пытались создать независимое княжество; их поддерживала Россия, начавшая в 1806 году новую войну с империей и оккупировавшая Валахию. Существенно, что и в областях, относительно близких к столице, фактически начали складываться новые государственные образования. Али-паша Янинский, владея территориями с населением в 1,5 млн человек, проводил в своем пашалыке этатистскую политику: он устранил большинство мелких феодалов и отнял их земли. Али-паше принадлежала треть обрабатываемых земель в его княжестве, он сам, без откупщиков, собирал налоги и проводил конфискации богатств у зажиточных торговцев и землевладельцев. Этатистская политика обеспечивала Али-паше доходы около 20 млн курушей в год, и он содержал постоянную армию в 15 тыс. солдат²²¹.

Махмуду II предстояло вести долгие войны за объединение Османской империи; он подчинял одного за другим крупных владетелей, используя одних против других. Сербам, которые оказали ожесточенное сопротивление, пришлось предоставить автономию. Княжество Али-паши было уничтожено только в 1822 году. Однако Янина еще не была взята, как началось греческое восстание. Как отмечалось выше, Греция была областью, где к концу XVIII века признаки перенаселения проявлялись с наибольшей интенсивностью, и где уже не раз вспыхивали восстания. Положение осложнялось тем, что основная часть элиты в греческих областях была турецкой; лишь на низших уровнях откупной иерархии встречались греческие откупщики-кодзабасы (*турец.* коджа-баши), которых, впрочем, не признавали за греков и называли «христианскими турками»²²². Таким образом, это было, в основном, восстание простолюдинов-греков против турецкой элиты и поддерживавшего ее турецкого государства. Однако вследствие этноконфессиональных различий восстание приобрело характер жестокого религиозного столкновения; оно сопровождалось массовой резней турок в греческих областях и не менее массовым истреблением греков в турецких областях. О масштабах этой резни трудно составить полное представление, но, к примеру, известно, что до восстания в Морее проживало 250 тыс. турок, а после восстания и долгой войны турецкое население практически исчезло; аналогичная ситуация была на острове Хиос, где до резни проживало 100 тыс. греков, и все они были либо истреблены, либо обречены в рабов²²³.

Бесконечные войны заставили Махмуда II вернуться к попыткам создания регулярной армии. На этот раз султану удалось договориться с улемами, в конце концов, осознавшими неизбежность реформ. В мае 1826 года султан объявил о создании регулярных войск ишкенджи; янычары снова подняли мятеж, но были разгромлены, и янычарский корпус был уничтожен. Затем, в 1830-х годах был проведен широкий комплекс реформ, которые начал еще Селим III и которые стали политическим итогом экосоциального кризиса. Наиболее важной реформой было упразднение системы маликяне (хотя впоследствии откупа были отчасти восстановлены, но их форма была другой и власти установили относительный контроль за сбором налогов откупщиками). Таким образом, государство вернуло себе (и народу) часть ресурсов, ранее поглощавшиеся ростовщической элитой (хотя часть ресурсов осталась у элиты). Была упразднена также и ставшая ненужной после создания новой армии тимарная система. Чифтлики, оформленные на правах частной собственности, остались у своих владельцев, но принуждать крестьян к барщине было категорически запрещено. Были отменены некоторые налоги, в том числе авариз; принимались меры для поддержки крестьянских хозяйств путем предо-

ставления ссуд (на эти цели была выделена большая сумма — 20 млн пиастров)²²⁴.

В целом реформы Махмуда II вылились в радикальную *трансформацию структуры*. Реформы подразумевали качественное изменение как отношений между элементами структуры «государство–элита–народ», так и самих этих элементов. Государство резко усилилось, включив в свой состав регулярную армию и в значительной степени вернув себе контроль над налогами. Устранив оппозиционные силы и осуществив масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства, Махмуд II стал самодержавным государем и восстановил этатистскую монархию.

Реформы, в частности уничтожение произвольных поборов в рамках системы маликяне, несомненно, привели к улучшению положения крестьянства. Освобожденные от чрезмерной эксплуатации крестьяне могли теперь обрабатывать земли, которые раньше лежали впусте из-за слишком высокой ренты. Большое значение имело также усмирение кочевых племен, которые прежде препятствовали земледельческой колонизации в Анатолии, — после ряда восстаний эти племена были оттеснены на восток²²⁵. Уже с 1820-х годов уровень потребления стал ощутимо повышаться, а цены на продовольствие снижались (рис. 25, 26). Однако это явление в большой степени было обусловлено также и другим фактором — уменьшением численности населения.

Данные о динамике населения скудны, но историки осторожно признают, что «перед 1830-ми годами, население, вероятно, уменьшилось»²²⁶. По некоторым оценкам, в 1810–1844 годах в Албании и Эпире (санджак Янина) население уменьшилось с 1040 тыс. до 928 тыс. человек, в Армении и Курдистане — с 2 млн до 1,7 млн²²⁷. Христианское население Греции за время освободительной войны уменьшилось с 938 до 753 тыс. человек²²⁸. Потери населения были следствием войн, но также и следствием сопровождавших разруху страшных эпидемий. Эпидемии чумы не были редкостью и в первой половине XVIII века, но ближе к концу столетия они приобретают катастрофический характер — особенно в перенаселенных и страдающих от нищеты городах. Эпидемия 1770 года, по некоторым сведениям, унесла в Стамбуле 150 тыс. жизней, а эпидемия 1786 года погубила треть населения столицы. В Салониках, где было всего 60–70 тыс. жителей, эпидемия 1781 года унесла 25 тыс. человек. В 1794 году чума опустошила Сербию²²⁹. В 1808 году британский консул Вильям Итон писал, что население Османской империи сокращается из-за голода и чумы, что большие эпидемии уносят от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{8}$ населения²³⁰. Самой страшной была большая пандемия 1812–1818 годов, по оценке Д. Панзака, «опустошившая всю страну»²³¹. Только в окрестностях Стамбула в 1812 году погибло 300 тыс. человек²³². Таким образом, мы можем утверждать, что экосоциальный кризис, завершивший демо-

графический цикл XVIII века, привел к существенному уменьшению численности населения.

* * *

Как отмечалось выше, в XVII столетии войны, высокая рента, разбои кочевников и общая обстановка нестабильности в деревне затрудняли процесс восстановления хозяйства. Эта ситуация была особенно типична для Анатолии, где она в целом сохранялась и в XVIII веке. На Балканах процесс восстановления был более активным, и в начале XVIII века он ускорился, что позволяет говорить о начале нового демографического цикла. Необходимо отметить, что факторы, ограничивавшие объем ресурсов в новом цикле (в особенности высокая рента) продолжали действовать. Система маликяне, поначалу ограничивавшая ренту, по мере ослабления контрольных функций превратилась в систему перераспределения ресурсов от народа к новым слоям элиты. Поэтому процесс восстановления очень быстро сменился сжатием, а затем — кризисом.

Период восстановления условно можно датировать первой половиной XVIII века. Для этого периода характерны наличие свободных земель, относительно быстрый рост населения, рост посевных площадей, низкие, но постепенно растущие цены на хлеб, высокая реальная заработная плата, относительно высокий (но быстро понижающийся) уровень потребления (во всяком случае, в городах). Однако высокий уровень ренты в деревне уже в этот период привел к массовым миграциям из деревни в города и появлению некоторых признаков, характерных для периода сжатия: уход разоренных крестьян в города, где они пытаются заработать на жизнь ремеслом или мелкой торговлей, рост городов, развитие ремесел и торговли, большое количество безработных и нищих. Таким образом, мы видим, что перераспределение ресурсов в рамках структуры «государство—элита—народ» деформировало естественный ход демографического цикла. Высокая рента препятствовала процессу внутренней колонизации, поэтому сжатие наступило, когда в некоторых районах еще имелись свободные земли. С середины XVIII века можно фиксировать такие признаки сжатия, как высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления, неустойчивый демографический рост, его замедление или приостановка, высокий уровень земельной ренты, частые сообщения о голоде, эпидемиях, разорение крестьян, распространение ростовщичества и аренды рост крупного землевладения.

В условиях сжатия элита распалась на враждующие фракции и вступила в борьбу между собой и с монархией. Эта борьба приняла форму феодально-кланового сепаратизма и привела к разложению этатистской монархии (трансформация ВА_с). Власть на местах фактически перешла к феодальным князькам, вышедшим из среды аянов. Пример Османской

империи показывает, что феодализм как результат захвата власти элитой свойственен не только эпохе тяжелой кавалерии, что он может наблюдаться и в эпоху пороха и пушек. Более того, захват власти на местах может производиться не только военной элитой, но и крупными собственниками, в частности финансистами, узурпирующими функции сбора налогов, а затем заводящими военные отряды.

В обстановке сжатия начались народные восстания в Сербии и Греции, также принявшие сепаратный характер, точнее, характер национально-освободительной борьбы. С 1780-х годов мы наблюдаем характерные признаки *экосоциального кризиса*: голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, гибель больших масс населения, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла и торговли, высокие цены на хлеб, социальные реформы, порождающие этатистскую монархию. В некоторых областях (в Янинском пашалыке, Греции, Сербии) можно наблюдать также и такие признаки, как гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности.

На протяжении цикла демографический фактор действовал совместно с *военно-техническим фактором*. Военное давление европейских государств, в конце концов, заставило правительство — несмотря на сопротивление элиты — создать регулярную армию, что в соответствии с теорией военной революции должно было повлечь за собой трансформацию структуры и установление этатистской монархии (трансформация А_сВ). Таким образом, социальные реформы, имевшие место в период экосоциального кризиса были вызваны резонансным действием демографического и военно-технического факторов. В целом трансформация структуры «государство–элита–народ» на протяжении второго османского цикла может быть описана формулой ВА_сВ.

12.6. Эпоха Сефевидов в Иране

В XIII–XV веках Иранское нагорье, по существу, представляло собой южную окраину Великой степи; большую часть его населения составляли кочевники, и история Ирана была историей кочевого общества. Уцелевшие в оазисах земледельцы были поработены кочевниками и считались скотом; племена воевали между собой из-за этого «скота», захватывали его и перегоняли с места на место. Древняя цивилизация Ирана лежала в развалинах, и эта страна навсегда потеряла роль центра мирового сжатия; этот центр сместился на запад — в Турцию. Иран же стал центром событий подобных тем, которые происходили в Аравии VII века; центром новой ослепительной вспышки кочевого коллективизма.

В конце XIII века бродившие по Ирану дервиши, наследники исмаилитов, нашли прибежище в Южном Азербайджане. Живший в Ардебиле

шейх Сефи-ад-дин призывал к тому же, что и пророк Мухаммед — к братству верующих и объединению ради борьбы за святую веру. Это учение было близко родовым обычаям поселившихся в Азербайджане тюрок и было с готовностью воспринято ими. Шейхи Сефевиды претендовали на происхождение от шиитских имамов, потомков Али и Фатимы; их последователи носили чалму с двенадцатью красными полосами в честь двенадцати имамов, отдавших жизнь борьбе за веру и справедливость, поэтому их называли «красноголовыми», кызылбашами. Кызылбашы брили бороду и отпускали длинные азербайджанские усы, а на бритой голове оставляли чуб; они считали себя учениками, мюридами, святых ардебильских шейхов и давали им обет верности. Так же как первые последователи Мухаммеда, кызылбашские мюриды отличались боевым фанатизмом и без страха шли на смерть ради веры²³³.

В XV веке шейхам удалось объединить обитавшие в Азербайджане и в Восточной Анатолии тюркские племена, причем основой этого единства — так же как в раннем исламе — был джихад, война за веру. Кочевники, постоянно испытывавшие недостаток пастбищ, не могли жить в мире, поэтому единственным средством прекращения усобиц было перенесение войны вовне. Объединившись, кызылбашские племена стали совершать регулярные набеги на окружающие земледельческие области — на Грузию, на греческое Трапезундское царство, на Ширван и Дагестан. Сцементированное верой, новое кочевое объединение было более сильным, чем племенные союзы тюркских и иранских кочевников. В 1501 году 7 тыс. кызылбашей разгромили 30-тысячное войско султана Альвенда Ак-Коюнлу, и после коронации в Тебризе юный шейх Исмаил стал первым шахиншахом династии Сефевидов. В 1503 году в битве при Хамадане 12 тыс. кызылбашей обратили в бегство 70 тыс. воинов султана Восточного Ирана Мурада Ак-Коюнлу; власть Сефевидов распространилась на обширные территории от Евфрата до Аму-Дарьи²³⁴.

Шах Исмаил почитался кызылбашами за нового пророка, призванного возродить исламское равенство и братство. Религиозный подъем распространился не только на Иран, но и на тюркские племена Восточной Анатолии, находившиеся под властью Османской империи. В 1508–1513 годах здесь разразилось большое восстание кызылбашей, пытавшихся присоединиться к Сефевидам; оно было с трудом подавлено османами. Персидские крестьяне, надеявшиеся на облегчение своего положения, также возлагали надежды на нового шаха. Придворные историки действительно говорят о том, что шах «заботился о райатах», но не сообщают, в чем конкретно выражалась эта забота. Налоги продолжали собираться по-прежнему, в соответствии с «Канун-наме» Узун Хасана Ак-Коюнлу²³⁵.

К улучшению положения крестьян могло привести уничтожение в период завоевания многих союргалов — вотчин, в которых их владельцы

пользовались всей властью над райатами и самостоятельно устанавливали уровень ренты. С начала правления Сефевидов стала использоваться новая форма пожалований, тиуль, напоминающая османский тимар, и заключающая в себе лишь право отчисления в свою пользу части уплачиваемых райатами налогов. Однако в XVI веке понятие тиуль еще не было устоявшимся и на практике этот новый термин часто применялся для обозначения старых союргалов. Тиулями называли также юрты кочевых племен — области, переданные в управление племенным ханам, где власть шахского правительства часто была номинальной. Юрты охватывали большую часть территории Ирана, и на этих землях крестьянство фактически по-прежнему находилось во власти кочевников²³⁶.

За исключением боевого фанатизма, кызылбаши не обладали военным преимуществом над своими соперниками. Армия Сефевидов состояла из племенных ополчений, которые даже в бою действовали раздельно и подчинялись своим вождям, ханам и бекам. Непосредственно шаху подчинялась только шеститысячная гвардия, курчии, подобно монгольским киштекенам, состоявшая из сыновей знати. До завоевания Ирана у кызылбашей практически не было панцирей и кольчуг, но после одержанных побед воины Исмаила I вместе с лошадьми оделись в железные чешуйчатые доспехи. Наступательным оружием кочевников были тюркские сабли и перенятые турками у монголов мощные луки; огнестрельное оружие в то время в Иране еще не производилось и не пользовалось популярностью у приверженных традициям номадов²³⁷. Между тем сосед Ирана, Османская империя, в конце XV века создала мощную армию, вооруженную аркебузами и пушками, — и новое оружие породило волну османских завоеваний. В 1514 году султан Селим Грозный с огромной армией вторгся в пределы Азербайджана и встретился с кызылбашами в битве на Чалдыранской равнине. Османские аркебузиры расположились за укреплением из повозок («табором»), перед которым стояли в линию 300 пушек, тем не менее конная лава кызылбашей бросилась прямо на эти укрепления, прорвалась за линию орудий и была остановлена лишь залпами аркебузирова. По турецким данным, в битве погибло 40 тыс. турок и 80 тыс. кызылбашей, в том числе многие племенные ханы и беки. Характерно, что после битвы один из попавших в плен кызылбашских ханов обвинил султана в «позорном» уклонении от «честного» кавалерийского боя и в неподобающем благородному воину использовании «мужицкого» оружия — аркебуз и пушек²³⁸. Впервые в мировой истории аркебузы и пушки одержали победу над огромной кочевой ордой; это был переломный момент истории, предвещавший окончание господства кочевников и прекращение катастрофических нашествий из Великой степи.

Войны кызылбашей с Османской империей продолжались с перерывами до 1555 года. Сефевиды потеряли Курдистан и Ирак Арабский, но

в конечном счете сумели остановить османское наступление. При этом было отчасти позаимствовано османское оружие: кызылбаши стали называть турецких пехотинцев-туфенгчиев и использовали «табор»; благодаря этому в 1528 году была одержана победа в битве с узбеками²³⁹. Однако в тот период это заимствование было лишь частичным: главную роль в сефевидских войсках продолжала играть конница кочевников. Кызылбашам удалось приостановить турецкое наступление благодаря скифской тактике: они опустошали обширные пространства на пути движения османских армий, лишая турок продовольствия; в то же время летучие отряды кочевников нападали на отделившиеся турецкие части и прерывали снабжение — в итоге противник был вынужден покидать захваченные области. Однако тактика «выжженной земли» привела к опустошению Западного Ирана и Азербайджана. С другой стороны, восточные районы Ирана в эти годы почти непрерывно подвергались набегам кочевых узбеков, которые не раз овладевали Мервом и Гератом. В итоге первые восемьдесят лет господства Сефевидов над Ираном прошли в бесконечных войнах; этот период не был благоприятным для восстановления экономики, подорванной в предыдущую эпоху²⁴⁰.

Таким образом, приход Сефевидов к власти не привел к прекращению войн. Не произошло существенных изменений и в социально-политической сфере: кочевники продолжали господствовать в политической жизни страны. Все эмиры первых сефевидских шахов происходили из вождей кочевых племен; персы могли занимать лишь должности писцов. Кочевники входили в состав военного сословия илятов, «людей меча», в то время как персидским земледельцам и горожанам, райатам, было запрещено владеть оружием. Воины-иляты имели право останавливаться в домах крестьян, требовать у них провизию и фураж (алафэ) и, естественно, злоупотребляли своими правами. Многие порядки Сефевидов восходили еще к монгольским временам: с торговцев по-прежнему взималась тамга, крестьяне должны были поставлять лошадей для ямских станций (улаг). Существовали большие государственные мастерские кархана, в которых по-прежнему трудились рабы²⁴¹.

После смерти шаха Исмаила I и вступления на престол девятилетнего Тахмаспа I (1524–1576) начались междоусобицы кочевых племен, которые продолжались шесть лет. Отдельные мятежи эпизодически вспыхивали и позже, особенно в последние годы правления Тахмаспа, когда по дорогам стало опасно передвигаться из-за постоянных усобиц. К этому времени государственная власть ослабела, контроль правительства над владельцами тиулей был утрачен, и они брали с райатов иногда вдвое больше положенного. В 1571 году недород привел к большому голоду, сопровождавшемуся эпидемией чумы; только в окрестностях Ардебилля погибли 30 тыс. человек. В некоторых районах вспыхнули восстания

райатов — наиболее значительными были выступления в Гиляне и в Тебризе²⁴².

Тебриз в этот период был фактически единственным крупным городом государства Сефевидов, он существовал за счет посреднической торговли на пути из Средней Азии к Средиземному морю. В 1501 году в Тебризе насчитывалось около 300 тыс. жителей, но в первой половине XVI века город четыре раза опустошался османами. Эти вторжения привели к тому, что в 1555 году столица была перенесена в глубь Ирана — в Казвин, а торговля существенно сократилась. Чтобы помочь купцам и ремесленникам, власти в 1565 году отменили тамгу, но положение оставалось тяжелым, и в 1571 году в Тебризе вспыхнуло восстание ремесленников, которое продолжалось два года. После восстания власти были вынуждены освободить Тебриз от налогов, но упадок продолжался; к 1585 году население Тебриза сократилось до 100 тыс. человек²⁴³.

В 1576 году смерть Тахмаспа I вызвала войну между племенами, поддерживавшими разных сыновей шаха. Воспользовавшись усобицей, османская армия вторглась в Азербайджан. Междоусобицы и военное разорение привели к страшному голоду и к эпидемиям, охватившим все области государства Сефевидов — в особенности Азербайджан, Армению, Ирак, Фарс, Керман, Хорасан, Табаристан. По многочисленным свидетельствам современников, люди ели траву, а в некоторых местах доходило до людоедства. Многие густонаселенные прежде местности совершенно опустели²⁴⁴.

В 1585–1588 годах османская армия овладела Азербайджаном; население Тебриза было полностью истреблено. Продолжая наступление, турки вторглись в Иран и достигли Нехавенда; значительная часть Хорасана была захвачена узбеками. В стране царил хаос: «Каждый эмир и правитель мнил себя удельным князем и вознес знамя самовласти и независимого правления», — свидетельствует Шараф-хан Бидлиси²⁴⁵.

В 1587 году группа хорасанских эмиров возвела на престол шаха Аббаса I (1587–1628), который решительными мерами приступил к наведению порядка. Мятежи племен были подавлены; шах десятками казнил представителей непокорной знати²⁴⁶. Чтобы выиграть время, Аббас I в 1590 году заключил с османами мир, по которому признал их власть над Азербайджаном и Западным Ираном. После этого шах приступил к спешному реформированию своей армии по турецкому образцу; реформой руководил известный полководец Аллах-верди-хан, а в качестве инструкторов были привлечены англичане, братья Антоний и Роберт Ширли. Были созданы литейные мастерские и организована персидская артиллерия (корпус топчиев). На вооружение были приняты орудия турецкого образца, например «бал-емез» — пушка, в свое время заимствованная османами у итальянцев (*ballo mezzo*)²⁴⁷. По образцу османских янычар была со-

здана 12-тысячная гвардия гулямов: специально отобранных грузинских мальчиков обращали в ислам и воспитывали в казармах. Так же как османские капыкулу, гулямы часто назначались на высокие военные и гражданские посты и были опорой шаха. Презрение тюрок к пехоте, однако, было таково, что, хотя гулямы имели ружья, они стали не пешей, а конной гвардией: Аббас I называл их «конными янычарами»²⁴⁸. Созданные шахом подразделения мушкетеров-туфенгчиев также передвигались в походе на лошадях, но спешили воевать во время боя. Туфенгчиев набирали не из кочевников-тюрок, а преимущественно из горожан-персов; они получали жалованье, а в мирное время занимались своим хозяйством. Численность туфенгчиев составляла около 20 тыс. человек, а общая численность постоянной армии Аббаса I оценивается примерно в 50 тыс.; кроме того, в случае войны кочевые племена могли выставить 60-тысячное ополчение²⁴⁹.

Новая армия и внутренний кризис в Турции позволили Аббасу I отвоевать Западный Иран и Азербайджан. В 1598 году, используя «табор» и пушки, персы нанесли сокрушительное поражение узбекским кочевникам и положили конец бесконечным набегам из степей²⁵⁰. Военная реформа стала началом широкомасштабной *трансформации структуры* персидского общества по османскому образцу. Эта трансформация подразумевала в первую очередь установление этикратического самодержавия, что было, с одной стороны, следствием диффузии османского абсолютизма, а с другой стороны, результатом военной революции, создания постоянной армии. Шахиншах превратился в самодержавного монарха, опирающегося на регулярное войско и дисциплинированное чиновничество. Туркские кочевые племена утратили свое политическое и военное преобладание; главные места в государственной иерархии теперь занимали представители новой армии и персидского чиновничества. Если прежде почти все эмиры были представителями кызылбашской знати, то в 1628 году из 90 эмиров кызылбашей было только 35, еще 34 эмира были из курдов и луров, и 21 эмир — из шахских гулямов. Многие ханства были уничтожены, и лишь на окраинах продолжали существовать 13 наследственных наместничеств (беглербегств) управляемых ханами племен, однако к каждому их них был приставлен контролер наподобие прежних монгольских баскаков²⁵¹.

Трансформация структуры привела к масштабному перераспределению ресурсов в пользу государства. Прежде всего был наведен порядок в землепользовании. Так же как в Турции, земли делились на четыре категории: государственные земли (дивани), земли шахского домена (хассе), земли мусульманских благотворительных учреждений (вакфы) и частные земли (мульк). Массовые конфискации тиулей и союргалов привели к огромному расширению шахского домена, хассе, в который теперь входила основная часть территории Центрального Ирана: округа

Исфахан, Казвин, Кашан, Йезд, Кум, Сав, Лар, Шираз и другие²⁵². Еще одним важным моментом в перераспределении ресурсов было восстановление тамги и введение государственной монополии на торговлю шелком; контрагентами шаха в этой торговле были армянские купцы, переселенные в предместье Исфахана, Новую Джульфу. В итоге перераспределение доходов дало Аббасу I средства, необходимые для создания новой армии. Датский посол Олеарий в 1630-х годах оценивал доходы шахской казны в 640 тысяч туманов (1 туман = 50 аббаси = 384 г серебра)²⁵³.

Доля элиты в распределении ресурсов уменьшилась. По данным историографа Искандера Мунши, в 1598 году доход тиулдаров с одного Ирака Персидского (Северо-Западный Иран) составлял 50–60 тысяч туманов, а в 1618 году общий доход всех тиулей сефевидского государства равнялся лишь 30 тысячам туманов²⁵⁴. Тиуль окончательно оформился в подобное турецкому тимару право на получение строго фиксированной части налогов с определенного участка земель, дивани. Другой формой оплаты воинов и чиновников стало так называемое хамэ-сале — право на получение определенных сумм по ассигнованным на местное казначейство бера-там (это была традиция, ведущая свое начало от монгольских времен)²⁵⁵.

Аббас I упорядочил систему налогообложения. Многие подати и повинности были отменены, и положение земледельцев существенно улучшилось. Крестьяне (как и в Турции) обрабатывали стандартные пахотные участки (джуфт, что соответствует турецкому чифт), выплачивая зафиксированные в дефтерах налоги владельцам тиуля или непосредственно государственным сборщикам-аминам. Схема описей в персидских и турецких дефтерах была почти одинаковой: указывалось число трудоспособных мужчин в деревне, общая сумма налогов с деревни, а затем эта сумма расписывалась по составляющим ее налогам²⁵⁶. Распределение налогов внутри деревни по дворам было делом связанной круговой порукой крестьянской общины. Как и в Турции, подати были относительно умеренными; основным налогом, был харадж (чаще называемый теперь мал-у-джихат); он обычно взимался в размере 15–20 % урожая. Кроме того, обложению подвергались плодовые деревья, виноградники, скот, мельницы, маслобойки и т. д. Особый сбор взимался за орошение полей и садов. По-прежнему существовали (хотя, вероятно, в ограниченных размерах) постоянная повинность, поставки провианта и фуража, повинности по обслуживанию ямских станций. С немусульман, кроме того, взималась джизья — 1 мискаль (4,6 г) золота в год²⁵⁷.

После реформ Аббаса Великого наступил длительный период внутреннего и внешнего мира, способствовавший экономическому возрождению страны. В начале XVII века в центральных областях имелись большие массивы свободных земель, и Аббас переселял сюда христиан из Закавказья. В 1605 году было переселено 70 тыс. жителей Нахичеванского края,

затем 100 тысяч человек из Кахетии, в 1618 году — 50 тыс. человек из Армении и т. д. В результате этих переселений и естественного прироста население Ирана быстро увеличивалось, к концу XVII века в Исфаханском оазисе было вдвое больше сел, чем в XIV столетии. Население Исфахана выросло с конца XVI по середину XVII века с 80 до 600 тыс. жителей; огромный город славился своими мечетями и рынками²⁵⁸. Возросло население и на окраинах: данные о сборе джизьи с сел Восточной Армении показывают, что во многих случаях объем собираемой подушной подати возрос более чем в два раза, — естественно предположить, что население увеличилось в соответствующей пропорции²⁵⁹.

Природные условия Ирана таковы, что освоение новых пашен ограничено не столько нехваткой земли, сколько нехваткой воды. Путешественники XVII века отмечали огромный масштаб оросительных работ в Иране — строительство новых и восстановление старых кяризов и каналов. Кяризы иной раз имели длину в 40 км, они пролегли на глубине 10–15 м и имели смотровые колодцы через каждые 8 м — на создание таких оросительных систем было затрачено колоссальное количество труда. Тем не менее воды и орошаемой земли не хватало; многочисленные сообщения говорят о крестьянском малоземелье, о конфликтах из-за земли и воды²⁶⁰.

Имеющиеся данные о ценах на хлеб в Иране фрагментарны, но известно, что цена на хлеб в Исфахане в 1629–1642 годах была в 2,4 раза больше, чем в 1581 году, а в 1668 году — даже в 10 раз больше (правда, это было время неурожая, голода и эпидемий)²⁶¹. Сохранилось довольно много сведений о росте цен на мульковые земли отдельных деревень (преимущественно в Восточной Армении); эти данные показывают, что стоимость земельных участков возросла на протяжении XVII века в шесть, семь и более раз. Некоторые исследователи склонны объяснять этот рост обесценением монеты, однако в действительности серебряное содержание аббаси было довольно стабильным: при Аббасе I монета, названная его именем, весила 7,79 г серебра, а после 1687 года — 7,39 г. Правда, в результате наплыва американского серебра менялся курс аббаси по отношению к золоту: в начале XVII века один туман, равный 50 аббаси, стоил 3 фунта 7 шиллингов, в 1678 году — 2 фунта 6 шиллингов, в начале XVIII века — 2 фунта 4 шиллинга²⁶². Таким образом, даже с учетом снижения стоимости монеты (в золоте) в полтора раза, цена на землю возросла более чем в четыре раза. Этот рост был очевидным следствием перенаселения, растущей нехватки земель и, соответственно, увеличения земельной ренты²⁶³.

О размерах ренты можно судить по арендным ставкам на землях шахского домена (хассе). Как свидетельствует немецкий путешественник Э. Кемпфер, в 1680-х годах арендаторы земель хассе в Исфаханском оазисе

отдавали хозяину от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ урожая²⁶⁴. Столь высокая рента, несомненно, была свидетельством нехватки земли и перенаселения.

Нехватка земли заставляла крестьян интенсифицировать земледелие, переходить к выращиванию садово-огородных культур, развивать виноградарство и шелководство. В XVII веке шелководство в Иране достигло такого высокого уровня, которого оно никогда не достигало ни раньше, ни позже. По некоторым оценкам, в 1620 году вывозилось 1,35 млн фунтов шелка, в 1630-х годах общее производство составляло 4,3 млн фунтов, а в 1670-х годах — 6,1 млн фунтов. Из этого количества не более $\frac{1}{20}$ части оставалось в Иране, остальное вывозилось в Европу и в Индию — шелк был основным товаром персидского экспорта²⁶⁵.

Разорившиеся крестьяне в поисках заработка уходили в города, где становились ремесленниками, слугами или нищими. Города быстро росли, не только Исфахан, но также Тавриз, Кашан и некоторые другие города насчитывали в середине XVII века по несколько сот тысяч жителей. Персидское ремесло достигло высокого развития — особенно в производстве тканей, ковров, фарфора и холодного оружия. Златотканая парча, атлас, кумач, бархат и другие виды дорогих тканей вывозились в Западную Европу, в Россию и в Индию. Персидские луки, сабли, доспехи считались лучшими в мире; особенно много художественно выполненного персидского оружия продавалось в России²⁶⁶.

Так же как в Османской империи, ремесленники были объединены в самоуправляемые в цехи-аснафы и ввиду острой конкуренции стремились не допускать в свою среду пришельцев из деревни. Так же как в Турции, особый чиновник, мухтесиб, по согласованию с цехами устанавливал цены на рынке и следил за соблюдением мер и весов. Продолжали существовать и большие шахские мастерские, карханэ, однако о ремесленниках-рабах в этот период уже не упоминается, очевидно, ввиду излишка свободных рабочих рабский труд стал невыгодным²⁶⁷.

К. Куция отмечает, что первые признаки начинающегося упадка городов и ремесел появились уже в конце 70-х годов XVII века²⁶⁸. В это время часто упоминаются голодные годы; особенно большой голод был в Азербайджане. Толпы голодающих устремились в города, и, чтобы воспрепятствовать этому, правительство возобновило введенное еще монголами, но фактически к тому времени давно забытое прикрепление крестьян к земле. В Нахичеванском крае вспыхнули голодные бунты, крестьяне громили склады зерна, принадлежавшие государству, знатным людям, монастырям. Одновременно вспыхнуло крестьянское восстание а Нагорном Карабахе; разрозненные крестьянские отряды действовали в горах и в лесах почти 20 лет²⁶⁹.

Аббас I создал мощную этатистскую монархию, сосредоточившую в своих руках большую часть ресурсов страны. Однако преемники Абба-

са воспитывались в гареме и не обладали ни его силой воли, ни его административными талантами. Государство постепенно теряло свои позиции в распределении ресурсов. При Сефи I (1629–1642) были отменены тамга и государственная монополия на шелковую торговлю. Несмотря на рост населения и торговли, доходы государства почти не увеличивались: по сведениям Шардена, в 1670-х годах они составляли примерно 700 тыс. туманов²⁷⁰. Между тем цены на хлеб возросли в несколько раз, это означало, что реально доходы казны уменьшаются. Уменьшались и фактические доходы обладателей тиулей, что вызывало резкое недовольство тиульдаров и попытки взимать с крестьян повышенную ренту²⁷¹. Правительство было вынуждено санкционировать такие поборы, и в некоторых случаях оно разрешало тиульдарам — по соглашению с крестьянскими общинами — взимать суммы, в четыре раза превосходившие указанные в дефтерах²⁷². Это привело к тому, что власти в конечном счете утратили контроль над тиулями. «Земли, ассигнованные на жалованье (т. е. тиули. — С. Н.), не находятся под наблюдением шаха, — отмечал в 1670-х годах Жан Шарден. — Они являются как бы собственностью того, кому они даются. И он обращается, как хочет, с доходами, с жителями этих мест, так же как в наших бенефициях в Европе»²⁷³. Шарден свидетельствует, что реальные доходы с тиулей намного превосходили зафиксированные в дефтерах первоначальные суммы и что казна, таким образом, несла большие убытки²⁷⁴.

В 1698 году был проведен новый кадастр, целью которого было привести налоги в соответствие с изменившимся населением и ценами. Трактат «Тазкират ал-мулук», описывающий финансовое положение в начале XVIII века, указывает, что государственный доход составлял 785 тыс. туманов, а официальный доход с тиулей (включая хамэ-сале и немногочисленные союргалы) — 529 тыс. туманов²⁷⁵. Таким образом, в то время как номинальные доходы государства увеличились с начала XVII века разве что на четверть, доходы тиульдаров увеличились более чем в десять раз. При этом авторы трактата указывают, что действительный доход с тиулей в большинстве округов был вдвое выше, чем зарегистрированный в дефтерах, а в округах Исфахана, Кашина и Шираза — выше в 5–6 раз²⁷⁶. На землях, не отданных в тиули, положение было таким же: везиры и амили собирали подати в размерах, намного превышающих официальные, присваивая излишки себе. Русский посол А. Вольтерский, посетивший Иран в 1717 году, свидетельствует, что в Ширване местные управители вместо положенных 8 тысяч туманов «собирают вдвое и втрое и по своим карманам делят»²⁷⁷. Такая же ситуация, по словам Вольтерского, наблюдалась и в других областях, их правители государю «приносят только листие, а плоды оставляют себе, что уже вошло у них в обычай. И в том бедным подданным милосердия нет...»²⁷⁸.

Со временем доход тиульдаров фактически превратился в частнопроводимую ренту с пожалованных им земель, а владение тиулем (и занятие соответствующих должностей) на практике стало наследственным. «Должности в стране являются наследственными, — отмечал Шарден, — и каждый рассматривает место своего ассигнования (т. е. тиуль. — С. Н.), как свое собственное, постоянное, так как надеется, что останется на своей должности всю жизнь и что дети займут его должность после его смерти»²⁷⁹. Происходил постепенный процесс разложения этатистской монархии, процесс феодализации административного аппарата и приватизации служебных держаний. Эти явления сопровождались ослаблением власти монарха, по словам Вольтерского, шаха теперь «только почитают, яко государя и повелителя, а мало слушают»²⁸⁰.

Другой стороной процесса разложения государства было усиление давления со стороны элиты на простой народ, увеличение ренты и повинностей. Купцы, опасаясь конфискаций, были вынуждены скрывать свои деньги от местных правителей, и некоторые из них жили в жалких лачугах, подобно нищим. Разорение крестьян стало повсеместным явлением. Распространилось ростовщичество, в Армении крупными ростовщиками стали монастыри, скупавшие крестьянские мульки. Сохранились документы, говорящие о продаже крестьянских земель за долги, о бедственном положении деревни, о большом скоплении нищих в городах²⁸¹. Из южных областей Ирана крестьяне массами переселялись в Индию, где жизнь земледельцев была легче²⁸². Вольтерский свидетельствует, что «непорядочные управители», собирая подати сверх меры, являются причиной недовольства населения, ибо так озлобили народ своими поступками, что остались лишь немногие места, где бы не было восстаний»²⁸³.

В условиях перенаселения увеличение давления элиты на народ непосредственно приводило к голоду и голодным бунтам. В 1707 году голод вызвал большое восстание в Исфахане²⁸⁴. В 1717 году в столице произошел еще один голодный бунт, причем, как свидетельствует Вольтерский, трудности, связанные с неурожаем, были усугублены попыткой градоначальника (каланта) нажиться на вздорожании хлеба. Размах волнений был таков, что шах Султан-Хусейн был вынужден прятаться в гареме, а затем бежать из столицы²⁸⁵. В Азербайджане в 1710-х годах голод продолжался семь лет, Тавриз был переполнен нищими, на улицах лежали трупы. К голоду вскоре присоединилась чума, в 1717 году в Шемахе от эпидемии погибло около 100 тыс. человек²⁸⁶.

Как свидетельствует А. Вольтерский, расхищение местными правителями государственных доходов в 1710-х годах привело к падению поступлений в казну²⁸⁷. Финансовый кризис губительно сказался на состоянии армии, которой после прекращения больших войн с Османской империей не оказывалось должного внимания. В 1670-х годах жалованье туфенг-

чиев было уменьшено в четыре раза, а численность корпуса значительно сократилась. Солдаты жили в своих домах, лишь один-два раза в год собираясь на смотры²⁸⁸. Туфенгчии были по-прежнему вооружены тяжелыми фитильными мушкетами, в то время как на вооружении европейских армий уже состояли облегченные фузеи. Артиллерийский корпус топчиев был распущен, а оставшиеся пушки стояли у шахского дворца в Исфахане — некоторые без лафетов, другие — забитые в деревянные колоды. По словам Воынского, министры шаха рассмеялись, когда он спросил о пушках, и ответили, что «доброму воину нужно иметь храброе сердце и острую саблю, а не полагаться на пушки»²⁸⁹. Боеспособность войск упала до такой степени, что в 1717 году 15-тысячная шахская армия была наголову разгромлена 4-тысячным отрядом афганской конницы. Осмелевшие узбеки снова стали совершать набеги на Хорасан, овладели Мешхедом и увели в плен 60 тыс. человек. Денег в казне не было, и, чтобы снарядить новое войско против афганцев и узбеков, шах Султан-Хусейн был вынужден снять золотые покровы с гробниц Сефевидов в Куме²⁹⁰.

Еще одним следствием борьбы за ресурсы был раскол элиты. С одной стороны, обострились старые распри между шахской бюрократией и вождями кызылбашей. С другой стороны, бюрократия постепенно оттеснялась от власти партией евнухов, подчинившей себе годами не выходивших из гарема правителей. Кроме того, усилилось влияние шиитского духовенства — это привело к тому, что в условиях финансового кризиса правительство резко увеличило налоговое обложение суннитов, у них отнимались вакфы и мечети²⁹¹. Более того, Султан-Хусейн осмелился обложить податями кочевников, которые принадлежали к военному сословию илятов и по традиции считали себя господами над райатами, земледельцами. В 1709 году началось восстание суннитского племени гильзаев в Афганистане, затем восстали абдали, курды и ряд других племен. Восстания кочевников не были чем-то особенным для тех времен, но общая обстановка кризиса была столь очевидна, что многие современники предсказывали скорую гибель государства Сефевидов. «И тако кратко сказать, что уже ныне Персия от того к конечному разорению и падению приходит», — писал А. Воынский в 1717 году²⁹². Турецкий посол Доурри Эфенди в 1720 году также предсказывал близкий конец некогда процветавшему персидскому государству²⁹³.

Тем не менее катастрофа оказалась внезапной. В 1721 году гильзаи неожиданно прорвались через пустыню к шахской столице, Исфахану. Давно не пополнявшаяся персидская артиллерия не смогла сдержать конницу афганцев; битва при Гульнабаде закончилась катастрофой. Осада Исфахана продолжалась семь месяцев, но внутреннее разложение государства было таково, что никто не пришел на помощь столице. Исфахан пал; шах Султан-Хусейн оказался в плену у предводителя гильзаев Мах-

муда, который устроил резню среди персидских сановников. Держава Сефевидов распалась; афганцы заняли Восточный Иран, запад страны был оккупирован турками, а Каспийское побережье — русскими. Жестокие войны продолжались девять лет; в конце концов, выходец из простых кочевников, талантливый полководец Надир-шах сумел объединить кызылбашские племена и изгнать афганцев²⁹⁴.

Долгие войны разорили страну. В Исфаханском оазисе погибло $\frac{2}{3}$ селений; повсюду царили голод и эпидемии. Крупнейшие города, Исфахан, Шираз, Казвин, Иезд, Тебриз, были разграблены и обезлюдели. Очевидец, шейх Мухаммед Али Хазин, говорит, что Тебриз и весь Южный Азербайджан были почти необитаемы, а Ирак персидский находился в состоянии такого опустошения и обнищания, что и описать невозможно. Шелководство в Гиляне сократилось в шесть раз, а торговля прекратилась из-за разбоев на дорогах²⁹⁵.

Катастрофа 1720-х годов означала гибель большей части населения и начало нового демографического цикла. Экосоциальный кризис породил новую этатистскую монархию; Надир-шах произвел массовые конфискации тиулей, у многих кочевых племен были отняты их юрты. Практически все земли стали государственными или шахскими; полководцы, воины и чиновники отныне получали лишь фиксированное жалованье, причем ряды знати были пополнены выходцами из простого народа. Уния между шиитами и суннитами была призвана смягчить религиозное противостояние; духовенство было подчинено новому шаху, вакфы были конфискованы и пополнили фонд государственных земель. Таким образом, восстановление этатистской монархии означало новую трансформацию структуры и резкое перераспределение ресурсов в ущерб элите и в пользу государства. Доходы казны возросли до 64,5 млн ливров, по сравнению с 37,5 млн ливров (785 тыс. туманов) при Султан-Хусейне, но этот рост отчасти нейтрализовался увеличением цен²⁹⁶.

В первые годы своего правления Надир-шах принял меры к облегчению положения крестьянства. Посредством массовых переселений заселялись опустевшие земли, восстанавливались оросительные системы, появилось много новых селений. Был проведен кадастр и упорядочены налоги, причем в рамках новой религиозной политики была отменена джизья с христиан. Восстановительные работы привели к падению цен на хлеб в некоторых местностях, но в целом в 1730-х годах экономическое положение было еще нестабильным²⁹⁷.

Порожденная войной, новая этатистская монархия имела военный характер. Надир-шах восстановил 40-тысячную постоянную армию, созданную Аббасом I, корпуса гулямов, туфенгчиев и топчиев. Был построен арсенал в Бушире и воссоздана персидская артиллерия. Надир-шах отдавал предпочтение легким пушкам — замбурекам, которые устанавли-

ливались на верблюдах и могли стрелять с седла. Однако ружья были по-прежнему тяжелые, фитильные, стрелявшие с сошки, — и этот недостаток проявился в войне с кавказскими горцами, у которых были облегченные кремневые ружья. Кроме постоянной армии в состав войска входило 40-тысячное ополчение кочевников и дополнительные контингенты пехотинцев, набиравшиеся в случае войны из райатов. В войске царила суровая дисциплина, солдат и полководцев казнили при малейших признаках неповиновения; во время сражений специальные заградотряды (насаки) убивали обратившихся в бегство²⁹⁸.

Надир-шах отстранил от власти Сефевидов; опираясь на славу военных побед, он заявлял, что почитает себя наравне с пророком Мухаммедом, потому что не менее его прославлен победами²⁹⁹. Огромная армия шаха не могла содержаться за счет не оправившейся после катастрофы страны; она требовала постоянных войн и добычи. В 1739 году войско Надир-шаха обрушилось на Индию и разграбило Дели, затем была подчинена Средняя Азия. Но в войне на Кавказе шах столкнулся с ожесточенным сопротивлением горцев и потерпел поражение. Чтобы воскресить свою померкшую славу, Надир-шах в 1743 году объявил войну Османской империи и мобилизовал почти 400-тысячную армию. Для содержания этого колоссального войска подати были увеличены до непосильных для крестьян размеров. В стране начался голод, райаты бежали, скрываясь от сборщиков налогов, в некоторых городах вспыхнули восстания, жестоко подавленные шахом. По свидетельству современников, население многих городов и деревень питалось травой, вследствие чего возникли губительные эпидемии; в Кашане к осени 1744 года умерло 14 тыс. человек. Попытка обложения налогами кочевников — так же, как при Султан-Хусейне — вызвала восстания кочевых племен. Недовольная отнятием тиулей кочевая знать поднимала мятежи — Надир-шах отвечал на это массовыми казнями. В конце концов, в 1747 году кызылбашские ханы составили заговор и убили Надир-шаха в его шатре³⁰⁰.

Новый кризис привел к окончательному разорению страны. По свидетельству английского купца и дипломата Джона Ханвея, области, в которых были подавлены народные восстания — Ширван, Астерабад, Мазандеран, Фарс и др., были страшно разрушены. В Исфахане при Сефевидах было 100 тыс. заселенных домов, а к концу правления Надира осталось только 5 тыс. В Казвине было 12 тыс. домов — осталась одна тысяча³⁰¹. В области Керман голод продолжался 8 лет³⁰².

Попытка Надир-шаха восстановить империю с помощью этатистской военной диктатуры окончилась неудачей — кочевая реакция окончательно восторжествовала. Так же как в XIV и в конце XV века, Иран распался на племенные княжества кочевников; в Афганистане утвердились абдали, в Хорасане — афшары, на севере — каджары, на юге — бахтиары

и луры. Страна снова превратилась в окраину Великой степи, терзаемую межплеменными войнами. Эти войны велись все тем же средневековым способом: при взятии Кермана в 1794 году воины доставили победителю Ага Мухаммед-хану Каджару 20 тысяч пар вынутых глаз; все женщины были проданы в рабство³⁰³. В 1796 году объединивший страну Ага Мухаммед был избран на курултае шахом Ирана. Восемь лет спустя на границах этого оазиса Средневековья появились русские войска; в 1804 году под Эчмиадином русская артиллерия возвестила о начале нового периода иранской истории — периода модернизации по европейскому образцу.

* * *

Переходя к анализу истории эпохи Сефевидов, необходимо отметить, что объединение Ирана под властью новой династии еще не означало прекращения войн и смут. Война с Османской империей продолжалась до 1555 года, а затем, после смерти Тахмаспа I, начались смуты, повлекшие за собой новое вторжение османов. Османское наступление было частью волны завоеваний, связанной с появлением огнестрельного оружия, и в соответствии с диффузионистской теорией это наступление привело к трансформации иранского общества по османскому образцу. Шах Аббас Великий сформировал регулярную армию, вооруженную аркебузами и пушками, а затем подавил сопротивление кочевой знати и создал этатистскую монархию, во многом копировавшую порядки Стамбула (трансформация A₂B^c). При этом кызылбашская племенная знать в значительной мере утратила свое положение, и кочевники, лишившись возможности грабить и эксплуатировать земледельческое население, постепенно перешли в оппозицию династии.

Монархия (впервые за три столетия) сумела обеспечить нормальные условия для хозяйственной деятельности крестьян, что вызвало рост населения в новом демографическом цикле. С начала XVII века происходит восстановление экономики, мы наблюдаем рост населения, рост посевных площадей, низкие цены на хлеб, относительно низкий уровень земельной ренты, низкие цены на землю, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений.

С середины XVII столетия появляются признаки сжатия: крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, высокий уровень земельной ренты; частые голодные годы, голодные бунты и народные восстания, частые эпидемии, разорение крестьян-собственников, рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества, распространение аренды, высокие цены на землю; рост крупного землевладения; уход части разоренных крестьян в города, попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей, быстрый рост городов, развитие ремесел и торговли, рост числа

безработных и нищих, развитие эмиграции, рост численности элиты, фрагментация элиты, борьба за статусные позиции в среде элиты, обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом, попытки приватизации доходов, связанных со служебным положением, финансовый кризис государства, связанный с ростом цен и неплатежностью населения.

Анализируя обстоятельства сжатия, нужно отметить, что оно вызвало разложение этатистской монархии Сефевидов путем распространения коррупции, приватизации должностей и служебных поместий (тиулей) — это были процессы, наблюдавшиеся и ранее в средневековых монархиях. Однако в данном случае они не были связаны с циклом Ибн Халдуна, и в то же время отличались от китайских циклов, в которых разложение монархии вызывалось ростом помещичьей собственности. Тем не менее в соответствии с демографически-структурной теорией сжатие вызвало финансовый кризис государства, раскол элиты и внутриэлитный конфликт. По мнению Дж. Форана, этот конфликт играл большую роль, нежели социальные движения низов³⁰⁴. В конечном счете с 1709 года начинается эко-социальный кризис: голод, принимающий широкие масштабы, широко-масштабные эпидемии, в конечном итоге — гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы, государственное банкротство, потеря административной управляемости, широко-масштабные восстания и гражданские войны, брейкдаун — разрушение государства, внешние войны, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла, упадок торговли, очень высокие цены на хлеб, низкие цены на землю, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, социальные реформы, принимающие масштабы революции, порождающей этатистскую монархию.

Существенно, что на развитии кризиса сказалась *традиционалистская реакция* кочевников, недовольных перениманием Сефевидами враждебных кочевникам османских порядков. В конечном счете кризис породил этатистскую монархию Надир-шаха, которая произвела масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства. Среди реформ Надир-шаха обращает на себя внимание ликвидация тиулей и переход на систему казенного жалования, а также система возвышения по заслугам — методы, по-видимому, восходящие к монголо-китайской традиции. В целом, однако, реформы оказались неудачными: перераспределение ресурсов вызвало голод среди крестьян и недовольство среди кочевников, восстания и кочевая реакция привели к падению монархии Надир-шаха. Иран снова оказался во власти кочевых племен, которые господствовали в этой стране до начала XIX века.

В итоге последовательность социальных трансформаций иранского общества в XVI–XVIII веках можно описать формулой $A_c B^c A_c B A_c$.

12.7. Эпоха империи Великих Моголов

Как упоминалось выше, порох стал известен в Индии во времена войн с монголами, и описание рецепта его приготовления, относящееся к началу XVI века, указывает на его китайское происхождение. Порох применялся на протяжении XIV–XV столетий в минах для подрыва крепостных стен, в зажигательных бомбах и ракетах, но пушки в этот период в Индии еще не упоминаются³⁰⁵. Между тем в Средней Азии в конце XV века артиллерия была уже хорошо известна — в значительной степени благодаря деятельности турецких мастеров-литейщиков. На службе у кабульского правителя Захир ад-дина-Бабура накануне его похода в Индию было по крайней мере два известных мастера, Али-Кули и Мустафа Руми. Перед решающими битвами при Панипате (1526) и Сикри (1527) Мустафа руководил созданием полевых укреплений из повозок «по обычаю румов» (то есть турок); среди этих повозок стояли пушки, а из-за них вели огонь стрелки из тюфенгов³⁰⁶. Пушки и аркебузиры позволили Бабуру одержать победу над многократно превосходящим противником.

После долгих и опустошительных войн сын и преемник Бабура, Хумаюн, сумел объединить под своей властью большую часть Северной Индии. Наследник Хумаюна, Акбар (1565–1605), завоевал Гуджарат, Малву, Бенгалию и стал основателем империи Великих Моголов. Первым министром, другом и ближайшим советником Акбара был выдающийся политический деятель Абу-л Фазл Аллами — один из крупнейших представителей восточной науки о государстве. Именно Абу-л Фазлу принадлежат основные идеи государственного устройства новой империи — идеи социального синтеза, совмещающего традиции мусульман и индусов. Политическая организация нового государства складывалась под влиянием порядков, унаследованных от прошлого, а также под воздействием новых веяний, связанных с влиянием могущественной Османской империи. В основе этой организации был положен институт джагиров, восходящий к старинному икта, но, по-видимому, несколько трансформировавшийся под влиянием османского зиамета и персидского тиуля. Джагиры представляли собой крупные пожалования, которые давались эмирам для содержания их отрядов, и их размеры соответствовали величине отряда. В финансовых документах были точно определены суммы от сбора налогов, получаемые в доход джагирдаров, и суммы, которые следовало расходовать на содержание воинов. Отряды эмиров регулярно вызывались на смотры, где проверялось их снаряжение и подготовка. Джагиры не были наследственными владениями; эмиров часто перемещали из одного джагира в другой, при этом, не доверяя своим военачальникам, Акбар требовал, чтобы они неотлучно находились при дворе. В общей сложности в джагиры было роздано примерно $\frac{3}{4}$ земель; оставшаяся четверть составляла домен падишаха халиса (соответствующий османскому и персидскому хассе)³⁰⁷.

Помимо мусульманских традиций, в основание империи Великих Моголов были заложены и традиции коренного населения. Прежде всего было провозглашено равноправие мусульман и индусов; был провозглашен «всеобщий мир», сольх-и кулл, и отменен налог на «неверных», джизья. Покоренные индусские владельцы сохраняли свои земли, но в качестве заминдаров перечисляли в казну большую часть налогов; многие получали свои владения в джагир и поставляли отряды воинов (правда, в отличие от обычных джагиров их владения оставались наследственными)³⁰⁸. Акбар породнился с крупнейшими раджпутскими кланами и нередко выступал в одежде брахмана; он пытался даже создать новую религию, дин-и иллахи, которая бы объединила мусульман и индусов. Уважение, оказываемое индийским обычаям, побудило дотоле непримиримых раджпутов признать власть Акбара; армия падишаха пополнилась тысячами отважных воинов. Однако перенимание индусских традиций наталкивалось на ожесточенное противодействие мусульманского духовенства: Акбара называли еретиком, шейхи подстрекали эмиров к восстанию. В 1581 году вспыхнуло несколько мятежей, но Акбару удалось разгромить восставших, мятежные шейхи были утоплены в Ганге.

Абу-л Фазл был близок к махдистам — мусульманским сектантам, которые ожидали пришествия призванного восстановить справедливость имама Махди. Идеалом Абу-л Фазла был справедливый государь, заботящийся о простом народе, — и он считал Акбара таким государем. Акбар и Абу-л Фазл стремились установить справедливые подати и защитить крестьян от произвола воинов и чиновников. Был проведен кадастр и установлен точный размер земельного налога; налог зависел от возделываемых культур и плодородия почв и обычно составлял $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ урожая; джагирдарам категорически запрещалось собирать дополнительные налоги. Крестьянам, поднимающим целину, предоставлялись налоговые льготы; нуждающимся давали займы для покупки семян или скота³⁰⁹.

В начале правления Акбара, после опустошительных войн и «великого голода» 1556 года, хозяйство страны находилось в глубоком упадке. По подсчетам Ш. Мусви, площадь засеваемых земель в конце XVI века была вдвое меньше, чем в начале XX столетия³¹⁰. Государственные доходы были много меньше, чем во времена Делийского султаната; в 1574 году они составляли 91 млн рупий (1 рупия весила 11,07 г серебра и при Акбаре приравнивалась к 40 медным монетам, дамам). Политика Акбара и Абу-л Фазла привела к быстрому восстановлению экономики; к концу столетия доходы увеличились до 132 млн рупий (по другим данным, даже до 166 млн)³¹¹. Рост доходов до некоторой степени объяснялся присоединением новых территорий, но также и значительным расширением посевных площадей. В 1580-х годах источники свидетельствуют о богатых урожаях и резком падении цен на зерно³¹². В 1596 году засуха привела к повышению

цен — и по приказу Акбара в каждом городе были созданы бесплатные пункты раздачи пищи³¹³. Однако, несмотря на эпизодические упоминания о засухах и голодовках, в XVII веке в Северной Индии не было голода, сравнимого с гуджаратским бедствием 1630–1632 годов или с катастрофой 1554–1556 годов. И. Хабиб отмечает, что Хиндустан имел по крайней мере полтора столетия, чтобы оправиться от этой катастрофы³¹⁴.

Время правления Акбара осталось в памяти потомков как эпоха процветания и хозяйственного роста. Специалисты отмечают, что индийское земледелие находилось на высоком для тех времен уровне; применялся плодосменный севооборот и разнообразные удобрения. С орошаемых земель собирали два, а в некоторых районах три урожая в год³¹⁵. При Акбаре большого размаха достигли строительные работы; была построена новая столица Великих Моголов, Агра, и по соседству с ней — великолепный город дворцов Фатехпур-сикри. Цена на пшеницу в среднем оставалась довольно низкой — в 1595 году она составляла 0,4 рупии за ман (25,1 кг)³¹⁶; на дневную зарплату неквалифицированный рабочий мог купить 5,2 кг зерна³¹⁷ — казалось бы не так много, но все же значительно больше, чем в последующий период.

В XVII веке продолжался процесс интенсивного освоения целинных земель. С 1594 по 1720 год посевные площади увеличились с 127 до 278 млн бигха; в том числе в области Дели — с 21 до 69 млн бигха, в области Агры — с 28 до 56 млн; наиболее впечатляющим был прогресс в районе Аллахабада, где площадь пахотных земель возросла с 4 до 19 млн бигха — почти в пять раз!³¹⁸ Большое значение имело восстановление ирригационных систем, разрушенных в смутные времена XV века; в частности, Акбар восстановил один из больших каналов, построенных Фируз-шахом³¹⁹.

Однако вместе с ростом посевных площадей росло и население, по оценке К. Кларка, за XVII столетие население возросло вдвое — со 100 до 200 млн человек³²⁰. В конце XVII столетия в Северной Индии насчитывалось больше деревень, чем в конце XIX века³²¹. Рост населения привел к росту цен на продовольствие. Первые признаки ухудшения экономического положения появились уже в конце правления Джихангира (1605–1627). Голландец Пельсарт отмечал, что джагирдары часто оказываются не в состоянии собрать налоги со своих джагиров, хотя отнимают у крестьян все, что могут³²². Начало правления Шах Джахана (1627–1658) было отмечено катастрофой в Гуджарате; бедствия распространились и на соседние области Декана, где число погибших от голода превысило 1 млн. В Доабе к 1637 году цена пшеницы возросла до 0,9 рупии за 1 ман; по сравнению с 1595 годом она увеличилась более чем вдвое³²³. Правда, необходимо учесть, что закупки европейскими купцами индийских товаров (которые оплачивались серебром) привели к некоторому падению курса серебра — к «революции цен», подобной той, которая произошла в Ев-

ропе после открытия американских серебряных месторождений³²⁴. Поэтому дневная зарплата самых низкооплачиваемых рабочих, составлявшая по-прежнему 2 медных дама, возросла в серебре примерно в полтора раза³²⁵. Однако цены росли намного быстрее — в зерновом исчислении поденная плата уменьшилась с 5,2 до 3,8 кг пшеницы³²⁶.

Под впечатлением бедствия в Гуджарате Шах Джахан был вынужден на время понизить налоги, сократить расходы и перевести часть земель из джагиров в халису. Кроме того, падишах стал требовать от джагирдаров внесения в казну части налогов с их джагиров авансом, сразу же при получении пожалования³²⁷. Наместник Гуджарата предоставил крестьянам налоговые льготы, давал им ссуды, и, по свидетельству хрониста, через некоторое время привел область в относительно хорошее состояние³²⁸. В различных частях страны были развернуты обширные ирригационные работы: построенный при Шах Джахане канал Нар и-Фаис имел протяженность 150 миль, а канал в Пенджабе — около 100 миль. Увеличение посевных площадей позволило к 1647 году увеличить государственных доходов до 250 млн рупий³²⁹.

В конце правления Шах Джахана один из сыновей падишаха, наместник Декана Аурангзеб, поднял мятеж и развязал кровопролитную междоусобную войну. В ходе военных действий были разорены многие районы, в 1658–1659 годах в Северной Индии начался голод. Одержав победу и захватив власть, Аурангзеб организовал раздачу продовольствия в городах и временно отменил некоторые подати. Последствия кризиса сказались в некотором уменьшении государственных доходов, собираемых в Северной Индии; они уменьшились в это время примерно на 15 %, однако в дальнейшем сбор налогов был восстановлен и даже превысил прежний уровень³³⁰.

В правление падишаха Аурангзеба (1658–1707) продолжался рост цен; к 1670 году цена пшеницы в Агре увеличилась по сравнению с 1637 годом на четверть и составляла 1,14 рупии за ман³³¹. Данные по Раджхастану говорят о повышении цены зерна в последующий период, с 1670 до 1690 года примерно на треть³³². Данные о динамике заработной платы чрезвычайно скудны, известно лишь, что у служащих английской фактории в Сурате с 1623 по 1690 год она увеличилась на треть³³³. Если предположить, что эти цифры отражают общую динамику заработной платы, то можно сделать вывод, что она продолжала отставать от роста цен, и реальные заработки существенно уменьшились по сравнению уровнем 1637 года.

Нужно учесть, однако, что Сурат расположен в Гуджарате, где, как известно, в 1630-х годах произошла демографическая катастрофа, после которой в регионе ощущалась нехватка рабочей силы и заработная плата должна была возрасти. Таким образом, следует ожидать, что рост номинальной оплаты труда в Северной Индии был меньшим, чем в Гуджа-

рате, то есть реальное падение зарплаты было большим, чем можно предполагать, исходя из суратских цифр. В силу той же причины абсолютный уровень оплаты труда в Гуджарате должен быть выше, чем в районе Агры, и действительно, подсчеты С. Бродбери и Б. Гупта дают цифру реальной заработной платы служащих английской фактории в Сурате в 1690 году в 4,3 кг пшеницы³³⁴. Однако неясно, можно ли по оплате этих служащих судить об общем уровне зарплаток в Гуджарате (и к тому же приводимая авторами ссылка на И. Хабиба относительно цены хлеба в 1690 году оказывается неточной).

Положение в деревне было не лучше, чем положение в городе: об этом свидетельствует документ 1698 года о налоговых сборах с одной из пенджабских деревень. Из 280 домохозяев этой деревни 95 не платили налогов по причине полной несостоятельности или налоговых льгот; годовой доход 13 заминдаров, ростовщиков, торговцев зерном превышал 2500 рупий, у 55 крестьян доход был больше 55 рупий. У 137 человек доход был меньше 55 рупий; в документе отмечается, что эти малоимущие крестьяне, хотя и ведут хозяйство, целиком зависят от ссуд на приобретение семян и рабочего скота³³⁵. Очевидно, такое положение было результатом малоземелья, результатом роста численности населения и дробления наделов между наследниками. Некоторые авторы в качестве причины ухудшения положения крестьян указывают на рост налогов — действительно, в правление Шах Джахана максимальная налоговая ставка возросла до половины урожая, а при Аурангзебе была восстановлена джизья — налог на «неверных» индусов³³⁶. По официальной оценке, доходы государства при Аурангзебе увеличился до 337 млн рупий (по другим сведениям, даже до 387 млн)³³⁷. Налоги с области Дели увеличились за столетие с 15 до 30 млн рупий, с области Агры — с 13 до 24 млн рупий. Однако И. Хабиб утверждает, что фактически роста налогов не было³³⁸; заметим, что цены на хлеб за тот же период возросли втрое — так что в зерновом исчислении налоги не возросли. А если учесть, что посевные площади значительно расширились, то окажется, что при формальном увеличении налоговых ставок реальный сбор налога с гектара пашни существенно уменьшился. Тем не менее источники сообщали об огромных недоимках; крестьяне не могли платить несмотря на то, что сборщики налогов применяли самые жестокие методы, вплоть до пыток³³⁹. Не дожидаясь прихода сборщиков, многие оставляли свои дома и бежали; появились сообщения о случаях массового бегства крестьян³⁴⁰. В прежние времена в Индии не было значительных выступлений крестьян, теперь же в различных районах вспыхивали антиналоговые восстания. В области Дели в 1669, а затем в 1685 году поднимались на восстания крестьяне из многочисленной касты джатов. В 1672 году под лозунгом «всеобщей справедливости» восстала секта сатнами, в Пенджабе ширилась пропаганда индусской секты сикхов³⁴¹.

Следствием малоземелья был рост крестьянской задолженности, разорение крестьян и продажа ими своих наделов. В отличие от предыдущей эпохи продажа земли стала обычным явлением; ростовщики и общинные старосты (которые часто занимались ростовщичеством) скупали землю, а безземельные крестьяне превращались в арендаторов³⁴². Многие уходили в города, становились ремесленниками или слугами³⁴³; к этому периоду относится впечатляющий рост городов и ремесел. Ахмадабад, восстановившийся после голода 1630 года, в конце XVII века насчитывал 500–600 тыс. жителей; примерно такое же население имели Агра и Дели. Было много городов с населением 100–200 тыс. жителей; в целом в городах проживало около 15 % населения Индии³⁴⁴. Ко второй половине XVIII века относится бурный расцвет индийского ткачества; на первое место теперь вышли ткацкие города Бенгалии — Дакка, Казимбазар, Хугли. Англичане и голландцы наладили массовый экспорт индийских тканей в Европу; закупки голландской Ост-Индской компаний возросли со 150 тыс. флоринов в 1648 году до 4,6 млн флоринов в 1720 году³⁴⁵. Английская Ост-Индская кампания в 1669 году закупила в Бенгалии товаров на 30–40 тыс. фунтов стерлингов, а в 1682 — на 230 тыс. фунтов. К 1700 году закупки иностранных компаний в Бенгалии достигли 900 тысяч фунтов, примерно столько же закупали индийские купцы; таким образом, общий объем закупок превышал 14 млн рупий³⁴⁶.

Расцвет ткацкого ремесла не спасал ремесленников от бедности; современники свидетельствуют о низкой заработной плате ткачей, о безработице³⁴⁷. Города были переполнены нищими. «На двух-трех человек, которые покажутся хорошо одетыми и не слишком обнаженными, здесь встретится семь-восемь нищих», — писал француз Бернье³⁴⁸. В 1680-х годах в Ахмадабаде не раз вспыхивали голодные бунты; в 1694–1695 годах голод распространился на большую часть Хиндустана; цена пшеницы в Дели достигла неслыханного до тех времен уровня — 4 рупии за 1 ман³⁴⁹.

Как отмечалось выше, сбор налогов за первую половину XVII века фактически не возрос — скорее даже немного понизился. Между тем число джагирдаров росло: по традиции падишах предоставлял джагиры всем сыновьям эмиров. Чин тысячника или сотника уже давно не соответствовал реальному числу выставляемых воинов, и число «тысячников» быстро росло: при Акбаре их было не более 450, при Джихангире — 8 тыс., а в конце правления Аурангзеба — около 15 тысяч³⁵⁰. В то же время общая сумма доходов джагирдаров Северной Индии увеличилась с 1595 по 1687–1709 годы только в 1,7 раза, а с учетом роста цен она, очевидно, существенно сократилась. Аурангzeb часто обращал поместья джагирдаров в халиса, для раздачи джагиров не хватало земель, и они давались лишь на 1–3 года, иногда на несколько месяцев. Собирать налоги с разоренных крестьян становилось все труднее, поэтому джагирдары часто

просили заменить земельное пожалование выдачей денег из казны. Основная масса джагирдаров сильно обеднела, а их воины часто не получали жалованье по несколько лет³⁵¹.

Ирфан Хабиб утверждает, что, испытывая нужду в средствах, джагирдары облагали крестьян незаконными поборами, что это привело к росту эксплуатации, бегству крестьян, упадку земледелия, восстаниям — в конечном счете стало причиной кризиса, который погубил империю Великих Моголов³⁵². Джон Ричардс подвергает эту концепцию обстоятельной критике; он указывает, что власти препятствовали незаконным поборам и что нехватка джагиров была вызвана расширением фонда халиса³⁵³. При этом существенно, что концепция И. Хабиба не объясняет аграрного кризиса на землях халиса, где не было джагирдаров.

Аурангзеб искал решения финансовой проблемы в конфискации богатств индуcских храмов и обложении «неверных» джизьей. Таким образом, был нанесен удар по идейной основе империи, принципу «всеобщего мира» между мусульманами и индусами. В результате финансового кризиса и нехватки ресурсов произошел раскол элиты по религиозному и этническому признаку. В Раджастхане сразу же вспыхнуло восстание раджапутов, приведшее к партизанской войне, которая длилась тридцать лет³⁵⁴.

Восстания расшатывали империю, но она оставалась могущественным государством, имевшим огромную армию. Аурангзеб попытался разрешить финансовый кризис посредством завоевания Южной Индии; эта война велась под лозунгом джихада против «неверных индусов». К концу 1680-х годов могольские войска достигли реки Кавери на крайнем Юге, однако вторжение мусульманских завоевателей вызвало ожесточенное сопротивление индусов — прежде всего в предгорьях Западных Гат, в Махараштре. Жившие здесь воинственные племена маратхов объединились, и в 1674 году маратхский вождь Шиваджи провозгласил себя императором индусов, чхатрапати. Шиваджи создал сильную армию, которая, в отличие от могольской, состояла не из наемников, а из крестьян, призываемых по окончании сбора урожая. Казна обеспечивала воинов-крестьян лошадьми, а обычным их вооружением были длинные бамбуковые пики. Легкая кавалерия маратхов не осмеливалась вступать в бой с тяжелой конницей моголов; она предпочитала тактику измора, сопровождая армию противника на переходе и не давая ей застать продовольствием и водой: маратхи отравляли колодцы. Кроме того, маратхи устраивали набеги в глубь территории империи, подвергая ее тотальному опустошению. Рейдовые отряды маратхов не имели обоза и были практически неуловимы для могольских войск; каждый всадник в таких отрядах имел три лошади, про запас и для перевозки добычи. На ночевках воины спали прямо на земле, не ставя палаток и не разводя огня³⁵⁵.

За десятилетия войн Декан был полностью опустошен. Повсюду царил голод. «В городе Хайдарабаде дома и площади были полны трупов... — писал хронист. — Непрерывные дожди удалили с них мясо и кожу... груды костей выглядели издалика, как куча снега»³⁵⁶. По свидетельству современника, голод 1702–1704 годов унес около 2 млн жизней³⁵⁷. В 1699 году маратхи впервые переправились через Нарбаду и ворвались на плато Мальва, в 1706 году 80-тысячная орда дотла разграбила Гуджарат. В феврале 1707 года умер падишах Аурангзеб; после его смерти началась война между наследниками; победитель, Бахадур-шах, правил всего пять лет, и его смерть вызвала новый династический кризис.

Вызванный нехваткой ресурсов раскол элиты распространился вглубь ее мусульманской части; при дворе появились группировки эмиров, поддерживающие разных претендентов на престол. Шахиншах Фаррух-Сийяр находился под опекой индостанской группировки; в 1719 году он попытался избавиться от этой опеки и был свергнут. Вслед за этим началась война между индостанской и среднеазиатской кликами; никем не сдерживаемые маратхи распространили свои набеги до Джамны³⁵⁸.

Начавшиеся междоусобицы нарушили неустойчивое экономическое равновесие; летописи 1710-х годов отмечают катастрофический рост цен, по сравнению с 1680-ми годами цены возросли вдвое. В правление Фаррух-Сийяра (1713–1719) цена 1 мана пшеницы составляла 4–5 рупий — это означало голод, который длился многие годы³⁵⁹. Этот кризис нанес решающий удар Могольской империи. После смерти Аурангзеба в казне еще оставался резерв в 240 млн рупий; при Фаррух-Сийяре он был полностью растрачен³⁶⁰. Срочная нужда в средствах для ведения войн побуждала правительство сдавать налоги на откуп. Уплатив авансом причитающиеся с них деньги, откупщики затем распоряжались доходами предоставленных им деревень. Так же как в Турции, вскоре появились наследственные откупа; ростовщики-откупщики становились заминдарами и хозяевами обширных районов. Кое-где в роли откупщиков выступала общинная верхушка, старосты и писцы, бравшие на откупа свои деревни. Контроль над сбором налогов был утерян, заминдары грабили крестьян как могли; на награбленные средства они возводили укрепленные поместья и содержали военные отряды³⁶¹. Новая ростовщическая знать прорвалась к вершинам власти, ростовщики занимали важнейшие государственные должности и получали джагиры, отнятые у военачальников. «Получение денег из казны вне зависимости от выполнения обязанностей стало обычным делом», — писал поэт и философ Шах Валиула³⁶².

Раздача джагиров и халиса на откупа лишь на короткое время облегчила финансовый кризис; когда авансы были израсходованы, приток средств резко сократился, и казна опустела — на этот раз окончательно. Падишахам оставалось надеяться лишь на щедрость наместников, которые

время от времени перечисляли в казну долю от своих сборов. Но наместники вскоре почувствовали бессилие центральной власти и стали проявлять сепаратистские устремления; они не являлись ко двору, передавали свои должности по наследству и отказывались от перечисления денег³⁶³. Обессиленная власть с трудом подавляла крестьянские восстания, которые становились все более грозными. В 1709 году в Пенджабе началось большое восстание сикхов; сикхи создали 40-тысячную армию, и пять лет сражались с правительственными войсками. В 1720 году джаты снова подняли восстание, которое продолжалось три года; одно время ополчение восставших угрожало столице³⁶⁴.

Кризис и распад в Индии происходил синхронно с кризисом и распадом в Иране, в обеих странах повышение демографического давления привело к финансовому кризису государства, к расколу элиты на враждующие группировки, к обострению религиозной розни, к восстаниям кочевников и инаковерующих, к внутренним войнам, голоду — и в конечном счете к катастрофе, к гибели большей части населения. Катастрофы оказались связанными между собой: в 1738 году в Индию вторглась огромная армия персидского шаха Надира. В феврале 1739 года персы разгромили могольскую армию близ Карнала; их победа была обеспечена тысячами установленных на верблюдах малокалиберных пушек, замбурек. Население Дели подверглось грабежу и резне, «от восхода солнца до времени заката победоносное войско старательно убивало и грабило жителей... и потекли реки крови»³⁶⁵. Разгром столицы привел к окончательному распаду империи; после ухода персов власть Моголов распространялась лишь на район Дели-Агра, да и здесь шахиншахам угрожало новое княжество джатов. Северо-запад Индии стал добычей наследника Надира, афганского шаха Ахмеда; Ахмед-шах и маратхи по очереди грабили то, что осталось от Дели. В 1761 году афганцы разбили маратхов в битве при Панипате, Северная Индия была полностью опустошена. Маратхи отошли в центральные районы страны и создали здесь несколько враждебных друг другу княжеств. Вторая половина XVIII века прошла в бесконечных войнах между маратхами и наместниками областей распавшейся империи. Военная тактика маратхов состояла в систематическом разорении страны и в истреблении мирного населения; маратхи были бедствием Индии, известие об их приближении вызывало всеобщий ужас и повальное бегство. Война питала войну: обширные области страны были разорены и уцелевшие крестьяне могли жить лишь грабежом и разбоем; они создавали банды «пиндари», нанимались к маратхам и грабили вместе с ними³⁶⁶.

Гибель империи отразилась в сознании людей и в литературе тем отчаянием, которым наполнены строки «Потрясенного города» — описывающей картину всеобщего бедствия поэмы Назира Акбарабади³⁶⁷. Эту

картину воскрешают и записки европейских путешественников того времени. В 1780–1783 годах английский художник Уильям Ходжес объехал значительную часть Хиндустана и всюду видел голод и разорение. Вокруг Агры «все — пустыня и молчание», между Агрой и Гвалиуром «в стране не видно ни малейшего следа земледелия, даже ни одной хижины». Столица империи, Дели, лежала в развалинах. Сквозь мраморные плиты дворцов росла трава, ползучие растения обвивали колонны и фронтоны. К югу пространство «покрыто остатками обширных садов, павильонов, мечетей и рынков, запущенных и лежащих в руинах. Окрестности этого некогда блестящего и славного города теперь представляют собой лишь бесформенную кучу развалин, и вся страна вокруг столь же заброшена»³⁶⁸.

Бедствия, охватившие Хиндустан, долгое время обходили стороной Бенгалию, отпавшую от империи еще в 1713 году. Бенгалия была житницей Индии, отсюда вывозили рис в Дели и Агру; в XVII веке эта область не знала голода³⁶⁹. В первой половине XVIII века Бенгалия переживала время хозяйственного подъема; население быстро росло, появлялись новые деревни, джунгли отступали перед плугом. Доходы казны от сбора поземельного налога увеличивались: в 1722 году они составляли 14,3 млн рупий, а в 1756 году — 18,5 млн³⁷⁰. Так же как и в других частях Индии, налоги сдавались на откупа, и бенгальские откупщики вносили в казну не более половины собираемых налогов — так что общая сумма податей была гораздо выше. Успешно развивалась ремесленная промышленность; закупки английской Ост-индской компании в Бенгалии постоянно возрастали³⁷¹. «Страна плодородна и чрезвычайно населена, — писал в 1739 году о Бенгалии один из французских капитанов. — Сверх огромного количества товаров, которые там изготовляют, она поставяет пшеницу, рис, в общем, все, что необходимо для жизни»³⁷².

Распад империи сделал Индию легкой добычей завоевателей; в то время как Пенджабом пытались овладеть афганцы, Бенгалия стала добычей английской Ост-индской компании. Компания еще в 1740-х годах создала наемную армию из индийских солдат-сипаев; сипаи были обучены линейной тактике боя и владели новым для Индии оружием — легкими и скорострельными пушками европейского образца. В 1757 году бенгальская армия была разгромлена войсками компании в битве при Плесси; в следующее десятилетие англичане полностью подчинили Бенгалию. Английский губернатор У. Хейнстингс ввел новую систему налогов, при которой они сдавались в откупа на конкурсной основе — право на откуп получал тот, кто обещал собрать больше; никаких норм при этом не соблюдалось. Это система позволила англичанам втрое увеличить сумму собиравшихся налогов — по сравнению с тем, что получала раньше казна Бенгалии. Поскольку откупа сдавались только на один год; то откупщиков

не интересовало, что потом станет с крестьянами; они ходили по деревням с отрядами сипаев и отнимали у крестьян, все, что могли отнять, вплоть до семенного запаса. В результате в 1770 году начался страшный голод, продолжавшийся несколько лет; погибло около трети населения Бенгалии³⁷³.

Катастрофа в Бенгалии была не последней в ряду катастроф, обрушившихся на Индию. Голод, эпидемии, жестокие междоусобные войны унесли значительную часть населения страны. Ост-индская компания воспользовалась этими бедствиями, чтобы постепенно, область за областью, подчинить себе всю Индию. В XIX веке в истории многострадальной страны началась новая эпоха — эпоха английского владычества.

* * *

Переходя к анализу истории Индии в эпоху Великих Моголов, необходимо напомнить, что мы рассматриваем в основном историю Северной Индии, Хиндустана. Однако даже исключив из рассмотрения Южную Индию, мы сталкиваемся с неоднородностью изучаемого региона; Гуджарат, Доаб, Бенгалия (и, возможно, Пенджаб) имеют существенно различные демографические и социально-экономические характеристики. Прежде всего это касается процесса первоначального заполнения экологической ниши; этот процесс раньше всего завершился в Гуджарате, затем — в Доабе и позже — в Бенгалии. Соответственно, мы наблюдаем асинхронность демографических циклов в этих регионах: в Гуджарате сжатие завершается демографической катастрофой уже в 1630-х годах; в Доабе явные признаки сжатия наблюдаются в конце XVII столетия, что же касается Бенгалии, то процесс колонизации продолжался там до середины XVIII века. При всем этом политическим центром Хиндустана оставался Доаб, и именно Доаб играл решающую роль в социально-политической эволюции империи.

Империя Великих Моголов возникла в результате воздействия диффузионной волны, вызванной появлением огнестрельного оружия. Поскольку эпицентром этой волны была Османская империя, то новая империя несла в себе некоторые османские традиции, но в силу дальности расстояний и опосредованности инноваций они были сравнительно мало выражены на общем фоне мусульманских государственных традиций. Другим важным компонентом социального синтеза были традиционные порядки индусов, которые в рамках доктрины «всеобщего мира» были фактически впервые привлечены к созданию нового государства.

В 1570-х годах в Доабе начался *период восстановления*, продолжавшийся до середины XVII века. Для этого периода характерны: относительно высокий уровень потребления, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее)

поселений, низкие цены на хлеб, незначительное развитие помещичьего землевладения, аренды и ростовщичества, внутривосточная стабильность. С середины XVII века отмечаются признаки сжатия: крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения, высокий уровень земельной ренты, частые голодные годы, разорение крестьян-собственников, рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества, распространение аренды, рост крупного землевладения, уход части разоренных крестьян в города, попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей, быстрый рост городов, развитие ремесел и торговли, рост числа безработных и нищих, активизация народных движений под лозунгами уменьшения земельной ренты, налогов, передела собственности и социальной справедливости, попытки увеличения продуктивности земель, попытки расширить территорию путем завоеваний, непропорциональный (относительно численности населения) рост численности элиты, фрагментация элиты, борьба за статусные позиции в среде элиты, обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом, попытки приватизации доходов, связанных со служебным положением, финансовый кризис государства, связанный с ростом цен и неплатежеспособностью населения, попытки государства противостоять назревающему экосоциальному кризису путем усиления централизации.

Многочисленные свидетельства источников рисуют яркую картину мощного сжатия и не оставляют сомнений в причинах последовавшего затем кризиса. Указания на демографическую природу этого кризиса в связи с демографическими циклами можно найти, например, в работах Л.И. Рейснера³⁷⁴. Однако в свое время Фернан Бродель, в противовес мнению индийских историков и с многочисленными оговорками, предположил, что экономика Индии развивалась синхронно экономике Европы, и следовательно, в XVIII веке в Индии должен наблюдаться экономический рост³⁷⁵. Это предположение Ф. Броделя связано с его тезисом о глобальной синхронности демографических циклов в Азии и Европе — тезиса, который Рондо Камерон назвал не иначе как «провокационной гипотезой»³⁷⁶. Положение о синхронном циклическом развитии Востока и Запада исходит из представления об определяющей роли мирового рынка и в последнее время активно дискутируется в работах зарубежных исследователей³⁷⁷. Как бы отвечая Ф. Броделю в рамках этой дискуссии, Дж. Ричардс убедительно показал, что в данном случае синхронность отсутствует, что в кризисном для Европы XVII веке Индия переживала подъем, а кризис наступил позже³⁷⁸.

Сжатие в Индии, как и в других странах, привело к крестьянскому малоземелью, и в силу неспособности крестьян платить налоги — к обед-

нению элиты и к финансовому кризису государства. Метод разрешения кризиса с помощью авансов и откупов, был, по-видимому, заимствован из Турции и привел к тем же результатам — к появлению наследственных откупщиков, которые присваивали значительную часть податей, обирали крестьян и через некоторое время лишали казну последних доходов.

Характерно, что сжатие и нарастание социальной напряженности привело к расколу элиты, окончанию «всеобщего мира» и конфликту между мусульманами и индусами. Этот конфликт вызвал восстание маратхов, которое в конечном счете привело к гибели империи. Здесь нам снова приходится констатировать параллелизм истории Индии и Ирана: в 1709 году аналогичный религиозный конфликт привел к восстанию кочевников и распаду иранского государства. Так же как во времена Делийского султаната, за распадом Ирана последовал распад Индии. Углубляющийся раскол мусульманской части элиты привел к появлению группировок, которые вскоре спровоцировали династические распри и междоусобицы. В конечном счете сжатие привело к разложению основанной Акбаром и Абу л-Фазлом этатистской монархии (трансформация В^сА_с).

После 1710 года начался длительный экосоциальный кризис: голод, эпидемии, гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы, государственное банкротство, потеря административной управляемости, широкомасштабные восстания и гражданские войны, брейкдаун — разрушение государства, внешние войны, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла, упадок торговли, очень высокие цены на хлеб, низкие цены на землю, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности.

12.8. Китай в эпоху Мин

Новое китайское государство родилось на свет в результате победы грандиозного крестьянского восстания. Начавшая это восстание секта «Минцзяо» проповедовала скорое пришествие восстановителя справедливости, «Князя Света», Мин-вана. После овладения Пекином вождь восставших Чжу Юаньчжан провозгласил, что отныне Поднебесная будет называться Да Мин — «Великая империя Света»; это означало, что император является тем самым долгожданным «Князем Света», о котором говорилось в пророчествах. Одним из первых мероприятий нового императора было освобождение рабов и цюйдинов; напомним, что при монголах рабы составляли значительную часть населения³⁷⁹. Вождь победивших крестьян пытался придать новому государству облик патриархальной крестьянской монархии. Юаньчжан говорил, что он — «простой человек с правого берега реки Хуайхэ», что он стал императором, «чтобы охранять народ и привести его к благоденствию»³⁸⁰. Император часто демонстри-

ровал свою близость к простому народу, посещал деревни, случалось, сам пахал землю, приглашал во дворец уважаемых старцев и расспрашивал их о жизни крестьян³⁸¹.

Опорой государства, по мысли Чжу Юаньчжана, являлись скрепленные круговой порукой и взаимопомощью крестьянские общины. Система «десятидворок» и «стодворок» существовала в Китае с давних времен; эти соседские общины использовались государством для регистрации населения и разверстки повинностей. Чжу Юаньчжан пытался превратить эти общины в основу гармоничного социального порядка, достичь через их посредство единения власти и народа³⁸².

«В каждой стодворке нужно выбрать старых, либо увечных, не способных работать людей и приказать мальчишкам водить их, — указывал Юаньчжан в «Уведомлении о воспитании народа». — Эти люди должны держать в руках деревянный колокольчик и выкрикивать слова, да так, чтобы народ слышал и знал эти слова, убеждающие людей быть добрыми и не нарушать законы. Эти слова таковы: будь послушен и покорен отцу и матери, почитай и уважай старших и высших, живи в мире и согласии с односельчанами, воспитывай детей и внуков, спокойно занимайся каждый своим делом, не совершай дурных поступков...

Двор учреждает чины и раздает должности по существу для спокойствия народа... В момент назначения на должность неизвестно, получил ее мудрый или глупый человек. Если чиновники окажутся алчными, наносящими вред народу, то разрешается... трижды убеждать их, а если они не последуют советам, то на основании документа с изложенными по порядку фактами связать и отправить в столицу...

В каждой деревне нужно установить барабан и всякий раз, когда начинается земледельческий сезон, в пятую стражу бить в него. Все население, слышавшее барабан, должно отправляться в поле. Местные старейшины должны проверять по списку у ворот. Если окажутся лодыри, не вышедшие в поле, то разрешается старейшинам наказать их. Нужно обязательно следить и контролировать, чтобы тяглые занимались делом, не позволяя лентяям попрошайничать...»³⁸³.

Система воспитания и регламентации через посредство общин дополнялась системой социального обеспечения. «Всем вдовцам, вдовам, сиротам, бездетным старикам, а также больным, беднякам, которые не в состоянии прокормить себя, местные чиновники должны выдавать на пропитание, — гласил закон. — Непроявление заботы о них карается 60 ударами палок...»³⁸⁴.

При первых императорах Мин земледельческий труд был уважаемым занятием, крестьян называли «добрым народом» (лян минь); в отличие от торговцев, крестьянам разрешали носить шелковую одежду, из среды крестьян выходили крупные чиновники и военачальники³⁸⁵. Власти поощ-

ряли выдвижение чиновников из простого народа; любой простолюдин, сдав экзамен, мог стать чиновником, — но при этом чиновничество не пользовалось особыми материальными преимуществами. Оклад мелких чиновников не превосходил дохода крестьянского хозяйства, а оклад высших чиновников — дохода 10 крестьянских хозяйств³⁸⁶. Благоволя к выходцам из простого народа, Чжу Юаньчжан не доверял чиновникам, происходившим из помещичьей среды; в 1380-х годах более 10 тыс. чиновников были казнены за хищения и взяточничество³⁸⁷.

Социальная направленность политики Чжу Юаньчжана проявлялась в репрессиях против помещиков и в массовой конфискации их земель. Большая часть помещиков погибла во время крестьянской войны: повстанцы считали их своими главными врагами. Оплотом помещиков в их борьбе против «красных войск» были богатейшие провинции юго-востока, Цзянсу и Чжэцзян. После победы «красных» в этих провинциях были конфискованы все частные земли; помещики были выселены в разоренные войной провинции Севера без права возвращаться на родину, к могилам предков. Помещики «скрывались в темноте, чтобы сохранить себя», «раздавали людям все накопленное имущество, чтобы избежать беды»³⁸⁸. Массовые конфискации привели к значительному расширению государственного земельного фонда; по оценкам исследователей он превышал $\frac{2}{3}$ всех пахотных земель³⁸⁹. Помещичье землевладение резко сократилось, основной фигурой в деревне стал самостоятельный крестьянин-земледелец. Крестьяне-держатели государственной земли могли передавать свои наделы по наследству, но они не имели права продать свой надел и уйти из своей деревни³⁹⁰. По существу, Чжу Юаньчжан в основных чертах восстановил наделную систему эпохи Тан³⁹¹, и, хотя единой нормы наделения не существовало, закон предписывал чиновникам следить, чтобы величина надела соответствовала размеру семьи³⁹². В 1399 году ученый конфуцианец Фан Сяо-жу выступил с предложением объявить все земли государственными, уравнивать размеры участков и полностью восстановить наделную систему, но его предложение, в конечном счете, было отвергнуто³⁹³.

«Лучшая политика заключается в заботе о народе, а забота о народе выражается в умеренных налогах», — говорил Чжу Юаньчжан³⁹⁴. В соответствии с этим принципом налоги были уменьшены в несколько раз; налог с государственной земли составлял 0,53 доу с 1 му, а налог с частной земли — 0,33 доу с 1 му. Исключением из общих налоговых правил были «враждебные» Юаньчжану провинции Цзянсу и Чжэцзян: здесь налог сохранялся на уровне частной арендной платы и превышал 1,3 доу с одного му³⁹⁵. Кроме налогов, все крестьяне несли трудовую повинность: с каждых 100 му земли выставлялся один человек, который должен был отработать до одного месяца, чаще всего на ремонте и строительстве

ирригационных сооружений³⁹⁶. Чжу Юаньчжан сохранил установившееся при монголах деление на три сословия: крестьян, воинов и ремесленников, при этом различные сословия несли разные повинности. Ремесленники были обязаны раз в три года отрабатывать три месяца в государственных мастерских. Крестьяне, приписанные к военному сословию, должны были поставлять рекрутов и снабжать их продовольствием³⁹⁷.

Минская армия базировалась на известной со времен Хань системе военных поселений: крестьяне-солдаты жили своими семьями, возделывали землю и по очереди несли службу. Под военные поселения было отведено свыше 893 тыс. цинов, что составляло примерно $\frac{1}{10}$ всех пахотных земель. Всего в списках числилось 1200 тыс. солдат; в основном это были пехотинцы (кавалеристов было только 50 тыс.)³⁹⁸. Военная ситуация в значительной степени зависела от внутренних распрей среди монголов, эти распри способствовали изгнанию кочевников из Китая и в дальнейшем существенно облегчали войну с ними. В 1399 году вытесненная в степи империя Юань окончательно распалась на два государственных образования, причем западные монгольские племена (ойраты) заключили союз с Китаем для борьбы с восточными племенами. Некоторые племенные группы монголов (например, урянхатайцы) приняли минское подданство и поставляли для империи десятки тысяч превосходных кавалеристов³⁹⁹.

Между тем после долгой гражданской войны экономическое положение оставалось тяжелым. Повсюду царил разруха, каналы и плотины вышли из строя, поля лежали в запустении. «Срединная равнина — центр Поднебесной, — говорил сановник Гуй Яньлян, — она знаменита тучными землями, но... уже давно пришла в запустение»⁴⁰⁰. Правительство Чжу Юаньчжана придерживалось традиционной конфуцианской «политики поощрения земледелия». Первые мероприятия были направлены на обустройство беженцев; крестьянам выделяли землю, давали волов и семена. На Север переселялись крестьяне с юга; было переселено 140 тыс. дворов⁴⁰¹. Восстанавливались ирригационные системы, в 1368 году было отремонтировано 120 километров дамб в районе Хэчжоу, в 1371 году был восстановлен канал Линцой в провинции Ганьсу, в 1375 году восстановлены дамбы на Хуанхэ — список этихстроек можно продолжить. В 1395 году было подсчитано, что в правление Юаньчжана было восстановлено в общей сложности 49 тыс. дамб и плотин. Чиновники на местах всемерно способствовали распашке заброшенных земель и регулярно отчитывались перед правительством. Согласно официальным данным, с 1368 по 1381 год обрабатываемые площади возросли почти вдвое и достигли 3,6 млн цинов. Однако в первые послевоенные времена учет был не полным, поэтому в 1387 году Чжу Юаньчжан приказал составить подробный кадастр всех земель Поднебесной. Через несколько лет кадастр был составлен — и выяснилось, что в действительности площадь обраба-

тываемых земель составляет 8,5 млн цинов. О быстром восстановлении экономики свидетельствует рост поступлений от поземельного налога: в 1385 году было собрано 20,9 млн даней зерна, в 1390 году — 31,6 млн даней и в 1393 году — 32,8 млн даней⁴⁰². К этим доходам нужно прибавить зерно, получаемое с военных поселений — около 20 млн даней, так что в целом доход империи Мин в конце XIV века составлял более 50 млн даней зерна⁴⁰³. Отметим для сравнения, что годовой доход империи Юань составлял 12 млн даней, а империи Цзинь — 78 млн даней (однако надо учесть, что налоги с государственных земель в эпоху Мин были в десять раз меньше, чем в эпоху Цзинь).

В 1391 году было зарегистрировано 10,7 млн податных дворов с населением 56,8 млн человек⁴⁰⁴ — немногим меньше, чем во времена расцвета империи Юань. Следует отметить, однако, что действительная численность населения была большей — в число податных дворов не входили, в частности, дворы арендаторов и батраков; с учетом этого обстоятельства специалисты оценивают население страны в 60–80 млн⁴⁰⁵. «В настоящее время страна богата и многонаселена, — свидетельствовал современник, — налоги поступают в избытке... в большом изобилии накапливаются на складах и даже гниют от невозможности все съесть. В неурожайные годы местные власти всегда сначала оказывают помощь, открывая склады, а уже потом доводят до сведения двора»⁴⁰⁶. «Города были мирными и деревни многонаселенными, и это называлось “золотым веком”», — говорил впоследствии император Шень-цзун⁴⁰⁷. О благополучии тех времен говорит падение цен на зерно: в 1376 году, когда страна еще не оправилась от разрухи, 1 дань зерна стоил 1 серебряный лян; в 1397 году за один лян давали 10 даней зерна⁴⁰⁸. Имеются также данные об оплате работников, отбывающих трудовую повинность: если хозяин земли посылал для отбывания повинности своего арендатора, то он должен был платить ему 2,5 даня за месяц работы⁴⁰⁹. Поденная оплата, таким образом, составляла около 6,3 кг зерна; для Китая это был весьма высокий уровень, соответствующий периоду восстановления.

«История Мин» говорит о том, что в конце XIV века почти не было свободных земель⁴¹⁰, однако, по другим сведениям, на Севере еще имелись пустоши. «В настоящее время к северу от Желтой реки много полей пустошет... — докладывал чиновник в 1391 году. — С другой стороны, в Шаньдуне и Шаньси население быстро умножается. Так что правительство должно переселить часть людей на свободные земли...»⁴¹¹. В 1395 году на Север было переселено 60 тыс. дворов; все переселяемые получали от властей волов, семена и деньги на дорожные расходы⁴¹².

После смерти Чжу Юаньчжана, в 1398 году, поступательное развитие экономики Китая было нарушено династическим кризисом. Один из сыновей Юаньчжана, князь области Янь, Чжу Ди, выступил против наслед-

ника престола Чжу Юнь-вэня и развязал междоусобную войну. Война продолжалась три года и окончилась победой Чжу Ди, ставшего императором Чэнцзу (1402–1426). В этой войне проявились некоторые сдвиги в военной технике и тактике, знаменующие постепенный переход к эпохе пороха. Как отмечалось выше, в середине XIV века китайские мастера освоили отливку пушек; к концу столетия их считали уже на сотни, и артиллерия стала играть существенную роль в некоторых сражениях. В бою при Сяхэ в 1401 году пушки сумели остановить атаку конницы, но это был лишь первый, эпизодический успех. До господства артиллерии на полях сражений было еще далеко⁴¹³.

Военное разорение привело к голоду, голодным бунтам и появлению «разбойников». Весьма характерно отношение правительства к восставшим крестьянам: «Разбойники, по существу, хорошие люди, — говорилось в приказе солдатам, отправляемым на подавление восстания. — Однако местные власти не смогли их умиротворить. Из-за чрезмерной жестокости и бед простые люди становятся разбойниками»⁴¹⁴. Чэнцзу проводил ту же политику покровительства простому народу, что и Чжу Юаньчжан. «Небо поставило государя, чтобы он заботился о народе... — говорилось в императорском указе. — Став императором, я думаю о том, чтобы довести народ до всеобщей радости... Если хоть один человек не получит того, что ему необходимо для жизни, то это будет моя вина...»⁴¹⁵.

Как бы то ни было, война сопровождалась значительными разрушениями; переписи показали уменьшение податного населения на $\frac{1}{10}$ ⁴¹⁶; сбор налогов в 1402 году составил около 30 млн даней, то есть также уменьшился. Через 10 лет раны войны были залечены, и в 1412–1413 годах сбор налогов вышел на прежний уровень в 33 млн даней⁴¹⁷. Однако дальнейшего роста не отмечалось⁴¹⁸, а поскольку налоги собирались с земли, то это означало прекращение роста посевных площадей. В 1410-х годах появляются первые свидетельства о напряженном продовольственном положении; оглашаются императорские указы об экономии и о запрещении в страду всех второстепенных работ. Характерно, что император приказал сократить добычу золота и серебра, так как народу нужны не драгоценности, а пища. Горнопромышленники, отстаивавшие свой бизнес, получили ответ: «Тот, кто гонится за прибылью в расчете на успех — низкий человек. Главное для государства — это спокойствие народа, а не прибыль»⁴¹⁹.

Ограничение торговли и «ненужных» ремесел проводилось в рамках традиционной конфуцианской политики «укрепления ствола и ослабления ветвей»; в соответствии с этой доктриной земледелие рассматривалось как основа, а торговля и ремесла — как побочные занятия. Торговля и ремесла регулировались государством; существовали государственные монополии на производство и продажу железа, соли, чая и ряда других

товаров. Были утверждены образцы одежды, посуды и предметов обихода для разных сословий, и ремесленники должны были следовать этим образцам. Торговцы должны были иметь специальные разрешения, власти нередко регулировали уровень цен, производили государственные закупки по произвольно установленным ценам. С продажи всех товаров взимался налог в $\frac{1}{30}$ их стоимости⁴²⁰. Еще с монгольских времен было запрещено строительство частных морских судов и запрещена частная торговля с заграницей, но государство при этом вело активную морскую торговлю и посылало экспедиции к берегам Индокитая и Индии. В 1405 году из Китая в Индию был отправлен огромный флот из 60 больших кораблей с 28 тыс. моряков, солдат и купцов. Император Чэнцзу поставил перед адмиралом Чжан Хэ задачу восстановления торговых связей с Западом в обход блокированного монголами Шелкового пути. За тридцать лет Чжан Хэ совершил семь плаваний в Индийский океан, его корабли достигли Аравии и Африки. С этого времени южный морской путь стал основной дорогой, связывавшей Запад и Дальний Восток. Порт Гуанчжоу на берегу Южного моря превратился в ворота Китая, где «громадные корабли, как горы, закрывали солнце и облака»⁴²¹. «Корабли за сокровищами», плававшие в Индию, достигали 140 м длины и брали на борт тысячи пассажиров; эти огромные джонки имели до четырех палуб и считались чудом тогдашней морской техники⁴²².

В правление Чэнцзу проводились крупные ирригационные и строительные работы. В 1411 году 110 тыс. человек были заняты на рытье канала в Хэнани, в 1413 году 100 тыс. человек участвовали в ирригационных работах близ Сучжоу. Более 300 тыс. человек были заняты на реконструкции Великого канала, и около 1 миллиона работников перестраивали новую столицу — Пекин. На эти большие стройки крестьяне призывались в рамках отбывания месячной трудовой повинности, в сезон, когда не было полевых работ⁴²³. Большое внимание уделялось системе государственных зернохранилищ, созданной еще при Чжу Юаньчжане. Во время большой засухи 1428 года правительство продавало рис из зернохранилищ по низким ценам, и нехватка продовольствия не была замечена населением. Однако в 1431 году властям не удалось предотвратить голод в Аньхое и Шаньдуне; люди просили подавание на дорогах, было много погибших⁴²⁴. Ухудшение продовольственного положения нашло свое отражение в повышении средних цен на зерно. С 1390-х до 1430-х годов средняя цена на зерно увеличилась в 2,5 раза и достигла 0,25 яна за дань⁴²⁵.

Нехватка продовольствия и рост цен были последствиями перенаселения. «В настоящее время империя долго пребывала в мире, и население быстро умножалось, — отмечал современник. — В результате плодородие земли оказалось недостаточным для того, чтобы обеспечить население продовольствием. Поэтому по всей империи, на Юге и на Севере, люди

вынуждены бродяжничать и искать пищу. Особенно тяжелое положение в низовьях Янцзы»⁴²⁶. Крестьяне прилагали отчаянные усилия, чтобы выжить на крохотных участках земли. В этот период стали широко использоваться водяные колеса для подъема воды и бамбуковые водопроводы; это позволило освоить под посевы склоны холмов. Большинство пастбищ было распаханно, и крестьяне уже не могли содержать рабочий скот; они сами впрягались в плуги — именно в это время появился специальный плуг для пахоты на людях, «деревянный вол». После вспашки крестьяне обрабатывали землю мотыгами, с величайшей тщательностью взрыхляя каждый квадратный метр. Урожайность риса достигла 2–3 даней с одного му, причем снимали два урожая — это означало, что с гектара собирали до 50 центнеров зерна в год! Высокие урожаи китайских крестьян вызвали удивление и восхищение у европейских путешественников XVI–XIX веков⁴²⁷.

Несмотря на все усилия, малоземельные крестьяне попадали в кабалу к ростовщикам, разорялись и продавали свои земли. Государственная земля также стала продаваться, но ввиду незаконности сделок цена на казенную землю была в десять раз меньше, чем на частную⁴²⁸. В роли ростовщиков и скупщиков крестьянской земли часто выступали деревенские старосты и мелкие чиновники, ведавшие учетом земель и распределением податей; им было нетрудно подделывать земельные реестры, совершать незаконные сделки и укрывать купленные земли от налогов. «В округах и уездах ежегодно присваивали имущество сотен семей», — свидетельствует «История Мин»⁴²⁹. Таким образом, постепенно распространялось и крепло помещичье землевладение; при этом помещики часто захватывали местные ирригационные системы и отводили воду на свои поля. Продовольственное положение все ухудшалось, из многих районов приходили сообщения о голоде. «Говорят, что в начале Мин крестьяне имели запасы и о голоде не было слышно, — указывалось в докладе, направленном императору Инцзуну. — Позднее сильные и хитрые люди стали получать выгоду для себя, в результате местные зернохранилища были разрушены, а ирригационные системы захвачены. Теперь крестьяне не имеют запасов, и любой неурожай может привести к бедствию»⁴³⁰. По докладу чиновников были приняты меры к восстановлению системы государственных складов, тем не менее в конце правления Инцзуна начался большой голод в Шаньдуне⁴³¹. Голод приводил к крестьянским восстаниям; в середине XV века крестьянские выступления приобрели невиданный прежде размах. Восстание в провинции Фуцзянь продолжалось два года; армия повстанцев насчитывала 800 тыс. человек. В 1464 году вспыхнуло восстание в Хубэе, оно продолжалось три года и число повстанцев достигало 400 тыс.⁴³² Восстания были подавлены, но власти приняли некоторые меры для смягчения кризиса. При Сяньцзуне (1465–1487) было

построено несколько крупных каналов и водохранилищ; во время большого голода в Чжили правительство выделило голодающим 100 тысяч даней проса⁴³³. Однако эти меры не могли разрешить продовольственной проблемы; цена на зерно неуклонно росла — к 1470 году она составляла уже 0,6 яна за дань⁴³⁴.

Разложение и беспорядки в провинциях с неизбежностью порождали разложение в столице. Несмотря на все усилия, Чжу Юаньчжану не удалось ликвидировать коррупцию среди чиновников — она оставалась болезненным местом империи. Источники пестрят сообщениями о мошенничестве, взяточничестве и произволе чиновников. «Я неоднократно отдавал указы... не позволяющие самовольно брать хотя бы крупинку [зерна], — возмущался император Чэнцзу. — Но бесталанные чиновники творят самоволие!»⁴³⁵ Разложение прогрессировало, особенно больших размеров достигли хищения и взяточничество среди военного начальства. Чиновники брали взятки от рекрутов и освобождали их от службы — якобы по нездоровью. Командиры присваивали земли военных поселений и заставляли солдат работать на себя. Поступление зерна с поселений в казенные амбары сократилось с 23,5 млн даней в 1403 году до 5,2 млн даней в 1423 году. «В последнее время стало известно, что военные чины ежедневно пьянствуют и веселятся, — говорилось в императорском указе от 1416 года. — Эта недопустимая рутина затягивает. Они не занимаются учениями, а лишь безжалостно обируют солдат, которые в результате этого страдают от голода и холода»⁴³⁶. Армия быстро теряла боеспособность. «Большинство солдат, — говорилось в другом указе, — это малолетние, слабые и больные, так что кавалеристы не в состоянии натянуть лук, а пехотинцы — нести копьё»⁴³⁷. В 1449 году минская армия потерпела страшное поражение в сражении с монголами у пограничной крепости Туму. Было убито и ранено несколько сот тысяч китайских солдат, погибло более пятидесяти высших сановников, император Инцзун попал в плен. Несколько дней шли бои за Пекин, минским войскам с трудом удалось отстоять столицу. Эти события, в частности, означали, что появление первых пушек еще не дало военного перевеса китайской пехоте над быстрой монгольской кавалерией. Лишь благодаря усобицам среди кочевников Китай смог удержать свои северные границы⁴³⁸.

Разложение охватило не только армию, но и императорский двор. Со времен Сяньцзуна (1465–1487) императоры проводили жизнь в гаремных покоях, передав управление делами гаремным евнухам. Сяньцзун лишь один раз принял секретаря Государственного совета. Уцзун (1506–1521) пробыл на троне 16 лет и ни разу не встречался с министрами⁴³⁹. Все дела решались евнухами через посредство императриц, наложниц и императорских родственников. Многоженство привело к тому, что императорский клан невероятно разросся, число родственников императора

превышало 20 тысяч человек, количество князей и принцесс исчислялось сотнями, а число обслуживавших двор евнухов доходило до ста тысяч⁴⁴⁰. Правление евнухов сопровождалось невиданным расцветом коррупции, тотальным расхищением казны и государственного земельного фонда. «Князья, родственники императора по женской линии, евнухи повсюду захватили казенные и частные земли», — говорит «История Мин»⁴⁴¹. Государственные земли передавались в дар или просто захватывались; учет земли пришел в хаотическое состояние, захваченные земли утаивались от налогообложения и исключались из реестров. Используя обстановку аграрного кризиса, евнухи скупали земли крестьян или силой вынуждали их к переходу «под покровительство». «В течение 140 лет общее количество земель в Поднебесной уменьшилось более чем в половину... — докладывал в 1529 году сановник Хо Тао. — Если земли не были переданы в княжеское управление, то обманным путем перешли к хитрым людям (то есть к помещикам. — С. Н.)»⁴⁴². Если при Чжу Юаньчжане в реестрах числилось 8,5 млн цинов, то при Цяоцзуне (1488–1505) — 6,2 млн цинов, а при Шицзуне (1522–1566) — 4,7 млн цинов⁴⁴³. По существу, фонд государственных земель был полностью расхищен; если в начале эпохи Мин он составлял примерно $\frac{2}{3}$ всех земель, то во времена Цяоцзуна — лишь $\frac{1}{8}$. Поступление зерна от военных поселений ко времени императора Сяньцзуна (1465–1486) уменьшилось в 10 раз⁴⁴⁴. Расхищению подвергались не только земли, но и богатства императорской казны; после отстранения евнуха Лю Цзиня, долгое время управлявшего страной при Уцзуне, у него было обнаружено зерна и сокровищ на 250 млн лян — богатство, равное государственному доходу за несколько лет⁴⁴⁵.

Сокращение площади облагаемых налогом земель вело к падению доходов казны. За столетие, прошедшее после смерти Чэнцзу, сбор земельного налога уменьшился с 32 до 23 млн даней. Правительство пыталось компенсировать уменьшение доходов увеличением налоговых ставок на оставшихся государственных землях — эти ставки постепенно приближались к уровню арендной платы на частных землях — 1 даню зерна с 1 му. Часть казенной пашни была переведена в разряд «императорских поместий» — эти земли считались личными землями императора, и с крестьян брали арендную плату, такую же, как на землях помещиков⁴⁴⁶. Однако поступлений не хватало на покрытие увеличившихся расходов; в 1562 году цензор Ли Жунь докладывал, что на выплату пенсий 28 тыс. императорских родственников уходит 8,5 млн даней зерна — почти $\frac{2}{5}$ доходов казны⁴⁴⁷.

Нехватка средств привела к упадку военных сил: военные расходы уменьшились втрое. В 1550 году заместитель военного министра докладывал императору, что военная подготовка запущена, в списках числится лишь 140 тыс. воинов, а строевое обучение проходят лишь 50–60 тыс.⁴⁴⁸ Слабостью империи сразу же воспользовались внешние враги; отряды

японских пиратов стали высаживаться на китайское побережье, захватывая и подвергая разграблению города. Пираты обладали новым оружием, аркебузами, которые им поставляли португальские торговцы. Португальские корабли впервые появились у китайского побережья в 1516 году, и этот факт означал, что диффузионная волна распространения европейского оружия достигла Дальнего Востока. Благодаря наличию фитильного замка европейские аркебузы существенно превосходили примитивные китайские ручницы, и минские власти были вынуждены срочно наладить производство аркебуз-няозцян по португальской модели. С помощью миссионеров-иезуитов стали отливать более совершенные пушки португальского и голландского образца — эти пушки отличались от китайских прежде всего наличием цапф и колесного лафета. В 1560-х годах полководец Ци Цигуан создал новую тактику, при которой защищенные укреплениями из щитов и рогаток аркебузиры и пикинеры занимали центральную позицию, а на флангах и позади располагалась конница. Впрочем, аркебузирова в войсках Ци Цигуана было еще немного — они составляли лишь пятую часть пехотинцев. Ци Цигуану удалось отразить японских пиратов, но в борьбе с монгольскими набегами на севере его тактика не принесла особого успеха — артиллерия еще не обладала достаточной маневренностью для борьбы с конницей кочевников. Кроме того, нужно учитывать, что военная организация империи Мин в то время находилась в состоянии развала: войска часто не получали жалованья и дисциплина настолько упала, что полки иногда вступали в междоусобные схватки⁴⁴⁹. Характерно, что Ци Цигуан в своих частях отказался от использования лучников⁴⁵⁰; это можно объяснить тем, что стрельба из лука требовала сильных рук и длительной тренировки, которая была невозможна при царившем в армии беспорядке.

Разложение правящей верхушки и нарушение конфуцианских принципов управления вызвали протест приверженных конфуцианской традиции «чистых чиновников»⁴⁵¹. Так же как в эпоху Хань, началась борьба «чистых чиновников» с коррумпированными кланами. В 1506 году кто-то из чиновников рискнул доложить государю о произволе евнухов — в ответ император приказал тысяче придворных встать на колени, евнухи ходили между их рядами и хватали «виновных». Двадцать лет спустя несколько сот старейших, заслуженных чиновников устроили «демонстрацию» у ворот императорского дворца: старцы громко рыдали, проклинали евнухов и раскачивали ворота. 134 человека из них было арестовано; многие погибли в тюрьме. Высшие сановники практически непрерывно подавали императору доклады, описывавшие тяжелое положение народа и разоблачавшие царящую при дворе коррупцию; эти доклады, как правило, попадали к евнухам, которые жестоко мстили их авторам. В правление императора Шицзуна (1521–1566) некоторые «чистые чинов-

ники», подавая доклады, заранее готовились к смерти или кончали с собой при передаче послания⁴⁵².

Между тем положение в деревне становилось все более тяжелым. Разорение крестьян приняло массовые масштабы; в областях Нижней Янцзы $\frac{9}{10}$ крестьян потеряли землю и превратились в арендаторов. Арендная плата составляла 50–80 % урожая, и при этом арендатор находился в полной власти помещика. Большинство арендаторов были обременены долгами; не в силах расплатиться, они продавали в рабство жен и детей. Некоторые помещики имели сотни и тысячи рабов. Владения помещиков быстро росли, на Юге средний помещик имел 70 тыс. му земли; были случаи, когда одному землевладельцу принадлежала половина уезда⁴⁵³.

Разорившиеся крестьяне уходили в города, где пополняли ряды ремесленников. Города стремительно росли; население шелкоткацкого центра Сучжоу в середине XVI века насчитывало 339 тыс., а через пятьдесят лет — 650 тыс. жителей⁴⁵⁴. В основном это были рабочие мануфактур, которые далеко не всегда имели работу. «Те, у кого нет хозяина, на рассвете встают на мосту и ждут... — свидетельствует современник. — Сотни их, вытянув шеи, жадно смотрят вдаль. Если хозяин сокращает дело, им негде взять ни еды, ни одежды». «Имели работу — жили, теряли работу — умирали»⁴⁵⁵. В центре фарфорового производства Цзиндэчжэне в конце XV века было 50 печей для обжига, а конце XVI века — 300 печей. Население города превышало миллион жителей, ночью над Цзиндэчженем стояло зарево, а днем он был окутан белым дымом. «Мастеровые приходили со всех сторон, а посуда расходилась по всей Поднебесной», — свидетельствует современник⁴⁵⁶. Капиталы крупных купцов из Сучжоу и Цзиндэчжэня насчитывали сотни тысяч лян, капиталы купцов поменьше — десятки тысяч лян. XVI век ознаменовался бурным развитием хлопкоткачества; в это время китайцы одеваются в одежду из хлопка и производство хлопчатых тканей становится основой существования для множества городов и поселков. Вокруг основных хлопковых центров, Суцзяна и Цзядина на Нижней Янцзы, посевы хлопчатника вытеснили посевы зерновых. В Китае XVI века насчитывалось более 30 крупных промышленных городов с населением в сотни тысяч жителей; население двух столиц, Пекина и Нанкина, превышало 1 млн. Помимо больших городов, существовало множество ремесленных поселков, чженей, такие поселки иной раз насчитывали десятки тысяч жителей, в течение XVI века их число в отдельных областях возросло в несколько раз⁴⁵⁷.

Города не могли обеспечить работой всех голодных и нищих. Голод приходил все чаще, в разных районах вспыхивали крестьянские восстания. В 1509–1512 годах большое крестьянское восстание охватило области, прилегающие к Пекину; в 1511 году восстали крестьяне в Цзянси. Постоянными очагами массового возмущения оставались районы Шаньдуна,

Цзянси и Сычуани⁴⁵⁸. В 1541 году Хуанхэ прорвала давно не ремонтировавшиеся дамбы и, пройдя потоком через Цзянсу, нашла новую дорогу к морю южнее полуострова Шаньдун. Вода смыла посевы, унесла целые селения; люди, спасшиеся от потопа, стали жертвой голода и эпидемий. Неуправляемая река год за годом затапливала обширные пространства Великой равнины. Оказавшись перед лицом природного бедствия, император был вынужден обратиться за помощью к «чистым чиновникам». В 1567 году сторонник «чистых» Чжан Цзюйчжен был назначен секретарем Государственного совета и приступил к организации восстановительных работ. В 1570-х годах были приняты меры к восстановлению системы сбора налогов, был проведен новый земельный кадастр, выявлены и обложены налогом ранее укрываемые помещичьи земли; повинности крестьян были уменьшены, недоимки — отменены. По данным кадастра, посевные площади в этот период составляли около 7 млн цин — меньше, чем в начале эпохи Мин; по-видимому, властям все-таки не удалось выявить все скрываемые земли. Был введен режим экономии, средства, предназначавшиеся на императорские дворцы и развлечения, были употреблены на восстановление ирригационных систем⁴⁵⁹. В 1581 году было объявлено о новой системе сбора налогов; все налоги и повинности пересчитывались на деньги и выплачивались в серебре⁴⁶⁰. Замена трудовой повинности денежным эквивалентом говорит о том, что в стране имелось много свободных работников, которых можно было нанять для ремонта дамб и плотин.

Успех «чистых» был частичным и временным — после смерти Чжан Цзюйчжена в 1582 году к власти снова пришли евнухи, покойный министр был объявлен преступником, а его семья казнена. В конце XVI века «чистые» сплотились вокруг конфуцианской академии Дунлинь в городе Уси на Янцзы. Здесь разрабатывались планы реформ, включавшие, в частности, ограничение помещичьего землевладения; отсюда велась мощная пропагандистская кампания, находившая отклик в среде чиновничества⁴⁶¹. «Судьба государства зависит от того будут ли чиновники честными или нечестными», — писал императору лидер Дунлинь Ли Саньцай⁴⁶². В 1620 году, после воцарения императора Гуаньцзуна, дунлиньцам удалось было овладеть важнейшими постами, но ненадолго: молодой император был отравлен и власть снова захватили евнухи. По всей стране начались массовые казни «чистых чиновников», академии и чиновничьи школы закрывались, ученые и учащиеся скрывались в деревнях среди крестьян⁴⁶³. Так же как во времена Хань, борьба «чистых» с евнухами окончилась поражением; временщики и стяжатели торопились обогатиться, набрать взяток и захватить поместья. Попытки государственного регулирования были окончательно отброшены, и крестьянство было предоставлено своей судьбе.

Тем временем продовольственный кризис становился все более грозным. В 1590-х годах цена зерна, принятая при пересчете налогов, составляла 1,25 лян за дань⁴⁶⁴, однако исследователи отмечают, что реальная цена была выше, в северных пограничных районах, например, цена достигала 5 лян за дань⁴⁶⁵. Некоторые авторы пытаются объяснить этот рост импортом серебра из Америки, Европы и Японии, но Дж. Голдстоун убедительно опровергает приводимые ими аргументы⁴⁶⁶.

Как отмечалось выше, официальные переписи населения учитывали лишь налогоплательщиков, поэтому у нас нет достоверных данных о численности всего населения Китая. Оценки специалистов разноречивы и колеблются от 150 млн⁴⁶⁷ до 290 млн⁴⁶⁸ человек. Критический обзор этих оценок приведен в превосходном исследовании А.В. Коротаева, Н.Л. Комаровой и Д.А. Халтуриной⁴⁶⁹. Указанные авторы, приходят к выводу, что «оценки численности населения Китая в конце минского цикла, дающие цифры, значительно превышающие уровень, достигнутый в ходе сунского цикла, выглядят достаточно правдоподобными»⁴⁷⁰. Мы также полагаем, что ввиду того, что посевные площади в эпохи Мин и Цин были примерно равны, а население империи Цин достигало 430 млн человек, максимальные имеющиеся оценки являются более достоверными, чем минимальные. В любом случае, за два столетия эпохи Мин население возросло в несколько раз, и в стране ощущался острый недостаток продовольствия. «Даже в очень хорошие годы урожая едва достаточно для покрытия расходов», — писал один из сановников⁴⁷¹. В годы неурожая наступал страшный голод. В 1595 году голод поразил провинции Шаньдун и Хэнань. «Люди выглядели высушенными, непохожими на людей, — докладывал императору цензор У Цзы. — Они продают своих жен и дочерей на дорогах. Женщину цветущего возраста можно купить за 1 доу проса, мальчика десяти лет — за несколько монет. Младенцев бросают в канавы и каналы, а стариков оставляют на дорогах. На всем протяжении страны — умершие от голода, повсюду грабежи и разбой. Люди на дорогах едят человеческое мясо, и положение слишком ужасно, чтобы описывать его»⁴⁷². В ответ на доклад У Цзы правительство выделило для помощи голодающим 50 тысяч лян — незначительность этой суммы свидетельствует о том, что казна была пуста⁴⁷³.

В 20-х годах XVII столетия восстания голодающих приобретают повсеместный характер. В 1628 году поднялся Северо-Запад; крестьяне, у которых «остались лишь кожа да кости и которые не видели спасения от смерти» объединились для последней борьбы⁴⁷⁴. Крестьянская война продолжалась 16 лет, восстание охватило всю долину Хуанхэ; армия восставших насчитывала до миллиона солдат. Постепенно на сторону повстанцев стали переходить некоторые из уцелевших честных чиновников; по совету шэньши Ли Яня вождем восставших Ли Цзы-чэн присту-

пил к организации государственного управления; были введены экзаменационная система и чиновничьи ранги. Ли Цзы-чэн был провозглашен Чжуан-ваном, главой государства Дашунь; был принят закон об уравнивании земель, в котором провозглашалось: «Благородным и простолюдинам — равные земли»⁴⁷⁵. 25 апреля 1644 года армия Чжуан-вана вступила в Пекин; император Сыцзун повесился в дворцовом парке; полтысячи высших аристократов были арестованы, подвергнуты пыткам и казням⁴⁷⁶.

Однако гражданская война продолжалась; в Нанкине был провозглашен новый минский император Фу-ван, а на севере командующий минскими пограничными войсками У Сян-гуи обратился за поддержкой к маньчжурам. Маньчжуры, прежде называвшиеся чжурчженями, в начале XVI века объединились в мощный племенной союз, оспаривавший у монголов господство над Великой степью. В отличие от монгольских орд, государство маньчжуров с самого начала было построено по китайскому образцу, маньчжурский хан Нурхаци провозгласил себя императором и приглашал на должности китайских чиновников. Напуганные казнями Чжуан-вана, китайские помещики предпочли крестьянской диктатуре власть маньчжуров, обещавших вернуть им чины и поместья. «Армия справедливости пришла, чтобы помочь вам отомстить за государя... — гласила маньчжурская прокламация. — Ныне подвергаются казни только бандиты Чжуан-вана, чиновники же, приходящие с изъявлением покорности, восстанавливаются в своих должностях...»⁴⁷⁷. Вторжение маньчжуров было не похоже на вторжение монголов в XIII веке, войска маньчжуров с самого начала действовали вместе с армией У Сян-гуя и многочисленными отрядами китайских помещиков, причем отборные части У Сян-гуя были вооружены пушками и мушкетами. Многие города добровольно открывали ворота союзной армии; крестьянские войска были разбиты, и союзники в течение года покорили весь Север, переправились через Янцзы и вступили в Нанкин. Минский Фу-ван был выдан маньчжурам своими не желавшими воевать генералами⁴⁷⁸.

В октябре 1644 года внук Нурхаци был провозглашен в Пекине первым китайским императором династии Цин. В 1645 году было приказано всем мужчинам в знак покорности новой династии по-маньчжурски обрить головы; это вызвало националистическую реакцию китайцев и придало борьбе национальный характер. Многие китайские генералы и чиновники, столкнувшись с притеснениями, перешли в лагерь противников Цин — но было поздно. Маньчжурская конница стремительно продвигалась к южному побережью; сопротивлявшиеся города безжалостно вырезались. Сопротивление было локализовано в юго-западных провинциях и, хотя война продолжалась здесь до 1659 года, судьба Китая было предопределена⁴⁷⁹.

Бесконечные восстания и войны принесли катастрофу, сравнимую по результатам с монгольским нашествием. «На местах поселений гуляет ветер, — писал современник. — Путнику негде пристать на ночлег, отовсюду доносятся стоны и плач, с полей тянет смрадом, дороги покрыты запекшейся кровью и лишь изредка наткнешься на калек с перебитыми ногами и руками»⁴⁸⁰. При взятии маньчжурами Янчжоу число убитых по данным «регистрации сожженных трупов» превысило 800 тысяч⁴⁸¹. Хроники тех лет свидетельствуют об огромных заброшенных пространствах земли в Северном Китае, об отсутствии признаков жизни в только что «усмиренных» южных провинциях⁴⁸². В провинции Шаньси погибло более половины населения, в некоторых округах низовий Янцзы — до $\frac{2}{3}$ всех жителей⁴⁸³. Трагичной была судьба почти всех крупных городов Юга; в Нанчане во время осады погибло от голода около 1 млн человек, в Цзяньине из 200 тысяч жителей в живых осталось лишь 53 человека⁴⁸⁴. По словам китайского историка, «за военными опустошениями следовали неурожаи, но все затмевали буйства Желтой реки»⁴⁸⁵. В 1671 году Хуанхэ прорвала давно не ремонтировавшиеся дамбы и затопила многие уезды; повсюду царил голод. Бедствия войны утихли только в 80-х годах XVII века, но голодающие и беженцы еще долго бродили в поисках пристанища по дорогам Поднебесной⁴⁸⁶.

По различным оценкам, население Китая в начале XVII века составляло от 150 млн⁴⁸⁷ до 290 млн⁴⁸⁸ человек; к 1661 году оно сократилось до 105 млн⁴⁸⁹. По официальным данным, площадь пахотных земель, составлявшая в конце эпохи Мин 7,0 млн цин, к 1661 году уменьшилась до 5,5 млн цин, но в реальности это уменьшение было значительно большим, так как в конце эпохи Мин насчитывалось много неучтенных земель (в начале Мин при более тщательном учете площадь пахотных земель составляла 8,5 млн цин)⁴⁹⁰.

* * *

Переходя к анализу истории Китая в эпоху Мин, необходимо отметить, что предыдущий цикл эпохи Юань завершился демографической катастрофой и социальной революцией. Большинство помещиков погибли, в правление Чжу Юаньчжана были произведены массовые конфискации земли и государственный земельный фонд достиг $\frac{2}{3}$ всей пашни. На государственных землях, по существу, была восстановлена наделная система эпохи Тан; в частном секторе преобладала мелкая крестьянская собственность. Ремесло и торговля были подчинены государственному контролю, в важнейших отраслях существовали государственные монополии. В целом социальная революция привела к установлению этатистской монархии с мощным государственным регулированием; Мао Цзэдун по праву считал Чжу Юаньчжана своим великим предшественником⁴⁹¹.

Цикл эпохи Мин во многом повторял демографические циклы времен Тан и Младшая Хань. До середины XV века продолжался *период восстановления*, мы наблюдаем такие характерные признаки, как относительно высокий уровень потребления, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы, незначительное развитие помещичьего землевладения, аренды и ростовщичества, ограниченное развитие городов и ремесел. С середины XV века появляются признаки сжатия: отсутствие доступных крестьянам свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень потребления, высокий уровень земельной ренты, частые голодные годы, частые эпидемии, разорение крестьян-собственников, рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества, распространение аренды, высокие цены на землю, рост крупного землевладения, уход части разоренных крестьян в города, попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей, быстрый рост городов, развитие ремесел и торговли, рост числа безработных и нищих, активизация народных движений под лозунгами уменьшения земельной ренты, налогов, передела собственности и социальной справедливости, попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, попытки увеличения продуктивности земель, переселенческое движение на окраины и развитие эмиграции, непропорциональный рост численности элиты, фрагментация элиты, борьба за статусные позиции в среде элиты, ослабление официальной идеологии и распространение диссидентских течений, обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом, попытки приватизации доходов, связанных со служебным положением, финансовый кризис государства, связанный с ростом цен и неплатежеспособностью населения.

Следует особо отметить, что сжатие приводит к росту коррупции и разложению государственного аппарата. Поскольку минский цикл начался в условиях преобладания государственной собственности, то разложение государства приводит к тому, что, с одной стороны, наделы на государственной земле начинают продаваться, а с другой стороны, государственный земельный фонд расхищается и превращается в частную собственность. По существу, происходит масштабная *«приватизация»* государственного сектора экономики (трансформация ВА_б). Подобная эволюция достаточно типична для обществ с государственной экономикой: она наблюдается также в эпоху Тан, во втором цикле эпохи Аббасидов, в Египте во времена римско-византийского господства.

В конечном счете сжатие привело к экосоциальному кризису. В 1630–1650-х годах мы наблюдаем голод, эпидемии, восстания и гражданские

войны, внешние войны, гибель больших масс населения, принимающую характер *демографической катастрофы*, брейкдаун — разрушение государства, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла и торговли, высокие цены на хлеб, гибель большого числа крупных собственников и перераспределение собственности. Можно говорить и о социальной революции, однако эта революция была подавлена классом собственников, действовавшим в союзе с завоевателями-маньчжурами. Таким образом, последовательность трансформаций на протяжении минского цикла можно выразить формулой BA_bA_c .

Основной проблемой, возникающей при анализе кризиса XVII века, является вопрос о масштабах демографической катастрофы. Противоречия в оценках численности населения в конце эпохи Мин порождают противоположные суждения о масштабах депопуляции. Так, Э.С. Кульпин, М. Хейдра, Ф. Моут считают, что уменьшение численности населения в середине XVII века было лишь небольшой флуктуацией на общем фоне демографического роста, что демографический цикл продолжался почти тысячелетие и закончился кризисом в XIX веке⁴⁹². Дж. Голдстоун также считает, что масштабы депопуляции были небольшими; напротив, К. Чао полагает, что численность населения уменьшилась в три раза⁴⁹³. По нашему мнению, ответ на этот вопрос дает общая методика исследования демографического цикла, разработанная М. Постановом. В соответствии с этой методикой в случае недостатка данных о численности населения используются данные о динамике цен и заработной платы: падение цен на зерно считается главным признаком демографической катастрофы⁴⁹⁴. Как отмечалось выше, в конце XVI века один дань стоил 1,25 ляна; после кризиса цена упала до 0,2–0,3 ляна, то есть в пять-шесть раз⁴⁹⁵. Это обстоятельство с очевидностью свидетельствует о резком, во всяком случае более чем двукратном, сокращении численности населения.

Как отмечает К. Чао, особенностью минского цикла истории Китая является его большая продолжительность⁴⁹⁶ — этот цикл длился два с половиной века. Если принять для начала эпохи Мин оценку численности населения в 60 млн человек, а для конца — оценку в 250 млн, то окажется, что население за этот период возросло в 4 раза; такой рост населения можно объяснить его низкой первоначальной численностью (результат демографической катастрофы середины XIV века) и расширением экологической ниши в результате интенсификации земледелия. Некоторую роль в продлении цикла сыграли промежуточные кризисы — внутренняя война 1399–1402 годов и восстания конца XV — начала XVI века; эти кризисы приводили к некоторому уменьшению численности населения и на время снижали демографическое давление. По мнению М. Ли, большое восстание 1509–1512 годов было настолько разрушительным, что

привело к падению числа зарегистрированных налогоплательщиков на $1/4$, с 61 до 46 млн⁴⁹⁷. Однако ван дер Шпренкель показал, что цифра 46 млн является результатом ошибок переписчиков, что в действительности численность налогоплательщиков практически не изменилась⁴⁹⁸. По нашему мнению, большая продолжительность цикла объясняется так же эффективной (несмотря на все недочеты) работой системы государственных зернохранилищ. «Не было ни одного года, даже во время смуты в конце династии, когда не оказывалась бы помощь населению», — говорит один из документов того времени⁴⁹⁹.

12.9. Империя Цин

Переходя к освещению истории следующей «пороховой империи», империи Цин, мы должны прежде всего отметить, что наиболее детальное исследование истории этого периода истории Китая в рамках демографически-структурной теории проведено известным российским востоковедом О.Е. Непомниным в монографии «История Китая. Эпоха Цин»⁵⁰⁰. Это позволяет нам ограничиться кратким обзором, отсылая более требовательного читателя к указанному фундаментальному труду.

Маньчжуры первоначально являлись одним из племен чжурчженей; они обитали в горных долинах к востоку от современного Шэньяна (Мукдена). Основным занятием чжурчженей (в отличие от монголов) было земледелие, и у них были укрепленные городки и многочисленные ремесленники (изготавливавшие, в частности, железные латы). Однако нехватка плодородных земель и суровый климат воспитали в чжурчженях характерные качества горцев, и они могли сравниться с жителями степей своей выносливостью и отвагой. Но в военно-техническом отношении маньчжуры не обладали преимуществами перед монголами или китайцами, и их победы объясняются другими факторами. Создатель маньчжурского государства Нурхацци сумел объединить чжурчженей главным образом благодаря идеологии примирения. «В то время, — говорит трактат «Маньчжоу шилу», — повсюду царила смута... Злодеи и разбойники размножались как пчелы, они называли себя ханами, бэйлэ, амбанями и гашанями»⁵⁰¹. Нурхацци старался привлечь на свою сторону страдавших от бесконечных смут старейшин и простой народ; старейшинами он обещал всевозможные почести, а простолюдинам — неприкосновенность жизни, имущества и снижение податей. «Пленных успокаивайте добрыми речами, делитесь с ними пищей и питьем, — гласил наказ для маньчжурских полководцев. — Тогда у народа не будет ни сомнений, ни страха, и к вам будут приходить толпами»⁵⁰².

Необходимым условием такой политики была четкая организация и строгая военная дисциплина, не допускавшая каких-либо насилий мань-

чжурских воинов над населением присоединяемых областей. Нурхацци заимствовал эти порядки из преданий о чжурчженьской империи Цзинь: он объединил маньчжуров в военные общины ниру, подобные цзиньским моукэ; ниру включала триста военнообязанных мужчин, причем треть из них ежегодно должна была выступать в поход, а остальные обеспечивали их снабжение. Пять ниру составляли полк, а пять полков — корпус «знамя». В 1616 году, объединив чжурчженьские племена, Нурхацци провозгласил себя ханом и назвал свое государство Поздняя Цзинь⁵⁰³. В 1619–1620 годах Нурхацци захватил китайскую провинцию Ляодун, и, таким образом, в состав маньчжурской империи вошло многочисленное китайское население. Поздняя Цзинь, так же как Ранняя Цзинь, стала китайизированным государством; как ее предшественница, она имела администрацию, устроенную по китайскому образцу, и среди чиновников первых ханов было много китайских шэньши⁵⁰⁴.

Политика примирения помогла маньчжурам привлечь на свою сторону восточных и южных монголов, которые добровольно присоединились к Цзинь. Монголы и частично китайцы были включены в состав «знамен», что намного увеличило силу маньчжурской армии. Монголы, как и прежде, составляли легкую конницу, основным оружием которой был мощный монгольский лук; маньчжуры сражались в тяжелой латной кавалерии, а китайцы — преимущественно в пехоте. После завоевания Ляодуна и походов в Корею (в 1627 и 1636 гг.) маньчжуры познакомились с огнестрельным оружием и завели пушки и отряды аркебузирова. Маньчжурские стрелки были вооружены корейскими фитильными аркебузами (чочхон), которые были в начале XVI века скопированы корейцами с португальских образцов. С 1631 года с помощью китайских мастеров была налажена отливка пушек фоланьцзы пао (которые также были старинного португальского образца). Военная тактика маньчжуров трансформировалась под воздействием китайской тактики Ци Цзигуана: в центре за укреплениями из щитов и рогаток находились пушки и пехота, на флангах и позади — кавалерия. Легкая кавалерия ложным отступлением побуждала противника атаковать центр, где он нес большие потери от огня пушек и аркебуз, а затем в дело вступала тяжелая конница⁵⁰⁵. Эта тактическая трансформация несла в себе важный новый элемент: решающий удар тяжелой маньчжурской кавалерии, сражавшейся в плотном строю, — этого элемента не хватало в китайской тактике, поскольку минская кавалерия была слабой.

После войн в Корее у маньчжуров появились также и тяжелые осадные орудия, которые позволили проламывать мощные стены китайских городов, — это важное обстоятельство облегчило им завоевание Китая. Наиболее существенным было, однако, то, что к моменту маньчжурского вторжения Китай находился в состоянии жестокой гражданской войны

и маньчжуры были приглашены вмешаться одной из воюющих сторон. Завоевание Китая осуществлялось в основном силами самих китайцев: войска У Сяньгуя, Шан Кэси и других вступивших в союз с маньчжурами китайских полководцев шли впереди маньчжурских знаменных войск, которые вмешивались лишь в том случае, если их китайские союзники не могли справиться с противником⁵⁰⁶. В присущем для них стиле маньчжуры сумели выступить в качестве «умиротворителей», несущих измученной стране покой и порядок. «Нашей целью было ликвидировать критическое положение, а не обогатиться за счет Китая, — гласил указ Шизцзу, провозгласившего себя первым императором династии Цин. — Гуны и ваны, высшие гражданские и военные чиновники, а также старейшие среди военных и народа просили нас вступить на престол, неоднократно умоляя об этом». Далее император обещал амнистию, уменьшение налогов, частичную отмену повинностей и долгов⁵⁰⁷. Маньчжурские войска, как правило, не совершали враждебных действий по отношению к не оказывавшему сопротивления населению. Еще в начале войны, в 1645 году, маньчжурское командование ввело смертную казнь за грабежи мирного населения⁵⁰⁸. В Северном Китае это обеспечило маньчжурам нейтралитет со стороны уставшего от воин простого народа. Однако на Юге, где маньчжуры столкнулись с массовым вооруженным сопротивлением, расправа над непокорным населением была жестокой⁵⁰⁹.

Маньчжуры с самого начала действовали в союзе с китайскими помещиками и обещали им, что после подавления крестьянских восстаний будут восстановлены порядки XVI века. Действительно, свод законов новой династии Цин в основном копировал законы эпохи Мин⁵¹⁰. Был провозглашен лозунг: «Маньчжуры и китайцы одно целое и между ними отсутствует неравенство»⁵¹¹. Сохранились минская административная система, министерства и ведомства; чиновники, присягнувшие Цин, были оставлены на своих местах. На одну министерскую должность обычно назначали сразу двух чиновников — маньчжура и китайца. Земли помещиков сохранились в неприкосновенности⁵¹².

Реально маньчжурское завоевание Китая привело к созданию нового сословного государства. Маньчжуры превратились в замкнутое привилегированное военное сословие, так называемые «восьмизнаменные войска». После завоевания Северного Китая было произведено массовое переселение маньчжуров в столичную провинцию Чжили. Каждый всадник получил поместье в 150 му (5–10 крестьянских участков); эти земли обрабатывали полученные при разделе пленных рабы. Рабы-оруженосцы сопровождали воина в поход. Князья и сановники — в том числе и служившие Цин китайские полководцы — имели сотни и тысячи рабов, которых в случае надобности призывали в войска. По маньчжурскому обычаю, после смерти хозяина рабы и наложницы должны были следовать

за ним в могилу — их отравляли ртутью и погребали вместе с их господином. Маньчжуры жили обособленно от китайцев, подчиняясь своим законам. Воин-маньчжур не мог породниться с китайцами, взяв в жены или наложницы китайку; ему было запрещено заниматься ремеслами и торговлей⁵¹³. Достигшие зрелости юноши сдавали экзамен на выучку, демонстрировали свое умение скакать верхом и стрелять из лука; характерно, что владению огнестрельным оружием маньчжуров не учили (аркебузы были оружием пехоты, которую комплектовали из китайцев)⁵¹⁴. После этого юношей зачисляли в роты и направляли в один из гарнизонов. Гарнизоны маньчжурских войск были размещены по всему Китаю, однако около половины из 200-тысячного войска постоянно пребывало в столице Даду (тепершний Пекин)⁵¹⁵.

В период завоевания главную роль в военных действиях играла маньчжурская и монгольская кавалерия; артиллерия еще не могла остановить атаку конницы. Однако в 1620-х годах в Европе появились легкие пушки, которые могли сопровождать пехоту в сражении, следуя в ее боевых порядках. Это было новое фундаментальное открытие, которое вызвало диффузионную волну и через некоторое время стало известно в Китае. Первые китайские пушки такого типа были отлиты в 1680 году под руководством миссионера Фердинанда Вербиста и назывались лун пао — «пушка-дракон»; это было орудие, весившее 14 пудов и стрелявшее ядрами в 1,5 фунта; оно могло стрелять также картечью и разрывными бомбами. Уже вскоре в китайских войсках были сотни таких пушек, и они стали тем новым оружием, которое резко изменило соотношение сил в борьбе между Китаем и кочевниками. Когда в 1690 году хан западных монголов (ойратов) Галдан предпринял попытку оторвать от союза с маньчжурами восточных монголов, маньчжуры с помощью новой артиллерии нанесли ойратам сокрушительное поражение. Характерно, что, сознавая нависшую над ними опасность, кочевники пытались завести собственные (довольно многочисленные) подразделения аркебузирова и артиллерию. Однако силы были неравны; Цинская «пороховая империя» расправилась с ойратами так же жестоко, как когда-то монголы расправлялись с населением Китая. В середине XVIII века непокорное ойратское ханство было завоевано цинами, и почти все его население было истреблено⁵¹⁶.

После основания империи Цин маньчжурские правители, до тех пор поклонявшиеся шаманам, объявили себя приверженцами конфуцианства. Однако поначалу племенная знать сохраняла свое могущество; главы восьми знатных родов входили в совет князей и сановников, который существенно ограничивал власть императора. Знать пользовалась наследственными привилегиями на занятие важнейших должностей, в том числе должностей наместников и военных губернаторов. В процессе социального синтеза императорская власть постепенно усиливалась и приобре-

тала абсолютный характер; в правление императора Юнчжэна (1723–1736) совет князей и сановников потерял былое значение. При Цянлуне (1736–1795) китайцы составляли уже около половины членов совета; китайцами были многие военные губернаторы. Влияние китайской культуры было настолько сильным, что маньчжурская знать была вынуждена давать своим детям конфуцианское образование⁵¹⁷.

Китайские чиновники, допущенные к отпращиванию должностей, происходили в основном из помещичьей среды. Экзаменационная система, с помощью которой производилось выдвижение чиновников, была до крайности коррумпированной, ученые степени получали благодаря протекции и взяткам; некоторые ученые титулы официально продавались и могли быть приобретены только состоятельными людьми. По данным, относящимся к 1748 году, 28 % вновь назначенных чиновников не сдавали экзаменов, а приобрели степень за деньги⁵¹⁸. Лица, сдавшие экзамены или купившие титул, составляли сословие шэньши и пользовались различными привилегиями. Верность китайских чиновников обеспечивалась их огромными доходами: чиновникам было разрешено собирать в свою пользу дополнительные налоги⁵¹⁹. Благодаря этим дополнительным сборам доход чиновника низшего ранга составлял около 5 тысяч лян⁵²⁰, то есть был равен доходу примерно ста крестьянских хозяйств. Это положение резко контрастировало с порядками времен Чжу Юаньчжана, когда доходы низших чиновников ненамного превосходили доходы крестьян. Политика завоевателей привела к формированию паразитической чиновничьей касты, верно служившей маньчжурам; стать чиновником и получать огромные доходы стало заветной мечтой многих образованных китайцев. Чиновничьих должностей было намного меньше, чем претендовавших на их шэньши; в конце XVIII века их было лишь 27 тыс., а количество шэньши исчислялось сотнями тысяч⁵²¹. Большинство шэньши, не получив постов, жили в своих поместьях, служили секретарями у чиновников, работали учителями в общинных школах, возглавляли общественные работы, руководили местными отрядами самообороны. Многие шэньши служили «наставниками» в системе «сельских собраний»: каждые две недели «наставники» собирали крестьян для проведения «воспитательных бесед», разъясняли постановления властей, обсуждали местные события, давали оценку «хорошим» и «плохим» поступкам сельчан (и регистрировали эти поступки)⁵²². Жизнь крестьян до мелочей регламентировалась системой «стодворок» и «десятидворок»; без разрешения старосты крестьянин не мог забить свинью или поехать на рынок⁵²³.

Маньчжуры заняли для поселения земли в столичной провинции; эти земли считались государственными и составляли примерно десятую часть всей пашни⁵²⁴. В остальных областях деревня оставалась во власти под-

держивавших Цин помещиков, хотя число их заметно уменьшилось: многие погибли во время войн и восстаний. Повсюду царил разруха, поля лежали пустыми, по дорогам бродили толпы беженцев. Многие беженцы, чтобы как-то прокормиться, шли в кабалу к маньчжурам и селились на их землях в качестве немногим отличавшихся от рабов наследственных арендаторов, тоучунженей⁵²⁵. Маньчжурские императоры, пытаясь навести порядок, из года в год оглашали декреты о расселении беженцев; им давали семена, быков и на шесть лет освобождали от налогов⁵²⁶. «В первые годы династии император направил цензоров для инспекции земельных угодий... отмены жестоких поборов династии Мин и запрещения избыточных требований корыстных чиновников, — утверждает официальная хроника. — Было проведено новое обследование урожайности земель и установлен соответствующий земельный налог... Политика была такая, чтобы крестьяне были накормлены и одеты...»⁵²⁷. По сравнению с концом эпохи Мин налоги были уменьшены и составляли в среднем 1 доу зерна и $\frac{1}{10}$ ляна серебра с 1 му. Помимо поземельного налога, существовал еще подушный налог, с 1723 года он взимался в качестве 10–20-процентной надбавки к поземельному налогу. После реформы 1723 года для каждого участка земли была определена фиксированная ставка налога, которая в дальнейшем уже не менялась⁵²⁸. В целом официальные налоги составляли примерно $\frac{1}{10}$ часть урожая, но были еще дополнительные сборы в пользу местных чиновников; в 1753 году эта надбавка составляла примерно 20 % к официальным налогам⁵²⁹.

Резкое уменьшение численности населения в середине XVII века привело к появлению свободных земель и к падению демографического давления. Это проявилось в снижении цен на зерно: по сравнению с концом XVI века цены уменьшились в пять-шесть раз и составляли 0,2–0,3 ляна за 1 дань⁵³¹. Начало XVIII столетия характеризуется в источниках как время относительного благополучия. «...Дожди и процветание были много лет, так что все зерно было собрано и люди в деревнях счастливы», — говорится в императорском указе 1708 года⁵³². В другом указе говорится о быстром росте населения: «Страна жила в мире в течение долгого времени, и население увеличивается день ото дня. Следовательно, поставка продовольствия постепенно становится недостаточной...»⁵³³. По оценке Чжоу Юаньхэ, за первую половину XVIII века численность населения возросла со 100 до 180 млн человек⁵³⁴, а площадь пашни в середине столетия составляла лишь 7,8 млн му — немногим больше, чем в конце эпохи Мин⁵³⁵. В 60–70-х годах XVIII века ежегодные доходы казны составляли 40 млн лян, две трети из них давал поземельно-подушный налог, а остальное — соляные и внутренние таможенные сборы. В переводе на зерно общий доход составлял примерно 50 млн даней — почти как в начале эпохи Мин (в 1390-х годах). Главной статьёй расходов (20 млн

лян) было содержание армии, 7 млн лян уходило на чиновничество и 5 млн. — на императорский двор⁵³⁶.

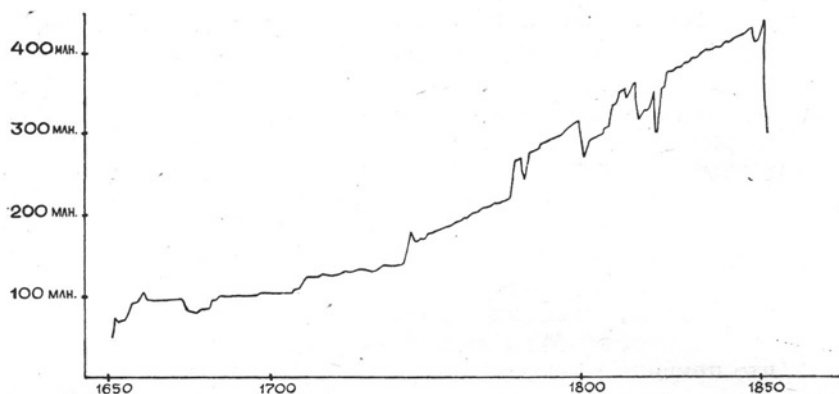

Рис. 27. Кривая численности населения Китая в XVII–XIX веках (реконструкция Чжоу Юаньхэ⁵³⁰). Скачкообразный рост показателей численности населения в 1740-х и 1770-х годах объясняется улучшением учета. Падение показателей в 1810-х и 1820-х годах объясняется отсутствием учета в областях, охваченных восстаниями

Цена на зерно к середине века возросла вдвое, до 0,6–0,7 ляна за 1 дань⁵³⁷; еще быстрее росли цены на землю: в 1730-х годах 1 му средней земли стоил 7–8 лян, а в 1780-х годах — 50–60 лян. Сведения относительно заработной платы сравнительно немногочисленны, известно, в частности, что помощник ткача в Сучжоу получал в середине века 5 цяней в месяц⁵³⁸, что эквивалентно поденной плате в 3,6 литра зерна в день.

Император Юнчжен⁵³⁹ проявлял сильную обеспокоенность быстрым ростом населения. «В течение долгого времени страна жила в мире и население быстро увеличилось, — говорится в указе 1723 года. — Поэтому урожаев едва хватает, чтобы обеспечить людей, и любой недостаток приведет к затруднениям и голоду... Единственно, чем правительство может помочь людям, — это освоение целинных земель»⁵⁴⁰. Указ разрешал крестьянам свободно, не спрашивая разрешения властей, занимать пустующие земли, а властям предписывалось давать поселенцам волов и семена. Правительство возлагало большие надежды на развитие рисосеяния на севере Китая, в столичной провинции Чжили, однако природные условия севера оказались неподходящими для риса, и посадки не прижились⁵⁴¹. В 1740 году местным властям было предписано содействовать крестьянам в террасировании холмов и освоении неудобных земель⁵⁴², однако исследователи полагают, что все эти меры были по большей части

декларативными⁵⁴³. Более того, источники свидетельствуют, что ирригационной системе не уделялось должного внимания, что многие оросительные каналы были засорены илом и обмелели⁵⁴⁴. Правительство не занималось развитием ирригации, возложив эти обязанности на местные власти⁵⁴⁵. При этом население продолжало расти — к 1800 году его численность приблизилась к 300 млн⁵⁴⁶. Французский историк М. Картье пишет, что, «принимая во внимание отсутствие какой бы то ни было промышленной или сельскохозяйственной революции... огромный прирост населения в XVIII веке представляет для демографов настоящую загадку»⁵⁴⁷.

Действительной причиной прогресса сельского хозяйства (и следовательно, роста населения) было совершенствование агротехники: распространение кукурузы, батата, арахиса, скороспелых сортов риса. В XVIII веке успехи стихийной крестьянской селекции привели к появлению риса, вызревавшего через сорок дней после высадки рассады — на десять дней раньше, чем прежде. Это дало возможность значительно расширить практику двухразовых посевов и увеличить урожай. Кроме того, огромное значение имела интенсификация труда: пахота с использованием волов постепенно заменялась ручной вспашкой, когда тщательно обрабатывался каждый кустик риса⁵⁴⁸. Китайская технология возделывания риса требовала в десятки раз больших затрат труда, чем технология выращивания пшеницы в Европе⁵⁴⁹; в то же время она была примерно в десять раз более продуктивной. В низовьях Янцзы 1 му земли, средней по качеству, давал в двух урожаях примерно 800 цзинеи риса⁵⁵⁰, то есть 1 гектар давал 79 центнеров в год; в Европе при трехпольной системе урожайность редко превышала 10 ц/га⁵⁵¹, то есть 1 гектар давал около 7 центнеров в год. К XIX веку возделывание риса превратилось в сложный технологический процесс, рассада выращивалась в специальных питомниках с регулируемым микроклиматом; оросительные системы поддерживали водный режим на затопленных полях, для борьбы с водорослями разводили карпов, а экскременты животных и людей считались драгоценным удобрением. К началу XIX века были сведены последние леса, и китайский пейзаж принял современный облик: голая равнина и голые безлесные холмы, где каждый метр склона занят под посевы кукурузы, а все плоские участки разделены на клетки рисовых полей⁵⁵².

Рост численности населения приводил к дроблению крестьянских участков и разорению крестьян. Уже в начале XVIII века обследование нескольких провинций показало, что лишь 30–40 % крестьян имеют свою землю, остальные вынуждены арендовать ее у помещиков; при этом многие крестьяне-собственники хозяйствовали на карликовых участках в 8–10 му⁵⁵³. В середине XVIII века положение ухудшилось, губернатор Хунани докладывал императору, что «ныне богатым дворам принадлежит

уже пять-шесть десятых всех земель и те, кто раньше владел землей, теперь стали арендаторами»⁵⁵⁴. Деревню заполнили массы безземельных батраков, готовых работать за скудную похлебку. Дешевизна рабочей силы привела к падению цен на рабов; в 70-х годах XVIII века раб стоил в среднем 10 лян серебра, почти вдвое меньше, чем в прошлом веке⁵⁵⁵. В то же время месячное пропитание раба ($\frac{1}{2}$ даня риса) стоило 5 цяней, а рабочего можно было нанять за 6 цяней в месяц (10 цяней равны 1 ляну)⁵⁵⁶. Очевидно, что рабство стало невыгодным⁵⁵⁷; маньчжуры за выкуп отпускали своих рабов и сдавали поля в аренду.

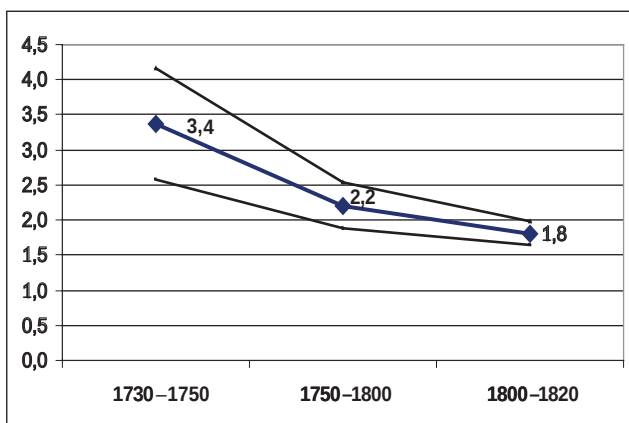

Рис. 28. Поденная плата в эпоху Цин (в пересчете на литры риса). График составлен на основе данных, приведенных в книге К. Чао⁵⁶⁰ (с учетом хозяйских харчей). Поскольку имеется значительный разброс данных, то помимо средних значений приведены границы 90-процентного доверительного интервала (верхняя и нижняя кривые)

Уменьшились и поместья маньчжурских воинов; привыкнув к расточительности, они влезали в долги, разорялись и продавали свои земли ростовщикам, хотя такие продажи были запрещены законом, и правительство иногда пыталось выкупить эти поместья. К середине XVIII века маньчжурские солдаты лишились половины своих земель; многие из них жили на выдаваемые казной пайки⁵⁵⁸. Солдаты получали ссуды на приобретение оружия, но они часто использовались не по назначению, и некоторые воины не имели доспехов. Вместе с тем вырванные из своей природной среды маньчжуры и монголы быстро утрачивали свои военные навыки. К началу XIX века значительно уменьшилась сила используемых маньчжурами луков: если в XVII веке упоминались луки с натяжением до 8 ли (44,2 кг), то теперь пехотинцы используют луки с натяжением в 5 ли (27,6 кг), а кавалеристы — только 3 ли (16,6 кг). Большую часть кавалерии в XIX веке выставляли уже не маньчжуры, а китайцы. Армия постепенно

китаизировалась, в начале XIX века численность китайских контингентов, входивших в «Зеленое знамя», достигала 650 тыс., что примерно вдвое превосходило остальные «знаменные войска». Аркебузиры по-прежнему составляли менее половины всех пехотинцев. При этом огнестрельное оружие практически не совершенствовалось: на вооружении находились те же аркебузы и пушки, что и в XVII столетии⁵⁵⁹.

Возвращаясь к положению в деревне, нужно отметить, что малоземелье заставляло крестьян искать неземледельческие способы заработка. Современник свидетельствует, что в сельской местности «из каждой десяти семей восемь-девять занимаются ручным прядением и ткачеством»⁵⁶¹. Распространялось и профессиональное ремесло, использующее станки: в районе Шанхая 200 тысяч ткачей изготавливали хлопчатобумажные ткани, а в районе Сучжоу половина крестьянских дворов занималась выделкой шелка⁵⁶². Многие «лишние люди» уходили в города, которые снова разрослись до размеров эпохи Мин. Население старинного шелкового центра Сучжоу достигло одного миллиона⁵⁶³, однако Сучжоу был вынужден уступить славу «шелковой столицы» Нанкину; большие шелковые мануфактуры Нанкина имели по 500–600 рабочих. Поднялся из руин «фарфоровый город» Цзиндэчжэнь; хотя фарфоровое производство восстановилось не полностью, в Цзиндэчжэне насчитывалось несколько сот тысяч ремесленников-гончаров. Более миллиона жителей насчитывалось в Ханчжоу и Фошаньчжэне; крупнейшим портом, «воротами Китая» был Гуанчжоу. Ремесленники, проживавшие в городах, объединялись в цехи-ханы, устанавливавшие цены и правила торговли; для вступления в цех требовался трехмесячный стаж ученичества⁵⁶⁴. Как в эпоху Мин, при Цинах существовало много казенных мануфактур; частные предприятия жестко регламентировались, облагались высоким налогом и часто были вынуждены сдавать часть своей продукции государству по фиксированным ценам. Регламентации подлежала и частная торговля, повсюду стояли таможи, а цены на рынках контролировались особыми уполномоченными. Горные разработки и соляной промысел были государственной монополией, сдававшейся на откуп частным предпринимателям. Соляные откупщики были влиятельной кастой, напоминавшей французских откупщиков «габели»; они в больших масштабах занимались ростовщичеством, и их дома напоминали дворцы⁵⁶⁵. Другой государственной монополией, сдававшейся на откуп, была монополия внешней торговли. С середины XVIII века внешняя торговля была сосредоточена в Гуанчжоу, где ей занималась казенная купеческая гильдия гунхан. Прикрытый мощными фортами порт Гуанчжоу был единственными воротами в Китай, местом, где цивилизация Востока соприкасалась с цивилизацией Запада. Первые португальские корабли появились у Гуанчжоу еще в 1516 году, вслед за португальцами, в XVII веке, у берегов Китая

появились голландцы и англичане, но лишь в эпоху Цин торговля с Европой приобрела значительные размеры. В середине XVIII века главным товаром китайского экспорта был шелк, стоимость вывезенного шелка достигала 1 млн лян в год⁵⁶⁶. В 1784 году Англия резко снизила таможенные пошлины на чай, с этого времени начался «чайный бум»; за двадцать лет английские закупки в Китае увеличились в четыре раза, достигнув 7,5 млн лян⁵⁶⁷.

К началу XIX века численность населения Китая достигла 300 млн человек. За вторую половину XVIII столетия цены на рис возросли с 6–7 до 30–40 цяней за 1 дань, то есть в 5–6 раз⁵⁶⁸. Заработная плата тоже возросла, но в меньшей степени; дневная зарплата в зерновом исчислении составляла около 2 литров зерна; этого едва хватало на пропитание. Таким образом, реальная заработная плата за полвека уменьшилась в полтора раза и приблизилась к голодному минимуму.

Одновременно с уменьшением потребления замедлялся рост населения. В 1753–1812 годах естественный прирост составлял 1,15 %, а в 1812–1850 годах — 0,47 %. Данные о китайском населении Ляонина говорят о том, что средняя продолжительность жизни снизилась с 43 лет в 1798–1801 годах до 33 лет в 1837–1840 году⁵⁶⁹. Отмечается также распространение практики убийства новорожденных девочек, причем исследователи напрямую связывают это явление с падением уровня жизни⁵⁷⁰. Безземельные крестьяне искали заработка в городах, и в то время как рост населения в целом замедлялся, темпы роста населения городов росли⁵⁷¹.

Правительство было хорошо осведомлено о происходящих в стране процессах и понимало их причины. Высокопоставленные чиновники в один голос утверждали: «Население растет, и сто бед происходят прежде всего от того, что население слишком велико»⁵⁷². Даже сам император Цяньлун сетовал, что «не хватает места на полях для домов, а между теми, кто тянет двор и едоками образуется диспропорция не в пользу кормильцев»⁵⁷³. В 1793 году сановник Хун Лянцзи представил двору трактат с предупреждением о грядущих бедствиях. «Количество земли и жилья может увеличиться в 2 раза, в крайнем случае в 3–5 раз, в то время как население возрастет в 10 или в 20 раз... — писал Хун Лянцзи. — Знает ли природа средства от перенаселения? Наводнения и засухи, болезни и эпидемии — вот что предлагает нам природа в качестве лекарства...»⁵⁷⁴. Китайский сановник говорил о грядущем наступлении голода и предупреждал, что многие не согласятся тихо умирать на дорогах, что в конце концов начнутся восстания⁵⁷⁵.

Позднее, в XX веке, европейские социологи называли Хун Лянцзи «китайским Мальтусом». Однако в отличие от Мальтуса Хун Лянцзи просто описывал то, что видел своими глазами, и справедливость его предупреждений была понятна каждому. Голод и эпидемии были повсе-

местным явлением, города были переполнены беженцами и нищими, которые спали прямо на улицах. После морозной ночи 1 февраля 1796 года на улицах Пекина было подобрано 8 тысяч замерзших нищих⁵⁷⁶. Однако за рассуждениями о грядущих бедствиях не следовало никаких дел. Еще в середине XVIII века один из высших сановников Цяньлуна предлагал ограничить земли помещиков максимальными размерами в 30 цин, а излишки раздать беднякам. Предложение было отвергнуто как «нереальное»⁵⁷⁷. В конце правления Цяньлуна действительная власть находилась в руках временщика Хэшеня, которого не интересовало ничего, кроме личного обогащения. Хэшень открыто грабил казну, его сокровища превосходили доход государства за восемь лет⁵⁷⁸.

В 1796 году пророчество Хун Лянцзи стало сбываться: на востоке страны началось большое крестьянское восстание, которое охватило шесть провинций и продолжалось девять лет. Поднявшая крестьян на восстание секта «Белый лотос» проповедовала уравнивание имуществ; повстанцы убивали всех маньчжуров и помещиков. Решимость восставших была такова, что, уходя в повстанческую армию, они сжигали свои дома. Маньчжурские войска потерпели несколько поражений, и правительство было вынуждено прибегнуть к помощи местных ополчений, сформированных помещиками и шэньши. Каратели применяли «тактику выжженной земли»; при подавлении восстания погибло несколько сот тысяч человек⁵⁷⁹.

Восстание не привело к переменам в государственной политике — наоборот, оно ускорило разложение государства. Если при Цяньлуне правительство до какой-то степени контролировало местные власти, то теперь дела управления были оставлены на произвол судьбы. К 1820-м годам коррупция и воровство достигли небывалых размеров. Один из цензоров, проверявший сметы работ по укреплению дамб на Хуанхэ, с удивлением отмечал, что было разворовано лишь $\frac{3}{5}$ отпущенных средств — обычно крали больше⁵⁸⁰. Деревня была отдана на произвол местных властей, помещиков и шэньши. Дополнительные сборы с крестьян многократно возросли, причем центральные власти даже не знали их объемов. Северные провинции, обеспечивавшие хлебом столицу, должны были в счет налогов поставлять 4 млн даней зерна, в действительности чиновники собирали 14 млн даней⁵⁸¹. У крестьян вымогали деньги под любыми предлогами. При сдаче налога зерном устанавливались дополнительные сборы за обмер зерна и его прием, за составление квитанции, на «чай и фрукты», сборы в пользу смотрителя, стражника, на ремонт амбара, на «усушку», за транспортировку, за то, чтобы поставить печать на квитанции, за свечи и т. д. Если крестьянин пытался возражать, то его обвиняли в отказе платить налоги, угрожали судом и требовали взятку, чтобы замять дело. Уездный суд был местом, к которому крестьяне боялись приблизиться; всякое разбирательство превращалось для них в сплошную цепь

вымогательств; семьи, рискнувшие обратиться в суд, обычно разорялись еще до окончания дела. Полиция при любом обращении прежде всего требовала «подъемных», но в действительности вовсе не занималась расследованием дел. Обычной практикой был сговор полиции с грабителями и бандитами, которые регулярно платили полицейским чинам «отступное»⁵⁸². Армия не могла и не желала бороться с разбойниками; воровство среди офицеров дошло до того, что солдаты получали довольствие гнилым зерном. Многие солдаты и офицеры курили опиум; нередко они вступали в сговор с разбойниками и под видом карательных операций грабили мирное население⁵⁸³.

Произвол властей не распространялся на местных шэньши — поскольку их защищали привилегии этого сословия. Император Цзяцин (1796–1820) отмечал, что «северные шэньши и «большие дома» отказываются платить налоги и сборщики не смеют даже приходить к ним...»⁵⁸⁴. Недоимки «злостных шэньши» разверстывались на окрестных крестьян. Более того, даже не служившие шэньши в знак уважения к ним властей получали свою долю собираемых чиновниками дополнительных сборов⁵⁸⁵. Многие «злостные шэньши» были помещиками, «местными магнатами»; они возглавляли «большие дома» и «богатые семьи». В южных провинциях 70–80 % крестьян были арендаторами на землях помещиков⁵⁸⁶. Как отмечают специалисты, это была «кабальная голодная аренда»⁵⁸⁷. При заключении арендного договора с крестьянина требовали залог в размере годового урожая с участка, что сразу же делало его кабальным должником ростовщика-помещика. Помещики и их управляющие часто измеряли рис в «арендных ху», по своему произволу увеличивая объем арендной платы. Еще хуже было положение батраков: обычная оплата батрака составляла около 10 тысяч вэней в год⁵⁸⁸ — при цене риса в 3000 вэней за дань⁵⁸⁹ это составляло 1,2 литра зерна в день; даже с учетом хозяйских харчей эта плата была чрезвычайно низкой. Батраки не имели возможности жениться и обзавестись семьей, по существу, они находились в кабале у хозяев⁵⁹⁰. По цинским законам, арендатор, не уплативший положенное, подлежал телесному наказанию с последующим взысканием задолженности. «Местные магнаты» держали стражников, имели свои тюрьмы, творили над арендаторами и должниками свой суд (хотя формально это было запрещено). В случае провинности арендаторов секли плетью, их жен и дочерей превращали в помещичьих рабынь и наложниц. На случай бунта бедняков существовали отряды сельской милиции, которыми командовали те же помещики; таким образом, «местные магнаты» держали в руках всю округу⁵⁹¹.

В 1825 году численность населения достигла 370 миллионов. В низовьях Янцзы люди жили на воде; 35 тысяч джонок ежедневно уходили на рыбную ловлю, и обитавшие на них рыбаки, по словам современника, не

умели ходить по суше⁵⁹². Разорение крестьян дошло до такой степени, что в некоторых районах помещикам принадлежало $\frac{9}{10}$ земли, а все имущество земледельцев было заложено и перезаложено. «Если вся одежда и утварь были проданы, то закладывали землю и орудия труда, — свидетельствует современник. — Если не было земли и орудий, то продавали скот, если не было уже вещей, то продавали детей, и так шло, пока все не кончалось»⁵⁹³. «Из каждых десяти дворов трудно найти хотя бы два-три, где бы люди не стонали от голода и холода и могли бы свести концы с концами к началу нового года»⁵⁹⁴. Были случаи, когда крестьянин шел на казнь вместо совершившего преступника помещика, чтобы его семья получила клочок земли. Деревня была переполнена безработными батраками. Ученый Гун Цзычжень писал, что безработные «составляют около половины населения... Богатые дворы стали бедными, бедные — голодными. Образованные шэньши мечутся туда-сюда, но все бесполезно, поскольку все обнищали. Китай на пороге потрясений...»⁵⁹⁵.

Если во времена кризисов в конце Хань, Сун и Мин «честные чиновники» пытались что-то предпринять и выступали с проектами уравнительного передела земель, то теперь они признавали, что «все бесполезно». Голод и эпидемии были постоянным явлением. В 1821–1823 годах в Пекине три раза вспыхивала эпидемия холеры. По рассказам очевидцев, из каждых девяти ворот столицы каждый день вывозили до 800 трупов⁵⁹⁶. В 1831 году низовья Янцзы жестоко пострадали от сильного наводнения. Из всех провинции постоянно докладывали о стихийных бедствиях, наводнениях, неурожаях, голоде. Не все из этих сообщений были достоверными: дело в том, что в 1820-х годах аграрный кризис достиг такой остроты, что крестьяне уже не могли платить налоги, и в оправдание недоимок провинциальные власти «придумывали» наводнения и неурожай⁵⁹⁷. В 1830 году недоимки по налогам достигли 30 млн лян; правительство «простило» эти недоимки, но они снова стали копиться и через девять лет достигли 39 млн лян⁵⁹⁸.

И без того тяжелое экономическое положение Китая усугублялось в результате торговой экспансии европейских держав. Поначалу, во времена «чайного бума», англичанам приходилось расплачиваться за китайские товары серебром; это привело к удешевлению серебра в Китае — к «революции цен», подобной той, которая сопровождала приход европейских купцов в Индию. Как отмечалось выше, в конце XVIII — начале XIX века цены на рис значительно возросли, возросла и заработная плата — но намного меньше. В конце концов, англичане нашли способ оплатить свои расходы в Китае. Не останавливаясь ни перед чем ради прибыли, английская Ост-индская компания развернула широкую торговлю наркотиками; производившийся в Индии опиум стал главным товаром, который поставляли англичане на рынки Китая. Торговля опиумом была

запрещена китайскими законами, но цинское правительство находилось на крайней степени разложения и практически уже не контролировало таможни. Английские купцы платили таможенникам огромные взятки, и корабли с опиумом беспрепятственно разгружались в порту Гуанчжоу. Когда в 1839 году китайские власти предприняли-таки попытку прекратить эту торговлю, Англия объявила войну Китаю.

Таблица 12

Население и площадь пахотных земель в Китае⁵⁹⁹.

Год	Площадь пашни, млн цин	Население, млн человек	Площадь пашни на душу населения, му
1661	5,5	105,3	5,2
1675	6,1	101,7	6
1724	7,2	130,6	5,5
1753	7,8	183,7	4,3
1766	7,8	208,1	3,8
1812	7,9	361,6	2,2
1833	7,4	398,9	1,9
1850	7,7	432,2	1,8

Таблица составлена по: *Коротаяев А.В. Комарова Н.А., Халтурина Д.А.* Законы истории: вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. М., 2006. С. 88–95.

В ходе этой первой опиумной войны (1840–1842) выявилось не только падение боеспособности китайской армии, но и огромное техническое превосходство европейцев. Как отмечалось выше, конструкция китайских пушек и аркебуз не претерпела существенных изменений с XVII века. Между тем в Европе произошла новая военно-техническая революция, и английские пушки 1830-х годов намного превосходили своей мощностью маньчжурскую артиллерию. Цинские войска были разбиты в нескольких сражениях, и пекинское правительство был вынужден легализовать торговлю опиумом. Обороты этой торговли были таковы, что всех товаров Китая не хватало для оплаты наркотиков; началась утечка из страны серебра; в 1830-х годах она приняла огромные масштабы. В результате серебряную инфляцию сменила дефляция; в 1830–1850-х годах цены на рис упали вдвое, соответственно возрос курс лян по отношению к разменной медной монете. В действительности на рынках ходила в основном медная монета, и в медной монете цена зерна почти не менялась⁶⁰⁰. Однако налоги собирались в условном серебряном исчислении, и рост курса серебра на практике привел к двойному увеличению налогов. «Раньше денег, вырученных от продажи трех доу риса, хватало на уплату налогов с одного му земли, да еще и оставалось, а теперь после

продажи 6 доу риса не хватает на налоги...» — свидетельствует современник⁶⁰¹.

Рост налогов еще более ухудшил и без того тяжелое положение в деревне. В отсутствие запасов зерна любой неурожай, любое стихийное бедствие приводили к голоду. В 1849 году от голода в бассейне Янцзы погибли 1,4 млн человек⁶⁰². Голод поднимал крестьян на восстания, в исторической хронике «Дунхуалу» с 1841 по 1849 год было зарегистрировано 110 восстаний в различных провинциях страны⁶⁰³. В конце концов, восстания переросли в революцию тайпинов. Вождем революции стал Хун Сюцюань — бедный деревенский учитель, случайно познакомившийся с миссионерами в Кантоне и принявший христианство. Он семь лет бродил по дорогам Южного Китая, проповедуя, что «вся Поднебесная — одна семья, все люди братья» и «повсюду должно быть полное равенство»⁶⁰⁴. В июле 1850 года он собрал у горы Цзиньтянь 20 тысяч верующих и провозгласил создание «Тайпин тянго» — «Небесного государства всеобщего равенства и благоденствия». Голодающие крестьяне толпами присоединялись к тайпинам, и их поход на Янцзы напоминал движение лавины; когда тайпины пришли к южной столице, Нанкину, их было уже больше миллиона. В марте 1853 года тайпины взяли Нанкин и создали в долине Янцзы большое государство, просуществовавшее десять лет. На территории, подвластной тайпинам, была упразднена помещичья собственность, крестьяне объединялись в коммуны по 25 семей с общей «священной кладовой» и церковью⁶⁰⁵.

Европейские державы воспользовались гражданской войной в Китае, чтобы полностью открыть страну для опиумной торговли. Волна завоеваний, порожденная новой европейской военно-технической революцией, достигла Дальнего Востока, и в сентябре 1860 года англо-французские войска овладели Пекином. Цинское правительство приняло все условия европейцев — и получило за это европейское оружие для борьбы с тайпинами. В 1864 году тайпины были разгромлены вооруженной европейскими пушками «непобедимой армией», таким образом, подавление крестьянской революции в конечном счете стало результатом новых перемен в военно-технической сфере.

Восстания и войны середины XIX века унесли жизни около 120 миллионов человек⁶⁰⁶ — это была одна из самых страшных катастроф, когда-либо происходивших на земле. Характерно, однако, что наибольшие потери причинили не военные действия, а сопровождавшие их голод и эпидемии. Летом 1855 года Хуанхэ прорвала давно не ремонтировавшиеся дамбы и, уничтожая все на своем пути, нашла себе новую дорогу к морю севернее Шаньдуна. Эта гигантская катастрофа привела к гибели семи миллионов человек. Уже после войны, в 1877–1878 годах на Севере разразился страшный голод, унесший жизни примерно десяти миллионов человек⁶⁰⁷. «Поля

заброшены, повсюду виднеются кости, не курятся дымки в очагах, — писал современник. — Немногие оставшиеся в живых днем собирают дикие травы, чтобы утолить голод, ночью — спят на голой земле»⁶⁰⁸.

Китай вступил в новый период своей истории.

* * *

Переходя к анализу истории Китая в период Цин, необходимо отметить, что роль перенаселения как ведущего фактора социально-экономического развития, признается очень многими специалистами, изучавшими этот период. Среди отечественных исследований, освещающих роль этого фактора, мы можем отметить цитировавшиеся выше работы А.Д. Дикарева, В.П. Илюшечкина, М.В. Крюкова, О.Е. Непомнина, Н.И. Тяпкиной, А.Н. Хохлова, среди китайских — прежде всего работу Чжоу Юаньхэ⁶⁰⁹. Для Э.С. Кульпина и А.С. Мугрузина цинский цикл послужил основной моделью для разрабатываемой этими авторами циклической теории; в последнее время ссылки на эту теорию появляются и в учебных пособиях⁶¹⁰.

Однако появляются также отдельные работы, авторы которых подвергают критике сложившиеся представления о роли перенаселения в цинском цикле. Аргументация авторов этих работ тщательно проанализирована в исследовании А.В. Коротаева, Н.А. Комаровой и Д.Н. Халтуриной и признана в целом несостоятельной⁶¹¹. Таким образом, традиционная точка зрения получила убедительное подтверждение.

Обилие материала и степень изученности проблемы позволяют нам ограничиться минимальным комментарием.

Маньчжурское нашествие было очередным завоеванием Китая варварами, и история империи Цин с необходимостью началась с *синтеза* маньчжурских и китайских социальных традиций. В данном случае синтез был облегчен тем обстоятельством, что маньчжуры с самого начала выступали в роли союзников китайских помещиков в развернувшейся в XVII веке гражданской войне. Таким образом, власть маньчжуров была вместе с тем властью китайских помещиков и, в отличие от предыдущего цикла помещичья собственность была сохранена и преобладала уже в начале эпохи Цин. Господство помещиков проявлялось в том, что местное чиновничество формировалось из помещиков, и в том, что чиновники собирали дополнительные налоги в размерах, не ограниченных центром (в дальнейшем эти налоги делились между чиновниками-помещиками). С другой стороны, власть завоевателей подразумевала высокий уровень центральных налогов. Все эти факторы изначально сужали экологическую нишу китайского этноса. Однако несмотря на эти обстоятельства, считается, что численность населения в цинском цикле значительно превысила соответствующие показатели предшествующего цикла (хотя в действительности мы не знаем, какова была численность населения в эпоху Мин).

Это увеличение населенности можно объяснить усовершенствованием технологии возделывания риса, распространением кукурузы и батата, а также окончательным переходом к мотыжному земледелию, когда все пастбища были отданы под пашни и каждому кусту риса уделялось особое внимание. Однако в отличие от предыдущего периода правительство не играло активной роли в подъеме сельского хозяйства; у нас нет данных о крупном ирригационном строительстве. Власть Цинов изначально была ограничена властью помещиков — и поэтому она была слабой. При Цинах не было «чистых чиновников», которые бы требовали реформ; все рассуждения о будущем сводились к печальной констатации фактов.

В целом можно считать, что *период восстановления* продолжался с 80-х годов XVII века до середины XVIII века. Для этого периода характерны: относительно высокий уровень потребления основной массы населения, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, низкие цены на землю, дороговизна рабочей силы, ограниченное развитие городов и ремесел, внутривластная стабильность. С середины XVIII века начинается сжатие, мы отмечаем отсутствие доступных крестьянам свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления, высокий уровень земельной ренты, частые голодные годы, частые эпидемии, разорение крестьян-собственников, рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества, распространение аренды, высокие цены на землю, рост крупного землевладения, уход части разоренных крестьян в города, попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей, быстрый рост городов, развитие ремесел и торговли, рост числа безработных и нищих, активизация народных движений под лозунгами уменьшения земельной ренты, налогов, передела собственности и социальной справедливости, попытки увеличения продуктивности земель, непропорциональный (относительно численности населения) рост численности элиты, фрагментация элиты, борьба за статусные позиции в среде элиты, ослабление официальной идеологии и распространение диссидентских течений, обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом, попытки приватизации доходов, связанных со служебным положением, попытки оппозиционных государству фракций элиты поднять народ на восстание или их присоединение к народным восстаниям, финансовый кризис государства, связанный с ростом цен и неплатежеспособностью населения.

В середине XIX века разразился *экосоциальный кризис*: голод, эпидемии, гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы, государственное банкротство, потеря административной управляемости, широкомасштабные восстания и гражданские

войны, брейкдаун — разрушение государства, внешние войны, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла, упадок торговли, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности.

Восставшие крестьяне создали свое государство «Тайпин тянго», в котором помещичьи земли подверглись конфискации и в широких масштабах применялось государственное регулирование. Таким образом, на свет родилась новая этатистская монархия, однако она оказалась недолговечной, крестьянское государство было уничтожено маньчжурами при помощи западных держав, снабдивших правительственные армии европейским оружием, винтовками и нарезными пушками.

В конечном счете кризис не принес социальной трансформации, и империя Цин сохранила форму феодальной монархии со значительным развитием частнособственнических отношений.

* * *

Подводя итоги анализа исторического процесса в «эпоху пороховых империй», необходимо отметить, что «пороховая революция» кардинальным образом изменила соотношение сил между земледельческими и кочевыми обществами. Нашествия кочевников ушли в прошлое, и в итоге мы видим более четкую картину демографических циклов, завершающихся экосоциальными кризисами.

Эпоха пороха началась с создания огнестрельного оружия, которое на Востоке стало в первую очередь оружием турок-османов и вызвало волну османских завоеваний, а также диффузию османских инноваций. Османская империя была этатистской монархией, обязанной своим рождением синтезу византийских и персидских этатистских традиций с кочевыми традициями тюрок. Диффузионная волна привела к распространению османского этатизма на весь Ближний и Средний Восток и к созданию еще двух этатистских империй, державы Сефевидов и государства Великих Моголов. Четвертая этатистская монархия, империя Мин, появилась в результате социальной революции, совместившейся с освободительной борьбой (то есть традиционалистской реакцией) против монгольских завоевателей. Таким образом, «эпоха пороха» в Азии началась торжеством этатистских монархий, которые и обеспечили условия для роста населения, то есть для начала новых демографических циклов. Однако исход этих циклов был различным.

В Османской империи сжатие привело к развитию коррупции в государственном аппарате и появлению частных поместий, однако в сравнительно небольших масштабах. Главную роль сыграл внутриэлитный кризис, вызванный недостатком ресурсов у элиты и государства; он привел к выступлению низших слоев военного сословия, демобилизованных

наемников-левендов, исключенных из списков сипахи, а затем и янычар, которые после кризиса превратились в наемников и перед которыми тоже стояла угроза сокращения. При этом низы военного сословия пополнялись за счет разорившихся крестьян, и движение, таким образом, отчасти приобретало крестьянский характер. Особый отряд повстанцев составляли кочевники, которые выступали под знаменем кочевой реакции и в итоге установили свое фактическое господство во многих районах Анатолии. Однако в целом этатистской монархии удалось пережить экосоциальный кризис и после длительной борьбы она была восстановлена Мехмед-пашой Кёпрюлю.

В Персии разложение этатистской монархии происходило сверху — от господства коррупции до «приватизации» должностей и служебных пожалований, ставших наследственными. С другой стороны, финансовый кризис привел к увеличению налогов на суннитов и, кроме того, на кочевников, что вызвало раскол элиты и восстание кочевников, которые едва не завоевали полуразвалившееся государство. Обстановка хаоса породила этатистскую диктатуру Надир-шаха, но она оказалось нестабильной, и в конечном счете власть перешла к племенным вождям. В итоге в XVII веке в Персии вновь воцарился кочевой феодализм, и начался новый интерцикл, подобный интерциклу XIV века.

В империи Великих Моголов разложение было на некоторое время задержано попытками централизации при Аурангзебе. Однако симптомы кризиса были те же, что и в Персии: финансовый кризис привел к увеличению налогов на иноверцев (в данном случае — индусов), что привело к националистическим и религиозным восстаниям. Следующим этапом был раскол мусульманской элиты и разложение системы управления, но приватизация должностей (наподобие персидской) сочеталась в Индии с наследственными откупам, характерными для второго османского цикла. Существенно, что кризис сопровождался крестьянскими восстаниями, которые, правда, не имели всеобщего характера, но были весьма интенсивными. Кризис осложнился вмешательством персов, афганцев и англичан, и в конечном итоге разорение страны продолжалось до конца XVIII века.

В империи Мин сжатие привело прежде всего к развитию частной собственности, к формированию крупного помещичьего землевладения. В роли помещиков часто выступали местные чиновниками, которые таким образом реализовали выгоды своего служебного положения. Такое развитие событий привело к разложению административного аппарата на местах, а затем коррупция распространилась вверх и привела к борьбе различных чиновничьих партий, то есть к расколу элиты. Главную роль в кризисе сыграло мощное крестьянское восстание, направленное прежде всего против помещиков. Помещичьей партии удалось справиться с вос-

станием лишь с помощью маньчжуров, которые создали новое государство, имевшее сословный характер, но сохранившее власть помещиков-чиновников в деревне.

Таким образом, первая после «пороховой революции» серия демографических циклов привела к крушению этатистских монархий в Персии, в Индии и в Китае. Главной причиной такого развития событий было вмешательство кочевников, которые, воспользовавшись кризисом, восстановили свое политическое господство (правда, в Китае только частично). В последовавшем затем втором китайском цикле разложение государства продолжилось и привело к тому, что помещики-чиновники официально стали собирать в свою пользу провинциальные налоги и создавать собственные охранные отряды. С другой стороны, маньчжурское войско в соответствии с законами халдуновского цикла постепенно потеряло боеспособность. В итоге сжатие вызвало новое крестьянское восстание, которое на время возродило этатистскую монархию, но эта монархия пала под ударами помещичьих армий, вооруженных европейским оружием. Таким образом, помещикам-чиновникам удалось выстоять в двух грандиозных крестьянских войнах — но исключительно благодаря помощи извне.

В Персии и в Индии за крушением этатистских монархий последовали длительные интерциклы, для которых было характерно господство номадов, так же как в XV веке. В Турции период после кризиса также сопровождался господством кочевников в Анатолии, но положение было более стабильно, что создало условия для начала нового цикла. Во втором османском цикле первоначально продолжала господствовать этатистская монархия, но новое сжатие привело к разложению государства, причем на первое место вышла новая элита, состоявшая из откупщиков-аянов. Аяны «приватизировали» сначала функции сбора налогов, а затем всю власть на местах и превратились в феодальных князьков, содержавших свои наемные отряды и ведущих войны между собой и с правительством. В попытках захватить власть в провинции с аянами конкурировали некоторые наместники и янычары, стоявшие гарнизонами в пограничных городах, таким образом, внутриэлитная борьба достигла высшего накала. С другой стороны, кризис привел к религиозному расколу и к крестьянскими восстаниями в православных областях; кроме того, снова, как и в конце XVI века, имели место выступления низов военного сословия, наемников-кирждалиев. Кризис закончился распадом государства, отделением Греции, Сербии, Египта и некоторых других областей. В конечном счете к власти пришла этатистская монархия, которая с помощью обученных по-европейски войск уничтожила янычар, а затем отняла власть у аянов.

Заключение. Исторический процесс в контексте трехфакторной модели

Суммируем результаты нашего анализа. Как вытекает из выводов, сформулированных в конце глав, каждый период имел определенную специфику, связанную с характером военных революций, происходивших в начале периода. Первый период (эпоха семитского лука) представляет в этом смысле особый интерес, так как является наиболее длительным периодом эволюционного, не прерываемого военными революциями, развития.

В начальной точке этого развития мы видим мир городов-государств и развитые отношения частной собственности. При этом географический фактор, а именно ирригационный характер древних цивилизаций, приводит к развитию храмовой формы землевладения. По мере возрастания демографического давления в храмовом хозяйстве развиваются процессы приватизации, приводящие к превращению храмов в частные корпорации с долевым участием. Соответственно, жречество превращается в частнособственническую элиту, которая в значительной степени определяет историю Месопотамии на протяжении нескольких тысячелетий (вплоть до парфянских времен).

В середине III тыс. до н. э. перенаселение приводит в некоторых из шумерских городов-государств к установлению этатистской монархии, пытающейся регулировать общественные отношения и облегчить положение простого народа. С другой стороны, сжатие вызывает ожесточенные войны между городами-государствами, в ходе которых рождается империя Саргонидов. Важным фактором, способствовавшим окончательной победе этатизма, стала произошедшая в это время первая военная революция — создание семитского лука. Постоянная армия из профессиональных воинов-лучников на царской службе стала опорой монархии Саргона Великого.

Имеющиеся сведения позволяют утверждать, что в истории Двуречья до середины II тыс. до н. э. можно выделить пять демографических циклов.

Первый цикл завершился рождением монархии Саргонидов, которая стала типичной моделью этатистского государства в ирригационном обществе: эта модель подразумевала огосударствление храмовых корпораций и создание мощного государственного сектора наряду с поддержанием мелких крестьянских хозяйств. В конечном счете наступление монархии привело к столкновению с храмовой знатью, к гражданской войне и к демографической катастрофе. Монархия одержала победу, и второй цикл проходил в условиях этатистских отношений, однако впоследствии новое сжатие привело к политическому кризису (по-видимому, к новому столкновению с храмовой знатью), и в обстановке смуты страна была завоевана варварами-кутиями. Вторжение варваров и демографическая катастрофа вернули общество к существовавшим в древности частнособственническим порядкам. В третьем цикле инерция сложившейся на предыдущих циклах монархической традиции привела к тому, что этатистская монархия было восстановлена уже в начале периода сжатия одновременно с изгнанием кутиев и восстановлением единого шумерского государства. Третий (урский) цикл отличался наиболее последовательным проведением в жизнь принципов этатизма: основная часть населения превратилась в работников огромных государственно-храмовых хозяйств. Очередное сжатие привело к падению потребления, но каких-либо определенных симптомов разложения государства в урский период не отмечалось; в итоге, так же как и второй, третий цикл был прерван нашествием варваров. Падение монархии под ударами варваров привело к разрушению государственных хозяйств, «приватизации» и возрождению частного сектора: так же как нашествие кутиев, нашествие амореев вызвало реверсивную трансформацию структуры и возврат к ранним формам социальной организации (трансформация типа ВА^с). Повторяемость этого явления (оно еще раз повторится после нашествия касситов, а затем после нашествия халдеев) заставляет видеть в нем некую закономерность. Очевидно, что частнособственническое общество, возникающее среди развалин, является социальной формой, соответствующей относительно низкому демографическому давлению и политической децентрализации. Когда давление повышается, оно уступает место этатистской монархии — и как в урском, так и в старовавилонском цикле это происходит без большой борьбы.

В четвертом цикле, так же как и в третьем, монархия возродилась уже в начале сжатия и пыталась противостоять ему проведением социальных реформ. Эта попытка окончилась неудачей; тяжелая внешняя война инициировала новый экосоциальный кризис, который привел к демографической катастрофе. Пятый цикл — так же как второй — проходил в условиях уже сложившейся монархии и был прерван новым вторжением варваров.

Таким образом, общую схему трансформаций социальной структуры в пяти циклах первого периода истории Месопотамии можно описать в виде:

I. М: АВ (1) — ВА^с (2) — А^сВА_б^с (3) — А_б^сВ (4) — ВА_с^с (5) (I — номер периода, М — Месопотамия, в скобках указан номер цикла).

В итоге из пяти циклов лишь первый не был прерван варварским нашествием, но естественное развитие событий в нем было осложнено вмешательством технологического фактора, появлением семитского лука. Все же, как можно заключить из повторяющихся однотипных трансформаций структуры АВ или А^сВ, естественная тенденция заключалась в становлении этатистской монархии, которая раз за разом упорно возникала в фазе сжатия, а затем разрушалась нашествиями варваров. В теории эти нашествия могут быть объяснены тем, что в процессе сжатия монархия слабела, и внутренняя борьба за ресурсы должна была расшатывать систему управления.

История Древнего Египта документирована значительно хуже, чем история Двуречья, и выделение демографических циклов сопряжено здесь со значительными трудностями. Все же можно утверждать, что ранний период истории Египта завершился экосоциальным кризисом, породившим этатистскую монархию Древнего царства. Так же как в Шумере, военную опору монархии составляла постоянная армия легковооруженных лучников. Монархия Древнего царства существовала едва ли не полтысячелетия и неясно, сколько кризисов она перенесла, но в конечном счете обнаружилась тенденция к ее постепенному разложению, к *феодализации* и к «приватизации» служебных держаний крупных чиновников. Если в Двуречье монархия гибла в результате вторжения варваров, то в Древнеегипетском царстве мы впервые наблюдаем феодализацию, *трансформацию структуры типа* ВА_с^с. Этот процесс сопутствовал новому сжатию и завершился экосоциальным кризисом, который разрушил монархию и восстановил (по-видимому, когда-то существовавшее) частнособственническое общество. Следующее сжатие привело к рождению этатистской монархии Среднего царства, которая в следующем демографическом цикле была разрушена вторжением колесничных народов. В итоге в период Среднего царства трансформации социальной структуры в Египте можно описать формулой:

I. Е: А_сВ (1) — ВА_с^с (2) (Е — Египет).

Вслед за эпохой семитского лука наступил второй период истории Востока, эпоха боевых колесниц. Боевая колесница была первой фундаментальной военной инновацией степных племен, вызвавшей волну завоеваний, распространившуюся от Средиземного моря до Тихого океана. Эта волна нанесла страшный удар цивилизациям Древнего мира, вызвав

повсюду разрушительные катастрофы и прерывание демографических циклов. Среди развалин, в обстановке бесконечных войн происходили процессы *социального синтеза*: побежденные заимствовали военную технику победителей и передавали им элементы своей древней культуры.

Военную опору новых государств составляли армии, в которых главную роль играла сражавшаяся на колесницах знать, поэтому первый период эпохи колесниц был временем господства военной элиты. Более удаленный от Великой степи Египет меньше, чем Двуречье, пострадал от нашествия варваров; египтяне в конечном счете сумели заимствовать боевые колесницы гиксосов и изгнали завоевателей из своей страны. В Египте начался процесс восстановления, а затем сжатие вновь породило этатистскую монархию. Опираясь на крестьянскую армию, фараонам Нового царства удалось подчинить колесничную военную элиту (которая в Египте срослась с храмовой знатью). Империя Нового царства стала символом расцвета древнеегипетской цивилизации; с целью противостоять сжатию монархия проводила обширные ирригационные работы, что позволило отсрочить наступление экосоциального кризиса до конца XIII века до н. э. Однако на рубеже XIII–XII веков до н. э. нашествие «морских народов» нанесло тяжелый удар по Египту, причем этот удар, как бывало и раньше, привел к крушению этатистской монархии и возрождению частнособственнических отношений. Во втором цикле Нового царства ослабление государства в процессе нового сжатия привело к распаду страны и постепенному завоеванию Египта ливийцами. После этого завоевания в Египте четыре столетия продолжался период разрухи, децентрализации и междоусобных войн — «ливийский интерцикл»; во время этого интерцикла варвары не раз пытались создать свое государство и постепенно научились уважать частную собственность. В итоге трансформации социальной структуры в Египте в эпоху боевых колесниц могут быть выражены следующей формулой (в скобках указан номер цикла, продолжающий нумерацию для Египта):

$$\text{II. E: } A_b^c B A_b^c (3) \rightarrow A_b^c A_c^c A_b (4).$$

Что касается Месопотамии, то в эпоху боевых колесниц здесь можно выделить только один цикл — среднеавилонский. Начало этого цикла характеризовалось господством касситской военной элиты при относительной самостоятельности храмовых городов, в которых в обстановке разрухи вновь восторжествовали частнособственнические отношения. Затем, в процессе социального синтеза, происходило перенимание касситами монархических порядков Вавилона, и возвышение царей в конечном счете привело к реставрации этатизма и к подчинению знати. В XII веке до н. э. (так же, как в Египте) среднеавилонский цикл был прерван нашествиями варваров, после которых последовал четырехвековой интерцикл.

В течение этого интерцикла, с преодолением анархии в процессе нового социального синтеза, постепенно укрепились отношения частной собственности. Таким образом, трансформация социальной структуры в Месопотамии в эпоху боевых колесниц имеет вид:

II. М: $A_c^c B A_c^c A_b$ (6).

(В скобках указан номер цикла, продолжающий нумерацию для Месопотамии.)

В XIV–XIII веках до н. э. на севере Двуречья сформировалось новое государство — Ассирия. Так же как древние города Шумера, Ашшур изначально был городом-государством, в котором правила частнособственническая олигархия. Ассирийцы быстро переняли боевые колесницы пастушеских народов и создали профессиональные колесничные подразделения; опираясь на войско, ассирийские цари выступили против храмовой знати, но первый ассирийский цикл был прерван нашествием варваров в XI веке до н. э. Эта большая волна нашествий, охватившая весь Ближний Восток, была вызвана появлением «верблюжьей кавалерии» и вызвала длительные интерциклы во всех странах региона. Ассирия быстрее других стран оправилась от этих нашествий, в конце X века до н. э. здесь начался период восстановления, затем пришло время сжатия; цари снова вступили в борьбу за власть с олигархией и на этот раз одержали победу. В середине VIII века до н. э. сжатие привело к экосоциальному кризису, завершившемуся установлением этатистской монархии. В итоге трансформация социальной структуры в Ассирии в эпоху боевых колесниц имеет вид:

II. А: $A A_b$ (1) — $A_b B$ (2).

Постепенное распространение земледелия и увеличение плотности населения в различных регионах Азии привело к возникновению там новых культур и новых цивилизаций. На Дальнем Востоке покорение обладателями боевых колесниц местных земледельческих племен привело к созданию государства Шан в долине Хуанхэ. В XI веке до н. э. господство шанов сменилось господством нового степного племени, чжоу. В периоды Шан и Чжоу мы можем наблюдать сложение классического феодального общества, в котором военная элита господствует над крестьянским населением, но постепенно развиваются также и частнособственнические отношения. В конце концов в VI веке до н. э. наступившее сжатие привело к власти этатистскую монархию сначала в княжестве Чжэн, а затем и в других государствах долины Хуанхэ. Таким образом, трансформация структуры в Китае в эпоху боевых колесниц имеет вид:

II. К: $A_c^c B$ (1) (К — Китай).

В середине VIII века до н. э. появление железного оружия привело к новой военной революции, знаменовавшей начало железного века. Освоение металлургии железа на некоторое время дало военное преимущество земледельческим государствам, прежде всего Ассирии. Так же как во времена Саргона Древнего, ассирийцы создают профессиональную армию, вооруженную новым оружием. С одной стороны, в соответствии с теорией военной революции, это приводит к торжеству этатизма; с другой стороны, новое оружие порождает волну ассирийских завоеваний. Волна завоеваний привела к созданию мировой этатистской монархии. Характерной чертой ассирийской монархии было создание мощного государственного сектора, организованного на базе мелких крестьянских хозяйств. Ассирийский образец бюрократической монархии позже лег в основу Персидской империи, а затем был унаследован государством Сасанидов и Арабским халифатом. Ассирийская империя существовала почти полтора столетия и была разрушена варварами, создавшими, в свою очередь, новое оружие — кавалерию. Таким образом, трансформация железного века в Ассирии имеет вид:

III. А: BC^c (3)

Когда первый удар варварской кавалерии погубил Ассирийскую империю, Египет и Вавилония получили возможность развиваться самостоятельно — и путь их развития оказался удивительно похожим: он проходил от господства храмовой олигархии к становлению новых этатистских монархий. Главным двигателем такого развития, как и раньше, было демографическое сжатие. В обеих странах олигархия в борьбе с наступающей монархией призвала на помощь внешних врагов, персов. Однако персы и мидяне в процессе диффузии переняли не только скифскую кавалерию, но и административные традиции Ассирии. Поэтому установление персидского господства привело к гибели олигархии и созданию мощной сословной монархии Ахеменидов. В итоге для обеих стран на протяжении железного века мы имеем однотипные трансформации структуры:

III. М: A_b^cBC^c (7); Е: A_b^cBC^c (5).

В конце VII века до н. э. скифские набеги на окраины Великой степи возвестили о начале эпохи кавалерии. Анализируя события, последовавшие за появлением кавалерии, необходимо отметить определенный параллелизм в процессах социального синтеза в Китае и на Ближнем Востоке. В обоих регионах конные варвары не смогли завоевать земледельческие империи, очевидно, вследствие отсутствия у них необходимой политической организации. Однако искусство конных лучников было перенято у степняков другими варварами, жившими на окраинах импе-

рий и сумевшими совместить новую кавалерию, старую пехоту и заимствованную у империй этатистскую традицию. Эти «цивилизованные варвары» затем приступили к завоеваниям и завладели огромными территориями, создав две мировые империи — Персидскую империю и империю Цинь.

В обоих случаях военное преимущество конных лучников было таково, что завоевания совершились без больших потрясений и не прервали демографические циклы на завоеванных территориях. Однако продолжающееся сжатие вскоре вызвало борьбу за ресурсы между завоевателями, элитами и народами покоренных стран. Результатом стали повсеместные восстания, вызвавшие гибель империи Цинь. Таким образом, трансформация структуры в Китае на протяжении V—III веков до н. э. имела вид:

IV. К: BA_c (2).

Персам удалось подавить восстания и создать сословную монархию, которая эволюционировала в течение следующего демографического цикла по законам, описанным Ибн Халдуном. В конце IV века до н. э. на смену персам пришли новые завоеватели — македоняне, и трансформация социальной структуры Месопотамии и Ирана в персидском цикле приняла вид:

IV. МИ: C^cA_cC^c (8) (МИ — Месопотамия и Иран).

В Египте персидское господство привело к новому восстанию, изгнанию персов и восстановлению этатистской монархии. Однако в конечном счете страна была вновь завоевана сначала персами, а затем македонянами, и трансформация структуры имела вид:

IV. Е: C^cBC^c (6).

Македонское завоевание открыло эпоху тяжелой пехоты, которая была для Востока внешним, «западным» явлением, эпохой эллинизма. При этом в социальном отношении греки и македоняне принесли на Восток немного: они заменили персов в роли правящего сословия, в основном, сохранив традиционные этатистские порядки завоеванных стран. В дальнейшем, с нарастанием сжатия, им пришлось столкнуться с традиционалистской реакцией со стороны покоренных народов. Кризис в Египте смягчил сословное и этническое неравенство и породил новую этатистскую «греко-египетскую» монархию. Затем в Египет пришли новые завоеватели, римляне, и эта страна потеряла самостоятельность, став провинцией огромной Римской империи. Социальные процессы здесь развивались теперь под сильным внешним воздействием и в основном повторяли то, что происходило в центральных областях римского государства. Транс-

формация социальной структуры на протяжении четырех циклов эпохи тяжелой пехоты имела вид:

V. E: C^cB (7) — BC^c (8) — $C^cA_b^cB^c$ (10) — $B^cA_b^cB^c$ (11).

В Месопотамии и Иране кризис македонской монархии развивался по сценарию Ибн Халдуна и привел к тому, что страна была занята новыми завоевателями, парфянами:

V. MI: $C^cA_cA_c^c$ (9).

В эпоху между походами Александра Македонского и мусульманскими завоеваниями Восток был разделен на два историко-культурных региона, граница между которыми проходила сначала по Сырдарье, а потом по Евфрату. Западнее границы располагались эллинизированные области, где господствовали опиравшиеся на тяжелую пехоту греки и римляне. Восточнее границы располагался обширный регион, в котором главным оружием была большой лук, созданный гуннами. В то время как на Западе имела место эпоха тяжелой пехоты, на Востоке была эпоха конных лучников. С помощью гуннского лука кочевникам-парфянам удалось отнять у греков и македонян земли Ирана, и они создали на этих территориях новую феодальную монархию. Это было первое государство, созданное завоевавшими земледельческие области кочевниками, поэтому оно находилось под значительным влиянием кочевых порядков; высшее сословие у парфян составляли воины-всадники, которые получали небольшие поместья. Вместе с тем отмечается упадок городских традиций; храмовые общины, так долго составлявшие один из основных элементов общественной структуры Месопотамии, теперь прекратили существование. Парфянский цикл истории Месопотамии завершился римским нашествием и демографической катастрофой, но существенных изменений в феодальном обществе не произошло. Резко выраженный сословный строй сохранялся в Иране и в начале следующего, первого сасанидского цикла, и только в конце V века до н. э. произошла социальная революция, уравнивавшая положение сословий под властью этатистской монархии. Второй сасанидский цикл протекал в условиях господства этатизма, и персидские цари того времени стали образцом для правителей последующих эпох; в это время сформировалась новая этатистская традиция, оказавшая большое влияние на историю всего Ближнего Востока. Однако в конечном счете монархия не смогла справиться с могущественной военной элитой, и экосоциальный кризис открыл дорогу для арабского завоевания. Таким образом, трансформации социальной структуры Месопотамии и Ирана на протяжении трех циклов эпохи конных лучников имеют вид:

VI. МИ: $A_c A_c$ (10) — $A_c B$ (11) — BC^c (12).

В отличие от Ирана в эпоху конных лучников Китай оставался чисто земледельческой цивилизацией, которая тем не менее смогла перенять оружие кочевников и отбросить их от своих границ. Это удалось сделать благодаря мобилизации сил под руководством этатистской монархии, которая, таким образом, стала альтернативой сословному феодальному обществу наподобие парфянского. Но китайская этатистская монархия была неустойчивой по отношению к процессам сжатия: она разлагалась и превращалась в частнособственническую монархию. Наиболее характерный момент процесса сжатия в Китае заключается в том, что рост богатства земельных магнатов и купцов вызывает усиление политической роли крупных собственников, которые начинают претендовать на власть. Одновременно финансовый кризис государства приводит к росту коррупции и разложению бюрократического аппарата, к борьбе между коррупционерами и «чистыми чиновниками» (трансформация BA_b). Мы редко можем наблюдать этот процесс эрозии этатистской монархии на Ближнем Востоке, потому что там господствовали сословные монархии, которые тоже разлагались — но несколько иначе, путем феодализации, «приватизации» служебных держаний и распада асабии (трансформация $C^c A_c$). Все же, как можно заметить, в этих эрозивных процессах было много общего: они проходили под воздействием сжатия, сопровождались ростом крупной собственности, расцветом коррупции, а затем и попытками приватизации должностей, финансовым кризисом государства, ослаблением монархии, прекращением государственного регулирования. В конечном счете экосоциальный кризис обновлял монархию, но затем сжатие снова порождало процесс эрозии. Трансформации социальной структуры Китая на протяжении трех циклов эпохи конных лучников имеют вид:

VI. К: $A_c BA_b B$ (3)– $BA_b B$ (4)– BC^c (5).

Следующая военная революция, изменившая облик Востока, имела не военно-технический, а идеологический характер: в основе побед арабов лежало новое идеологическое оружие, принцип мученичества за веру. Этот принцип был неотделим от идеи братства верующих, ибо жертвовать жизнью можно только ради братьев, готовых в свою очередь пожертвовать собой. Идея братства лежит в основании асабии, поэтому теоретически можно рассматривать первых мусульман как общество с чрезвычайно высокой асабией, а принцип мученичества — высшим воплощением асабии. По теории Ибн Халдуна, после завоевания обширных земледельческих областей начинается разложение асабии; это явление соответствует процессу социального синтеза в диффузионизме, и в данном случае оно привело к расколу мусульман на суннитов и ши-

итов. Эта эрозия ислама привела к тому, что арабы отчасти утратили свое идеологическое превосходство, и, во всяком случае, оно перестало быть решающим фактором в сражениях с технически более оснащенным противником.

Арабское завоевание привело к созданию сословного государства, в котором мусульмане были военным сословием, а покоренное население — податным сословием. Уровень эксплуатации при этом был значительно выше, чем в предшествующую эпоху. Специфика арабского завоевания заключалась в том, что мусульмане отказались от раздела завоеванных земель на феодалы; основная часть земли стала государственной собственностью, и воины получали жалованье за счет собираемых государством налогов. Демографический цикл, начавшийся после завоевания, привел к сжатию и экосоциальному кризису 740-х годов. Кризис не повлек значительных социальных трансформаций, и в начале второго цикла эпохи Халифата господствовала сословная монархия. Новый кризис в 820-х годах выявил военную слабость арабов, которые уже не могли далее сохранять свое положение военного сословия. На смену арабам пришли тюркские гулямы, которые составили новую профессиональную армию халифов, позволившую им на время установить режим этатистской монархии. В итоге трансформации структуры в Месопотамии и Иране в период Халифата можно представить в виде:

VII.МI: C^cC (13)-CB (14).

Аналогичным образом развивались социальные процессы в Египте, который в это время был частью арабского Халифата:

VII.E: C^cC^c(12)-C^cB(13).

В то время как на Ближнем Востоке господствовало идеологическое оружие ислама, на Дальнем Востоке происходила новая военно-техническая революция: появление стремени открыло эпоху тяжелой кавалерии. Первая атака тяжелой кавалерии кочевников на Китай вызвала глобальную катастрофу, за которой последовал почти двухвековой период хаоса, войн и разрухи. В конце концов на севере страны сформировалась сословная монархия с сильной военной элитой из потомков завоевателей-сяньби. Когда в обстановке сжатия монархия стала перенимать старые китайские (и этатистские) методы управления, военная элита восстала и ценой демографической катастрофы вернула сословную монархию. Потребовалось еще сто лет и новое сжатие, чтобы новый кризис возродил китайский этатизм, на этот раз сумевший подчинить военную элиту. Однако в эпоху Тан процессы ассимиляции лишили потомков сяньби былой силы, и монархии пришлось пополнять кадры тяжелой кавалерии степными наемниками.

Появление нового типа седла в VI веке до н. э. дало новые преимущества кавалерии кочевников и обусловило волну тюркских завоеваний. Однако тюрки, в отличие от хуннов и сяньби, обитали вдали от китайских границ и не имели стимулов к созданию мощного государства. Их племенное объединение быстро распалось, и — так же как скифы — они не сумели подчинить значительные земледельческие области. Волна завоеваний остановилась у границ цивилизованных империй, и распространение тяжелой кавалерии происходило далее путем диффузии. Мусульманские государства стали создавать армии из тюркских рабов, в Китае тюрков использовали как наемников, а Византия попыталась создать свою кавалерию стратиотов, но затем также перешла к использованию наемников (в том числе тюрков). Таким образом, повсюду появилась новая военная элита латных всадников, которая вскоре потребовала перераспределения ресурсов в свою пользу. Мятеж Ань Лу-шаня в Китае, а затем мятежи гулямов в мусульманских странах и переворот Никифора Фоки в Византии знаменуют собой эпоху феодальных революций, приведших на время к власти военную элиту.

В Китае «феодальная революция» привела к падению этатистской монархии династии Тан и полувековому господству военных предводителей (цзедуши). Императору Сяньцзуну удалось было подчинить военную элиту, но затем началось сжатие, и для того, чтобы разгромить крестьянскую армию Хуан Чао, властям пришлось призвать тюркскую кавалерию из степей. Тюрки попытались создать на севере Китая сословную монархию, но снова проявили себя неспособными к построению прочного государства и в конце концов были вытеснены назад в степи восставшими китайцами. Так же как мятеж Ань Лу-шаня, кризис времен Хуан Чао нанес тяжелый удар китайскому этатизму, в результате чего период Сун стал временем господства частной собственности. Однако в конечном счете военное превосходство тяжелой кавалерии кочевников сохранялось, и в начале XII века чжурчжени завоевали Северный Китай, создав там классическую сословную монархию. Затем началось сжатие, породившее новую этатистскую империю Цзинь, которая впоследствии погибла в огне монгольского нашествия. Таким образом, шесть демографических циклов эпохи тяжелой кавалерии в Китае имеют вид:

VIII.K: C^cBC (6)-CB (7)-BA^c (8 — «феодальная революция»)-
A^cA^c (9)- A^cA^bC^c (10)-C^cBC^c (11).

На Ближнем Востоке «феодальная революция» проявилась в мятежах тюркских гулямов, которые также привели к падению этатистской монархии и к возрождению феодального общества с развитыми частнособственническими отношениями. Однако этот заставляющий вспомнить о Вавилоне «мусульманский ренессанс» оказался недолгим, и после но-

вого сжатия и экосоциального кризиса Ирак был завоеван варварами-дайлемитами, которые разорили буржуазные города:

VIII. М: $BA_bA_c^c$ (15).

На востоке Ирана этатистская монархия подпитывалась персидскими традициями и длительное время сопротивлялась наступлению гвардии гулямов. Военная элита одержала здесь лишь кратковременную победу в середине X века, она разрушила монархию Саманидов, на смену Саманидам пришел Махмуд Газневи, который сумел подчинить гулямов. В конечном счете, однако, последовательность социальных трансформаций закончилась тюркским завоеванием и установлением сословной монархии:

VIII. И: BA_cBC^c (1) (И — Иран).

В Египте мятежи тюркской гвардии, произошедшие в фазе сжатия, привели к феодализации монархии Тулунидов, однако экосоциальный кризис привел к власти новую монархию Фатимидов. Государство Фатимидов представляло собой мощную этатистскую империю, опирающуюся на «социалистическую» идеологию исмаилитов. Хотя государственная собственность преобладала в Египте почти всегда, в период Фатимидов это преобладание становится абсолютным, а система государственного регулирования достигает наибольшей эффективности. Следующий демографический цикл вновь привел к сжатию и к кризису, который сопровождался мятежами тюркских гулямов, однако в конечном счете этатистская монархия выдержала это испытание. Лишь во втором цикле эпохи Фатимидов тюркское завоевание привело к замене этатистского режима сословной монархией:

VIII. Е: BA_cB (14)- BB (15)- BC^c (16).

В Византии демографический цикл начался после прекращения арабских нашествий в середине VIII века; в этот период в условиях слабости императорской власти преобладали частнособственнические отношения. Еще в период роста, в правления Василия I (867–886), происходит восстановление позднееримской этатистской традиции, а с началом сжатия в 930-х годах монархия начинает использовать методы государственного регулирования, чтобы приостановить разорение крестьян. Господство этатизма на время прерывается мятежом военной элиты в 963 году, но после 15-летнего правления императоров-полководцев этатистской монархии удалось вернуться к власти. Экосоциальный кризис разразился в 1070-х годах, когда сжатие, нашествие тюрков и военные мятежи вызвали демографическую катастрофу и потерю Малой Азии. После этой катастрофы диффузионное влияние со стороны тюрков и западных крестоносцев привело к установлению сословной монархии Комнинов:

VIII. В: А_вВС^с (1) (В — Византия).

Таким образом, на Ближнем Востоке первая «феодалная революция» была результатом мятежей тюркских рыцарей-гулямов и местных кавалерийских подразделений, созданных по тюркскому образцу. В целом она не достигла успеха, однако военная элита продолжала борьбу за власть. В середине XI века степные тюрки начали наступление на Иран, и их собратья-гулямы из мусульманских армий сразу же перешли на сторону кочевников. В ходе этой второй «феодалной революции» рыцарская элита завладела политической властью как в мусульманских странах Ближнего Востока, так и в Византии.

Нашествие тюрков было результатом новой военной революции, знаменовавшей начало эпохи сабли. Своеобразным символом новой феодальной эпохи стала система икта, и границы распространения системы икта были также границами региона, в котором политически преобладала рыцарская элита. В государстве Великих Сельджуков массовая раздача икта произошла в 1070-х годах, затем этот институт диффузионным путем распространился в Византию и в Египет (где сплошная инфеодация была осуществлена после тюркского завоевания в 1160-х годах). В Индию система икта пришла вместе с мусульманскими завоевателями в 1170-х годах.

Эволюция института икта, как не раз отмечалось, была направлена в сторону приобретения этими первоначально служебными держаниями все большей самостоятельности. Икта постепенно становились наследственными, их владельцы начинали облагать крестьян дополнительными повинностями, которые все увеличивались. Крестьяне прикреплялись к владельцу, становились лично зависимыми, и в некоторых случаях их положение приближалось к положению рабов. Во всех странах произошла феодальная *трансформация структуры*, означавшая, с одной стороны, закрепощение крестьян, а с другой стороны, фактическое ограничение власти монархов и политическое господство военной элиты. Уже через 30–40 лет после введения системы икта перераспределение ресурсов и обнищание населения привело к экосоциальным кризисам в Иране и в Египте, и такая же катастрофа произошла после введения пронии в Византии. Таким образом, демографические циклы, начавшиеся после тюркского нашествия, были короткими: резкое перераспределение ресурсов в результате распространения системы икта быстро вызвало преждевременное сжатие, а с другой стороны, разложение феодальных государств привело к междоусобицам, и в итоге феодальная эпоха завершилась экосоциальными кризисами. Для государства Сельджуков этот кризис означал распад государства, после которого в Ираке восстановилась этатистская монархия багдадских халифов, существовавшая на протяжении еще одного демографического цикла и уничтоженная монголами:

IX. МИ: С^cА_cВ (16)-ВВ^c (17).

В Египте кризис привел к восстановлению сословной монархии с помощью профессиональной гвардии мамлюков:

IX. Е: С^cА_cС (17).

В Византии перераспределение ресурсов в пользу военной элиты вызвало народное восстание, на некоторое время вернувшее к жизни византийский этатизм, — однако в конечном счете экосоциальный кризис закончился вторжением крестоносцев и созданием на развалинах Византии сословной Римской империи.

IX. В: С^cА_cВС^c (2).

В XIII веке новая военная революция вызвала волну монгольских завоеваний и начало эпохи монгольского лука. Монгольские завоевания имели чрезвычайно важное значение в плане взаимовлияния различных культур и обществ. Власть монголов распространилась на огромные пространства Евразии, сломав границы и перемешав традиции многих государств и народов. После реформ Елюй Чуцая государственное устройство Монгольской империи приобрело многие китайские черты, и, завоевывая очередную страну, монголы вводили там не только монгольские, но и китайские порядки. Речь идет прежде всего о порядках китайской этатистской монархии. Опосредованное монголами, китайское этатистское влияние имело большое значение для формирования государственного устройства Ирана, Индии, Османской империи, России и некоторых других стран Евразии.

После монгольских завоеваний «центром силы» на Ближнем Востоке стало государство Хулагуидов в Иране, и могущество этой империи заставляло соседние страны, Делийский султанат и мамлюкский Египет, отчасти трансформироваться по ирано-монгольскому образцу. Необходимо отметить, что индуцированный этатизм имел военный характер, он подразумевал очень высокие (такие же, как в Иране) налоги, но вместе с тем суровую военную дисциплину и скромное обеспечение воинов, которые лишились привилегированного положения и не могли эксплуатировать крестьян.

В соответствии с диффузионистской теорией в государстве Хулагуидов происходили процессы *социального синтеза*, завоеватели перенимали мусульманские государственные традиции, а также и тюркскую систему икта. В итоге после реформ Рашид ад-дина сформировался своеобразный комплекс из мусульманских и китайских этатистских элементов в сочетании с контролируемыми икта. Эта модель государственного устройства позднее легла в основу Османской империи, но в Иране она оказалась нестабильной: распространение икта и традиционалистская

реакция кочевников привели к распаду державы Хулагуидов. Вслед за этим последовало разложение монархии в тех государствах, которые копировали ирано-монгольскую империю — в Делийском султанате и в Египте. В обеих странах против монархии сначала выступила военная элита, вновь, как во времена сельджукского феодализма, потребовавшая перераспределения ресурсов в свою пользу. Но затем в ход событий вмешался демографический фактор — середина XIV века стала временем демографической катастрофы во всех странах Евразии. Эту катастрофу обычно связывают с эпидемией «черной смерти», но надо учитывать, что эпидемии поражают в первую очередь страны, находящиеся в фазе сжатия. В итоге трансформации структуры в эпоху монгольского лука можно описать следующим образом:

Х. МИ: $B^c A_c$ (18); Е: $CB^c A_c$ (18); СИ: $A_c B^c A_c$ (1) (СИ — Северная Индия).

В конечном счете во всех странах региона кризис имел элитный характер, и он привел к восстановлению основанного на системе икта феодализма. После падения индуцированных монгольским нашествием этатистских монархий на Ближнем Востоке начался второй феодальный период. Для этого периода были характерны господство системы икта, бедственное положение закрепощенных крестьян, политическая нестабильность, междоусобные войны, и в отдельные периоды — феодальная раздробленность. С точки зрения демографически-структурной теории, это был интерцикл, продолжавшийся необычайно долго — с середины XIV до начала XVI века. Если мы попытаемся проанализировать причины этой нестабильности, то увидим, что военную элиту в Иране и в Северной Индии в это время составляли кочевые племена, которые принесли в новые области расселения обычаи Великой степи — в том числе и постоянные межплеменные войны. Тюркские кочевники обосновались также в Азербайджане и в Восточной Анатолии, создав здесь внутренний кочевой очаг, островок Великой степи посреди области древних земледельческих цивилизаций; отсюда они господствовали над Ираком, Ираном и Сирией. Кочевники составляли не менее третьей части населения Ирана, поэтому понятно, что Ближний Восток в этот период развивался по законам кочевых обществ, принципиально отличным от законов демографических циклов.

Таким образом, второй период феодализма в Иране и Северной Индии был временем господства кочевников. В Египте роль кочевых племен играли мамлюкские кланы, которые состояли из тюрок и черкесов и подражали поведению настоящих кочевников, — кочевые обычаи распространялись путем диффузии так же, как обычаи земледельцев. Но политические традиции земледельцев все же выжили и время от времени проявлялись в новых процессах *социального синтеза* как в Иране, так

и в Малой Азии, где в это время были заложены основы будущей Османской империи.

Что касается Китая, то монгольское завоевание привело к установлению сословной монархии на Севере, но практически не изменило социальных отношений на Юге, где продолжался сунский цикл и господствовали отношения частной собственности. В начале XIV века сословная монархия, в соответствии с законами халдуновского цикла, стала разлагаться и превратилась в феодальную монархию; в это же время на Юге началось сжатие. Результатом этого сжатия стало грандиозное крестьянское восстание, направленное как против монголов, так и против китайских помещиков. Это крестьянская революция в конечном счете породила этатистскую империю Мин. В итоге мы имеем трансформации структуры

X. К: $C^c A^c B$ (12) для Северного Китая и КЮ: $A^b A^c B$ (12a) для Южного Китая.

В XIV веке произошла новая военная революция, открывшая эпоху «пороховых империй». Необходимо отметить, что «пороховая революция» кардинальным образом изменила соотношение сил между земледельческими и кочевыми обществами. Нашествия кочевников ушли в прошлое, и в итоге мы видим более четкую картину демографических циклов, завершающихся экосоциальными кризисами.

Эпоха пороха началась с создания огнестрельного оружия, которое на Востоке стало в первую очередь оружием турок-османов и вызвало волну османских завоеваний и диффузию османских инноваций. Османская империя была этатистской монархией, обязанной своим рождением синтезу византийских и персидских этатистских традиций с кочевыми традициями тюрков. Диффузионная волна привела к распространению османского этатизма на весь Ближний и Средний Восток и к созданию еще двух этатистских империй, державы Сефевидов и государства Великих Моголов. Четвертая этатистская монархия, империя Мин, появилась в результате социальной революции, успех которой отчасти также был связан с распространением огнестрельного оружия. Таким образом, эпоха пороха в Азии началась торжеством этатистских монархий, которые и обеспечили условия для роста населения, то есть для начала новых демографических циклов. Исход этих циклов был различным.

В Османской империи сжатие привело к развитию коррупции в государственном аппарате и появлению частных поместий, однако в сравнительно небольших масштабах. Главную роль сыграл внутриэлитный кризис, вызванный недостатком ресурсов у элиты и государства; он привел к выступлению низших слоев военного сословия, которое пополнялись за счет разорившихся крестьян и движение, таким образом, отчасти приобретало крестьянский характер. Особый отряд повстанцев составляли кочевники,

которые выступали под знаменем кочевой реакции и в итоге установили свое фактическое господство во многих районах Анатолии. Однако в целом этатистской монархии удалось пережить экосоциальный кризис.

В Персии разложение этатистской монархии происходило сверху — от господства коррупции до приватизации должностей и служебных пожалований, ставших наследственными. С другой стороны, финансовый кризис привел к увеличению налогов на суннитов и, кроме того, на кочевников, что вызвало раскол элиты и восстание кочевников, которые едва не завоевали полуразвалившееся государство. Обстановка хаоса породила этатистскую диктатуру Надир-шаха, но она оказалась нестабильной, и в конечном счете власть перешла к племенным вождям. В итоге в XVII веке в Персии вновь воцарился кочевой феодализм и начался новый интерцикл, подобный интерциклу XIV века.

В империи Великих Моголов симптомы кризиса были те же, что и в Персии: финансовый кризис привел к увеличению налогов на иноверцев (в данном случае — индусов), что привело к националистическим и религиозным восстаниям. Следующим этапом был раскол мусульманской элиты и разложение системы управления, но приватизация должностей (наподобие персидской) сочеталась в Индии с наследственными откупам, характерными для второго османского цикла. Существенно, что кризис сопровождался крестьянскими восстаниями, которые, правда, не имели всеобщего характера, но были весьма интенсивными. Кризис осложнился вмешательством персов, афганцев и англичан, и в конечном итоге разорение страны продолжалось до конца XVIII века.

В империи Мин сжатие привело прежде всего к развитию частной собственности, к формированию крупного помещичьего землевладения. В роли помещиков часто выступали местные чиновниками, которые таким образом реализовали выгоды своего служебного положения. Такое развитие событий привело к разложению административного аппарата на местах, а затем коррупция распространилась вверх и привела к борьбе различных чиновничьих партий, то есть к расколу элиты. Главную роль в кризисе сыграло мощное крестьянское восстание, направленное прежде всего против помещиков. Помещичьей партии удалось справиться с восстанием лишь с помощью маньчжуров, которые создали новое государство, имевшее сословный характер, но сохранившее власть помещиков-чиновников в деревне.

Таким образом, первая после «пороховой революции» серия демографических циклов привела к крушению этатистских монархий в Персии, в Индии и в Китае. Главной причиной такого развития событий было вмешательство кочевников, которые, воспользовавшись кризисом, восстановили свое политическое господство (правда, в Китае — только частично). В последовавшем затем втором китайском цикле разложение

государства продолжилось и привело к тому, что помещики-чиновники официально стали собирать в свою пользу провинциальные налоги и создавать собственные охранные отряды. Маньчжурское воинство в соответствии с законами халдуновского цикла потеряло боеспособность. В итоге сжатие вызвало новое крестьянское восстание, которое на время возродило этатистскую монархию, но эта монархия пала под ударами помещичьих армий, вооруженных европейским оружием. Таким образом, помещикам-чиновникам удалось выстоять в двух грандиозных крестьянских войнах — но исключительно благодаря помощи извне.

В Персии и в Индии за крушением этатистских монархий последовали длительные интерциклы, для которых было характерно господство номадов, так же как в XV веке. В Турции период после кризиса также сопровождался господством кочевников в Анатолии, но положение было более стабильно, что создало условия для начала нового цикла. Во втором османском цикле первоначально продолжала господствовать этатистская монархия, но новое сжатие привело к разложению государства, причем на первое место вышла новая элита, состоявшая из откупщиков-аянов. Аяны «приватизировали» сначала функции сбора налогов, а затем всю власть на местах и превратились в феодальных князьков, содержавших свои наемные отряды и ведущих войны между собой и с правительством. С другой стороны, кризис привел к религиозному расколу и крестьянскими восстаниями в православных областях; кроме того, снова, как и в конце XVI века, имели место выступления низов военного сословия, наемников-кирждалиев. В конечном счете к власти пришла этатистская монархия, которая с помощью обученных по-европейски войск уничтожила янычар, а затем отняла власть у аянов.

Таким образом, трансформации социальной структуры «пороховых империи» имеют следующий вид:

XI. О: $A_c B$ (1)- $BA_c B$ (2) в Османской империи; МИ: $A_c B^c A_c BA_c$ (19) в Иране, СИ: $A_c B^c A_c$ (2) в Северной Индии, К: $BA_c A_c^c$ (13)- $A_c^c A_c^c$ (14) в Китае.

* * *

Итак, нарисованная выше схематическая картина исторического процесса в странах Востока в целом подтверждает прогноз трехфакторной модели. Мы наблюдаем последовательность демографических циклов, время от времени прерываемую волнами нашествий и диффузии, вызванными очередной военно-технической революцией.

Рассмотрим сначала вопрос о внутренней эволюции обществ и государств в ходе демографических циклов. Прежде всего нужно отметить, что демографические циклы начинаются в различных условиях — это обстоя-

тельство не учитывается классической теорией демографических циклов, рассматривающей обычно лишь общества с развитой частной собственностью и возможностью продажи земли. Соответственно, с наступлением периода сжатия демографически-структурная теория предсказывает разорение крестьян-собственников и развитие крупного землевладения. Между тем цикл может начинаться как в условиях существования частной собственности на землю (общества A , A_b , A_c), так и в условиях ее отсутствия (общества B , C), и в последнем случае вопрос о развитии крупного землевладения не проясняется в рамках теории. Рассмотрим сначала, как изменялись в ходе цикла общества, основанные на частной собственности.

Объединим формулы, описывающие эволюцию социальной структуры в ходе циклов в единую таблицу.

Таблица 13

I. М: AB (1)- BA^c (2)- $A^cBA_b^c$ (3)- A_b^cB (4)- BA_c^c (5); Е: A_cB (1)- BA_c^c (2)
 II. М: $A_c^cBA_c^cA_b$ (6); А: AA_b (1)- A_bB (2); Е: $A_b^cBA_b^c$ (3)- $A_b^cA_c^cA_b$ (4);
 К: A_c^cB (1).
 III. А: BC^c (3); М: $A_b^cBC^c$ (7); Е: $A_b^cBC^c$ (5).
 IV. МИ: $C^cA_cC^c$ (8); Е: C^cBC^c (6); К: BA_c (2).
 V. МИ: $C^cA_cA_c^c$ (9); Е: C^cB (7)- BC^c (8)- $C^cA_b^cB^c$ (10)- $B^cA_b^cB^c$ (11).
 VI. МИ: $A_c^cA_c$ (10)- A_cB (11)- BC^c (12); К: A_cBA_bB (3)- BA_bB (4)- BC^c (5).
 VII. МИ: C^cC (13)- CB (14); Е: C^cC^c (12)- C^cB (13).
 VIII. М: $BA_bA_c^c$ (15); И: BA_cBC^c (1); Е: BA_cB (14)- BB (15)- BC^c (16);
 К: C^cBC (6)- CB (7)- BA_c^c (8)- $A_c^cA_c^c$ (9)- $A_c^cA_bC^c$ (10)- C^cBC^c (11); В: A_bBC^c (1).
 IX. МИ: C^cA_cB (16)- BB^c (17); Е: C^cA_cC (17); В: $C^cA_cBC^c$ (2).
 X. МИ: B^cA_c (18); Е: CB^cA_c (18); СИ: $A_cB^cA_c$ (1); К: C^cA_cB (12);
 КЮ: $A_bA_c^cB$ (12a).
 XI. О: A_cB (1)- BA_cB (2); МИ: $A_cB^cA_cBA_c$ (19); СИ: $A_cB^cA_c$ (2),
 К: $BA_cA_c^c$ (13)- $A_c^cA_c^c$ (14).

Извлечем из табл. 13 те циклы, которые начинались в условиях высокого развития частной собственности, то есть циклы, начинающиеся с буквы А.

Таблица 14

I. М: AB (1)- $AcBAbc$ (3)- $AbcB$ (4); Е: AcB (1)
 II. М: $A_c^cBA_c^cA_b$ (6); А: AA_b (1)- A_bB (2); Е: $A_b^cBA_b^c$ (3)- $A_b^cA_c^cA_b$ (4);
 К: A_c^cB (1).
 III. М: $A_b^cBC^c$ (7); Е: $A_b^cBC^c$ (5).
 VI. МИ: $A_c^cA_c$ (10)- A_cB (11); К: A_cBA_bB (3).
 VIII. К: $A_c^cA_c^c$ (9)- $A_c^cA_bC^c$ (10); В: A_bBC^c (1).
 X. СИ: $A_cB^cA_c$ (1); КЮ: $A_bA_c^cB$ (12a).
 XI. О: A_cB (1); МИ: $A_cB^cA_cBA_c$ (19); К: $A_c^cA_c^c$ (14); СИ: $A_cB^cA_c$ (2).

Таким образом, имеется 24 цикла, начавшихся в условиях развитой частной собственности. В 18 из 24 случаев в ходе демографического цикла общество с частной собственностью трансформировалось в этатистскую монархию. В остальных шести случаях ход цикла был нарушен внешними воздействиями: в трех случаях частнособственническое общество сохранилось после экосоциального кризиса благодаря завоеванию или поддержке извне [циклы E(4), K(9), K(14)], в одном случае [K(10)] завоевание привело к установлению сословной монархии, в двух случаях вторжения извне вызвали катастрофу до начала экосоциального кризиса [A(1) и МИ(10)]. Из числа 18 этатистских трансформаций три были вызваны внешним диффузионным влиянием [СИ(1), СИ(2), МИ(19)], из оставшихся 15 случаев в шести случаях этатистская монархия возникла в результате экосоциального кризиса. Эти шесть кризисов породили империю Саргона Великого, египетское Среднее царство, Ассирийскую империю, китайские «Сражающиеся царства», империю Мин и империю Сасанидов. Каждая из этих монархий утвердила этатистскую традицию, и в следующих циклах восстановление этатистской монархии происходило в форме возвращения к этой традиции в результате реформ до начала экосоциального кризиса (и иногда даже до начала сжатия). Еще одна этатистская традиция, римская, появилась в Европе, и ее наследником на Востоке была Византия. В Северной Индии этатизм имел диффузионный характер, очевидно, вследствие того, что индийские крестьяне вплоть до эпохи Великих Моголов не испытывали нехватки земли.

Таким образом, *первый вывод, который можно сделать из анализа демографических циклов в частнособственническом обществе, состоит в том, что экосоциальный кризис действительно порождает этатистскую монархию, но в большинстве случаев этатизм побеждает еще до наступления кризиса как результат возрождения сложившейся в древности традиции или диффузионного влияния.* В этих случаях в ходе цикла возможна дальнейшая трансформация социальной структуры. Из 10 случаев такого рода 6 закончились падением этатизма в результате внешних завоеваний, а в четырех случаях наблюдалось разложение этатистской монархии с повторным распространением частной собственности (в трех случаях это было разложение «диффузионного» этатизма). В двух из этих четырех случаев [K(3) и МИ(19)] экосоциальный кризис в конечном счете возродил этатистскую монархию.

Перейдем теперь к изучению демографических циклов в этатистских монархиях. Выделим из нашей базы данных циклы, начавшиеся в условиях этатистского общества.

Таблица 15

- I. М: BA^c (2)- BA^c_c (5); Е: BA^c_c (2).
 III. А: BC^c (3).
 IV. К: BA_c (2).
 V. Е: BC^c (8)- $B^cA_bB^c$ (11).
 VI. МИ: BC^c (12); К: BA_bB (4)- BC^c (5).
 VIII. М: $BA_bA^c_c$ (15); И: BA_cBC^c (1); Е: BA_cB (14)- BB (15)- BC^c (16);
 К: BA^c_c (8).
 IX. МИ: BB^c (17).
 X. МИ: B^cA_c (18).
 XI. О: BA_cB (2); К: $BA_cA^c_c$ (13).

Мы имеем 20 этатистских монархий, из которых пять в результате завоеваний превратились в сословные монархии, одна после завоевания сохранила этатистский характер и еще одна благополучно пережила экосоциальный кризис. 13 остальных этатистских монархий в ходе цикла трансформировались в феодальную или частнособственническую монархии. В пяти случаях падение этатизма произошло в результате вмешательства внешних сил. В двух случаях этатистская монархия погибла во время экосоциального кризиса, трансформировавшись в феодальную монархию. В остальных шести случаях произошло разложение этатистской монархии: она оказалась неспособной осуществлять государственное регулирование в условиях сжатия. Несмотря на формальные запреты, в фазе сжатия бедственное положение заставляло крестьян продавать землю, появилась крупная частная собственность, и далее цикл протекал так же, как в частнособственническом обществе. В четырех из указанных шести случаев экосоциальный кризис возвратил к жизни этатистскую монархию, в двух случаях цикл был прерван в результате завоеваний.

Таким образом, наш второй вывод заключается в том, что в циклах, начинающихся в условиях этатистской монархии сжатие, как правило, вызывает разложение этой монархии, а затем развитие направляется по обычному пути частнособственнического общества.

Посмотрим теперь, какой была эволюция сословного общества. Выпишем из табл. 13 циклы, начинающиеся с буквы С.

Таблица 16

- IV. МИ: $C^cA_cC^c$ (8); Е: C^cBC^c (6).
 V. МИ: $C^cA_cA^c_c$ (9); Е: C^cB (7)- $C^cA_bB^c$ (10).
 VII. МИ: C^cC (13)- CB (14); Е: C^cC^c (12)- C^cB (13).
 VIII. К: C^cBC (6)- CB (7)- C^cBC^c (11).
 IX. МИ: C^cA_cB (16); Е: C^cA_cC (17); В: $C^cA_cBC^c$ (2).
 X. Е: CB^cA_c (18); К: C^cA_cB (12).

Мы имеем 17 циклов, начавшихся в условиях сословной монархии. В семи случаях в ходе цикла сословная монархия разлагалась и превращалась в феодальную монархию. В трех из этих семи случаев феодальная монархия в результате экосоциального кризиса порождала этатистское общество, в трех случаях цикл был прерван завоеваниями, и в одном случае [E(17)] внешнее воздействие привело к восстановлению сословной монархии. В восьми случаях сословная монархия трансформировалась в этатистскую монархию, причем в двух случаях такая трансформация была результатом экосоциального кризиса, однажды она произошла в результате внешнего диффузионного влияния, а в остальных пяти случаях была результатом реформ и восстановления этатистской традиции. Наконец, в двух случаях благодаря внешним воздействиям сословная монархия сохранялась до конца цикла.

Таким образом, *имеется два пути эволюции сословной монархии. В одних случаях она разлагается и превращается в феодальную монархию, а далее демографический цикл развивается так же, как в частнособственническом обществе, и экосоциальный кризис порождает новый этатизм. В других случаях сословная монархия трансформируется непосредственно в этатистскую монархию в результате экосоциального кризиса или реформ, направленных на восстановление этатистской традиции.*

Как отмечалось выше, демографические циклы прерывались волнами нашествий и диффузии, трансформировавшими социальную структуру обществ. Каковы были результаты этих волн? Выделим из табл. 13 циклы, начавшиеся после завоевательной или диффузионной волны, а также те, в которых волна пришлась на середину цикла. Мы выпишем лишь трансформации, произошедшие под воздействием внешних сил (они обозначаются верхним индексом «с»), заменяя другие трансформации точками.

Таблица 17

- I. М: A_c^c .. (3)- A_b^c . (4) (5); Е: A_c . (1)
 II. М: A_c^c .. (6); Е: A_b^c . (3)- A_b^c . (4); К: A_c^c . (1)
 III. М: A_b^c .. (7); Е: A_b^c . (5).
 IV. МИ: C^c .. (8); Е: C^c .. (6).
 V. МИ: C^c .. (9); Е: C^c . (7)— $C^c A_b^c B^c$ (10)- $B^c A_b^c B^c$ (11).
 VI. МИ: A_c^c . (10).
 VII. МИ: C^c . (13); Е: C^c . (12)- C^c . (13).
 VIII. К: C^c .. (6)— A_c^c . (9)- A_c^c .. (10)- C^c .. (11).
 IX. МИ: C^c . (16)-; Е: C^c .. (17); В: C^c ... (2).
 X. Е: B^c . (18); СИ: B^c . (1); К: C^c .. (12); КЮ: A_c^c . (12a).
 XI. МИ: B^c .. (19); СИ: B^c . (2), К: A_c^c . (14).

Из табл. 17 видно, что до появления кавалерии результатом завоевания было разрушение этатистских монархий и создание обществ с раз-

витой частной собственностью. В ходе демографического цикла эти общества затем трансформировались в этатистских монархии. С появлением кавалерии появились сословные общества, в которых завоеватели-кавалеристы (преимущественно кочевники) составляли военное сословие, а покоренные туземцы — подчиненное податное сословие. Для этих обществ была характерна сильная монархическая власть, унаследованная от разрушенных завоевателями этатистских монархий, однако в дальнейшем в ходе халдуновского цикла эта власть слабела и сословная монархия трансформировалась в феодальную монархию. Сословное общество, созданное персами в эпоху появления кавалерии (эпоха IV), было унаследовано македонянами и продолжало существовать в эпоху тяжелой пехоты (но развитие Египта после римского завоевания было обусловлено влиянием римских порядков). В эпоху конных лучников на Ближнем Востоке появились маловосприимчивые к цивилизованным порядкам парфяне, которые утвердили в Иране феодальный строй (эпоха VI). Арабы в эпоху Халифата легче перенимали порядки покоренных народов и создали новую сословную монархию (эпоха VII). Затем началась эпоха тяжелой кавалерии (эпоха VIII). Сяньби установили в Китае сословную монархию, но восточные турки с их анархическими традициями оказались не в состоянии завоевать Китай и создать сильное государство. Поэтому мятежи наемников-тюрок и последующие вторжения кочевых тюрок в Китай приводили лишь к разрушению китайской этатистской монархии и восстановлению частнособственнического строя. На Ближнем Востоке мятежи тюрок-гулямов также способствовали падению этатистской монархии в Ираке и в Египте. В следующую эпоху сабли (эпоха IX) тюркское завоевание привело к созданию сословной монархии в Иране, а затем тюркский феодализм и система икта распространились на Египет и Византию. Держания-икта быстро приватизировались, и этот процесс сопровождался ростом ренты, что быстро привело к экосоциальным кризисам и распаду сословных монархий повсюду, за исключением Египта. В XIII веке наступила эпоха монгольского лука (эпоха X). Монголы принесли этатизм китайского образца в Иран, откуда он диффузионным путем распространился в Северную Индию и в Египет (в Китае, однако, завоеватели создали не этатистское, а сословное государство). Но диффузионные этатизм на Ближнем и Среднем Востоке оказался неустойчивым, через некоторое время все государства, созданные монголами и под их влиянием, разложились и превратились в слабые феодальные монархии. Наконец, наступила эпоха «пороховых империй» (эпоха XI). В этот период диффузионное влияние османского этатизма привело к установлению этатистских монархий в Иране и Северной Индии, но, как и в предыдущем случае, эти империи в конечном счете превратились в феодальные монархии. В Китае наблюдалась другая ситуация, здесь феодально-по-

мещичьим кругам удалось поддерживать свое господство с помощью внешних сил (сначала маньчжуров, а потом европейцев).

В целом можно сделать вывод, что трехфакторная модель достаточно адекватно объясняет основные моменты исторического процесса в странах Востока. Конечно, в предлагаемой вниманию читателя работе рассмотрена история не всех государств этого обширного региона, и в этом смысле модель требует дальнейшей апробации. Возможно, будущие исследования скорректируют наши представления в каких-то частных вопросах. Тем не менее можно надеяться, что дальнейшая разработка и использование этой модели откроют новые перспективы для историков, изучающих конкретные проблемы истории различных стран.

Примечания

Глава 1. ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

¹ См., например: *Алексеев П.В.* Социальная философия: учеб. пособие. М., 2005. С. 16–21.

² *Гринин А.Е.* Философия, социология и теория истории. Волгоград, 2000. С. 61–63.

³ *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006. С. 20.

⁴ *Кортаев А.В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003. С. 19.

⁵ Подробнее см.: *Нефедов С.А.* Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 6–22.

⁶ *Мальтус Т.Р.* Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993. С. 22. Выделено Мальтусом.

⁷ Там же. С. 9, 18–22.

⁸ *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения // Риккардо Д. Сочинения. Т. I. М., 1955.

⁹ *Abel W.* Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung // Schmollers Jahrbücher. 58, Jahrgang, 1934; *Idem.* Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935.

¹⁰ *Postan M.M.* The medieval economy and society: an economic history of Britain, 1100–1500. Berkley, Los Angeles, 1972; *Ibid.* Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy. Cambridge, 1973; *Mousnier R.* Les XVIe et XVIIe siècles. Les progres de la civilisation europeenne et la declin de l'Orient (1492–1715). Paris, 1953; *Slicher van Bath B.* Op. cit; *Glass D.V., Eversley D.E.* Population in History. London, 1965; *Cipolla C.M.* Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000–1700. London, 1976 (итальянское издание вышло в 1969 г.).

¹¹ *Goubert P.* Beauvais et le Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution a l'histoire sociale de la France du XVIIe siecle. 2 vols., Paris, 1960; *Le Roy Ladurie E.* Les paysans de Languedoc. P., 1966. Т. 1–2; *Meuvret J.* Les Crises de subsistances et la demographie d'Ancien Regime // Population. 1946. № 4. P. 643–650; *Duby G.* L'Economie rurale et la vie des campagnes de l'Occident medieval. 2 vol. Paris, 1962; *Meuvret J.* Etudes d'histoire economique. Paris, 1971; *Chaunu P.* La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1984 / Рус. пер. Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.

¹² *Braudel F.* Civilisation materielle, economie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. Т. 1. Paris, 1967 / Рус. пер. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. Т. 1. М., 1986.

¹³ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. Т. 1. Структуры повседневности. М., 1986. С. 42–44.

¹⁴ *Barcan O.L.* Rec. ad. Op.: F. Braudel. La Mediterranee et le monde mediterraneen a l'epoque de Philippe II // Revue de la faculte des sciences economiques de l'Universite d'Istanbul. Istanbul., 1949–1950. Vol. XI. P. 206.

¹⁵ *Cameron R.* Europe's second logistic // Comparative Studies in Society and History. 1970. № 12. P. 457.

¹⁶ *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires dans l' Orient Medieval. P. 1969; *Ashtor E.* A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. London, 1976. P. 66, 153.

¹⁷ Например: *Ping-ti Ho.* Studies on the Population of China, 1368–1953. Cambridge, 1959; *Elvin M.* The Pattern of the Chinese Past: A Social and Economic Interpretation. Stanford, 1973; *Liu P., Huang K.* Population Change and Economic Development in Mainland China since 1400 // Modern Chinese Economic History. Taipei, 1977; *Chao K.* Man and Land in Chinese History. An Economic Analysis. Stanford, 1986.

- ¹⁸ Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, 1980.
- ¹⁹ Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991. See also: Goldstone J. East and West in the Seventeenth Century: Political Crises in Stuart England, Ottoman Turkey, and Ming China // Comparative Studies in Society and History. 1988. Vol. 30. № 1. P. 103–143
- ²⁰ Turchin P., Nefedov S. Secular Cycles. Princeton: Princeton University Press, 2008.
- ²¹ Ibid. P. 6–7.
- ²² Ibid. P. 24–25, 459.
- ²³ Неведов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. С. 38.
- ²⁴ Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1990. P. 346–370; Grigg D. Op. cit. P. 20–28, 39, 76–78.
- ²⁵ Подробнее см.: Неведов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 99–102.
- ²⁶ Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 218.
- ²⁷ Lee Mabel Ping-hua. The Economic History of China. N. Y., 1921. P. 436.
- ²⁸ Turchin P. Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States // Journal of Anthropological and Related Sciences. 2005. № 1.
- ²⁹ Komlos J., Nefedov S. Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth // Historical Methods. 2002. Vol. 35. № 2. P. 92–94; Nefedov S. A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // Chinese Journal of Population Science. 2003. № 3. P. 48–53 (на кит. яз.); Idem. A model of demographic cycles in a traditional society // Social Evolution & History. 2004. Vol. 3. № 1. P. 69–80; Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton and Oxford, 2003; Коптаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005; Tsirel S. V. On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population // Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics — Moscow: Russian State Social University, 2004. P. 367–369.
- ³⁰ Неведов С.А. Концепция демографических циклов... С. 45; Nefedov S.A. A model of demographic cycles in a traditional society... P. 78–79.
- ³¹ Grigg D. Op. cit. P. 283.
- ³² Utterstrom G. Climatic Fluctuations and Population Problems in Early Modern History // Scandinavian Economic History Review. 1955. Vol. 3. P. 30–47.
- ³³ Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года. Л., 1971.
- ³⁴ Неведов С.А. Концепция демографических циклов... С. 125–127.
- ³⁵ Неведов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 97.
- ³⁶ Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 2001. С. 228.
- ³⁷ White L. Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1966. P. 1–38; Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992.
- ³⁸ Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1994.
- ³⁹ Дьяконов И.М. Пути истории. С. 13.
- ⁴⁰ Там же. С. 155.
- ⁴¹ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 196, 202–207.
- ⁴² See: Dien A. The stirrup and its effect on chinese military history // <http://www.silk-road.com/artl/stirrup.shtml>
- ⁴³ Roberts M. Essays in Swedish History. L., 1967.
- ⁴⁴ Лишь недавно появился краткий обзор иностранной литературы в области теории военной революции: Пенской В.В. Военная революция в Европе XVI–XVII веков и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194–206.
- ⁴⁵ Roberts M. Essays... P. 195.
- ⁴⁶ Roberts M. Roberts M. Gustavus Adolphus. A History of Sweden. Vol. 2. 1625\6–1632. London, N. Y., Toronto, 1958. P. 232; Нулус А. История материальной части артиллерии. Т. 1. СПб., 1904. С. 142–143.

- ⁴⁷ *Нилус А.* Указ. соч. С. 146; *Roberts M.* Gustavus Adolphus... P. 233.
- ⁴⁸ *Roberts M.* Essays... P. 195.
- ⁴⁹ *Roberts M.* Gustavus Adolphus... P. 231, 248.
- ⁵⁰ *Roberts M.* Gustavus Adolphus... P. 64, 210, 238–241; *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. III. СПб., 1994. С. 388, 396
- ⁵¹ *Roberts M.* Gustavus Adolphus... P. 65, 84, 87.
- ⁵² *Ibid.* P. 67.
- ⁵³ *Берендс Э. С.* Государственное хозяйство Швеции. Ч. I. СПб., 1890. С. 176, 196, 200.
- ⁵⁴ *Downing B.* The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. P. 3.
- ⁵⁵ *Roberts M.* Essays in Swedish History... P. 213.
- ⁵⁶ *Roberts M.* Essays in Swedish History... P. 203–205; *Duffy M. ed.* The Military revolution and the state, 1500–1800. Exeter, 1980; *Downing B.* Op. cit. P. 3, 10–11, 56, 77–78.
- ⁵⁷ Цит. по: *Корякова Л. Н.* Археология раннего железного века Евразии. Екатеринбург, 2000.
- ⁵⁸ *Корякова Л. Н.* Указ. соч.
- ⁵⁹ *Graebner F.* Methode der Ethnologie. Heidelberg, 1911.
- ⁶⁰ *Conolly P.* Greece and Rome at War. L. 1981. P. 73.
- ⁶¹ *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. III. М., 1964. С. 93.
- ⁶² См. например: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 248–264.
- ⁶³ См.: *Васильев А. С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976.
- ⁶⁴ См. например: *Борисенко А. Ю.*; *Худяков Ю. С.* Оружие и защитное вооружение как индикатор культурного обмена степей и античного мира // Восток-Oriens. 2004. № 3. С. 155–157.
- ⁶⁵ *McNeill W.* The rise of the West: a history of the human community. N. Y., 1963 / Рус. пер. Макнилл У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев; М., 2003.
- ⁶⁶ *McNeill W.* The pursuit of power: technology, armed force, and society since A.D. 1000. Oxford, 1983.
- ⁶⁷ *Ibid.* P. 102, 143.
- ⁶⁸ *Dunning Cb.* The Preconditions of Modern Russia's First Civil War // Russian History. 1998. Vol. 25. № 1–2. P. 123–125.
- ⁶⁹ *Childe V. G.* Man Makes Himself. L., 1941.
- ⁷⁰ *Козинцев А. Г.* Переход к земледелию и экология человека // Ранние земледельцы. Л., 1980. С. 18, 38.
- ⁷¹ *Козинцев А. Г.* Переход к земледелию и экология человека. С. 19.
- ⁷² *Козинцев А. Г.* Указ. соч. С. 20.
- ⁷³ *Файнберг Л. А.* Индейцы Бразилии. М., 1975. С. 8–10; *Бутинов Н. А.* Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968. С. 116–119; *Он же.* Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев // Ранние земледельцы. М., 1980. С. 116, 125; *Марков Г. Е.* История хозяйства и материальной культуры. М., 1979. С. 198–217; История первобытного общества... С. 356.
- ⁷⁴ *Кабо В. Р.* Указ. соч. С. 70; *Файнберг Л. А.* Указ. соч. С. 8–11; *Решетов А. М.* Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // Ранние земледельцы. Л., 1980. С. 39.
- ⁷⁵ *Бахта В. М.* Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 283.
- ⁷⁶ *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л., 1989. С. 47.
- ⁷⁷ Там же. С. 69; *Козинцев А. Г.* Указ. соч. С. 20.
- ⁷⁸ История Древнего Востока... С. 68.
- ⁷⁹ *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982. С. 121.
- ⁸⁰ История Древнего Востока... С. 90.
- ⁸¹ См., например: История первобытного общества...; *Adams R. Nc.* The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966; *Fried M. H.* The Evolution

of Political Society. N. Y., 1967; *Service E.R.* Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. N. Y., 1975.

⁸² История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988. С. 9; *Хазанов А.М.* Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 126.

⁸³ *Васильев А.С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 25–27; *Carneiro R.L.* Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion // Origins of the State. Philadelphia, 1978. P. 207.

⁸⁴ *Гринин Л.Е.* Эпоха формирования государства. М., 2007. С. 104; *Крадин Н.Н.* Политическая антропология М., 2001. С. 143.

⁸⁵ *Murdock G.P.* Atlas of World Culture. Pittsburgh, 1981.

⁸⁶ *Коротяев А.В.* Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // Архаическое общество: узловыe проблемы социологии развития. М., 1991. С. 136–191; *Крадин Н.Н.* Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 184–210.

⁸⁷ *Коротяев А.В.* Указ. соч. С. 139–155, 174; *Крадин Н.Н.* Указ. соч. 195–196, 201.

⁸⁸ *Коротяев А.В.* Указ. соч. С. 155.

⁸⁹ *Carneiro R.L.* A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. Vol. 21. № 169. P. 733–738 / Рус. пер. Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 55–71.

⁹⁰ См., например: *Маретина С.А.* Община у горных народов Ассама // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1967. С. 15.

⁹¹ *Шедел Р., Робинсон Д.* Становление государства в доколумбовой Америке // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 168.

⁹² *Бутинов Н.А.* Папуасы Новой Гвинеи... С. 88; *Хазанов А.М.* Классообразование... С. 136.

⁹³ *Козинцев А.Г.* Указ. соч. С. 19.

⁹⁴ *Wittfogel E.A.* Op. cit.

⁹⁵ The Early State / Eds. H. J.M. Classen, P. Skalnik. The Hague. 1978. P. 640. Цит. по: *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2001. С. 143.

⁹⁶ Цит. по: *Крадин Н.Н.* Указ. соч. С. 133, 142.

⁹⁷ *Крадин Н.Н.* Указ. соч. С. 143–144.

⁹⁸ *Шнирельман В.А.* Происхождение скотоводства. М., 1989. С. 30; *Кунов Г.* Указ. соч. С. 428.

⁹⁹ *Шнирельман В.А.* Указ. соч. С. 57, 64.

¹⁰⁰ *Кузьмина Е.Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 28; *Ковалевская В.Б.* Конь и всадник. М., 1977. С. 19.

¹⁰¹ *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение идоиранцев. М., 1994. С. 195, 199.

¹⁰² *Мордкович В.Г.* Степные экосистемы. М., 1982. С. 167.

¹⁰³ *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 21.

¹⁰⁴ *Ratzel F.* Anthropogeographie. B. II. Stuttgart, 1922. S. 173; *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. 1. М., 1989. С. 33.

¹⁰⁵ *Кузьмина Е.Е.* Указ. соч. С. 205.

¹⁰⁶ *Ковалевская В.Б.* Указ. соч. С. 115; *Смирнов А.П.* Скифы. М., 1966. С. 13.

- ¹⁰⁷ *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата, 1971. С. 497–498.
- ¹⁰⁸ Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 5.
- ¹⁰⁹ Нег. IV, 116.
- ¹¹⁰ Степи европейской части СССР... С. 70, 169.
- ¹¹¹ Степи европейской части СССР... С. 5.
- ¹¹² *Марков Г.Е.* Указ. соч. С. 31.
- ¹¹³ Археология СССР. М., 1982. С. 118–119.
- ¹¹⁴ *Алексеев Н.В.* Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981. С. 80.
- ¹¹⁵ *Хазанов А.М.* Указ. соч. С. 265.
- ¹¹⁶ *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973. С. 29, 70; *Бичурин И.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 236.
- ¹¹⁷ *Хазанов А.М.* Указ. соч. С. 149.
- ¹¹⁸ Нег. I, 216.
- ¹¹⁹ *Эрдели И.* Авары // Исчезнувшие народы. М., 1988. С. 104.
- ¹²⁰ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 42.
- ¹²¹ *Алексеев В.П.* Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография. Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 87–89.
- ¹²² *Эрдели И.* Указ. соч. С. 102.
- ¹²³ *Толыбеков С.Е.* Указ. соч. С. 79.
- ¹²⁴ *Крадин Н.Н.* Особенности классообразования и политогенеза у кочевников // Архаическое общество: узловыe проблемы социологии развития. М., 1991. С. 304.
- ¹²⁵ *Толыбеков С.Е.* Указ. соч. С. 250.
- ¹²⁶ *Кауфман А.А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903. С. 133.
- ¹²⁷ *Толыбеков С.Е.* Указ. соч. С. 207, 255.
- ¹²⁸ *Бичурин И.* Указ. соч. С. 40.
- ¹²⁹ Амм. Маг. XXXI. 2. 22.
- ¹³⁰ Нег. IV, 62; Амм. Маг. XXXI, 2. 23.
- ¹³¹ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1934. С. 283.
- ¹³² Амм. Маг. XXXI, 2. 3.
- ¹³³ ал-Мукаддаси, Абу Абдаллах. Наилучшее распределение для познания стран // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.: Институт Востоковедения, 1939. С. 191.
- ¹³⁴ *Бичурин И.* Указ. соч. С. 40.
- ¹³⁵ *Толыбеков С.Е.* Указ. соч. С. 572; *Марков Г.Е.* Указ. соч. С. 152.
- ¹³⁶ См., например: *Хазанов А.М.* Указ. соч. С. 104; *Толыбеков С.Е.* Указ. соч. С. 511; *Марков Г.Е.* Указ. соч. С. 169.
- ¹³⁷ *Хазанов А.М.* Указ. соч. С. 269.
- ¹³⁸ *Толыбеков С.Е.* Указ. соч. С. 501.
- ¹³⁹ *Хазанов А.М.* Указ. соч. С. 141–142, 146.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 62; *Марков Г.Е.* Указ. соч. С. 59, 257.
- ¹⁴¹ Там же. С. 257.
- ¹⁴² *Толыбеков С.Е.* Указ. соч. С. 257.
- ¹⁴³ *Харузин А.* Киргизы Букеевской орды. Т. 1. СПб., 1889. С. 222.
- ¹⁴⁴ *Марков Г.Е.* Указ. соч. С. 267; *Толыбеков С.Е.* Указ. соч. С. 530.
- ¹⁴⁵ *Крадин Н.Н.* Указ. соч. С. 315.

- ¹⁴⁶ Толыбеков С.Е. Указ. соч. С. 514.
- ¹⁴⁷ Марков Г.Е. Указ. соч. С. 98.
- ¹⁴⁸ Бичурин И. Указ. соч. С. 142.
- ¹⁴⁹ Марков Г.Е. Указ. соч. С. 61–63, 99, 142, 260.
- ¹⁵⁰ Крадин Н.Н. Археологические признаки цивилизации... С. 202.
- ¹⁵¹ Крадин Н.Н. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 22.
- ¹⁵² Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2001. С. 38,43; Барфилд Т.Дж. Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 429.
- ¹⁵³ Гумилев Л.Н. Хунну. СПб., 1993. С. 71.
- ¹⁵⁴ Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973. С. 81
- ¹⁵⁵ См., например: Большаков О.Г. История Халифата. Т. 2. М., 1993. С. 14.
- ¹⁵⁶ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006. С. 49, 54.
- ¹⁵⁷ См.: Игнатенко А.А. Ибн-Хальдун. М., 1980; Бациева С.М. Бедуины и горожане в Муккадима Ибн Халдуна // Очерки истории Арабской культуры V–XV вв. М., 1982.
- ¹⁵⁸ Игнатенко А.А. Указ. соч. С. 73.
- ¹⁵⁹ Бациева С.М. Указ. соч. С. 329.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 333.
- ¹⁶¹ Игнатенко А.А. Указ. соч. С. 82.
- ¹⁶² Бациева С.М. Указ. соч. С. 348.
- ¹⁶³ Там же. С. 333.
- ¹⁶⁴ Игнатенко А.А. Указ. соч. С. 147.
- ¹⁶⁵ Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 507.
- ¹⁶⁶ Мак-Нил У. Восхождение Запада... С. 88, 96, 150.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 106.
- ¹⁶⁸ См.: Соколова М.Н. Современная французская историография. М., 1979. С. 177; Бациева С.М. Указ. соч. С. 311.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 119.
- ¹⁷⁰ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1996. С. 154.
- ¹⁷¹ Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton; Oxford, 2003. P. 38–77.
- ¹⁷² Коротаев А.В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта. Циклы и тенденции. М., 2006.
- ¹⁷³ Там же. С. 38.
- ¹⁷⁴ Гринин Л.Е. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁷⁵ Васильев А.С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 56.
- ¹⁷⁶ Материалы обсуждения этой проблемы см.: Якобсон В.А. Проблемы изучения истории государства и права на Древнем Востоке // Народы Азии и Африки. 1984. № 2–3.

Глава 2. ЭПОХА ПЕШИХ ЛУЧНИКОВ

- ¹ Андрианов Б.В. Земледелие наших предков. М., 1978. С. 93.
- ² Ламберт-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992. С. 102.
- ³ История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. М., 1983. С. 180.
- ⁴ Андрианов Б.В. Указ. соч. С. 94.
- ⁵ История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988. С. 22.
- ⁶ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 204.
- ⁷ Там же. С. 190, 203.
- ⁸ Adams R. McC. The Uruk Countryside. Chicago, 1972. P. 18.
- ⁹ Тюменев А.И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л., 1956. С. 135–180; Заблоцка Ю. История Ближнего Востока в древности. М., 1989. С. 106; История Древнего Востока... Ч. 1. С. 202–203.

- ¹⁰ Ламберт-Карловски К., Саблов Дж. Указ. соч. С. 169; История Древнего Востока... Ч. 1. С. 116–117; Ч. 2. С. 212, 214–216.
- ¹¹ Ламберт-Карловски К., Саблов Дж. Указ. соч. С. 169.
- ¹² Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 50; Заблоцка Ю. Указ. соч. С. 102.
- ¹³ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 174, 188, 206.
- ¹⁴ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 56.
- ¹⁵ Васильев Л.С. История Востока. Т. 1. М., 1994. С. 58.
- ¹⁶ Заблоцка Ю. Указ. соч. С. 106.
- ¹⁷ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 186.
- ¹⁸ Там же. С. 185–187.
- ¹⁹ Там же. С. 192–193.
- ²⁰ Якобсон В.А. Цари и города древней Месопотамии // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М., 1989. С. 22.
- ²¹ Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1925. С. 64.
- ²² Тюменев А.И. Указ. соч. С. 198.
- ²³ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 200, 208.
- ²⁴ Тюменев А.И. Указ. соч. С. 117, 148–149.
- ²⁵ Lefort J. The Rural Economy, Seventh–Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. P. 301.
- ²⁶ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 209.
- ²⁷ Там же. С. 242.
- ²⁸ Там же. С. 238.
- ²⁹ Wittfogel E.A. Oriental Despotism. A comparative study of total power. New Haven, 1957.
- ³⁰ Там же. С. 235–236; Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). М., 1993. С. 67; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. М., 2001. С.
- ³¹ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 236.
- ³² Тураев Б.А. История Древнего Востока. Т. 1. Л., 1935. С. 90; История Древнего Востока... Ч. 1. С. 234.
- ³³ Там же. С. 255.
- ³⁴ «Овальная пластина». Цит. по: История Древнего Востока... Ч. 1. С. 239.
- ³⁵ Тюменев А.И. Указ. соч. С. 202.
- ³⁶ Цит. по: История Древнего Востока... Ч. 1. С. 243.
- ³⁷ Дьяконов И.М. Указ. соч. С. 232.
- ³⁸ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 252.
- ³⁹ См.: История Древнего Востока... Ч. 1. С. 257.
- ⁴⁰ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 258; Ч. 2. С. 215.
- ⁴¹ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 235.
- ⁴² Никольский Н.М. Частное землевладение и землепользование в Древнем Двуречье. 1948. С. 24–26.
- ⁴³ Якобсон В.А. Указ. соч. С. 26.
- ⁴⁴ Там же. С. 26; История Древнего Востока... Ч. 1. С. 252.
- ⁴⁵ Там же. С. 248–250.
- ⁴⁶ Тюменев А.И. Указ. соч. С. 205.
- ⁴⁷ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 242; Дьяконов И.М. Указ. соч. С. 222.
- ⁴⁸ Шумер: города Эдема. М., 1997. С. 125.
- ⁴⁹ Gelb I.J. The Ancient Mesopotamian Ration Systems // Journal of Near Eastern Studies. 1965. Vol. 24. No. 3. P. 232.
- ⁵⁰ Заблоцка Ю. Указ. соч. С. 115.
- ⁵¹ «Хроника Вайднера». Цит. по: История Древнего Востока... Ч. 1. С. 255.
- ⁵² История Древнего Востока... Ч. 1. С. 263–264.

- ⁵³ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 265.
- ⁵⁴ Тюменев А.И. Указ. соч. С. 275.
- ⁵⁵ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 269.
- ⁵⁶ Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера. II пол. III тыс. до н. э. Тбилиси, 1986. С. 18; *Козырева Н.В.* Древняя Ларса. М., 1988. С. 35.
- ⁵⁷ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 269.
- ⁵⁸ Там же. С. 271.
- ⁵⁹ *Gelb I.J.* The Ancient Mesopotamian Ration Systems // *Jornal of near Eastern Studies*. 1965. Vol. 24. № 3. Р. 241; *Шарашенидзе Дж.М.* Указ соч. С. 8–9.
- ⁶⁰ Там же. С. 11–13, 120–121.
- ⁶¹ Тюменев А.И. Указ. соч. С. 252.
- ⁶² История Древнего Востока... Ч. 1. С. 270–271.
- ⁶³ Там же. С. 276; Тюменев А.И. Указ. соч. С. 259; *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 50.
- ⁶⁴ *Андрианов Б.В.* Указ. соч. С. 95.
- ⁶⁵ *Дьяконов И.М.* Люди города Ура. М., 1990. С. 9.
- ⁶⁶ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 282.
- ⁶⁷ Там же. С. 281.
- ⁶⁸ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 269.
- ⁶⁹ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 9, 21.
- ⁷⁰ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 273.
- ⁷¹ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. 1. М., 1980. С. 146–147.
- ⁷² Там же. С. 148–150.
- ⁷³ История Древнего Востока... С. 273; *Шарашенидзе Дж.М.* Указ. соч. С. 81.
- ⁷⁴ Тюменев А.И. Указ. соч. С. 271.
- ⁷⁵ *Abel W.* Crises agraires en Europe (XIIe–XXe siecle). Paris, 1973. Р. 189.
- ⁷⁶ Цит. по: История Древнего Востока... С. 287–292.
- ⁷⁷ *Васильев А.С.* История Востока. Т. 1. М., 1994. С. 96.
- ⁷⁸ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 338.
- ⁷⁹ Там же. С. 319.
- ⁸⁰ *Козырева Н.В.* Социальный состав рабочего персонала крупных хозяйств в старовавилонской Месопотамии // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М., 1989. С. 44.
- ⁸¹ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 325.
- ⁸² Там же. С. 334.
- ⁸³ *Васильев А.С.* Указ. соч. С. 91.
- ⁸⁴ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 348.
- ⁸⁵ Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963. С. 191.
- ⁸⁶ *Козырева Н.В.* Древняя Ларса. М., 1988. С. 55.
- ⁸⁷ Там же. С. 71, 74, 93; *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 169–193.
- ⁸⁸ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 325, 327.
- ⁸⁹ *Козырева Н.В.* Указ. соч. С. 10.
- ⁹⁰ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 357; *Белявский В.А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971. С. 109.
- ⁹¹ См., например: *Вебер М.* Указ. соч. С. 78, 81.
- ⁹² *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 162.
- ⁹³ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 28–30.
- ⁹⁴ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 368.
- ⁹⁵ *Андрианов Б.В.* Указ. соч. С. 100; История Древнего Востока. М., 1979. С. 133; История Древнего Востока... Ч. 1. С. 332.
- ⁹⁶ *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 220.
- ⁹⁷ *Козырева Н.В.* Социальный состав... С. 44.
- ⁹⁸ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 337.
- ⁹⁹ Там же. С. 329, 378–379.

- ¹⁰⁰ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 378–379.
- ¹⁰¹ Там же. С. 367.
- ¹⁰² Там же. С. 370.
- ¹⁰³ Грантовский Э. А. К изучению проблем политического и идеологического развития стран Востока // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987. С. 19.
- ¹⁰⁴ Цит. по: История Древнего Востока... Ч. 1. С. 371.
- ¹⁰⁵ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 367.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 367, 371, 380.
- ¹⁰⁷ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. 1. М., 1980. С. 173.
- ¹⁰⁸ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 329.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 387.
- ¹¹⁰ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 387.
- ¹¹¹ Farber H. A Price and Wage Study for Northern Babylonia During The Old Babylonian Period // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. XXI. Part. 1. P. 1–51.
- ¹¹² Ibid. Graph. 1, 9. Мы усреднили цены на мужчин и женщин, приводимые Х. Фарбером отдельно.
- ¹¹³ Ibid. Appendix. Tab. H. Мы исключили случаи найма детей родственниками, а также сомнительные случаи, выделенные в таблице знаком вопроса.
- ¹¹⁴ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 389.
- ¹¹⁵ Farber H. Op. cit. Graph. 12, 13.
- ¹¹⁶ Там же. С. 388–391, 415.
- ¹¹⁷ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 267.
- ¹¹⁸ Заблоцка Ю. Указ. соч. С. 76, 83, 128.
- ¹¹⁹ Титов В. С. К изучению миграций Бронзового века // Археологи Старого и Нового света. М., 1982. С. 93–94.
- ¹²⁰ Перепелкин Ю. Я. Древний Египет // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. М., 1988. С. 306.
- ¹²¹ Прусаков Д. Б. Социально-природный кризис и образование государства в Древнем Египте // Восток. 1994. № 3. С. 21–33.
- ¹²² Геродот. История. II, 99.
- ¹²³ Савельева Т. Н. Храмовые хозяйства Египта времен Древнего царства (III–VIII династии). М., 1992. С. 28, 107.
- ¹²⁴ Черезов Е. В. Социальное положение *mg.t* в храмовых хозяйствах Древнего царства // Вестник древней истории. 1952. № 2. С. 44.
- ¹²⁵ Перепелкин Ю. Я. Древний Египет... С. 344.
- ¹²⁶ Савельева Т. Н. Указ. соч. С. 124–125; Савельева Т. Н. Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М., 1962. С. 180.
- ¹²⁷ Там же. С. 181, 194; Савельева Т. Н. Храмовые хозяйства... С. 107.
- ¹²⁸ История Древнего Востока... Ч. 2. С. 352; Стучевский И. А. Храмовая форма царского хозяйства Древнего Египта. М., 1962. С. 70.
- ¹²⁹ Савельева Т. Н. Аграрный строй... С. 143–144.
- ¹³⁰ Перепелкин Ю. Я. Древний Египет... С. 324.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Перепелкин Ю. Я. Древний Египет... С. 360; Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 35.
- ¹³³ Заблоцка Ю. Указ. соч. С. 145; Перепелкин Ю. Я. Древний Египет... С. 323.
- ¹³⁴ Там же. С. 303.
- ¹³⁵ Там же. С. 315.
- ¹³⁶ Там же. С. 359; Заблоцка Ю. Указ. соч. С. 145.
- ¹³⁷ Перепелкин Ю. Я. Древний Египет... С. 367.
- ¹³⁸ Геродот. История. II, 124.

- ¹³⁹ *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 333.
¹⁴⁰ Там же. С. 372.
¹⁴¹ *Васильев А.С.* История Востока. Т. 1. М., 1994. С. 117.
¹⁴² *Савельева Т.Н.* Указ. соч. С. 146.
¹⁴³ *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 373.
¹⁴⁴ *Васильев А.С.* Указ. соч. С. 104; *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 343.
¹⁴⁵ *Савельева Т.Н.* Указ. соч. С. 177, 185.
¹⁴⁶ Там же. С. 128; *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 349.
¹⁴⁷ *Савельева Т.Н.* Указ. соч. С. 185; *Черезов Е.В.* Указ. соч. С. 44.
¹⁴⁸ *Савельева Т.Н.* Указ. соч. С. 176, 182, 197; *Перепелкин Ю.Я.* Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988. С. 71.
¹⁴⁹ *Савельева Т.Н.* Указ. соч. С. 176; *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 333.
¹⁵⁰ *Стучевский И.А.* Храмовая форма царского хозяйства Древнего Египта. М., 1962. С. 7, 70–71.
¹⁵¹ *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 156.
¹⁵² Речение Ипусера // Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. 1. М., 1980. С. 43–44.
¹⁵³ Там же.
¹⁵⁴ *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 158.
¹⁵⁵ *Виноградов И.В.* Среднее царство в Египте и нашествие гиксосов // История Древнего Мира. Ранняя древность. М., 1982. С. 112.
¹⁵⁶ Надпись Ити из Гебелейна // Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. 1. М., 1980. С. 30.
¹⁵⁷ Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара // Хрестоматия по истории Древнего Востока... С. 31.
¹⁵⁸ *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 162.
¹⁵⁹ Там же. С. 165; *Стучевский И.А.* Указ. соч. С. 95.
¹⁶⁰ *Виноградов И.В.* Указ. соч. С. 118, 121.
¹⁶¹ *Прусаков Д.Б.* Природа и человек в Древнем Египте. М., 1999. С. 164.
¹⁶² Там же. С. 118; *Берлев О.Д.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978. С. 36.
¹⁶³ Там же. С. 39, 49.
¹⁶⁴ *Васильев А.С.* Указ. соч. С. 107.
¹⁶⁵ *Снигирев И.Л., Францов Ю.П.* Древний Египет. Л., 1938. С. 167–168.
¹⁶⁶ *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 54; *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 166.
¹⁶⁷ *Снигирев И.Л., Францов Ю.П.* Указ. соч. С. 170–171.
¹⁶⁸ *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 168.
¹⁶⁹ *Берлев О.Д.* Указ. соч. С. 99.
¹⁷⁰ *Стучевский И.А.* Зависимое население Древнего Египта. М., 1966. С. 52.
¹⁷¹ *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 173.
¹⁷² Надпись Сенусерта III из Семне. Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. 1... С. 37.
¹⁷³ *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 406.
¹⁷⁴ Там же. С. 408.
¹⁷⁵ *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 170.

Глава 3. ЭПОХА БОЕВЫХ КОЛЕСНИЦ

- ¹ *Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV века. М.; Л., 1956. С. 124.
² *Горелик М.В.* Боевые колесницы Переднего Востока III–II тысячелетия до н. э. // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 187–188; *Кожин П.М.* К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 170–171.
³ *Горелик М.В.* Боевые колесницы... С. 191.

⁴ См.: Кузьмина Е.Е. Первая волна миграции индоиранцев на юг // Вестник древней истории. 2000. № 4. С. 3–4; Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 204.

⁵ Кожин П. М. К проблеме происхождения... С. 176.

⁶ Cbilde V.G. The diffusion of Wheeled Vehicles // Ethnog. Arch Forschungen. 1954. Bd. II. P. 7–17.

⁷ Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого Шелкового пути: контакты населения Евразийских степей и Синьцзяна в эпоху бронзы // Вестник древней истории. 1999. № 1. С. 171.

⁸ Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. С. 190; Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1994. С. 61.

⁹ Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 67, 87.

¹⁰ Массон В.М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // STRATUM. 1999. № 5; Кузьмина Е.Е. Первая волна миграции... С. 19.

¹¹ Кузьмина Е.Е. Первая волна миграции... С. 10.

¹² См.: Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 204.

¹³ Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 2001. С. 225.

¹⁴ Массон В.М. Древние цивилизации Востока...

¹⁵ Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. С. 189–192, 263; Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977. С. 55, 57.

¹⁶ Кузьмина Е.Е. Экология степей Евразии... II. С. 84.

¹⁷ Mayrhofer M. Die Indo-Arier im alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966; Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого Шелкового пути... С. 171.

¹⁸ Кузьмина Е.Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения кочевников. II // Вестник древней истории. 1997. № 2. С. 86, 91; Лопатин В.А. Элементы социокультуры позднелерхобитных индоиранских обществ Центральной Азии // http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/reg_ist/iran/default.php

¹⁹ Кузьмина Е.Е. Первая волна миграции... С. 19.

²⁰ Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. М., 1980. С. 15; Osada Toshiki. Did the Aryan invasions happen? In the rise of the Hindu nationalism: Linguistical, archaeological and Indological reexamination // Нихон кэнкю: = Bull. of Intern. research center for Japanese studies. Киото, 2001. № 23. С. 179–226.

²¹ Thieme P. The 'Aryan Gods' of the Mitanni Treaties // Journal of the American Oriental Society. 1960. Vol. 80. P. 301–317.

²² История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. М., 1988. С. 127–128.

²³ Eusebius of Caesarea: Praeparatio Evangelica. IX. 17.

²⁴ See: Linduff K. Zhukaigou, Stepp Culture and Rise of Chinese Civilization // Antiquity. 1995. Vol. 69. № 262. P. 133–145.

²⁵ http://encyclopedia.thefreedictionary.com/_/viewer.aspx?path=5/5a/&name=IE_expansion.png

²⁶ Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии?.. С. 190.

²⁷ Горелик М.В. Боевые колесницы... С. 200; Он же. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). М., 1993. С. 46, 49, 138.

²⁸ Nagel W. Der mesopotamische Streitwagen und seine Entwicklung im ostmediterranean Bereich. Berlin: Hessling, 1966. P. 36; Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии?.. С. 168.

²⁹ Pulleyblank E. Early Contact between Indo-Turopeans and Chinese // International Review of Chinese Linguistics. 1996. Vol. 1. № 1. P. 1–24; Горелик М.В. Боевые колесницы... С. 194; Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Указ. соч. С. 53.

³⁰ Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 28–52.

- ³¹ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 386, 391; История Древнего Востока... Ч. 2. С. 71–72; *Виноградов И.В.* Среднее царство в Египте и нашествие гиксосов // История Древнего Мира. Ранняя древность. М., 1982. С. 124.
- ³² История Древнего Востока... Ч. 1. С. 415, 421–422.
- ³³ Там же. С. 436.
- ³⁴ Там же. С. 432–433.
- ³⁵ Там же. С. 420–421.
- ³⁶ Там же. С. 418–419; *Якобсон В.А.* Месопотамия в XVI–XI вв. до н. э. // История Древнего Мира. Ранняя древность. М., 1982. С. 186.
- ³⁷ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 436.
- ³⁸ Там же. С. 423, 435–442.
- ³⁹ Там же. С. 439.
- ⁴⁰ *Candler T.* Four Thousand Years of Urban Growth. An Historical Census. Lewiston, N. Y., 1987.
- ⁴¹ ИДВ. Ч. 2. С. 78–81.
- ⁴² ИДВ. Ч. 1. С. 439.
- ⁴³ Там же. С. 444.
- ⁴⁴ Цит по: История Древнего Востока... Ч. 1. С. 428.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. С. 320.
- ⁴⁷ *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 31.
- ⁴⁸ *Отпенхейм А.* Указ. соч. С. 122.
- ⁴⁹ Цит. по: *Отпенхейм А.* Указ. соч. С. 122.
- ⁵⁰ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 137–138.
- ⁵¹ *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 16–17, 108–109.
- ⁵² *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 334; *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 21.
- ⁵³ Цит. по: *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 186.
- ⁵⁴ *Якобсон В.А.* Указ. соч. С. 36–37.
- ⁵⁵ *Дьяконов И.М.* Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949. С. 18–20.
- ⁵⁶ История Древнего Востока... Ч. 2. С. 95–98.
- ⁵⁷ История Древнего Востока... Ч. 2. С. 96, 100.
- ⁵⁸ *Литвинский Б.А.* Храм Окса... Т. 2. Табл. 9.
- ⁵⁹ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 68.
- ⁶⁰ История Древнего Востока... Ч. 2. С. 97; *Якобсон В.А.* Месопотамия в XVI–XI вв. до н. э. // История Древнего Мира. Ранняя древность. М., 1982. С. 195–196.
- ⁶¹ История Древнего Востока... Ч. 2. С. 100–101.
- ⁶² История Древнего Востока... Ч. 1. С. 426; История Древнего Востока... Ч. 2. С. 104.
- ⁶³ История Древнего Востока... Ч. 2. С. 103–104.
- ⁶⁴ *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 19; *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 78; *Заблоцка Ю.С.* Указ. соч. 273.
- ⁶⁵ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 78.
- ⁶⁶ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 78; История Древнего Востока... Ч. 2. С. 106.
- ⁶⁷ Там же. С. 106–109.
- ⁶⁸ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 79.
- ⁶⁹ *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 312, 319.
- ⁷⁰ История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй (далее — ИДВ. Ч. 3) М., 2004. С. 346–347.
- ⁷¹ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 81–82.
- ⁷² *Ллойд С.* Археология Месопотамии. М., 1984. С. 202, 207; *Отпенхейм А. Лео.* Древняя Месопотамия (Портрет погибшей цивилизации). М., 1980. С. 142.
- ⁷³ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 86.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ ИДВ. Ч. 3. С. 368.

- ⁷⁶ Там же. С. 351–352.
- ⁷⁷ *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 14; *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 324, 327; *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 85.
- ⁷⁸ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. 1. М., 1980. С. 58.
- ⁷⁹ *Helck W.* Altägyptische Aktenkunde des 3. und 2. Jahrtausends v. Chr. München, 1974.
- ⁸⁰ *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 415.
- ⁸¹ *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 458–464; *Титов В.С.* К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С. 115.
- ⁸² *Виноградов И.В.* Новое царство в Египте // История Древнего Мира. Ранняя древность. М., 1982. С. 241; *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 238.
- ⁸³ *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 486–487.
- ⁸⁴ Там же. С. 421.
- ⁸⁵ Там же. С. 416, 423.
- ⁸⁶ *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 241.
- ⁸⁷ *Виноградов И.В.* Указ. соч. С. 242, 248.
- ⁸⁸ *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 241.
- ⁸⁹ *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 474.
- ⁹⁰ Там же. С. 504.
- ⁹¹ *Виноградов И.В.* Указ. соч. С. 248–250; *Брэстед Д.Г.* История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. Т. 2. М., 1915. С. 72.
- ⁹² *Стучевский И.А.* Храмовая форма... С. 79.
- ⁹³ *Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV века. М.; Л., 1956. С. 250; История Древнего Востока... Ч. 2. С. 479.
- ⁹⁴ *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 486–487.
- ⁹⁵ *Эдаков А.В.* Египетское государство в VII–VI вв. до н. э. // Государство на Древнем Востоке. М., 2004. С. 190.
- ⁹⁶ *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 479, 486–487.
- ⁹⁷ Цит. по: *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 487.
- ⁹⁸ *Стучевский И.А.* Государственное (царско-храмовое) хозяйство и господствующий класс древнего Египта // Государство на Древнем Востоке. М., 2004. С. 185.
- ⁹⁹ *Богословский Е.С.* Об основных производителях материальных и духовных ценностей в Египте второй половины II тысячелетия до н. э. // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М., 1984. С. 70; *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 549–550; *Брэстед Д.Г.* Указ. соч. С. 140.
- ¹⁰⁰ *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 481–482; *Стучевский И.А.* Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982. С. 24, 53, 245.
- ¹⁰¹ *Богословский Е.С.* Об основных производителях... С. 52.
- ¹⁰² *Прусаков Д.Б.* Социально-экологический кризис в Древнем Египте и упадок Нового царства // Восток. 1996. № 1. С. 21; *Богословский Е.С.* «Рабы» в текстах из Дер эль-Медина // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М., 1984. С. 104.
- ¹⁰³ *Брэстед Д.Г.* Указ. соч. С. 188; *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 552.
- ¹⁰⁴ *Butzer K.* Early Hydraulic Civilization in Egypt. Chicago, 1976. P. 85.
- ¹⁰⁵ *Chandler T.* Four Thousand Years of Urban Growth. An Historical Census. Lewiston, N. Y., 1987.
- ¹⁰⁶ *Прусаков Д.Б.* Природа и человек... С. 167.
- ¹⁰⁷ Завещание Рамзеса III // Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. 1. М., 1980. С. 111; *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 561.
- ¹⁰⁸ *Титов В.С.* К изучению миграций Бронзового века // Археологи Старого и Нового Света. М., 1982. С. 127–128, 133.
- ¹⁰⁹ Завещание Рамзеса III... С. 111–112.
- ¹¹⁰ Завещание Рамзеса III... С. 112.
- ¹¹¹ *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 560–562, 571.

- ¹¹² *Заблоцка Ю.* Указ.соч. С. 285–286.
- ¹¹³ *Снигирев И.А., Францов Ю.П.* Указ. соч. С. 257.
- ¹¹⁴ *Завещание Рамзеса III...* С. 114.
- ¹¹⁵ *Cerny J.* Fluctuation in grain prices during the XX egyptian dynasty // Archiv orientalni. 1934. Vol. VI. P. 176.
- ¹¹⁶ Measuring volume in Ancient Egypt // <http://www.digitalegypt.ucl.ac.uk/weights/volume.html>
- ¹¹⁷ *Завещание Рамзеса III...* С. 112.
- ¹¹⁸ *Cerny J.* Op. cit. P. 906.
- ¹¹⁹ *Gardiner A.N.* The Bilbour Papyrus. Vol. II. Oxford, 1948. P. 79–84.
- ¹²⁰ *Стучевский И.А.* Государственное (царско-храмовое) хозяйство... С. 172.
- ¹²¹ *Gardiner A.N.* Op. cit. P. 91.
- ¹²² *Стучевский И.А.* Земледельцы государственного хозяйства... С. 133.
- ¹²³ *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 566–567, 570.
- ¹²⁴ *Cerny J.* Op. cit. P. 906.
- ¹²⁵ *Gentet D., Maucourant J.* Some Reflections on Price Formation and Price Fluctuation in the Case Egypt at The End of the Second Millennium B.C. // thorstein.veblen.free.fr/documents/JM9201.pdf
- ¹²⁶ *Cerny J.* Fluctuation in grain prices during the XX egyptian dynasty // Archiv orientalni. 1934. Vol. VI. P. 176.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет... С. 570.
- ¹²⁹ *Брэстед Д.Г.* Указ. соч. С. 209.
- ¹³⁰ Цит. по: *Cerny J.* Op. cit. P. 177.
- ¹³¹ *Cerny J.* Prices and Wages in Egypt in the Ramesside period // Cahiers d'histoire mondiale. 1954. Vol. 1. № 1. P. 906.
- ¹³² *Стучевский И. А.* «Притеснение» первого жреца Амуна Аменхотепа и вторжение войск «царского сына Куша» Панехси // Вестник древней истории. 1983. № 1.
- ¹³³ *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 286.
- ¹³⁴ *Дандамаев М.А., Виноградов И.В.* Нововавилонская держава и поздний Египет // История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1982. С. 139.
- ¹³⁵ *Брэстед Д.Г.* Указ. соч. С. 208.
- ¹³⁶ *Эдаков А.В.* Указ. соч. С. 41.
- ¹³⁷ *Стучевский И.А.* Храмовая форма... С. 106.
- ¹³⁸ *Перепелкин Ю.А.* История Древнего Египта. СПб., 2000. С. 385.
- ¹³⁹ *Снигирев И.А., Францов Ю.П.* Указ. соч. С. 265.
- ¹⁴⁰ *Стучевский И.А.* Указ. соч. С. 102; *Эдаков А.В.* Указ. соч. С. 68.
- ¹⁴¹ *Брэстед Д.Г.* Указ. соч. С. 210–220.
- ¹⁴² Хрестоматия по истории Древнего Мира. Т. 1. М., 1950. С. 122–123.
- ¹⁴³ *Стучевский И.А.* Земледельцы государственного хозяйства... С. 196–198.
- ¹⁴⁴ *Васильев А.С.* Указ. соч. С. 116.
- ¹⁴⁵ *Эдаков А.В.* Указ. соч. С. 25.
- ¹⁴⁶ *Брэстед Д.Г.* Указ. соч. С. 244.
- ¹⁴⁷ *Васильев А.С.* Указ. соч. С. 179.
- ¹⁴⁸ Так же. С. 179–180; *Linduff K.* Zhukaigon, stepp Culture and Rise of Chinese Civilization // Antiquity. 1995. Vol. 69. № 262. P. 133–145; *Loer M.* Chinese Bronze Age Weapons. London, 1956.
- ¹⁴⁹ *Степугина Т.В.* Первые государства в Китае // История Древнего Мира. Ранняя древность. М., 1982. С. 147–149, 156–158; *Фань Вэнь-лань.* Древняя история Китая. М., 1958. С. 52, 56.
- ¹⁵⁰ *Needham J.* Science and Civilization in China. Vol. I. Cambridge, 1956. P. 83–84.
- ¹⁵¹ *Pulleyblank E.* Early Contact between IndoEuropeans and Chinese // International Review of Chinese Linguistics. 1996. Vol. 1. № 1. P. 1–24.

¹⁵² Needham J. Op. cit. P. 159.

¹⁵³ Крюков М.В., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этно-генеза. М., 1978. С. 175.

¹⁵⁴ Там же. С. 104; Васильев А.С. Указ. соч. С. 187–188, 192.

¹⁵⁵ Т.В. Степугина (Указ. соч. С. 167) утверждает, что периметр стен не превосходил 800 метров, отсюда следует, что площадь не превосходила 4 гектаров или 10 акров. Согласно О.Г. Большакову, плотность населения в городах Востока не превышала 250 человек/га (Большаков О.Г. Указ. соч. С. 21). Таким образом, население чжоуских «городов-крепостей» не превосходило 1 тыс. человек.

¹⁵⁶ Степугина Т.В. Указ. соч. С. 165–167; Фань Вэнь-лань. Указ. соч. С. 84, 87; Переломов А.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. С. 18–19; Васильев А.С. Аграрные отношения и община в древнем Китае. М., 1961. С. 206–207.

¹⁵⁷ Фань Вэнь-лань. Указ. соч. С. 107, 126, 215; Васильев А.С. История Востока... С. 192.

¹⁵⁸ Васильев А.С. Древний Китай. Т. 2. М., 2000. С. 339–346.

¹⁵⁹ Там же. С. 346.

¹⁶⁰ Крил Х.Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу. СПб., 2001. С. 182, 189.

¹⁶¹ Cheng Te-k'ün. Archeology of China. Vol. III. Chou China. Cambridge, 1963. P. 243.

¹⁶² Dwyer B. Scythian-style bows discovered in Xinjiang // Journal of Society of Archer-Antiquaries. 2003. Vol. 46.

¹⁶³ Степугина Т.В. Китай в первой половине I тысячелетия до н. э. // История Древнего Мира. Ранняя древность. М., 1982. С. 362–363; Рубин В.А. Народное собрание в Древнем Китае в VII–V веках до н. э. // Вестник древней истории. 1960. № 4. С. 25–30.

¹⁶⁴ Фань Вэнь-лань. Указ. соч. С. 113; Рубин В.А. Указ. соч. С. 38.

¹⁶⁵ Рубин В.А. Указ. соч. С. 119, 141; Переломов А.С. Указ. соч. С. 20–22; История Востока. Т. 1. Восток в древности. М., 1997. С. 210.

¹⁶⁶ Ши цзин // Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972. С. 79, 80, 93.

¹⁶⁷ Цит. по: Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956. С. 47–52.

¹⁶⁸ Рубин В.А. Указ. соч. С. 24.

¹⁶⁹ Крюков М.В., Переломов А.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С. 43.

¹⁷⁰ Фань Вэнь-лань. Указ. соч. С. 98.

¹⁷¹ Васильев К.В. Данные о социальном слое гоженей в период Чуньцю // Социальные организации в Китае. М., 1981. С. 19.

¹⁷² Рубин В.А. Указ. соч. С. 31; Переломов А.С. Указ. соч. С. 46.

¹⁷³ Цит. по: Фань Вэнь-лань. Указ. соч. С. 161.

¹⁷⁴ Цит. по: Го Мо-жо. Философы Древнего Китая. М., 1961. С. 454.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Фань Вэнь-лань. Указ. соч. С. 142, 149.

¹⁷⁷ Мо-цзы // Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972. С. 194.

¹⁷⁸ Васильев А.С. Древний Китай. Т. 2. М., 2000. С. 339–346.

Глава 4. НАЧАЛО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

¹ История Древнего мира. Кн. 2. М., 1982. С. 52–54.

² Иванов В.В. Железо // Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века. М., 1980. С. 64–66; Snodgrass A.M. Early Iron in the Mediterranean // The Coming of the Age of Iron. New Haven, 1980. P. 335–374.

³ История Древнего мира. Кн. 2... С. 56; Горелик М.В. Указ. соч. С. 29–30.

⁴ История Древнего мира. Кн. 2... С. 55–59; Есян С.А. Оружие и военное дело Древней Армении (III–I тыс. до н. э.). Ереван, 1966. С. 106.

⁵ Горелик М.В. Указ. соч. С. 30, 123; История Древнего Востока. Т. 3. М., 2004. С. 354, 360.

⁶ *Miller R., McEwen E., Bergman C.* Experimental approaches to ancient Near Eastern archery // *World Archaeology*. 1986. Vol. 18. № 2. Р. 182–184; *Горелик М.В.* Указ. соч. С. 70; *Есян С.А.* Указ. соч. С. 107.

⁷ *Якобсон В.А.* Указ. соч. С. 33; *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 330, 331.

⁸ *Иванов В.В.* Указ. соч. С. 66–68; *Корякова Л.Н.* Археология раннего железного века Евразии. Екатеринбург, 2000; *Черноусов П.И., Мпельман В.М., Голубев О.В.* Металлургия железа в истории цивилизации. М., 2006. С. 106.

⁹ *Иванов В.В.* Указ. соч. С. 66–68; *Геродот.* I. 215.

¹⁰ *McNeill W.* The pursuit of power: technology, armed force, and society since A.D. 1000. Oxford, 1983. P. 12.

¹¹ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 108; *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 14–15.

¹² *McNeill W.* The pursuit of power... P. 13.

¹³ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 107, 110, 118; *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 337.

¹⁴ Там же. С. 331, 337; *Якобсон В.А.* Новоассирийская держава // *История Древнего Мира. Расцвет древних обществ.* М., 1982. С. 33; *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 100, 102, 112.

¹⁵ *Сэгс Х.* Вавилон и Ассирия. М., 2004. С. 120–122.

¹⁶ *McNeill W.* The pursuit of power... P. 13.

¹⁷ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 107.

¹⁸ *Пигулевская Н.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956. С. 39–41.

¹⁹ Там же. С. 21; *Всемирная история.* Т. 3. Минск, 1996. С. 169.

²⁰ *Заблоцка Ю.* Указ. соч. С. 334; *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 21.

²¹ *Оппенгейм А.* Указ. соч. С. 142.

²² *Якобсон В.А.* Указ. соч. С. 38.

²³ *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 47–48.

²⁴ *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 231.

²⁵ *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 61–67.

²⁶ Там же; *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 28.

²⁷ *Dubberstein W.H.* Comparative prices in later Babilonia (625–400 b. c.) // *The American journal of semitic languages and literatures*. 1939. Vol. 56. P. 37.

²⁸ Цит. по: *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 93. См. так же: *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 97; *Тураев Б.А.* История Древнего Востока. Т. 2. Л., 1935. С. 91.

²⁹ *Дандамаев М.А.* Нововавилонское общество и экономика // *Государство на Древнем Востоке.* М., 2004. С. 73.

³⁰ *Оппенгейм А. Лео.* Указ. соч. С. 142; *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 157.

³¹ Там же. С. 128–129; *Дандамаев М.А.* Рабство в Вавилонии... М., 1974. С. 40.

³² *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 152–153.

³³ Там же. С. 109.

³⁴ *Дандамаев М.А.* Рабство в Вавилонии... С. 345–353, 364–365; *Дандамаев М.А.* Нововавилонское общество... С. 72.

³⁵ *Дандамаев М.А.* Рабство в Вавилонии... С. 35, 37.

³⁶ *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 224–226, 253–255.

³⁷ Там же. С. 253–255.

³⁸ Там же. С. 93, 122, 225–227.

³⁹ *Дандамаев М.А.* Указ. соч. С. 32, 81, 83.

⁴⁰ *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 113.

⁴¹ Там же. С. 236, 248.

⁴² Цит. по: *Дандамаев М.А.* Указ. соч. С. 29.

⁴³ *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 258, 261.

⁴⁴ Там же. С. 278–280.

⁴⁵ Там же. С. 284–285.

⁴⁶ *Dubberstein W.H.* Op. cit.; *Дандамаев М.А.* Указ. соч.

⁴⁷ Для 556–539 гг. исключены цены 0,42 и 10 шекелей за гур; вторая цена, по-видимому, является ценой голодных лет. Поскольку цены голодных лет могут быть астрономическими, то, по нашему мнению, они не должны учитываться в средней цене. Таким же образом мы исключили цену в 10 шекелей для периода 530–485 гг.

⁴⁸ Считается 26 рабочих дней в неделю.

⁴⁹ Дж. Гайнгер (*Grainger J. Prices in Hellenic Babylonia* // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1999. Vol. 42 (3). P. 303–325) отмечает, что для Вавилонии вообще характерны большие колебания в ценах от года к году, в зависимости от погодных условий и других случайных факторов. Поскольку количество цен, приводимых В. Дабберстайном, относительно невелико, то, как полагает Дж. Гайнгер, различие в подсчитанных средних ценах для разных периодов может объясняться случайными колебаниями цен. Это предположение можно проверить с помощью критерия Уилкоксона. Если разбить всю совокупность данных на две части, относящиеся к 605–539 и 530–485 годам, то проверка показывает, что гипотеза о том, что средние цены от одного периода к другому в действительности существенно не менялись, должна быть отвергнута с вероятностью 99 %.

⁵⁰ Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 84.

⁵¹ Нег. III, 150, 159.

⁵² Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии... С. 29; Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. 2. М., 1980. С. 37.

⁵³ Diod. II, 9, 9.

⁵⁴ Дандамаев М. А. Указ. соч. С. 10, 11; Дандамаев М. А. Политическая история... С. 138.

⁵⁵ Вебер М. Указ. соч.

⁵⁶ Meissner B. *Babylonien und Assyrien*. Bd. I. Heidelberg, 1920.

⁵⁷ Тураев Б. А. Указ. соч.

⁵⁸ Вебер М. Указ. соч. С. 64.

⁵⁹ Перепелкин Ю. А. История Древнего Египта... С. 410, 421–422.

⁶⁰ Ger. Hist. II. 163–168.

⁶¹ Эдаков А. В. Указ. соч. С. 35–36, 66, 75.

⁶² Там же. С. 8, 16, 24, 49.

⁶³ Там же. С. 34, 69; Брэстед Д. Г. Указ. соч. С. 258.

⁶⁴ Эдаков А. В. Указ. соч. С. 78–80.

⁶⁵ Эдаков А. В. Указ. соч. С. 7–8.

⁶⁶ Ger. Hist. II. 177.

⁶⁷ Дандамаев М. А. Политическая история... С. 156; Kienitz F. K. *Die saitishe Renaissance* // *Fischer Weltgeschichte*. 1967. Bd. 4. S. 274.

⁶⁸ Эдаков А. В. Указ. соч. С. 30, 41.

⁶⁹ Перепелкин Ю. Я. История Древнего Египта... С. 424–425.

⁷⁰ Там же. С. 426–427.

⁷¹ Эдаков А. В. Указ. соч. С. 72.

⁷² Там же. С. 17; Снигирев И. Л., Францов Ю. П. Указ. соч. С. 266; Брэстед Д. Г. Указ. соч. С. 276.

⁷³ Снигирев И. Л., Францов Ю. П. Указ. соч. С. 266; Эдаков А. В. Указ. соч. С. 17.

⁷⁴ Дандамаев М. А. Указ. соч. С. 59.

⁷⁵ Эдаков А. В. Позднеегипетская литература. Новосибирск, 1986. С. 36.

⁷⁶ Эдаков А. В. Общество и государство... С. 68.

⁷⁷ Дандамаев М. А. Указ. соч. С. 136, 179–182.

⁷⁸ Там же. С. 46–48.

⁷⁹ *Фань Вэнь-лань*. Указ. соч. С. 149.

⁸⁰ Там же. С. 186; Васильев К. В. Пожалование «поселений» и раздача земель в Древнем Китае // *Проблемы социально-экономической истории древнего мира*. М.; Л., 1963. С. 113–114.

⁸¹ Цит. по: *Крил Х. Г.* Указ. соч. С. 13.

⁸² Там же. С. 18–19, 25.

- ⁸³ Степугина Т.В. Указ. соч. С. 498.
- ⁸⁴ Фань Вэнь-лань. Указ. соч. С. 229.
- ⁸⁵ 1 дань = 29, 96 кг, см.: Кроль Ю.А., Романовский Ю.С. Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы Востока. 1982. Вып. 23. С. 237. Нормы потребления: Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990. С. 208.
- ⁸⁶ Мэн-цзы // Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972. С. 230–231.
- ⁸⁷ История Древнего Востока. Т. 3... С. 282–283, 287, 304; Крюков М.В., Переломов А.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй... С. 160–161.
- ⁸⁸ Васильев К.В. Пожалование «поселений»... С. 117.
- ⁸⁹ Вэй Ляо-цзы // У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. СПб., 2001. С. 324.
- ⁹⁰ Горелик М.В. Указ. соч. С. 78.
- ⁹¹ Сойер Р. Общее вступление. Исторический контекст и формирование военного канона // У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. СПб., 2001. С. 29.
- ⁹² Фань Вэнь-лань. Указ. соч. С. 219; Степугина Т.В. Расцвет рабовладельческого общества в Китае // История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1982. С. 498; Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990. С. 28, 49–50; История Древнего Востока. Т. 3. С. 282–283.
- ⁹³ Кульпин Э.С. Указ. соч. С. 49–50.
- ⁹⁴ Цит. по: Васильев К.В. Планы сражающихся царств. М., 1968. С. 223.
- ⁹⁵ Книга правителя области Шан. М., 1993. С. 199.
- ⁹⁶ Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 2. М., 1975. С. 85.
- ⁹⁷ Мэн-цзы // Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972. С. 236.
- ⁹⁸ Хань Фэй-цзы // Древнекитайская философия. Т. 2. М., 1973. С. 277.
- ⁹⁹ Там же. С. 261–262.
- ¹⁰⁰ Фань Вэнь-лань. Указ. соч. С. 213–214.
- ¹⁰¹ Степугина Т.В. Указ. соч. С. 503.

Глава 5. КАВАЛЕРИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

- ¹ Ковалевская В.В. Конь и всадник. М., 1977. С. 82–85, 115.
- ² McNeill W. The pursuit of power... P. 16.
- ³ Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 185; Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 29–30.
- ⁴ Plut. Grass. 24, 5; Никаноров В.П. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. 2002. Т. 1. С. 262. Прим. 54.
- ⁵ Ковалевская В.В. Указ. соч. С. 83; Хазанов А.М. Очерки военного дела... С. 68–70; Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. М., 1993. С. 35, 73.
- ⁶ Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. С. 133; Кляшторный С.Г., Султанов Г.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. С. 43.
- ⁷ Кляшторный С.Г., Султанов Г.И. Указ. соч. С. 42.
- ⁸ Археология СССР. М., 1982. С. 118.
- ⁹ Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. С. 54–55.
- ¹⁰ Кызласов А.Р. Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // Советская археология. 1977. № 2; Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 182.
- ¹¹ Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 12, 15.
- ¹² Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования этноса. М., 1990. С. 23–24; Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 215; Ельницкий Л.А. Указ. соч. С. 33.
- ¹³ Геродот. IV.20, 71–72.
- ¹⁴ Геродот. IV. 11–12.

- ¹⁵ *Геродот.* IV. 11–12.
- ¹⁶ *Ковалевская В.В.* Указ. соч. С. 108.
- ¹⁷ *Горелик М.В.* Указ. соч. С. 108; *Хазанов А.М.* Очерки военного дела... С. 56.
- ¹⁸ *Геродот.* I. 73, 103.
- ¹⁹ Иеремия: 6, 22–23.
- ²⁰ *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.И.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978. С. 179–184.
- ²¹ *Дьяконов И.М.* История Мидии... С. 124; *Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий Л.М.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 8.
- ²² Там же. С. 13.
- ²³ История Ирана. М., 1977. С. 40–41.
- ²⁴ *Дандамаев М.А.* Месопотамия в ахеменидский период: симбиоз тысячелетних и новых государственных институтов // Государство на Древнем Востоке. М., 2004. С. 106.
- ²⁵ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 290, 295; *Хеп. Anab.* III., 3, 10.
- ²⁶ *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 79.
- ²⁷ *Дьяконов И.М.* История Мидии... С. 361, 366.
- ²⁸ Там же. С. 415–423.
- ²⁹ *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Указ. соч. С. 144.
- ³⁰ *Нер.* I, 136.
- ³¹ *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Указ. соч. С. 229; *Ксенофонт.* Киропедия. VIII, VIII, 22.
- ³² *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Указ. соч. С. 114, 158, 237; *Нечитайлов М.* Конница Ахеменидской державы во второй половине V в. до н. э. // *Para bellum.* 2000. № 10.
- ³³ *Дьяконов И.М.* Рабовладельческие имения персидских вельмож // *Вестник древней истории.* 1959. № 4. С. 78.
- ³⁴ *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Указ. соч. С. 158; *Дандамаев М.А.* Рабство в Вавилонии... С. 40.
- ³⁵ Там же. С. 152.
- ³⁶ *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Указ. соч. С. 113–125, 161.
- ³⁷ Там же. С. 187, 199.
- ³⁸ Там же. С. 170.
- ³⁹ *Hignett Ch.* Xerxes invasion in Greece. Oxford, 1963. P. 44.
- ⁴⁰ *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Указ. соч. С. 238.
- ⁴¹ Там же. Указ. соч. С. 187.
- ⁴² *Нер.* IV. 84.
- ⁴³ *Дандамаев М.А.* Указ. соч. С. 176–177, 195, 204.
- ⁴⁴ *Stolper M.* Entrepreneurs and empire: the Murašû Archive, the Murašû Firm, and Persian rule in Babylonia. Istanbul, 1985. P. 143–145.
- ⁴⁵ *Белявский В.А.* Указ. соч. С. 298.
- ⁴⁶ *Дандамаев М.А.* Политическая история... С. 186.
- ⁴⁷ *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Указ. соч. С. 253.
- ⁴⁸ Там же. С. 175.
- ⁴⁹ *Dandamaev M.* Wages and Prices in Babylonia in the 6th and 5th Centuries B.C // *Altorientalische Forschungen.* 1988. Bd. 15. N1. P. 54.
- ⁵⁰ *Дандамаев М.А.* Рабство в Вавилонии... С. 75.
- ⁵¹ *Hallock R.T.* The Evidence of the Persepolis Tablets // *The Cambridge History of Iran.* Vol. 1. Cambridge, 1980. P. 604.
- ⁵² *Дандамаев М.А.* Указ. соч. С. 11.
- ⁵³ *Дандамаев М.А.* Политическая история... С. 138.
- ⁵⁴ *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Указ. соч. С. 197, 228.
- ⁵⁵ Подсчитано по: *van der Spek R.J.* Commodity Prices in Babylon 385–61 BC // <http://www.iisg.nl/hpw/babylon.php>. Мы подсчитывали сначала средние для каждого года, а затем средние для временных промежутков.

- ⁵⁶ Oelsner J. Krisenerscheinungen im Achaimenidenreich im 5. und 4. Jahrhundert v. u. z. // *Hel-lenshe Poles*. Bd. 3. B., 1973. S. 1053.
- ⁵⁷ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Указ. соч. С. 212.
- ⁵⁸ Неемия. VII, 66.
- ⁵⁹ Неемия. V, 3.
- ⁶⁰ Дандамаев М.А. Указ. соч. С. 187.
- ⁶¹ Дандамаев М.А. Рабство в Вавилонии... С. 11–12.
- ⁶² Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Указ. соч. С. 160–161; Нечитайлов М. Указ. соч.
- ⁶³ Ксенофонт. Киропедия. VIII, VIII, 15.
- ⁶⁴ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Указ. соч. С. 153.
- ⁶⁵ Цит. по: Кляшторный С.Г., Султанов Г.И. Государства и народы Евразийских степей. СПб., 2000. С. 44.
- ⁶⁶ Цит. по: Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии... С. 38.
- ⁶⁷ Дандамаев М.А. Политическая история... С. 227.
- ⁶⁸ См. например: Brundage B.C. Feudalism in ancient Mesopotamia and Iran // *Feodalism in history*. Princeton, 1956; Coulborn R. A comparative study of feudalism // *Feodalism in history*. Princeton, 1956.
- ⁶⁹ Там же. С. 249, 254.
- ⁷⁰ Подсчитано по: van der Spek R.J. Op. cit.
- ⁷¹ Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Ч. 1. М., 1960. С. 121.
- ⁷² Подсчитано по: van der Spek R.J. Op. cit.
- ⁷³ Meissner B. Op. cit. S. 385.
- ⁷⁴ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 143, 193, 201, 236.
- ⁷⁵ Геродот. История. III. 91.
- ⁷⁶ Цит по: Тураев Б.А. Указ. соч. С. 162; см. также: Дандамаев М.А. Указ. соч. С. 205, 241–245, 252; Эдаков А.В. Позднеегипетская литература... С. 20.
- ⁷⁷ Гумилев Л.Н. Хунну. СПб., 1993. С. 16.
- ⁷⁸ Сыма Цянь. Ши цзи. Т. 7, М., 1996 г. Гл. 70.
- ⁷⁹ Военные законы Сунь Биня // Китайская военная стратегия. М., 2002. С. 333. См. также: Шесть секретных учений Тай-гуна // У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. СПб., 2001. С. 138.
- ⁸⁰ Там же. С. 134, 137; Китайская военная стратегия. М., 2002. С. 15.
- ⁸¹ Там же. С. 49, 116, 119; Фань Вэнь-лань. Указ. соч. С. 205–208.
- ⁸² Васильев К.В. Некоторые черты положения земледельцев в Империи Цинь // Государство и социальные структуры на Древнем Востоке. М., 1989. С. 130.
- ⁸³ Переломов А.С. Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае. М., 1962. С. 67, 94.
- ⁸⁴ Кульпин Э.С. Указ. соч. С. 50–51.
- ⁸⁵ Степугина Т.В. Указ. соч. С. 509.
- ⁸⁶ Там же. С. 512; Переломов А.С. Указ. соч. С. 154.
- ⁸⁷ Там же. С. 54, 61.
- ⁸⁸ Там же. С. 132.
- ⁸⁹ Фань Вэнь-лань. Указ. соч. С. 113.
- ⁹⁰ Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956. С. 44; Переломов А.С. Указ. соч. С. 103–105, 126.
- ⁹¹ Там же. С. 160, 169.
- ⁹² Сыма Цянь. Указ. соч. С. 78.
- ⁹³ Очерки истории Китая. М., 1959. С. 59–60.
- ⁹⁴ Здесь Дун Чжун-шу, несомненно, допускает преувеличение, как все конфуцианцы, он исходит из идеализированного представления о древности.
- ⁹⁵ Цит. по: Переломов А.С. Конфуцианство и легизм... С. 206–207.
- ⁹⁶ Lee Mabel Ping-bua. The Economic History of China. N. Y., 1921. P. 56.
- ⁹⁷ Очерки истории Китая... С. 69.

Глава 6. ЭПОХА ТЯЖЕЛОЙ ПЕХОТЫ

- ¹ Монгайт А.А. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974. С. 206.
- ² Arist. Pol. IV.10.10; *Аристотель*. Сочинения. Т. 4. М., 1984. С. 515.
- ³ Нефёдкин А.К. Основные этапы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы // ВДИ. 2002. № 1.
- ⁴ Дельбрюк Г. История военного искусства. Т. 1. СПб., 1994. С. 71.
- ⁵ Нег. IX. 62.
- ⁶ Дандамаев М.А. Политическая история... С. 258; Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1936. С. 75.
- ⁷ Нечитайлов М. Конница Ахеменидской державы во второй половине V в. до н. э. // *Para bellvm*. 2000. № 10.
- ⁸ Conolly P. Greece and Rome at War. L. 1981. P. 77–79; Polyb. XVIII, 30, 8–10.
- ⁹ Polyb., X, VIII.29
- ¹⁰ Conolly P. Op. cit. P. 71–72; Нечитайлов М. Кавалерия Александра Македонского // *Para bellvm*. 2000. № 10.
- ¹¹ Conolly P. Op. cit. P. 73.
- ¹² Дройзен И. Указ. соч. Т. 2. С. 7–14.
- ¹³ Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 121.
- ¹⁴ Моммзен Т. История Рима. Т. 1. СПб., 1994. С. 538.
- ¹⁵ Цит по: Саркисян Г.Х. О городской земле в селевкидской Вавилонии // Вестник древней истории. 1953. № 1. С. 60.
- ¹⁶ Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 154; Тафн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 146–147; Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 158.
- ¹⁷ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 58, 61, 65, 100; Тафн В. Указ. соч. С. 135, 140.
- ¹⁸ Саркисян Г.Х. Указ. соч. С. 72; Свенцицкая И.С. Эллинизм в Передней Азии // История Древнего Мира. Расцвет древних обществ. М., 1982. С. 343; Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 135.
- ¹⁹ Бикерман Э. Указ. соч. С. 163.
- ²⁰ Там же. С. 166; Свенцицкая И.С. Указ. соч. С. 340.
- ²¹ Ранович А.Б. Указ. соч. С. 113, 160, 168; Шифман И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв.). М., 1977. С. 21.
- ²² Grainger J. Prices in Hellenic Babylonia // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 1999. Vol. 42 (3). P. 308, 313.
- ²³ Spek R.J. van der. Commodity Prices in Babylon 385–61 BC // <http://www.iisg.nl/hpw/babylon.php>. P. 316.
- ²⁴ Spek R.J. van der. Op. cit.
- ²⁵ Ibid. P. 319.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 171–172.
- ²⁸ Там же. С. 168–205.
- ²⁹ Тафн В. Указ. соч. С. 147; Бикерман Э. Указ. соч. С. 61, 67.
- ³⁰ Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 223.
- ³¹ Цит. по: Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 152.
- ³² Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 233.
- ³³ Там же. С. 236–249.
- ³⁴ Дьяконов М.М. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961. С. 233.
- ³⁵ Эдаков А.В. Указ. соч. С. 59, 91.
- ³⁶ Тафн В. Указ. соч. С. 186.
- ³⁷ Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 81; Зельин К.К. Указ. соч. С. 220; Свенцицкая И.С. Указ. соч. С. 331.

- ³⁸ Зельин К.К. Указ. соч. С. 206, 370, 378.
- ³⁹ Нечитайлов М. Указ. соч.
- ⁴⁰ Левек П. Указ. соч. С. 62, 83; Manning J.G. The Ptolemaic Economy // The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World. Cambridge, 2006. // www.delta.ens.fr/chamley/00.seminar/1.egypt/Manning04.pdf
- ⁴¹ Пикус Н.Н. Указ. соч. С. 63, 104.
- ⁴² Там же. С. 93, 109, 142, 143, 149.
- ⁴³ Manning J.G. The Ptolemaic Economy...
- ⁴⁴ Эдаков А.В. Указ. соч. С. 50; Тафи В. Указ. соч. С. 176; Ранович А.Б. Указ. соч. С. 124.
- ⁴⁵ Эдаков А.В. Указ. соч. С. 50, 60, 92; Тафи В. Указ. соч. С. 178, 181; Свенцицкая И.С. Эллинистический Египет // История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1982. С. 328; Зельин К.К. Исследования по истории земельных отношений в Египте II–I веков до нашей эры. М., 1960. С. 72.
- ⁴⁶ Diod. I, 34, 8.
- ⁴⁷ Левек П. Указ. соч. С. 61–62.
- ⁴⁸ Там же. С. 73; Зельин К.К. Указ. соч. С. 182.
- ⁴⁹ Diod. I, 31, 7–8.
- ⁵⁰ Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.; Л., 1949. С. 410.
- ⁵¹ Пикус Н.Н. Указ. соч. С. 120, 126.
- ⁵² Там же. С. 98.
- ⁵³ Там же. С. 153.
- ⁵⁴ Блаватская Т.В., Голубцова Е.С., Павловская А.И. Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н. э. М., 1969. С. 231.
- ⁵⁵ Ранович А. Указ. соч. С. 211.
- ⁵⁶ Зельин К.К. Указ. соч. С. 211, 378.
- ⁵⁷ Pol. V, 107, 3.
- ⁵⁸ Пикус Н.Н. Указ. соч. С. 99.
- ⁵⁹ Розеттский декрет // Хрестоматия по истории Древнего Мира. Т. 2. М., 1950. С. 275–276.
- ⁶⁰ Heichelbeim Fr. Wirtschaftliche Schwankungen der Zeit von Alexander bis Augustus. Jena. 1930. S. 118–125.
- ⁶¹ Удельный вес пшеницы принят 0,7 кг/литр.
- ⁶² Зельин К.К. Указ. соч. С. 367; Ранович А. Указ. соч. С. 219–220.
- ⁶³ Heichelbeim Fr. Op. cit. S. 29.
- ⁶⁴ Ранович А. Указ. соч. С. 222.
- ⁶⁵ Хрестоматия по истории Древнего Мира. Т. 2. М., 1950. С. 271–274.
- ⁶⁶ Там же. С. 275; Ранович А. Указ. соч. С. 216.
- ⁶⁷ Там же. С. 218.
- ⁶⁸ Там же. С. 222, 225; Зельин К.К. Указ. соч. С. 196, 328, 365.
- ⁶⁹ Зельин К.К. Указ. соч. С. 196; Пикус Н.Н. Указ. соч. С. 160.
- ⁷⁰ Ранович А. Указ. соч. С. 220; Левек П. Указ. соч. С. 80.
- ⁷¹ Зельин К.К. Указ. соч. С. 261, 375–377.
- ⁷² Хрестоматия по истории Древнего Мира. Т. 2. М., 1950. С. 275; Ранович А. Указ. соч. С. 216.
- ⁷³ Зельин К.К. Указ. соч. С. 206, 260.
- ⁷⁴ Там же. С. 153.
- ⁷⁵ Heichelbeim Fr. Op. cit.
- ⁷⁶ Johnson A.Ch. Roman Egypt to the Reign of Diocletian. Baltimore, 1936.
- ⁷⁷ Ранович А. Указ. соч. С. 228.
- ⁷⁸ Там же. С. 220, 227–228.
- ⁷⁹ Кравчук А. Закат Птолемея. М., 1973. С. 61, 74, 154, 174; Зельин К.К. Указ. соч. С. 366.
- ⁸⁰ Diod. I, 31; XVII, 52, 6.
- ⁸¹ Heichelbeim Fr. Wirtschaftsgeschichte des Altertums. Bd. I–II. Leiden, 1938; Rostovtzeff M. Ptolemaic Egypt // The Cambridge Ancient History. Vol. VII. L., 1928. P. 109–154.

- ⁸² Conolly P. Op. cit. P. 140–143.
- ⁸³ Моммзен Т. Указ. соч. С. 410, 418.
- ⁸⁴ Моммзен Т. История Рима. Т. 5. СПб., 1995. С. 412, 423; Ранович А. Указ. соч. С. 208.
- ⁸⁵ Ранович А. Указ. соч. С. 175, 185, 188, 193, 196; Льюис Н. Из истории римского гнета в Египте // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 28.
- ⁸⁶ Johnson A.Ch. Op. cit. P. 306, 311.
- ⁸⁷ B. Iud. II, 16, 4.
- ⁸⁸ Ранович А. Указ. соч. С. 184.
- ⁸⁹ Коротаев А.В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта. Циклы и тенденции. М., 2006.
- ⁹⁰ Bagnall R., Frier B. The Demography of Roman Egypt. N. Y., 1994. P. 56.
- ⁹¹ Там же. С. 196; Павловская А.И. Рабство в римском Египте // Маринович Л.П. Голубцова Е.С. Шифман И.Ш. Павловская А.И. Рабство в восточных провинциях Римской империи. М., 1977. С. 144; Ковельман А.Б. К вопросу о причинах запустения Фаюма в III–VII вв. н. э. // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 167; Johnson A. Ch. Op. cit. P. 311.
- ⁹² Фихман И.Ф. Экономические аспекты индивидуальной зависимости в римском и позднем Египте // Вестник древней истории. 1981. № 1. С. 81.
- ⁹³ Ковельман А.Б. Аренда в южном Фаюме в середине I в. н. э. // Вестник древней истории. 1974. № 2. С. 83.
- ⁹⁴ Ранович А. Указ. соч. С. 198.
- ⁹⁵ Льюис Н. Указ. соч. С. 22.
- ⁹⁶ Ранович А. Указ. соч. С. 189, 197.
- ⁹⁷ Johnson A. Ch. Op. cit. P. 307, 311.
- ⁹⁸ Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Ч. 2. М., 1960. С. 249.
- ⁹⁹ Льюис Н. Указ. соч. С. 24; Ранович А. Указ. соч. С. 198, 203.
- ¹⁰⁰ См.: Johnson A. Ch. Op. cit. P. 306.
- ¹⁰¹ Ранович А. Указ. соч. С. 197, 198; Льюис Н. Указ. соч. С. 24.
- ¹⁰² Ковельман А.Б. К вопросу о причинах запустения ... С. 166–167.
- ¹⁰³ Duncan-Jones R. The economy of the Roman Empire: quantitative studies. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 1982. P. 115–117.
- ¹⁰⁴ Павловская А.И. Египетская хора в IV веке. М., 1979. С. 108; Geremek H. Karanis commune rurale de l'Egupte Romana an I–III siecle de notre ere. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1969. S. 39.
- ¹⁰⁵ Дми́трев А.Д. Буколы (из истории аграрного движения в римском Египте) // Вестник древней истории. 1946. № 4. С. 98–99.
- ¹⁰⁶ Johnson A.Ch. Op. cit. P. 308, 311.
- ¹⁰⁷ Ранович А. Указ. соч. С. 201.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 203; Дми́трев А.Д. Указ. соч. С. 23.
- ¹⁰⁹ Павловская А.И. Указ. соч. С. 96.
- ¹¹⁰ Ранович А. Указ. соч. С. 198.
- ¹¹¹ Johnson A.Ch. Op. cit. P. 309, 311.
- ¹¹² Моммзен Т. Указ. соч. С. 417.
- ¹¹³ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. М.; СПб., 1994. С. 30.
- ¹¹⁴ Моммзен Т. Указ. соч. С. 417.
- ¹¹⁵ Johnson A.Ch. Op. cit. P. 176.
- ¹¹⁶ Johnson A. Ch., West L.C. Byzantine Egypt: economic studies. Princeton, 1949. P. 194.
- ¹¹⁷ Павловская А.И. Указ. соч. С. 40, 99, 108, 122.
- ¹¹⁸ Крисст К. История времен римских императоров от Августа до Константина. Т. 2. Ростов н/Д, 1997. С. 251, 263.
- ¹¹⁹ Павловская А.И. Указ. соч. С. 44.
- ¹²⁰ Там же. С. 15, 186.
- ¹²¹ Там же. С. 53.

- ¹²² Ранович А. Указ. соч. С. 209.
- ¹²³ Johnson A.Ch., West L.C. Op. cit. P. 176.
- ¹²⁴ Хрестоматия по истории Древнего Мира. Т. 3. М., 1950. С. 254.
- ¹²⁵ Павловская А.И. Деревня в позднеантичную эпоху: египетская кома в IV в. н. э. // Экономическая история. Проблемы. Исследования. Дискуссии. М., 1993. С. 34.
- ¹²⁶ Пигулевская Н. Месопотамия на рубеже V–VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник // Труды ин-та востоковедения. 1940. Т. XXXI. С. 66.
- ¹²⁷ Джойс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов н/Д: Феникс, 1997. С. 235, 245.
- ¹²⁸ Павловская А.И. Египетская хора... С. 30; Джойс А.Х.М. Указ. соч. С. 419.
- ¹²⁹ Там же. С. 214, 218; Павловская А.И. Деревня в позднеантичную эпоху... С. 32.
- ¹³⁰ История Византии. Т. I. М., 1967. С. 94.
- ¹³¹ Джойс А.Х.М. Указ. соч. С. 67.
- ¹³² Фихман И.Ф. Оксирих — город папирусов. М., 1976. С. 71.
- ¹³³ Павловская А.И. О запустении земель в Фаюме // Вестник древней истории. 1995. № 2. С. 33–34.
- ¹³⁴ Джойс А.Х.М. Указ. соч. С. 244.
- ¹³⁵ История Византии. Т. II. М., 1967. С. 92.
- ¹³⁶ Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984. С. 23.
- ¹³⁷ Джойс А.Х.М. Указ. соч. С. 457.
- ¹³⁸ Успенский Ф. История Византийской империи. Т. 1. СПб., 1910. С. 310; Фихман И.Ф. Указ. соч. С. 40; История Византии. Т. I. М., 1967. С. 162.
- ¹³⁹ Там же. С. 198, 215.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 186; Джойс А.Х.М. Указ. соч. С. 422.
- ¹⁴¹ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993. С. 357.
- ¹⁴² Успенский К.Н. Очерки истории Византии. Ч. I. М., 1917. С. 97, 100.
- ¹⁴³ Там же. С. 102.
- ¹⁴⁴ Курбатов Г.П. Основные проблемы внутреннего развития византийского города. Л., 1971. С. 112.
- ¹⁴⁵ Успенский К.Н. Указ. соч. С. 85, 110.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 101.
- ¹⁴⁷ Курбатов Г.П. Указ. соч. С. 141.
- ¹⁴⁸ Прокопий Кесарийский. Указ. соч. С. 148, 380; Кулаковский Ю. История Византии. Т. 2. Киев, 1913. С. 284.
- ¹⁴⁹ Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков... С. 148.
- ¹⁵⁰ Кулаковский Ю. История Византии. Т. 2. Киев, 1913. С. 287.
- ¹⁵¹ Цит. по: Кулаковский Ю. Указ. соч. С. 287.
- ¹⁵² Пигулевская Н.В. Указ. соч. С. 257.
- ¹⁵³ Ostrogorsky G. Lohne und Preise im Byzanz // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 32. S. 297.
- ¹⁵⁴ Джойс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов н/Д, 1997. S. 413.
- ¹⁵⁵ Johnson A.Ch., West L.C. Op. cit. P. 177.
- ¹⁵⁶ Пигулевская Н.В. Указ. соч. С. 203.
- ¹⁵⁷ Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984. С. 134.

Глава 7. ЭПОХА КОННЫХ ЛУЧНИКОВ

- ¹ Худяков Ю.С. Оружие и военная техника древних и средневековых народов Азии // Восток. 2006. № 2. С. 166.
- ² Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск, С. 220.
- ³ Крадин Н.Н. Империя Хунну. М., 2001. С. 55–60; Сама Цянь. Ши цзи. Т. VIII. Гл. Сюнну Лечжуань.
- ⁴ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов... С. 31; Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга

Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 107, 109, 121; *Он же*. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 29, 39; *Макьюэн Э., Миллер, Бергман А.* Конструкция и изготовление древних луков // В мире науки. Scientific American. 1991. № 8. С. 46.

⁵ Степи европейской части СССР... С. 185.

⁶ *Членова Н. А.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. С. 65; *Могильников В. А.* Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 264; *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев, 1981.

⁷ *Bivar A. D. H.* Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // Dumbarton Oaks Papers. 1972. № 26. P. 283.

⁸ *Latham J. D., Paterson W. F.* Archery in the lands of Eastern Islam // Islamic Arms and Armour / Ed. R. Elgood. London, 1979. P. 86.

⁹ *Bivar A. D. H.* Op. cit. P. 283.

¹⁰ Шесть секретных учений Тай-цзуна // У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. СПб., 2001. С. 139; *Гумилев А. Н.* Хунну. СПб., 1993. С. 54–55.

¹¹ *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов... С. 77; *Гафуров Б. Г.* Таджики. М., 1972. С. 132; *Никонов В. П.* К вопросу о роли стремя в развитии военного дела // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. 2.

¹² B. Laufer, Chinese Clay Figures. Part I. Prolegomena on the History of Defensive Armor, field Museum of Natural History. Publ. 177. Anthropological Series. Vol. XIII. № 2. Chicago, 1914. P. 227; *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов... С. 87; *Крадин Н. Н.* Империя Хунну... С. 118; *Никаноров В. П.* Военное дело европейских гуннов... С. 228, 294.

¹³ *Крюков М. В., Переломов А. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй... С. 19; Очерки истории Китая ... С. 71.

¹⁴ *Кудрин В. И.* Из истории аграрной политики в эпоху Хань // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М., 1974. С. 73.

¹⁵ *Степугина Т. В.* Указ. соч. С. 525; *Кудрин В. И.* Экономическая политика в период Западная Хань // Социальная и социально-экономическая история Китая. М., 1979. С. 73; *Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. 2. М., 1980. С. 213.*

¹⁶ *Сыма Цянь.* Указ. соч. С. 227.

¹⁷ Там же. С. 220.

¹⁸ Там же. С. 241.

¹⁹ *Кудрин В. И.* Указ. соч. С. 68; *Степугина Т. В.* Указ. соч. С. 517.

²⁰ *Lee Mabel Ping-bua.* Op. cit. P. 159.

²¹ *Сыма Цянь.* Указ. соч. С. 241.

²² Цит. по: *Го Мо-жо.* Эпоха рабовладельческого строя... С. 90.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 92.

²⁵ История Востока. Т. 1... С. 444.

²⁶ Очерки истории Китая... С. 78–79.

²⁷ *Крюков М. В.* и др. Указ. соч. С. 21.

²⁸ *Lee Mabel Ping-bua.* Op. cit. P. 160–161.

²⁹ *Сыма Цянь.* Указ. соч. С. 252.

³⁰ Цит. по: *Переломов А. С.* Конфуцианство и легизм... С. 207.

³¹ Очерки истории Китая... С. 86; *Кудрин В. И.* Из истории аграрной политики... С. 72, 76; *Степугина Т. В.* Указ. соч. С. 520.

³² *Кудрин В. И.* Экономическая политика... С. 80–84.

³³ *Степугина Т. В.* Указ. соч. С. 520–521; *Крадин Н. Н.* Указ. соч. С. 116–123.

³⁴ *Кудрин В. И.* Из истории аграрной политики... С. 86, 91.

³⁵ *Думан Л. И.* О социально-экономическом строе Китая в III в. до н. э. — I в. н. э. // Вопросы истории. 1957. № 2. С. 55.

³⁶ *Сыма Цянь.* Исторические записки. Т. IV. М., 1986. С. 221; *Lee Mabel Ping-bua.* Op. cit. P. 163.

- ³⁷ *Степугина Т.В.* Указ. соч. С. 522.
- ³⁸ *Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А.* Законы истории... С. 177.
- ³⁹ *Штейн В.М.* Гуань-цзы. М., 1959. С. 73.
- ⁴⁰ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 58.
- ⁴¹ Очерки истории Китая... С. 73; *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 164.
- ⁴² *Кудрин В.И.* Экономическая политика... С. 82–84; *Сыма Цянв.* Указ. соч. С. 221.
- ⁴³ *Кудрин В.И.* Из истории аграрной политики... С. 92.
- ⁴⁴ *Переломов А.С.* Указ. соч. С. 206–210.
- ⁴⁵ *Кудрин В.И.* Экономическая политика... С. 86. В.И. Кудрин отмечает, что монополия на производство спиртных напитков была отменена еще в 81 г. до н. э. Монополии на производство железа и соли были отменены в 44 г. до н. э. и частично восстановлены в 41 г. до н. э.
- ⁴⁶ *Eberhard W.A.* History of China. Berkley; Los Angeles, 1969. P. 91–92.
- ⁴⁷ *Гумилев Л.Н.* Хунны в Китае. М., 1974. С. 232; *Кульпин Э.С.* Указ. соч. С. 122.
- ⁴⁸ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 60.
- ⁴⁹ Там же. С. 172.
- ⁵⁰ Там же. С. 60; Очерки истории Китая... С. 87.
- ⁵¹ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 60.
- ⁵² Цит. по: *Думан Л.И.* Реформы Ван Мана // Вестник древней истории. 1940. № 1. С. 90.
- ⁵³ *Eberhard W.A.* Op. cit. P. 94.
- ⁵⁴ *Кудрин В.И.* Экономическая политика... С. 87; *Думан Л.И.* Указ. соч. С. 91–93.
- ⁵⁵ Хрестоматия по истории Древнего Мира. Т. 1. М., 1950. С. 328.
- ⁵⁶ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 436.
- ⁵⁷ Очерки истории Китая. М., 1959. С. 95–97; *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 22; *Степугина Т.В.* Китай в первой половине I тысячелетия н. э. // История Древнего Мира. Упадок древних обществ. М., 1982. С. 134–136.
- ⁵⁸ Цит. по: *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 30.
- ⁵⁹ Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. М., 1980. С. 30; Очерки... С. 99.
- ⁶⁰ Цит. по: *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 111.
- ⁶¹ Материалы... С. 30.
- ⁶² *Крюков М.В., Переломов А.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С. 32.
- ⁶³ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 436.
- ⁶⁴ *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 80.
- ⁶⁵ Там же. С. 28.
- ⁶⁶ Там же. С. 38, 59.
- ⁶⁷ Цит. по: *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 29.
- ⁶⁸ *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 28.
- ⁶⁹ Цит. по: *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 61–62.
- ⁷⁰ Там же. С. 79.
- ⁷¹ Тунцзянь цзиши бэньмо. Цит. по: *Кудрин В.И.* О некоторых сторонах социального кризиса... С. 105.
- ⁷² *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 66–75.
- ⁷³ Цит. по: *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 88.
- ⁷⁴ *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 86–88.
- ⁷⁵ Там же. С. 98–99.
- ⁷⁶ Цит. по: *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 99.
- ⁷⁷ *Кудрин В.И.* О некоторых сторонах социального кризиса... С. 102.
- ⁷⁸ Очерки... С. 103.
- ⁷⁹ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 436; *Кульпин Э.С.* Указ. соч. М., 1990. С. 216; *Крюков М.В.* и др. Указ. соч. С. 41.

⁸⁰ *Lee Mabel Ping-hua*. Op. cit. P. 436; *Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. М., 1990. С. 216; *Крюков М.В.* и др. Указ. соч. С. 41.

⁸¹ *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 77.

⁸² Цит. по: *Штейн В.М.* Из ранней истории социальных утопий (даосская утопия в Китае) // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 6. С. 135.

⁸³ *Штейн В.М.* Указ. соч. С. 130–139.

⁸⁴ *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 159.

⁸⁵ Очерки... С. 116.

⁸⁶ *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 160–163; *Крюков М.В.* и др. Указ. соч. С. 13.

⁸⁷ *Lee Mabel Ping-hua*. Op. cit. P. 436.

⁸⁸ *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 177.

⁸⁹ *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 165; *Крюков М.В.* и др. Указ. соч. С. 15.

⁹⁰ Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. М., 1980. С. 38.

⁹¹ Очерки истории Китая... С. 132. Некоторые исследователи считают, что государство получало лишь часть урожая с надела в 70 му. См.: *Думан Л.И.* Аграрная политика в период Западной Цинь // Социальная и социально-экономическая история Китая. М., 1979. С. 96.

⁹² Материалы по экономической истории... С. 45.

⁹³ Там же. С. 39, 45.

⁹⁴ Там же. С. 39.

⁹⁵ Очерки истории Китая ... С. 128.

⁹⁶ Там же. С. 127–128.

⁹⁷ Материалы по экономической истории... С. 34.

⁹⁸ *Арриан*. Поход Александра. III. 13.

⁹⁹ *Никоноров В.П.* К вопросу о роли стремьян в развитии военного дела // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. 2; *Кызласов И.А.* О происхождении стремьян // Советская археология. 1973. № 3. С. 27; *Farrokh K.* Sassanian Elite Cavalry AD224–642. London, 2004. P. 4–8.

¹⁰⁰ *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. Ч. 2. М., 1960. С. 5–8; *Литвинский Б.А.* Сложноставный лук в древней Средней Азии // Советская археология. 1966. № 4. С. 57–58, 68.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии... С. 57.

¹⁰³ *Plut. Crass.* 24, 5; *Shahbāzi A. Sh.* Parthian Army // <http://www.cais-soas.com/History/ashkanian/parthian.htm>

¹⁰⁴ *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. Ч. 2. М., 1960. С. 54, 97–98, 115–116.

¹⁰⁵ Цит. по: *Пигулевская Н.* Указ. соч. С. 95.

¹⁰⁶ *Дьяконов М.М.* Указ. соч. С. 195, 201; *Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 6, 17.

¹⁰⁷ *Дьяконов М.М.* Указ. соч. С. 200; *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972. С. 259.

¹⁰⁸ История Ирана... С. 99; *Дьяконов М.М.* Указ. соч. С. 196, 202, 233.

¹⁰⁹ *Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 140–141; История Ирана... С. 102–103.

¹¹⁰ *Spek R.J. van der.* Op. cit.

¹¹¹ *Дьяконов М.М.* Указ. соч. С. 204, 216.

¹¹² История Ирана... С. 97.

¹¹³ *Пигулевская Н.* Указ. соч. С. 69.

¹¹⁴ История Ирана... С. 97.

¹¹⁵ *Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 275; *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 86.

¹¹⁶ *Павловская А.И.* Египетская хора в IV веке. М., 1979. С. 108; *Geremek H.* Karanis communaute rurale de l'Egupte Romana an I–III siecle de notre ere. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1969. S. 39.

¹¹⁷ *Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 282, 284, 289, 293.

¹¹⁸ Цит. по: *Пигулевская Н.* Указ. соч. С. 154.

¹¹⁹ *Shahbāzi A.* Sasanian Army // http://www.cais-soas.com/sasanian_army.htm; *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов... С. 49; *Bivar A.D.H.* Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // Dumbarton Oaks Papers. 1972. № 26. P. 278.

¹²⁰ Дьяконов М.М. Указ. соч. С. 268; Пигулевская Н.В. и др. Указ. соч. С. 42; История Ирана... С. 269; Adams R. M. Agricultural and urban life in Early South-Western Iran // Science. 1962. Vol. 136. № 3511. P. 116.

¹²¹ Gyselen R. Economy in the Sasanian Iran // http://www.cais-soas.com/CAIS/Law/economy_sasanian.htm#.

¹²² Дьяконов М.М. Указ. соч. С. 283, 284, 287, 291.

¹²³ История Ирана... С. 112.

¹²⁴ Дьяконов М.М. Указ. соч. С. 282, 284; Пигулевская Н. Указ. соч. С. 212.

¹²⁵ Ашрафян К.З. К вопросу о «восточном деспотизме» // Феномен восточного деспотизма. М., 1993. С. 122.

¹²⁶ Пигулевская Н. Указ. соч. С. 293; Дьяконов М.М. Указ. соч. С. 276.

¹²⁷ Цит по: История Ирана... С. 114.

¹²⁸ Цит по: Пигулевская Н. Месопотамия на рубеже V–VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник // Труды ин-та востоковедения. 1940. Т. XXXI. С. 136.

¹²⁹ Дьяконов М.М. Указ. соч. С. 310.

¹³⁰ История Ирана... С. 307.

¹³¹ Пигулевская Н. Указ. соч.

¹³² Цит по: Пигулевская Н. Указ. соч. С. 143–147.

¹³³ Там же. С. 43.

¹³⁴ Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л., 1946. С. 213, 231; Колесников А.И. Иран в начале VII века // Палестинский сборник. 1970. Вып. 25 (85). С. 19; Большаков О.Г. История Халифата. Т. 1. М., 1989. С. 27–28.

¹³⁵ История Ирана... С. 115; Большаков О.Г. Указ. соч. С. 144.

¹³⁶ Сиасет-наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулка. М.; Л., 1949. С. 14.

¹³⁷ Цит. по: Колесников А.И. Указ. соч. С. 116.

¹³⁸ Там же. С. 48, 50.

¹³⁹ История Ирана... С. 116.

¹⁴⁰ Bivar A. D. H. Op. cit. P. 284; Shabbâzi A. Op. cit.

¹⁴¹ Колесников А.И. Указ. соч. С. 86.

¹⁴² Колесников А.И. Указ. соч. С. 14.

¹⁴³ Большаков О.Г. Указ. соч. С. 25, 229.

¹⁴⁴ Пигулевская Н.В. Указ. соч. С. 230.

¹⁴⁵ Там же. С. 218.

¹⁴⁶ Большаков О.Г. Указ. соч. С. 11.

¹⁴⁷ Колесников А.И. Указ. соч. С. 51.

¹⁴⁸ Там же. С. 87, 90.

¹⁴⁹ История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 139; Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами. М., 1982. С. 165.

¹⁵⁰ Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 97.

Глава 8. ЭПОХА ХАЛИФАТА

¹ См., например: Грюнебаум Г.Э. фон. Классический ислам. М., 1988. С. 19.

² Цит. по: Бациева С.М. Бедуины и горожане в Муккадиде Ибн Халдуна // Очерки истории Арабской культуры V–XV вв. М., 1982. С. 327, 329.

³ Там же. С. 331.

⁴ Коран. М., 1990. С. 423. Сура 49, 10; См. также: Большаков О.Г. История Халифата. Т. 1. М., 1989. С. 181.

⁵ Коран. М., 1990. С. 507. Сура 104.

⁶ Большаков О.Г. Указ. соч. С. 93; Грюнебаум Г.Э. фон. Указ. соч. С. 40.

⁷ Большаков О.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 199.

⁸ Коран. М., 1990. С. 162. Сура 9, 11.

- ⁹ См.: *Игнатенко А.А.* Халифы без халифата. М., 1988. С. 7–11.
- ¹⁰ См., например: *Becker С.Н.* The Expansion of the Saracenes // *The Cambridge Medieval History*. Vol 2. Cambridge, 1912. P. 329–390; *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. 2. М., 1993. С. 4; *Ashtor E.* A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. London, 1976. P. 10, 12.
- ¹¹ См.: *Климович А.И.* Книга о Коране. М., 1986. С. 33.
- ¹² *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. 1. М., 1989. С. 212.
- ¹³ Там же. Т. 2. С. 56, 64.
- ¹⁴ *McNeill W.* The pursuit of power... P. 21.
- ¹⁵ *Latbam J.D., Paterson W.F.* Archery in the lands of Eastern Islam // *Islamic Arms and Armour* / Ed. R. Elgood. London, 1979. P. 79.
- ¹⁶ *Большаков О.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 78.
- ¹⁷ Цит. по: *Ashtor E.* A Social and Economic history of the Near East in the Middle Ages. L., 1976. P. 59.
- ¹⁸ *Колесников А.И.* Завоевание Ирана арабами. М., 1982. С. 165. Об уровне налогов см.: *История Ирана*. М., 1977. С. 115; *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. 2. М., 1993. С. 144. Относительно сбора налогов имеются и другие данные. О.Г. Большаков считает приводимые здесь цифры наиболее правдоподобными.
- ¹⁹ *Большаков О.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 140.
- ²⁰ Там же. С. 144.
- ²¹ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 50.
- ²² БСЭ. Т. 18. М., 1953. С. 138–139.
- ²³ Там же; *Большаков О.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 144; *Заваров Ф.* Социально-экономические преобразования в Иракской республике. М., 1978. С. 8.
- ²⁴ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 16–18.
- ²⁵ *Большаков О.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 143. В источниках цены приводятся в динарах или дирхемах за кафиз или курр, мы пользуемся ценами за центнер, пересчитанными О.Г. Большаковым.
- ²⁶ *Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева А.В., Беленицкий А.М.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 93.
- ²⁷ Там же. С. 143–144; *Ashtor E.* A social and economic history... P. 40.
- ²⁸ Цит. по: *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 90.
- ²⁹ *Надирадзе Л.И.* Проблема государственной собственности на землю в халифате в VII–VIII вв. // *Арабские страны. История. Экономика*. М., 1970. С. 194, 198.
- ³⁰ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 92; *Грюнебаум Г.Э. фон.* Классический ислам. М., 1988. С. 69.
- ³¹ Там же. С. 190.
- ³² *Ashtor E.* A social and economic history... P. 23.
- ³³ *Колесников А.И.* Указ. соч. С. 162, 173–174; *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 95; *Беляев Е.А.* Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966. С. 193; *Ashtor E.* A social and economic history... P. 22, 28.
- ³⁴ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 20–22.
- ³⁵ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 23.
- ³⁶ Цит. по: *История стран зарубежной Азии в средние века*. М., 1970. С. 134.
- ³⁷ Там же. С. 134–135.
- ³⁸ Цит. по: *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. III. М., 1998. С. 166.
- ³⁹ *Грюнебаум Г.Э. фон.* Указ. соч. С. 66.
- ⁴⁰ *Беляев Е.А.* Указ. соч. С. 184–186.
- ⁴¹ *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984. С. 36.
- ⁴² *Беляев Е.А.* Указ. соч. С. 171.
- ⁴³ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 46.
- ⁴⁴ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 91.
- ⁴⁵ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 39.

- ⁴⁶ *Беляев Е.А.* Указ. соч. С. 18; *Грюнебаум Г.Э. фон.* Указ. соч. С. 70; *Надирадзе Л.И.* Указ. соч. С. 160, 182; *Он же.* Община на территории восточного халифата в VII–VIII вв. // *Арабские страны. История. Экономика.* М., 1966. С. 238.
- ⁴⁷ *Беляев Е.А.* Указ. соч. С. 186; *Надирадзе Л.И.* Проблема государственной собственности... С. 172; *История стран зарубежной Азии...* С. 138.
- ⁴⁸ Там же; *Грюнебаум Г.Э. фон.* Указ. соч. С. 70.
- ⁴⁹ *История Востока.* Т. 2. М., 1995. С. 123.
- ⁵⁰ *Большаков О.Г.* *История халифата.* Т. III. М. 1998. С. 132, 316.
- ⁵¹ Там же. С. 281; *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 92; *Большаков О.Г.* *Средневековый город...* С. 41; *История Востока.* Т. II. С. 123.
- ⁵² *Беляев Е.А.* Указ. соч. С. 199.
- ⁵³ *Большаков О.Г.* *Средневековый город...* С. 39, 176, табл. 7.
- ⁵⁴ *Asbtor E.* A social and economic history... P. 76.
- ⁵⁵ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 98–99; *Мюллер А.* *История ислама: От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов.* М., 2004. С. 640–642.
- ⁵⁶ Цит. по: *Томафа М.* *Бабек.* М., 1936. С. 18; *Надирадзе Л.И.* *Община...* С. 235.
- ⁵⁷ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 185–186.
- ⁵⁸ *История стран зарубежной Азии...* С. 140.
- ⁵⁹ *Asbtor E.* A social and economic history... P. 169–170.
- ⁶⁰ *Большаков О.Г.* Указ. соч. Табл. 7.
- ⁶¹ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 101–102, 107–108.
- ⁶² *Asbtor E.* *Histoire des prix et des salaires dans l' Orient Medieval.* P., 1969. P. 70; *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 102; *Мюллер А.* Указ. соч. С. 654–655.
- ⁶³ *Asbtor E.* A social and economic history... P. 48.
- ⁶⁴ *Беляев Е.А.* Указ. соч. С. 221, 230.
- ⁶⁵ *Asbtor E.* *Histoire des prix et des salaires...* P. 64.
- ⁶⁶ *История стран зарубежной Азии...* С. 146; *Томафа М.* *Бабек.* М., 1936. С. 18.
- ⁶⁷ *Большаков О.Г.* Указ. соч. Табл. 7. Взято среднее № 10–14; *Он же.* *Средневековый арабский город // Очерки истории арабской культуры V–XV вв.* М., 1982. С. 177.
- ⁶⁸ *Asbtor E.* A social and economic history... P. 67.
- ⁶⁹ *Михайлова И.Б.* *Средневековый Багдад.* М., 1990. С. 28; *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 105; *Якубовский А.Ю.* *Об испольных арендах в Иране в VIII веке // Советское востоковедение.* Т. 4. С. 181; *Chandler T.* *Four Thousand Years of Urban Growth. An Historical Census.* Lewiston; N.Y., 1987.
- ⁷⁰ *Мюллер А.* Указ. соч. С. 700–712.
- ⁷¹ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 106, 112; *Мюллер А.* Указ. соч. С. 727–728; *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* *Средневековый город Средней Азии.* Л., 1973. С. 161.
- ⁷² *Большаков О.Г.* *Средневековый город...* С. 175–176. Табл. 7; *Негматов Н.Н.* *Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX–X вв.).* Душанбе, 1977. С. 122.
- ⁷³ *Томафа М.* Указ. соч. С. 96.
- ⁷⁴ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 108.
- ⁷⁵ *Ал-Джахиз Абу Усман.* *Послание Ал-Фатху б. Хакану о достоинствах тюрок и остального халифского войска // Арабские источники о тюрках в раннее средневековье.* Баку, 1993. С. 85.
- ⁷⁶ См.: *Бациева С.М.* *Бедуины и горожане в Муккадима Ибн Халдуна // Очерки истории арабской культуры V–XV вв.* М., 1982. С. 348.
- ⁷⁷ *Грюнебаум Г.Э. фон.* *Классический ислам.* М., 1988. С. 76.
- ⁷⁸ *История стран зарубежной Азии...* С. 146; *Томафа М.* Указ. соч. С. 76.
- ⁷⁹ *Asbtor E.* *Histoire des prix et des salaires...* P. 467.
- ⁸⁰ *Томафа М.* Указ. соч. С. 112.
- ⁸¹ По свидетельству Иосифа Флавия (В. Iud., II, 16, 4) численность населения Египта без Александрии составляла 7,5 млн.

⁸² Оценка Э. Аштор, цит. по: *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984. С. 134.

⁸³ *Коротаев А.В.* Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта. Циклы и тенденции. М., 2006. С. 6.

⁸⁴ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 107, 132.

⁸⁵ *Ashtor E.* L'histoire des prix et des salaires dans l'Orient médiéval. P., 1969. P. 454.

⁸⁶ *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. 2. М., 1993. С. 144–145.

⁸⁷ *Надирадзе А.И.* Проблема государственной собственности на землю в халифате в VII–VIII вв. // Арабские страны. История. Экономика. М., 1970. С. 181.

⁸⁸ *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. 2. М., 1993. С. 124, 133.

⁸⁹ Цит. по: *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984. С. 36.

⁹⁰ *Зеленев Е.И.* Египет. Средние века. Новое время. СПб., 1999. С. 40.

⁹¹ *Ashtor E.* A Social and Economic history of the Near East in the Middle Ages. L., 1976. P. 60.

⁹² *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 42.

⁹³ Там же. С. 238. Средняя цена вычислена по табл. 6. № 2–10. 1 ирдаб = 25 кг = 36 л; *Ashtor E.* A social and economic history... P. 201.

⁹⁴ *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. 2. М., 1993. С. 144.

⁹⁵ Там же. С. 41–42. История Востока. Т. 2. М., 1995. С. 129.

⁹⁶ *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires... P. 74.

⁹⁷ *Kennedy H.* Egypt as a province in the Islamic caliphate, 641–868 // The Cambridge history of Egypt. Vol. 1. Cambridge, 1998. P. 73.

⁹⁸ *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984. С. 162. Табл. 6. № 12.

⁹⁹ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 41–42, 139–140.

¹⁰⁰ Там же. С. 40.

¹⁰¹ Там же. С. 228. Табл. 8; *Ashtor E.* A social and economic history... P. 60.

¹⁰² *Большаков О.Г.* Средневековый город... С. 218, 220. Табл. 8.

¹⁰³ Там же. С. 42, 123.

¹⁰⁴ *Kennedy H.* Op. cit. Н. 78–79.

¹⁰⁵ Там же. Табл. 6. № 17. При пересчете цен мы принимаем вес 1 ирдабба в 70 кг.

¹⁰⁶ *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires... P. 92.

¹⁰⁷ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 201.

¹⁰⁸ Там же. С. 220. Табл. 8; История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 144.

¹⁰⁹ *Большаков О.Г.* Средневековый город... С. 218.

¹¹⁰ *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires... P. 74.

¹¹¹ Там же. С. 163. Средняя цена вычислена по табл. 6. № 25–26.

¹¹² *Коротаев А.В.* Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта. Циклы и тенденции. М., 2006. С. 25.

¹¹³ Там же. С. 27–36.

Глава 9. РОЖДЕНИЕ ТЯЖЕЛОЙ КАВАЛЕРИИ

¹ *Ксенофонт.* Анабасис. III. 2.

² *Амброз А.К.* Стремена и седла средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // Советская археология. 1974. № 4. С. 83, 95.

³ Там же. С. 83; *Ванштейн С.И., Крюков М.В.* Седло и стремя // Советская этнография. 1984. № 6. С. 124–127.

⁴ *Черная И.П.* Комплекс вооружения сяньбинского воина // Интеграция археологических и этнографических исследований. М.; Омск, 1999. С. 144.

⁵ *Таскин В.С.* Материалы по истории кочевых народов в Китае III–VI вв. Вып. 2. С. 45; *Dien A.* The stirrup and its effect on chinese military history // <http://www.silk-road.com/artl/stirrup.shtml>

⁶ Макнил У. Восхождение Запада... С. 516; Бичурин И.А. Указ. соч. Т. II. С. 187; Гафуров Б.Г. Указ. соч. С. 198–215; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 13–14.

⁷ Littauer M.A. Early Stirrups // *Antiquity*. 1981. Vol. LV. № 214. P. 104; Никоноров В.П. К вопросу о роли стремян в развитии военного дела // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. 2. С. 265; Bivar A.D.H. Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // *Dumbarton Oaks Papers*. 1972. № 26. P. 284, 286.

⁸ Bivar A.D.H. Op. cit. P. 287.

⁹ Ibid. Op. cit. P. 290.

¹⁰ Амброз А.К. Указ. соч. С. 96; Ваништейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя... С. 129–130.

¹¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 33–35, 139.

¹² Амброз А.К. Указ. соч. С. 96; Ваништейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя... С. 129.

¹³ Бичурин Н.Я. Указ. соч. Т. I. С. 232.

¹⁴ Гумилев Л.Н. Древние тюрки... С. 13–131, 139–140.

¹⁵ Бичурин Н.Я. Указ. соч. Т. I. С. 229.

¹⁶ Гусейнов Р.А. Сельджукская военная организация // Палестинский сборник. 1967. Вып. 17. С. 140; Paterson W.F. The Archers of Islam // *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 1966. Vol. 9. P. 85.

¹⁷ Ботсворт К.Э. Нашествия варваров: появление тюрков в мусульманском мире // Мусульманский мир, № 950–1150. М., 1981. С. 25.

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁹ Крюков М. В., Малявин В. В., Сафронов Н.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 31; Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 189, 306.

²⁰ Материалы по экономической истории... С. 57–58.

²¹ Крюков М.В. и др. Указ. соч. С. 67.

²² Материалы по экономической истории... С. 58.

²³ Там же.

²⁴ История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 58.

²⁵ Материалы по экономической истории... С. 66.

²⁶ Там же. С. 61.

²⁷ Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 204–209.

²⁸ Материалы по экономической истории ... С. 63, 68; Очерки истории Китая... С. 164.

²⁹ Там же. С. 168.

³⁰ Крюков М.В. и др. Указ. соч. С. 68.

³¹ Eberhard W.A. Op. cit. P. 108.

³² Тюпин А.Ю. Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III–VIII веках. М., 1980. С. 30.

³³ Материалы по экономической истории... С. 68.

³⁴ Очерки истории Китая... С. 169.

³⁵ Крюков М.В. и др. Указ. соч. С. 94.

³⁶ Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 221–224.

³⁷ Там же. С. 229; Крюков М.В. и др. Указ. соч. С. 32, 60.

³⁸ Материалы по экономической истории... С. 98.

³⁹ Крюков М.В. и др. Указ. соч. С. 60–62, 95; Материалы по экономической истории... С. 91; Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 169, 306.

⁴⁰ Очерки истории Китая ... С. 178; Eberhard W.A. Op. cit. P. 168.

⁴¹ Материалы по экономической истории... С. 100, 102, 107; История стран зарубежной Азии... С. 62.

⁴² Очерки истории Китая ... С. 184. В литературе приводятся и другая цифра — 11 млн человек, но ее так же, как и цифру в 7 млн для середины VI века, по-видимому, следует считать результатом неполного учета налогоплательщиков (см.: Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов Н.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 62).

⁴³ Очерки истории Китая... С. 182.

- ⁴⁴ Долина среднего и нижнего течения Хуанхэ.
- ⁴⁵ Материалы по экономической истории... С. 104.
- ⁴⁶ Там же; Очерки истории Китая ... С. 184.
- ⁴⁷ Там же; Материалы по экономической истории... С. 108.
- ⁴⁸ Там же. С. 110–112.
- ⁴⁹ Там же. С. 113.
- ⁵⁰ История стран зарубежной Азии... С. 65; *Крюков М.В.* и др. Указ. соч. С. 63; Очерки истории Китая... С. 123–126.
- ⁵¹ История стран зарубежной Азии... С. 66.
- ⁵² *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 214, 229–230; Очерки истории Китая... С. 206.
- ⁵³ *Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов Н.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984. С. 29.
- ⁵⁴ Очерки истории Китая ... С. 206.
- ⁵⁵ Там же. С. 200–202.
- ⁵⁶ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 230.
- ⁵⁷ *Крюков М.В.* и др. Указ. соч. С. 31.
- ⁵⁸ *Латина З.Г.* Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1986.
- С. 38.
- ⁵⁹ *Гумилев А.Н.* Указ. соч. С. 306.
- ⁶⁰ Цит. по: Очерки истории Китая... С. 205.
- ⁶¹ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 232.
- ⁶² Там же. С. 231–232.
- ⁶³ Хрестоматия по истории средних веков. Т. I. Раннее средневековье. М., 1961. С. 51.
- ⁶⁴ *Chao K. Man and Land in Chinese History. An Economic Analysis.* Stanford, 1986. P. 194,
- 210.
- ⁶⁵ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 233–235.
- ⁶⁶ Очерки истории Китая... С. 206, 218, 222.
- ⁶⁷ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 238.
- ⁶⁸ *Крюков М.В.* и др. Указ. соч. С. 29.
- ⁶⁹ Очерки истории Китая... С. 221.
- ⁷⁰ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 238.
- ⁷¹ Там же. С. 238. В трактате Ду Ю приводятся также данные о посевных площадях в эпоху Тан: в 754 году они составляли 1430 тыс. му. При принимаемом М. Ли коэффициенте перевода танских му в современные эта цифра представляется фантастической: она намного превышает размер посевных площадей в современном Китае.
- ⁷² Там же. С. 239.
- ⁷³ Там же. С. 238.
- ⁷⁴ Там же. С. 241–242; Хрестоматия по истории средних веков... С. 52.
- ⁷⁵ Там же. С. 227–233; *Крюков М.В.* и др. Указ. соч. С. 18, 90.
- ⁷⁶ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 436.
- ⁷⁷ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 436.
- ⁷⁸ Очерки истории Китая... С. 204–205.
- ⁷⁹ Очерки истории Китая... С. 235–237;
- ⁸⁰ Очерки истории Китая... С. 235–237; *Гумилев А.Н.* Указ. соч. С. 384.
- ⁸¹ Очерки истории Китая... С. 237.
- ⁸² *Гумилев А.Н.* Указ. соч. С. 388–392.
- ⁸³ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 243.
- ⁸⁴ Очерки истории Китая... С. 238–239.
- ⁸⁵ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 244.
- ⁸⁶ Там же. С. 228; Очерки истории Китая... С. 222–226.
- ⁸⁷ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 228, 247, 252–254.
- ⁸⁸ Там же. С. 244, 251; Очерки истории Китая... С. 239; *Крюков М.В.* и др. Указ. соч.
- С. 35.

- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Очерки истории Китая... С. 239–243.
- ⁹¹ *Lee Mabel Ping-bua*. Op. cit. P. 228.
- ⁹² Там же. С. 256.
- ⁹³ Там же. С. 228.
- ⁹⁴ Там же. С. 258–259.
- ⁹⁵ Цит. по: Очерки истории Китая... С. 226.
- ⁹⁶ Цит. по: Очерки истории Китая... С. 244.
- ⁹⁷ *Lee Mabel Ping-bua*. Op. cit. P. 260.
- ⁹⁸ Очерки истории Китая... С. 230–232.
- ⁹⁹ *Lee Mabel Ping-bua*. Op. cit. P. 228, 436.
- ¹⁰⁰ Цит. по: Очерки истории Китая... С. 245.
- ¹⁰¹ Очерки истории Китая... С. 245–254; *Гумилев А.Н.* В поисках вымышленного царства. СПб., 1994. С. 50–51.
- ¹⁰² Там же. С. 264.
- ¹⁰³ Цит. по: Очерки истории Китая... С. 259.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 258–259, 267.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 268–269; *Крюков М.В.* и др. Указ. соч. С. 24.
- ¹⁰⁶ Очерки истории Китая... С. 274–276; *Смолин Г.Я.* Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII века. М., 1974. С. 176–178.
- ¹⁰⁷ Очерки истории Китая... С. 276–282; *Лю Цзи.* Сто примеров воинского искусства // Китайская военная стратегия. М., 2001. С. 369; *Ларичев В.Е., Тюмина Л.В.* Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляоши») // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск. 1975. С. 109; *Школяр С.А.* Китайская доогонестрельная артиллерия. М., 1980. С. 266.
- ¹⁰⁸ *Смолин Г.Я.* Указ. соч. С. 105; *Крюков М.В.* и др. Указ. соч. С. 36–37.
- ¹⁰⁹ *Смолин Г.Я.* Указ. соч. С. 100–101.
- ¹¹⁰ Очерки истории Китая... С. 287.
- ¹¹¹ Там же. С. 284, 287
- ¹¹² *Lee Mabel Ping-bua*. Op. cit. P. 436.
- ¹¹³ Хрестоматия по истории средних веков. Т. II. X–XV века. М., 1963. С. 23.
- ¹¹⁴ Цит. по: *Смолин Г.Я.* Указ. соч. С. 100.
- ¹¹⁵ Там же. С. 104–105.
- ¹¹⁶ Цит. по: Очерки истории Китая... С. 286.
- ¹¹⁷ Там же. С. 285; *Смолин Г.Я.* Указ. соч. С. 114, 116.
- ¹¹⁸ Очерки истории Китая... С. 276.
- ¹¹⁹ Цит. по: *Смолин Г.Я.* Указ. соч. С. 241.
- ¹²⁰ Там же. С. 272.
- ¹²¹ Цит. по: *Смолин Г.Я.* Указ. соч. С. 311.
- ¹²² Там же. С. 357.
- ¹²³ Цит. по: *Смолин Г.Я.* Указ. соч. С. 311.
- ¹²⁴ *Lee Mabel Ping-bua*. The Economic History of China. N. Y., 1921. P. 436; *Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов Н.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984. С. 54.
- ¹²⁵ Там же. С. 374.
- ¹²⁶ *Лапина З.Г.* Указ. соч. С. 262.
- ¹²⁷ Очерки истории Китая... С. 276, 285, 297; *Смолин Г.Я.* Указ. соч. С. 105.
- ¹²⁸ Там же. С. 120–121.
- ¹²⁹ Очерки истории Китая... С. 298–302.
- ¹³⁰ Там же. С. 342; *Смолин Г.Я.* Указ. соч. С. 115; *Chao K.* Man and Land in Chinese History. An Economic Analysis. Stanford, 1986. P. 198–199.
- ¹³¹ *Илюшечкин В.П.* Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986. С. 195.
- ¹³² *Elvin M.* The pattern of the Chinese Past. Stanford, 1975. P. 113–118.
- ¹³³ *Крюков М.В.* и др. Указ. соч. С. 55.

¹³⁴ Очерки истории Китая... С. 300.

¹³⁵ История стран зарубежной Азии... С. 236.

¹³⁶ *Elvin M.* Op. cit. P. 176; *Крюков М.В.* и др. Указ. соч. С. 97; *Илюшечкин В.П.* Указ. соч. С. 198.

¹³⁷ Там же. С. 197, 200.

¹³⁸ Очерки истории Китая... С. 291.

¹³⁹ *Elvin M.* Op. cit. P. 176.

¹⁴⁰ История стран зарубежной Азии... С. 239.

¹⁴¹ Цит. по: *Смолин Г.Я.* Указ. соч. С. 420.

¹⁴² Там же. С. 439.

¹⁴³ Теоретически возможность подобных вариаций демографического цикла рассматривалась Р. Камероном: *Cameron R.* A concise economic history. From paleolithic times to the present. N. Y.; Oxford, 1989. P. 17.

¹⁴⁴ *Ларичев В.Е., Тюмина А.В.* Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляоши») // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 101–103.

¹⁴⁵ *Воробьев М.В.* Чжурчжени и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1975. С. 56, 65, 77–79; *Kwanten L.* Imperial nomads: A history of Central Asia, 500–1500. Philadelphia, 1979. P. 4.

¹⁴⁶ *Воробьев М.В.* Чжурчжени и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1975. С. 126, 196, 198; *Кичинов Е.И.* Чжурчжени в XI веке // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. С. 277–278; *Мэн-да бэй-лу.* Полное описание монголо-татар. М., 1975. С. 72; *Бобров А.* Латники «Золотой империи» // *Para bellum.* 2004. № 1. С. 50.

¹⁴⁷ Очерки истории Китая с древнейших времен до «опиумных» войн. М., 1959. С. 348. М.В. Воробьев подвергает сомнению цифру в 18 млн для 1127 года, однако отмечает, что рост населения Северного Китая в последующий период был очень быстрым, в 1187–1207 годах он составлял 0,9 % в год. Если принять те же темпы роста для периода 1127–1187 годов, и произвести обратную интерполяцию, отталкиваясь от известной численности населения в 1187 году (45 млн), то получим, что в 1127 году население составляло около 25 млн. Это, в целом, подтверждает масштабы демографической катастрофы.

¹⁴⁸ Цит. по: *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 213.

¹⁴⁹ *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 65, 133–134, 216; Очерки... С. 345.

¹⁵⁰ *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 115, 118, 137, 156, 168, 176; *Мелихов Г.В.* Установление власти монгольских феодалов в северо-восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1973. С. 62.

¹⁵¹ Там же. С. 119–122, 129, 174, 218; *Lee Mabel Ping-bua.* The Economic History of China. N. Y., 1921. P. 322.

¹⁵² *Lee Mabel Ping-bua.* Op. cit. P. 325.

¹⁵³ *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 258. В некотором противоречии с этими данными находятся данные, приведенные в «Цзинь ши» о том, что в Хэнани с 24 млн му государственных земель собирали 1,56 млн даней арендной платы (см.: *Lee Mabel Ping-bua.* Op. cit. P. 326). В таком случае с 1 му земли собирали лишь 0,64 доу — намного меньше официальной ставки. Это противоречие отмечают как М. Ли, так и М.В. Воробьев, который предполагает, что земли в Хэнани принадлежали военным поселенцам и другим привилегированным держателям.

¹⁵⁴ *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 258; Очерки... С. 344–345; *Lee Mabel Ping-bua.* Op. cit. P. 321–322. М. Ли утверждает, что норма наделения крестьян составляла 100 му в слабоосвоенных районах и 10 му — густонаселенных.

¹⁵⁵ *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 146.

¹⁵⁶ Там же. С. 147.

¹⁵⁷ Цит. по: *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 265.

¹⁵⁸ *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 270. В 1470 году цена составляла 0,6 лян за 1 дань. См.: *Бокшанин А.А.* Удельная система в позднесредневековом Китае. М., 1986. С. 234. Мы считаем возможным это сопоставление, поскольку инфляция в отношении серебра в то время в Китае практически отсутствовала.

- ¹⁵⁹ Цит. по: *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 224.
- ¹⁶⁰ Цит. по: *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 214.
- ¹⁶¹ *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 214.
- ¹⁶² *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 221, 275, 278.
- ¹⁶³ Цит. по: *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 220.
- ¹⁶⁴ *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 221–222, 226; *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 334.
- ¹⁶⁵ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 330.
- ¹⁶⁶ Цит. по: *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 146.
- ¹⁶⁷ Очерки... С. 349.
- ¹⁶⁸ *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 130, 141, 143, 219, 232; *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 332–333.
- ¹⁶⁹ Цит. по: *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 214.
- ¹⁷⁰ *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 238–246.
- ¹⁷¹ Там же. С. 262.
- ¹⁷² Там же. С. 279–280.
- ¹⁷³ Там же. С. 291–293.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 192.
- ¹⁷⁵ Цит. по: *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 133.
- ¹⁷⁶ *Воробьев М.В.* Чжурчжени и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1975. С. 130, 142.
- ¹⁷⁷ Цит. по: *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 227.
- ¹⁷⁸ *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 194, 205.
- ¹⁷⁹ Цит. по: *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 193.
- ¹⁸⁰ *Воробьев М.В.* Чжурчжени и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1975. С. 126, 196, 198, 202; *Кычинов Е.И.* Чжурчжени в XI веке // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. С. 277–278; *Бобров А.* Латники «Золотой империи»... С. 50.
- ¹⁸¹ *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 275–276.
- ¹⁸² *Needham J.* Science and civilization in China. Vol. 5. Cambridge, 1986; *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 205.
- ¹⁸³ *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 196.
- ¹⁸⁴ Цит. по: *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973. С. 103.
- ¹⁸⁵ Мэн-да бэй лу... С. 7; *Кычанов Е.И.* Чжурчжени в XI в... С. 277; *Шавкунов В.Э.* К вопросу о луке чжурчженей // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 200.
- ¹⁸⁶ Цит. по: *Кычанов Е.И.* Указ. соч. С. 107.
- ¹⁸⁷ *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 147.
- ¹⁸⁸ *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. М., 1985. С. 8.
- ¹⁸⁹ *Медведев Е.М.* Указ. соч. С. 124, 196, 205, 215; *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г.Ф.* Указ. соч. С. 281, 293, 448; *Ашрафян К.З.* Аграрный строй Северной Индии. М., 1965. С. 18, 235.
- ¹⁹⁰ История Древнего Востока. М., 1979. С. 359.
- ¹⁹¹ *Гафуров Б.Г.* Таджики... С. 205–209; *Боталов С.Г.* Загадка эфталитов // Диапазон. № 77. 23.09. 2001.
- ¹⁹² Цит. по: *Медведев Е.М.* Очерки истории Индии до XIII века. М., 1990. С. 222.
- ¹⁹³ Цит. по: *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Указ. соч. С. 463.
- ¹⁹⁴ *Шарма Р.Ш.* Древнеиндийское общество. М., 1987. С. 407.
- ¹⁹⁵ Цит. по: *Медведев Е.М.* Указ. соч. С. 220.
- ¹⁹⁶ Там же.
- ¹⁹⁷ История Индии в средние века. М., 1968. С. 24, 78–79.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 74.
- ¹⁹⁹ *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г.Ф.* Указ. соч. С. 459.
- ²⁰⁰ Цит. по: *Ашрафян К.З.* Средневековый город Индии XIII — середины XVIII века. М., 1983. С. 23.
- ²⁰¹ *Грюнебаум Г.Э. фон.* Указ. соч. С. 78, 102; *Дьяконов И.М.* Пути истории. М., 1994. С. 102.

- ²⁰² *ал-Джахиз Абу Усман*. Послание ал-Фатху б. Хакану... С. 78–79.
- ²⁰³ *Еремеев Д.Е.* Этногенез тюрков (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971. С. 109.
- ²⁰⁴ *Мюллер А.* Указ. соч. С. 731–733.
- ²⁰⁵ *Гронебаум Г.Э. фон*. Указ. соч. С. 101.
- ²⁰⁶ *Шмидт А.Э.* Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (III века Хиджры). Послание Тахир ибн ал-Хусейн'а к сыну своему Абдаллах ибн Тахир'у // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. Вып. 8. С. 128–138.
- ²⁰⁷ Там же. С. 138.
- ²⁰⁸ *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires... P. 70, 133.
- ²⁰⁹ Ibid. P. 62.
- ²¹⁰ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 114, 131; *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 175–176.
- ²¹¹ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 156–158.
- ²¹² История Востока. Т. 2. М., 1999. С. 253.
- ²¹³ *Якубовский А.Ю.* Указ. соч. С. 181. См. также: *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 137.
- ²¹⁴ *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М., 1969. С. 100.
- ²¹⁵ Там же.
- ²¹⁶ *Мец А.* Указ. соч. С. 83, 113, 114; *Ashtor E.* A social and economic history... P. 135–141, 152, 155.
- ²¹⁷ *Гронебаум Г.Э. фон*. Указ. соч. С. 96.
- ²¹⁸ *Михайлова И.Б.* Указ. соч. С. 17.
- ²¹⁹ Цит. по: *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 140.
- ²²⁰ *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 265, 267; История Востока. Т. 2. М., 1999. С. 252.
- ²²¹ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 110.
- ²²² *Гронебаум Г.Э. фон*. Указ. соч. С. 96; *Томафа М.* Указ. соч.
- ²²³ Цит. по: *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 135.
- ²²⁴ *Мец А.* Указ. соч. С. 138.
- ²²⁵ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 112, 137.
- ²²⁶ *Надирадзе Л.И.* Указ. соч. С. 197.
- ²²⁷ *Мец А.* Указ. соч. С. 102–103; *Ashtor E.* A social and economic history... P. 115, 135.
- ²²⁸ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 164.
- ²²⁹ Ibid. P. 166; Коран, 285.
- ²³⁰ *Мец А.* Указ. соч. С. 90; *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 175–176. Табл. 7. № 23–25.
- ²³¹ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 175–176.
- ²³² Хрестоматия по истории халифата. М., 1968. С. 181–182; *Михайлова И.Б.* Указ. соч. С. 32–33.
- ²³³ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 169, 173.
- ²³⁴ *Bosworth C.E.* Army. Islamic, to the Mongol Period // Encyclopedia Iranica // www.iranica.com/newsite/articles/v2f5/v2f5a005.html; *Босворт К.Э.* Нашествия ваваров: появление тюрков в мусульманском мире // Мусульманский мир. 950–1150. М., 1981. С. 27.
- ²³⁵ Хрестоматия... С. 183.
- ²³⁶ Там же. С. 184.
- ²³⁷ *Михайлова И.Б.* Указ. соч. С. 13; *Мец А.* Указ. соч. С. 32; *Большаков О.Г.* Средневековый город... Табл. 7.
- ²³⁸ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 184–186.
- ²³⁹ Там же; *Михайлова И.Б.* Указ. соч. С. 33–37.
- ²⁴⁰ *Мец А.* Указ. соч. С. 366.
- ²⁴¹ Там же. Указ. соч. С. 112.
- ²⁴² Там же. С. 32.
- ²⁴³ Там же. С. 113; *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 177. Табл. 7. Нужно учесть также порчу дирхема, курс которого упал с 15 до 20 дирхемов за динар.

- ²⁴⁴ Цит. по: *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 349.
- ²⁴⁵ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 144–145.
- ²⁴⁶ *Михайлова И.Б.* Указ. соч. С. 55.
- ²⁴⁷ *Петрушевский И.П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране. М., 1960. С. 491.
- ²⁴⁸ История Востока. Т. 2. М., 1999. С. 271.
- ²⁴⁹ Цит. по: *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 98.
- ²⁵⁰ Цит. по: *Михайлова И.Б.* Указ. соч. С. 57.
- ²⁵¹ Там же. С. 60.
- ²⁵² *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 177. Табл. 7.
- ²⁵³ *Ashtor E.* A social and economic history... Р. 179.
- ²⁵⁴ *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 1. М., 1963. С. 271.
- ²⁵⁵ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 137; *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 286.
- ²⁵⁶ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 114. Прим. 1.
- ²⁵⁷ *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 278.
- ²⁵⁸ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 115; *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 275, 277.
- ²⁵⁹ *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 349.
- ²⁶⁰ Там же. С. 288–290; *Гафуров В.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 341–342.
- ²⁶¹ *Мец А.* Указ. соч. С. 112.
- ²⁶² *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 303–307.
- ²⁶³ *Ал-Мукаддаси.* Наилучшее распределение для познания стран // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М., 1939. С. 192.
- ²⁶⁴ *Ал-Истахри.* Книга путей и государств // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М., 1939. С. 175–178.
- ²⁶⁵ *Херрман Й.* Славяне и скандинавы в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 82.
- ²⁶⁶ *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 296.
- ²⁶⁷ *Фейербих А.* Дамасская сталь родом из Мерва // Нейтральный Туркменистан. 08.07. 2002; *Негматов Н.Н.* Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX–X вв.). Душанбе, 1977. С. 77–78.
- ²⁶⁸ *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 265.
- ²⁶⁹ *Ал-Мукаддаси.* Указ. соч. С. 198.
- ²⁷⁰ Там же. С. 192, 195.
- ²⁷¹ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 137.
- ²⁷² *Негматов Н.Н.* Указ. соч. С. 91–92, 95, 96.
- ²⁷³ *Ал-Мукаддаси.* Указ. соч. С. 192.
- ²⁷⁴ *Негматов Н.Н.* Указ. соч. С. 92, 94, 129; *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 306.
- ²⁷⁵ *Гафуров В.Г.* Указ. соч. С. 366–367; *Негматов Н.Н.* Указ. соч. С. 94.
- ²⁷⁶ *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 307–311.
- ²⁷⁷ Цит. по: *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 314.
- ²⁷⁸ *Негматов Н.Н.* Указ. соч. С. 129–130.
- ²⁷⁹ *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 348–349, 354.
- ²⁸⁰ *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 335, 338.
- ²⁸¹ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 144.
- ²⁸² Цит. по: *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 349.
- ²⁸³ Цит. по: *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 350.
- ²⁸⁴ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 144.
- ²⁸⁵ *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 350.
- ²⁸⁶ *Бейхаки Абу-л-Фазл.* История Мас'уда. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962. С. 550–551.
- ²⁸⁷ Цит. по: *Семенова А.И.* Из истории фатимидского Египта. М., 1974. С. 51–53.

- ²⁸⁸ Там же. С. 41; *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 218; *Ashtor E.* A social and economic history... P. 127–128.
- ²⁸⁹ Там же. С. 124–127; *Грюнебаум Г.Э. фон.* Классический ислам. М., 1988. С. 100.
- ²⁹⁰ *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 61, 62.
- ²⁹¹ *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 62.
- ²⁹² *Большаков О.Г.* Средневековый город... С. 163. Табл. 6. Среднее посчитано по № 28–30.
- ²⁹³ *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 63.
- ²⁹⁴ Цит. по: *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires... P. 80.
- ²⁹⁵ *Bianquis T.* Autonomous Egypt from Ibn Tulun to Kafur, 868–969 // The Cambridge history of Egypt. Vol. 1. Cambridge, 1998. P. 116.
- ²⁹⁶ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 163. Табл. 6.
- ²⁹⁷ Там же. С. 163, 238; *Ashtor E.* A social and economic history... P. 201.
- ²⁹⁸ *Большаков О.Г.* Средневековый город...; *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires...
- ²⁹⁹ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 201.
- ³⁰⁰ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 169–170.
- ³⁰¹ Например, население Аргентины в 1895–1980 годах возросло даже в 7 раз. См.: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 23.
- ³⁰² *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 140.
- ³⁰³ *Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Белецкий Л.М.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 119; *Грюнебаум Г.Э. фон.* Указ. соч. С. 106–107.
- ³⁰⁴ *Семенова Л.А.* Из истории фатимидского Египта. М., 1974. С. 12–14.
- ³⁰⁵ Там же. С. 19, 166, 167; *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 83.
- ³⁰⁶ Цит. по: *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 43.
- ³⁰⁷ Там же; *Lokkegaard F.* Islamic taxation in the Clasic Period. Copenhagen, 1950. С. 95; *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 86; *Sanders P.* The Fatimid State, 969–1171 // The Cambridge history of Egypt. Vol. 1. Cambridge, 1998. P. 158.
- ³⁰⁸ Цит. по: *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 39.
- ³⁰⁹ История Востока. Т. 2... С. 234.
- ³¹⁰ Там же. С. 71; *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 92.
- ³¹¹ *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 106, 117.
- ³¹² Там же. С. 44.
- ³¹³ *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М., 1969. С. 112.
- ³¹⁴ История зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 371; *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 147.
- ³¹⁵ Там же; *Большаков О.Г.* Указ. соч. Табл. 6.
- ³¹⁶ *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 44.
- ³¹⁷ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 128; *Мец А.* Указ. соч. С. 18.
- ³¹⁸ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 128, 134; *Исмаилов Р.И.* Некоторые вопросы египетского текстильного ремесла в X веке // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979. С. 109–110.
- ³¹⁹ *Мец А.* Указ. соч. С. 371, 374.
- ³²⁰ *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 92.
- ³²¹ *Большаков О.Г.* Указ. соч. Табл. 6.
- ³²² *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 139; *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 93.
- ³²³ Цит. по: *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 139.
- ³²⁴ *Большаков О.Г.* Указ. соч. Табл. 8; История стран зарубежной Азии... С. 376.
- ³²⁵ Там же. С. 101; *Большаков О.Г.* Указ. соч. Табл. 6.
- ³²⁶ Там же. С. 163, 238; *Ashtor E.* A social and economic history... P. 201.
- ³²⁷ Цит. по: *Диль Ш.* Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 39.
- ³²⁸ *Dagron G.* The Urban Economy, Seventh–Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. P. 398.

³²⁹ Цит. по: *Липшиц Е.Э.* Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX века. М.; Л., 1961. С. 32.

³³⁰ Там же. С. 34–35; *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X–XI веках. М., 1977. С. 236.

³³¹ *Teall L.* The Grain Supply of the Byzantine Empire. 330–1025... P. 131; *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... С. 238.

³³² *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... 1977. С. 240; *Истории Византии. Т. 2. М., 1967.* С. 35–36; *Каждан А.П.* Деревня и город в Византии. IX–X вв. М., 1960. С. 154.

³³³ Цит. по: *Teall L.* Op. cit. P. 102.

³³⁴ *Magdalino P.* Medieval Constantinople: Built Environment and Urban Development // The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. P. 532.

³³⁵ *Истории Византии. Т. 2...* С. 24.

³³⁶ *Каждан А.П.* Византийские города в VII–XI вв. // Советская археология. 1954. Т. 21. С. 165; *Ибн Хордабех.* Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 98–100.

³³⁷ Цит. по: *Teall L.* Op. cit. P. 127.

³³⁸ *Ostrogorsky G.* Agrarian condition in the Byzantine Empire in the Middle Ages // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. I. Cambridge, 1966. P. 231.

³³⁹ *Lefort J.* The Rural Economy, Seventh–Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. P. 303. Table 1.

³⁴⁰ *Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы. М., 1974. С. 7–8; *Литаврин Г.Г.* К изучению проблемы доходности крестьянского хозяйства в Византии в X–XI вв. // Византийский временник. 2000. Т. 59. С. 11–12; *Он же.* Византийское общество и государство... С. 32, 205; *История Византии. Т. 2...* С. 18.

³⁴¹ *Morrisson C.* Byzantine Money: Its Production and Circulation. The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. Fig. 6.1, 6.2, 6.7, 6.8.

³⁴² Земледельческий закон // Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 104; *Истории Византии. Т. 2...* С. 14, 22.

³⁴³ *Ostrogorsky G.* Lohne und Preise in Byzanz // Byzantinische Zeitschrift. 1932. Bd. XXXII. S. 303.

³⁴⁴ Цит. по: *Истории Византии. Т. 2...* С. 60. Сам Никифор объяснял дешевизну продуктов тем, что крестьяне, чтобы заплатить якобы увеличенные Константином налоги, были вынуждены продавать больше хлеба. Однако известно, что Никифор ненавидел императора-иконоборца и был крайне необъективен в своих обвинениях против него. На естественный характер цены в $\frac{1}{60}$ номисмы на модий указывает также и то, что цена в Ираке была в этот период примерно такой же. См.: *Morrisson C., Cheynet J.-C.* Prices and Wages in the Byzantine World // The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. P. 822. Note 15.

³⁴⁵ *Morrisson C.* Byzantine Money... Fig. 6.5, 6.9.

³⁴⁶ *Истории Византии. Т. 2...* С. 34.

³⁴⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. VI–IX вв. М., 1996. С. 565–574.

³⁴⁸ *Истории Византии. Т. 2...* С. 52, 77.

³⁴⁹ *Каждан А.П.* Деревня и город... С. 143–146.

³⁵⁰ *Morrisson C.* Byzantine Money... Fig. 6.3.

³⁵¹ *Истории Византии. Т. 2...* С. 67.

³⁵² *Lefort J.* The Rural Economy... P. 270.

³⁵³ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992. С. 134–141.

³⁵⁴ *Каждан А.П.* Деревня и город... С. 221, 238, 248.

³⁵⁵ *Morrisson C., Cheynet J.-C.* Prices and Wages in the Byzantine World // The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. P. 814. Table. 5; *Сюзюмов М.Я.* Книга эпарха. Уставы византийских цехов X века. Свердловск, 1949. С. 101.

³⁵⁶ *Каждан А.П.* Деревня и город... С. 68, 71.

³⁵⁷ *Каждан А.П.* Деревня и город... С. 70, 71; *Липшиц Е.Э.* Указ. соч. С. 79–80.

³⁵⁸ *Истории Византии. Т. 2...* С. 158–161; *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... С. 181–182; *Диль Ш.* Указ. соч. С. 98.

- ³⁵⁹ *Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 254; *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... С. 176.
- ³⁶⁰ Цит. по: *Истории Византии*. Т. 2... С. 156.
- ³⁶¹ *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... С. 178, 182.
- ³⁶² Цит. по: *Истории Византии*. Т. 2... С. 156.
- ³⁶³ *Истории Византии*. Т. 2... С. 157.
- ³⁶⁴ *Истории Византии*. Т. 2... С. 157.
- ³⁶⁵ *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... С. 200.
- ³⁶⁶ *Ostrogorsky G.* Agrarian condition... P. 224; *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... С. 65.
- ³⁶⁷ *Истории Византии*. Т. 2... С. 138–142; *Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы... С. 25–26; *Он же.* О соответствии между византийскими и османскими формами организации экономики города в XV–XVI вв. // *Исторические и историко-культурные процессы на Балканах*. М., 1982. С. 36.
- ³⁶⁸ *Шилов К.* К вопросу о военных реформах Никифора II Фоки и их социальных последствиях // *Византийский временник*. 2001. Т. 60. С. 32.
- ³⁶⁹ *Ashtor E.* A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. London, 1976. P. 133. Динар приравнивается в номисме в работе: *Morrison C., Cheynet J.-C.* Op. cit. P. 808.
- ³⁷⁰ *Teall L.* Op. cit. P. 109.
- ³⁷¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Период Македонской династии (867–1057). М., 1997. С. 339; *Лев Дьякон.* История. М., 1988. С. 108; *Диль Ш.* Указ. соч. С. 82.
- ³⁷² Точнее, 6 номисм и 54 модия пшеницы, мы пересчитали зерно в деньги по цене 8 модиев за номисму. См.: *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... С. 238.
- ³⁷³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Период Македонской династии (867–1057). М., 1997. С. 378.
- ³⁷⁴ *Каждан А.П.* Деревня и город... С. 146; *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... С. 205.
- ³⁷⁵ См.: *Литаврин Г.Г.* К изучению проблемы доходности... С. 21; *Удальцова З.В., Осипова К.А.* Формирование феодального крестьянства в Византии (VII–XI вв.) // *История крестьянства в Европе*. Т. I. М., 1985. С. 407.
- ³⁷⁶ Податной устав (913–1139) // *Сборник документов по социально-экономической истории Византии*. М., 1951. С. 151.
- ³⁷⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописания... С. 173.
- ³⁷⁸ Цит. по: *Успенский Ф.И.* Указ. соч. С. 211.
- ³⁷⁹ Там же. С. 212.
- ³⁸⁰ Там же. С. 212–213.
- ³⁸¹ *Сборник документов*... С. 159.
- ³⁸² Там же; *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... С. 208–209.
- ³⁸³ Продолжатель Феофана. Жизнеописания... С. 183.
- ³⁸⁴ *Сборник документов*... С. 160; *Ostrogorsky G.* Agrarian condition... P. 217.
- ³⁸⁵ *Шилов К.* Указ. соч. С. 33–35.
- ³⁸⁶ *Morrison C., Cheynet J.-C.* Op. cit. P. 822–823.
- ³⁸⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописания... С. 197; *Лев Дьякон.* История... С. 120.
- ³⁸⁸ *Сборник документов*... С. 155, 179.
- ³⁸⁹ *Lefort J.* Op. cit. P. 303. Table 1.
- ³⁹⁰ *Сборник документов*... С. 172–173.
- ³⁹¹ *Lefort J.* Op. cit. P. 246.
- ³⁹² *Удальцова З.В., Осипова К.А.* Указ. соч. С. 393.
- ³⁹³ *Lefort J.* Op. cit. P. 308.
- ³⁹⁴ *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... С. 221.
- ³⁹⁵ *Morrison C., Cheynet J.-C.* Op. cit. P. 865; *Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы... С. 20.
- ³⁹⁶ *Ostrogorsky G.* Lohne und Preise... S. 321.

- ³⁹⁷ В данном случае мы считаем в модии 13 кг.
- ³⁹⁸ Истории Византии. Т. 2... С. 136.
- ³⁹⁹ *Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы... С. 23.
- ⁴⁰⁰ Цит. по: *Каждан А.П.* Социальный состав... С. 255.
- ⁴⁰¹ *Михаил Пселл.* Хронография... С. 15.
- ⁴⁰² *Диль Ш.* Указ. соч. С. 108; Истории Византии. Т. 2... С. 219–221.
- ⁴⁰³ *Диль Ш.* Указ. соч. С. 108.
- ⁴⁰⁴ *Михаил Пселл.* Хронография. М., 1978. С. 15.
- ⁴⁰⁵ *Диль Ш.* Указ. соч. С. 85; *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... С. 253.
- ⁴⁰⁶ *Диль Ш.* Указ. соч. С. 41.
- ⁴⁰⁷ *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1980. С. 249, 254, 259.
- ⁴⁰⁸ Истории Византии. Т. 2... С. 266, *Morrison С., Cheynet J.-C.* Op. cit. P. 823. Tabl. 5.
- ⁴⁰⁹ *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия... С. 34.
- ⁴¹⁰ *Morrison С.* Op. cit. Fig. 6.11, 6.12.
- ⁴¹¹ *Михаил Пселл.* Хронография... С. 26, 37.
- ⁴¹² *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... С. 242, 253.
- ⁴¹³ Истории Византии. Т. 2... С. 265.
- ⁴¹⁴ Истории Византии. Т. 2... С. 263, 265, 267, 295.
- ⁴¹⁵ Истории Византии. Т. 2... С. 270.
- ⁴¹⁶ Цит. по: *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997. С. 34. Византийский хронист Михаил Атталиат (и вслед за ним некоторые историки) объясняет сокращение военных расходов злонамеренным стремлением этагистской бюрократии ослабить военную знать. Однако тенденциозность позиции Атталиата отмечалась многими исследователями, см., например: Истории Византии. Т. 2... С. 290. То обстоятельство, что снижение расходов было вызвано общей нехваткой средств доказывается как высказыванием Скилицы, так и начавшейся в это время порчей монеты. См.: *Morrison С.* Op. cit. P. 931.
- ⁴¹⁷ *Morrison С.* Op. cit. P. 931.
- ⁴¹⁸ Там же. С. 278–279.
- ⁴¹⁹ *Михаил Пселл.* Хронография... С. 72.
- ⁴²⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. XI–XV вв... С. 37.
- ⁴²¹ Цит. по: там же. С. 57.
- ⁴²² Там же. С. 57, 58.
- ⁴²³ Истории Византии. Т. 2... С. 283–286; *Hillenbrand С.* Malazgird // The Encyclopaedia of Islam. Online edition // encislam.brill.nl.
- ⁴²⁴ Цит. по: *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* История Турции в средние века и новое время. М., 1992. С. 46.
- ⁴²⁵ Истории Византии. Т. 2... С. 287–290; *Morrison С., Cheynet J.-C.* Op. cit. P. 814; *Morrison С.* Op. cit. P. 931.
- ⁴²⁶ *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* Указ. соч. С. 47; Истории Византии. Т. 2... С. 292.
- ⁴²⁷ Истории Византии. Т. 2... С. 293.
- ⁴²⁸ *Morrison С.* Op. cit. Fig. 6.3, 6.6.

Глава 10. ЭПОХА САБЛИ

¹ *Комар А.В., Сухобоков О.В.* Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 2; *Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 15; *Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Там же. С. 70.

² *Черноусов П.И., Манельман В.М., Голубев О.В.* Металлургия железа в истории цивилизации. М., 2006. С. 112, 191.

³ *Фейербах А.* Дамасская сталь родом из Мерва // Нейтральный Туркменистан. 08.07. 2002.

- ⁴ *Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы // *Степи Евразии в эпоху средневековья.* М., 1981. С. 215.
- ⁵ *Комаф А.В., Сухобоков О.В.* Указ. соч.
- ⁶ *Комаф А.В., Сухобоков О.В.* Указ. соч.
- ⁷ *Мирхонд.* Сад чистоты // *Материалы по истории туркмен и Туркмении.* Т. 1. М.: Институт Востоковедения, 1939. С. 460.
- ⁸ *Будаев Н.М.* Западные турки в странах Востока. Нальчик, 2002 // <http://buday.narod.ru/gl5.htm>
- ⁹ *Гафуров Б.Г.* Таджики. М., 1972. С. 346–347.
- ¹⁰ *Bosworth C.E.* Army. Islamic, to the Mongol Period // *Encyclopedia Iranica* // www.iranica.com/newsite/articles/v2f5/v2f5a005.html; *Hillenbrand C.* Malazgird // *The Encyclopaedia of Islam.* Online edition // encislam.brill.nl.
- ¹¹ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 148.
- ¹² *Сиасет-наме.* Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька. М.; Л., 1949. С. 14, 24, 43.
- ¹³ *Босфорт К.Э.* Указ. соч. С. 29.
- ¹⁴ Цит. по: *Строева Л.В.* Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII веках. М., 1978. С. 12. Ибн ал-Асир пишет об Алп-Арслане, в правление которого администрацией руководил Низам ал-мульк.
- ¹⁵ *Гусейнов Р.А.* Сельджукская военная организация // *Палестинский сборник.* 1967. Вып. 17. С. 133.
- ¹⁶ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 177. Табл. 7. № 65, 66, 68; *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires... Р. 465.
- ¹⁷ Там же. С. 19; *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 179. Табл. 7. См. также: *Беленицкий* и др. Указ. соч. С. 216.
- ¹⁸ *Ashtor E.* A social and economic history... Р. 213; *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires... Р. 467; *Строева Л.В.* Указ. соч. С. 6.
- ¹⁹ Цит. по: *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 154.
- ²⁰ *Bosworth C.E.* Army. Islamic, to the Mongol Period // *Encyclopedia Iranica* // www.iranica.com/newsite/articles/v2f5/v2f5a005.html; *Гусейнов Р.А.* Сельджукская военная организация... С. 132–133.
- ²¹ *Пигулевская Н.В.* и др. С. 155; *Ashtor E.* A social and economic history... Р. 214.
- ²² *Марко П.* Книга Марко Поло. М., 1956. С. 70–72.
- ²³ *Строева Л.В.* Указ. соч. С. 71.
- ²⁴ *Михайлова И.Б.* Указ. соч. С. 68, 71; *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 179. Табл. 7.
- ²⁵ *Строева Л.В.* Указ. соч. С. 76–82; *Михайлова И.Б.* Указ. соч. С. 68.
- ²⁶ Цит. по: *Михайлова И.Б.* Указ. соч. С. 73; *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 179. Табл. 7.
- ²⁷ Там же. С. 72–77.
- ²⁸ Цит. по: *Ashtor E.* A social and economic history... Р. 222.
- ²⁹ Ibid. Р. 223.
- ³⁰ Ibid. Р. 253.
- ³¹ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 179. Табл. 7.
- ³² *Беленицкий* и др. Указ. соч. С. 216; *Буллиет Р.В.* Религиозно-политическая история Нишапура // *Мусульманский мир.* 950–1150. М., 1981.
- ³³ *История Востока.* Т. 2. М., 1999. С. 279.
- ³⁴ Там же; *Михайлова И.Б.* Указ. соч. С. 83.
- ³⁵ *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires... Р. 465.
- ³⁶ Там же. С. 85–86.
- ³⁷ *Петрушевский И.П.* Указ. соч. С. 98. И.П. Петрушевский ссылается на Хамдаллаха Казвини, который приводит цифру в 30 млн ильханских динаров, что эквивалентно 97 млн аббасидских дирхемов.
- ³⁸ *Ashtor E.* A social and economic history... Р. 235.
- ³⁹ Там же. С. 85–86.

- ⁴⁰ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 179. Табл. 7; История стран зарубежной Азии... С. 365.
- ⁴¹ *Михайлова И.Б.* Указ. соч. С. 90–97; *Петрушевский И.П.* Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1353 г.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 248.
- ⁴² *Ибн ал-Фувати.* Цит. по: *Михайлова И.Б.* Указ. соч. С. 97.
- ⁴³ *Петрушевский И.П.* Указ. соч. С. 228, 244.
- ⁴⁴ Там же. С. 89; 129.
- ⁴⁵ *Гордлевский Вл.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 137.
- ⁴⁶ Там же. С. 73, 139, 154, 157, 158–160; *Еремеев Д.Е.* Указ. соч. С. 82.
- ⁴⁷ *Сиасет-наме.* М., 1949. С. 35.
- ⁴⁸ *Гордлевский Вл.* Указ. соч. С. 75.
- ⁴⁹ Там же. С. 52, 85.
- ⁵⁰ *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* Указ. соч. С. 46.
- ⁵¹ Там же. С. 62; *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983. С. 12.
- ⁵² *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* Указ. соч. С. 62.
- ⁵³ *Гордлевский Вл.* Указ. соч. С. 127.
- ⁵⁴ *Еремеев Д.Е.* Указ. соч. С. 165.
- ⁵⁵ *Гордлевский Вл.* Указ. соч. С. 65, 124.
- ⁵⁶ *Еремеев Д.Е.* Указ. соч. С. 90.
- ⁵⁷ Там же. С. 82.
- ⁵⁸ *Гордлевский Вл.* Указ. соч. С. 52, 59.
- ⁵⁹ *Еремеев Д.Е.* Указ. соч. С. 104.
- ⁶⁰ *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Указ. соч. С. 14.
- ⁶¹ *Гордлевский Вл.* Указ. соч. С. 96–98, 155.
- ⁶² *Habib I.* Non-agricultural production and urban economy // The Cambridge economic history of India. Vol. I. Cambridge, 1982. P. 90–91.
- ⁶³ Там же. С. 177; *Ашрафян К.З.* Делийский султанат. М., 1960. С. 84; *Ашрафян К.З.* Феодализм в Индии. М., 1977. С. 85; *Habib I.* Agrarian Economy // The Cambridge economic history of India. Vol. I. Cambridge, 1982. P. 61, 66.
- ⁶⁴ Цит. по: История Индии в средние века... С. 230.
- ⁶⁵ Цит. по: *Синха К.Н., Банеджи А.И.* История Индии. М., 1954. С. 155.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ История Востока. Т. 2. М., 1999. С. 428.
- ⁶⁸ *Lal K.S.* History of the Khaljis (1290–1320). London, 1967. P. 200.
- ⁶⁹ Цит. по: *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 140.
- ⁷⁰ История стран зарубежной Азии... С. 370.
- ⁷¹ *Семенова Л.С.* Салах ад-дин и мамлюки в Египте. М., 1966. С. 30–32.
- ⁷² История стран зарубежной Азии... С. 370.
- ⁷³ *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 30–32.
- ⁷⁴ *Семенова Л.С.* Из истории фатимидского Египта... С. 51.
- ⁷⁵ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 179. Табл. 6, 8.
- ⁷⁶ *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 96–87; *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 101.
- ⁷⁷ *Большаков О.Г.* Средневековый город...; *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires... История Востока. Т. 2. С. 249; *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 47, 158.
- ⁷⁹ Там же. С. 40.
- ⁸⁰ *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires... P. 467–468.
- ⁸¹ *Семенова Л.С.* Салах ад-дин и мамлюки... С. 37, 44.
- ⁸² *Chamberlain M.* The crusader era and the Ayyubid dynasty // The Cambridge history of Egypt. Vol. I. Cambridge, 1998. P. 229.
- ⁸³ *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires... P. 119.
- ⁸⁴ *Семенова Л.С.* Из истории фатимидского Египта... С. 94, 160.
- ⁸⁵ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 179. Табл. 6.
- ⁸⁶ *Семенова Л.С.* Салах ад-дин и мамлюки... С. 36, 87.

- ⁸⁷ Там же. С. 159; *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 128.
- ⁸⁸ *Семенова А.А.* Указ. соч. С. 69, 89–90.
- ⁸⁹ Цит. по: *Семенова А.А.* Указ. соч. С. 102. Мы придерживаемся указанной в источнике суммы в 4653 тыс. динаров, хотя А.С. Семенова увеличивает ее до 5123 тыс. динаров.
- ⁹⁰ Там же. С. 101–102; *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 179. Табл. 8.
- ⁹¹ *Ashtor E.* A social and economic history... Р. 201. Для первой половины XIV века см.: *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires... Р. 373.
- ⁹² *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 140, 167. Табл. 6.
- ⁹³ Цит. по: *Ashtor E.* A social and economic history... Р. 238–239.
- ⁹⁴ *Большаков О.Г.* Указ. соч. Табл. 6. № 94; *Ashtor E.* A social and economic history... Р. 239.
- ⁹⁵ Цит. по: *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. XI–XV вв... С. 76.
- ⁹⁶ *Киннам И.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180). СПб., 1859. С. 328–329.
- ⁹⁷ *Хониат Н.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. СПб., 1859. С. 191.
- ⁹⁸ *Rbeidt K.* The Urban Economy of Pergamon // The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. Р. 625.
- ⁹⁹ Истории Византии. Т. 2... С. 296.
- ¹⁰⁰ Истории Византии. Т. 2... С. 302.
- ¹⁰¹ Сборник документов... С. 214.
- ¹⁰² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. XI–XV вв... С. 92.
- ¹⁰³ *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... С. 269.
- ¹⁰⁴ *Laiou A.* The Human Resources // The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. Р. 53; *Литаврин Г.Г.* Болгарские земли под византийским владычеством (1018–1186 гг.) // Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 102.
- ¹⁰⁵ *Каждан А.П.* Из экономической жизни Византии XI–XII веков // Византийские очерки. М., 1971. С. 190, 193.
- ¹⁰⁶ Сборник документов... С. 214.
- ¹⁰⁷ *Lefort J.* Op. cit. С. 216, 253.
- ¹⁰⁸ Истории Византии. Т. 2... С. 306.
- ¹⁰⁹ *Lefort J.* Op. cit. Р. 270.
- ¹¹⁰ *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия... С. 36, 445.
- ¹¹¹ *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство... С. 89; *Lefort J.* Op. cit. Р. 248.
- ¹¹² *Хвостова К.В.* Византийское крестьянство в XII–XV вв. // История крестьянства в Европе. Т. I. М., 1985. С. 214.
- ¹¹³ Там же. С. 37.
- ¹¹⁴ *Lefort J.* Op. cit. Р. 248.
- ¹¹⁵ *Хвостова К.В.* Указ. соч. С. 210.
- ¹¹⁶ Истории Византии. Т. 2... С. 250.
- ¹¹⁷ Там же. С. 254.
- ¹¹⁸ *Каждан А.П.* Из экономической жизни Византии... С. 198.
- ¹¹⁹ *Laiou A.* Op. cit. Р. 53.
- ¹²⁰ *Анна Комнина.* Алексиада. СПб., 1995. С. 296 и прим. 1074.
- ¹²¹ Истории Византии. Т. 2... С. 302.
- ¹²² *Хониат Н.* Указ. соч. С. 65.
- ¹²³ Цит. по: *Каждан А.П.* Социальный состав... С. 261.
- ¹²⁴ *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия... С. 155.
- ¹²⁵ *Хвостова К.В.* Указ. соч. С. 215; Истории Византии. Т. 2... С. 247–248; *Каждан А.П.* Аграрные отношения в Византии XIII–XIV веков. М., 1952. С. 215.
- ¹²⁶ Истории Византии. Т. 3. М., 1967. С. 100.
- ¹²⁷ *Хониат Н.* Указ. соч. С. 270.
- ¹²⁸ Сборник документов... С. 195.

- ¹²⁹ Там же. С. 264.
¹³⁰ Сборник документов... С. 219.
¹³¹ Хониат Н. Указ. соч. С. 270.
¹³² Истории Византии. Т. 2... С. 296.
¹³³ Диль Ш. Указ. соч. С. 110.
¹³⁴ Истории Византии. Т. 2... С. 300.
¹³⁵ Истории Византии. Т. 2... С. 131–132, 305, 308.
¹³⁶ Успенский Ф.И. История Византийской империи. XI–XV вв... С. 228–229; Хониат Н. Указ. соч. С. 262–263.
¹³⁷ Хониат Н. Указ. соч. С. 261.
¹³⁸ Там же. С. 238.
¹³⁹ Там же. С. 409.
¹⁴⁰ Там же. С. 410.
¹⁴¹ Смирнов Ф. Андроник Комнин // Книга для чтения по истории средних веков. Вып. 2. Ч. 2. М., 1903. С. 141–159; Успенский Ф.И. История Византийской империи. XI–XV вв... С. 241–242.
¹⁴² Там же. С. 246–247.
¹⁴³ Там же. С. 240.
¹⁴⁴ Истории Византии. Т. 2... С. 337.
¹⁴⁵ Ostrogorsky G. Agrarian condition... P. 229.
¹⁴⁶ Morrison C., Cheynet J.-C. Op. cit. P. 824.

Глава 11. ЭПОХА МОНГОЛЬСКОГО ЛУКА

- ¹ Воробьев М.В. Чжурчжени и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1975. С. 126, 196, 198; Кычанов Е.И. Чжурчжени в XI веке // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. С. 277–278; Мэн-да бэй-лу. Полное описание монголо-татар. М., 1975. С. 72.
² Козин С.А. Сокровенное сказание. Т. I. М.; Л. 1941. С. 179.
³ Ларичев В.Е., Тюмина Л.В. Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляоши») // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 112; Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973. С. 81.
⁴ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 50–53, 62.
⁵ Цит. по: Киричников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Л., 1971. С. 78.
⁶ Марко Поло. Путешествие. Л., 1940. С. 65.
⁷ Матфей Парижский. Великая Хроника // Русский разлив. Арабески истории. Мир Льва Гумилева. М., 1997. С. 268, 270, 277, 283, 287.
⁸ Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С. 111.
⁹ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV веков о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. III. С. 87.
¹⁰ Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 121, 140, 142.
¹¹ Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 155, 161.
¹² Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // Советская археология. 1987. № 2. С. 214–215; Макьюэн Э., Миллер, Бергман А. Конструкция и изготовление древних луков // В мире науки. Scientific American. 1991. № 8. С. 46; Chambers J. The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. N. Y., 1974. P. 55–57.
¹³ Мэн-да бэй лу... С. 7; Кычанов Е.И. Чжурчжени в XI в... С. 277; Шавкунов В.Э. К вопросу о луке чжурчженей // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 200.
¹⁴ Martin H.D. The Rise of Chigis Khan and His Conquest of North China. Baltimore, 1950. P. 195.

- ¹⁵ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. М., 2006. С. 420.
- ¹⁶ Chambers J. Op. cit. P. 57.
- ¹⁷ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы и самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Е1–36. М., 1968. С. 34; Szabó C. A Brief Historical Overview of Hungarian Archery. [http:// www.atarn.org/magyar/magyar_1.htm](http://www.atarn.org/magyar/magyar_1.htm).
- ¹⁸ Paterson W.F. The Archers of Islam // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1966. Vol. 9. P. 83.
- ¹⁹ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. С. 124; Chambers J. Op. cit. P. 57.
- ²⁰ Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // Советская археология. 1966. № 2. С. 55; Киселев Г.В., Мерперт Н.Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965. С. 192–93; Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие... С. 52, 73, 75; Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. С. 122–123.
- ²¹ Chambers J. Op. cit. P. 55–57.
- ²² McLeod W. The Range of the Ancient Bow // Phoenix. 1965. Vol. 19. № 1. P. 9; Lbagvasuren G. The stele of Chinggis Khan. http://www.atarn.org/mongolian/mongol_1.htm
- ²³ Paterson W.F. Op. cit. P. 83.
- ²⁴ McLeod W. Op. cit. P. 13; Измайлов И. В блеске мисюрок и бехтерцов // Родина. 1997. № 3–4. С. 106.
- ²⁵ Пастухов Н.П., Плотников С.Е. Рассказы о стрелковом оружии. М., 1983. С. 7–8.
- ²⁶ Матфей Парижский. Великая Хроника...
- ²⁷ Путешествие в восточные страны... С. 36.
- ²⁸ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие... С. 14, 31, 32.
- ²⁹ Ермолов А.Б. Сложносоставной монгольский лук // Сборник музея антропологии и этнографии. 1987. Вып. XLI. С. 153, 154; Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 1994. С. 22.
- ³⁰ Chambers J. Op. cit. P. 64–66
- ³¹ Козин С.А. Сокровенное сказание... С. 179.
- ³² Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 225.
- ³³ Могиляников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 196.
- ³⁴ Армянские источники о монголах. М., 1962. С. 98–99.
- ³⁵ Кирпичников А.Н. К оценке военного дела средневековой Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 186; Киселев Г.В., Мерперт Н.Я. Указ. соч. С. 199.
- ³⁶ Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников... С. 147, 148; Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 169.
- ³⁷ Ostrowski D. Muskovy and the Mongols... P. 51.
- ³⁸ Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2004. С. 202.
- ³⁹ Горелик М.В. Ранний монгольский доспех...; Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
- ⁴⁰ Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение... С. 248; Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников... С. 148.
- ⁴¹ Бобров А. Латники «Золотой империи»... С. 52, 54.
- ⁴² Горелик М.В. Ранний монгольский доспех... С. 200; Худяков Ю.С., Соловьев А.И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 158–159; Бранденбург Н. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение // Оружейный сборник. 1871. № 3. Отд. 2. С. 53.

- ⁴³ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири... С. 136.
- ⁴⁴ Храпачевский Р.П. Военная держава... С. 198; Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири... С. 137.
- ⁴⁵ Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников... С. 154.
- ⁴⁶ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. III. М.; Л., 1946. С. 301–302.
- ⁴⁷ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие... С. 13.
- ⁴⁸ Бранденбург Н. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение // Оружейный сборник. 1871. № 3. Отд. 2. С. 50, 53, 55; № 4. Отд. 2. С. 76–78.
- ⁴⁹ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 35.
- ⁵⁰ Арендт В. Где и когда был изобретен порох // Искры науки. 1928. № 12. С. 453; Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия (материалы и исследования). М., 1980. С. 161, 162, 178; Недашковский А.Ф. Золотоордынский город Увек и его округа. М., 2000. С. 76.
- ⁵¹ Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2001. С. 60.
- ⁵² Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 179; Мэн-да бэй лу... С. 77; Кычанов Е.И. Чжурчжени в XI в... С. 278.
- ⁵³ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. М., 2006. С. 507.
- ⁵⁴ Мэн-да бэй-лу... С. 38, 52, 73, 125.
- ⁵⁵ Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 11; Мэн-да бэй-лу... С. 38; Бартольд В.В. Указ. соч. С. 162, 167; Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л., 1966. С. 103–105; Дмитриев В.З. Хырз. <http://www.enc.cap.ru>
- ⁵⁶ Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965. С. 44, 48, Чулуны Далай. Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983. С. 110; Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л., 1960. С. 360; Воробьев М.В. Чжурчжени и государство Цзинь... С. 258–259; Мэн-да бэй-лу... С. 30. Прим. 40; Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practice of the Thirteenth Century // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956. Vol. 19. P. 367–370.
- ⁵⁷ Мункуев Н.Ц. Указ. соч. С. 40, 55, 58, 194; Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1946. С. 36. Прим. 98; Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practice... P. 366.
- ⁵⁸ Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practice... P. 316, 330.
- ⁵⁹ Цит. по: Насонов А.Н. Указ. соч. С. 14; Юань Ши // Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2004. С. 488–489.
- ⁶⁰ Ostrowski D. Muskovy and the Mongols... P. 40.
- ⁶¹ Vasary I. The Origin of the Institution of Basqaqs // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1978. Vol. 32. P. 203–205; см. также: Пиков Г.Г. Западные кидани. Новосибирск, 1989. С. 131.
- ⁶² Мункуев Н.Ц. Указ. соч. С. 60.
- ⁶³ Мункуев Н.Ц. Указ. соч. С. 57; Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л., 1960. С. 396; У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980. С. 36–37; Очерки истории Китая с древнейших времен до «опиумных» войн. М., 1959. С. 366.
- ⁶⁴ Мункуев Н.Ц. Указ. соч. С. 57; Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л., 1960. С. 396; У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980. С. 36–37; Очерки истории Китая с древнейших времен до «опиумных» войн. М., 1959. С. 366.
- ⁶⁵ История Востока. Т. II. М., 1999. С. 393.
- ⁶⁶ Там же. С. 374.
- ⁶⁷ Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practice... P. 320–324.
- ⁶⁸ Цит. по: Петрушевский И.П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов... С. 227.
- ⁶⁹ Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране... С. 113.

⁷⁰ Там же. С. 38. Конечно, нельзя утверждать, что эти цифры, приводимые разными историками, одинаково достоверны. И.П. Петрушевский, в частности, показал, что цифра, приводимая для Герата, вполне реальна.

⁷¹ Джувейни Ата-малик. Чингисхан. История завоевателя мира. М., 2004. С. 19.

⁷² Цит. по: Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 79.

⁷³ Ashtor E. A social and economic history... P. 254.

⁷⁴ Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране. М., 1960.

⁷⁵ Там же. С. 49–50.

⁷⁶ Пигулевская Н.В. и др. Указ. соч. С. 189–190.

⁷⁷ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 41, 44, 75–76.

⁷⁸ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 73, 82; Пигулевская Н.В. и др. Указ. соч. С. 188, 198.

⁷⁹ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 289; Али-Заде А.-К. Указ. соч. С. 291.

⁸⁰ Juvayni Ala'uddin. The History of World Conqueror. Vol. I. Cambridge (Mass.), 1958. P. 33–34.

⁸¹ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 342, 363–365, 368, 369, 384; Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practice... P. 378; Али-Заде А.-К. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956. С. 204–206; Smith J.M. Mongol and Nomadic Taxation // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1970. Vol. 30. P. 49–55.

⁸² Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 386, 393, 396, 398; Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. III. М.; Л., 1946. С. 257–258, 290; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 40.

⁸³ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 3. М.; Л., 1946. С. 257–258, 290.

⁸⁴ Там же. С. 257.

⁸⁵ Там же. С. 251–252.

⁸⁶ Там же. С. 259. Это выражение представляет собой цитату из Корана. Сура 22, 72.

⁸⁷ Там же. С. 268, 281; Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 327, 329, 332.

⁸⁸ Пигулевская Н.В. и др. Указ. соч. С. 193–195; Ashtor E. A social and economic history... P. 255.

⁸⁹ Цит. по: Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 56. Выделение в тексте произведено Рашид ад-дином.

⁹⁰ Там же. С. 58; Рашид-ад-дин. Указ. соч. С. 259–262.

⁹¹ Рашид-ад-дин. Указ. соч. С. 314.

⁹² Там же. С. 292, 306.

⁹³ Там же. С. 307.

⁹⁴ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 84–85.

⁹⁵ Пигулевская Н.В. и др. Указ. соч. С. 205–206.

⁹⁶ Цит. по: Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 90.

⁹⁷ Там же. С. 112, 289.

⁹⁸ Цит. по: Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 90–91.

⁹⁹ Там же. С. 97–98, 107; Пигулевская Н.В. и др. Указ. соч. С. 198.

¹⁰⁰ Рашид-ад-дин. Указ. соч. С. 281.

¹⁰¹ Там же. С. 284–285.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Пигулевская Н.В. и др. Указ. соч. С. 207–208, 217.

¹⁰⁴ Ashtor E. A social and economic history... P. 277.

¹⁰⁵ Цит. по: Пигулевская Н.В. и др. Указ. соч. С. 227.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 266–267; Али-заде А.А. К вопросу об институте икта в Азербайджане при ильханах // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку, 1949. С. 134; Пигулевская Н.В. и др. Указ. соч. С. 220.

¹⁰⁸ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 332.

¹⁰⁹ Там же. С. 321.

¹¹⁰ Ashtor E. A social and economic history... P. 258.

- ¹¹¹ *Петрушевский И.П.* Феодалное хозяйство Рашид ад-дина // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 88.
- ¹¹² См. ниже, пункт 2.5.
- ¹¹³ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 257.
- ¹¹⁴ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 231–232; Истории стран зарубежной Азии... С. 366.
- ¹¹⁵ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 233–234; *Гафуров Б.Г.* Таджики. М., 1972. С. 489–490.
- ¹¹⁶ Цит. по: *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 234.
- ¹¹⁷ Там же. С. 93.
- ¹¹⁸ Цит. по: *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 2. М., 1964. С. 154.
- ¹¹⁹ Там же. С. 166–167, 171.
- ¹²⁰ Там же. С. 235.
- ¹²¹ Там же. С. 167, 241, 246; *Гафуров Б.Г.* Указ. соч. С. 514; *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 239.
- ¹²² Цит. по: *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 231.
- ¹²³ *Гафуров Б.Г.* Указ. соч. С. 494–498; *Азимжанова С.А.* Государство Бабура в Кабуле и в Индии. М., 1977. С. 44.
- ¹²⁴ *Гафуров Б.Г.* Указ. соч. С. 527–528; *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 240–241.
- ¹²⁵ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 283.
- ¹²⁶ Там же. С. 236; *Петрушевский И.П.* Государства Азербайджана в XV веке // Сборник статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. С. 166.
- ¹²⁷ Цит. по: *Ashtor E.* A social and economic history... P. 283.
- ¹²⁸ *Ashtor E.* A social and economic history... P. 274.
- ¹²⁹ Там же. С. 172–180.
- ¹³⁰ Цит. по: *Петрушевский И.П.* Внутренняя политика Ахмеда Ак-Койюну // Сборник статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. С. 149.
- ¹³¹ Там же. С. 152.
- ¹³² Цит. по: *Петрушевский И.П.* Государства Азербайджана... С. 183.
- ¹³³ Там же. С. 196.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ *Галстян А.* Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 165–166.
- ¹³⁶ Цит. по: *Галстян А.* Указ. соч. С. 166.
- ¹³⁷ *Гордлевский В.* Указ. соч. С. 37.
- ¹³⁸ *Гордлевский В.* Указ. соч. С. 39, 41, 147.
- ¹³⁹ *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук, стрелы и самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Е1–36. М., 1968. С. 13.
- ¹⁴⁰ *Гордлевский В.* Указ. соч. С. 37–38; *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* Указ. соч. С. 85.
- ¹⁴¹ *Еремеев Д.Е.* Указ. соч. С. 132; *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Указ. соч. С. 16; *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* Указ. соч. С. 102–103.
- ¹⁴² *Жуков К.А.* К истории образования османского государства // Тюркологический сборник. 1978. М., 1984. С. 130.
- ¹⁴³ *Гордлевский В.* Указ. соч. С. 128.
- ¹⁴⁴ *Гордлевский В.* Указ. соч. С. 128.
- ¹⁴⁵ *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* Указ. соч. С. 106.
- ¹⁴⁶ *Карпов С.П.* Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 34.
- ¹⁴⁷ *Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2004. С. 267.
- ¹⁴⁸ Подсчитано по: *Morrison C., Cheynet J.-C.* Op. cit. Tab. 2, tab. 5.
- ¹⁴⁹ См.: *Abel W.* Crises agraires en Europe (XIIIe–XXe siècle). Paris, 1973. P. 432–433.
- ¹⁵⁰ *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* Указ. соч. С. 90, 112.
- ¹⁵¹ *Мейер М.С.* К вопросу о происхождении тимара // Формы феодальной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979. С. 115.

- ¹⁵² Еремеев Д.Е. Указ. соч. С. 153.
- ¹⁵³ Kramers J.H. Murad I // The Encyclopaedia of Islam. Online edition // encislam.brill.nl
- ¹⁵⁴ Мейер М.С. К вопросу о происхождении тимара... С. 115.
- ¹⁵⁵ Inalcik H. The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600 // An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1914. Cambridge, 1994. P. 114; Еремеев Д.Е., Мейер М.С. Указ. соч. С. 118.
- ¹⁵⁶ Книга законов султана Мехмеда II Фатиха // Аграрный строй Османской империи в XV–XVII веках. Документы и материалы. М., 1968. С. 22–23; Трактат Али Чауша из Софии о тимариотской организации в Османской империи // Там же. С. 101, 111.
- ¹⁵⁷ См.: Жуков К.А. Проблема происхождения тимара в современной историографии // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная научная сессия АО ИВ АН СССР. М. 1983. С. 79–83; Мейер М.С. К вопросу о происхождении тимара... С. 110–120.
- ¹⁵⁸ Еремеев Д.Е., Мейер М.С. Указ. соч. С. 104.
- ¹⁵⁹ Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Указ. соч. С. 43.
- ¹⁶⁰ Петросян И.Е. К истории создания янычарского корпуса // Тюркологический сборник. 1978. М., 1984. С. 192–193.
- ¹⁶¹ Разин Е.А. История военного искусства. Т. II. М., 1994. С. 234.
- ¹⁶² Paterson W.F. The Archers of Islam // Journal of the Economic and Social History of the Orient 1966. Vol. 9. P. 82, 85, 86.
- ¹⁶³ Цит. по: Andrea Overfield A. The Human Record: Sources of Global History. Vol. 1 to 1700, 5th ed. P. 89.
- ¹⁶⁴ Введенский Г.Э. Янычары. История. Символика. Одежда. СПб., 2003. С. 157.
- ¹⁶⁵ Петросян И.Е. К истории создания... С. 192, 197; An economic and social history... P. 91–93.
- ¹⁶⁶ Ibid. P. 91.
- ¹⁶⁷ Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Указ. соч. С. 20, 27.
- ¹⁶⁸ Орешкова С.Ф. Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 11.
- ¹⁶⁹ Цит. по: Петросян Ю.А. Османская империя. Могущество и гибель. М., 1990. С. 23.
- ¹⁷⁰ Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Указ. соч. С. 38; Еремеев Д.Е., Мейер М.С. Указ. соч. С. 120; Градева Р. О некоторых проблемах формирования османской системы управления // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 46.
- ¹⁷¹ Inalcik H. Op. cit. P. 14; Еремеев Д.Е. Указ. соч. С. 137.
- ¹⁷² Еремеев Д.Е., Мейер М.С. Указ. соч. С. 120.
- ¹⁷³ Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Указ. соч. С. 29–31.
- ¹⁷⁴ Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988. С. 131.
- ¹⁷⁵ Семенова А.А. Салах ад-дин и мамлюки... С. 55–57.
- ¹⁷⁶ Зеленеv Е.И. Указ. соч. С. 115–116; Большаков О.Г. Указ. соч. Табл. 6.
- ¹⁷⁷ Цит. по: Семенова А.А. Указ. соч. С. 89.
- ¹⁷⁸ Большаков О.Г. Указ. соч. Табл. 6.
- ¹⁷⁹ Зеленеv Е.И. Указ. соч. С. 116–118.
- ¹⁸⁰ Семенова А.А. Указ. соч. С. 103–104; Зеленеv Е.И. Указ. соч. С. 131.
- ¹⁸¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. III. М.; Л., 1941. С. 52–54.
- ¹⁸² Семенова А.А. Указ. соч. С. 105. Для пересчета военных динаров в обычные используется метод, предложенный О.Г. Большаковым (Указ. соч. С. 222).
- ¹⁸³ Там же. С. 59–61; Зеленеv Е.И. Указ. соч. С. 134–140.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 141; Семенова А.А. Указ. соч.
- ¹⁸⁵ Цит. по: Семенова А.А. Указ. соч. С. 89, 104.
- ¹⁸⁶ Цит. по: Олридж Дж. Каир. М., 1970. С. 302.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 76.

- ¹⁸⁸ *Ashtor E. Levant Trade in the Later Middle Ages. Princeton, 1983. P. 63.*
- ¹⁸⁹ История стран зарубежной Азии... С. 376–377; *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 167.
- ¹⁹⁰ *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 66, 128, 131.
- ¹⁹¹ *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 144–145.
- ¹⁹² Цит. по: *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 135.
- ¹⁹³ Там же. С. 135, 142.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 136, 140.
- ¹⁹⁵ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 219, 220. У Ибн Джиана указана цифра 9,6 млн «военных» динаров, О.Г. Большаков, пересчитывая эту цифру в обычные динары, получает 2,6 млн.
- ¹⁹⁶ Цит. по: *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 128.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 132.
- ¹⁹⁸ История Востока. Т. 2... С. 520.
- ¹⁹⁹ *Ashtor E. A social and economic history... P. 314.*
- ²⁰⁰ *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 141, 150; История Востока. Т. 2... С. 523.
- ²⁰¹ *Ashtor E. A social and economic history... P. 297–298.*
- ²⁰² Цит. по: *Семенова Л.А.* Указ. соч. С. 140.
- ²⁰³ Там же. С. 139.
- ²⁰⁴ *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 147–148, 165.
- ²⁰⁵ *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 159.
- ²⁰⁶ *Ashtor E. Levant Trade... P. 199.*
- ²⁰⁷ История стран зарубежной Азии... С. 377–378; *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 149; *Семенова Л.С.* Указ. соч. С. 136.
- ²⁰⁸ *Ashtor E. A social and economic history... P. 313; Idem. Histoire des prix et des salaires... P. 465.*
- ²⁰⁹ *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 150; *Семенова Л.С.* Указ. соч. С. 139, 168–169.
- ²¹⁰ *Зеленев Е.И.* Указ. соч. С. 150.
- ²¹¹ Там же. С. 165.
- ²¹² *Иванов Н.А.* Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984. С. 37.
- ²¹³ Там же. С. 38–39; *Семенова Л.С.* Указ. соч. С. 137.
- ²¹⁴ *Khan I. A. Origin and Development of Gunpowder Technology in India: A.D.1250–1500 // The Indian Historical Review. 1977. Vol. IV. № 1. P. 25; Винклер П.* Указ. соч. С. 251; *Никитин А.* Хождение за три моря // Все народы едино суть. М., 1987. С. 460–461; История Индии в средние века. М., 1968. С. 246; *Успенская Е.Н.* Раджпуты: рыцари средневековой Индии. СПб., 2000. С. 154, 170.
- ²¹⁵ *Lal K.S. Op. cit. P. 181–184; 198, 201–202; Синха К.Н., Банеджи А.И.* История Индии. М., 1954. С. 175.
- ²¹⁶ *Lal K.S. History of the Khaljis (1290–1320). London, 1967. P. 171, 175–175, 192; Хара-Даван Э.* Чингис-хан. Элиста, 1991. С. 54, 70; *Ашрафян К.З.* Делийский султанат. М., 1960. С. 73.
- ²¹⁷ *Lal K.S. Op. cit. P. 193.*
- ²¹⁸ *Ашрафян К.З.* Средневековый город... С. 38; *Ашрафян К.З.* Дели ... С. 23, 36.
- ²¹⁹ Цит. по: *Habib I. Non-agricultural production and urban economy // The Cambridge economic history of India. Vol. I. Cambridge, 1982. P. 87.*
- ²²⁰ *Lal K.S. Op. cit. P. 203.*
- ²²¹ Там же; *Ашрафян К.З.* Делийский султанат... С. 58.
- ²²² Там же. С. 59–66; *Habib I. Op. cit. P. 88.*
- ²²³ Цит. по: *Ашрафян К.З.* Делийский султанат... С. 37.
- ²²⁴ Там же. С. 134.
- ²²⁵ Там же. С. 88, 92–93, 135–137; *Habib I. Agrarian Economy... P. 63, 72.*
- ²²⁶ *Ашрафян К.З.* Дели... С. 43, 55; *Он же.* Делийский султанат... С. 174.
- ²²⁷ *Ашрафян К.З.* Средневековый город... С. 47; История стран зарубежной Азии... С. 322; *Digby S. The maritime trade of India // The Cambridge economic history of India. Vol. I. Cambridge, 1982. P. 125–135.*

- ²²⁸ *Digby S.* The currency system // The Cambridge economic history of India. Vol. I. Cambridge, 1982. P. 97.
- ²²⁹ *Habib I.* Non-agricultural production... P. 88.
- ²³⁰ Цит. по: *Ашрафян К.З.* Делийский султанат... С. 139.
- ²³¹ Там же. С. 68, 122; История Индии в средние века... С. 240–241; *Habib I.* Op. cit. P. 72.
- ²³² *Habib I.* Non-agricultural production and urban economy... P. 89.
- ²³³ *Lal K.S.* Op. cit. P. 198.
- ²³⁴ *Habib I.* Agrarian Economy... P. 73.
- ²³⁵ История Индии в средние века... С. 242–241, 255–256; *Habib I.* Op. cit. P. 49.
- ²³⁶ Цит. по: *Ашрафян К.З.* Делийский султанат... С. 154.
- ²³⁷ Цит. по: *Ашрафян К.З.* Средневековый город... С. 23.
- ²³⁸ Цит. по: История Индии в средние века... С. 245.
- ²³⁹ *Ашрафян К.З.* Делийский султанат... С. 154; *Habib I.* Agrarian Economy... P. 73.
- ²⁴⁰ 1 ильханский динар = 12,6 грамм серебра; 1 танка, по К.С. Лалу эквивалентна 1 рупии = 11,5 грамма серебра. См.: *Lal K.S.* Op. cit. P. 199.
- ²⁴¹ *Антонова К.А.* Очерки общественных отношений и политического строя могольской Индии времен Акбара (1556–1605). М., 1952. С. 106; приведены доходы за 1579 год: 3630 млн дам = 91 млн рупий.
- ²⁴² Там же. С. 122.
- ²⁴³ Цит. по: История Индии в средние века... С. 243.
- ²⁴⁴ *Гийас уд-дин Али.* Цит. по: *Ашрафян К.З.* Дели... С. 74.
- ²⁴⁵ Бадауни. Цит. по: *Ашрафян К.З.* Дели... С. 74.
- ²⁴⁶ История Индии в средние века... С. 270–272.
- ²⁴⁷ Там же. С. 273, 295.
- ²⁴⁸ Цит. по: *Ашрафян К.З.* Аграрный строй... С. 36.
- ²⁴⁹ Там же. С. 256–257.
- ²⁵⁰ Там же. С. 199; История Индии в средние века... С. 387.
- ²⁵¹ Цит. по: История Индии в средние века... С. 386.
- ²⁵² Цит. по: *Habib I.* The Agrarian system of Mughal India (1556–1707). Bombay, 1963. P. 101.
- ²⁵³ История Индии в средние века... С. 275–277, 292–296.
- ²⁵⁴ Цит. по: *Ашрафян К.З.* Аграрный строй... С. 37.
- ²⁵⁵ Там же.
- ²⁵⁶ История Индии в средние века... С. 289.
- ²⁵⁷ Цит. по: История Востока. Т. 3. М., 1999. С. 174.
- ²⁵⁸ *Лютстеник Е.Я.* Индийский город Камбей в XV–XX веках. Л., 1962. С. 13, 16.
- ²⁵⁹ История Индии в средние века... С. 298.
- ²⁶⁰ Там же. С. 281.
- ²⁶¹ Там же. С. 290; *Лютстеник Е.Я.* Индийский город Камбей... С. 22.
- ²⁶² *Habib I.* Op. cit. P. 101.
- ²⁶³ *Антонова К.А.* Очерки общественных отношений... С. 121; К.А. Антонова пишет о высоких ценах в Малве. Поскольку Малва была поставщиком хлеба для Гуджарата, то в Гуджарате цены были еще выше.
- ²⁶⁴ *Gopal S.* Commerce and crafts in Gujarat: 16th and 17th centuries. New Delhi, 1975. P. 208, 209, 213.
- ²⁶⁵ Цит. по: *Ашрафян К.З.* Аграрный строй... С. 46.
- ²⁶⁶ *Ашрафян К.З.* Средневековый город Индии... С. 24; История Индии в средние века... С. 453–457.
- ²⁶⁷ *Gopal S.* Op. cit. P. 220.
- ²⁶⁸ Там же. С. 455; *Ашрафян К.З.* Средневековый город Индии... С. 28.
- ²⁶⁹ Там же. С. 454; *Чичеров А.И.* Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием. М., 1965. С. 137.
- ²⁷⁰ *Habib I.* Op. cit. P. 83.
- ²⁷¹ *Ашрафян К.З.* Средневековый город Индии... С. 38.

²⁷² *Moosvi Sh.* Note on professor Alan Heston's «The standard of living in the Akbar's time: A comment» // *Indian economic and social history review*. 1977. Vol. 14. № 3. P. 392–401.

²⁷³ История Индии в средние века... С. 460.

²⁷⁴ *Habib I.* Op. cit. P. 102–103.

²⁷⁵ Цзычжи тунцзянь ганьму // Хрестоматия по истории средних веков. Т. 2. М., 1963. С. 54.

²⁷⁶ Цит. по: Биография Елюй Чу-цая в «Юань ши» // Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965. С. 190.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Чжун-шу лином, т. е. начальником великого императорского секретариата. См.: Мункуев Н.Ц. Указ. соч. С. 19.

²⁷⁹ Думан Л.И. Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII–XIV веках // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1973. С. 322.

²⁸⁰ Мункуев Н.Ц. Указ. соч. С. 42; Мелихов Г.В. Установление власти монгольских феодалов в северо-восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1973. С. 74; История Востока. Т. 2... С. 391, 393.

²⁸¹ Пересчет произведен по ценам 1190 года. См.: Воробьев М.В. Указ. соч. С. 270.

²⁸² Мункуев Н.Ц. Указ. соч. С. 26, 48.

²⁸³ Боровкова Л.А. Восстание «красных войск» в Китае. М., 1971. С. 32; Очерки... С. 371, 373–374; Мункуев Н.Ц. Указ. соч. С. 48.

²⁸⁴ Мункуев Н.Ц. Указ. соч. С. 60–63.

²⁸⁵ Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983. С. 35.

²⁸⁶ Свистунова Н.П. Гибель государства Южных Сунов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1973. С. 278.

²⁸⁷ История стран зарубежной Азии... С. 217.

²⁸⁸ История Востока. Т. 2... С. 392.

²⁸⁹ Цит. по: Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 6.

²⁹⁰ Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 9, 18, 27, 28; Думан Л.И. Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII–XIV веках // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1973. С. 337; *Lee Mabel Ping-bua*. Op. cit. P. 334–335.

²⁹¹ Цит. по: Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 6.

²⁹² Свистунова Н.П. Указ. соч. С. 284–286.

²⁹³ Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов Н.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984. С. 54; Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 46. Прим. 4; Очерки... С. 368.

²⁹⁴ *Lee Mabel Ping-bua*. Op. cit. P. 436.

²⁹⁵ Поло Марко. Книга Марко Поло. М., 1956. С. 160–161.

²⁹⁶ Цит. по: *Lee Mabel Ping-bua*. Op. cit. P. 337.

²⁹⁷ Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 27, 30, 31; *Eberhard W.A.* History of China. Berkley; Los Angeles, 1969. P. 235.

²⁹⁸ У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980. С. 36–37; Очерки... С. 366.

²⁹⁹ История Китая. М., 1998. С. 236.

³⁰⁰ Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 29.

³⁰¹ *Lee Mabel Ping-bua*. Op. cit. P. 436.

³⁰² Там же. С. 6.

³⁰³ Там же. С. 12; У Хань. Указ. соч. С. 40; *Eberhard W.A.* Op. cit. P. 237; История стран зарубежной Азии... С. 253.

³⁰⁴ История Китая... С. 237; Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 11, 18–19.

³⁰⁵ Цит. по: Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 16.

³⁰⁶ Там же. С. 19.

³⁰⁷ Там же. С. 42, 77.

³⁰⁸ У Хань. Указ. соч. С. 30–31.

³⁰⁹ Цит. по: Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 16; *Lee Mabel Ping-bua*. Op. cit. P. 340.

³¹⁰ Eberhard W.A. Op. cit. P. 238; Очерки... С. 380; Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 31; Lee Mabel Ping-bua. Op. cit. P. 340, 341, 346.

³¹¹ Цит. по: Lee Mabel Ping-bua. Op. cit. P. 346.

³¹² Коротяев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. Законы истории: вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. М., 2006. С. 79.

³¹³ The Cambridge History of China. Vol. 6. Cambridge, 1994. P. 585–586.

³¹⁴ Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 36; У Хань. Указ. соч. С. 32.

³¹⁵ Там же. С. 26.

³¹⁶ Eberhard W.A. Op. cit. P. 236; Очерки... С. 369, 371.

³¹⁷ Цит. по: Мункуев Н.Ц. Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII–XIV вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1973. С. 394.

³¹⁸ Там же. С. 386–402.

³¹⁹ Цит. по: Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 68.

³²⁰ Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 39, 41; У Хань. Указ. соч. С. 33.

³²¹ Там же. С. 45. По другим данным, 150 тысяч. См.: Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 45.

³²² Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 45–46.

³²³ Там же. С. 63.

³²⁴ У Хань. Указ. соч. С. 165.

³²⁵ Лю Цзи. Сто примеров воинского искусства // Китайская военная стратегия. М., 2001. С. 369.

³²⁶ Еремеев В.В. Традиционная наука Китая // <http://www.iprofit.ru/books/18875.html>

³²⁷ Цит. по: Очерки... С. 403.

³²⁸ Eberhard W.A. Op. cit. P. 236.

³²⁹ У Хань. Указ. соч. С. 191.

³³⁰ Пигулевская Н.В. и др. Указ. соч. С. 282.

Глава 12. ЭПОХА «ПОРОХОВЫХ ИМПЕРИЙ»

¹ Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия. М., 1980. С. 161–171.

² Там же. С. 191; Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 1994. С. 52, 61.

³ McNeill W. The pursuit of power. Oxford, 1982. P. 81.

⁴ Маркевич В.Е. Указ. соч. С. 61.

⁵ Петросян Ю.А. Османская империя... С. 22; Parry V.J. Barud // The Encyclopaedia of Islam. Online edition // <http://encislam.brill.nl>

⁶ Haywood M. Hungarian Tactics and significant Battles // <http://myweb.tiscali.co.uk/matthaywood/main/Hungarian Battles.htm>.

⁷ Inalcik H. The Socio-Political Effects of the Diffusion of Firearms in the Mitlile East // Parry V.J. and Yapp M.E. (eds.) War, Technology and Society in the' Middle East. London, 1975. P. 204.

⁸ McNeill W. The pursuit of power: technology, armed force, and society since A.D. 1000. Oxford, 1983. P. 135.

⁹ Haywood M. Op. cit.

¹⁰ Parry V.J. Op. cit; Петросян Ю.А. Османская империя... С. 59; Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984. С. 29.

¹¹ Parry V.J. Op. cit.

¹² Цит. по: Andrea Overfield A. Op. cit. P. 89.

¹³ Parry V.J. Op. cit.; Каменев Ю.А. К истории реформ в османской армии в XVIII в. // Тюркологический сборник. 1978. М., 1984. С. 142.

¹⁴ Иванов Н.А. Указ. соч. С. 29.

¹⁵ Parry V.J. Op. cit.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Inalcik H. The Ottoman State... P. 88, 98; Петросян И.Е. К истории создания... С. 197.

¹⁸ Inalcik H. The Ottoman State... P. 97.

¹⁹ Roberts M. Essays in Swedish History. L., 1967. P. 195.

- ²⁰ *Downing B.* The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. P. 3.
- ²¹ Цит. по: *Иванов Н.А.* Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984. С. 200.
- ²² *Пигулевская Н.В.* и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. А., 1958. С. 256, 273, 276, 280.
- ²³ История Индии в средние века. М., 1968. С. 36, 382.
- ²⁴ См.: *Нефедов С.А.* Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 30–53.
- ²⁵ *Иванов Н.А.* Османское завоевание... С. 29.
- ²⁶ *Иванов Н.А.* Османское завоевание... С. 20.
- ²⁷ Там же. С. 201.
- ²⁸ Там же. С. 18–20, 38–39.
- ²⁹ Цит. по: История Югославии. Т. I. М., 1963. С. 136.
- ³⁰ *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. М., 2003. С. 449.
- ³¹ *Barcan O.L.* Rec. ad. op.; *Braudel F.* La Mediterranee et le monde mediterraneen a l'epoque de Philippe II // Revue de la faculte des sciences economiques de l'Universite d'Istanbul. Istanbul. 1949–1950. Vol. XI. P. 206.
- ³² *Лорд Кинфросс.* Расцвет и упадок Османской империи. М., 1995. С. 50.
- ³³ Записки янычара. М., 1978. С. 44, 112.
- ³⁴ *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 69.
- ³⁵ *Крымский А.* О «туркофильстве» Европы и Московской Руси в XVII веке // Крымский А. История Турции и ее литературы. М., 1910. С. 155.
- ³⁶ Цит. по: *Егоров Д.Н.* Идея «турецкой реформации» // Русская мысль. 1907. № 7. Отд. II. С. 6.
- ³⁷ Там же; *Иванов Н.А.* Османское завоевание... С. 18.
- ³⁸ Цит. по: *Иванов Н.А.* О типологических особенностях... С. 63.
- ³⁹ Цит. по: *Иванов Н.А.* Указ. соч. С. 211.
- ⁴⁰ *Крижанич Ю.* Русское государство в половине XVII века. Ч. 1. М., 1859. С. 87.
- ⁴¹ Там же. С. 64.
- ⁴² *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. С. 151.
- ⁴³ *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Указ. соч. С. 51; *Салимзянова Ф.А.* Люфти-паша и его трактат «Асаф-наме» // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1974. М., 1981. С. 103; Аграрный строй Османской империи... С. 22.
- ⁴⁴ *Еремеев Д.Е.* Указ. соч. С. 147.
- ⁴⁵ *Kramers J.H.* Murad II // The Encyclopedia of Islam. Online edition // <http://encislam.brill.nl>
- ⁴⁶ *Лобовикова К.Н.* Георгий Трапезундский и Мехмед II завоеватель // Византийский временник. 2005. Т. 64. С. 146.
- ⁴⁷ *Пересветов И.С.* Сказание о Магмете-салтане // Все народы едино суть. М., 1987. С. 629, 634.
- ⁴⁸ Цит. по: Истории Византии. Т. 2... С. 156.
- ⁴⁹ *Еремеев Д.Е.* Указ. соч. С. 156.
- ⁵⁰ *Inalcik H.* Mehmed II // The Encyclopaedia of Islam. Online edition // <http://encislam.brill.nl>
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² *Градева Р.* Указ. соч. С. 46, 47, 49; *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. С. 150; *Inalcik H.* The Ottoman State... P. 105.
- ⁵³ *Inalcik H.* The Ottoman State... P. 153.
- ⁵⁴ Книга законов Сулеймана Кануни // Аграрный строй Османской империи... С. 30.
- ⁵⁵ *Тверитинова А.С.* К вопросу о крестьянском землевладении в Османской империи (XV–XVI вв.) // Ученые записки Института востоковедения. 1959. Т. XVII. С. 38.

- ⁵⁶ Книга законов Сулеймана Кануни... С. 28.
- ⁵⁷ *Inalcik H. The Ottoman State...* P. 150, 152.
- ⁵⁸ *Ibid.* P. 16; *Фрейденберг М.М.* Крестьянство в Балкано-Карпатских землях (Сербия, Хорватия, Болгария, Дунайские княжества) в XV–XVI вв. // История крестьянства в Европе. Т. II. М., 1986 С. 465.
- ⁵⁹ *Inalcik H. The Ottoman State...* P. 71.
- ⁶⁰ Законоположение вилаета Гелиболу // Аграрный строй Османской империи... С. 86; *Inalcik H. The Ottoman State...* P. 70.
- ⁶¹ Законоположение вилаета Караман // Аграрный строй Османской империи... С. 58; Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 172–173; Пространный реестр Гюрджистанского вилаета // Аграрный строй Османской империи... С. 158–159.
- ⁶² Законоположение ливы Айдын // Аграрный строй Османской империи... С. 46–47.
- ⁶³ Законоположение ливы Хуравендигар... С. 39–40; Книга законов Сулеймана Кануни... С. 35.
- ⁶⁴ *Тодоров Н.* Балканский город XV–XVI веков. М., 1976. С. 81–82.
- ⁶⁵ См.: *Литабрин Г.Г.* О соответствии между византийскими и османскими формами организации экономики города в XV–XVI вв. // Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982. С. 30–42; *Гордлевский Вл.* Указ. соч. С. 102–103, 126; *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* Указ. соч. С. 107.
- ⁶⁶ *Еремеев Д.Е.* Указ. соч. С. 152, 155.
- ⁶⁷ *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* Указ. соч. С. 108.
- ⁶⁸ *Inalcik H. The Ottoman State...* P. 17.
- ⁶⁹ Цит. по: *Иванов Н.А.* Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984. С. 207.
- ⁷⁰ Цит. по: Там же. С. 212.
- ⁷¹ Цит. по: Там же. С. 211.
- ⁷² *Cook M.* Population Pressure in Rural Anatolia 1450–1600. London, 1972. P. 10–11.
- ⁷³ *Barkan O.L.* Research on the Ottoman Fiscal Surveys // Studies in the Economical History of the Middle East (ed. M. Cook). London, 1970. P. 169; Законоположение ливы Айдын // Аграрный строй Османской империи... С. 46.
- ⁷⁴ *Inalcik H. The Ottoman State...* P. 32.
- ⁷⁵ *Карнов С.П.* Указ. соч. С. 34.
- ⁷⁶ *Osmucur S., Pamuk Ch.* Real Wages and Standards of Living in the Ottoman Empire, 1489–1914. // Journal of Economic History. 2002. Vol. 62. P. 301. Tab. 1.
- ⁷⁷ *Inalcik H. The Ottoman State...* P. 148.
- ⁷⁸ *Сванидзе М.Х.* Производство зерновых на крестьянском чифтликe (по османским законоположениям в XV–XVI вв.) // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 266.
- ⁷⁹ *Lefort J.* The Rural Economy... P. 301.
- ⁸⁰ Закон о хассах Стамбула // Аграрный строй Османской империи... С. 174.
- ⁸¹ Datasets Prices and Wages in Istanbul. Compiled by Sevket Pamuk (2001) // <http://www.iisg.nl/hpw/data.html#ottoman>. Если для данного года отсутствовали цены на зерно, то мы использовали цену на муку, деленную на коэффициент 1,2; если отсутствовали цены на зерно и муку, то мы использовали цену печеного хлеба, умноженную на 0,86. Оба коэффициента получены как среднее отношение цен указанных продуктов в 1550–1820 гг.
- ⁸² *Inalcik H. The Ottoman State...* P. 25–26.
- ⁸³ *Мейер М.С.* Особенности демографических процессов в Османской империи XV–XVI вв. и их социально-экономические последствия // Демографические процессы на Балканах в средние века. Калинин, 1984. С. 9. Табл. 1.
- ⁸⁴ *Barkan O.L.* Research on the Ottoman Fiscal Surveys... P. 169; *Barkan O.L.* Essai sur les donnees statistiques des registres de recensement dans l'Empire Ottoman au XV–XVI-e siecles // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden, 1957. Vol. I. Pt. 1. P. 25.

- ⁸⁵ Cook M. Population Pressure... P. 10–11.
- ⁸⁶ Erder L., Faroqbi S. Population Rise and Fall in Anatolia. 1550–1620 // Middle Eastern Studies. 1979. Vol. 15. N3. P. 336.
- ⁸⁷ Islamoglu H., Faroqbi S. Crop Patterns and Agriculture Production Trend in Sixteenth Century Anatolia // Review. Binghampton, 1979. Vol. II. № 3. P. 429–431.
- ⁸⁸ Петросян Ю.А. Османская империя... С. 110; Мейер М.С. Особенности демографических процессов... С. 13–14; Inalcik H. The Ottoman State... P. 126.
- ⁸⁹ Erder L., Faroqbi S. Op. cit. P. 337.
- ⁹⁰ Тодоров Н. Указ. соч. С. 78–79; Inalcik H. The Ottoman State... P. 71.
- ⁹¹ Цит. по: Мейер М.С. Особенности демографических процессов... С. 5.
- ⁹² Faroqbi S. Crisis and Change, 1590–1699 // An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1914. Cambridge, 1994. P. 455.
- ⁹³ Мейер М.С. Особенности демографических процессов... С. 19.
- ⁹⁴ См.: Там же. С. 7.
- ⁹⁵ Osmicur S., Patuk Cb. Op. cit. P. 312.
- ⁹⁶ Abel W. Crises agraires en Europe (XIIe–XXe siecle). Paris, 1973. P. 193.
- ⁹⁷ Inalcik H. The Ottoman State... P. 82, 186.
- ⁹⁸ Ibid. P. 47; Петросян Ю.А. Османская империя... С. 109; Еремеев Д.Е., Мейер М.С. Указ. соч. С. 162.
- ⁹⁹ Inalcik H. The Ottoman State... P. 184, 186.
- ¹⁰⁰ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир... С. 358.
- ¹⁰¹ Вратислав В. Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе и в тяжкой неволе у турок с австрийским посольством в 1591 году. СПб., 1904. С. 116, 180.
- ¹⁰² Петросян Ю.А. Османская империя... С. 109.
- ¹⁰³ Inalcik H. The Ottoman State... P. 35.
- ¹⁰⁴ Ibid. P. 39.
- ¹⁰⁵ Мейер М.С. Особенности демографических процессов... С. 20.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 20; Inalcik H. The Ottoman State... P. 22–23, 93.
- ¹⁰⁷ Inalcik H. Military and Fiscal Transformation in the Ottoman Empire, 1600–1700 // Archivum Ottomanicum. 1980. № 6; Idem. The Socio-Political Effects...
- ¹⁰⁸ Петросян Ю.А. Османская империя... С. 102.
- ¹⁰⁹ Inalcik H. The Ottoman State... P. 114.
- ¹¹⁰ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 30.
- ¹¹¹ Мутафчиева В. Аграрные отношения в Османской империи през XV–XVI вв. София, 1962. С. 243.
- ¹¹² Inalcik H. The Ottoman State... P. 72.
- ¹¹³ Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Указ. соч. С. 65.
- ¹¹⁴ Inalcik H. The Ottoman State... P. 23.
- ¹¹⁵ Петросян Ю.А. Османская империя... С. 111.
- ¹¹⁶ Inalcik H. The Ottoman State... P. 70. Tab. 1:17.
- ¹¹⁷ Цит. по: Петросян Ю.А. Османская империя... С. 105–106.
- ¹¹⁸ Тверитинова А. Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции. М.; Л., 1946. С. 37.
- ¹¹⁹ Новичев А.Д. История Турции. Т. 1. Л., 1963. С. 154.
- ¹²⁰ Inalcik H. The Ottoman State... P. 74.
- ¹²¹ Цит. по: Петросян Ю.А. Османская империя... С. 105–106.
- ¹²² Цит. по: Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Указ. соч. С. 63.
- ¹²³ Цит. по: Петросян Ю.А. Османская империя... С. 105–106.
- ¹²⁴ Тверитинова А. Восстание Кара Языджи... С. 49.
- ¹²⁵ Цит. по: Петросян Ю.А. Османская империя... С. 111.
- ¹²⁶ Тверитинова А. Восстание Кара Языджи... С. 55–56.
- ¹²⁷ Там же. С. 56–58, 62.
- ¹²⁸ Петросян Ю.А. Османская империя... С. 111–116.

- ¹²⁹ *Тверитинова А.* Восстание Кара Языджи... С. 37.
- ¹³⁰ *Erder L., Faroqbi S.* Op. cit. P. 332. Tab. 3.
- ¹³¹ *Koc Y.* The Structure of the Population of the Ottoman Empire (1300–1900) // *The Great Ottoman-Turkish Civilisation. Vol. 2: Economy and society.* Ankara: Yeni Turkiye, 2000. P. 546.
- ¹³² *Faroqbi S.* Crisis and Change... P. 439, 443–444.
- ¹³³ *Inalcik H.* The Ottoman State... P. 99; *Петросян Ю.А.* Османская империя... С. 131.
- ¹³⁴ *Петросян Ю.А.* Османская империя... С. 117.
- ¹³⁵ *Inalcik H.* The Ottoman State... P. 28.
- ¹³⁶ *Новичев А.Д.* История Турции. Т. I. Л., 1963. С. 154; *Faroqbi S.* Crisis and Change... P. 446.
- ¹³⁷ *Мейер М.С.* Османская империя... С. 96.
- ¹³⁸ *Cezar Y.* From financial crisis to the structural change: the case of the Ottoman empire in the eighteenth century // *Oriente moderno.* Roma, 1999. A. 18. № 1. P. 50.
- ¹³⁹ *Мейер М.С.* Османская империя... С. 96.
- ¹⁴⁰ *Inalcik H.* The Socio-Political Effects... P. 201; *Мейер М.С.* Османская империя... С. 107.
- ¹⁴¹ *Новичев А.Д.* Указ. соч. С. 179–180.
- ¹⁴² Там же. С. 181–182.
- ¹⁴³ *Faroqbi S.* Crisis and Change... P. 567; *Мейер М.С.* Османская империя... С. 22–23.
- ¹⁴⁴ Цит. по: *Мейер М.С.* Османская империя... С. 29.
- ¹⁴⁵ *Faroqbi S.* Crisis and Change... P. 446.
- ¹⁴⁶ *Мейер М.С.* Османская империя... С. 97.
- ¹⁴⁷ *Inalcik H.* The Ottoman State... P. 32.
- ¹⁴⁸ *Faroqbi S.* Crisis and Change... P. 443.
- ¹⁴⁹ Ibid. P. 443–444.
- ¹⁵⁰ *McGoven B.* The Age of the Ayas // *An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1914.* Cambridge, 1994. P. 646, 690.
- ¹⁵¹ *Faroqbi S.* Crisis and Change... P. 540; *McGoven B.* Op. cit. P. 690.
- ¹⁵² Цит. по: *Мейер М.С.* Османская империя... С. 30.
- ¹⁵³ *Мейер М.С.* Османская империя... С. 25.
- ¹⁵⁴ *Datasets Prices and Wages in Istanbul.* Compiled by Sevket Pamuk (2001) // <http://www.iisg.nl/hpw/data.html#ottoman>. Если для данного года отсутствовали цены на зерно, то мы использовали цену на муку, деленную на коэффициент 1,2; если отсутствовали цены на зерно и муку, то мы использовали цену печеного хлеба, умноженную на 0,86. Оба коэффициента получены как среднее отношение цен указанных продуктов в 1550–1820 гг.
- ¹⁵⁵ *McGoven B.* Op. cit. P. 653.
- ¹⁵⁶ *McGoven B.* Op. cit. P. 680.
- ¹⁵⁷ Подсчитано по: *Datasets Prices and Wages in Istanbul.* Compiled by Sevket Pamuk (2001) // <http://www.iisg.nl/hpw/data.html#ottoman>
- ¹⁵⁸ *Faroqbi S.* Crisis and Change... P. 455. Fig. II:2.
- ¹⁵⁹ *Erder L., Faroqbi S.* Op. cit. P. 337.
- ¹⁶⁰ *Мейер М.С.* Османская империя... С. 22.
- ¹⁶¹ *Новичев А.Д.* Указ. соч. С. 187.
- ¹⁶² *Мейер М.С.* Османская империя... С. 97.
- ¹⁶³ *Faroqbi S.* Crisis and Change... P. 446.
- ¹⁶⁴ *Мейер М.С.* Османская империя... С. 75.
- ¹⁶⁵ Цит. по: *Мейер М.С.* Османская империя... С. 23.
- ¹⁶⁶ *Мейер М.С.* Османская империя... С. 77.
- ¹⁶⁷ *Грачев В.П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1990. С. 22; *Муллер А.Ф.* Мустафа паша Байрактар. М.; Л., 1947. С. 363–365.
- ¹⁶⁸ *Şabin C.* The Rise And Fall of an Ayân Family in Eighteenth Century Anatolia: The Canklâdes (1737–1808) // www.thesis.bilkent.edu.tr/0002279.pdf. P. 21.
- ¹⁶⁹ *Мейер М.С.* Османская империя... С. 77, 121; *Грачев В.П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1990. С. 22.

- ¹⁷⁰ *Farogbi S.* Crisis and Change... P. 450–451.
- ¹⁷¹ *Витол А.В.* Османская империя. Начало XVIII в. М., 1987. С. 19–20.
- ¹⁷² Цит. по: *Мейер М.С.* Османская империя... С. 29.
- ¹⁷³ *Şabin C.* Op. cit. P. 12.
- ¹⁷⁴ *McGoven B.* Op. cit. P. 653.
- ¹⁷⁵ *Ibid.* P. 686.
- ¹⁷⁶ *Тодоров Н.* Балканский город... С. 186.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ *Мейер М.С.* Османская империя... С. 39.
- ¹⁷⁹ *McGoven B.* Op. cit. P. 647.
- ¹⁸⁰ *Ibid.* Op. cit. P. 652–653.
- ¹⁸¹ Цит. по: *Мейер М.С.* Османская империя... С. 44–45.
- ¹⁸² *Мейер М.С.* Османская империя... С. 38. См. также: *Арш Г.А.* Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963. С. 27.
- ¹⁸³ *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 88; *Мейер М.С.* Османская империя... С. 54.
- ¹⁸⁴ Подсчитано по: *Datasets Prices and Wages in Istanbul...*
- ¹⁸⁵ *Мейер М.С.* Османская империя... С. 122.
- ¹⁸⁶ *Inalcik H.* The Ottoman State... P. 79; *Мейер М.С.* Османская империя... С. 80.
- ¹⁸⁷ Цит. по: *Şabin C.* P. 8.
- ¹⁸⁸ *Мейер М.С.* Османская империя... С. 124; *Грачев В.П.* Указ. соч. С. 22.
- ¹⁸⁹ *McGoven B.* Op. cit. P. 687.
- ¹⁹⁰ *Арш Г.А.* Албания и Эпир... 26, 28, 35, 37.
- ¹⁹¹ *McGoven B.* Op. cit. P. 653, 686–687.
- ¹⁹² *Panzac D. Wabş.* The Encyclopaedia of Islam. Online edition // encislam.brill.nl.
- ¹⁹³ *Мейер М.С.* Османская империя... С. 105;
- ¹⁹⁴ *Грачев В.П.* Указ. соч. М., 1990. С. 22.
- ¹⁹⁵ Цит. по: *Мейер М.С.* Османская империя... С. 39.
- ¹⁹⁶ Цит. по: *Новичев А.Д.* История Турции. Т. II. Новое время. Часть первая (1792–1839). Л., 1968. С. 11.
- ¹⁹⁷ *Inalcik H.* The Socio-Political Effects... P. 201; *Мейер М.С.* Османская империя... С. 107.
- ¹⁹⁸ *Грачев В.П.* Указ. соч. М., 1990. С. 21; *McGoven B.* Op. cit. P. 685.
- ¹⁹⁹ *Мейер М.С.* Османская империя... С. 168–170.
- ²⁰⁰ *Арш Г.А.* Указ. соч. С. 63.
- ²⁰¹ *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 46; *McGoven B.* Op. cit. P. 640.
- ²⁰² *Мейер М.С.* Османская империя... С. 198–199.
- ²⁰³ Там же. С. 135.
- ²⁰⁴ Там же. Османская империя... С. 123.
- ²⁰⁵ *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 41.
- ²⁰⁶ *Мейер М.С.* Османская империя... С. 80.
- ²⁰⁷ *Cezar Y.* From financial crisis... С. 53–54.
- ²⁰⁸ Цит. по: *Мейер М.С.* Османская империя... С. 168.
- ²⁰⁹ Цит. по: *Новичев А.Д.* История Турции. Т. II... С. 15.
- ²¹⁰ Цит. по: *Грачев В.П.* Указ. соч. С. 23.
- ²¹¹ *Грачев В.П.* Указ. соч. С. 81; *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 114.
- ²¹² *McGoven B.* Op. cit. P. 687; *Грачев В.П.* Указ. соч. С. 21.
- ²¹³ *Грачев В.П.* Указ. соч. С. 16, 18.
- ²¹⁴ Цит. по: *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 87.
- ²¹⁵ *Грачев В.П.* Указ. соч. С. 53–54.
- ²¹⁶ *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 91–92.
- ²¹⁷ *Грачев В.П.* Указ. соч. С. 36, 61, 71–74, 83, 92–93; *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 109–110; *McGoven B.* Op. cit. P. 687.
- ²¹⁸ *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 94–96.
- ²¹⁹ Там же. С. 96–97.

- ²²⁰ Там же. С. 252–290.
- ²²¹ *Ари Г.А.* Указ. соч. С. 260, 267, 275, 289.
- ²²² *Новичев А.Д.* История Турции. Т. II... С. 114.
- ²²³ Там же. С. 113, 124.
- ²²⁴ Там же. Т. II... С. 226–230; Т. III. С. 125, 152.
- ²²⁵ *Quataert D.* The Age of Reforms, 1812–1914 // An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1914. Cambridge, 1994. P. 768, 861.
- ²²⁶ *Quataert D.* Op. cit. P. 777.
- ²²⁷ <http://www.library.uu.nl/wesp/populstat/Asia/turkeyop.htm>
- ²²⁸ *Тодоров Н.* Балканский город... С. 298.
- ²²⁹ *McGoven B.* Op. cit. P. 651–653.
- ²³⁰ Цит. по: *Новичев А.Д.* История Турции. Т. II... С. 13.
- ²³¹ *Ranzas D.* Wabş // The Encyclopaedia of Islam. Online edition // <http://encislam.brill.nl/> <http://www.encislam.brill.nl/data/EncIslam/C0/COM-1320.html>
- ²³² *Quataert D.* Op. cit. P. 787.
- ²³³ *Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева А.В., Беленицкий А.М.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. А., 1958. С. 252.
- ²³⁴ Там же. С. 252–253; *Эфендиев О.* Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. Баку, 1981. С. 45–54.
- ²³⁵ *Эфендиев О.* Указ. соч. С. 55–56, 222–223.
- ²³⁶ Там же. С. 213.
- ²³⁷ *Эфендиев О.* Указ. соч. С. 278–281; *Робинсон Р.* Доспехи народов Востока. М., 2006. С. 63–64.
- ²³⁸ *Эфендиев О.* Указ. соч. С. 61.
- ²³⁹ *Inalcik H.* The Socio-Political Effects... 207.
- ²⁴⁰ *Эфендиев О.* Указ. соч. С. 78, 86–87; *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 258.
- ²⁴¹ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 282.
- ²⁴² *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 261–264; *Эфендиев О.* Указ. соч. С. 214, 239.
- ²⁴³ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 261–264; *Эфендиев О.* Указ. соч. С. 231–234.
- ²⁴⁴ *Эфендиев О.* Указ. соч. С. 171.
- ²⁴⁵ *Шараф-хан Бидлиси.* Шараф-наме. Т. II. М., 1976. С. 254.
- ²⁴⁶ *Шараф-хан Бидлиси.* Указ. соч. С. 261.
- ²⁴⁷ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 263; *Павлова И.К.* Хроника времен Сефевидов. Сочинение Мухаммад-Масума Исфакхани «Хуласат ас-сийяр». М., 1993. С. 69, 104. Прим. 6.
- ²⁴⁸ Цит. по: *Бабаев К.* Военная реформа шаха Аббаса I (1587–1629) // Вестник Московского университета. 1973. № 1. С. 26.
- ²⁴⁹ Там же. С. 24–25, 28.
- ²⁵⁰ *Inalcik H.* The Socio-Political Effects... P. 207.
- ²⁵¹ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 279, 294–295.
- ²⁵² История Востока. Т. III. М., 1999. С. 108.
- ²⁵³ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 294; *Baghdiantz McCabe I.* Silver in Iran's Early Modern State-building // www.helsinki.fi/iehc2006/papers3/Mccabe.pdf
- ²⁵⁴ *Петрушевский И.П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. А., 1949. С. 211.
- ²⁵⁵ *Петрушевский И.П.* Указ. соч. С. 77–78, 175; *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 279, 294–295.
- ²⁵⁶ *Папазян А.Д.* Указ. соч. С. 216; Аграрный строй Османской империи. Документы и материалы. М., 1968. С. 158.
- ²⁵⁷ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 391; *Петрушевский И.П.* Указ. соч. С. 296.
- ²⁵⁸ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 277–278, 283.
- ²⁵⁹ *Папазян А.Д.* Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI–XVII веках. Ереван, 1972. С. 234.

- ²⁶⁰ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 283; *Папаян А.Д.* Указ. соч. С. 184–185, 188, 203–204.
- ²⁶¹ *Foran J.* The long fall of the Safavid dynasty: moving beyond the standard views // *International Journals of Middle East Studies*. 1992. Vol. 24. № 2. P. 285.
- ²⁶² *Baghdiantz McCabe I.* Op. cit.
- ²⁶³ *Арунова М.Р., Ашрафян К.З.* Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958. С. 40.
- ²⁶⁴ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 282.
- ²⁶⁵ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 284; *Foran J.* Op. cit. P. 284.
- ²⁶⁶ *Куция К.К.* Города и городская жизнь Сефевидского Ирана. Автореф... канд. ист. наук. Тбилиси, 1967. С. 11, 16, 17.
- ²⁶⁷ Там же. С. 9; *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 282, 287–288; *Петрушевский И.П.* Указ. соч. С. 77.
- ²⁶⁸ *Куция К.К.* Указ. соч. С. 19.
- ²⁶⁹ *Петрушевский И.П.* Указ. соч. С. 331.
- ²⁷⁰ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 294; *Павлова И.К.* Указ. соч. С. 34–35.
- ²⁷¹ *Foran J.* Op. cit. P. 285.
- ²⁷² *Папаян А.Д.* Указ. соч. С. 223.
- ²⁷³ Цит. по: *Фильрозе Н.* К вопросу о формах земельной собственности в государстве Сефевидов // *Очерки по новой истории стран Среднего Востока*. М., 1951. С. 186.
- ²⁷⁴ Там же.
- ²⁷⁵ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 280, 294; *Петрушевский И.П.* Указ. соч. С. 162.
- ²⁷⁶ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 280.
- ²⁷⁷ Цит. по: *Бушев П.П.* Посольство Артемия Волинского в Иран в 1715–1718 гг. М., 1978. С. 259.
- ²⁷⁸ Цит. по: Там же. С. 250.
- ²⁷⁹ Цит. по: *Фильрозе Н.* Указ. соч. С. 186.
- ²⁸⁰ Цит. по: *Бушев П.П.* Указ. соч. С. 250.
- ²⁸¹ *Ашрафян К.* Падение державы Сефевидов (1502–1722) // *Очерки по новой истории стран Среднего Востока*. М., 1951. С. 190, 194–195, 202; *Сухаева Н.М.* Советские историки о социально-экономических причинах кризиса Сефевидского Ирана // *Иран*. Сб. ст. / Отв. ред. Н.А. Кузнецова. М., 1971. С. 47; *Папаян А.Д.* Указ. соч. С. 207, 214.
- ²⁸² *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 285.
- ²⁸³ Цит. по: *Бушев П.П.* Указ. соч. С. 250.
- ²⁸⁴ *Foran J.* Op. cit. P. 287.
- ²⁸⁵ *Бушев П.П.* Указ. соч. С. 106.
- ²⁸⁶ *Ашрафян К.* Указ. соч. С. 207; *Бушев П.П.* Указ. соч. С. 195.
- ²⁸⁷ *Бушев П.П.* Указ. соч. С. 250.
- ²⁸⁸ *Foran J.* Op. cit. P. 292.
- ²⁸⁹ *Бушев П.П.* Указ. соч. С. 259.
- ²⁹⁰ *Бушев П.П.* Указ. соч. С. 111, 161, 205, 259; *История Востока*. Т. III. М., 1999. С. 110.
- ²⁹¹ *Foran J.* Op. cit. P. 282, 290, 293; *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 309.
- ²⁹² Цит. по: *Бушев П.П.* Указ. соч. С. 250.
- ²⁹³ *Арунова М.Р., Ашрафян К.З.* Указ. соч. С. 54.
- ²⁹⁴ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 310–318; *Миклухо-Маклай Н.Д.* Из истории афганского владычества в Иране // *Ученые записки Ленинградского университета*. 1954. № 179. С. 138–158.
- ²⁹⁵ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 318.
- ²⁹⁶ *Арунова М.Р., Ашрафян К.З.* Указ. соч. С. 67–69, 85; *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 319.
- ²⁹⁷ *Арунова М.Р., Ашрафян К.З.* Указ. соч. С. 72, 75, 226–229.
- ²⁹⁸ Там же. С. 132–134, 194.
- ²⁹⁹ Цит. по: *Арунова М.Р., Ашрафян К.З.* Указ. соч. С. 140.

- ³⁰⁰ *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 324–325; *Арунова М.Р., Ашрафян К.З.* Указ. соч. С. 159–163.
- ³⁰¹ Цит. по: *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 237, 240.
- ³⁰² *Пигулевская Н.В.* и др. Указ. соч. С. 240.
- ³⁰³ *Кузнецова Н.А.* политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XVIII — первой половине XIX в. // *Очерки новой истории Ирана.* М., 1978. С. 8–9.
- ³⁰⁴ *Foran J.* Op. cit. P. 293.
- ³⁰⁵ *Khan I. A.* Origin and Development of Gunpowder Technology in India: A.D. 1250–1500 // *The Indian Historical Review.* 1977. Vol. IV. № 1. P. 21, 25–27.
- ³⁰⁶ *Бабур-наме.* Ташкент. Главная редакция энциклопедий. 1992. С. 315–316; *Беленицкий А.М.* Появление и распространение огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV–XVI веках // *Известия Таджикского филиала АН СССР.* 1949. № 15. С. 28–29; *Абу-л Фазл Аллами.* Акбар-наме. Т. 1. Самара, 2003. С. 168; *Inalcik H.* The Socio-Political Effects... P. 204.
- ³⁰⁷ *Ашрафян К.З.* Аграрный строй ... С. 202; *История Индии в средние века...* С. 418; *Антонова К.А.* Очерки общественных отношений... С. 82.
- ³⁰⁸ *История Индии в средние века...* С. 402, 438.
- ³⁰⁹ *История Востока. Т. 3...* С. 159; *Антонова К.А.* Очерки общественных отношений... С. 221–224; *Ашрафян К.З.* Дели ... С. 123.
- ³¹⁰ *Moosvi Sb.* The economy of the Mungal empire c. 1595: A statistical studu. Oxford, 1987. P. 65.
- ³¹¹ Там же. С. 397; *Новая история Индии.* М., 1961. С. 26. Налоги по большей части собирались джагирдарами и доподлинно неизвестно, сколько именно они собирали: недоимки были распространенным явлением, с другой стороны, иногда собирались незаконные поборы («абвабы»). Официальная сумма государственных доходов представляет собой сумму, которая должна быть собрана в соответствии с установленными нормами.
- ³¹² Цит. по: *Habib I.* The Agrarian system of Mughal India (1556–1707). Bombay, 1963. P. 102.
- ³¹³ *Habib I.* The Agrarian system... P. 102.
- ³¹⁴ *Ibid.* P. 110.
- ³¹⁵ *Новая история Индии...* С. 13.
- ³¹⁶ *Habib I.* The Agrarian system... P. 83.
- ³¹⁷ *Broadberry S., Gupta B.* The Early Modern Great Divergence: Wages, Prices and Economic Development in Europe and Asia, 1500–1800 // *Economic History Review.* 2006. Vol. 59. № 1. P. 14.
- ³¹⁸ *Новая история Индии...* С. 26.
- ³¹⁹ *Ашрафян К.З.* Аграрный строй ... С. 30.
- ³²⁰ Цит. по: *Гуревич Н.М.* Динамика роста населения зарубежной Азии в нашей эре // *Народы Азии и Африки.* 1975. № 4. С. 71.
- ³²¹ *Habib I.* Population // *The Cambridge economic history of India.* Vol. I. Cambridge, 1982. P. 169.
- ³²² Цит. по: *Антонова К.А.* Очерки общественных отношений... С. 85.
- ³²³ *Habib I.* The monetary system and prices // *The Cambridge economic history of India.* Vol. I. Cambridge, 1982. P. 373. Нами сделан перерасчет цены муки в цену зерна.
- ³²⁴ *Habib I.* The monetary system... P. 364–365; *Richards J.F.* The seventeenth century crisis in South Asia // *Modern Asian studies.* 1990. Vol. 24. № 4. P. 629; *Aziza Hazan.* En Inde aux XVI et XVII siecles: Tresors Americains, monnaie d'argent et prix dans l'empire Mogol // *Annales E.S.C.* 1969. Vol. 24. P. 835–859.
- ³²⁵ *Habib I.* The monetary system... P. 378. При этом оплата в медных монетах, дамах, осталась постоянной, но цена меди, выраженная в серебре, увеличилась в полтора раза.
- ³²⁶ *Broadberry S., Gupta B.* Op. cit. P. 14.
- ³²⁷ *История Индии в средние века...* С. 464; *Habib I.* The Agrarian system... P. 104.
- ³²⁸ Цит. по: *Ашрафян К.З.* Аграрный строй... С. 266.
- ³²⁹ *Ашрафян К.З.* Аграрный строй... С. 201; *История Востока. Т. 3...* С. 171.

- ³³⁰ История Индии в средние века... С. 496–497; *Habib I.* The monetary system... Р. 380.
- ³³¹ *Habib I.* The Agrarian system... Р. 83. В действительности цена возросла более чем втрое: летописец отмечает, что в 1670 году был хороший урожай и цены были ниже обычных.
- ³³² *Habib I.* The monetary system... Р. 372.
- ³³³ *Ашрафян К.З.* Средневековый город Индии... С. 38; *The Cambridge economic history of India*... Р. 379.
- ³³⁴ *Broadberry S., Gupta B.* The Early Modern Great Divergence: Wages, Prices and Economic Development in Europe and Asia, 1500–1800 // *Economic History Review*. 2006. Vol. 59. № 1. Р. 14.
- ³³⁵ *Ашрафян К.З.* Средневековый город Индии... С. 39.
- ³³⁶ История Индии в средние века... С. 397; *Ашрафян К.З.* Аграрный строй... С. 258.
- ³³⁷ Там же; Новая история Индии... С. 26; *Антонова К.А.* Очерки общественных отношений... С. 63.
- ³³⁸ *Habib I.* The Agrarian system... Р. 196; *Habib I.* The monetary system... Р. 380.
- ³³⁹ *Рейснер И.М.* Народные движения в Индии в XVII–XVIII веках. М., 1961. С. 23; *Антонова К.А.* Очерки общественных отношений... С. 63.
- ³⁴⁰ *Бернье Ф.* История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М.; Л., 1936. С. 185; *Ашрафян К.З.* Аграрный строй... С. 259.
- ³⁴¹ История Индии в средние века... С. 530–534.
- ³⁴² Там же. С. 236; *Ашрафян К.З.* Средневековый город Индии... С. 171–172; *Рейснер И.М.* Указ. соч. С. 21.
- ³⁴³ *Бернье Ф.* История... С. 185.
- ³⁴⁴ *Ашрафян К.З.* Средневековый город Индии... С. 21–22; *Habib I.* Population... Р. 169.
- ³⁴⁵ *Richards J.F.* Op. cit. Р. 634.
- ³⁴⁶ Новая история Индии... С. 50.
- ³⁴⁷ Там же. С. 38; *Ашрафян К.З.* Аграрный строй... С. 57.
- ³⁴⁸ Цит. по: *Ашрафян К.З.* Дели... С. 159.
- ³⁴⁹ *Habib I.* The Agrarian system... Р. 108; *Habib I.* The monetary system... Р. 373.
- ³⁵⁰ История Индии в средние века... С. 402, 434, 519.
- ³⁵¹ История Индии в средние века... С. 493–494.
- ³⁵² *Habib I.* The Agrarian system... Р. 317–350.
- ³⁵³ *Richards J.F.* Op. cit. Р. 636.
- ³⁵⁴ Там же. С. 518–519, 534–535.
- ³⁵⁵ Там же. С. 522–530; Новая история Индии... С. 59–64.
- ³⁵⁶ Цит. по: *Рейснер И.М.* Народные движения... С. 160 (прим.).
- ³⁵⁷ *Habib I.* The Agrarian system... Р. 109.
- ³⁵⁸ Новая история Индии... С. 75–78.
- ³⁵⁹ *Habib I.* The monetary system... Р. 373.
- ³⁶⁰ *Richards J.F.* Op. cit. Р. 628, 639.
- ³⁶¹ *Ашрафян К.З.* Аграрный строй... С. 206–207; *Антонова К.А.* Английское завоевание Индии. М., 1958. С. 76; *Ашрафян К.З.* Дели... С. 180–181.
- ³⁶² Цит. по: *Ашрафян К.З.* Дели... С. 192.
- ³⁶³ Там же. С. 183; *Ашрафян К.З.* Аграрный строй... С. 209.
- ³⁶⁴ Новая история Индии... С. 69, 79.
- ³⁶⁵ Цит. по: *Ашрафян К.З.* Дели... С. 190.
- ³⁶⁶ *Антонова К.А.* Английское завоевание... С. 27–28; Новая история Индии... С. 85–87.
- ³⁶⁷ *Ашрафян К.З.* Дели... С. 191; *Глебов Н.* Народный поэт Индии Назир Акбарабади // *Поэзия народов Индии*. М., 1962.
- ³⁶⁸ Цит. по: *Антонова К.А.* Английское завоевание... С. 13.
- ³⁶⁹ *Habib I.* The Agrarian system... Р. 109
- ³⁷⁰ *Антонова К.А.* Английское завоевание... С. 80.
- ³⁷¹ *Орестов О.* Ворота Индии. М., 1976. С. 35.
- ³⁷² Цит. по: *Бродель Ф.* Время мира. М., 1992. С. 526.

- ³⁷³ Антонова К. А. Английское завоевание... С. 100; Новая история Индии... С. 98–103.
- ³⁷⁴ Рейснер Л. И. Введение в историко-теоретическое исследование городов и городских систем Востока и Запада // Города на Востоке. Хранители традиций и катализаторы перемен. М., 1990. С. 13.
- ³⁷⁵ Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 533.
- ³⁷⁶ Cameron R. Europe's Second Logistic // Comparative studies in Society and History. 1970. Vol. 12. P. 457.
- ³⁷⁷ См. например: Steensgaard N. The seventeenth century crisis and the unity of Eurasian history // Modern Asian studies. 1990. Vol. 24. № 4.
- ³⁷⁸ Richards J. F. The seventeenth century crisis in South Asia // Modern Asian studies. 1990. Vol. 24. № 4.
- ³⁷⁹ У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980. С. 118, 189.
- ³⁸⁰ Фу Вэй-линь. Мин шу // Свистунова Н. П. Аграрная политика минского правительства во второй половине XIV века. М., 1966. С. 112.
- ³⁸¹ Там же. С. 111–113.
- ³⁸² История Китая. М., 1998. С. 245.
- ³⁸³ Боровкова Л. А. Китайская деревня конца XIV века в «Уведомлениях по воспитанию народа» // Производительные силы и социальные проблемы старого Китая. М., 1984. С. 205–206.
- ³⁸⁴ Свистунова Н. П. Материалы из «Свода законов династии Мин» // о социально-экономических отношениях в Китае XIV–XVII веков // Народы Азии и Африки. 1962. № 3. С. 99.
- ³⁸⁵ Симоновская Л. В. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. М., 1966. С. 31; Lee Mabel Ping-hua. The Economic History of China. N. Y., 1921. P. 359.
- ³⁸⁶ Свистунова Н. П. Аграрная политика минского правительства во второй половине XIV века. М., 1966. С. 143. Чиновник низшего, 9-го ранга получал 60 даней зерна в год, чиновник высшего, 1-го ранга — 900 даней в год.
- ³⁸⁷ У Хань. Указ. соч. С. 210.
- ³⁸⁸ Цит. по: У Хань. Указ. соч. С. 151.
- ³⁸⁹ Симоновская Л. В. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. М., 1966. С. 20.
- ³⁹⁰ История Китая. М., 1998. С. 244; Свистунова Н. П. Аграрная политика минского правительства во второй половине XIV века. М., 1966. С. 5, 44.
- ³⁹¹ История Китая... С. 244.
- ³⁹² Свистунова Н. П. Материалы... С. 99.
- ³⁹³ Бокшанин А. А. Императорский Китай в начале XV века. М., 1976. С. 29.
- ³⁹⁴ Фу Вэй-линь. Указ. соч. С. 111.
- ³⁹⁵ Свистунова Н. П. Аграрная политика... С. 79, 81.
- ³⁹⁶ Симоновская Л. В. Указ. соч. С. 40.
- ³⁹⁷ Бокшанин А. А. Указ. соч. С. 124, 232.
- ³⁹⁸ У Хань. Указ. соч. С. 165–167.
- ³⁹⁹ Бокшанин А. А., Непомнин О. Е. Лики Срединного царства. М., 2002. С. 72–73.
- ⁴⁰⁰ Цит. по: У Хань. Указ. соч. С. 179.
- ⁴⁰¹ Свистунова Н. П. Указ. соч. С. 50, 76.
- ⁴⁰² У Хань. Указ. соч. С. 182–192.
- ⁴⁰³ Бокшанин А. А. Указ. соч. С. 136.
- ⁴⁰⁴ Sprengel O. B. van der. Population statistics in Ming China // Bulletin of the school of Oriental and African Studies. 1953. Vol. XV. Pt. 2. P. 293.
- ⁴⁰⁵ Sprengel O. B. van der. Op. cit. P. 326; цит. по: Гуревич Н. М. Динамика роста населения зарубежной Азии в нашей эре // Народы Азии и Африки. 1975. № 4. С. 71–72; Симоновская Л. В. Указ. соч. С. 10.
- ⁴⁰⁶ Цит. по: У Хань. Указ. соч. С. 192.
- ⁴⁰⁷ Lee Mabel Ping-hua. Op. cit. P. 366.

⁴⁰⁸ Свистунова Н.П. Указ. соч. С. 87. Указаны ставки перерасчета зерна в деньги при сборе налогов, которые, как полагает Н.П. Свистунова, соответствовали рыночным ценам.

⁴⁰⁹ Свистунова Н.П. Указ. соч. С. 102. На с. 100 указана продолжительность трудовой повинности — 30 дней.

⁴¹⁰ Хрестоматия по истории Китая в средние века. М., 1960. С. 21.

⁴¹¹ Lee Mabel Ping-bua. Op. cit. P. 362.

⁴¹² У Хань. Указ. соч. С. 182.

⁴¹³ Бокшанин А.А., Непомнин О.Е. Лики Срединного царства. М., 2002. С. 49.

⁴¹⁴ Цит. по: Бокшанин А.А. Указ. соч. С. 266.

⁴¹⁵ Цит. по: Бокшанин А.А. Указ. соч. С. 200.

⁴¹⁶ Sprengel O.B. van der. Op. cit. P. 293.

⁴¹⁷ Бокшанин А.А. Указ. соч. С. 227

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Цит. по: Бокшанин А.А. Указ. соч. С. 245.

⁴²⁰ Бокшанин А.А. Указ. соч. С. 245, 249–250.

⁴²¹ Цит. по: Очерки истории Китая с древнейших времен до «опиумных» войн. М., 1959.

С. 444.

⁴²² Бокшанин А.А. Указ. соч. С. 260; Очерки... С. 418–420.

⁴²³ Бокшанин А.А. Указ. соч. С. 234–235.

⁴²⁴ Lee Mabel Ping-bua. Op. cit. P. 367–368.

⁴²⁵ Хрестоматия по истории Китая в средние века... С. 36.

⁴²⁶ Цит. по: Lee Mabel Ping-bua. Op. cit. P. 370.

⁴²⁷ Симоновская Л.В. Указ. соч. С. 14, 44; Очерки... С. 446; История Китая... С. 250; *Chao K. Man and Land in Chinese History. An Economic Analysis. Stanford, 1986. P. 195.*

⁴²⁸ Симоновская Л.В. Указ. соч. С. 17.

⁴²⁹ Цит. по: Симоновская Л.В. Указ. соч. С. 22.

⁴³⁰ Цит. по: Lee Mabel Ping-bua. Op. cit. P. 374.

⁴³¹ Lee Mabel Ping-bua. Op. cit. P. 374.

⁴³² История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 262.

⁴³³ Lee Mabel Ping-bua. Op. cit. P. 377–378.

⁴³⁴ Бокшанин А.А. Удельная система в постсредневековом Китае. М., 1986. С. 234.

⁴³⁵ Бокшанин А.А. Императорский Китай... С. 169.

⁴³⁶ Там же. С. 142.

⁴³⁷ Там же. С. 143.

⁴³⁸ Очерки... С. 415–416.

⁴³⁹ Там же. С. 457.

⁴⁴⁰ Там же. С. 455; История Востока. Т. 3... С. 280.

⁴⁴¹ Хрестоматия по истории Китая в средние века... С. 30.

⁴⁴² Там же. С. 22.

⁴⁴³ Lee Mabel Ping-bua. Op. cit. P. 436. Для времени правления Цяоцзуна имеется еще одна цифра — 4,2 млн цинов — лишнее свидетельство хаотичности учета. См. также: История Востока. Т. 2. С. 536.

⁴⁴⁴ Хрестоматия по истории Китая в средние века... С. 22, 27; Симоновская Л.В. Указ. соч. С. 12, 20, 30.

⁴⁴⁵ История Китая... С. 252.

⁴⁴⁶ История Востока. Т. 3. М. 1999. С. 279–280.

⁴⁴⁷ Цит. по: Бокшанин А.А. Императорский Китай в начале XV века. М., 1976. С. 162.

⁴⁴⁸ Цит. по: Симоновская Л.В. Указ. соч. С. 75.

⁴⁴⁹ Пастухов А.М. Жизнеописание Ци Цзигуана и Мао Юань // <http://altaica.nm.ru/china/index.dhtml>

⁴⁵⁰ Там же.

⁴⁵¹ Мы называем оппозиционных евнухов чиновников «чистыми» по аналогии с эпохой Хань. В действительности эта партия не имела определенного названия.

- ⁴⁵² *Симоновская А.В.* Указ. соч. С. 77–78.
- ⁴⁵³ Очерки... С. 451–452; История Востока. Т. 3... С. 291.
- ⁴⁵⁴ История Востока. Т. 3... С. 282.
- ⁴⁵⁵ Цит. по: Очерки... С. 441.
- ⁴⁵⁶ Там же. С. 442.
- ⁴⁵⁷ История Востока. Т. 3... С. 282–284; Очерки... С. 442–443.
- ⁴⁵⁸ История стран зарубежной Азии... С. 464–465.
- ⁴⁵⁹ *Симоновская А.В.* Указ. соч. С. 81–83; Хрестоматия по истории Китая в средние века... С. 23.
- ⁴⁶⁰ История Востока. Т. 3... С. 281.
- ⁴⁶¹ *Симоновская А.В.* Указ. соч. С. 83–89.
- ⁴⁶² Хрестоматия по истории Китая в средние века... С. 132.
- ⁴⁶³ *Симоновская А.В.* Указ. соч. С. 91–94.
- ⁴⁶⁴ Получено пересчетом на основании данных об увеличении налогов в 1590-х годах. См.: *Симоновская А.В.* Указ. соч. С. 48.
- ⁴⁶⁵ Установления о соли и чае. М., 1975. С. 53.
- ⁴⁶⁶ *Goldstone J.A.* Op. cit. P. 371–374.
- ⁴⁶⁷ Оценка К. Кларка, цит. по: *Гуревич Н.М.* Указ. соч. С. 71.
- ⁴⁶⁸ Оценка Хейдра, цит. по: *Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А.* Законы истории: вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. М., 2006. С. 81.
- ⁴⁶⁹ *Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А.* Указ. соч. С. 80–87.
- ⁴⁷⁰ Там же. С. 86.
- ⁴⁷¹ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 391.
- ⁴⁷² *Ibid.* P. 392.
- ⁴⁷³ *Ibid.* P. 394.
- ⁴⁷⁴ Цит. по: Очерки... С. 470.
- ⁴⁷⁵ Там же. С. 479.
- ⁴⁷⁶ Там же. С. 470–485.
- ⁴⁷⁷ Там же. С. 494.
- ⁴⁷⁸ *Фомина Н.И.* Борьба против Цинов на Юго-Востоке Китая. М., 1974. С. 59.
- ⁴⁷⁹ Очерки... С. 485–505.
- ⁴⁸⁰ Там же. С. 511.
- ⁴⁸¹ Очерки... С. 498.
- ⁴⁸² Цит. по: *Дикарев А.Д.* Некоторые проблемы роста и учета населения в эпоху Цин // Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время. М., 1991. С. 63.
- ⁴⁸³ Там же; Очерки... С. 512.
- ⁴⁸⁴ Там же; Новая история Китая. М., 1972. С. 24.
- ⁴⁸⁵ Чжоу Юаньхэ. Цит. по: *Дикарев А.Д.* Указ. соч. С. 65.
- ⁴⁸⁶ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 407.
- ⁴⁸⁷ Оценка К. Кларка, цит. по: *Гуревич Н.М.* Динамика роста населения зарубежной Азии в нашей эре // Народы Азии и Африки. 1975. № 4. С. 71.
- ⁴⁸⁸ Оценка Хейдра: *Heijdra M.* The Socio-Economic Development of Rural China during the Ming // The Cambridge History of China. Vol. 8. Part 2. The Ming Dynasty, 1368–1644. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 438–440.
- ⁴⁸⁹ Оценка Чжоу Юаньхэ. Цит. по: *Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987. С. 61.
- ⁴⁹⁰ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 436.
- ⁴⁹¹ *Переломов А.С.* Предисловие // У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980. С. 15.
- ⁴⁹² *Кульпин Э.С.* Указ соч. С. 123; *Heijdra M.* The Socio-Economic Development of Rural China during the Ming // The Cambridge History of China. Vol. 8. Part 2. The Ming Dynasty,

1368–1644. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 438–440; *Mote F.W.* Imperial China 900–1800. Cambridge; MA: Harvard University Press, 1999. P. 745.

⁴⁹³ *Goldstone J.A.* Op. cit. P. 358; *Chao K.* Op. cit. P. 41.

⁴⁹⁴ *Postan M.* Same economic evidence of declining population in the later middle ages // *The Economic History Review*. Ser. 2. 1950. Vol. 2. № 3.

⁴⁹⁵ Очерки... С. 515.

⁴⁹⁶ *Chao K.* Op. cit. P. 42.

⁴⁹⁷ *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 436.

⁴⁹⁸ *Sprenkel O.B. van der.* Op. cit. P. 295–296.

⁴⁹⁹ Цит. по: *Lee Mabel Ping-hua.* Op. cit. P. 350.

⁵⁰⁰ *Непомнин О.Е.* История Китая. Эпоха Цин. М., 2005.

⁵⁰¹ Цит. по: *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974. С. 28.

⁵⁰² Цит. по: Там же. С. 59.

⁵⁰³ *Кычанов Е.И.* Абахай. М., 1986. С. 19–20.

⁵⁰⁴ *Непомнин О.Е.* История Китая... С. 44.

⁵⁰⁵ *Кычанов Е.И.* Указ. соч. С. 56–57; *Пастухов А.М.* Восьмизнаменная армия в период Тяньминь-Канси // http://altaica.nm.ru/manchuria/znamen_voiska.shtml

⁵⁰⁶ *Непомнин О.Е.* История Китая... С. 51, 69.

⁵⁰⁷ Указ, изданный от имени первого цинского (маньчжурского) императора по случаю его приезда в Пекин в конце 1644 г. // *Хрестоматия по истории Китая в средние века*. М., 1960. С. 176–181.

⁵⁰⁸ *Хохлов А.Н.* О рабстве и крепостничестве в Китае (с 40-х годов XVII в. до середины XVIII в.) // *Китай: общество и государство*. М., 1973. С. 160.

⁵⁰⁹ *Непомнин О.Е.* История Китая... М., 2005. С. 51, 59.

⁵¹⁰ *Хохлов А.Н.* «Да Цин люй ли» как источник по аграрной истории Китая середины XVIII — начала XIX века // *Страны Дальнего Востока (история и экономика)*. М., 1971. С. 108.

⁵¹¹ Цит. по: Очерки... С. 523.

⁵¹² История Востока. Т. 3... С. 343; *Ермаченко И.С.* К характеристике государственного аппарата Цинской империи в период завоевания Китая // *Маньчжурское владычество в Китае*. М., 1966. С. 153–154.

⁵¹³ *Хохлов А.Н.* Указ. соч. С. 155; *Новая история Китая*. М., 1972. С. 25; *История Востока*. Т. 3... С. 582.

⁵¹⁴ *Тихвинский С.А.* Маньчжурское владычество в Китае // *Маньчжурское владычество в Китае*. М., 1966. С. 22.

⁵¹⁵ *Лепешинский К.В.* О некоторых социально-экономических последствиях маньчжурского завоевания Китая // *Маньчжурское владычество в Китае*. М., 1966. С. 143; *Фань Вэнь-лань*. *Новая история Китая*. М., 1955. С. 15.

⁵¹⁶ *Пастухов А.М.* Восьмизнаменная армия...; *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983. С. 193; *Бобров А.А.* Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего средневековья (XVII в.) // *Материалы археолого-этнографической студенческой конференции*. Барнаул, 2001. С. 412–414.

⁵¹⁷ *Ермаченко И.С.* Указ. соч. С. 154–155; *История Востока*. Т. 3... С. 583, 588.

⁵¹⁸ *Фишман О.А.* О политике Цин в области идеологии // *Маньчжурское владычество в Китае*. М., 1966. С. 173.

⁵¹⁹ Там же. С. 366; Очерки... С. 516; *Новая история Китая*... С. 32.

⁵²⁰ *Тяпкина Н.И.* Государство в Китае: сословия и классы // *Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время*. М., 1991. С. 134.

⁵²¹ Там же. С. 135; *История Китая*. М., 1998. С. 292.

⁵²² История Востока. Т. 3... С. 586; *Тяпкина Н.И.* Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая. М., 1984. С. 87, 102.

⁵²³ *Тяпкина Н.И.* Указ. соч. С. 130; *История стран Азии и Африки в новое и новейшее время*. М., 1971. С. 52.

⁵²⁴ *Новая история Китая*... С. 26.

- ⁵²⁵ Хохлов А.Н. Указ. соч. С. 158.
- ⁵²⁶ Lee Mabel Ping-bua. Op. cit. P. 397.
- ⁵²⁷ Цит. по: Дикарев А.Д. Указ. соч. С. 66.
- ⁵²⁸ Новая история Китая... С. 26; Непомнин О.Е. Экономическая история Китая. 1864–1894. М., 1974. С. 32.
- ⁵²⁹ Непомнин О.Е. Экономическая история... С. 33; Тяпкина Н.И. Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая. М., 1984. С. 68.
- ⁵³⁰ Чжоу Юаньхэ. Циндай жэнькоу янцзю (Исследование народонаселения в эпоху Цин) // Чжунго шихуэй кэсюэ. 1982. № 2. С. 164.
- ⁵³¹ Очерки... С. 515.
- ⁵³² Цит. по: Lee Mabel Ping-bua. Op. cit. P. 413.
- ⁵³³ Ibid. P. 415.
- ⁵³⁴ Цит. по: Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990. С. 160.
- ⁵³⁵ Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987. С. 63.
- ⁵³⁶ Непомнин О.Е. История Китая... С. 132.
- ⁵³⁷ Дикарев А.Д. Хун Лянцзи — китайский Мальтус? // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1983. С. 120.
- ⁵³⁸ Стужина Э.П. Китайское ремесло в XVI–XVIII веках. М., 1970. С. 159. Тот же уровень зарплаты упоминается на с. 190 — 2 фыня в день.
- ⁵³⁹ Мы называем цинских императоров по девизам их правления — как до недавнего времени было принято в отечественной историографии.
- ⁵⁴⁰ Цит. по: Lee Mabel Ping-bua. Op. cit. P. 416.
- ⁵⁴¹ Will P.E. Developpement quantitatif et developpement qualitatif en Chine a la fin de l'epoque imperiale // Annales: Histoire, sciences sociales. 1994. A. 49. № 4. P. 871–872.
- ⁵⁴² Lee Mabel Ping-bua. Op. cit. P. 419.
- ⁵⁴³ Will P.E. Op. cit. P. 872.
- ⁵⁴⁴ Lee Mabel Ping-bua. Op. cit. P. 414.
- ⁵⁴⁵ Will P.E. Op. cit. P. 871–872.
- ⁵⁴⁶ Дикарев А.Д. Некоторые проблемы... С. 71–73.
- ⁵⁴⁷ Цит. по: Дикарев А.Д. Некоторые проблемы... С. 67.
- ⁵⁴⁸ Дикарев А.Д. Некоторые проблемы... С. 69–70; Илюшечкин В.П. Указ. соч. С. 208.
- ⁵⁴⁹ История Китая. М., 1998. С. 268.
- ⁵⁵⁰ Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М., 1955. С. 199.
- ⁵⁵¹ История Европы. Т. 4. М., 1994. С. 265.
- ⁵⁵² Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае... С. 137–139.
- ⁵⁵³ Новая история Китая... С. 26–27.
- ⁵⁵⁴ Цит. по: Хохлов А.Н. Социально-экономическое развитие Китая с середины XVII до середины XIX века // Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время. М., 1991. С. 16.
- ⁵⁵⁵ Лепешинский К.В. О некоторых социально-экономических последствиях маньчжурского завоевания Китая // Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966. С. 140.
- ⁵⁵⁶ Стужина Э.П. Указ. соч. С. 187. Оплата рабочих на обработке хлопка в 1771 году составляла 600 вэней в месяц.
- ⁵⁵⁷ Ср.: Тяпкина Н.И. Указ. соч. С. 50.
- ⁵⁵⁸ Хохлов А.Н. Социально-экономическое развитие Китая с середины XVII до середины XIX века // Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время. М., 1991. С. 170–171.
- ⁵⁵⁹ Пастухов А.М. Конница династии Цин XVII–XVIII века // <http://altaica.nm.ru/>; Пастухов А.М. Послесловие // Хуан Байцзя. Способы стрельбы из лука Чженнаня // <http://altaica.nm.ru/>.
- ⁵⁶⁰ Chao K. Man and Land in Chinese History. An Economic Analysis. Stanford, 1986. P. 218–219. Table 9.2.

- ⁵⁶¹ Цит. по: *Непомнин О.Е.* Экономическая история... С. 50.
- ⁵⁶² Новая история Китая... С. 28, 68.
- ⁵⁶³ *Стужина Э.П.* Указ. соч. С. 24.
- ⁵⁶⁴ Новая история Китая... С. 28–29, 70; Очерки... С. 519.
- ⁵⁶⁵ *Хохлов А.Н.* Социально-экономическое развитие Китая... С. 18–27, 44.
- ⁵⁶⁶ Новая история Китая... С. 27.
- ⁵⁶⁷ История экономического развития Китая. 1840–1948 гг. С. 28. Табл. 1.
- ⁵⁶⁸ *Дикарев А.Д.* Хун Лянцзи — китайский Мальтус... С. 120.
- ⁵⁶⁹ *Lavelly W., Wong R.B.* Revising the Malthusian Narrative: The Comparative Study of Population Dynamics in Late Imperial China // *The Journal of Asian Studies*. 1998. Vol. 57. P. 721. Table 3A.
- ⁵⁷⁰ *Mann S.* Women, Families, and Gender Relations // *The Cambridge History of China*. Vol. 9. Part. 1. The Ch'ing Empire to 1800. Cambridge, 2002. P. 451; *Коротяев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А.* Законы истории. М.: РГГУ, 2005.
- ⁵⁷¹ *Коротяев А.В., Комарова Н.А., Халтурина Д.А.* Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. М., 2007. С. 108.
- ⁵⁷² Цит. по: *Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае... С. 162.
- ⁵⁷³ Там же.
- ⁵⁷⁴ Цит. по: *Дикарев А.Д.* Хун Лянцзи — китайский Мальтус... С. 118, 121.
- ⁵⁷⁵ Там же.
- ⁵⁷⁶ Новая история Китая... С. 81.
- ⁵⁷⁷ *Lee Mabel Ping-bua.* Op. cit. P. 420.
- ⁵⁷⁸ *Непомнин О.Е.* История Китая... С. 142.
- ⁵⁷⁹ *Поршнева Е.Б.* Подъем антиманьчжурского движения в Китае под руководством тайных обществ // *Маньчжурское владычество в Китае*. М., 1966. С. 229; Очерки... С. 535.
- ⁵⁸⁰ Новая история Китая... С. 83.
- ⁵⁸¹ Там же. С. 84; *Тяпкина Н.И.* Указ. соч. С. 68.
- ⁵⁸² Там же. С. 144–146.
- ⁵⁸³ Там же. С. 151; Новая история Китая... С. 83.
- ⁵⁸⁴ Цит. по: *Илюшечкин В.П.* Крестьянская война тайпинов. М., 1967. С. 20.
- ⁵⁸⁵ *Тяпкина Н.И.* Указ. соч. С. 73.
- ⁵⁸⁶ *Непомнин О.Е.* Экономическая история... С. 26.
- ⁵⁸⁷ Там же. С. 41.
- ⁵⁸⁸ *Фань Вэнь-лань.* Указ. соч. С. 144.
- ⁵⁸⁹ Там же.
- ⁵⁹⁰ Там же; *Непомнин О.Е.* Экономическая история... С. 45.
- ⁵⁹¹ *Фань Вэнь-лань.* Указ. соч. С. 144; *Тяпкина Н.И.* Указ. соч. С. 44.
- ⁵⁹² Цит. по: История стран Азии и Африки в новое и новейшее время... С. 53.
- ⁵⁹³ Цит. по: *Фань Вэнь-лань.* Указ. соч. С. 136.
- ⁵⁹⁴ Цит. по: *Хохлов А.Н.* Социально-экономическое развитие Китая... С. 16.
- ⁵⁹⁵ Цит. по: *Дикарев А.Д.* Хун Лянцзи — китайский Мальтус... С. 80.
- ⁵⁹⁶ Цит. по: Новая история Китая... С. 85.
- ⁵⁹⁷ *Тяпкина Н.И.* Указ. соч. С. 149.
- ⁵⁹⁸ Новая история Китая... С. 84.
- ⁵⁹⁹ *Чжоу Юаньхэ.* Циндай жэнькоу янцзю (Исследование народонаселения в эпоху Цин) // *Чжунго шихуэй кэсюэ*. 1982. № 2. С. 180.
- ⁶⁰⁰ История экономического развития Китая. 1840–1948 гг. М., 1958. С. 43. Табл. 31.
- ⁶⁰¹ Цит. по: *Фань Вэнь-лань.* Указ. соч. С. 145.
- ⁶⁰² *Непомнин О.Е.* История Китая... С. 395.
- ⁶⁰³ *Илюшечкин В.П.* Крестьянская война тайпинов. М., 1967. С. 33.
- ⁶⁰⁴ Хрестоматия по новой истории. Т. 2. М. 1965. С. 610.
- ⁶⁰⁵ *Фань Вэнь-лань.* Указ. соч. С. 183, 201–202; *Илюшечкин В.П.* Указ. соч. С. 55–56.

⁶⁰⁶ *Huang P.C.C.* Development or Involution in Eighteenth-Century Britain and China? // *The Journal of Asian Studies*. 2002. Vol. 61. P. 528.

⁶⁰⁷ Там же. С. 114–115.

⁶⁰⁸ Цит. по: *Фань Вэнь-лань*. Указ. соч. С. 255.

⁶⁰⁹ Чжоу Юаньхэ. Циндай жэнькоу янцзю (Исследование народонаселения в эпоху Цин) // Чжунго шихуэй кэсюэ. 1982. № 2.

⁶¹⁰ См., например: История Востока. Т. III... С. 604; История Китая. М., 1998. С. 288.

⁶¹¹ *Коротаев А.В., Комарова Н.А., Халтурина Д.А.* Законы истории: вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. М., 2006. С. 88–95.

Литература

1. *Абу ал-Ала ибн Хассул*. Книга о превосходстве тюрков над другими воинами // Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку: Алм, 1993. С. 104–118.
2. *Абу-л Фазл Аллами*. Акбар-наме. Т. 1. Самара: Агни, 2003.
3. *Авербух М.С.* Законы народонаселения докапиталистических формаций (опыт исследования). М.: Наука, 1967.
4. *Аграрный строй Османской империи*. Документы и материалы. М.: Изд. вост. лит., 1968.
5. *Азимжанова С.А.* Государство Бабура в Кабуле и в Индии. М.: Наука, 1977.
6. *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1963.
7. *Ал-Джахиз Абу Усман*. Послание Ал-Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и остального халифского войска // Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку: Алм, 1993. С. 57–104.
8. *Алексеев В.П.* Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография. Проблемы, суждения, задачи. М.: Наука, 1989. С. 63–90.
9. *Алексеев П.В.* Социальная философия: учеб. пособие. М.: Проспект, 2005.
10. *Алексеев Н.В.* Население доревolutionционного Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1981.
11. *Али-Заде А.-К.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956.
12. *Ал-Истахри*. Книга путей и государств // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.: Ин-т востоковедения, 1939. С. 168–182.
13. *Ал-Мукаддаси Абу Абдаллах*. Наилучшее распределение для познания стран // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.: Институт Востоковедения, 1939. С. 184–209.
14. *Ал-Мукаддаси*. Наилучшее распределение для познания стран // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.: Ин-т востоковедения, 1939. С. 184–209.
15. *Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 10–23.
16. *Амброз А.К.* Стремена и седла средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // Советская археология. 1974. № 4. С. 81–98.
17. *Аммиан Марцеллин*. Римская история. СПб.: Алетейя.
18. *Андрианов Б.В.* Земледелие наших предков. М.: Наука, 1978.
19. *Анна Комнина*. Алексиада. СПб.: Алексиада, 1995.
20. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV веков о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. III. С. 85–112.
21. *Антонова К.А.* Английское завоевание Индии. М.: Изд. вост. лит., 1958.
22. *Антонова К.А.* Очерки общественных отношений и политического строя могольской Индии времен Акбара (1556–1605). М.: Наука, 1952.
23. *Арендт В.* Где и когда был изобретен порох // Искры науки. 1928. № 12. С. 450–465.
24. *Армянские источники о монголах*. М.: Вост. лит., 1962.
25. *Арунова М.Р., Аширафян К.З.* Государство Надир-шаха Афшара. М.: Изд. Вост. лит., 1958.
26. *Археология СССР*. М.: Высшая школа, 1982.
27. *Арш Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М.: Изд. АН СССР, 1963.
28. *Арш Г.Л.* Греция: торговля, просвещение. Война 1768–1774 гг. Восстание в Море // История Балкан. Век восемнадцатый. М.: Наука, 2004. С. 422–444.
29. *Аширафян К.З.* Аграрный строй Северной Индии. М.: Наука, 1965.
30. *Аширафян К.З.* Дели. История и культура. М.: Наука, 1987.
31. *Аширафян К.З.* Делийский султанат. М.: Изд. вост. лит., 1960.

32. *Ашрафян К. З.* К вопросу о «восточном деспотизме» // Феномен восточного деспотизма. М.: Наука, 1993. С. 115–142.
33. *Ашрафян К. З.* Некоторые проблемы феодальной собственности в средневековой Индии // Узловые проблемы истории Индии. М.: Наука, 1981. С. 153–172.
34. *Ашрафян К. З.* Падение державы Сефевидов (1502–1722) // Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М.: Изд. Моск. ун-та, 1951. С. 188–210.
35. *Ашрафян К. З.* Средневековый город Индии XIII — середины XVIII века. М.: Наука, 1983.
36. *Ашрафян К. З.* Тенденции социально-экономического развития Гуджарата во второй половине XVII в. и сектантские движения // Народы Азии и Африки. 1961. № 3. С. 105–117.
37. *Ашрафян К. З.* Феодализм в Индии. М.: Наука, 1977.
38. *Бабаев К.* Военная реформа шаха Аббаса I (1587–1629) // Вестник Московского университета. 1973. № 1. С. 21–29.
39. *Бабур-наме.* Ташкент: Главная редакция энциклопедий. 1993.
40. *Базыкин А. Д.* Математическая биофизика взаимодействующих популяций. М.: Наука, 1985.
41. *Баландин Р. К., Бондарев А. Г.* Природа и цивилизация. М.: Мысль, 1988.
42. *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 19–194.
43. *Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов // Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 195–232.
44. *Бартольд В. В.* Образование империи Чингисхана // Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 253–266.
45. *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М.: Изд. Вост. лит., 1963. С. 45–600.
46. *Барфилд Т. Дж.* Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 415–441.
47. *Бахта В. М.* Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. С. 266–325.
48. *Бациева С. М.* Бедуины и горожане в Муккадима Ибн Халдуна // Очерки истории Арабской культуры V–XV вв. М.: Наука, 1982. С. 311–356.
49. *Бациева С. М.* Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М.: Наука, 1965.
50. *Бейхаки Абу-л-Фазл.* История Мас'уда. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962.
51. *Беленицкий А. М.* Появление и распространение огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV–XVI веках // Известия Таджикского филиала АН СССР. 1949. № 15. С. 21–33.
52. *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.
53. *Белявский В. А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М.: Мысль, 1971.
54. *Беляев Е. А.* Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М.: Наука, 1966.
55. *Беззубый Л. А.* XIX–XX века в циклах китайской истории (постановка вопроса) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 16. СПб.: Изд. СПб. ун-та, 1995. С. 10–24.
56. *Берендс Э. Н.* Государственное хозяйство Швеции. Ч. I. СПб.: Тип. Р. Голике, 1890.
57. *Берлев О. Д.* Древнейшее описание социальной организации Египта // Проблемы социальных отношений и формы зависимости на Ближнем Востоке. М.: Наука, 1984. С. 26–33.
58. *Берлев О. Д.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М.: Наука, 1978.
59. *Берлев О. Д.* Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М.: Наука, 1972.

60. Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М.: Наука, 1981.
61. Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М.; Л.: Соцгиз, 1936.
62. Бигон М., Харпер Дж., Таусенд К. Экология. Особи, популяции и сообщества. Т. 1. М.: Мир, 1989..
63. Бикерман Э. Государство Селевкидов. М.: Наука, 1985.
64. Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950.
65. Блаватская Т.В., Голубцова Е.С., Павловская А.И. Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н. э. М.: Наука, 1969.
66. Блюш Ф. Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998.
67. Бобров А. Латники «Золотой империи» // Para bellum. 2004. № 1. С. 27–60.
68. Бобров А.А. Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего средневековья: (XVIII в.) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 11–19.
69. Бобров А.А. «Ответный удар»: этапы «вестернизации» доспеха Передней и Центральной Азии в эпоху позднего средневековья и нового времени // Para bellum. 2004. № 2. С. 85–101.
70. Бобров А. Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего средневековья (XVII в.) // Материалы археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул, 2001. С. 412–414.
71. Богословский Е.С. «Рабы» в текстах из Дер эль-Медина // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М.: Наука, 1984. С. 81–128.
72. Богословский Е.С. Об основных производителях материальных и духовных ценностей в Египте второй половины II тысячелетия до н. э. // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М.: Наука, 1984. С. 52–81.
73. Бокшанин А.А. Императорский Китай в начале XV века. М.: Наука, 1976.
74. Бокшанин А.А. Удельная система в постсредневековом Китае. М.: Наука, 1986.
75. Бокшанин А.А., Неомнин О.Е. Лики Срединного царства. М.: Восточная литература, 2002. С. 72–73.
76. Бокшанин А.Г. Битва при Каррах // Вестник древней истории. 1949. № 4. С. 39–50.
77. Бокшанин А.Г. Парфия и Рим. Ч. 1–2. М.: Издат. Моск. ун-та, 1960.
78. Болдырев А.Н. Зайнадин Васифи. Сталинабад: Таджикское гос. издат., 1957.
79. Большаков О.Г. История Халифата. Т. 1–3. М.: Наука, 1989, 1998.
80. Большаков О.Г. Средневековый арабский город // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982. С. 156–214.
81. Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. М.: Наука, 1984.
82. Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. М.: Наука, 1980.
83. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985.
84. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Оружие и защитное вооружение как индикатор культурного обмена степей и античного мира // Восток-Oriens. 2004. № 3. С. 155–157.
85. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988.
86. Боровкова А.А. Восстание «красных войск» в Китае. М.: Наука, 1971.
87. Боровкова А.А. Китайская деревня конца XIV века в «Уведомлениях по воспитанию народа» // Производительные силы и социальные проблемы старого Китая. М.: Наука, 1984. С. 190–221.
88. Бородкин Л.И. Математические модели в исторических исследованиях // Математические модели исторических процессов. М.: Ассоциация «История и компьютер», 1996. С. 6–29.
89. Босворт К.Э. Нашествия варваров: появление тюрок в мусульманском мире // Мусульманский мир. 950–1150. М.: Наука, 1981. С. 20–35.

90. Боталов С.Г. Загадка эфталитов // Диапазон. № 77. 23.09. 2001.
91. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000.
92. Бранденбург Н. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение // Оружейный сборник. 1871 № 3. Отд. 2. С. 79–93.
93. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 115–142.
94. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. Т. 1–3. М.: Прогресс, 1986, 1992.
95. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. М.: Языки славянской культуры, 2003.
96. Бродель Ф. Что такое Франция? Люди и вещи. М.: Изд. им. Сабашниковых, 1995.
97. Брестед Д.Г. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. Т. 2. М.: Изд. Сабашниковых, 1915.
98. Будаев Н. Западные тюрки в странах Востока // Ал-Аслан. 2001. № 1. С. 305–494.
99. Буллит Р.В. Религиозно-политическая история Нишапура // Мусульманский мир. 950–1150. М.: Наука, 1981. С. 89–111.
100. Бутинов Н.А. Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев // Ранние земледельцы. М.: Наука, 1980. С. 110–143.
101. Бутинов Н.А. Папуасы Новой Гвинеи. М.: Наука, 1968.
102. Бушев П.П. Посольство Артемия Вольнского в Иран в 1715–1718 гг. М.: Наука, 1978.
103. Валлон А. История рабства в античном мире. М.: Госполитиздат, 1941.
104. Валуцкий А.М. Феодальный строй Турции. М.: Изд. Моск. ин-та востоковедения, 1939.
105. Ван Я-нань. Исследование экономических форм полуфеодального, полукOLONиального Китая. М.: Изд. соц.-экон. лит.
106. Ванина Е.Ю. Идеи и общество в Индии. XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1993.
107. Ванина Е.Ю. Средневековое городское ремесло Индии. XIII–XVIII вв. М.: Наука, 1991.
108. Ваништейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя // Советская этнография. 1984. № 6. С. 114–130.
109. Василевский Р.С. По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск: Наука, 1981.
110. Васильев К.В. «Планы сражающихся царств». М.: Наука, 1968.
111. Васильев К.В. Данные о социальном слое гожен в период Чуньцю // Социальные организации в Китае. М.: Наука, 1981. С. 10–19.
112. Васильев К.В. Некоторые черты положения земледельцев в Империи Цинь // Государство и социальные структуры на Древнем Востоке. М.: Наука, 1989. С. 128–133.
113. Васильев К.В. Пожалование «поселений» и раздача земель в Древнем Китае // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1963. С. 110–126.
114. Васильев А.С. Аграрные отношения и община в древнем Китае. М.: Изд. вост. лит., 1961.
115. Васильев А.С. Возникновение и эволюция частной собственности на Востоке // Частная собственность на Востоке. М., 1998. С. 23–63.
116. Васильев А.С. Генеральные очертания исторического процесса // Философия и общество. 1997. № 1. С. 89–155.
117. Васильев А.С. Древний Китай. Т. 1–3. М.: Вост. лит., 2000.
118. Васильев А.С. История Востока. Т. 1. М.: Высшая школа, 1994.
119. Васильев А.С. Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука, 1983.
120. Васильев А.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.: Наука, 1976.
121. Васильев А.С. Традиционный Восток и марксистский социализм // Феномен восточного деспотизма. М.: Наука, 1993. С. 143–175.
122. Введенский Г.Э. Янычары. История. Символика. Одежда. СПб.: Атлант, 2003.

123. Вебер М. Аграрная история древнего мира. М.: Канон пресс, 2001.
124. Верещагин Н.К. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // Материалы по фауне антропогена СССР. М., 1971. С. 200–232.
125. Византийская Книга Эпарха. М.: Наука, 1962.
126. Виноградов И.В. Новое царство в Египте // История Древнего Мира. Ранняя древность. М.: Наука, 1982. С. 238–257.
127. Виноградов И.В. Среднее царство в Египте и нашествие гиксосов // История Древнего Мира. Ранняя древность. М.: Наука, 1982. С. 112–125.
128. Витол А.В. Османская империя. Начало XVIII в. М.: Наука, 1987.
129. Волков И. В. О происхождении «монгольского» способа стрельбы из лука // МИАСК. 2003. Вып. 2. С. 154–156.
130. Воробьев М.В. Чжурчжени и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М.: Наука, 1975.
131. Вратислав В. Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе и в тяжелой неволе у турок с австрийским посольством в 1591 году. СПб: Синоидальная типография, 1904.
132. Вэй Ляо-цзы // У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. СПб.: Евразия, 2001. С. 281–342.
133. Галстян А. Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. -М.: Наука, 1970. С. 165–166.
134. Гасфатян М.А., Орешикова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М.: Наука, 1983.
135. Гафуров В.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972.
136. Геловани В.А., Пионтковский А.А., Юрченко В.В. О задаче управления в глобальной модели WORLD-3. М.: Изд. МГУ, 1975.
137. Герасимов И.П. Экологические проблемы в прошлой, настоящей и будущей географии мира. М.: Наука, 1985.
138. Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972.
139. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. М.: Прогресс; Культура; СПб.: Ювента, 1994.
140. Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
141. Гладиллин В.Н. Роль народонаселения в процессе взаимодействия человека и природы в каменном веке // Первобытный человек и природная среда. Ч. 1. М.: Наука, 1974. С. 71–77.
142. Глебов Н. Народный поэт Индии Назир Акбарабади //Поэзия народов Индии. М.: Изд. иностр. лит., 1962.
143. Глускина А.М. Предэллинизм на западе. Греция и Македония в IV веке до н. э. // История Древнего Мира. Расцвет древних обществ. М.: Наука, 1982. С. 234–261.
144. Го Мо-жо. Философы Древнего Китая. М.: Изд. иностр. лит., 1961.
145. Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. М.: Изд. иностр. лит., 1956.
146. Гордлевский Вл. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941.
147. Горелик М.В. Боевые колесницы Переднего Востока III–II тысячелетия до н. э. // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 183–202.
148. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд. Моск. ун-та 1983. С. 244–268.
149. Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). М.: Наука, 1993.
150. Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–208.

151. *Градева Р.* О некоторых проблемах формирования османской системы управления // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990. С. 40–65.
152. *Грантовский Э. А.* Иран и иранцы до Ахеменидов. М.: Вост. лит, 1998.
153. *Грантовский Э. А.* К изучению проблем политического и идеологического развития стран Востока // Государство в докапиталистических обществах Азии. М.: Наука, 1987. С. 17–24.
154. *Грачев В. П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1990.
155. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.: Изд. АН СССР, 1950.
156. *Гринин Л. Е.* Философия, социология и теория истории. Волгоград: Учитель, 2000.
157. *Гринин Л. Е.* Эпоха формирования государства. М.: URSS, 2007.
158. *Грюнебаум Г. Э. фон.* Классический ислам. М.: Наука, 1988.
159. *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980.
160. *Гумилев А. Н.* В поисках вымышленного царства. СПб.: Абрис, 1994.
161. *Гумилев А. Н.* Древние тюрки. М.: Клышников-Кмаров и К, 1993.
162. *Гумилев А. Н.* Хунну. СПб.: Тайм-аут — Компасс, 1993.
163. *Гумилев А. Н.* Хунны в Китае. М.: Наука, 1974.
164. *Гуревич Н. М.* Динамика роста населения зарубежной Азии в нашей эре // Народы Азии и Африки. 1975. № 4. С. 69–91.
165. *Гусарова Т. П.* Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 238–294.
166. *Гусейнов Р. А.* Сельджукская военная организация // Палестинский сборник. 1967. Вып. 17. С. 131–148.
167. *Дандамаев М. А.* Подати и повинности в Передней Азии в VII–IV вв. до н. э. (626–330 гг.) // Подати и повинности на Древнем востоке. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 64–79.
168. *Дандамаев М. А., Виноградов И. В.* Нововавилонская держава и поздний Египет // История древнего мира. Расцвет древних обществ. М.: Наука, 1982. С. 128–141.
169. *Дандамаев М. А.* Месопотамия в ахеменидский период: симбиоз тысячелетних и новых государственных институтов // Государство на Древнем Востоке. М.: Восточная литература, 2004. С. 104–123.
170. *Дандамаев М. А.* Нерабские формы зависимости в древней передней Азии // Проблемы социальных отношений и формы зависимости на Ближнем Востоке. М.: Наука, 1984. С. 5–25.
171. *Дандамаев М. А.* Нововавилонское общество и экономика // Государство на Древнем Востоке. М.: Восточная литература, 2004. С. 57–78.
172. *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985.
173. *Дандамаев М. А.* Рабство в Вавилонии. М.: Наука, 1974.
174. *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука, 1980.
175. *Дельбрюк Г.* История военного искусства. Т. 1–4. СПб., 1994.
176. *Детерминанты и последствия демографических тенденций.* Т. 1. Ч. 1. Нью-Йорк: ООН, 1973.
177. *Джойс А. Х. М.* Гибель античного мира. Ростов н/Д: Феникс, 1997.
178. *Джувейни Ата-малик.* Чингисхан. История завоевателя мира. М.: Атлант, 2004.
179. *Дикарев А. Д.* Некоторые проблемы роста и учета населения в эпоху Цин // Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время. М.: Наука, 1991. С. 58–91.
180. *Дикарев А. Д.* Хун Лянцзи — китайский Мальтус? // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1983. С. 115–127.

181. *Диль Ш.* Основные проблемы византийской истории. М.: Гос. издат. иностр. лит., 1947.
182. *Дмитрев А.Д.* Буколы (из истории аграрного движения в римском Египте) // Вестник древней истории. 1946. № 4. С. 92–100.
183. *Долуханов П.М.* География каменного века. М.: Наука, 1979.
184. *Долуханов П.М.* История средиземных морей. М.: Наука, 1988.
185. *Дройзен И.* История эллинизма. Т. 1–3. Ростов н/Д: Феникс, 1995.
186. *Думан Л.И.* Аграрная политика в период Западной Цзинь // Социальная и социально-экономическая история Китая. М.: Наука, 1979. С. 90–104.
187. *Думан Л.И.* Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII–XIV веках // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1973. С. 311–342.
188. *Думан Л.И.* О социально-экономическом строе Китая в III в. до н. э. — I в. н. э. // Вопросы истории. 1957. № 2. С. 46–61.
189. *Думан Л.И.* Реформы Ван Мана // Вестник древней истории. 1940. № 1. С. 82–98.
190. *Дьяконов И.М.* Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // Вестник древней истории. 1956. № 4. С. 205–311.
191. *Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV века. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1956.
192. *Дьяконов И.М.* Пути истории. М.: Восточная литература, 1994.
193. *Дьяконов И.М.* Рабовладельческие имения персидских вельмож // Вестник древней истории. 1959. № 4. С. 70–92.
194. *Дьяконов И.М.* Развитие земельных отношений в Ассирии. Л.: Изд. ЛГУ, 1949.
195. *Дьяконов И.М.* Люди города Ура. М.: Наука, 1990.
196. *Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М.: Издат. вост. лит., 1959.
197. *Дьяконов И.М.* Очерк истории Древнего Ирана. М.: Изд. вост. лит., 1961.
198. *Егоров Д.Н.* Идея «турецкой реформации» // Русская мысль. 1907. № 7. Отд. II. С. 1–14.
199. *Ельницкий А.А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977.
200. *Еремеев В.Е.* Традиционная наука Китая // <http://science.rsuh.ru/eremeev/china/>
201. *Еремеев Д.Е.* Этногенез тюрков (происхождение и основные этапы этнической истории). М.: Наука, 1971..
202. *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* История Турции в средние века и новое время. М.: Изд. Моск. ун-та, 1992.
203. *Ермаченко И.С.* К характеристике государственного аппарата Цинской империи в период завоевания Китая // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука, 1966. С. 151–168.
204. *Ермаченко И.С.* Рынки Чанъяня — западной столицы империи Тан // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. 1963. Вып. 66. С. 3–9.
205. *Ермолов А.Б.* Сложносоставной монгольский лук // Сборник музея антропологии и этнографии. 1987. Вып. XLI. С. 149–156.
206. *Есян С.А.* Оружие и военное дело Древней Армении (III–I тыс. до н. э.). Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1966.
207. *Жуков К.А.* К истории образования османского государства // Тюркологический сборник. 1978. М.: Наука, 1984. С. 126–139.
208. *Жуков К.А.* Проблема происхождения тимара в современной историографии // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная научная сессия АО ИВ АН СССР. М., 1983. С. 79–83.
209. *Жуков К.А.* Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М.: Наука, 1988.
210. *Заблоцка Ю.* История Ближнего Востока в древности. М.: Наука, 1989.
211. *Зайончковский А.* О стратегмах и военных уловках по турецким источникам // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 3. М., 1974. С. 9–25.

212. Законоположения вилайета Караман // Аграрный строй Османской империи в XV–XVII веках. Документы и материалы. М.: Изд. вост. лит, 1968. С. 56–60.
213. Законоположения вилайета Шам // Аграрный строй Османской империи в XV–XVII веках. Документы и материалы. М.: Изд. вост. лит, 1968. С. 77–80.
214. Записки янычара. М.: Наука, 1978.
215. *Захедер Б.Н.* История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). М.: Изд. МГУ, 1944.
216. *Зеленев Е.И.* Египет. Средние века. Новое время. СПб.: Изд. СПб. ун-та, 1999.
217. *Зельин К.К.* Исследования по истории земельных отношений в Египте II–I веков до н. э. М.: Издательство АН СССР, 1960.
218. *Зельин К.К., Трофимова М.К.* Формы зависимости в восточном средиземноморье эллинистического периода. М.: Наука, 1969.
219. Земледельческий закон // Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 102–108.
220. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М.: Наука, 1983.
221. *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Баку: Элм, 1986.
222. *Иванов В.В.* Железо // Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века. М.: Наука, 1980. С. 61–73.
223. *Иванов Н.А.* О некоторых социально-экономических аспектах традиционного ислама // Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1982. С. 40–58.
224. *Иванов Н.А.* О типологических особенностях арабо-османского феодализма // Народы Азии и Африки. 1978. № 3. С. 54–66.
225. *Иванов Н.А.* Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М.: Наука, 1984.
226. *Ивин А.А.* Социальная философия. М.: Гардарики, 2003.
227. *Игнатенко А.А.* Ибн-Хальдун. М.: Мысль, 1980.
228. *Игнатенко А.А.* Халифы без халифата. М.: Наука, 1988.
229. *Измайлов И.* В блеске мисюрок и бехтерцов // Родина. 1997. № 3–4. С. 105–108.
230. *Илюшечкин В.П.* Крестьянская война тайпинов. М.: Наука, 1967.
231. *Илюшечкин В.П.* Сословно-классовое общество в истории Китая. М.: Наука, 1986.
232. *Исмаилов Р.И.* Некоторые вопросы египетского текстильного ремесла в X веке // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М.: Наука, 1979. С. 105–112.
233. История Византии. Т. I–III. М.: Наука, 1967.
234. История Востока. Т. I–III. М.: Восточная литература, 1997–1999.
235. История Древнего Востока. М.: Высшая школа, 1979.
236. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1–2. М.: Наука, 1983, 1988.
237. История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М.: Наука, 2004.
238. История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М.: Наука, 1988.
239. История Индии в средние века. М.: Наука, 1968.
240. История Ирана. М.: Издат. Моск. ун-та, 1977.
241. История Китая. М.: Изд. Моск. ун-та, 1998.
242. История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М.: Наука, 1988.
243. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.
244. История стран зарубежной Азии в средние века. М.: Наука, 1970.
245. История экономического развития Китая. 1840–1948 гг. М.: Издат. Иностран. лит., 1958.
246. *Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986.
247. *Кабо В.Р.* У истоков производящей экономики // Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980. С. 59–85.
248. *Каждан А.П.* «Великое восстание» Василия Медной руки // Византийский временник. 1951. Т. IV. С. 73–83.

249. *Каждан А.П.* Аграрные отношения в Византии XIII–XIV веков. М.: Изд. АН СССР, 1952.
250. *Каждан А.П.* Византийские города в VII–XI вв. // Советская археология. 1954. Т. 21. С. 164–188.
251. *Каждан А.П.* Деревня и город в Византии. IX–X вв. М.: Изд. АН СССР, 1960.
252. *Каждан А.П.* Из экономической жизни Византии XI–XII веков // Византийские очерки. М.: Наука, 1971. С. 169–212.
253. *Каждан А.П.* Сколько ели византийцы? // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 215–217.
254. *Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М.: Наука, 1974.
255. *Каменев Ю.А.* К истории реформ в османской армии в XVIII в. // Тюркологический сборник. 1978. М.: Наука, 1984. С. 140–150.
256. *Карнейро Р.А.* Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 55–71.
257. *Карпов С.П.* Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 26–36.
258. *Кауфман А.А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб.: Тип. Ф. Киршбаума, 1903.
259. *Кейнс Дж.* Экономические последствия Версальского договора. М.; Л.: Госиздат., 1924.
260. *Кекавмен.* Советы и рассказы. Поучения византийского полководца XI века. СПб.: Алетей.
261. *Киннам И.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180). СПб.: Тип. Г. Трурсова, 1859.
262. *Кинросс лорд.* Расцвет и упадок Османской империи. М.: Кронпрес, 1999.
263. *Киричников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976.
264. *Киричников А.Н.* Древнерусское оружие. Л.: Наука, 1971.
265. *Киричников А.Н.* К оценке военного дела средневековой Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев: Наукова Думка, 1989. С. 141–147.
266. *Киричников А.Н.* Оружие времен Куликовской битвы // Вестник АН СССР. 1980. № 8. С. 92–102.
267. *Киселев Г.В., Мерперт Н.Я.* Железные и чугунные изделия из Кара-Корума // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 188–215.
268. Китайская военная стратегия. М.: АСТ, 2002.
269. *Кларк Дж.Г.Д.* Доисторическая Европа. Экономический очерк. М.: И.Л., 1953.
270. *Кларк Дж.Д.* Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977.
271. *Климович Л.И.* Книга о Коране. М.: Политиздат, 1986.
272. *Кляшторный С.Г., Султанов Г.И.* Государства и народы Евразийских степей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
273. Книга законов Сулеймана Кануни // Аграрный строй Османской империи в XV–XVII веках. Документы и материалы. М.: Изд. вост. лит, 1968. С. 22–36.
274. Книга законов султана Мехмеда II Фатиха // Аграрный строй Османской империи в XV–XVII веках. Документы и материалы. М.: Изд. вост. лит, 1968. С. 10–35.
275. Книга правителя области Шан. М.: Ладомир, 1993.
276. *Ковалевская В.Б.* Конь и всадник. М.: Наука, 1977.
277. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987.
278. *Ковельман А.Б.* Аренда в южном Фаюме в середине I в. н. э. // Вестник древней истории. 1974. № 2. С. 69–85.
279. *Ковельман А.Б.* К вопросу о причинах запустения Фаюма в III–VII вв. н. э. // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981. С. 164–169.
280. *Кожин П.М.* К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 169–182.

281. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Т. I. М.; Л.: Госиздат, 1941.
282. *Козинцев А.Г.* Переход к земледелию и экология человека // Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980. С. 6–33.
283. *Козырева Н.В.* Древняя Ларса. М.: Наука, 1988.
284. *Козырева Н.В.* Нормы потребления в старовавилонской Месопотамии // Вестник древней истории. 1972. № 2. С. 94–99.
285. *Козырева Н.В.* Социальный состав рабочего персонала крупных хозяйств в старовавилонской Месопотамии // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М.: Наука, 1989. С. 38–41.
286. *Кола Д.* Политическая социология. М.: Весь мир; ИНФРА-М, 2001.
287. *Колесников А.И.* Завоевание Ирана арабами. М.: Наука, 1982.
288. *Колесников А.И.* Иран в начале VII века // Палестинский сборник. Вып. 25 (85). Л.: Наука, 1970.
289. Количественные методы в исторических исследованиях. М.: Высшая школа, 1984.
290. *Комар А.В., Сухобоков О.В.* Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 2 // http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm
291. *Кортаев А.В.* Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта. Циклы и тенденции. М.: Восточная литература, 2006.
292. *Кортаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А.* Законы истории: вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. М.: URSS, 2006.
293. *Кортаев А.В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, 2003.
294. *Кортаев А.В., Клименко В.В., Прусаков Д.Б.* Возникновение ислама: политико-антропологический и социально-экологический контекст. М.: ОГИ, 2005.
295. *Кортаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А.* Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М.: КомКнига, 2005.
296. *Кортаев А.В.* Некоторые экономические предпосылки классообразования и политогенеза // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. М., 1991. С. 136–191.
297. *Корякова Л.Н.* Археология раннего железного века Евразии. Екатеринбург, 2000 // virlib.eunnet.net/books/ironage
298. *Кравчук А.* Закат Птолемеев. М.: Наука, 1973.
299. *Крадин Н.* Кочевничество в современных теориях исторического процесса // Время мира. Вып. 2. Новосибирск, 2001. С. 369–396.
300. *Крадин Н.Н.* Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 184–210.
301. *Крадин Н.Н.* Демографические аспекты социоестественной истории кочевых народов // Лик сфинкса. Социоестественная история. Вып. VI. М.: Московский лицей, 1995. С. 161–163.
302. *Крадин Н.Н.* Империя Хунну. М.: Логос, 2001.
303. *Крадин Н.Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 490–511.
304. *Крадин Н.Н.* Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 21–32.
305. *Крадин Н.Н.* Особенности классообразования и политогенеза у кочевников // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. М., 1991. С. 301–324.
306. *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М.: Ладомир, 2001.
307. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингисхана. М.: Восточная литература, 2006.
308. *Крижанич Ю.* Русское государство в половине XVII века. Ч. 1. М., 1859.
309. *Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина. Т. 1–2. Ростов н/Д: Феникс, 1997.

310. *Кроль Ю.А., Романовский Ю.С.* Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы Востока. 1982. Вып. 23. С. 209–244.
311. *Крымский А.* О «туркофильстве» Европы и Московской Руси в XVII веке // Крымский А. История Турции и ее литературы. М., 1910. С. 151–164.
312. *Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М.: Наука, 1987.
313. *Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов Н.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1984.
314. *Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов Н.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979.
315. *Крюков М.В., Переломов А.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983.
316. *Ксенофонт.* Киропедия. М.: Наука, 1976.
317. *Кудрин В.И.* Возникновение государственной монополии на соль и железо в эпоху Западная Хань // Ученые записки Ленинградского ун-та. 1962. № 304. С. 115–124.
318. *Кудрин В.И.* Из истории аграрной политики в эпоху Хань // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М.: Наука, 1974. С. 71–98.
319. *Кудрин В.И.* О некоторых сторонах социального кризиса империи Восточная Хань накануне восстания «Желтых повязок» // Ученые записки ЛГУ. 1962. № 304. С. 94–115.
320. *Кудрин В.И.* Экономическая политика в период Западная Хань // Социальная и социально-экономическая история Китая. М.: Наука, 1979. С. 66–89.
321. *Кузнецова Н.А.* Политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XVIII — первой половине XIX в. // Очерки новой истории Ирана. М.: Наука, 1978. С. 5–121.
322. *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Наука, 1994.
323. *Кузьмина Е.Е.* Первая волна миграции индоиранцев на юг // Вестник древней истории. 2000. № 4. С. 3–20.
324. *Кузьмина Е.Е.* Предыстория Великого Шелкового пути: контакты населения Евразийских степей и Синьцзяна в эпоху бронзы // Вестник древней истории. 1999. № 1. С. 163–177.
325. *Кузьмина Е.Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977. С. 28–52.
326. *Кузьмина Е.Е.* Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма. I–II // Вестник древней истории. 1996. № 2. С. 73–83; 1997. № 2. С. 81–95.
327. *Кулаковский Ю.* История Византии. Т. 2. Киев, 1913.
328. *Кулланда М.В.* Османское огнестрельное оружие и вопросы атрибуции // Вестник Московского ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2004. № 1. С. 3–19.
329. *Кулланда С.В.* Древнеяванское государство и проблема «деспотизма» в ранних обществах // Феномен восточного деспотизма. М.: Наука, 1993. С. 381–390.
330. *Кульпин Э.С.* Традиционный Восток: факторы стабильности // Феномен восточного деспотизма. М.: Наука, 1993. С. 88–112.
331. *Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. М.: Наука, 1990.
332. *Кульпин Э.С.* Путь России. Кн. 1. Первый социально-экологический кризис. М.: Московский лицей, 1995.
333. *Кульпин Э.С., Пантин В.И.* Решающий опыт. Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. 1. М.: Информрекламиздат, 1993.
334. *Культура Древнего Египта.* М.: Наука, 1976.
335. *Кунов Г.* Всеобщая история хозяйства. Т. 1. М.; Л., 1929.
336. *Курбатов Г.П.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города. Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1971.

337. *Курналадис Г.М.* Государство Великих Сельджуков: официальные документы об административном управлении и социально-экономических отношениях. М.: Наука, 1992.
338. *Курналадис Г.М.* Икта и мулк в официальных документах XII в. (по «Атабат ал-катаба») // *Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке.* М.: Наука, 1979. С. 102–107.
339. *Куция К.К.* Города и городская жизнь Сефевидского Ирана. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Тбилиси: Изд. Тбилисс. ун-та, 1967.
340. *Кучма В.В.* Военная организация Византийской империи. СПб.: Алетей, 2001.
341. *Кызласов И.А.* О происхождении стремян // *Советская археология.* 1973. № 3. С. 24–36.
342. *Кызласов А.Р.* Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // *Советская археология.* 1977. № 2.
343. *Кычанов Е.И.* Абахай. М.: Наука, 1986.
344. *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М.: Наука, 1973.
345. *Кычынов Е.И.* Чжурчжени в XI веке // *Сибирский археологический сборник.* Новосибирск: Наука, 1966. С. 269–281.
346. *Ламберт-Карловски К., Саблов Дж.* Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М.: Наука, 1992.
347. *Лапина З.Г.* Учение об управлении государством в средневековом Китае. М.: Наука, 1986.
348. *Лапина З.П.* Политическая борьба в средневековом Китае (40–70-е годы XI в.). М.: Наука, 1970.
349. *Ларичев В.Е., Тюмина Л.В.* Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляоши») // *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.* Новосибирск: Наука, 1975. С. 99–112.
350. *Ле Руа Ладюри Э.* История климата с 1000 года. Л., 1971.
351. *Лев Дьякон.* История. М.: Наука, 1988.
352. *Левек П.* Эллинистический мир. М.: Наука, 1989.
353. *Лепешинский К.В.* О некоторых социально-экономических последствиях маньчжурского завоевания Китая // *Маньчжурское владычество в Китае.* М.: Наука, 1966. С. 128–150.
354. *Липшиц Е.Э.* Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX века. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1961.
355. *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М.: Изд. АН СССР, 1980.
356. *Литаврин Г.Г.* Болгарские земли под византийским владычеством (1018–1186 гг.) // *Краткая история Болгарии.* М.: Наука, 1987. С. 101–119.
357. *Литаврин Г.Г.* Византийская система власти и болгарская государственность // *Литаврин Г.Г. Византия и славяне.* СПб.: Алетей, 2001. С. 218–229.
358. *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X–XI веках. М.: Наука, 1977.
359. *Литаврин Г.Г.* Государственная собственность в Византии // *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии.* М., 1988. С. 15–26.
360. *Литаврин Г.Г.* К изучению проблемы доходности крестьянского хозяйства в Византии в X–XI вв. // *Византийский временник.* 2000. Т. 59. С. 5–23.
361. *Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы. М.: Наука, 1974.
362. *Литаврин Г.Г.* О соответствии между византийскими и османскими формами организации экономики города в XV–XVI вв. // *Исторические и историко-культурные процессы на Балканах.* М.: Наука, 1982. С. 30–42.
363. *Литаврин Г.Г.* Парик и арендатор // *Византийский временник.* 1991. Т. 52. С. 3–12.
364. *Литвинский Б.А.* Сложносоставной лук в древней Средней Азии // *Советская археология.* 1966. № 4. С. 51–69.
365. *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература, 2001.

366. *Ллойд С.* Археология Месопотамии. М.: Наука, 1984.
367. *Лобовикова К.Н.* Георгий Трапезундский и Мехмед II завоеватель // Византийский временник. 2005. Т. 64. С. 141–159.
368. *Лопатын В.А.* Элементы социокультуры позднепервобытных индоиранских обществ Центральной Азии // http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/reg_ist/iran/default.php
369. *Лурье И.М., Липис И.А.* Источники по древнеегипетскому налоговому обложению времени Нового царства. // Вестник древней истории. 1961. № 4. С. 189–218.
370. *Зальюис Н.* Из истории римского гнета в Египте // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 19–33.
371. *Лю Цзи.* Сто примеров воинского искусства // Китайская военная стратегия. М.: Астрель, АСТ, 2001. С. 366–391.
372. *Люстерник Е.Я.* Индийский город Камбей в XV–XX веках. Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1962. — 51 с.
373. *Макарова И.Ф.* Кризис османской военно-ленной системы (социально-экономическое развитие болгарских земель в XVIII веке) // История Балкан. Век восемнадцатый. М.: Наука, 2004. С. 230–242.
374. *Мак-Нил У.* Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев-Москва: Старклайт, 2003. — 1063 с.
375. *Макьюэн Э., Миллер., Бергман А.* Конструкция и изготовление древних луков // В мире науки. Scientific American. 1991. № 8. С. 44–51.
376. *Мальтус Т.* Опыт закона о народонаселении. М.: Изд. Прокоповича, 1908.
377. *Малявин В.В.* Гибель древней империи. М.: Наука, 1983.
378. *Манандян Я.А.* Римско-византийские хлебные меры и основанные на них индексы хлебных цен // Византийский временник. 1949. Т. 2. С. 60–73.
379. *Маретина С.А.* Община у горных народов Ассама // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1967. С. 7–48.
380. *Мафинович Л.Н., Голубцова Е.С., Шифман И.Ш., Павловская А.И.* Рабство в восточных провинциях Римской империи в I–III вв. М.: Наука, 1977.
381. *Маркевич В.Е.* Ручное огнестрельное оружие. СПб.: Полигон, 1994.
382. *Марко Поло.* Путешествие. Л.: Худож. лит., 1940.
383. *Марков Г.Е.* История хозяйства и материальной культуры. М.: Издательство МГУ, 1979.
384. *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд. Моск. ун-та, 1976.
385. *Массон В.М.* Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // STRATUM. 1999. № 2. С. 265–285.
386. *Массон В.М.* Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989.
387. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976.
388. *Математические модели исторических процессов.* М.: Ассоциация «История и компьютер», 1996.
389. *Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье.* М.: Наука, 1980.
390. *Матфей Парижский.* Великая Хроника // Русский разлив. Арабески истории. Мир Льва Гумилева. М., 1997. С. 268–288.
391. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук, стрелы и самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Е1–36. М.: Наука 1968.
392. *Медведев А.Ф.* Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // Советская археология, 1966. № 2. С. 50–61.
393. *Медведев Е.М.* Очерки истории Индии до XIII века. М.: Наука, 1990.

394. *Мейер М. С.* Вопросы аграрных отношений в Османском государстве XIV–XV вв. в современной советской и зарубежной историографии // *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии.* М., 1988. С. 35–43.
395. *Мейер М. С.* К вопросу о происхождении тимара // *Формы феодальной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке.* М.: Наука, 1979. С. 110–120.
396. *Мейер М. С.* Новые явления в социально-политической жизни Османской империи во второй половине XVII–XVIII вв. // *Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы.* М.: Наука, 1986. С. 155–185.
397. *Мейер М. С.* О соотношении светской и духовной власти в османской политической системе в XVI–XVIII вв. // *Ислам в истории народов Востока.* М.: Наука, 1981. С. 51–62.
398. *Мейер М. С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М.: Наука, 1991.
399. *Мейер М. С.* Особенности демографических процессов в Османской империи XV–XVI вв. и их социально-экономические последствия // *Демографические процессы на Балканах в средние века.* Калинин, 1984. С. 3–27.
400. *Мейер Эд.* Экономическое развитие древнего мира. М.: Мир, 1910.
401. *Мелихов Г. В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974.
402. *Мелихов Г. В.* Установление власти монгольских феодалов в северо-восточном Китае // *Татаро-монголы в Азии и Европе.* М.: Наука, 1973. С. 62–84.
403. *Меллард Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982.
404. *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М.: Наука, 1969.
405. *Мецержков А. Н.* Ранняя история Японского архипелага как социоестественный и информационный процесс // *Лик сфинкса.* М.: Московский лицей, 1995. С. 73–92.
406. *Миклухо-Маклай Н. Д.* Из истории афганского владычества в Иране // *Ученые записки Ленинградского университета.* 1954. № 179. С. 138–158.
407. *Миллер А. Ф.* Мустафа паша Байрактар. Османская империя в начале XIX века. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1947.
408. *Мирхонд.* Сад чистоты // *Материалы по истории туркмен и Туркмении.* Т. 1. М.: Институт Востоковедения. 1939. С. 451–461.
409. *Михаил Пселл.* Хронография. М.: Наука, 1978.
410. *Михайлова И. Б.* Средневековый Багдад. М.: Наука, 1990.
411. *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Изд. МГУ, 1994.
412. *Могильников В. А.* Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // *Степи Евразии в эпоху средневековья.* М.: Наука, 1981. С. 194–200.
413. *Могильников В. А.* Хунну Забайкалья // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* М.: Наука, 1992. С. 254–273.
414. *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. СПб.: Наука, Ювента, 1995.
415. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука, 1973.
416. *Мордкович В. Г.* Степные экосистемы. М.: Наука, 1982.
417. *Мо-цзы* // *Древнекитайская философия.* Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 175–200.
418. *Мугрузин А. С.* Китайское крестьянство — социальная общность преимущественно традиционного типа // *Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время.* М.: Наука, 1991. С. 92–108.
419. *Мугрузин А. С.* Роль природных и демографических факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая (к вопросу о цикличности докапиталистического воспроизводства) // *Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока.* М.: Наука, 1986. С. 11–44.
420. *Музаффар Алам.* Индо-исламские взаимодействия в Северной Индии в средние века // *Восток.* 1995. № 4. С. 40–58.
421. *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. М.: Наука, 1965.
422. *Мункуев Н. Ц.* Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII–XIV вв. // *Татаро-монголы в Азии и Европе.* М.: Наука, 1973. С. 382–418.

423. *Мурзин В.Ю.* Происхождение скифов: основные этапы формирования этноса. Киев: Наукова думка, 1990.
424. *Мустафиев Ш.М.* Некоторые вопросы аграрных отношений в доосманской Восточной Анатолии // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990. С. 5–39.
425. *Мутафчиева В.* Аграрные отношения в Османской империи през XV–XVI вв. София, 1962.
426. *Мэн-да бэй-лу* («Полное описание монголо-татар»). М.: Наука, 1975.
427. *Мэн-цзы* // Древнекитайская философия. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 225–247.
428. *Мюллер А.* История ислама: От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. М.: АСТ; Астрель, 2004.
429. *Мюллер А.* История ислама: От мусульманской Персии до падения мусульманской Испании. М.: АСТ; Астрель, 2004.
430. *Надирадзе Л.И.* Проблема государственной собственности на землю в халифате в VII–VIII вв. // Арабские страны. История. Экономика. М.: Наука, 1970. С. 151–205.
431. *Надирадзе Л.И.* Община на территории восточного халифата в VII–VIII вв. // Арабские страны. История. Экономика. М.: Наука, 1966. С. 217–241.
432. *Насир-и Хусрау.* Сафар-наме. Книга путешествия. М.; Л.: Академия, 1933.
433. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940.
434. *Наумов И.А.* Продовольственная проблема в Китае. М.: Наука, 1973.
435. *Негматов Н.Н.* Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX–X вв.). Душанбе: Дониш, 1977.
436. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Увек и его округа. М.: Вост. лит., 2000.
437. *Немеров В.Ф.* Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // Советская археология. 1987. № 2. С. 212–227.
438. *Непомнин О.Е.* История Китая. Эпоха Цин. М.: Восточная литература, 2005.
439. *Непомнин О.Е.* Экономическая история Китая. 1864–1894. М.: Наука, 1974.
440. *Нефёдкин А.К.* «Оружие и доспехи как показатель культурных заимствований» // *Para bellum*. № 1 (21). 2004. С. 103–106.
441. *Нефёдкин А.К.* Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н.э.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
442. *Нефёдкин А.К.* Военное дело в шанском Китае // *Para bellum*. № 13. 2001. С. 47–60.
443. *Нефёдкин А.К.* Война и военное дело в античном мире // *Para bellum*. № 2. 2004. С. 107–110.
444. *Нефёдкин А.К.* Конница эпохи эллинизма. Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. Ставрополь, 2007.
445. *Нефёдкин А.К.* Основные этапы развития боевых колесниц в древности // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб., 2000. С. 116–126.
446. *Нефёдкин А.К.* Основные этапы формирования фаланги гоппитов: военный аспект проблемы // Вестник древней истории. 2002. № 1. С. 87–96.
447. *Нефёдкин А.К.* Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н. э. — V в. н. э.
448. *Нефёдкин А.К.* Развитие тактики персидской конницы Ахеменидов // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. — Ставрополь, 1999. С. 20–32.
449. *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург: УГТУ, 2005.
450. *Нефедов С.А.* Концепция демографических циклов. Екатеринбург: УГТУ, 2007.
451. *Нефедов С.А.* Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 30–53.
452. *Нефедов С.А.* О демографическом цикле эпохи Цин // Россия и АТР. 2005. № 3. С. 139–150.
453. *Нефедов С.А.* Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока // Восток — Oriens. 2003. № 3. С. 5–22.

454. *Нечитайлов М.* Кавалерия Александра Македонского // *PARA BELLVM*. 2000. № 10. С. 35–52.
455. *Нечитайлов М.* Конница Ахеменидской державы во второй половине V в. до н. э. // *PARA BELLVM*. 2000. № 10 // http://www.vzmakh.ru/parabellum/n14_s2.shtml
456. *Низамудинов И.Г.* Очерки истории культурных связей Средней Азии и Индии в XVI начале XX в. Ташкент: Фан, 1981.
457. *Никитин А.* Хожение за три моря // Все народы едино суть. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 444–467.
458. *Никольский Н.М.* Частное землевладение и землепользование в Древнем Двуречье. Минск, 1948.
459. *Никоноров В.П.* Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. 2002. Т. I. С. 223–323.
460. *Никоноров В.П.* К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 53–61.
461. *Никоноров В. П.* К вопросу о роли стремня в развитии военного дела // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. 2. СПб., 2002. С. 263–267.
462. *Никоноров В.П.* Парфянские литавры // Сисситии: памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 167–174.
463. *Никоноров В.П., Худяков Ю.С.* «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб., 2004.
464. *Нилус А.* История материальной части артиллерии. Т. 1. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1904.
465. Новая история Индии. М.: Изд. вост. лит., 1961.
466. Новая история Китая. М.: Наука, 1972.
467. *Новичев А.Д.* История Турции. Т. 1–3. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1963, 1968, 1973.
468. *Одум Ю.* Основы экологии. М.: Мир, 1975.
469. *Олфридж Дж.* Каир. М.: Молодая гвардия, 1970.
470. *Оппенгейм А.Лео.* Древняя Месопотамия (Портрет погибшей цивилизации). М.: Наука, 1980.
471. *Орестов О.А.* Ворота Индии. М.: Наука, 1976.
472. *Орешкова С.Ф.* Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М.: Наука, 1986. С. 5–17.
473. *Орешкова С. Ф.* К вопросу о типологической характеристике социальных движений анатолийского населения Османской империи в начале XVII в. // Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М.: Наука, 1988. С. 129–141.
474. *Орешкова С.Ф.* Поход Кара Мустафы на Вену // Османская империя и страны Центральной, восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 225–238.
475. *Осипова К.А.* Аллиленгий в Византии в X в. // Византийский временник. 1960. Т. XVII. С. 28–38.
476. Очерки истории Китая / Ред. Шан Юэ. М.: Изд. вост. лит., 1959.
477. *Павлова И.К.* Хроника времен Сефевидов. Сочинение Мухаммад-Масума Исфакхани «Хуласат ас-сийар». М.: Наука, 1993.
478. *Павловская А.И.* Деревня в позднеантичную эпоху: египетская кома в IV в. н. э. // Экономическая история. Проблемы. Исследования. Дискуссии. М.: Наука, 1993. С. 12–35.
479. *Павловская А.И.* Египетская хора в IV веке. М.: Наука, 1979.
480. *Павловская А.И.* О запустении земель в Фаюме // Вестник древней истории. 1995. № 2. С. 28–39.

481. *Павловская А.И.* Рабство в римском Египте // *Маринович А.П., Голубцова Е.С., Шифман И.Ш., Павловская А.И.* Рабство в восточных провинциях Римской империи. М.: Наука, 1977. С. 129–210.
482. *Папаян А.Д.* Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI–XVII веках. Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1972.
483. *Пастухов А.М.* Восьмизнаменная армия в период Тяньминь-Канси // http://altaica.nm.ru/manchuria/znamen_voiska.shtml
484. *Пастухов А.М.* Жизнеописание Ци Цигуана и Мао Юаньши // <http://altaica.nm.ru/china/index.shtml>
485. *Пастухов А.М.* Конница династии Цин XVII–XVIII века // <http://altaica.nm.ru/>
486. *Пастухов Н.П., Плотников С.Е.* Рассказы о стрелковом оружии. М.: Изд. ДОСААФ СССР, 1983.
487. *Пенской В.В.* Военная революция в Европе XVI–XVII веков и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194–206.
488. Первобытный человек и природная среда. Ч. 1. М., 1974.
489. *Переломов А.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981.
490. *Переломов А.С.* Предисловие // У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М.: Прогресс, 1980. С. 5–18.
491. *Переломов А.С.* Империя Цинь. М.: Издат. вост. лит., 1962.
492. *Перепелкин Ю.Я.* Дом Шнау в Старом царстве. М.: Изд. вост. лит, 1962.
493. *Перепелкин Ю.Я.* Древний Египет // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. М.: Наука, 1988. С. 295–573.
494. *Перепелкин Ю.Я.* Хозяйство староегипетских вельмож. М.: Наука, 1988.
495. *Перепелкин Ю.Я.* История Древнего Египта. СПб.: Летний сад, 2000.
496. *Пересветов И.С.* Сказание о Магмете-салтане // Все народы едино суть. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 626–641.
497. *Перици А.И., Монгайт А.А., Алексеев В.П.* История первобытного общества. М.: Наука, 1982.
498. *Пестель Э.* За пределами роста. М.: Прогресс, 1988.
499. *Петросян И.Е.* К истории создания янычарского корпуса // Тюркологический сборник. 1978. М.: Наука, 1984. С. 191–200.
500. *Петросян И.Е., Петросян Ю.А.* Османская империя. Реформы и реформаторы (конец XVIII — начало XX в.). М.: Наука, 1993.
501. *Петросян Ю.А.* Османская империя. Могущество и гибель. М.: Наука, 1990.
502. *Петрушевский И.П.* Внутренняя политика Ахмеда Ак-Койюнлу // Сборник статей по истории Азербайджана. Баку: Изд. АН Азербайджанской ССР, 1949. С. 144–152.
503. *Петрушевский И.П.* Государства Азербайджана в XV веке // Сборник статей по истории Азербайджана. Баку: Изд. АН Азербайджанской ССР, 1949. С. 153–213.
504. *Петрушевский И.П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960.
505. *Петрушевский И.П.* Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1353 г.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1970. С. 222–254.
506. *Петрушевский И.П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1949.
507. *Петрушевский И.П.* Феодальное хозяйство Рашид ад-дина // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 87–104.
508. *Пигулевская Н.* Месопотамия на рубеже V–VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник // Труды Ин-та востоковедения. Т. XXXI. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940.
509. *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1946.

510. *Пигулевская Н.В.* К вопросу о податной реформе Хосрова Ануширвана // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 143–153.
511. *Пигулевская Н.В.* Угасающий Вавилон // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. Сер. Ист. наук. Вып. 9. 1941. С. 42–48.
512. *Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева А.В., Беленицкий А.М.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1958.
513. *Пигулевская Н.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1956.
514. *Пиков Г.Г.* Западные кидани. Новосибирск: Изд. Новосиб. ун-та, 1989.
515. *Пикус Н.Н.* Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э. М.: Издательство Московского университета, 1972.
516. *Пинк И.Б.* Организация и тактика армий периода Чжоу // Para bellum. № 13. 2001. С. 61–92.
517. *Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 213–222.
518. *Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 62–75.
519. *Плотинский Ю.М.* Математическое моделирование динамики социальных процессов. М.: Изд. Моск. ун-та, 1992.
520. *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу. М.: РОССПЭН, 2006.
521. Податной устав (913–1139) // Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 149–153.
522. *Поршнева Е.Б.* Подъем антиманьчжурского движения в Китае под руководством тайных обществ // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука, 1966. С. 219–233.
523. *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей. СПб.: Наука, 1992.
524. *Прокотий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993.
525. Пространный реестр Гюргжидистанского вайайета // Аграрный строй Османской империи. Документы и материалы. М.: Изд. вост. лит, 1968. С. 158–159.
526. *Прусаков Д.Б.* Природа и человек в Древнем Египте. М.: Московский лицей, 1999.
527. *Прусаков Д.Б.* Концепция социоестественной истории Древнего Египта // Лик сфинкса. Социоестественная история. Вып. VI. М.: Московский лицей, 1995. С. 110–118.
528. *Прусаков Д.Б.* Социально-природный кризис и образование государства в древнем Египте // Восток. 1994. № 3. С. 21–33.
529. *Прусаков Д.Б.* Социально-экологический кризис в Древнем Египте и упадок Нового царства // Восток. 1996. № 1. С. 14–29.
530. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд. геогр. лит., 1957.
531. *Разин Е.А.* История военного искусства. Т. I–III. М.: Полигон, 1994.
532. *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л.: Издат. АН СССР, 1950.
533. *Ранович А.* Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949.
534. *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 году. М.: Наука, 1983.
535. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. III. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941.
536. *Рейснер И.М.* Народные движения в Индии в XVII–XVIII веках. М.: Изд. вост. лит, 1961.
537. *Рейснер А.И.* Введение в историко-теоретическое исследование городов и городских систем Востока и Запада // Города на Востоке. Хранители традиций и катализаторы перемен. М., 1990. С. 10–21.
538. *Решетов А.М.* Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980. С. 34–42.

539. *Рикардо Д.* Сочинения. Т. 1–3. М.: Гос. издат. полит. лит., 1955.
540. *Робинсон Р.* Доспехи народов Востока. М.: Центрполиграф, 2006.
541. *Ростовцев М.И.* Древний мир и современность // Ростовцев М.И. Скифский роман. М.: РОССПЭН, 1997. С. 586–597.
542. *Ростовцев М.И.* Птолемеевский Египет // Парфянский выстрел. М.: РОССПЭН, 2003. С. 322–354.
543. *Ростовцев М.И.* Сирия и Восток // Парфянский выстрел. М.: РОССПЭН, 2003. С. 350–387.
544. *Рубин А.Б., Пытьева Н.Ф., Ризниченко Г.Ю.* Кинетика биологических процессов. М.: Издательство МГУ, 1987.
545. *Рубин В.А.* Народное собрание в Древнем Китае в VII–V веках до н. э. // Вестник древней истории. 1960. № 4. С. 22–40.
546. *Рубин В.А.* Рабовладение в Древнем Китае в VII–V вв. до н. э. // Вестник древней истории. 1959. № 3. С. 3–21.
547. *Савельева Т.Н.* Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М.: Издательство восточной литературы, 1962.
548. *Савельева Т.Н.* Храмовые хозяйства Египта времен Древнего царства (III–VIII династии). М.: Наука, 1992.
549. *Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древне-тюркскую эпоху. Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1984.
550. *Савинов Д.Г.* Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 146–162.
551. *Сазгс Х.* Вавилон и Ассирия. М.: Центрполиграф, 2004.
552. *Салимзянова Ф.А.* Люфти-паша и его трактат «Асаф-наме» // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1974. М., 1981. С. 102–110.
553. *Саркисян Г.Х.* О городской земле в селевкидской Вавилонии // Вестник древней истории. 1953. № 1. С. 59–73.
554. *Саркисян Г.Х.* Самоуправляемые города селевкидской Вавилонии // Вестник древней истории. 1952. № 1. С. 68–83.
555. *Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское изд., 1989.
556. Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М.: Изд. АН СССР, 1951.
557. *Сванидзе М.Х.* Османские дефтеры // Бартольдские чтения. 1984. С. 75–76.
558. *Сванидзе М.Х.* Производство зерновых на крестьянском чифтликке (по османским законоположениям в XV–XVI вв.) // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990. С. 222–227.
559. *Свенцицкая И.С.* Эллинизм в Передней Азии // История Древнего Мира. Расцвет древних обществ. М.: Наука, 1982. С. 338–359.
560. *Свенцицкая И.С.* Эллинистический Египет // История древнего мира. Расцвет древних обществ. М.: Наука, 1982. С. 324–338.
561. *Свистунова Н.П.* Аграрная политика минского правительства во второй половине XIV века. М.: Наука, 1966.
562. *Свистунова Н.П.* Гибель государства Южных Сунов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1973. С. 271–294.
563. *Свистунова Н.П.* Материалы из «Свода законов династии Мин» // о социально-экономических отношениях в Китае XIV–XVII веков // Народы Азии и Африки. 1962. № 3. С. 94–106.
564. *Секунда В.* Сарисса // Para bellum. 2003. № 4 (20). С. 7–36.
565. *Семенов С.А.* Происхождение земледелия. Л.: Наука, 1974.
566. *Семенова А.А.* Из истории фатимидского Египта. М.: Наука, 1974.
567. *Семенова А.А.* К истории социального движения в Египте VIII–X вв. (по арабским папирусам) // История и экономика арабских стран. М.: Наука, 1977. С. 110–121.

568. Семенова Л.А. Некоторые проблемы экономики арабского средневековья в западной историографии // Актуальные проблемы стран арабского Востока и Северной Африки. М.: Наука, 1977. С. 216–254.
569. Семенова Л.А. Салах ад-дин и мамлюки в Египте. М.: Наука, 1966.
570. *Сиасет-наме*. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулка. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949. С. 379.
571. Симоновская Л.В. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. М.: Наука, 1966.
572. Синха К.Н., Банеджи А.И. История Индии. М.: Изд. иностр. лит., 1954.
573. Смирнов А.П. Скифы. М.: Наука, 1966.
574. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.
575. Смирнов Ф. Андроник Комнин // Книга для чтения по истории средних веков. Вып. 2. Ч. 2. М.: Тип. И.Н. Кушнерев, 1903. С. 104–160.
576. Смолин Г.Я. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII века. М.: Наука, 1974.
577. Снигирев И.А., Францов Ю.П. Древний Египет. Л.: Огиз, 1938.
578. Соби А. Общая теория населения. Т. 1. М.: Прогресс, 1977.
579. Сойер Р. Общее вступление. Исторический контекст и формирование военного канона // У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. СПб., 2001.
580. Соколова М.Н. Современная французская историография. М.: Наука, 1979.
581. Солодухо Ю.А. Концентрация земли и обезземеливание мелких землевладельцев в Ираке во II–V вв. // Вестник древней истории. 1947. № 2. С. 40–51.
582. Солодухо Ю.О. Город и городское самоуправление в сасанидском Ираке в III–IV вв. н. э. (По талмудическим источникам) // Проблемы социально-экономической истории древнего мира: Сборник памяти А.И. Тюменева. М.; Л., 1963. С. 149–168.
583. Солодухо Ю.О. Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в первой половине VI в. н. э. // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 131–145.
584. Солодухо Ю.О. Подати и повинности в Ираке в III–V вв. н. э. // Советское востоковедение. 1948. № 5. С. 55–78.
585. Сорокин П.А. Голод как фактор. М.: Академия, 2003.
586. Сорокин П.С. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
587. Спенсер И. Политическая экономия становления первичного государства // Альтернативные пути цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 137–154.
588. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989.
589. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992.
590. Степугина Т.В. Китай в первой половине I тысячелетия н. э. // История Древнего Мира. Упадок древних обществ. М.: Наука, 1982. С. 134–161.
591. Степугина Т.В. Китай в первой половине I тысячелетия до н. э. // История Древнего Мира. Ранняя древность. М.: Наука, 1982. С. 353–357.
592. Степугина Т.В. Первые государства в Китае // История Древнего Мира. Ранняя древность. М.: Наука, 1982. С. 140–169.
593. Степугина Т.В. Расцвет рабовладельческого общества в Китае // История древнего мира. Расцвет древних обществ. М.: Наука, 1982. С. 498–525.
594. Строева А.В. Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII веках. М.: Наука, 1978.
595. Струбе В.В. Борьба с рабством-должничеством в Вавилонии и Палестине // Палестинский сборник. 1958. Вып. 3 (66). С. 3–28.
596. Стужина Э.П. Китайский город XI–XIII веков: экономическая и социальная жизнь. М.: Наука, 1979.
597. Стужина Э.П. Китайское ремесло в XVI–XVIII веках. М.: Наука, 1970.
598. Стучевский И.А. «Притеснение» первого жреца Амуна Аменхотепа и вторжение войск «царского сына Куша» Панехси // Вестник древней истории. 1983. № 1. С. 3–19.

599. *Стучевский И.А.* Государственное (царско-храмовое) хозяйство и господствующий класс Древнего Египта // Государство на Древнем Востоке. М.: Восточная литература, 2004. С. 161–186.
600. *Стучевский И.А.* Зависимое население Древнего Египта. М.: Наука, 1966.
601. *Стучевский И.А.* Земледельцы государственного хозяйства Древнего Египта эпохи Рамессидов. М.: Наука, 1982.
602. *Стучевский И.А.* Рамзес II и Херихор. М.: Наука, 1984.
603. *Стучевский И.А.* Храмовая форма царского хозяйства Древнего Египта. М.: Наука, 1962.
604. *Сунь Бинь.* Военные законы Сунь Биня // Китайская военная стратегия. М.: АСТ, 2002. С. 330–345.
605. *Сухарева Н.М.* Советские историки о социально-экономических причинах кризиса Сефевидского Ирана // Иран. Сб. ст./Отв. ред. Н.А. Кузнецова. М.: Наука, 1971. С. 41–56.
606. *Сыма Цянь.* Исторические записки. Т. I–IV. М.: Наука, 1972–1987.
607. *Сюзюмов М.Я.* Книга эпарха. Уставы византийских цехов X века. Свердловск: Гос. учебн.-педагогич. издат., 1949.
608. *Сюзюмов М.Я.* Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века // Византийский временник. 1951. Т. IV. С. 11–41.
609. *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М.: Издат. иностранной литературы, 1949.
610. *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М.: Наука, 1973.
611. *Таубершлаг Р.* Сельские общины в романизованных провинциях Востока времен Диоклетиана // Византийский временник. 1958. Т. 13. С. 1–8.
612. *Тверитинова А.* Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1946.
613. *Тверитинова А.С.* К вопросу о крестьянском землевладении в Османской империи (XV–XVI вв.) // Ученые записки Института востоковедения. 1959. Т. XVII. С. 3–50.
614. *Тверитинова А.С.* Некоторые нерешенные проблемы в характеристике турецкого феодализма // Ближний и Средний Восток. История. Культура. Источниковедение. М.: Наука, 1968. С. 159–171.
615. *Тверитинова А.С.* О домениальном землевладении феодалов-ленников в Османской державе в XV–XVI веках // О генезисе капитализма в странах Востока (XV–XIX вв.) — М.: Изд. вост. лит., 1962. С. 314–318.
616. *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976.
617. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1934.
618. *Титов В.С.* К изучению миграций Бронзового века // Археологи Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982. С. 89–146.
619. *Тихвинский С.А.* Маньчжурское владычество в Китае // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука, 1966. С. 5–77.
620. *Тихонов Д.И.* Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л.: Наука, 1966.
621. *Тишкин А.А., Горбунов В.В.* Средневековые воины Алтая // Природа. 2002. № 9. С. 71–78.
622. *Тодоров Н.* Балканский город XV — XVI веков. Социально-экономическое и демографическое развитие. М.: Наука, 1976.
623. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. М.: Прогресс; Культура, 1996.
624. *Тольбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1971.
625. *Томафа М.* Бабек. М.: Журнально-газетное объединение, 1936.
626. *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. М.: Наука, 1993.

627. *Тураев Б.А.* История Древнего Востока. Т. 2. Л.: ОГИЗ-СОЦЕГИЗ, 1935.
628. *Турбат Ц., Эрдэнбаатар Д., Худяков Ю.С.* Предметы воинского и конского снаряжения хуннов Северной Монголии // ДА. 2004. № 12. С. 84–92.
629. *Тюменев А.И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1956.
630. *Тюрин А.Ю.* Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III–VIII веках. М.: Наука, 1980.
631. *Тяпкина Н.И.* Государство в Китае: сословия и классы // Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время. М.: Наука, 1991. С. 109–163.
632. *Тяпкина Н.И.* Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая. М.: Наука, 1984.
633. *У Хань.* Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М.: Прогресс, 1980.
634. *Удальцова З.В., Осипова К.А.* Формирование феодального крестьянства в Византии (VII–XI вв.) // История крестьянства в Европе. Т. I. М.: Наука, 1985. С. 387–426.
635. Указ, изданный от имени первого цинского (маньчжурского) императора по случаю его приезда в Пекин в конце 1644 г. // Хрестоматия по истории Китая в средние века. М.: Изд. Моск. ун-та, 1960. С. 176–181.
636. *Успенская Е.Н.* Раджпуты: рыцари средневековой Индии. СПб.: Евразия, 2000.
637. *Успенский К.Н.* Очерки истории Византии. Ч. I. М., 1917.
638. *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. VI–IX вв. М., 1996.
639. *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Период Македонской династии (867–1057). М., 1997.
640. Установления о соли и чае. М.: Наука, 1975.
641. *Фадеева Л.С.* Формы владения и собственности в Европе и на Ближнем Востоке в древности и средневековье // Частная собственность на Востоке. М., 1998. С. 64–93.
642. *Файнберг Л.А.* Общественный строй эскимосов и алеутов. М.: Наука, 1964.
643. *Файнберг Л.А.* Индейцы Бразилии. М.: Наука, 1975.
644. *Фалина А.И.* Реформы Газан-хана // Ученые записки Института востоковедения. 1959. Т. XVII. С. 51–76.
645. *Фань Вэнь-лань.* Древняя история Китая. М.: Изд. АН СССР, 1958.
646. *Фань Вэнь-лань.* Новая история Китая. М.: Изд. иностр. лит., 1955.
647. *Фарзалиев Ш.Ф.* О суйюргале в XV–XVI вв. (по «Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу) // Формы феодальной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Наука, 1979. С. 141–145.
648. *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. Моск. ун-та, 1994.
649. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд. Моск. ун-та, 1966.
650. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд. Моск. ун-та, 1973.
651. *Фейербах А.* Дамасская сталь родом из Мерва // Нейтральный Туркменистан. 08.07. 2002.
652. *Филанович М.И.* К вопросу о военном деле в раннесредневековых государствах Средней Азии // Transoxiana. Ташкент, 2004. С. 166–170.
653. *Фильрозе Н.* К вопросу о формах земельной собственности в государстве Сефевидов // Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М.: Изд. Моск. ун-та, 1951. С. 175–187.
654. *Фихман И.Ф.* Государство и цены в Византийском Египте // Византийский временник. 1991. Т. 52. С. 13–26.
655. *Фихман И.Ф.* Египет на рубеже двух эпох. М.: Наука, 1965.
656. *Фихман И.Ф.* Крупные землевладельцы и муниципальная организация в позднеримском Египте // Вестник древней истории. 1975. № 1. С. 49–67.

657. *Фихман И.Ф.* Оксиринх — город папирусов. М.: Наука, 1976.
658. *Фихман И.Ф.* Экономические аспекты индивидуальной зависимости в римском и позднем Египте // Вестник древней истории. 1981. № 1. С. 80–99.
659. *Фишман О.Л.* О политике Цинов в области идеологии // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука, 1966. С. 169–174.
660. *Флавий Иосиф.* Иудейская война. М.: Беларусь, 1991.
661. *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. М.: Индрик, 1997.
662. *Фомина Н.И.* Борьба против Цинов на Юго-востоке Китая. М.: Наука, 1974.
663. *Форрестер Дж.* Мировая динамика. М.: Наука, 1978.
664. *Фрай Р.* Наследие Ирана. М.: Наука, 1972.
665. *Фрейденберг М.М.* Крестьянство в Балкано-Карпатских землях (Сербия, Хорватия, Болгария, Дунайские княжества) в XV–XVI вв. // История крестьянства в Европе. Т. II. М.: Наука, 1986. С. 458–475.
666. *Фу Вэй-лин.* Мин шу // Свистунова Н.П. Аграрная политика минского правительства в о второй половине XIV века. М.: Наука, 1966. С. 110–119.
667. *Хазанов А.М.* Катафрактары и их роль в истории военного искусства // Вестник древней истории. 1968. № 1. С. 180–191.
668. *Хазанов А.М.* Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 125–177.
669. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
670. *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М.: Наука, 1975.
671. *Хань Фэй-цзы* // Древнекитайская философия. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 224–283.
672. *Хафа Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991.
673. *Хафузин А.Н.* Киргизы Букеевской орды. Вып. 1. СПб.: Тип. А. Левенсон, 1889.
674. *Хвостова К.В.* Византийское крестьянство в XII–XIV вв. // История крестьянства в Европе Т. 2. М.: Наука, 1985. С. 210–232.
675. *Хефрман Й.* Славяне и скандинавы в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 76–89.
676. *Хониат Н.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. СПб.: Тип. Г. Трусова, 1859.
677. *Хотко С.Х.* Черкесские мамлюки. Майкоп: Адыгское респ. книж. издат., 1995.
678. *Хохлов А.Н.* «Да Цин люй ли» как источник по аграрной истории Китая середины XVIII — начала XIX века // Страны Дальнего Востока (история и экономика). М., 1971. С. 106–112.
679. *Хохлов А.Н.* Аграрные отношения в Китае во второй половине XVII — начале XIX в. // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. 1962. Т. 53. С. 95–115.
680. *Хохлов А.Н.* О рабстве и крепостничестве в Китае (с 40-х годов XVII в. до середины XVIII в.) // Китай общество и государство. М.: Наука, 1973. С. 146–173.
681. *Хохлов А.Н.* Социально-экономическое развитие Китая с середины XVII до середины XIX века // Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время. М.: Наука, 1991. С. 9–57.
682. *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, 2004.
683. *Худяков Ю.С.* Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997.
684. *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986.
685. *Худяков Ю.С.* Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991.
686. *Худяков Ю.С.* Железные наконечники стрел из Монголии // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 96–114.
687. *Худяков Ю.С.* Оружие и военная техника древних и средневековых народов Азии // Восток. 2006. № 2. С. 160–166.

688. Худяков Ю.С. Хан Кучум и его воины // Родина. 2000. № 5. С. 72–75.
689. Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 107–148.
690. Худяков Ю.С. Юй Су-Хуа Закономерности и парадоксы развития оружия номадов Центральной Азии: (сравнительный анализ комплексов вооружений хунну и сяньби) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 3. 2004. С. 181–194.
691. Худяков Ю.С. Юй Су-Хуа Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. 2000. № 5. С. 37–48.
692. Худяков Ю.С., Соловьев А.И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 135–162.
693. Худяков Ю.С. Оружие и защитное вооружение как индикатор культурного обмена степей и античного мира // Восток-Oriens. 2004. № 3. С. 155–157.
694. Черезов Е.В. Социальное положение *mr.t* в храмовых хозяйствах Древнего царства // Вестник древней истории. 1952. № 2. С. 41–46.
695. Черная И.П. Комплекс вооружения сяньбинского воина // Интегация археологических и этнографических исследований. М.; Омск, 1999. С. 142–144.
696. Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981.
697. Чернусов П.И., Мпельман В.М., Голубев О.В. Металлургия железа в истории цивилизации. М.: Учеба, 2006.
698. Чичеров А.И. Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием. М.: Наука, 1965.
699. Членова Н.А. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.
700. Чулуны Далай. Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1983.
701. Шабкунов В. Э. К вопросу о луке чжурчженей // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 199–205.
702. Шамсутдинов А.М. Проблема становления Османского государства по турецким источникам XIV–XV вв. // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М.: Наука, 1986. С. 19–39.
703. Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. Т. II. М.: Наука, 1976.
704. Шарапенидзе Дж.М. Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера II пол. III тыс. до н. э. Тбилиси: Менциерба, 1986.
705. Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М.: Прогресс, 1987.
706. Шедел Р., Робинсон Д. Становление государства в доколумбовой Америке // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 155–169.
707. Шесть секретных учений Тай-цзуна // У-цзин. Семь военных канонів Древнего Китая. СПб.: Евразия, 2001. С. 39–142.
708. Ши цзин // Древнекитайская философия. Т. I. М.: Мысль, 1972. С. 78–99.
709. Шлов К. К вопросу о военных реформах Никифора II Фоки и их социальных последствиях // Византийский временник. 2001. Т. 60. С. 30–46.
710. Шифман И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н. э.). М.: Наука, 1977.
711. Школяр С.А. Китайская доогонестрельная артиллерия. М.: Наука, 1980.
712. Шмидт А.Э. Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (III века Хиджры). Послание Тахир ибн ал-Хусейн'а к сыну своему Абдаллах ибн Тахир'у // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. Вып. 8. С. 128–138.
713. Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М.: Наука, 1989.
714. Штейн В.М. Гуань-цзы. М.: Изд. вост. лит., 1959.
715. Штейн В.М. Из ранней истории социальных утопий (даосская утопия в Китае) // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 6. С. 130–139.
716. Шумер: города Эдема. М.: Терра, 1997.

717. Щетенко А.Я. Первобытный Индостан. М.: Наука, 1979.
718. Эдаков А.В. Египетское государство в VII–VI вв. до н. э. // Государство на Древнем Востоке. М.: Восточная литература, 2004. С. 187–223.
719. Эдаков А.В. Общество и государство Древнего Египта VII–IV веков. Новосибирск, 1988.
720. Эдаков А.В. Позднеегипетская литература. Новосибирск, 1986.
721. Эрдели И. Авары // Исчезнувшие народы. М.: Наука, 1988. С. 99–112.
722. Эфендиев О.А. Институт «суйюргал» и централизаторская политика правительства Ак-Койунлу и первых Сефевидов // Товарно-денежные отношения на Ближнем Востоке. М.: Наука, 1979. С. 110–120.
723. Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. Баку: Элм, 1981.
724. Юань Ши // Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, 2004. С. 432–525.
725. Якобсон В.А. Цари и города древней Месопотамии // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М.: Наука, 1989. С. 17–37.
726. Якобсон В.А. Месопотамия в XVI–XI вв. до н. э. // История Древнего Мира. Ранняя древность. М.: Наука, 1982. С. 182–196.
727. Якобсон В.А. Новоассирийская держава // История Древнего Мира. Расцвет древних обществ. М.: Наука, 1982. С. 28–45.
728. Якобсон В.А. Проблемы изучения истории государства и права на Древнем Востоке // Народы Азии и Африки. 1984. № 2–3.
729. Яковец Ю.В. История цивилизаций. М.: Владос, 1997.
730. Якубовский А. Ирак на грани VIII–IX вв. (Черты социального строя Халифата при Аббасидах) // Труды Ин-та Востоковедения. 1937. Т. 24. С. 24–46.
731. Якубовский А.Ю. Об исполных арендах в Иране в VIII веке // Советское востоковедение. 1947. Т. IV. С. 171–184.
732. Яковская Н.Б. Новые данные о межобластном разделении труда в Древнем Двуречье // Культурное наследие Востока. Л.: Наука, 1985. С. 84–88.
733. Яшинов Е.Е. Особенности истории и хозяйства Китая. Харбин, 1933.
734. Abel W. Wachstumsschwankungen der mitteleuropäischen Völker seit dem Mittelalter // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1955. Bd. 142. № 6. S. 34–57.
735. Abel W. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung // Schmollers Jahrbücher. 1934. Bd. 58. S. 54–112.
736. Abel W. Crises agraires en Europe (XIIIe–XXe siècle). Paris: Flammarion, 1973.
737. Adams R.M. Agricultural and urban life in Early South-Western Iran // Science. 1962. Vol. 136. № 3511. P. 109–122.
738. Adams R.M. The Uruk Countryside. Chicago, 1972.
739. Adams R.M. The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. London: Weidenfeld & Nicolson, 1966.
740. Andrea A., Overfield J. The Human Record: Sources of Global History. 5th ed. Boston: Houghton Mifflin, 2005. 2 vol.
741. Angel J.L. Biological relations of Egyptians and Eastern Mediterranean populations during pre-dynastic and dynastic times // Journal of Human Evolution. 1972. Vol. 1. № 3. P. 123–154.
742. Ashtor E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. London: Collins, 1976.
743. Ashtor E. Levant trade in the later Middle Ages. Princeton, 1983.
744. Ashtor E. L'histoire des prix et des salaires dans l'Orient médiéval. Paris: S.E.V.P.E.N, 1969.
745. Aziza Hazan. En Inde aux XVI et XVII siècles: Tresors Americains, monnaie d'argent et prix dans l'empire Mogol // Annales E.S.C. 1969. Vol. 24. P. 835–859.
746. Ataman B.K. Ottoman Demographic History (14–17th centuries). Some Considerations // Journal of Economic and Social History of the Orient. 1992. Vol. XXXV. Part II. P. 187–198.

747. *Baghdiantz McCabe I.* Silver in Iran's Early Modern State-building // www.helsinki.fi/iehc2006/papers3/Mccabe.pdf
748. *Bagnall R., Frier B.* The Demography of Roman Egypt. Cambridge [England]; N. Y.: Cambridge University Press, 1994.
749. *Barcan O.L.* Rec. ad. Op.: *Braudel F.* La Mediterranee et le monde mediterraneen a l'epoque de Philippe II // *Revue de la faculte des sciences economiques de l'Universite d'Istanbul.* Istanbul., 1949–1950. Vol. XI. P. 204–208.
750. *Barcan O.L.* Research on the Ottoman Fiscal Surveys // *Studies in the Economical History of the Middle East* / ed. M. Cook. London, 1970. P. 251–298.
751. *Barcan O. L. et al.* Contributions à l'histoire économique et sociale de l'Empire ottoman. Leuven: Editions Peeters, 1983.
752. *Barkan Ö.L.* The Price Revolution of the Sixteenth Century: A Turning Point in the Economic History of the Near East // *International Journal of Middle Eastern Studies* 1975. Vol. 6. P. 3–28.
753. *Bearn R.* War and Birth of the Nation State // *The Journal of Economic History.* 1973. Vol. 1. № 1. P. 203–221.
754. *Becker C.H.* The Expansion of the Saracens // *The Cambridge Medieval History.* Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1912. P. 329–390.
755. *Bell H.I.* Egypt from Alexander the Great to the Arab Conquest. Oxford: Clarendon Press, 1948.
756. *Bianquis T.* Autonomous Egypt from Ibn Tulun to Kafur, 868–969 // *The Cambridge history of Egypt.* Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 86–120.
757. *Birdsell J.B.* A basic demographic units // *Current anthropology.* 1973. Vol. 14. № 4. P. 337–356.
758. *Birdsell J.B.* Ecological influences on Australian Aboriginal social organization // *Primate ecology and human origins: ecological influences on social organization* / ed. I.S. Bernstein, E.d O. Smith. N.Y.; L.: Garland STPM Press, 1979. P. 127–156.
759. *Bivar A.D.H.* Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // *Dumbarton Oaks Papers,* 1972. № 26. P. 271–291.
760. *Boserup E.* The conditions of agricultural growth: the economics of agrarian change under population pressure. London: Aldine, 1965.
761. *Bosworth C.E.* Army. Islamic, to the Mongol Period // *Encyclopedia Iranica* // www.iranica.com/newsite/articles/v2f5/v2f5a005.html
762. *Boyd R., Richerson P.* Culture and the Evolutionary Process. Chicago and London: The University of Chicago press, 1985.
763. *Braudel F.* L' identité de la France. Les hommes et les choses. Paris: Les Editions Artaud, 1986.
764. *Braudel F.* La dynamique du capitalisme. P., 1985.
765. *Braudel F.* Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. 3 v. Paris: Colin, 1979.
766. *Broadberry S., Gupta B.* The Early Modern Great Divergence: Wages, Prices and Economic Development in Europe and Asia, 1500–1800 // *Economic History Review.* 2006. Vol. 59. № 1. P. 2–31.
767. *Brown J.L.* The evolution of diversity in avian territorial system // *Wilson Bulletin.* Vol. 76. P. 160–169.
768. *Brundage B.C.* Feudalism in ancient Mesopotamia and Iran // *Feudalism in history/* comp. R. Coulborn. Princeton: Princeton University Press, 1956. P. 93–119.
769. *Butzer K.* Early Hydraulic Civilization in Egypt. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
770. *Cameron R.* A concise economic history. From Paleolithic times to the present. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1989.
771. *Cameron R.* Economic History, Pure and Applied // *Journal of Economic History.* 1976. Vol. 36. № 1. P. 3–28.

772. *Cameron R.* Europe's Second Logistic // *Comparative studies in Society and History*. 1970. Vol. 12. P. 452–462.
773. *Cameron R.* The Logistics of European Economic Growth: A Note on Historical Periodization // *The Journal of European Economic History*. 1973. Vol. 2. № 1. P. 145–148.
774. *Carneiro R.L.* A Theory of the Origin of the State // *Science*. 1970. Vol. 169. P. 733–738.
775. *Carneiro R.L.* Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion // *Origins of the State*. Philadelphia, 1978. P. 198–227.
776. *Cerny J.* Fluctuation in grain prices during the XX Egyptian dynasty // *Archive orientální*. 1934. Vol. VI. P. 173–178.
777. *Cerny J.* Prices and Wages in Egypt in the Ramesseid period // *Cahiers d'histoire mondiale*. 1954. Vol. 1. № 1. P. 903–921.
778. *Cezar Y.* From financial crisis to the structural change the case of the Ottoman Empire in the eighteenth century // *Oriente moderno*. Roma, 1999. A. 18. № 1. P. 49–54.
779. *Chamberlain M.* The crusader era and the Ayyubid dynasty // *The Cambridge history of Egypt*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 211–242.
780. *Chambers J.* The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. N. Y.: Atheneum, 1979.
781. *Chandler T.* Four Thousand Years of Urban Growth. An Historical Census. Lewiston; N.Y.: The Edwin Mellen Press, 1987.
782. *Chao K.* Man and land in Chinese history: an economic analysis. Stanford; Calif.: Stanford University Press, 1986.
783. *Chaunu P.* La civilisation de l'Europe classique. Paris: Arthaud, 1966.
784. *Childe V.G.* Man Makes Himself. N. Y.: New American Library, 1983.
785. *Childe V.G.* The diffusion of Wheeled Vehicles // *Ethnog. Arch Forschungen*. 1954. Bd. II. P. 7–17.
786. *Cipolla C.M.* Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000–1700. London: Methuen, 1976.
787. *Cipolla C.M.* Revision in Economic History: the trend in Italian economic history in the later middle ages // *The Economic History Review*. Ser. 2. 1949. Vol. 2. № 2. P. 180–184.
788. *Conolly P.* Greece and Rome at War. L.: Macdonald, 1981.
789. *Cook M.* Population Pressure in Rural Anatolia 1450–1600. London; N. Y.: Oxford University Press, 1972.
790. *Coşgel M. M.* Efficiency and Continuity in Public Finance: The Ottoman System of Taxation // *International Journal of Middle East Studies*. 2005. Vol. 37. № 4. P. 567–586.
791. *Coulborn R.* A comparative study of feudalism // *Feudalism in history*. Princeton, 1956. P. 185–396.
792. *Dagron G.* The Urban Economy, Seventh–Twelfth Centuries // *The Economic History of Byzantine*. Dumbarton Oaks, 2002. P. 385–458.
793. *Dandamaev M.* Wages and Prices in Babylonia in the 6th and 5th Centuries B.C // *Altorientalische Forschungen*. 1988. Bd. 15. № 1. P. 53–58.
794. *Dunning Ch.* The Preconditions of Modern Russia's First Civil War // *Russian History*. 1998. Vol. 25. № 1–2. P. 119–131.
795. *Dien A.* The stirrup and its effect on Chinese military history // <http://www.silk-road.com/artl/stirrup.shtml>
796. *Digby S.* The currency system // *The Cambridge economic history of India*. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press. 1982. P. 93–101.
797. *Downing B.* The Military Revolution and Political Change/B. Downing. Princeton; N.J.: Princeton University Press, 1991.
798. *Dubberstein W.H.* Comparative prices in later Babylonia (625–400 b. c.) // *The American journal of Semitic languages and literatures*. 1939. Vol. 56. P. 20–43.
799. *Duby G.* Rural economy and country life in the medieval West. London: Edward Arnold, 1968.

800. *Duncan-Jones R.* The economy of the Roman Empire: quantitative studies. Cambridge, N. Y.: Cambridge University Press, 1982.
801. *Dwyer B.* Scythian-style bows discovered in Xinjiang // *Journal of Society of Archer-Antiquaries*. 2003. Vol. 46. P. 154–185.
802. *Eberhard W.A.* History of China. Berkley; Los Angeles, 1969.
803. *Elvin M.* The pattern of the Chinese Past. Stanford, 1975.
804. *Erder L.* The Measurement of Preindustrial Population Changes: The Ottoman Empire from the 15th to 17th Century // *International Journal of Middle Eastern Studies*. 1975. Vol. 6. № 3. P. 284–301.
805. *Erder L., Faroqi S.* Population Rise and Fall in Anatolia. 1550–1620 // *Middle Eastern Studies*. 1979. Vol. 15. № 3. P. 154–198.
806. *Population in History* / Ed. by D.V. Glass and D.E.C. Eversley. Chicago: Aldine Pub. Co., 1965.
807. *Farber H.* A Price and Wage Study for Northern Babylonia during the Old Babylonian Period // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. XXI. Part 1. P. 1–51.
808. *Faroqi S.* Crisis and Change, 1590–1699 // *An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 411–637.
809. *Faroqi S.* Population Rise and Fall in Anatolia 1550–1650 // *Middle Eastern Studies*. 1979. Vol. 15. № 3. P. 322–345.
810. *Farrokb K.* Sassanian Elite Cavalry AD224–642. London: Osprey Publishing, 2005.
811. *Finley M.I.* The ancient Economy. Berkeley: University of California Press, 1985.
812. *Fischer D.H.* The Great Wave. Price Revolutions and the Rhythm of History. Oxford, 1996.
813. *Fogel R.M.* Railroads and American economic growth. Baltimore, 1964.
814. *Foran J.* The long fall of the Safavid dynasty: moving beyond the standard views // *International Journals of Middle East Studies*. 1992. Vol. 24. № 2. P. 281–304.
815. *Freedman P.* Rural society // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. VI. C. 1300. / Ed. by Michael Jones. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 82–101.
816. *Fried M.H.* The evolution of political society: an essay in political anthropology. N. Y.: Random House, 1967.
817. *Gelb I.J.* The Ancient Mesopotamian Ration Systems // *Journal of near Eastern Studies*. 1965. Vol. 24. № 3. P. 230–243.
818. *Gentet D., Maucourant J.* Some Reflections on Price Formation and Price Fluctuation in the Case Egypt at The End of the Second Millennium B.C. // thorstein.veblen.free.fr/documents/JM9201.pdf
819. *Geremek H.* Karanis commune rurale de l'Egupte Romana an I–III siecle de notre ere. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1969.
820. *Population in history: essays in historical demography* / Ed. by D.V. Glass, D.E.C. Eversley. New Brunswick: AldineTransaction, 2008. 2 vol.
821. *Goldin C.* Cliometrics and the Nobel // *J. of econ. Perspectives*. 1995. Vol. 9. № 2. P. 191–208.
822. *Goldstone J.* East and West in the Seventeenth Century: Political Crises in Stuart England, Ottoman Turkey, and Ming China // *Comparative Studies in Society and History*. 1988. Vol. 30. № 1. P. 103–143.
823. *Goldstone J.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. London: University of California Press, 1991.
824. *Gopal S.* Commerce and crafts in Gujarat: 16th and 17th centuries. New Delhi: People's publ. house, 1975.
825. *Goubert P.* Beauvais et le Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution a l'histoire sociale de la France du XVIIe siecle. Paris: S. E. V. P. E. N., 1960.
826. *Graebner F.* Methode der Ethnologie. Heidelberg: C. Winter, 1911.
827. *Grainger J.* Prices in Hellenic Babylonia // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1999. Vol. 42 (3). P. 303–325.

828. *Grimier J.-Y.* Questions sur l'histoire economique: Les societes preindustrielles et leurs rythmes // Rev. de synthese. 1984. T. 104. № 116. P. 451–481.
829. *Grigg D.* Population Growth and Agrarian Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
830. *Gyselen R.* Economy in the Sasanian Iran // http://www.cais-soas.com/CAIS/Law/economy_sasanian.htm#.
831. *Habib I.* Agrarian Economy // The Cambridge economic history of India. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 48–76.
832. *Habib I.* Non-agricultural production and urban economy // The Cambridge economic history of India. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 79–93.
833. *Habib I.* Population // The Cambridge economic history of India. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 163–171.
834. *Habib I.* The Agrarian system of Mughal India (1556–1707). Bombay, 1963.
835. *Habib I.* The monetary system and prices // The Cambridge economic history of India. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 360–381.
836. *Hallock R.T.* The Evidence of the Persepolis Tablets // The Cambridge History of Iran. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P. 589–624.
837. *Hickman C.N.* Ancient Composite Bow // Journal of Society of Archer-Antiquaries. 1959. Vol. 2. P. 52–74.
838. *Heichelbeim Fr.* Wirtschaftliche Schwankungen der Zeit von Alexander bis Augustus. Jena, 1930.
839. *Heichelbeim Fr.* Wirtschaftsgeschichte des Altertums. Bd. I–II. Leiden, 1938.
840. *Helck W.* Altägyptische Aktenkunde des 3. und 2. Jahrtausends v. Chr. München: Deutscher Kunstverlag, 1974.
841. *Helleiner K.F.* Population movement and agrarian depression in the later middle ages // The Canadian Journal of Economical and Political Science. 1943. Vol. XV. № 3. P. 368–377.
842. *Helleiner K.F.* Population movement and agrarian depression in the later middle ages // The Canadian Journal of Economical and Political Science. 1943. Vol. XV. № 3. P. 368–377.
843. *Hervey A.* Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
844. *Hignett Ch.* Xerxes invasion in Greece. Oxford: Clarendon Press, 1963.
845. *Hillenbrand C.* Malazgird // The Encyclopedia of Islam. Online edition // encislam.brill.nl
846. Histoire economique et sociale de la France. 4 t./ dirigée par Fernand Braudel et Ernest Labrousse. Paris: Presses Universitaires de France, 1970. P. 76.
847. *Ho Ping-ti.* Studies on the population of China, 1368–1953 // Ping-ti Ho. Harvard U.P.; Oxford U.P, 1959.
848. *Huang P.C.C.* Development or Involution in Eighteenth-Century Britain and China? // The Journal of Asian Studies. 2002. Vol. 61. P. 501–538.
849. *Husaini S.A.Q.* The Economic History of India. Calcutta: Eastern Publishers, 1962. 2 vol.
850. *Inalcik H.* Mehmed II // The Encyclopedia of Islam. Online edition // <http://encislam.brill.nl>
851. *Inalcik H.* Military and Fiscal Transformation in the Ottoman Empire, 1600–1700 // Archivum Ottomanicum. 1980. № 6. P. 283–337.
852. *Inalcik H.* The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600 // An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1913 /Ed. by Halil Inalcik with Donald Quataert. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 9–410.
853. *Inalcik H.* The Socio-Political Effects of the Diffusion of Firearms in the Middle East // Parry V.J. and Yapp M.E. (eds.). War, Technology and Society in the Middle East. London, 1975. P. 195–217.
854. *Islamoglu H., Faroqhi S.* Crop Patterns and Agriculture Production Trend in Sixteenth Century Anatolia // Review. Binghampton, 1979. Vol. II. № 3. P. 401–436.

855. *Jennings E.* Urban Population in Anatolia in the Sixteenth Century: A Study of Kayseri, Karaman, Amasya, Trablon and Erzerum // *International Journal of Middle Eastern Studies*. 1976. Vol. 7. № 1. P. 21–57.
856. *Johnson A.Ch.* Egypt and the Roman Empire. Ann Arbor, 1951.
857. *Johnson A.Ch.* Roman Egypt to the Reign of Diocletian. Baltimore, 1936.
858. *Johnson A.Ch., West L.C.* Byzantine Egypt: economic studies. Princeton, 1949.
859. *Juvayni Ala'uddin.* The History of World Conqueror. Cambridge; Mass.: Harvard University Press, 1958. 2 vol.
860. *Kelter E.* Das deutsche Wirtschaftsleben des 14. und 15. Jahrhunderts im Schatten der Pestepidemien // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. 1953. Bd. CLXV. S. 161–208.
861. *Kennedy H.* Egypt as a province in the Islamic caliphate, 641–868 // *The Cambridge history of Egypt*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 61–86.
862. *Khan I.A.* Origin and Development of Gunpowder Technology in India: A.D. 1250–1500 // *The Indian Historical Review*. 1977. Vol. IV. № 1. P. 20–29.
863. *Kienitz F.K.* Die saitsche Renaissance // *Fischer Weltgeschichte*. Bd. 4. 1967. S. 256–282.
864. *Kirby E.* Introduction to the Economic History of China. London: Allen & Unwin, 1954.
865. *Klapisch-Zuber C.* Plague and family life // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. VI. C. 1300 / Ed. by Michael Jones. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 124–153.
866. *Koc Y.* The Structure of the Population of the Ottoman Empire (1300–1900) // *The Great Ottoman-Turkish Civilization*. Vol. 2: Economy and society. Ankara: Yeni Türkiye, 2000. P. 254–321.
867. *Komlos J., Nefedov S.* Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth // *Historical Methods*. 2002. Vol. 35. № 2. P. 92–94.
868. *Korotaev A., Kbaltourina D.* Introduction to social mackrodynamics. Moscow: URSS, 2006.
869. *Kramers J.H.* Murad II // *The Encyclopedia of Islam*. Online edition // <http://encislam.brill.nl>
870. *Kwanten L.* Imperial nomads: A history of Central Asia, 500–1500. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1979.
871. *Labrousse C.-E.* Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siecle. Paris, 1933.
872. *Ladurie Le Roy E.* De Waterloo à Colyton: histoire, démographie et sociétés // *Le Roy Ladurie E.* Le Territoire de l'historien. P., 1973. P. 301–311.
873. *Ladurie Le Roy E.* L'histoire immobile // *Annales E. S. G.* 1974. № 3. P. 673–692.
874. *Laiou A.* The Human Resources // *The Economic History of Byzantine*. Dumbarton Oaks, 2002. P. 46–55.
875. *Lal K.S.* History of the Khaljis (1290–1320). London: Asia Pub. House, 1967.
876. *Latham J.D., Paterson W.F.* Archery in the lands of Eastern Islam // *Islamic Arms and Armor* / Ed. R... Elgood. London: Scholar Press, 1979. P. 78–88.
877. *Laufner B.* Chinese Clay Figures. Part I. Prolegomena on the History of Defensive Armor. N. Y.: Kraus Reprint Corp., 1967. P. 73–325.
878. *Lavelly W., Wong R.B.* Revising the Malthusian Narrative: The Comparative Study of Population Dynamics in Late Imperial China // *The Journal of Asian Studies*. 1998. Vol. 57. P. 714–748.
879. *Le Roy Ladurie E.* Histoire du climat depuis l'an mil. Paris: Flammarion, 1967.
880. *Le Roy Ladurie E.* Les Paysans de Languedoc. Vol. 1. Paris: S.E.V.P.E.N., 1966.
881. *Le Roy Ladurie E.* Les Paysans de Languedoc. Vol. 2. Annexes, sources, graphiques. Paris: S.E.V.P.E.N., 1966. P. 749–1035.
882. *Lee J.S.* The periodic recurrence of internecine wars in China // *The China Journal*. 1931. № 3, 4.
883. *Lee Mabel Ping-hua.* The Economic History of China. N. Y.: Columbia university, 1921.

884. *Lee R.* Econometric Studies of Topics in Demographic History. N. Y.: Arno Press, 1978.
885. *Lefort J.* The Rural Economy, Seventh–Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. P. 232–310.
886. *Lhagvasuren G.* The stele of Chinggis Khan // http://www.atarn.org/mongolian/mongol_1.htm
887. *Linduff K.* Zhukaigon, Stepp Culture and Rise of Chinese Civilization // Antiquity. 1995. Vol. 69. № 262. P. 133–145.
888. *Littauer M. A.* Early Stirrups // Antiquity, 1981. Vol. LV. № 214. P. 99–105.
889. *Liu P. K., Huang K.* Population Change and Economic Development in Mainland China since 1400 // Modern Chinese economic history: proceedings of the Conference on Modern Chinese Economic History, Academia Sinica, Taipei, Taiwan, Republic of China, August 26–29, 1977 / Ed. by Chi-ming Hou, Tzong-shian Yu. Taipei: Institute of Economics, Academia Sinica, 1977. P. 61–81.
890. *Loer M.* Chinese Bronze Age Weapons. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1956.
891. *Lokkegaard F.* Islamic taxation in the Classic Period. Copenhagen: Branner & Korch, 1950.
892. *Losch A.* Population Cycles as a Cause of Business Cycles // Quarterly Journal of Economics. 1937. Vol. LI. P. 649–662.
893. *Magdalino P.* Medieval Constantinople: Built Environment and Urban Development // The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. P. 529–537.
894. *Malthus T. R.* Principles of political economy: considered with a view to their practical application. [2nd ed., reprinted], N. Y.: Augustus M. Kelley, 1973.
895. *Mann M. E., Jones P. D.* Global surface temperature over the past two millennia // Geophysical Research Letters. 2003. Vol. 30. P. 18–20.
896. *Mann S.* Women, Families, and Gender Relations // The Cambridge History of China. Vol. 9. Part. 1. The Ch'ing Empire to 1800. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 428–472.
897. *Manning J. G.* The Ptolemaic Economy // The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World. Cambridge: Cambridge University Press, 2006 // <http://www.delta.ens.fr/chamley/00.seminar/1.egypt/Manning04.pdf>
898. *Martin H. D.* The Rise of Chigis Khan and His Conquest of North China. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1950.
899. *Martin P.* Paleolithic hunters and faunal extinction // IX Intern. Congr. of Anthr. and Ethn. Sciences. Chicago, 1973.
900. *Maynard Smith J., Slatkin M.* The stability of the predator-prey systems // Ecology. 1973. Vol. 54. P. 384–391.
901. *Mayrhofer M.* Die Indo-Arier im alten Vorderasien. Wiesbaden; Harrassowitz, 1966.
902. *McEvery C., Jones R.* Atlas of World population history. N. Y.: Penguin, 1979.
903. *McGoven B.* The Age of the Ayas // An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 637–758.
904. *McLeod W.* The Range of the Ancient Bow // Phoenix. 1965. Vol. 19. № 1. P. 1–14.
905. *McNeill W.* The pursuit of power: technology, armed force, and society since A.D. 1000. Oxford: Blackwell, 1983.
906. *Meadows D. L.* The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. London: Earth Island, 1972.
907. *Meissner B.* Babylonien und Assyrien. Bd. I, II. Heidelberg, 1920, 1925.
908. *Meuvret J.* Etudes d'histoire economique. Paris: A. Colin, 1971.
909. *Meuvret J.* Les Crises de subsistances et la demographie d'Ancien Regime // Population. 1946. № 4. P. 643–650.
910. Military revolution and the state. 1500–1800 / Ed. by M. Duffy. Exeter: University of Exeter, 1980.
911. *Miller R., McEwen E., Bergman C.* Experimental approaches to ancient Near Eastern archery // World Archaeology. 1986. Vol. 18. № 2. P. 178–195.

912. *Mollat M., Postan M., Jobansen P., Saponi A., Verlinden Cb.* L'Economie Europeenne aux deux derniers siecles du Moyen age // Relazioni del X Congresso internazionale di scienza storiche. Vol. III. Storia del Medioevo. 1955.
913. *Moosvi Sb.* Note on Professor Alan Heston's «The standard of living in the Akbar's time: A comment» // Indian economic and social history review. 1977. Vol. 14. № 3. P. 392–401.
914. *Moosvi Sb.* The Economy of the Mungal Empire c. 1595: a Statistical Study. Delhi; N. Y.: Oxford University Press, 1987.
915. *Morrison C., Cheynet J.-C.* Prices and Wages in the Byzantine World // The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. P. 799–863.
916. *Morrison C.* Byzantine Money: Its Production and Circulation. The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. P. 898–945.
917. *Mote F. W.* Imperial China 900–1800. Cambridge; MA: Harvard University Press, 1999. P. 745.
918. *Mousnier R.* Les XVIe et XVIIe siecles. Les progres de la civilisation eupopeenne et la declin de l'Orient (1492–1715). Paris, 1953.
919. *Murdock G. P.* Atlas of World Culture. Pittsburgh, 1981.
920. *Murdock G. P., Wilson S. F.* Settlement Patterns and Community Organization. Cross-Cultural Codes 3 // Ethnology. 1972. Vol. 11. № 3. P. 254–295.
921. *Nagel W.* Der mesopotamische Streitwagen und seine Entwicklung im ostmediterranean Bereich. Berlin: Hessling, 1966.
922. *Needham J.* Science and Civilization in China. Cambridge: Cambridge University Press, 1956. 7 vol.
923. *Needham J.* Gunpowder as the fourth power, east and west: first East Asian History of Science. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1985.
924. *Nefedov S.* A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // Chinese Journal of Population Science. 2003. № 3. P. 48–53 (на кит. яз.).
925. *Nefedov S. A.* A model of demographic cycles in a traditional society // Social Evolution & History. 2004. Vol. 3. № 1. P. 69–80.
926. *Oelsner J.* Krisenerscheinungen im Achaimenidenreich im 5. und 4. Jahrhundert v. u. Z. // Hellenshe Poles. Bd. 3. B., 1973. S. 1041–1073.
927. *Osada Toshiki.* Did the Aryan invasions happen?: In the rise of the Hindu nationalism: Linguistical, archaeological and Indological reexamination // Нихон кэнкю: = Bull. of Intern. research center for Japanese studies. Киото, 2001. № 23. С. 179–226.
928. *Ostrogorsky G.* Lohne and Preise im Byzanz // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 32. P. 291–337.
929. *Ostrogorsky G.* Agrarian condition in the Byzantine Empire in the Middle Ages // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 1966. P. 205–235.
930. *Özmutur S., Pamuk S.* Real Wages and Standards of Living in the Ottoman Empire, 1489–1914 // The Journal of Economic History. 2002. Vol. 62. № 2. P. 293–321.
931. Cambridge Economic History of Europe. Vol. IV. The economy of expending Europe in the 16th and 17th centuries / Ed. by E. E. Rich, E. H. Wilson. London; N. Y., 1967.
932. Cambridge History of Islam / Ed. P. M. Holt, Ann K. S. Lambton, and Bernard Lewis. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 2 vol.
933. Chinese Ways in Warfare / Eds. Kierman F., Fairbanks J. Cambridge; Mass.: Harvard University Press, 1974.
934. *Dupuy T. N.* The Evolution of Weapons and Warfare. N. Y.: Da Capo Press, 1990.
935. Early State / Eds. H. J. M. Classen, P. Skalnik. The Hague: Mouton, 1978.
936. *Ferrill A.* The Origins of War from the Stone Age to Alexander the Great. N. Y.: Thames and Hudson, 1985.
937. *Gardiner A.* Egypt of the Pharaohs. Oxford: Clarendon Press, 1961.
938. *Gentet D., Maucourant J.* Some Reflections on Price Formation and Price Fluctuation in the Case Egypt at the End of the Second Millennium B. C. // <http://thorstein.veblen.free.fr/documents/JM9201.pdf>

939. *Ghirshman R.* Iran: Parthians and Sassanians. London: Thames and Hudson, 1962.
940. Great Ottoman-Turkish Civilization / Ed. Halil Inalcik. Ankara: Yeni Türkiye, 2000. 4 vol.
941. History of the Ottoman State, Society & Civilisation / Ed. Ekmeleddin Ihsanoglu. Istanbul: Research Center for Islamic History, Art and Culture, 2001. 2 vol.
942. *Hourani A.* A History of the Arab Peoples. N. Y.: MJF Books, 1997.
943. *Kramer S.N.* The Sumerians: their history, culture, and character. Chicago: University of Chicago Press, 1963.
944. *Kunt I.M.* Suftan, Dynasty and State in the Ottoman Empire: Political Institutions in the Sixteenth Century // The Medieval History Journal. 2003. Vol. 6. № 2. P. 217–230.
945. *Kwanten L.* Imperial Nomads: A History of Central Asia, 500–1500. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1979.
946. New Cambridge Medieval History. Cambridge: Cambridge University Press, 1990–2000. 6 vol.
947. *Olmstead A.T.* History of Assyria. Chicago: University of Chicago Press, 1960.
948. *Olmstead A.T.* History of the Persian Empire. Chicago: University of Chicago Press, 1948.
949. *Pamuk S.* Datasets Prices and Wages in Istanbul. Istanbul, 2001 // <http://www.iisg.nl/hpw/data.html#ottoman>
950. *Panzac D.* Wabş // The Encyclopedia of Islam. Online edition // <http://encislam.brill.nl>
951. *Parker G.* The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 1996.
952. *Parrot A.* Assur. Paris: Gallimard, 1969.
953. *Parry V.J.* A History of the Ottoman Empire to 1730. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 1976.
954. *Parry V.J.* Barud // The Encyclopedia of Islam. Online edition // <http://encislam.brill.nl>
955. *Paterson W.F.* The Archers of Islam // Journal of the Economic and Social History of the Orient 1966. Vol. 9. P. 69–87.
956. *Pearl R.* The Introduction to Medical Biometry and Statistics. Philadelphia: W.B. Saunders company, 1930.
957. *Pearl R.* The Natural History of Population. Oxford; London: Oxford University Press, 1939.
958. *Perroy E.* A l'origine d'une economie contractee: Les crises du XIV-e sieecle // Annales. Economies, Societes, Civilisations. 1949. Vol. IX. № 2. P. 145–185.
959. *Ping-ti Ho.* Studies on the Population of China, 1368–1953. Cambridge: Cambridge University Press, 1959.
960. Population Growth: Anthropological Implications / Ed. by Brian Spooner. Cambridge: MIT Press, 1972.
961. Population in History: essays in historical demography / Ed. D.V. Glass, D.E. Eversley. London: Edward Arnold, 1965.
962. *Post J.D.* A study in meteorological and trade cycles history // Journal of Economic History. 1973. Vol. 33. № 2. P. 315–349.
963. *Postan M.* Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy. London: Cambridge University Press, 1973.
964. *Postan M.* Revision in Economic History: the fifteenth century // The Economic History Review. 1939. Vol. 9. № 2. P. 160–167.
965. *Postan M.* Same economic evidence of declining population in the later middle ages // The Economic History Review. Ser. 2. 1950. Vol. 2. № 3. P. 221–246.
966. *Postan M.* The medieval economy and society: an economic history of Britain in the Middle Ages. London: Weidenfeld and Nicolson, 1972.
967. *Pulleyblank E.* Early Contact between Indo-Turopeans and Chinese // International Review of Chinese Linguistics. 1996. Vol. 1. № 1. P. 1–24.
968. *Quataert D.* The Age of Reforms, 1812–1914 // An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 759–948.

969. *Rassell J. C.* Demographic Pattern in History // Population Studies. 1948. Vol. I. № 4. P. 388–403.
970. *Ratzel F.* Anthropogeographie. Stuttgart: J. Engelhorn's Nachf, 1922. 2 Bd.
971. *Raychaudhuri I.* The Mughal Empire // The Cambridge economic history of India. Vol. I. Cambridge, 1982. P. 173–192.
972. *Rbeidt K.* The Urban Economy of Pergamon // The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. P. 610–630.
973. *Richards J. F.* The seventeenth century crisis in South Asia // Modern Asian studies. 1990. Vol. 23. № 3. P. 625–638.
974. *Roberts M.* Essays in Swedish History. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1967.
975. *Roberts M.* Gustavus Adolphus. A History of Sweden. Vol. 2. 1625–1632. London; N. Y.; Toronto: Longmans, Green, 1958.
976. *Rostovtzeff M.* Ptolemaic Egypt // The Cambridge Ancient History. Vol. VII. L.: Cambridge University Press, 1928. P. 109–154.
977. *Rostovtzeff M.* The social economic history of the Hellenistic world. Vol. I–III. Oxford, 1941.
978. *Şabin C.* The Rise And Fall of an Ayân Family in Eighteenth Century Anatolia: The Canklâdes (1737–1808) // <http://www.thesis.bilkent.edu.tr/0002279.pdf>.
979. *Salmarsb J.* Plague and economic decline in England in the later middle ages // Cambridge Historical Journal. 1941. № 1. P. 23–41.
980. *Sanders P.* The Fatimid State, 969–1171 // The Cambridge history of Egypt. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 151–175.
981. *Schaedel H. D.* Die Listen des drossen Papurus Harris. Gluckstadt; Hamburg; N. Y.: J. J. Augustin, 1936.
982. *Schreiner J.* Wages and Prices in England in the Later Middle Ages // The Scandinavian Economic History Review. 1954. Vol. 2. № 2. P. 61–73.
983. *Schurmann H. F.* Mongolian Tributary Practice of the Thirteenth Century // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956. Vol. 19. P. 304–389.
984. *Service E. R.* Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. N. Y., 1975.
985. *Shabbâzi A.* Sasanian Army // http://www.cais-soas.com/sasanian_army.htm
986. *Shabbâzi A. Sh.* Parthian Army // <http://www.cais-soas.com/History/ashkanian/parthian.htm>
987. *Skocpol T.* States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia, and China. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1979.
988. *Slicher van Bath B. H.* The agrarian history of Western Europe A.D. 500–1850. L., 1963.
989. *Smith J. M.* Mongol and Nomadic Taxation // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1970. Vol. 30. P. 46–83.
990. *Smith J. M.* Mongol Manpower and Persian Population // Journal of Economy and Social History. Leiden, 1975. Vol. 18. Part. 3. P. 271–299.
991. *Snodgrass A. M.* Early Iron in the Mediterranean // The Coming of the Age of Iron. New Haven, 1980. P. 335–374.
992. *Spek R. J.* van der. Commodity Prices in Babylon // <http://www.iisg.nl/hpw/babylonia.xls>
993. *Sprenkel O. B. van der.* Population statistics in Ming China // Bulletin of the school of Oriental and African Studies. 1953. Vol. XV. Pt. 2. P. 280–297.
994. *Steensgaard N.* The seventeenth century crisis and the unity of Eurasian history // Modern Asian studies. 1990. Vol. 24. № 4. P. 683–697.
995. *Stolper M.* Entrepreneurs and empire: the Muraşû Archive, the Muraşû Firm, and Persian rule in Babylonia. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul, 1985.
996. *Szabó C.* A Brief Historical Overview of Hungarian Archery // http://www.atarn.org/magyar/magyar_1.htm

997. *Teall L.* The Grain Supply of the Byzantine Empire. 330–1025 // *Dubarton Qaks Paper*. 1959. Vol. 13. P. 89–139.
998. *Thieme P.* The 'Aryan Gods' of the Mitanni Treaties // *Journal of the American Oriental Society*. 1960. Vol. 80. P. 301–317.
999. *Treadgold W.* History of the Byzantine State and Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
1000. *Tsirel S. V.* On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population // *Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics*. Moscow: Russian State Social University, 2004. P. 367–369.
1001. *Tuden A., Marshall C.* Political Organization. Cross-Cultural Codes 4 // *Ethnology*. 1972. Vol. 11. № 4. P. 436–464.
1002. *Turchin P.* Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States // *Journal of Anthropological and Related Sciences*. 2005. № 1.
1003. *Turchin P., Hall T.* Spatial Synchrony Among and Within World-Systems: Insights from Theoretical Ecology // *Journal of World-System Research*. 2003. Vol. IX. № 1. P. 37–63.
1004. *Turchin P.* Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton; Oxford: Princeton university press, 2003.
1005. *Utterstrom G.* Climatic Fluctuations and Population Problems in Early Modern History // *Scandinavian Economic History Review*. 1955. Vol. 3. P. 30–47.
1006. *Vasary I.* The Origin of the Institution of Basqaqs // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1978. Vol. 32. P. 195–210.
1007. *Wallerstein I.* The Modern World-System. N. Y.: Academic Press, 1974, 1989. 3 vols.
1008. *White L.* Medieval Technology and Social Change. Oxford, Clarendon Press, 1962.
1009. *Wilkinson E. P.* Studies in Chinese Price History. N. Y.: Garland Pub., 1980.
1010. *Will P. E.* Developpement quantitatif et developpement qualitatif en Chine a la fin de l'epoque imperiale // *Annales: Histoire, sciences sociales*. 1994. A. 49. № 4. P. 871–872.
1011. *Wittfogel E. A.* Oriental Despotism. A comparative study of total power. New Haven, 1957.
1012. *Yadin Y.* The Art of Warfare in Biblical Lands in Light of Archaeological Study. N. Y.: McGraw-Hill, 1963.
1013. *Zachariadou E.* The Ottoman World // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. VII. Cambridge, 2000. P. 812–830.

Оглавление

Глава 1. Факторы исторического процесса.....	5
1.1. Движущие силы истории	5
1.2. Роль демографического фактора. Демографически-структурная теория	6
1.3. Роль технологического фактора. Теория военной революции	14
1.4. Роль фактора внешних влияний. Диффузионизм	19
1.5. Формирование земледельческого общества	24
1.6. Формирование кочевого общества	29
1.7. Взаимодействие земледельцев и кочевников	35
1.8. Трехфакторная модель исторического процесса	40
Глава 2. Эпоха пеших лучников.....	44
2.1. Древний Шумер.....	44
2.2. Первая военная революция: создание семитского лука	50
2.3. Империя Саргонидов	53
2.4. Шумер при III династии Ура.....	55
2.5. Старовавилонский период.....	59
2.6. Египет в эпоху Раннего и Древнего царства	69
2.7. Среднее царство в Египте	73
Глава 3. Эпоха боевых колесниц	80
3.1. Создание боевой колесницы	80
3.2. Вавилония в XV–VIII веках до н. э.	84
3.3. Ассирия в XV–XI веках до н. э.	90
3.4. Ассирия в X — середине VIII века до н. э.	93
3.5. Египет в эпоху Нового царства	96
3.6. Ливийский период в Египте.....	105
3.7. Китай в эпохи Шан и Чжоу	108
Глава 4. Начало железного века	116
4.1. Появление железного оружия	116
4.2. Новоассирийская держава	118
4.3. Нововавилонский период	121
4.4. Саисский период в Египте	128
4.5. Китай в эпоху «сражающихся царств»	131
Глава 5. Кавалерийская революция	137
5.1. Освоение всадничества	137
5.2. Персидская держава	141
5.3. Персидский период в Египте	150
5.4. Империя Цинь в Китае	152

Глава 6. Эпоха тяжелой пехоты	157
6.1. Рождение фаланги	157
6.2. Селевкидский период на Ближнем Востоке	159
6.3. Египет при Птолемах	164
6.4. Египет в составе Римской империи	173
6.5. Византийский Египет	181
Глава 7. Эпоха конных лучников	189
7.1. Появление гуннского лука	189
7.2. Китай при династии Старшая Хань	191
7.3. Китай в I–III веках	197
7.4. Появление катафрактов	207
7.5. Парфянский период в Иране	209
7.6. Иран при Сасанидах	212
Глава 8. Эпоха Халифата	220
8.1. Ислам как новое оружие	220
8.2. Период халифата Омейядов	222
8.3. Первый цикл эпохи Аббасидов	231
8.4. Египет в период Халифата	235
Глава 9. Рождение тяжелой кавалерии	241
9.1. Появление стремян	241
9.2. Китай в IV–V веках	244
9.3. Китай в эпоху династии Суй	247
9.4. Первый демографический цикл эпохи Тан	250
9.5. Второй демографический цикл эпохи Тан	255
9.6. Китай в эпоху Сун	259
9.7. Империя Цзинь	266
9.8. Индия в I тысячелетии н. э.	274
9.9. Распад Арабского халифата	277
9.10. Ирак в период правления Буидов	286
9.11. Иран при Саманидах и Газневидах	290
9.12. Египет при Тулунидах	296
9.13. Египет при Фатимидах	301
9.14. Первый византийский цикл	306
Глава 10. Эпоха сабли	328
10.1. Появление сабли	328
10.2. Держава Сельджуков	330
10.3. Ирак в середине XII — середине XIII века	335
10.4. Тюрки в Малой Азии	338
10.5. Мусульманское завоевание Индии	342
10.6. Египет в XII веке	344
10.7. Период Комнинов в Византии	351

Глава 11. Эпоха монгольского лука.....	362
11.1. Появление монгольского лука	362
11.2. Создание Монгольской империи	371
11.3. Иран под властью монголов.....	376
11.4. Иран в XV веке	386
11.5. Малая Азия между двумя монгольскими нашествиями.....	389
11.6. Египет при тюркских мамлюках.....	398
11.7. Египет при черкесских мамлюках.....	402
11.8. Делийский султанат в эпоху монгольских нашествий.....	407
11.9. Хиндустан в конце XIV — первой половине XVI века	412
11.10. История Гуджарата.....	416
11.11. Китай под властью монголов	421
Глава 12. Эпоха «пороховых империй»	432
12.1. «Пороховая революция»	432
12.2. Формирование Османской империи.....	437
12.3. Первый османский демографический цикл	443
12.4. Османская империя в XVII веке.....	455
12.5. Второй османский цикл	463
12.6. Эпоха Сефевидов в Иране	476
12.7. Эпоха империи Великих Моголов.....	492
12.8. Китай в эпоху Мин.....	504
12.9. Империя Цин	522
Заключение. Исторический процесс в контексте трехфакторной модели	543
Примечания	567
Литература	638

Научное издание

Нефедов Сергей Александрович

**Факторный анализ исторического процесса
Исторический опыт традиционных обществ Востока**

Корректор: Иванченко С.Ю.
Компьютерная верстка: Крылов К.А.
Группа допечатной подготовки изданий:
Зеленцов П.О.
Иванова М.В.
Исакова Т.В.
Коновалова Т.Ю.

Подписано в печать 25.07.2018. Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 42,25. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»
(общество с ограниченной ответственностью),
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «Профи-сертификат».

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»,
адрес: 109316, г. Москва, Волгоградский просп., 42, корп. 5,
телефон: +7 499 322 3832

**По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:**

телефоны: +7 495 305 3702, +7 495 305 6092,
факс: +7 495 305 6088,
e-mail: info@aproject.ru, zakaz@aproject.ru,
интернет-магазин: www.academ-pro.ru.